Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884

5.

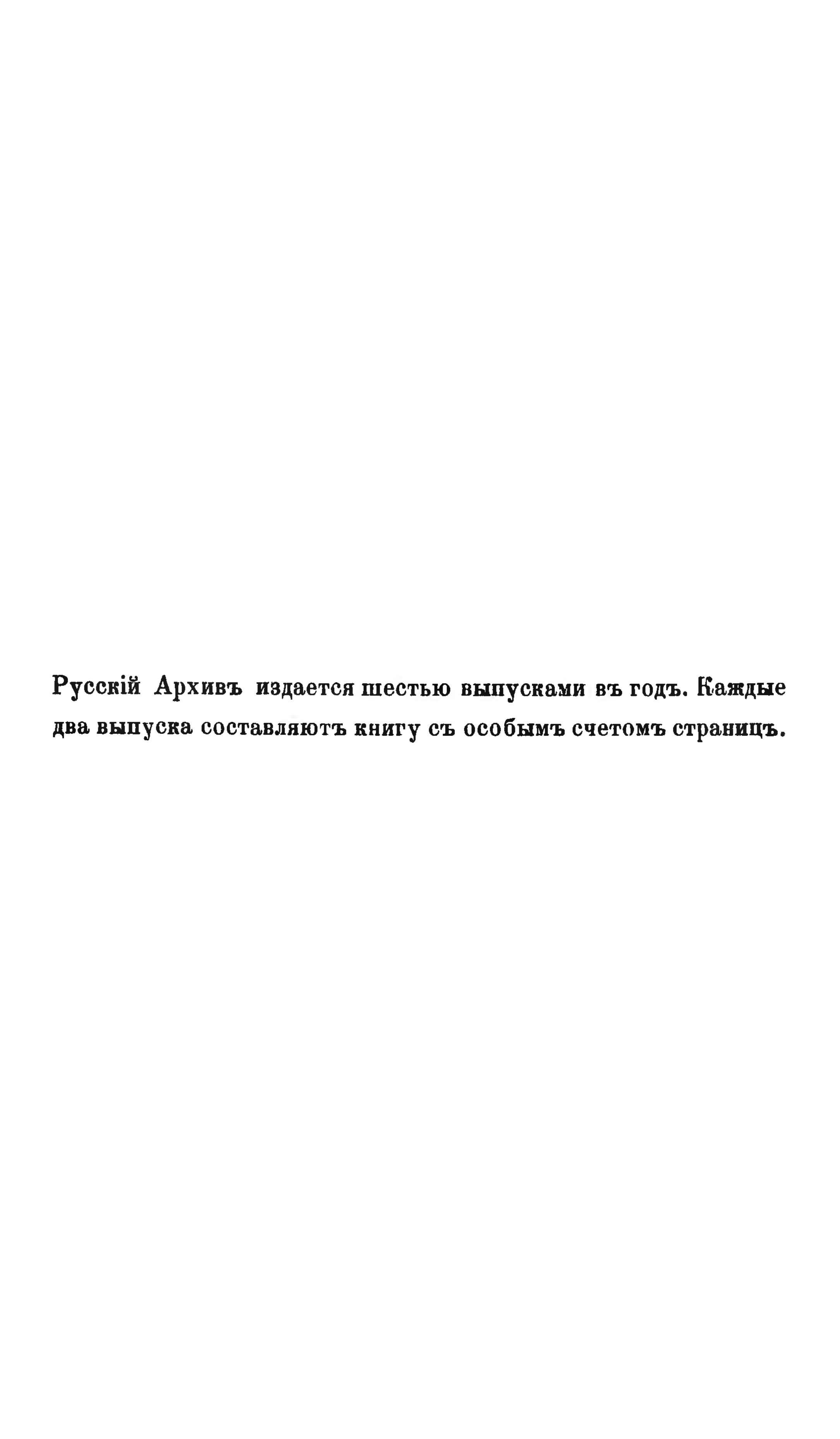
Москва, 1884. Въ Университ. типогр. (М. Катковъ), на Страстн. бульв.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884.

3.

Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ книгу съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

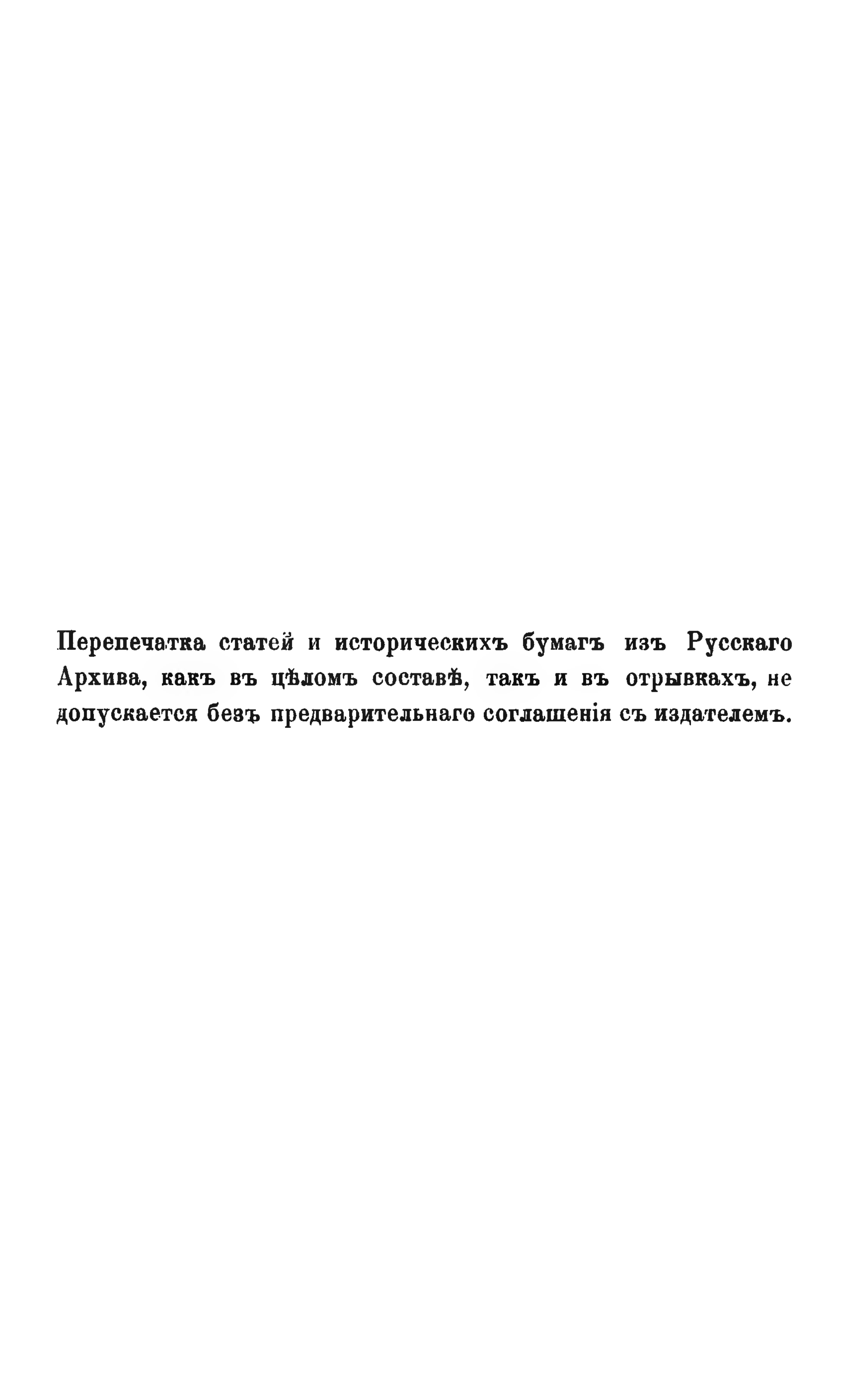
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

ОБОЗРѢНІЕ КІЕВСКОЙ, ПОДОЛЬСКОЙ И ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІЙ СЪ 1838 ПО 1850 ГОДЪ.

Правый берегъ Днѣпра и всѣ земли, простирающіяся на Западъ до Карпатскихъ горъ, издревле населены были южною вѣтвью Русскаго племени, занимавшаго также и лѣвый берегъ этой рѣки до Новороссійскихъ и Донскихъ степей. Съ принятіемъ христіанской вѣры и съ размноженіемъ рода Рюрикова, вся эта страна слилась въ одно цѣлое, долго носившее названіе Руси или земли Русской, и уже въ послѣдствіи, когда внѣшнія обстоятельства разлучили ее съ Русью сѣверною, принявшее названіе Малороссіи. Правый берегъ Днѣпра и все пространство, занимаемое нынѣшними тремя губерніями: Кіевскою, Подольскою и Волынскою, входили въ составъ древнихъ княжествъ Кіевскаго, Владимирскаго и Галицкаго. Въ Кіевѣ въ первый разъ знаменіе креста осѣнило Русскую землю; въ немъ размножилась и изъ него разошлась по разнымъ концамъ многовѣтвистая семья Мономаха; изъ лавры Кіево-Печерской, перваго Русскаго монастыря, вышла большая часть пастырей, занявшихъ новооснованныя каѳедры на отдаленномъ Сѣверѣ; въ Кіевѣ появились первыя Русскія училища, изданы первые наши законы, написана первая наша лѣтопись. Въ немъ зачались наша церковь, наше государственное и общественное устройство, наше просвѣщеніе. Связанный со всею остальною Русью единствомъ происхожденія, вѣры, языка, Кіевъ, по всѣмъ правамъ, имѣлъ значеніе *стольнаго* города, и вся окрестная страна, которой онъ былъ средоточіемъ, находилась въ постоянномъ, живомъ общеніи съ остальною Русью.

Но, можетъ быть, самое положеніе Кіева, не въ средоточіи, а на Югѣ Россіи, не позволило ему удержать за собой это первенство. На Сѣверѣ и Сѣверо-востокѣ отъ него образовались новыя княжества, независимыя отъ него, и новые политическіе центры.

Вслѣдъ за тѣмъ нашествіе Монголовъ, отъ котораго южная Россія въ особенности пострадала, обезсилило ее и разлучило съ сѣвер-

ною Русью. Этимъ было подготовлено владычество Литвы. Поставленная между двумя сильными государствами, Польскимъ и Московскимъ, Литва склонилась къ первому, потомъ слилась съ нимъ окончательно, и такимъ образомъ, черезъ Литву, проложена была дорога владычеству Польскому. Оно было тягостно для Малороссіи и ознаменовано всѣми видами насилія, вопреки заключеннымъ условіямъ и торжественнымъ обѣщаніямъ въ обезпеченіе Православной вѣры и Русской народности. Польша, въ то время уже сдѣлавшаяся игралищемъ могущественной аристократіи и покорнымъ орудіемъ іезуитовъ, казалось, только и сохраняла силы для угнетенія Русскихъ. Всѣ средства были употреблены противъ нихъ.

Унія, беззаконное сочетаніе правды съ ложью, была придумана для облегченія отступничества и, какъ перекинутый мостъ, служила привлеченіемъ Православныхъ въ Римскую церковь. Коренныя помѣстья и высшія должности розданы были Польскимъ магнатамъ, перебравшимся въ Малороссію съ толпою бездомной шляхты и промышленниковъ-Жидовъ. Польскіе законы и Польскій языкъ введены были въ употребленіе и сдѣлались господствующими. Всевозможные соблазны, какъ то предоставленіе политическихъ правъ, гражданскихъ преимуществъ и почестей, были употреблены для того, чтобы склонять Русскихъ, принадлежавшихъ къ высшему сословію, пристать къ Полякамъ и измѣнить своей вѣрѣ и своему народу. На бѣду, происки Поляковъ удались: древнѣйшія и знатнѣйшія фамиліи Русскихъ помѣщиковъ и служилыхъ людей подчинились соблазну аристократическаго первенства, и мало по малу, отдѣлившись отъ меньшей своей братьи, сдѣлались злѣйшими ея гонителями [1]). Только немногіе изъ нихъ предпочли угнетеніе и презрѣніе. Но духовенство и народъ остались вѣрными своей Церкви и преданіямъ отцовъ своихъ, и за то обрушились на нихъ вся ненависть, все презрѣніе и всѣ угнетенія, какія только могли придумать Польскіе магнаты и католическіе ксендзы. Жиды

---

[1]) Въ числѣ ревнителей Православной церкви упоминаются въ Духовной митрополита Петра Могилы *Огинскій* и князь *Четвертинскій*. Одинъ изъ членовъ послѣдней фамиліи былъ Православнымъ епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ. Въ синодикахъ нашихъ церквей и въ спискахъ членовъ Луцкаго братства упоминаются: *Проскуры, Чернецкіе, Радзивилы, Сангушки, Тишкевичи, Яблоновскіе* и другія нынѣ такъ называемыя Польскія фамиліи. (Акты изданные временною коммиссіею, т. 1, № VIII, XXIV, т. 2. № I, XII). Многіе, въ эпоху гоненій и отступничествъ умышленно переиначили свои Русскія фамильныя прозванія на Польскій ладъ и вышли: изъ Чаплина, Ходуна, Бурки—Чаплинскій, Ходынскій, Бурковскій и т. п. (Лѣтопись Георгія Конисскаго).

впились въ беззащитный народъ, отданный имъ въ жертву своекорыстнымъ и неразсчетливымъ дворянствомъ. Они управляли поселянами въ качествѣ арендаторовъ, съ правомъ смертнаго суда, снимали на откупъ немногія уцѣлѣвшія Православныя церкви, оскверняя своимъ прикосновеніемъ христіанскія требы [2]); а кто осмѣливался противиться этимъ оскорбленіямъ или только напоминать о подтвержденныхъ условіяхъ, тотъ обрекалъ себя на мученическую смерть [3]).

Частныя возстанія, проявленія народной мести и славные подвиги козачества доказывали однако, что народный духъ не погибъ, а, можетъ быть, еще окрѣпнулъ среди ниспосланныхъ испытаній [4]).

Въ XVII вѣкѣ участь Малороссіи измѣнилась. Лѣвый берегъ Днѣпра свергнулъ съ себя владычество Польши и соединился съ единовѣрною Москвою, подъ владычествомъ одного государя; но правый берегъ еще долго страдалъ подъ чужеземнымъ игомъ и до самыхъ временъ Барской конфедераціи наводилъ страхъ на Польшу кровавыми возстаніями. Наконецъ, и для него пробилъ часъ избавленія. Въ 1793 году [5]) древнее достояніе наше присоединено Екатериною II-ю къ

---

[2]) Въ памятникахъ, изданныхъ временною Кіевскою коммиссіею т. I, № IX, X, XI, упоминается объ отдачѣ Жидамъ, въ арендное содержаніе или подъ залогъ, Православныхъ церквей на ряду съ шинками, рыбными ловлями и другими доходными статьями. Тутъ же и о правѣ смертной казни надъ крестьянами. Въ лѣтописи Георгія Конисскаго находятся подробныя извѣстія о томъ, какъ обращались Жиды съ церквами и Православными, извѣстія подтверждаемыя указанными актами.

[3]) Какъ напримѣръ Конисскій, который былъ замуровленъ живой въ стѣнѣ, въ Брестѣ, какъ Наливайко и три депутата, посланные въ Варшаву на сеймъ, которыхъ зажарили въ мѣдномъ быкѣ, не говоря о другихъ менѣе извѣстныхъ, которые гибли сотнями и тысячами.

[4]) Въ то время, какъ казаки силою оружія отстаивали свою вѣру и свои права, Православное духовенство трудилось неутомимо для огражденія чистоты церковнаго ученія. Почти безъ всякихъ средствъ, при постоянномъ противодѣйствіи іезуитовъ и уніатовъ, оно успѣло основать нѣсколько *братствъ*, имѣвшихъ цѣлію поддержаніе вѣры, нѣсколько монастырей, академію, училища, типографіи, издать множество книгъ для обличенія уніатовъ и католиковъ. Угрожавшая опасность и самое отсутствіе всякой иной власти кромѣ увѣщанія воспламеняли чистую ревность пастырей, которымъ помогалъ, приношеніями посильными на всѣ благія предпріятія ихъ, угнетенный и до нищеты доведенный народъ. (Лѣтопись Конисскаго, акты относящіеся до братствъ Луцкаго и Кіевскаго, исторія Кіевской Академіи Макарія).

[5]) Манифестъ объявленный по Высочайшему повелѣнію генералъ-аншефомъ Кречетниковымъ 27 Марта 1793 года. Трактатъ заключенный въ Гроднѣ между Императрицею Всероссійскою и королемъ и Рѣчью Посполитою Польскими Іюля 11 (22) 1793 г.

Россійской имперіи. Но долженствовало еще пройти многимъ годамъ, прежде чѣмъ этотъ край слился вполнѣ съ Россіею.

Къ достиженію этой цѣли направлена была мысль Екатерины: образованіе всего края, по общимъ учрежденіямъ о губерніяхъ, уравненіемъ мѣстнаго дворянства съ кореннымъ Русскимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, введеніемъ общей системы податей и повинностей, Русскихъ законовъ и Русскаго языка, учрежденіемъ строгаго надзора за Латинскимъ духовенствомъ [6]). До половины совершено было необходимое дѣло. Но оно было пріостановлено позднѣйшими мѣрами: возстановленіемъ законовъ и учрежденій бывшей Польши, при новомъ образованіи возвращенныхъ отъ нея губерній [7]), введеніемъ вновь Польскаго языка [8]), назначеніемъ Поляковъ въ высшія должности, передачею въ ихъ руки публичнаго воспитанія [9]). Такимъ образомъ, можно сказать, развитіе края обращено было вспять, по направленію къ Польшѣ, а въ высшихъ сословіяхъ возбуждена была мысль о возможности снова отторгнуть его отъ Россіи. Этой мысли въ особенности благопріятствовали политическіе перевороты, произведенные въ Европѣ Французскою революціею, и самъ Наполеонъ, имѣвшій виды на Польшу и, для своихъ личныхъ цѣлей, основавшій въ 1807 году Варшавское герцогство.

Послѣ низверженія Наполеона, казалось, должны были рушиться надежды Поляковъ; но тогда-то, напротивъ, онѣ быстро подвинулись къ своему осуществленію. Учрежденіе Царства Польскаго, по особому акту Вѣнскаго конгресса [10]), дарованіе ему конституціи, національной арміи и совершенно самостоятельнаго управленія, отдѣлило во всѣхъ отношеніяхъ новооснованное царство отъ Россіи, хотя оно и оставалось подъ общимъ съ нею верховнымъ владычествомъ одного Государя. Но все это, возбуждая надежды, не удовлетворяло Поляковъ, а подстрекало требовать еще бóльшаго, а именно: возстановленія политической самобытности Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Револю-

---

[6]) Указъ генералу Кречетникову 8 Декабря 1792 года. Манифестъ объявленный генералъ-аншефомъ Кречетниковымъ 27 Марта 1793 г., указъ генералъ-губернатору Тутолмину 1 Мая 1795 г. Указы 5 Іюня 1795 г., 24 Марта, 4 Іюля и 22 Сентября 1796 г.

[7]) Указъ 12 Декабря 1796 г., 15 Января и 8 Февраля 1797 г.

[8]) Указъ 11 Сентября 1797 г.

[9]) Попечителемъ во всѣхъ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ былъ Чарторыжскій; при немъ бывшій піаристъ Стройновскій, въ 1803, преобразовалъ Виленскій университетъ, а Чацкій основалъ Кременецкій лицей.

[10]) Мая 28 (Іюня 9) 1815 г.

ція 1830—1831 годовъ была естественнымъ плодомъ предшествовавшихъ событій и общаго настроенія умовъ, а участіе принятое въ ней дворянствомъ губерній Кіевской и въ особенности Подольской и Волынской вполнѣ обнаружили укоренившееся въ этомъ краѣ зло отъ допущеннаго въ немъ преобладанія Польской стихіи и необходимость принять противъ нея рѣшительныя мѣры. Успѣхъ отъ этихъ мѣръ ожидаемый зависѣлъ отъ двухъ условій: яснаго *опредѣленія цѣли* правительства и *неуклоннаго къ ней стремленія*.

«Ввести край сей, силою возвышенія Православія и элементовъ «Русскихъ, въ безразличное единеніе съ Великороссійскими губерні«ями»: такъ опредѣлена была Высочайшею волею цѣль правительства, указанная не только временными пользами края, но коренными его потребностями, цѣль вытекавшая изъ всей его исторіи и заключавшая въ себѣ какъ бы завѣтъ прошедшаго настоящему.

*

Мѣры предложенныя и принятыя въ теченіи 13 лѣтъ (съ 1838 по 1850), по существу самой цѣли, долженствовали быть двухъ родовъ. Первыя, *отрицательныя*, клонились 1) къ пресѣченію сношеній края съ заграничными врагами Россіи и обезпеченію политической безопасности; 2) къ обезсилію сословій, которыя были представителями началъ враждебныхъ: мѣстнаго дворянства, Латинскаго духовенства и Евреевъ; 3) къ уничтоженію преградъ, мѣшавшихъ соединенію края съ Россіею посредствомъ упраздненія слѣдовъ Польскаго владычества въ законахъ и судоустройствѣ, и Польскаго вліянія въ публичномъ воспитаніи.

Мѣры *положительныя*, имѣвшія цѣлью возбужденіе началъ Православныхъ и Русскихъ, клонились 1) къ обезпеченію нашего духовенства и возстановленію достоинства господствующей Церкви въ ея внѣшности; 2) къ обезпеченію сельскаго сословія и дарованію ему возможности самостоятельнаго развитія; 3) къ распространенію вѣрныхъ понятій объ отношеніи края въ Россіи.

Для полнаго обозрѣнія всего совершеннаго въ теченіи 13-ти лѣтъ (1838—1850) необходимо по каждому изъ исчисленныхъ предметовъ разсмотрѣть что̀ было прежде, что̀ сдѣлано, какія обнаружились результаты.

Съ тѣхъ поръ какъ Кіевская, Подольская и Волынская губерніи отошли отъ Польши, и въ особенности съ того времени какъ имъ возвращены были Польскіе законы и учрежденія, высшій слой общества обратился къ исчезнувшей Польшѣ всѣми своими помыслами и надеждами. Мысль объ ея возстановленіи постоянно занимала умы, и всякая попытка къ тому клонившаяся находила въ сихъ губерніяхъ не

только полное сочувствіе, но даже ревностное содѣйствіе. Это видно изъ множества тайныхъ обществъ, которыя, съ одной стороны, связываются почти безъ перерыва съ Барскою конфедераціею, съ другой примыкаютъ къ 1830 году. Побѣжденная въ предѣлахъ Россіи мысль о возстановленіи Польши нашла пріютъ за границею, вмѣстѣ съ эмиграціею, въ то время встрѣченною съ сочувствіемъ, котораго она впослѣдствіи лишилась. Тамъ эта мысль породила нѣсколько партій, расходившихся между собою въ политическихъ убѣжденіяхъ, но признававшихъ вообще, что участь Польши была неразлучна съ участью Римской церкви и потому *кто не католикъ, тотъ не Полякъ.*

Мало по малу, послѣ того какъ надежда на защиту западныхъ державъ оказалась мечтою, Польскіе эмигранты дошли до сознанія причины своего безсилія и поняли, что ихъ интересы не были никогда дѣломъ народнымъ. Это убѣжденіе подало поводъ къ возникновенію новой партіи, демократической, несравненно болѣе опасной чѣмъ всѣ остальныя; ибо цѣлью ея было провести революціонное начало въ народъ, дотолѣ къ нему равнодушный, растравить всѣ страсти, всѣ неудовольствія и, совокупивъ ихъ вмѣстѣ, произвести возстаніе всѣхъ сословій *). Таково было направленіе новѣйшихъ обществъ: *Вѣры, Надежды и Любви, Балагуловъ,* имѣвшаго цѣлію сближеніе съ народомъ въ привычкахъ и образѣ жизни, и наконецъ основаннаго Конарскимъ общества *Союза Польскаго народа.* По плану сего послѣдняго составилось до 13 подобныхъ союзовъ въ разныхъ мѣстахъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, въ томъ числѣ въ университетѣ Св. Владиміра, въ Луцкой семинаріи и одно женское. Другія вѣтви этой обширной ассоціаціи простирались до Варшавы, Львова, Дерпта и Одессы, чрезъ которую пересылались за границу капиталы заговорщиковъ и приходили къ намъ зажигательныя изданія, быстро распространявшіяся въ краѣ. Но особенно важнымъ орудіемъ для осуществленія этихъ замысловъ служила заговорщикамъ существовавшая въ краѣ *Бердичевская Агенція Польскаго банка.* Ей удалось овладѣть понемногу всѣми денежными оборотами края и вытѣснить изъ обращенія всю звонкую монету, недостатокъ которой болѣе и болѣе ощущался со времени ея открытія. Множество капиталовъ не только запасныхъ, но даже занятыхъ подъ залогъ имѣній въ нашихъ кредитныхъ установленіяхъ, черезъ посредство Агенціи, вносились для обращенія въ Польскій банкъ. Агенція вступала съ помѣщиками не только въ торговыя сдѣлки, ссужая ихъ деньгами (за большіе проценты) подъ залогъ произведеній земли и промышленности, но даже брала въ арендное

---

*) Писано до 1861 года. П. Б.

содержаніе нѣкоторыя доходныя хозяйственныя статьи. Этими способами она пріобрѣла въ краѣ рѣшительное вліяніе. Особенную же важность придавало этому учрежденію его политическое значеніе. Управляемое одними Поляками, подъ главнымъ надзоромъ лица, бывшаго секретаремъ у князя Чарторыжскаго [11]), нося названіе *Польскаго*, будучи совершенно самостоятельно, оно привлекало Поляковъ, считавшихъ его *своимъ* и видѣвшихъ въ немъ залогъ и орудіе своего возрожденія. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, Агенція оказывала значительныя услуги всѣмъ заговорщикамъ, ибо чрезъ нее совершался переводъ за границу огромныхъ суммъ. Такое удобство въ помѣщеніи капиталовъ въ Царствѣ Польскомъ или за границею, безъ вѣдома правительства, удаляя Поляковъ даже въ ихъ интересахъ отъ Россіи, доставляло значительныя средства эмиграціи и давало помѣщикамъ большую смѣлость рѣшаться на всякія дѣйствія противъ правительства, обезпечивъ предварительно будущее свое состояніе.

Дѣйствія тайныхъ обществъ и помощь, оказываемая имъ Агенціею, стали обнаруживаться въ 1838 году и были вполнѣ раскрыты, послѣ того какъ захваченъ Конарскій, учрежденною въ Кіевѣ коммиссіею. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ открытій, независимо отъ наказанія виновныхъ, для пресѣченія на будущее время сношеній Поляковъ съ эмигрантами и для огражденія политической безопасности, приняты были слѣдующія мѣры:

Бердичевская Агенція, по представленіи о томъ намѣстнику Царства Польскаго, была закрыта [12]), и вслѣдъ за тѣмъ учреждена въ Кіевѣ Контора Коммерческаго Банка [13]).

Ограничены были увольненія за границу относительно лицъ, прикосновенныхъ къ мятежу *или имѣющихъ въ числѣ* эмигрантовъ ближайшихъ родственниковъ [14]).

Повелѣно было, для облегченія надзора за подозрительными лицами, въ паспортахъ, выдаваемыхъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, для внутреннихъ переѣздовъ, означать примѣты [15]).

Для усиленія полиціи образованы при земскихъ судахъ и становыхъ приставахъ конныя разсыльныя команды изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, чѣмъ значительно облегчено и ускорено было

---

[11]) Надворнаго совѣтника Добровольскаго.

[12]) По Высочайшимъ повелѣніямъ 29 Сентября 1839 г. и 28 Января 1841 года.

[13]) По Высочайше утвержденному положенію комитета Западныхъ губерній 4 Апрѣля 1840 года.

[14]) Въ 1839 году.

[15]) Указомъ 24 Мая 1839 года

исполненіе всѣхъ обязанностей, лежащихъ на полиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ дано средство подавлять вооруженною силою всякое враждебное дѣйствіе въ самомъ его началѣ.

Сверхъ того, для изъятія нижнихъ чиновъ земской полиціи отъ вредной (при особенномъ положеніи края) зависимости ихъ отъ помѣщиковъ, повелѣно въ должности десятскихъ, пятисотскихъ и сотскихъ опредѣлять преимущественно изъ безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, а десятскихъ, опредѣляемыхъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, освободить вмѣстѣ съ ихъ женами отъ господскихъ работъ [16]).

Послѣдствія этихъ мѣръ не замедлили обнаружиться. Контора Коммерческаго Банка, въ отношеніи финансовомъ, не только вполнѣ замѣнила пользу, приносимую Агенціею, но даже значительно превзошла ее. Такъ какъ Кіевской Конторѣ предоставленъ былъ кругъ дѣйствія болѣе обширный, чѣмъ прочимъ таковымъ конторамъ, то ей удалось въ непродолжительномъ времени пріобрѣсти значительное вліяніе, весьма выгодное для края: ибо деньги, прежде выходившія изъ него, стали въ немъ сосредоточиваться и обращаться на разныя предпріятія.

Жалобы на скудость звонкой монеты прекратились; частныхъ вкладовъ Контора имѣла въ началѣ 1850 года 9,763,709 руб. серебр. (на ассигнаціи 34,172,981½ рублей). Въ отношеніи политическомъ, посредствомъ упраздненія Агенціи и учрежденія Конторы, переводъ денегъ изгнанникамъ сократился, а правительство пріобрѣло возможность слѣдить за движеніемъ капиталовъ, *тѣсно связанныхъ со всякимъ политическимъ замысломъ.*

Прочія мѣры, исчисленныя выше, самое открытіе тайнаго общества и всѣхъ развѣтвленій его, если не вполнѣ разорвали сношенія Поляковъ съ эмиграціею и не отняли у нихъ всѣхъ надеждъ, то по крайней мѣрѣ убѣдили ихъ въ невозможности не только успѣть въ революціонномъ предпріятіи, но даже скрыть его отъ правительства. Многія происшествія обнаружили это убѣжденіе. *Два эмиссара, Кульчицкій и Ягоновскій,* посланные волновать Галицію и наши сосѣднія губерніи, *застрѣлились* на нашей границѣ, не осмѣлившись переступить ее. Третьяго утопили тѣ, которыхъ онъ думалъ завербовать; нѣкоторые помѣщики сами предъявляли письма, получаемыя отъ эмигрантовъ. Нѣсколько заговоровъ открываемо было въ Галиціи, вспыхивали возстанія въ Краковѣ и Познани, но никакихъ слѣдовъ участія въ нихъ жителей Волынской и Подольской губерній *не оказалось;*

---

[16]) По Высочайше утвержденному положенію комитета Западныхъ губерній 5 Мая 1840 года.

самыя эти происшествія не производили на нихъ особеннаго впечатлѣнія, и безсмысленные толки о возстановленіи Польши помощію Турціи или Франціи и т. под., распускавшіеся частію легкомысліемъ, частью съ намѣреніемъ разузнать расположеніе умовъ по поводу разныхъ событій въ Европѣ, и нѣсколько малозначительныхъ бѣгствъ за границу [17]) въ теченіи 1840 годовъ были почти единственными проявленіями непріязненности Поляковъ къ Россіи.

Но если ограничены были у партіи мечтавшей о возстановленіи Польши средства сноситься съ открытыми врагами Россіи и дѣйствовать силою, то этимъ еще не было истреблено ея вредное вліяніе въ самомъ краѣ. Для этого необходимо было обратить вниманіе на внутреннее устройство, на составъ, кругъ дѣятельности и взаимное отношеніе сословій, враждебно расположенныхъ къ Россіи.

*

Между ними первое мѣсто, по участію въ политическихъ событіяхъ, по богатству и многочисленности своей, занимаетъ Польское дворянство. Оно дѣлилось на двѣ *категоріи*: помѣщиковъ, коихъ считалось около 16,411 и безпомѣстныхъ дворянъ около 164,722. Дворянство помѣстное, отличаясь богатствомъ и образованностію, было заражено тѣми коренными пороками, которые обусловливали его историческую судьбу въ прошедшемъ. Тщеславное и надменное, весьма неравнодушное къ знакамъ отличія, но любящее получать ихъ не служа, *подобострастное* при рѣшительныхъ мѣрахъ правительства, *дерзкое* при малѣйшемъ ослабленіи или снисхожденіи власти, оно уклонялось и отъ служебной дѣятельности, и отъ занятій хозяйственныхъ, за немногими исключеніями. Праздность, поддерживаемая духомъ оппозиціи и возможностью извлекать и проживать доходы безъ всякаго труда, съ одной стороны, порождала развращеніе нравовъ въ частномъ и семейномъ быту, съ другой открывала дорогу несбыточнымъ мечтаніямъ и политическимъ увлеченіямъ. Дворянство мелкое, или безпомѣстное, почти исключительно управляло имѣніями богатыхъ дворянъ, въ качествѣ посессоровъ, арендаторовъ и экономовъ, занимало уѣздныя должности по выборамъ, промышляло тяжбами въ качествѣ адвокатовъ. Этотъ низшій разрядъ дворянства, по своей многосторонней дѣятельности, былъ необходимъ для высшаго и въ этомъ отношеніи держалъ его въ зависимости, но въ тоже время подчинялся вполнѣ авторитету послѣдняго въ дѣлахъ политики.

---

[17]) Въ началѣ происшествій въ Галиціи въ 1849 году перебѣжало туда 14 человѣкъ.

Къ мелкому дворянству примыкали шляхтичи, большею частію служившіе по найму высшему дворянству въ качествѣ псарей, кучеровъ и лакеевъ. Зависимая безусловно отъ богатыхъ помѣщиковъ, шляхта составляла какъ бы ихъ служилое сословіе, гвардію, бывшую въ полномъ ихъ распоряженіи, всегда на все готовую, главную силу всѣхъ бунтовъ и мятежей. Участіе шляхты въ Польской революціи обнаружило всю опасность этого сословія и было поводомъ къ изданію закона 19 Октября 1831 г. объ ея устройствѣ. Въ тоже время признано было необходимымъ провѣрить дѣйствительность правъ многочисленнаго дворянства западныхъ губерній, особенно мелкаго, большею частью вышедшаго изъ той же шляхты, изъ перекрещенныхъ Жидовъ, изгнанниковъ, мѣщанъ, вольноотпущенныхъ [18]), посредствомъ предъявленія свидѣтельствъ, подписанныхъ 12 свидѣтелями [19]) или грубо подделанныхъ документовъ [20]) и многихъ другихъ злоупотребленій, допускавшихся въ дворянскихъ собраніяхъ.

Съ этою цѣлью въ 1836 году были учреждены въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ ревизіонныя коммиссіи, предписаны правила для руководства въ ихъ дѣйствіяхъ и, въ виду замѣченнаго впослѣдствіи пристрастія Поляковъ въ нихъ засѣдавшихъ по выбору дворянства, опредѣлены были къ нимъ коронные чиновники. Но въ дѣйствіяхъ этихъ трехъ коммиссій не было единства; дѣла, отъ которыхъ зависило опредѣлить дворянскія права многихъ семействъ, шли чрезвычайно медленно, и отсюда происходили безпрестанныя опасенія и какое-то всеобщее тревожное состояніе, въ которомъ найдено было дворянство трехъ губерній въ 1838 году.

Съ цѣлью ускорить ходъ этого дѣла, по представленію мѣстнаго начальства, всѣ три коммиссіи соединены были въ одну центральную, въ Кіевѣ; а дабы розысканія сіи не могли служить препятствіемъ ко вступленію дворянъ въ службу, велѣно принимать ихъ по свидѣтельствамъ центральной коммиссіи [21]).

Нынѣ коммиссія окончила порученное ей дѣло. Съ 1-го Генваря 1845 года, въ теченіи пяти лѣтъ, она обревизовала 20,576 дѣлъ, по которымъ признано внесенными въ дворянскіе роды:

---

[18]) Дѣла о Паношевичѣ, о бѣглыхъ крестьянахъ Журавляхъ, о бродягѣ Рогускомъ.

[19]) Эти свидѣтельства пріобрѣтались столь дешево, что въ Волынской губерніи ихъ закладывали въ шинкахъ за водку.

[20]) Въ Житомірѣ открыта цѣлая шайка дѣлателей фальшивыхъ документовъ.

[21]) Указъ 4 Генваря 1840 года.

Правильно.. 581 лицо.
По доказательствамъ сомнительнымъ, разрѣшеніе которыхъ предоставлено герольдіи............ 22,000 лицъ.
Совершенно неправильно .... 81,121 лицо.

Весь послѣдній разрядъ введенъ былъ въ подушный окладъ, и связь его съ высшимъ дворянствомъ навсегда расторгнута. Сіе послѣднее утратило черезъ это главное орудіе, служившее ему для возбужденія смутъ, и въ тоже время лишилось прежней довѣренности членовъ своего сословія, подорванной уничтоженіемъ тѣхъ неправильно-присвоенныхъ правъ, за сохраненіе которыхъ оно ручалось.

*

Связанное съ Польскимъ дворянствомъ единствомъ происхожденія, вѣры, воспоминаній, надеждъ и общей непріязненности къ Россіи, Католическое духовенство, во всѣхъ предпріятіяхъ дворянства, дѣйствовало съ нимъ заодно, какъ доказали событія прежнихъ временъ и 1831 года. И послѣ того не переставало оно поощрять учрежденіе тайныхъ обществъ, въ числѣ коихъ въ особенности общество, основанное Конарскимъ, считало въ себѣ до семи ксендзовъ одной Луцкой епархіи.

Независимо отъ нравственнаго его авторитета надъ всѣми Католиками, часто употребляемаго имъ во зло для политическихъ цѣлей, отъ увѣщаній, проповѣдей, намёковъ, клонившихся къ возбужденію противъ правительства религіознаго фанатизма, Католическое духовенство, по своему богатству и по устройству своей іерархіи, обладало огромными и при общемъ его направленіи опасными средствами. Происходя большею частію изъ дворянства, ксендзы находились съ нимъ въ родственныхъ, близкихъ связяхъ; обладая значительными помѣстьями, они сближались въ интересахъ своихъ съ высшимъ классомъ и занимали въ обществѣ почетное мѣсто, несравненно выше духовенства Православнаго, и оправдывали своимъ положеніемъ и образомъ жизни мѣстную поговорку, называющую Католицизмъ вѣрою *панскою*, а Православіе *хлопскою*. Всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ Римской церкви (монастырямъ и ксендзамъ, не считая личной собственности сихъ послѣднихъ) было до 40,000 душъ въ трехъ губерніяхъ, въ томъ числѣ одно столовое имѣніе Луцкаго епископа состояло изъ 6,200 душъ и болѣе 42,000 десятинъ. Крестьяне, находясь подъ управленіемъ Латинскаго духовенства, терпѣли нерѣдко жестокое обращеніе и вообще подвергались дѣйствію неразборчиваго въ средствахъ Католическаго прозелитизма, какъ доказывали 5,000 душъ совращенныхъ изъ Православія въ Римскую церковь.

Семинаріи Католическія, не только устраненныя отъ вліянія правительства, но даже отъ его надзора, давали ксендзамъ, которые въ

нихъ воспитывались, направленіе враждебное правительству, исходившее, по сознанію регента Луцкой семинаріи, изъ высшихъ духовно-католическихъ заведеній. Наконецъ, высшее Католическое управленіе всею Волынскою епархіею находилось въ Луцкѣ, главномъ городѣ Волынской области во время Польскаго владычества, гдѣ ничто не могло соперничествовать съ вліяніемъ богатаго Католическаго епископа, и гдѣ, по отдаленности оттуда главнаго начальства губерніи, не могло быть ближайшаго надзора за дѣйствіями духовенства Латинскаго. Луцкъ сдѣлался чрезъ это городомъ Католическимъ по преимуществу, *какъ бы Римомъ той мѣстности*, чѣмъ и объясняется, почему въ Польской революціи, въ заговорахъ Конарскаго, Луцкій и смежные съ нимъ уѣзды болѣе всѣхъ другихъ приняли участія.

Для прекращенія пагубнаго въ религіозномъ отношеніи вліянія Католическаго духовенства на Православныхъ и для ослабленія его политическаго могущества приняты были слѣдующія мѣры.

Воспрещено было Католическому духовенству подвергать крестьянъ и служителей тѣлеснымъ наказаніямъ и другаго рода истязаніямъ [22]).

Прекращены были самовольные разъѣзды ксендзовъ изъ одного прихода въ другой, и запрещено имъ принимать на исповѣдь людей другихъ приходовъ, кромѣ особыхъ случаевъ [23]); запрещено Католическому духовенству держать въ услуженіи людей Православнаго исповѣданія [24]); за совращеніе повелѣно судить уголовнымъ судомъ.

Несообразность управленія огромными имѣніями съ духовными обязанностями, которымъ исключительно должны посвящать себя служители церкви, и вредныя послѣдствія несовмѣстнаго сочетанія сихъ двухъ дѣятельностей подали поводъ къ представленію объ отобраніи всѣхъ населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ, на которое воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе: «начать съ имѣній Греческаго исповѣданія, принадлежащихъ Католическимъ монастырямъ» [25]).

За тѣмъ, приступлено было къ отобранію прочихъ имѣній, монастырямъ, каѳедрамъ и высшему духовенству принадлежавшихъ [26]). Всего поступило въ казенное управленіе 13.683 души.

---

[22]) Высочайшимъ повелѣніемъ 16 Января 1839 года.

[23]) Высочайшимъ повелѣніемъ 16 Декабря 1839 года.

[24]) Тогда же.

[25]) Высочайше утвержд. журналъ Комитета Западныхъ губерній 8 Мая 1839 года.

[26]) Указъ 25 Декабря 1841 года.

Въ *Житомиръ*, назначенный губернскимъ городомъ, переведены были изъ Луцка Католическое епархіальное управленіе, консисторія, капитулъ [27]); съ семинаріею, въ томъ городѣ учрежденною, слиты двѣ двѣ другія: Луцкая и Олыкская, и введенъ въ нее новый уставъ.

Вслѣдствіе этихъ мѣръ, положеніе Римско-католическаго духовенства въ краѣ совершенно измѣнилось. Между нимъ и Польскими помѣщиками не стало прежняго равенства, ибо ихъ уже не связывали общія *помѣщичьи права* и интересы. Затѣмъ наступило взаимное охлажденіе, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ начала даже проступать вражда. Оскорбленное съ одной стороны холодностью и даже дерзостью дворянъ, съ другой, видя всѣ средства своего матеріальнаго существованія *въ одномъ правительствѣ и сознавая свою отъ него зависимость*, ксендзы постепенно стали ограничиваться исключительнымъ исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей. Къ достиженію этой цѣли много содѣйствовало осторожное устраненіе всѣхъ поводовъ къ религіозному раздраженію и въ особенности то, что *прекращено упраздненіе Католическихъ церквей и обращеніе ихъ въ Православныя.*

Размноженіе Жидовъ и губительныя послѣдствія ихъ господства всегда и вездѣ были неразлучны съ Польскимъ владычествомъ. Дворяне, находя въ нихъ усердныхъ исполнителей своихъ приказаній, совѣтниковъ по дѣламъ хозяйства и кредиторовъ, до сихъ поръ, по врожденной большинству Польскихъ помѣщиковъ безпечности и непривычкѣ къ порядку, не могутъ обойтись безъ нихъ.

Въ прежнее время, Жиды брали у земледѣльцевъ въ арендное содержаніе, почти всегда за безцѣнокъ, всѣ доходныя статьи сельскаго хозяйства, какъ-то фабрики, заводы, постоялые дворы и въ особенности корчмы. Отъ этого, быстро и безвозвратно, истреблялись лѣса въ сѣверныхъ уѣздахъ, имѣнія вообще приходили въ упадокъ; главное же зло заключалось въ томъ, что допущеніемъ Жида въ имѣніе, на какомъ бы правѣ ни было, помѣщикъ отдавалъ ему въ жертву своихъ крестьянъ.

Тысячи средствъ представлялось обойти законъ, запрещавшій Евреямъ держать при себѣ *христіанъ* въ услуженіи, и часто доходившіе слухи о побояхъ и всякаго рода истязаніяхъ, которымъ подвергались крестьяне, свидѣтельствовали о безсиліи этаго закона.

Положеніе самихъ Евреевъ и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, было самое жалкое. Возможность пробиваться и получать незначительные барыши безчисленными средствами имъ однимъ доступными, въ особенности же пріучая простой народъ къ пьянству и

---

[27]) Высочайше утвержд. журналъ Комитета Западныхъ губерній 11 Апрѣля 1840 г.

вводя бѣдняковъ въ неоплатные долги, удаляла ихъ отъ осѣдлости, отъ правильной торговли и честнаго труда. Ихъ разобщеніе съ прочими сословіями, проистекавшее изъ ихъ вѣры и находившее поддержку въ ихъ самостоятельномъ, отдѣльномъ устройствѣ, въ ихъ особенной одеждѣ (даже не національной, а древне-польской) имѣло для всего племени самыя вредныя послѣдствія. Съ одной стороны, при отсутствіи собственно для нихъ устроенныхъ училищъ, они коснѣли въ невѣжествѣ, съ другой находились подъ деспотическимъ гнетомъ своихъ кагаловъ, мало-по-малу распространившихъ власть свою далеко за указанные имъ предѣлы и захватившихъ въ свои руки, кромѣ духовнаго и хозяйственнаго управленія, право суда и верховной расправы.

Вопросъ о преобразованіи Евреевъ, издавна занимавшій высшее правительство, разсматривался неоднократно въ особыхъ комитетахъ и былъ предметомъ многосложной переписки.

Изъ мѣстныхъ соображеній, имѣвшихъ преимущественно цѣлію оградить поселянъ отъ вреднаго вліянія, удаленіе Жидовъ отъ содержанія корчмъ и продажи вина въ селахъ и деревняхъ, было утверждено и теперь исполнено [28]). Сверхъ того, для улучшенія положенія самихъ Евреевъ, упразднены кагалы, и всѣ Жиды подчинены земской полиціи и городскимъ думамъ; устроенъ свѣчной сборъ [29]), открыто для Евреевъ въ Житомірѣ Раввинское училище, въ Бердичевѣ одно второстепенное училище и пять первостепенныхъ въ Кіевской и Волынской губерніяхъ изъ доходовъ свѣчнаго сбора. За ношеніе старой Еврейской одежды установленъ денежный сборъ, и этимъ средствомъ почти совсѣмъ прекращено было ея употребленіе; приняты мѣры для того, чтобы, вслѣдствіе уменьшенія акциза, она не появилась вновь. Утверждены правила для взиманія и употребленія коробочнаго и свѣчнаго сборовъ, для распредѣленія Евреевъ по состояніямъ, для обращенія ихъ къ полезнымъ занятіямъ и особыя правила для привлеченія ихъ къ земледѣлію [30]).

---

[28]) Особыя правила при указѣ Правительствующаго Сената 6 Сентября 1845 года.

[29]) Сборъ сей, взимаемый съ шабашныхъ свѣчей, отмѣненный положеніемъ 1839 г. Октября 25, возстановленъ былъ по желанію самихъ Евреевъ, положеніемъ 1844 г. Декабря 19 и, какъ исключительно предназначенный для устройства Еврейскихъ училищъ, предоставленъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Подобно общему коробочному сбору, сборъ со свѣчей отдается въ откупное содержаніе по опредѣленной таксѣ, съ раздѣленіемъ оной на четыре же класса, но особою статьею (Св. Зак. т. 5, прод. 5, прилож. къ 257, прим. 2, гл 11, п. 9, гл. 5 п. 67). Съ 1846 по 1850 годъ, свѣчной сборъ принесъ дохода 246.490 р. серебромъ.

[30]) Высочайше утвержденное положеніе Комитета о Евреяхъ 1844 г. 19 Декабря и 1846 г. 18 Февраля.

Но первое изъ этихъ постановленій, объ удаленіи Евреевъ отъ шинкарства, несмотря на всю его важность, тогда только вполнѣ достигнетъ своей цѣли, когда будетъ прекращена вольная продажа вина. Послѣдствія прочихъ вышеисчисленныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью измѣненіе нравственнаго положенія, образа мыслей и вѣковыхъ привычекъ упорнаго племени, также не могли еще, по недавности своей, принести ожидаемой пользы, развитіе которой, во всякомъ случаѣ, по самой сущности дѣла, должно быть медленно.

Къ достиженію главной цѣли правительства въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, полагалъ преграду Литовскій Статутъ. Независимо отъ этой общей цѣли, слѣдующія соображенія указывали на необходимость его упраздненія. Литовскій Статутъ, вошедшій въ употребленіе въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской въ эпоху владычества надъ ними дома Гедиминова, постепенно дополнялся и видоизмѣнялся Польскими сеймовыми конституціями; съ присоединеніемъ же края къ Россіи, развитіе мѣстнаго законодательства въ томъ же духѣ стало невозможно и само собою пресѣклось. Велѣно было пополнять недостатки Статута общими законами Имперіи и по возможности соглашать его съ духомъ сихъ послѣднихъ; но это вело только къ проволочкамъ, производило столкновенія, запутанности въ производствѣ дѣлъ и ставило присутственныя мѣста въ затрудненіе при совершенной невозможности разграничить ясною чертою, какія дѣла слѣдовало рѣшать по Литовскому Статуту и какія по общимъ законамъ. Наконецъ, во многихъ статьяхъ, устарѣлый Статутъ далеко не соотвѣтствовалъ потребностямъ времени. Это въ особенности было замѣтно въ производствѣ исковыхъ дѣлъ. Удовлетвореніе по долгамъ совершалось не посредствомъ продажи имѣнія должника и залогодателя, а посредствомъ традицій и эксдивизій, такъ что иногда имѣніе переходило по очереди изъ рукъ въ руки и неминуемо раззорялось, а иногда дѣлежъ собственности простирался до того, что крѣпостной человѣкъ *должника становился собственностью двухъ или трехъ лицъ*. Необезпеченность контрактовъ имѣла послѣдствіемъ ослабленіе кредита; а такъ какъ при производствѣ исковыхъ дѣлъ нельзя было обойтись безъ вреднаго класса адвокатовъ и безъ значительныхъ издержекъ, то весь этотъ порядокъ обращался въ ущербъ бѣднымъ, а богатымъ благопріятствовалъ, по общему духу всѣхъ Польскихъ законовъ и учрежденій. Наконецъ, запутанность и неопредѣленность въ законахъ сопровождалась безпорядками и произволомъ въ исполненіи обязанностей судей. Особенно неудовлетворительны были въ этомъ отношеніи уѣздные суды. Между членами ихъ вошли въ обыкновеніе самовольныя отлучки, за которыя болѣе ста лицъ подверглись взысканіямъ.

Засѣдатели отъ дворянства, назначаемые по выбору, почитали себя призванными къ огражденію своего сословія отъ дѣйствія Русскихъ законовъ и, по племенному пристрастію, клонили рѣшеніе, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ, въ пользу своихъ соотчичей и въ ущербъ Русскимъ. Вообще суды, будучи наполнены Поляками, обращались въ надежныя орудія противодѣйствія правительству.

Послѣднее обстоятельство, издавна усмотрѣнное, подало поводъ къ изданію еще въ 1835 г. указа, предоставлявшаго на вакантныя мѣста, замѣщаемыя обыкновенно по выбору, опредѣлять чиновниковъ отъ короны. Впослѣдствіи, это право предоставлено было генералъ-губернатору въ отношеніи къ судьямъ и засѣдателямъ Уѣздныхъ Судовъ, не выжидая вакансій [31]); произвольныя отлучки были прекращены строгими взысканіями. Но важнѣйшею мѣрою по этой части было упраздненіе Литовскаго Статута и Польскихъ конституцій и *введеніе на ихъ мѣсто общихъ законовъ* [32]). Необходимымъ дополненіемъ къ этому преобразованію было не менѣе важное введеніе въ употребленіе Русскаго языка во всѣ безъ изъятія присутственныя мѣста, въ томъ числѣ въ дворянскія собранія [33]), Римско-католическія консисторіи [34]) и семинаріи [35]).

Такимъ образомъ, достигнута была троякая цѣль: всѣ гражданскія отношенія и права, какъ личныя такъ и сословныя, получили твердое огражденіе и всеобщую извѣстность распространеніемъ на весь край дѣйствій общаго Свода Законовъ Имперіи; уничтожился вредный промыслъ адвокатовъ; отнято было у партіи враждебной одно изъ главныхъ средствъ противодѣйствія; уничтожена была преграда, раздѣлявшая край съ остальными частями Россіи.

Должно замѣтить, что это коренное преобразованіе обошлось безъ всякаго замѣшательства. Указъ 25 Іюня былъ прочтенъ и введенъ въ дѣйствіе *въ одинъ день и часъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ губерній*, чѣмъ значительно упрощено было введеніе новой формы судопроизводства и устранены были поводы къ разнымъ подлогамъ. Не болѣе четырехъ вопросовъ, въ сущности незначительныхъ, возникло вслѣдствіе отмѣны Статута, и тѣ были разрѣшены безъ труда. Наконецъ, возведеніе Русскаго языка на степень единственнаго оффиціальнаго, со временемъ должно приготовить такое-же его преоблада-

---

[31]) Высочайше утвержд. журн. Комит. Западн. губерній 4 Апрѣля 1840 г.

[32]) Указъ 25 Іюня 1840 г.

[33]) Указъ 29 Мая 1842 г.

[34]) Высочайше утвержд. докладъ Комит. Запад. губерній 29 Мая 1842 года.

[35]) Въ Ноябрѣ 1843 года.

ніе общественное въ частномъ быту и чрезъ это произвести постепенное измѣненіе въ самомъ образѣ мыслей жителей края.

Но, какъ ни значительны сами по себѣ всѣ исчисленныя доселѣ мѣры, нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствіе ихъ должно ознаменоваться въ будущемъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о возрожденіи цѣлаго общества, правительство не можетъ надѣяться на поколѣніе, застигнутое его рѣшительными мѣрами, но трудится въ виду грядущихъ поколѣній, и съ этой точки зрѣнія успѣхъ или неуспѣхъ зависитъ болѣе всего отъ *направленія воспитанія.*

Оно было нѣкогда совершенно въ рукахъ *Поляковъ и Католическаго духовенства*, и несмотря на то, что еще въ 1832 году всѣ бывшія въ краѣ Польскія и Католическія училища были упразднены и на мѣсто ихъ учреждены приходскія при Православныхъ церквахъ, въ училищахъ среднихъ и высшихъ по прежнему господствовало вліяніе враждебныхъ началъ.

Причиною этого было разумѣется то, что какъ въ университетѣ Св. Владимира, такъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, почти всѣ преподаватели наукъ, учителя и надзиратели были Польскаго происхожденія; а ксендзы, находившіеся при училищахъ, и духовники воспитанниковъ, состоя подъ непосредственною зависимостью своего епархіальнаго начальства, дѣйствовали усердно въ духѣ Римско-католическаго духовенства. Надзоръ правительства надъ учебными заведеніями, всегда сопряженный съ трудностями, становился почти невозможнымъ по этимъ двумъ причинамъ. Многія казенныя и въ особенности частныя училища находились въ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ не могло быть за ними постояннаго, просвѣщеннаго наблюденія. Большая часть дѣтей и молодыхъ людей, обучавшихся въ нихъ, жили внѣ училищъ, на особыхъ квартирахъ, разбросанныхъ по городамъ и мѣстечкамъ, иногда на пространствѣ 4 и 5 верстъ, у ксендзовъ, чиновниковъ изъ Поляковъ, подъячихъ *и даже иногда въ непотребныхъ домахъ.* Содержаніе лучшихъ изъ таковыхъ общихъ квартиръ обращалось въ выгодную спекуляцію, успѣхъ зависѣлъ отъ пріобрѣтенія довѣренности родителей, довѣренность же пріобрѣталась воспитаніемъ въ образѣ мыслей и по направленію Поляковъ, такъ что дѣти *учились у Русскихъ, но воспитывались у Поляковъ.* Ужасный вредъ, происходившій отъ такого направленія и неустройства, обнаруживался во многихъ случаяхъ.

Университетъ Св. Владимира, по высочайшему слову призванный къ развитію образованія Русскаго, не только не достигалъ своей цѣли, но напротивъ слѣдовалъ противоположному направленію; до 37 студентовъ участвовало въ обществѣ Союза Польскаго Народа; тоже вліяніе постепенно проникало въ кругъ гимназистовъ и другихъ уче-

никовъ, жившихъ на частныхъ квартирахъ, внѣ всякаго надзора. Такъ напр. обнаружилось, что учредитель тайнаго общества въ университетѣ содержалъ у себя пансіонеровъ и что въ числѣ репетиторовъ и надзирателей его нѣсколько человѣкъ принадлежали къ тому же обществу. Въ подобныхъ квартирахъ легко расходились запрещенныя книги; тамъ составлялись, читались съ жадностію и оттуда выходили разные пасквили, и все это вмѣстѣ неотразимо дѣйствовало на учениковъ и обращало смирныхъ и прилежныхъ мальчиковъ въ подозрительныхъ, скрытныхъ и недовольныхъ юношей. Развратъ нравственный плодился отъ дурныхъ примѣровъ и развивался рука въ руку съ лжеученіемъ политическимъ. Съ своей стороны, ксендзы, какъ примѣтили визитаторы, всѣми средствами возбуждали въ ученикахъ и духовныхъ сыновьяхъ религіозный фанатизмъ, направляя свое преподаваніе къ униженію Православной церкви и питая въ молодомъ поколѣніи тѣ надежды, которыя погубили его отцевъ и старшихъ братьевъ.

Для пресѣченія этого зла, мѣры правительства обращены были на сословіе учителей и надзирателей, на воспитанниковъ, на устройство училищъ, наконецъ, на самую систему надзора и преподаванія.

По первому предмету, всѣ уроженцы изъ Поляковъ, бывшіе профессорами, учителями и надзирателями, уволены изъ округа въ другія мѣста и замѣнены Русскими. Профессорамъ и учителямъ бывшаго Кременецкаго лицея было воспрещено заниматься воспитаніемъ. Прекращена выдача новыхъ свидѣтельствъ Полякамъ на право частнаго обученія [36]). Ксендзы-законоучители, обязанные въ тоже время быть и духовниками учениковъ, были совершенно изъяты, въ отношеніи къ симъ ихъ обязанностямъ, изъ-подъ вліянія епископовъ, и право представлять ихъ къ наградамъ предоставлено свѣтскому начальству [37]).

По второму пункту, временное закрытіе университета Св. Владимира [38]) дало возможность, удаленіемъ изъ него Польскихъ студентовъ и оставленіемъ при немъ Русскихъ, усилить на будущее время численное отношеніе послѣднихъ къ первымъ. Учениковъ въ гимназіи повелѣно принимать не старше 13 и 14 лѣтъ [39]).

По третьему, всѣ казенныя училища, кромѣ приходскихъ, и всѣ частныя, находящіяся въ селахъ и мѣстечкахъ, были переведены въ города, или закрыты. Одна изъ гимназій переведена въ Россію. Но

---

[36]) Высочайше утвержд. докладъ Особаго Комитета 23 Апр. 1840 г.

[37]) Высочайше утвержд. докладъ Особаго Комитета 23 Апр. 1840 г.

[38]) По указу 9 Января 1839 г.

[39]) Высочайше утвержд. докл. 23 Апр. 1840 г.

особенно важно было постановленіе, направленное противъ самаго корня зла, о преобразованіи гимназій и уѣздныхъ школъ въ *закрытыя заведенія* [40]); до приведенія же въ окончательное исполненіе этой мѣры, требовавшей значительныхъ издержекъ, приступлено было къ устройству общихъ квартиръ и къ переведенію въ нихъ учащихся по соглашенію въ платѣ съ родителями, подъ надзоръ Русскихъ чиновниковъ. Эта мѣра, на первыхъ порахъ возбудившая ропотъ, скоро была оцѣнена и нашла всеобщее одобреніе. Кромѣ нѣсколькихъ значительныхъ пожертвованій со стороны частныхъ лицъ, дворянство трехъ губерній обязалось денежнымъ сборомъ на устройство закрытыхъ гимназій и училищъ, а всѣ открытыя общія квартиры были охотно и немедленно заняты [41]).

По послѣднему предмету, приняты были мѣры для усиленія надзора за воспитанниками, для строгаго соблюденія дисциплины, и предположено всей системѣ преподаванія сообщить практическое направленіе.

Что касается до пользы, ожидаемой отъ преобразованія публичнаго воспитанія, то хотя, какъ уже замѣчено выше, будущему времени предоставлено проявить ее вполнѣ, но уже и теперь можно указать на нѣкоторые благіе результаты устройства общихъ квартиръ и усиленнаго надзора. Случаи, вызывающіе мѣры строгости, стали рѣже; вліяніе Поляковъ на воспитанниковъ устранено, ученіе замѣтно пошло успѣшнѣе, употребленіе Русскаго языка усилилось.

Всѣ изложенныя доселѣ мѣры и дѣйствія, хотя ведутъ къ достиженію цѣлей положительныхъ, однакоже имѣютъ преимущественно отрицательное значеніе—какъ средства обузданія и обезсиленія непріязненныхъ началъ. При всей ихъ необходимости и дѣйствительности онѣ однѣ не достигли-бы цѣли, Высочайшею волею Государя Императора указанной, если-бы въ тоже время не были приняты мѣры положительныя, для возбужденія и возвышенія коренныхъ началъ Русской жизни. Хранителями ихъ искони были Православная церковь и народъ.

*

Въ историческомъ обозрѣніи было упомянуто о гоненіяхъ Польско-іезуитскаго правительства противъ Православія въ бывшей Украинѣ

---

[40]) Въ 1850 году, всѣ ученики гимназій, кромѣ живущихъ у родителей или опекуновъ, помѣщались въ закрытыхъ заведеніяхъ; въ общихъ квартирахъ учениковъ гимназій и уѣздныхъ училищъ было 1182.

[41]) Тогда же.

и Литовской Руси. Послѣдствіемъ ихъ было совращеніе въ Унію значительной части кореннаго Русскаго народонаселенія и униженное состояніе, въ которомъ находилось Православное духовенство, несовмѣстное съ достоинствомъ господствующей церкви. Презираемые Поляками-помѣщиками, лишенные тѣхъ матеріальныхъ средствъ и того вѣса въ обществѣ, которымъ пользовались ксендзы, священники наши въ средствахъ своего существованія зависѣли отъ простаго народа, всею душею преданнаго своей вѣрѣ и ея служителямъ, но по самому положенію своему неспособнаго ихъ обезпечить. Удрученные нуждою, они были въ необходимости *выманивать у Католиковъ-помѣщиковъ и посессоровъ скудную помощь, цѣловать у нихъ руки по Польскому обычаю и переносить безмолвно разныя оскорбленія.* Православныя церкви, большею частію ветхія, находились также въ самомъ жалкомъ положеніи; нѣкоторыя изъ нихъ были крыты соломою, въ иныхъ одежда на престолѣ была изъ холста, въ лампадахъ горѣло коровье масло, въ кадилахъ теплился, вмѣсто ладона, мозжевельникъ.

Въ Волынской губерніи епархіальное управленіе было удалено отъ мѣстопребыванія главнаго губернскаго начальства, и потому, въ ихъ дѣйствіяхъ не было ни единства, ни силы. *Непоколебимая вѣрность Православнаго духовенства, во время Польской революціи,* не мало содѣйствовавшая къ обезсиленію дѣйствій Поляковъ и къ удержанію края, *не только не была вознаграждена, но даже обратилась ему во вредъ*; ибо ничто не ограждало его отъ мести Поляковъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ или прикосновенныхъ къ нему. Такое положеніе дѣлъ, если бы оно продолжалось, могло бы имѣть самыя вредныя послѣдствія.

1839 годъ останется навсегда памятнымъ въ нашей исторіи упраздненіемъ Уніи и возсоединеніемъ совращенныхъ въ нее съ Православною церковью. Введенная лестью и поддержанная насиліемъ, она не могла пустить глубокихъ корней въ землѣ Русской и, какъ скоро правительство устранило насиліе, Унія исчезла сама собою. 130 тыс. Уніатовъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской не только безъ сопротивленія возвратились къ вѣрѣ отцевъ своихъ, но даже во многихъ мѣстностяхъ праздновали этотъ день и ознаменовали свою радость посильными пожертвованіями въ пользу Православныхъ церквей и возвращеніемъ въ нихъ царскихъ дверей и разныхъ утварей, *спасенныхъ нѣкогда во время опустошенія нашихъ церквей Польскими фанатиками и съ тѣхъ поръ хранившихся въ бѣдныхъ домахъ у крестьянъ.* Большая часть бывшихъ уніатскихъ священниковъ, не зная о соборѣ въ Полоцкѣ, изъявляли сперва недовѣрчивое сомнѣніе, легко разсѣянное объясненіемъ дѣла и убѣжденіями, и только *одинъ* изъ нихъ,

за сопротивленіе, былъ удаленъ изъ края. Довершеніе соединенія воспослѣдовало подчиненіемъ бывшихъ уніатскихъ приходовъ епархіальному управленію нашей церкви [42]), и тѣмъ прекращены возникшія было названія *древле и ново*-православныхъ. Епархіальное управленіе Волынской губерніи было переведено изъ Почаева въ Житоміръ [43]), и такимъ образомъ соединено было въ одно мѣсто главное управленіе свѣтское и духовное.

Дѣламъ Православнаго духовенства въ присутственныхъ мѣстахъ данъ былъ скорый и правильный ходъ; наконецъ, приняты были мѣры для приведенія церквей въ должное благолѣпіе [44]) и обезпеченія сельскаго духовенства домами, землями и единовременными пособіями [45]). Къ 1850 году было исправлено 2628 церквей, выстроено вновь 184; возобновленіе Софійскаго собора, первообраза почти всѣхъ нашихъ древнѣйшихъ храмовъ, продолжается, о количествѣ обезпеченныхъ причтовъ собираются свѣдѣнія. Совращенія въ иновѣріе совершенно прекратились, а обратившихся въ Православіе считается съ 1839 по 1850 г. болѣе *10 тысячъ душъ*.

Должно надѣяться, что мѣры, принятыя для улучшенія матеріальнаго благосостоянія Православнаго духовенства, приведутъ за собою и нравственное улучшеніе въ его образѣ жизни, что оно займетъ въ общественномъ мнѣніи высокое мѣсто, къ которому оно призвано, и тогда не будетъ надобности пользоваться Высочайшимъ повелѣніемъ [46]) объ устраненіи священниковъ отъ гласныхъ слѣдствій, могущихъ породить соблазнъ и бросить тѣнь на все сословіе.

Положеніе крестьянъ.

Если, несмотря на продолжительное господство Поляковъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, на всѣ соблазны и насилія, употребленные ими, край этотъ остался Русскимъ и сливается теперь въ одно *нераздѣльное цѣлое* со всею Имперіею: то главною тому причиною была непоколебимая твердость простаго народа, жителей селъ, *хранившихъ свято свою вѣру, преданія своихъ отцевъ и вѣрность Русскому правительству* со времени присоединенія края къ Россіи. Выдержавъ, въ продолженіи вѣковъ, гоненія Іезуитовъ и угне-

[42]) По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ Мартѣ 1841 г.

[43]) По Высочайше утвержд. журналу Комитета Запад. губерн. 4 Апрѣля 1840 г.

[44]) Высочайшее повелѣніе 21-го Мая 1840 г.

[45]) По Высочайше утвержденному положенію 20-го Іюля 1842 г.

[46]) 23-го Мая 1845 г.

тенія помѣщиковъ, народъ и въ послѣднее время не поддался на обѣщанія пановъ, суливших ему свободу, чтобы вовлечь его въ революцію 1830 года. По какому-то вѣрному инстинкту, онъ угадалъ, что въ ихъ рѣчахъ таилась лесть *и, по врожденному усердію къ верховной власти, слѣдилъ за дѣйствіями помѣщиковъ*, стерегъ ихъ неусыпно, предупреждалъ правительство о ихъ сборахъ и этою безкорыстною услугою парализовалъ силы Поляковъ. Предводители возстанія были на лицѣ; но не оказалось войска, и, при первомъ ихъ движеніи, тѣ самые люди, которыхъ они хотѣли обратить въ орудіе своей цѣли, связали имъ руки. Но эта неоцѣненная служба не только не была вознаграждена по достоинству, даже не было исполнено обѣщаніе, торжественно данное генералъ-фельдмаршаломъ Сакеномъ [47]), по которому поселяне, призванные къ содѣйствію противъ бунтовавшихъ господъ своихъ, не должны впредъ оставаться въ ихъ власти. На дѣлѣ вышло иначе: многія имѣнія оставлены были за помѣщиками, принимавшими участіе въ революціи, или поступили къ ихъ близкимъ родственникамъ. Такимъ образомъ, если, въ прежнія времена, Поляки по своему происхожденію, по своей вѣрѣ, чуждались народа, по своей аристократической надменности презирали его, по своимъ расчетамъ и по врожденной привычкѣ къ мотовству, обременяли его нестерпимыми тягостями и отдавали въ жертву Жидамъ: то въ послѣднее время новый родъ угнетенія, политическая месть, обрушилась на беззащитный народъ *и сильно поколебала его надежду на верховную власть и мощное ея заступничество.*

Признаки этого охлажденія начинали уже обнаруживаться въ 1838 и 1839 годахъ, а участь народа не улучшалась. Прежнія повинности тяготѣли на немъ, прежній произволъ въ обращеніи и варварскія жестокости доводили его до отчаянія, доказаннаго числомъ *самоубійствъ*, возраставшимъ въ страшной прогрессіи и доходившимъ до 200 и 300 въ одинъ годъ.

Положеніе казенныхъ крестьянъ было едва ли не хуже положенія помѣщичьихъ. Казенныхъ имѣній въ трехъ губерніяхъ считалось 464, въ нихъ душъ 191.088. Изъ этихъ имѣній 404 имѣнія (въ томъ числѣ конфискованныя въ 1831 году), населенныя 150.302 душами, находились во владѣніи Поляковъ, большею частью получившихъ ихъ съ молотка въ арендное содержаніе или въ администрацію. Этотъ способъ, принятый казною для извлеченія доходовъ изъ имѣній, въ финансовомъ отношеніи былъ для нея не-

---

47) Въ прокламаціи его 19 Мая 1831 г.

выгоденъ, а для крестьянъ сопряженъ съ притѣсненіями всякаго рода; наконецъ, въ политическомъ отношеніи онъ подрывалъ мало по малу главную силу правительства. Первое обстоятельство неопровержимо доказывалось числами; ибо въ Кіевской губерніи, на имѣніяхъ, отданныхъ въ арендное содержаніе или въ администрацію, считалось слишкомъ вдвое болѣе недоимокъ, чѣмъ на имѣніяхъ, состоявшихъ на оброчномъ положеніи, хотя сіи послѣднія имѣнія числомъ душъ не равнялись съ половиною имѣній перваго рода. Второе обстоятельство подтверждалось множествомъ дѣлъ, производившихся въ уголовныхъ палатахъ, изъ которыхъ видно было между прочимъ, что арендаторы и администраторы употребляли крестьянъ на постороннія работы въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, отбирали у нихъ пахатныя и сѣнокосныя земли, даже самихъ казенныхъ крестьянъ переводили въ свои имѣнія и записывали по ревизіи за собою, насиловали ихъ женъ и дочерей, а за малѣйшее сопротивленіе, за каждую поданную жалобу, безчеловѣчно наказывали, забивали въ неподвижныя колодки, головы брили, обливали водою, засѣкали до смерти.

Такое положеніе крестьянъ казенныхъ, т. е., по ихъ понятіямъ, считавшихъ себя подъ непосредственнымъ покровительствомъ верховной власти, естественно порождало въ нихъ мысль, *что эта власть или не заботится о нихъ, или безсильна оградить ихъ отъ произвола Поляковъ*; а злонамѣренность сихъ послѣднихъ питала и развивала въ нихъ это запавшее сомнѣніе, съ цѣлію лишить правительство сочувствія массъ и привязать ихъ къ себѣ надеждою заслужить облегченіе покорностію и безусловнымъ содѣйствіемъ.

По неоднократнымъ представленіямъ обо всемъ этомъ, повелѣно не отдавать впредъ конфискованныхъ имѣній въ аренду и администрацію родственникамъ и женамъ мятежниковъ [48]), а затѣмъ принять въ особенное вниманіе стѣсненіе, которое крестьяне западныхъ губерній претерпѣвали отъ администраторовъ [49]). Но первая мѣра была недостаточна; вторая выражала благое намѣреніе, но не опредѣляла средствъ къ его достиженію, и потому было настаивано на необходимости не медля перевести крестьянъ на оброчное положеніе, полагая въ этомъ единственное средство улучшить ихъ бытъ, оградить ихъ отъ вліянія Поляковъ и упрочить на будущее время политическую безопасность края.

---

[48]) Увѣдомленіе министра Госуд. Имуществъ 27 Іюня 1841 г.

[49]) Увѣдомленіе его же 7 Ноября 1842 г.

Послѣ продолжительной по сему предмету переписки, 5 Апрѣля 1844 г. состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы казенныя селенія въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской переведены были на поземельное оброчное положеніе, состоящія въ казенномъ управленіи—немедленно, а находившіяся въ содержаніи по контрактамъ—по мѣрѣ прекращенія правъ временныхъ владѣльцевъ. Немедленно было приступлено къ исполненію Высочайшей воли, и по мѣрѣ освобожденія имѣній, отданныхъ съ торговъ въ арендное или административное содержаніе, крестьяне переводились на оброкъ, такъ что въ 1850 г. новое положеніе *введено было въ имѣніяхъ и только оставалось на прежнемъ положеніи до истеченія сроковъ контрактамъ на ихъ содержаніе.*

Опытъ вполнѣ оправдалъ эту мѣру. При введеніи оброчной системы, крестьяне обнаруживали *особенную и всеобщую радость, вездѣ праздновали* это событіе, какъ величайшую милость, возсылали благодарственныя моленія къ Богу и *благословляли Царя, по выраженію крестьянъ, никого не забывающаго.* Съ этихъ поръ оброкъ уплачивался исправно, и даже пополнялись недоимки прежнихъ годовъ; а общій доходъ казны, въ слѣдствіе увеличенія прибыли отъ оброчныхъ статей, не только не упалъ, какъ этого опасались, но возвысился на 161 тысячу слишкомъ рублей. Этотъ численный результатъ введенія оброка свидѣтельствуетъ самъ по себѣ о быстромъ улучшеніи въ быту крестьянъ.

Помѣщичьи крестьяне находились почти въ такомъ же положеніи, какъ и казенные до перевода ихъ на оброкъ.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ губерніяхъ, бывшихъ нѣкогда подъ владычествомъ Польши, издавна существовали *инвентари* или помѣстныя положенія, въ которыхъ опредѣлены были угодья и выгоды, предоставленныя крестьянамъ и разныя повинности на нихъ лежавшія. Но эти инвентари, повидимому долженствовавшіе бы установить правомѣрныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, нисколько не обезпечивали сихъ послѣднихъ; ибо, вопервыхъ, не эту цѣль имѣло въ виду Польское правительство при введеніи инвентарей, а огражденіе казеннаго интереса при отдачѣ имѣній во временное владѣніе; вовторыхъ, инвентари не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію имѣній и средствамъ крестьянъ; въ третьихъ, не будучи для помѣщиковъ обязательны, они нарушались безнаказанно въ ущербъ поселянъ; наконецъ, корыстолюбіе помѣщиковъ нашло средство самые инвентари обратить въ средство угнетенія, повидимому законнаго: крестьянамъ задавали уроки, превосходившіе обыкновенныя силы человѣка, посылали ихъ для препровожденія проходившихъ войскъ, для починки дорогъ и другихъ повин-

ностей; но помѣщики не принимали на свой счетъ дней проведенныхъ въ командировкѣ по земскимъ надобностямъ, а зачисляли ихъ вмѣстѣ съ неотработанными уроками въ долгъ за крестьянами, записывали его въ книгу и заставляли отработывать въ предоставленные имъ дни, такъ что поселяне круглый годъ трудились, не зная даже праздниковъ, и никогда не выходили изъ долговъ.

Сверхъ того, помѣщики заводили въ имѣніяхъ своихъ монополіи, продавая Жидамъ исключительное право покупки сельскихъ произведеній у крестьянъ и черезъ это, такъ сказать, переуступали послѣднихъ въ кабалу алчнымъ промышленникамъ. Систематическое раззореніе крестьянъ сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ или неосторожность, сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили въ заперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ солянымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п. Защиты отъ властей крестьяне не могли ожидать; ибо члены полиціи и дворянскіе предводители, будучи большею частію сами Поляки и помѣщики, по пристрастію и политическимъ видамъ, потворствовали своимъ братьямъ, какъ это доказывало ихъ совершенное бездѣйствіе по множеству дѣлъ, возбужденныхъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ и о которыхъ предводители не могли не знать.

Также безсильны были законы, изданные въ 1831 и 1835 годахъ, и всѣ вообще полумѣры, которыя только преслѣдуютъ послѣдствія, но не касаются причинъ, направлены противъ употребленнаго во зло произвола и оставляютъ въ силѣ самый произволъ.

Между тѣмъ, невыносимыя муки, претерпѣваемыя крестьянами, умножали между ними самоубійства, въ нѣкоторыхъ случаяхъ доводили ихъ до ожесточенія и самоуправства, и вообще убивали постепенно всякую въ нихъ надежду. По всѣмъ доходившимъ свѣдѣніямъ, должно было опасаться одного изъ двухъ: или совершеннаго охлажденія массы народной къ правительству, или кровавой мести, подобной бывшей въ сосѣдней Галиціи.

Для предупрежденія того и другаго, ходатайствовано было неоднократно о введеніи обязательныхъ инвентарей, съ точнымъ въ нихъ опредѣленіемъ всѣхъ крестьянскихъ повинностей и всѣхъ правъ помѣщиковъ на ихъ трудъ.

Эта мѣра удостоилась двукратно Высочайшаго одобрѣнія [50]), и повелѣно было привести ее немедленно въ исполненіе. Для сего со-

[50]) Въ 1841 г. положеніемъ комитета о западн. губерніяхъ.

ставлена была комитетомъ по дѣламъ западныхъ губерній особая инструкція, возлагавшая на обязанность учрежденныхъ въ губерніяхъ комитетовъ [51]) вытребовать отъ всѣхъ помѣщиковъ инвентари ихъ имѣній, разсмотрѣть ихъ, не входя въ сужденіе собственно о формѣ, и допускать ихъ по возможности въ томъ видѣ, въ какомъ они будутъ представлены, если въ главныхъ статьяхъ оные будутъ удовлетворять указанной правительствомъ цѣли, т.-е. обезпеченію крестьянъ. Въ половинѣ 1846 г., когда губернскіе комитеты окончили возложенныя на нихъ обязанности, оказалось, что не было *никакой возможности утвердить и ввести инвентари въ томъ видѣ, какъ они были представлены комитетами*: ибо, вопервыхъ, *они разнились между собою въ главныхъ положеніяхъ*; вовторыхъ, статистическія свѣдѣнія, долженствовавшія служить основаніемъ для опредѣленія повинностей, были невѣрны и большею частію выдуманы; повѣрка ихъ потребовала бы люстраціи или кадастра всѣхъ помѣщичьихъ имѣній; въ третьихъ, при опредѣленіи повинностей по качеству земли и произведеніямъ, нельзя было надѣяться достигнуть точности, и слѣдовательно поводы къ замѣченнымъ притѣсненіямъ не были бы устранены; крестьяне остались бы въ неизвѣстности, что́ именно они обязаны исправлять на помѣщика и на какомъ основаніи; помѣщики, при явномъ ихъ нежеланіи исполнить предположенную мѣру, столь важную для улучшенія быта крестьянъ, имѣли бы средства обманывать ихъ, и тогда негодованіе крестьянъ пало бы неминуемо *уже не на господъ, а на правительство, узаконившее ихъ бѣдственное положеніе*.

По всѣмъ этимъ причинамъ, предложено было составить и ввести, вмѣсто частныхъ инвентарей по каждому имѣнію—*одинъ общій*, съ допущеніемъ двухъ различій, барщины съ души и барщины отъ хозяйства. При составленіи проекта общаго инвентаря было въ виду обратить всѣ средства и все вниманіе крестьянъ на земледѣліе, установить правомѣрныя формы личныхъ отношеній между помѣщиками и поселянами (въ чемъ особенно ощущалась нужда), устранить переходъ послѣднихъ въ дворовые и тѣмъ оградить ихъ отъ Польскаго вліянія и удалить отъ самихъ господъ поводы къ разврату и преступленіямъ.

Соглашеніе предположеній сихъ съ прежнимъ взглядомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на инвентари было предметомъ многосложной переписки и совѣщаній, въ слѣдствіе коихъ составлены были правила для управленія имѣніями по инвентарямъ, заключавшія въ

---

[51]) Они состояли подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ предводителей дворянства, губернскихъ чиновниковъ и нѣсколькихъ помѣщиковъ.

себѣ всю сущность вводимаго преобразованія, т.-е. подробное опредѣленіе обязанностей и правъ крестьянъ. Въ тоже время предположено опубликовать эти правила вмѣстѣ съ выписками изъ частныхъ помѣщичьихъ инвентарей, и при введеніи ихъ въ дѣйствіе, на шесть лѣтъ, отнюдь *не возвышать ни въ одномъ имѣніи существовавшихъ дотолѣ повинностей*. Означенное предположеніе и самыя правила, по докладу комитета по дѣламъ западныхъ губерній, удостоились Высочайшаго утвержденія 26 Мая 1847 г. Для приведенія въ исполненіе Высочайшей воли поручено предводителямъ дворянства уѣзднымъ, въ сопровожденіи члена земской полиціи, въ присутствіи помѣщика имѣнія и приходскаго священника, прочесть инвентарное положеніе во всеуслышаніе собраннымъ крестьянамъ, въ каждомъ имѣніи, въ праздничный день, по совершеніи молебствія и, оставивъ одинъ экземпляръ для храненія въ церкви, вручить другой помѣщику. Но при этомъ нельзя было не предвидѣть, что крестьяне не въ состояніи будутъ упомнить или понять во всѣхъ подробностяхъ свои права и обязанности по одномъ прочтеніи; что неминуемо должны возникнуть между ними недоразумѣнія и сомнѣнія, что, для разъясненія ихъ, они конечно не обратятся ни къ помѣщику, ни къ дворянскому предводителю, по естественной недовѣрчивости къ этимъ лицамъ, но что священники, находясь съ прихожанами въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ, въ слѣдствіе ихъ распросовъ, неминуемо примутъ участіе въ ожидаемыхъ толкахъ. По этимъ соображеніямъ, признано было полезнымъ обратить вліяніе священниковъ на народъ въ средство предупрежденія безпорядковъ и поручить имъ, въ случаѣ распросовъ, объяснять крестьянамъ *только настоящую сущность новыхъ правилъ, безъ всякихъ толкованій и разсужденій*. Такимъ образомъ приходскому духовенству вмѣнено было въ обязанность, подъ личною его отвѣтственностію, дѣлать то, къ чему оно, по самому положенію своему, *было бы неминуемо приведено*, но безъ всякой съ его стороны отвѣтственности. Въ тоже время, чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства, объявлено было помѣщикамъ Высочайшее повелѣніе [52]) предавать военному суду тѣхъ изъ нихъ, которые стали бы уклоняться отъ точнаго исполненія изданныхъ правилъ; и это своевременное предостереженіе было такъ *дѣйствительно, что не оказалось ни разу нужды прибѣгнуть къ указанной мѣрѣ*.

Главныя положенія инвентарныхъ правилъ заключались въ слѣдующемъ.

Вся земля, находившаяся въ продолженіи шести послѣднихъ лѣтъ въ пользованіи крестьянъ, оставлена за ними навсегда. За предостав-

---

[52]) Словесно данное 10 Сентября 1847 года.

ленные имъ поземельные участки и прочія угодія, крестьяне обязаны исправлять барщину въ каждую недѣлю: тяглое семейство—по три дня тяглыхъ съ упряжью и по одному дню женскому; полутяглые—по два дня пѣшихъ и по одному женскому.

Барщину положено отработывать въ каждую недѣлю, безъ переноса оной на другое время. Сверхъ барщины, каждый способный работникъ и работница обязаны отработывать по 12 лѣтнихъ сгонныхъ дней за плату по утвержденной таксѣ.

За предоставленныя крестьянамъ особенныя выгоды (какъ-то пользованіе лѣсомъ, пастбищами, рыбною ловлею и т. п.), крестьяне обязаны отбывать придаточную повинность съ каждаго семейства тяглаго, полутяглаго и огороднаго по 8 дней строительныхъ въ году (но не въ рабочую пору) и ночной караулъ изъ одного работника отъ всякаго двора, по одному разу въ мѣсяцъ.

Огородники, наравнѣ съ прочими хозяевами, за предоставленныя имъ выгоды, обязаны отбывать сгонные дни и ночной караулъ, сверхъ того 12 дней барщины и платить оброкъ по утвержденной таксѣ за усадебную и огородную земли.

Бобыли обязаны платить оброкъ по утвержденной таксѣ.

Всѣ данины, вещественные сборы и разные косвенные налоги съ крестьянъ отмѣнены. Опредѣлено способными къ работѣ считать мущинъ отъ 17 до 50 лѣтъ, а женщинъ отъ 16 до 50 лѣтъ.

Опредѣлены размѣръ дня лѣтняго и зимняго, уроки для работъ, подлежащихъ урочному положенію, особыя правила для употребленія крестьянъ на фабрикахъ и заводахъ, для исправленія подводной повинности въ зачетъ инвентарныхъ дней, для раздѣла семействъ, для огражденія малолѣтнихъ, беременныхъ женщинъ и больныхъ, для открытія способа къ заработкамъ посредствомъ промысловъ и торговли.

Воспрещено перечислять по ревизскимъ сказкамъ и по семейнымъ спискамъ крестьянъ въ дворовые люди.

Положено жалованье по таксѣ для бобылей и сиротъ, коихъ позволено помѣщикамъ употреблять для экономической и домашней прислуги.

Заведены книжки для записки отработываемыхъ крестьянами дней и разныхъ съ ними расчетовъ; заведены штрафныя книги.

Въ послѣдствіи, опытъ указалъ на необходимость нѣкоторыхъ дополненій, и потому правила эти, съ высочайшаго утвержденія 29 Декабря 1848 года, изданы были вновь. Новыя статьи, въ нихъ введенныя, касались обезпеченія вдовъ и сиротъ, исчисленія праздниковъ, въ которые крестьяне должны быть освобождены отъ работъ и точнѣйшаго соразмѣренія повинностей съ количествомъ земли, предостав-

ленной крестьянамъ, посредствомъ опредѣленія въ каждомъ имѣніи нормальнаго размѣра участковъ на всякій разрядъ крестьянскаго хозяйства.

Таково основное содержаніе инвентарнаго положенія, и имъ достаточно объясняется дѣйствіе, которое оно произвело на народъ и на помѣщиковъ.

Народъ, начинавшій приходить въ отчаяніе (какъ это доказывали частыя возмущенія въ Волынской губерніи въ 1845 г.), когда увидѣлъ благодѣтельныя распоряженія правительства въ казенныхъ имѣніяхъ и когда дошелъ до него темный слухъ о предположенномъ для него улучшеніи, укрѣпился надеждою и утихъ. При безпрестанныхъ сношеніяхъ пограничныхъ нашихъ поселянъ съ жителями Галиціи, онъ не могъ не знать о страшной мести, которою въ томъ краѣ крестьяне отплатили помѣщикамъ за вѣковыя угнетенія и, не менѣе того, *въ теченіи 1846 года, въ трехъ губерніяхъ все было спокойно.* Если таково было могущество одной надежды, то не трудно представить себѣ, какое дѣйствіе произвело ея осуществленіе. Торжественное объявленіе инвентарей въ началѣ 1848 года принято было крестьянами съ живѣйшею радостію и благодарностію; они складывались для служенія молебновъ Св. Николаю Чудотворцу и прозвали новый законъ *Государево добро.*

При введеніи его въ дѣйствіе, возникли предугаданныя недоразумѣнія и, несмотря на всѣ мѣры, принятыя для скораго ихъ разрѣшенія, мѣстами оказались безпорядки. Впрочемъ, они не имѣли между собою ничего общаго (ибо народъ былъ доволенъ) и заключались въ томъ, что крестьяне, полагая, что съ нихъ требуютъ лишняго, не по *Царскому указу*, чему дѣйствительно бывали примѣры, отказывались отъ работъ или собирались въ толпы и не выдавали своихъ собратій для наказанія; но произведенныя изслѣдованія доказали, что всѣ подобные случаи происходили или отъ недоразумѣнія, или отъ дѣйствительныхъ притѣсненій, или отъ неосмотрительности лицъ, долженствовавшихъ охранять порядокъ, или, наконецъ, отъ злонамѣреннаго подстрекательства. Въ прежніе годы, болѣе значительные безпорядки, и несравненно чаще, происходили въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; но они прекращались домашнею расправою, и сами помѣщики скрывали ихъ или старались умалить; со введенія же инвентарей, малѣйшее непослушаніе доходитъ до свѣдѣнія начальства и почти всегда въ преувеличенномъ видѣ. Впрочемъ, всѣ безпорядки въ самомъ началѣ были прекращены безъ труда, увѣщаніями, или, гдѣ было нужно, мѣрами строгости.

Въ сословіи помѣщиковъ извѣстіе о требованіи инвентарей произвело волненіе и возбудило всеобщія опасенія. Возникли нелѣпые толки о томъ, что правительство намѣрено Польскихъ землевладѣльцевъ удалить вовсе изъ края, лишить ихъ собственности, обложить ихъ доходы налогомъ, что имъ угрожаетъ вѣрное раззореніе, что все это затѣяно съ цѣлью собрать съ нихъ деньги, и что предположеніе правительства не исполнится. Открытіе комитетовъ въ исходѣ 1844 г. и первыя ихъ дѣйствія указали нелѣпость опасеній и тщетность послѣдней надежды; тревоги на время прекратились. Большинство помѣщиковъ, при составленіи инвентарей, имѣя въ виду свои выгоды, умышленно измѣняли свои показанія противъ дѣйствительности; но нѣкоторые изъ нихъ, сознавая необходимость предположенной мѣры даже для личной ихъ безопасности, приняли въ ней добросовѣстное участіе. Дѣло пошло и было приведено къ окончанію. Но едва утверждены были инвентари, какъ разнесся слухъ, что крестьяне сговариваются рѣзать Поляковъ и даже назначили къ тому дни; оказалось, что и эта молва была распущена съ намѣреніемъ навести страхъ на правительство и заставить его отступиться отъ его намѣреній.

Когда же узнали Поляки о Парижской революціи и о волненіяхъ въ Европѣ, родилась между ними мысль произвести безпорядокъ, поджечь крестьянъ къ бунту, потомъ свалить всю вину на инвентари и, вынудивъ со стороны правительства мѣры строгости противъ возмущенныхъ крестьянъ, подорвать преданность къ нему простаго народа. Но козни не удались. Въ Іюнѣ 1848 г., когда объявлены были цѣны за лѣтніе сгонные дни, а вслѣдъ за тѣмъ, по случаю бывшей засухи, всѣ полевыя работы сошлись вмѣстѣ, и въ тоже время распространилась холера, многіе помѣщики, какъ бы нарочно, начали требовать усиленной барщины, даже заставлять отработывать (въ противность правиламъ) всѣ прежніе дни, числившіеся за крестьянами въ долгу. Подстрекатели воспользовались сими обстоятельствами, и безпокойства между крестьянами возобновились; но они были прекращены также успѣшно, какъ и при самомъ введеніи инвентарей.

Не успѣвъ произвести всеобщаго или даже одного значительнаго бунта, помѣщики имѣли однакоже въ предоставленной имъ полицейской власти могучее средство дѣйствовать на народъ, наводить на него страхъ и, пользуясь этимъ, мало по малу, возстановить свой прежній произволъ во всей силѣ.

Этимъ средствомъ они воспользовались. Крестьянъ, опиравшихся на предоставленныя имъ по инвентарямъ права, или подававшихъ жалобы въ случаѣ нарушенія правилъ, многіе помѣщики цѣлы и десятками стали представлять къ ссылкѣ на поселеніе, или зажигочнѣй-

шихъ изъ нихъ, безъ всякой вины, отдавать внѣ очереди въ рекруты, или, наконецъ, усугублять тѣлесныя наказанія, давая имъ чувствовать, что инвентари, принятые ими съ такою радостію, не оправдаютъ ихъ надеждъ и что участь ихъ по прежнему находится вся въ рукахъ господина. Обязанность крестьянъ испрашивать для вступленія въ бракъ соизволенія помѣщика точно также была обращена въ средство для ихъ угнетенія. Имѣя въ виду, что продолжительное дѣйствіе помѣщиковъ въ этомъ духѣ несомнѣнно могло бы лишить инвентарныя правила всякой обязательной силы и раздражить поселянъ, мѣстное начальство предлагало во 1-хъ, чтобы, при отдачѣ въ рекруты или представленіи къ ссылкѣ крѣпостныхъ людей по волѣ помѣщиковъ, о каждомъ такомъ случаѣ, прежде исполненія, *доводимо было до свѣдѣнія генералъ-губернатора*, и во 2-хъ, чтобы воспрещено было помѣщикамъ *препятствовать бракосочетаніямъ между людьми, принадлежащими одному и тому же имѣнію*, если по церковнымъ правиламъ не было къ тому препятствій.

Для огражденія крестьянъ отъ произвола экономовъ, предложено было не иначе принимать послѣднихъ на службу въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, какъ съ засвидѣтельствованіемъ уѣздныхъ предводителей о ихъ поведеніи и нравственности; лишить ихъ права собственною властью *наказывать крестьянъ тѣлесно*, а изобличенныхъ въ нарушеніи данной имъ власти впредъ *не допускать къ таковымъ должностямъ, о чемъ и публиковать.*

Всѣ сіи мѣры удостоились высочайшаго утвержденія въ Генварѣ 1849 года съ тѣмъ, чтобы двѣ первыя приводимы были въ исполненіе административнымъ порядкомъ и безъ огласки.

*

Введеніе правомѣрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, посредствомъ обязательныхъ инвентарей, несмотря на новость этого учрежденія, уже оправдано опытомъ. Въ матеріальномъ отношеніи оно улучшило бытъ 3,297,147 крестьянъ и поощрило въ нихъ охоту къ труду, вселивъ увѣренность, что трудъ обратится имъ въ пользу; въ отношеніи нравственномъ сознаніе полученнаго права подняло упавшій духъ сельскаго сословія; въ политическомъ отношеніи оправдавшаяся надежда простаго народа на заступничество верховной власти навсегда утвердила его приверженность къ Русскому Государю и подорвала надежды Польской партіи когда либо обратить его въ орудіе своихъ замысловъ. Съ другой стороны, опасность народнаго возстанія противъ помѣщиковъ устранена ограниченіемъ ихъ произвола; наконецъ, вопреки всеобщимъ опасеніямъ и предсказаніямъ,

помѣщики не раззорились, и даже цѣнность имѣній, послѣ введенія инвентарей, возвысилась противъ прежняго.

Учрежденіе временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и центральнаго архива въ Кіевѣ для актовыхъ книгъ.

Въ заключеніе этого обозрѣнія мѣръ, принятыхъ для возвышенія въ краѣ коренныхъ Русскихъ началъ, остается упомянуть объ одной, по видимому выходящей изъ сферы администраціи, но обѣщающей принести со временемъ значительную практическую пользу; это учрежденіе коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ и центральнаго архива въ Кіевѣ для актовыхъ книгъ. Не говоря о томъ, что собранные и уже изданные коммиссіею памятники наполняютъ пробѣлъ въ нашей исторіи, нѣтъ сомнѣнія, что совершенное незнаніе древней судьбы края или полузнаніе, почерпнутое изъ Польскихъ писателей, съ своей точки зрѣнія и для своихъ цѣлей искажавшихъ событія, мѣшаетъ вѣрному пониманію настоящаго положенія и вѣрной оцѣнкѣ дѣйствій правительства *). Толки объ нихъ доказываютъ, что очень многіе въ возсоединеніи съ Россіею Кіевской, Подольской и Волынской губерній видятъ завоеваніе Польскихъ областей, въ возвышеніи коренныхъ началъ мѣстной жизни—насильственное внесеніе началъ чуждыхъ, въ устраненіи Польскаго преобладанія—актъ произвола или политическаго расчета, а не исторической необходимости. Но сохранившіеся древніе акты, безъ всякихъ разсужденій и доказательствъ, выводятъ неопровержимо совершенно противное и освѣщаютъ настоящее положеніе края и дѣйствія правительства.

Со временемъ, изданные и предназначенные къ изданію документы, изъ тѣснаго круга ученыхъ, перейдутъ въ учебныя книги, пріобрѣтутъ всеобщую извѣстность, и будущія поколѣнія предохранены будутъ основательнымъ изученіемъ нашей исторіи отъ безсознательныхъ вліяній и увлеченій, почти всегда сопровождающихъ невѣжество.

*

Таковы были главныя мѣры, клонившіяся къ ограниченію началъ дотолѣ преобладавшихъ и къ возвышенію началъ униженныхъ. По

---

*) Нѣтъ сомнѣнія, что если бы императоръ Павелъ и его совѣтники ближе знали Русскую исторію, судьба нашихъ южныхъ и западныхъ окраинъ была бы иная. Позднѣе, въ императорѣ Александрѣ Павловичѣ дѣйствовали и личныя побужденія, которыми отмѣнно искусно воспользовались съ одной стороны князь Чарторижскій, съ другой Наполеонъ. П. Б.

самой ихъ цѣли, онѣ должны были возбудить ропотъ и сопротивленіе со стороны враждебной къ правительству, и потому естественно, что онѣ не могли бы быть успѣшно приведены въ исполненіе, еслибы *мѣстному начальству не были даны особенныя средства и особенная власть для устраненія препятствій.*

Эти средства главнѣйшимъ образомъ заключались въ слѣдующемъ. Для привлеченія въ край Русскихъ чиновниковъ, главному мѣстному начальству предоставлено было право представлять къ награжденіямъ, не стѣсняясь обыкновенными правилами, допускать къ должностямъ свыше тѣхъ классовъ, на которые служащіе могутъ имѣть право; особая сумма назначена для единовременныхъ пособій [53]), разрѣшено назначать въ нѣкоторыя судебныя должности, занимаемыя по выборамъ, чиновниковъ отъ короны [54]). Управленіе всѣмъ учебнымъ округомъ поручено генералъ-губернатору [55]). Палаты Госуд. Имуществъ подчинены ему по дѣлу о переводѣ казенныхъ крестьянъ на оброкъ. Чрезвычайная власть, предоставленная главному начальству края для охраненія политической безопасности, для предупрежденія совращеній изъ Православія, для огражденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ жестокаго обращенія, обезпечена въ особыхъ секретныхъ инструкціяхъ.

Только подобное положеніе могло дать способы мѣстному начальству соблюдать единство направленія по всѣмъ вѣдомствамъ, соглашать ихъ дѣятельность съ общею цѣлью высшаго правительства и, дѣйствуя твердо и рѣшительно противъ непріязненныхъ началъ, не допускать ни съ какой стороны надежды на успѣхъ сопротивленія. Вопреки ропоту, угрозамъ и предсказаніямъ, все предположенное было исполнено.

Но если, по принятой системѣ, самоувѣренному противодѣйствію ниже пяди уступлено не было: то, разъ побѣжденное и смиренное, оно находило пощаду. Въ 1839 г. люди, скрывавшіеся въ краю и зачисленные изгнанниками, получили всемилостивѣйшее прощеніе. Въ 1840 г. [56]) повелѣно освободить всѣхъ замѣшанныхъ по мятежу отъ явнаго надзора. Нѣсколько женщинъ, удаленныхъ изъ края по дѣлу о тайныхъ обществахъ въ 1838 г., получили дозволеніе возвратиться; участь нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ этого общества, сослан-

---

[53]) Высочайше утвержденный „Журналъ Западн. Ком.“ 8 Мая 1839 г.

[54]) Тоже 4 Апр. 1840 г.

[55]) Высочайше утвержд. докладъ особаго комитета 23 Апр. 1840 г. и указъ 18 Ноября 1848 г.

[56]) По высочайшему повелѣнію 12 Марта.

ныхъ въ Сибирь, была облегчена [57]). Въ 1846 г. многіе изъ нихъ возвращены изъ Сибири и переведены на жительство въ Великороссійскія губерніи.

Въ 1848 г. всѣ дѣла, производившіяся по злоупотребленію помѣщичьей власти, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, бывшему до введенія инвентарей, были прекращены. Имѣнія, находившіяся по тѣмъ дѣламъ въ опекѣ, освобождены отъ оной; дворяне, коимъ по прикосновенности къ мятежу воспрещено было участвовать въ выборахъ, были къ нимъ допущены.

Всѣ исчисленныя и нѣкоторыя другія мѣры, объявленныя какъ непосредственное дѣйствіе высочайшаго милосердія, не только не воспрепятствовали достиженію предположенныхъ цѣлей, но, можно сказать, состояли въ тѣсной связи съ общимъ направленіемъ и образомъ дѣйствія мѣстнаго начальства: ибо, при такомъ образѣ дѣйствій, твердомъ и рѣшительномъ, снисхожденіе не могло быть принято за признакъ уступчивости или слабости, но напротивъ, священное право верховной власти—прощать и миловать, возвышая нравственное достоинство правительства, еще болѣе убѣждало въ его могуществѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго усматривается, что, въ теченіи 13 лѣтъ, основная мысль правительства была проведена сквозь цѣлый рядъ коренныхъ преобразованій, касавшихся всѣхъ сословій и учрежденій и обнимавшихъ всѣ стороны мѣстной жизни. Дѣйствительность принятыхъ мѣръ и достигнутые чрезъ нихъ результаты должны обнаружиться сами собою при сравненіи того положенія, въ которомъ находились губерніи Кіевская, Подольская и Волынская въ 1838 году съ настоящимъ ихъ положеніемъ.

Предположенія на будущее время.

Сверхъ вышеисчисленныхъ мѣръ, уже приведенныхъ въ исполненіе, представлены соображенія на будущее время, съ цѣлью заставить богатыхъ помѣщиковъ, несостоящихъ на службѣ, содѣйствовать къ пользѣ общей, прекратить вольную продажу вина, организовать рекрутскую повинность, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ отмѣнить отдачу имѣній въ арендное содержаніе.

Положеніе высшаго дворянства въ краѣ, существенно разнящееся съ положеніемъ того же сословія въ прочихъ губерніяхъ, обращало на себя вниманіе совершенною безполезностію его, какъ для правительства вообще, такъ и для края въ особенности. Владѣя большими на-

[57]) По высочайшему повелѣнію 12 Марта.

селенными имѣніями, пользуясь общими правами и выгодами, предоставленными дворянству, какъ сословію по преимуществу посвящающему себя общественной дѣятельности на поприщѣ гражданскомъ и военномъ, богатые дворяне Польскаго происхожденія, большею частію, вовсе уклоняются отъ службы или же служать для того только, чтобы пріобрѣсти право голоса на выборахъ, и затѣмъ уже не несутъ никакихъ общественныхъ обязанностей, ни трудовъ. Несовмѣстность пользованія значительными преимуществами въ составѣ общества съ такимъ бездѣйствіемъ подала поводъ къ представленію о томъ, чтобы богатыхъ помѣщиковъ, имѣющихъ не менѣе 1000 душъ и не служащихъ или прослужившихъ менѣе 15 лѣтъ, обложить сборомъ по 3 четверика муки и по стольку же овса съ каждой души владѣемыхъ ими крестьянъ на содержаніе квартирующихъ въ краю войскъ, съ тѣмъ, чтобы сборъ сей падалъ на доходъ самихъ помѣщиковъ и отнюдь не на крестьянъ.

Таковое предположеніе, въ главномъ его основаніи высочайше одобренное, повелѣно привести въ исполненіе, наблюдая при томъ, чтобы сборъ сей падалъ только на дворянъ, коихъ два поколѣнія въ службѣ не были, отнюдь не распространяя его на женщинъ, ниже на малолѣтнихъ [58]).

Въ настоящее время собираются по означенному предмету мѣстныя свѣдѣнія.

Вредъ, происходящій для края и для всего государства отъ вольной продажи вина, какъ было неоднократно о томъ представляемо, заключается во 1-хъ, въ поводахъ къ корчемству на границахъ привилегированныхъ губерній съ Великороссійскими, котораго, несмотря на всѣ усилія, не было возможности прекратить; во 2-хъ, и главнѣйшимъ образомъ, въ систематическомъ развращеніи сельскаго класса. Помѣщики, занимаясь сами производствомъ вина и продажею его въ розницу, ос[illegible]вываютъ свои барыши на количествѣ крѣпкихъ напитковъ, потребля[illegible]хъ крѣпостными людьми, такъ что интересъ земледѣльцевъ на[illegible]тся въ прямомъ противорѣчіи съ благосостояніемъ цѣлаго сословія, [illegible] нихъ зависящаго; а многолѣтній опытъ доказываетъ, что личная корысть всегда перевѣшиваетъ нравственныя обязанности. Наклонный отъ природы къ пьянству, подстрекаемый къ удовлетворенію своей страсти тѣми самыми, которые должны бы были пещись о ея искорененіи, встрѣчая на каждомъ шагу соблазны, разставленные на его пути, народъ отдаетъ въ шинки послѣдніе свои заработки, а, въ

---

[58]) Высочайшія повелѣнія, объявленныя военнымъ министромъ въ отношеніяхъ 28 Сентября, 21 и 23 Октября и 11 Ноября 1849 года.

случаѣ неимѣнія денегъ, пропиваетъ свою одежду, домашнюю утварь, даже хлѣбъ еще неубранный. Такимъ образомъ, вмѣсто сбереженія остатковъ отъ расходовъ и постепеннаго накопленія капиталовъ, безъ котораго не можетъ произойти улучшенія въ состояніи сельскаго класса, хозяйство его приходитъ въ упадокъ, по мѣрѣ развитія почти неизлѣчимой привычки. Къ несчастію, не только взрослые мущины, но даже женщины и дѣти заражаются страстью къ пьянству, и въ слѣдствіе этого, поколѣнія хилѣютъ одно за другимъ; наконецъ, замѣчено, что привычка къ кабаку отучаетъ отъ посѣщенія церкви, вселяетъ вражду и распри въ семейный бытъ, доводитъ до отчаянія, такъ что вмѣстѣ съ хозяйствомъ разрушаются и физическія, и нравственныя силы народа.

По всѣмъ этимъ причинамъ, казалось необходимымъ уничтожить вольную продажу вина, *такъ называемую привиллегію западныхъ помѣщиковъ, состоящую существенно въ дозволеніи безнаказанно грабить и развращать физически и нравственно ихъ крестьянъ.*

Послѣ того, какъ мысль объ уничтоженіи вольной продажи вина, предложенная еще въ 1840 г., была одобрена высшимъ правительствомъ, представлены были два проекта для приведенія ея въ исполненіе.

Первый заключался въ томъ, чтобы ввести въ привиллегированныхъ губерніяхъ откупную систему на общемъ основаніи Великороссійскихъ губерній съ тѣмъ, чтобы, въ видѣ особенной льготы, сложить со всѣхъ сословій, кромѣ винокуренной подати, 25 процентовъ изъ причитающейся на оныхъ недоимки, дозволивъ помѣщикамъ ставить вино откупщикамъ по обоюдному согласію и продавать его въ другія губерніи, на томъ же положеніи находящіяся. При этомъ было въ виду уменьшить пьянство, прекратить корчемство на границахъ привиллегированныхъ губерній, наконецъ, подчинить ихъ и въ этомъ отношеніи одному общему съ Великороссійскими губерніями порядку.

Второй проектъ, примѣненный къ новому устройству питейныхъ сборовъ по указу 29 Сентября 1845 г., основанъ былъ на выкупѣ казною у помѣщиковъ права свободнаго куренія и продажи вина. Для этого предполагалось: капитализировать чистый доходъ нынѣ получаемый отъ вольной продажи по правиламъ объ оцѣнкѣ государственныхъ имуществъ, исключивъ изъ полученной суммы питейную пошлину и недоимку, все остальное выплатить помѣщикамъ выпускомъ билетовъ Государственнаго Казначейства, раздѣливъ ихъ на серіи, и

вымѣнивать ихъ постепенно, употребляя на погашеніе чистый доходъ отъ продажи вина въ сихъ губерніяхъ [59]).

Посредствомъ такого финансоваго оборота, независимо отъ прекращенія гибельныхъ послѣдствій вольной продажи, казна пріобрѣтала бы въ собственность богатый источникъ доходовъ; помѣщики ничего бы не потеряли, а увеличеніе капиталовъ въ ихъ рукахъ оживило бы промышленность и торговлю всего края.

Вопросъ объ измѣненіи вольной продажи и о замѣнѣ ея другою системою, послѣ продолжительной переписки, разрѣшенъ былъ указомъ 5 Декабря 1849 г. о введеніи акцизной системы.

Наблюденіе за обращеніемъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами обнаружило, что ничѣмъ неограниченный произволъ первыхъ, при отдачѣ послѣднихъ въ рекруты, во многихъ случаяхъ, подаетъ поводъ къ несправедливостямъ и обращается въ орудіе мести; сверхъ того, что исправленіе этой повинности сопровождается жестокостями и оскорбленіями [60]).

Для отнятія поводовъ къ такого рода злоупотребленіямъ власти, и для предупрежденія ропота и безпорядковъ со стороны крестьянъ, предположено было ввести въ помѣщичьихъ имѣніяхъ жеребьевую рекрутскую повинность, на томъ же основаніи, какъ и въ казенныхъ имѣніяхъ, съ необходимымъ впрочемъ примѣненіемъ къ быту помѣщичьихъ крестьянъ. Возможность и своевременность этой мѣры доказывалась тѣмъ, что уже сдѣланъ былъ опытъ ввести ее въ одномъ частномъ имѣніи [61]); но, дабы, согласно съ общею системою, принятою въ западныхъ губерніяхъ, всякое улучшеніе въ быту поселянъ исходило непосредственно отъ высшаго правительства, испрошено и получено высочайшее соизволеніе собрать по этому предмету всѣ нужныя свѣдѣнія и составить подробный проектъ.

Наконецъ, представлено предположеніе о воспрещеніи отдачи крестьянъ въ арендное содержаніе, какъ обычая исключительно Польскаго, о которомъ въ Русскихъ законахъ даже не упоминается и который, по

---

[59]) По расчету, основанному на преувеличенномъ показаніи о настоящихъ доходахъ помѣщиковъ и на умышленно-уменьшенной цифрѣ ежегоднаго потребленія вина, при введеніи новой системы, казнѣ должно было выплатить помѣщикамъ (не выключая отсюда недоимокъ) всего $43^1/_2$ милліона руб.; а билеты, выпущенные на эту сумму единовременно, съ уплатою на нихъ 4%, должны были выкупиться изъ доходовъ отъ винной продажи въ 10 лѣтъ. Разсрочка уплаты помѣщикамъ присужденнаго вознагражденія позволила бы сократить значительно выпускъ билетовъ.

[60]) Такъ напр., назначенныхъ въ рекруты, заковываютъ въ кандалы, водятъ на веревкахъ, томятъ голодомъ и арестомъ, раззоряютъ общества денежными поборами.

[61]) Въ имѣніи княгини Сангушко, состоящемъ изъ 33 т. душъ.

свидѣтельству вѣковаго опыта, подвергаетъ имѣнія раззоренію, крестьянъ обидамъ и притѣсненіямъ со стороны временныхъ владѣльцевъ, вовсе не пекущихся о ихъ благѣ, и въ тоже время отводитъ помѣщиковъ отъ полезныхъ занятій и пріучаетъ ихъ къ праздности.

*

За сообщеніе въ Русскій Архивъ этой чрезвычайно важной записки мы обязаны благодарностью достопочтеннѣйшему археологу и знатоку Русской исторіи Павлу Ивановичу Савваитову. Генералъ-губернаторомъ трехъ губерній, состояніе которыхъ такъ мѣтко и выразительно изображено въ этой запискѣ, былъ въ то время славный подвижникъ 1812 года, безрукій генералъ, исполненный политическаго смысла, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ (см. посвященные ему стихи князя П. А. Вяземскаго въ Русскомъ Архивѣ 1869, стр. 180). Когда возводится зданіе, летятъ стружки и высятся кучи мусору; Бибиковское управленіе такъ называемымъ Юго-западнымъ краемъ тоже не было чуждо злоупотребленій, въ которыхъ преданіе винитъ недавно умершаго въ Венеціи (далеко не въ достаткѣ) правителя его канцеляріи Николая Эварестовича Писарева *); но этимъ не умаляется великая заслуга тогдашняго правительства. Бывшая житница Польская досталась слѣдующему царствованію въ такомъ надежномъ состояніи, что ее уже не могли грабить враждебныя Россіи руки, и твердое сопротивленіе, выказанное тамошнимъ населеніемъ Польскому мятежу 1863 года, служитъ наглядным оправданіемъ прежнихъ правительственныхъ мѣропріятій. Важнѣйшимъ изъ нихъ были конечно знаменитые инвентари, т. е. введеніе правомѣрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Отношенія эти были устроены безъ шуму и трескотни, безъ громкихъ рѣчей о *свободѣ*, быстро замѣнившей первоначальное выраженіе, т. е. ***улучшеніе крестьянскаго быта***. Сіе послѣднее составляло завѣтную мысль всего царствованія Николая Павловича. Мы знаемъ, что имъ приготовлена была отмѣна крѣпостнаго права еще въ 1830 году, съ надѣломъ крестьянъ землею. Польскій мятежъ помѣшалъ исполненію. Приходилось начинать съизнова, и начато было съ того края, который наиболѣе нуждался въ таковомъ улучшеніи. За тѣмъ главный дѣятель сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Брату его, Ильѣ Гавриловичу, поручено введеніе инвентарей въ Сѣверо-западномъ краѣ. Дѣло близилось къ распространенію той же мѣры на другіе края Россіи. Умиравшій Государь бесѣдовалъ о томъ съ своимъ Наслѣдникомъ за нѣсколько часовъ до кончины. Но вмѣсто продолженія и распространенія началось нѣчто иное.... П. Б.

*) Княгиня Юрьевская приходится родной племянницей его супругѣ.

ПО ПОВОДУ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. И. ВЕНЮКОВА.

Всѣ долго прослужившіе на Кавказѣ привязываются къ нему такъ сильно, что всю жизнь носятся съ сожалѣніемъ о горькой необходимости, заставившей ихъ оставить этотъ прелестный край, и вспоминаютъ объ немъ, какъ о дорогомъ и родномъ. У меня, кромѣ того, еще другая слабость: какъ только прочитаю что нибудь о Кавказѣ, является неодолимое желаніе дополнить, разъяснить, указать на ошибки и т. д. Въ теченіе 25 лѣтъ Кавказской службы во всѣхъ его углахъ, въ различныхъ положеніяхъ гражданской и военной дѣятельности, я имѣлъ случай столько перечитать о дѣлахъ бывшихъ до меня, столько переговорить съ старожилами туземцами и Русскими, столько сдѣлать близкихъ знакомствъ съ лицами, отъ самыхъ главныхъ правителей края и начальниковъ войскъ до мелкихъ чиновниковъ и субалтерновъ всѣхъ родовъ оружія, что могу дѣйствительно говорить почти обо всемъ, до Кавказа относящемся, съ увѣренностью не сдѣлать ошибки. Не даромъ же называли меня «ходячимъ Кавказскимъ архивомъ».

Вотъ это влеченіе, «родъ недуга», очищать все появляющееся о Кавказѣ отъ вольныхъ или невольныхъ ошибокъ, неправильныхъ взглядовъ на людей и событія, сбивающихъ большинство читателей съ прямаго пути уясненія себѣ исторіи завоеванія и владычества нашего на Кавказѣ, побудило меня и теперь взяться за перо. Мнѣ попалась первая книга «Русскаго Архива за 1880 годъ», гдѣ напечатаны «Кавказскія Воспоминанія» г. Венюкова. Въ этихъ воспоминаніяхъ я нашелъ немало ошибочнаго. Между тѣмъ, авторъ, извѣстный ученый знатокъ дальняго Востока, пользуется вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ Географическомъ Обществѣ и въ періодической печати своими популярными статьями.

Говоря о покойномъ ген. Забудскомъ, авторъ «Кавказскихъ Воспоминаній» (стр. 407) между прочими похвалами говоритъ: «Ему (Забудскому) принадлежатъ многіе проекты и записки, между прочимъ и проектъ заселенія Западнаго Кавказа, утвержденный въ 1861 году и обратившій эту страну въ чисто-Русскую область, гдѣ не было никакихъ волненій напр. въ 1877-мъ году, когда въ прочихъ мѣстностяхъ Кавказа либо кипѣли вооруженныя возстанія, либо подготовлялись».

Что Н. Н. Забудскій былъ способный штабный офицеръ, что онъ въ теченіи 12 лѣтъ службы въ Ставрополѣ до мелкихъ подробностей узналъ ходъ дѣлъ въ Кубанской области, что онъ очень много работалъ, что онъ былъ милый человѣкъ, гостепріимный, доступный и т. д., это совершенно справедливо; но приписать его проекту о заселеніи Западнаго Кавказа превращеніе этого края въ чисто-Русскую область и пр. значитъ хватить чрезъ край. Вопервыхъ, какой бы проектъ ни составилъ Забудскій, все же ему принадлежала въ немъ только бумажная часть, потому что графъ Евдокимовъ былъ изъ тѣхъ генераловъ, которые чужими мыслями не руководствуются, и если съ таковыми соглашаются, то по зрѣломъ обсужденіи. Вовторыхъ, именно проектъ 1860 г. (а не 1861-го) о заселеніи Западнаго Кавказа, лично Евдокимовымъ въ Тифлисѣ князю Барятинскому доложенный, былъ однимъ изъ малоудачныхъ, что́ и доказали волненія въ Хоперскомъ казачьемъ полку, надѣлавшія столько переполоха въ Тифлисѣ и въ Петербургѣ. Втретьихъ, чтобы Западный Кавказъ превратить въ чисто-Русскую область, нужно было прежде завоевать его и довести туземное полумилліонное населеніе или до безусловной покорности, или до выселенія въ Турцію, а проектомъ о заселеніи, само собою, этого нельзя было достигнуть: заселеніе являлось уже послѣдствіемъ завованія и становилось возможнымъ, благодаря уходу туземцевъ въ Турцію; а еслибы этого не случилось, то проектъ заселенія такъ и остался бы большею частію лишь проектомъ. Вчетвертыхъ, самое заселеніе оказалось впослѣдствіи не вездѣ и не вполнѣ удачнымъ: многіе поселенцы не выдержали ни климата, ни мѣстныхъ природныхъ условій, при совершенномъ отсутствіи путей сообщеній, и погибли, оставивъ печальную память въ заколоченныхъ на глухо избахъ и обширныхъ кладбищахъ..... А что 1877 г. въ Кубанской области не было волненій, то это совершенно естественно: некому было волноваться за уходомъ массы населенія въ Турцію; тѣже нѣсколько Черкесскихъ ауловъ, которые остались на плоскости, окруженные казачьими станицами, при малѣйшей враждебной попыткѣ, могли въ нѣсколько дней подвернуться совершенному истребленію. Впрочемъ распоряженіе о назначеніи извѣстнаго числа всадниковъ въ составъ

Русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Турокъ, встрѣтило въ этихъ аулахъ нѣкоторое сопротивленіе и было, такъ сказать, полуисполнено...

*

Упоминая объ укрѣпленіи Ахметовскомъ, г. Венюковъ разсказываетъ старый, избитый Кавказскій анекдотъ и разсказываетъ притомъ какъ нѣчто достовѣрное (стр. 410). Дѣло въ томъ, что въ 1850 г. Кавказъ посѣтилъ покойный Императоръ Александръ Николаевичъ, тогда еще Наслѣдникъ Престола. Сначала маршрутъ былъ составленъ изъ Черногоріи по Лабинской линіи; но, какъ по полученнымъ свѣдѣніямъ, значительныя партіи горцевъ собирались въ то время въ Длинномъ Лѣсу, вѣроятно съ цѣлью прорваться гдѣ нибудь черезъ линію для нападенія, то, чтобы не отвлекать войска для конвоированія поѣзда и не ослабить какого-либо пункта, рѣшено было измѣнить маршрутъ—вмѣсто Лабы по Кубани, гдѣ для конвоя достаточно было нѣсколько казаковъ. Злые языки приписывали эту перемѣну другой причинѣ, именно: укрѣпленія и посты по Лабѣ были-де въ такомъ плохомъ состояніи, что ихъ не хотѣли показать Наслѣднику Цесаревичу, и потому генералъ Евдокимовъ, тогда начальникъ этой линіи, выдумалъ якобы непріятельскіе сборы. Въ выдумкѣ этой было, пожалуй, остроуміе, но ни одного слова правды. Евдокимовъ, всего за четыре мѣсяца предъ тѣмъ назначенный начальникомъ праваго фланга (Лабинской линіи), за состояніе укрѣпленій вовсе не былъ отвѣтственъ: онъ ихъ не строилъ, не ремонтировалъ и исправить въ столь короткое время не могъ. Первое свѣдѣніе о сборѣ непріятеля доставилъ вовсе не онъ, а начальникъ штаба Черноморскаго казачьяго войска генералъ-майоръ Рашпиль, вовсе не заинтересованный укрѣпленіями по Лабѣ; лазутчики со всѣхъ сторонъ подтвердили эти свѣдѣнія. Магометъ-Эминъ, тогдашній предводитель Абадзеховъ, именно и разсчитывалъ, что всѣ войска будутъ отвлечены и озабочены проѣздомъ Его Высочества, слѣдовательно ему удастся воспользоваться оплошностію или отсутствіемъ защиты. На перемѣнѣ маршрута послѣ этихъ свѣдѣній настаивали начальникъ главнаго штаба Коцебу и самъ главнокомандующій, князь Воронцовъ.

Служившій въ то время на Лабинской линіи подполковникъ Іедлинскій (побочный сынъ Галиційскаго графа Потоцкаго), пользовавшійся расположеніемъ и протекціею княгини Воронцовой, урожденной графини Браницкой, былъ человѣкъ образованный, честный, вообще хорошій, но съ страстью вѣчно острить, каламбурить, подчасъ паясничать, нерѣдко и пересаливать, да къ тому же и лишнее выпивать. Вотъ онъ-то и позволилъ себѣ такую выходку: послѣ проѣзда уже Наслѣдника, онъ какъ-то выѣхалъ съ казаками и пушками къ

одной изъ переправъ на Лабѣ и открылъ батальный огонь, а затѣмъ послалъ донесеніе, что встрѣтилъ и преслѣдовалъ непріятельскую партію. На вопросъ, какую партію могъ онъ преслѣдовать, когда по вѣрнымъ свѣдѣніямъ непріятеля нигдѣ въ сборѣ не было, Іедлинскій отвѣчалъ, что это была та самая партія, которая помѣшала Цесаревичу проѣхать по Лабинской линіи. Всякому другому подобная выходка въ служебныхъ отношеніяхъ угрожала бы большими непріятностями; но для Іедлинскаго она ограничилась переводомъ съ Лабы на Терекъ, да еще на лучшую должность.

Я передаю факты, а не анекдоты, и читатель можетъ видѣть, что не всякая выходка, хотя бы и остроумная, служитъ выраженіемъ дѣйствительности. Авторъ же «Кавказскихъ Воспоминаній», поставивъ себѣ главною цѣлью изобличеніе злоупотребленій, которыми якобы исключительно кишѣлъ Кавказъ, приводитъ эти анекдоты какъ нѣчто несомнѣнно вѣрное.

Вотъ и еще анекдотъ о томъ же Іедлинскомъ передаваемый г. Венюковымъ. Князь Барятинскій будтобы спросилъ Іедлинскаго, поправились ли его дѣла, такъ какъ онъ постоянно терпѣлъ нужду въ деньгахъ. Іедлинскій отвѣчалъ: «покорно благодарю, ваше сіятельство, справки на овесъ утверждены хорошія, и у меня остается иногда полтинникъ съ четверти, а иногда и больше». Допустимъ, что Іедлинскій такъ отвѣчалъ; отъ него это могло статься, тѣмъ болѣе передъ княземъ Барятинскимъ, который его любилъ и за остроты, и за прекрасный Французскій языкъ, и за близость къ аристократіи; но только г. Венюковъ, не зная всѣхъ подробностей Кавказскихъ дѣлъ, можетъ думать, что такой отвѣтъ озадачилъ присутствовавшихъ при этомъ полковыхъ и батарейныхъ командировъ или могъ возбудить въ главнокомандующемъ негодованіе на такихъ казнокрадовъ. Между тѣмъ нужно знать, что по закону овесъ отъ казны полагался только лошадямъ регулярныхъ войскъ; казакамъ же, которыхъ почему-то принято держать въ черномъ тѣлѣ, овса не отпускалось, вѣроятно въ предположеніи, что казачьи лошади, неся усиленную службу, могутъ довольствоваться одной травой, и только князь Барятинскій, съ назначеніемъ главнокомандующимъ, обратилъ на это вниманіе, утвердивъ съ 1857 г. отпускъ овса казачьимъ лошадямъ, хотя и въ меньшихъ противъ регулярныхъ размѣровъ. При этомъ князь Барятинскій, самъ командовавшій полкомъ на Кавказѣ, очень хорошо зналъ, что ни одинъ командиръ отдѣльной части не могъ существовать положеннымъ по штату содержаніемъ вслѣдствіе искони установившихся обычаевъ, вызывающихъ множество расходовъ, почти обязательныхъ, но казною не ассигнуемыхъ. Онъ, поэтому, утверждая отпускъ фуража

казакамъ, прямо сказалъ: «Не вижу причинъ дѣлать различіе между командирами полковъ и бригадъ регулярныхъ и казачьихъ; послѣднимъ большею частію выпадаетъ болѣе тяжелая служба и не меньшіе расходы; пусть и они дѣлаютъ экономію изъ фуражнаго продовольствія».

Г. Венюковъ, къ сожалѣнію, не командовавшій отдѣльною частію, быть можетъ, не вполнѣ знакомъ съ тѣми расходами, которые были обязательны для полковаго командира, получавшаго тогда всего 1900 р. годоваго содержанія, и отъ того ему кажется, что онъ изобличаетъ всѣхъ командировъ въ страшныхъ злоупотребленіяхъ; но князь Барятинскій зналъ все очень подробно и вовсе не считалъ злоупотребленіемъ командира, когда онъ, получивъ приказъ заготовить овесъ по утвержденной въ Тифлисѣ цѣнѣ (всегда гораздо низшей противъ цѣнъ поставокъ въ провіантскіе магазины), выгадывалъ при этомъ себѣ экономію. Это было общимъ правиломъ отъ гвардіи до арміи и казаковъ включительно, на всемъ пространствѣ «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»; это никакого секрета не составляло и никѣмъ не преслѣдовалось. Изъ этой экономіи, какъ уже сказано, командиры покрывали множество расходовъ не обязательныхъ по закону, но обязательныхъ по изстари принятымъ обычаямъ и даже по настойчивымъ требованіямъ начальства, не принимавшаго въ соображеніе отсутствіе на такіе предметы сметныхъ ассигновокъ. Въ настоящее время, быть можетъ, показались бы диковинными подобныя требованія; но еще лѣтъ 25—20 тому назадъ это случалось сплошь и рядомъ, и всѣ командовавшіе въ тѣ времена отдѣльными частями, безъ сомнѣнія, подтвердятъ мои слова. Да и самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, при характеристикѣ Геймана, почти подтверждаетъ мною сказанное. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ и обличеніе?

*

Говоря о томъ, что въ баталіонѣ вмѣсто 982 оказалось лишь 452 человѣка, г. Венюковъ видитъ въ этомъ признакъ крупныхъ злоупотребленій и повторяетъ за другими анекдотъ о найденныхъ въ 1855 г. Муравьевымъ на Кавказѣ 40 тыс. человѣкъ «подобныхъ расхожихъ людей». А дѣло было вовсе не такъ. Самъ же авторъ вычисляетъ нѣкоторые расходы людей (около 130 человѣкъ) на такія надобности, безъ которыхъ войска не могли обходиться, потому что мѣстныя условія вынуждали содержать различныя хозяйственныя заведенія (иначе войска были бы лишены сноснаго продовольствія и многихъ другихъ необходимыхъ вещей); кромѣ того, за неимѣніемъ спеціальныхъ ма-

стерскихъ командъ, вынуждены были изъ войскъ брать людей, хоть немного знавшихъ какое-нибудь мастерство, для безчисленныхъ построекъ и ремонтовъ по всему обширному краю.

Что бывали и злоупотребленія въ расходованіи людей, это несомнѣнно, и защищать этого я вовсе не думаю; я говорю только противъ преувеличеній, истекающихъ именно изъ непремѣннаго желанія автора придать своимъ воспоминаніямъ рѣзкій, опозиціонно-обличительный характеръ.

Генералъ Муравьевъ дѣйствительно нашелъ на Сѣверномъ Кавказѣ, если не 40, то около 20 тысячъ человѣкъ, только не «подобныхъ расхожихъ», какъ думаетъ г. Венюковъ, а просто войскъ, которыя онъ считалъ здѣсь лишними и приказалъ двинуть за Кавказъ, ближе къ театру войны, гдѣ они впрочемъ тоже оказались лишними и дальше окрестностей Тифлиса не пошли, но гдѣ содержаніе ихъ обошлось втрое дороже, чѣмъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ большія подробности по этому предмету (ихъ читатель можетъ найти отчасти во II-мъ т. моей книги «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ»); но смѣю увѣрить, что говорю не по слухамъ, не повторяя анекдотовъ и остротъ, а по фактамъ и оффиціальнымъ документамъ. Расхожихъ же людей на Сѣверномъ Кавказѣ Муравьевъ нашелъ тоже немало, тысячи три, четыре, и очень много шумѣлъ по этому поводу; но, послѣ болѣе спокойнаго обсужденія и дѣльнаго доклада ему во Владикавказѣ, перемѣнилъ свой взглядъ и ограничился строгимъ приказомъ сокращать расходы людей изъ фронта, пріостановивъ нѣкоторыя постройки и ремонтныя работы. Такіе же приказы отдавались не разъ и до Муравьева.

*

Авторъ между прочимъ разсказываетъ, что за рѣкою Бѣлою былъ раненъ полковникъ Момбелли, «одинъ изъ Петрашевцевъ 1849 года». Это ошибка: полковникъ Момбелли никогда не былъ Петрашевцемъ и въ 1849 г. также служилъ на Кавказѣ, въ Куринскомъ полку; а замѣшанъ въ дѣло Петрашевскаго былъ родственникъ его, сосланный рядовымъ въ Ширванскій полкъ, откуда послѣ онъ вышелъ въ отставку штабъ-офицеромъ.

*

Вслѣдъ за этимъ разсказывается анекдотъ о постройкѣ на Бѣлой моста «не тамъ гдѣ бы слѣдовало», и о фиктивной перевозкѣ

провіанта чиновникомъ Д., т.-е Добровольскимъ. И въ этомъ случаѣ авторъ повѣрилъ слухамъ и болтовнѣ охотниковъ почесать на чужой счетъ языкъ. Высокія цѣны на перевозку провіанта были утверждены интендатствомъ въ Тифлисѣ и, напротивъ, гр. Евдокимовъ настоялъ на ихъ значительномъ пониженіи, устранивъ подрядчика, и поручилъ перевозку чиновнику Добровольскому, который ни въ какомъ родствѣ съ Евдокимовымъ не состоялъ и никакимъ покровительствомъ его не пользовался. Г. Венюковъ очевидно смѣшалъ этого Добровольскаго, извѣстную въ свое время всей Кубанской области провіантскую крысу, съ артиллерійскимъ полковникомъ Доливо - Добровольскимъ, женатымъ на племянницѣ гр. Евдокимовой; но этотъ Д. Добровольскій, умершій генераломъ, былъ отличный офицеръ, честный человѣкъ, никакими провіантскими дѣлами не занимавшійся. Что при перевозкѣ провіанта, какъ и при всѣхъ подобныхъ операціяхъ, казну обкрадывали, что чиновникъ Добровольскій для полученія этой перевозки подѣлился съ кѣмъ слѣдовало, весьма можетъ быть; но это было тогда и, къ стыду нашему, осталось до сихъ поръ дѣломъ столь обыкновеннымъ, что удостоивать его особаго вниманія и приводить какъ нѣчто серьезное довольно странно, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ все же еще былъ соблюденъ интересъ казны. Подобныя интендантскія продѣлки ничего специфически-Кавказскаго не представляли, какъ это доказали всѣ войны до послѣдней за Дунаемъ включительно; да и не только въ Россіи, но и во Франціи, Австріи, даже въ Англіи и Америкѣ, интендантства воровали изрядно и, конечно, не безъ участія разныхъ высшихъ военачальниковъ.

Что касается постройки моста *не на мѣстѣ*, якобы съ цѣлью дать инженерамъ возможность воровать при ремонтѣ и т. д., то все это остроты: ремонтъ такого моста слишкомъ ничтожная работа, чтобы соблазнить гг. инженеровъ, имѣвшихъ другіе случаи пожирнѣе и для наживы, а самъ гр. Евдокимовъ при желаніи могъ положить себѣ въ карманъ достаточно казенныхъ денегъ и безъ такихъ нехитрыхъ измышленій. Онъ это дѣйствительно и дѣлалъ, не составляя почти исключенія изъ всей плеяды превосходительныхъ отцовъ-командировъ; но только объ немъ больше кричали чѣмъ о другихъ, потому что онъ былъ *parvenu*, выскочка, ему не прощали кантонистскаго происхожденія и отсутствія салоннаго обращенія; еще болѣе не прощали его дѣйствительно-замѣчательныхъ способностей и несомнѣнно-важныхъ заслугъ, сторицею окупавшихъ тѣ десятки или сотни тысячъ казенныхъ денегъ, которыя онъ себѣ присвоилъ. Объ графѣ Евдокимовѣ и вообще о Кавказскихъ дѣлахъ временъ завоеванія Кавказа я надѣюсь

вскорѣ попробнѣе поговорить на страницахъ Русскаго Архива, и потому ограничиваюсь пока вышесказанными нѣсколькими словами.

*

Авторъ «Воспоминаній» разсказываетъ, что одинъ полковой командиръ сжегъ пустой цейхгаузъ, но донесъ, что въ немъ сгорѣли всѣ вещи принятыя для обмундированія цѣлаго полка, а другой командиръ отправилъ такія же вещи, подъ предлогомъ дешевизны перевозки, сплавомъ по Кубани и донесъ, что онѣ утонули; а графъ Евдокимовъ, получивъ объ этомъ донесеніе, только улыбнулся и сказалъ: «наконецъ полкъ получитъ моченое сукно».

О первомъ случаѣ въ Кубанскомъ полку носились какіе-то слухи, компрометировавшіе полковника Преображенскаго; но насколько вѣренъ слухъ скрытія полной обмундировки на полкъ, сказать не могу. Преображенскій, впрочемъ, былъ уволенъ и вынужденъ оставить Кавказъ; слѣдовательно, не совсѣмъ безнаказанно проходили подобныя продѣлки. Что же касается втораго случая въ Ставропольскомъ полку, то дѣло было вовсе не такъ, какъ разсказано въ «Воспоминаніяхъ». Ставропольскій полкъ пятнадцать лѣтъ простоялъ въ станицѣ Усть-Лабинской, откуда его въ 1862 году, въ полномъ составѣ, перевели во вновь построенное укрѣпл. Григорьевское. Переходъ цѣлаго пятибатальоннаго полка, со всѣми тяжестями, запасами и пр., требуетъ громадныхъ перевозныхъ средствъ, а Ставропольскому полку приходилось идти до Екатеринодара 65 верстъ по классической Черноморской грязи, и потому полковой командиръ, полковникъ Левашевъ нашелъ удобнѣе на этомъ пространствѣ часть тяжестей сплавить внизъ по Кубани. Рѣка мало удобная для судоходства, быстрая, съ чрезвычайно крутыми изгибами, наполненная карчами и мелями; ничего, слѣдовательно, удивительнаго, что одинъ изъ плотовъ затонулъ и при этомъ пропала не обмундировка на весь полкъ, а старые негодные ружья и тесаки, вообще какой-то хламъ, цѣнностью въ нѣсколько сотъ рублей, числившійся по табелямъ и занимавшій только напрасно мѣсто въ цейхгаузахъ. Такъ передалъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ служившій въ то время въ Ставрополѣ, заслуживающій полнаго довѣрія Г. Д. Абрамовъ, нынѣ генералъ-майоръ Терскаго войска. Это происшествіе и дало, вѣроятно, острякамъ удобный случай сочинить анекдотъ о вторичномъ полученіи Ставропольскимъ полкомъ полной обмундировки и даже вложить въ уста Евдокимову остроту, которую онъ едвали бы и сказалъ. А г. Венюковъ все принимаетъ за звонкую монету, ничтоже сумняся.

Перечисляя выгоды полковаго командира, авторъ все преувеличиваетъ. Въ полковыхъ лазаретахъ отпускалось на больнаго 15 коп.

въ сутки; изъ нихъ 8—9 коп. (а не 12) дѣйствительно могли оставаться въ пользу командира, конечно, если онъ былъ хорошій хозяинъ. Г. Венюковъ вѣроятно не знаетъ, что въ военныхъ госпиталяхъ содержаніе больнаго стоило казнѣ 60—80 въ сутки, и казну обкрадывали тамъ гораздо безсовѣстнѣе, больнымъ же во многихъ лазаретахъ было лучше, чѣмъ въ промозглыхъ госпиталяхъ. Не говоря о томъ, что лазареты были вблизи отрядовъ, а до госпиталей больныхъ приходилось тиранить перевозкою на быкахъ, въ слякоть или зной, по нѣскольку сутокъ, а по выздоровленіи этапнымъ порядкомъ мѣсяцъ тащиться обратно въ полки.

*

Авторъ «Воспоминаній» совершенно справедливо говоритъ, что представлять экономіи въ казну было не въ обычаѣ, что̀ зависѣло отъ нравственнаго уровня цѣлаго общества. Но этого мало, и я прямо скажу, что еслибы кто вздумалъ представить экономію, то едва ли бы долго остался на своемъ мѣстѣ и, кромѣ того, упрочилъ бы за собою эпитетъ дурака. Пользованіе *безгрѣшными* доходами, а экономіи полковыхъ командировъ вѣдь были *наибезгрѣшнѣйшія* (сравнительно съ другими: инженерными, путейскими, артиллерійскими, госпитальными, интендантскими и проч.) даже какъ бы поощрялось сверху... Командовали полками первѣйшіе аристократы и богачи, обезпеченные и матеріально и служебной карьерой,—ну, пусть же укажутъ, кто изъ нихъ въ казну экономію возвращалъ? Одни предоставляли ее своимъ приближеннымъ офицерамъ, другіе проматывали на кутежи, третьи раздаривали ротамъ или тратили на разныя полковыя фантазіи, обирались казначеями, квартермистрами и т. д.; но результатъ выходилъ въ сущности все тотъ же: казна ничего назадъ не получала, палатки каждые 6 мѣсяцевъ отпускались и въ тотъ полкъ, которыми командовали князья Барятинскій или Воронцовъ, и въ тотъ, которымъ командовали Преображенскій или Гейманъ и другіе. Конечно, такія крупныя мошенничества, какъ сжиганіе цейхгаузовъ или употребленіе солдатъ въ качествѣ крѣпостныхъ, были исключеніями и даромъ рѣдко проходили; но въ большинствѣ случаевъ высшія власти весьма снисходительно смотрѣли на укоренившіяся пользованія выгодами на счетъ казны, даже не взирая на возникавшія иногда жалобы; если же возникали дѣла, приводившія къ суду и строгимъ взысканіямъ, то всѣ уже такъ и знали, что тутъ замѣшаны какія-нибудь личные счеты, что тутъ «паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ».

Девять десятыхъ состояній въ Россіи составлены на счетъ казны, для чего на всѣхъ поприщахъ государственной службы представля-

лось достаточно случаевъ; язва эта, почти всеобщая во всѣхъ государствахъ, мѣняющаяся только въ размѣрахъ и формахъ, особенно присуща военному времени, и странно читать, когда объ ней такъ серьезно, и къ тому же съ преувеличеніями, разсказываютъ. Кто же этого не знаетъ? Кого это удивляетъ?...

*

Разсказы автора о дѣлѣ Баха съ Есаковымъ и другіе, лично автора касающіеся, никакого значенія въ исторіи Кавказской войны неимѣющіе, оставляю въ сторонѣ; скажу лишь нѣсколько словъ по поводу взглядовъ г. Венюкова на исторію завоеванія Западнаго Кавказа. Онъ придаетъ особое значеніе запискѣ Вельяминова, которую лишь *по особому расположенію графа Евдокимова* получилъ изъ архива. Записка эта въ 60-хъ годахъ никакого секрета не составляла, и ее читали весьма многіе, кто желалъ, и въ Петербургѣ, и въ Тифлисѣ; ее генералъ Филипсонъ, такъ сказать, возобновилъ въ памяти, представивъ, въ 1858 или 1859 г., Д. А. Милютину, тогда начальнику главнаго штаба Кавказской арміи, который вполнѣ раздѣлялъ мысль о постепенномъ занятіи и заселеніи Закубанскаго края. *Изучалъ-ли* эту записку гр. Евдокимовъ, не знаю; мнѣ, бывшему довольно часто у него въ Ставрополѣ, не случалось этого видѣть, да едва ли ему нужно было ее изучать: онъ и на лѣвомъ, и на правомъ крылѣ Кавказской линіи стоялъ за систему поселенія казаковъ, что̀ и приводилъ въ исполненіе на лѣвомъ по возможности, а на правомъ рѣшительно, для чего и стремился, во что бы ни стало, выгнать горцевъ въ Турцію, желая избавиться «отъ змѣи за пазухой». Взглядъ этотъ вполнѣ раздѣлялся кн. Барятинскимъ и Д. А. Милютинымъ, на перекоръ Петербургскимъ гуманистамъ, находившимъ эту мѣру жестокою. Кто былъ правъ—доказалъ 1877 годъ. Тѣхъ Черкесъ, которые изъявляли безусловную покорность и готовность селиться на плоскости, среди казаковъ, нельзя было гнать; такимъ образомъ и составилось въ Кубанской области населеніе Черкесское, возросшее нынѣ до 100 т. душъ.

Въ старыя времена, до назначенія главнокомандующимъ кн. Воронцова (1845 г.), дѣйствительно изъ Петербурга давались приказанія и наставленія для дѣйствій на Кавказѣ; но такихъ пошлостей, какія приводитъ авторъ «Воспоминаній» (стр. 436), будто бы предписанныхъ воен. министромъ Чернышевымъ: «завершить покореніе Кавказа непремѣнно въ текущемъ году къ 15 или 25 Октября», я нигдѣ не встрѣчалъ, хотя весьма подробно изучалъ архивъ генеральнаго штаба въ Петербургѣ отъ 1720 до 1880 г. включительно. Да Чернышевъ

весьма рѣдко и давалъ какія-нибудь приказанія на счетъ военныхъ дѣйствій: они исходили прямо отъ императора Николая, собственноручно ихъ писавшаго, и хотя онъ иногда ошибался во взглядахъ, но былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы назначить день и мѣсяцъ для покоренія Кавказа. Это «Witz», и не очень остроумный.

Проектъ о покореніи Кавказа, въ числѣ другихъ, былъ составленъ и Паскевичемъ; препроводили его на разсмотрѣніе барона Розена, который вовсе не сваливалъ трудность отвѣта на Вельяминова, а напротивъ былъ недоволенъ, что Вельяминовъ, минуя Тифлисъ, прямо съ Петербургомъ переписывался. Вельяминовская идея постепеннаго заселенія Закубанья Русскими и тогда никѣмъ не оспаривалась, но не приводились въ исполненіе, потому что не давали соотвѣтствующихъ средствъ. Вельяминовъ, напримѣръ, требовалъ обратить всѣхъ государственныхъ крестьянъ Ставропольской губерніи въ казаковъ, въ теченіе 6 лѣтъ давать ему на расходъ по 2 милліона рублей, 36 бат. пѣхоты, 12 батарей, 2 бат. саперъ и т. д. У меня нѣтъ теперь подъ рукой нужныхъ свѣдѣній, и потому я, быть можетъ, въ цифрахъ ошибаюсь. Баронъ Розенъ соглашался съ этимъ, но императоръ Николай на запискѣ собственноручно написалъ: «батальоновъ нельзя дать, чтобы не ослабить западныхъ границъ»; противъ статьи о деньгахъ: «объ милліонахъ нечего и думать». Вотъ причины, почему проектъ остался на бумагѣ. Когда же въ послѣдствіи увидѣли, что Кавказская война вовсе не шутка и начали увеличивать средства, то мысль о заселеніи стала приводиться въ исполненіе еще въ сороковыхъ годахъ образованіемъ Лабинской линіи и др. Съ покореніемъ же Восточнаго Кавказа можно было двинуть за Кавказъ такую массу войскъ, которой тутъ прежде никогда не видѣли; за тѣмъ дали гораздо больше милліоновъ, чѣмъ требовалъ Вельяминовъ, крестьянъ нѣкоторыхъ обратили въ казаки, прибавили къ нимъ и Донцевъ, и Оренбурцевъ, и государственныхъ крестьянъ Черниговской, Воронежской и др. губерній; тогда и заселеніе осуществилось уже вполнѣ *).

Вообще писать о такихъ вопросахъ по слухамъ, слегка, въ видѣ летучихъ замѣтокъ, всегда сопряжено съ рискомъ ошибиться и попасть въ просакъ, или ввести другихъ въ заблужденіе. Дѣйствительный ходъ завоеванія Кавказа будетъ виденъ лишь когда появится исторія полная, основанная на документахъ, освѣщенная опытною, знающей рукою.

---

*) Больше подробностей можно найти въ моей исторіи Кабардинскаго полка, изд. 1881 года.

Г. Венюковъ говоритъ, между прочимъ, что графъ Евдокимовъ не допускалъ, чтобы почетные горцы становились начальниками соотечественниковъ, которые бы ихъ не послушались. Я принадлежу къ поклонникамъ гр. Евдокимова, одного изъ главныхъ виновниковъ конечнаго торжества нашего оружія на Кавказѣ, и много разъ печатно это подтвердилъ; но въ интересахъ истины должно опровергнуть приписываемое ему авторомъ «Воспоминаній» качество. Напротивъ, графъ Евдокимовъ былъ большой партизанъ туземцевъ и давалъ имъ нерѣдко административныя назначенія, съ подчиненіемъ соотечественниковъ: въ Чечнѣ Муса Кундуховъ, за Кубанью Фице-Абдурахмановъ, Крымъ-Гирей, Гусаровъ и др.

Г. Венюковъ указываетъ на р. Фарсъ, какъ на самое настоящее мѣсто для постановки гр. Евдокимову памятника. Не могу согласиться и въ этомъ случаѣ съ высокоуважаемымъ авторомъ: если ставить памятникъ Евдокимову, то въ Веденѣ (или Грозной), гдѣ былъ нанесенъ послѣдній ударъ могуществу Шамиля и покореніе Восточнаго Кавказа стало уже не мечтой, а фактомъ. Это же покореніе только дало возможность перевести всѣ наши силы и средства на Западный Кавказъ и руками того же Евдокимова довершить всю вѣковую борьбу. Второе безъ перваго не могло совершиться, и потому первое важнѣе.

Въ заключеніе г. Венюковъ говоритъ: «не имѣя ни малѣйшаго желанія, при описанныхъ порядкахъ, получить въ командованіе штатный баталіонъ съ собственнымъ хозяйствомъ, я поспѣшилъ оставить Кавказъ». Напрасно. Слѣдовало принять баталіонъ съ хозяйствомъ и показать всѣмъ этимъ казнокрадамъ (одно воспоминаніе объ ихъ поступкахъ «тяжело и удушливо» (?) автору), какъ должно командовать и сберегать каждую казенную копѣйку. Вотъ это была бы дѣйствительно великая заслуга, могшая принести гораздо больше реальной пользы, чѣмъ повтореніе анекдотовъ и даже избитыхъ истинъ о плутняхъ и злоупотребленіяхъ провіантскихъ чиновниковъ, всѣмъ давно извѣстныхъ и непрекращающихся, не взирая на обличенія и осмѣянія.

А. Зиссерманъ.

Іюль 1884 г.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ЧЕРТА ВЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ СПЕРАНСКАГО.

Изъ письма графа М. А. Корфа къ издателю „Русскаго Архива“ *).

С.-Петербургъ, 2 Февраля 1870 г.

Позвольте мнѣ, любезный Петръ Ивановичъ, представить вамъ небольшую замѣтку по поводу 2-го нумера вашего «Архива».

На стр. 390-й, въ выноскѣ, госпожа И. названа у васъ урожденною *Злобиною*.

Вы найдете на стр. 282-й I-го тома «Жизни Сперанскаго» намекъ на то, что Анюта была совсѣмъ не урожденная Злобина. Вотъ *тайныя* подробности.

Маріанна Злобина, разойдясь съ мужемъ, взяла къ себѣ на воспитаніе довольно уже взрослаго мальчика, неизвѣстнаго мнѣ рода, по фамиліи Странекъ, съ которымъ, впослѣдствіи, вошла въ любовную связь, и Анюта была плодомъ этой связи. Потомъ, въ 1810 году, Злобина окончательно развелась съ мужемъ, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ Странекомъ; но смерть не допустила ея это исполнить. Анюта съ тѣхъ поръ жила при своей бабкѣ, г-жѣ Стивенсъ, а когда и сія послѣдняя умерла (въ началѣ 1816 года), то осталась на рукахъ у Сперанскаго, что̀ дало ему случай проявить новое доказательство необыкновеннаго своего добросердечія.

---

*) Припомнимъ читателю, что Сперанскій большую часть жизни провелъ вдовцомъ. Онъ женатъ былъ еще при Павлѣ, менѣе года, на дочери Англійскаго пастора Стивенса. Вдова этого пастора, ея разслабленный сынъ и младшая дочь Маріанна остались на попеченіи Сперанскаго. „Маріанна Стивенсъ—говоритъ графъ Корфъ (I, 272)—не зная ни нашихъ законовъ, ни нашей религіи, захотѣла непремѣнно занять мѣсто умершей своей сестры, т.-е. сдѣлаться женою Сперанскаго“. Къ счастію сего послѣдняго молодою красавицею плѣнился сынъ славнаго тогдашняго откупщика Злобинъ; но вскорѣ онъ ее покинулъ. П. Б.

Вотъ что писалъ онъ о ней 4-го Апрѣля 1816 года изъ Великополья къ воспитательницѣ своей дочери г-жѣ Вейкардтъ:

„Nous attendons Annette (изъ Кіева, гдѣ умерла г-жа Стивенсъ) sous peu de jours. Je vous ai déjà prévenu que notre intention était de la placer en pension. Mais qui sera assez charitable pour prendre sur lui l'embarras d'en trouver une qui soit bonne et d'y établir la petite? Qui le fera? Personne, ou ce sera notre charitable Марья Карловна (т.-е. она же г-жа Вейкардтъ). Pour vous mettre au fait de ce que j'aurais désiré pour l'éducation de cette entant, il faut que je vous fasse une esquisse de ce qu'elle peut prétendre dans ce bas-monde. D'abord, il faut qu'elle passe pour *une parente à moi.* C'est le seul moyen de donner un prétexte honnête à mes soins pour elle et de ne pas lui attirer des chagrins dans la suite. Très à propos pour cela, j'ai justement deux neveux, dont l'un est mort sans laisser d'enfants. Elle sera donc une Анна Андреевна Смирнова, дочь моего племянника, тит. сов. Смирнова. Mais ici il faut éloigner autant que possible la sotte idée que m-me Stevens s'est plû à accréditer, en la faisant passer pour ma fille naturelle. Lise *) en est toute scandalisée et ne veut pas en entendre parler, et elle a raison. Ce mensonge ne ferait par la suite que beaucoup de peine à la petite et très peu d'honneur à moi. Cette m-lle Smirnof donc a une fortune de 20 m. r., qui lui seront payés à l'époque de son mariage. En attendant, on payera sa pension (1000 r. par an, supposons), et elle sera en outre décemment entretenue en habits etc. Étant Russe, il est clair qu'elle suivra aussi la religion russe. La mère avait assuré qu'elle était baptisée par un prêtre russe. (Post-scriptum). Stranek vient de passer par ici en allant à Moscou. Il ne fait pas la moindre prétention à la petite et n'a que reconnaissance et gratitude pour tout ce qu'on fait pour elle». **)

---

*) Т.-е. дочь Сперанскаго. П. Б.

**) Черезъ нѣсколько дней ждемъ Анюту. Я уже предупреждалъ васъ про наше намѣреніе помѣстить ее въ пансіонъ. Но у кого достанетъ милосердія взять на себѣ хлопоты съискать хорошій пансіонъ и устроить въ немъ малютку? Кто это сдѣлаетъ? Никто, развѣ милосердая Марья Карловна? Чтобы познакомить васъ съ моими желаніями относительно воспитанія этой дѣвочки, надо мнѣ въ общихъ чертахъ сказать вамъ, на что она можетъ разсчитывать на этомъ бѣдномъ свѣтѣ. Прежде всего надо, чтобы она слыла моею родственницею. Это единственное средство дать благовидный предлогъ моимъ объ ней заботамъ и избивить ее впослѣдствіи отъ непріятностей. Весьма кстати имѣются у меня двое племянниковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ бездѣтенъ. И такъ она будетъ Анна Андреевна Смирнова, дочь моего племянника, тит. сов. Смирнова. Но при этомъ надобно всѣми способами устранить глупую мысль г-жи Стивенсъ, которой было угодно

Потомъ, 21-го Апрѣля, Сперанскій писалъ Масальскому: «При отдачѣ Анюты въ пансіонъ, мы согласились съ М. К. Вейкардтъ признать ее дочерью тит. сов. Смирнова, рожденною въ Кіевѣ и, по сиротству, взятою на воспитаніе покойною Елисаветою Андреевною (Стивенсъ). Въ семъ смыслѣ составлено и подписано мною прилагаемое свидѣтельство. Я всегда желалъ отклонить мысль, что она побочная моя дочь. Меня и безъ того довольно клеветали. Но если необходимо для счастія сего ребенка, пусть еще поклевещутъ. Изъ уваженія къ нашему намѣренію, Богъ намъ проститъ сей поступокъ; человѣческаго же суда я не боюсь».

Анюта, на этомъ основаніи, дѣйствительно была помѣщена, подъ фамиліею Смирновой, въ одинъ изъ Петербургскихъ пансіоновъ, а потомъ въ Смольный монастырь, на такъ называвшуюся тогда *мѣщанскую* половину; предназначавшіеся ей (въ письмѣ къ г-жѣ Вейкардтъ) 20 т. р. Сперанскій, при выдачѣ ея въ замужство, уплатилъ ей сполна изъ собственныхъ средствъ.

распространять, будто она моя побочная дочь. Лиза очень этимъ смущена, не хочетъ о томъ слышать, и она права. Эта ложь можетъ впослѣдствіи доставить малюткѣ много горя и очень мало чести мнѣ. И такъ эта дѣвица Смирнова будетъ. имѣть 20 т. р., которые и получитъ при выходѣ ея въ замужество. До того времени, будутъ за нее платить въ пансіонъ (положимъ, по 1000 р. въ годъ), кромѣ приличнаго содержанія и проч. Будучи Русскою, она, разумѣется, будетъ исповѣдывать Русскую вѣру. Мать увѣряла, что ее крестилъ Русскій священникъ. (Постскриптумъ). Странекъ проѣзжалъ здѣсь на пути въ Москву. Онъ не предъявляетъ ни малѣйшаго притязанія на малютку, благодаренъ и признателенъ за все что для нея дѣлаютъ.

НЕИЗДАННОЕ МѢСТО ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. И. ГРЕЧА.

Однажды послѣ обѣда въ Гатчинѣ (это было осенью 1820 года), нянька-Англичанка принесла маленькаго Великаго Князя въ такъ называемый *арсеналъ*, нижній этажъ Гатчинскаго дворца, въ которомъ была столовая Государыни Маріи Ѳедоровны и залы вечернихъ ея собраній. Государыня удалилась. Осталось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ адъютантъ Великаго Князя Михаила Павловича Илья Гавриловичъ Бибиковъ и еще гусарскіе офицеры. Г. И. Вилламовъ нянъчилъ младенца, Великую Княжну Марію Николаевну; потомъ офицеры, а съ ними и я окружили Великаго Князька и начали играть съ нимъ. Шевичъ сказалъ ему: «Ваше Высочество, представьте дядюшку Константина Павловича». Ребенокъ поднялъ и сжалъ носикъ. Всѣ расхохотались. «Смотрите», сказалъ Бибиковъ нянькѣ, «чтобъ онъ не былъ похожъ на этого дядюшку...» Потомъ говорено было еще многое на этотъ счетъ; между прочимъ смѣялись, что ребенокъ называетъ снѣгъ бѣлыми мухами. Я спросилъ у няньки, каковъ у него нравъ. «Предобрый», отвѣчала она, «онъ очень жалостливъ и, увидѣвъ недавно нищаго мальчика, сказалъ съ сожалѣніемъ: poor boy [1])». У него былъ въ рукѣ кусочекъ кренделя. Я протянулъ къ нему руку и сказалъ: «пожалуйте мнѣ!» Онъ тотчасъ отдалъ. «Такъ вы знаете», прибавилъ я, «что́ значитъ и good boy [2])?».

Изъ этихъ невинныхъ словъ сплели предлинную сказку, приписали мнѣ все сказанное офицерами, прибавили еще кое-что и донесли. За симъ послѣдовало отчужденіе мое, а я и не догадывался о причинѣ!

Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1830 году), на большомъ обѣдѣ у Василья Васильевича Энгельгардта, очутился я за столомъ подлѣ И. Г. Бибикова. Онъ разсказалъ тутъ же при всѣхъ мою придворную *мезавантюру*, говорилъ, что его спрашивали объ этомъ случаѣ, что онъ всячески старался оправдать меня, завѣряя, что предосудительныя рѣчи произнесены не мною и пр.; но все было напрасно: въ синедріонѣ у княгини Ливенъ положено было удалить опаснаго человѣка и исполнено въ точности. Главнымъ орудіемъ въ томъ былъ гофмаршалъ баронъ Альбедиль, котораго всѣ рабочіе и мастеровые называли баронъ *Обидѣлъ*...

---

[1]) Бѣдный мальчикъ.

[2]) Добрый мальчикъ.

СТАРИННАЯ АФИША МАСКАРАДА

ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ ДВОРЦѢ *).

BAL COSTUMÉ

DU 2 FEVRIER 1844.

COUR DU CALIFE DE BAGDAD.

Harroun-al-Raschid . . . . Le Prince Odoïevsky [1]).
Bobécan. . . . . M. A. Sabouroff.
Rézia. . . . . Mme Stolypine [2]).
Fatmé . . . . Mme Zakharjevsky [3]).
Zulma . . . . Mme M. Paschkoff [4]).

---

*) Сохранилась въ богатомъ собраніи книжныхъ рѣдкостей Петра Александровича Ефремова. Многіе изъ участниковъ и участницъ этого маскарада вспомнятъ о немъ по этой афишѣ. Преданіе утверждаетъ, что придворные праздники при Николаѣ Павловичѣ отличались особенною веселостью сравнительно съ временемъ позднѣйшимъ. Этотъ маскарадъ происходилъ во дворцѣ Великаго Князя Михаила Павловича, что видно изъ сдѣланной на самой афишѣ карандашомъ припискѣ: „Le souper sera sur les escaliers du palais Michel, qui sont de toute beauté" (т. е. ужинъ будетъ на прекраснѣйшихъ лѣстницахъ Михайловскаго дворца). П. Б.

[1]) Извѣстный писатель князь Владиміръ Ѳедоровичъ, котораго особенно уважала хозяйка Михайловскаго дворца, Великая Княгиня Елена Павловна.

[2]) Нынѣ вдова послѣдняго князя Воронцова, княгиня Марья Васильевна Воронцова, урожд. княжна Трубецкая, въ первомъ бракѣ за Алексѣемъ Григорьевичемъ Столыпинымъ.

[3]) Елена Павловна, нынѣ кавалерственная дама, вдова Царскосельскаго коменданта, Григорія Андреевича, урожд. графиня Тизенгаузенъ. Супругъ ея былъ братъ графини Е. А. Бенкендорфъ; а сестра за министромъ юстиціи графомъ Панинымъ.

[4]) Марья Трофимовна Пашкова, урожд. графиня Баранова, нынѣ вдова Михаила Васильевича Пашкова (управлявшаго департаментомъ внѣшней торговли).

PERSANNES DANSANTES.

Mme Olga Oustinoff [5]). Mme Adlerberg née Poltavtzeff [6]).
Mlle la Princesse Dolgorouky 1. Mlle la Princesse Dolgorouky 2.

PERSANS DANSANTS.

MM. le Prince T. Gagarine. MM. Longuinoff 1 [7]).
Stolypine. Guédéonoff 2 [8]).

TUNISIENNES DANSANTES.

Mme la Comtesse Orloff-Dénisoff. Mme P. Hitroff.
Mlle la Princesse S. Troubetskoï [9]). Mlle la Princesse Ant. Stcherbatoff.

TUNISIENS DANSANTS.

MM. Balabine. MM. Volkoff.
Ribeaupierre [10]). Ouvaroff [11]).

QUATRE PETITS NÈGRES.

MM. Ghune. MM. Mansouroff 2.
Von Dezen. Posnikoff 2.

COSTUMES PERSANS.

Dames.

MMmes la Princesse Youssoupoff.
Alexandroff.
Duhamel.
la Princesse Gagarine née Dolgorouky.
la Princesse M. Volkonsky née Benkendorff [12]).

MMlles Lise Hitroff.
la Comtesse L. Zakrevsky [13]).
Danilevsky.
Schenschine.
Gontcharoff.

---

[5]) Ольга Васильевна, урожд. княжна Трубецкая, супруга Михаила Александровича Устинова, во второмъ бракѣ за Чилійцемъ Бланка-Денкалада.

[6]) Графиня Екатерина Николаевна, супруга графа Александра Владимировича Адлерберга.

[7]) Покойный Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, извѣстный писатель и библіографъ.

[8]) Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, археологъ, кончившій жизнь директоромъ Императорскаго Эрмитажа.

[9]) Урожд. княжна Трубецкая, нынѣ вдова графа Александра Ивановича Рибопьера.

[10]) Супругъ вышеупомянутой.

[11]) Графъ (съ 1-го Іюля 1846) Алексѣй Сергѣевичъ, извѣстный нашъ археологъ.

[12]) Супруга князя Григорія Петровича Волконскаго, дочь графа Бенкендорфа, скончавшаяся въ 1882 году въ Римѣ.

Baratinsky.
la Princesse Kourakine [13]).
la Comtesse Protassoff [14]).
Annenkoff.
la Comtesse Apraxin née Nébolsine.

M. Lvoff.
Adlerberg.
E. Paschkoff [16]).
A. Paschkoff [17]).
Douka [18]).
la Princesse de Gouriel.

Cavaliers.

MM. Le Prince D. Dolgorouky.
Vold. Karamzine [19]).

M. Lindholm.

MM. Apraxine.
Tchélistcheff.

COSTUMES TUNISIENS.

Dames.

S. A. I. Mme la G^de-D^sse Alexandra Nicolaïevna [20]).

MM^mes la Princesse Vassiltschikoff née Stcherbatoff [21]).
la Princesse M. Volkonsky née Kikine [22]).
la Princesse Galitzyne née Baranoff [23]).
la Comtesse Math. Armfeld.
la Comtesse Aline Armfeld née Démidoff.
Soukhozanneth.
Skobéleff [24]).

MM^lles la Princesse Schakhovskoï.
M. Boulgakoff.
Z. Soumarokoff [25]).
Khatoff.
Trischatny 1.
la Princesse Schakhovskoi.
la Princesse Gagarine 1.

---

[13]) Княгиня Марья Александровна, урожд. графиня Гурьева.

[14]) Покойная графиня Наталья Дмитріевна, супруга оберъ-прокурора Св. Синода, дочь славнаго Московскаго генералъ-губернатора князя Голицына.

[15]) Скончавшаяся въ Мартѣ 1884 г. единственная дочь графа А. А. Закревскаго, бывшая графиня Нессельроде и потомъ княгиня Друцкая-Соколинская.

[16]) Елисавета Петровна Пашкова, урожд. Киндякова, въ первомъ бракѣ за извѣстнымъ Московскимъ сенаторомъ И. А. Лобановымъ-Ростовскимъ.

[17]) Александра Ивановна Пашкова, умершая въ Москвѣ дѣвицею.

[18]) Александра Ильинишна, позднѣе вышедшая за В. Н. Карамзина.

[19]) Младшій сынъ историка, Владимиръ Николаевичъ Карамзинъ.

[20]) Скончавшаяся въ Петровъ день этого самаго 1844 года и оставившая по себѣ самую свѣтлую память въ преданіяхъ двора и общества.

[21]) Княгиня Екатерина Алексѣевна, дочь Московскаго генералъ-губернатора князя Щербатова и супруга князя Илларіона Илларіоновича Васильчикова.

[22]) Княгиня Марья Петровна, за вторымъ сыномъ тогдашняго министра двора.

[23]) Княгиня Юлія (до принятія Православной вѣры Луиза) Трофимовна, урожд. Баранова.

[24]) Ольга Николаевна Скобелева, урожд. Полтавцева, мать извѣстнаго героя, убитая въ Болгаріи Узатисомъ.

[25]) Позднѣе супруга князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго.

Wadkovsky née Menschikoff.
MMlles la Princesse Ann. Stcherbatoff.
Bezobrazoff 2.
Karabine.
la Princesse Gagarine 2.
la Comtesse Apraxine 1.
la Comtesse Apraxine 2.

PIRATES TUNISIENS.

S. A. I. Mgr le Gd-Duc Nicolas Nicolaïévitch.
S. A. I. Mgr le Gd-Duc Michel Nicolaïévitch.
MM. le Prince S. Troubetskoï [26]).
le Prince S. Gagarine.
MM. le Prince Souvoroff.
le Comte Schouwaloff.
N. Paschkoff [27]).
M. Ouchakoff.
MM. Pokhvisneff.
L. Lvoff [28]).
Guédéonoff 1.
Eug. Liarsky.

CORTÉGE D'OBÉRON.

Titania . . . . S. A. I. Mme la Gde-Dsse Catherine Mikhaïlovna.
Obéron . . . . Mme la Princesse N. Labanoff de Rostoff.

O N D I N E S.

S. A. I. Mme la Gde-Dsse Olga Nicolaïevna.

MMlles Tat. Vassiltschikoff.
Engelhardt.
Trischatny 2.
la Comtesse M. Armfeld.
Mme la Princesse Bariatinsky.
Mlles la Princesse S. Vassiltschikoff.
la Comtesse Strogonoff.
Bésobrazoff.

S A L A M A N D R E S.

Mme Maltsoff.

MMmes la Comtesse Woronzoff-Dachkaw [30]).
Bibikoff née Miatleff.
Okhotnikoff.
Mlle Soukhozanneth.
MMmes Philosophoff.
Schérémételf.
la Princesse Gagarine née Gourieff.
Mlle la Princesse de Varsovie [31]).

---

[26]) Князь Сергѣй Васильевичъ (1814—1859), отецъ графини Мории, человѣкъ необыкновенныхъ дарованій, погубившій ихъ черезъ чуръ широкою жизнью.

[27]) Извѣстный пѣвецъ Николай Ивановичъ Пашковъ, у котораго самое лице напоминало что-то соловьиное.

[28]) Леонидъ Өедоровичъ Львовъ, впослѣдствіи директоръ Московскихъ театровъ, ученый музыкантъ, братъ Алексѣя Өедоровича, котораго Записки печатаются въ нынѣшнемъ году въ Русскомъ Архивѣ.

[30]) Графиня Александра Кириловна, урожд. Нарышкина, женщина необыкновенной красоты и дарованій, воспѣтая Пушкинымъ и Лермонтовымъ.

[31]) Т. е. одна изъ трехъ дочерей князя Паскевича.

GNOMES.

S. A. I. Mme la G^de^-D^sse^ Marie Mikhaïlovna.
MM^lles^ la Comtesse S. Benkendorff[32].
la Princesse Tchernischeff[33].
Svertchkoff.
Boutourline.

S. A. I. Mme la G^de^-D^sse^ Élisabeth Mikhaïlovna.
MM^lles^ Hovrine[34].
Berginsky[35].
N. Apraxine.
la Princesse C. Dolgorouky.

ELPHES.

S. A. I. Mme la G^de^-D^sse^ Marie Nicolaïevna.

MM^lles^ Barténieff 2.
Barténieff 3.
Borozdine.

MM^lles^ la Baronne S. Frédéricks.
la Comtesse Lévaschoff.
L. Mamonoff.

HUIT PETITS GNOMES.

MM. Baranovsky.
Gresser.

MM. Rostovtzoff.
Korff 4.

MM. Tomsen.
von Dervis.

MM. Khrapovitsky.
Klupfel.

COUR DE CHARLEMAGNE.

Charlemagne . . . . M. le Comte Suchtelen.
La Reine . . . . Mme la Baronne de Krüdener[36].
Rotrudis, leur fille. . . . . Mme Bodisko[37].
Charlot. | Pépin. | Louis. } Leurs fils. . . . . { M. Z. Hitroff. | Le Prince Grég. Stcherbatoff. | Le Prince Nic. Troubetskoï.
Hilmangarde, femme de Louis . . . . . . Mme M. Naryschkine[38].
Le Chevalier Huon. . . . . M. N. Bezobrazoff.
Roland . . . . M. Doubelt 1.
Armory. . . . . M. le Prince Al. Vassiltchikoff[39].
Scherasmin. . . . . M. Miatleff.

---

32) Графиня Софья Александровна, позднѣе Демидова, во второмъ бракѣ княгиня Кочубей.

33) Княгиня Елисавета Александровна, нынѣ вдова князя Владимира Ивановича Барятинскаго, дочь тогдашняго военнаго министра, князя Чернышова.

34) Александра Николаевна, нынѣ супруга Петра Владимировича Бахметева, извѣстная писательница, обогатившая превосходными трудами нашу педагогическую и церковно-историческую словесность.

35) Дочь Святослава Осиповича Бержинскаго и княжны Екатерины Андреевны Долгоруковой (сестры Московскаго генералъ-губернатора князя Владимира Андреевича).

36) Нынѣ супруга графа Николая Владимировича Адлерберга.

37) Родомъ Американка. Супругъ ея былъ въ Америкѣ нашимъ посланникомъ.

38) Марья Арсеньевна, урожд. Бартенева.

39) Князь Александръ Иларіоновичъ, передъ тѣмъ секундантъ Лермонтова, впослѣдствіи извѣстный писатель по земскому самоуправленію.

Witekind. . . . . Prince Basile Galitsyne.
Albouin . . . . M. de Büllow.

DAMES DE LA COUR.

MM^mes Aurore Démidoff [40]).
la Princesse Souvoroff.
la Comtesse Kouscheleff.
Lise Démidoff.
Polétika [41]).
Bibikoff née Kouschnikoff [42]).
Vrevsky.
la Princesse B. Dolgorouky.
la Princesse Ouroussoff née Enguelhardt.

MM^lles la Comtesse Julie Bobrinsky [43]).
la Comtesse Gourieff.
Tsedler.
Poltavtseff.
la Comtesse Goudovitch 1.
la Comtesse Goudovitch 2.
Sipiaguine.
Mavrine.
la Princesse Galitzyne 2.

SEIGNEURS DE LA COUR.

MM. le Comte Pierre Schouvaloff.
le Comte Bismarck.
le Prince S. Dolgorouky.

MM. le Comte de Boos-Waldeck.
Oxholm.
le Prince André Troubetskoï [44]).

Le Hérault d'armes . . . . M. Smirnoff.

CHEVALIERS.

MM. le Prince Kourakine.
Boulgakoff.
Schérémételf.
Skobeleff.
Obreskoff.
Akhmatoff [45]).
C. Boulgakoff.
le Comte Toll.

MM. le Baron Schöpping.
Tchélistcheff.
Liarsky.
Barténieff.
Démidoff.
Baranoff 3.
Diakoff.

SIX PAGES.

MM. Apraxine.
Korff 2.
Smirnoff.

MM. Naryschkine.
Ouchakoff.
Soukhozaneth.

---

[40]) Аврора Карловна, урожд. Шернваль, нынѣ вдова Андрея Николаевича Карамзина, мать князя П. П. Демидова-Санъ-Донато.

[41]) Идалія Полетика, супруга тогдашняго гвардейскаго штабъ-офицера, пріятельница Н. Н. Пушкиной.

[42]) Софья Сергѣевна, нынѣ вдова Дмитрія Гавриловича Бибикова.

[43]) Графиня Юлія Станиславовна, урожд. гр. Бѣлинская, въ первомъ бракѣ за Московскимъ богачемъ-старикомъ Собакинымъ, мать бывшаго министра финансовъ и извѣстнаго редстокиста графа Алексѣя Павловича Бобринскаго.

[44]) Покойный Андрей Васильевичъ Трубецкой, одинъ изъ соорудителей прекрасной Русской церкви въ Веве.

[45]) Покойный оберъ-прокуроръ Св. Синода Алексѣй Петровичъ Ахматовъ.

ЗАПИСКИ А. Ѳ. ЛЬВОВА *).

Я нанялъ квартиру въ домѣ Фридерикса противъ Владимирской церкви и тутъ устроилъ себѣ помѣщеніе при началѣ новой моей жизни. Государя просилъ я быть посаженнымъ отцемъ, а графиню Бенкендорфъ посаженной матерью. Государь показалъ мнѣ въ этомъ важномъ для меня случаѣ участіе истинно свыше того, что́ я когда-нибудь ожидать могъ. До поста̀ оставался одинъ день, 6-е Ноября, въ который вѣнчаться было можно; въ этотъ же день бываетъ гусарскій праздникъ, который Государь проводитъ въ Царскомъ Селѣ и приглашаетъ къ своему столу весь полкъ. Совѣстно мнѣ было до такой степени безпокоить Государя; но онъ предупредилъ меня, сказавъ, что никакъ не хочетъ, чтобы свадьба моя была еще отложена, что прикажетъ обѣдъ ранѣе и въ 8 часовъ вечера будетъ непремѣнно въ Петербургѣ для свадьбы. Въ 7½ часовъ Государь уже былъ въ Аничковскомъ дворцѣ и ожидалъ насъ; я пріѣхалъ съ графомъ Бенкендорфомъ. Государь меня позвалъ и, при благословеніи образомъ, далъ мнѣ наставленіе, какое только отецъ дать можетъ. Послѣ церковнаго обряда мы всѣ поѣхали на мою квартиру. Я просилъ Государя не безпокоиться, находя, что это было бы для него слишкомъ тягостно послѣ такого дня, какъ 6 Ноября.....

Зиму провели мы довольно пріятно. Въ нашихъ музыкальныхъ вечерахъ участвовали лучшіе артисты: Тальбергъ, г-жа Плейель на фортепіано, Серве на віолончели; но украшеніемъ этихъ вечеровъ была несравненная графиня Росси, которая, будучи очень дружна съ нами, никогда не отказывалась пѣть, и я игралъ въ свою очередь, и часто вдвоемъ съ графиней Росси мы наполняли цѣлые вечера. Цѣлый ор-

*) См. 4-й выпускъ Р. Архива сего года. А. Ѳ. Львовъ женился на П. А. Абазѣ 6 Ноября 1839 г. П. Б.

кестръ намъ акомпанировалъ. Съ какимъ тщаніемъ приготовлялъ я эти вечера, сколько бывало репетицій! Посѣтителями были Великій Князь Наслѣдникъ, принцъ Ольденбургскій, всѣ министры, которые любили музыку для музыки или для моды, такъ что зала моя едва могла вмѣщать число посѣтителей. Великая Княгиня Елена Павловна всегда была на репетиціяхъ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, Серве и я, мы играли особенно удачно; въ душевномъ удовольствіи другъ отъ друга мы въ одно слово сказали: «Si nous pouvions jouer quelque chose ensemble *)». Это дало мнѣ мысль написать пьесу для нашихъ инструментовъ; я составилъ планъ, послалъ на одобреніе Серве и потомъ написалъ пьесу, назвавъ ее le Duel. Въ послѣдствіи, видѣвъ, что Серве про нее забылъ, я посвятилъ ее знаменитому Мейерберу и напечаталъ въ Берлинѣ.

Въ концѣ Апрѣля 1840 г. отправились мы на казенномъ пароходѣ въ Штетинъ. Это было въ первый разъ послѣ 25 лѣтъ службы, что я попросился въ отпускъ и ѣхалъ, забывъ про дѣла казенныя. Вся дорогая семья была со мною; никакой ни въ чемъ отвѣтственности, никакого страха. О, свобода, лучшій даръ на землѣ! Какъ она показалась мнѣ усладительна! Въ Берлинѣ надѣлъ я партикулярное платье и душою преобразовался въ артиста. Въ Берлинѣ я свидѣлся съ учителемъ и другомъ Спонтини и ежедневно къ нему ходилъ учиться. Уроки мои состояли изъ однихъ разсужденій о музыкѣ. Тутъ я показывалъ Спонтини два псалма, которые я положилъ на музыку съ переводомъ текста на Латинскій языкъ; за нихъ сдѣланъ я былъ почетнымъ членомъ Сесильской Академіи въ Римѣ и Академіи пѣнія въ Берлинѣ. При этомъ скажу, что въ 1831 году я переработалъ Stabat Mater Перголези на полный оркестръ съ хоромъ, оставя соло сопрану и альту, какъ это было у великаго сочинителя. Огромный этотъ трудъ я предпринялъ, потому что, слушая съ малолѣтства это неподражаемое твореніе, я всегда чувствовалъ несоразмѣрность въ полнотѣ гармоніи съ великими мыслями сочинителя. Окончивъ Stabat Mater, я исполнилъ эту ораторію въ пользу вдовъ и сиротъ артистовъ въ С.-Петербургѣ и собралъ значительную сумму, съ которой проценты и понынѣ раздаются вдовамъ и сиротамъ артистовъ. За это Петербургское Филармоническое Общество поднесло мнѣ дипломъ почетнаго члена; потомъ за тотъ-же трудъ я былъ сдѣланъ почетнымъ композиторомъ Болонской Академіи. Критика Финка въ Лейпцигской музыкальной газетѣ покажетъ вамъ, сколько было сужде-

---

*) Нельзя ли намъ сыграть что нибудь вмѣстѣ.

ній и толковъ о томъ, что я осмѣлился тронуть твореніе Перголези. Я предвидѣлъ это; не менѣе того, трудъ мой былъ основанъ на душевномъ желаніи возстановить это неподражаемое произведеніе, которое болѣе не исполнялось по бѣдности оркестровки, столь обогатившейся въ наше время, и я цѣли моей достигъ.....

Въ Берлинѣ же познакомился я съ умнымъ Мейерберомъ. Оттуда поѣхали мы въ Лейпцигъ, гдѣ находился Мендельсонъ-Бартольди. Этотъ геніальный человѣкъ, узнавъ, что я ищу съ нимъ познакомиться, тотчасъ пришелъ къ намъ и просилъ составить у него музыкальный вечеръ. Я игралъ его квартеты и съ душевною радостью видѣлъ, что Мендельсонъ былъ въ восторгѣ. Онъ мнѣ сказалъ: Jamais je n'ai entendu ma musique exécutée de la sorte; il est impossible de rendre mes pensées avec plus de précision; vous avez deviné la moindre de mes intentions *). Этого было довольно, чтобы мы искренно съ нимъ подружились, что̀ вы можете видѣть изъ нашей переписки. Изъ Лейпцига поѣхали мы въ Эмсъ; тутъ была добрая наша Императрица, которая обласкала насъ съ особенною милостію. Извѣстный фортепіанистъ Листъ пріѣхалъ; я тотчасъ съ нимъ познакомился, сдѣлалъ у себя музыку и, за неимѣніемъ нотъ въ Эмсѣ, мы играли съ нимъ старый дуетъ Герца и Лафона на тему: c'est une larme. Откровенно скажу, что стоило послушать, въ какомъ видѣ представилась всѣмъ слушателямъ эта всѣмъ извѣстная пьеса. Кромѣ того Листъ игралъ особо, и я тоже. Все что было принцевъ и знатныхъ особъ въ Эмсѣ, всѣ были на вечерѣ, и Мейерберъ, пріѣхавшій пить воды. На другой день, изъявляя мнѣ свое удивленіе о моей игрѣ, онъ предложилъ мнѣ проектъ драматическаго концерта и неоднократно просилъ меня написать его; я ему обѣщалъ и проектъ взялъ.

Узнавъ, что въ это самое время первая въ Европѣ Итальянская труппа поетъ въ Лондонѣ, я рѣшился воспользоваться временемъ, положеннымъ докторами для курса лѣченія маменьки вашей и, оставя ее съ бабушкой въ Эмсѣ, поѣхалъ одинъ въ Лондонъ. Точно нашелъ я тутъ знаменитыхъ пѣвцовъ: Рубини, Маріо, Лаблаша, Тамбурини; пѣвицъ: Персіани, Гризи, Този и многихъ другихъ. Въ самый день пріѣзда моего, я пошелъ въ оперу. Подходя къ дверямъ партера, я былъ такъ пораженъ согласіемъ и звучностію, съ которыми они пѣли какой-то квинтетъ (не помню), что остановился и не смѣлъ войдти. Кто не слыхалъ этой труппы, тотъ вообразить себѣ не можетъ высокое

---

*) Никогда не слышалъ я, чтобы моя музыка такъ исполнялась; невозможно передать мои мысли съ большею точностью; вы угадали малѣйшее изъ моихъ намѣреній.

совершенство, съ которымъ она производила всѣ новыя оперы и нѣкоторыя изъ древнихъ средняго размѣра. Большія древнія оперы были не по силамъ имъ, не по силамъ публикѣ: такъ выразился мнѣ Рубини. Сладость и блескъ оркестровки въ сочиненіяхъ Россини, Беллини, Доницетти затмили оперы высшаго достоинства. Въ Лондонѣ я познакомился съ извѣстнымъ фортепіанистомъ и профессоромъ Мошлесомъ, имѣя рекомендательныя письма Мейербера и Мендельсона. Вездѣ артисты принимали меня съ особеннымъ вниманіемъ; я провелъ музыкальный вечеръ у Мошелеса очень пріятно.

Обѣдавъ нѣсколько разъ у нашего посланника барона Брюнова, я съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ, какъ Англичане играли нашъ народный гимнъ: «Боже, Царя храни»; это удовлетворяло самолюбію Русскаго артиста....

Въ Эмсѣ получилъ я письмо Мендельсона, въ которомъ онъ, изъявляя восторгъ его и тѣхъ, которые меня слышали, убѣдительно просилъ, отъ имени всего Лейпцигскаго общества, на возвратномъ пути остановиться въ Лейпцигѣ и играть въ большой залѣ въ домѣ, называемомъ Gewandhaus для всѣхъ, взявъ на себя все устроить сообразно приличію моего званія. Я отвѣчалъ, что съ радостью готовъ исполнить его предложеніе.

Изъ Эмса поѣхали мы въ Гейдельбергъ близъ Мангейма; тутъ прожили довольно долго, и я, пользуясь свободнымъ временемъ и тишиною жизни, принялся за сочиненіе драматическаго концерта по плану Мейербера и написалъ его въ три недѣли, выписалъ музыкантовъ изъ Мангейма и въ залѣ одного изъ трактировъ сдѣлалъ вечеръ, созвавъ всѣхъ охотниковъ. Я игралъ мой новый концертъ, варіаціи на Русскія пѣсни съ хоромъ и кончилъ нашимъ народнымъ гимномъ. Всѣ слушатели были въ неизъяснимомъ удовольствіи, а музыканты, встрѣтивъ меня на другой день, ходили за мной по улицамъ цѣлою толпою.—Имѣя еще нѣсколько свободнаго времени, мы поѣхали въ Парижъ, гдѣ пробыли 10 или 12 дней. Я познакомился съ старикомъ Керубини, который доживалъ послѣдніе дни; осматривалъ всѣ классы Консерваторіи, но знаменитыхъ ея концертовъ не слыхалъ: ихъ тогда не было. Познакомился съ Баліотомъ, котораго также засталъ на излетѣ: игра его на скрипкѣ представилась мнѣ какъ славные остатки славнаго зданія. Былъ у знаменитаго дирижера Абнека, у стараго моего учителя гармоніи Цейнера, который также на псалмахъ моихъ написалъ въ послѣдній разъ нѣсколько словъ; потомъ у многихъ второстепенныхъ артистовъ. Они всѣ были у меня, всѣ искали случая меня слышать; но по весьма короткомъ пребываніи нашемъ въ Парижѣ, при безпрестанныхъ развлеченіяхъ и общихъ занятіяхъ,

невозможно было ничего порядочнаго устроить, и я могъ только сдѣлать у себя маленькій вечеръ, въ которомъ сыгралъ нѣсколько небольшихъ пьесъ. Не знаю, сохранился ли у меня листокъ газеты, въ которомъ журналистъ Бланшаръ описывалъ мою игру. Это вполнѣ характеризуетъ Француза. Онъ начинаетъ статью свою такъ: «Въ «1812 году адъютантъ Русскаго Государя Александра, нѣкто Чернышовъ, пріѣхалъ въ Парижъ, былъ въ лучшихъ обществахъ, прельщалъ всѣхъ нашихъ дамъ и кончилъ тѣмъ, что посредствомъ одного «негодяя досталъ всѣ планы предполагаемой войны съ Русскими и «тотчасъ изъ Парижа выѣхалъ. Императоръ, узнавъ объ этомъ, по«слалъ за нимъ въ догоню. Посланный опоздалъ пятью минутами; «иначе Чернышовъ былъ бы разстрѣлянъ такъ же, какъ тотъ негодяй, «который за большія суммы выдалъ ему планы. Нынѣ, въ 1840 году, «пріѣхалъ сюда адъютантъ Государя Николая, но этотъ совсѣмъ съ «другими намѣреніями: онъ пріѣхалъ дать руку (une poignée de main) «артистамъ того искусства, которое самъ изучалъ съ большимъ успѣ«хомъ; мы его слышали»..... И за этимъ описываетъ мою игру съ большими похвалами. Къ чему это предисловіе? Видно имъ памятна война тѣхъ годовъ!

Ежедневно мы были въ театрѣ; если не было Италіанской оперы, то въ какомъ либо другомъ, и видѣли, какъ въ партерѣ молодые сорванцы лазили изъ ряда въ рядъ чрезъ спинки креселъ, кричали во все горло, требуя la Marseillaise. При выходѣ изъ театра, толкались, кричали; однимъ словомъ, гадко было видѣть, и всякій благомыслящій человѣкъ не можетъ находить удовольствія быть въ толпѣ этихъ сорванцевъ, которые всегда готовы на всякое буйство и безпорядокъ. Въ тотъ вечеръ, когда у меня была музыка, былъ также Бланшаръ, и когда директоръ театра Пиллетъ просилъ меня остаться еще нѣсколько дней, обѣщая нарочно для меня дать Гугеноты Мейербера, то Бланшаръ говоритъ: Laissez partir m-r Lwow; car, s'il tarde d'un seul jour, il sera envoyé en Sibérie.—Vraiment? сказалъ я ему. Mais savez-vous ce que c'est que la Sibérie?—Mais..... non.... C'est un endroit d'exile, отвѣчалъ Бланшаръ.—Puisque vous ne connaissez pas ce que c'est que la Sibérie, de même que nos lois, pourquoi en parlez vous? La Sibérie, monsieur, est un des plus beaux pays du monde; on peut y vivre avec de grands agréments. Après cela, si nos lois trouvent moyen de conserver une quantité de malfaiteurs, qui auraient du perdre la vie, en les envoyant dans la partie de la Sibérie, qui demande un grand nombre de bras à différents travaux, il serait bien difficile que cette même loi place dans la même categorie une personne qui aurait tardé de revenir à son poste de quelques jours. Eh bien, monsieur,

sachez que mon semestre est illimité, et si je veux revenir à Pétersbourg pour le 15 Novembre, c'est que je l'ai promis verbalement à l'Empereur.—Oh, mais c'est une plaisanterie, сказалъ Бланшаръ.—Non, monsieur, c'est la vérité: nous autres Russes, nous n'avons pas l'habitude de plaisanter quand nous parlons de notre Souverain auquel nous devons la tranquillité, la sûreté de notre existence. Chez nous, monsieur, quand un homme sensé va au théâtre avec sa famille, il est sûr de ne pas être obligé de voir et d'entendre mille bêtises que font quelques écervelés et qu'il vera la pièce qu'il désirait voir; il est sûr qu'en sortant du théâtre, ni sa famille ni lui ne seront heurtés, poussés de tous les côtés par des polissons; rentré chez lui, il est sûr que sa tranquillité est surveillée par le gouvernement. Pouvez vous en dire autant, monsieur? Ah, je vous avoue qu'après le spectacle d'hier, j'aime infiniment mieux rester près de nos lois barbares et je crois, que si vous vouliez parlerfranchement, vous m'auriez dit la même chose *). Тутъ другіе посѣтители, видя, что я говорилъ съ нѣкоторымъ жаромъ, старались перервать рѣчь, и я самъ былъ очень радъ, что тѣмъ кончилось.

На другой-же день нашего пріѣзда въ Лейпцигъ Мендельсонъ пришелъ ко мнѣ и просилъ со скрипкой пойти въ Gewandhaus, а самъ взялъ мои ноты. Пришедъ въ залу, я нашелъ цѣлый оркестръ, который ожидалъ насъ. Мендельсонъ сталъ на мѣсто дирижера и просилъ

---

*) Не задерживайте г-на Львова: вѣдь, если онъ опоздаетъ на одинъ день, его сошлютъ въ Сибирь.—Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ я ему.Да знаете ли вы что такое Сибирь?—Однако.... нѣтъ.... Это мѣсто ссылки, отвѣчалъ Бланшаръ.—Такъ какъ вы не знаете что такое Сибирь, а равно не знаете нашихъ законовъ, такъ зачѣмъ же вы про нихъ говорите? Сибирь, милостивый государь, есть одна изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ странъ, и тамъ можно жить съ большимъ удовольствіемъ. Далѣе, если законы наши находятъ возможнымъ сохранять жизнь извѣстному числу преступниковъ, заслуживающихъ смертной казни, ссылая ихъ въ тѣ мѣста Сибири, которыя нуждаются въ рукахъ для различныхъ работъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тѣже законы причисляли къ тому же разряду человѣка, опоздавшаго къ должности своей на нѣсколько дней. Знайте же, милостивый государь,что я могу возвратится когда захочу, и если желаю быть въ Петербургѣ къ 15 Ноября, то потому что на словахъ такъ обѣщалъ Государю.—О, вы шутите! сказалъ Бланшаръ.—Нѣтъ, милостивый государь, это точно такъ: мы Русскіе не привыкли шутить, когда говоримъ про нашего Государя, которому обязаны спокойствіемъ и безопасностью нашего существованія. У насъ, милостивый государь, порядочный человѣкъ, отправляясь въ театръ съ своею семьею, увѣренъ,что его не заставятъ видѣть и слышать всякаго рода глупости, творимыя безумцами и что онъ увидитъ произведеніе, которое ему желательно видѣть; онъ увѣренъ, что, при выходѣ изъ театра, ни его, ни его семью не станутъ задѣвать и толкать въ разныя стороны негодные сорванцы. Возвратясь къ себѣ домой, онъ увѣренъ, что за его спокойствіемъ блюдетъ правительство. Тоже ли у васъ, милостивый государь? Ахъ, послѣ вчерашняго представленія, наши варварскіе законы мнѣ несравненно любезнѣе, и я полагаю, что вы со мною согласились бы, если бы захотѣли говорить откровенно.

меня играть. Въ залѣ никого не было, я сыгралъ свой концертъ, Мендельсонъ велъ оркестръ съ неимовѣрнымъ искусствомъ. Послѣ сыгралъ онъ мои варіаціи съ хоромъ. Въ промежуткахъ Мендельсонъ далъ мнѣ наслажденіе слышать двѣ его увертюры; и я думалъ, что все кончено, положилъ скрипку и собирался идти, какъ Мендельсонъ остановилъ меня и говоритъ: «Mon cher ami, ce n'a été qu'une répétition pour l'orchestre; attendez un moment, et vous aurez la bonté de rejouer les mêmes morceaux [1]). Съ этимъ словомъ отворились двери, и толпа народа хлынула въ залу; въ нѣсколько минутъ зала, сѣни, все было наполнено народомъ. Ne craignez pas, сказалъ Мендельсонъ: ce n'est qu'un public choisi que j'ai invité moi-même, et après la musique vous saurez les noms de toutes les personnes qui sont dans la salle [2]). Я повторилъ мои пьесы съ особеннымъ успѣхомъ, такъ что во время adagio концерта Мендельсонъ тихонько говоритъ мнѣ: Ne jouez pas trop bien, car je ne pourrais plus diriger [3]). Вы можете себѣ представить, что́ я почувствовалъ, услыша эти слова великаго артиста. Я никогда лучше не игралъ. Тутъ-же швейцаръ подалъ мнѣ всѣ билеты посѣтителей, на которыхъ я увидѣлъ имя каждаго, написанное рукою Мендельсона. Какъ умно и деликатно поступилъ Мендельсонъ, чтобы сохранить должное приличіе. Вышедъ изъ залы вмѣстѣ съ нимъ, мы безпрестанно встрѣчались съ людьми, бывшими въ Gewandhaus, которые подходили къ намъ съ новыми изъявленіями ихъ восторга. Это было истинное торжество, какого я никогда ожидать не могъ и не смѣлъ: я все какъ будто сомнѣвался, ко мнѣ ли относятся такія похвалы, и удивлялся, что производилъ столь разительное впечатлѣніе въ первомъ музыкальномъ городѣ всей Германіи. Прочтите переводъ одной статьи послѣ этого концерта, гдѣ между прочимъ сказано: «если подобныхъ талантовъ въ Россіи много, то намъ надо туда ѣхать не учить, а учиться».

Изъ Лейпцига мы поѣхали почти безъ остановки до Петербурга.

Чѣмъ чаще были у меня музыкальные вечера, чѣмъ болѣе посѣтителей, тѣмъ болѣе видѣлъ я неудобство жить въ наемномъ домѣ, гдѣ всякое устройство, всякое украшеніе остаются въ пользу хозяина до̀ма, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько непріятностей жить въ большомъ домѣ, гдѣ тысяча разныхъ постояльцевъ. Все это, подкрѣпленное со-

---

[1]) Любезный другъ: это была только репетиція для оркестра; подождите немного и будьте добры переиграть тѣже піесы.

[2]) Не опасайтесь: это избранное общество, которое я самъ пригласилъ, и послѣ музыки вы узнаете имена всѣхъ лицъ, находящихся въ залѣ.

[3]) Не играйте слишкомъ хорошо, потому что я не въ силахъ буду дирижировать.

вѣтомъ нѣкоторыхъ родныхъ, подало мнѣ мысль купить домъ. Въ одно утро, шедъ по Невскому проспекту, озабоченный до крайности о прiисканiи нужнаго количества денегъ для покупки дома, встрѣчаюсь съ сенаторомъ Лубяновскимъ, съ которымъ знакомъ почти не былъ. Увидѣвъ меня, онъ спросилъ, отчего я такъ озабоченъ; я разсказалъ ему мое затрудненiе найти 20 т. р. ассигн., не предполагая никакихъ послѣдствiй. Лубяновскiй остановилъ меня, подумалъ и просилъ зайти къ нему на другой день. Я прихожу, и онъ, вынувъ изъ шкатулки 20 т. р., подаетъ мнѣ ихъ и говоритъ: «я очень радъ, что могу въ свою очередь услужить сыну Ѳедора Петровича, который, лѣтъ 40 назадъ, будучи еще директоромъ департамента у министра коммерцiи, сдѣлалъ мнѣ значительное добро; возмите эти деньги за указные проценты, и я увѣренъ, что вы мнѣ ихъ отдадите при первой возможности.» Вы можете себѣ представить, какъ я благодарилъ его; съ трудомъ могъ уговорить взять заемное письмо. Дѣло мое сладилось, и я домъ купилъ.

Въ Декабрѣ, 30 числа, я вздумалъ въ первый разъ сдѣлать у себя большую музыку; собралъ цѣлый оркестръ, придворный хоръ и выбралъ все пьесы серьезныя; пригласилъ немногихъ посѣтителей, между коими была и N. (дружба наша еще продолжалась). При началѣ музыки она говоритъ мнѣ на ухо: «Къ вамъ будетъ Государь». Я ей не повѣрилъ и продолжалъ свою музыку, какъ слышу три звонка, и въту же минуту Государь вошелъ въ залу: Я бросилъ скрипку, подбѣжалъ къ нему; внѣ себя отъ восхищенiя, я не могъ выговорить слóва. Государь это замѣтилъ, успокоилъ меня и просилъ продолжать; пробылъ у насъ весь вечеръ и уѣзжая просилъ увѣдомлять его, когда у меня бываетъ музыка, обѣщая, что и впередъ прiѣдетъ съ большимъ удовольствiемъ. Это число и прочiя, въ которыя Государь удостоивалъ меня своимъ посѣщенiемъ, означены на мѣдной доскѣ у мраморнаго бюста Государя, поставленнаго въ музыкальномъ залѣ.

12 Марта 1842 года Государь былъ другой разъ на музыкальномъ вечерѣ.

28 Августа 1842 года у А. Ѳ. Львова родился сынъ Ѳедоръ.

Я сообщилъ о моей радости доброму моему начальнику графу Бенкендорфу; онъ тотчасъ сказалъ Государю, который два раза въ тотъ же день присылалъ нарочнаго фельдъегеря изъ Царскаго Села, чтобы узнать о здоровьи моей жены. На другой день я поѣхалъ благодарить Государя за его вниманiе; надо было видѣть, съ какою милостiю приняли меня Императрица и весь Царскiй домъ. 5 числа Сентября были

крестины Государь находился въ вояжѣ, и графъ Бенкендорфъ при совершеніи обряда занялъ его мѣсто и отъ имени Его Величества отдалъ маменькѣ фермуаръ въ 6 т. р. ассигн.

Желая сдѣлать угодное императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и Великимъ Княжнамъ, зная, какое онѣ принимаютъ участіе въ поддержаніи частныхъ школъ Дамскаго Патріотическаго Общества, я пригласилъ фрейлину Бартеневу и г-жу Вьярдо спѣть Stabat Mater Pergolesi въ залѣ пѣвческаго корпуса, самъ дирижировалъ, а между партіями игралъ большое adagio изъ 9-го концерта Шпора, которое я всегда игралъ при исполненіи «Stabat Mater». Я сдѣлалъ два утра, и въ оба зала была наполнена народомъ. Императрица оба раза пріѣзжала, исполненіе было отличное, и я долженъ сказать, что сердце мое билось отъ удовольствія, видя, какъ удачно удалось мнѣ переработать это неподражаемое твореніе и какое разительное впечатлѣніе производило оно на слушателей. Я собралъ около 2 тыс. р. с., представилъ ихъ Ольгѣ Николаевнѣ, какъ почетному члену общества, и получилъ за то званіе члена-благотворителя.

3-го Марта Государь былъ въ третій разъ на музыкальномъ вечерѣ. 16 Марта Императрица и Великія Княжны, Ольга и Александра Николаевны, узнавъ, что у меня музыкальная репетиція, пріѣхали совсѣмъ неожиданно и пробыли часа два. Императрица желала видѣть всѣ комнаты, даже спальную и была чрезвычайно милостива. Вечеромъ пріѣхалъ Государь въ четвертый разъ. Я просилъ позволенія показать ему его крестника. Государь тотъ часъ пошелъ въ спальную и, взявъ его на руки, нянчилъ, какъ своего ребенка; кормилица уронила пеленку, Государь ее поднялъ и ей подалъ. Какъ все это время у меня билось сердце отъ радости и благодарности Богу! Всѣ прочіе посѣтители стояли въ другихъ комнатахъ и все это видѣли. Зависть овладѣла многими и выразилась разными нелѣпыми выдумками и негодованіями противъ меня. Я же былъ спокоенъ, чувствуя въ душѣ, что во всю жизнь мою я не сдѣлалъ ни одного унизительнаго шага для достиженія милости Царя, и зналъ, что такъ всегда бывало и всегда будетъ.

11 Апрѣля 1843 года, къ празднику Св. Пасхи, Государь пожаловалъ мнѣ табакерку съ вензелевымъ его именемъ; а Великія Княжны, Александра и Ольга Николаевны, прислали мнѣ: первая двѣ стеклянныя лиловыя вазочки съ бронзовыми цвѣтами, а вторая стеклянный плято на бронзовой ножкѣ, приложивъ два яйца, одно фарфоровое, а отъ Александры Николаевны стеклянное съ незабудками. 10-го Октября 1843 года я произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ свитѣ. 10 Декабря Государь былъ въ пятый разъ на вечерѣ, при ре-

петиціи 1-го акта первой моей оперы «Біанки», которую я посвятилъ Е. В. Александрѣ Николаевнѣ по случаю ея замужества съ принцемъ Гессенскимъ. Пѣли г-жа Віардо, знаменитый Рубини и Тамбурини; Государь былъ очень доволенъ, пѣли безподобно, оркестръ шелъ отлично; но зависть противъ меня росла горою. Это было видно на лицахъ большей части посѣтителей и, чѣмъ больше Государь хвалилъ, тѣмъ число противниковъ увеличивалось; и съ этой минуты начались всевозможныя интриги, чтобы оперу мою не ставить на сцену: сбивали директора театровъ, котораго увѣрили, что я написалъ оперу, чтобы получить его мѣсто; самъ министръ двора князь Волконскій явно пошелъ противъ этого предположенія; одинъ графъ Бенкендорфъ поддерживалъ меня всѣми силами. Несмотря на то и на желаніе самого Государя и Великой Княжны Александры Николаевны, опера въ этомъ году дана не была подъ предлогомъ того, что якобы Итальянскіе пѣвцы пѣть моей музыки не хотятъ. Сколько я ни былъ увѣренъ, что все это гнусная выдумка, не менѣе того больно мнѣ это было до чрезвычайности и даже имѣло вліяніе на мое здоровье, и я рѣшился весною ѣхать за границу, какъ для подкрѣпленія нервическаго разстройства, такъ для того, чтобы оперу мою дать за границей и тѣмъ доказать соотечественникамъ моимъ, что я предлагалъ имъ трудъ достойный. Итальянскіе пѣвцы, чтобы опрокинуть взводимую на нихъ клевету, дали мнѣ письмо, въ которомъ изъявляли сожалѣніе, что опера моя не была дана, въ увѣренности, что исполненіе ея сдѣлало бы честь и имъ, и мнѣ, и всѣ трое письмо подписали. Я его показывалъ Государю Наслѣднику, который не могъ надивиться дѣйствіямъ интригъ и зависти..... Въ это время случилось обстоятельство, которое, безъ всякой съ моей стороны причины, охладило частное расположеніе ко мнѣ Государя....

19 Апрѣля отправились мы за границу. Когда мы доѣхали до Берлина, всѣ служебныя дѣла изъ головы моей выкурились, и я опять преобразовался въ артиста. Опера моя «Біанка» была со мною, я показывалъ партитуру Мейерберу и получилъ совершенное одобреніе; самая поэма ему не понравилась, и онъ сказалъ, что находитъ необходимымъ ее передѣлать, безъ чего опера эта, несмотря на весьма удачную музыку, удержаться долго на сценѣ не можетъ, потому что ничтожное сочиненіе поэмы публикѣ наскучитъ. Въ Дрезденѣ, въ залѣ извѣстнаго трактира (Hôtel de Saxe), я собралъ полный оркестръ и хоры, чтобы дать слышать публикѣ нѣкоторые нумера моей оперы и судить, понравится ли Саксонцамъ моя музыка. Между оперными нумерами я игралъ «Дуэль» съ Куммеромъ, adagio Шпора и въ заключеніе исполнилъ нашъ народный гимнъ. Зала была наполнена наро-

домъ, впускали по билетамъ. Узнавъ, что Саксонскіе принцы и принцессы желаютъ быть на вечерѣ, я пригласилъ ихъ, хотя имъ еще не представлялся; въ назначенный часъ они были въ залѣ и помѣстились на хорахъ. Оперные нумера приняты были публикой отлично, игра моя привела ее въ восторгъ; но когда, для заключенія, подъ моею дирекціею, былъ исполненъ нашъ народный гимнъ, то рукоплесканія, стукъ ногами и стульями, крики фора раздались, какъ молнія, по всей залѣ. Я долженъ былъ повторить; тотъ же восторгъ, тѣже крики vivat Nicolaus! Меня цѣловали, шептали мнѣ на ухо: «Wir sind Russen geworden *)». Музыканты отказались отъ всякой платы. Надо было мнѣ, Русскому артисту-генералу, не оставаться въ долгу. Я велѣлъ подать ужинать на все число музыкантовъ; шампанское лилось рѣкою; новыя восклицанія: «ура», vivat Nicolaus! Я взялъ бокалъ и предложилъ за здоровье Саксонскаго короля. Тутъ же сочиняли мнѣ стихи и говорили вслухъ, взяли оставшіеся въ оркестрѣ инструменты, всякій что́ попало, и въ сопровожденіи пѣнія прочихъ товарищей, неоднократно повторяли гимнъ... Въ третьемъ часу ночи разошлись по домамъ....

...... Графъ Бенкендорфъ былъ въ Карлсбадѣ. Желаніе видѣть моего добраго начальника заставило меня туда съѣздить; я нашелъ его въ положеніи весьма тяжеломъ: воды на него не дѣйствовали, онъ едва ходилъ. Это было послѣднее мое съ нимъ свиданіе. Какъ онъ мнѣ обрадовался, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ разсказывалъ обо всемъ, что́ слышалъ про меня въ Дрезденѣ!

Другая забота занимала меня чрезмѣрно: Великая Княгиня Александра Николаевна, вышедъ замужъ за принца Гессенскаго, вскорѣ сдѣлалась больна; болѣзнь, не смотря на ея беременность, шла быстрыми шагами, и доктора отчаявались въ ея жизни. Событіе это тѣмъ болѣе меня тревожило, что Александра Николаевна въ послѣдніе годы ея жизни была ко мнѣ особенно милостива, смѣю сказать любила меня, сколько положеніе ея ей позволяло. Прежде ея замужества я бывалъ у нея два раза въ недѣлю для музыкальныхъ занятій; она пѣла мелодіи Шуберта, я акомпанировалъ ей на скрипкѣ; какое милое вниманіе, какое желаніе показать мнѣ ея благодарность! Одинъ разъ, чтобы угостить меня чѣмъ-нибудь, она отворила шкафъ, достала апельсинъ, положила на тарелку, насыпала сахару, положила ножикъ и поднесла мнѣ: «Mangez cette orange, cela vous délassera des fatigues que vous avez eu en m'accompagnant. Comme cela doit vous en-

*) Мы стали Русскими.

nuyer de faire de la musique avec une aussi pauvre musicienne que moi *)», сказала она съ невыразимою любезностью. Чтó я отвѣчалъ ей, не помню; но знаю, что милое существо это врѣзалось навсегда въ памяти моей. На этихъ вечерахъ никогда никого не было, кромѣ состоявшей при ней Англичанки Гигенботомъ.

Въ Эмсѣ узналъ я о смерти Александры Николаевны. Въ это же время прошелъ по Рейну пароходъ съ умирающимъ графомъ Бенкендорфомъ; я выѣзжалъ къ нему на встрѣчу, но пароходъ шелъ такъ скоро, что я не могъ видѣть добраго моего начальника, съ которымъ прослужилъ 18 лѣтъ. Онъ всячески спѣшилъ въ Фалль (его помѣстье близъ Ревеля). Онъ желалъ тамъ умереть; но Богу было угодно иначе: онъ умеръ на пароходѣ противъ высотъ острова Даго 11 Сентября (1844)....

..... Въ Лайбахѣ узналъ я, что графъ Орловъ призывалъ къ себѣ Адиль-Гирея, послѣ чего онъ немедленно отправился на Кавказъ....

Въ Дрезденѣ нашелъ я оперу мою почти выученною и долженъ былъ находиться на послѣднихъ репетиціяхъ; Шредеръ-Девріенъ пѣла Біанку, Тикачекъ—Гвальтіеро, Детмаръ—Сфорцу, Митервурцеръ—Малатесту. Наканунѣ репрезентаціи, Рейсигеръ и двое старшинъ пришли ко мнѣ и отъ имени всей капеллы поднесли адресъ на пергаментѣ, который сдѣлалъ мнѣ величайшее удовольствіе. Поутру прислали мнѣ афишу на розовомъ атласѣ. Въ 6 часовъ послѣ обѣда начался спектакль; театръ былъ наполненъ. Не могу выразить ощущенія моего, когда поднялся занавѣсъ; это чувство можетъ понять только тотъ, кто оперу свою даетъ въ первый разъ на чужой сторонѣ. Аплодировали много, но не съ тѣмъ жаромъ, какъ бы я желалъ; и естественно: музыку мою слушали въ первый разъ. По окончаніи спектакля всѣ артисты были вызваны; вызывали и композитора, но я спрятался, и вмѣсто меня вышелъ режиссеръ Фишеръ, благодарилъ публику и взялся передать мнѣ ея удовольствіе. Изъ театра пошли мы ужинать въ Hôtel de S-t Pétersbourg; всѣ артисты были приглашены, всѣ были очень веселы, меня засыпали цвѣтами и вѣнками, и наконецъ старшины капеллы поднесли мнѣ лавровый вѣнокъ, въ которомъ я долженъ былъ остаться остальную часть вечера. Это было 13 Октября; 15 числа было второе представленіе. Тутъ я былъ гораздо спокойнѣе, такъ какъ и дѣйствующія лица; опера шла прекрасно, и я имѣлъ наслаж-

---

*) Скушайте этотъ апельсинъ. Это васъ освѣжитъ отъ усталости, которую вы испытывали, играя со мною. Какъ должно быть вамъ скучно заниматься музыкою съ такою плохою какъ я музыкантшею.

деніе видѣть, что не было малѣйшаго нумера, который бы не былъ много аплодированъ. Я истинно былъ доволенъ: несмотря на ограниченныхъ пѣвцовъ, оркестръ и хоры шли превосходно. Возвратясь домой, услышалъ я подъ моими окнами пѣніе: всѣ хористы театра собрались и, несмотря на дождь, съ факелами въ рукахъ пѣли мнѣ серенаду на стихи нарочно для меня сочиненные; я просилъ всѣхъ войти; подали шампанскаго, и пѣніе возобновилось. Кончили нашимъ гимномъ: «Боже, Царя храни!»

Эти замѣчательныя дни считаю я лучшими въ моей жизни артиста. Недостатокъ въ средствахъ исполненія вполнѣ замѣнялся радушіемъ и восторгомъ, съ которымъ я былъ принятъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, 17 Октября, начались снова толки, давать-ли мою оперу или нѣтъ. Послѣдовавшее высочайшее повелѣніе въ прошломъ году заставило директора театровъ спросить меня, даю-ли я музыку? Я отвѣчалъ, что музыка готова. Съ тѣхъ поръ начались положительныя приготовленія и, наконецъ, къ 24-му Генваря все было кончено; 26 опера должна была быть представлена, какъ получено извѣстіе о кончинѣ великой княгини Елисаветы Михайловны, послѣдовавшей ровно въ день свадьбы Александры Николаевны чрезъ годъ. Какое ужасное стеченіе обстоятельствъ! Двѣ Великія княжны вышли замужъ молодыя, здоровыя, и чрезъ годъ не стало ни ихъ, ни рожденныхъ ими дѣтей! Какой примѣръ промысла Божія надъ людьми, промысла, отъ котораго ничто отстранить не можетъ! Дворъ снова погрузился въ горе; крепъ покрылъ весь блескъ мундировъ, и трогательное пѣніе панихиды раздалось въ залахъ дворца. Трауръ наложенъ былъ на три мѣсяца, но спектакли велѣно закрыть на недѣлю. Директоръ назначилъ представленіе моей оперы на 28 и 29 числа,—какіе дни! 28-го первое представленіе послѣ общей горести. 29 полугодіе со дня смерти Александры Николаевны, такъ что по утру я долженъ былъ быть на панихидѣ въ крѣпости, а вечеромъ въ театрѣ. Третье представленіе было 2-го Февраля, не такъ удачно по причинѣ нездоровья Тамбурини (перваго баса). Однако какая-то судьба помогла мнѣ: 28 было Воскресенье и царскій день, слѣдовательно трауръ былъ снятъ. Оперу мою пѣли первые Европейскіе таланты: Біанку—Віардо—Гарція, Гвальтьеро — несравненный пѣвецъ Рубини, Малатесту—Тамбурини и прочіе таланты не столь значительные. На репетиціяхъ я уже предвидѣлъ, что опера будетъ исполнена въ самомъ высокомъ совершенствѣ, какое вообразить возможно; однако на первомъ представленіи замѣтилъ я въ пѣвцахъ нѣкоторую робость, происходившую отъ вліянія на нихъ всѣхъ предшествовавшихъ интригъ. Эта робость передалась мнѣ, и я прежде

конца изъ театра уѣхалъ. Домашніе мои, возвратясь изъ театра, сообщили мнѣ, что все прошло порядочно, особенно второй актъ, что повторяли четыре номера и вызывали меня и всѣхъ актеровъ. Второе представленіе я взялъ на себя остаться до конца и былъ истинно вознагражденъ за всѣ мои претерпѣнія: пѣвцы превосходили себя, Рубини вырывалъ слезы у слушателей самыхъ холодныхъ, публика вошла въ такой восторгъ, что крикамъ, стуку, рукоплесканіямъ не было конца; махали шляпами, платками и вызывали меня шесть разъ и пѣвцовъ безъ счета. Все время втораго акта слезы безпрестанно текли изъ глазъ моихъ, а во время ге-мольнаго дуета во второмъ актѣ я долженъ былъ сѣсть въ углубленіе ложи: такъ сильно было объемлющее меня чувство! Нѣтъ, никогда болѣе не услышу моей музыки, исполненной въ такомъ совершенствѣ, никогда другаго Рубини не будетъ; онъ величайшій пѣвецъ, одаренный несравненнымъ голосомъ, хорошимъ умомъ, привлекательною наружностію и прошедшій чрезъ всѣ изгибы большой школы. Подобныя наслажденія рѣдко съ кѣмъ изъ артистовъ случаться могутъ, болѣе-же одного раза въ жизни никогда. Никто изъ царскаго дома въ театрѣ быть не могъ по причинѣ траура; но мнѣ истинно было больно и непонятно, что Государь и Императрица, зная все это, зная, что весь трудъ мой имѣлъ основаніемъ преданность мою къ Александрѣ Николаевнѣ, принимавшей еще при жизни особенное въ этомъ участіе, не сказали мнѣ единаго слова, не токмо изъявили какое-либо удовольствіе въ моемъ успѣхѣ. Полагаю, что причиною тому были гадкія интриги со стороны людей высоко поставленныхъ, въ которыя вмѣшиваться лица царскаго дома почитали для себя неприличнымъ.

Въ туже зиму опера моя два раза назначена была въ репертуарѣ, но князь Волконскій всякій разъ отмѣнялъ ее и до такой степени былъ на меня золъ за то, что я показалъ Великому Князю Наслѣднику письмо артистовъ, доказывающее ложь директора театровъ, что, не смотря на желаніе Е. В. Ольги Николаевны слышать оперу и на просьбы самихъ артистовъ, дать ея не хотѣлъ и не далъ. Рубини выбралъ первый актъ моей оперы для своего бенефиса; но Віардо, будучи дѣйствительно нездорова горломъ, пѣть не могла. Этимъ все кончилось и, кажется, на долго. Горько это артисту, горько человѣку, имѣвшему единою цѣлью сдѣлать угодное Царскому дому! Мало по малу я старался успокоиться и искалъ удовольствій въ кругу домашнемъ. Желая оставить у себя память столь блистательнаго успѣха моей музыки, я пригласилъ къ себѣ обѣдать Віардо, Рубини,Тамбурини и знаменитаго нашего художника Карла Брюлова. Послѣ обѣда я попросилъ Віардо, Рубини и Тамбурини одѣться въ

костюмы, въ которыхъ они были на сценѣ, Брюлову далъ бумагу и карандашъ, поставилъ въ большомъ залѣ форте-піано, освѣтилъ лампами съ полу и заставилъ тихонько играть акомпаниментъ большаго дуэта. Артисты, ставъ въ позицію, начали тихонько пѣть, а Брюловъ рисовать. Какая это была восхитительная минута! Какое собраніе артистовъ, и какихъ! Картину, которую сдѣлалъ Брюловъ, я подарилъ Ольгѣ Николаевнѣ; сдѣланныя-же съ нея литографіи долго у меня лежали, лежали въ магазинахъ для продажи, но мало кому интересными показались. Какъ мы еще молоды, необразованы, какой убійственный холодъ ко всему Русскому!

Успокоившись совершенно, я принялся за вторую оперу «Ундину». Либретто написалъ мнѣ графъ Владиміръ Сологубъ.

Въ этомъ-же году имѣлъ я большую непріятность. Занимаясь музыкой, я входилъ во всѣ отрасли этого искуства и искалъ пріобрѣтенными познаніями быть полезнымъ отечеству и соотечественникамъ. Я зналъ, что иностранные артисты, поступающіе въ театральную дирекцію, опредѣляются по контрактамъ, дающимъ имъ право получать за 10 лѣтъ службы пенсіонъ, распространяющійся на женъ и дѣтей ихъ, хотя-бы они были заграницей; что преимущество это привлекаетъ къ намъ бездну артистовъ изъ всѣхъ странъ Европы, что ихъ принимаютъ безъ разбора, по разнымъ протекціямъ, потому что директоръ самъ о музыкѣ не имѣетъ никакого понятія; а между тѣмъ наши молодые люди и въ особенности тѣ, которые въ малолѣтствѣ поступаютъ въ придворную пѣвческую капеллу, по спаденіи съ голосовъ, опредѣляются въ разныя министерства писцами, на жалованье самое ограниченное и потому принуждены искать непозволительныхъ средствъ для своего существованія и нерѣдко отъ безнравственности пропадаютъ; музыкальное-же ихъ образованіе, столь тщательное и полезное, теряется совершенно. Мысль эта безпрестанно бродила въ головѣ моей, и одинъ разъ въ 1839 году я нашелъ удобный случай доложить Государю, какъ-бы полезно было учредить при придворной капеллѣ классъ инструментальной музыки, образовать своихъ музыкантовъ и мало по малу замѣнить ими иностранцевъ, которые государству стоятъ дорого и обязываютъ отправленіе за границу пенсіоновъ, составлявшихъ уже тогда огромный капиталъ. Государь, выслушавъ меня, предложеніе мое одобрилъ и приказалъ мысль мою передать министру двора князю Волконскому. Этотъ старый, упрямый человѣкъ, всячески поддерживая директора театровъ Гедеонова, который съ подобострастіемъ исполнялъ всѣ его требованія, съ великимъ трудомъ согласился доложить Государю представленный мною проэктъ инструментальнаго класса при капеллѣ. Наконецъ, проэктъ мой былъ

высочайше утвержденъ, и классъ образовался въ 1840 г. Болѣе пяти лѣтъ я уже занимался этимъ классомъ, въ теченіи этого времени завелъ все, чтó нужно для полезнаго образованія учениковъ: выписалъ изъ Парижа инструменты, правильно сдѣланные и разной величины, собралъ множество нотъ знаменитыхъ сочинителей, употребилъ на все это до 12 т. р. ассиг. собственныхъ денегъ. Дѣло шло лучше чѣмъ ожидать было можно, и наконецъ, имѣя уже нѣсколько учениковъ, совершенно готовыхъ къ поступленію въ театральный оркестръ, я просилъ, чтобы въ присутствіи директора и лучшихъ музыкантовъ дирекціи было сдѣлано испытаніе. Министръ на это согласился, экзаменъ былъ отличный, и пять музыкантовъ по общему одобренію назначены въ придворный оркестръ. Въ эту минуту я былъ истинно въ восторгѣ, положивъ основаніе дѣлу столь полезному; эта минута вознаградила меня за все: за труды, за время, за расходы. Мои молодые люди, видя первые плоды своихъ трудовъ, готовились еще съ бóльшимъ рвеніемъ продолжать занятія, и я, представивъ обо всемъ рапортомъ, ожидалъ разрѣшенія, какъ въ одинъ вечеръ и въ одинъ часъ получаю двѣ бумаги: одну отъ директора театровъ, что представленные мною къ выпуску музыканты въ дирекцію приняты, и другую съ тѣмъ-же посланнымъ директора отъ министра, что Государь Императоръ, за неимѣніемъ свободныхъ суммъ, приказалъ классъ закрыть. Читая эту бумагу, я не вѣрилъ глазамъ моимъ; я не могъ воздержать слезъ, такая несправедливость казалась мнѣ невозможною, и тутъ-же узнаю я, что все это произошло отъ интригъ директора, который, будучи удивленъ столь быстрыми успѣхами моихъ учениковъ и сравнивая съ Театральной Школой, изъ которой, не смотря на четверные расходы суммъ, ничего путнаго не выходитъ, боялся столь явнаго премущества моего класса, и сверхъ того былъ подстрекаемъ иностранцами, которые увидѣли, что мой классъ въ скоромъ времени отстранитъ всякую въ нихъ надобность. Добрые-же люди, пользуясь ничтожествомъ директора, безпрестанно ему шептали, что все это дѣлалъ я для полученія его мѣста. Это его взволновало, а князь Волконскій по нѣкоторымъ его дѣйствіямъ, на которыя употреблялъ онъ Гедеонова, будучи у него въ когтяхъ, также пошелъ противъ меня; и полезное мое начало, стоившее неимовѣрныхъ трудовъ, этотъ цвѣтокъ, который я лелѣялъ болѣе пяти лѣтъ, не жалѣя ни времени, ни собственныхъ денегъ, всѣ надежды цѣлаго общества молодыхъ людей, на основаніи которыхъ они исрасходовали остальныя свои имущества, и, наконецъ, воля царская, изъясненная собственноручною надписью на моемъ проэктѣ,—все рушено отъ одного опасенія ничтожнаго человѣка!

Какія суммы могли бы симъ средствомъ сберегаться ежегодно, сколько молодыхъ людей получили бы честныя обязанности, дающія имъ способъ жить прилично и поддерживать ихъ семейства, и наконецъ какой шагъ предпріятіе это сдѣлало бы къ образованію музыкальнаго искусства въ Россіи! Я былъ въ глубокомъ огорченіи. Я спать не могъ. Ученики мои приходили ко мнѣ и со слезами упрекали въ ихъ раззореніи; они уже не могли безъ горя разстаться съ талантами, въ которыхъ начинали находить наслажденіе, а мнѣ приказано ихъ распустить и, отобравъ инструменты, продать вмѣстѣ съ нотами и всѣмъ, что́ было заведено. Никакія убѣжденія, никакія просьбы не могли поколебать упрямство Волконскаго, дѣйствовавшаго по проискамъ Гедеонова. На продолженіе моего класса требовалось только до 8 т. р. асс. въ годъ.

Лѣтомъ этого года жили мы въ Петергофѣ. Тогда на маневрахъ со мною былъ случай, отъ котораго я едва не лишился жизни: верховая моя лошадь подо мной взвилась на дыбы, опрокинулась и упала всей тяжестью мнѣ на спину. Богъ меня спасъ, и я чрезъ два мѣсяца поправился, хотя боль въ спинѣ оставалась у меня слишкомъ полтора года. Этотъ случай покажетъ вамъ, до какой степени музыка сроднилась со мною, или, такъ сказать, связалась съ моимъ существованіемъ. Я сидѣлъ верхомъ, маневръ кончился, всѣ стояли на мѣстѣ; а я, думая о контрапунктной фигурѣ финала въ первомъ актѣ «Ундины», положилъ правую ногу на кобуру и не замѣчалъ, что это лошадь мою безпокоитъ; наконецъ, она тронулась впередъ, я хотѣлъ перенесть ногу на мѣсто, задѣлъ шпорой за мундштучный поводъ и отъ того сильно ее дернулъ, лошадь взвилась и опрокинулась. Меня отнесли въ сторону, пустили кровь, судороги сдѣлались во всемъ тѣлѣ, я страдалъ ужасно; не смотря на то, музыкальная мысль меня не оставляла, и въ самую эту минуту явилась въ мой разумъ контрапунктная фигура, которую я искалъ; мнѣ казалось, что я слышу тысячу басовъ, которые ее исполняютъ.

Это случилось близъ Ропши; всю ночь я былъ какъ безъ памяти. Поутру меня отвезли домой въ Петергофъ, и я тотчасъ фигуру мою продиктовалъ для памяти. Чрезъ нѣсколько дней мнѣ казалось лучше; но потомъ силы мои стали изнемогать, и я слабѣлъ ежедневно. Въ теченіе шести недѣль кромѣ пустой ботвиньи безъ хлѣба я ничего не могъ ѣсть, исхудалъ, едва́ волочилъ ноги. Въ это время Императрица собиралась въ путь въ Палермо. Я, собравъ всѣ силы, пошелъ съ ней проститься и, нашёдъ ее въ чрезмѣрной слабости, полагалъ, что вижу ее въ послѣдній разъ. Какъ мнѣ горько было, что этотъ ушибъ и потупленіе моего слуха не позволяли мнѣ про-

сить позволенія проводить добрую, несравненную нашу Императрицу: мнѣ такъ было бы радостно хотя чѣмъ-нибудь служить ей. Ольга Николаевна поѣхала съ нею, нѣкоторыя фрейлины и Нелидова. Вскорѣ послѣ отъѣзда Императрицы поѣхалъ и Государь.

Зима прошла довольно скучно, исключая утѣшительныхъ свѣдѣній о возстановленіи здоровья Императрицы и помолвки Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцомъ Виртембергскимъ. Весною Императрица съ дорогóю невѣстою возвратилась; здоровье ея весьма поправилось. Эта отличная женщина, примѣрная жена и мать, умѣла привлечь къ себѣ всѣхъ; дѣлать добро есть для нея лучшее наслажденіе, защищать невиннаго, просить снисхожденія виновному—ея пища. Россія не знаетъ, сколькимъ она ей обязана! Увидѣвъ меня, она оказала особенное удовольствіе. Ольга Николаевна тоже. Имъ графъ Орловъ успѣлъ наговорить, что я почти совсѣмъ глухъ, и добрая Императрица, говоря со мною, всячески старалась усиливать голосъ и говорила гораздо громче, чѣмъ было нужно. Какъ мнѣ это было тяжело! N*. показывала мнѣ явное пренебреженіе, за то и я порядочно ей отплачивалъ; зналъ, что дѣлаю себѣ вредъ, но пересилить себя не могъ. Съ тѣхъ поръ и понынѣ, т.-е. по конецъ 1847 года, общее расположеніе ко мнѣ таково, и я благодарю Бога! Графъ Орловъ видѣлъ, что въ дѣлахъ Государь все также ко мнѣ милостивъ, а можетъ быть, по душевному его убѣжденію, сталъ несравненно лучше, а я осторожнѣе. Императрица все также ко мнѣ добра особенно. А что N. меня не жалуетъ и чрезъ то я теряю лишнюю улыбку или посѣщеніе, то мнѣ совершенно равнодушно было и будетъ, лишь бы въ душѣ было свѣтло!

Свадьба Ольги Николаевны была въ Петергофѣ 1-го Іюля. 29-го Іюня я поѣхалъ изъ Петергофа въ Петербургъ, чтобы быть на панихидѣ въ крѣпости по Александрѣ Николаевнѣ; пріѣзжаю домой къ обѣду, и бабушка ваша встрѣчаетъ меня тѣмъ, что Богъ даровалъ мнѣ дочь во второмъ часу. Первое мое желаніе было назвать ее Елисаветой, и при молитвѣ она такъ названа была; но потомъ добрая бабушка ваша разсудила, что дѣвочку надо назвать Александрой въ память милаго существа, отшедшаго отъ насъ такъ рано. Споръ этотъ былъ рѣшенъ тѣмъ, что, если Государь будетъ крестить ее съ тѣмъ же милостивымъ къ намъ вниманіемъ, то дать ей имя Александры, ежели нѣтъ—то Елисаветы. По изъясненнымъ выше причинамъ, я со страхомъ пошелъ просить Государя крестить дѣвочку; но онъ такъ милостиво меня принялъ, что я душевно порадовался: я видѣлъ расположеніе его безъ вліянія другихъ. Государь обѣщалъ пріѣхать къ намъ и назначилъ 20 числа Августа въ два часа. Съ осо-

бенною радостью дѣлали мы всѣ приготовленія; всѣхъ насъ это несказанно радовало, какъ 20 числа поутру Государь прислалъ сказать, что онъ быть не можетъ, а чтобы ребенка привезли для крещенія во дворецъ. Нечего дѣлать, поѣхали. Государь въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ извинился, что не могъ пріѣхать, что множество дѣла его удержало. Дѣвочку назвали Александрой, и послѣ крестинъ Государь поздравлялъ бабушку, которая была воспріемницею, и меня цѣловалъ очень милостиво.

1-го Генваря 1847 года мнѣ пожалованъ орденъ Станислава 1-й степени. По части музыкальной я написалъ духовный концертъ «Услыши, Господи, молитву мою», кабалетту къ аріи тенора въ оперѣ «Ундина», переложилъ много молитвъ изъ древнихъ напѣвовъ и многія сочинилъ. Но болѣе всего замѣчательно то, что я окончилъ положеніе простаго церковнаго напѣва въ четырехголосную гармонію всего Обихода, употребляемаго въ придворныхъ церквахъ, составляющаго два большіе тома, и краткій Ирмологій. Этотъ огромный трудъ доставлялъ мнѣ великое наслажденіе: я видѣлъ, что служу православной церкви и всякому христіанину на многія и многія лѣта; теперь ожидаю, какъ трудъ этотъ будетъ принятъ и оцѣненъ Государемъ.

Объ оперѣ моей «Ундинѣ» никто не хотѣлъ вспомнить, сказать слово о постановкѣ на сцену, не смотря на то, что я поднесъ Императрицѣ всю оперу, переложенную для форте-піано; подобное же переложеніе съ переводомъ текста на Нѣмецкій языкъ послалъ въ Штутгардтъ къ Ея Высочеству Ольгѣ Николаевнѣ. Сколько все это стоило и труда, и денегъ, и все напрасно: вездѣ какая-то непонятная холодность, или лучше сказать какое-то опасеніе принять участіе въ исполненіи моихъ оперъ. Непостижимо! Пусть все такъ идетъ; переложеніе церковныхъ напѣвовъ вознаградитъ за все и переживетъ всевозможныя оперы.—22-го Генваря получилъ я извѣщеніе герольдіи о высочайшемъ утвержденіи герба нашего съ девизомъ: «Боже, Царя храни», и именно такъ, какъ я просилъ, т.-е. надпись пожалована роду дорогаго друга моего батюшки, которому я всѣмъ обязанъ, и самымъ музыкальнымъ талантомъ, безъ котораго и гимнъ этотъ существовать бы не могъ. Поэтому я имѣлъ удовольствіе доставить всѣмъ братьямъ право на отличительную эту надпись.

Въ концѣ Марта я представилъ Государю записку и книги мои церковныхъ напѣвовъ, т.-е. Обиходъ въ двухъ частяхъ, краткій Ирмологій въ одной части, и еще книгу особенныхъ служеній. Государь прочелъ мою записку съ особеннымъ вниманіемъ.

Внесу ее сюда вполнѣ.

Во время отсутствія вашей свѣтлости (т. е. министра императорскаго двора) генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ, предписаніемъ отъ 23 Августа 1846 года, за № 1769, сообщилъ мнѣ высочайшую Государя Императора волю относительно порядка, въ который должны быть приведены всѣ церковные напѣвы. Въ этомъ предписаніи между прочимъ сказано, чтобы я занялся положеніемъ на ноты всѣхъ духовно-музыкальныхъ сочиненій, какія поются въ придворныхъ церквахъ, при всѣхъ различныхъ богослуженіяхъ, во весь кругъ года. Для исполненія сей высочайшей воли я долженъ былъ разсмотрѣть, съ какихъ нотъ поются простые церковные напѣвы и отчего при хорномъ исполненіи однихъ и тѣхъ же напѣвовъ происходитъ столь разительная и повсемѣстная разность, и потомъ написать то, что̀, сохраняя въ строжайшей точности эти древніе несравненные напѣвы, могло бы служить основаніемъ къ установленію желаемаго единства въ пѣніи при богослуженіи. Разсматривая древнія нотныя церковныя книги, я нашелъ, что они писаны разными принятыми системами и всѣ въ одну строку для одного голоса, альта, слѣдовательно безъ гармоническаго состава, безъ тактовъ и ритма, и что разность при исполненіи этой музыки хорнымъ составомъ происходитъ отъ того, что прочіе голоса, сопрано, теноръ и басъ, которые въ церковныхъ книгахъ не показаны, поются произвольно и по большой части людьми необразованными. Съ сими изслѣдованіями я приступилъ къ дѣлу, имѣя въ виду, согласно высочайшей волѣ, писать точно такъ, какъ пѣніе исполняется въ церквахъ высочайшаго двора; но и тутъ я встрѣтилъ затрудненіе. Я видѣлъ, что, по многочисленности голосовъ придворнаго хора, четырехголосная гармонія не составляетъ той полноты, того органнаго эффекта, который мы слышимъ при исполненіи простаго напѣва. Вошедъ въ подробнѣйшее разсмотрѣніе сему причинъ, я увидѣлъ, что, по принятому съ давняго времени обычаю, вышесказанная четырехголосная гармонія въ хорѣ придворномъ имѣетъ еще подраздѣленія, исключительно нашей древней церковной музыкѣ принадлежащія и весьма̀ способствующія къ исправному исполненію церковной музыки, которая не поддерживается никакими инструментами. Подраздѣленіе это состоитъ въ томъ, что высокій басъ поетъ коренной напѣвъ вмѣстѣ съ сопрано и тѣмъ служитъ весьма полезною поддержкою неопытности мальчиковъ и точному пріему напѣвовъ; второй сопрано поетъ съ первымъ теноромъ, второй теноръ съ альтомъ, а низкій басъ, опредѣляющій ходъ гармоніи, остается неудвоеннымъ. Симъ составомъ гармонія является точно въ томъ видѣ, какъ мы ее слышимъ въ придворныхъ церквахъ, безъ малѣйшаго измѣненія.

На этомъ основаніи я написалъ полный Обиходъ, въ двухъ частяхъ, краткій Ирмологій въ одной части, и собраніе нѣкоторыхъ особенныхъ слу-

женій, исполняемыхъ при высочайшемъ дворѣ; писалъ на четыре положительныхъ голоса, показавъ особымъ примѣчаніемъ вышеозначенныя подраздѣленія, которыя могутъ измѣняться по мѣрѣ различнаго состава хоровъ въ отношеніи числа пѣвчихъ. Разныя музыкальныя означенія, дѣлаемыя понынѣ на Итальянскомъ языкѣ, какъ-то: adagio, allegro, maestoso, piano, forte и пр. я замѣнилъ, съ одобренія высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія, означеніями на языкѣ природномъ, какъ-то: медленно, скоро, величественно, тихо, громко и проч., что̀ тѣмъ болѣе полагалъ умѣстнымъ, что музыка Греко-Россійской церкви принадлежитъ однимъ намъ.

Трудъ мой я повѣрялъ, приказавъ пѣть по новымъ нотамъ и безъ оныхъ, потомъ повѣрялъ коренныя мелодіи съ нотами древнихъ церковныхъ книгъ, и, не нашедъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ни малѣйшей разности, я смѣю думать, что исполнилъ вышеозначенную высочайшую волю, положивъ на ноты рѣшительно все что̀ поется въ придворныхъ церквахъ, при всѣхъ различныхъ богослуженіяхъ, во весь кругъ года.

Почтительнѣйше представляя вашей свѣтлости эти четыре книги, осмѣливаюсь покорнѣйше просить повергнуть ихъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества и долгомъ считаю доложить:

1) что ноты сіи напечатаны потому только, что, для сокращенія значительнаго расхода, который бы произошелъ отъ переписки этого огромнаго числа нотъ, я счелъ несравненно выгоднѣе черновыя записки мои переводить прямо на оловянныя доски, съ которыхъ нынѣ отпечатано только 10 экземпляровъ, и 2) что изданіе, разосланное по высочайшему повелѣнію въ 1832 году во всѣ епархіи, имѣетъ тотъ недостатокъ, что писано въ двѣ строки ключами альта и баса; слѣдовательно, при полныхъ хорахъ, сопраны и теноры поются произвольно и, причиняя разность, съ которой исполняется въ разныхъ мѣстахъ одинъ и тотъ же напѣвъ, представляютъ и то неудобство, что теноры, не имѣя положительныхъ для нихъ нотъ, дозволяютъ себѣ разныя кудрявыя выходки, вовсе при церковной музыкѣ неумѣстныя.

Сверхъ того, это изданіе далеко не полное. Въ немъ недостаетъ: въ Обиходѣ 1) Всей первой седмицы великія четыредесятницы; 2) тропаря на молебенъ Θедору Тирону; 3) припѣвовъ на акаѳистахъ Іисусу и Богородицѣ; 4) Великой вечерни и всенощнаго бдѣнія на Благовѣщеніе; 5) Всей страстной седмицы, шести часовъ, литургіи и вечерни въ Свѣтлое Воскресенье; 7) Благодарственнаго молебна; 8) большаго и малаго многолѣтія; 9) молебныхъ пѣній вообще; 10) Навечерія Рождества Христова; 11) Навечерія Богоявленія; 12) Вечерни въ день пятидесятницы; 13) Малой литіи по усопшихъ; 14) погребенія мірскихъ людей; 15) вѣнчанія. И сверхъ того Ирмологій и собраніе особыхъ служеній (части 3 и 4 сего изданія) вовсе положены на ноты не были“.

Въ заключеніе этой записки я просилъ наградить годовымъ жалованіемъ инспектора капеллы Бѣликова и учителя пѣнія Воротникова, за то что они мнѣ въ этомъ огромномъ трудѣ помогали...

Книги мои были уже нѣсколько дней у Государя, какъ замѣтилъ я, что нѣкоторыя мѣста въ напѣвахъ требуютъ исправленія, что̀ произошло отъ самонадѣянности Воротникова, который, проигрывая со мною переложенія на форте-піано, увѣрялъ меня всякій разъ, что хоръ придворныхъ пѣвчихъ точно такъ поетъ. Зная, какъ строго Государь приказалъ не дѣлать ни малѣйшей перемѣны, зная, какъ недоброжелатели мои поспѣшили бы показать Государю мои ошибки, я очень тревожился, что книги, которыя должны были мнѣ быть возвращены для внесенія заглавнаго листа, остаются такъ долго у Государя. Забота моя ежедневно возрастала, и страхъ, чтобы Государь не подумалъ, что я хотѣлъ воспользоваться его незнаніемъ нотъ и во зло употребилъ его ко мнѣ довѣріе, не оставлялъ меня ни на минуту. 2-го Марта пошелъ я въ Казанскую церковь и усердно помолился Богу. Вечеромъ получаю бумагу отъ князя Волконскаго, что Государь, будучи очень доволенъ моимъ трудомъ, пожаловалъ мнѣ табакерку съ шифромъ и 3,000 рубл. ассиг. моимъ двумъ помощникамъ, приказалъ мои книги разослать по всѣмъ епархіямъ. И такъ я въ одну минуту не токмо былъ награжденъ за мой трудъ, но, получивъ обратно книги для помѣщенія заглавнаго листа, имѣлъ весь способъ сдѣлать въ нихъ нужныя исправленія. На другой день я пошелъ благодарить Государя, который сказалъ: «Мнѣ надо тебя благодарить за исполненіе столь обширнаго и полезнаго труда». Многіе причтутъ все это случаю; можетъ быть, я и спорить не хочу; но благодарю Бога за все, за явную для меня милость Его отстраненіемъ большихъ непріятностей, которыя могли произойти и отъ которыхъ могъ бы пропасть трудъ года и восьми мѣсяцевъ....

Ожидаемая въ Петербургѣ холера появилась 6-го Іюня и возростала такъ, что 10-го числа заболѣло 486 человѣкъ.

Съ сокращеніемъ болѣзни директоръ театровъ сталъ спѣшить постановкой моей оперы «Ундины» на Русскую сцену. Холодность двора, недоброжелательство завистливыхъ людей, несчастные наши Русскіе пѣвцы, которыхъ таланты ниже всякой критики, время, въ которое предположено дать «Ундину», когда всѣ едва отдыхали отъ эпидеміи и еще жили по дачамъ, ожиданіе Итальянской труппы, все это меня погружало въ мрачность, съ которою я сладить не могъ. Первое представленіе «Ундины» было 8 Сентября; театръ былъ довольно полонъ, но публика ниже средняго класса: все лучшее было еще по дачамъ. Нестерпимое исполненіе пѣвцовъ отвратило и этихъ слушателей и от-

няло всякую возможность понять съ перваго раза мою музыку. На второмъ представленіи слушателей было очень мало; на третьемъ гораздо болѣе и, наконецъ, на четвертомъ весьма много, и послѣ всѣхъ моихъ усилій и просьбъ я едва могъ достичь, чтобы хотя на это послѣднее представленіе пріѣхали Ихъ Высочества Марія Николаевна и Константинъ Николаевичъ съ супругой. Императрица и Государь, будучи въ Царскомъ Селѣ, не могли пріѣхать въ городъ нарочно для оперы. И въ этотъ разъ исполненіе моей музыки не могло не сдѣлать ей большаго вреда: рѣдки, весьма рѣдки слушатели, могущіе различить сочиненіе отъ исполненія; эти музыку мою оцѣнили и всякій разъ слушали съ большимъ удовольствіемъ. Такимъ жалкимъ образомъ вступила въ свѣтъ опера, на которую я имѣлъ столько надеждъ, на которую смотрѣлъ какъ на любимое дитя мое; благодаря добросовѣстнымъ людямъ, мнѣніе большей части публики было то, что музыка хороша, но исполнена ниже всякой критики. Тутъ вспомнилъ я о совѣтѣ извѣстнаго артиста Берліоза, который, прослушавъ «Ундину» въ залѣ, сказалъ мнѣ: Que Dieu vous garde de faire exécuter cet opéra par ces chanteurs *). Что дѣлать! Меня подбили любезные мои соотечественники, предполагая, что представленіе «Ундины» подыметъ хотя нѣсколько падшую Русскую оперную труппу; такъ бы и было, еслибы директоръ театровъ умѣлъ этимъ воспользоваться и любилъ бы искусство и все отечественное. Меня нѣсколько разъ при представленіи вызывали. Графа Соллогуба, сочинителя либретто, въ газетахъ разбранили. За симъ представленія «Ундины» прекратились по случаю отъѣзда Русской труппы въ Москву. Видя, что директоръ и вся его сволочь все устроиваютъ ко вреду моему и «Ундины», мнѣ жаль стало досросовѣстнаго труда, и я просилъ «Ундину» въ Москвѣ не давать.

Между тѣмъ Итальянцы готовились къ представленію оперы Ѳеофила Толстаго, брата Ивану Толстому, шталмейстеру Наслѣдника. Онъ успѣлъ устроить, что въ незначущемъ трудѣ его дворъ и все принадлежащее двору приняли особенное участіе. Истинно скажу, что въ успѣхѣ кого бы то ни было я не завидую никогда, особенно соотечественника; но мнѣ больно было видѣть разность въ участіи въ оперѣ моей и въ оперѣ Толстаго, молодаго человѣка, который ни службой, ни знаніемъ, ни талантомъ вниманія на себя обратить не могъ. Кромѣ того, я видѣлъ, что завистники мои, замѣтя нѣкоторое отдаленіе меня отъ двора, вскинулись на меня, кто за то, что я играю на скрипкѣ, кто за то, что сочиняю, тотъ за то, что у меня бывалъ

---

*) Избави васъ Боже отдавать эту оперу на исполненіе такимъ пѣвцамъ.

Государь, этотъ за то, что я служу съ нѣкоторымъ отличіемъ и знаніемъ дѣла. Къ этому непріятныя сношенія съ людьми, которыхъ я любить такъ давно привыкъ; однимъ словомъ, я былъ доведенъ до того, что нервы мои расходились, и я едва не слегъ; но Богъ, видя, что не дурные мои поступки тому причиною, конечно, меня не оставитъ и дастъ силы все переносить съ терпѣніемъ, доколѣ какой-либо переворотъ обстоятельствъ не сдѣлаетъ переворота и въ отношеніи меня...

Не смотря на всѣ эти непріятности, я написалъ въ теченіе лѣта и именно во время холеры: комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ (слова Николая Ивановича Куликова), «Староста Борисъ Петровичъ, эпизодъ 1812 года», увертюру *a-mol*, которую поднесъ принцу Ольденбургскому, оперетту «Варвару» въ одномъ дѣйствіи (слова Ободовскаго). «Варвару» написалъ я для талантливой нашей актрисы Надежды Самойловой; ее давали нѣсколько разъ сряду и всегда съ успѣхомъ. Теперь продолжаю писать Октоихъ и Ирмосы Греческаго напѣва и надѣюсь, что этотъ трудъ церковной музыки надолго будетъ пріятенъ многимъ...

12 Января 1849 года назначенъ былъ у меня музыкальный вечеръ; должны были играть септуоръ Бетховена. 11 утромъ была репетиція. Ихъ Высочества Ольга Николаевна и Елена Павловна пожаловали и были совершенно довольны; дѣйствительно, исполненіе незабвеннаго этого сочиненія было совершенно удовлетворительно.

20 Февраля я былъ утвержденъ директоромъ Придворной Пѣвческой Капеллы; хотя и послѣ 11 лѣтъ исполненія этой обязанности, утвержденіе это мнѣ было пріятно, доказывая положительно, что Государь доволенъ. Въ теченіе великаго поста были у меня два большихъ музыкальныхъ вечера; Великіе Князья Цесаревичъ и Константинъ хотѣли быть, но смерть короля Нидерландскаго имъ помѣшала. Я игралъ свой концертъ «Дуэль» съ г. Кнехтомъ, адажіо Шпора, играли симфоніи Бетховена, хоры и каватины изъ «Орфея» Глюка и мои двѣ увертюры, которыя, будучи исполнены съ большимъ совершенствомъ, производили много эффекта.

Вскорѣ потомъ я получилъ повелѣніе ѣхать въ Москву по случаю освященія новаго Николаевскаго дворца и отправился 19 Марта.

Государь, Императрица и весь дворъ пробыли тамъ Страстную и Святую недѣли; пѣвчихъ со мною было 32 человѣка. Освященіе дворца было назначено въ самый Свѣтлый праздникъ; заутреня и обѣдня совершались въ церкви царя Алексѣя Михайловича, Спаса Золотой Рѣшетки. Въ эту церковь сходилъ мудрый царь изъ теремовъ своихъ, которые были отдѣланы съ совершеннымъ сохраненіемъ всѣхъ

украшеній того времени. Терема эти состоятъ изъ спальной, кабинета, гостиной и столовой царя, потомъ спустясь нѣсколько ступеней—входъ въ церковь весьма небольшую по размѣрамъ нашего вѣка. Изъ церкви, по окончаніи божественной службы, митрополитъ Филаретъ, потомъ Государь, Императрица и весь Царскій домъ, наконецъ вся свита и знатные вельможи, спустились по лѣстницѣ ступеней 40 въ огромную ротонду или аванзалу, потомъ въ Георгіевскую, Андреевскую, и по всему дворцу проходило шествіе при пѣніи «Христосъ Воскресе» и окропленіи святой водой. Въ слѣдующіе дни послѣдовали увеселенія, обѣды, маскарадъ всѣмъ, кто могъ достать билетъ для входа; роздано было болѣе 18 тыс. билетовъ. Потомъ маскарадъ у генералъ-губернатора графа Закревскаго, въ которомъ были изображены костюмы всѣхъ Россійскихъ губерній; эта прекрасная мысль была исполнена съ отличнымъ знаніемъ дѣла и совершенною точностію; костюмы стоили нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Потомъ балъ дворянскаго собранія, въ которомъ маскарадъ этотъ былъ повторенъ; а какъ предъ изображеніемъ каждой губерніи шли по два мальчика съ значками, то Государь, увидѣвъ, что они послѣ шествія всѣ собрались вокругъ Императрицы и стали предъ нею на колѣни, такъ былъ тронутъ этимъ невиннымъ изъявленіемъ преданности къ Царскому дому, что всѣхъ дѣтей пожаловалъ пажами.

Любовь народа къ Государю изъявлялась ежеминутно примѣрами самыми разительными. Не говоря о томъ, что во все время пребыванія Императорскаго дома въ Москвѣ, вся площадь противъ дворца была наполнена народомъ отъ утра до вечера, приведу два простыхъ, но много значущихъ примѣра. Императрица подошла къ окошку; народъ, увидѣвъ ее, сталъ кричать ура, а нѣкоторые показывали руками какъ бы круги. Императрица сначала не догадывалась, чтó это значитъ; но потомъ, замѣтя, что стекло отъ холода потускнѣло, велѣла его обтереть и опять подошла къ окну; народъ, достигшій своего желанія, сталъ кричать еще больше, бросать шапки и махать платками. Наканунѣ отъѣзда изъ Москвы, Государь поѣхалъ приложиться къ Иверской Божіей Матери. Въ одну минуту народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ и когда Государь изъ часовни вышелъ, нѣкоторые стали говорить: «Отчего, Батюшка, ты насъ такъ скоро покидаешь?» Государь сталъ имъ представлять причины, принуждающія его спѣшить въ Петербургъ, и говорилъ довольно долго съ свойственнымъ ему простымъ краснорѣчіемъ, потомъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ,—народъ кричалъ, многіе плакали, хотѣли бѣжать за Государемъ и, наконецъ, цѣлой толпой кинулись цѣловать то мѣсто, гдѣ стоялъ на

лѣстницѣ Государь, благодаря Создателя, что видѣли и говорили съ Государемъ, Отцемъ Отечества....

.... 21 Апрѣля я возвратился въ Петербургъ. Чрезъ нѣсколько дней состоялся манифестъ о войнѣ для помощи Австрійцамъ, противъ бунтовщиковъ. Приказано отправить въ Варшаву всѣхъ свободныхъ генералъ и флигель-адъютантовъ, обозъ главной квартиры и конвой. Я просилъ графа Орлова отправить меня, но онъ нашелъ нужнымъ меня оставить въ Петербургѣ. Такъ доложилъ онъ Государю, который подтвердилъ его слова, находя, что здоровье мое слишкомъ слабо, чтобъ слѣдовать за нимъ въ походъ, и что я нуженъ здѣсь для исполненія дѣлъ по внутреннему управленію главной императорской квартиры и собственнаго конвоя. Государь поѣхалъ въ Варшаву 2-го Мая.

.... *16 Октября.* Лѣто провели мы въ Петергофѣ, гдѣ было тише обыкновеннаго по случаю отъѣзда Государя въ Варшаву къ военнымъ дѣйствіямъ. Вошедъ ближе въ сношенія съ княземъ Волконскимъ, я старался всячески, чтобы онъ узналъ меня болѣе, и наконецъ объяснилъ ему тяжкое мое положеніе, которое еще болѣе обнаружилось тѣмъ, что капитанъ Дубельтъ, состоявшій у меня старшимъ адъютантомъ, при производствѣ въ полковники, былъ оставленъ на этомъ мѣстѣ противъ принятыхъ правилъ, что̀ доказало явно желаніе помѣстить его на мое мѣсто. Князь совѣтовалъ мнѣ проситься отойти отъ главной квартиры и ограничиться исполненіемъ обязанности директора пѣвчихъ. Потомъ я говорилъ о томъ-же съ княземъ Чернышовымъ, показавъ ему, какъ я отсталъ отъ всѣхъ моихъ товарищей; этотъ слушалъ, пожималъ плечами, никакого совѣта дать не могъ, а предложилъ переговорить обо мнѣ съ графомъ Орловымъ, чего, вѣроятно, и не сдѣлалъ. Изъ этого судите, что̀ значитъ въ жизни нашой надежды на людей? Эти два вельможи, свѣтлѣйшіе князья, посѣщаютъ домъ нашъ болѣе 20 лѣтъ; сколько удовольствій доставлялъ я имъ, а тутъ, когда пришла минута, въ которую ихъ могущество такъ могло бы мнѣ быть полезно, когда я въ первый разъ обратился къ нимъ съ просьбой, они поступили со мной, какъ съ постороннимъ и ограничили свое участіе нѣсколькими словами сожалѣнія....

.... Въ это время написалъ я молитву: «Достойно есть» № 2-й и положилъ въ четырехъ-голосную гармонію молитву древняго напѣва: «Благослови, душе моя, Господа».

Въ Августѣ война кончилась, и Государь возвратился; всѣ товарищи мои были награждены чинами и лентами и чрезъ то сдѣлали еще шагъ впередъ меня. При свиданіи съ графомъ Орловымъ, я замѣтилъ, что онъ ко мнѣ особенно ласковъ. Онъ поспѣшилъ сказать, что при разговорѣ съ Государемъ о слабомъ моемъ здоровьѣ и предложе-

нія дать мнѣ мѣсто, Государь отвѣчалъ: «Я очень люблю Львова, онъ человѣкъ добрый, честный и умный». Я перекрестился!

..... Въ это же время порадовало меня очень другое обстоятельство, которое считаю я однимъ изъ важнѣйшихъ моей жизни. Пріѣхавъ въ городъ, докладываютъ мнѣ, что нѣсколько почетныхъ гражданъ желаютъ меня видѣть. Я приказалъ ихъ просить; вошли пять купцовъ 1-й гильдіи, украшенные медалями, и подали мнѣ письмо. Вотъ его содержаніе:

„Милостивый государь Алексѣй Өедоровичъ!

Давно скорбѣли мы, что древніе напѣвы Православной Греко-Россійской Церкви нашей приходятъ въ совершенный упадокъ; давно скорбѣли, что, будучи издаваемы Св. Сѵнодомъ въ одну строку, они исполняются различными хорами при богослуженіи столь неудовлетворительно и столь произвольно. Но къ кому было обратиться съ просьбою о положеніи этихъ напѣвовъ на ноты хорнаго состава и кто бы взялъ на себя исполненіе этого огромнаго труда? Великому Государю Императору Николаю Павловичу нынѣ благоугодно было и на этотъ предметъ обратить всемилостивѣйшее вниманіе, и мы грѣшные, при молитвахъ въ Святой Церкви, проливаемъ слезы умиленія и благодарности Его Императорскому Величеству, слыша несравненные древніе напѣвы, внимая коимъ молились праотцы наши, съ коими сроднились и наши души, пѣтые съ такимъ приличіемъ, въ составѣ столь усладительномъ. Вы, почтенный генералъ, исполняете священную волю великаго нашего Государя; но мы знаемъ, какъ пространенъ предпринятый вами трудъ, а потому молимъ Господа, да сохранитъ Онъ жизнь вашу и да благословитъ сей трудъ на пользу общую. Просимъ ваше превосходительство принять отъ насъ, усердныхъ богомольцевъ, при семъ подносимую вамъ бездѣлицу. Маловажностью оной не оскорбляйтесь; ибо вы видите въ ней сердечное чувство людей, которые желали оставить вамъ память ихъ благодарности за тѣ усладительныя минуты, которыя, при посредствѣ трудовъ вашихъ, ощущаютъ они, молясь Создателю".

Подписали: Почетный гражданинъ, 1-й гильдіи купецъ Тимофѣевъ, почетный гражданинъ Кудрешовъ, купецъ Казаковъ, почетный гражданинъ Пивоваровъ, почетный гражданинъ Павелъ Тимофѣевъ.

Прочитавъ письмо это въ слухъ, я заплакалъ и мысленно благодарилъ Бога.

Въ этотъ же день получилъ я письмо извѣстнаго нашего проповѣдника, умнѣйшаго архіепископа Херсонскаго Иннокентія.

„Давно надлежало отозваться мнѣ съ благодарностью къ вашему превосходительству за прекрасный подарокъ вашъ; но странствія мои по обширной и разнообразной епархіи здѣшней доселѣ лишали меня сего удовольствія. Примите же, добрый дѣятель на нивѣ Господней, хотя поздно, но искреннюю

и полную признательность нашу за ваше дружелюбное памятованіе о насъ, и въ отдаленіи сущихъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что мастерской трудъ вашъ составитъ собою новую эпоху въ церковномъ пѣніи и послужитъ всегдашнимъ памятникомъ о васъ, не предъ любителями только гармоніи, а предъ лицемъ всей Православной Церкви, коей вы оказали незабвенную услугу. Крайне жаль, что въ большей части церквей нашихъ еще недостаетъ способныхъ исполнителей для такого пѣнія; но вслѣдствіе особенныхъ мѣръ, принимаемыхъ къ образованію причетниковъ, съ увѣренностію можно надѣяться, что число ихъ годъ отъ году будетъ увеличиваться, и такимъ образомъ богоугодный трудъ вашъ находить большее и большее употребленіе по всѣмъ краямъ Россіи. Продолжайте же его, любезный генералъ, ничто же сумняся; потому что онъ не можетъ быть забвенъ даже предъ людьми, тѣмъ паче предъ Богомъ. Все преходитъ на нашей бѣдной землѣ; но сдѣланное во славу Божію и назиданіе ближнихъ вѣчно и нетлѣнно. За симъ, призывая отъ всей души на васъ и семейство ваше благословеніе Божіе, съ чувствомъ истиннаго душевнаго уваженія къ вамъ остается и навсегда будетъ" и пр.

По исполненіи Ирмосовъ въ придворныхъ церквахъ, они были пѣты въ церкви Придворно-Конюшенной, и я съ особенною радостью видѣлъ, что стеченіе молящихся въ ней съ каждымъ днемъ увеличивалось; видѣлъ, что многіе, въ числѣ коихъ и нѣкоторые старообрядцы, посѣщающіе эту церковь, припѣвали вмѣстѣ съ хоромъ пѣвчихъ извѣстные имъ древніе сіи напѣвы, и наконецъ люди, мнѣ совсѣмъ незнакомые поднесли мнѣ серебряную вазу въ знакъ благодарности за возстановленіе древняго церковнаго пѣнія, по коему молились ихъ праотцы и которое, по превратному исполненію, приходило въ совершенный упадокъ.

Столь лестный для меня поступокъ доказалъ мнѣ самымъ дѣломъ успѣхъ труда моего и что прилагаемая мною къ древнимъ напѣвамъ гармонія не затмѣваетъ ихъ и простотою своею удобопонятна людямъ необразованнымъ.

За симъ еще съ большимъ рвеніемъ приступилъ я къ исполненію втораго предмета высочайшей Государя Императора воли. Всю массу нотъ, доставленныхъ ко мнѣ чрезъ оберъ-прокурора Св. Сунода изъ разныхъ епархій, я распредѣлилъ на два отдѣла: на ноты, переложенные изъ древнихъ напѣвовъ, и на ноты, вновь сочиненныя. Тѣ и другія представили мнѣ огорчительнѣйшее положеніе, въ которомъ находится церковная музыка наша внутри государства; я увидѣлъ, что если не принять дѣятельныхъ мѣръ установленію должнаго порядка и прекращенію произвола, то и у насъ въ скоромъ времени,

по примѣру чужестранныхъ государствъ, богослуженіе будетъ сопровождаемо пѣніемъ неприличнымъ, унижающимъ церковь, — пѣніемъ, которое людей съ чувствомъ, хотя нѣсколько правильно образованнымъ, не привлекаетъ къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, но отклоняетъ отъ этого высокаго наслажденія. Соразмѣряя огромность предпринятаго мною труда съ краткостію жизни человѣческой, я не зналъ съ чего начать, чтобы если не кончить, то, по крайней мѣрѣ, положить прочное основаніе этому дѣлу, необходимому въ столькихъ отношеніяхъ. Разсматривать и исправлять присланныя ко мнѣ изъ епархій ноты значило бы употребить всю жизнь свою безъ всякой пользы: ибо ноты эти должно не исправлять, а передѣлывать отъ начала до конца, и для чего? Чтобы получить дурныя сочиненія, правильно написанныя. Переложенныя же изъ древнихъ напѣвовъ, по мнѣнію моему, еще менѣе заслуживаютъ вниманія, потому что, кромѣ искаженія сихъ несравненныхъ древнихъ напѣвовъ нашихъ, изданныхъ Святѣйшимъ Сvнодомъ, ничего собою не представляютъ.

Здѣсь скажу я хотя нѣсколько словъ для объясненія, что̀ именно отличаетъ древнюю церковную музыку нашу отъ всякой другой, какая только въ мірѣ существуетъ, и что́ заставляетъ видѣть въ ней драгоцѣнность, которую сохранить, какъ наслѣдіе предковъ нашихъ, было бы столь необходимо. Музыка вообще, сочиненная на правилахъ въ новѣйшія времена установленныхъ, имѣетъ свой собственный смыслъ и сама собою понятна, что́ доказывается тѣмъ, что мы слушаемъ музыку и восхищаемся ею, не обращая вниманія на рѣчь, при которой она поется часто неизвѣстнымъ намъ языкомъ; а какъ для смысла музыкальнаго необходимы размѣръ и ритмъ, то каждый сочинитель вокальной музыки требуетъ отъ поэта стиховъ, имѣющихъ также размѣръ и ритмъ, и тутъ музыка, получая собственную жизнь, не рѣдко первенствуетъ и содѣлываетъ рѣчь едва замѣтною.

Праотцы наши дѣлали не такъ. Они при богослуженіи, ставя всю силу въ словахъ, и желая употребить пѣніе лишь для лучшаго выраженія оныхъ и какъ бы проводникомъ къ сердцу молящагося, подписывали не слова подъ ноты, а ноты подъ слова. А какъ молитвы наши писаны прозою, т. е. безъ размѣра и ритма, то и пѣніе ихъ, слѣдуя неразрывно съ словами, лишено тѣхъ условій, по которымъ бы единственно оно могло быть понятно само собою (т. е. размѣра и ритма), и такимъ образомъ пѣніе древнихъ получаетъ жизнь только въ совокупности съ словами, безъ нихъ же мертво и смысла не имѣетъ. Тогда, кто шелъ въ церковь, тотъ шелъ слушать слова, а не пѣніе; оно лишь незамѣтно услаждало душу молящагося пріятными переходами и утишало страсти.

Не должно ли сожалѣть, что эти древнія сочиненія, имѣющія стольких приверженцевъ и сохранившіяся у однихъ насъ, изданныя Св. Сѵнодомъ для одного голоса, поются въ каждомъ хорѣ произвольно? Кто какъ умѣетъ, такъ и приставляетъ свой голосъ, отъ чего происходитъ гармонія нестерпимая, помрачающая самые напѣвы, скажу болѣе: это самое дурное исполненіе есть одна изъ причинъ, по которымъ у насъ, въ государствѣ, столь еще необразованномъ въ музыкальномъ искусствѣ, является столько людей сочиняющихъ музыку для церкви. Натуральная потребность заставляетъ ихъ прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ, чтобы слышать при богослуженіи гармонію хотя въ нѣкоторомъ порядкѣ.

Принявъ все сіе въ соображеніе и желая въ точности исполнить возложенное на меня порученіе, я рѣшился начать съ того, чтобы положить въ гармонію хорнаго состава все, что̀ Св. Сѵнодомъ издано въ одну строку. Здѣсь моего сочиненія нѣтъ и быть не должно ничего другаго, кромѣ строгаго сохраненія напѣвовъ и правильнаго приложенія къ онымъ четырехголосной гармоніи.

Обучая регентовъ для епархій, я отправилъ къ мѣстамъ ихъ служенія 28 человѣкъ весьма хорошо образовавшихся, а если они при обученіи ввѣренныхъ имъ хоровъ, будутъ исполнять въ точности, что́ имъ было преподаваемо въ Капеллѣ, то конечно изъ того произойдетъ существенная польза.

Съ регентами, обучающимися для полковъ, есть возможность поступить проще и потому ближе достигнуть цѣли: всякій изъ нихъ, окончивъ ученіе, предъ отправленіемъ въ полкъ, доставляетъ въ Придворную Капеллу всѣ безъ исключенія церковныя ноты, которыя разобравъ, я отмѣчаю собственноручно, что́ изъ нихъ можно пѣть при богослуженіи, что́ пѣть при спѣвкахъ, въ обществахъ и вообще для обученія и что̀ пѣть воспрещается. Сіи послѣднія ноты, не возвращая въ полкъ, я оставляю въ Капеллѣ для храненія.

Съ увѣренностію, можно сказать, что, по уравненіи церковнаго пѣнія въ С.-Петербургѣ, оно уравняется и въ Москвѣ и потомъ во всей Россіи, за исключеніемъ мѣстъ и церквей, имѣющихъ съ весьма давняго времени собственные свои напѣвы, которые также должно будетъ положить на ноты, тщательно разсмотрѣвъ, какое пѣніе есть именно древнее и какое сочинено въ новѣйшія времена; ибо, въ бытность мою въ Москвѣ, посѣтивъ монастыри Донской и Симоновской, я слышалъ пѣніе древнее, имѣющее свой самостоятельный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слышалъ пѣніе вновь сочиненное самими настоятелями или кѣмъ-либо изъ братіи, которое, отклонясь совершенно отъ

характера древняго ихъ пѣнія, есть ничто иное, какъ слабое и весьма неправильное уподобленіе новѣйшимъ сочиненіямъ вообще.

Изъ Кіева получилъ я огромную книгу всѣхъ напѣвовъ, какіе употребляются во весь кругъ года. Эти напѣвы заслуживаютъ всякаго вниманія. Они различествуютъ отъ всѣхъ прочихъ и преисполнены красотами; но если и эти напѣвы, написанные въ одну строку, не будутъ положены въ гармонію хорнаго состава, то непремѣнно мало-по-малу исчезнутъ отъ разныхъ выдумокъ невѣжества.

Все это изложено въ запискѣ, которую я подалъ министру двора. Государь, прочитавъ эту записку, былъ весьма доволенъ и, утвердивъ ее, приказалъ послать копію въ Сунодъ. Чѣмъ все это кончится, не знаю. Здѣшній митрополитъ держитъ мою сторону и приказываетъ пѣть мои Ирмосы какъ своимъ пѣвчимъ, такъ и монахамъ. Московскій, Филаретъ, трудъ мой не одобряетъ, а почему, не знаетъ самъ, будучи научщенъ настоятелемъ Донскаго монастыря, который самъ мараетъ нотную бумагу, воображая, что онъ единственный въ мірѣ сочинитель церковнаго пѣнія. Кіевскій молчитъ и ждетъ своихъ напѣвовъ. Чѣмъ кончится, увидимъ; но, кажется, интриги верхъ взять не могутъ: Государь слишкомъ прозрѣлъ истину.....

..... Возвратясь изъ Царскаго въ Петербургъ, я еще говорилъ съ графомъ Орловымъ о перемѣнѣ мѣста или увольненіи меня вовсе отъ службы, и онъ мнѣ сказалъ: «Тебѣ служить надо, ибо Государь къ тебѣ весьма хорошо расположенъ; а когда я говорилъ ему еще разъ о перемѣнѣ тебѣ мѣста, то онъ мнѣ отвѣчалъ: «Оставь о Львовѣ, я самъ знаю». Что̀ оставалось дѣлать? Служить и благодарить Бога!

Въ это же время подалъ я рапортъ князю Волконскому, коимъ испрашивалъ командировки въ Москву для положенія на ноты древнихъ напѣвовъ монастырей Симоновскаго, Донскаго и Успенскаго Собора и для личнаго объясненія съ Московскимъ митрополитомъ относительно нотныхъ книгъ, мною издаваемыхъ. Государь мнѣ ѣхать приказалъ; а между тѣмъ 6-го Декабря пожаловалъ мнѣ орденъ Св. Анны 1-й степени, что́ и на самый мой пріѣздъ въ Москву сдѣлало хорошее впечатлѣніе. Долго я собирался и все откладывалъ по разнымъ причинамъ; чѣмъ болѣе проходило время, тѣмъ болѣе нелѣпые толки о моемъ пріѣздѣ въ Москву увеличивались. Наконецъ 20 Декабря я поѣхалъ.

..... Въ Москвѣ дали мнѣ во дворцѣ квартиру и все что́ нужно для приличной жизни. Тотчасъ я увидѣлъ, что для успѣшнаго производства дѣла, для котораго я посланъ былъ въ Москву, мнѣ необходимо прежде всего сблизиться съ тремя сословіями: дворянствомъ, купечествомъ и духовенствомъ, потому что главная необходимость при

объясненіи всякаго новаго дѣла есть та, чтобы тѣхъ, которымъ объяснять должно, поставить предварительно въ спокойное положеніе духа и доброе расположеніе къ объясняющему. Это необходимо: можетъ-ли понять убѣжденія ваши человѣкъ дурно расположенный? Онъ во всемъ будетъ видѣть дурныя намѣренія; отъ споровъ произойдутъ ссоры, одинъ другому уступить не захочетъ, и часто, весьма часто, дѣла хорошія, общеполезныя, дѣлаются жертвою неблагоразумнаго самолюбія. Для этого я устроилъ у себя по Вторникамъ музыкальные вечера. Все лучшее общество Москвы ко мнѣ съѣзжалось, и я имѣлъ случай разсказать, что я присланъ совсѣмъ не для введенія какихъ-либо перемѣнъ, а напротивъ для сохраненія древнихъ напѣвовъ и прекращенія произвола при пѣніи ихъ въ хорномъ составѣ. Послѣ нѣсколькихъ вечеровъ, зала моя не могла уже вмѣщать числа слушателей, и я, для обращенія къ себѣ бóльшаго числа дворянъ, устроилъ вечеръ въ одной изъ малыхъ залъ Дворянскаго Собранія. Концертъ этотъ составленъ былъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

1) Увертюра изъ оперы „Ундины".
2) Г. Гоноре играла концертъ на фортепіано.
3) Г-жа Олсуфьева и Баратынская (дочери барона Боде) пѣли дуэтъ Россини.
4) Г. Шмидтъ и я играли „Дуэль".
5) Увертюра изъ оперы „Староста".
6) Г-жа Еремѣева пѣла арію Россини.
7) Г-жа Олсуфьева пѣла Русскую пѣсню изъ оперы „Варвара".
8) Я игралъ свою фантазію съ хоромъ.
9) Народный гимнъ пѣли всѣ дамы нашего сословія, которыя пѣть умѣли, съ хористами театровъ.

Номера 1, 5, 7 и 9 я дирижировалъ самъ. Слушателей было до 250 человѣкъ. Зала была такъ устроена, чтобы отнюдь не было похоже на публичный концертъ. Въ оркестрѣ играли до 12 человѣкъ любителей, во главѣ которыхъ графъ Гудовичъ, Александровскій кавалеръ, игралъ на віолончели. Нельзя выразить, до какой степени всѣ желали быть на этомъ вечерѣ; нельзя выразить восторгъ, съ какимъ слушали меня и мои сочиненія. Весьма многіе, по окончаніи концерта, пріѣхали ко мнѣ ужинать и отъ имени дворянства поднесли мнѣ лестное письмо и литографированный портретъ мой, работы художника Лаша. Письмо это подписали 65 человѣкъ, 29 Генваря 1850.

Къ главнымъ лицамъ купечества ѣздилъ я самъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, собиралъ хоры пѣвчихъ и показывалъ моимъ гостямъ на самомъ дѣлѣ, что напѣвы древніе сохранены во всей точности и что къ нимъ лишь приложена гармонія, такъ что каждый дьячекъ, каждый прихожанинъ, знающій напѣвы, можетъ пѣть вмѣстѣ съ хоромъ.

Весьма многіе, по окончаніи концерта, пріѣхали ко мнѣ ужинать и отъ имени дворянства поднесли мнѣ лестное письмо и литографированный портретъ мой, работы художника Лаша. Письмо это подписали 65 человѣкъ, 29 Генваря 1850.

Къ главнымъ лицамъ купечества ѣздилъ я самъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, собиралъ хоры пѣвчихъ и показывалъ моимъ гостямъ на самомъ дѣлѣ, что напѣвы древніе сохранены во всей точности и что къ нимъ приложена гармонія, такъ что каждый дьячекъ, каждый прихожанинъ, знающій напѣвы, можетъ пѣть вмѣстѣ съ хоромъ.

Купечество и духовенство въ Москвѣ держатся въ весьма тѣсной связи между собою, а потому каждое убѣжденіе мое имѣло противудѣйствіе со стороны духовенства; не менѣе того, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы я получилъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ письма, изъ коихъ видно, что они боятся изъяснить ихъ чувства и поступить по примѣру купечества Петербургскаго.

Къ лицамъ духовенства ѣздилъ я обѣдать и толковать съ ними по нѣскольку часовъ. Съ ними мнѣ было труднѣе. Эти упрямые невѣжи не могли помириться съ мыслью, что порядокъ церковнаго пѣнія совершается не ими, а лицомъ духовенству не принадлежащимъ. Особенно архимандритъ Донскаго монастыря Ѳеофанъ, человѣкъ хитрый, злой, самолюбивый и безнравственный, невѣжа во всей силѣ слова и къ несчастью самъ воображавшій, что можетъ писать ноты и что онѣ составятъ честь и славу Россіи (это его собственное выраженіе), дѣлалъ и дѣлаетъ мнѣ разныя непріятности, предвидя, что ноты, имъ писанныя, при разсмотрѣніи ихъ директоромъ Придворной Пѣвческой Капеллы, будутъ найдены негодными. Ѳеофанъ подстрекалъ подобныхъ себѣ монаховъ и поповъ, а тѣ митрополита Филарета, который, будучи чуждъ всякаго познанія въ музыкальномъ искусствѣ, не зналъ, кому вѣрить. Совсѣмъ тѣмъ Филаретъ окончательно написалъ мнѣ бумагу, въ которой формально изъявилъ свое мнѣніе, что введеніе написанныхъ мною книгъ, служа къ прекращенію произвола въ пѣніи при богослуженіи, заслуживаетъ всякаго споспѣшествованія. Архимандритъ Симонова монастыря Мельхиседекъ восхитился моими переложеніями. Содержатели вольныхъ въ Москвѣ хоровъ также написали мнѣ благодарное письмо за данныя имъ наставленія и поднесли мнѣ на дорогу хлѣбъ-соль......

Наканунѣ выѣзда изъ Москвы, мы поѣхали въ Сергіевскую Лавру для принесенія благодарности Господу Богу за счастливое окончаніе даннаго мнѣ порученія......

Государь, прочитавъ рапортъ мой, остался очень доволенъ; мои два помощника награждены богатыми перстнями......

Я получилъ отказъ князя П. М. Волконскаго въ казенной квартирѣ, которую я имѣлъ съ семействомъ въ Петергофѣ; мнѣ это больно было послѣ столькихъ лѣтъ службы, и я, не настаивая на томъ, рѣшился жить въ Павловскомъ......

Интриги по дѣлу о церковномъ пѣніи продолжали безпрестанно огорчать меня, и неосновательныя дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ нашего сословія, въ главѣ которыхъ статсъ-секретарь Танѣевъ, вывели, наконецъ, меня изъ терпѣнія, и я рѣшился спросить: прикажетъ-ли Государь мнѣ продолжать мои занятія? Подтвержденіе воли Его Величества меня поддержало, хотя я не могъ не замѣтить, что какъ Государь, такъ наиболѣе Наслѣдникъ, охладѣли къ этому полезному и хорошему дѣлу.

Въ теченіе лѣта я написалъ духовный концертъ «Приклони ухо твое» и три номера небольшой кантаты по переводу на Русскій языкъ извѣстной молитвы Stabat-Mater. Осенью я рѣшился проситься въ отпускъ, чтобы, наконецъ, послѣ 12 лѣтъ, принять въ свое распоряженіе имѣніе маменьки вашей въ Саратовской губерніи. Государь, уволивъ меня на 6 недѣль, простился со мною весьма милостиво и цѣловалъ по прежнему, что̀ въ тягостномъ положеніи моемъ было истиннымъ утѣшеніемъ......

Въ теченіе зимы, кажется въ Мартѣ, было одно обстоятельство, заслуживающее вниманія. Видя, что хоры всѣхъ гвардейскихъ полковъ весьма усовершенствовались посредствомъ изданныхъ книгъ и образовавшихся регентовъ, я предложилъ дать духовный концертъ въ пользу инвалидовъ въ залѣ Дворянскаго Собранія. Великій князь Александръ Николаевичъ предположеніе это одобрилъ и Государь утвердилъ. Концертъ этотъ долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ сочиненій Бортнянскаго и моихъ, исполненныхъ всѣми хорами Петербурга. Въ сборѣ было до 700 человѣкъ, кромѣ хоровъ, зависящихъ отъ духовенства, которое отговорилось тѣмъ, якобы ихъ пѣвчіе слишкомъ заняты службами въ церквахъ. Репетиціи превзошли мои ожиданія; всѣ стали говорить о семъ небываломъ концертѣ, и по лицамъ посѣтителей моихъ репетицій видѣлъ я, что зависть и тутъ найдетъ возможность помѣшать дѣлу, имѣющему основаніемъ помощь заслуженнымъ воинамъ. Предложеніе на сужденіе публики нѣкоторыхъ молитвъ древнихъ напѣвовъ, положенныхъ мною въ гармонію—новость въ музыкальномъ мірѣ. Пошли толки, осужденія, что за деньги и сидя публика будетъ слушать церковное пѣніе (какъ будто тоже не дѣлаютъ, посѣщая Пѣвческую Капеллу нѣсколько десятковъ лѣтъ); что зала Дворянскаго Собранія, гдѣ даются балы, для этого неудобна и пр. и пр. Толковали до того, что я, для предупрежденія дальнѣйшихъ

послѣдствій, самъ предложилъ концертъ отмѣнить. Такъ и случилось. Его Высочество Цесаревичъ пожелалъ это пѣніе слышать въ своей залѣ. Императрица и все царское семейство были тутъ кромѣ Государя. Репетиція эта поразила всѣхъ. И точно, эффектъ этой массы хористовъ въ огромной залѣ, при вѣрности пѣнія и крайнемъ соблюденіи оттѣнковъ, былъ совершенно новый и столь разителенъ, что съ трудомъ могъ я дирижировать отъ чувства и сотрясенія моихъ нервовъ, особенно во время pianissimo. Императрица, увидя послѣ Государя, сказала ему: Je suis fâché que vous n'avez pas entendu cette belle musique; pour vous tout dire, elle est digne de vous *)

Тотчасъ повелѣно было повторить спѣвку у Государя въ аванзалѣ. Тутъ резонансъ еще лучше, а потому и эффектъ былъ еще удовлетворительнѣе. Государь былъ въ восхищеніи. Съ самаго начала я замѣтилъ, что онъ покраснѣлъ и глаза его наполнились слезами; предъ Греческими ирмосами онъ сказалъ мнѣ: «Это то пѣніе, которое напечатано въ одну строку и къ которому ты прилагаешь гармонію?»— «Точно такъ», сказалъ я. Но видя, что Государь не желалъ бы изъяснить своего положительнаго мнѣнія, я послѣ ирмосовъ не остановился нисколько и, не давъ время сказать ни хорошо, ни дурно, продолжалъ далѣе. Государь это замѣтилъ. Пѣли слѣдующія пьесы:

1. Отче Нашъ, Бортнянскаго.
2. Херувимскую, его-же № 7.
3. Вечери Твоея тайныя, мое.
4. Греческіе ирмосы двухъ гласовъ.
5. Тебе Бога хвалимъ, Бортнянскаго. C-dur, двухорное.
6. Спаси Господи, люди Твоя, простаго напѣва.

Государь и Императрица, подошедъ, пожелали еще слышать «Ангелъ вопіяше» Макарова; потомъ благодарили меня чрезвычайно. Государь нѣсколько разъ бралъ меня за руку и съ восторгомъ сказалъ: «Вотъ единство, котораго я желалъ; спасибо тебѣ, спасибо!» Потомъ, обратясь къ пѣвчимъ, сказалъ: «славно, правильно, вѣрно». «Я Вашъ ученикъ», сказалъ я Государю; «Ваше одобреніе для меня все». Всѣмъ пѣвчимъ дано по 2 р. серебр. Однимъ словомъ, это было полное торжество, котораго я никогда не забуду. Все это время я такъ былъ безпокоенъ, что похудѣлъ какъ послѣ болѣзни. Спѣвка эта сдѣлала хорошее вліяніе и на самое дѣло: духовенство перестало противиться пѣнію по моимъ книгамъ, и теперь, благодаря Бога, во

---

*) Мнѣ жаль, что ты не слышалъ этой прекрасной музыки. Рѣшительно скажу, что она достойна тебя.

всѣхъ церквахъ Петербурга поютъ, и по свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ Москвы отъ пѣвчаго Рибасова (посланнаго для усовершенствованія сѵнодальнаго хора) пѣніе по моимъ книгамъ и тамъ весьма нравится. Сѵнодъ, не разрѣшая моихъ книгъ, не воспрещаетъ пѣть по онымъ при церковнослуженіи, и такъ дѣло стоитъ въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи; а я, видя, что всякое дѣйствіе съ моей стороны, не будучи поддержанно никѣмъ, служитъ болѣе ко вреду, чѣмъ пользѣ, рѣшился молчать, продолжать мой трудъ и возложить все на волю всемогущаго Господа Бога.

Лѣтомъ окончилъ я мой Stabat, названный «Молитва у Креста» переложилъ на женскіе голоса 24 номера молитвъ разныхъ авторовъ и представилъ рукописный экземпляръ Цесаревнѣ.

Въ концѣ Августа я былъ обрадованъ полученіемъ изъ Москвы серебряной вазы, на крышѣ которой изображены три поющихъ ангела, на бокахъ нѣкоторые Московскіе соборы, а на постаментѣ надпись: «Его п-ву, свиты Его Велич. генералъ-маіору, директору Придворной Пѣвческ. Капеллы, А. Ѳ. Львову въ знакъ признательности отъ Московскихъ и Шуйскихъ гражданъ за незабвенные труды его по уравненію церковнаго пѣнія. 1851» Получивъ разрѣшеніе Государя принять этотъ драгоцѣнный для меня подарокъ, я опредѣлилъ, чтобы ваза сія служила постоянно въ семействѣ нашемъ для освященія воды при домашнихъ богослуженіяхъ; и какъ я получилъ повелѣніе ѣхать въ Москву съ дворомъ по случаю 25-лѣтія царствованія Государя Николая Павловича и оттуда въ Малороссію для набора пѣвчихъ, то, призвавъ священника, мы отслужили на путь молебенъ съ водоосвященіемъ и тѣмъ положили начало этому опредѣленію......

Дорогой я все мечталъ, какъ бы хорошо, по пріѣздѣ въ Петербургъ, пригласить Итальянскихъ артистовъ спѣть арію и тріо «Молитвы у Креста» и все произведеніе исполнить въ залѣ Пѣвческой Капеллы, гдѣ устроить ложу, на случай пріѣзда царскаго семейства, и собрать деньги въ пользу частныхъ школъ Женскаго Патріотическаго Общества,назвавшаго меня уже нѣсколько лѣтъ своимъ благотворителемъ. По пріѣздѣ я сталъ это слаживать и мало по малу все устроилъ: ложу сдѣлалъ, Итальянцы Маріо, Формезъ и Таліафико на репетиціи, бывшей у меня въ домѣ въ присутствіи ихъ высочествъ Елены Павловны и Екатерины Михаиловны, герцога Мекленбургскаго и принца Ольденбургскаго, пѣть согласились. По малому пространству залы предположено было концертъ этотъ дать два раза: 14 и 16 Января. На первый пріѣхали Цесаревна, Цесаревичъ и Великіе Князья, на второй тѣже и сама Матушка-Царица, которая такъ была тро-

нута музыкой, что пожелала слышать ее еще разъ, чтó и было исполнено 22 числа. Все прошло какъ нельзя лучше съ тѣми небольшими неудачами, безъ которыхъ мало что происходитъ. Собрано было 2700 р. с. за всѣми расходами, и Патріотическое Общество, принявъ сумму сію, изъявило мнѣ свою благодарность письмомъ отъ 25 Февраля, въ которомъ сказано, что Совѣтъ общества, желая сохранить память о моемъ благотвореніи, положилъ: «Изъ собранной суммы внести 1715 р. с. въ кредитное учрежденіе для обращенія изъ процентовъ, на которые постоянно воспитывать въ Московской частной школѣ, бывшей въ завѣдываніи маменьки вашей, одну дѣвицу подъ именемъ: «Пансіонерки А. Ѳ. Львова». Въ это-же время кончилъ я вторую книгу молитвъ, переложенныхъ на женскіе голоса, которую, какъ и первую, представилъ Государынѣ-Цесаревнѣ. Книги эти для заведеній весьма полезны, если будутъ въ точности имъ слѣдовать.

Къ Свѣтлому Празднику, 30 Марта, Государь пожаловалъ мнѣ корону на орденъ Св. Анны 1 ст. 7 Апрѣля Государыня Цесаревна прислала мнѣ двѣ фарфоровыя вазы съ бронзовыми карселевыми лампами за переложеніе церковнаго пѣнія на женскіе голоса....

Разскажу вамъ исторію драгоцѣнной скрипки, на которой я играю. Скрипка эта перешла къ намъ въ домъ послѣ извѣстнаго скрипача Жарновики, умершаго скоропостижно въ С.-Петербургѣ между 1805 и 1810 годами (когда именно, не помню). Нѣкто г-нъ Байковъ, которому поручена была продажа съ публичнаго торга имущества Жарновики, будучи пріятелемъ отцу моему, продалъ ему эту скрипку преимущественно предъ другими за 3 т. р. ассигн. Скрипку принесли къ намъ въ ящикѣ съ вензелемъ великаго артиста; въ ящикѣ были струны, афишки, очки и портретъ танцовщицы, въ которую Жарновики былъ влюбленъ. Всѣхъ этихъ вещей, которыя были бы теперь драгоцѣнны, уже нѣтъ; какъ затерялись, не знаю, и довольствуюсь тѣмъ, что этотъ неоцѣненный инструментъ сохранился во всей силѣ слова. Вотъ уже 40 лѣтъ, что инструментъ этотъ въ домѣ нашемъ, у Жарновики также находился (сколько извѣстно) лѣтъ 30, слѣдовательно, въ двухъ рукахъ до 70 лѣтъ и въ безпрестанной игрѣ двухъ скрипачей-солистовъ. Я началъ играть на этой скрипкѣ въ 1816 г. Когда батюшка купилъ ее, она была сохранена, какъ и нынѣ, но головка приклеена весьма дурная, ничтожнаго мастера. Батюшка, какъ охотникъ и знатокъ, всегда сожалѣлъ объ этомъ. Лѣтъ черезъ 10 послѣ, одинъ изъ артистовъ, посѣщавшихъ домъ нашъ, Иванъ Семеновичъ Мильговеръ, пришелъ къ батюшкѣ и съ великой радостью сообщилъ ему, что отыскалъ головку Маджини у бывшаго гардеробщика Батова, посаженную на какую-то дурную скрипку. Батюшка

тотчасъ поѣхалъ къ Батову вмѣстѣ съ Мильговеромъ и, удостовѣрясь самъ въ истинѣ, отправился прямо къ тому иностранцу, которому принадлежала дурная Митенвальдская скрипка съ головкой Маджини, отданная Батову для исправленія. Старикъ-Нѣмецъ не зналъ что думать, видя съ какимъ любопытствомъ батюшка распрашивалъ, откуда могла попасть къ нему головка Маджини и какъ она очутилась на шейкѣ его дурной скрипки. Вотъ объясненіе Нѣмца. «Лѣтъ 10 тому назадъ, извѣстный скрипачъ Жарновики проѣзжалъ чрезъ нашъ городъ Митенвальдъ и, намѣреваясь дать концертъ, дѣлалъ утромъ репетицію. Мы охотники всѣ тутъ были, какъ Жарновики, разсердяся, что оркестръ дурно за нимъ слѣдуетъ, сталъ бить тактъ головкой скрипки по пульпету, и наконецъ, ударивъ весьма сильно, отломилъ ее. Вечеромъ надо было играть. Что дѣлать? Жарновики пошелъ къ лучшему мастеру, который не взялся туже головку, расколотую на два, приладить къ вечеру, а обѣщалъ посадить другую. Жарновики, буйная голова, безпечный во всемъ, съ удовольствіемъ согласился, вечеромъ игралъ отлично и уѣхалъ, оставя головку своей скрипки у мастера. Въ послѣдствіи я купилъ ее за 100 гульденовъ и сохраняю въ память великаго артиста». Не было болѣе сомнѣнія, что головка принадлежала нашей скрипкѣ, и, послѣ убѣдительнѣйшихъ просьбъ батюшки, Нѣмецъ согласился продать головку за свою цѣну съ тѣмъ однако, чтобы ему предварительно дозволено было убѣдиться своими глазами, что скрипка Жарновики у насъ. Любопытство его было удовлетворено, деньги заплачены, и скрипка Маджини послѣ 10 лѣтъ собралась у насъ въ первобытномъ ея составѣ. И теперь видна трещина на головкѣ, проходящая чрезъ колокъ секунды......

8 Мая (1852) выѣхали мы заграницу. Въ Эмсѣ нашли мы нашу несравненную Ольгу Николаевну съ супругомъ и графиню Росси, знаменитую пѣвицу, къ которой я всегда имѣлъ особенное влеченіе, какъ по ея огромному таланту, такъ по ея характеру. Послѣ бывшихъ въ Европѣ революцій, мужъ ея оставилъ службу, а она вздумала воспользоваться остаткомъ своего таланта, чтобы поправить состояніе дѣтей, которыхъ у нея много, рѣшилась возвратиться на сцену и тѣмъ, по моему, сдѣлала большую ошибку: нельзя женщинѣ играть двѣ роли, графини и актрисы, графини Росси и Шарлоты Зонтагъ. Чувство ея прекрасное, это правда; но приличій свѣта по себѣ не передѣлаешь, и кончится тѣмъ, что отъ одного отстанешь, а къ другому не пристанешь.

Приближался день имянинъ Ольги Николаевны. Я устроилъ серенаду изъ Русской пѣсни на слова Пушкина «Дѣвицы - красавицы». Графиня Росси пѣла соло съ Русскими словами, а всѣ Русскія дамы и мужчины составляли хоръ; въ 8 часовъ утра мы собрались подъ

окна Великой Княгини и въ ея саду спѣли, заключивъ серенаду гимномъ „Боже, Царя храни". Добрая Ольга Николаевна не знала, какъ благодарить, подозвала прежде меня, потомъ всѣхъ участвовавшихъ и всѣмъ изъявляла свою признательность со слезами на глазахъ.....

Въ Стутгардъ прибыли мы 14 числа вечеромъ. На другой-же день Ея Высочество приказала мнѣ къ себѣ пріѣхать, обласкала чрезвычайно и возобновила желаніе, чтобы я устроилъ концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ, чтобы я игралъ и самъ дирижировалъ Молитву у Креста.

20-го, въ Субботу, былъ концертъ. Король королева, е. в. Ольга Николаевна съ супругомъ, королева Нидерландская и всѣ члены королевской фамиліи присутствовали; блестящѣе концерта сдѣлать было невозможно, и я возвратился домой, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ для многихъ артистовъ, участвовавшихъ въ исполненіи.....

23 Марта (1853) исполнилъ я въ Пѣвческой Капеллѣ въ пользу вдовъ и сиротъ пѣвчихъ «Молитву у Креста» съ особеннымъ успѣхомъ. Въ тоже время это сочиненіе было исполнено въ Вербное Воскресенье въ Стутгардтѣ, и 9 и 10 Марта, два дня кряду, въ Вѣнѣ рядомъ съ ораторіей Бетховена «Христосъ на Масличной горѣ». 5 Апрѣля долженъ былъ быть концертъ въ Москвѣ съ исполненіемъ того же произведенія въ пользу бѣдныхъ; всѣ охотники пожелали участвовать, все было уже готово, какъ одинъ изъ моихъ завистниковъ подослалъ письмо безъ подписи митрополиту, въ которомъ пишетъ, какое будто производитъ дурное впечатлѣніе на Московскихъ жителей, что такія слова поются актерами, скоморохами и что гнѣвъ Божій уже оказался сгорѣніемъ театра и что еще хуже будетъ. Митрополитъ послалъ письмо Протасову; этотъ, спѣша сдѣлать мнѣ всякій вредъ, представилъ Государю съ прикрасами, и повелѣно: какъ концерта въ Москвѣ не давать, такъ не производить этого сочиненія ни въ театрахъ, ни въ залахъ. Вы можете судить, мои друзья, какъ это меня поразило! Нѣсколько дней послѣ состоялся указъ, по которому дозволяется Stabat-Mater полатыни вездѣ, а въ пѣвческомъ корпусѣ и порусски. У меня такъ и отлегло отъ сердца. Однако все это имѣло вліяніе на мое здоревье, и я просидѣлъ дома около 10 дней, давъ себѣ честное слово не производить въ публикѣ ничего моего сочиненія, однимъ словомъ, какъ артистъ, умереть для публики въ Россіи и ограничиться произведеніемъ моихъ сочиненій у себя въ домѣ. На этомѣ основаніи оперу мою «Старосту» я взялъ назадъ, а Петрову, который хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ, подарилъ 150 р. с. Огорчила меня новая перемѣна о Stabat-Mater. Бумагу, которую я получилъ съ высочайшимъ повелѣніемъ, взяли назадъ; какую пришлютъ на мѣсто ея, не знаю. Явная личность противъ меня. Государь этого

не видитъ, указать ему никто разсчета не находитъ, видя холодность ко всему, что до меня относится. Взамѣнъ отобранной у меня бумаги о Stabat-Mater прислали другую, въ которой сказано, что исполненіе «Молитвы у Креста» на Русскомъ языкѣ вовсе запрещается, а что сочиненіе мое Stabat-Mater можетъ исполняться на языкахъ иностранныхъ, такъ какъ другія подобныя сему произведенія. Я занемогъ, послали за докторомъ; а я, чувствуя себя очень дурно, послалъ разбудить бабушку. Она тотчасъ пришла и, скрывая собственное безпокойствіе, умными разсужденіями ободрила мой духъ. Вообразите же, до какой степени она была огорчена: возвратясь внизъ въ свою спальню, она помолилась Богу и написала Государю слѣдующее письмо:

„Ваше Императорское Величество. Призвавъ не разъ благословеніе Божіе на письмо мое, падаю и предъ вами на колѣна, Ваше Величество, испрашиваю милостивое Ваше прощеніе, что осмѣливаюсь утруждать Васъ моимъ письмомъ. Теперь 4 часа утра. Сынъ мой Алексѣй жестоко занемогъ желчнымъ разстройствомъ и въ бреду только и повторяетъ: „авось завтра Богъ поможетъ быть у обѣдни!“ потомъ не разъ повторялъ: „не хочу рапортоваться больнымъ“. Вотъ, Ваше Величество, его теперешнее положеніе, и ничего его такъ не убиваетъ, какъ потеря ничѣмъ незамѣнимой милости Вашей къ нему. По любви безпредѣльной всѣхъ моихъ дѣтей къ Вамъ, какъ къ отцу, они умрутъ у ногъ Вашихъ; только когда Вы ихъ откините отъ себя, они съ горемъ отойдутъ отъ счастія вѣрой и правдой служить Вашему Величеству. Всѣ 6 сыновей моихъ, 3 зятя и 43 внука готовы всю жизнь свою жертвовать всѣмъ что̀ имѣютъ въ доказательство всей преданности ихъ. Не оставьте и Вы ихъ милостію Вашей, оживите сына Алексѣя. Ему ничего не надо; прикажите ему сказать хотя слово дорогаго Вашего участія: онъ оживетъ и духомъ, и тѣломъ, и Вы сохраните вѣрнаго, усерднаго слугу и между тѣмъ отца семейства и всѣхъ сиротъ, его братьевъ и сестеръ. Никто не знаетъ, что я рѣшилась передъ Вами излить тяжкое чувство души моей.—Ваше Величество, Господь смиловался надо мною: сыну получше, и бѣдная больная его жена съ горемъ готовится ѣхать заграницу. Я непремѣнно должна ѣхать въ Брестъ къ дочери и знаю, что оставляю его среди недоброжелателей, которые гонятъ его за то, что слѣпо исполняетъ повелѣнія Ваши и скорѣй умретъ, чѣмъ измѣнится и въ дѣйствіяхъ и въ чувствахъ своихъ. За всѣхъ дѣтей ручаюсь Вашему Величеству. У ногъ Вашихъ со слезами умоляю оставить въ тайнѣ письмо мое и видѣть въ немъ только чувство горькой матери, которая, вспоминая всѣ прошедшія Ваши милости, дерзнула занять минутно Ваше Величество и облегчить душу свою, повергнувъ всѣхъ дѣтей и себя къ стопамъ Вашимъ“.

На другой день послѣ отправленія этого письма, чрезъ графа Адлерберга Государь прислалъ узнать о моемъ здоровьѣ. Я не имѣлъ понятія объ этомъ письмѣ, и такое особенное вниманіе меня удивило. Чрезъ нѣсколько дней потомъ я поѣхалъ благодарить Государя, который очень ласково со мною обошелся и спрашивалъ на счетъ отъѣзда вашей маменьки.

5 Декабря (1853 г.) получилъ я предписаніе министра двора графа Адлерберга, что Государь произвелъ меня въ тайные совѣтники съ званіемъ гофмейстера и директора Придворной Пѣвческой Капеллы, и что повелѣно оставить при мнѣ все содержаніе, т. е. 4 т. асс. по капеллѣ и около 8 тыс. асс. по прежнимъ окладамъ. Въ первую минуту я не могъ образумиться отъ этой перемѣны, которой и ожидать не могъ: мнѣ казалось, что я совершенно похожъ на человѣка, которому послѣ долговременной болѣзни сдѣлали операцію, которая, сколько ни служитъ къ облегченію больнаго, не менѣе того для больнаго мучительна отъ раны самой операціи....

26 Янв. (1854) былъ у насъ музыкальный вечеръ весьма пріятный, Е. в. Ольга Николаевна, пріѣхавшая сюда на зиму, пожелала слышать мой Stabat-Mater. Я этимъ воспользовался и чтобы видѣли, что я съ перемѣною службы пользуюсь тѣмъ-же вниманіемъ лицъ царскаго дома, я устроилъ этотъ вечеръ у себя. Ихъ высочества Константинъ Николаевичъ, Марія Николаевна, Ольга Николаевна съ супругомъ, Екатерина Михайловна съ супругомъ, принцесса, сестра Елены Павловны, ихъ братъ, принцъ Ольденбургскій и всѣ ихъ приближенные собрались въ 9½ ч. Послѣ первой партіи пошли чай пить, потомъ возвратились въ залу. Я игралъ адажіо Спора, и вторая партія Stabat окончила музыку. Все прошло отлично хорошо....

29 Марта 1854 г. князь Горчаковъ, при донесеніи о благополучномъ переходѣ чрезъ Дунай, прислалъ Государю стихи своего сочиненія, которые Его Величество приказалъ мнѣ положить на музыку. Въ два дня я это сдѣлалъ, и вчера Государь слушалъ. Военная пѣснь моя ему понравилась.....

Сегодня 19 Апрѣля даютъ «Старосту» подъ названіемъ: «Русскій мужичекъ, эпизодъ войны 1812 года». Съ одной стороны воспоминаніе о незабвенной войнѣ теперь весьма кстати; съ другой—общее расположеніе не къ веселью, а къ мрачности, когда Англійскій флотъ въ Балтикѣ и начинаетъ свои опустошенія въ приморскихъ городахъ, съ намѣреніемъ попытаться и въ Кронштадтъ, а потомъ въ Петербургъ. . . .

20 число. Представленіе «Старосты» прошло очень хорошо, аплодировали каждый нумеръ; послѣ втораго акта меня вызывали; но

я, соображая настоящія обстоятельства, счелъ за лучшее не показываться и не возбуждать собственно собою криковъ и шуму. Надежда Самойлова пѣла Матвѣеву, Булаховъ—Матвѣева; Петровъ—Старосту; Мооръ—Кнопфа очень хорошо; Артемовскій—Зарубаева, очень дурно. Нумера 1-й и 8-й произвели большой эффектъ, увертюра тоже; 3-й актъ показался холоденъ послѣ втораго и еще болѣе потерпѣлъ отъ Русской пляски, которая была очень плоха. Пріятно то, что Русскій сочинилъ либретто, Русскій написалъ музыку, Русскій дирижировалъ, Русскіе спѣли и весьма удовлетворительно..... 25 Іюня, день рожденія Государя, давали «Старосту» въ 7-й разъ....

Вчера, т. е. 26 Іюня умеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ. Пріѣхавъ въ Петергофъ поздравить Государя съ имянинами 25 числа, накануне занемогъ, а 26 числа въ Петергофѣ скончался....

30 Іюня командиръ Горскаго полу-эскадрона, полковникъ Хату-Анзоровъ пригласилъ меня обѣдать въ Павловское; я поѣхалъ и былъ встрѣченъ всѣми офицерами конвоя, кромѣ должностныхъ. Обѣдъ былъ отличный, при концѣ стали пить за мое здоровье и всего нашего семейства; слово «благодаримъ» повторялось безпрестанно. Вставъ изъ за стола, всѣ кинулись цѣловать меня, кто лице, кто руки, такъ что слезы покатились изъ глазъ моихъ. «Нѣтъ васъ болѣе съ нами, и мы это чувствуемъ на каждомъ часу!» повторяли они. Потомъ Хату-Анзоровъ вынесъ изъ другой комнаты древнюю саблю (шашку) и, подавая мнѣ, сказалъ: «Примите, добрый нашъ начальникъ, эту саблю на память нашей къ вамъ благодарности; это желѣзо не тверже чувствъ нашихъ». Взявъ саблю, я не находилъ словъ для изъявленія того, что ощущаю, тѣмъ болѣе, что уже полгода протекло, какъ миновались всѣ служебныя между нами сношенія, и слѣдовательно горцы въ поступкѣ своемъ не могли видѣть никакихъ выгодныхъ для себя послѣдствій. На клинкѣ сабли увидѣлъ я слѣдующую надпись:

Незабвенному, доброму начальнику Алексѣю Ѳедоровичу Львову въ знакъ памяти за долговременное отеческое попеченіе. Отъ общества гг. офицеровъ л. г. Кавказско-горскаго полу-эскадрона и собственнаго конвоя Его Величества. С.-Петербургъ, Декабря 4 дня 1853 года Х. Анзоровъ І. А. Каплановъ. К. Гусаровъ. К. Мальсаговъ О. Абисаловъ. Ака-Умашъ. Х. Магометъ. М. Наврузовъ. Г. Атарщиковъ. Е. Фроловъ.

Сегодня, 18 Февраля 1855 г. въ 12 ч. и 20 м. дня, скончался нашъ Государь-Отецъ Николай Павловичъ. Скорбь души не позволяетъ мнѣ писать болѣе....

Вчера ея в. Ольгѣ Николаевнѣ угодно было послушать въ ея залѣ 10 молитвъ изъ Постной Тріоди. Нѣсколько уже разъ мы пѣли ихъ у меня дома, сидя вокругъ стола. Хоръ нашъ состоялъ изъ 4 дискантовъ, 4 альтовъ, 2 теноровъ, 2 басовъ и 2 контръ-басовъ. Въ

этомъ составѣ явился я къ ея высочеству въ 8 часовъ вечера, какъ Ольга Николаевна пришла сказать, что Государыня Императрица Александра Өедоровна желаетъ слышать пѣніе и что надо перебраться наверхъ. Расположась въ золотой гостинной, пропѣли мы восемь номеровъ, потомъ по желанію Императрицы повторили два послѣдніе, потомъ еще пѣли «Вечери Твоея Тайныя» и «Милость міра». Слушали обѣ Императрицы, Ольга Николаевна, Николай и Михаилъ Николаевичи, принцъ Виртембергскій, супругъ Ольги Николаевны, принцъ Карлъ Прусскій и нѣсколько фрейлинъ. Совершенство, съ которымъ пѣлъ этотъ маленькій хоръ подъ моимъ руководствомъ, выше всякой похвалы; подобный наборъ голосовъ можетъ быть только у Императора Россійскаго, и нигдѣ въ мірѣ ничего подобнаго услышать невозможно. Я находился послѣ стольких лѣтъ въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ участвовалъ въ стольких увеселеніяхъ, домашнихъ собраніяхъ и сердечныхъ отношеніяхъ. Вліяніе самаго пѣнія, привычное во мнѣ сомнѣніе, что молитвы мои понравятся, желаніе и страхъ увидѣть столь близко Императрицу Александру Өедоровну въ первый разъ послѣ постигшаго ее горя, присутствіе прочихъ лицъ царскаго дома — все это произвело во мнѣ ужасное волненіе; мнѣ казалось, что нѣтъ жилки, которая бы не трепетала, и сердце безпрестанно билось. Отъ всего этого мнѣ было тяжелѣе обыкновѣннаго вслушиваться, что́ говорятъ, и при всякомъ словѣ, которое до меня не доходило, потъ пробѣгалъ по всему тѣлу. Ольга Николаевна это замѣтила, и подошедъ къ маменькѣ, которая также тутъ была, говоритъ ей, какъ странно, что я иногда затрудняюсь слышать разговоръ и такъ утонченно слышу музыку. Маменька подтвердила, что и мы не понимаемъ тому причины, но что я положительно слышу хуже, когда я въ волненіи душевномъ. По окончаніи пѣнія Императрица Александра Өедоровна пожелала меня видѣть, сказавъ фрейлинѣ Бартеневой. «Ah Lvow,c'est un monde de souvenirs! [1]) Но прежде подошла къ маменькѣ и обласкавъ ее сказала: «Votre mari est si bon, sa musique est si belle! J'aurais bien voulu le lui dire, mais il ne me comprendra pas [2]), желая этимъ сказать, что она громко говорить не можетъ; потомъ подошла ко мнѣ и сказала, Vous ne me comprenez pas [3]) и протянула мнѣ руку. Я, не зная, что́ слова ея значатъ, молчалъ, пораженный ужасной перемѣной, ко-

---

[1]) Ахъ Львовъ, это міръ воспоминаній!

[2]) Мужъ вашъ такъ добръ, музыка его такъ прекрасна. Я бы желала ему это сказать, но онъ меня не пойметъ.

[3]) Вы не понимаете меня.

торую въ ней нашелъ. Крѣпко цѣловалъ я ея руку, наконецъ она посмотрѣла на меня, заплакала, закрыла глаза руками и поспѣшно вошла въ свой кабинетъ, а я остался, окруженный всѣми другими; слезы текли изъ глазъ моихъ.

Вижу, что Государь при капеллѣ находитъ меня необходимымъ. Иностранныя газеты продолжаютъ выхвалять мой Stabat-Mater. Изъ Голландіи получилъ дипломъ высшаго достоинства. Сочинилъ я женскій хоръ для Духовнаго Царскосельскаго училища, потомъ: «Да молчитъ всякая плоть» (безъ мѣрнаго ритма). Ноты мои продаются очень хорошо; стало, ихъ пѣть желаютъ.

Лѣтомъ мы жили въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ Новосильцова; судя по встрѣчаемой со всѣхъ сторонъ холодности, я сомнѣвался, чтобы и меня отправили на коронацію, какъ получилъ я приказаніе отправить въ Москву весь хоръ придворныхъ пѣвчихъ и ѣхать самому и что Государь приказываетъ мнѣ взять на себя устройство музыки во время фейерверка. Въ Москвѣ получилъ я предписаніе о назначеніи меня къ поддержанію порфиры у лѣваго плеча во время коронованія Государыни Императрицы Маріи Александровны.

При церемоніальномъ въѣздѣ въ Москву и въ день коронованія пѣвчіе пѣли отлично, такъ что принцъ Прусскій и чужестранные послы пожелали ихъ слышать особо. Я сдѣлалъ два духовныхъ концерта, въ которыхъ добрые мои сослуживцы превзошли себя и мои ожиданія. Принцъ и послы были въ восторгѣ, а нунцій, пріѣхавшій отъ папы, сознался, что нашъ хоръ лучше ихъ Сикстинской капеллы.

26 поѣхалъ я во дворецъ въ 7 часовъ утра, все время коронованія и во время стола былъ безотлучно при Императрицѣ, весьма ловко продержалъ ея порфиру и возвратился домой въ 6 часовъ, не позволивъ себѣ во весь день ни пить, ни ѣсть. За то вы видѣли, мои друзья, съ какимъ удовольствіемъ я дома обѣдалъ и съ какимъ спокойствіемъ духа легъ спать. Въ день коронованія Государь пожаловалъ мнѣ богатую табатерку съ его портретомъ. Очень заботилъ меня фейерверкъ, на которомъ должно было исполнить гимнъ съ акомпаниментомъ пушекъ. Я самъ игралъ на инструментѣ, производившемъ выстрѣлы. Соображаясь, какъ ихъ производить, я назначилъ всѣ выстрѣлы на первую и третью четверть темпа и дѣлалъ уже репетицію, какъ пріѣхали послушать извѣстный нашъ артистъ Гензельтъ и братъ Леонидъ Ѳедоровичъ. По излишнему старанію и по выраженію нотъ 21 и 29 такта, я ошибкою ударилъ по пушкамъ въ тактъ, отъ чего выстрѣлы произошли противъ такта, т.-е. на 2-й и 4-й четверти. Гензельтъ и братъ Леонидъ Ѳедоровичъ, какъ хорошіе музыканты, нашедъ, что эта ошибка открыла новый и

разительный синкопическій эффектъ, когда ударъ барабана былъ на 1-й четверти, выстрѣлъ на 2-й, барабанъ на 3-й, выстрѣлъ на 4-й и наконецъ оба удара сливались на 1-й четверти слѣдующаго такта, просили меня непремѣнно такъ дѣлать и впередъ. Я ихъ послушалъ и, отставъ отъ моего обдуманнаго предположенія, сдѣлалъ какъ они желали. Что́ же вышло? Знающіе музыканты и тѣ кому я прежде объяснилъ этотъ синкопическій контрапунктъ, его поняли; масса же слушателей, до 300 тыс. человѣкъ, ожидая выстрѣловъ въ тактъ, заключила, что я ошибся, и выстрѣлы опоздали; заключили и, не взявъ на себя труда вникнуть въ дѣло, написали такъ въ иностранныхъ газетахъ. Когда Гензельтъ по окончаніи фейерверка поздравлялъ меня съ успѣхомъ, то я, благодаря его, сказалъ: «Félicitez-moi avec le succès et un millier d'ennemis de plus *)».

Здоровье мое ухудшилось, и мы рѣшились ѣхать заграницу. Выѣхали 15 Іюня 1857 года, но къ несчастію эта поѣздка сдѣлала мнѣ мало пользы По возвращеніи въ Петербургъ я получилъ письмо изъ Флоренціи отъ профессора Жіоржети, которымъ онъ меня извѣщаетъ, что по исполненіи моего Stabat, всѣ члены Академіи Изящныхъ Художествъ единогласно положили мнѣ званіе профессора и капельмейстера Академіи и что дипломъ на это званіе отправленъ Россійскому посольству въ Римъ для доставленія ко мнѣ.

Желая показать мою благодарность домъ-хору за точное исполненіе моихъ сочиненій, я сочинилъ Херувимскую пѣснь № 2 и послалъ директору этого хора г. Нойдгардту съ Нѣмецкимъ заглавнымъ листомъ.

Мнѣ дано порученіе составить хоръ изъ 1000 человѣкъ къ освященію Исакіевскаго собора, потомъ устроить хоръ постоянный для сего собора изъ 50 человѣкъ пѣвчихъ. Въ это время разныя непріятности заставили меня просить увольненія отъ директорства капеллою, Графы Віельгорскій и Апраксинъ были дѣятельнѣйшими моими защитниками и сказали министру графу Адлербергу, что я незамѣнимъ. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ я разрѣшеніе на все, что́ требовалъ, ежели угодно, чтобы я остался; потомъ четыре раза приглашала меня Императрица играть у нея квартеты. Она и Госуда́рь посѣтили второй вечеръ Концертнаго Общества. Наконецъ, послѣ трехъ почти лѣтъ, Государь приказалъ у обѣдни пѣть мой «Отче Нашъ» № 1. Пѣвчіе, не ожидая такого приказанія, потерялись совершенно и, не имѣя нотъ, пѣли ощупью, ошибочно и фальшиво, что́ весьма естественно.

Наконецъ, въ Іюлѣ вышла изъ печати моя книжка о свободномъ ритмѣ; я разослалъ ее ко многимъ знакомымъ мнѣ лицамъ духовен

---

*) Поздравьте меня съ успѣхомъ и съ новою тысячью недоброжелателей.

ства и частнымъ, остальные экземпляры постараюсь продать, но это все равно: дѣло въ томъ, что ежели по времени иностранцы примутся за эту мысль, въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь, то книжка моя послужитъ положительнымъ доказательствомъ, что мысль эта по возможности уже развита у насъ Русскихъ первыхъ.

Новый 1859 годъ началъ я съ сердечнымъ утѣшеніемъ: освобожденіе крестьянъ отъ рабства есть дѣло великое, богоугодное дѣло, которое возбудитъ въ людяхъ понятіе самобытности, разовьетъ способности каждаго и стремленіе ко всему полезному, однимъ словомъ, совершеніе этого дѣла было бы для Россіи величайшимъ благомъ. Но съ чего начать? Съ того, что отдать т.-е. подарить крестьянамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ усадебныя земли со всѣми на нихъ строеніями. Для чего? Для того, чтобы крестьяне видѣли, что помѣщики это дѣлаютъ сами по себѣ, а не по приказанію, и для того, чтобы крестьяне поняли первое чувство собственности.

Обдумавъ это вполнѣ, я написалъ письмо министру императорскаго двора слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь, графъ Владимиръ Ѳедоровичъ! Извините меня, ваше сіятельство, что безпокою васъ дѣломъ совершенно частнымъ, къ исполненію котораго я приступить не смѣю безъ всемилостивѣйшаго на то соизволенія Его Императорскаго Величества. Дѣло это заключается въ слѣдующемъ. За женою моею и за мною состоятъ два имѣнія: въ Саратовской губ. 850 душъ и 9673 десятины земли, въ числѣ которыхъ подъ усадьбами крестьянъ 145; и въ Московской губ. 65 душъ и 801 десятина земли, въ числѣ которыхъ подъ усадьбами крестьянъ 12 десятинъ. Крестьяне того и другаго имѣнія служили родителямъ нашимъ и служатъ намъ болѣе 20 лѣтъ съ особенною похвалою, и мы, въ вознагражденіе за ихъ усердіе, желали бы какъ тѣмъ, такъ и другимъ подарить въ ихъ вѣчную и потомственную собственность землю, находящуюся подъ ихъ усадьбами, съ двумя только условіями: 1) Чтобы они не имѣли права продавать или отдавать въ наймы этой земли людямъ постороннимъ, и 2) отнюдь и ни въ какомъ видѣ не заводили бы кабаковъ или харчевень и всякаго другаго способа продавать крѣпкіе напитки. Цѣль наша въ семъ намѣреніи есть во первыхъ, улучшеніе быта крестьянъ и потомъ надежда, что каждый крестьянинъ, получивъ землю въ свою собственность, безъ сомнѣнія приметъ разныя средства къ извлеченію себѣ нѣкоторыхъ доходовъ, въ чемъ мы будемъ подавать имъ возможную помощь и чрезъ то онъ къ подаренной ему землѣ болѣе и болѣе привяжется. По истеченіи же двухъ или болѣе лѣтъ, если мы увидимъ, что ожиданія наши совершились, тогда съ дозволенія правительства мы освободимъ ихъ отъ крѣпостнаго состоянія; если же, напротивъ, ожиданія наши не сбудутся, и мы

понесемъ нѣкоторыя потери, то въ этомъ случаѣ будемъ счастливы участіемъ въ мудрой и всеблагой волѣ Государя Императора, клонящейся къ счастію общественному, при чемъ убытки или прибыли частныя вниманія не заслуживаютъ. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство удостоите меня вашимъ по сему предмету увѣдомленіемъ, и тогда въ случаѣ высочайшаго соизволенія, мы войдемъ по сему дѣлу въ формальное сношеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Благоволите и проч. 8 Ноября 1858 года.

Письмо это Государь приказалъ отправить въ Главный Комитетъ, состоящій въ Петербургѣ и о его заключеніи донести Его Величеству, вслѣдствіе чего Комитетъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ, что мы можемъ это сдѣлать безъ особаго утвержденія правительства. На этомъ основаніи мы составили дарственный листъ за нашей подписью съ приложеніемъ нашей печати и засвидѣтельствованіемъ священника, выписали изъ Костина трехъ выбранныхъ міромъ крестьянъ и, объявивъ имъ о нашемъ въ пользу ихъ пожертвованіи, отдали имъ дарственный листъ, вмѣстѣ отслужили молебенъ и отправили ихъ обратно въ Костино. Надо было видѣть, съ какою благодарностью былъ принятъ даръ нашъ.

Небольшое это имѣніе послужитъ намъ примѣромъ для Ѳедоровскаго; ежели въ Костинѣ пойдетъ хорошо, то сдѣлаемъ и въ Ѳедоровскомъ, а ежели въ Костинѣ мѣра эта поведетъ къ нашему ущербу, то подождемъ, не обращая большаго вниманія на Костино, которое и теперь дохода намъ не приноситъ, а едва уплачиваетъ за себя въ Опекунскій Совѣтъ. При освобожденіи же крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія, дѣло будетъ другое; ибо земли въ Костинѣ болѣе количества необходимаго по настоящему числу крестьянъ.

Я сказалъ выше, что мы будемъ по возможности помогать крестьянамъ къ извлеченію изъ подаренной имъ земли выгодъ. Такъ, это дѣлать необходимо; но помощь эту ограничить $^1/_{10}$ частью цѣнности предмета, напримѣръ: крестьянинъ захочетъ построить мельницу, на которую надо употребить примѣрно 300 р., то въ случаѣ неимѣнія у крестьянина довольно денегъ, можно дать ему 30 р., но не болѣе, такъ чтобы 270 р. онъ положилъ свои, и это для того, что помощію достигается предполагаемая цѣль, не умаляя въ крестьянинѣ желанія остаться при его мельницѣ, на которую онъ положилъ 270 р. и трудъ; и этой соразмѣрности должно держаться при всякомъ предпріятіи крестьянъ. Все это я записалъ вамъ, мои друзья, чтобы вы знали въ подробности мои на этотъ счетъ мысли и намѣренія и въ случаѣ нужды онымъ слѣдовали, развѣ какія-либо неизвѣстныя нынѣ мѣры правительства васъ принудятъ поступить иначе; вообще прошу васъ го-

ворить о семъ какъ можно меньше и не слушать разныхъ толковъ и совѣтовъ. Рѣдко, весьма рѣдко, основаны они на вашей пользѣ, а напротивъ даются лишь для того, чтобы вы послужили какъ бы опытомъ для совѣтчика.

9 Января (1859), у насъ былъ музыкальный вечеръ для Е. В. Наслѣдника Цесаревича. Мы все сдѣлали, что́ отъ насъ зависѣло, чтобы угостить дорогаго гостя, сообразно его лѣтамъ. Все удалось какъ нельзя лучше! И такъ мы имѣли утѣшеніе видѣть въ своемъ домѣ Е. В. Николая Александровича, его отца Александра Николаевича и его дѣда Николая Павловича.

Книжку о свободномъ ритмѣ я отдалъ перевести на Нѣмецкій языкъ, заплатилъ за это Минцлову 200 р. сер. Книжку напечаталъ я и послалъ ко всѣмъ ученымъ Нѣмецкимъ. Что́-то скажутъ?

Лѣтомъ я чувствовалъ себя довольно хорошо, жилъ въ Петергофѣ и вакантное отъ Сената время употребилъ на сочиненіе учебнаго увража играющимъ на скрипкѣ; въ предисловіи къ 24 примѣрамъ на всѣ тоны гаммы довольно объяснены и цѣль моя и намѣренія. Трудъ этотъ я издалъ на свой счетъ, чтобы имѣть право назначить экземплярамъ самую незначительную цѣну, которая не можетъ затруднить ученика и самаго неимущаго, наставленія же мои оградятъ его отъ многихъ обмановъ. Это и меня утѣшаетъ тѣмъ, что постоянное занятіе мое симъ искусствомъ и огромные труды, не ограничились одними удовольствіями, а повели меня къ возможности быть полезнымъ своимъ соотечесвенникамъ.

Въ день совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича я получилъ орденъ Св. Владимира 2 степени, 8 Сентября 1859 г.

По доставленіи въ С.-Петербургъ вновь утвержденнаго камертона, оказалось, что онъ *совершенно сходенъ* съ тѣмъ, который я послалъ въ Коммиссію, только я послалъ do, а они утвердили la.

11-го Іюля состоялось высочайшее повелѣніе согласно моей просьбѣ о причисленіи меня къ сенаторамъ неприсутствующимъ. Черезъ это я теряю 2700 рубл. жалованья, но слабое мое здоровье меня принудило уменьшить мои занятія и поберечь, если Богу будетъ угодно, мое здоровье для семьи. Присутствіе же мое въ департаментѣ съ моимъ слухомъ было истинное мученье.

27 Іюня 1861 г. я получилъ отъ министра императорскаго двора письмо объ увольненіи меня отъ обязанности директора капеллы вслѣдствіе моей просьбы.

Я продолжаю писать и вспоминаю теперь слова добраго моего друга и несравненнаго отца: «учись, Алеша», генералъ-басу, говорилъ онъ мнѣ, придетъ время, что играть на скрипкѣ перестанешь, то какъ

велико тебѣ будетъ наслажденіе заниматься сочиненіемъ». Теперь испытываю истину сихъ словъ на дѣлѣ. На скрипкѣ почти не играю, это требуетъ движеній слишкомъ усиленныхъ, да и слухъ мѣшаетъ мнѣ слышать, чего я всегда искалъ играя на скрипкѣ, т.-е. звука, подходящаго къ голосу человѣческому. И въ этомъ отношеніи я доходилъ до того, что одинъ разъ Государь Николай Павловичъ, слушая, какъ я вторю фрейлинѣ Бартеневой въ одной музыкальной пьесѣ, сказалъ мнѣ: «Игра твоя меня прельщаетъ, хотя я много разъ тебя слышу; но подводить твой тонъ къ голосу Бартеневой такъ близко—меня удивляетъ. Сидя въ той же комнатѣ, я различить не могъ, которая нота Бартеневой и которая нота твоя». Не зналъ Государь, какъ высоко онъ похвалилъ меня!

Я написалъ въ Апрѣлѣ «Да исправится молитва моя» и «Архангельскій гласъ», а въ Іюлѣ «Ис-полла»; сверхъ того передѣлалъ всю оперету «Варвару» и послалъ ее въ Московскій театръ по просьбѣ брата Леонида, состоящаго тамъ на службѣ.

На сихъ дняхъ я былъ обрадованъ присылкою мнѣ изъ Парижа инструмента, коимъ сравниваются камертоны отъ 1686 по 1859 годъ, съ показаніемъ, какія произведенія были исполняемы на Парижской сценѣ и по какому камертону. Инструментъ этотъ, въ высшей степени интересный для музыкальнаго сценическаго искусства, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ въ правильности утвержденія камертона въ 870 колебаній. Его поднесли мнѣ знаменитые фабриканты Плейель и Вольфъ. Какъ пріятно было видѣть такое вниманіе иностранцевъ къ моему таланту, и какъ горько, что въ отечествѣ моемъ я не могъ при всѣхъ трудахъ заслужить хоть десятую долю.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ написалъ я Кавказскую пѣсню съ оркестромъ а въ теченіе зимы написалъ до тысячи страницъ простыхъ напѣвовъ на Монгольскомъ языкѣ и отправилъ ихъ архіепископу Нилу. 4 Апрѣля получилъ я дипломъ (21-й) на званіе академика-корреспондента Академическаго Института Музыки во Флоренціи. Приближалось 30 Августа; но я, удалясь отъ всякой обязанности, ни о чемъ не заботился, какъ получаю отъ министра двора отношеніе, которымъ онъ сообщаетъ, что Государю Императору благоугодно было пожаловать меня въ оберъ-гофмейстеры съ оставленіемъ въ должности сенатора. Это вниманіе къ старому слугѣ тронуло меня до чрезвычайности.

Послѣдніе годы я долженъ былъ ограничиться только тою музыкою, которая мнѣ доступна, какъ напримѣръ: собственною игрою на скрипкѣ или военною музыкою, которая звучностью своей удовлетворяла меня въ отношеніи слуха, и я принялся было ею заниматься, желая ввести въ употребленіе вновь изобрѣтенные г. Саксомъ въ Па-

рижѣ инструменты, называемые саксофонами. По доведенiи о семъ до свѣдѣнiя Государя Императора, Его Величество пожелалъ ихъ слышать, и я обязанъ былъ представить музыку кавалергардскаго полка, съ которой преимущественно по предмету сему занимался. Это было осенью 1862 года. Сдѣлавъ до 20 репетицiй и сочинивъ нарочно для сего пьесу, я представилъ музыку Государю, который остался ею совершенно доволенъ и очень благодарилъ меня.

На зиму, по совѣту докторовъ, я поѣхалъ въ Италiю. Въ Ниццѣ я прожилъ 6 мѣсяцевъ, въ теченiе которыхъ къ мучительной моей болѣзни присоединились скорбныя обстоятельства. Какую могъ я ожидать пользу отъ тамошняго климата, когда я не жилъ, а мучился и день и ночь? Къ тому же доктора запретили мнѣ всякое занятiе музыкою, не позволяли играть на скрипкѣ, слушать музыку и даже писать ноты. Съ потерею этого искусства я чувствовалъ себя осиротѣлымъ; мнѣ казалось, что я лишился друга, съ которымъ такъ дружно прожилъ болѣе полувѣка. 14 числа Марта сего 1866 года, минуло 50 лѣтъ служенiя моего въ офицерскомъ званiи. Дошло до свѣдѣнiя Государя Александра Николаевича о моемъ юбилеѣ, и Его Величество изволилъ приказать не говорить объ этомъ, а 14 Марта всемилостивѣйше удостоилъ меня богатымъ подаркомъ табатерки съ портретомъ Его Величества и украшенной брилліантами.

Все въ мiрѣ проходитъ! Вотъ и партнеръ мой въ квартетахъ, графъ Матвѣй Вiельгорскiй скончался въ Ниццѣ 21 Февраля 1866 г. Сначала онъ былъ боленъ какимъ-то горбомъ на спинѣ, потомъ страдалъ подагрой въ ногахъ и рукахъ и съ этими болѣзнями отправился на тотъ свѣтъ! Небудучи въ состоянiи болѣе играть на своемъ вiолончелѣ, онъ подарилъ этотъ неоцѣненный инструментъ артисту Давыдову, который на вiолончелѣ играетъ очень хорошо, да сверхъ того Русскiй. Чтó будетъ съ моей несравненной скрипкой? Я игралъ на ней болѣе 50 лѣтъ *)!

Въ теченiе 1866 и 1867 г. я переложилъ съ древняго напѣва молитвы: «Нынѣ силы» и Херувимскую пѣснь». Обѣ на ритмѣ несимметричномъ.

*

Знаменитый нашъ композиторъ скончался 16 Декабря 1870 года, въ имѣнiи своемъ Романи, близъ города Ковны. Прахъ его покоится въ сосѣднемъ Пожайскомъ монастырѣ. П. Б.

---

*) Эта драгоцѣнность сохраняется у сына А. Ѳ. Львова, Ѳедора Алексѣевича. П. Б.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ КІЕВѢ.

1816.

Изъ частнаго письма [1].

Государя Императора теперь видѣли очи мои, благочестивѣйшаго, благословеннаго, боголюбезнаго, истиннаго царя Израилева, Александра I-го.

7-го числа сего мѣсяца [2], въ половинѣ 7 часа по полудни, при звонѣ колоколовъ во всемъ городѣ и при многочисленномъ стеченіи народа, Его Величество изволилъ прибыть прямо въ Лавру, гдѣ у святыхъ воротъ встрѣченъ митрополитомъ съ братіею, сопровожденъ въ церковь, а приложась къ иконѣ и мощамъ, отбылъ въ квартиру, назначенную въ домѣ Оболонскаго, близъ дворца. 8-го числа въ 11 часовъ благоволилъ Государь удостоить посѣщеніемъ Софійскій соборъ. Встрѣча была у колокольни со всѣмъ духовенствомъ бѣлымъ; по приходѣ въ церковь, началась литургія, и по литургіи Государь, войдя въ алтарь, разсматривалъ мозаику, гробъ Ярослава, потомъ архіерейскую ризницу, отсюду пошелъ прямо въ покои митрополичіе и самымъ милостивѣйшимъ образомъ, сидя на одной съ митрополитомъ софѣ, разговаривалъ съ онымъ. Вы уже все подобное сему видѣли, и для васъ оно обыкновенное; а для насъ, какъ предыдущее, такъ и послѣдующее, очень занимательно и, кажется, слѣдуетъ обо всемъ разсказать вамъ; прибавлю только, что истину глаголю, не лгу.

---

[1]) Письмо это писано изъ Кіева іеромонахомъ Антоніемъ Смирницкимъ (впослѣдствіи извѣстнымъ Воронежскимъ архіепископомъ) къ своему отцу, священнику Іакову, въ Полтавскую губернію, въ село Поддубновку. Государь былъ тогда въ Кіевѣ въ первый разъ въ жизни. *П. Б.*

[2]) Т.-е. 7 Сентября 1816 г. *П. Б.*

Сего же дня, въ 3 ч. по полудни, дано знать іеросхимонаху Вассіяну (бывшему въ Академіи Вавилѣ), что князь Волконскій будетъ у него вечеромъ, часу въ восьмомъ. Пробило восемь часовъ, и ожидаемый князь Волконскій такъ тихо входитъ въ келію старца слѣпаго, что даже послушникъ не замѣтилъ, а узналъ уже тогда, когда гость, взявши его за плечо, выслалъ вонъ, а самъ, поспѣшнѣйше входя въ чуланъ Вассіяна, привѣтствуетъ: «Здравствуйте, батюшка!» Отвѣтъ обыкновенный, а потомъ, увѣренъ будучи прежде о посѣщеніи Волконскимъ: «Прошу сѣсть, ваше сіятельство!» И хозяинъ садитъ на первѣйшее мѣсто гостя, предоставляя ему свои права, а гость садится ниже, отдавая первенство хозяину.

Вассіянъ: «Женаты ли, ваше сіятельство?»—Гость скоро: «Женатъ.»—«Давно ли женаты?»—«Двадцать лѣтъ.»—«Имѣете дѣтей?»—«Имѣю.»—«Давно ли служите Государю»?—«Давно».

Вассіянъ: «Благодареніе Господу Богу, что Государь Императоръ удостоилъ и Кіевъ и Лавру своимъ посѣщеніемъ. Да, вчера Государь былъ въ Лаврѣ и всѣхъ обрадовалъ своимъ благочестіемъ и своею кротостію.»—Гость: «Да онъ здѣсь.»—Вассіянъ: «Въ Кіевѣ?»—Гость: «Онъ у васъ.»

Тутъ Вассіянъ (какъ мнѣ самъ лично разсказывалъ) спрашиваетъ мнимаго Волконскаго: «Гдѣ же Государь, ваше сіятельство, въ Лаврѣ, или еще будетъ?» И предѣломъ неизвѣстности было слово, сказанное Вассіяну ко уху: «Я Александръ: благословите меня! Еще въ Петербургѣ наслышался я о васъ, и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!» Я (разсказываетъ Вассіянъ) хотѣлъ поклониться; но Государь, не допуская, цѣлуетъ только руку, говоря: «Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіянинъ; исповѣдуйте меня, и такъ какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ.»

Съ симъ словомъ началось совершеніе исповѣди.

Въ 11 часовъ, послѣ долгихъ разговоровъ, между которыми Императоръ сказалъ: «При первомъ вступленіи моемъ въ Лаврскую церковь, такое благоговѣніе наполнило мою душу, и такія чувствованія проникли, что могу съ Павломъ сказать: «быхъ аще въ тѣлѣ, или аще кромѣ тѣла, не вѣмъ. Богъ вѣсть»,—спросилъ: кто въ Лаврѣ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманіе? И какъ Вассіянъ отвѣчалъ, что по митрополитѣ намѣстникъ первѣйшій, то Государь, спрося объ имени намѣстника, велѣлъ сказать послушнику, позвать намѣстника къ Волконскому, ожидающему его у Вассіяна. Когда же явился намѣстникъ и, узнавши Государя, хотѣлъ отдать ему достодолжное поклоненіе, то и его Государь не допустилъ, говоря: «Благословите, какъ священникъ, и обходитесь со мною, какъ съ простымъ поклонникомъ,

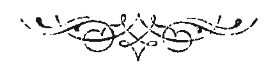
пришедшимъ въ сію обитель искать путей ко спасенію; ибо всѣ дѣла мои и вся слава принадлежатъ не намъ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе.»

Въ 12 часовъ Государь изволилъ выйти отъ Вассіяна и изъ Лавры, запретивъ намѣстнику сопровождать его до воротъ и сказавъ, что завтра рано будетъ въ пещерахъ.—9-го, въ 8 часовъ, ходилъ съ Волконскимъ въ пещерахъ, а 10-го слушалъ обѣдню въ Лаврѣ, отпѣваемую одними монахами безъ пѣвчихъ, по лаврскому напѣву, и митрополитъ служилъ. Былъ на покояхъ и пригласилъ владыку къ обѣденному столу. Того же дня, вечеромъ, велѣлъ къ себѣ явиться намѣстнику и собственными руками возложилъ на него бриліянтовый крестъ, а таковой же точно другой повелѣлъ намѣстнику возложить на Вассіяна. 11 числа по утру присланы митрополиту бриліянтовые знаки Святаго Апостола Андрея, а въ вечеру поздно прислана въ Лавру бриліянтовая высокой цѣны и работы панагія.

Того же дня, въ 5-мъ часу по пополудни, Государь Императоръ изволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ Академію: сначала былъ въ залѣ, потомъ во всѣхъ нижнихъ классахъ, въ церкви, что̀ въ трапезѣ и въ библіотекѣ; былъ бы непремѣнно и въ бурсѣ, но проливной дождь, нечаянно шедшій, помѣшалъ.—12-го Императоръ слушалъ божественную литургію въ пещерѣ, близъ гроба преподобнаго Антонія, которую отправлялъ намѣстникъ съ протодіякономъ и придворными пѣвчими. Обѣдня началась въ 8 часу; послѣ обѣдни изволилъ Государь удостоить посѣщеніемъ начальника пещеръ, Филарета, и тутъ сказалъ, что такъ красиваго и пріятнаго мѣстоположенія, каково Кіевское, еще нигдѣ не видалъ, и что въ Маѣ мѣсяцѣ посѣтитъ и паки Кіевъ и пробудетъ въ немъ цѣлый мѣсяцъ или и болѣе. Изъ пещеры Государь обыкновенною дорогою пѣшкомъ шелъ въ Лавру; тутъ прикладывался къ иконѣ, и поднесена среди церкви Государю икона преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, а при выходѣ пять большихъ просфиръ. Вышедши же за святые ворота, сѣлъ въ коляску и отправился въ путь по дорогѣ къ Бѣлой Церкви.

Вотъ самое малѣйшее, но достовѣрное, описаніе присутствія Его Величества въ городѣ Кіевѣ. Я писалъ только одно то, что̀ Августѣйшаго Монарха нашего отличаетъ отъ прочихъ владыкъ земли: въ отношеніи пламенной любви его къ Богу, посѣщенія къ угодившимъ Богу преподобнымъ Печерскимъ и неподражаемаго примѣра благочестія, а о прочемъ узнàете изъ газетъ.

1816 года, Сентября 13 дня.
Кіевъ.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО

къ неизвѣстному лицу о преподаваніи покойному Государю Александру Николаевичу свѣдѣній про бывшую Польшу.

Милостивый государь Иванъ Михайловичъ!

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ. Передъ отъѣздомъ Государя Императора изъ Петербурга я представилъ Его Величеству записку о томъ, что для Великаго Князя настало время имѣть при себѣ человѣка знающаго хорошо Польскій языкъ, Польскую литературу и вообще Польшу. Я просилъ Государя обратить свое вниманіе на этотъ важный выборъ во время своего пребыванія въ Варшавѣ. Между прочимъ я сказалъ: «При Цесаревичѣ [1]) находится человѣкъ, имѣющій основательныя знанія, знакомый хорошо съ Польшею и достойный уваженія по характеру: Фовицкій [2]). Если бы могли мы *его имѣть*, то онъ былъ бы весьма намъ полезенъ; не знаю однако, можетъ ли онъ покинуть занимаемое имъ мѣсто [3]). Во всякомъ случаѣ онъ поможетъ намъ въ пріисканіи нужнаго намъ человѣка». Вы, почтенный Иванъ Михайловичъ, хорошо знаете Фовицкаго: поговорите съ нимъ, не согласится ли онъ перемѣнить Варшаву на Петербургъ? А если не согласится, то не возмется ли отыскать намъ такого же надежнаго человѣка, каковъ онъ самъ? Дѣло важное. Будущаго Царя Польши надобно познакомить съ Польшею и заставить полюбить ее.

---

[1]) Т. е. при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ.

[2]) Мы не имѣемъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ. Покойный Н. А. Милютинъ сообщалъ намъ, что въ 40-хъ годахъ онъ зналъ Фовицкаго въ Крыму, гдѣ тотъ жилъ въ уединеніи.

[3]) Какую именно должность занималъ Фовицкій при Константинѣ Павловичѣ, намъ тоже неизвѣстно.

Надобно, чтобы онъ узналъ ее такою, какова она есть, безъ предубѣжденій, безъ односторонности; надобно, чтобъ онъ узналъ что̀ она теперь, чего ей не достаетъ, что̀ ей имѣть должно; чтобы онъ, познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить ея будущее, какъ слѣдуетъ Царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугу союза.

Прошу васъ, любезный Иванъ Михайловичъ, все это передать отъ меня Фовицкому, и увѣдомить меня, что̀ скажетъ этотъ почтенный человѣкъ, которому, также какъ и вамъ, отъ всего сердца пожимаю руку.

Простите. Если будете отвѣчать мнѣ, пишите въ Шепелевской дворецъ.

Преданный вамъ

Жуковскій.

Апрѣля 5 (1829).

На подлинномъ письмѣ не означено года, но писано оно несомнѣнно въ 1829 году, передъ отъѣздомъ въ Варшаву, куда ѣздилъ и Жуковскій съ Ученикомъ своимъ и гдѣ въ Маѣ этого года происходило коронованіе Николая Павловича короною Царства Польскаго (тайный круль Польскій, пресловутый князь Адамъ Чарторыскій, назначенъ былъ тогда оберъ-камергеромъ нашего двора). Великодушная мысль о сближеніи съ Поляками занимала поэта; но при оцѣнкѣ этого письма, внушеннаго Жуковскому просвѣщенною заботливостью объ его Ученикѣ, нужно помнить, что оно писано до Польскаго мятежа. Самъ Николай Павловичъ въ это время не былъ предупрежденъ противъ Поляковъ. Короновавшись въ Варшавѣ, онъ въ слѣдующемъ году присутствовалъ тамъ на сеймѣ, согласно установленію 1815 года. Польское вѣроломство выразилось явно нѣсколько мѣсяцевъ позже.

Великаго Князя дѣйствительно учили Польскому языку. Кажется, что для него и былъ изданъ превосходный Польско-русскій словарь Миллера въ трехъ частяхъ (позднѣе изъятый изъ продажи за то, что въ немъ указали цензурѣ слово *конституція*). Николай Павловичъ все таки воспользовался указаніемъ Жуковскаго, что̀ видно изъ назначенія къ Наслѣднику престола С. А. Юрьевича (Бѣлорусса по происхожденію). Воцарившись Александръ Николаевичъ не забылъ про „свѣтлую радугу союза“; но, по несчастію, благія его желанія, какъ и въ другихъ случаяхъ, не только не достигли цѣли, а только усилили и ожесточили рознь, которая коренится вовсе не столько въ политическихъ, какъ въ бытовыхъ и вѣроисповѣдныхъ основахъ. П. Б.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ 1861 ГОДА.

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ СОВРЕМЕННИКА-ОЧЕВИДЦА.

Мы Поляковъ усмиряли,
Много горя принимали,
Къ нимъ въ неволю попадали.

Ляховъ мы не усмирили,
Только дерзость ихъ развили,
Да Европу насмѣшили.

Горчаковъ все ошибался,
Все не въ тактъ распоряжался,
Да съ *Енохомъ* 1) цѣловался.

Некрещеный лобъ Енохъ
Множество имѣетъ блохъ:
Выбить ихъ *Мухановъ* могъ...

Взбѣленилися Поляки:
Съ «крыжомъ» вышли, забіяки,
И сломали сами въ дракѣ;

А потомъ другимъ солгали,
Будто крестъ святой сломали
На ихъ глупыхъ лбахъ Москали.

Треповъ славно ихъ трепалъ 2);
Да никто не поддержалъ,
Изъ Варшавы прочь бѣжалъ.

Мельниковъ 3) былъ ихъ пріятель:
«Я—молъ здѣшній обыватель»;...

Заболоцкому 4) досада:
«Будетъ Трепову награда—
«Отличиться и мнѣ надо».

Роту Низовцевъ схватилъ,
Пять невинныхъ положилъ,
Мальча домъ изрѣшетилъ.

Надрожался-жъ онъ до поту,
Потерялъ навѣкъ охоту
Брать въ другой разъ роту.

Принялся за гужъ *Паулючи* 5),
Да опомнясь, сдѣлалъ лучше:
Прочь бѣжалъ отъ тучи...

Всякій дѣлалъ что́ хотѣлъ,
По церквамъ «ойчизну» пѣлъ,
Цѣпи, орлики надѣлъ.

Полицмейстеръ «кршижемъ» стлался 6),
По костеламъ все таскался,
Да съ ксендзами цѣловался.

Каждый день рапортовалъ:
«Ночь спокойно я проспалъ,
Ничего я не слыхалъ».

Iолшинъ 7) даромъ ковылялъ,
Даромъ слухи собиралъ,
Даромъ въ за̀мокъ ихъ таскалъ:

Жидъ Енохъ ихъ принималъ,
Перцемъ хвостъ имъ посыпалъ
И на вѣтеръ выпускалъ.

Хоть *Карницкій* 8) ихъ ловилъ,
Да поймать не было силъ:
Вѣтеръ уносилъ!

Не роптал лишь на судьбу
Осторожный *Коцебу*:
Онъ другихъ пускалъ въ трубу.

Изъ кармана Горчакова
Онъ выглядывалъ здорово,
Улыбался, и ни слова.

Веселитскій 9) не таковъ:
Онъ добрался до зубовъ
У мятежныхъ Поляковъ;

Да князь за полы держалъ,
Чтобъ безрукій генералъ
Ручкѣ воли не давалъ.

Ну, и самъ *Батезатулъ* 10)
Молодецки бы ихъ вздулъ,
Еслибъ смѣло козырнулъ;

Да чувствительный *Липранди* 11)
Придержалъ за хвостъ: «атанде,
Дѣлай по командѣ!»

Воинъ честный, благородный,
Не хотѣлъ борьбы безплодной,
Крови пожалѣлъ народной.

Онъ совѣтовалъ схватить
Заговора злаго нить,
Заговорщиковъ казнить.

Бунта не было-бъ въ поминѣ!
Но разумный гласъ донынѣ
Вопіетъ въ пустынѣ.

А Поляки бунтовали,
Черный трауръ надѣвали,
Намъ въ лице плевали.

Но велѣлъ ихъ князь смирять;
А кто станетъ въ насъ стрѣлять,
Приказалъ намъ «замѣчать» 12).

Горе горькое пришло,
Камнемъ на сердце легло,
Омрачило намъ чело.

Издѣвался Ляхъ надъ нами;
Въ плѣнъ ему сдались мы сами,
Съ пушками, штыками.

Мы бранили Горчакова;
Но блеснуло солнце снова:
Богъ намъ далъ *Хрулева* 13).

Церемониться не сталъ
Съ ними дѣльный генералъ:
Славно ижицу писалъ!

Показали Ляхи пятки,
Затряслися въ лихорадкѣ,
Дьябэлъ взялъ конфедератки.

Усмирилъ ихъ безъ затѣй,
Такъ что матери дѣтей
Имъ пугали въ тмѣ ночей.

Фонды наши поднялись,
Отъ неволи мы спаслись,
Обливанцы унялись.

Но недолго, но такъ мало
Солнце счастья намъ сіяло:
Князя нашего не стало!

Честности примѣрной,
Другъ Царя нелицемѣрный,
Умеръ сынъ Россіи вѣрный!

И сбылось, чего не ждали:
Не было печали—
Черти накачали!....

Вотъ пріѣхалъ 14)... Казаками
Окружился, да войсками,
Занялся смотрами.

Чтобъ покончить все заразъ,
Вздумалъ онъ отдать приказъ
Оскорбительный для насъ:

«Если васъ-де будутъ бить,
«Молча то переносить
«И обидчикамъ не мстить».

Чтó ему конфедератки?
Онъ заглядывалъ въ палатки,
Чистилъ тюфяки да матки.

Караулилъ не спроста
Онъ отхожія мѣста:
Чтобъ была въ нихъ чистота!

Крыжановскій 15) генералъ
Адъютанта роль игралъ:
Чуть шинель не подавалъ.

«Я законъ!» намъ молвилъ онъ;
А извѣстно, что законъ
«Мертвой буквой» начиненъ.

Къ нуждамъ нашимъ нѣмъ и глухъ,
Одного министра другъ,
Съ нами гордъ былъ, какъ пѣтухъ...

Словомъ, всѣ здѣсь не мѣшали
Тяжко обижать Москалей:
Популярности искали!

Въ бунтъ народный не мѣшались,
Но къ народу подбивались,
«Кóцѣй музыки» боялись 16).

Подъ конецъ, Сухозанетъ
Осрамился на сто лѣтъ,
Распотѣшилъ бѣлый свѣтъ 17).

Въ праздникъ Матушки-Царицы
Ляхъ задумалъ отложиться,
Не хотѣлъ о ней молиться.

А кто окна освѣщалъ,
Вензель Царскій выставлялъ,
Тѣмъ окошки разбивалъ.

Стало жаль министру пули;
Проглотилъ за то пилюлю
Тридцать перваго Іюля.

Ляхи стали межъ собой
Праздникъ праздновать иной:
День сліянія съ Литвой.

А министръ былъ убѣжденъ,
Что чуть слово молвитъ онъ—
Вмигъ порядокъ водворенъ.

За войсками прячась, съ страхомъ
Крикнулъ онъ мятежнымъ Ляхамъ:
«Пропадайте прахомъ!»

«Праздникъ праздновать не смѣть!
«По костеламъ «гимнъ» 18) не пѣть,
«Иль въ работѣ будетъ плеть!

«Лавокъ чуръ не запирать,
«Оконъ не иллюминовать,
«Или штыкъ пойдетъ гулять».

Ляхи хвостъ предъ нимъ задрали;
Съ громкимъ смѣхомъ совершали
Все, чтó запрещали:

По костеламъ «мшу» служили,
Магазиновъ не открыли,
Ночью городъ освѣтили.

Развадовскій не отсталъ,
Самъ примѣръ всему подалъ:
Лампы, люстры зажигалъ 19).

И смѣется Ляхъ надъ нами:
Въ плѣнъ опять сдались мы сами,
Съ пушками, штыками!

Опозорена, измята
Слава Русскаго солдата.
Кланяйся-жъ, ребята! 20).

Ноябрь 1861 года.

1) Статсъ-секретарь *Енохъ*, Еврей, сынъ извѣстнаго врача Еноха, о которомъ говорили Жиды: *„кто не кòха Еноха, тенъ не вартъ зярки гроха"*, т. е. кто не любитъ Еноха, тотъ не стоитъ горсти гороха. Онъ имѣлъ большое вліяніе на князя Горчакова и весьма откровенно держалъ сторону Поляковъ. Въ послѣдствіи правительство разгадало его и приказало ему, вмѣстѣ съ маркизомъ *Веліопольскимъ*, выѣхать за границу. Отъ таможенъ Царства Польскаго правительство выручало ежегодно 7 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 3 милліона тратило на содержаніе пограничной стражи. Енохъ, вмѣстѣ съ Веліопольскимъ, выработалъ проэктъ, чтобы пограничную стражу содержать, въ числѣ 4 т. человѣкъ, на суммы Царства Польскаго, которое обязано отпускать имъ все трéбуемое отъ казны по положенію и полное число верховыхъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы правительство снабдило эту стражу только оружіемъ и затѣмъ всѣ 7 милліоновъ получало полностію. Такая заботливость объ интересахъ правительства не могла однакоже замаскировать тайной предательской мысли, чтобы само оно организовало и во-

оружило противъ себя 4 т. мятежниковъ, съ которыми бороться было бы трудно. Проэктъ этотъ, вмѣстѣ съ нижеслѣдующимъ, погубилъ и Еноха, и Веліопольскаго. Второй проэктъ былъ вотъ какой. Извѣстно, что уніатскія церкви отличались отъ костеловъ тѣмъ, что имѣли иконостасъ. Правда, царскіе врата не затворялись не только во время литургіи и во время „Святая Святыхъ", но и тогда, когда церковь бывала заперта; между тѣмъ, иконостасъ былъ единственнымъ отличіемъ отъ костеловъ, и Веліопольскому захотѣлось уничтожить это отличіе и обратить церкви въ обыкновенные костелы. Съ этою цѣлью онъ, съ Енохомъ, предложилъ уничтожить иконостасы, какъ совершенно излишніе и влекущіе за собою совсѣмъ непроизводительные расходы на устройство и ремонтъ ихъ.—Объ Енохѣ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Поляки не довѣряли его Польскому патріотизму, и потому подметными письмами грозили ему, что при удобномъ случаѣ его отдуютъ. Енохъ испугался и показалъ письма намѣстнику, который и разрѣшилъ ему ходить съ казакомъ. Случилось, что маленькій, сухой, невзрачный Енохъ шелъ по Краковскому Предмѣстью съ огромнымъ Донцомъ. Вдругъ изъ-за угла Чистой улицы выскочилъ какой-то франтъ, надавалъ Еноху нѣсколько оплеухъ и убѣжалъ. Казакъ хладнокровно смотрѣлъ на эту сцену. „Ты видѣлъ, видѣлъ, какъ меня били?" спросилъ оторопѣвшій и растерявшійся Енохъ. „Видѣлъ, ваше превосходительство!"—„Почему же ты не защищалъ меня?"—„Я думалъ, что это вашъ начальникъ", отвѣчалъ лукавый казакъ.

2) Оберъ-полицеймейстеръ полковникъ *Треповъ* разсѣялъ первую манифестацію на „Старомъ-Мѣстѣ", 13 Февраля, въ годовщину Гроховской битвы (въ мятежъ 1831 г.). На другой день, возвращаясь изъ Зáмка, онъ получилъ ударъ въ голову камнемъ, вслѣдствіе чего отказался отъ службы, былъ произведенъ въ генералы, съ зачисленіемъ по арміи и съ сохраненіемъ оберъ-полицеймейстерскаго содержанія, т. е. по 7 т. рублей въ годъ пожизненно. По прибытіи въ Кіевъ, гдѣ временно изволилъ находиться Государь Императоръ, Его Величество подарилъ Трепову всѣ земли упраздненнаго жандармскаго полка, которымъ прежде Треповъ командовалъ. Земли эти оцѣнены въ огромную сумму, и подарокъ этотъ послужилъ началомъ огромному богатству Трепова. Треповъ фотографировалъ себя съ повязкою на лбу, и съ нею же представлялся Государю въ Кіевѣ. Въ 1863 году онъ вторично былъ вызванъ въ Варшаву, и съ 1 Января 1864 года вступилъ въ должность уже не оберъ-полицеймейстера города, а генералъ-полицеймейстера" цѣлаго края, преобразовавъ бывшую при главно-командующемъ „особую канцелярію по дѣламъ военнаго положенія" въ „управленіе генералъ-полицеймейстера", съ 3-мя департаментами и 60-ю чиновниками. Въ теченіе же 1861, 1862 и 1863 годовъ „особая канцелярія" состояла изъ директора-генерала *Рожнова*, вице-директора, двухъ начальниковъ отдѣленій (камеръ-юнкера Степ. Ѳед. Папютина и полковника генеральнаго штаба Кривоносова), двухъ чиновниковъ изъ

канцеляріи намѣстника и двухъ офицеровъ изъ полковъ. Содержаніе „особой канцеляріи“ не стоило ничего: чиновники ея получали жалованье по другимъ мѣстамъ своего служенія, а канцелярскія принадлежности брали, сколько нужно, изъ канцеляріи намѣстника и изъ главнаго дежурства арміи.

Въ послѣдствіи Ѳ. Ѳ. Треповъ гораздо серьезнѣе былъ раненъ въ голову уличнымъ кинжальщикомъ.

3) *Мельниковъ* Алексѣй Петровичъ, Варшавскій комендантъ, отличался бездѣйствіемъ власти. Онъ имѣлъ собственный домъ близъ Саксонскаго сада. Ему приписываютъ слова, будто бы сказанныя князю Горчакову въ отвѣтъ на замѣчаніе, почему онъ допустилъ манифестацію противъ дома Кредитнаго Общества: „Мое положеніе очень щекотливо, потому что я самъ обитатель (гражданинъ) Варшавы“.

4) *Заболоцкой* Василій Ивановичъ, дежурный генералъ первой арміи. Въ день манифестаціи 15 Февраля взялъ изъ „Примасовскаго палаца“ (Главный Штабъ) караульную роту Низовскаго полка, вывелъ ее на „Краковское Предмѣстье“, и встрѣченный каменьями велѣлъ дать залпъ, положившій на мѣстѣ пять человѣкъ. Это были первыя, такъ называемыя „пять жертвъ“, которыя послужили поводомъ къ развитію дерзости Поляковъ, дошедшей до открытаго мятежа. Послѣ этого случая, Заболоцкой, получившій много угрожающихъ писемъ, окружился казаками и съ особыми предосторожностями впускалъ въ свой кабинетъ даже старшихъ адъютантовъ, приходившихъ съ докладами.

5) Генералъ-маіоръ *Паулуччи (маркизъ)* исправлялъ временно должность Варшавскаго оберъ-полицеймейстера, но потомъ отказался отъ нея.

6) Командиръ Симбирскаго пѣхотнаго полка, полковникъ *Развадовскій*, позднѣе Варшавскій комендантъ и *графъ*, вступилъ въ должность оберъ-полицеймейстера, по требованію Поляковъ, какъ Полякъ. Чтобъ угодить своимъ соотечественникамъ, онъ горячо принялъ ихъ сторону, въ костелахъ усердно молился, распростирался крестомъ на полу костела, ухаживалъ рабски за духовенствомъ; лично, пѣшкомъ, безъ шапки, провожалъ чрезъ городъ за заставу партіи богомольцевъ, отправлявшіяся въ Ченстоховъ, съ образами, хоругвями, знаменами и съ пѣніемъ Польскихъ революціонныхъ гимновъ. Дерзость Поляковъ при Развадовскомъ достигла высшей степени своего развитія.

7) Хромавшій на одну ногу генералъ-лейтенантъ *Іолшинъ*, начальникъ Варшавскаго жандармскаго округа, имѣлъ несчастіе не нравиться Епоху, за свое прямодушіе и честность, и потому скоро былъ смѣненъ. Мѣсто его заступилъ столько же честный и благородный человѣкъ Андрей Александровичъ *Куцынскій*.

8) *Карницкій*, другой статсъ-секретарь Совѣта Управленія Царства Польскаго, велъ съ Енохомъ борьбу за правду и палъ отъ неравенства силъ.

9) *Веселитскій* Василій Гавриловичъ, начальникъ дивизіи, однорукій.

10) *Батсзатулъ* Николай Михайловичъ, начальникъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса, человѣкъ энергическій и добрый, такъ же какъ и Веселитскій и столько же любимый войсками. Извѣстенъ какъ отличный игрокъ.

11) *Липранди* Павелъ Петровичъ, командиръ 2-го армейскаго пѣхотнаго корпуса, отличнѣйшая личность.

12) Замѣчательный приказъ князя Горчакова по арміи, въ которомъ предписывалось не раздражать народныхъ страстей, не отвѣчать оскорбленіемъ на оскорбленія и отнюдь не отвѣчать выстрѣлами даже на выстрѣлы, но стараться задерживать виновныхъ, а если это не удастся, то „замѣчать", изъ какого дома и воротъ или изъ котораго окна послѣдовалъ выстрѣлъ и сообщать о томъ полиціи. Въ Петербургѣ не хотѣли вѣрить существованію такого приказа, покуда его не прочитали. Приказъ этотъ состоялся послѣ 15 Февраля, когда Заболоцкой положилъ первыхъ пять такъ называемыхъ „жертвъ" (ofiar), и когда войскамъ, по требованію „Делегаціи", засѣдавшей въ Ратушѣ, приказано было скрываться и не показываться на улицахъ, а полиція была составлена изъ гимназистовъ. Впослѣдствіи Сухозанетъ, военный министръ, прибывшій на мѣсто умершаго Горчакова, еще болѣе обострилъ пресловутый приказъ. Онъ писалъ: „Служба и благо отечества требуютъ отъ васъ жертвъ", и потому вмѣнилъ въ строжайшую обязанность мужественно переносить всѣ дерзости и даже побои и посягательство на жизнь съ оружіемъ въ рукахъ и угрожалъ преданіемъ военному суду по полевому уголовному уложенію за всякое ослушаніе этого приказа. Послѣдствіемъ этого было то, что въ Сувалкахъ, офицеръ, стоявшій въ караулѣ на городской гауптвахтѣ, былъ атакованъ толпою, оплеванъ отъ головы до пятъ и потомъ, со всѣмъ карауломъ, избитъ женщинами-патріотками, зонтиками и тросточками. Сухозанетъ объявилъ этому офицеру благодарность за его „мужество", но товарищи выгнали его изъ полка въ отставку. За то Кубанскій казачій дивизіонъ не послушался этого унизительнаго приказа: онъ возвращался изъ собора послѣ освященія въ немъ вновь пожалованнаго дивизіону знамени; вдругъ на Медовой улицѣ кто-то выстрѣлилъ изъ окна и попалъ въ самое знамя. Въ одинъ мигъ казаки, бывшіе подъ начальствомъ полковника Заварова и есаула Занкисова, бросились въ домъ и перепороли нагайками всѣхъ, кого нашли во всѣхъ трехъ этажахъ.

13) *Хрулевъ* Степанъ Александровичъ, командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса, послѣ Липранди. Онъ исторгъ у князя Горчакова разрѣшеніе разогнать толпы залпами вдоль „Краковскаго Предмѣстья", „Новаго Съѣзда", „Сенаторской", „Подвальной" и „Свѣнтоянской" улицъ, 8 Апрѣля 1861 г. Пока дошло до выстрѣловъ, съ толпами долго играли комедію, надъ которою они смѣя-

лись и пѣли „Еще Польска не згинэла". Князь Горчаковъ и Коцебу выѣзжали верхами въ толпу и уговаривали разойтись. Толпа приказывала намѣстнику убрать стоявшія предъ Зàмкомъ два орудія и пѣхотный баталіонъ; намѣстникъ сдѣлалъ и это, но толпа не только не расходилась, но принимала часъ-отъ-часу грознѣе размѣры. Потомъ, трехкратнымъ барабаннымъ боемъ и чтеніемъ приказа предупреждали толпу, что войска начнутъ дѣйствовать оружіемъ; толпа хохотала и бранилась. Далѣе начались натиски пѣхоты и кавалеріи, съ употребленіемъ въ дѣло прикладовъ и сабельныхъ ударовъ плашмя; натиски эти отодвигали толпу, но по мѣрѣ того, какъ войска возвращались къ Зàмку, толпа напирала снова, преслѣдуя войска камнями и полѣньями. Наконецъ, Хрулевъ поставилъ войска пятью фронтами и велѣлъ сдѣлать залпъ. Въ одинъ моментъ площадь и улицы опустѣли, и на нихъ остались одни убитые и тяжело раненые. И мужчины, и женщины побѣжали въ страшной паникѣ, обрывая съ себя плерёзы и другіе манифестаціонные знаки. Поляки перепугались страшно; но намѣстникъ встревожился еще больше: тотчасъ же взвились 12 сигнальныхъ ракетъ, и всѣ войска выступили изъ казармъ и расположились бивуаками на всѣхъ городскихъ площадяхъ, гдѣ онѣ и простояли болѣе года, не смотря даже на зимнюю стужу. Это былъ самый благопріятный моментъ для того, чтобы навсегда покончить съ мятежемъ: стòило только объявить военное положеніе. Но князь Горчаковъ самъ потомъ испортилъ то, что̀ пріобрѣлъ, а преемники его и въ особенности Сухозанетъ, окончательно все испортили и довели дѣло до мятежа 1863 года. Тяжела была для всѣхъ адъютантовъ князя Горчакова ночь съ 8 на 9 Апрѣля. Они не сходили съ коней, разыскивая раненыхъ, съ тѣмъ, чтобы передать ихъ въ госпиталь Цитадели. Оставшіеся на площади убитые и раненые были всѣ подобраны въ Зàмокъ и въ туже ночь отвезены въ Цитадель—одни для погребенія въ крѣпостномъ рву, а другіе для пользованія въ военный госпиталь. Убитыхъ, впрочемъ, оказалось только 7 человѣкъ, а раненыхъ до 200, и то потому только, что многіе изъ солдатъ, по наущенію офицеровъ-Поляковъ, стрѣляли вверхъ. Цѣлую ночь адъютанты должны были являться къ князю Горчакову съ рапортами: въ какомъ положеніи войска на площадяхъ, есть-ли у нихъ дрова для костровъ и водка, не собираются ли гдѣ нибудь новыя толпы и т. п. Но Поляки такъ притихли и попрятались, что даже на самыхъ отдаленныхъ и глухихъ улицахъ не видно было ни души. Между тѣмъ, князь Горчаковъ, стòя предъ образомъ на колѣняхъ, вслухъ молился: „Господи! Да не падетъ эта кровь на меня и дѣтей моихъ!"—Хрулевъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ одинъ чуть не ссорился съ княземъ Горчаковымъ за его нерѣшительность и довольно энергически, и тѣмъ, что послѣ того, какъ были разстрѣляны поручики 4-го стрѣлковаго баталіона Арнольдъ и Сливицкій, за возбужденіе нижнихъ чиновъ къ неповиновенію, сказалъ солдатамъ, въ присутствіи офицеровъ: „Ребята! Если среди вашихъ начальниковъ найдутся та-

кіе подлецы, какъ Арнольдъ и Сливицкій, то я разрѣшаю вамъ поднять ихъ на штыки". Говорятъ, за это графъ Лидерсъ спустилъ его. Дѣйствительно, это небывалый примѣръ деморализація арміи и разрушенія воинской дисциплины. Этотъ Севастопольскій герой окончилъ свою карьеру тѣмъ, что былъ зачисленъ по арміи, проживалъ въ Петербургѣ безъ должности, содержалъ игорный домъ и умеръ въ 1868 году.

14) Т. е. пріѣхалъ Николай Онуфріевичъ *Сухозанетъ*, военный министръ. Онъ два раза исправлялъ должность намѣстника и главнокомандующаго: въ первый разъ по смерти князя Горчакова, а второй разъ послѣ отчисленія Лидерса, вслѣдствіе полученной имъ тяжелой раны (на минеральныхъ водахъ въ Саксонскомъ саду). Кажется, не было солдата, который бы не ненавидѣлъ чистосердечно Сухозанета, не смотря на то, что онъ какъ будто и искалъ популярности между нижними чинами и показывалъ видъ будто бы заботился о нихъ, заглядывая въ палатки, кухни и ретирады. Объ немъ разсказывали слѣдующій анекдотъ. Послѣ смотра одному полку въ „Повонзковскомъ" лагерѣ, часа въ два дня, Сухозанетъ зашелъ на одну изъ солдатскихъ кухонь. Кашеваръ, увидѣвъ массу ворвавшихся къ нему генераловъ и другаго начальства, до того оторопѣлъ, что не могъ выговорить слова и трясся какъ въ лихорадкѣ. Сухозанетъ подошелъ къ котлу и схватилъ ложку. „Ну, что смотришь? Поднимай крышку, мѣшай!", крикнулъ онъ кашевару, а самъ началъ прихлебывать изъ котла, какъ проголодавшійся, съ большимъ аппетитомъ. Послѣ второй или третьей ложки, онъ опять закричалъ: „Что́ это за мерзость! Это помои?"—„Точно такъ, ваше высокопревосходительство", отвѣчалъ опомнившійся кашеваръ: „рота уже пообѣдала".—„Скотина! Отчего же ты мнѣ не сказалъ? Арестовать его на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду!" Съ этимъ Сухозанетъ вышелъ, но сопровождавшіе его украдкою набросали повару рублей тридцать. Сочувствовалъ-ли онъ тайно Полякамъ, какъ происходившій изъ мелкой шляхты Минской губерніи, сказать трудно; но при немъ ксендзы достигли высшей степени дерзости. Вотъ примѣръ. Полковой каптенармусъ Низовскаго пѣхотнаго полка Татаркевичъ, католикъ, былъ женатъ на православной. Въ Іюлѣ 1862 года жена его разрѣшилась отъ бремени, но такъ несчастливо, что ребенокъ оказался еле-живымъ, а мать получила смертельную болѣзнь. Въ послѣднія минуты ея жизни пришелъ къ ней съ дарами католическій ксендзъ, и вмѣстѣ съ мужемъ началъ уговаривать ее принять католичество, обѣщая немедленное выздоровленіе. Говорятъ, утопающій хватается за бритву: несчастная позволила себя убѣдить, видя въ этомъ предложеніи послѣдній якорь спасенія. Ксендзъ одновременно присоединилъ умиравшую къ католичеству, причастилъ ее и кое-какъ окрестилъ умиравшаго ребенка, который и скончался, не дождавшись конца обряда. Къ вечеру скончалась и мать. На другой день Татаркевичъ, съ постною физіономіею, отправился къ полковому своему священнику и просилъ похоронить жену и ре-

бенка. Полкъ стоялъ тогда въ „Волынскихъ казармахъ“ въ Варшавѣ. Священникъ приказалъ внести на другой день утромъ гробы въ казарменную церковь съ тѣмъ, что онъ отслужитъ надъ тѣлами погребальную обѣдню и отпоетъ ихъ. Татаркевичъ прибавилъ: „Вы, батюшка, когда отпоете ихъ, оставьте въ незапертой церкви, потому что погребальныя дроги ранѣе 5 часовъ по полудни придти за ними не могутъ. Я не стану болѣе безпокоить васъ: мы сами уже возьмемъ тѣла и отвеземъ ихъ на кладбище“. Священникъ согласился, на другой день совершилъ полный чинъ погребенія и оставилъ тѣла въ церкви. Вдругъ, въ 5 часовъ появляются на дворъ погребальныя дроги съ четверкою траурныхъ лошадей, а съ ними и человѣкъ пятдесятъ ксендзовъ разныхъ орденовъ. Священникъ, увидя изъ окошка этотъ кортежъ, бросился въ церковь, изъ которой ксендзы выносили оба гроба и началъ громко протестовать. „Молчи, схизматикъ“, отозвался одинъ изъ нихъ: „покойная была католичка, и ребенокъ былъ крещенъ въ святую католическую вѣру; я самъ третьяго дни крестилъ и причастилъ ихъ“. Гробы были поставлены на дроги, которыя немедленно же выѣхали за ворота и при громкомъ пѣніи ксендзовъ отправились не на „Вольское“, а на католическое „Повонзковское“ кладбище, гдѣ тѣла и погребены. Священникъ донесъ обо всемъ подробно главному священнику армін, тотъ главнокомандовавшему, а послѣдній приказалъ предать Татаркевича военному суду. Для производства формальнаго по этому дѣлу слѣдствія былъ назначенъ маіоръ того же полка Родіоновъ, который неумѣло взялся за дѣло и началъ слѣдствіе съ допроса самого священника, вмѣсто того чтобы приступить къ допросу Татаркевича. Руководствуясь указаніями для производства слѣдствій, онъ предложилъ и священнику рядъ вопросовъ: „Какъ васъ зовутъ?“ „Какого вы вѣроисповѣданія?“ „Бываете-ли у исповѣди и святаго причастія?“ Священникъ страшно обидѣлся. „Какъ! Мой духовный сынъ смѣетъ спрашивать меня, своего священника, какого я вѣроисповѣданія и бываю-ли у исповѣди и святаго причастія? Это кощунство, насмѣшка надъ моимъ саномъ, поруганіе его“, писалъ онъ въ рапортѣ къ главному священнику, представляя вопросные пункты. Главный священникъ Стратоновичъ понялъ, что слѣдствіемъ этимъ онъ не поможетъ дѣлу, не воскреситъ умершихъ, которые все таки отпѣты по православному обряду, а только раздражитъ народныя страсти, и просилъ Сухозанета о прекращеніи этого дѣла. Онъ прибавилъ: „Если теперь, оскорбляя на улицахъ Русскихъ, щадятъ еще рясу православнаго священника, то съ преданіемъ Татаркевича суду насъ также будутъ оплевывать и оскорблять, какъ и другихъ, отчего защитить насъ вы не въ силахъ“. Сухозанетъ приказалъ прекратить дѣло, и Татаркевичъ, къ полному торжеству ксендзовъ, остался безнаказаннымъ.

15) Николай Андреевичъ Крыжановскій, генералъ-адъютантъ, бывшій сперва начальникомъ главнаго штаба арміи вмѣсто Коцебу, а потомъ Вар-

шавскимъ генералъ-губернаторомъ вмѣсто Панютина. Онъ дѣйствительно ухаживалъ за Сухозанетомъ. Онъ говаривалъ: „меня нѣтъ, я не существую, я законъ“. Его и прозвали за это „мертвою буквою закона“.

16) „Кошачья музыка“—разгромъ квартиръ нелюбимыхъ личностей, при которомъ уничтожалось все движимое имущество, и пухъ отъ подушекъ пускался по воздуху. Войска по обыкновенію прибѣгали на мѣсто и стояли тихо, держа ружья у ноги; а толпа за то угощала ихъ табакомъ, водочкою, сластями и т. п.

17) Все нижеописанное исторически вѣрно.

18) Гимны эти были: „Боже, цось Польске“, „Съ дымомъ пожаровъ“ и другія.

19) Исторически вѣрно.

20) Стихи эти разошлись во множествѣ списковъ. Съ появленіемъ ихъ въ Варшавскомъ военномъ клубѣ всѣ были убѣждены, что они написаны полковникомъ генеральнаго штаба Черницкимъ, хотя онъ совсѣмъ не былъ писателемъ, а былъ только очень мѣткимъ карикатуристомъ, прекрасно изображавшимъ свои карикатуры простымъ перомъ и чернилами.

Февраль 1884 года.

ПОХОРОНЫ ПОЛЬСКАГО МИТРОПОЛИТА ФІАЛКОВСКАГО.

Изъ Записокъ современника-очевидца.

Въ Петербургскомъ журналѣ «Народной Иллюстраціи», которую издавалъ г. Бауманъ, въ № 44-мъ 1872 года помѣщены портретъ Польскаго митрополита *Фіалковскаго* и *его погребеніе.*

Рисунки эти очень непріятно поразили не только меня, но вѣроятно и всѣхъ Русскихъ, бывшихъ въ Варшавѣ въ 1861—1864 годахъ.

Фіалковскій—это одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ революціонеровъ 1861 года, а погребеніе его одно изъ подготовительныхъ дѣйствій мятежа, рѣзни, разбоевъ и всѣхъ ужасающихъ низостей 1863 года.

Конечно Поляки очень порадовались появленію этихъ изображеній въ Петербургскомъ изданіи.

Я, какъ одинъ изъ дѣятелей того времени, могу передать подробности изображенной въ «Народной Иллюстраціи» картинки. Я имѣю фотографическую картинку этого знаменитаго *погребенія,* съ которой, какъ оказывается по сличенію, сдѣланъ теперь политипажъ. Картинка снята фотографомъ Байеромъ, изъ оконъ его квартиры, на Краковскомъ Предмѣстьѣ, противъ самой Саксонской площади.

Байеръ, стоявшій въ главѣ манифестацій и въ числѣ главныхъ заговорщиковъ, сосланъ графомъ Лидерсомъ въ Оренбургскую губернію на жительство. «Погребеніе» и прочія революціонныя издѣлія его конфискованы и переданы въ «Особую Канцелярію по дѣламъ военнаго положенія».

Но вотъ значеніе «погребенія».

Тѣло Фіалковскаго могло быть перенесено изъ архіепископскаго дворца (на Медо́вой улицѣ), въ Свѣнто-Янскій соборъ прямо, по Сенато́рской улицѣ, чрезъ Сигизмундову площадь (всего какихъ-нибудь саженей за 250 или 300); но манифестаторы воспользовались сла-

бостью тогдашняго Варшавскаго правительства и устроили изъ погребенія зрѣлище громадныхъ, небывалыхъ размѣровъ.

Погребальное шествіе направилось изъ воротъ не направо, чтобъ пройти прямо въ соборъ, а взяло налѣво, опоясало всю Варшаву и потянулось по всѣмъ главнымъ улицамъ. Оно имѣло протяженія нѣсколько верстъ. Гробъ еще не трогался со двора на Медо́вой улицѣ, какъ голова шествія была уже на Саксонской площади. Такимъ образомъ, погребальная процессія шла: по Медо́вой, Длугой, Рыма́рской улицамъ, чрезъ Банковую площадь, по Ново-сенато́рской улицѣ, чрезъ театральную площадь, по Вержбо́вой улицѣ, чрезъ Саксонскую площадь, по Краковскому Предмѣстью, чрезъ Сигизмундову площадь, мимо королевскаго За̀мка, въ соборъ Св. Яна.

Въ кортежѣ были: духовенство всѣхъ орденовъ, всѣ цѣхи съ своими знаменами, всѣ учебныя и благотворительныя заведенія, сотни различныхъ корпорацій, представители разныхъ сословій и преимущественно крестьянъ (которыхъ потомъ угощали обѣдомъ въ Европейскомъ отелѣ, братались съ ними, пили, обнимались, цѣловались, надѣясь тѣмъ подготовить почву для мятежа), и наконецъ, что́ самое важное, представители всѣхъ бывшихъ когда-то и даже несуществующихъ уже нынѣ, земель Польскихъ, съ знаменами и хоругвями революціоннаго характера, предшествуемыми коронами (разумѣется картонными) каждаго края, даже Запорожской Сѣчи, считаемой почему-то Польскою. Корону Польши (также картонную) несла извѣстная Польская писательница *Деотыма* (Ядвига *Лущевская*, дочь камергера нашего двора). Вся процессія пронесла мимо оконъ За̀мка (въ одномъ изъ которыхъ стоялъ и смотрѣлъ молча самъ намѣстникъ *графъ Ламбертъ*) болѣе 60-ти революціонныхъ знаменъ и столько же коронъ.

Манифестація эта перелила окончательно революціонное настроеніе во всѣ слои народонаселенія Польши, кромѣ однако же крестьянскаго, и тутъ-же рѣшенъ былъ вооруженный мятежъ, къ которому началъ готовиться очень дѣятельно весь край.

Погребеніе Фіалковскаго послужило предлогомъ и къ празднованію годовщины революцій Косцюшки 3 (15) Октября; а годовщина повела къ извѣстному арестованію въ костелахъ мятежниковъ, къ закрытію всѣхъ костеловъ мятежнымъ прелатомъ Бялобржезскимъ, къ объявленію военнаго положенія въ краѣ, къ печальной кончинѣ военнаго генералъ-губернатора Герштенцвейга, къ уличнымъ политическимъ убійствамъ и другимъ бѣдствіямъ.

Вотъ что́ значитъ помѣщенная въ Петербургскомъ изданіи картинка.

Въ статьѣ, ее сопровождающей, на стр. 291, сказано только, что «Варшава одѣла трауръ и провожала его (Фіалковскаго) тѣло изъ архіепископскаго дворца....» но куда и какъ, вѣроятно этого не сообщили Поляки, просившіе издателя о напечатаніи изображеній.

Извините однакоже: погребеніе было 1 (13) Октября, а трауръ Варшава и весь край надѣли еще съ перваго дня манифестацій, т. е. съ 15 (27) Февраля 1861 года, въ память такъ называемыхъ «пяти жертвъ», убитыхъ въ тотъ день нашимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерала *Заболоцкаго*, и не снимали траура пока снять его принудила Поляковъ славная Треповская полиція, такъ рѣзко отличавшаяся отъ измѣнническо-польской полиціи Развадовскаго, Пильсудскаго и особенно *М—ва* и *Л—на*.

Я сказалъ, что погребеніе Фіалковскаго было однимъ изъ подготовительныхъ дѣйствій мятежа. Это былъ послѣдній актъ приготовленій. Первымъ актомъ было такое же погребеніе «пяти жертвъ», на которое также собралось до 200 т. народа и для котораго Варшавское правительство также убрало съ улицъ всѣ войска, всю полицію и запретило всѣмъ военнымъ показываться на улицахъ; а мятежники возложили полицейскій порядокъ въ городѣ (въ укоръ и назиданіе намъ, вооруженнымъ пушками и штыками) на безоружныхъ 12—14 лѣтнихъ гимназистовъ.

Послѣ погребенія «пяти жертвъ» начался рядъ манифестацій, продолжавшійся весь 1861 годъ, на которыя почти ежедневно собиралось болѣе 40 т. народа, для пѣнія мятежныхъ гимновъ и распространенія революціонной пропаганды.

Это было то печальное время, когда приказами по арміи, сперва князя Горчакова, а потомъ Сухозанета, намъ велѣно было, *не раздражать народъ и не отвѣчать оскорбленіемъ на оскорбленіе, но переносить мужественно все*; мало того: *не отвѣчать выстрѣлами на выстрѣлы, но «замѣчать»* (!!), *изъ котораго окна падетъ выстрѣлъ* (!!!)

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Между тѣмъ, приказъ существовалъ въ дѣйствительности и взволновалъ весь Петербургъ, когда о немъ узнали; но узнали, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Издать его присовѣтовалъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу.

ХОЛЕРА ВЪ МОСКВѢ.

(1830).

Изъ писемъ Кристина къ графинѣ С. А. Бобринской.

Графиня Софья Александровна Бобринская (урожденная графиня Самойлова) съ мужемъ своимъ, графомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ (которому воздвигнутъ памятникъ въ Кіевѣ за его великія заслуги по оживленію мѣстной промышленности и котораго характеристика, написанная княземъ П. А. Вяземскимъ, помѣщена въ Русскомъ Архивѣ 1868 г.) проводила лѣтніе мѣсяцы 1830 года, въ Тульской губерніи, въ селѣ Михайловкѣ, на извѣстномъ сахарномъ заводѣ, гдѣ и задержала ее тогдашняя холера. Это была женщина съ многостороннимъ образованіемъ, живымъ, тонкимъ умомъ и участливымъ сердцемъ. Она была другомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Лучшіе Русскіе люди искали чести пользоваться ея бесѣдою. Канцлеръ князь Горчаковъ, А. С. Пушкинъ, князь П. А. Вяземскій, Ѳ. В. Чижовъ находились съ нею въ пріятельскихъ сношеніяхъ. Молодость ея протекла при дворѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, вмѣстѣ съ несчастною княжною Туркестановой, которую близко знаютъ читатели Русскаго Архива. Можетъ быть, память объ этомъ необыкновенномъ существѣ сблизила графиню Бобринскую съ доживавшимъ тревожный вѣкъ свой въ Москвѣ Фердинандомъ Лукьяновичемъ Кристиномъ, который, какъ извѣстно, завѣщалъ ей свою историческую переписку съ ея безвременно-погибшею подругою. Сынъ графини Бобринской, графъ Александръ Алексѣевичъ, любезно довѣрилъ намъ двѣ книжки Французскихъ писемъ Кристина къ его матери (1829—1837), изъ которыхъ мы извлекаемъ нѣкоторыя черты и подробности о Московской первой холерѣ. Читатели, знакомые съ Кристиномъ по изданной при Русскомъ Архивѣ перепискѣ его съ княжною Туркестановой, оцѣнятъ въ нижеслѣдующихъ письмахъ туже живую наблюдательность и политическую зоркость. Страшное время, пережитое Москвою, выступаетъ во всей его яркости. Другія выдержки изъ этихъ любопытныхъ сообщеній умнаго и многоопытнаго Швейцарца прилагаются къ Р. Архиву въ подлинникѣ. П. Б.

1.

Москва, 5 Сентября 1830 г.

Что̀ сказать вамъ? Съ тѣхъ поръ какъ Великій Князь *) уѣхалъ, Москва впала въ бездѣйствіе. Да и при немъ оживленіе ея не отличалось разнообразіемъ. Въ полдень, по возвращеніи съ водъ, во всѣхъ домахъ повторялось, что̀ Великій Князь сказалъ такой-то дамѣ или такой-то дѣвицѣ, что̀ онъ говорилъ съ Иваномъ Александровичемъ Нарышкинымъ и пр. За тѣмъ ѣздили другъ къ другу, чтобы разузнать и передать о всякомъ движеніи Его Высочества. На другой день послѣ каждаго бала пересчитывалось, сколько разъ онъ танцовалъ. Особа, которую онъ приглашалъ на два вальса въ одинъ и тотъ же вечеръ, принимала поздравленія на слѣдующее утро. Злоязычіе и пересуды шли своимъ чередомъ. Одна дама, лѣтъ 45-ти, говорила мнѣ: «Къ чему всѣ эти дѣвчонки гуляютъ на водахъ по три раза въ недѣлю, тогда какъ сами водъ не пьютъ? Вѣдь чтобъ только показаться Великому Князю!»—«А вы сами изволите пить воды?»—«Нѣтъ».—«Такъ за чѣмъ же вы безпрестанно туда ѣздите?»—«Ахъ, да вѣдь это занимательно глядѣть на всѣ эти странности».—«И вы не боитесь подумать, что молодежъ смѣется надъ вами и толкуетъ между собою: зачѣмъ ей быть здѣсь въ такіе года?»

Насъ чрезмѣрно пугаютъ холерой: по 50 человѣкъ каждые сутки умираютъ въ Астрахани, по 30 въ Саратовѣ. Послали докторовъ, учредили кордоны; увѣряютъ, что зараза уже и въ Тамбовѣ, а вчера говорили, что богатый Нижегородскій купецъ ѣхалъ съ двумя сыновьями—одинъ умеръ дорогой, другой при самомъ въѣздѣ въ Москву.

P. S. Нѣкто сейчасъ пріѣхавшій отъ Жеребцова **) увѣряетъ, что слышалъ отъ него, будто вчера здоровый, молодой 25 лѣтній солдатъ умеръ въ теченіи пяти часовъ отъ припадковъ холеры.

2.

11 Сентября 1830 г.

У насъ большой переполохъ: разошелся слухъ, что въ разныхъ частяхъ города мрутъ отъ холеры. Вы знаете, какъ быстро распространяются худыя извѣстія и съ какимъ легковѣріемъ прини-

---

*) Великій Князь Михаилъ Павловичъ лечился искусственными минеральными водами на Остоженкѣ, гдѣ у него былъ свой дворецъ (нынѣ Лицей Цесаревича Николая).

**) Жеребцовъ, о которомъ часто идетъ рѣчь въ этихъ письмахъ, командовалъ учебнымъ карабинернымъ полкомъ, стоявшимъ въ Хамовническихъ казармахъ.

маются. Въ 24 часа все населеніе было въ тревогѣ. Князь Голицынъ находился въ отъѣздѣ. Возвратясь, онъ собралъ всѣхъ докторовъ, потребовалъ донесеній полиціи, и было выяснено несомнѣнно, что не только нѣтъ еще эпидеміи въ городѣ, но и во всей Московской губерніи, равно ни въ Тульской, ни въ Калужской, ни въ Рязанской.

Не правда и то, будто холера въ Нижнемъ; но есть она на баркахъ, на Волгѣ.

Всѣ принимаютъ предосторожности. Чесноку нельзя больше найти въ Москвѣ; послѣдніе гарнцы продавались по 40 р. Деготь, хлористая известь, камфора и мускусъ, отъ палатъ до хижинъ, распространяютъ свой запахъ по всей Москвѣ.

Какъ предохраненіе, предписываютъ умѣренность, трезвость, поменьше ѣсть зелени, и вовсе не ѣсть плодовъ. Въ случаѣ начнетъ тошнить и слабить, нужно тотчасъ обильное кровопусканіе изъ руки; при боли подъ ложечкой піявки, а послѣ того теплая ванна.

Многіе уѣзжаютъ въ Смоленскъ и Петербургъ, и Москва пустѣетъ какъ въ 1812 г. Не одни только богатые люди покидаютъ ее; вотъ уже четвертый день какъ рабочіе бросаютъ дѣло и тысячами уходятъ назадъ въ деревни. Прорытыя на кладбищахъ предохранительныя канавы подали поводъ къ слуху, будто зарываютъ людей живьемъ, и населеніемъ города овладѣлъ безотчетный ужасъ, передъ которымъ безсильны всякіе доводы разсудка. Видно, курсъ опытности, мною пройденный, еще не кончился: пришлось быть свидѣтелемъ, какъ огромная столица считаетъ себя добычею моровой язвы. Тутъ только пріобрѣтаешь настоящее понятіе о слабости человѣческаго ума и о томъ, какъ страшна людямъ смерть, во всѣхъ слояхъ общества, отъ милліонера до нищаго. Министръ внутреннихъ дѣлъ *) не успѣлъ прибыть въ Москву съ своими предостерегательными объявленіями, какъ наиболѣе робкіе люди начали готовиться къ выѣзду. Князь Николай Меншиковъ, въ какіе-нибудь четыре часа, уже добылъ себѣ 8 т. рублей, взялъ подорожную, объѣздилъ всѣхъ пріятелей, уговаривая послѣдовать его примѣру, и ускакалъ изъ Москвы. Съ прошлой недѣли подражателей ему нашлось немало, и теперь изо всѣхъ заставъ тянутся экипажи и толпы рабочаго люда. Другіе, какъ напр. Волковы и Леонтьевы, заперлись у себя въ домахъ, обезпечивъ

---

*) Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, умный, дѣятельный, преданный своему долгу (какъ видно по обнародованной перепискѣ его съ графомъ Киселевымъ), но въ тоже время „деспотическихъ дѣлъ мастеръ“ точно слѣдовалъ инструкціямъ, составленнымъ для него въ Медицинскомъ Департаментѣ; а извѣстно, что нѣтъ ничего деспотичнѣе мнимой учености. Ошибочныя мѣры, принятыя въ то время по настоянію врачей, погубили народу больше, чѣмъ сама холера.

себя закупкою съѣстныхъ припасовъ и живутъ какъ въ осажденной крѣпости. У иныхъ предосторожность до излишества: двѣ старыя барыни заперлись и въ теченіи сутокъ выпили три бутылки дегтярной воды, отъ чего съ ними сдѣлалась страшная рвота, которую онѣ приняли за холеру и начали кричать въ окно, чтобы ихъ спасли и, разумѣется, никого не докричались. У меня двѣ недѣли былъ боленъ кучеръ. Болѣзнь его сопровождалась сильною рвотою. По несчастію, онъ умеръ въ Воскресенье по утру, въ то самое время какъ по всѣмъ церквамъ читалась нарочно составленная молитва съ колѣнопреклоненіемъ, и слѣдовательно страхъ еще усилился отъ этого нововведенія. Сосѣди мои, люди весьма богомольные и въ особенности весьма трусливые, узнавъ, что у меня покойникъ и что его передъ смертію рвало, увѣрились, что въ домѣ у меня холера и черезъ улицу стали кричать моимъ людямъ, чтобы кучеръ былъ немедленно похороненъ *). Раньше сутокъ невозможно было достать отъ священника похороннаго свидѣтельства. Врачъ, лечившій умершаго, отвѣчалъ головою, что никакой опасности нѣтъ; но страхъ ничему не внемлетъ, и переулокъ мой волновался. Слыша крики и опасаясь послѣдствій, я далъ знать въ полицію. Мнѣ тотчасъ прислали врача и четырехъ солдатъ забрать тѣло и вскрыть его. Постель и всѣ вещи покойника были сожжены, комната его провѣтрена и окурена по всѣмъ правиламъ. На повѣрку вышло, что этотъ бѣдный парень умеръ отъ перевернувшейся вверхъ кишки; но подите, растолкуйте это людямъ обуявшимъ отъ страха! Вѣсть объ его кончинѣ разнеслась повсюду съ такою быстротою, что когда цирюльникъ, пускавшій покойнику кровь и ходившій за нимъ, возвратился къ себѣ, всѣ его пожитки валялись на улицѣ, и люди, вооруженные дубинами, не допускали его въ собственное его помѣщеніе. Такую предохранительную мѣру придумалъ храбрый г-нъ Киндяковъ, въ домѣ котораго помѣщалась эта цирюльня. Въ этотъ же день господа врачи, даже и такіе, которые пользуются наибольшею извѣстностью, подъѣжали въ каретахъ къ моему крыльцу, вызывали моего слугу и, запрещая ему подходить близко, распрашивали у него о подробностяхъ болѣзни. Черезъ часъ по отвозѣ тѣла, у всѣхъ моихъ сосѣдей перебывала икона Иверской Божіей Матери. Въ Понедѣльникъ и Вторникъ трусость достигла высшей степени. Купцы и даже простолюдины не выходили изъ дому иначе, какъ держа платокъ подъ носомъ. Каждый спѣшилъ закупить себѣ припасовъ на случай *запечатанія* домовъ, такъ какъ распространился слухъ,

---

*) Кристинъ жилъ въ собственномъ домѣ близъ Спиридоновки и Кудринской Садовой, въ Георгіевскомъ переулкѣ.

что всѣ частные дома будутъ запираться отъ полиціи, подобно домамъ казеннымъ. Народъ собирался у иконъ, въ особенности у иконы что́ у Варварскихъ воротъ, той самой, изъ за которой погибъ Амвросій въ 1771 г. Два дни сряду видѣлъ я, какъ спускали лампаду, которая горитъ передъ этой иконою, какъ люди, и больше всего женщины, обмокали въ лампадное масло свои тряпочки съ тѣмъ, чтобъ потомъ класть ихъ себѣ на животъ. Этого средства не значится въ спискѣ предохранительныхъ мѣръ, который привезенъ министромъ.

3.

25 Сентября 1830.

По приказанію Государя министръ Закревскій передалъ нашему генералъ-губернатору, что если болѣзнь начнется въ Москвѣ, то онъ непремѣнно самъ прибудетъ. Не знаю, какое послѣдовало донесеніе; но теперь уже и въ Кремлѣ и въ Петровскомъ дворцѣ дѣлаютъ приготовленія къ пріему Монарха.

4.

26 Сентября 1830.

Прилагаемыя у сего вѣдомости *) послужили нѣсколько къ успокоенію умовъ; но за то другая мѣра усилила страхи: совершаютъ крестные ходы по всѣмъ улицамъ. Священники, съ толпами народа, носятъ образа, хоругви, фонари, поютъ молитвы съ колѣнопреклоненіями на мостовой, что́ конечно очень можетъ дѣйствовать на воображеніе. Это очень богомольно и похвально, но всѣ возвращаются оттуда блѣдные какъ мертвецы, считая себя при послѣднемъ часѣ. Выпускаютъ объявленія для успокоенія, и устраиваютъ крестные ходы для тревоги; стало быть на всѣ вкусы, и для храбрыхъ, и для трусливыхъ. Но я за первыхъ.

Ищу для васъ печатнаго объявленія, въ которомъ подробно означены всѣ мѣры предосторожности, принятыя правительствомъ. Говорятъ, оно особенно нужно пріѣзжающимъ въ Москву изъ деревень, чтобы знать, какія заставы еще открыты, какія дороги заперты, какіе карантины надо выдержать и т. п.

---

*) Эти „Вѣдомости о состояніи города Москвы“ издавались съ 23 Сентября 1830 г. по 6 Января 1831 г. М. П. Погодинымъ. Всѣхъ ихъ вышло 160 номеровъ на 237 листахъ. Любопытное извлеченіе изъ нихъ сдѣлано г-номъ В. Остроглазовымъ въ № 200-мъ Московскихъ Вѣдомостей 1884.

5.

Октября 2-го 1830.

Неожиданнымъ пріѣздомъ Государя обрадовано и обнадежено все населеніе Москвы. Государь прекрасно выразилъ свою любовь къ подданнымъ, пріѣхавъ раздѣлить съ ними опасность, тогда какъ имѣлъ полную возможность избавить себя отъ такой поѣздки. Но, увы, его присутствіе, столь намъ дорогое, усилитъ наши страхи, потому что въ тѣ три дня, что́ онъ въ стѣнахъ Москвы, болѣзнь, если вѣрить обнародованнымъ отчетамъ, растетъ, и предосторожности принимаются съ такою строгостью, которая только еще больше пугаетъ. Со вчерашняго дня Москва заперта; въ теченіи 12 дней ее покинуло 60 тысячъ человѣкъ. Теперь никто не выѣдетъ и не въѣдетъ безъ новаго распоряженія. Вы подумаете, что народу много умираетъ. Вовсе нѣтъ, и даже есть много врачей, увѣряющихъ, что болѣзнь не прилипчива, что въ это время года всегда бываетъ много случаевъ смерти отъ воспаленій, и въ нынѣшнемъ году вовсе не больше прежнихъ лѣтъ и что въ этихъ воспаленіяхъ нѣтъ ничего заразительнаго. Они доказываютъ это тѣмъ, что ухаживающіе за больными нигдѣ сами не заболѣваютъ, что въ одномъ и томъ же домѣ не умираетъ сразу болѣе одного человѣка, тогда какъ въ Астрахани и Саратовѣ вымирали цѣлыя семьи. Но вотъ уже три дня, какъ сомнѣваться въ заразительности не подобаетъ, и врачи, не увѣренные въ ней, больше не въ модѣ. Всѣ кричатъ о страшной опасности. Тѣ, кто прежде всѣхъ забили тревогу, не хотятъ отступиться отъ словъ своихъ. Въ добавокъ имѣются въ виду кресты и ленты. Чѣмъ сильнѣе бѣда, тѣмъ значительнѣе будетъ награда. Вслѣдствіе этого говорить хладнокровно и обнадеживать становится опасно. Я не осуждаю тѣхъ, которые говѣютъ какъ на Страстной недѣлѣ (это во всякомъ случаѣ очень хорошо), ни пишущихъ свои духовныя завѣщанія (половина Москвы этимъ занята, и тутъ нѣтъ ничего неблагоразумнаго); но никого не принимать иначе, какъ предварительно окуривъ посѣтителя въ трехъ комнатахъ сряду, не допускать къ себѣ слугу, не обрызгавъ его уксусомъ или дегтярною водою, какъ будто зараза повсюду; запираться и вѣшать у своихъ дверей огромные висячіе замки съ тѣмъ, чтобы никто и ни подъ какимъ предлогомъ не вошелъ,— это значитъ не имѣть болѣе ни родныхъ, ни друзей и для сохраненія собственной драгоцѣнной особы жертвовать всѣми привязанностями. Мнѣ жаль такихъ людей, и дѣйствія ихъ тяготятъ мнѣ душу. Надобно страшно любить жизнь, чтобы сберегать ее такою цѣною.

Къ 7-му номеру „Вѣдомостей о состояніи города Москвы“, отъ 29 Сентября, было приложено дополненіе, въ которомъ приведено слѣдующее письмо Николая Павловича къ князю Д. В. Голицыну: „Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ получилъ я отъ 24 Сентября ваше печальное извѣстіе. Увѣдомляете меня съ эстафетами о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды. Преданность въ волю Божію! Я одобряю всѣ ваши мѣры. Поблагодарите отъ меня тѣхъ, кои помогаютъ вамъ своими трудами; я надѣюсь всего болѣе теперь на ихъ усердіе.“ Вслѣдъ за этимъ письмомъ помѣщено извѣщеніе о пріѣздѣ Государя (29 Сентября, въ 11 часу по полуночи). Пріѣздъ совпалъ съ обнародованіемъ письма.

Читатели помнятъ, какъ отозвался на это величавое дѣйствіе Государя Пушкинъ, въ стихахъ, которые напечатаны были позднѣе безъ его имени и слѣд. искренность которыхъ не подвержена сомнѣнію. Государь могъ узнать про эти стихи только по кончинѣ поэта.

И хладно руку жметъ чумѣ.
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ.
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ.

6.

(Безъ числа).

Нѣтъ, графиня, пяти студентовъ университета не умирало. Умеръ всего одинъ жертвою своей невоздержности, пьянства и разврата. Изъ за этого поднялась тревога, и лекціи прекращены. Другія заведенія, подчиненныя князю С. М. Голицыну, подверглись той же участи. Это продолжается вотъ уже три недѣли.

Государь уѣхалъ во Вторникъ 7-го и выдержитъ въ Твери недѣльный карантинъ. Въ его пребываніе мѣры строгости чрезвычайно усилились. Городъ оцѣпленъ, но не такъ, чтобы нельзя было пробраться черезъ заставу, потому что за деньги можно войти и выйти. Плохо приходится только людямъ, ѣдущимъ въ экипажахъ, потому что они должны имѣть дѣло съ начальникомъ заставы, котораго нельзя подкупить какъ полицейскихъ драгунъ, набивающихъ себѣ карманы отъ бѣдныхъ крестьянъ. Стало быть, эта мѣра цѣли своей не достигаетъ, а производитъ только раздраженіе всеобщее, и если еще нѣсколько дней ея не отмѣнятъ, то можно опасаться тяжкихъ послѣд-

ствій. Мѣстные жители до того встревожены, что въ первый день хотѣли пройти заставу насильно. Благоразумный комендантъ велѣлъ пропустить ихъ и даже не донесъ о томъ. Я продолжаю высылать вамъ Вѣдомасти; если вы ихъ понимаете, то вы искуснѣе насъ. Многіе не могутъ надивиться, съ какого права какой-то Погодинъ и г-нъ Маркусъ, лица вполнѣ неизвѣстныя публикѣ, позволяютъ себѣ бранить ее. Опытный врачъ, наблюдатель, проведшій два мѣсяца на Кавказѣ, въ самый разгаръ эпидеміи, пишетъ мнѣ изъ Курска, что, вопреки мнѣнію многихъ его товарищей, болѣзнь эта вовсе неприлипчива, что она несомнѣнно существуетъ въ воздухѣ, но не распространяется прикосновеніемъ. Онъ замѣтилъ, что вездѣ гдѣ лежитъ вмѣстѣ много больныхъ холерою, образуется скопленіе міазмовъ и что очень опасно приближаться къ такому мѣсту, но что напротивъ, если больной отдѣленъ и помѣщенъ просторно, прикосновеніе къ нему нисколько не заразительно. Заболѣваютъ отъ воздуха, которымъ дышатъ, а не отъ чего другаго, и на этомъ основаніи мой Курскій врачъ заключаетъ, что кордоны и карантины не только не достигаютъ своей цѣли, а напротивъ могутъ очень содѣйствовать къ распространенію болѣзни. Я далъ прочесть это письмо нашему генералу-губернатору. Авось избавимся мы отъ безполезныхъ и опасныхъ стѣсненій, которымъ насъ подвергнули.

Изъ людей извѣстныхъ жертвами болѣзни были до сихъ поръ только служившій въ Воспитательномъ Домѣ Тютчевъ, большой пьяница, да священникъ католической церкви Св. Людовика Николя, заразившійся въ больницѣ. Остальные по большей части изъ простаго народа. Ихъ берутъ на улицахъ, противъ воли тащутъ въ больницы, тамъ подвергаютъ кровопусканію, пичкаютъ опіумомъ, отъ чего они черезъ сутки же умираютъ, и за тѣмъ имена ихъ, какъ моего кучера, поступаютъ въ медицинскіе холерные отчеты. Злоупотребленія вопіющія, и правду сказалъ кто-то, что доставляй холера мѣста̀, у нея были бы свои льстецы. Если у васъ цѣлы всѣ Вѣдомости, попробуйте подвести итогъ, что̀ не совсѣмъ легко, благодаря ихъ путаницѣ. Во всякомъ случаѣ насчитается отъ четырехъ до пятисотъ умершихъ; изъ нихъ можетъ быть только десятая часть померли отъ холеры, остальные внесены для умноженія числа. Къ концу наберутся тысячи, потому что непремѣнно нужно показать усердіе. Вчера Жеребцовъ былъ въ вашемъ домѣ *) навѣдаться про васъ. Швейцаръ спросилъ его,

---

*) Нынѣ домъ графа Васильева-Шиловскаго. противъ Страстнаго монастыря, на углу Малой Дмитровки.

есть ли больные у него въ полку. «Ни одного», отвѣчалъ Жеребцовъ. «И въ нашемъ кварталѣ тоже», сказалъ швейцаръ;» но чтó удивительнаго, что насъ обманываютъ, коль скоро отчеты пишетъ этотъ М.? Я его знаю. Я служилъ у графа Мамонова, когда М. устроивалъ, чтобъ его объявили сумашедшимъ и чтобъ самому получать по 18 т. р. въ годъ.» Швейцаръ прибавилъ, что у г-жи Дмитріевой все по прежнему, и гости бываютъ каждый вечеръ. Вотъ что значитъ благоразумная женщина; а есть такія, чтó едва живы отъ страху.

7.

2-го Октября 1830.

Посылаю вамъ письмо Мудрова, изучившаго и изслѣдовавшаго холеру въ Саратовѣ и присланное имъ сюда къ товарищамъ-врачамъ *).

Письмо доктора Мудрова.

Холера есть чрезвычайно быстрое и острое воспаленіе мускульной оболочки желудка и внутренностей. Отъ этого воспаленія происходитъ внутренній жаръ съ невыносимою болью, безпрестанною рвотою и поносомъ. Пульсъ слабѣетъ, силы падаютъ, судороги въ ногахъ и рукахъ, и вся поверхность тѣла холодѣетъ и коченѣетъ. Холера сообщается прикосновеніемъ, и въ особенности прикосновеніемъ къ трупамъ, и запахомъ отъ нихъ.

Предосторожности. Не ходить босикомъ, держать ноги очень тепло, остерегаться всякаго рода простуды, носить на животѣ, для постояннаго согрѣванія его, кусокъ сукна или фланели, не ѣсть ничего сыраго или чѣмъ можно простудить желудокъ; не пить ничего горячительнаго. Когда приходится соприкасаться съ больнымъ, нужно натирать себѣ руки масломъ или чѣмъ-нибудь жирнымъ. Для очищенія воздуха надо курить хлоромъ, уксусомъ или можжевельникомъ. Какъ скоро болѣзнь показалась, надо пустить больному кровь, изъ ноги или изъ руки, смотря по его силамъ. Кровопусканіе всегда ослабляетъ холеру и облегчаетъ жестокость припадковъ. Къ тому мѣсту, гдѣ чувствуется боль, надо приставить дюжину и болѣе піявокъ, вокругъ пупка, если боль въ самомъ животѣ, внизу живота въ случаѣ задержанія урины. Если боль въ головѣ съ бредомъ, піявки ставятся къ вискамъ.

*) М. Я. Мудровъ былъ тогда первою медицинскою знаменитостью въ Москвѣ. Закревскій командировалъ его въ Саратовъ; въ слѣдующемъ году былъ онъ вызванъ ради холеры въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Мудровъ вовсе не кичился своими познаніями и не только самъ вѣрилъ въ силу молитвы, но возбуждалъ ее въ больныхъ. Въ пріемной у него висѣли иконы святыхъ, заступленію которыхъ приписываются исцѣленія отъ извѣстныхъ болѣзней.

Когда піявки отвалятся, надо поддержать кровоистеченіе компрессами изъ теплой воды. На всѣ мясистыя мѣста, на рукахъ, ногахъ и лядвеяхъ кладутся горчишники или для скорости компрессы, намоченные въ кипящей водѣ.

Въ началѣ болѣзни необходима строжайшая діета: ничего не ѣсть кромѣ супа изъ овсяной крупы, бульйона изъ цыпленка или телятины, и въ особенности не ѣсть говядины. Пить можно простылый отваръ овсяной крупы, салепа, риса или гумерабикъ распущенный въ водѣ. Какъ ни мучается больной жаждою, нельзя ему давать этого питья иначе какъ малыми пріемами и какъ можно рѣже, потому что иначе болѣзнь усиливается и вызывается рвота. Всякое кислое питье запрещено. Покрывать больнаго теплыми одѣялами, тереть руки и ноги сукномъ или мѣхомъ.

Въ случаѣ сильной головной боли, надо класть на голову компрессы. Въ началѣ припадка давать, черезъ каждыя 5 или 10 минутъ, смотря по силѣ больнаго, отъ 5 до 10 капель опіума, называемаго Laudanum liquidum Sydenhami, а еще лучше черезъ каждыя 5 или 10 минутъ порошокъ нижеслѣдующаго состава:

Rp. Extr. Thebaici aquosi gr. Xjj.
Sacch. albi.
Gummi arabici ā ā ʒjj.
M. divid. in XXIV part. aeq.

D. S. 24 порошка, по $1/2$ грана опіума въ каждый порошокъ.

Порошокъ дается въ очень небольшомъ количествѣ воды. Обыкновенно для излеченія достаточно пяти такихъ порошковъ: боль утихнетъ, больной заснетъ, сонъ его успокоитъ и вылѣчитъ.

8.

Октября 17-го 1830.

Я нахожусь въ тягостномъ настроеніи, между холерою, которая усиливается и начинаетъ меня пугать, и вашимъ молчаніемъ, которое длится и весьма тревожитъ меня. Пропускаютъ ли письма? Доходитъ ли до васъ мой еженедѣльный журналъ? Послѣ письма вашего отъ 26 Сентября, не видалъ я отъ васъ ни строчки, и отъ этого печальная обстановка, въ которой мы здѣсь живемъ, становится для меня еще мрачнѣе. Знать, что вы и всѣ ваши дóма и здоровы, было бы мнѣ великимъ утѣшеніемъ. А ну какъ, въ виду приближенія эпидеміи, и вы спасаетесь гдѣ-нибудь въ карантинѣ, въ мерзкомъ помѣщеніи и нуждаясь во всемъ необходимомъ? Вотъ что не выходитъ у меня изъ головы. Говорятъ, что три тысячи человѣкъ мучаются въ Вышнемъ Волочкѣ, гдѣ уже двѣ недѣли какъ учрежденъ карантинъ, и десять ты-

сячъ человѣкъ хорошо помѣщенныхъ въ Москвѣ завидуютъ участи тѣхъ, которые живутъ хоть можетъ быть и на улицахъ, но все таки не въ зараженномъ мѣстѣ. Обольщаться больше нечего: холера водворилась въ Москвѣ. Но слава Богу, свирѣпствуетъ она не такъ сильно, какъ въ городахъ, гдѣ была прежде. Врачи думаютъ, что теперь достигла она своего апогея и такъ какъ она здѣсь уже 31-й день, то надо разсчитывать на ея ослабленіе. Дай-то Богъ! Но погода такъ дурна, что я не раздѣляю этихъ надеждъ. Вотъ покамѣстъ ея жертвы изъ лицъ извѣстныхъ: Тютчевъ и Шумовъ въ Воспитательномъ Домѣ, священникъ Католической церкви, Курбатовъ и жена его, отецъ и мать университетскаго, и жившая съ ними сестра ихъ, дѣвица; Французскій актеръ Менье, Русскій танцоръ Лабановъ, Рюль, братъ врача покойной императрицы, винный торговецъ Ларме; Хвостовъ пріѣхавшій въ Москву закупать лекарствъ, и жена его; Офросимовъ и сестра его. Выздоравливаютъ больше, чѣмъ въ началѣ: врачи наметались и дѣйствуютъ искуснѣе. У Жеребцова умерла жена полковаго адъютанта и нѣсколько другихъ женщинъ, но изъ мущинъ никого. Въ Хамовническихъ казармахъ умерло также нѣсколько солдатъ.

Московскій гарнизонъ усиленъ цѣлою дивизіею, которая на дняхъ вступитъ. Я думаю, что эта предосторожность весьма умѣстна и что она вызвана строгостью кордонной службы. Увѣряютъ, что холера уже въ Ладогѣ и Шлиссельбургѣ. Гвардія выступила для кордона. Государь все еще въ Твери, въ карантинѣ, и только сегодня уѣзжаетъ. Странно, что княгиня Татьяна Васильевна *) вчера перебралась на Садовую къ Небольсиной **), а сегодня утромъ за ней послѣдовали ея супругъ и дѣти. Третьяго дни вечеромъ я ихъ видѣлъ, и объ этомъ не было рѣчи. Говорятъ, будто это для того, чтобы домъ на Тверской окурить сверху до низу; но въ немъ не было больныхъ, и онъ такъ просторенъ, что я не вижу, почему Небольсинскій безопаснѣе. Не имѣется ли въ виду болѣе удаленное положеніе этого дома? Въ случаѣ какой-нибудь тревоги или народнаго скопленія, мѣстомъ дѣйствія будетъ площадь передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ. Впрочемъ это мое только предположеніе, которое пришло мнѣ въ голову по поводу вступающей въ городъ съ пушками и картечными зарядами дивизіи. Пушки будутъ разставлены передъ казармами.

---

*) Княгиня Голицына, супруга генерала-губернатора.

**) Нынѣ домъ княгини С. С. Щербатовой.

9.

22-го Октября 1830.

Изъ прилагаемыхъ Вѣдомостей вы увидите, что бѣда у насъ растетъ. Мы были наканунѣ оцѣпленія каждой части города военнымъ кордономъ. Таково было приказаніе Государя изъ Твери. Нашъ генералъ-губернаторъ отвѣчалъ, что физически это почти невозможно, а въ моральномъ отношеніи очень опасно. Государь настаивалъ, но князь въ другой разъ возразилъ, и послѣ этого Государь ограничился приказаніемъ оцѣпить только Тверскую часть, съ тѣмъ чтобы никто туда не входилъ и никого изъ нея не пускали *). Черезъ три дня это распоряженіе вступитъ въ силу. Князь уже перевезъ все свое семейство къ намъ на Садовую; но увѣряютъ, что чиновники его канцеляріи не захотѣли послѣдовать его примѣру. Живя по близости отъ генералъ-губернаторскаго дома, они не довольно обезпечены жалованьемъ, чтобы съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ скарбомъ перебираться въ другія части города. Я думаю, что князь это очень хорошо понимаетъ и потому откладываетъ оцѣпленіе со дня на день, въ надеждѣ, что болѣзнь ослабѣетъ. Тѣмъ не менѣе мы живемъ подъ грозою этой крутой мѣры, осуществленіе которой можетъ повести къ кровопролитію на улицахъ. Сопротивленіе будетъ тѣмъ сильнѣе, что всѣ убѣждены въ ненужности такого распоряженія и въ крайней его насильственности. Еще слава Богу, что генералъ-губернаторомъ у насъ человѣкъ, смягчающій, сколько возможно, крутыя приказанія, которыя конечно внушены благимъ побужденіемъ (въ этомъ никто не сомнѣвается), но которыя недостаточно соображены съ имѣющими отъ нихъ произойти послѣдствіями. Преступленія, всегдашніе спутники общественныхъ бѣдствій, уже совершаются. Три дни тому назадъ, недалеко отъ Екатерининской больницы, убита ночью цѣлая семья огородника. Утромъ найдено въ его домѣ семь труповъ—трое мущинъ, три женщины и ребенокъ; по ранамъ видно, что они погибли послѣ долгаго сопротивленія и что убійцъ было больше чѣмъ жертвъ. Денегъ унесено двѣ тысячи рублей. Послѣ этого ограблены двѣ церкви. Конечно войска нужны въ помощь полиціи, которая слишкомъ занята отвозомъ заболѣвающихъ въ больницы и покойниковъ на кладбища. Всѣ страдаютъ отъ застоя въ торговлѣ, производимаго кордонами. О полученіи оброковъ нечего и думать. Счастливъ кто запасся деньгами или кому вѣрятъ въ долгъ. Умеръ отъ холеры старикъ-аббатъ Лимузенъ (Limousin), жившій у Мухановыхъ.

---

*) Возраженія доблестнаго генерала-губернатора, вслѣдствіе которыхъ отмѣнено внутреннее оцѣпленіе Москвы, предписанное было Петербургскими врачами, писалъ митрополитъ Филаретъ. Тогдашнія Московскія власти заслуживали себѣ общее нравственное уваженіе и тѣмъ предотвратили мятежъ.

10.

31 Октября 1830.

Вы уже знаете, что прибывшимъ войскамъ не довелось умиротворять Москву; но можетъ быть появленіе ихъ и воспрепятствовало волненію обнаружиться, и въ этомъ отношеніи присылка ихъ была великимъ благодѣяніемъ. Повидимому внутренняго оцѣпленія Москвы не послѣдуетъ, и увѣряютъ, что князь Голицынъ возвращается на Тверскую *). Тѣмъ не менѣе по улицамъ разъѣзжаютъ только врачи да роковыя вымазанныя дегтемъ больничныя повозки. Двери вездѣ заперты, кромѣ дома г-жи Дмитріевой. Третьяго дня я былъ у нея и послѣ шестинедѣльнаго заключенія обрадовался ярко освѣщеннымъ комнатамъ: молодежь распѣвала, кавалеры любезничали, лица все веселыя, и я спрашивалъ себя: неужели это зачумленная Москва?

11.

7 Ноября 1830.

Вчера видѣлъ я полковника Жеребцова очень опечаленнаго. Холера, нѣсколько дней назадъ, поселилась между его кантонистами, которыхъ до сихъ поръ она щадила, благодаря его попеченіямъ. Ему велѣли отрядить этихъ молодыхъ людей на похороны коменданта, въ числѣ 500 человѣкъ. Они отправились въ 6 часовъ утра и возвратились въ 7 часовъ вечера. Дождь все время не прекращался. Они прошлись, не отдыхая, изъ подъ Нѣмецкой Слободы до Донскаго монастыря и назадъ, и 13 часовъ сряду ничего не ѣли. На другой день начались простудныя болѣзни, колики и холерные припадки. Нѣсколько человѣкъ умерло, и много осталось больныхъ, не смотря на всѣ заботы этого превосходнаго начальника. Такъ-то, воздавая почетъ умершимъ, губимъ живыхъ.

12.

14 Ноября 1830.

Почту изъ Михайловки должно быть везли на черепахахъ: любезное ваше письмо отъ 9-го числа пришло только 12-го, проколотое и обкуренное, какъ мои. Вѣроятно вашъ Тульскій губернаторъ завелъ карантинъ про запасъ. Увѣряютъ, что Закревскій, опираясь на свои полномочія, отрѣшилъ отъ должности Пензенскаго и Казанскаго губернаторовъ, потому что они опоздали учрежденіемъ карантиновъ. Императрица Екатерина гнѣвалась однажды на своего генералъ-полиц-

*) Москва была оцѣплена двойною стражею: одни солдаты стояли по такъ называемому Камеръ-коллежскому валу; другіе, подъ главнымъ начальствомъ генерала Савоини, расположились за городомъ, вблизи заставъ.

мейстера за то, что его команда опоздала на какой-то пожаръ. Полицмейстеръ до того огорчился, что приказалъ своимъ подначальнымъ, чтобы на будущее время они всегда были готовы за сутки до пожара. Тульскій губернаторъ поступаетъ точно также. Намъ-же грозитъ еще другая предохранительная мѣра, не лучше карантиновъ. Получено приказаніе класть хлоровую известь во всѣ безъ исключенія товары, находящіеся въ Москвѣ. Купцы не знаютъ, какъ имъ быть. Эти почтенные люди заявляютъ, что больницы содержатся почти исключительно на ихъ пожертвованія (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ и что́ вы можете прочитать въ Вѣдомостяхъ), и во вниманіе къ тому просятъ, чтобы ихъ не довели до неминуемаго разоренія. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что въ лавкахъ у него на триста тысячъ рублей чаю, который никуда не годится, если станутъ взрѣзывать цибики и обрызгивать ихъ хлоромъ. Мѣховщики увѣряютъ, что отъ этой извести волосъ лѣзетъ изъ мездры; ситцевые фабриканты, что отъ нея краска линяетъ, торгующіе бронзою, что позолота сходитъ, и т. д. Словомъ 168 купцовъ первыхъ двухъ гильдій послали, какъ слышно, прошеніе къ Государю объ отмѣнѣ этого распоряженія; но такъ какъ прошенія, подаваемыя сообща, не дозволены закономъ, то и не знаютъ, что́ изъ этого выдетъ *). Между тѣмъ болѣзнь по немногу ослабѣваетъ, но не прекращается, а потому и предосторожности продолжаются.

У насъ новый вице-губернаторъ г. Брусиловъ. Говорятъ, что князь Дмитрій Владимировичъ представлялъ на эту должность троихъ: Данзаса, Подчаскаго и князя Владимира Голицына, но по чьему-то постороннему вліянію назначенъ человѣкъ вовсе не по его выбору. Если это такъ, мнѣ за него досадно: его представленія заслуживаютъ уваженія, особенно теперь, когда онъ такъ много дѣлаетъ для Москвы. Намъ грозитъ большая бѣда, которая огорчитъ васъ столько же какъ и меня. Вчера посылалъ я деньги на почту возобновить подписку на Journal des Débats. Рушковскій возвратилъ мнѣ ихъ и приказалъ сказать, что до сихъ поръ не получено позволенія изъ Петербурга и что повидимому послѣ 31 Декабря въ Россію не будетъ допускаться ни одна иностранная газета. Мы идемъ къ варварству и станемъ здѣсь жить какъ Ирокезы въ Америкѣ. Я буду въ отчаяніи. И какая можетъ быть бѣда отъ Парижскихъ газетъ, когда во всей Россіи читаютъ ихъ какіе-нибудь 200 человѣкъ! Это лишеніе, обѣщающее намъ такой же запретъ на книги и брошюры о современныхъ дѣлахъ, будетъ вѣроятно стоить вамъ слезъ. Москва и безъ того такъ весела, такъ занимательна и образована! Какая важность, если мы будемъ знать по-

*) Прошеніе купечества было уважено.

меньше о томъ что̀ дѣлается на свѣтѣ? Вы не можете себѣ составить понятія что̀ такое Москва. Это пустыня и въ тоже время резиденція плутовства. Въ ней мрутъ со страху, и это буквально: многіе заболѣли вслѣдствіе предосторожностей. У князя Черкасскаго повылѣзли волосы отъ мытья головы хлоровою водою; испугавшись, онъ сталъ натираться масломъ по утру и ввечеру; поры на кожѣ закрылись, и теперь у него страшная лихорадка. Въ одномъ мнѣ знакомомъ хорошемъ домѣ изгнана изъ употребленія чистая вода, и вмѣсто нея пьютъ только легкій отваръ хамомиллы.

13.

2 Декабря 1830.

Говорятъ, что болѣзнь возобновилась въ Саратовѣ и свирѣпствуетъ тамъ еще сильнѣе, нежели лѣтомъ. Здѣсь она снова показалась въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ уже съ недѣлю какъ не было ни одного больнаго. Министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ окуривать всю Россію, и по несчастію обстоятельства предписываютъ повиноваться этому приказанію. Обратите однако вниманіе на мнѣніе Лодера, напечатанное въ одномъ изъ листковъ Вѣдомостей. Онъ увѣренъ въ неприлипчивости холеры. Мнѣніе это подтверждаютъ 18 врачей, тогда какъ Рейсъ и трое другихъ стоятъ за строгія мѣры. Одинъ врачъ дѣлалъ опыты, послѣ которыхъ невозможно сомнѣваться, на чьей сторонѣ правда. Онъ ложился на постель умершаго, садился въ ванну, послѣ того, какъ изъ нея вынули мертваго, теръ себѣ грудь холоднымъ по̀томъ съ умиравшихъ, и остался невредимъ. Все это дѣлалось въ присутствіи 20 врачей, и засвидѣтельствовано ими. И все-таки кордоны и карантины не снимаются. Населеніе доведено до отчаянія. Достаточные люди съ трудомъ получаютъ необходимые предметы, а добыть денегъ еще труднѣе. Всѣ сословія терпятъ и стонутъ подъ давленіемъ страха, отъ котораго жизнь становится немила.

14.

5 Декабря 1830.

Изъ Петербурга пришло повелѣніе открыть Москву съ завтрашняго дня. Для своихъ имянинъ Государь не могъ оказать подданнымъ своимъ лучшей и болѣе благовременной милости, потому что положеніе становилось невыносимымъ и грозило гибельными послѣдствіями. Населеніе доведено было до отчаянія, солдаты измучены на кордонной службѣ. Жители голодали и крестьяне разорены. У насъ по прежнему будутъ сѣно, овесъ, мука, а что̀ всего лучше—дрова.

вздорожавшія до чрезвычайности. Однако я не совсѣмъ понимаю эту мѣру или вѣрнѣе полумѣру, потому что карантины останутся, говорятъ, еще на нѣсколько недѣль. Теперешнимъ благодѣяніемъ обязаны мы нашему отличнѣйшему генералъ-губернатору, который терпѣлъ во сто кратъ больше нашего отъ этихъ строгостей, производившихся противъ его воли. Нравственной заразы я боялся гораздо больше, чѣмъ холеры.

Разнесся слухъ, что принцесса Оранская *) переѣдетъ въ Россію и поселится въ Твери; но кажется, что это выдумка.

15.

22 Декабря 1830.

Могъ васъ обнадежить относительно оцѣпленія Тулы. По высочайшему повелѣнію министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ снять всѣ карантины кромѣ того, который на Петербургской дорогѣ; да и тотъ вѣроятно скоро снимутъ, потому что холера признана заразительною, но вовсе не прилипчивою. Ваше письмо, отъ 13 числа, получено не проколотое и неокуренное, хотя вы и пишите, что въ Тулѣ холера. Замѣчательно, что въ этомъ году смертность въ Москвѣ не превышала прежнихъ лѣтъ и даже была много меньше 1813 года, когда свирѣпствовали гнилыя горячки. Лишнія предосторожности причинили намъ больше бѣдъ, нежели самая болѣзнь.

*

Печальная картина, начертанная Кристиномъ, не вполнѣ изображаетъ тогдашнюю Москву. Въ ней опущены подвиги самоотверженія, которыми отличались многіе Москвичи. Приношенія на содержаніе больницъ и на уходъ за больными являлись обильно отъ людей всѣхъ сословій. Знатныя лица раздѣлили между собою Москву и пеклись о больныхъ по своимъ участкамъ. Въ особенности отличался энергическою дѣятельностью Ѳ. В. Самаринъ. Все это можно видѣть изъ „Вѣдомостей о состояніи города Москвы.“ Издатель ихъ М. П. Погодинъ передавалъ намъ (лѣтъ тридцать спустя), какъ графъ Александръ Никитичъ Панинъ, чтобы наглядно убѣдить больныхъ, боявшихся принимать ванну, въ незаразительности ея, самъ въ нее садился. П. Б.

*) Т.-е. сестра Государя, Анна Павловна.

НАША КИТАЙСКАЯ МИССІЯ ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

Письмо Аввакума Честнаго изъ Пекина въ Архангельскъ.

Милый, незабвенный Алексѣй Васильичъ!

Наконецъ оживилъ ты мой духъ и отогрѣлъ мое сердце. Письмо твое два года лежало на Кяхтѣ, и вѣроятно, подъ спудомъ вражды или мести за мнимые мои капризы; но это не помѣшало ему сохранить весь пламень любви и дружескихъ твоихъ ко мнѣ чувствованій. Ты не можешь вообразить, какъ вскипѣла холодная кровь моя, въ какое броженіе пришли всѣ мои чувствованія, и какъ всплыли наверхъ всѣ воспоминанія о прошедшемъ, когда я прочиталъ твое милое посланіе. Я радовался, что ты живъ, здоровъ и даже помнишь Китайскаго горемыку; восхищался твоею веселостію и отъ души смѣялся твоимъ перебранкамъ съ кухаркою; удивлялся подполюсной твоей жизни и геройской посылкѣ ко мнѣ письма на счастіе; горько жалѣлъ объ умершихъ товарищахъ и сильно досадовалъ на живыхъ, о которыхъ не имѣю никакихъ извѣстій. Не успѣлъ я порадоваться твоему дружеству съ бывшимъ о. Васильемъ, какъ вдругъ узналъ изъ газетъ, что на мѣсто его переведенъ о. Софонія. Для меня это порядочная загадка, почему онъ идетъ не впереди, а по слѣдамъ упомянутаго своего предшественника? Если не ошибаюсь, то постигаю по крайней мѣрѣ дифференціалы сей загадки: черноголовые, кажется, вообще уважаютъ раковъ и не очень любятъ щукъ, а потому даютъ ходъ только Ерёмамъ да Пахомамъ. Пріятно было читать въ газетахъ, какъ отличалась ваша семинарія при открытіи памятника Ломоносову: оды, рѣчи и рацеи, все было. Что же ты, мой милый, ничего не сочинилъ при такомъ важномъ случаѣ? Какъ профессору математики, тебѣ слѣдовало бы доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ хотя теорему Пиѳагоровыхъ штановъ, или по крайней мѣрѣ, поставить нуль при подножіи памятника.

Вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ я получилъ безпакетное письмо отъ Арсенья В. съ приписями П. Ѳ. Копосова и В. С. Троицкаго; хотѣлъ отвѣчать имъ, но, по всѣмъ соображеніямъ, въ С.-Петербургѣ ихъ уже не было. Не мошенники ли? И до сихъ поръ не могутъ увѣдомить, куда они дѣвались! Итакъ С.-Петербургскими письмами я давно заговѣлся. Не знаю, какъ окончились 9-й и 10-й академическіе курсы, и гдѣ пресмыкаются земляки наши. Теперь я въ большомъ недоумѣніи и объ тебѣ самомъ: ужели до сихъ поръ ты болтаешься въ холодномъ Архангельскѣ? По моему счету и тебѣ ударило уже тридцать: полвѣка мы отжили, и въ самое цвѣтущее время ты прозябаешь подъ полюсомъ, а я вяну подъ пламеннымъ небомъ. Твоя участь незавидна, моя еще незавиднѣе...

Сказать ли теперь, какова моя жизнь въ Пекинѣ? Ѣхалъ я въ Пекинъ, какъ въ гости, а пріѣхалъ какъ въ адъ. Съ нетерпѣніемъ ожидая выѣзда за границу, я заранѣе восхищался и здѣшнею природою, и здѣшнею историческою жизнію, и разнообразіемъ предметовъ для занятій; но какъ горько ошибся! Нѣтъ, не столько ошибся, сколько *ошибило* меня и всѣхъ моихъ товарищей особенно одно обстоятельство, не предвидѣнное ни нами, ни самимъ правительствомъ. Объ этомъ я разскажу тебѣ устно, если живымъ возвращусь когда-либо въ отечество, а до того времени возлагай упованіе свое на Аллаха. Впрочемъ ты нѣчто постигнешь и теперь, если не забылъ академической герменевтики. Чтó же здѣшняя природа, и чтó наша жизнь? Первая походитъ на зажиточную мачиху, вторая—на движущуюся смерть. Но распространяться объ этомъ не стану. Число Русскихъ пришельцевъ, пропадающихъ въ Пекинѣ, тебѣ извѣстно. Товарищей моихъ, вмѣстѣ со мною хлынувшихъ изъ Академіи, ты знаешь; а объ свѣтскихъ сослуживцахъ писать нечего, частію потому, что они тебѣ неизвѣстны, а болѣе потому, что всѣ они добрые люди. Для тебя, вѣроятно, любопытнѣе всего слышать что-нибудь объ нашемъ начальникѣ, подъ карающую десницу коего ты самъ нѣкогда обрекалъ свою головушку. Архимандритъ Петръ, за первымъ обѣдомъ нашимъ въ Пекинѣ, предъ цѣлымъ свѣтомъ провозгласилъ его *фениксомъ*, какихъ въ Россіи не бывало и не будетъ и съ улыбкою прибавлялъ, что самъ онъ никакъ не рѣшился бы ни на какую растрату казенной суммы (болѣе 50-ти пудовъ серебра), убитой симъ фениксомъ на устройство монастырей (т.-е. безъ позволенія правительства), ни на приведеніе плановъ таковой постройки (родившихся въ головѣ сего же феникса) въ исполненіе. На этотъ простодушный отзывъ, признаться, тогда никто не обратилъ должнаго вниманія; но изъ четырехлѣтнихъ опытовъ нашего короткаго съ нимъ знакомства мы совершенно удостовѣрились, что

дѣйствительно это такая птица, которую вмѣстѣ съ Жидами по справедливости можно назвать *необыкновеннымъ явленіемъ природы* *). Въ теченіе десяти лѣтъ до нашего пріѣзда, по его собственнымъ словамъ, онъ занимался только постройками: ломалъ, починивалъ, разрушалъ и созидалъ снова. Одинъ Успенскій храмъ вытерпѣлъ нѣсколько переворотовъ, доколѣ не приведенъ въ то состояніе, въ какомъ теперь находится.

Ученыя или по крайней мѣрѣ учебныя занятія онъ не считалъ своею обязанностію и въ теченіе десяти лѣтъ не могъ прочитать съ учителемъ Четырехкнижія на Китайскомъ языкѣ. Объ другихъ книгахъ онъ не имѣлъ и понятія. Когда нужно было утвердить для насъ методъ изученія Китайскаго языка, онъ провозгласилъ, что надобно проходить съ учителемъ Четырехкнижіе по краней мѣрѣ восемь лѣтъ, послѣ чего мы будемъ въ состояніи понимать нѣсколько и другія книги. Ужели это называется методомъ, и ужели мы такъ глупы, чтобы восемь лѣтъ заниматься однимъ Четырехкнижіемъ? Мы осмѣлились увѣрить его, что эту чепуху, если нужно, мы легко можемъ пройти менѣе нежели въ три года; онъ стиснулъ только зубы и ничего не отвѣчалъ намъ. Это начало ненависти его къ миссіонерамъ. Касательно распредѣленія занятій, по крайней мѣрѣ между монахами, онъ не захотѣлъ и слушать насъ, сказавъ, что это сдѣлано будетъ тогда, когда вы пройдете Четырехкнижіе, т.-е. черезъ восемь лѣтъ. Но совершенно понимая безполезность занятій такими пустяками, мы сами распорядились слѣдующимъ образомъ: я взялъ на себя изслѣдованіе религіи такъ называемой *ученой*, Ѳеофилактъ—изслѣдованіе религіи Даосовъ, Поликарпъ—изслѣдованіе религіи Буддистской; занятія предметами посторонними предоставили произволу каждаго. Свѣтскіе члены миссіи по инструкціи имѣютъ свои назначенія. Но вотъ одинъ говоритъ начальнику, что здѣсь по горной части дѣлать вовсе нечего, и что вмѣсто сего гораздо лучше заняться другимъ какимъ-нибудь предметомъ. Начальникъ хлопнулъ ушами, какъ покойный Кабудъ, а заботу о назначеніи ему предмета возложилъ на Аллаха и на догадливость самого миссіонера. Вотъ другой, не учась ни философіи, ни юриспруденціи, по назначенію инструкціи заботится узнать по симъ предметамъ хотя что-нибудь: роется въ библіотекѣ между Русскими книгами, чтобы доискаться о чемъ толкуетъ философія и чѣмъ пахнетъ юриспруденція; покупаетъ юридическія книги и думаетъ, что всю эту громаду надобно, по крайней мѣрѣ, перевести на языкъ Русскій; а на-

*) Въ подлинникѣ приведено три слова Еврейскими буквами. П. Б.

чальникъ не догадается ни настроить, ни поправить, ни поощрить готоваго разрушить себя философскою или юридическою пылью, поелику самъ не знаетъ, что́ хорошо, что̀ худо, что́ нужно и что̀ безполезно. Это послѣднее предложеніе доказывается тѣмъ, что онъ самъ снова началъ читать Четырехкнижіе при руководствѣ глупаго и вѣчно пьянаго своего учителя, думая, что мало-по-малу хотя отсюда начерпается премудрости и со временемъ самъ сдѣлается Конфуціемъ. Если бы мы не надоумили его читать здѣшнія газеты и вновь выходящіе указы, чтобъ иногда сообщить какія-нибудь извѣстія въ Россію, то онъ и до сихъ поръ читалъ бы одно Четырекнижіе. Вообще онъ не любитъ заниматься тѣмъ, что́ не ведетъ его къ главной цѣли, которую указала ему сама природа, слишкомъ щедро одаривъ его организмомъ нервнораздражительнымъ; а эта цѣль, какъ ты теперь и самъ можешь догадываться, состоитъ въ исполненіи плановъ ненасытнаго его честолюбія. Планы сіи, заквашенные со времени поступленія его въ Пекинскую миссію, теперь, кажется, въ самомъ сильномъ броженіи. Какъ учитель Русскаго языка въ здѣшней Манчжурско-Русской школѣ, онъ еще до нашего пріѣзда домогался здѣшняго чина 6-й степени и бѣлаго шарика, и тогда еще, какъ повѣствуетъ преданіе, директора упомянутаго училища онъ едва только не бралъ за горло. Но какъ съ полученіемъ чина и шарика сопряжено совершенное подданство здѣшнему императору, а безъ этого нельзя было дать ему ничего, то директоръ, опасаясь угрозъ его, что при первомъ же случаѣ миссіонеры откажутся переводить на Русскій языкъ Манчжурскія бумаги, посылаемыя отсюда въ Россію, согласился ходатайствовать у своего правительства, чтобы оно снеслось съ правительствомъ Русскимъ и оттуда испросило ему приличнаго награжденія. Такъ и сдѣлано. Ему пожалованы отъ Кабинета богатый крестъ и мантія. Но вотъ теперь открылось ему самое обширное поприще для видовъ честолюбія и для надежды на полученіе подобныхъ или еще бо́льшихъ наградъ отъ нашего правительства.

Нынѣшнею зимою первый здѣшній министръ *Чанъ-минъ* раза три пріѣзжалъ въ Срѣтенское подворье къ нашему живописцу Легіонову для снятія съ себя портрета. Согласись, что этой чести для Русской миссіи такъ много, какъ нельзя болѣе. Но надобно еще припомнить, что изъ-за министра пріѣзжали туда еще нѣсколько особъ весьма важныхъ, какъ-то: сынъ его, товарищъ Пекинскаго генералъ-инспектора Китайскихъ войскъ въ сопровожденіи полицейскихъ чиновниковъ и цѣлой стаи будочниковъ съ кнутами; другой товарищъ и родной братъ того-же генералъ-инспектора; также президентъ палаты иностранныхъ дѣлъ *Си-да-жень*, объ которомъ упоминалось въ «Сѣверной

Пчелѣ,» и который, за дерзкій докладъ по случаю смерти императрицы въ прошломъ году, разжалованъ изъ императорскаго генералъ-докладчика и главноуправляющаго дворцовымъ правленіемъ; сверхъ того смотритель Русскаго подворья *Вэнь-сань*, и трибунальный чиновникъ *Сунъ*, братъ вице-президента. Старикъ министръ просиживалъ часа по три неподвижно, не нюхая табаку и не шевеля ни языкомъ, ни глазами; за то и портретъ его отдѣланъ прекрасно. Удовольствіе свое многократно онъ выражалъ и на словахъ, и на дѣлѣ: подходилъ къ портрету ближе, смотрѣлъ на него издали, заходилъ съ боковъ, приподнимался и, присѣдая на корточки, примѣривался, какъ онъ будетъ казаться съ низу. Наконецъ, богато отдарилъ и живописца, и начальника, и слугъ подворья. Если изъ такого важнаго знакомства начальникъ не успѣетъ извлечь для себя выгоды, то на будущее пятилѣтіе едва ли останется въ Пекинѣ: это будетъ рѣшительнымъ ударомъ для его честолюбія. Виды правительства и успѣхъ миссіи для него ничто, главное онъ самъ. Когда министръ съ чрезвычайною простотою и радушіемъ изъявлялъ неудовольствіе на худое содержаніе казеннаго посольскаго дома, съ большимъ участіемъ распрашивалъ объ нашемъ отечествѣ и о занятіяхъ миссіонеровъ, онъ не могъ завести рѣчи даже о главной нашей нуждѣ чаще имѣть случаи для переписки съ отечествомъ, а о порученіяхъ правительства не ему и толковать! Говорить ли теперь, каково онъ обращается съ миссіонерами? Избави Богъ и враговъ нашихъ отъ подобнаго начальника! Разсказами объ этомъ я утомилъ бы себя по пустому, а самъ убилъ бы время на описаніе глупостей.

Миссіонеры занимаются языками, читаютъ нѣкоторыя книги съ учителями, а другія помаленьку разбираютъ и безъ ихъ помощи и при случаѣ ему же самому разсказываютъ и о книгахъ и о предметахъ, въ нихъ описываемыхъ; а это забираетъ его за сердце и даже бѣситъ, поелику онъ думаетъ, что такими разсказами подчиваютъ его на смѣхъ и особенно для того, чтобъ уколоть его въ неосновательности предположеній о невозможности узнать сколько-нибудь покитайски въ продолженіе трехъ лѣтъ. Судя по этому, мы сомнѣваемся, чтобъ онъ понималъ, что съ успѣхами миссіонеровъ сопряжена честь и его собственная. Четверо миссіонеровъ вмѣстѣ съ нимъ засѣдаютъ въ совѣтѣ и часто разрушаютъ ни съ чѣмъ несообразныя его затѣи, напримѣръ о постройкѣ какой-нибудь Вавилонской башни на кладбищѣ, о раздѣлѣ столовой суммы по правиламъ покойнаго Шемяки и пр.; а это такъ сильно дѣйствуетъ на его печень и желчь, что онъ, при каждой отпискѣ въ отечество, самыми черными красками мараетъ насъ передъ правительствомъ, выставляя впрочемъ совер-

шенно другіе предлоги къ нашему обвиненію и такимъ образомъ за недостаткомъ веревокъ опутываетъ насъ по крайней мѣрѣ паутиною. Безъ особеннаго призыва или высылки ни одинъ изъ миссіонеровъ не ходитъ къ нему, опасаясь умереть отъ скучной и утомительной его бесѣды, и даже за наказаніе считаютъ встрѣтиться съ нимъ въ монастырѣ или въ саду; для честолюбія его это такой ударъ, который онъ едва переноситъ. Но виноваты ли миссіонеры, когда онъ самъ отвратилъ отъ себя всѣхъ, частію своимъ невѣжествомъ, а еще болѣе вздорнымъ и суматошливымъ своимъ характеромъ?

За недостаткомъ собесѣдниковъ-миссіонеровъ, онъ обыкновенно проводитъ время слѣдующимъ образомъ: встаетъ въ 7 часовъ, а иногда и ранѣе, полчаса умывается, полчаса молится Богу о еже пособити и покорити подъ нозѣ его всякаго миссіонера; о еже возжещи въ нихъ пламенную къ нему любовь и возродити въ сердцахъ ихъ безусловное повиновеніе всѣмъ деспотическимъ и несообразнымъ съ инструкціею его повелѣніямъ, о еже возмощи наплести на нихъ правительству всякой чепухи и небылицы и проч. Въ 8 часовъ пьетъ зеленый чай до тѣхъ поръ, пока самъ позеленѣетъ; призываетъ учителя и до 9½ часовъ разбираетъ съ нимъ Китайскія газеты; отпустивъ его, посылаетъ въ кухню подогрѣть такъ-называемаго *оловяннаго человѣчка*, вмѣщающаго двѣ рюмки сивухи, закусываетъ и до обѣда читаетъ Русскія газеты. Послѣ обѣда спитъ до 3 часовъ; пьетъ такъ-называемый *пуръ*, чай или вареный *женьшень* съ молокомъ, и выходитъ прогуливаться по монастырю или по саду. Вотъ тутъ кого бы ни поймалъ, непремѣнно будетъ разсказывать прошлогоднія новости, вычитанныя имъ въ Русскихъ газетахъ, навяжется къ миссіонеру посидѣть въ комнатѣ и до самаго ужина будетъ переливать изъ пустаго въ порожнее: изволь же просидѣть съ нимъ часа четыре безъ дѣла въ самой безвкусной и утомительной бесѣдѣ! По неволѣ будешь отъ него бѣгать и даже запираться!

Теперь слѣдовало что-нибудь бы написать о его ханжествѣ, скряжничествѣ, о его обращеніи съ Китайцами и переговорахъ съ приставомъ подворья, о его сдѣлкахъ съ мужиками-владѣльцами нашихъ земель и о безпошлинномъ ввозѣ въ Пекинъ нѣкоторыхъ купеческихъ товаровъ, оставляемыхъ ими, по предварительному съ нимъ условію, на нашемъ кладбищѣ; но я чрезвычайно утомился, и ты, вѣроятно, еще болѣе. Извини меня, мой милый, что занялся описаніемъ предмета, для тебя незанимательнаго. Ты поймешь причину: это главное обстоятельство, которое отравляетъ лучшіе дни нашей жизни и отъ котораго мы можемъ избавиться только чрезъ семь лѣтъ. О вліяніи сей планеты собственно на меня я напишу тебѣ въ послѣдствіи, если ты захочешь.

Физическою своею жизнію въ Пекинѣ я также похвалиться не могу. Сюда пріѣхалъ я съ небольшимъ расположеніемъ къ простудѣ. Въ 1831 году начальникъ сманилъ меня на теплыя воды и тамъ заставилъ меня простудиться еще болѣе, тотчасъ послѣ ванны утащивъ меня прогуливаться въ садъ, вопреки всѣмъ моимъ отговоркамъ. Тамошняя простуда вскорѣ обратилась въ ревматизмъ, и я теперь при малѣйшемъ движеніи воздуха боюсь выходить изъ комнаты не окутавшись въ теплое платье. Вотъ наступилъ Іюнь мѣсяцъ, а я надѣваю еще теплую фуфайку и шерстяные чулки. До такого состоянія доведенъ я особенно глупымъ устройствомъ моихъ комнатъ. Начальникъ до нашего пріѣзда учился надъ ними строиться: вотъ причина, почему они лѣтомъ не защищаютъ отъ жару, а зимою отъ холоду. На южной сторонѣ вмѣсто кирпичной стѣны сдѣлана деревянная рѣшетка и оклеена тонкою бумагой. На языкѣ дураковъ вся эта стѣна называется окномъ. Входишь въ комнату, какъ въ адъ или сѣни смертныя; не думай ни читать, ни писать, ничего не увидишь, доколѣ глазные зрачки не расширятся какъ у совы и не посоловѣютъ какъ у кошки. Въ нѣкоторыхъ промежуткахъ рѣшетки я вставилъ стекла и избавился отъ тоски, нападавшей на меня отъ вліянія блѣдно-мертваго свѣта, проходящаго сквозь бумагу. Нужно ли и тебѣ, какъ нашему начальнику, доказывать, что эта бумага зимою нисколько не защищаетъ отъ холода? Я думаю, ты повѣришь и безъ доказательствъ. Отъ недостатка нужной теплоты въ комнатахъ обыкновенно приказываешь сильнѣе нагрѣвать подпольную печь, чтобы не замерзнуть; но эта проклятая печь, какъ на бѣду у меня одного сдѣлана близъ того бумажнаго окна, гдѣ нужно постоянно сидѣть и заниматься; ибо въ другихъ мѣстахъ или темно или слишкомъ холодно. Вообрази же теперь, что ты зимою сидишь надъ раскаленною печью, какъ на горячей сковородѣ и притомъ около бумажной стѣны, сквозь которую всѣ *восемь* Китайскихъ вѣтровъ свободно проходятъ и разгуливаютъ по комнатамъ. Ногамъ постоянно жарко, а спинѣ и плечамъ холодно. Какъ теперь прикажешь защищаться отъ простуды? Одно средство: перекласть печь и вмѣсто рѣшетки сдѣлать кирпичную стѣнку съ окнами. Но я просилъ объ этомъ начальника три раза, и поелику еще не издыхаю, то удовлетворить мнѣ въ этой нуждѣ онъ откладываетъ до будущаго времени. Это обстоятельство рано или поздно, кажется, заставитъ меня положить здѣсь свои кости. Я почелъ бы себя слишкомъ счастливымъ, еслибы живымъ могъ возвратиться когда-нибудь въ отечество. Ты видишь теперь, какъ отъ одного обстоятельства зависитъ здѣсь жизнь физическая, и политическая, и умственно-практическая! Всѣ прочія неудобства здѣшней жизни, по крайней мѣрѣ, сносны, тѣмъ паче, что

они нисколько не разстраиваютъ духа и не мѣшаютъ заниматься своимъ дѣломъ.

Ты конечно пожелаешь знать, что́ было бы съ тобою, еслибъ исполнились академическія твои намѣренія ѣхать со мною въ Китай? Скажу тебѣ откровенно, что тогда я считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ свѣтѣ; а ты, если охотникъ заниматься, по крайней мѣрѣ, былъ бы свободенъ ото всѣхъ бѣдъ и отъ всякаго вліянія тягостной кометы. Точно также, какъ въ Архангельскѣ или въ другомъ мѣстѣ, ты имѣлъ бы и здѣсь весьма хорошихъ товарищей, и, если не двухъ, то по крайней мѣрѣ одного искренняго друга, который раздѣлялъ бы съ тобою счастіе и несчастіе. При томъ условіи, подъ какимъ я наконецъ приглашалъ тебя, мы оба были бы довольны и не завидовали бы ни одному профессору. Комнаты, въ которыхъ досталось бы тебѣ жить со мною при Успенскомъ храмѣ, въ сѣверо-восточномъ Пекинскомъ углу (въ шести или семи верстахъ отъ Срѣтенскаго монастыря) несравненно удобнѣе моихъ; поелику на сѣверной сторонѣ сдѣлано три Русскихъ окна, и слѣдовательно зимою ты не былъ бы обязанъ сидѣть на горячей сковородѣ около бумажной стѣнки. Вмѣсто кудрей ты носилъ бы хвостъ на подбритой кругомъ головѣ, и только одни зубы твои не боялись бы цирульника. Въ прохладное время ты щеголялъ бы въ просторныхъ Китайскихъ кафтанахъ, а въ жары ходилъ бы всюду въ бѣлой длинной шелковой рубашкѣ безъ пояса, безъ шляпы, съ однимъ вѣеромъ, и съ ужасомъ вспоминалъ бы объ тѣсныхъ суконныхъ фракахъ.

Объ самомъ Пекинѣ ты можешь прочитать въ запискахъ путешественниковъ; они всѣ рекомендуютъ его одинаково. Я самъ объѣлся бы грязью, еслибъ сталъ хвалить его. Для Европейца, разсматриваемаго въ физическомъ отношеніи, это совершенный адъ. Чего здѣсь нѣтъ? Отвратительныхъ ли предметовъ для зрѣнія, слуха и обонянія? Шагни только за ворота, и ты невольно закроешь глаза свои: пятеро дѣлаютъ *то*, десятеро *другое*, чего я не могу и выговорить. Вотъ одному расчесываютъ косу, какъ хвостъ уланской лошади, другаго моютъ какъ свинью, а третьяго брѣютъ какъ паяца объ масленицѣ; вотъ куча нищихъ, полунагихъ, растрепанныхъ, запачканныхъ и обратившихся въ струпъ съ гробовымъ голосомъ, оцѣпятъ тебя, и ты обомрешь отъ ужаса; вотъ пыль столбомъ несется по улицѣ, и на каждомъ шагу готова задушить и глупаго зѣваку и умнаго наблюдателя; вотъ дикій и безпрерывный стонъ разнощиковъ съ утра до вечера терзаетъ уши всякому православному; вотъ оборванные будочники поливаютъ улицу—чѣмъ, не нужно и сказывать! Итакъ нужно быть осиновымъ чурбаномъ, чтобы прогуливаться по Пекину. Но, живя близъ са-

мыхъ городскихъ воротъ, мы съ тобою во всякое время могли бы выходить за городъ и гулять по засѣяннымъ полямъ и усаженнымъ деревами кладбищамъ. Обитель моя съ трехъ сторонъ окружена водою и имѣетъ порядочный видъ. Небольшой садъ доставляетъ намъ ежегодно множество винограду пяти сортовъ, также яблоковъ, грушъ, фиников особаго рода и Индѣйскихъ смоквъ.

Я хотѣлъ написать тебѣ обо всемъ подробно, а потому и началъ толковать о бичѣ, укорачивающемъ жизнь нашу; но для тебя занимательнѣе будетъ слышать объ нашихъ занятіяхъ, объ учителяхъ, объ Албазинцахъ, объ моемъ училищѣ, объ Китайцахъ и Манчжурахъ и проч. Я напишу объ этомъ послѣ, поелику теперь торопимся отправить бумаги и письма въ Трибуналъ. Къ Скворцову, Копосову и Троицкому написать ничего не успѣлъ. Послѣ завтра я отправлюсь въ Сѣверныя горы, отстоящія отъ Пекина верстахъ въ 35-ти, и пробуду тамъ дней 10 или 15; поелику теперь наступили жары. Θеофилактъ живетъ давно тамъ у одного Китайскаго монаха; бѣдняжка, онъ жестоко страждетъ грудью, и если не нынче, то въ будущемъ году едва ли не возвратится въ отечество. Онъ и Поликарпъ свидѣтельствуютъ тебѣ свое почтеніе, а я отъ души и отъ сердца свидѣтельствую тебѣ все, чего ты пожелаешь. Будь здоровъ, не забывай меня, пиши ко мнѣ въ Пекинъ хоть единожды въ лѣто; адресуй письма въ Иркутскъ, на имя его превосх. г. Иркутскаго гражданскаго губернатора И. Б. Цейдлера для доставленія мнѣ. Твой Аввакумъ.

1834 года Іюня 12-го дня. Пекинъ.

КЪ ИСТОРІИ ОТМѢНЫ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

Негласные комитеты въ царствованіе Николая Павловича.

1840—1846.

Въ докладной запискѣ отъ 15 Февраля 1840 г., представленной Государю Императору, графъ Блудовъ объяснялъ:

Классъ дворовыхъ, хотя не закономъ, но распоряженіями правительства и обычаемъ, получившимъ силу закона, смѣшанный съ классомъ помѣщичьихъ крестьянъ, отличенъ отъ сего послѣдняго назначеніемъ, занятіями и свойствомъ людей его составляющихъ. При наступленіи времени постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, классъ дворовыхъ представитъ затрудненія и, можетъ быть, нѣкоторую опасность для общественнаго спокойствія. По мнѣнію графа Блудова переходъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ настоящаго положенія въ лучшее, при благопріятныхъ мѣрахъ со стороны правительства и при содѣйствіи помѣщиковъ, быть можетъ не такъ труденъ, особенно если найти средство безъ неволи привязать крестьянина къ мѣсту жительства. По вопросу о дворовыхъ графъ думалъ, что должно стараться по возможности и заблаговременно объ уменьшеніи числа этихъ людей. Первою мѣрою къ тому онъ считалъ отдѣленіе крестьянъ отъ дворовыхъ съ дозволеніемъ переводить только изъ дворовыхъ въ крестьяне, но не обратно. Такъ какъ это отдѣленіе по ревизіи 1834 г. совершилось, то графъ Блудовъ полагалъ возможнымъ, безъ особой переписи, только изыскавъ удобный случай и поводъ, принять въ отношеніи къ дворовымъ многія изъ предложенныхъ въ 1827 г. мѣръ, изъ которыхъ главнѣйшими, по его мнѣнію, было бы—постановить и объявить:

1) Что дворовыхъ, показанныхъ по ревизіи отдѣльною статьею, слѣдуетъ означать и въ послѣдствіи во всѣхъ актахъ и случаяхъ от-

дѣльно отъ крестьянъ, называя ихъ всегда дворовыми крѣпостными людьми;

2) Что подушная подать за нихъ должна быть взыскиваема хотя въ тѣже сроки, но непосредственно съ помѣщиковъ;

3) Что рекрутскую повинность они обязаны отправлять также отдѣльно, для чего образовать изъ нихъ особые участки, по правиламъ Рекрутскаго Устава, со взысканіемъ съ помѣщика 600 рубл. сер. за рекрута, въ случаѣ если въ числѣ дворовыхъ не окажется годнаго въ солдаты;

4) Что вмѣсто дворовыхъ запрещается ставить рекрута изъ крестьянъ, а vice versa дозволяется, не зачитая однакоже этихъ рекрутъ вмѣсто слѣдующихъ съ рекрутскаго двороваго участка.

5) Что помѣщикъ, желающій оставить при себѣ двороваго человѣка подлежащаго отдачѣ въ рекруты, вноситъ 600 рубл. и получаетъ за то квитанцію; при чемъ дворовый освобождается отъ рекрутства по очереди, но помѣщикъ можетъ однако въ послѣдствіи представить его въ рекруты въ зачетъ за своихъ крестьянъ или дворовыхъ людей;

6) Что запрещается переводить изъ крестьянъ въ дворовые, обратно же дозволяется на слѣдующихъ основаніяхъ: а) при переводѣ не дѣлить семействъ и б) дворовый долженъ быть не только перечисленъ по книгамъ, но водворенъ въ деревнѣ въ теченіи двухъ лѣтъ, за неисполненіе чего полагать штрафу по 100 р. сер. единовременно и двойную подушную подать до новой ревизіи за каждую переписную, но неводворенную душу;

7) Что переводомъ крестьянъ въ дворовые не считается употребленіе ихъ по волѣ владѣльца на фабрикахъ, заводахъ и вообще для всѣхъ хозяйственныхъ заведеній.

За симъ графъ Блудовъ полагалъ подтвердить о безпрекословномъ повиновеніи крестьянъ и дворовыхъ господамъ своимъ и о правѣ послѣднихъ употреблять для усмиренія законныя мѣры, присовокупивъ для вящаго побужденія къ увольненію дворовыхъ изъ крѣпостнаго состоянія:

Что помѣщикъ, отпуская двороваго на волю, можетъ постановлять условія о единовременномъ или срочномъ платежѣ условленной капитальной суммы, объ ежегодномъ оброкѣ, опредѣляемомъ по жизнь увольняемаго или на извѣстное число лѣтъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы при этомъ постановлялась и капитальная сумма, которую увольняемый, по взносѣ, можетъ замѣнить ежегоднымѣ оброкомъ;

Что всѣ подобные платежи будутъ взыскиваться съ увольняемаго предпочтительно передъ другими казенными и частными взысканіями;

а неисправные плательщики будутъ подвергаемы содержанію въ тюрьмахъ или употребляемы въ работы для заработки;

Что на увольненіе дворовыхъ изъ имѣнія, состоящаго въ залогѣ, нужно разрѣшеніе кредитнаго установленія, которое даетъ оное во 1-хъ, когда долгъ достаточно обезпечивается прочимъ имуществомъ въ залогѣ состоящимъ, и во 2-хъ, когда внесена будетъ помѣщикомъ въ счетъ долга слѣдующая по расчету сумма.

Что дворовые, по отпускѣ на волю, обязаны избрать родъ жизни въ теченіе года отъ совершенія отпускной и что помѣщикъ единственно за этотъ первый годъ обязанъ платить за нихъ подати;

Что по припискѣ въ указанный срокъ дворовый увольняется еще на одинъ отъ взноса податей и отъ рекрутской повинности до новой ревизіи.

За тѣмъ, исчисливъ четыре мѣры предложенныя въ 1830 г. Комитетомъ 6 Декабря 1826 г., графъ Блудовъ присовокупилъ, что, изъ числа этихъ мѣръ, воспрещеніе назначать дворовыхъ въ продажу за долги и казенныя взысканія, а равно продавать съ раздробленіемъ семействъ, облечено въ силу закона указомъ 2-го Мая 1832 года; а учрежденіе цеховъ, противъ котораго сдѣлано было много возраженій, онъ полагалъ ввести при изданіи новаго положенія о городскихъ управленіяхъ.

Къ запискѣ графа Блудова былъ приложенъ проектъ указа, разсмотрѣнный Государемъ Императоромъ 22-го Февраля 1840 г. Указомъ этимъ воспрещалось всякое отчужденіе (залогомъ, продажею, даромъ, отдачею въ приданое или по завѣщанію) крестьянъ безъ земли, а разрѣшалась продажа и отчужденіе другими способами дворовыхъ приписанныхъ къ домамъ и капиталамъ, но безъ раздѣленія семействъ. За симъ въ девяти пунктахъ изложены предположенія, заключающіяся въ докладной запискѣ.

*

Для разсмотрѣнія этой докладной записки съ проектомъ указа, по высочайшему повелѣнію, учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, особый комитетъ, въ составъ котораго назначены были: князь А. Голицынъ, графъ К. Нессельродъ, графъ А. Чернышевъ, графъ А. Бенкендорфъ, графъ В. Левашовъ, князь А. Меншиковъ, графъ П. Киселевъ, С. Уваровъ, Д. Блудовъ, графъ Строгановъ, графъ В. Панинъ.

Въ теченіи производства дѣла въ этомъ комитетѣ были поданы слѣдующія письменныя мнѣнія.

1) Графъ *Чернышевъ* изъясняетъ, что нѣтъ никакой надобности ограничивать число дворовыхъ, что опасеніе на счетъ увеличиванья числа ихъ возбуждено не фактами, а ревизскими числами, что изъ трехъ разрядовъ дворовыхъ (прислуги, ремесленниковъ и должностныхъ ходящихъ по оброку) только о первомъ слѣдуетъ разсуждать; но и этотъ разрядъ не долженъ возбуждать опасенія, потому что къ уменьшенію его ведутъ постепенно просвѣщеніе, хозяйственность и скудость средствъ помѣщиковъ. Графъ Чернышевъ не видѣлъ особенной надобности принимать особенныя правительственныя мѣры по сему предмету; онъ полагалъ, что, при благословеніи Божіемъ, при кроткихъ и наблюдательныхъ мѣрахъ правительства, опасенія эти сами собой исчезнутъ. По званію военнаго министра, Чернышевъ замѣчалъ, что, подобно тому какъ ограниченіе числа деньщиковъ признано многими мѣрою стѣснительною, такъ и освобожденіе дворовыхъ возбудитъ огорченіе дворянства, лишивъ родителей утѣшенія посылать на службу съ сыновьями-офицерами крѣпостныхъ слугъ. Въ лишеніи офицеровъ возможности имѣть деньщиковъ изъ крѣпостныхъ онъ видѣлъ существенную опасность. Изъ мѣръ къ уменьшенію числа дворовыхъ графъ Чернышевъ предлагалъ только одну: обложить дворовыхъ податью нѣсколько превышающею подать крестьянъ. Эта мѣра обнаружила бы желаніе правительства уменьшить число дворовыхъ и оказалась бы дѣйствительною. Относительно вопроса о времени принятія мѣръ къ уменьшенію числа дворовыхъ графъ Чернышевъ былъ того мнѣнія, что всякія мѣры, если онѣ будутъ приняты правительствомъ немедленно, поведутъ къ поколебанію всего государственнаго зданія. Графъ Чернышевъ находилъ, что для благоденствія земли Русской нужны не опасныя нововведенія, а только охраненіе и усовершенствованіе стараго порядка вещей. Подъ вліяніемъ такого взгляда, въ заключеніе своей записки, къ числу въ высшей степени опасныхъ нововведеній онъ отнесъ измѣненіе въ положеніи дворовыхъ людей; ибо, по мнѣнію его, «классъ этихъ людей способенъ при новой обстановкѣ покуситься на все».

II) Министръ государственныхъ имуществъ *) предлагалъ мѣры постепеннаго отдѣленія дворовыхъ людей отъ крѣпостнаго состоянія. Онъ полагалъ сначала учредить особое сословіе слугъ на правахъ подходящихъ къ мѣщанскимъ; за тѣмъ, мѣрами постепеннаго ограниченія правъ владѣльцевъ, достигнуть уменьшенія числа дворовыхъ, а потомъ предоставить имъ право получать свободу по уплатѣ нѣкото-

*) Т. е. графъ П. Д. Киселевъ.

рой денежной суммы помѣщикамъ. Подобныя мѣры, по мнѣнію его, прекратили бы существованіе класса дворовыхъ и замѣнили бы его цехомъ слугъ свободнаго состоянія.

Комитетъ имѣлъ три засѣданія, а именно 3-го, 11-го и 18-го Марта, о которыхъ былъ составленъ одинъ общій журналъ. Изъ него видно, что проектъ указа, представленный графомъ Блудовымъ, содержитъ въ себѣ предположенія двоякаго рода: во 1-хъ, относительно уменьшенія числа дворовыхъ, а во 2-хъ, относительно воспрещенія продавать крестьянъ изъ однѣхъ рукъ въ другія безъ земли. По первому изъ предположеній комитетъ, признавъ, что уменьшеніе числа дворовыхъ «*было бы дѣломъ и весьма желательнымъ, и существенно полезнымъ*», обратилъ вниманіе на изысканіе средствъ къ тому. Имѣя въ виду избѣгнуть нарушенія общественнаго спокойствія, комитетъ нашелъ невозможнымъ совершенное отдѣленіе дворовыхъ отъ крестьянскаго сословія, а также и внезапное изданіе о томъ общаго закона. По мнѣнію комитета предпочтительнѣе было бы обратиться къ мѣрамъ косвеннымъ и переходнымъ, наблюдая при введеніи ихъ нѣкоторую постепенность; такого рода распоряженія имѣли бы ту выгоду, что не повлекли бы за собой превратныхъ толковъ и потрясеній, которыхъ нельзя было бы не опасаться при рѣшительномъ образѣ дѣйствій.

Касательно втораго предположенія графа Блудова о воспрещеніи передачи крестьянъ въ другія руки безъ земли, комитетъ, не входя въ подробности по этому предмету, предположилъ только покупку крестьянъ малоземельныхъ имѣній въ казну.

Къ журналу своихъ засѣданій комитетъ приложилъ два проекта указовъ Правительствующаго Сената.

Въ первомъ изъ нихъ, основываясь на поясненіи дѣйствующихъ законовъ, комитетъ изложилъ свои предположенія: о стѣсненіи возможности увеличивать число дворовыхъ. Сверхъ того въ этомъ проектѣ подтверждалось право помѣщиковъ употреблять крестьянъ для работъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ заключеніе проекта, наблюденіе за законнымъ исполненіемъ всѣхъ изложенныхъ въ немъ постановленій возлагалось на губернское начальство и мѣстную полицію.

Второй проектъ указа Сенату имѣлъ видъ дополненія къ первому и заключалъ въ себѣ почти подстрочное изложеніе нѣкоторыхъ статей проекта указа, составленнаго графомъ Блудовымъ; сверхъ того въ немъ предлагалось предоставить свободнымъ дворовымъ право приписываться къ цеху слугъ на общемъ основаніи.

Журналъ комитета и проекты указовъ были представлены на высочайшее разсмотрѣніе. Государю Императору благоугодно было повелѣть оставить дѣло впредь до удобнѣйшаго времени.

Кромѣ того журналъ комитета, въ видѣ списковъ, былъ посланъ отъ князя Васильчикова графу Строгонову для личнаго руководства и графу Киселеву, какъ подлежащій исполненію по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ, а графу Блудову были возвращены подлинная его записка и проекты указовъ.

*

Во исполненіе воли Государя Императора были представлены отъ 11 членовъ *) комитета письменныя мнѣнія, для разсмотрѣнія коихъ произошло второе засѣданіе Комитета 19 Марта 1844 года.

1) Князь Васильчиковъ считалъ уничтоженіе разряда крѣпостныхъ дворовыхъ возможнымъ только тогда, когда исполненіе закона и наблюденіе за нимъ будутъ упрочены, а потому и предложилъ только въ то время приступить къ окончательнымъ мѣрамъ.

2) Князь Волконскій, одобряя цѣль уменьшенія дворовыхъ, вполнѣ раздѣлялъ мнѣнія министра внутреннихъ дѣлъ (Перовскаго). Кромѣ того онъ полагалъ, что, вмѣсто обложенія паспортовъ возвышенною податью, было бы полезнѣе для достиженія цѣли (если только это не будетъ сочтено нарушеніемъ крѣпостнаго права) воспретить перечисленіе крестьянъ съ пашни во дворъ послѣ ревизіи; иначе перепись въ самое краткое время окажется невѣрною.

3) Графъ Бенкендорфъ, соглашаясь съ необходимостью реформы, полагалъ, что увеличеніе пошлины за паспорты съ дворовыхъ поведетъ къ вздорожанію ихъ при наймѣ. Образованіе цеховъ и артелей по его мнѣнію было бы полезно, потому что польститъ самолюбію дворовыхъ и послужитъ къ исправленію ихъ нравовъ, испорченныхъ отъ подчиненія произволу помѣщика. Кромѣ того графъ Бенкендорфъ выразилъ, что не слѣдуетъ, приступая къ дѣлу о дворовыхъ опасаться какихъ-либо безпорядковъ. «При постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего достигнуть нельзя; причины взрыва, которыя во̀ время можно отклонить, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе опасность».

4) Графъ Чернышевъ полагалъ избѣгать всякихъ понудительныхъ мѣръ, могущихъ, по мнѣнію его, подать поводъ къ безпорядкамъ. Изъ мѣръ имъ предложенныхъ самая энергичная: внушеніе помѣщикамъ о переводѣ дворовыхъ въ крестьяне.

---

*) Кн. Васильчиковъ, кн. Волконскій, гр. Бенкендорфъ, гр. Чернышевъ, гр. Левашовъ, гр. Киселевъ, кн. Меншиковъ, гр. Блудовъ, д. с. с. Вронченко, д. с. с. Перовскій, бар. Корфъ.

5) Графъ Левашевъ, сознавая пользу неотложнаго уменьшенія числа дворовыхъ, считалъ для правительства необходимымъ принятіе рѣшительныхъ и немедленныхъ мѣръ.

6) Графъ Киселевъ предложилъ облегчительныя мѣры отнести ко всѣмъ разрядамъ, а мѣры понудительныя сперва къ разряду городскому, а потомъ постепенно распространять ихъ и на сельскихъ дворовыхъ людей. Графъ Киселевъ пространно описывалъ устройство цеха слугъ, которое должно быть первою мѣрою правительства. По его мнѣнію основанія должны быть слѣдующія: цехи раздѣляются на два разряда: собственно слугъ и чернорабочихъ; каждый разрядъ дѣлится на артели съ артельными старшинами, которые выбираютъ изъ своей среды голову и составляютъ съ нимъ управу цеха слугъ. Въ постоянные цеховые поступаютъ люди всѣхъ свободныхъ податныхъ сословій, а во временные крѣпостные. Пріемъ совершается съ согласія артельнаго старшины; цеховыя лица поступаютъ на службу по свидѣтельству старшины о ихъ благонадежности. Артели слугъ имѣютъ право удалять изъ своей среды членовъ за развратное поведеніе. Въ управѣ цеховые разбираются по дѣламъ малой важности и по проступкамъ. Уплата податей и отправленіе рекрутской повинности исполняются на общихъ основаніяхъ; кромѣ того цеховые вносятъ на содержаніе управленія цеха сумму равную годовой подати.

7) Князь Меншиковъ предложилъ перепись дворовыхъ, которая можетъ повести къ неблагопріятнымъ толкамъ и сомнѣніямъ, замѣнить результатами 8-й ревизіи. Изъ мѣръ поощрительныхъ и принудительныхъ онъ отдаетъ примущество первымъ; вторыя, по его мнѣнію, произведутъ общую тревоту и останутся болѣе нежели неисполнимыми. Отъ мѣръ поощрительныхъ можно ожидать лучшихъ результатовъ: помѣщики весьма естественно не будутъ желать сохраненія людей безполезныхъ, когда откроются способы къ ихъ сбыту. Князь Меншиковъ не считалъ дворовыхъ, служащихъ у своихъ господъ, подлежащимн отчужденію отъ нихъ, потому что такая мѣра была бы стѣснительна для домашнаго быта помѣщиковъ. Принявъ во вниманіе, что въ Остзейскихъ губерніяхъ дворовая прислуга освобождена отъ рекрутства, князь находилъ, что учрежденіе особыхъ рекрутскихъ участковъ изъ дворовыхъ стѣснило бы помѣщиковъ.

8) Въ запискѣ представленной графомъ Блудовымъ преимущественно обращено вниманіе на строжайшее избѣжаніе всякой преждевременной гласности о видахъ правительства. Между главными доводами въ пользу такого мнѣнія онъ выставляетъ на видъ то, что гласность можетъ возбудить опасенія и неудовольствія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ дворовыхъ. Графъ Блудовъ допускалъ снисхожденіе прави-

тельства, особливо въ началѣ, ко всему, что́ могло бы быть признано отступленіемъ отъ постановленныхъ правилъ, невозможность несвоевременной переписи дворовыхъ и отсрочку на долгое время запрещенія переводить крестьянъ во дворъ помѣщика.

9) Вронченко полагалъ къ мѣрамъ относительно дворовыхъ приступать съ величайшей осторожностью, дабы не возбудить ожиданій крѣпостныхъ крестьянъ. Новую перепись дворовыхъ онъ считалъ мѣрою опасною при началѣ дѣла, но полезною при концѣ его; потому что для ея дѣйствительности необходимо было бы соединить съ ней и запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовыхъ. Касательно имѣній заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, министръ финансовъ полагалъ порядокъ освобожденія изъ нихъ дворовыхъ людей оставить до производства переписи на прежнемъ основаніи, а послѣ переписи допускать отпускъ дворовыхъ людей безъ взноса за нихъ денегъ: а) въ имѣніяхъ малоземельныхъ до 5 душъ со ста, и б) въ имѣніяхъ многоземельныхъ и среднеземельныхъ до 10 и до 15 душъ на сто, а за отпускаемыхъ сверхъ этой пропорціи вносить деньги въ банкъ по расчету; затѣмъ послѣ новой переписи дворовыхъ людей въ размѣръ ссуды не принимать. Этимъ, по мнѣнію министра, предотвращается возможность затрудненія для кредитныхъ установленій и облегчится для помѣщиковъ уменьшеніе дворовыхъ.

10) Д. с. с. Перовскій въ своей запискѣ выразилъ необходимость предварительныхъ мѣръ, а именно: точное опредѣленіе числа дворовыхъ и запрещеніе перечислять крестьянъ въ дворовые. По его мнѣнію этимъ только способомъ правительство можетъ судить объ успѣхѣ дѣла.

11) Баронъ Корфъ, соглашаясь съ необходимостью уменьшенія класса дворовыхъ, обратилъ особенное вниманіе на затрудненіе при исполненіи всякихъ къ тому мѣръ.

Считая, что перепись дворовыхъ, безъ запрещеній переводить впредъ крестьянъ во дворъ, была-бы мѣрою недѣйствительною, онъ указывалъ на опасность подобнаго запрещенія, которое неизбѣжно возбудило-бы, сверхъ превратныхъ толковъ, тревогу и въ сословіи дворянъ, и кромѣ того не было-бы въ точности соблюдаемо. Установленіе цеха слугъ, по его мнѣнію, не можетъ способствовать уменьшенію числа дворовыхъ. Относительно увеличенія въ четверо подати дворовыхъ, баронъ Корфъ полагалъ, что тягость прибавочнаго платежа обратится не на помѣщиковъ, а на крестьянъ.

Во время засѣданія 19 Марта Государь Императоръ при чтеніи мнѣній изволилъ останавливать свое вниманіе на слѣдующихъ предметахъ.

Его Императорское Величество нашелъ справедливою мысль князя Васильчикова о производствѣ переписи дворовыхъ при общей ревизіи.

Соглашаясь съ предположеніемъ князя Волконскаго о воспрещеніи перечисленія крестьянъ въ дворовые, Его Императорское Величество изволилъ замѣтить, что конечно мѣра сія будетъ сочтена нарушеніемъ права помѣщиковъ, а потому этого воспрещенія слѣдуетъ избѣгать до послѣдней крайности.

По поводу опасеній князя Волконскаго, чтобы возвышеніе подати не вынудило владѣльцевъ отпускать на волю только людей испорченной нравственности, Его Величество изволилъ сказать, что помѣщикамъ будутъ предоставлены разнаго рода облегченія для увольненія излишнихъ дворовыхъ людей, и нѣтъ причины предполагать, чтобы владѣльцы воспользовались ими единственно для людей порочныхъ, ибо этихъ послѣднихъ выгоднѣе сдавать въ рекруты.

По поводу мнѣнія князя Чернышева Его Величество изволилъ сказать, что въ настоящее время на дворовыхъ надо смотрѣть какъ на людей взятыхъ изъ крестьянъ для необходимой прислуги въ домѣ и во дворѣ помѣщика. Очевидно, такая прислуга необходимо и долго еще, особенно въ деревняхъ, не можетъ быть замѣнена иною; но дворовые отпущенные господами по паспорту составляютъ явный для нихъ излишекъ въ отношеніи необходимой для нихъ прислуги. Къ сожалѣнію, многіе изъ владѣльцевъ отпускаютъ по паспортамъ изъ корыстныхъ видовъ. Подобныя дѣйствія не могутъ быть признаны въ основаніи своемъ законными, а потому правительство и имѣетъ право облагать паспорты особыми платежами и принимать всякія мѣры къ лучшему устройству людей ходящихъ по нимъ. Вотъ причины, по которымъ Его Величество считалъ, что первыя побудительныя мѣры къ уменьшенію числа дворовыхъ людей должны имѣть предметомъ ходящихъ по паспорту; что же касается до внутренней, домашней прислуги, то Государь говорилъ, что она на долгое время должна оставаться въ настоящемъ положеніи; здѣсь могутъ быть употреблены только однѣ облегчительныя мѣры.

Мысль графа Бенкендорфа, что причины опасеній не уничтожаются нерѣшимостью, и чѣмъ позднѣе будетъ взрывъ тѣмъ сильнѣе и опаснѣе, Его Императорское Величество изволилъ одобрить.

По поводу мнѣнія князя Меншикова, какъ неудобно служащихъ у своихъ помѣщиковъ людей вводить въ составъ цеховъ, Государь Императоръ замѣтилъ, что этого никогда и не предполагалось.

На мнѣніе князя Меншикова о принятіи въ основаніи относительно числа дворовыхъ результатовъ 8-й ревизіи вмѣсто новой пе-

реписи, Государь Императоръ, выслушавъ по сему предмету словесныя объясненія нѣкоторыхъ членовъ, изволилъ сказать, что мысль эта, какъ основательная, должна быть принята комитетомъ.

По предложенію князя Меншикова о дозволеніи помѣщикамъ отдавать дворовыхъ людей цѣлыми семействами въ вѣдѣніе государственныхъ имуществъ (при чемъ князь Меншиковъ ссылался на изъявленную уже однажды министромъ государственныхъ имуществъ готовность скупать въ кругу крестьянъ малоземельныхъ имѣній, когда допустятъ къ тому денежные способы) графъ Киселевъ съ своей стороны объяснялъ, что тамъ дѣло шло о крестьянахъ, привычныхъ къ сельскому быту, а здѣсь о дворовыхъ, которыхъ и сами помѣщики часто не могутъ обратить на пашню, почему и вѣдомство государственныхъ имуществъ не можетъ принять такихъ людей на свое попеченіе.

Его Величество изъявилъ свое согласіе на предложеніе князя Меншикова освобождать помѣщиковъ отъ взноса податей за всѣхъ тѣхъ дворовыхъ, кои будутъ отпускаемы на волю или выбывать изъ крѣпостнаго состоянія.

Комитетъ при чтеніи мнѣнія графа Киселева разсуждалъ объ устройствѣ цеховъ, при чемъ Государь Императоръ изволилъ признать нужнымъ открытіе цеховъ слугъ въ обѣихъ столицахъ, городахъ губернскихъ, портовыхъ и главнѣйшихъ уѣздныхъ.

По поводу предложенія графа Блудова не издавать указа объ учрежденіи служебныхъ цеховъ, а помѣстить оный въ приготовленномъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ положеніи о городскомъ управленіи, Государь Императоръ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ вопросомъ о возможности внесенія сего положенія въ Государственный Совѣтъ до наступленія вакантнаго времени, на что д. с. с. Перовскій отвѣчалъ, что положеніе въ такое короткое время готово быть не можетъ.

По поводу мнѣнія барона Корфа Его Величество выразился, что считаетъ удобнѣйшимъ прежде всего подвергнуть мѣрамъ правительства дворовыхъ, ходящихъ по паспортамъ. При этомъ многіе члены согласились съ мнѣніемъ Государя Императора.

По прочтеніи мнѣній членовъ Его Императорское Величество приступилъ, въ засѣданіи 19 Марта, къ выводу окончательныхъ заключеній.

Прежде всего Его Величество обратилъ вниманіе членовъ на главную цѣль всѣхъ предлагаемыхъ мѣръ. Эта цѣль состояла въ измѣненіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Помышленіе объ этомъ никогда не оставляло Его Императорскаго Величества въ теченіе 18-ти лѣт-

няго царствованія. Считая въ семъ дѣлѣ постепенность мѣръ первымъ условіемъ, Его Величество принялъ намѣреніе начать съ дворовыхъ людей. Изъ нихъ положеніе ходящихъ по паспортамъ, какъ не имѣющее законнаго основанія, болѣе другихъ даетъ правительству поводъ заняться ихъ устройствомъ.

Принимая во вниманіе одобренно всѣми членами учрежденіе служебныхъ цеховъ, Его Величество предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно войти въ соображенія по этому предмету и не оставить просить особаго о томъ постановленія, принимая въ немъ во вниманіе выраженную уже Его Величествомъ мысль о всеобщности этого учрежденія.

Относительно переписи дворовыхъ Его Величество выразилъ убѣжденіе, что перепись эту слѣдуетъ отложить до общей ревизіи.

Объ учрежденіи для дворовыхъ особыхъ рекрутскихъ участковъ Его Величество, принявъ во вниманіе раздѣленіе поровну мнѣній членовъ, положилъ отложить обсужденіе этого предмета до другаго времени.

Запрещеніе помѣщикамъ переводить крестьянъ во дворъ Его Величество призналъ рѣшительно на долгое время невозможнымъ.

Предъ закрытіемъ засѣданія Его Величество изволилъ приказать графу Блудову съ д. т. с. Вронченкою и съ ст. секр. Гофманомъ сообразить мѣры, названныя во многихъ мнѣніяхъ облегчительными, въ томъ числѣ и постановленія относительно состоящихъ въ залогѣ въ кредитныхъ учрежденіяхъ имѣній, и составить въ продолженіи десяти дней окончательное о томъ предположеніе.

*

По случаю представленной графомъ Блудовымъ по согласію съ д. т. с. Вронченкою и ст. секр. Гофманомъ записки о мѣрахъ къ облегченію помѣщикамъ увольненія дворовыхъ людей, произошло третье засѣданіе секретнаго комитета 5 Апрѣля 1844 года. Въ этомъ засѣданіи была читана только означенная записка. Въ ней сначала выставлены на видъ всѣ облегчительныя мѣры, предложенныя разными членами секретнаго комитета и подведены подъ слѣдующія пять вопросовъ:

1) Устроить и облегчить вообще обряды и условія, существующіе нынѣ для отпуска дворовыхъ людей на волю.

2) Дать владѣльцамъ возможность отпускать дворовыхъ людей на волю по договорамъ съ ними, за особые срочные платежи.

3) Разрѣшить отпускъ на волю изъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, безъ испрошенія предварительнаго согласія на то означенныхъ установленій.

4) Дозволить помѣщикамъ сдавать дворовыхъ людей цѣлыми семьями въ распоряженіе Палатъ Государственныхъ Имуществъ.

5) Сдаваемыхъ владѣльцами, по предоставленному имъ праву, въ распоряженіе Губернскихъ Правленій дворовыхъ людей принимать съ отношеніемъ всѣхъ при томъ издержекъ на счетъ казны.

Потомъ представлены послѣдовательныя соображенія по каждой мѣрѣ въ отдѣльности и заключенія объ нихъ.

Потомъ каждый отдѣлъ обсужденъ особенно и представлены по нимъ выводы членовъ, составлявшихъ записку. При чтеніи записки Государь Императоръ останавливался на этихъ выводахъ, подвергая ихъ по пунктамъ обсужденію членовъ и по выслушанію различныхъ замѣчаній постановилъ рѣшительныя заключенія.

Относительно мѣръ, касающихся предметовъ перваго вопроса Государь Императоръ положилъ принять форму и условія для отпуска дворовыхъ людей, предложенныя въ запискѣ.

При разсужденіи по второму вопросу Его Императорское Величество изволилъ приказать министру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе о составленіи особаго вспомогательнаго капитала для выдачи подъ личный залогъ ссуды для пособія дворовымъ, не могущихъ освободиться отъ крѣпостной зависимости по недостатку денегъ. Кромѣ того Государь Императоръ всѣ пункты этого вопроса изволилъ утвердить безъ измѣненія.

По третьему вопросу Его Величество одобрилъ всѣ изложенныя въ запискѣ предположенія, и кромѣ того изволилъ принять мысль графа Блудова о примѣненіи ихъ къ имѣніямъ, состоящимъ въ залогѣ по питейнымъ откупамъ и вообще по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

На четвертомъ вопросѣ Государь Императоръ не останавливался, а также и мѣры о передачѣ дворовыхъ людей въ распоряженіе Губернскаго Правленія отложены до болѣе удобнаго времени.

Окончивъ обсужденіе предположеній къ облегченію владѣльцамъ отпуска дворовыхъ на волю, Его Величество одобрилъ предположеніе графа Блудова не издавать особаго указа о всѣхъ мѣрахъ въ совокупности, а раздѣлить ихъ по управленіямъ, къ коимъ онѣ относятся.

Въ заключеніе засѣданія Его Величество приказалъ:

1) По предположенію объ увольненіи дворовыхъ людей состоящихъ въ залогѣ войти управляющему Министерствомъ Финансовъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ, принявъ поводомъ къ этому сокращеніе излишней переписки и доставленіе бо́льшей удобности помѣщикамъ въ распоряженіи ихъ имѣніями, находящимися въ залогѣ; и

2) По предположенію о мѣрахъ къ облегченію владѣльцамъ отпуска дворовыхъ людей безъ земли на разныхъ основаніяхъ графу Блудову, д. т. с. Вронченко и д. т. с. Перовскому составить проектъ указа и внести оный на предварительное разсмотрѣніе секретнаго комитета.

Вслѣдствіе перваго приказанія Государя Императора д. т. с. Вронченко препроводилъ, 20 Апрѣля, составленное имъ представленіе Государственному Совѣту объ освобожденіи части дворовыхъ людей изъ залога въ банковыхъ установленіяхъ къ государственному секретарю, а отъ него оно 21 Апрѣля поступило въ Государственный Совѣтъ.

Во исполненіе втораго приказанія Государя Императора графъ Блудовъ, по согласію съ Перовскимъ и Вронченкою, составилъ проектъ указа о разныхъ облегченіяхъ кь увольненію владѣльцами дворовыхъ людей, и объяснительную къ нему записку, которые и были представлены чрезъ князя Васильчикова 21 Апрѣля на разсмотрѣніе Государя Императора, изволившаго собственноручно на нихъ написать: «Я на«хожу, что проектъ указа совершенно согласенъ съ основаніями при«нятыми въ нашемъ комитетѣ, почему и полагаю его, по перепискѣ, «подписать и не медля издать, развѣ вы имѣете что еще замѣтить.»

Эти бумаги возвращены къ графу Блудову для внесенія установленнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ *).

Въ запискѣ къ проекту графъ Блудовъ объснилъ, что онъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ редакціи нѣкоторыхъ пунктовъ противъ одобренной Государемъ Императоромъ меморіи, но не коснулся сущности одобренныхъ предположеній.

Самый проектъ указа содержитъ въ себѣ ссылку на указъ 1842 года Апрѣля 2-го дня о дозволеніи помѣщикамъ крѣпостныхъ людей своихъ обращать въ обязательныхъ крестьянъ.

Затѣмъ въ проектѣ значилось: «Считая полезнымъ тѣмъ изъ вла«дѣльцевъ, кои сами пожелаютъ увольнять своихъ дворовыхъ людей «безъ земли, также за условленныя повинности, доставить къ тому «возможность и обезпечить точное исполненіе означенныхъ повинностей «особенными мѣрами взысканія, признали мы за благо, согласно съ «представленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, размотрѣнномъ въ Го«сударственномъ Совѣтѣ, постановить слѣдующія правила.

Всѣхъ статей въ проектѣ 15 слѣдующаго содержанія:

1) Дозволеніе владѣльцамъ, отпускающимъ на волю дворовыхъ, вступать съ ними въ договоры о платежѣ послѣдними особыхъ суммъ въ опредѣленные сроки.

---

*) Дальнѣйшая судьба проекта указа изъ дѣла не видна.

2) Договоры эти писать при двухъ свободныхъ свидѣтеляхъ на гербовой бумагѣ въ 90 коп. сер. и вносить въ книги у крѣпостныхъ дѣлъ.

3) Отпущенныхъ такимъ образомъ на волю считать навсегда свободными.

4) Въ случаѣ неисправнаго платежа вольноотпущенными владѣльцу предоставляется право взыскивать договорную сумму чрезъ мѣстную полицію изъ всякаго движимаго и недвижимаго имущества вольноотпущеннаго, преимущественно передъ всѣми казенными и частными долгами и повинностями; при несостоятельности должника брать его въ рекруты, а квитанцію выдавать владѣльцу.

5) Если подобные люди окажутся неспособными къ военной службѣ, то отдавать въ заработки частнымъ лицамъ.

6) Дворовымъ людямъ вступающимъ въ договоры объявить, при внесеніи приговоровъ въ книгу у крѣпостныхъ дѣлъ, о строгости мѣръ взысканія съ нихъ суммъ.

7) Владѣльцамъ дозволяется писать отпускныя со включеніемъ условій, вступающихъ въ дѣйствіе по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ службы дороваго у владѣльца.

8) Подобныя отпускныя должны быть явлены у крѣпостныхъ дѣлъ.

9) Отпущенные такимъ образомъ на волю дворовые до полученія совершенной свободы должны числиться по ревизскимъ сказкамъ за ихъ владѣльцами.

10) Съ окончаніемъ сроковъ ихъ службы они получатъ право свободныхъ податныхъ сословій.

11) Они могутъ послѣ того оставаться у прежнихъ своихъ владѣльцевъ, но не иначе какъ по собственному своему согласію на правилахъ найма.

12) Владѣльцы отпустившіе дворовыхъ освобождаются отъ платежа за нихъ казенныхъ повинностей срокомъ отъ слѣдующей за полнымъ отпускомъ половины года.

13) Отпущенные дворовые люди избавляются отъ рекрутской повинности до новой ревизіи; если же ревизія послѣдуетъ ранѣе десяти лѣтъ со дня отпуска, то на десять лѣтъ.

14) Равнымъ образомъ освобождаются они до новой ревизіи отъ платежа податей; тѣмъ же изъ нихъ, которые припишутся въ мѣщане давать льготу отъ всѣхъ податей на шесть лѣтъ.

15) Все что въ настоящемъ указѣ постановляется о дворовыхъ, относится только къ тѣмъ, кои записаны таковыми въ настоящую ревизію.

Примѣчаніе 1-е. На замѣчаніе Его Величества князь Васильчиковъ представилъ краткую объяснительную записку, въ которой онъ слова проекта указа «согласно представленію министра внутреннихъ дѣлъ разсмотрѣнному въ Государственномъ Совѣтѣ» основывалъ на удостоившемся утвержденія предположеніи объяснительной записки гр. Блудова о раздѣленіи предположенныхъ мѣръ по управленіямъ до коихъ они относятся, и о внесеніи ихъ въ Государственный Совѣтъ министрами. По симъ причинамъ, говорилъ кн. Васильчиковъ, мнѣ кажется, что мысль покойнаго графа Сперанскаго приводить въ дѣйствіе всѣ мѣры по сему важному дѣлу, не отступая отъ формъ обыкновеннаго порядка слѣдовало бы нынѣ удержать, какъ полезную и устраняющую излишніе толки.

На томъ же онъ основываетъ и состоявшееся къ 21 Апрѣля внесеніе въ Государственный Совѣтъ д. т. с. Вронченкою представленія, относящагося до Министерства Финансовъ.

Эта записка князя Васильчикова удостоилась собственноручной надписи Его Величества: «Согласенъ, *съ надеждѣ, что не послѣдуетъ въ Совѣтѣ на вводъ ея излишнихъ преній*».

*

Примѣчаніе 2-е. Утромъ 6 Апрѣля баронъ Корфъ представилъ Его Величеству особое свое мнѣніе въ видѣ записки. Въ немъ онъ объясняетъ, что, будучи впервыя призванъ предъ Его Величество съ совѣщательнымъ голосомъ, младшій изъ всѣхъ и знаніемъ, и опытностью, онъ не осмѣлился возбудить въ собраніи главный, основный, по его мнѣнію вопросъ: «полезно ли вообще облегчать помѣщикамъ отпускъ дворовыхъ людей?» Но вслѣдствіе всемилостивѣйше обращенныхъ въ первомъ засѣданіи къ каждому изъ членовъ священныхъ словъ Государя Императора «сказать свое заключеніе со всею искренностью, по долгу совѣсти и присяги», онъ не смѣлъ и считалъ бы нарушеніемъ приличія и сего долга скрыть предъ Его Величествомъ означенныя сомнѣнія. Вотъ они:

«Мѣры облегченія и поощренія къ отпуску дворовыхъ людей «могли и должны представляться совершенно необходимыми, пока пред«полагалось *стѣснить* помѣщиковъ въ *обладаніи сими людьми.* За«трудняя владѣніе, государственная справедливость должна была ука«зать и средства къ добровольному отъ него отреченію. Но теперь, «когда всѣ мѣры *стѣснительныя* по убѣжденію и волѣ Вашего Вели«чества отклонены, а съ ними отпала и главная цѣль мѣръ *облегчи-*

«*тельныхъ*, не должно ли опасаться, что сіи послѣднія увеличатъ лишь «бродяжничество и празднoшатательство?»

«Множество помѣщиковъ, безъ сомнѣнія, воспользуются, чтобы «освободить своихъ дворовыхъ людей или лучше сказать, чтобы са«мимъ отъ нимъ освободиться. Но отъ какихъ? Конечно не отъ тѣхъ, «которые имъ необходимы или полезны, а отъ такихъ, которые обра«щаются имъ въ тягость, не вознаграждаемую соразмѣрною пользою. «Не всѣ владѣльцы одинаково благонамѣренны и благоразумны. Иной «увлечется, можетъ быть, и желаніемъ показать себя угоднымъ пра«вительству, но угоднымъ только по виду, съ пользой въ сущности «*для одного себя* и безъ заботы объ участи увольняемыхъ имъ на «произволъ судьбы. Отпускъ на волю есть не договоръ, а дѣйствіе «одностороннее: помѣщикъ отпуская своего человѣка, не обязанъ «спрашивать, согласенъ ли онъ получить свободу и чѣмъ будетъ послѣ «кормиться».

«Отсюда вопросъ: куда размѣстятся всѣ эти извергнутые своими «владѣльцами люди, какое общество ихъ приметъ, въ какой цехъ до«пустятъ ихъ записаться особенно съ круговою порукой, кто воз«метъ ихъ къ себѣ? Не породится ли черезъ то классъ, можетъ «статься, многочисленный, бездомныхъ и безпріютныхъ пролетаріевъ, «которыхъ мы теперь не знаемъ, потому что за крѣпостныхъ отвѣ«чаютъ за все владѣльцы, а за прочихъ общества? Какая будетъ вы«года отъ того, что люди, состоящіе теперь на попеченіи и отвѣтѣ «своихъ господъ, вдругъ останутся безо всякаго попеченія и отвѣта, «безъ крѣпостной правда зависимости, но и безъ хлѣба, и сами они «въ такомъ случаѣ сдѣлаются ли черезъ свободу счастливѣе, лучше, «полезнѣе для общественнаго быта и безопаснѣе для правительства? «Самыя льготы не обратятся ли такимъ образомъ въ премію за по«рокъ, лѣность и неспособность?»

«Одно еще здѣсь представляется замѣчаніе. Чѣмъ болѣе отпу«стятъ на волю дворовыхъ людей, тѣмъ болѣе остальные, вѣроятно «лучшіе, восчувствуютъ тягость своего положенія и почтутъ себя «огорченными, тѣмъ болѣе поселится неудовольствія и зависти въ «классѣ крестьянъ, которые до сихъ поръ признавались въ отношеніи «къ помѣщику совершенно за одно съ дворовыми. Не будетъ ли это «въ совокупности причиною, что предусматриваемая отъ крѣпостнаго «состоянія опасность изъ будущей *возможной* обратится въ настоя«щую и дѣйствительную и, такъ сказать, накличется *теперь же*?»

Въ заключеніе, сдѣлавъ предположеніе о возможной невѣрности своихъ взглядовъ, баронъ Корфъ повергаетъ свое мнѣніе къ стопамъ Его Величества.

На подлинномъ Государь Императоръ изволилъ отмѣтить карандашемъ слѣдующія слова: «Сегодня утромъ получилъ я сіе мнѣніе. Я «бы предпочелъ, чтобы баронъ Корфъ представилъ все это въ са«момъ комитетѣ, гдѣ тогда же бы обсудили, въ какой степени замѣ«чанія его справедливы. Съ моей стороны нахожу, что мысли не безъ «основанія, ежели бы всѣ правительственныя мѣры оканчивались толь«ко *тѣмъ*, чтó въ послѣднихъ засѣданіяхъ положено. Но я полагаю «это только предисловіемъ».

*

Въ 1846 г. Ноября 3-го дня подана была Государю Императору отъ министра внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Перовскаго записка объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Сущность содержанія этой записки состоитъ въ слѣдующемъ.

Необходимость освобожденія крестьянъ не подлежитъ сомнѣнію. Но свобода по понятіямъ крестьянъ состоитъ въ совершенномъ безначаліи и неповиновеніи. Принявъ во вниманіе, что въ массѣ народа существуетъ такое *безсмысленное и страшное* понятіе, министръ внутреннихъ дѣлъ полагаетъ невозможнымъ обращеніе крѣпостныхъ людей въ вольныхъ «однимъ почеркомъ пера». По его мнѣнію никакое предвидѣніе не въ состояніи указать послѣдствій такого внезапнаго переворота, и никакія силы не могутъ быть достаточны для сохраненія порядка и безопасности среди безначалія и народнаго возмущенія, которое должно быть неминуемымъ слѣдствіемъ объявленія свободы, съ какими бы предосторожностями оно ни послѣдовало.

Помѣщики сами, по мнѣнію министра, начинаютъ понимать, что крестьяне имъ въ тягость и желаютъ перемѣны этихъ обоюдно-невыгодныхъ отношеній.

Изложивъ возрѣніе свое на пониманіе свободы обоими классами, министръ относительно перваго вопроса объ освобожденіи крестьянъ объясняетъ, что крестьяне ни безъ земли, ни даже съ землею безусловно уволены быть не могутъ.

Первый видъ освобожденія крестьянъ не допускается министромъ какъ не обезпечивающій положенія крестьянъ.

Второй отвергается имъ, потому что, вопервыхъ, помѣщиковъ нельзя лишить законной собственности; вовторыхъ, правительство не можетъ дать помѣщикамъ вознагражденія за землю; втретьихъ, надѣливъ крестьянъ по числу душъ, слѣдовало бы продолжать этотъ надѣлъ, по мѣрѣ увеличенія населенія, до послѣдняго клочка помѣ-

щичьей земли и, наконецъ, вчетвертыхъ, крестьяне, освободившись отъ надзора помѣщика, перестали бы обрабатывать землю, и отъ этого произошелъ бы многолѣтній голодъ. Съ другой стороны помѣщики, оставшись безъ земли или съ небольшими клочками, пришли бы въ раззореніе.

На основаніи этихъ доводовъ и даннаго имъ развитія д. т. с. Перовскій полагалъ: 1) что слѣдуетъ установить между помѣщиками и крестьянами отношенія, при коихъ первые оставались бы владѣльцами своихъ земель, а вторые обработывали бы ихъ на извѣстныхъ условіяхъ; 2) что самое освобожденіе крестьянъ должно имѣть видъ постепеннаго ограниченія крѣпостнаго права незамѣтнымъ для крестьянъ образомъ; 3) при этомъ должно избѣгать всякихъ мѣръ, которыя могли бы выразить ясно цѣли правительства и особенно стараться не произносить словъ *свобода* или *вольность*, потому что это *слово* страшнѣе *дѣла*.

За тѣмъ министръ считалъ первою мѣрою къ постепенному ограниченію крѣпостнаго права образованіе такихъ учрежденій, которыя бы могли принять на себя исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей лежащихъ на помѣщикахъ. Съ этою цѣлью онъ предложилъ сначала вопервыхъ, устроить мѣстное управленіе и земскую полицію такъ, чтобы помѣщикъ и крестьяне находили въ нихъ должное покровительство и защиту; вовторыхъ, уровнять денежныя и натуральныя повинности; втретьихъ, обезпечить народное продовольствіе. За тѣмъ уже обратиться *къ опредѣленію правъ, обязанностей и повинностей. Это должно служить краеугольнымъ камнемъ для цѣлаго зданія.* Но достигнуть этого полагалъ министръ можно только помощью инвентарей и введенія ипотечныхъ книгъ для утвержденія кредита. Когда же инвентари опредѣлятъ въ нѣкоторой степени взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, тогда должно приступить, въ видѣ дополненія и объясненія инвентарныхъ правилъ, къ изданію слѣдующихъ постановленій:

1) Дарованіе крестьянамъ права владѣть движимою и недвижимою собственностью.

2) Пріемъ въ залогъ однихъ земель и угодій, а не душъ.

3) Приписка всѣхъ крестьянъ крѣпостныхъ къ населеннымъ землямъ.

4) Воспрещеніе отчуждать крестьянъ безъ земли.

5) Ограниченіе, а потомъ запрещеніе, переводить людей съ пашни во дворъ.

6) Ограниченіе, а потомъ запрещеніе, взиманія оброка съ людей не пользующихся землями и угодіями отъ владѣльцевъ.

7) Прекращеніе отдачи крестьянъ въ другія руки для обученія съ предоставленіемъ только права увольнять ихъ для того по собственному желанію.

Со временемъ, когда эти мѣры, разсмотрѣнныя и добавленныя, по мѣрѣ надобности, вступили бы въ силу, то для довершенія всего дѣла оставалось бы только разрѣшить свободный переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому.

Впрочемъ, по мнѣнію министра, безусловная свобода перехода не можетъ быть допущена; она должна быть значительно ограничена, какъ то сдѣлано у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе своей записки министръ выразилъ твердую увѣренность въ томъ, что только предложенный имъ путь можетъ повести къ успѣшному окончанію дѣла и вторично обратилъ вниманіе правительства на необходимость *улучшенія мѣстныхъ управленій.*

Для разсмотрѣнія записки д. т. с. Перовскаго Государь Императоръ высочайше изволилъ повелѣть учредить секретный комитетъ изъ трехъ членовъ (князь Васильчиковъ, графъ Орловъ и д. т. с. Перовскій) подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ засѣданіи 1846 г. Марта 1-го дня секретный комитетъ разсматривалъ записку Перовскаго. Прежде всего комитетъ обсудилъ мысль министра объ освобожденіи крѣпостныхъ людей путемъ постепеннаго ограниченія крѣпостнаго права. Потомъ приступлено было къ разсмотрѣнію предложенныхъ мѣръ. Относительно приготовительныхъ (какъ-то устройства управленій, уравненія повинностей и обезпеченія народнаго продовольствія) комитетъ, хотя и признавалъ ихъ неизбѣжность, но, принимая во вниманіе необходимость скораго ихъ исполненія, онъ считалъ нужнымъ, не оставаясь въ ожиданіи ихъ, приступить къ опредѣленію средствъ самаго освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Вопросъ этотъ былъ поставленъ въ комитетѣ слѣдующимъ образомъ: «какая степень свободы крѣпостныхъ людей отъ помѣщичьей власти возможна и полезна въ настоящемъ положеніи вещей?»

По мнѣнію комитета для существованія Россіи въ должномъ величіи необходимо самодержавіе. Поэтому свобода должна состоять въ личномъ и имущественномъ огражденіи каждаго и въ повиновеніи всѣхъ законамъ, исходящимъ отъ одного высшаго источника. Помѣщикъ долженъ быть блюстителемъ надъ крестьянами, какъ орудіе и опора самодержавной власти; но власть его должна быть ограничена, и крестьянинъ огражденъ отъ злоупотребленія оной.

Комитетъ полагалъ начать дѣло освобожденія крестьянъ съ дарованія имъ гражданскихъ правъ. Но такъ какъ всѣ права въ сущности

ничтожны, если они не охраняются правомъ жалобы и непремѣнностью возстановленія въ случаѣ нарушенія, то по мнѣнію комитета первыми дѣйствіями правительства должны быть:

Во первыхъ, точное опредѣленіе власти помѣщика надъ личностью крестьянина.

Во вторыхъ, огражденіе собственности крестьянина отъ произвольныхъ притязаній помѣщиковъ.

И въ третьихъ, дарованіе крестьянамъ права жалобы на злоупотребленіе помѣщичьей власти и установленіе порядка разсмотрѣнія дѣлъ сего рода.

Относительно первой мѣры, комитетъ, находя, что основаніе ей уже положено въ нашихъ законахъ, предлагалъ правительству обратить особенное вниманіе на точное исполненіе сего закона.

По второй мѣрѣ комитетъ, обсудивъ предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о введеніи инвентарей и считая невозможнымъ скорое составленіе оныхъ, полагалъ, что немедленно слѣдуетъ приступить къ составленію закона о собственности, такъ какъ этотъ законъ долженъ служить основаніемъ постепенному ограниченію власти помѣщиковъ и введенію инвентарнаго положенія.

При этомъ комитетъ предлагалъ, избѣгая излишней гласности, предоставить II Отдѣленію Собственной Е. В. Канцеляріи въ составляемое общее гражданское уложеніе включить постановленіе объ огражденіи движимаго имущества крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ.

Третья мѣра, дарованіе крестьянамъ права жалобы на помѣщика, сочтена преждевременною; этой мѣрѣ, по мнѣнію комитета, должно предшествовать опредѣленіе личныхъ и имущественныхъ правъ.

Идти далѣе этого по мнѣнію комитета еще долго невозможно, не возбудивъ опасныхъ толковъ безъ существенной пользы.

Комитетъ въ заключеніе своего засѣданія постановилъ, составя журналъ, повергнуть оный на высочайшее благоусмотрѣніе.

На этомъ журналѣ собственною Государя Императора рукою написано: «исполнить».

Кромѣ того князю Васильчикову высочайше поручено составить на основаніи заключеній секретнаго комитета проекты отношеній къ графу Блудову и къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Эти проекты представлены княземъ Васильчиковымъ 30 Марта.

Въ первомъ на имя графа Блудова сообщается, что по высочайшему повелѣнію II Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи предоставляется при составленіи новаго уложенія оградить движимое имущество помѣщичьихъ крестьянъ отъ неправедливыхъ притязаній

владѣльцевъ. При этомъ сообщается воля Его Императорскаго Величества не издавать о томъ манифеста или указа, а ввести сіе постановленіе въ число распоряженій, относящихся къ новому Уголовному Уложенію, и притомъ не постановлять никакихъ особенныхъ мѣръ наблюденія за исполненіемъ, предоставя это времени и обстоятельствамъ, даже дать прежде укрѣпиться понятію о правѣ, а потомъ усиливать постепенно способы охраненія онаго.

Во второмъ (на имя министра внутреннихъ дѣлъ) сказано, что посылается списокъ съ высочайше утвержденнаго журнала, для зависящаго отъ него наблюденія за постояннымъ исполненіемъ предначертаній комитета и сообщается содержаніе отношенія, посланнаго къ графу Блудову.

Оба проекта удостоены высочайшей подписи: «Согласенъ». С.-Петербургъ, 21 Марта 1846.

РѢЧЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

уполномоченнымъ Петербургскаго дворянства.

(мартъ 1851 года).

Меня дурно поняли! Я, въ первомъ моемъ указѣ объ обязанныхъ крестьянахъ, ясно сказалъ, что земля принадлежитъ помѣщикамъ. Это священное ихъ право, котораго никакая власть отнять не можетъ. Вся моя сила въ васъ. Русское дворянство всегда было предано Царю и Отечеству. Внѣшнихъ враговъ . не боюсь; во главѣ васъ я непобѣдимъ. Вы могли на меня имѣть неудовольствія, непріятности, и даже огорченіе. Забудемъ прошлое и дружно возмемся рука объ руку. Въ вашемъ лицѣ я говорю всему Русскому дворянству. Можете разсказать всѣмъ и каждому.

REMEMBER.

Переписка профессоровъ Шевырева и Погодина, напечатанная въ Русскомъ Архивѣ 1882 и 1883 годовъ, напоминаетъ мнѣ счастливые годы пребыванія въ Московскомъ Университетѣ. Какая разница съ нынѣшнимъ временемъ! Теперь какія-то, дѣловыя формальныя отношенія студентовъ къ Университету; тогда теплыя и сердечныя.

«Что́ дѣлали наши профессора, чтобы до такой степени развить въ насъ идеи истины и добра?» говорилъ одинъ изъ студентовъ на университетскомъ обѣдѣ 1858 года въ Петербургѣ. «Вѣрно они сами были глубоко проникнуты ими. Какъ бы то ни было, только съ годами во мнѣ сильнѣе и сильнѣе растетъ чувство безпредѣльной къ нимъ благодарности.»

Были, конечно, и въ то время студенты, «казенно» относившіеся къ слушанію и записыванію лекцій и сдачѣ экзаменовъ; но было немало такихъ, которые сердечно интересовались ими и часто послѣ лекцій обращались къ профессорамъ за разъясненіями. Вопросы часто были изъ тѣхъ, которыми жила тогда вся умственная Москва, а студенты и подавно. Тогда политическія и соціальныя заботы не удручали ихъ. Профессора охотно отвѣчали на вопросы, видимо поощряя молодежь. Ее тоже не отвлекали отъ науки политическія и соціальныя задачи. Профессора не уклонялись отъ сношеній со студентами, а поддерживали ихъ охотно, сердечно, не ища популярности.

Интересуясь религіозными вопросами, я силился примирять ихъ съ наукою и, по временамъ, пробовалъ писать объ этомъ. Одно изъ такихъ моихъ писаній я отнесъ Т. Н. Грановскому, который жилъ тогда, помнится, у «Николы въ Грачахъ.» Когда я пришелъ къ нему спросить о впечатлѣніи, Тимоѳей Николаевичъ долго и дружески разговаривалъ со мною, распрашивалъ и наконецъ бережно посовѣтовалъ

прочитать такія и такія-то книги. Разумѣется онъ не внушилъ мнѣ авторитетно, что прежде всего необходимо запастись основательными свѣдѣніями, а потомъ разсуждать.

С. П. Шевыревъ, издававшій тогда «Москвитянинъ», охотно печаталъ въ немъ произведенія студентовъ. Такъ онъ напечаталъ какія-то мои наблюденія надъ нравами Московскаго общества, облеченныя въ форму типовъ.

Даже Н. И. Крыловъ старательно слѣдилъ за занятіями студентовъ своего факультета, ревниво оберегая ихъ отъ увлеченій посторонними предметами. На экзаменѣ изъ Римскаго права, выслушавъ мои удовлетворительные отвѣты, онъ, не скрывая, поставилъ мнѣ 3, и внушительно замѣтилъ: «Типами занимаетесь.»

Говорить ли о добрѣйшемъ П. С. Нахимовѣ, инспекторѣ студентовъ, предметѣ благодарныхъ воспоминаній въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ Московскихъ студентовъ, несмотря на то, что онъ строго и усердно наблюдалъ за прическою и формою и нѣкоторыхъ студентовъ приказывалъ при себѣ стричь, какъ гласитъ преданіе?

Fiant meliora potentes.

***

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИГА.

Въ текущемъ 1884 году вышла въ Петербургѣ книга *Н. Ланской* подъ заглавіемъ: *Лавры и Тернія. Романъ изъ временъ Русско-Турецкой войны.* Скрывъ подъ псевдонимомъ свое настоящее имя, авторъ въ тоже время замаскировалъ и свои любопытные мемуары названіемъ „романа". Не имѣя права раскрыть псевдонимъ, мы, какъ и каждый читатель, можемъ однако заявить, что повѣствованіе г-жи Ланской совсѣмъ не романъ, а живая и правдивая хроника. Скажемъ болѣе: тутъ совсѣмъ нѣтъ вымысла, а литературное достоинство обусловливается только правдивостью. Объ этомъ конечно засвидѣтельствуютъ лица, жившія въ описываемое время въ *Златоглавѣ* и примыкавшія и къ „Красному Кресту", и къ дѣятельности благотворительныхъ кружковъ въ военныхъ госпиталяхъ.

Г-жа Тавлѣева, личныя воспоминанія которой и составляютъ содержаніе книги, прибыла въ Златоглавъ именно въ то время, какъ началась война. Съ нею вмѣстѣ читатель переживаетъ впечатлѣнія тѣхъ дней, когда выступали изъ Кіева войска и съ горъ его, осѣненныхъ тополями, безъ конца съѣзжали орудія. Это недавнее прошлое вновь переживается при чтеніи первыхъ главъ романа, и мысль невольно переносится къ тѣмъ лицамъ, которыя выдвинулись впередъ при первомъ движеніи общественныхъ силъ на помощь раненымъ. Ознакомившись съ двумя-тремя лицами, о которыхъ говоритъ Тавлѣева, читатель незамѣтно вступаетъ въ періодъ *Плевны.* „Послѣ долгихъ, тревожныхъ ожиданій появилась знаменательная телеграмма съ однимъ роковымъ именемъ: телеграфъ назвалъ въ первый разъ *Плевну.* Строчки прыгали передъ глазами; не хотѣлось вѣрить тому, что̀ говорила телеграмма. Кто могъ себѣ представить, чтобы одно простое слово, одно коротенькое названіе въ состояніи было имѣть такое удручающее значеніе, что оно могло до такой степени собою придавать? Плевна—это значило потеря, отступленіе, паника, ужасъ и смерть нѣсколькихъ тысячъ за разъ. А съ тѣхъ

поръ по улицамъ Златоглава и утромъ, и вечеромъ тянулись погребальныя процессіи съ искалѣченными людьми".

Въ это время „Красный Крестъ" со своими блистательно устроенными больничными палатами оказался учрежденіемъ недостаточнымъ, помимо котогораго раненые и больные солдаты наполнили многія обширныя казенныя зданія, какъ-то: казармы, редуты, крѣпостныя башни, а за ними и монастырскія гостинницы. Авторъ живыми штрихами обрисовываетъ прежде всего „Красный Крестъ" съ его „генеральскими бараками на Минеральныхъ Водахъ, съ организаторской дѣятельностью предсѣдательницы г-жи Родендронъ и со всѣми наѣхавшими въ Златоглавъ иногородними благотворителями, во главѣ которыхъ стоялъ „блестящій и баснословный графъ Монте-Кристо, со старушкой баронессой, которую онъ называлъ ma tante" *).

„Съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ на Дунаѣ по улицамъ Златоглава стала проѣзжать въ опредѣленные часы дня *его* роскошная коляска, возбуждая удивленіе простодушныхъ обывателей красовавшимся на козлахъ лакеемъ въ какой-то невиданной формѣ съ зелеными перьями на шляпѣ. M-me ma tante" прибыла изъ Петербурга и, пользуясь своими полномочіями, тотчасъ же составила себѣ маленькій дворъ изъ сестеръ милосердія и разныхъ служащихъ Креста. M-me ma tante" довольствовалась тѣмъ, что ходила по палатамъ въ сопровожденіи маленькой свиты и давала аудіенціи, какъ настоящая владѣтельная особа. Самое же дѣло, его матеріальная сторона, лежало на г-жѣ Родендронъ: она назначала дежурныхъ, принимала членскіе взносы, закупала матеріалы, выдавала деньги на расходы, словомъ фактически распоряжалась... Вокругъ г-жи Родендронъ суетился цѣлый рядъ благотворителей".

Авторъ даетъ рядъ портретовъ съ натуры; безъ примѣси желчи, съ изумительною правдивостью изображаетъ онъ и неизбѣжную свѣтскую пошлость дюжинныхъ дѣятелей, которая бросалась въ глаза и не одному автору, и легкомысленную безшабашность (какъ выражается г-жа Ланская) паразитовъ, готовыхъ поживиться на чужой счетъ.

Нельзя не сознаться, что обличительная сторона въ романѣ „Лавры и Терніи" подтвердилась на дѣлѣ: нѣкоторые изъ тѣхъ, кого изображаетъ чуждая вымысла хроника дѣйствительно сѣли на скамью подсудимыхъ. Но обличенія эти не запятнаны озлобленнымъ и завзято-мрачнымъ чувствомъ. Повѣствованіе ведено съ замѣчательнымъ эпическимъ спокойствіемъ.

За „Краснымъ Крестомъ" выступаютъ новые кружки благотворителей (преимущественно женщинъ), явившіеся на помощь военнымъ госпиталямъ. Дѣятельность этихъ кружковъ въ короткое время развилась до почтенныхъ размѣровъ. Съ сердечнымъ сочувствіемъ нашъ авторъ говоритъ о „*Башен-*

---

*) Авторъ умышленно перетасовываетъ титулы и степени родства.

номъ“ кружкѣ, во главѣ котораго сталъ граціозный образъ *графини Силантьевой*. Это та самая „звѣзда съ Босфора,“ которую воспѣлъ князь Вяземскій въ своихъ „Крымскихъ фотографіяхъ“ 1867 года.

Говоря о кружкѣ графини Силантьевой, авторъ къ сожалѣнію не упомянулъ о первыхъ труженицахъ „Башни“ (бывшей до того тюрьмы для военныхъ арестантовъ). То были двѣ дѣвицы NN, дочери генеральши, вдовы не задолго до войны умершаго высокопревосходительнаго воина. За этими двумя вошли въ башню еще двѣ даровитыя личности, настойчиво и разумно трудившіяся въ „Башнѣ“ безъ шуму и не на показъ. Эти послѣднія привлекли пріѣзжую графиню Силантьеву стать во главѣ ихъ кружка. Авторъ (Тавлѣева или Лапская) не принадлежалъ къ этому кружку, но тѣмъ не менѣе говоритъ о немъ слѣдующее: „Это было въ самомъ дѣлѣ почти чудесно. Требовались недюжинныя способности для того, чтобы организовать въ такой короткій срокъ и въ добавокъ въ такомъ городѣ, гдѣ, помимо другихъ кружковъ, дѣйствовалъ неутомимо и Красный Крестъ, новое благотворительное общество. Это маленькое общество незамѣтно превратилось въ учрежденіе, куда со своими требованіями обращались ординаторы и откуда, отъ этихъ частныхъ лицъ, получались медикаменты, инструменты, средства дезинфекціи и проч.“

Но вскорѣ этому кружку пришлось уступить первенство еще другому новому, сплоченному изъ нѣсколькихъ малыхъ кружковъ, или скорѣе поглотившему ихъ обществу *графини Павичъ*. Безпристрастное перо автора даритъ насъ весьма схожимъ съ оригиналомъ портретомъ красавицы-аристократки, доброй женщины и вмѣстѣ жестокой демократки и деспотки, а главное либералки à outrance, съ крайне невыдержаннымъ характеромъ, богатой молодой вдовы графини Павичъ. Любопытна вся исторія завоеванія этою, также новопріѣзжею, особою небывалаго положенія въ средѣ благотворителей и госпиталей города Златоглава. Успѣхъ дѣла не выдержалъ самого дѣла; оно рухнуло, и безтактная щедрая благотворительница какъ-то сама отстала отъ созданія своихъ рукъ, прежде чѣмъ это было нужно.

Глубокимъ драматизмомъ дышетъ сцена изгнанія изъ госпиталя діаконицы Андроновны со всѣми приготовленными ею явствами для солдатиковъ, по прихоти властной благотворительницы, близорукой и увлекшейся навѣянной на нее санитарной идеей, на перекоръ той жизненной правдѣ, которая олицетворяется въ немудрой Андроновнѣ, съ молитвой и смиреніемъ возившей, въ теченіи недѣль, питательныя порціи солдатикамъ съ своей незатѣйливой кухни.

Рядъ живыхъ личностей проходитъ передъ нами въ книгѣ г-жи Лапской. Какъ не угадать Кіевскаго старца *Амброжевича* съ его Пятницами и камеръ-юнкера *Огрызкова*, и барона *Шкловскаго*?

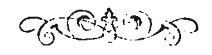
Псевдонимы довольно прозрачны. Обличительная сторона хроники не вызываетъ повальнаго общаго негодованія. Въ эскизахъ личностей нѣтъ карикатуры. Вотъ напр. силуэтъ Монте-Кристо: „Онъ былъ въ томъ возрастѣ, который принято называть среднимъ. Крупныя черты его красноватаго, сплошь выбритаго лица, поражали какою-то странною неподвижностью; сѣрые, мутные глаза смотрѣли апатично, и вся его фигура напоминала человѣка плохо выспавшагося. Богатство, щедрость, высокое положеніе у себя дома и заграницей, родство съ коронованными особами, наконецъ своего рода эксцентричность, свойственная человѣку въ такихъ счастливыхъ условіяхъ—все это образовало вокругъ графа Монте-Кристо особый ореолъ, обращавшій на него вниманіе всюду, куда онъ только появлялся. Человѣкъ, располагающій милліонами, невольно носитъ съ собою какую-то особую атмосферу; онъ пріобрѣтаетъ интересъ рѣдкаго по своей дороговизнѣ экземпляра и въ обыденной жизни почти не годится. Это былъ несомнѣнно-добрый человѣкъ и хорошій патріотъ. Графъ Монте-Кристо не проповѣдывалъ войны, не толковалъ о нашей миссіи на Востокѣ; но, когда война началась, онъ бросилъ свое далекое графство, свои виллы и померанцевыя рощи тамъ гдѣ-то на Югѣ— и какъ какой-нибудь коллежскій секретарь поселился въ губернской гостинницѣ. Онъ цѣлое лѣто глоталъ городскую пыль, каждый день ѣздилъ по тряскимъ мостовымъ изъ конца города на другой, сдѣлалъ пропасть неинтересныхъ знакомствъ, узналъ изъ чего шьютъ солдатскія рубашки, видѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя лихорадку, тифъ, чахотку и жертвовалъ безъ конца... Но и это еще было не все: онъ принужденъ былъ заняться бухгалтеріей, отвѣчать на запросы, разрѣшать сомнѣнія, издавать циркуляры... О, это была задача нелегкая!“

Много добраго, живаго, самоотверженнаго выступало тогда на свѣтъ Божій. Явились пожертвованія, явились разумныя головы и столько честныхъ рукъ; но съ другой стороны являются злостно-мелкій генералъ Копѣйкинъ, врачъ-грабитель и, наконецъ, наглый офицеръ, оскорбившій въ темномъ коридорѣ невольную обличительницу его воровскаго поступка.

Въ лѣтописи событій послѣдней войны книга г-жи Ланской безспорно должна занять видное мѣсто, какъ отчетливая и правдивая хроника.

Можетъ быть, потребность отмстить за оскорбленіе Тавлѣевой и ввела автора подъ конецъ въ нѣкоторую односторонность; но тѣмъ не менѣе нельзя не быть признательнымъ г-жѣ Ланской за то, что она подарила насъ *мемуарами*, этимъ дорогимъ для исторіи и, къ сожалѣнію, рѣдкимъ видомъ литературнаго творчества.

И. Х.

КЪ БІОГРАФІИ ПУШКИНА.

ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ ЕГО РУКОПИСЕЙ

хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ.

I.

Письмо передъ ссылкою въ Псковскую деревню.

Письмо это писано въ Одессѣ, лѣтомъ 1824 года, вѣроятно къ Александру Ивановичу Казначееву, человѣку отмѣнной доброты и благожелательства, находившемуся въ близкихъ отношеніяхъ къ князю Воронцову (при которомъ онъ состоялъ еще во Франціи адъютантомъ), въ тоже время умѣвшему цѣнить высокую душу и Пушкина.—Кажется, что, послѣ знаменитаго донесенія о саранчѣ, Пушкинъ сначала получилъ увольненіе только отъ службы, и уже потомъ пришла бумага изъ Петербурга объ его ссылкѣ на жительство въ Псковскую губернію. Наказаніе поразило всѣхъ своею строгостью и для самаго Пушкина было неожиданностью. Князя Воронцова въ то время не было въ Одессѣ (онъ объѣзжалъ свой край). Пушкинъ сдѣлался самъ не свой. Онъ пропадалъ цѣлыми днями. Жившая въ то время въ Одессѣ добрая его знакомая спрашиваетъ его: „Чтó васъ не видно? Гдѣ вы были“?—„На корабляхъ: трое сутокъ сряду пили и кутили“. Тѣмъ не менѣе, хоть и рѣже прежняго, онъ появлялся на дачѣ Рено, у княгини Воронцовой. Послѣ извѣстной его эпиграммы на ея мужа (въ которой потомъ самъ онъ раскаевался) конечно обращались съ нимъ очень сухо. Передъ каждымъ обѣдомъ, къ которому собиралось по нѣскольку человѣкъ, княгиня-хозяйка обходила гостей и говорила каждому что нибудь любезное. Однажды она прошла мимо Пушкина, не говоря ни слова, и тутъ же обратилась къ кому-то съ вопросомъ: Чтó нынче даютъ въ театрѣ? Не успѣлъ спрошенный раскрыть ротъ для отвѣта, какъ подскочилъ Пушкинъ и, положа руку на сердце (чтó онъ дѣлывалъ, особливо когда отпускалъ свои остроты), съ улыбкою сказалъ: „La sposa fidele, comtessa“ (Вѣрная супруга, графиня). Та отвернулась и воскликнула: Quelle impertinence! (Какая наглость!).—Прошли года. Россія оплакала своего поэта. Въ годъ его кончины князь Воронцовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и посѣтилъ его вдову. А княгиня

Е. К. Воронцова († 1880) до конца своей долгой жизни сохраняла о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ въ слухъ, и при томъ сподрядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго тома. Она сама была одарена тонкимъ художественнымъ чувствомъ и не могла забыть очарованій Пушкинской бесѣды. Съ нимъ соединялись для нея воспоминанія молодости.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ;
А демонъ, мрачный и мятежный....

*

Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine, et l'affection que vous m'en temoignez me touche sincèrement. Quant aux craintes, que vous avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regrettrai-je? Est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le temps de me résigner. Sont-ce mes appointements? Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens, je ne puis pas les dédaigner; mais puisque mes occupations littéraires peuvent me procurer plus d'argent que le service, il est tout naturel de leur sacrifier les occupations de mon service. Vous mes parlez de protection et d'amitié—deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié du c-te Woronzow, encore moins à sa protection: j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui, et rien que je sache ne dégrade plus que le patronage... J'ai des préjugés démocratiques, qui vaillent bien... les préjugés d'aristocratie.

Je n'aspire qu'a l'indépendance. (Pardonnez moi le mot en faveur de la chose). A force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déja vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait. Si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. Je ne concois pas la consternation de mes amis. Je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis. Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel ou tel chef; je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais, qui vient promener parmi nous sa platitude, sa nonchalance et son baragoin. Il n'y a pas de doute, que le c-te Woronzow, qui est un homme d'esprit, saura me donner le tort dans l'opinion du public—triomphe très-flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gré, vu que je me soucie tout autant de l'opinion de ce public, que de l'admiration de nos journaux.

Переводъ. Мнѣ очень досадно, что отставка моя такъ васъ огорчаетъ, и благорасположеніе, которое вы мнѣ выражаете, трогаетъ меня искренно. Я не вижу основанія вашимъ опасеніямъ относительно тѣхъ послѣдствій, которыя отставка эта можетъ имѣть. Чего жалѣть мнѣ? Моего неудавшегося служебнаго поприща? Это имѣлъ я время обсудить и на это обречь себя. Моего жалованья? Знаю, что имъ пренебрегать мнѣ нельзя, такъ какъ я не богатъ, и средствъ у меня мало; но занятія словесностью могутъ мнѣ дать больше денегъ, нежели служба *), и поэтому весьма естественно пожертвовать для нихъ служебными занятіями. Вы говорите мнѣ о покровительствѣ и о дружбѣ: двѣ вещи, по моему несовмѣстимыя. Не могу и не хочу расчитывать на дружбу графа Воронцова, еще менѣе на его покровительство: я слишкомъ уважаю этого человѣка, чтобы унижаться передъ нимъ, а ничто, по моему, такъ не унижаетъ какъ покровительство... У меня предразсудки демократическіе, которые имѣютъ свой вѣсъ, какъ и аристократическіе. Я стремлюсь только къ независимости (простите мнѣ это слово ради сущности дѣла). Рѣшительностью и настойчивостью добьюсь я, наконецъ, что буду ею пользоваться. Я уже преодолѣлъ въ себѣ отвращеніе писать и продавать стихи изъ за средствъ къ жизни. Главный шагъ сдѣланъ, и если все еще пишу я не иначе, какъ подъ прихотливымъ вліяніемъ вдохновенія, то какъ скоро стихи написаны, я уже смотрю на нихъ какъ на товаръ, по стольку-то за штуку. Я не понимаю отчаянія моихъ друзей; да и не знаю, что́ такое мои друзья. Я усталъ подчиняться хорошему или дурному пищеваренію того или другаго начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что на моей родинѣ обращаются со мною менѣе уважительно, нежели съ любымъ Англійскимъ балбесомъ, пріѣзжающимъ предъявлять намъ свою пошлость, неразборчивость и свое бормотанье. Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, съумѣетъ уронить меня во мнѣніи общества—лестное торжество, которое я вполнѣ ему предоставляю, заботясь о мнѣніи этого общества столь же мало, какъ и о похвалахъ нашихъ журналовъ.

*

А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ Черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, *отъ вельможъ*,
Уѣхалъ въ сѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

---

*) Передъ тѣмъ Пушкинъ получилъ изъ Москвы за свой „Бахчисарайскій Фонтанъ“ три тысячи рублей.

II.

Черновое письмо изъ Михайловскаго въ Одессу, къ доброй знакомой, вскорѣ по пріѣздѣ въ ссылку.

Belle et bonne princesse Véra, aussi charmante et généreuse. Je dois vous remercier pour votre lettre; les paroles seront trop froides et trop faibles pour vous exposer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien des chagrins et seule a pu. . . . . la rage de l'ennuie qui consume ma sotte existence. Vous devez la connaître, cette sotte existence. Ce que j'avais prévu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez réels. Le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être son agent de persécution. On m'y reproche mon exil, on se croit d'être entraîné dans mon malheur, on prétend que je prêche l'athéïsme à ma soeur, qui est une créature céleste, et à mon frère qui est très-drole et très-jeune, qui admirait mes vers et que j'ennuie très-certainement. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi qui le met dans tous les cas dans une fausse position à mon égard. Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce que me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre; je crois qu'un bon ciel me ferait pleurer de rage. Но слава à Dieu, **небо у насъ сивое, а луна точно рѣпа.**

A l'égard de mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord. Ils ne m'excèdent pas; je jouis parmi eux une réputation d'Onéguine, et voilà je suis prophète en mon pays...

Pour toute ressource je vois souvent une bonne vielle voisine, j'écoute ses conversations patriarchales. Ses filles assez mauvaises... sous tous les rapports, me jouent de Rossini, que j'ai fais venir. Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poéthique, mais l'ennuie est une froide Muse, et le poème n'avance guère; voilà pourtant une strophe, que je vous dois; montrez la au pr. Pierre; dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable princesse, je suis à vos pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre qu'à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel un mot d'Odessa, de vos enfants! Avez vous consulté le docteur de . . . ?

Переводъ. Прекрасная и добрая княгиня Вѣра, плѣнительная и великодушная. Я долженъ поблагодарить васъ за ваше письмо. Слова будутъ слишкомъ холодны и слабы, чтобъ выразить вамъ, какъ я умиленъ и признателенъ. Ваша нѣжная дружба удовлетворила бы всякую душу менѣе моей себялюбивую. Каковъ я теперь, эта дружба одна только утѣшаетъ меня въ тяжкомъ горѣ, и она одна могла (одолѣть) бѣшенство скуки, снѣдающей мое глупое существованіе. Вы должны знать про это глупое существованіе. То что́ я предвидѣлъ, вышло на самомъ дѣлѣ. Моимъ присутствіемъ среди моего семейства удвоено горе, и безъ того существенное. Власти имѣли безстыдство предложить отцу моему содѣйствовать имъ въ моемъ гоненіи. Мнѣ попрекаютъ моею ссылкою; считаютъ себя вовлеченными въ мое несчастіе; увѣряютъ, будто я преподаю безбожіе сестрѣ моей, которое есть небесное созданіе, и моему брату, которой очень забавенъ и очень молодъ, который восхищался моими стихами и которому конечно я очень надоѣдаю. Отецъ мой, по слабости своей, принялъ на себя обязанность, которая во всякомъ случаѣ ставитъ его въ ложное положеніе относительно меня. Отъ этого, я провожу на конѣ и остаюсь въ полѣ все время, когда я не въ постелѣ. Все напоминающее море печалитъ меня; отъ шума падающей воды мнѣ буквально становится дурно. Думаю, что при видѣ яснаго неба я заплачу съ бѣшенства. Но, слава Богу, небо у насъ сивое, а луна точно рѣпа. Что́ касается моихъ сосѣдей, на первыхъ порахъ я постарался ихъ оттолкнуть отъ себя. Они оставили меня въ покоѣ. Я у нихъ словно Онѣгинъ [1]), и такимъ образомъ я пророкъ въ странѣ своей... Довольствуясь тѣмъ, что видаю часто одну добрую старуху-сосѣдку и слушаю ея патріархальныя рѣчи. Ея дочери, довольно дурныя... во всѣхъ отношеніяхъ, играютъ мнѣ Россини, котораго я выписалъ [2]). Я нахожусь въ отличнѣйшемъ положеніи для того, чтобы кончать мой стихотворный романъ; но скука—холодная Муза, и поэма не подвигается. Вотъ однако строфа, которую я вамъ долженъ. Покажите ее князю Петру; но пусть не судитъ о цѣломъ по этому образчику. Прощайте, уважаемая княгиня. Я очень печально у ногъ вашихъ. Не показывайте этого письма кромѣ тѣхъ, кого я люблю и кто принимаетъ во мнѣ участіе не изъ любопытства, а по дружбѣ. Ради Бога слово объ Одессѣ, о вашихъ дѣтяхъ! Совѣтовались ли вы съ докторомъ?...

---

[1]) Онѣгинъ тогда еще не выходилъ въ свѣтъ; но особа, которой писалъ Пушкинъ, слышала его начало еще въ Одессѣ, принадлежа къ числу немногихъ лицъ, которымъ онъ повѣрялъ свои труды, до окончанія ихъ.

[2]) Кто была эта сосѣдка, мы не знаемъ; но конечно не П. А. Осипова, которая тогда и по лѣтамъ своимъ не была еще старухою. С. А. Соболевскій увѣрялъ, что нѣкоторое время эта достойнѣйшая женщина до того увлеклась Пушкинымъ, что даже носилась съ мыслію въ третій разъ выдти за него за мужъ.

III.

Черновое письмо изъ ссылки къ императору Александру Павловичу.

Писано въ серединѣ 1825 года и конечно не достигло назначенія, да вѣроятно и не было послано. Жуковскій, А. И. Тургеневъ и князь А. Н. Голицынъ: вотъ ступени, по которымъ это письмо могло дойти до Государя; но эти лица, спасая поэта, должны были задержать письмо.

J'avais 20 ans en 1820. Des propos inconsidérés, des vers satiriques... Le bruit répandit, que j'avais été traduit et f. à la ch. s. *).

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général; je me vus flétri dans l'opinion. Je fus découragé, je me battais, j'avais 20 ans. Je déliberais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner... Dans le premier cas je ne faisais qu'à confirmer un bruit, qui me déshonorait; dans le second je ne me vengeais pas, parce qu'il n'y avait pas d'outrage: je commettais un crime, je sacrifiais à l'opinion d'un public, que je méprisais, un homme..... dont j'avais l'admiration involontaire. Ces réflexions me déterminerent.

Tels furent mes réflexions. Je les communiquais à un ami qui fut parfaitement de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité. J'en sentis l'inutilité. Je résolus de mettre tant d'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel: j'aspirais la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation.

La conduite magnanime et libérale de l'autorité me toucha, en déracinant une ridicule calomnie.... Depuis, s'il m'est quelques fois échappé des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelques fois je m'abandonnais à jeunes déclamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans l'écrit, soit dans mes discours, la personne de V. M.

Sire, on m'accuse d'avoir compté sur la générosité de votre caractère; je vous ai dit la vérité avec une franchise dont il serait impossible d'être coupable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui je recourre à cette générosité. Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse; un anevrisme de coeur exige une prompte opération, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée ne peut me procurer aucun sécour. Je supplie V. M. de me permettre le séjour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe ou je puis prendre soin de prolonger mon existence...

---

*) Такъ въ подлинникѣ. Слѣдуетъ читать: fouetté à la chancelerie secrète.

Переводъ. Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 году. Необдуманные отзывы. сатирическіе стихи. Разнесся слухъ, будто я былъ отвезенъ въ секретную канцелярію и высѣченъ [1]). Слухъ былъ общимъ и до меня дошелъ до послѣдняго. Я увидалъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ. На меня нашло отчаяніе: я метался въ стороны, мнѣ было 20 лѣтъ. Я соображалъ, не слѣдуетъ ли мнѣ прибѣгнуть къ самоубійству или умертвить... Въ первомъ случаѣ я только бы подтвердилъ разнесшуюся молву, которая меня безчестила; во второмъ я бы не мстилъ за себя, потому что прямой обиды не было, а совершилъ бы только преступленіе и пожертвовалъ бы общественному мнѣнію, которое презиралъ, человѣкомъ, внушавшимъ мнѣ уваженіе противъ моей воли. На этихъ размышленіяхъ я остановился. Таковы были мои размышленія. Я сообщилъ ихъ другу, который былъ совершенно моего мнѣнія [2]). Онъ мнѣ совѣтовалъ попытаться оправдать себя передъ властью; я чувствовалъ безполезность этого. Я рѣшился высказывать столько негодованія и наглости въ своихъ рѣчахъ и своихъ писаніяхъ. чтобы, наконецъ, власть вынуждена была обращаться со мною какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести [3]). Великодушный и мягкій образъ дѣйствій власти меня тронулъ. уничтоживъ окончательно клевету [4]). Съ тѣхъ поръ, если иной разъ вырывались у меня жалобы на установившійся ходъ дѣлъ; если иногда предавался я молодымъ разглагольствіямъ, то все-таки я смѣло утверждаю. что всегда, на словахъ и съ перомъ въ рукахъ, я уважалъ особу Вашего Величества. Государь! Меня винятъ, что я разсчитывалъ на великодушіе вашего характера. Я вамъ сказалъ истину съ откровенностью, которая была бы предосудительна въ глазахъ всякаго иного властителя на свѣтѣ. Нынѣ прибѣгаю къ этому великодушію. Здоровье мое съ раннихъ лѣтъ сильно потрясено. Аневризмъ въ сердцѣ требуетъ скорой операціи и продолжительнаго леченія. Городъ, который мнѣ для того назначенъ [5]), не можетъ мнѣ доставить никакихъ средствъ. Умоляю Ваше Величество, позвольте мнѣ жить въ одной изъ нашихъ столицъ, или назначьте мнѣ мѣсто въ Европѣ, гдѣ могъ бы я позаботиться о продленіи моего существованія.

---

[1]) Это должно относиться къ Генварю или Февралю мѣсяцу 1820 года.

[2]) П. Я. Чадаевъ, до Семеновской исторіи, случившейся въ Октябрѣ того же года.

[3]) Въ Февралѣ этого года убитъ Лувелемъ въ Парижскомъ театрѣ наслѣдникъ Французскаго престола герцогъ Беррійскій. Покойный Д. Н. Свербеевъ передавалъ намъ, что Пушкинъ въ театрѣ, ходя по рядамъ креселъ, показывалъ знакомымъ портретъ Лувеля и позволялъ себѣ при этомъ возмутительные отзывы.—Къ этой же, самой тяжкой въ жизни Пушкина, эпохѣ можетъ относиться разсказъ И. В. Кирѣевскаго, слышанный имъ отъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, какъ поэтъ съ пистолетомъ въ рукахъ разговаривалъ съ отцемъ своимъ. Сюда же относятся безпощадные отзывы про Пушкина въ письмахъ Карамзина къ И. И. Дмитріеву.

[4]) Пушкинъ не забылъ, что, переведя его къ Инзову въ Екатеринославъ, правительство снабдило его на дорогу тысячью рублей.—[5]) Т.-е. Псковъ.

IV.

Воображаемый разговоръ съ Александромъ Павловичемъ.

(Въ серединѣ 1825 года).

Когда-бъ я былъ царь, то позвалъ бы Александра Пушкина и сказалъ бы ему: „Александръ Сергѣевичъ, вы сочиняете прекрасные стихи; я читаю съ большимъ удовольствіемъ". А. П—ъ поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: „Я читалъ вашу оду Свобода! Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно; вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду". *)—В. В. я писалъ ее въ 1817 году...—„Тутъ есть три строфы очень хорошія... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; но вижу, что вы уважали правду, личную честь даже въ царѣ".—Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше-бы вы прочли хоть 3 и 6 пѣснь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказскаго Плѣнника, или Бахчисарайскій Фонтанъ. Онѣгинъ печатается, буду имѣть честь отправить 2 экземпляра въ библіотеку В. В., къ Ивану Андреевичу Крылову, и если В. В. найдете время... „Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ, вы доставите намъ пріятное занятіе. Наше царское правило: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ король Галліи или императоръ Австрійскій съ вами не такъ бы поступили! За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что́ вы дѣлали у Инзова и у Воронцова?"—В. В., Инзовъ меня очень любилъ, за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ скуки ради Французскіе журналы **). А е. с. графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ

---

*) По складу своего образованія Александръ Павловичъ гораздо менѣе своего преемника понималъ красоту поэзіи; въ одѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не могъ онъ однако остаться равнодушенъ къ нѣкоторымъ строфамъ, касавшимся центральнаго событія въ его жизни. Слава и благодарность ему отъ потомства за то, что, побѣдивъ личныя ощущенія, великодушно внялъ онъ заступничеству Карамзина и графа Каподистріи. (Преемникъ сего послѣдняго никогда бы не замолвилъ слова за Русскаго поэта).

**) Объ Инзовѣ и о той порѣ своей жизни Пушкинъ вспоминаетъ еще въ слѣдующемъ новонайденномъ отрывкѣ:

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ,
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ.
Спаситель Молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,

арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но зная Русскую литературу, какъ герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно.... „Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?"—В. В., генералъ Инзовъ добрый и почтенный старикъ, онъ Русскій въ душѣ, онъ не предпочитаетъ перваго Англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ...; страсти если и были и въ немъ, то ужъ давно исчезли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всѣми вѣжливъ. Онъ не опрометчивъ, не вѣритъ.... пасквилямъ..... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписываются мнѣ, такъ какъ всякіе остроумные вымыслы к. Ц. *). Я не оправдывался никогда, изъ пустого вольнодумія; отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказаться.—„Слабость непростительная. Но вы же и Аѳей? Вотъ что ужъ никуда не годится".—Я Аѳей? В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу? Можно-ли школьническую шутку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ Европейскихъ нынѣшнихъ властителей (увидимъ однако, чтб будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною.... ссылаюсь на собственное ваше сердце, противорѣчитъ вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей...—„Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?"—Это не было-бы оскорбительно В. В. Вы видите, что я бы ошибся въ моихъ расчетахъ.... Тутъ бы онъ разгорячился и наговорилъ-бы мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я-бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ-бы онъ написалъ эпическую поэму Ермакъ, или Кучумъ.... размѣромъ и съ риѳмой...

Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ,
За то что Ясскій панъ,
Извѣстный намъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ, и грубіянъ,
Побитъ немножко мною,
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,
Къ моей каморкѣ строгой
Приставилъ караулъ.

*) Т. е. князя Дмитрія Евсеевича Циціанова, дядю А. О. Смирновой. Нѣкоторые забавные его разсказы записаны Пушкинымъ и напечатаны въ его сочиненіяхъ. Князь Циціановъ, между прочимъ, увѣрялъ Московскихъ суконныхъ фабрикантовъ, что на его родинѣ въ Грузіи получаются большіе барыши отъ ихъ дѣла: овцы родятся разноцвѣтныя. Къ этому онъ прибавлялъ, что на закатѣ солнца стада такихъ овецъ представляютъ восхитительное зрѣлище.

V.

Черновое письмо къ Н. В. Всеволожскому.

(1826 или 1827).

Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій. Ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ, Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ Субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей, того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную Пятницу и привелъ тебя подъ руку въ церковь... да помолишься Господу Богу и насмотришься на Вышняго Господа. Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли ты, что я тебѣ полупродалъ, полупроигралъ рукопись своихъ стихотвореній; ибо знаешь... родитъ задоръ....... Я раскаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ. Большая часть оныхъ ниже посредственности, годится только на... Нѣкоторые хочется мнѣ спасти... Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись, за ту же цѣну—1,000 р. Я знаю, что ты со мной торговаться не станешь, даромъ же взять не захочу. Деньги тебѣ доставлю съ благодарностью, какъ скоро выручу... Надѣюсь, что мои стихи у Смирдина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя.

VI.

Наброски въ стихахъ.

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ обманутыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.

*

Умолкни сердца шопотъ сонный
Привычки и довольства гласъ.
Прости, предѣлъ неблагосклонный
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души [1])...

*

---

[1]) Этотъ отрывокъ относится къ жизни въ Псковской деревнѣ (1824 — 1826), откуда одно время Пушкинъ замышлялъ бѣжать за границу.

Къ брату, въ Петербургъ изъ деревни.

Что-же, будетъ-ли вино,
Лайонъ? [1]) Жду его давно.
Знаешь-ли какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно.
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ.
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
Сенъ-Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юности безумной
Поэтически Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной
Симъ подобіемъ любви.
Но бургонское...
Мнѣ понравилось потомъ.
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья,
Безъ разбора . . . . . .
Вина обхожу кругомъ....

*

Шумитъ кустарникъ... На утесъ
Олень веселый выбѣгаетъ;
Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
Съ вершины острой озираетъ
И чуткимъ ухомъ шевелитъ.
Но вздрогнулъ онъ,—недальній звукъ
Его коснулся. . .

*

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей вѣнчанныя крестами
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ нерубленныя рощи.
Издавно почиваютъ тамъ
Угодниковъ святыя мощи...

*

[1]) Такъ звали въ семьѣ Льва Сергѣевича Пушкина.

Въ изгнаньи, въ горести, въ разлукѣ,
Москва, какъ жаждалъ я тебя,
Святая родина моя!

*

Петра не стало, государство
Шатнулось будто подъ грозой,
И усмиренное боярство,
Его могучею рукой,
Мятежной предалось надеждѣ:
Пусть будетъ вновь, что́ было прежде,
Долой кафтанъ кургузый; нѣтъ,
Примѣромъ намъ не будетъ Шведъ!

—

Не тутъ-то было. Тѣнь Петрова
Стояла грозно средь вельможъ,
Что́ было, не возстало снова.
Россія двинулась впередъ:
Вѣтрила тѣжъ средь тѣхъ же водъ.

*

Въ полѣ чистомъ серебрится
Снѣгъ волнистый и рябой;
Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
По дорогѣ столбовой.

—

Пой въ часы дорожной скуки
По дорогѣ столбовой;
Сладки мнѣ родные звуки
Звонкой пѣсни удалой.

—

Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
Буду слушать голосъ твой.
Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
Грустенъ вѣтра дальній вой.

—

Знаешь пѣсню ты — лучина...

*

Къ ней важный Вяземскій подсѣлъ
И ею точно завладѣлъ;
На вечерѣ иль за обѣдомъ
Онъ ищетъ быть ея сосѣдомъ.

VII.

Критическіе отрывки.

Д'Аламберъ сказалъ однажды Лагарпу: не выхваляйте мнѣ Бюфона. Этотъ человѣкъ пишетъ—благороднѣйшее изо всѣхъ пріобрѣтеній человѣка было сіе животное, гордое, пылкое и проч. Зачѣмъ просто не сказать лошадь? Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа; но д'Аламберъ очень умный человѣкъ, и, признаюсь, я почти согласенъ съ его мнѣніемъ. Замѣчу мимоходомъ, что дѣло шло о Бюфонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его цвѣтущій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы. Но что́ сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ *дружба*, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать *рано поутру*, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! Развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?

Читаю отчетъ новаго любителя театра: сія юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Аполономъ. Боже мой! А поставь: это молодая, хорошая актриса, и продолжай такъ-же; будь увѣренъ, что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый Зоилъ, коего неусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры Русскаго Парнаса, коего утомительная тупость или глупость можетъ только сравниться съ неутомимой злостію...

... Вольтеръ можетъ почесться прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога; онъ осмѣялъ въ своемъ... изысканность выраженій Фонтенеля, который никогда не могъ ему того простилъ. Точность, опрятность, вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; безъ нихъ блестящія выраженія ни къ чему не служатъ. Стихи дѣло другое. Впрочемъ и въ нихъ не мѣшало-бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно видно; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется.

Вопросъ, чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣтъ: *Карамзина*. Это еще похвала небольшая..

*

Къ этому же разряду мыслей относятся слѣдующіе стихи:

Постойте! Напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена: прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ;
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, и деньги нужны вамъ?

*

Д. [1]) говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что кѣмъ писано.

*

Если бы всѣ писатели, заслуживающіе уваженія, довѣренность публики, взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ чѣмъ она есть. Не любопытно ли было бы, напримѣръ, читать мнѣнія Гнѣдича или К. [2]) объ нынѣшней элегической поэзіи? Не пріятно ли было бы видѣть Пушкина, разбирающаго трагедію Хомякова? Эти господа въ связи между собою и, вѣроятно, другъ другу передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ? За чѣмъ не сдѣлать и насъ участниками въ ихъ критическихъ бесѣдахъ?

— Публика довольно равнодушна къ успѣхамъ словесности. Истинная критика для нея незанимательна, она изрѣдка смотритъ на драку двухъ журналистовъ, мимоходомъ слушаетъ монологъ раздраженнаго автора или пожимаетъ плечами.

— Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца, апплодирую тому, кто сбилъ своего противника. Еслибъ я былъ авторъ, то почелъ бы за малодушіе не отвѣчать на нападеніе, какого бы оно роду ни было. Что̀ за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать въ тебя грязью! Посмотрите на Англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentelman и стрѣляться на Кухенрейтерскихъ пистолетахъ, или снять съ себя фракъ и боксовать на перекресткѣ съ извощикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ, и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны.

— Критика не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности; вѣроятно, и писатели вашего круга не читаютъ Русскихъ журналовъ и не знаютъ, хвалятъ ли ихъ или бранятъ.

— Извините: Пушкинъ читаетъ всѣ номера Вѣстника, гдѣ его ругаютъ, что̀ значитъ, по его энергическому выраженію, *подслушивать у дверей, что̀ говорится объ немъ въ прихожей.*

— Куда какъ любопытно!

— Любопытство по крайней мѣрѣ очень понятное. Пушкинъ и отвѣчаетъ эпиграммами.

— Но сатира не критика, эпиграмма не опроверженіе. Я хлопочу о пользѣ словесности, не только о вашемъ удовольствіи.

*

Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драмма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно писано.

[1]) И. И. Дмитріевъ?

[2]) Катенина?

ПИСЬМА А. С. ХОМЯКОВА.

Къ Н. М. Языкову.

1.

Грустное извѣстіе пришло изъ Петербурга. Пушкинъ стрѣлялся съ какимъ-то Дантесомъ, побочнымъ сыномъ Голландскаго короля. Говорятъ, что оба ранены тяжело, а Пушкинъ кажется смертельно. Жалкая репетиція Онѣгина и Ленскаго, жалкій и слишкомъ ранній конецъ. Причины къ дуэли порядочной не было, и вызовъ Пушкина показываетъ, что его бѣдное сердце давно измучилось и что ему хотѣлось рискнуть жизнію, чтобы разомъ отъ нея отдѣлаться или ее возобновить. Его Петербургъ замучилъ всякими мерзостями; самъ же онъ себя чувствовалъ униженнымъ и не имѣлъ ни довольно силы духа, чтобы вырваться изъ униженія, ни довольно подлости, чтобы съ нимъ помириться.

Бѣдный Пушкинъ! Пожалѣй объ немъ и помни, что если онъ умретъ, такъ тебѣ надобно будетъ вдвое болѣе потрудиться.

2.

Ты уже вѣроятно имѣешь о дуэли Пушкина довольно много подробностей, и поэтому разсказывать не стану тебѣ росказней. Одно, что тебѣ интересно будетъ знать, это итогъ. Пушкина убили непростительная вѣтренность его жены (кажется, только вѣтренность) и гадость общества Петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ (но этого отъ него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его принимали изъ милости. Тутъ усыпилъ онъ надолго свой

даръ высокой и погубилъ жизнь, прежде чѣмъ этотъ даръ проснулся (если ему было суждено проснуться). Государь щедръ и милостивъ къ его семьѣ; этого я ожидалъ отъ Государя. Посланникъ Голландскій принужденъ оставить Петербургъ, потому что общество все противъ него возстало, а Государь оправдалъ поступки общества. Въ послѣдніе дни жизни Пушкина 25000 человѣкъ приходили или пріѣзжали справляться объ его здоровьѣ. Это все-таки утѣшительно. По крайней мѣрѣ гадость общества не безраскаянная. Не умѣли сохранить, но умѣли пожалѣть.

3.

Какова жалкая судьба Пушкина! Убитъ дрянью, и дрянь Полевой въ дрянной Библіотекѣ вызываетъ на какую-то дрянную подписку въ честь покойника. Лучшія мысли оскверняются такими органами. Говорятъ, что иностранныя газеты писали о Пушкинѣ хорошо и много; не знаю, правда ли, а это было бы утѣшительно. Франкфуртскій говорилъ объ немъ скверно, и это весело, какъ ругательство Булгарина или Библіотеки.

4.

(1839).

Отечественныя Записки необыкновенно толсты, просто мамонтообразны. Кто захочетъ ихъ перещеголять, тотъ уже будетъ принужденъ издавать фоліанты. За всѣмъ тѣмъ онѣ не дурны, даже сравнительно хороши и обѣщаютъ быть лучшимъ Русскимъ журналомъ. Этому отъ души радуюсь. Спадаютъ, видно, оковы плѣна, наложеннаго Поляками на нашу журналистику. Кажется, однако, Сенковскій понялъ, что соперничества литературнаго онъ не выдержитъ и хочетъ дать ученое направленіе Библіотекѣ. Можно будетъ и ему сказать спасибо. Помнишь-ли сказку объ Опричникѣ въ Прибавленіяхъ? Она вышла Лермонтова. На него есть надежды.

5.

Липицы *), 16 Октября.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тульской деревни случилось весьма смѣшное происшествіе, которое описать слѣдуетъ въ поучитель-

*) Смоленское имѣніе А. С. Хомякова, Сычевскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее младшему его сыну Николаю Алексѣевичу.—На письмахъ Хомякова рѣдко выставлялись года, и они здѣсь расположены гадательно.

ную память потомству. Была у нѣкоого Михайла Ѳед. Голикова собака борзая, рѣзвости, красоты и силы баснословной. Я ее торговалъ, но цѣна ея 1000 р. показалась мнѣ слишкомъ великою. Собака состарѣлась, перестала скакать; просили 800 р., опять я отказался. Голиковъ умеръ; я пресловутую собаку, сѣрую, огромную, великолѣпнѣйшую какую когда-либо видѣлъ, купилъ за 40 р. Но собака, не привыкши еще къ моимъ людямъ, воспользовалась ихъ оплошностью и отправилась прямикомъ на свою родину. Въ тоже время *барсъ* или иной звѣрь, ушедшій изъ звѣринца, переранилъ или съѣлъ множество народа подъ Тулою. Награда въ 400 р. была обѣщана тому, кто его убьетъ. Собаку приняли за барса и убили. Губернаторъ князь Голицынъ, человѣкъ рѣшительный, военный, послалъ немедленно чиновника съ тройкою за убитымъ звѣремъ и велѣлъ привезти его къ себѣ *прямо, гдѣ бы онъ ни былъ.* Чиновникъ, исполняя порученіе, привезъ къ губернатору въ домъ. Губернаторъ былъ въ соборѣ на молебствіи по случаю царскаго дня. Ревностный чиновникъ везетъ собаку къ собору. Народъ, не дослушавъ молебствія, высыпалъ изъ собора, оглядѣлъ убитаго звѣря и рѣшилъ, что это—*Французскій волкъ.* Послѣ молебствія выступили изъ собора всѣ власти въ орденахъ и лентахъ съ приличною важностью. Осмотрѣли звѣря, спросили мнѣнія докторовъ. Докторъ Геслеръ, мужъ ученый, осмотрѣлъ и *рѣшилъ,* что это *Американская гіена.* Два дня вся Тула ходила смотрѣть на чудовище, и всѣ власти торжествовали побѣду; на третій день кучеръ мой пришелъ также посмотрѣть и объявилъ, что это-де борзая собака барина, по кличкѣ *Туманъ.* Его хотѣли посадить на съѣзжую за то, что разстроиваетъ радость народную. Вотъ главныя черты; а сколько было смѣшныхъ подробностей, нельзя вообразить. Бывали когда собачьи похороны такія торжественныя?

6.

(Москва, 28 Августа 1840 г.).

Наша Москва входитъ въ славу. Сюда явился Гай, возстановитель Славянства Иллирійскаго, и Москва поклонилась ему для его литературныхъ предпріятій двадцатью тысячами. Что́ дастъ Петербургъ, не знаю; а хорошо дѣлаетъ первопрестольный градъ, когда подумаешь, какой тяжкій годъ и какъ пустъ городъ лѣтомъ. Потомъ пріѣхалъ начальникъ оппозиціи Французской, Mauguin, но былъ недолго. Видѣлъ я его у Кар. Карловны *), и онъ сидѣлъ и бесѣдовалъ отъ 7 до 2 час. ночи. Мы ему читали урокъ, какъ-де Русь смирна и благо-

*) Павловой.

правна, какъ-де мы всѣхъ любимъ и готовы всегда любить, какъ-де Ляхи-грѣховодники на насъ лгутъ, а сами виноваты. Авось впрокъ пойдетъ ученіе; а какое глубокое невѣжество, этого не повѣришь! Довольно одного примѣра. Mauguin думалъ, что наши цари были Магометане. Каково! И это одно изъ первыхъ лицъ во Франціи и особенный покровитель и заступникъ *бѣдныхъ Поляковъ*. Надѣюсь, что онъ не совсѣмъ теперь будетъ вѣрить правости ихъ дѣла. Взялъ онъ мою «Россію» въ переводѣ Кар. Карловны. Кажется, ему понравилось. Право хорошо, что Москва начинаетъ привлекать вниманіе. Хоть пользы прямой нѣтъ, да мы по крайней мѣрѣ сами будемъ ее уважать.

Жена посылаетъ тебѣ стихи мною написанные на дняхъ. На силу собрался. Хорошо бы, коли бы съ легкой руки да нàчалъ я писать побольше и бросилъ наконецъ душеубійственную лѣнь. Что говорятъ добраго нимфы Крейцнаха? Живительны ли ихъ объятія? Видѣлъ я на дняхъ письмо Коппа, который объ тебѣ отзывается очень хорошо, чему всѣ весьма обрадовались. Неужели братъ Петръ Михайловичъ не съѣздитъ въ Парижъ? Стыдно будетъ! Въ его лѣта смѣшно бояться подозрѣній; они на него никакъ пасть не могутъ, а бояться Парижскихъ смутъ тоже нечего. Это глупыя вспышки; а если пустой страхъ помѣшаетъ ему быть въ Парижѣ, то долго и долго будутъ ему сниться *Jardin des Plantes* и *Musée d'Anatomie comparée*, и кабинеты ископаемыхъ и пр. и пр.; а совѣсть будетъ ему твердить упреки. Еще бы лучше вамъ обоимъ вмѣстѣ осенью туда скатать; да гдѣ тебѣ рѣшиться! Боленъ будешь, скажешь: чтó мнѣ до Парижа? Здоровъ, опять тоже: пошелъ въ Москву, да проворнѣй! Мнѣ бы съ вами быть! Авось бы я васъ подзадорилъ и туда, и сюда, и въ Швейцарію, и въ Италію, и во всѣ стороны. Чтó бы за стихи ты написалъ и сладкіе, и звонкіе, чудо!

7.

3-е Генваря 1841 года. Москва.

Чтó мнѣ тобѣ сказать, любезный братъ? Приходится сдѣлать тебѣ сильный попрекъ, а вотъ какой именно. Уже мѣсяца три я тебѣ пишу: скажи-де твоими славными стихами что-нибудь о прахѣ Наполеона — а ты ни слова. Пришлось мнѣ написать двѣ пьесы, которыя печатаются въ Москвитянинѣ. Понимаешь! Это въ видѣ упрека маленькое хвастовство, что я-де не бросилъ Музъ. Твой Рейнъ, твои Имянины и всѣ твои послѣдніе стихи такъ хороши, что просто чудо. Слава Коппу, и какъ ни говори, слава сторонамъ Нѣмецкой и Италь-

янской. Весело, что такая молодость разыгралась опять. Москвитянинъ началъ являться. Первая книжка не хорошо составлена, хотя Шевырева статья славная; но журналистической ухватки нѣтъ. Жуковскій сюда пріѣхалъ. Очень милъ, объ тебѣ говоритъ утѣшительно.

Въ этомъ письмѣ супруга Хомякова приписала своему брату:

«Вы, я думаю, не знаете стиховъ мужа, написанныхъ на смерть нашихъ малютокъ. Онъ недавно только рѣшился прочитать ихъ мнѣ, а уже годъ какъ они написаны. Каролина [1]) падала отъ нихъ въ обморокъ и послѣ нихъ стала крестить Ипполита всякій вечеръ».

8.

20 Мая (1841) Москва.

Я опять погрузился въ тихій сонъ кромѣ того, что получилъ нѣкоторый успѣхъ какъ прозаторъ статьями, читанными на вечерахъ у Кирѣевскаго. Муза опять раскланялась. Зову, да не тутъ-то было. Улетѣла, вѣроятно убоявшись голода всеобщаго въ Россіи. Впрочемъ другія болѣе храбрыя Музы бодрствуютъ. Каролина К. написала прекрасную балладу, а Милькѣевъ, тебѣ неизвѣстный Сибирякъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и пишетъ славныя вещи. Жаль, что я ничего наизустъ не помню, а то стоило бы тебѣ сообщить. А вотъ еще жалко: Лермонтовъ отправленъ на Кавказъ за дуэль. Боюсь не убили бы. Вѣдь пуля дура, а онъ съ истиннымъ талантомъ и какъ поэтъ, и какъ прозаторъ. Когда-то опять тебѣ пошлю свои вирши? Читалъ ли ты V. Hugo Les Ombres? Вздоръ; онъ плошаетъ. Видно, изсякаетъ источникъ Касталійскій вездѣ: и Англія, и Германія насъ питаютъ жидкостями, точно будто доктора намъ всѣмъ прописали во́ды. Прощай, да будутъ оныя тебѣ полезны, и тогда пой насъ хмѣльною брагой по твоему обычаю, «безъ примѣси воды негодной».

Приписка Д. А. Валуева.

«Каковы стихи Хомякова, которые вамъ посылаемъ теперь [2]). Это уже Наполеонъ третій. Первый былъ не такъ хорошъ и былъ весьма дурно принятъ всѣмъ домомъ Елагиныхъ; это раздосадовало Ал. Ст., и онъ написалъ двѣ славныхъ пьесы. Таже судьба постигла и Москвитянинъ. 2 № былъ уже лучше, а 3-й рѣшительно хорошъ. Алексѣй Андреевичъ [3]) говоритъ, что для того, чтобъ заставить Русскаго чело-

---

[1]) Каролина Карловна Павлова. Ипполитъ—ея единственный сынъ.

[2]) „Небо ясно, тихо море“, „Когда мы разрыли могилу вождя“ и „Не сила народовъ тебя подняла“.

[3]) Елагинъ.

вѣка сдѣлать что-нибудь порядочное, надо сперва разбить ему рожу въ кровь. Только Погодинъ наживаетъ себѣ непріятности за свою нелѣпость. Жуковскій обѣдалъ у Черткова: обѣдъ, послѣ котораго онъ просилъ Авд. Петр. что нибудь поѣсть; а Погодинъ напечаталъ, что Жуковскаго закормили; описаніе обѣда, разговоровъ присутствующихъ, въ томъ числѣ помѣстилъ и Свербеева. Свербеевъ написалъ ему формальное письмо съ просьбою впередъ не дѣлать. Пошли споры, объясненія, извиненія и т. д. Жуковскій тоже просилъ оставить его въ покоѣ: отъ друзей не убережешься. Глинка напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что Хомяковъ Московскій соловей. Дм. Никол. [1]) говоритъ, что пожалуй его вздумаютъ назвать дроздомъ или цаплей. Жуковскій уѣхалъ вчера отъ насъ. Стремится къ своей невѣстѣ. Дай Богъ ему счастія и не обмануться въ надеждѣ. Мы каждый вечеръ ему играли шарады, и были удачныя. Я бывалъ лягушкой и солнцемъ, а разъ для 1-го Марта [2]) вздумали приготовить заранѣе со стихами и проч. Сочиняли Хом., Крюковъ и др., и не удалось; я же покрылся совершеннымъ стыдомъ: вышелъ, не договорилъ куплетовъ и скрылся».

9.

(16 Окт. 1841).

Меня задержало то, что около Подлипокъ сломались винты въ кулакѣ. Пришлось веревками скрючивать за недостаткомъ кузнецовъ. Ямщики попались глупые и лѣнивые, прислуга безтолковая. Какъ ты могъ бы посмѣяться, глядя, какъ я ночью, при лунномъ свѣтѣ, самъ своими барскими руками рычаги обработываю, веревки натягиваю и прочее. Фигура должна была быть уморительная... На дорогѣ у меня была встрѣча съ великолѣпнымъ поѣздомъ. Каблуковъ изъ чужихъ краевъ съ своею красивою дщерью и князь Барятинскій. Мнѣ пришелъ на память разговоръ ихъ, разсказанный Самаринымъ. Между тѣмъ на станціяхъ вездѣ кипѣли самовары трехъ-ведерные, ставились стулья и столы, разстилались ковры прекрасные, повара готовили кушанье, разставлялось вино, виноградъ, фрукты, куренья разливали свой ароматъ, чудо да и только. Встрѣтилъ я ихъ ночью. Фонари снаружи, фонари внутри, впереди вѣстовые на перекладныхъ. Глядя на эту скачущую иллюминацію, я вспомнилъ хохла, который встрѣтилъ золотую карету Екатерины съ фонарями. «Видѣлъ я нашу матушку; ужъ какая пышная; сама золотая, а глаза такъ и горятъ». Онъ принялъ карету за Государыню...

---

[1]) Свербеевъ.

[2]) День имянинъ Авдотьи Петровны Елагиной, въ домѣ у которой жилъ Валуевъ.

10.

16 Ноября (1842).

Такъ ты ужъ въ Римѣ, любезный братъ. Кланяйся отъ меня Колоссеуму, церкви св. Петра и папѣ, котораго надобно постараться обратить въ Православіе. Счастливый ты человѣкъ, если только здоровье позволитъ тебѣ чувствовать свое счастіе. Да, я крѣпко надѣюсь, что Римскій климатъ тебѣ будетъ пользителенъ и что ты изъ Рима выѣдешь съ бодрымъ видомъ Центуріона. Будетъ ли только тепло тебѣ въ твоемъ новомъ жилищѣ? Я полагаю, что Римляне лучше умѣютъ строить соборы, чѣмъ складывать печи, а тебѣ печь нужнѣе собора. На полдень ли твоя квартира? Впрочемъ это обстоятельство вѣроятно обратило на себя вниманіе Гоголя. Кланяйся ему; скажи, что никто еще въ Россіи не пользовался такою искреннею и совершенною ненавистью нѣкоторой школы словесниковъ какъ онъ. Можетъ быть, вы этого не знаете, не получая журналовъ Петербургскихъ. Весело смотрѣть, какъ они грызутъ Мертвыя Души. Это торжество тѣмъ чувствительнѣе, что ненависть возбуждена не только совершенствомъ искусства, но и темнымъ (яснаго они имѣть не могутъ) сознаніемъ нравственнаго достоинства поэмы. Когда-то ты окрѣпнешь или отдохнешь такъ, что подымешься оглядывать всѣ ненаглядныя сокровища вѣчнаго города? Не полѣнись написать объ нихъ что-нибудь. Что̀ Преображеніе? Что̀ Аполлонъ? Длинная галлерея или трапеза св. Петра не искажаетъ ли гармоніи М. Анжелова созданія? и пр. Да кстати, правду ли разсказывала Нѣмецкая графиня, бывшая въ Римѣ, что подъ куполомъ всякую ночь свѣтитъ мѣсяцъ? А я по секрету тебѣ скажу, что Римъ— городъ Славянами основанный, какъ явствуетъ изъ моихъ изслѣдованій. Прощай, будь здоровъ. Я очень радъ за тебя, что ты въ Римѣ, а не въ Ганау.

11.

Когда-нибудь Гоголь подслушаетъ насъ или прочтетъ наши письма и вклеитъ въ комедь; да и по дѣломъ! Я бы сталъ писать, да дѣла мѣшаютъ; а ты? Мнѣ здоровье мѣшаетъ. Вотъ дѣла̀ устрою или желудокъ вылечу и примусь писать, право примусь, ей-ей примусь. Да что это въ самомъ дѣлѣ? Неужели думаютъ, что у насъ запасъ вдохновенія, какъ у старыхъ шутниковъ запасъ анекдотовъ и заученыхъ остротъ, весь израсходовался? и пр. и пр. Полно храбриться и мнѣ попрекать, и себя обманывать обѣщаніями. Станемъ лучше передъ собою и совѣстью и, ударяя себя въ грудь, возопіимъ: согрѣ-

шили, беззаконновали и пр. Въ тебѣ какъ-то мало покаянія, и отъ этого на тебя мало, на меня болѣе надежды. Впрочемъ, я такъ давно каюсь, что право думаю (или кажется это мысль Павлова), что я къ покаянію привыкъ и радъ продолжать грѣхъ, чтобы не отвыкать отъ этого христіанскаго и смиреннаго сокрушенія сердечнаго. Какъ бы то ни было, а я радъ, что ты хоть на зиму будешь Москвичемъ.

12.

(Изъ деревни въ Москву, 1845).

Я уже тебѣ писалъ о Валуевѣ; мой совѣтъ ему—Крымъ, Крымъ и Крымъ. Это лучше, ближе и вѣрнѣе чѣмъ чужіе края; тамъ же есть и доктора искусные, особенно братъ Арендта, котораго очень хвалятъ, который знаетъ отлично свойства климата и соединяетъ благороднѣйшую душу съ великимъ искусствомъ. Какъ-то вы рѣшите на общемъ совѣтѣ? Если въ Италію, то я очень радъ буду знать, что Поповъ ѣдетъ съ Валуевымъ. Всего же болѣе желаю скорѣйшаго рѣшенія.

Ты пишешь мнѣ о лишнихъ экземплярахъ моей статьи, а какой не знаю. Впрочемъ все равно: оставь покуда у себя. Павлову скажи, что я виноватъ, но не совсѣмъ. Просто не сложу стиха, хоть убей. Видно стихъ не пришелъ. Для Альманаха постараюсь что-нибудь сдѣлать.

Ты пишешь мнѣ о страшной рѣзнѣ и о побѣдѣ на Кавказѣ. Вѣроятно это было при взятіи Дарго; но я получилъ другое извѣстіе, весьма непріятное. Послѣ взятія крѣпости Воронцовъ далъ себя запереть въ лѣсахъ Ицхеріи и понесъ ужасный уронъ. Три генерала, Викторовъ, Пассекъ и фонъ-Фокъ, убиты; множество полковниковъ, между прочими Бибиковъ, бездна офицеровъ легли на мѣстѣ. Дѣло, говорятъ, плачевное. Меня это бѣситъ и огорчаетъ. Узнай пожалуста черезъ Ермолова, если можно, что́ было? Газеты вѣроятно этого не протрубятъ. Видно, Русскіе генералы лучше Русскихъ лордовъ. Ужъ коли лорда, такъ выписать бы настоящаго, хоть напр. Элленбору. Признаюсь, я боялся этого пораженія по медленности движеній Воронцова. Въ горахъ надобно быть молніей, а не Австрійцемъ.

Похлопочи объ Валуевѣ; толкай, гони, не давай покоя, выживай его поскорѣе, но право держись Крыма. Валуевъ не только до́рогъ, но нуженъ. Онъ менѣе всѣхъ говоритъ, онъ почти одинъ дѣлаетъ, и будь онъ здоровъ, такъ то ли бы онъ сдѣлалъ! Если Богъ его сохранитъ, много будетъ пользы отъ его жизни, и имя его помянется съ похвалою и благодарностью. Я его люблю какъ сына.

13.

Жена моя немножко стала оправляться. Ее сильно поразилъ этотъ ударъ [1]); онъ и мнѣ не легче, да у меня нервы-то покрѣпче. Теперь она говѣетъ, и это, разумѣется, ее успокоитъ. Какая тяжелая потеря для всѣхъ насъ, для нашего дѣла, а особенно для Катеньки и меня. Я такъ съ нимъ сжился душею, что съ трудомъ понимаю, какъ мнѣ быть безъ него. Такія потери могутъ просто отучить отъ жизни, и зачѣмъ это Иноземцовъ посылалъ ужъ его? И леченіе было постыдное, и отправленіе постыдное. Я писалъ къ Своехотову и Панову, чтобы, если можно, перевезти его въ Москву въ Ваганьково подлѣ Крюкова или въ Даниловскій монастырь подлѣ Венелина. Мнѣ это было бы отраднымъ. Какъ много я ему обязанъ, какъ много онъ охранялъ меня отъ лѣни и праздности! Его жизнь и дружба были мнѣ Божіимъ благодѣяніемъ, а и онъ меня любилъ какою-то любовью полубратскою, полусыновнею. Какъ грустно и тяжело вспомнить, что онъ былъ!

Догадаемся ли мы пользоваться примѣромъ, даннымъ имъ, самоотверженія, дѣятельности и обще-полезныхъ стремленій? Какъ много бы еще сдѣлалъ онъ, если бы пожилъ!

Д. 4 д.
1845.

II. Къ неизвѣстному лицу.

Эмсъ, 8 Іюля 1847.

...Я оставилъ у Ганки еще другую пьесу, начинающуюся такъ:

Не гордися передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись передъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва! и пр. и пр.

Такъ что очевидно Прага на меня подѣйствовала очень сильно [2]). Ганка просто чудный человѣкъ. Онъ мнѣ обрадовался и меня обрадовалъ. Ничего не могло быть лестнѣе его привѣта. Когда я ему сказалъ свое имя, онъ мнѣ только сказалъ: «Неужели тотъ самый?» Я это вамъ пишу очень добродушно и увѣренъ, что вы не оподозрите меня въ самолюбіи, цѣнящемъ другихъ людей только потому, что «ils m'estiment, какъ говоритъ нашъ Московскій знакомый. Ганка всѣхъ помнитъ, всѣмъ посылаетъ поклонъ, но вамъ съ попрекомъ.

---

[1]) Кончина Валуева.
[2]) Первая піеса: „Беззвѣздная полночь".

Ему везли какую-то книгу, а вы удержали посылку, увѣривъ, что эта книга у него уже есть. Съ Шафарикомъ провелъ я вечеръ и былъ какъ сыръ въ маслѣ. Славный, живой, умный, дорожитъ Лимбургскимъ сыромъ, т.-е. старою старинкою, этимологіей и всѣмъ. Прелесть! Я бы прожилъ охотно цѣлую недѣлю въ Прагѣ, а былъ только полтора дня. Отъ Шеллинга, Неандера ровно ничего не добился. Рѣшительные шмерцы! Впрочемъ я очень полюбилъ Неандера. Еще былъ я у Гримма. Нѣмецъ, но хорошъ.

Здѣсь въ Эмсѣ житье мнѣ славное. Мѣсто милое. Гоголь погостилъ четыре дня. Жуковскій здѣсь; пропасть написалъ и прекрасныя вещи. Гоголь бодръ и хорошъ; но нисколько нельзя предвидѣть чтó онъ будетъ писать или дѣлать. Самъ не знаетъ. Рекомендую вамъ славную Нѣмецкую книгу *Aus der Gegenwart*. Чтó за глупая земля теперешняя Германія!

III. Къ графинѣ А. Д. Блудовой.

1.

Трудное дѣло загадывать о будущемъ, графиня, и даже едва-ли возможное, если только верченіе столовъ и ихъ ясновидѣніе не дадутъ намъ ключа, котораго до сихъ поръ мы не имѣемъ. Вотъ вамъ примѣръ. Я обѣщалъ Попову и Коссовичу побывать въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ Мая. Тоже самое обѣщалъ я и себѣ. Хорошо, что всѣ эти обѣщанія были даны въ условной, хотя нисколько не іезуитской, формѣ: «если и пр.» Тому дней 18 или 20 я уже самъ себя считалъ на отъѣздѣ, и что же? Передняя ось дрожекъ сломалась на довольно скорой ѣздѣ, правымъ колѣномъ пропахалъ я мостовую, лѣвой рукой ударился также въ камень, при этомъ камни оказались тверже чѣмъ жилы колѣна и плеча; и хотя не произошло никакого излома (кромѣ вышесказанной оси), но я нѣсколько дней пролежалъ хромой и кривошея и потомъ недѣли двѣ былъ совершенно неспособенъ къ предпріятію какой бы то ни было дальней поѣздки. Такимъ-то образомъ прошло то единственное время, которое было для меня почти свободнымъ, которое я надѣялся провести въ Петербургѣ и которое пришлось посвятить интереснымъ, но не совсѣмъ пріятнымъ, опытамъ надъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ арники. Однажды Англичанинъ обѣщался пріѣхать къ пріятелю на вечеръ. Случилась съ нимъ бѣда: кабріолетъ сломался; у Альбіонца переломлена рука и нога; онъ все-таки себя велѣлъ везти, чтобы имѣть право сказать: «I am as good as my

word» [1]); но я увѣренъ, что вы меня уволили бы отъ такого доказательства, и во всякомъ случаѣ радуюсь, что обѣщаніе давалъ условное и что никто не можетъ мнѣ сказать, что я менѣе въ словѣ твердъ, чѣмъ Англичане.

Правда ли, графиня, что вы будете сюда? Какъ бы я радъ былъ васъ видѣть; а самому ѣхать въ Питеръ мнѣ нѣтъ никакой возможности. Дѣлъ накопилось бездна въ Москвѣ, а отъѣздъ въ деревню приближается; увѣряютъ даже многіе, что лѣто наступаетъ, хотя, глядя на погоду, я этому плохо вѣрю; но если это правда, то непремѣнно хозяину надобно будетъ спѣшить отъѣздомъ.

Тревожитъ ли васъ Восточный вопросъ? Онъ здѣсь сильно въ ходу; мнѣ уже извѣстны объ немъ пари, доходящіе до гривенника; видите, какіе мы Москвичи, люди рискливые! Доходитъ ли въ Петербургѣ интересъ политическій до такой страстной напряженности? Или все ваше вниманіе поглощено верченіемъ столовъ? Вѣдь это должно быть дѣломъ очень важнымъ для административнаго центра. Что̀ скажетъ начальникъ департамента, если неисправный столоначальникъ будетъ оправдываться тѣмъ, что столъ у него убѣжалъ? И наконецъ не можетъ ли столъ (котораго ясновидѣніе признано многими) замѣнить съ выгодою столоначальника, особенно въ дѣлахъ судебныхъ? Вѣдь онъ могъ бы, какъ Англинскій *jury*, отвѣчать: *by yea or no* [2]). Это заслуживало бы вниманія графа Панина. Какъ вообще милостива судьба, что посылаетъ столько интересныхъ занятій человѣку!

Ждать ли васъ, графиня, къ намъ или перемѣнили вы свое намѣреніе? Такъ какъ я надѣюсь, что нѣтъ, то кончаю словомъ «до свиданія».

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга

А. Хомяковъ.

Москва, 23 д. (1853).

2.

Получено 4-го Марта 1853 г.

Я вамъ очень благодаренъ, графиня, за книги, присланныя отъ васъ. Одна изъ нихъ—изданіе прекрасное и крайне полезное для Славянской филологіи, но объ ней говорить нечего; другая *The Future*

---

[1]) Я также хорошъ, какъ мое слово.
[2]) Да или нѣтъ.

Alison'а [1]) очень любопытна. Я не раздѣляю мнѣнія вашего объ ней и не могу видѣть въ ней злоупотребленія книгопечатанія, хотя и признаю въ ней очень смѣшныя черты сумасбродства. Это сумасбродство особеннаго рода: оно представляетъ каррикатуру чисто-Англинскаго направленія мысли въ томъ забавномъ смѣшеніи вопросовъ политическихъ и религіозныхъ, которое составляетъ самую основу книги, напр. въ убѣжденіи, что успѣхи Христіанства зависятъ отъ *Free Trade, Septennial Parlaments* [2]) и такъ далѣе. Но сумасбродство это не мѣшаетъ личному достоинству автора; оно, т.-е. сумасбродство, передано ему, такъ сказать, отъ общества; самъ же онъ сохраняетъ и благородство чувства, и высокое нравственное настроеніе, и даже большую свѣтлость ума. Превратное и сбивчивое понятіе о Христіанствѣ въ Alison'ѣ происходитъ отъ его крайне-протестантскаго воззрѣнія, отъ борьбы съ католицизмомъ, болѣе же всего отъ глубокаго нравственнаго негодованія на разногласіе между именемъ христіанскаго общества и бытомъ этого общества. Ложь въ Alison'ѣ есть только одностороннее пониманіе правды, въ одно и тоже время досадное и внушающее уваженіе къ автору. Прибавьте еще и то, что въ немъ есть страницы, писанныя прекрасно и съ истиннымъ увлеченіемъ и что въ Англіи онъ принятъ многими съ сочувствіемъ или по крайней мѣрѣ со вниманіемъ. Серьезные журналы, каковы Blackwoods M. и Edinburh R. цитуютъ его и смотрятъ на него какъ на основателя или дѣльнаго представителя новой теоріи налога, именно системы прямаго налога, *Direct Taxation*, какъ единственный разумной и нравственной. Еще недавно было время, когда прямой налогъ считали въ высшей степени безнравственнымъ и неразумнымъ; есть люди, которые и теперь придерживаются этого мнѣнія. Пусть они спорятъ себѣ съ Alison'омъ; вѣроятно одна крайность исправитъ другую. Во всякомъ случаѣ я считаю самую книгу далеко небезполезною.

Чтò вамъ сказать о Дядѣ Ѳомѣ? [3]) Надъ нимъ плачутъ здѣсь также усердно, какъ и вы вѣроятно плакали въ Петербургѣ; и здѣсь

---

[1]) „Будущность", сочиненіе Алисона.

[2]) Отъ свободной торговли, семилѣтняго парламента.

[3]) Хижина Дяди Тома, извѣстное сочиненіе Бичеръ-Стоу, облетѣвшее въ то время оба полушарія. Когда у насъ начались работы по отмѣнѣ крѣпостнаго права, появилось нѣсколько переводовъ этой книги, возбудившей столько сочувствій и столько ненавистей. Помню, какъ въ 1858 г. въ Берлинѣ, у Варнгагена фонъ-Энзе, молодой очень образованный Американецъ изъ Южныхъ Штатовъ, пріѣхавшій, какъ и я, учиться въ Берлинскій университетъ, разразился проклятіями, когда я похвалилъ Хижину Дяди Тома. Онъ увѣрялъ, что книга эта наполнена клеветами. П. Б.

также, какъ и у васъ, находятъ, что многое знакомо и намъ, хотя не совсѣмъ въ томъ черномъ видѣ, какъ въ Америкѣ, а тому лѣтъ за сорокъ, когда семьи продавались по частямъ, немного даже и уступало Американскимъ формамъ невольничества; но до меня это не касается. Безстрастно изучивъ вопросъ домашній, я очень понимаю различіе крѣпостнаго состоянія и рабства въ тѣсномъ смыслѣ слова, хотя разумѣется и перваго нисколько не одобряю. Нравственная основа другая, и слѣдовательно всѣ явленія ея различны, не смотря на видимое сходство во многихъ частныхъ случаяхъ, доходящихъ до отвратительной жестокости, или показывающихъ еще болѣе отвратительное равнодушіе къ человѣчеству.

Меня въ романѣ поразило одно лице, которое, по моему мнѣнію, упрочитъ славу писательницы; это не Томъ, быть можетъ, нѣсколько преувеличенный, и не маленькая Эва: она только граціозная сестра Поля Домби (и слава созданія принадлежитъ Диккенсу), но Августинъ Сенъ-Клеръ. Онъ намъ всѣмъ близокъ своимъ изящнымъ просвѣщеніемъ, своею художественною природою, мягкостью и кротостью нрава, лѣнивымъ человѣколюбіемъ, сибаритскимъ эгоизмомъ, слабостью нравственныхъ убѣжденій и нехристіанскимъ равнодушіемъ къ общественному добру, искусно оправдываемымъ посредствомъ ловкихъ софизмовъ. Онъ въ душѣ вѣдь осуждаетъ зло; чего же болѣе? Онъ правъ передъ собою и передъ Богомъ. Этотъ характеръ очерченъ мастерски и поддержитъ славу автора даже тогда, когда пройдетъ время минутнаго восторга. Впрочемъ, я увѣренъ, что романъ г-жи Stowe подвинетъ значительно вопросъ о рабствѣ черныхъ.

Общественныя улучшенія зависятъ отъ сердца болѣе, чѣмъ вообще думаютъ, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ отъ ума. Отъ того-то, по моему мнѣнію, женщины такіе же великіе дѣятели въ исторіи народовъ, какъ и мущины, хотя роль ихъ менѣе видна.

Чтó сказать вамъ о нашей Москвѣ? И не найду, чтó сказать; я начинаю догадываться, что я совсѣмъ не въ Москвѣ живу, а только на Собачьей площадкѣ своей, которая случайно находится въ Москвѣ. Впрочемъ, и Москва нынѣшній годъ не безъ литературной новости. Я говорю о замѣчательной драмѣ *Не въ свои сани не садись*. Успѣхъ огромный и вполнѣ заслуженный. Жаль только, что въ сценѣ на постояломъ дворѣ нѣтъ того развитія и той постепенности, которыя должны были дать полноту художественному творенію. Авторъ забылъ, что купеческая дочь представляетъ благородному жениху капиталъ во сто тысячъ, и что онъ не можетъ и не долженъ вдругъ терять надежду на аферу. Какъ бы то ни было, драма все-таки очень хороша, и

Островскій оправдываетъ надежды, которыя подалъ первыми своими произведеніями.

Прошу васъ, графиня, передать мой почтительный поклонъ вашему батюшкѣ и принять увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности.

Вашъ покорный слуга А. Хомяковъ.

Прилагаю постные стихи, которые не считаю стихами.

3.

При посылкѣ стиховъ «Къ Россіи». (На шестой недѣлѣ Великаго поста 1854 года).

Эти стихи написалъ я, графиня, на дняхъ. Какъ стихи, они вамъ понравятся; надѣюсь, что они понравятся какъ чувство. Во всякомъ случаѣ они сказались у меня невольно. Какъ человѣку въ минуту подвига опаснаго должна представиться его внутренняя жизнь тѣмъ яснѣе, чѣмъ самый подвигъ лучше и чище, такъ и обществу. Странна была бы рѣчь о смиреніи (а не это ли чувство уважаемъ мы въ Россіи по преимуществу?), еслибы смиреніе не выражалось сознаніемъ слабыхъ сторонъ или пороковъ въ тѣ минуты, которыя призываютъ къ великому и опасному служенію. Отъ печати я удаленъ *); но мнѣ кажется такіе стихи должны быть полезными, призывая къ серіозному пониманію великаго дѣла, къ которому мы идемъ. Разумѣется, еслибъ можно было думать о печати, я сказалъ бы, что слова: *И игомъ рабства клеймена* (слишкомъ рѣзко опредѣляющія крѣпостное состояніе) можно замѣтить: *И двоедушьемъ клеймена*. Также поставить другое на мѣсто *всякой мерзости полна*. Но вообще полагаю, что нельзя и воображать, чтобъ такой канонъ покаянія могъ быть напечатанъ. А все-таки скажу: въ минуту тяжелой войны конечно не время ни человѣку, ни обществу исправляться, а время искренно сознаваться въ своихъ грѣхахъ обществу, также какъ и человѣку. Согласитесь ли вы со мною? Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы признаете, что я говорю не по духу эгоистическаго фрондерства. Война предстоитъ не шуточная, и размѣры, которыхъ она можетъ достигнуть, еще неизвѣстны никому. Должно смотрѣть впередъ бодро, но и трезвенно. Право, предполагать во мнѣ фрондерство или что-нибудь подобное, значитъ меня вовсе не знать. Не думаю, чтобъ когда-нибудь заслужилъ такое подозрѣніе, а теперь просто стыдно было бы его заслуживать.

---

*) Хомяковъ хочетъ сказать, что ему запрещено печатать свои произведенія. П. Б.

Изъ письма отъ 4-го Апрѣля 1854 г. А. Н. Попову съ приложеніемъ стиховъ „Покаявшейся Россіи“ *)

«Я написалъ стихи, изъ которыхъ конечно добросовѣстный человѣкъ не выкинетъ ни слова, и что́ же? Мнѣ вдругъ стало какъ-то жаль, что я нашей Руси наговорилъ столько горькихъ истинъ, хоть и въ духѣ любви; стало какъ-то тяжело. Вѣдь если я сказалъ, и если другіе прочли и, любя Россію, въ тоже время не слишкомъ разсердились на меня: развѣ ужъ это не покаяніе, или не знакъ постояннаго, хотя и не выражаемаго, покаянія? Я написалъ другую піесу вчера и посылаю ее вамъ передъ говѣніемъ».

4.

Простите меня, графиня, въ томъ, что я ваше имя долженъ былъ упомянуть въ офиціальномъ актѣ. Судите сами, могъ ли я иначе поступить? Сегодня былъ я призванъ къ графу Закревскому, который отъ имени графа Орлова спросилъ у меня: «признаю ли я своими двѣ пьесы къ Россіи, ходящія подъ моимъ именемъ». Разумѣется, я отрекаться и не думалъ. Я прибавилъ, что мое желаніе было ихъ напечатать и что я даже посылалъ ихъ въ Петербургѣ съ изъявленіемъ этого желанія и съ согласіемъ на нѣкоторыя перемѣны въ томъ случаѣ, если цензура того потребуетъ. Графъ Закревскій сказалъ мнѣ слова свои записать и потомъ спросилъ: «къ кому я стихи послалъ?» Я назвалъ васъ и А. Н. Попова, такъ какъ первая пьеса была мною послана дѣйствительно къ вамъ, а вторая къ А. Н. Простите меня, что я ваше имя вмѣшалъ въ офиціальность; сами видите, что я иначе не могъ поступить, да вы же и знаете, что я не умѣю обходить правду; а за всѣмъ тѣмъ мнѣ и досадно, и передъ вами совѣстно.

Вотъ какія приключенія навлекаетъ стихотворство! А право, хоть вашъ батюшка и былъ мною недоволенъ, хоть слова мои и были рѣзки, но я чувствую, что, столько хваливъ Россію и ея духовную основу всегда, я не могъ не высказать ей того, что́ сказалъ, когда мы были затоплены такимъ наводненіемъ похвалъ, не хотящихъ ничего знать кромѣ ея матеріальныхъ силъ. И вы не прогнѣваетесь, если я скажу, что вы немножко неправы, полагая, что писатель самъ себя исключаетъ изъ своего осужденія, когда обращается къ Отечеству. Въ одномъ стихѣ, по крайней мѣрѣ, онъ очевидно себя чарочкой не обнесъ:

И лѣни мертвой, и позорной.

---

*) Это письмо къ А. Н. Попову сохранилось въ спискѣ у графини А. Д. Блудовой. П. Б.

По правдѣ сказать, едва ли ваше письмо не строже моихъ стиховъ, и едва ли батюшка вашъ и Сербъ, который отказывался отъ предлагаемаго вами наказанія, и Тютчевъ, не были противъ васъ правы. Увы, графиня, вѣдь историческія наказанія падаютъ обыкновенно тяжелѣ на тѣхъ, которые и такъ не избалованы счастіемъ (какъ напр. холера); да и внутреннее исправленіе не всегда приходитъ съ наказаніемъ внѣшнимъ, а часто посѣщаетъ и возвышаетъ душу человѣка или общества во времена счастія, между тѣмъ какъ въ бѣдахъ чувство иногда еще деревенѣетъ, и мысль поглощается единственно сознаніемъ своего горя. Разумѣется, не всегда такъ бываетъ; но если это бываетъ хоть иногда, то мы уже лишаемся права смотрѣть на бѣду иначе какъ на бѣду и наказаніе, которое мы обязаны отклонять всѣми нашими желаніями и молитвами. Затѣмъ разумѣется, если Богъ пошлетъ, то мы должны благодарить. Вообще, если можно характеризовать то, чтó я считаю нашею общею болѣзнію, однимъ словомъ, я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она и просыпается, но почти всегда съ просонокъ не туда пойдетъ, куда слѣдуетъ. Живя внутри Россіи, это видишь безпрестанно.

Сказавъ вамъ о себѣ, о своихъ начинающихся передрягахъ, о своемъ взглядѣ на то, чего желать должно, я не могу не сказать также, что я ровно ничего не понимаю въ томъ, чтó дѣлается въ мірѣ историческомъ. Еслибы не знали мы, что у насъ война и война, которой размѣры становятся все громаднѣе, еслибы огромный торговый застой не доказывалъ ея, можно бы подумать, что мы въ полномъ или почти полномъ мирѣ. Московская политика и стратегія стали въ тупикъ, и всѣ понятія перепутались. Яснѣе ли вамъ дѣло въ центрѣ дѣлъ?

Будете ли вы сюда? Кажется, нѣтъ вамъ причинъ не ѣхать; ибо въ Петербургѣ, кажется, точно также безопасно, какъ и здѣсь. Я бы очень желалъ для васъ и для вашего батюшки, чтобы вы пріѣхали. Прибавилъ бы и для себя, еслибы не видалъ такой неизвѣстности въ будущемъ. Впрочемъ чтó Богъ дастъ.

Прошу васъ снова на меня не пѣнять, и затѣмъ принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и преданности. Матушка поручаетъ мнѣ передать вамъ ея поклонъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга А. Хомяковъ.

Мая 17-го д. (1854).

Я говорила, что если много предстоитъ намъ испытаній, *тѣмъ лучше* для насъ; потому что Богъ наказываетъ съ любовью, и мы авось исправимся, бросимъ обезъянство и страсть ко всему иностранному, воспрянемъ

отъ лѣни, очистимся отъ многаго заразившаго насъ морально; что если суждено долго страдать намъ, мы должны съ радостію принимать страданія: *„car la souffrance épure, la souffrance est bonne pour les nations comme pour les hommes“*.—„Je vous demande pardon, madame, отвѣчалъ Сербъ, pour ma part je trouve que j'ai *assez* souffert et je ne tiens pas du tout à souffrir encore“ [1]).—Тютчевъ же сказалъ съ нетерпѣніемъ: „Il faut être Dieu ou femme pour dire de ces choses“ [2]). Я это писала въ отвѣтъ А. С. Хомякову, и онъ на это намекаетъ.—А Сербъ, о которомъ Хомяковъ знаетъ только эту фразу и которому я такъ великодушно предлагала мученическій вѣнецъ, извѣстенъ былъ графу Алексѣю Өедоровичу Орлову. *Примѣчаніе графини А. Д. Блудовой* [3]).

IV. Къ К. С. Аксакову.

(1855).

Дѣла принимаютъ новый оборотъ, но оборотъ также не безопасный. Нѣкоторый духъ жизни и свободы пробудился, очевидно вызываемый правительствомъ. Это уже видно изъ крайне замѣчательнаго приказа [1]) В. К. К. Н., хотя я не знаю, на какую именно онъ записку ссылается (говорятъ, будто это записка Истомина). Но теперь что же? Всѣ молчавшіе, всѣ рабствовавшіе въ то время, какъ мы одни смѣли не безопасно для себя просить свободы и протестовать противъ офиціальго одурѣнія, всѣ встрепенулись, и кричатъ, и поютъ про свободу мысли. Западъ встрепенется, правда уже лишенный своей рѣзкой особенности, но тѣмъ не менѣе опасный, потому что опасность его состоитъ не столько въ его цвѣтѣ, сколько въ его безцвѣтности. Чтò же тогда? Развѣ не тотъ же вздоръ, не таже фривольность? Разумѣется надобно благодарить Бога за свободу слова, но благодарить какъ Аяксъ за свѣтъ дневной, т.-е. какъ за возможность сражаться и слѣдовательно приниматься сильно за борьбу. Вѣрьте мнѣ, все чтó мы сдѣлали для пробужденія общественнаго сна, весь нашъ протестъ или забудется или же забытъ. Если мы теперь не выступимъ съ силою, нашъ нравственный авторитетъ (хоть и небольшой, но все-таки уже прі-

---

[1]) Страданіе очищаетъ, страданіе хорошо и для народовъ, какъ для людей.—Извините, милостивая государыня; чтò до меня, я нахожу, что я настрадался довольно и вовсе не намѣренъ еще страдать.

[2]) Нужно быть Богомъ или женщиною, чтобы такъ говорить.

[3]) Хомякову грозила въ то время высылка изъ Москвы. Подвергались допросу даже и лица, посылавшія къ пріятелямъ по почтѣ его удивительные стихи. Такъ велико было ослѣпленіе тогдашняго правительства.

[1]) См. этотъ приказъ въ Рускомъ Архивѣ 1883 года, III,201.

обрѣтенный) пропадетъ въ мигъ. Вспомните, что́ я сказалъ у Елагиныхъ, кажется, при васъ: «*Для насъ* Николай Павловичъ умеръ слишкомъ рано.» Этого забывать не должно. Да: теперь дѣло идетъ завоевать Россію, овладѣть обществомъ, и все это не невозможно. Слѣдовательно, задачу надобно выразить иначе: дѣло идетъ дать обществу если не серіозность, то зачатки серіозности, заготовить торжество нашей мысли тѣмъ, чтобы люди нѣсколько привыкли мыслить и подчинить жизнь мысли и убѣжденію; наконецъ, дѣло идетъ ввести нравственно начало, опредѣленное и строгое, въ шаткость общественной и частной жизни. Нѣсть наша борьба крови и плоти.

V. Къ С. М. Сухотину.

Долго не отвѣчалъ я вамъ, любезный Сергѣй Михайловичь. Письмо ваше получилъ я наканунѣ отъѣзда въ Донковъ. Парижане *) дѣло устроили такъ, что во всякомъ случаѣ протестъ нашъ опоздалъ бы, слѣдовательно торопиться было не къ чому, а я кое-что хотѣлъ еще вамъ послать (что́ и посылаю): вотъ причины замедленія. А сплутовали N* и К°, да и сметали свою плутню на живую нитку такъ, что нельзя не замѣтить. Впрочемъ бѣды въ этомъ большой нѣтъ. Можно будетъ въ послѣдствіи напечатать три письма. Это мнѣ нужно, чтобы не казаться участникомъ въ духѣ ихъ журнала; но и тогда я оговорю, что жалѣю о недоразумѣніи, а въ плутнѣ своихъ передъ чужими обвинять не хочу. Надобно и то сказать, что они препорядочно безтолковы: не хотятъ печатать письмо къ епископу Жансени, потому что Жансенисты съ ними хороши, а того не разсуждаютъ, что именно поэтому-то и должно ихъ поставить въ безвыходное положеніе: пусть рѣшаются! Если у нихъ есть сочувствіе къ намъ, то можно надѣяться, что многіе изъ нихъ рѣшатся въ нашу пользу, и это шагъ огромный, а теперешнее ихъ сочувствіе ровно ни къ чему не ведетъ. Вообще журналъ тѣмъ болѣе будетъ имѣть успѣха, чѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе будетъ тонъ его. Хоть и пишетъ Сушковъ, что они Гагарина уничтожаютъ, но статей ихъ не вижу; боюсь не только ихъ слабости, но еще болѣе непониманія. Слово Каѳоликъ всѣ у насъ привыкли переводить въ смыслѣ всеобщаго, а истинное значеніе, значеніе православное, забыто. Едва ли даже Сушковъ и догадаться-то можетъ, въ чемъ оно состоитъ, а Васильевъ немножко вѣтренъ. Вотъ

---

*) Т.-е. издатели Парижскаго богословскаго журнала Union Chrétienne.

почему я рѣшился написать прилагаемое письмецо. Если можно, пожалуста доставьте. Надѣюсь, что они не найдутъ его слишкомъ жесткимъ: Гагарина щадить нельзя. Сушковъ пишетъ, что они Гагарина рѣжутъ *тупыми* ножами; ужъ не лучше ли *острыми?*

Не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за всѣ хлопоты, которыя вы уже приняли ради моихъ писаній, и совѣстно бы было еще просить васъ о новыхъ; но, думаю, что, сочувствуя самому дѣлу, вы на меня пѣнять не будете за мою навязчивость, и этимъ себя передъ собою извиняю.

Послѣ письма вашего получилъ я извѣстіе объ Аксаковѣ. Кажется, онъ рѣшительно прошелъ всѣ опасности и долженъ поправляться; жаль только, что того и гляди, онъ заупрямится и не поѣдетъ за границу, чт̀о возстановило бы его здоровье вполнѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы онъ на время вырвался изъ окружающихъ его предметовъ и, такъ сказать, перервалъ бы цѣпь воспоминаній, гнетущихъ его. Отъ него можно ждать многаго и добраго. Я говорю теперь какъ бы чужой ему, и нисколько не какъ другъ, но только какъ человѣкъ, которому дорог̀а правда и просвѣщеніе. Я увѣренъ, что въ наукѣ слова онъ очень еще подвинетъ нашу литературу, и что ему отдадутъ справедливость даже тѣ подлые журналы, которые до сихъ поръ молчатъ объ его грамматикѣ.

Чт̀о за житье въ деревнѣ, любезный Сергѣй Михайловичь! Чт́о за лѣто! Не знаю, природа не празднуетъ ли эмансипацію; только эмансипація не подгорѣла бы какъ гречиха въ степяхъ. Здѣсь ни о чемъ не слыхать. Деревня Русская внѣ всякаго политическаго міра.

Прощайте. Примите дружескій поклонъ и увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Хомяковъ.

Іюня 16-го (1860).

Какъ замѣчательно опасеніе, чтобы „эманципація не подгорѣла какъ гречиха въ степяхъ“. Хомяковъ не дожилъ до пресловутаго 19 Февраля. Онъ былъ глубоко огорченъ ходомъ работъ по увольненію помѣщичьихъ крестьянъ. За годъ передъ тѣмъ послалъ онъ свои мысли объ этомъ предметѣ Я. И. Ростовцову; но эту записку его сумѣли затереть. П. Б.

ПИСЬМА КЪ А. С. ХОМЯКОВУ.

1. Брата его Өедора Степановича.

1.

24 Декабря, Петербургъ (1825).

Ты на Тальму славно смотрѣлъ; я этому очень радъ. Не видавъ такого актера, нельзя понять наслажденія, получаемаго отъ хорошей трагедіи. Duchesnois мнѣ не нравится. Какъ тебѣ? Въ прежнемъ письмѣ ты писалъ про Mars, и недостойно. Когда понимается, нельзя ею не восхищаться: она, кажется, старается каждому изъ зрителей голову вскружить и почти успѣваетъ въ томъ. Я самъ находилъ сначала, что она говоритъ слишкомъ скоро, но и это есть черта натуры: поживя съ Парижанами и особенно съ Парижанками, ты замѣтишь, что они гораздо скорѣе нашего говорятъ. Мы, Русскіе, воображаемъ вообще, что говоримъ пофранцузски, какъ Французы; но въ Парижѣ насъ всегда узнаютъ за иностранцевъ; я по опыту это знаю; только при самомъ концѣ пребыванія моего въ Парижѣ, я поддѣлался подъ ихъ произношеніе, и въ Турѣ меня принимали за Парижанина и слушали приговоровъ моихъ въ театрѣ, какъ оракулъ вкуса, чрезъ уста жителя великой столицы. Ты примѣтишь, что мы растягиваемъ нѣсколько окончательные слоги словъ и распѣваемъ; Французы, какъ Англичане и Нѣмцы, произносятъ тверже, ровнѣе и бѣглѣе. Ежели ты, какъ я уже тебѣ совѣтовалъ, будешь чаще въ обществѣ Французовъ, то привыкнешь нечувствительно и къ ихъ произношенію, и къ бѣглому огню ихъ разговора.

Мнѣ почти стыдно, что въ теперешнемъ случаѣ я началъ письмо съ такихъ бездѣлицъ; но я въ положеніи больнаго, который, послѣ сильнаго жара, впадаетъ въ совершенное изнеможеніе. Вотъ уже больше недѣли, какъ кровь и душа были въ безпрестанномъ волненіи, какъ одна мысль владѣла всѣми чувствами и всѣми способностями ума. Ты уже вѣрно знаешь происшествія 14-го числа. Ты знаешь, какъ батальонъ Московскаго полка отказался присягнуть новому Государю, какъ, обманутый и увлеченный двумя или тремя офицерами, онъ съ оружіемъ въ рукахъ пронесся на Исакіевскую площадь и какъ, про-

стоявъ тамъ четыре часа недвижимо, онъ былъ окруженъ, два раза отбивалъ аттаки кавалеріи (между прочимъ знаменитой конной гвардіи) и наконецъ, двумя или тремя выстрѣлами изъ пушекъ былъ обращенъ въ бѣгство. Всѣ солдаты, участвовавшіе въ мятежѣ, были взяты и, говорятъ, теперь уже прощены. Въ срединѣ каре, которое мятежники составили на площади, стояла горсть начальниковъ, людей давно извѣстныхъ на другомъ поприщѣ—Рылѣевъ, Бестужевъ съ тремя братьями, Кюхельбекеръ, Сомовъ (литераторъ), Глѣбовъ, словомъ вся надежда Петербургской словесности; съ ними князь Оболенскій, адъютантъ Бистрома, князь Щепинъ-Ростовскій, Пановъ, лейбъ-гренадеръ, и наконецъ нашъ Одоевскій; тутъ былъ также Пущинъ, первый честный человѣкъ, который сидѣлъ когда либо въ Русской Казенной Палатѣ. Герой Якубовичъ, одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ мятежа, потомъ оставилъ ихъ, просилъ прощенія у Царя, посланъ былъ имъ, чтобы увѣщать бунтующихъ солдатъ, и уговаривалъ ихъ держаться долѣе; словомъ покрылъ себя срамомъ, всѣмъ измѣнилъ, какъ подлецъ. Въ тотъ-же вечеръ всѣ были взяты, кромѣ Кюхельбекера, котораго и теперь еще не находятъ. Въ числѣ главныхъ заговорщиковъ былъ князь ***.

Онъ не смѣлъ показаться въ мятежѣ; его взяли въ 3 часа ночи у деверя его, привели къ Государю. Онъ со слезами упалъ къ его ногамъ, бормоталъ, чтобъ онъ сжалился надъ женой, надъ семьей. Государь славно отвѣчалъ, ежели правду говорятъ придворные: Si vous tenez encore à cette vie misérable, à cette vie souillée et couverte d'opprobre, bon, vous l'aurez *). Подлецъ этотъ открылъ всѣ имена сообщниковъ своихъ. Ихъ много, потому что заговоръ или, лучше сказать, тайное общество ихъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ. Теперь каждый день новые аресты; въ одномъ кавалергардскомъ полку уже одинадцать офицеровъ взято подъ стражу, лучшіе въ полку; всего въ одной гвардіи человѣкъ, кажется, 60 ежели не болѣе. Много также сообщниковъ ихъ во второй арміи. Словомъ, почти всѣ молодые люди, которые нѣсколько отличались умомъ, воспитаніемъ или благородными чувствами. Какіе безумцы! Они не знаютъ ни отечества своего, ни духа народнаго. Впрочемъ надобно признаться, что не всѣ одобряли послѣдняго мятежа, не всѣ даже знали напередъ, что онъ будетъ; они имѣли одну общую, но довольно неопредѣленную цѣль; въ средствамъ же и во времени исполненія не было согласія. Такъ какъ пре-

*) Если вы еще дорожите этою жалкою жизнью, замаранною и покрытою позоромъ: ну такъ вы будете жить.

ступленіе ихъ было не равно, то надобно надѣяться, что и въ наказаніи будетъ большая разница. Отъ Государя можно ожидать истинной справедливости. (Замѣть, что я пишу это не по почтѣ, слѣдовательно не принужденъ скрывать истинныхъ чувствъ своихъ). Онъ самъ въ первую ночь допрашивалъ виновныхъ, съ твердостью, но безъ жестокости; многіе изъ нихъ показали гадкую слабость души, многіе другъ друга обличали и сказывали имена тѣхъ, которыхъ еще не знали за ихъ сообщниковъ; кажется, фанатикъ Рылѣевъ въ числѣ этихъ подлецовъ. Говорятъ, Бестужевы всѣ славно выдержали допросъ. Одоевскій три дня скрывался, наконецъ, не находя вѣрнаго убѣжища, пришелъ ночью къ дядѣ своему Дм. Серг. Ланскому, который самъ отвезъ его къ оберъ-полицеймейстеру.

Ты уже видишь, что въ этомъ сумасбродномъ предпріятіи гораздо меньше показано геройства, нежели можно было ожидать. Видно, намъ бѣднымъ суждено даже и въ преступленіи не имѣть никакой силы! Государь одинъ всѣхъ удивлялъ. Его до сихъ поръ никто не зналъ; онъ передъ мятежниками показалъ чудесное хладнокровіе и храбрость: одинъ останавливалъ кровопролитіе и до послѣдней минуты старался ихъ увѣщать. Цѣлую ночь давалъ онъ приказанія и дѣлалъ допросы съ присутствіемъ духа, которое показалось бы рѣдкимъ и въ человѣкѣ давно привыкшемъ къ дѣламъ и опасностямъ; говорилъ во всѣхъ случаяхъ съ краснорѣчіемъ разительнымъ, съ краснорѣчіемъ души благородной и горячей. Одного изъ заговорщиковъ, полковника Булатова, допрашивалъ онъ наединѣ, въ кабинетѣ своемъ; тотъ вышелъ отъ него весь въ слезахъ; этотъ Булатовъ самъ прежде того признался, что имѣлъ намѣреніе его застрѣлить.

Вотъ тебѣ все, что̀ могу припомнить о нашихъ государственныхъ дѣлахъ. Не показывай этого никому кромѣ Ивана Вас. и Як. Ѳед. Толстаго, ежели онъ опять въ Парижѣ. Скажи ему, что нашъ давнишній споръ рѣшенъ дѣломъ. Non sumus digni: non deposuimus praetextam! *) Съ Французами и съ людьми некороткими не говори объ этихъ дѣлахъ или говори изъ газетъ; по почтѣ не пиши ни слова о политикѣ.

2.

С.-Петербургъ, 3 Декабря 1826.

Письмо твое съ сонными стихами я получилъ, любезный Алексѣй, и, не смотря на окончаніе твоего «Ермака», вижу въ немъ ясно исполненіе моихъ предсказаній. Не смѣю даже бранить тебя за лѣнь; очень понимаю, что развлеченій много, не говоря уже, что и совѣсть пре-

*) Мы недостойны, мы не сняли еще дѣтской одежды.

титъ укорять другихъ въ своихъ собственныхъ слабостяхъ. Хотѣлось бы для твоего исправленія, чтобы ты пожилъ съ нами здѣсь, посмотрѣлъ на Димитрія *). Это—чудо, а не человѣкъ; я передъ нимъ благоговѣю. Представь себѣ, что у него въ 24-хъ часахъ, изъ которыхъ составлены сутки, не пропадаетъ ни минуты, ни полминуты. Умъ и воображеніе и чувства въ безпрестанной дѣятельности. Какъ скоро онъ всталъ, и до самаго того времени, какъ онъ выѣзжаетъ, онъ или пишетъ или бормочетъ новые стихи; пріѣхалъ изъ гостей, весело-ли ему было или скучно, опять за тоже принимается, и это продолжается обыкновенно до 3-хъ часовъ ночи. На наше житье-бытье смѣшно смотрѣть: мы сидимъ въ двухъ комнатахъ, одна подлѣ другой съ открытыми дверями, часто въ одной, и въ цѣлый день иногда двухъ словъ не промолвимъ иначе какъ за обѣдомъ или когда придетъ кто-нибудь къ намъ въ гости. Онъ рѣдко читаетъ, гулять никогда не ходитъ, выѣзжаетъ только по обязанности, т. е. къ тѣмъ къ кому имѣлъ рекомендательныя письма.

Я въ большомъ былъ объ немъ безпокойствѣ на прошедшей недѣлѣ: у него сдѣлалось вдругъ воспаленіе въ груди и въ легкихъ, такъ что принуждены были кровь пустить. Въ ночь передъ кровопусканіемъ онъ совсѣмъ не засыпалъ, хотя я у него свѣчи потушилъ, все стихи ex-promptu говорилъ и, кажется, бредилъ, потому что разыгрывалъ одинъ въ постели какую-то комедію; по утру же, представь мое удивленіе, какъ скоро я проснулся, продиктовалъ мнѣ пьесу, которую здѣсь прилагаю безъ всякихъ поправокъ. Это *pendant* къ твоему *Сну*, но получше, хотя въ ней и виденъ нѣсколько отпечатокъ горячки: черезъ два часа принуждены были ему пустить кровь—и истинно сочинительская, она была какъ чернила. Во время пребыванія нашего здѣсь онъ уже шесть пьесъ въ стихахъ написалъ, кромѣ огромной и занимательной переписки его съ Москвой. Онѣ всѣ очень хороши и замѣчательны по обилію мыслей, по обдуманности хода и потому что онѣ составляютъ какъ-бы журналъ его, выражая всегда истинныя его минутныя чувства. Поэтому-то и переслать къ тебѣ многихъ не могу—онѣ секретъ. Но въ Московскомъ Вѣстникѣ прочтешь ты одну изъ нихъ: *Поэтъ* и, можетъ быть, другую: варіацію на слова Шекспира: life is tedious as a tale twice told to the drowsy ear of a sleeper **). Странно, что, при всемъ этомъ, онъ едва вѣритъ, что у него есть талантъ стихотворный.

Если я такъ объ немъ распространился, то не единственно для твоей *édification*, хотя оно должно быть тебѣ примѣромъ, какъ тру-

*) Т. е. на Д. В Веневитинова.

**) Жизнь скучна, какъ сказка, дважды разсказанная лѣнивому уху соннаго человѣка.

дятся и усовершенствуютъ дарованія, но и для того, что ты изъ этого болѣе нежели изъ всего другаго узнаешь, какъ и я провожу время. Выѣзжаю мало: съ такимъ товарищемъ поневолѣ станешь или читать или писать. Прочтя это, можетъ быть и тебѣ захочется къ намъ пріѣхать на молчаніе; но едва ли ты такой покойный сожитель, какъ мы двое. Гостей къ намъ почти не ходитъ кромѣ Бальша и Одоевскаго, бывшаго издателя *).

«Ермакъ» твой оконченъ, но какъ? По описанію твоего образа жизни едва ли вѣрно, чтобъ онъ былъ обдуманъ, обработанъ. Напиши ко мнѣ, какъ ты 5-е дѣйствіе устроилъ и сдѣлалъ ли перемѣны по моему совѣту въ 1-мъ. Когда поѣдешь въ Москву, снесись съ Погодинымъ, Рожалинымъ и прочими издателями Московскаго Вѣстника и напиши мнѣніе свое объ первыхъ №-хъ; они, можетъ быть, втянутъ тебя написать что-нибудь новое, и не дурно-бы было.

Будутъ просить и изъ «Ермака». Но мой совѣтъ былъ-бы еще ничего изъ него не давать, а поберечь его еще годикъ у себя, да переправить, дать-бы лицамъ тонъ, характеръ и языкъ времени и народа, исключая одного главнаго лица, которое тогда еще болѣе выставится въ свѣтъ противуположностью. Веневитинова и Пушкина клевреты не понимаютъ тебя. Я понялъ; но вижу, что ты не исполнилъ своего предназначенія. Какое то музыкальное чувство увлекло тебя подвесть подъ одинъ тонъ всѣ рѣчи; но и высокая гармонія должна являться въ противоположностяхъ. Мещерякъ не долженъ быть ни Ермакомъ, ни тобой, ни Мефистофелесомъ, ни Катилиной, а казакомъ съ сильной разбойничьей душой. Такъ и проч. Объясни чѣмъ-нибудь просвѣщеніе, отличающее Ермака. Ежели въ Москвѣ будешь, то княгиня Волконская будетъ стараться съ тобой познакомиться; поѣзжай къ ней: она единственная женщина не церемонная, умная, милая, не привязанная къ глупымъ обрядамъ общества и забыла всѣ его обыкновенныя претензіи. Въ Москвѣ не говорить про болѣзнь Дмитрія; онъ никому объ ней не писалъ.

2. Ф. Ф. Вигеля.

Не имѣя вашего позволенія, не имѣя никакого поводу писать къ вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Алексѣй Степановичъ, не имѣя авторскихъ достоинствъ, но имѣя ихъ недостатки, между прочимъ лѣность переписываться, безъ самыхъ побудительныхъ причинъ я не рѣшился бы обратиться къ вамъ съ моимъ отношеніемъ. И дѣйствительно съ отношеніемъ полуоффиціальнымъ. Мнѣ часто случалось здѣсь говорить объ васъ съ вашими почитателями, вамъ неизвѣстными или

*) Т. е. одного изъ издателей „Мнемозины", князя В. Ѳ. Одоевскаго. Другимъ издателемъ былъ Кюхельбекеръ. П. Б.

по крайней мѣрѣ незнакомыми: двое изъ нихъ, Синодальный оберъ-прокуроръ и новый директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Скрыпицынъ съ раскаяньемъ говорили о томъ, что при разсылкѣ медалей, выбитыхъ по случаю *Реуніи*, забыли одну изъ нихъ вамъ доставить. Чтобы поправить сіе, искали они таковую серебряную, но не было возможности достать. Кое-какъ нашли бронзовую, и просили меня къ вамъ ее проводить, что́ симъ исполняется. Должно вамъ замѣтить, что вы единственное частное свѣтское лицо, которое получаетъ сію медаль: число ихъ было слишкомъ ограничено.

Отъ оффиціальнаго объясненія будто мнѣ не позволено перейти къ частному съ вами разговору, къ многословію моему, къ пустословію, которымъ однакоже въ Москвѣ, какъ мнѣ казалось, вы совсѣмъ не скучали? Вы не могли не быть снисходительны къ одному изъ малаго числа соумышленниковъ вашихъ въ великомъ, святомъ замыслѣ будущаго первенства Россіи и соплеменныхъ ей молодыхъ народовъ надъ дряхлыми, порочными, гніющими, требующими перерожденія западными народами.

По праву, или, если угодно, по обязанности единомыслія съ вами спѣшу вамъ сообщить нѣсколько пріятныхъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, которыя впрочемъ должны радовать всякаго добраго Русскаго. Ничто не можетъ сравниться со взаимною нѣжностью двухъ братьевъ, не смотря или можетъ быть по причинѣ разности въ характерахъ: для обоихъ Екатерина идолъ. К. болѣе чѣмъ когда кипитъ любознаніемъ. Ему подарили подробную великолѣпную карту нашего полушарія. Онъ принялся ее раскрашивать и отмѣчать на ней одинаковой краской, но разными оттѣнками, 1) собственно Россію, православными Славянами населенную, 2) земли ей принадлежащія, но коихъ жители другаго происхожденія и вѣры, 3) единоплеменную и подвластную ей Польшу, 4) всѣ земли Славянскія, подъ чуждымъ игомъ находящіяся и 5) всѣ земли по большей части обитаемыя единовѣрцами, вплоть до Сиріи; остальное все не раскрашено, и на эту карту онъ не наглядится. Дай Богъ, чтобъ сей честолюбивый отрокъ, глядя на примѣръ Іоанна Австрійскаго, эрцгерцога Карла, Евгенія Савойскаго и великаго Конде, убѣдился, что, родясь близъ трона, и не вступая на него можно пріобрѣсть величіе и славу.

Еще одно пріятное извѣстіе: въ прошломъ 1841 году двѣнадцать тысячъ чистыхъ католиковъ перешло въ вѣру называемую прежде Греческую, нынѣ Россійскую и которая наконецъ назовется Славянскою, до чего, можетъ быть, вы доживете, но уже конечно не я. Что бишь еще? Да, часть учебная идетъ самымъ успѣшнымъ образомъ въ западныхъ губерніяхъ. Правда, средства къ тому употребляемыя бы-

ли крутеньки, но послѣдствія будутъ полезны. Вотъ уже два года какъ никакая наука на Польскомъ языкѣ, ни онъ самъ не преподаются на Западѣ; сего мало: ученикамъ гимназій и другихъ казенныхъ заведеній строго воспрещено говорить между собою иначе какъ по русски. А между тѣмъ профессоровъ и учителей посылаютъ туда самыхъ отличныхъ и испытанныхъ въ усердіи къ Русскому дѣлу; всѣми мѣрами возбуждаютъ и поощряютъ они мальчиковъ, которые дѣлаютъ удивительные успѣхи. А какъ, исключая высшей аристократіи, ничто не можетъ сравниться съ гордою праздностію и глубокимъ невѣжествомъ Польскаго дворянства, то растущая среди знаній молодежь уже и нынѣ начинаетъ ощущать презрѣніе къ предшествовавшему ей поколѣнію; уже и нынѣ въ ясновельможныхъ видитъ старыхъ вралей, и мысли о просвѣщеніи и Россіи въ ея понятіяхъ сливаются во едино. Чего же болѣе на первый случай?

Пора бы перестать, но что-то не хочется: еще нѣсколько словъ о нашихъ Московскихъ знакомыхъ. Что-то дѣлаетъ Ал. Ник. Раевскій, этотъ такъ-называемый Демонъ, который мнѣ милъ какъ Ангелъ? Сколько утратъ, сколько горестныхъ испытаній претерпѣлъ онъ въ короткое время! Пусть онъ всякій день болѣе и болѣе будетъ утѣшенъ красотой, умомъ, здоровьемъ и счастіемъ дочери. Поклонитесь ему отъ меня, но не говорите ни слова о моемъ участіи: оно не только не поможетъ, но и не утѣшитъ его. Припомните обо мнѣ милѣйшей и почтеннѣйшей четѣ Павловыхъ, хотя я все-таки на Ник. Фил. сердитъ: мнѣ кажется, что еслибъ у меня была власть въ рукахъ, то за его ультра-европеизмъ я сослалъ бы его въ Петербургъ, разумѣется на все то время что́ я въ немъ остаюсь. Погодину ни обо мнѣ, ни отъ меня ни слова: въ послѣднее пребываніе мое въ Москвѣ я былъ у него, бралъ нарочно почтовыхъ лошадей, а онъ не хотѣлъ меня видѣть. Что́ Шевыревъ и Москвитянинъ? Не знаю, что̀ онъ тамъ, но здѣсь они въ большой чести и славѣ. Всѣ друзья литературы, не принадлежащіе къ литературнымъ партіямъ, единогласно находятъ, что «Москвитянинъ» единственный журналъ, который можно у насъ читать; на статьи же г. Шевырева указываютъ какъ на образцы вѣрныхъ наблюденій, безпристрастныхъ сужденій и учтиваго тона. Сказать ли вамъ правду? Вы всѣ, господа, не пророки въ родимой вашей Москвѣ; ей нужны плѣшивые лжепророки. *) За то послушали бы вы здѣсь: новый графъ Блудовъ раза три посылаетъ въ книжную лавку за послѣднимъ номеромъ «Москвитянина» и сердится, что онъ долго

*) Намекъ на лысую голову П. Я. Чаадаева.

не выходить, ваши имена гремятъ здѣсь между всѣми кто только знаетъ Русской грамотѣ. Но никто не подозрѣваетъ тлѣющаго во тьмѣ, въ углу Старой Басманной, Сенъ-Симонизма; когда случится назвать Московскаго Ланфантеня, всѣ спрашиваютъ: «Кто бишь это такой?»

Прошу васъ сказать мое усердное почтеніе г-жѣ Елагиной, дамѣ, которую я много люблю и уважаю, но къ которой, оставаясь въ Москвѣ, мнѣ почти невозможно было бы ѣздить. Теперь издали готовъ въ поясъ ей кланяться. Повѣрите ли, что въ послѣдній разъ что̀ я былъ у нея, гостей не было, она ихъ ожидала, но уже на столѣ стояло огромное блюдо съ сигарами; цѣлую дюжину окороковъ можно было бы прокоптить въ ея гостинной. Что̀ это за студентщина! Я ужаснулся и бѣжалъ при появленіи первыхъ лицъ.—Если присылка медали вамъ сколько-нибудь пріятна, то за доставленное вамъ удовольствіе заплатите мнѣ большимъ удовольствіемъ, нѣсколькими строками вашей руки, адресуя на Вознесенской, противъ Военнаго Министерства, въ домъ Лерхе. Вы не откажетесь поцѣловать за меня ручку у супруги вашей и уволите меня отъ увѣреній въ преданности, пріязни и почтеніи, которыя доказывались каждой встрѣчей, каждымъ моимъ съ вами словомъ. Вѣчно вашъ Вигель.

С.-Петербургъ, 28 Апрѣля 1842.

Нельзя ли письмомъ моимъ подразнить Чаадаева, пропуская разумѣется при чтеніи все то, что́ какъ будто можетъ относиться къ нему?

3. В. А. Жуковскаго.

(Б. Баденъ, 1847).

Видно, что я заживое зацѣпилъ вашу Русскую совѣсть, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, что вы съ такою Нѣмецкою аккуратностью исполнили свое обѣщаніе, данное мнѣ въ Эмсѣ. Вѣдь знаете ли: я получилъ отъ васъ извѣстную вамъ рукопись, право получилъ. Не вѣрю глазамъ своимъ, а оно такъ. Тѣмъ живѣе моя къ вамъ благодарность: я радъ этому присланному мнѣ манускрипту, первое потому что онъ—онъ; второе потому, что онъ памятникъ для меня нашихъ Эмскихъ вмѣстѣ проведенныхъ часовъ; наконецъ, третье, потому что онъ представитель вашей мнѣ милой дружбы, которая и заочно также памятлива какъ и на лицо. Я только вчера получилъ отъ Вяземскаго, а онъ отъ Попова, рукопись, еще не принялся за чтеніе, начну его послѣ Новаго года. Но что́ же вы будете съ нею дѣлать? Я все стою на томъ, что надо ее перевести на Нѣмецкій (а не на Французскій языкъ) и напечатать въ Германіи. Теперь именно

та минута, въ которую она здѣсь произведетъ великое дѣйствіе. Но переводъ можетъ быть сдѣланъ только у васъ на глазахъ. Къ переводу бы приложить и подлинникъ. Жаль, что объ этомъ не подумали вы до вашего отъѣзда за границу; теперь книга была бы у всѣхъ въ рукахъ. Ея появленіе было бы радостно и для протестантовъ вѣрующихъ *).

Вяземскій пишетъ ко мнѣ, что въ конституціи Москвитянина произошло измѣненіе, что онъ теперь управляется дуумвирами и что Шевыревъ подалъ могучую свою руку Погодину. Я этому радуюсь: Москвитянинъ всегда былъ честнымъ журналомъ. Теперь онъ будетъ и блистателенъ, и привлекательнѣе прежняго. Жалѣю весьма, что въ эту минуту нѣтъ у меня ничего такого, что́ бы могло быть принесеннымъ въ дань новому издателю. Изъ Одиссеи я ничего не могу дать, потому что она должна вся сполна явиться, чтобы произвести дѣйствіе свое въ цѣломъ. На отрывки она не годится; ибо въ ней ничего нѣтъ блестящаго: она можетъ быть привлекательна только общею, тихою гармоніею всѣхъ частей своихъ совокупно взятыхъ. Первый томъ печатается здѣсь въ Карлсруэ. Второй томъ еще не родился. Когда печатаніе всѣхъ томовъ кончится, буду имѣть счастье предложить вамъ свое поэтическое дитя, котораго лепетаніе вы уже слышали. A propos: не слишкомъ спѣшите съ съ вашими обѣщанными мнѣ примѣчаніями. Въ первомъ изданіи Одиссеи ихъ нельзя будетъ напечатать, ибо это первое изданіе выйдетъ вмѣстѣ со всѣми другими моими твореніями. Я печатаю здѣсь только ихъ собраніе. Одни только самыя необходимыя примѣчанія будутъ прибавлены къ Одиссеѣ.

Простите, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ. Хорошо бы и весьма хорошо бы было, если бы вы написали мнѣ страничку о себѣ и страничку о Москвѣ. Я буду у васъ весною, то-есть лѣтомъ (весную въ Петербургѣ), одинъ или съ женкою, если ея здоровье позволитъ. Эмсъ помогъ, но не совсѣмъ. Она вамъ и Екатеринѣ Михайловнѣ дружески кланяется, а я у васъ обоихъ жму руки. А дѣтей вашихъ снова благодарю за лестное вниманіе, оказанное ими Ивану Царевичу и Сѣрому Волку.

*) Говорится о Хомяковскомъ Православномъ Катихизисѣ, которымъ начинается второй томъ его сочиненій.

О ИНРОГОВОЙ ИЛИ ЕДИНОРОГОВОЙ КОСТИ И ЕЯ ЦѢЛЕБНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ.

Извѣстно, какое важное значеніе предки наши придавали „инроговой кости", считая ее противоядіемъ отъ отравы и укушенія ядовитыхъ гадовъ; а потому она и покупалась, что̀ называется, на вѣсъ золота въ царскую сокровищницу. Мнѣніе свое о цѣлебности „инроговой кости" предки наши заимствовали изъ Славянскаго перевода „*Псалтири Толковой*", гдѣ находится слѣдующее толкованіе псаломскаго стиха: „возлюбленный, яко сынъ единорожъ": „единорогъ, якоже пишущіе о естествахъ звѣрей о немъ повѣствуютъ, есть единочадно звѣря. *Онъ же, прикоснувшись рогомъ своимъ, воды, ядомъ истлѣнныя, паки благи творитъ, и различныя болѣзни исцѣляетъ.* Егда же его ловцы изимати хощутъ, собираются ихъ множество, вопiемъ своимъ оглушаютъ; поймати же его инако не могутъ ажъ лѣпая дѣвица на полѣ сядетъ, къ ней же единорогъ пришедъ, на лонѣ ея опочиваетъ, и тако его ловцы имаютъ." (Псалтирь Толковая, заимствованная преимущественно изъ Θеодорита епископа Кипрскаго и Св. Аθанасія, полуставъ XVII вѣка въ 4-ку на 356 листахъ. См. листъ 69 Пс. 28, 6. Въ собр. рукописей Ундольскаго въ Моск. Рум. Музеѣ).

Предлагаемъ здѣсь три оффиціальные акта XVII вѣка, доказывающіе, что мнѣніе о цѣлебности „инроговой кости" противъ отравы раздѣляли и первые наши учителя въ медицинѣ, изъ иноземцовъ, царскіе придворные доктора.

Акты эти любопытны и въ томъ отношеніи, что они знакомятъ насъ съ малоизвѣстными именами трехъ царскихъ докторовъ перваго царя изъ дома Романовыхъ, Михаила Θеодоровича. Доктора эти были: 1) *Виндеминусъ* (Веніаминъ) *Зибелистъ.* 2) *Романъ Павъ* и 3) *Артмонъ Грамонъ.*

А. Леонидъ.

Апрѣль, 1884 года.

I.

Переводъ съ Нѣмецкаго письма сказки дохтура Вендеминуса Зибелиста о инроговой кости, переведенъ 148 году Ноября въ 7-й день (1639).

По государеву цареву и великаго князя Михаила Θедоровича всеа Руссіи указу и по клятвѣ, какъ язъ его царскому величеству клялся, о инороговой кости ся моя сказка и мысль.

О инорогѣ, что есть ли еще на семъ свѣтѣ живой инорогъ и въ которомъ мѣстѣ и въ которыхъ странахъ и ордахъ онъ есть, о томъ я нынѣ пространнымъ обычаемъ не описую; а кто то хочетъ вѣдати, и тотъ прочти описаніе о ѣздѣхъ восточныя и западныя Индѣи.

А описую язъ нынѣ надобные подлинные примѣты и признаки, почему прямую инрогову кость познаваютъ, выбравъ съ прилежностью изъ книгъ, въ которыхъ о томъ написано, а иное изъ свидѣтельствъ тѣхъ, которые въ иныхъ государствахъ у иноземскихъ вельможъ въ ихъ казнахъ такія инроговыя кости видѣли.

И по симъ примѣтамъ и по признакамъ его царскому величеству о сей кости мочно разсудити, прямая ли инороговая кость или нѣтъ, такоже, чтобъ инымъ дохтуромъ, которые, послѣ меня будутъ, сю мою сказку мочно прочесть, на семъ язъ свидѣтельство свое утвердилъ, и что я не умысля или не противъ своей клятвы сю кость прямою инороговою костью называю. А признаки, почему прямую инороговую кость познать, сіи шесть:

Первая признака, что тому рогу съ исподняго конца, которая отъ главы была, толсту быти, а потомъ тонѣе до самаго острія.

Вторая, что тому рогу быти справа на лѣво свиту, неглубокими винты.

Третья, что съ толстаго конца одной части того рога дупляной быти.

Четвертая, что тому рогу быти ломку, не свищевату, тугу, тяжелу и пряму, а не криву.

Пятая, что тому рогу быти цвѣтомъ промежъ блѣдно-желта бѣлу.

Шестая, что той кости устояти противъ порчей, змѣина яду и паука, и жабы, и иныхъ портежныхъ нечистыхъ гадъ.

Сіи признаки я всею прилежностью выискивалъ, вмѣстѣ собралъ, иныя изъ книгъ Плинуса, Страбониса, Асліянія, Даѳилиса, а иныя изъ книгъ о ѣздѣхъ восточной и западной Индѣи, что ѣздилъ и описалъ Лудовикусъ Романи, Павлисъ, да Николаюсъ Венецій, да Бартоманіюсъ; а иныя изъ памяти достойныхъ слоговъ Гарція Абьгортоя, Кардинія, Юлія Цесарія, Скалегерія, Бразонолія, або Отамунделія, Кадамустія, Феррерія, Беллонія, Понцентія, Гербелія, Шнебергерія да Геснерія. И сверхъ того сіи шесть признаки видѣны у всѣхъ тѣхъ инроговыхъ костей, которыя въ Виницѣи въ церковной казнѣ въ церкви святаго Марка, да во Французской землѣ въ городѣ Парисѣ, въ церкви святаго Діонисія, да въ городѣ Страсбурхѣ въ большой церкви, да въ Аглинской землѣ въ городѣ Лунденѣ, въ королевской казнѣ соблюдены, и о томъ свидѣтельствуютъ тѣ, которые прежеименованыя инроговыя кости видѣли.

И потому что̀ выше сего описаныя первыя пять признакъ у сей инроговой кости всѣ оказываются, и я сію кость держу за прямую инроговую кость, но и больше того, только будетъ сустоитъ въ шестой признакѣ противъ порчи, и то на испытѣ окажется.

Только я еще сю статью подданственно объявляю, что у иныхъ иноземецкихъ вельможъ такую кость испытываютъ надъ людьми такими, которые смерти достойны, и къ смерти приговорены, а не надъ собаками: для того, что человѣку послѣ того мочно разсказать, какъ порча съ тою инроговою костью у него внутри супротивлялася, и какъ человѣкъ въ себѣ услышитъ, что инорогова кость порчу одоляетъ, и тоё порчу учнетъ изъ человѣка на низъ или верхомъ или пòтомъ выгоняти, и потомъ человѣкъ вѣдаетъ, какъ ему въ то время держаться и поберечься. А что его царское величество о томъ намъ укажетъ, то мы съ прилежностью исполнять ради.

Да хотѣлъ было я здѣ описати про иныя признаки инроговыя кости, о которыхъ иные споръ межъ собою имѣютъ о томъ, что подобаетъ ли впрямъ инорогову кость съ сулемою или спротивъ сулемы испытать, только потому, что такія статьи къ сему не пристойны и чтобъ мнѣ долгимъ, пространнымъ письмомъ сю свою сказку не задержати, и я семъ свою сказку кончаю, а свидѣтельствую о семъ по своей совѣсти.

II.

Сказка дохтура Романа Пава о инороговой кости, переведена 148 году Ноября въ 7 день (1639).

Инороговую кость, что́ привезена къ Москвѣ къ его царскому величеству на продажу и я тоё кость видѣлъ, и по моему знатью́ про сю кость ся моя сказка и мысль, что я самъ въ славномъ городѣ въ Амстердамѣ инрогову кость видѣлъ, да въ славномъ городѣ въ Утрехтѣ я два рога инроговыхъ видѣлъ, во Французской землѣ въ церкви святаго Діонисія такожe одинъ рогъ инроговъ видѣлъ, въ Зеландіи въ городѣ Миддельборхѣ такожъ инроговъ рогъ видѣлъ. И сіи пять роговъ въ тѣхъ мѣстахъ въ великомъ почитаніи и въ чести, и сколько мнѣ вѣдомо, и тѣ роги всѣми признаны были таковы же, что́ и тотъ рогъ, что́ нынѣ къ Москвѣ къ его царскому величеству на продажу привезенъ.

Такожe я много разныя инроговыя кости испытывалъ, которыя были съ того же обычая, что̀ и тотъ нынѣшній рогъ, и много добра во иныхъ лѣкарствахъ учинили, такожe сей рогъ сойдется съ описаніемъ разныхъ книгъ, которыя читывалъ. То моя сказка про сю инорогову кость, а верхъ того покажетъ опытъ.

III.

148 г. Ноября въ 7 день (1639), сказалъ дохтуръ Артмонъ Грамонъ про единорогихъ звѣрей.

Находятъ четырехъ родовъ звѣрей единорогихъ, у которыхъ изо лба рогъ. Два рода звѣрей въ восточной Индѣи, а нѣкоторый звѣрь тѣмъ родомъ, какъ пишутъ философы, первой Клиніусъ, другой Еліянусъ, и я дохтуръ Артмонъ Грамонъ видѣлъ въ Персидѣ, что описуютъ философи Клиніусъ и Еліянусъ изъ дву тѣхъ звѣрей одново звѣря рогъ, и тотъ рогъ обложенъ золотомъ и вмѣсто питейнаго судна изъ того рога пьютъ. А третьяго звѣря единорогооа жъ роду называютъ его реносерусъ, и тотъ рогъ годенъ. Даютъ изъ него отъ нутреныя отравныя болѣзни, и того звѣря находятъ въ восточной Индѣи на островѣ въ великой дичи. Четвертаго рода единорогова звѣря находятъ въ Африкѣ, на горахъ, которыя горы прилегли къ морю; а тотъ звѣрь лошадинымъ станомъ; а у него также отъ лба одинъ рогъ; и тотъ звѣрь тѣмъ своимъ рогомъ поворачиваетъ черезъ себя, и подъ себя и на обѣ стороны; а временемъ тово звѣря видаютъ въ водѣ и на брегахъ, а противенъ тотъ звѣрь звѣрю слону, и того звѣря рогъ многажды отвѣдыванъ отъ отравы.

А прямой инорогъ, что̀ описуетъ про него Греченинъ, именемъ Моносросъ, и пишетъ, что тотъ звѣрь сердитъ, а станъ у него лошадиной, а голова у него оленья, а ноги слоновыя, а хвостъ козловой, шерстью желтоватъ, а отъ лба у него рогъ впрямь востроватъ на конецъ, а съ правой стороны на лѣвую сторону витоватъ, а лицомъ тотъ рогъ желтоватъ, какъ слоновая кость, а въ немъ тощо и гораздо бѣло, а тотъ рогъ крѣпокъ и жестокъ, едва и пила его иметъ, а какъ его утерть и на жаръ бросить, и духъ отъ него тяжекъ. И тотъ рогъ отвѣдыванъ отъ нутреныя отравы и отъ змѣина жала, какъ змѣя ужалитъ, и отъ мороваго повѣтрія, и отъ ѳибры съ порчею, и крѣпитъ сердце, и отъ недужныя болѣзни годенъ, и отъ сердечнаго трепету и выбиваетъ изъ человѣка потъ крѣпкой, и тѣмъ по̀томъ выбиваетъ отъ сердца всякую нечистоту. А сверхъ того покажетъ опытъ.

М. П. ПОГОДИНУ.

(по поводу слуха, что онъ намѣревается издавать газету „Радуга“).

Усердный чтитель Посошкова
И васъ, Меѳодій и Кириллъ,
То правдаль-ль, что газету снова
Ты издавать ужъ порѣшилъ?

*

Сей замыслъ на Дѣвичьемъ Полѣ *)
Меня въ волненіе повергъ;
Невѣроятенъ мнѣ онъ болѣ
Чѣмъ послѣ дожжика Четвергъ.

*

И развѣ же газета „Русскій“ **)
Ужъ не успѣла доказать,
Что легче быть въ стѣнахъ кутузки,
Чѣмъ въ срокъ листочки издавать?

*

Припомни лишь, какъ субскрибенты
Тебя искали на брегахъ
Босфора, Сены, Темзы, Бренты,
Въ Швейцарскихъ горныхъ ледникахъ.

*

И, наконецъ, и въ Іордани
Обрѣтши голаго тебя,
Кричали: милостивъ будь, пане!
Вернись и оправдай себя!

*

Клянуся тѣнью Снегирева
И Хавскаго календаремъ,
Что предпринять сей подвигъ снова
Быть надобно богатыремъ.

*

Хоть радуга—завѣтъ спасенья;
Но у тебя, мой другъ Труворъ,
Изъ ней лишь выдетъ, безъ сомнѣнья,
Не радуга, а метеоръ.

---

*) Окраина Москвы, гдѣ жилъ М. П. Погодинъ, подписавшійся подъ однимъ изъ политическихъ своихъ писемъ: „по занятіямъ ученый, по чину генералъ, а по мѣсту жительства *посадскій человѣкъ*“.

**) Небольшіе листки газеты „Русскій“ (гдѣ читатель находилъ иной разъ замѣтки и отзывы удивительные и вполнѣ достопамятные) выходили почти безсрочно. Издатель разсчитался съ своими подписчиками уже по возвращеніи изъ долгаго путешествія, во время котораго онъ посѣтилъ и Палестину.

Некрасовъ про **.

За то что ходитъ онъ въ фуражкѣ
И крѣпко бьетъ себя по ляжкѣ,
Въ немъ нашъ Тургеневъ всѣ замашки
Соціалиста отыскалъ.

*

Но не хотѣлъ онъ вѣрить слуху,
Что демократъ сей черствъ по духу,
Что только къ собственному брюху
Онъ уваженіе питалъ.

Анекдотъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Во время Венгерской кампаніи Русскій офицеръ и Австрійскій вошли въ лавку. Русскій заплатилъ золотомъ за свою покупку, а Австріецъ предлагалъ ассигнацію. Торговка отказалась принять бумажный денежный знакъ и замѣтила, указывая на Русскаго офицера: Вотъ какъ господа платятъ! «Хорошо имъ платить золотомъ, отвѣчалъ Австріецъ, когда ихъ наняли за насъ сражаться». Оскорбленный такимъ замѣчаніемъ, Русскій офицеръ вызвалъ Австрійца на дуэль и убилъ его. Когда Императору Николаю Павловичу донесли объ этомъ, онъ сказалъ:

— Русскому офицеру сдѣлать строгій выговоръ за то, что онъ въ военное время подвергалъ опасности жизнь свою. Онъ долженъ былъ тутъ же на мѣстѣ убить Австрійца.

На зарѣ разорившаго насъ банкобѣсія, въ засѣданіи Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Евграфа Петровича Ковалевскаго, послѣ многихъ рѣчей и особенно послѣ настойчивыхъ убѣжденій секретаря того общества Ходнева и Тарасенки-Отрѣшкова, на предложеніе предсѣдателя сказать свое мнѣніе, Н. А. Безобразовъ осанисто поднялся съ кресла, отеръ уста платкомъ, сдѣлалъ видъ будто имѣетъ сказать многое, и сказалъ: «Милостивые государи, пустыми банками только кровь отворяютъ».

ИСТОРІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Нынѣшнею весною въ Москвѣ исполнено большое книжное дѣло, заслуживающее общественнаго вниманія и признательнаго уваженія, тѣмъ болѣе что оно ведено на частныя средства. Мы говоримъ объ *Архивѣ Князя Воронцова*, тридцатая книга котораго уже вышла въ свѣтъ. Ею докончено личное соглашеніе, состоявшееся въ 1869 году между нижеподписавшимся и покойнымъ генералъ-адъютантомъ княземъ С. М. Воронцовымъ. *Архивъ Князя Воронцова* содержитъ въ себѣ исключительно бумаги общаго политическаго и историческаго содержанія: семейная переписка и бумаги значенія частнаго не вошли въ него. Это цѣлая библіотека историческихъ матеріаловъ и показаній, важныхъ не только для изученія прошедшихъ судебъ нашего отечества, но и для Европейской исторіи XVIII и XIX столѣтій. За границей и у насъ уже пользуются новыми данными, добытыми изъ этого частнаго источника. Послѣдніе томы *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева и въ особенности его книга объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ полны выдержками изъ *Архива Князя Воронцова* и ссылками на него. Время обнимаемое этими тридцатью книгами простирается отъ Петра Великаго до воцаренія Николая Павловича, и трудно указать какое либо важное событіе за эти сто лѣтъ Русской исторіи, о которомъ бы не было новыхъ свѣдѣній въ *Архивѣ Князя Воронцова.*

Обширность и разнообразіе этихъ письменныхъ памятниковъ и слѣдовъ вѣковой исторической жизни объясняется государственнымъ значеніемъ тѣхъ лицъ, которымъ бумаги эти принадлежали. То были: канцлеръ императрицы Елисаветы Петровны графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ и два его племянника, графы Александръ Романовичъ (посланникъ въ Лондонѣ, президентъ коммерцъ-коллегіи и канцлеръ Александра Павловича) и графъ Семенъ Романовичъ, слишкомъ двадцать лѣтъ бывшій нашимъ посломъ въ Англіи. Эти три лица умѣли

поддерживать непрерывныя письменныя сношенія съ выдающимися своими современниками въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, и притомъ не только въ предѣлахъ своей службы, но и въ области наукъ, искусствъ, торговли, промышленности, всякаго рода производствъ и пр. Это были истинно Русскіе люди, вѣрные хранители преданій Петра Великаго, отзывчивые на все хорошее и полезное, но въ тоже время душесильные, самостоятельные и хозяйственные: пріятель Вольтера, графъ Александръ Романовичъ былъ въ тоже время и храмоздателемъ во Владимирскомъ помѣстьѣ своемъ селѣ Андреевскомъ; близкій другъ Питта, графъ Семенъ Романовичъ не подчинился его вліянію и остался вполнѣ Русскимъ человѣкомъ. Кромѣ того, Воронцовы сознавали важность своихъ бумагъ и тщательно берегли ихъ. Этой сохранности помогла и нераздробимость по наслѣдству: бумаги не дѣлились, а переходили отъ одного лица къ другому.

Слава обнародованія ихъ принадлежитъ послѣднему въ мужскомъ колѣнѣ представителю достопамятнаго Воронцовскаго рода, генералъ-адъютанту свѣтлѣйшему князю Семену Михайловичу (родившемуся 23 Октября 1823 года въ Одессѣ, скончавшемуся 6 Мая 1882 года въ Петербургѣ), человѣку обширнаго классическаго образованія и разнообразныхъ познаній, которыми не любилъ и не умѣлъ онъ блистать, но которыя памятны людямъ близко его знавшимъ.

Къ нему могутъ быть отнесены извѣстные стихи:

И думаетъ свою онъ крѣпко думу
Безъ шуму.

Человѣкъ военный, по примѣру отца и дѣда и по личной склонности, онъ участвовалъ въ обѣихъ современныхъ ему войнахъ (раненъ подъ Севастополемъ). Обстоятельства препятствовали ему въ дѣятельной государственной службѣ, и онъ предпочиталъ ей полезныя занятія частныя и общественныя (винодѣліе въ Крыму, городское хозяйство въ Одессѣ).

Изданіемъ въ свѣтъ историческихъ бумагъ, накопленныхъ его славными предками, князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ снискалъ себѣ навсегда признательность потомства.

Петръ Бартеневъ.

6 Мая 1884.

АРХИВНАЯ СПРАВКА.

Въ XI-й книжкѣ *Историческаго Вѣстника 1883 года* напечатаны *Воспоминанія* г. Гаршина о Тургеневѣ, гдѣ приведенъ разсказъ Тургенева объ его размолвкѣ съ Достоевскимъ и о томъ, какъ сей послѣдній обращался къ нему съ обвинительною рѣчью, на одномъ общественномъ обѣдѣ въ Петербургѣ.

«Иванъ Сергѣевичъ (повѣствуетъ г. Гаршинъ) получилъ извѣщеніе отъ издателя *Русскаго Архива* г. Бартенева, что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ. При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это его письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню 10—15-тилѣтняго). На вопросъ Бартенева, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что это для него совершенно безразлично».

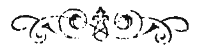
Память въ этомъ случаѣ измѣняла г. Гаршину, либо Тургеневу. Никакого письма отъ Достоевскаго я не получалъ, а вотъ чтó было. Въ Сентябрѣ 1867 г. прислано на мое имя въ спискѣ нѣсколько страницъ Достоевскаго (помѣченныхъ Женева, 16 Августа 1867), въ которыхъ разсказана его встрѣча съ Тургеневымъ въ Баденъ-Баденѣ съ подробностями ихъ бесѣдъ и споровъ. Въ письмѣ посторонняго лица, сопровождавшемъ это сообщеніе, заявлено, что эти листки посылаются мнѣ *для храненія*. Ни съ Достоевскимъ, ни съ Тургеневымъ въ то время я еще не былъ знакомъ ни лично, ни письменно и никакого письма въ то время Тургеневу я не писалъ. Но не мало удивился я, когда въ томъ же году получилъ отъ Тургенева изъ Баденъ-Бадена, отъ 22 Декабря ст. ст., письмо съ опроверженіемъ взводимыхъ на него Достоевскимъ обвиненій, *тоже* для храненія.

Съ этихъ поръ я неоднократно переписывался съ Тургеневымъ по *Русскому Архиву*, куда онъ нѣсколько разъ присылалъ историческія бумаги и гдѣ въ 1869 году помѣстилъ статью свою «Вечеръ у Плетнева». Пріѣхавъ въ Москву, Тургеневъ посѣтилъ меня; но ни тогда, ни послѣ не заводилъ разговора о своемъ письмѣ про Достоевскаго. Со временемъ я обнародую это письмо, которое начинается словами: «До свѣдѣнія моего дошло» и оканчивается: «Мнѣ остается просить васъ извинить меня, что я рѣшился обратиться къ вамъ, не имѣя чести быть лично вамъ знакомымъ» и пр.

Стало-быть...

Петръ Бартеневъ.

8 Ноября 1883 года.

А. М. ВЕНЕВИТИНОВА.

НЕКРОЛОГЪ.

14 Сентября, въ Симоновомъ монастырѣ погребена, рядомъ съ поэтомъ Веневитиновымъ и братомъ его Алексѣемъ Владимировичемъ, супруга сего послѣдняго Аполлинарія или, какъ всегда ее называли, Аполина Михайловна Веневитинова, окончившая 4 Сентября прекрасную жизнь свою. Она родилась въ Москвѣ 15 Октября 1818 года и была старшею дочерью графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго и внучки герцога Бирона, Луизы Карловны. Иновѣрческія влiянія послужили ей лишь къ очищенію и къ большей сознательности въ ея сердечной и разумной преданности православному церковному ученію. По отцу своему приходилась она внучкой послѣдней представительницы старинной исторической семьи Матюшкиныхъ, связанной родствомъ еще съ первыми государями изъ дома Романовыхъ (царь Михаилъ Өеодоровичъ и стольникъ Иванъ Матюшкинъ женаты были на родныхъ сестрахъ Стрѣшневыхъ). Аполина Михайловна воспиталась и жила почти весь свой вѣкъ тоже въ близости къ нашей Царской Семьѣ. Старшій ея братъ Іосифъ († 1839) былъ лучшимъ товарищемъ и соученикомъ молодаго Александра Николаевича, и проживи онъ долѣе, его благотворное вліяніе конечно прибавило бы лавровъ прошедшему царствованію. Віельгорскіе, сколько мы знаемъ, не любили прибѣгать къ лести и угожденіямъ. Извѣстно, какое важное значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія и нашей общественности имѣлъ гостепріимный для всякаго дарованія домъ отца Аполины Михайловны, графа Михаила Юрьевича, этотъ памятный Петербургскій домъ, куда въ теченіе десятилѣтій собирался цвѣтъ образованнаго Русскаго общества, гдѣ были своими людьми Жуковскій, князь Вяземскій, Пушкинъ, князь В. Ө. Одоевскій, Лермонтовъ, Хомяковъ, Гоголь, Ю. Ө. Самаринъ, Глинка, Даргомыжскій, братья Рубинштейны, Брюловъ и цѣлая плеяда ихъ учениковъ и послѣдователей. Это была своеобразная, живая и многосторонняя академія искусствъ.

Воспитавшись въ этой семьѣ и въ этой средѣ, Аполина Михайловна на всю жизнь сохранила въ себѣ отпечатокъ художественности.

Мелкое и пошлое было ей чуждо. Крупныя изящныя черты этого высокаго существа неизгладимо памятны всѣмъ ее знавшимъ и даже только встрѣчавшимся съ нею. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни не покидала она занятій музыкой и живописью, и служители этихъ искусствъ въ бесѣдѣ съ нею пользовались ея самостоятельными указаніями. Неувядавшая любознательность влекла ее ко всему чтó возвышалось надъ уровнемъ обыкновеннаго. Она занималась богословіемъ и педагогіей, переписывалась съ филологомъ Максомъ Мюллеромъ. Но при этомъ не было въ ней и тѣни того чтó изобразилъ Мольеръ въ своихъ «Ученыхъ Женщинахъ». Напротивъ, искренность и свѣжесть безо всякой примѣси сентиментальности были всегдашними свойствами этой живой и участливой души, и наиболѣе прекрасна она была въ области благотворительности, вовсе не показной и не газетной. Помощь ея никогда не тяготила того кто принималъ ее, и въ Петербургѣ, гдѣ протекла почти вся жизнь ея, память добрыхъ ея дѣлъ перейдетъ въ поколѣнія. Что-то величавое и въ тоже время доступное чувствовалось въ этомъ достойнѣйшемъ существѣ; чуткая душа свѣтилась въ строго-изящныхъ чертахъ ея лица. Не позабудется

строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ....

Мы увѣрены, что имя Аполины Михайловны Веневитиновой долго и долго будетъ съ благодарностью поминаемо въ Русскихъ историческихъ преданіяхъ.

Петръ Бартеневъ.

15-го Сентября 1884.
Москва.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1884 года
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Русскій Архивъ выходитъ въ 1884 году **шесть разъ** въ годъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ съ приложеніями, портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ Конторѣ Русскаго Архива въ **Москвѣ**, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, куда и обращаются гг. иногородные.

Въ **Петербургѣ** подписываться и получать вышедшія уже книги можно на Невскомъ, у Полицейскаго моста, въ магазинѣ Мелье и на Васильевскомъ Острову, во 2-й линіи, д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Открыта подписка на **Русскій Архивъ** 1885 г.,

который будетъ выходить 12 разъ въ годъ.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884

6.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Портретъ великаго князя Константина Павловича, 2) Письма Ф. Л. Кристина на Французскомъ языкѣ. 1830—1831.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

ДВА ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

къ главнокомандующему первою арміею фельдмаршалу графу Ф. В. Сакену въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

I.

Mon cher comte! Que puis-je vous dire? Je suis votre Souverain légitime, et Dieu a voulu que je sois le plus malheureux des souverains: car c'est au prix du sang de mes sujets que je suis sur le trône. Quelle position, grand Dieu! Miloradovitch blessé à mort, Chenchine et Friederichs grièvément blessés; Toll vous dira le reste. Que Dieu me soit en aide et qu'Il nous assiste à faire faire leurs devoirs à l'armée que je vous confie et *dont je vous rend responsable.* Au reste, mes sentimens pour vous vous sont connus et ne varieront jamais.

Mon amitié et mon estime pour vous sont donnés pour la vie.

Nicolas.

S-t Pétersbourg,
le 14 décembre 1825.

Переводъ. Дорогой графъ! Чтó могу сказать вамъ? Я вашъ законный Государь; но Богу угодно, чтобъ я былъ несчастнѣйшимъ изъ государей, ибо цѣною крови моихъ подданныхъ я вступилъ на престолъ. Какое положеніе, великій Боже! Милорадовичъ смертельно раненный, Шеншинъ и Фридрихсъ—тяжело; Толль раскажетъ вамъ остальное. Да поможетъ мнѣ Богъ, и да дастъ Онъ исполнять свой долгъ арміи, которую ввѣряю вамъ *и за которую возлагаю на васъ отвѣтственность.* Впрочемъ мои чувства къ вамъ вамъ извѣстны и никогда не измѣнятся.

Моя дружба и мое уваженіе къ вамъ на всю жизнь.—Николай.

Спб. 14 Декабря 1825.

II.

S-t Pétersbourg, le 6 janvier 1826.

C'est hier soir à minuit que j'ai reçu, mon cher général, la nouvelle de la révolte de Муравьевъ, ainsi que des mesures que votre prudence vous a dictées pour réprimer, s'il est encore possible, le mal dans sa source.

J'avoue que je ne puis me dissimuler de croire que la chose n'a pu arriver que par la maladresse du pauvre général Guébel; car il paraît que c'est au moment de l'arrestation de Муравьевъ que la chose est éclatée. Je blâme aussi beaucoup la manière irrésolue du prince Cherbatof, qui peut être cause de bien graves inconvenients.

A tout considérer et surtout vu l'emploi que l'on fait du nom de mon frère pour révolter les troupes, j'ai cru devoir me décider à charger mon frère lui-même de réprimer la rébellion en cas qu'elle devienne plus grave, en mettant tous les trois corps sous ses ordres momentanés. Comme je fais tout connaître au public, je compte publier aussi cet événement et dire, pour montrer ma confiance pleine et entière dans mon frère, que c'est lui auquel j'ai confié de terminer ce scandale. Cela ne peut que faire le meilleur effet.

J'attendrai avec impatience de vos nouvelles et de celles du général Roth. Je ne suis pas sans crainte à son égard, car je sais positivement qu'il est détesté dans son corps. Hors (*sic*), cela ne peut gagner la confiance de la troupe, et une fois le branle donné, il serait possible que l'on se défasse de lui.

Je vous envoie porteur de la présente le général Démidow que j'envoie à Житоміръ. S'il arrivait que Roth fût mis hors de combat, c'est lui qui prendra le commandement du corps. Si, ce que Dieu veuille nous accorder, tout finit bien, je le charge de voir par lui-même l'état des esprits du pays et des troupes dont les coquins ont troublé les têtes. Il poussera pour le même objet vers Kiew où il restera aussi longtems qu'il le supposera nécessaire pour me mettre au fait des esprits de la canaille qui s'y trouve.

Tout me paraît tranquille ici, et avec l'aide de Dieu je ne vois pas de raison pour une nouvelle secousse. Nos enquêtes vont bien et deviennent de plus en plus curieuses. Je compte en finir avec deux

des assassins principaux dans trois jours d'après les loix du Учрежденіе о большой дѣйствующей арміи. Cet exemple tout affreux qu'il soit, est indispensable.

Enfin, mon cher général, arrive ce que doit, nous ferons notre devoir en honnêtes gens. C'est ce que j'espère en Dieu de faire. Et quant à vous, soyez sûr de toute mon estime et de ma confiance, comme je compte sur votre zèle et votre amitié.

Votre affectionné
N.

Ne négligez pas de me donner les plus souvent possible de vos nouvelles.

Переводъ. Спб. 6 Генваря 1826. Вчера въ полночь получилъ я, мой любезный генералъ, извѣстіе о бунтѣ Муравьева, равно и о мѣрахъ, которыя ваше благоразуміе указало вамъ къ подавленію, буде еще возможно, зла въ самомъ его корнѣ.

Признаюсь, не могу не думать, что это могло произойти только отъ неловкости бѣднаго генерала Гебеля; ибо, кажется, дѣло разъигралось какъ разъ въ минуту арестованія Муравьева. Весьма также охуждаю нерѣшительность князя Щербатова; она можетъ быть причиной важныхъ непріятностей.

Соображая все, а особенно употребленіе какое дѣлаютъ изъ имени моего брата, чтобы бунтовать войско, я долженъ рѣшиться возложить на самого брата моего подавленіе мятежа, буде мятежъ станетъ серьезнѣе, вручивъ ему временное начальствованіе надъ всѣми тремя корпусами.

Такъ какъ я о всемъ оповѣщаю публику, то полагаю напечатать и объ этомъ событіи, дабы показать мое полное и совершенное довѣріе къ брату, коему поручается окончаніе этого скандала. Это конечно произведетъ лишь наилучшее впечатлѣніе.

Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстій отъ васъ и отъ генерала Рота. Я не безъ опасенія на его счетъ, ибо знаю вѣрно, что онъ ненавидимъ въ своемъ корпусѣ. Тутъ не пріобрѣтешь довѣрія войска, а разъ движеніе началось, пожалуй съ Ротомъ и порѣшатъ.

Это доставитъ вамъ генералъ Демидовъ, котораго я посылаю въ Житоміръ. Еслибы случилось что съ Ротомъ уже покончено, то Демидовъ приметъ начальствованіе надъ корпусомъ. Если же, дастъ Богъ, все обойдется хорошо, я поручаю ему видѣть самолично, каково состояніе умовъ въ краѣ и въ войскѣ, головы коихъ помутили эти мерзавцы. Для сего онъ

доѣдетъ и до Кіева, гдѣ пробудетъ сколько сочтетъ нужнымъ, чтобы меня ознакомить съ духомъ оказавшейся тамъ сволочи.

Здѣсь все кажется мнѣ спокойнымъ, и съ Божіею помощію я не вижу никакой причины къ новому потрясенію. Наши разслѣдованія идутъ хорошо и становятся все любопытнѣе. Полагаю съ двумя изъ главныхъ убійцъ покончить дня въ три согласно законамъ Учрежденія о большой дѣйствующей арміи. Этотъ примѣръ, какъ онъ ни ужасенъ, однако необходимъ.

Наконецъ, мой любезный генералъ, будь что̀ будетъ, мы исполнимъ свой долгъ какъ честные люди. Я, съ Божіею помощію, на это надѣюсь. Что̀ же до васъ, будьте убѣждены въ моемъ почтеніи и моей довѣренности, какъ и я буду расчитывать на ваше усердіе и на вашу дружбу.

Благорасположенный къ вамъ Н.

Не примините сообщать мнѣ извѣстія сколь возможно чаще.

Эти два письма получены нами въ спискахъ отъ одного старожила города Кіева (гдѣ въ 1837 г. кончилъ жизнь фельдмаршалъ Сакенъ). Они были неизвѣстны графу М. А. Корфу, когда онъ писалъ свою книгу о восшествіи на престолъ Николая Павловича. Читатели сами оцѣнятъ ихъ историческую важность. П. Б.

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Великій Князь Константинъ Павловичъ

(1779 – 1831)

ПЕРЕПИСКА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА СЪ ГРАФОМЪ А. Х. БЕНКЕНДОРФОМЪ.

Читатели Русскаго Архива уже знакомы съ характеромъ и образомъ мыслей Великаго Князя Константина Павловича по его письмамъ къ графу Васильеву (1882 г.) и къ маркизѣ де-Кюбьеръ (1870 г.) Первый былъ довѣреннымъ его лицомъ по дѣламъ личнымъ; къ Французской знатной дамѣ писалъ онъ о дѣлахъ политическихъ съ большою осмотрительностью. Ниже слѣдуетъ переписка его съ Русскимъ государственнымъ дѣятелемъ за послѣднія шесть лѣтъ жизни.

Великій Князь Констаитинъ Павловичъ (получившій въ 1799 г. отъ родителя своего знаменательный титулъ цесаревича) могъ быть по возрасту почти отцомъ младшему своему брату, Михаилу Павловичу. Какъ всегда бываетъ въ такихъ семействахъ, младшія дѣти берутъ примѣръ со старшихъ. Александръ Павловичъ былъ ихъ государемъ, и къ нему они относились съ вѣрноподданическимъ почтеніемъ; Константинъ же Павловичъ имѣлъ большое значеніе въ ихъ дѣтской и отроческой жизни. Самой императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ приходилось оберегать сыновей отъ излишняго вліянія полухолостаго цесаревича, который черезъ мѣру оглашалъ свою Стрѣльну ружейными и пушечными выстрѣлами. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ однажды была она встревожена, позднимъ вечеромъ отправившись перекрестить сыновей и не найдя ихъ въ кроваткахъ, какъ ихъ искали по Гатчинскому дворцу и нашли, наконецъ, одного спящимъ на биліардѣ, а другаго подлѣ, въ видѣ часоваго съ ружьемъ въ рукѣ: это они чередовались, придумавъ сами себѣ воинское занятіе. Наступившія войны съ частыми отлучками и дѣйствительные походы, въ которыхъ участвовалъ Константинъ Павловичъ, нѣсколько ослабили его вліяніе на братьевъ. Изъ нихъ особенно любилъ онъ Михаила Павловича и пріучилъ его не къ одной

только воинской выправкѣ, но и къ безпрестанному острословію. Вліяніе на другаго брата, кажется, было слабѣе: природныя свойства ихъ были слишкомъ различны. Будущій императоръ съ раннихъ лѣтъ отличался строгостью ума и воли. Женившись въ 1817 году и дорожа своимъ домашнимъ бытомъ, онъ долженъ былъ еще менѣе сближаться съ старшимъ братомъ, семейная жизнь котораго давно была разрушена. Тутъ уже самъ онъ имѣлъ на него доброе вліяніе. Несомнѣнно, что примѣръ семейнаго счастія въ молодомъ Николаѣ Павловичѣ благодѣтельно подѣйствовалъ на обоихъ старшихъ братьевъ. Въ Петербургѣ съ радостью замѣтили, что Государь сталъ показываться на улицахъ въ одной коляскѣ съ Елисаветой Алексѣевной, а Константинъ Павловичъ скоро женился на Жанетѣ Грудзинской.

Въ послѣдній разъ въ царствованіе Александра братья-совмѣстники престолонаслѣдія видѣлись на Святой недѣлѣ 1825 года въ Петербургѣ, куда цесаревичъ на короткое время пріѣзжалъ изъ Варшавы. Передъ тѣмъ Николай Павловичъ только что привезъ больную свою супругу изъ Берлина, гдѣ и самъ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Тамъ на него смотрѣли какъ на непосредственнаго преемника Александра Павловича. Въ придворныхъ обще-извѣстныхъ Прусскихъ календаряхъ, съ самаго 1818 года, старшая королевская дочь значилась за наслѣдникомъ Русскаго престола (Thronfolger von Russland), о чемъ у насъ и не заикались. Вѣрные преданіямъ своего Фридриха, Прусскіе государственные люди устроили бракъ своей принцессы съ нашимъ великимъ княземъ именно въ тѣхъ видахъ, что ему и его потомству принадлежала будущность Россіи (первая мысль объ этомъ бракѣ является еще въ 1813 г.). Николай Павловичъ и самъ сознавалъ себя наслѣдникомъ престола, но только послѣ брата Константина, въ порядкѣ, какой точно опредѣленъ Уставомъ Императорской Фамиліи. Для него этотъ основной государственный законъ, начертанный еще въ 1788 г. и обнародованный его родителемъ именно для предупрежденія тѣхъ смутъ, которыми такъ изобиловала Русская исторія XVIII в., не утрачивалъ своей обязательности, хотя Александръ Павловичъ и нарушилъ его вслѣдъ за своимъ воцареніемъ, повелѣвъ присягать ему и наслѣднику его, кого онъ назначитъ. Тогдашній государственный канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ озабочивался этою несообразностью и указывалъ на нее Государю *); но сначала неудержимый потокъ внутреннихъ преобразованій, потомъ политическія осложненія, заграничныя поѣздки и дальніе походы съ военною грозою отврекали Александра Павловича отъ этого щекотливаго дѣла, и

*) См. Архивъ Князя Воронцова, XXX.

только подъ конецъ своего царствованія онъ занялся мыслію о престолонаслѣдіи, и къ несчастію ограничился лишь духовнымъ завѣщаніемъ. Но подъ исходъ царствованія при немъ уже не было людей, достаточно самостоятельныхъ, чтобы указать на возможность государственной бѣды отъ такого образа дѣйствій. Николай Павловичъ былъ тогда уже отцомъ семейства. Конечно не могъ онъ не обдумывать своего будущаго положенія. Воля Государя была для него священна; но съ кончиною его вопросъ измѣнялся. Принять престолъ обширнѣйшей въ свѣтѣ монархіи по завѣщанію не согласно было съ благороднымъ характеромъ Николая Павловича: онъ и тогда и многіе десятки лѣтъ послѣ умѣлъ опредѣлительно различать свое личное отъ государственнаго. Россія, ея слава, міровое ея значеніе наполняли издавна его честную душу. Онъ воцарился лишь тогда, какъ законный наслѣдникъ покойнаго Государя безповоротно выразилъ свое отреченіе. Междуцарствіе, продолжавшееся слишкомъ три недѣли, кончилось немедленно съ полученіемъ изъ Варшавы письма (до сихъ поръ еще не оглашеннаго въ нашей печати), которымъ Константинъ Павловичъ, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, повторилъ, что царствовать ему неугодно. Николай Павловичъ вступилъ на Русскій престолъ не по завѣщанію, а по несомнительному праву рожденія.

Можно бы написать прелюбопытную, и не въ историческомъ только, но и въ психологическомъ отношеніи, важную книгу про взаимныя отношенія и тогдашнее душевное состояніе царственныхъ братьевъ, изъ которыхъ одному было 46, а другому 29 лѣтъ. Не одно наружное, но и нравственное превосходство принадлежало младшему.

Первое время по воцареніи уклончивость старшаго брата въ мѣропріятіяхъ противъ бывшихъ заговорщиковъ озабочивала новаго Государя. Самое коронованіе Николая откладывалось по той причинѣ, что отрекшійся братъ медлилъ пріѣздомъ въ Москву. Подъ вліяніемъ ли Польскимъ, или просто по своему причудливому нраву, онъ дѣйствовалъ загадочно. Въ Москвѣ онъ видимо забавлялся многолюдствомъ, которое глазѣло на него и окружало его коляску на площадяхъ и улицахъ. Его возвращенію въ Варшаву были рады, и съ тѣхъ поръ посредникомъ въ сношеніяхъ между братьями является графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, сверстникъ Константина Павловича, съ дѣтства коротко его знавшій и въ тоже время владѣвшій полнымъ довѣріемъ Николая Павловича.

Въ имѣніи графа Бенкендорфа, замкѣ Фаллѣ, подъ Ревелемъ, сохранилась большая связка бумагъ, на которой, рукою бывшаго владѣльца написано: «Lettres de grand-duc Constantin et les miennes. qui m'ont ésé restituées après sa mort» (т.-е. письма великаго князя

Константина и мои, возвращенныя мнѣ послѣ его кончины). Къ сожалѣнію, этихъ отвѣтныхъ писемъ очень немного. Переписка важна для исторіи Николаевскаго царствованія. Твердость и честность взяли верхъ надъ Польскимъ вліяніемъ. Мы обязаны нынѣшнему владѣльцу замка Фалля, свѣтлѣйшему князю Петру Григорьевичу Волконскому, позволеніемъ напечатать нижеслѣдующія выписки изъ этихъ бумагъ его дѣда. Первое письмо приводится вполнѣ; другія съ опущеніемъ обычныхъ привѣтствій; нѣкоторыя только въ выдержкахъ. Письма Константина Павловича не собственноручныя, а только подписаны его странною анаграммою съ большими росчерками. Въ иныхъ имѣются его приписки, едва поддающіяся прочтенію; сіи послѣдія отмѣчены въ печати вносными знаками.

Письма Великаго Князя Константина Павловича къ графу Бенкендорфу.

1826 годъ.

№ 1.

Varsovie, le 10 (22) septembre 1826.

J'ai exactement reçu, monsieur le général, votre lettre datée de Moscou du 26 août dernier. Je suis bien aise d'apprendre que mon voyage à Moscou ait fait une impression favorable sur les habitants de S-t Pétersbourg, et il m'est très-agréable d'avoir pu, quoique passivement, contribuer au maintien de l'ordre dans cette capitale.

La nouvelle que vous me mandez sur les interprétations malicieuses auxquelles a donné lieu mon départ de Moscou, n'a pu que me surprendre momentanément. Quelques malveillans que puissent être les esprits qui ont suggére au public l'idée d'une prétendue mésintelligence entre Sa Majesté Impériale et moi, le ridicule de cette nouvelle est évident à tout le monde, et il est marqué au coin d'une extravagance d'autant plus frappante qu'on a voulu faire accroire que Sa Majesté l'Impératrice-Mère ait pu donner lieu à un malentendu entre mon Souverain et moi. Toutes les personnes qui ont le bonheur d'approcher leurs majestés sont persuadées du contraire, et je ne doute nullement que les gens raisonables n'apprécient cette nouvelle comme elle le mérite, c'est-à-dire, qu'ils n'y accorderont pas la moindre attention.

J'ai appris avec une satisfaction, que m.m. les aides-de-camp généraux ayent eu, lors de la grande présentation du 26 aout, la même tenue dans laquelle j'avais paru deux fois à Moscou. Du vivant de feu Sa Majesté l'Empereur, je me suis toujours fait honneur de porter cet

uniforme, et c'en est un actuellement pour moi, pour rendre hommage à la glorieuse mémoire de ce Monarque bien-aimé.

Ici, pendant mon absence, tous les esprits ont été en suspens jusqu'à mon retour; la tranquillité et l'ordre strictement observés, comme d'ordinaire, et je puis donner l'assurance qu'ils se maintiendront à l'avenir.

J'ai trouvé à côté de votre lettre une notice en langue russe. Ignorant si elle devait former une annexe, puisque vous n'en faites aucune mention, monsieur le général, je vous la restitue ci-près, telle que je l'ai reçue, après en avoir toutefois fait tirer une copie.

Recevez, monsieur le général, l'assurance des sentiments distingués que je vous porte

K.

Приложеніе, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, есть сдѣланная писарскою рукою выписка изъ 17-й главы Воинскаго Устава „о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ", артикулы 133 и 137.

Переводъ. Варшава, 10 (22) Сентября 1826. Мнѣ было аккуратно доставлено, г-нъ генералъ, ваше письмо изъ Москвы отъ 26 прошедшаго Августа. Мнѣ очень пріятно узнать, что моя поѣздка въ Москву произвела хорошее впечатлѣніе на жителей С.-Петербурга, и я очень радъ тому, что могъ, хотя-бы и пассивнымъ образомъ, способствовать къ поддержанію порядка въ этой столицѣ.

Сообщаемое вами извѣстіе о злонамѣренныхъ толкахъ, къ которымъ послужилъ поводомъ мой отъѣздъ изъ Москвы [1]), могло удивить меня лишь на минуту. Какъ бы ни были одушевлены злобой тѣ, которые распространили въ публикѣ слухъ о мнимомъ разногласіи между Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и мною,—странность этого слуха очевидна для каждаго; она тѣмъ болѣе поражаетъ своею нелѣпостью, что публику старались увѣрить, будто Ея Величество Вдовствующая Императрица могла вызвать недоразумѣніе между моимъ Государемъ и мною. Всякій, кто имѣетъ счастіе состоять въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ Ихъ Величествамъ, убѣжденъ въ противномъ, и я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что люди разсудительные оцѣнятъ этотъ слухъ по достоинству, то есть не обратятъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Я съ истиннымъ удовольствіемъ узналъ, что гг. генералъ-адъютанты были 26 Августа, на большомъ представленіи въ дворцѣ, въ такой-же формѣ, въ какой я появлялся два раза въ Москвѣ. При жизни покойнаго Императора

[1]) Великій Князь уѣхалъ изъ Москвы назадъ въ Варшаву вслѣдъ за коронаціей, которая происходила 22 Августа.

я всегда считалъ за честь носить этотъ мундиръ, а теперь считаю это за честь, какъ изъявленіе уваженія къ славной памяти этого возлюбленнаго Монарха.

Во время моего отсутствія здѣсь всѣ умы были въ нерѣшимости, ожидая моего возвращенія; спокойствіе и порядокъ, по обыкновенію, строго поддерживались, и я могу ручаться, что и въ будущемъ они не будутъ нарушены.

Я нашелъ приложенную при вашемъ письмѣ замѣтку на Русскомъ языкѣ; не зная, составляетъ-ли она приложеніе къ письму, такъ какъ вы о ней вовсе не упоминаете, я при семъ вамъ возвращаю ее въ подлинникѣ, однако предварительно приказавъ снять съ нея копію.

Примите, г-нъ генералъ, увѣреніе въ моемъ уваженіи. *Константинъ.*

№ 2.

Varsovie, le 15 (27) septembre 1826.

J'ai reçu hier votre lettre du 8 septembre, par laquelle vous m'informez qu'il a plu à Sa Majesté Impériale et Royale de confier à mes soins la suite qu'il y aurait à donner à la dénonciation du prince Paul Gartchékow et du nommé Skwarzow, quant aux marchandises introduites en fraude et qui se trouveraient déposées dans des souterrains près de Berdyczow. Je me serais empressé de remplir cet ordre suprême, dès le moment de l'arrivée de votre lettre; mais malheureusement je n'ai auprès de moi aucun officier ni employé qui fût capable de s'acquitter avec succès de cette commission aussi délicate qu'importante. Mes aides-de-camp n'ont aucune expérience pour des commissions de cette nature.

Ne connaissant ni le prince Paul Gartchékow, ni le nommé Skwarzow, je vous prierais de me donner des renseignemens sur ces deux individus, et notamment sur leurs rangs respectifs, sur leurs services antérieurs, leurs fonctions actuelles etc. Je dois vous faire observer à cette occasion, que si le nommé Skwarzow est le même qui a servi autrefois sous mes ordres dans le régiment d'Izmaïlow des gardes impériales, lors du règne de feu Sa Majesté l'Empereur Paul, cet individu, à en juger par sa conduite d'alors, ne mériterait pas aujourd'hui qu'on ajoutât la moindre foi à ses paroles, et moins encore à ses dénonciations.

Переводъ. Варшава, 15 (27) Сентября 1826. Я получилъ вчера, г-нъ генералъ, ваше письмо отъ 8 Сентября, въ которомъ вы меня увѣдомляете, что Его Императорскому и Королевскому Величеству угодно было поручить мнѣ разслѣдованіе по доносу князя Павла Горчакова и нѣкоего Скворцова касательно товаровъ, ввезенныхъ безъ уплаты пошлинъ и сложенныхъ въ подземельяхъ вблизи отъ Бердичева. Я поспѣшилъ-бы исполненіемъ этого Высочайшаго повелѣнія въ ту самую минуту, какъ получилъ ваше письмо; но къ несчастію при мнѣ нѣтъ ни одного офицера или чиновника способнаго исполнить съ успѣхомъ это деликатное и важное порученіе. Мои адъютанты вовсе не имѣютъ той опытности, какая необходима для порученій этого рода.

Такъ какъ я не знаю, что за люди князь Павелъ Горчаковъ и вышеупомянутый Скворцовъ, то я просилъ-бы васъ доставить мнѣ свѣдѣнія объ этихъ двухъ лицахъ и въ особенности о томъ, въ какихъ состоятъ они чинахъ, гдѣ прежде служили и чѣмъ занимаются въ настоящее время. Я долженъ вамъ замѣтить по этому поводу, что если Скворцовъ—тотъ самый, который когда-то служилъ подъ моимъ начальствомъ въ Измайловскомъ гвардейскомъ полку, въ царствованіе покойнаго Императора Павла I, то онъ, судя по его тогдашнему поведенію, не стоитъ того, чтобъ его слова, и еще менѣе его доносы, заслуживали какого-либо довѣрія *).

№ 3.

Varsovie, le 17 (29) septembre 1826.

Il m'a été très-agréable d'apprendre que mon voyage à Moscou ait pu contribuer au maintien de la tranquillité des esprits, bien que je n'eusse entrepris cette route que dans l'unique désir de voir ma famille réunie. S'il en est résulté quelque bien pour le public, je ne puis que m'en féliciter.

Je suis parfaitement de votre avis que les fêtes sont capables de détourner de jeunes têtes effervescentes de toute idée qui tendrait à miner ou à intervertir l'ordre de choses établi. Je vous observerai toutefois ici, qu'il serait à désirer que la passion du jeu dans les sociétés pût être reprimée et que les jeunes gens s'y occupassent plus des dames que des cartes. Il est notaire que le jeu est un vice qui porte na-

---

*) Изъ дальнѣйшей переписки видно, что разслѣдованіе этого дѣла было поручено жандармскому полковнику Фрейгангу и ген.-лейт. Гогелю 2-му, командиру 25-й дивизіи.

turellement au désoeuvrement et qui amène toujours des suites fâcheuses, et parfois très-funestes, aux familles et à la société. La tâche de l'extirper est bien difficile en effet; mais il n'est rien que des mesures bien compassées et prudemment dirigées ne rendent possible.

Ici tout est dans un ordre parfait; les esprits sont dans un calme qui ne laisse rien à appréhender. Les rapports que je reçois des gouvernements des c. d. provinces polonaises, qui se trouvent sous ma direction, sont également on ne peut pas plus satisfaisants. Les élections, qui y ont eu lieu depuis peu, se sont passées non-seulement sans le moindre trouble, mais il y a présidé, en général, cet esprit d'ordre et cette envie unanime de conserver la tranquillité publique, qui seuls sont capables de rendre ces réunions de citoyens salutaires pour le bien de l'état et pour chacun d'eux en particulier.

P. S. Au moment de fermer ma lettre, il me tombe sous la main le Journal de S-t Pétersbourg, politique et littéraire, du 7 (19) septembre, № 109. J'y remarque une absurdité qu'il est de toute urgence de relever. A l'article où il est question de la commutation de peine que Sa Majesté Impériale et Royale a daigné prononcer à l'occasion de son couronnement, les forçats que cette commutation concerne, y sont marqués avec le titre de *sieurs*. Or, il est généralement connu que tout individu qui est condamné aux galères, perd par là tous ses titres de noblesse, et comme tel, il est en quelque sorte hors de la loi. Et à qui donne-t-on ici ce titre? C'est à des malfaiteurs qui avaient été condamnés à perdre la tête sur un échaffaud! Le Journal de S-t Pétersbourg est une feuille périodique semi-officielle; tout ce qui y est rapporté base l'opinion de tous les pays étrangers, l'on peut dire, du monde entier. J'ignore si l'absurdité que je relève est une faute du rédacteur, ou si c'est l'effet d'une malice préméditée; mais le fait est que cette absurdité est grave et qu'elle sera critiquée non-seulement dans l'étranger, mais même dans l'intérieur du pays, comme je la critique actuellement.

Je vous transmets ci-joint ce journal où j'ai marqué au crayon l'article dont il s'agit. Il a été de mon devoir de fixer votre attention sur cet objet si important, et je ne dois point vous faire ignorer que j'y ai déjà remarqué plus d'une fois des irrégularités qui dans une feuille de cette nature ne devaient point être souffertes. Je vous prie de rendre compte à Sa Majesté Impériale et Royale de mes présentes observations, pour provoquer ses ordres suprêmes afin d'obvier aux abus que je vous signale ici.

Tout ce post-scriptum, je vous le fais, mon cher général, d'après l'accord convenu entre nous, de nous communiquer mutuellement tout ce qui pourrait tendre au bien du service de Sa Majesté Impériale et Royale.

Переводъ. Варшава, 17 (29) Сентября 1826. Мнѣ было очень пріятно узнать, что моя поѣздка въ Москву могла содѣйствовать успокоенію умовъ, хотя я предпринялъ ее съ единственною цѣлію видѣть вмѣстѣ всѣхъ членовъ моего семейства. Если она принесла какую-нибудь пользу для общества, я могу лишь поздравлять себя съ этимъ.

Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что празднества способны отклонить молодыя пылкія головы отъ всякаго намѣренія потрясти или ниспровергнуть установленный порядокъ вещей; однако я замѣчу по этому поводу, что было бы желательно, чтобъ сдержана была страсть къ игрѣ въ общественныхъ собраніяхъ и чтобъ въ нихъ молодые люди занимались болѣе дамами, чѣмъ картами. Игра, какъ извѣстно, такой порокъ, который порождаетъ склонность къ праздности и всегда имѣетъ непріятныя, а иногда даже пагубныя, послѣдствія для семействъ и для общества. Искорененіе ея, дѣйствительно, очень трудно; однако все возможно, если принять хорошо задуманныя мѣры и благоразумно приводить ихъ въ исполненіе.

Здѣсь все въ надлежащемъ порядкѣ; умы такъ спокойны, что не внушаютъ никакихъ опасеній. Донесенія, которыя я получаю изъ находящихся подъ моимъ управленіемъ губерній, прежде бывшихъ Польскими провинціями, также вполнѣ удовлетворительны. Недавно происходившіе тамъ выборы прошли не только безъ малѣйшихъ волненій, но даже при такомъ порядкѣ и при такомъ единодушномъ желаніи не нарушать общественнаго спокойствія, благодаря которымъ только и могутъ эти собранія гражданъ быть благотворными для государства и для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

P. S. Въ ту минуту, какъ я оканчивалъ это письмо, мнѣ попалъ въ руки 109 нумеръ политической и литературной газеты *Journal de S-t Pétersbourg*. Я замѣтилъ тамъ одну нелѣпость, которую крайне необходимо исправить. Въ той статьѣ гдѣ идетъ рѣчь о смягченіи наказаній, дарованномъ Его Императорскимъ и Царскимъ Величествомъ по случаю его коронованія, передъ словомъ каторжники, которыхъ касается это смягченіе, поставленъ титулъ *господа*. Но всякому извѣстно, что человѣкъ, осужденный на каторжныя работы, лишается всѣхъ своихъ дворянскихъ титуловъ и нѣкоторымъ образомъ ставится внѣ закона. И кому-же даютъ этотъ титулъ? Преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казни на эшафотѣ. *Journal de S-t Pétersbourg*—газета политическая, полуофиціальная; все что въ ней сообщается, служитъ основой для мнѣній всѣхъ иностранныхъ государствъ и

даже можно сказать, цѣлаго міра. Не знаю, произошла-ли указанная мною нелѣпость отъ недосмотра издателя или же была послѣдствіемъ предумышленнаго коварства; но дѣло въ томъ, что эта нелѣпость очень важна и какъ я теперь ее осуждаю, такъ будутъ ее осуждать не только за границей, но и внутри Россіи.

Я прилагаю при семъ эту газету съ помѣченной карандашемъ статьей, о которой идетъ рѣчь. Я счелъ долгомъ обратить ваше вниманіе на этотъ важный предметъ, и я не долженъ скрывать отъ васъ, что я уже не разъ замѣчалъ такія несообразности, которыхъ не слѣдовало-бы допускать въ газетѣ такого рода. Прошу васъ доложить Его Императорскому и Царскому Величеству объ изложенныхъ здѣсь соображеніяхъ для того, чтобъ вызвать Его Высочайшее повелѣніе къ прекращенію указанныхъ мною злоупотребленій.

Весь этотъ *Post-Scriptum* написанъ мною, любезный мой генералъ, вслѣдствіе состоявшагося между нами условія сообщать другъ другу обо всемъ, что̀ можетъ клониться къ пользѣ Его Императорскаго и Царскаго Величества.

№ 4.

Varsovie, le 8 (20) octobre 1826.

Le maréchal Marmont, duc de Raguse, est parti de cette ville après y être resté pendant trois jours. Arrivé ici le 1 (13) du courant, il assista le lendemain à la parade. Le 3 (15) il y eut un exercice d'infanterie, de 20 bataillons et de 48 pièces de canons, auquel il a été présent, et le 4 (16) il assista également à l'exercice de cavalerie, de 20 escadrons et de deux batteries d'artillerie de la garde à cheval, de 8 pièces chacune. Le maréchal m'a paru très-satisfait de ces exercices. Quant à moi, je puis dire hardiment, que toutes les manoeuvres ont été exécutées avec un ordre et une précision qui ne laissaient rien à désirer.

Переводъ. Варшава, 8 (20) Октября 1826. Герцогъ Рагузскій, маршалъ Мармонъ *) выѣхалъ изъ нашего города, пробывъ въ немъ три дня. Онъ прибывъ сюда 1 (13) текущаго мѣсяца и присутствовалъ на другой день на парадѣ; 3 (15) числа происходило ученье, въ которомъ принимали участіе 20 батальоновъ пѣхоты съ 48-ью пушками и на которомъ онъ также присутствовалъ; 4 (16) числа онъ также присутствовалъ на ученьѣ 20-ти эскадроновъ кавалеріи и двухъ батарей конногвардейской артиллеріи, каж-

*) Французскій посолъ на коронаціи Николая Павловича. П. Б.

дая съ 8-мью пушками. Маршалъ, какъ мнѣ показалось, остался очень доволенъ этими ученьями. Что же касается до меня, то я могу смѣло сказать, что всѣ манёвры были исполнены въ такомъ порядкѣ и съ такой точностью, которыя не оставляютъ желать ничего лучшаго.

№№ 5, 6 и 7.

Въ № 5-мъ, отъ 15 (27) Октября, Великій Князь извѣщаетъ о полученіи секретной записки, составленной гр. Бенкендорфомъ въ 1821 году относительно тайныхъ обществъ (она напечатана ниже), и выражаетъ удовольствіе о томъ, что Петербургскіе жители радостно встрѣтили возвратившагося изъ Москвы Государя. Въ № 6-мъ, отъ 22 Октября (3 Ноября) говоритъ съ похвалой о возвращаемой секретной запискѣ. Въ № 7-мъ, отъ 5 (17) Ноября, увѣдомляетъ о ходѣ слѣдствія по Бердичевской контрабандѣ.

№ 8.

Varsovie, le 25 novembre (7 décembre) 1826.

Je félicite, de tout mon coeur, Sa Majesté Impériale et Royale sur le bon esprit qu'elle a trouvé dans les bataillons des gardes après la réunion de ceux qui ont formé le détachement de Moscou avec ceux qui étaient restés à S-t Pétersbourg. Je ne saurais m'empêcher toutefois de vous faire observer que je ne comprenais pas comment il pourrait se faire qu'avec le zèle qui anime tous les chefs respectifs des gardes, avec cette constante sollicitude qu'ils vouent à tous les détails du service de Sa Majesté, l'on puisse encore supposer l'existence de quelque esprit malveillant dans cette troupe.

La nomination de son altesse impériale le grand-duc Michel au commandement du corps de la garde me fait grand plaisir. Le choix de Sa Majesté ne pouvait mieux tomber. J'écarte ici les liens du sang, et je dois rendre au grand-duc Michel cette justice qui lui revient. Son zèle, son activité, ses soins, la fermeté de son caractère, tout enfin le rendait digne de la confiance que l'Empereur s'est plu à placer en lui, en le chargeant d'un poste de cette importance. Vous me dites, mon cher général, que l'on trouvera dans le grand-duc Michel une protection directe et l'impossibilité de l'intrigue. L'expérience que j'ai acquise dans mon service de 32 ans, m'a convaincu, que cette protection directe n'est pas toujours ce qui garantit le bien du service: la justice

et le soin de veiller à ce que chacun fasse son devoir, suffisent pour atteindre au but, sans que l'on ait besoin de prêter l'oreille au premier venu. D'ailleurs la discipline militaire est étrangère à toute protection individuelle, et l'on doit veiller constamment à ce que la discipline ne se relâche point. Aux yeux d'un chef, quiconque a manqué aux devoirs que le service et la subordination lui imposent, doit être repris, n'importe le grade qu'il occupe, ni ces avantages du côté de la naissance ou de la fortune; comme aussi, quiconque se distingue, doit être recompensé. Admettre un milieu en ceci serait faire un pas vers l'injustice. Telle est ma façon de penser, et je n'hésite pas à l'énoncer.

Pour ce qui regarde le prince Gartchékow et le s-r Skwarzow, je dois vous faire savoir, que ce dernier m'est en quelque sorte connu. Il a autrefois servi comme capitaine en 2-d au 8-me régiment de chasseurs à pied de l'armée impériale. Arrivé ici, au printems passé, avec un certain Sinkiewicz, lieutenant démissionaire du même régiment, sans que ni l'un ni l'autre ayent eu la moindre affaire à Varsovie, ils furent surveillés secrètement par la police, attendu que leur venue en cette ville, sans un but ostensible, ne pouvait qu'éveiller des soupçons sur leur compte. On les vit fréquenter les lieux publics, s'amuser dans les différents endroits, aller aux bains etc. Skwarzow assistait de tems à autre aux exercices. Mais, malgré toute la vigilance de la police, rien n'a été découvert qui fût de nature à les rendre suspects; et, après un séjour au de-là d'un mois, ils quittèrent cette ville. Leur conduite actuelle me fait penser qu'ils ne sont que des escrocs, et vous avez agi très-prudemment en les plaçant sous la surveillance de la police.

Vous me dites que le séjour du colonel Freigang à Berdyczew n'a point été sans utilité, attendu que cet officier supérieur est parvenu à y découvrir plusieurs boutiques remplies de marchandises introduites en fraude. J'en ai déjà rendu compte directement à Sa Majesté, et j'ai reçu tout récemment un rapport du gouverneur civil de Volhynie, qui m'informe que cette contrebande se monte tout-au-plus à 10,000 r. en assignats de banque, tant en marchandises étrangères importées frauduleusement qu'en celles du pays, pour lesquelles on n'avait point acquitté les impôts dont elles sont passibles. Vous savez aussi que ce gouverneur n'était nullement instruit de la mission du colonel Freigang, et qu'il ne m'en a rendu compte que comme d'un évènement extraordinaire qui s'était passé dans le gouvernement qu'il dirige. Vous

jugerez par là, que la découverte du colonel Freigang est bien loin d'être importante.

Je suis on ne peut pas plus charmé d'apprendre que l'esprit public revient de ses erreurs et s'améliore sensiblement. Vous le savez aussi bien, mon cher général, que moi, que l'esprit de la masse de la nation a toujours été très-bon chez nous, et si l'on rencontre par ci par là quelque tête inquiète, quelque esprit malveillant, quelque criminel enfin,—cela n'autorise nullement à baser d'après cela notre opinion sur l'esprit des habitans de l'Empire entier. On voit dans tous les pays des gens de cette espèce, surtout parmi la jeunesse; mais ces écarts sont étouffés dans leur naissance, et les frondeurs les plus acharnés, même ceux qui exercent quelque pouvoir de persuasion sur toutes les classes, ne réussissent qu'à avoir bien peu de proselytes, en comparaison de leurs coupables efforts: tant il est vrai que l'amour de l'ordre et de la tranquillité est profondement enraciné dans toutes les classes et dans toutes les sociétés.

Je conviens toutefois avec vous, mon cher général, que dans les circonstances actuelles il faut user de plus de précaution et exercer une surveillance plus stricte que jamais. Je vous ai déjà dit de vive voix et je vous le répète ici, que l'esclandre du régiment Séménowsky a été causé uniquement par les soldats, et que les évènemens malheureux dont S-t Pétersbourg a été le théâtre, en décembre de l'année revolue, ont été provoqués par la malveillance des officiers, et qu'enfin, pour prévenir tout désordre, toute révolte ultérieure, c'était à l'époque actuelle qu'il faudrait vouer une attention et une vigilance toute particulière, pour comprimer dans sa naissance tout élément de trouble, considérant d'ailleurs, que si le gouvernement prend à présent les précautions que l'expérience lui commande, les associations secrètes, s'il en existait encore, se tiendront aussi sur leurs gardes plus que jamais.

Vous avez déjà donné des preuves, mon cher général, de vos connaissances politiques et de votre dévouement au thrône, par les notions que vous aviez fournies à feu l'Empereur Alexandre, de glorieuse mémoire, sur les associations secrètes en 1821 pendant que vous remplissiez la charge de chef d'état-major du corps de la garde. J'en ai acquis la certitude par la communication de la note secrète que vous m'avez envoyée et qui date de cette époque où les trames commençaient à s'ourdir. La confiance que Sa Majesté l'Empereur actuellement régnant a daigné placer en vous, m'est un sûr garant que vous redoublerez de cette activité et de ce zèle qui vous caractérisent, pour

coopérer au maintien de la tranquillité et de l'ordre si heureusement rétablis après des évènemens funestes qui ont failli de troubler le bonheur des peuples soumis au sceptre de Sa Majesté l'Empereur et Roi, notre auguste Maître.

Переводъ. Варшава, 25 Ноября (7 Декабря) 1826. Я отъ всего сердца поздравляю Его Императорское и Царское Величество съ тѣмъ, что онъ нашелъ превосходный духъ въ гвардейскихъ батальонахъ послѣ того какъ тѣ изъ нихъ, которые ходили въ Москву, соединились съ тѣми, которые оставались въ С.-Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе я не могу не замѣтить, что для меня непонятно, какимъ образомъ при томъ усердіи, какимъ воодушевлены всѣ начальники гвардейскихъ войскъ, при томъ неустанномъ стараніи, съ которымъ они несутъ службу Его Величества, еще можно допускать существованіе въ этихъ войскахъ какого-либо недоброжелательства.

Назначеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича командиромъ гвардейскаго корпуса доставило мнѣ большое удовольствіе. Его Величество не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Устраняя чувства, внушаемыя узами родства, я долженъ отдать Великому Князю Михаилу Павловичу должную справедливость. Его усердіе, его дѣятельность, его заботливость, твердость его характера,—однимъ словомъ все дѣлаетъ его достойнымъ довѣрія, которое угодно было Государю Императору оказать ему, назначая его на столь важный постъ. Вы пишете, что въ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ будутъ находить прямаго покровителя и препятствіе для интригъ. Опытность, пріобрѣтенная мною 32-хъ-лѣтнею службой, убѣдила меня, что такое прямое покровительство не всегда обезпечиваетъ интересы службы: для достиженія этой цѣли достаточно справедливости и наблюденія за тѣмъ, чтобъ каждый исполнялъ свои обязанности, но нѣтъ надобности выслушивать всякаго встрѣчнаго. Впрочемъ, военная дисциплина чужда всякаго покровительства отдѣльнымъ личностямъ, а за тѣмъ, чтобъ дисциплина не ослабѣвала, необходимо наблюдать съ постояннымъ вниманіемъ. Въ глазахъ начальника, всякій, кто нарушилъ обязанности, налагаемыя службой и субординаціей, долженъ быть наказанъ, въ какомъ-бы ни состоялъ чинѣ и какими-бы ни пользовался преимуществами рожденія и богатства, точно такъ же, какъ всякій, кто отличился, долженъ быть награжденъ. Держаться въ этомъ отношеніи середины значило-бы дѣлать шагъ къ несправедливости. Таковъ мой взглядъ, и я высказываю его безъ колебаній.

Что̀ касается князя Горчакова и Скворцова, я долженъ сообщить вамъ, что этотъ послѣдній мнѣ нѣсколько знако̀мъ. Онъ прежде служилъ штабсъ-капитаномъ въ 8-мъ егерскомъ пѣхотномъ полку императорской арміи. Когда онъ прибылъ сюда прошлой весной вмѣстѣ съ отставнымъ поручикомъ того-

же полка Синкевичемъ, ни тотъ ни другой не имѣли никакихъ дѣлъ въ Варшавѣ; надъ ними былъ учрежденъ тайный полицейскій надзоръ, такъ какъ ихъ прибытіе въ этотъ городъ, безъ всякой видимой цѣли, не могло не возбудить подозрѣній на ихъ счетъ. Они посѣщали публичныя мѣста, пріятно проводили время въ разныхъ мѣстахъ, ходили въ баню, а Скворцовъ присутствовалъ иногда на ученьяхъ. Но несмотря на бдительность полиціи, не было открыто ничего такого, что̀ могло-бы возбудить противъ нихъ подозрѣнія; а послѣ пребыванія здѣсь, продолжавшагося болѣе мѣсяца, они выѣхали изъ города. Ихъ поведеніе заставляетъ меня думать, что это не болѣе какъ мошенники, и вы поступили очень благоразумно, отдавъ ихъ подъ надзоръ полиціи.

Вы пишете, что пребываніе полковника Фрейганга въ Бердичевѣ не было безполезно, такъ какъ онъ успѣлъ отыскать тамъ нѣсколько лавокъ, наполненныхъ товарами, которые были ввезены безъ оплаты пошлинами. Я уже донесъ объ этомъ прямо Его Величеству и получилъ недавно донесеніе Волынскаго гражданскаго губернатора, который увѣдомляетъ меня, что эта контрабанда достигаетъ никакъ не болѣе 10,000 р. ассигнаціями, какъ въ такихъ иностранныхъ товарахъ, которые были ввезены безъ оплаты пошлинами, такъ и въ произведеніяхъ внутренней промышленности, за которыя не были уплочены установленные налоги. Вамъ также извѣстно, что этому губернатору не было ничего извѣстно о порученіи, возложенномъ на полковника Фрейганга, и что онъ донесъ мнѣ объ этой командировкѣ какъ о чрезвычайномъ событіи, случившемся въ управляемой имъ губерніи. Изъ этого вы можете усмотрѣть, что сдѣланное полковникомъ Фрейгангомъ открытіе вовсе не важно.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно узнать, что общественное мнѣніе отступаетъ отъ своихъ заблужденій и замѣтнымъ образомъ улучшается. Вамъ также, какъ и мнѣ, хорошо извѣстно, что духъ большинства всегда былъ у насъ очень хорошъ; если же иногда попадаются безпокойныя головы, злонамѣренные люди и даже преступники, то это вовсе не даетъ права дѣлать общее заключеніе о настроеніи умовъ у жителей всей имперіи. Во всѣхъ странахъ есть люди этого рода, въ особенности въ средѣ молодежи; но эти заблужденія заглушаются при своемъ зарожденіи, и самые отчаянные изъ недовольныхъ, даже тѣ изъ нихъ, которые дѣйствуютъ на умы всѣхъ классовъ общества, успѣваютъ пріобрѣсть очень мало послѣдователей сравнительно съ своими пагубными замыслами; такъ несомнѣнна та истина, что любовь къ порядку и спокойствію глубоко вкоренена во всѣхъ классахъ и во всѣхъ обществахъ.

Впрочемъ я раздѣляю ваше мнѣніе, что при теперешнихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ быть предусмотрительнымъ и наблюдать за всѣмъ съ бо́льшимъ чѣмъ когда-либо тщаніемъ. Я уже выражалъ вамъ на словахъ и здѣсь снова повторяю, что причиной позорнаго поведенія Семеновскаго полка были единственно солдаты, что печальныя событія, случившіяся въ С.-Петербургѣ въ Декабрѣ прошедшаго года, были вызваны зложелательствомъ офицеровъ и, наконецъ, что для предотвращенія всякихъ безпорядковъ, всякаго новаго мятежа, требуются въ настоящее время особое вниманіе и особая бдительность, такъ чтобъ быть въ состояніи подавить всякіе элементы волненій въ самомъ зародышѣ. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе и то, что если правительство приметъ теперь предосторожности, указываемыя опытомъ, то и тайныя общества, если они еще имѣются, также будутъ держать себя болѣе осторожно, чѣмъ когда-либо.

Вы уже доказали, мой любезный генералъ, ваши политическія познанія и вашу преданность престолу доставленными вами покойному Императору Александру Павловичу свѣдѣніями о тайныхъ обществахъ 1821 года, въ то время какъ вы исполняли обязанности начальника главнаго штаба гвардейскаго корпуса. Я вполнѣ въ этомъ убѣдился, прочитавъ секретную записку, которую вы мнѣ доставили и которая относится къ той эпохѣ, когда заговоръ былъ въ самомъ началѣ. Довѣріе, которымъ почтилъ васъ нынѣ царствующій Государь Императоръ, служитъ для меня вѣрнымъ ручательствомъ того, что вы удвоите свойственную вамъ дѣятельность и усердіе, дабы содѣйствовать поддержанію спокойствія и порядка, такъ счастливо возстановленныхъ послѣ печальныхъ событій, едва не нарушившихъ благоденствія тѣхъ народовъ, которые живутъ подъ скипетромъ Его Величества Императора и Царя, нашего Августѣйшаго Государя.

№ 9.

Varsovie, le 26 novembre (8 décembre) 1826.

Par votre lettre du 15 novembre vous me demandez, d'ordre de l'Empereur, des renseignemens sur le service et les qualités du c. d. major Rjewski, qui, selon ce que vous me marquez, doit avoir pris son congé en 1807 du régiment des hulans de la garde. Voici les notions que me fournit ma mémoire sur le compte de cet officier. Il a servi dans le régiment des hulans de la ligne, qui a porté mon nom, et y a passé, lors de sa formation en 1803, du régiment des hussards d'Okhtyr dont il faisait partie. Pendant son service dans mon régiment

des hulans susmentionné, il m'était connu comme un très-bon officier; mais il ne peut avoir été démissionné en 1807 du régiment des hulans de la garde, car ce n'est qu'en 1809 que ce régiment, ainsi que celui des dragons de la garde, ont été formés du régiment des hulans de ligne, qui portait mon nom et où le major Rjewski a servi dans l'escadron commandé par le prince Manwélow. J'ajouterai encore aux notions ci-dessus que le s-r Rjewski, dont je parle, doit avoir été apparenté avec la défunte dame d'honneur Marie Alexeiewna Narichkine, née Siniawine.

Vous me demandez la permission de vous adresser à moi, pour obtenir, en cas de besoin, des renseignemens sur des officiers que vous croiriez m'être connus. Soyez persuadé que je me ferai toujours un plaisir de vous les fournir. D'ailleurs, il est de mon devoir de servir Sa Majesté Impériale et Royale de tous mes moyens et de faire des efforts pour me rendre digne de la confiance dont elle daigne m'honorer. J'ai eu le bonheur de faire preuve de mon zéle, de mon dévouement sans bornes et de ma fidélité à toute épreuve, à leurs majestés les empereurs Paul et Alexandre, de glorieuse mémoire. Les mêmes sentimens m'animent aujourd'hui pour le service de Sa Majesté l'Empereur et Roi actuellement régnant, et je vous prie d'en déposer l'hommage, en mon nom, aux pieds de notre auguste Maître.

Переводъ. Варшава, 26 Ноября (8 Декабря) 1826. Въ вашемъ письмѣ отъ 15 Ноября, вы, по приказанію Государя Императора, спрашиваете у меня свѣдѣній о службѣ и личности отставнаго маіора Ржевскаго, который, судя по вашимъ словамъ, должно быть вышелъ въ 1807 въ отставку изъ гвардейскаго уланскаго полка. Вотъ что̀ осталось въ моей памяти касательно этого офицера. Онъ служилъ въ уланскомъ армейскомъ полку, носившемъ мое имя и перешелъ туда, во время его сформированія въ 1803, изъ Ахтырскаго гусарскаго полка. Во время его службы въ вышеупомянутомъ уланскомъ полку, я зналъ его за очень хорошаго офицера; но онъ не могъ выйти въ 1807 въ отставку изъ гвардейскаго уланскаго полка, такъ какъ только въ 1809 этотъ полкъ, равно какъ гвардейскій драгунскій, были сформированы изъ уланскаго армейскаго полка, который носилъ мое имя и въ которомъ маіоръ Ржевскій служилъ въ эскадронѣ, находившемся подъ начальствомъ князя Манвелова. Къ этимъ свѣдѣніямъ я могу присовокупить, что г. Ржевскій, о которомъ идетъ рѣчь, какъ кажется, былъ въ родствѣ съ покойной штатсъ-дамой Марьей Алексѣевной Нарышкиной, урожденной Синявиной.

Вы спрашиваете моего позволенія обращаться ко мнѣ, въ случаѣ надобности, за свѣдѣніями объ офицерахъ, которые мнѣ были извѣстны. Будьте

увѣрены, что я всегда съ удовольствіемъ буду сообщать вамъ такія свѣдѣнія; впрочемъ я считаю моимъ долгомъ служить Его Императорскому и Царскому Величеству всѣми моими силами и всячески стараться оправдать довѣріе, которымъ онъ меня удостоиваетъ. Я уже имѣлъ счастіе доказать мое усердіе, мою безграничную преданность и мою непоколебимую вѣрность ихъ величествамъ императорамъ Павлу и Александру. Тѣже чувства воодушевляютъ меня теперь для службы Его Величеству Императору и Царю нынѣ царствующему, и я прошу васъ положить ихъ отъ моего имени къ стопамъ нашего августѣйшаго Государя.

Въ № 10-мъ, отъ того же 26 Ноября (8 Декабря) выражается мнѣніе, что вышепомянутые князь Горчаковъ и Скворцовъ сдѣлали донесеніе облыжное. Изъ позднѣйшихъ писемъ видно, что оба они были сами отданы подъ судъ.

№ 11.

Varsovie, le 10 (22) décembre 1826.

Vous me demandez mon avis sur le placement au corps de la gendarmerie impériale du colonel démissionnaire Vouitch. J'ai connu deux officiers de ce nom dans les hulans de la garde: l'un qui a le prénom de Wasili, y a servi comme colonel et se trouve décoré de la croix de S-t George; c'était un officier distingué sous tous les rapports. L'autre, Iwan Vouitch, m'était également connu comme un très-bon officier. J'ignore lequel d'entre deux est celui qui fait l'objet de votre demande; mais je puis assurer que l'un ou l'autre serait une excellente acquisition pour le service de Sa Majesté, si toutefois ils ont conservé les principes et la conduite correcte qui me les ont fait remarquer et qui me portent à leur donner ici un témoignage favorable.

Je n'ai pu apprendre qu'avec infiniment de plaisir la nouvelle que vous me mandez sur le rétablissement de la tranquillité dans la capitale et dans l'intérieur de l'Empire. Et s'il arrive encore, par ci par là, quelque désordre parmi les paysans, par la trop grande sévérité des seigneurs, je me plais à croire que la modération de ces derniers qui en sentiront certainement l'opportunité, et la vigilance des autorités locales, y mettront fin pour jamais.

Переводъ. Варшава, 10 (22) Декабря 1826. Вы спрашиваете моего мнѣнія касательно вступленія отставнаго полковника Вуича въ корпусъ жандармовъ. Я зналъ двухъ офицеровъ этого имени, служившихъ въ гвардейскихъ уланахъ; одинъ изъ нихъ, называвшійся Васильемъ, служилъ тамъ полковникомъ и былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ;

это былъ офицеръ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ; другаго, называвшагося Иваномъ, я также зналъ за очень хорошаго офицера. Мнѣ неизвѣстно, къ какому изъ этихъ двухъ относится вашъ запросъ; но я могу увѣрить васъ, что и тотъ и другой были-бы превосходнымъ пріобрѣтеніемъ для службы Его Величеству, если только они не уклонились отъ тѣхъ правилъ и отъ того безукоризненнаго поведенія, которыя обратили на нихъ мое вниманіе и заставляютъ меня сдѣлать о нихъ благопріятный отзывъ.

Мнѣ не могло не доставить великаго удовольствія сообщаемое вами извѣстіе о возстановленіи спокойствія и въ столицѣ и внутри Имперіи. Если же все еще случаются по временамъ какіе-нибудь безпорядки между крестьянами вслѣдствіе излишней строгости помѣщиковъ, то я позволяю себѣ надѣяться, что имъ навсегда будетъ положенъ конецъ тѣмъ, что помѣщики поймутъ необходимость быть болѣе мягкими и что мѣстныя власти будутъ бдительно за ними слѣдить.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЗАПИСКА ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА О ВОЗМУЩЕНІИ ВЪ СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ.

Размышленія о происшествіяхъ, случившихся въ ночь съ 16-го на 17-е и въ ночь съ 17-го на 18-е Октября 1820 года въ Петербургѣ *).

Изъ донесенія, представленнаго Государю Императору генераломъ Васильчиковымъ, видно, что въ ночь съ 16-го на 17-е Октября стараго стиля солдаты первой гренадерской роты 1-го баталіона 2-го полка императорской гвардіи внезапно столпились въ корридорахъ казармы и потребовали отъ своего капитана, чтобъ онъ передалъ высшему начальству ихъ жалобы на жестокости и дурное съ ними обхожденіе командира полка Шварца **). Послѣ того, какъ эта рота была арестована и отправлена въ казематы С.-Петербургской крѣпости, другія роты тогоже баталіона отправились въ ночь съ 17-го на 18-е число къ своимъ товарищамъ двухъ другихъ баталіоновъ и частію

*) Подлинникъ писанъ по французски. Эта записка очень любопытна, какъ выраженіе образа мыслей въ будущемъ шефѣ жандармовъ. П. Б.

**) Н. М. Лонгиновъ сообщалъ графу С. Р. Воронцову, что Шварцъ былъ Еврейскаго происхожденія (Архивъ Кн. Воронцова, XXIII, 420) и что Семеновскіе солдаты недоумѣвали, крещеный ли онъ или нѣтъ. П. Б.

убѣжденіями, частію силою склонили ихъ соединиться вмѣстѣ, чтобъ единогласно требовать освобожденія ихъ 1-й роты.

Таково въ немногихъ словахъ содержаніе донесенія генерала Васильчикова о мятежѣ, происшедшемъ во второмъ полку императорской гвардіи.

Размышленія, естественнымъ образомъ возбуждаемыя этимъ происшествіемъ, относятся къ двумъ различнымъ эпохамъ,—къ той, которая предшествовала этому мятежу и нѣкоторымъ образомъ его подготовила или вызвала, и къ той, которая обнимаетъ собою преимущественно поведеніе начальниковъ до происшествія и послѣ него.

Если мы примемъ въ соображеніе тѣ достоинства, которыми въ такой высокой степени отличается Русскій солдатъ: его покорность, его терпѣніе, его, такъ сказать, національное уваженіе ко всему, что̀ есть власть и авторитетъ, и его привычку къ повиновенію, соединяющуюся съ любовью къ начальникамъ, которая является въ немъ естественною потребностью и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается ему вѣрою: то мы должны будемъ предположить, что были совершены очень важныя ошибки для того, чтобъ разорвать столь многочисленныя и столь крѣпкія узы и что только долгій рядъ заблужденій и несправедливостей могъ привести, среди полнаго спокойствія, къ такому результату, котораго до тѣхъ поръ никогда не производили ни лишенія, ни опасности, ни перспектива почти неминуемой смерти среди сраженій и даже въ то время, когда военное счастіе намъ измѣняло.

Донесеніе генерала Васильчикова объ этомъ происшествіи и о сопровождавшихъ его подробностяхъ, служащее единственнымъ основаніемъ для соображеній, вызвавшихъ эти размышленія, само собою раскрываетъ часть тѣхъ заблужденій и ложныхъ началъ, которыя, по видимому, были удѣломъ всѣхъ тѣхъ, кому болѣе или менѣе непосредственно принадлежало право командованія. Прежде всего долженъ сильно поражать тотъ фактъ, что масса солдатъ могла привести въ исполненіе столь смѣлое и, по видимому, столь давно задуманное предпріятіе, совершенно устранившись отъ своихъ офицеровъ, изъ которыхъ, какъ слѣдуетъ полагать, ни одинъ не предвидѣлъ случившагося, такъ какъ до сихъ поръ неизвѣстно, чтобъ кто-либо изъ нихъ постарался предупредить его или предотвратить. А когда мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что ихъ усилія, ихъ увѣщанія и ихъ угрозы не производили никакого впечатлѣнія на умы этихъ солдатъ, то мы безъ труда убѣждаемся, что между войсками и тѣми, кто ими командуетъ, нѣтъ прочно установленныхъ отношеній, основывающихся на довѣріи и на авторитетѣ и что эти войска не привыкли внимать го-

лосу своихъ самыхъ непосредственныхъ начальниковъ. Неповиновеніе солдатъ среди этого безпорядка и смятенія представляется не столько мятежемъ противъ ихъ офицеровъ, сколько выраженіемъ неуваженія и равнодушія къ власти, которая какъ будто была для нихъ чужая. Дѣйствительно, если бы эта вооруженная сила руководилась и управлялась тѣми неизмѣнными началами, которымъ должна подчиняться всякая хорошо организованная масса людей, то-есть если бы обязанности службы исполнялись какъ слѣдуетъ каждымъ изъ посредствующихъ чиновъ, представляющихъ какъ бы ступени, на которыя высшая власть опирается, чтобъ приводить въ движеніе численную силу и чтобъ придавать ей то единство, которое составляетъ первое условіе ея существованія, ея сохраненія и ея пользы; и еслибъ каждый изъ офицеровъ былъ постоянно проникнутъ духомъ своихъ благородныхъ обязанностей, еслибы они, не ограчивая своихъ славныхъ обязанностей легкимъ повтореніемъ словъ командованія передъ собранными войсками, постоянно занимаясь людьми, которые ввѣрены ихъ заботамъ и для которыхъ они должны служить въ одно и тоже время и покровителями, и наставниками, и руководителями: развѣ тогда могло бы случиться, что столь значительная масса людей, по общему согласію, почти въ одинъ и тотъ же моментъ, могла внезапно высвободиться изъ-подъ столь бдительно и столь благотворной для нея власти? Развѣ можно себѣ представить, что у нея могло бы возникнуть такое желаніе? Конечно, если бы при такомъ порядкѣ вещей было обнаружено неудовольствіе кѣмъ-либо изъ тѣхъ людей, которые не подчиняются никакимъ порядкамъ и не признаютъ никакихъ обязанностей, и которые всегда встрѣчаются въ многочисленныхъ ассоціаціяхъ, то эти люди были бы безъ труда сдержаны въ ту самую минуту, какъ выразились ихъ намѣренія, и тотъ изъ нихъ, который обнаружилъ бы преступное неповиновеніе, не только не нашелъ бы для себя поддержки въ своихъ товарищахъ, а напротивъ того встрѣтилъ бы въ нихъ препятствіе для своихъ преступныхъ замысловъ и готовность подвергнуть его заслуженному наказанію. Такъ всегда бываетъ въ регулярныхъ войскахъ, когда во главѣ ихъ стоятъ начальники, руководствующіеся тѣми началами, на которыхъ основана организація вооруженной силы, и тѣми правилами, по которымъ она поддерживается и управляется. Развѣ происшествія случившіяся въ ночь съ 17-го на 18-е Октября, равно какъ донесеніе о нихъ генерала Васильчикова, не свидѣтельствуютъ о томъ, что эти правила и эти начала были упущены изъ виду офицерами втораго полка императорской гвардіи?

Это видно уже изъ того, что ихъ власть не признавалась и что то уваженіе, на которое они имѣли право по своему чину, осталось безъ всякаго вліянія и оказалось недѣйствительнымъ.

Вслѣдъ за этимъ размышленіемъ о причинахъ, уничтожающихъ вліяніе офицеровъ на подчиненныхъ имъ солдатъ, натурально представляются уму нѣкоторыя соображенія, истекающія изъ знакомства съ самыми фактами. Способъ, которымъ исполнялись въ этомъ полку служебныя обязанности, неизбѣжно долженъ былъ извратить всѣ понятія о пропорціональной постепенности власти, такъ какъ всѣ подробности службы распредѣлялись тамъ между капитанами роты и фельдфебелями; а остальные офицеры, за исключеніемъ полковниковъ, повидимому въ это не вмѣшивались или этимъ не занимались, а потому ни за чѣмъ не наблюдали и имѣли весьма неудовлетворительное знакомство съ своими обязанностями. Съ своей стороны, капитаны достигаютъ этого чина съ весьма недостаточнымъ практическимъ знаніемъ и своихъ собственныхъ обязанностей и тѣхъ, исполненія которыхъ они должны требовать отъ своихъ подчиненныхъ. Слѣдствіемъ этого было то, что полковники и генералы сами занимались такими подробностями, которыя ниже аттрибутовъ ихъ чина и которыхъ, однако, они не могли обнимать во всей ихъ полнотѣ. Такое перемѣщеніе власти и обязанностей порождало недостатокъ единства, извращеніе чиноначалія и униженіе ранговъ, которое неизбѣжно должно было имѣть для службы самыя вредныя послѣдствія. Если съ одной стороны достовѣрно, что власть, распространяющаяся на множество предметовъ и лицъ, можетъ дѣйствовать лишь при помощи извѣстнаго числа людей, между которыми она распредѣлена такъ, что подчиняетъ ихъ однихъ другимъ: то съ другой стороны неоспоримо и то, что нравственное вліяніе, выражающееся въ установленныхъ внѣшнихъ формахъ и всегда соразмѣрное съ важностью служебныхъ обязанностей, должно быть нераздѣльно съ самою властью, для которой оно въ тысячу разъ болѣе необходимо, чѣмъ внѣшніе знаки и отличія, служащіе лишь ея внѣшнимъ обозначеніемъ. Власть можетъ быть сильна лишь благодаря убѣжденію въ превосходствѣ способностей и качествъ тѣхъ, кому она принадлежитъ, лишь благодаря неоспоримой необходимости подчиняться ей для блага и безопасности всѣхъ и каждаго, и лишь благодаря увѣренности, что въ ней найдутъ спасительную защиту отъ всего, что̀ могло бы ставить частные интересы выше интересовъ и блага большинства. Будучи лишена тѣхъ нравственныхъ аттрибутовъ, которые даются общимъ мнѣніемъ, власть, не имѣющая надлежащей опоры, оказывается поколебленной, и ея могущество замѣняется силой матеріальной, которая всегда на сторонѣ численнаго превосходства. Для того, чтобъ

не могъ ослабнуть этотъ рычагъ, съ помощью котораго только и можно управлять собранными въ массу людьми (все равно составляютъ-ли они отрядъ войскъ или цѣлую націю) въ высшей степени важно, чтобъ поставленный во главѣ ихъ начальникъ не только поддерживалъ и оправдывалъ каждымъ изъ своихъ дѣйствій ту степень вліянія, на которое ему даетъ право его политическое положеніе или занимаемая имъ должность, но также чтобъ онъ постоянно старался поддерживать каждаго изъ своихъ подчиненныхъ на высотѣ занимаемаго имъ мѣста. Онъ не долженъ позабывать той истины, что неуваженіе, навлеченное на себя одной изъ посредствующихъ властей, неизбѣжно отразится на его собственной власти, такъ какъ масса измѣряетъ высоту положенія лица, призваннаго къ командованію, лишь по мѣрѣ разстоянія и промежутковъ, отдѣляющихъ ее отъ него. Уничтожать эти ступени для того, чтобъ становиться въ болѣе близкое, но противное установленному порядку, соприкосновеніе съ нимъ, значило бы подавать такой примѣръ, который никогда еще не сходилъ начальникамъ безнаказанно. Только тогда, когда начальникъ будетъ строго держаться аттрибутовъ своей власти, онъ научитъ своихъ подчиненныхъ сознавать обязанности, налагаемыя на нихъ занимаемымъ ими мѣстомъ. Только тогда, когда генералъ охватываетъ своимъ взоромъ съ занимаемой имъ высоты всѣ движенія своей арміи, онъ въ состояніи направлять ихъ съ успѣхомъ, а не тогда, когда онъ смѣшивается съ солдатами. Точно также необходимо, чтобъ въ мирное время высшій начальникъ не покидалъ назначеннаго ему поста для того, чтобъ самому обучать своихъ солдатъ и командовать ими: его назначеніе наблюдать надъ обученіемъ и командованіемъ со стороны тѣхъ, кто состоитъ подъ его начальствомъ. Онъ не долженъ становиться на мѣсто кого-либо изъ нихъ, а долженъ съ неутомимымъ вниманіемъ наблюдать, чтобъ каждый изъ нихъ исполнялъ лежащія на немъ обязанности; онъ главнымъ образомъ долженъ руководить ими, дѣлать имъ замѣчанія, объяснять имъ ихъ обязанности, но отнюдь не замѣнять ихъ. Тогда степень вліянія, выпадающая на долю каждаго изъ посредствующихъ чиновъ, будетъ естественнымъ образомъ истекать и изъ важности самой должности и изъ степени довѣрія къ лицу, ее занимающему. Это вліяніе высшій начальникъ будетъ поддерживать тѣмъ, что никогда не будетъ уклоняться отъ надлежащей мѣры въ вѣжливомъ обхожденіи съ своими подчиненными, что будетъ соразмѣрять эту вѣжливость съ рангомъ тѣхъ, съ кѣмъ непосредственно имѣетъ дѣло, что никогда не будетъ упускать изъ виду того различія во внѣшнихъ формахъ обхожденія, которое характеризуетъ разстояніе отдѣляющее одинъ рангъ отъ другаго и что онъ никогда не допуститъ, чтобъ его подчиненные позабыли, какъ должны

они держать себя другъ къ другу. Поддерживая такимъ образомъ вліяніе, придающее вѣсъ аттрибутамъ власти, высшій начальникъ устранитъ всѣ отличія стоящія внѣ тѣхъ служебныхъ отношеній, которыя только и могутъ имѣть значеніе въ его глазахъ, такъ какъ родственныя связи, богатство, природныя превосходства и даже превосходство образованія никогда не должны быть поводомъ для отличій или исключеній, которыя часто бываютъ оскорбительны для тѣхъ, кто лишенъ этихъ преимуществъ, большею частію несправедливы и всегда вредны для службы. Чрезвычайно рѣдкія исключенія въ пользу лицъ по своимъ выдающимся дарованіямъ уже не принадлежащимъ къ обыкновеннымъ разрядамъ людей, служатъ средствомъ поощренія, которое нужно беречь, но которое, вовсе не вредя службѣ, придаетъ ей жизнь и одушевленіе, подымающія ее и вносящія въ нее усовершенствованія. Когда офицеры проникнутся сознаніемъ важности своихъ обязанностей и выгодъ, сопряженныхъ съ ихъ точнымъ исполненіемъ, когда они будутъ равнодушны ко всѣмъ отличіямъ, основаннымъ лишь на мелочныхъ преимуществахъ и на салонныхъ успѣхахъ, тогда они будутъ особенно стараться заслужить одобреніе своихъ начальниковъ. Но если, напротивъ того, равнодушіе офицеровъ къ ихъ обязанностямъ не служитъ препятствіемъ къ ихъ повышенію, если съ другой стороны ихъ усердіе и точность не цѣнятся, если въ обоихъ этихъ случаяхъ все что̀ составляетъ честь, вліяніе и авторитетъ каждаго не поставлены подъ ненарушимую и священную охрану, если будутъ раздаваться незаслуженныя отличія и будутъ дѣлаться исключенія безъ самыхъ вѣскихъ мотивовъ, если одни не будутъ ограждены въ своихъ правахъ, а другіе не будутъ ограждены отъ несправедливости и произвола: тогда чувство служебнаго долга исчезнетъ, такъ что его не въ состояніи будетъ возстановить никакая строгость, никакое наказаніе. Тогда одни, хвастаясь незаслуженной немилостью, будутъ стараться съ ловкостью уклоняться отъ своихъ обязанностей, а не исполнять ихъ съ точностью; другіе же будутъ стараться, путемъ интригъ и лести, пріобрѣсть отличія, которыя даются не въ награду за заслуги; тогда все придетъ мало-по-малу въ разстройство, и войско, оставшееся безъ надзора и безъ руководителей, будетъ способно впадать въ пагубныя увлеченія, нерѣдко возникающія отъ простой случайности.

Было бы, конечно, несправедливо примѣнять всѣ эти размышленія къ тому, какъ вели себя начальники втораго полка императорской гвардіи; но коль скоро нѣкоторыя изъ этихъ размышленій оправдываются совершившимся фактомъ и если обстоятельства, къ которымъ они относятся, отчасти были причиной событій, происшедшихъ въ ночь на 17-е и 18-е число, то это лишь можетъ служить

доказательствомъ ихъ основательности, такъ какъ въ изложенныхъ замѣчаніяхъ все тѣсно связано между собою такими выводами, которые непосредственно вытекаютъ одни изъ другихъ. Если же мы разсмотримъ поведеніе начальниковъ во время и послѣ событій 17-го и 18-го числа, то мы будемъ поражены многими обстоятельствами, обнаруживающими съ ихъ стороны, какъ по своему характеру, такъ и по руководящимъ принципамъ, такой образъ дѣйствій, который не согласенъ съ обще принятыми правилами для тѣхъ случаевъ, когда нужно остановить мятежное движеніе въ его началѣ и предотвратить его распространеніе, съ правилами, которыя сверхъ того освящены положительными законами.

Въ одной ротѣ 2-го полка императорской гвардіи происходитъ въ ночь 16-го числа нарушеніе дисциплины и мяжетъ; но вмѣсто того, чтобъ принять всѣ необходимыя мѣры для ея немедленнаго арестованія, вмѣсто того, чтобъ пресѣчь ея сообщенія съ товарищами, найти виновниковъ мятежа и подвергнуть ихъ такому наказанію, которое навело-бы страхъ на всю роту, тратится много времени на пустую бѣготню, на переговоры и разслѣдованія. Корпусное начальство, которое должно бы было немедленно (даже съ опасностью для своей жизни) возстановить порядокъ и внушить повиновеніе всѣми способами, какіе находятся въ его власти, медлитъ своимъ появленіемъ. Мало того, его первое распоряженіе обнаруживаетъ его безсиліе. Полковникъ Шварцъ, противъ котораго направлено мятежное движеніе, уволенъ отъ должности прежде, нежели было наказано самое важное преступленіе—нарушеніе субординаціи. Такимъ образомъ тяжесть этого преступленія была въ нѣкоторой мѣрѣ ослаблена, такъ какъ само начальство, по желанію роты, лишило командованія того, чью власть слѣдовало-бы прежде всего заставить уважать. Еслибы полковникъ Шварцъ и былъ въ чемъ либо виновенъ и еслибы высшее начальство по оплошности узнало объ этомъ лишь въ ту минуту, когда вспыхнуло мятежное противъ него движеніе, то не въ эту минуту слѣдовало подвергать его наказанію: прежде всего нужно было наказать за непризнаніе въ его лицѣ авторитета власти. Эта мѣра должна была предшествовать разсмотрѣнію заявленныхъ на него жалобъ; а его удаленіе отъ должности, если оно считалось необходимымъ, должно было состояться впослѣдствіи. Эта уступчивость имѣла послѣдствія, какихъ слѣдовало ожидать. День съ 16. на 17-ое число проходитъ, а между тѣмъ не видно, чтобъ начальство принимало неотложныя мѣры касательно такого полка, духъ и намѣренія котораго ясно обнаружились въ томъ, что̀ случилось. Не было подготовлено никакихъ принудительныхъ мѣръ; офицеры, которые должны-бы были неотлучно находиться въ полку съ той минуты, какъ они узнали о случившем-

ся, были, по старому, равнодушны ко всему, что̀ его касалось, и возмущеніе всего 1-го батальона, къ которому скоро присоединились 2-й и 3-й батальоны, вспыхнуло въ ночь съ 17-го числа на 18-е безъ всякаго сопротивленія, такимъ-же неожиданнымъ для начальниковъ образомъ, какъ и то, которое произошло 16-числа. То, что̀ случилось наканунѣ, даже не послужило урокомъ для того, что́ случилось на другой день. А между тѣмъ сдѣланныя ошибки очень усложнили затрудненія и сдѣлали болѣе труднымъ примѣненіе мѣръ строгости. Развѣ умѣстно было дѣлать столько же несвоевременныя сколько безплодныя попытки къ примиренію, которыя лишь подвергли новымъ униженіямъ власть, и безъ того уже поколебленную и неуважаемую? Что́ значатъ эти переговоры, эти словесныя увѣщанія обращенныя къ вышедшимъ изъ повиновенія солдатамъ? Развѣ имѣлось въ виду выиграть время или вступать съ ними въ совѣщанія? Развѣ такія средства убѣжденія, испробованныя передъ бунтующей солдатчиной, не должны были внушить ей преувеличенное мнѣніе о ея силѣ и очень низкое понятіе о силѣ и характерѣ ея начальниковъ? Напротивъ того, твердый, рѣшительный, лаконическій тонъ, обнаруживающій полную увѣренность въ своихъ силахъ и непреклонную рѣшимость употребить ихъ въ дѣло, былъ-бы, можетъ быть, достаточенъ для того, чтобъ подавить всякое сопротивленіе въ самомъ его началѣ. Въ противномъ случаѣ, нѣсколько примѣровъ строгости по отношенію къ самымъ непокорнымъ солдатамъ въ присутствіи ихъ товарищей и согласно съ 133 и 137 статьями старыхъ военныхъ уставовъ остановили-бы распространеніе зла, внушили бы виновнымъ страхъ, уничтожили-бы вліяніе дурнаго примѣра, удовлетворили-бы требованіямъ справедливости, возмѣстили бы униженіе власти, возстановивъ порядокъ и то слѣпое повиновеніе, которое составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей военнаго сословія, и въ особенности устранили бы ту многочисленность соучастниковъ преступленія, которая служитъ главнымъ препятствіемъ для равномѣрнаго распредѣленія наказаній между всѣми виновными.

Еслибы высшіе начальники и командиры, въ ту минуту, какъ они узнали о мятежномъ движеніи, вспыхнувшемъ въ ночь 16-го числа, и еслибы въ тотъ день, когда они увидѣли, что ихъ власть не признается, остановили на минуту свое вниманіе на причинахъ вызвавшихъ столь печальныя послѣдствія: ихъ уму безъ сомнѣнія представились-бы нѣкоторыя изъ изложенныхъ здѣсь замѣчаній; и теперь они, вѣроятно, одобрятъ тотъ взглядъ, который выясняется предъидущими соображеніями и самъ собою истекаетъ изъ нихъ.

1827 годъ.

№ 1.

Varsovie, le 2 (14) janvier 1827.

Pour ce qui est de l'Anglais Antoine Rally, je dois vous informer en premier lieu, que cet individu n'est point domicilié à Varsovie, mais qu'il est arrivé en cette ville uniquement pour assister à un procès qu'il a intenté aux princes Sapieha sur lesquels il répète différentes sommes d'argent. Il est de fait, en outre, que j'ignorais absolument, jusqu'à l'entrée de votre dernière, que cet étranger ait jamais été expulsé des états de Russie. Je dois vous annoncer en même tems, que depuis que le s-r Rally séjourne en cette ville, il tient constamment une bonne conduite, mène une vie tranquille, et que rien n'a été remarqué jusqu'ici qui lui fût défavorable. Considérant toutefois qu'il avait déjà été renvoyé de Russie en 1809 pour s'être beaucoup livré au jeu pendant son séjour à Moscou et pour y avoir entretenu des relations intimes avec des personnes de marque, ainsi qu'avec le parti anglais d'alors, je désirerais être instruit si cet individu peut continuer à demeurer ici jusqu'à l'issue de son procès, ou s'il ne serait pas conforme aux hautes intentions de Sa Majesté Impériale et Royale qu'il fût renvoyé du territoire de son royaume de Pologne. Je vous prie, mon cher général, de prendre là-dessus les ordres de l'Empereur et Roi, notre auguste Maître, et de vouloir me les communiquer.

Переводъ. Варшава, 7 (19) Января 1827. Что касается Антуана Ралли, о которомъ вы мнѣ пишете, я долженъ прежде всего увѣдомить васъ, что онъ не имѣетъ въ Варшавѣ постояннаго мѣстопребыванія, а прибылъ сюда единственно

для того, чтобъ присутствовать при разсмотрѣніи иска, предъявленнаго имъ къ князьямъ Сапегамъ, съ которыхъ онъ взыскиваетъ различныя денежныя суммы. До полученія вашего послѣдняго письма, мнѣ было совершенно неизвѣстно, что этотъ иностранецъ когда-то былъ высланъ изъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ вамъ сообщить, что съ тѣхъ поръ какъ г. Ралли находится въ этомъ городѣ, онъ постоянно ведетъ себя хорошо, живетъ спокойно и до сихъ поръ на его счетъ не было замѣчено ничего дурнаго. Тѣмъ не менѣе, принимая въ соображеніе, что онъ уже былъ высланъ изъ Россіи въ 1809 за то, что сильно предавался игрѣ во время своего пребыванія въ Москвѣ и за то, что находился тамъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми выдающимися лицами, а также съ тогдашней Англійской партіей, я желалъ-бы знать, можно-ли дозволить ему жить здѣсь до окончанія его процесса и не будетъ-ли его высылка изъ территоріи Царства Польскаго согласна съ высокими предначертаніями Его Императорскаго и Царскаго Величества. Прошу васъ, любезный генералъ, испросить на этотъ предметъ повелѣнія Государя Императора и Царя, нашего августѣйшаго повелителя.

№ 2.

Varsovie, le 19 (31) janvier 1827.

C'est par la poste d'avant-hier que m'est parvenue votre lettre du 4 de ce mois. Vous avez bien voulu y joindre une copie du compte rendu à Sa Majesté Impériale et Royale sur les travaux de la haute police de l'Empire pour l'année 1826, un tableau comparatif des années 1823, 1824 et 1825, ainsi qu'un abregé sommaire des remarques sur l'esprit public, recueillies dans le courant de l'année revolue.

En jettant un coup d'oeil sur l'immensité des crimes, évènements fâcheux et autres calamités de tout genre qui pendant ces années sont survenus dans l'étendu de l'Empire, on est naturellement pénétré d'un sentiment bien pénible. Les accidents qui arrivent ça et là et qui affligent la société, sont malheureusement autant inévitables qu'ils ne sauraient être prévus; mais il est des crimes qu'une attention particulière des autorités locales pourrait prévenir. Je ne doute nullement, mon cher général, que le zèle qui vous anime et votre infatigable activité ne contribuent essentiellement à en diminuer le nombre.

Переводъ. Варшава, 19 (31) Января 1827. Вы были такъ любезны, что приложили къ вашему письму отъ 4-го текущаго мѣсяца копію съ

представленнаго Его Императорскому и Царскому Величеству отчета о дѣятельности высшей полиціи въ Имперіи за 1826 годъ, сравнительную таблицу за 1823, 1824 и 1825 годы, равно какъ краткое изложеніе замѣчаній о настроеніи общества, собранныхъ въ теченіе истекшаго года.

Обозрѣвая громадное число преступленій, несчастій и бѣдствій всякаго рода, случившихся въ теченіе этого года на всемъ пространствѣ Имперіи, натурально проникаешься чувствомъ скорби. Случающіяся по временамъ несчастія, къ сожалѣнію, неизбѣжны, и предвидѣть ихъ нѣтъ возможности; но есть такія преступленія, которыя могло-бы предотвратить бдительное вниманіе мѣстныхъ властей. Я нисколько не сомнѣваюсь, любезный генералъ, въ томъ, что одушевляющее васъ усердіе и ваша неутомимая дѣятельность будутъ много содѣйствовать уменьшенію ихъ числа.

№ 3.

Varsovie, le 28 février (12 mars) 1827.

Pour vous répondre, point par point, aux différens objets dont vous m'entretenez dans votre lettre du 19 février, je vous dirai, mon cher général:

1-o. Que je m'embarasse fort peu des bruits qui ont couru à S-t Pétersbourg à l'occasion du séjour que je viens d'y faire, et que je suis bien loin d'attacher la moindre importance aux conjectures que ce voyage a pu ou pourra encore faire naître dans le public.

2-o. Commes les actes de l'enquête du nommé Jordan se trouvent chez m-r le sénateur de Nowossiltzow, à qui j'ai confié les interrogatoires que les déclarations plus ou moins mensongères de cet individu ont nécessité, je lui ai également transmis toutes les pièces que vous m'avez communiquées, d'ordre de Sa Majesté Impériale et Royale, relativement à son séjour à Dorpat, sous les noms supposés de Schmidt et de baron de Gemmingue, afin qu'elles soyent confrontées avec les actes qui concernent cet avanturier.

3-o. Vous me marquez que Sa Majesté l'Empereur a daigné vous charger de s'enquérir de mon opinion quant au contenu du supplément à l'instruction qui doit servir aux colonels de la gendarmerie sous vos ordres. Je trouve ce supplément parfaitement conforme au bien du service; mais il serait encore à désirer que dans le 4-me paragraphe où il est question des plaintes ou suppliques ayant pour objet la personne sacrée de Sa Majesté l'Empereur, il fût également fait mention des membres de la Famille Impériale, dont il n'y est point parlé.

Me trouvant investi, d'ordre suprême, d'un pouvoir supérieur sur les gouvernemens des c. d. provinces polonaises incorporées dans l'Empire, je serais d'avis que, tant pour le bien du service que pour éviter tout retard préjudiciable, vous engageassiez les colonels qui y sont chargés de surveiller cette partie, de me rendre compte directement, en même tems qu'ils vous en feront leurs rapports, de tous les évènemens et cas particuliers qui pourraient exiger une disposition qui ne souffrirait aucun délai et qui sans cette mesure en éprouverait nécessairement, vu la distance prodigieuse de la capitale de l'Empire. Il en est de même des gouvernemens limitrophes de c. d. provinces polonaises, comme celui de Kiew etc. dont il pourrait parvenir à la connaissance des commandans de la gendarmerie dans les gouvernemens confiés à ma direction quelque cas extraordinaire et qui serait de nature à réclamer des dispositions dont la prompte exécution serait reconnue opportune. Je vous prie, mon cher général, de soumettre cet objet à Sa Majesté l'Empereur et de me faire connaître en son tems ses hautes résolutions à cet égard.

4-o. La note que vous m'avez fait parvenir concernant la nommée Agathe Dénisowna Lubrowitsch, a fixé mon attention particulière. Je dois vous informer en premier lieu que la supplique qu'elle dit m'avoir adressée contre le procureur du gouv-t de Vilna Botwinko, ne m'est point parvenue, et que je n'ai jamais entendu du frère de cette fille qu'elle nomme Paul Fédorowitch et qui, à ce qu'elle prétend, doit servir au régiment des gardes Sémenowski.

Переводъ. Варшава, 28 Февраля (12 Марта) 1827. Чтобъ отвѣчать по пунктамъ на все, что вы сообщаете въ письмѣ отъ 19 Февраля, скажу вамъ, любезный генералъ:

1-е. Что я нисколько не смущаюсь слухами, ходившими въ С.-Петербургѣ по случаю моего недавняго тамъ пребыванія, и что я не придаю ни малѣйшаго значенія догадкамъ, которыя дѣлались или будутъ дѣлаться публикою по поводу этой поѣздки.

2-е. Такъ какъ документы по производству слѣдствія о Жорданѣ находятся у г-на сенатора Новосильцова, которому я поручилъ производство допросовъ, оказавшееся необходимымъ въ виду болѣе или менѣе лживыхъ заявленій этого человѣка, то я также передалъ ему всѣ присланные вами по приказанію Его Императорскаго и Царскаго Величества документы касательно его пребыванія въ Дерптѣ подъ вымышленными именами Шмидта и барона Гемминга, для того, чтобъ ихъ сравнить съ документами, касающимися этого проходимца.

3-е. Вы сообщаете, что Его Величество Государь Императоръ изволилъ поручить вамъ узнать моего мнѣнія касательно содержанія приложенія къ инструкціи, которою должны руководствоваться находящіеся подъ вашимъ начальствомъ жандармскіе полковники. Я нахожу, что это приложеніе совершенно соотвѣтствуетъ пользѣ службы; но было-бы желательно, чтобъ въ 4-мъ параграфѣ, гдѣ идетъ рѣчь о жалобахъ или просьбахъ, приносимыхъ священной особѣ Его Величества Государя Императора, было-бы также упомянуто о членахъ Императорскаго Дома, о которыхъ тамъ ничего не сказано.

Такъ какъ я облеченъ, по высочайшей волѣ, высшею властію надъ губерніями бывшихъ Польскихъ провинцій, присоединенными къ Имперіи, то полагаю, что было-бы хорошо и для пользы службы, и для избѣжанія всякихъ вредныхъ проволочекъ, если-бы приказали завѣдующимъ тамъ этою частію полковникамъ, одновременно съ отсылкою вамъ своихъ донесеній, непосредственно увѣдомлять меня обо всѣхъ происшествіяхъ и случаяхъ, которые требуютъ не терпящихъ отлагательства распоряженій и которые иначе подверглись-бы такимъ отлагательствамъ вслѣдствіе огромнаго разстоянія отъ столицы Имперіи. Тоже самое можно сказать и о губерніяхъ пограничныхъ съ бывшими Польскими провинціями, какъ напримѣръ о Кіевской и др., если-бы до свѣдѣнія жандармскихъ начальниковъ во ввѣренныхъ моему управленію губерніяхъ дошли какія-нибудь чрезвычайныя происшествія, требующія такихъ распоряженій, быстрое исполненіе которыхъ представляется необходимымъ. Прошу васъ, любезный генералъ, доложить объ этомъ Его Величеству Государю Императору и своевременно увѣдомить меня о его высочайшей волѣ по этому предмету.

4-е. Доставленная вами замѣтка касательно Агаѳьи Денисовны Любровичъ обратила на себя мое особое вниманіе. Я долженъ сообщить вамъ, что я не получалъ жалобы, съ которою, по ея словамъ, она обратилась ко мнѣ на Виленскаго губернскаго прокурора Ботвинко, и что я ничего не знаю о братѣ этой дѣвицы, котораго она называетъ Павломъ Ѳедоровичемъ и который, какъ она увѣряетъ, служитъ въ Семеновскомъ гвардейскомъ полку.

№ 4.

Varsovie, ce 16 (28) mars 1827.

Je vous remercie, mon cher général, de m'avoir transmis les réponses du général Michel Orlow concernant l'aventurier Jordan. Je les ai fait confronter avec les actes et déclarations de cet individu, et je vous informerai en son tems si les éclaircissemens du général Orlow sont suffisans ou non.

J'ai lu avec intérêt les passages de votre lettre relativement à l'étudiant de l'université de Charkow, nommé Sachalsky, aujourd'hui porte-enseigne, par un effet de la clémence paternelle dont Sa Majesté Impériale et Royale a daigné user à son égard, ainsi qu'au sujet des cruautés que le propriétaire foncier dans le gouvernement Wladimir, nommé Passenkow, exerçait conjoinctement avec sa femme sur ses domestiques et paysans. Vous me marquez à cette occasion combien la haute police a essentiellement été utile dans la découverte de ces abus. Certes, mon cher général, l'influence de cette police produira d'autant plus d'effets salutaires qu'elle est confiée à votre direction supérieure.

Переводъ. Варшава, 16 (28) Марта 1827. Благодарю васъ, любезный генералъ, за доставленные мнѣ отвѣты генерала Михаила Орлова касательно авантюриста Жордана. Я приказалъ сличить ихъ съ документами и заявленіями этого человѣка и въ свое время увѣдомлю васъ, достаточны-ли разъясненія генерала Орлова.

Я съ интересомъ прочелъ тѣ мѣста вашего письма, которыя касаются бывшаго студента Харьковскаго университета Сашальскаго, служащаго въ настоящее время юнкеромъ, благодаря отеческому милосердію, оказанному ему Его Императорскимъ и Царскимъ Величествомъ; а также тѣ, которыя касаются жестокостей, которыя совершались во Владимирской губерніи помѣщикомъ Пасенковымъ и его женою надъ домашней прислугой и крестьянами. Вы указываете мнѣ по этому случаю, какъ была полезна дѣятельность высшей полиціи при открытіи этого злоупотребленія. Конечно, любезный генералъ, дѣятельность этой полиціи будетъ имѣть тѣмъ болѣе благотворныя послѣдствія, что она ввѣрена вашему высшему руководительству.

№ 5.

Varsovie, le 26 mars (7 avril) 1827.

L'exhumation du corps du prince Menschikow, effectué par ordre du gouverneur de Tobolsk, est une action tellement extravagante qu'il faut en effet que ce magistrat ait, en cette circonstance, manqué entièrement de réflexion, puisqu'il a été capable de se porter à un fait que le bon sens réprouve. Il est juste que Sa Majesté fasse poursuivre ce procédé avec la dernière rigueur.

Vous m'entretenez, mon cher général, de la sensation qu'a produit sur les Géorgiens et Armeniens, ainsi que sur nos troupes dans ces contrées, l'arrivée inopinée du général d'infanterie baron de Dibitsch à Tiflis. Je vous l'ai déjà dit, et je vous le répète ici, que l'es-

prit de la masse des troupes a toujours été bon; c'est aussi le cas du corps commandé par le général Yermolow. Là, comme ailleurs, il se trouve sans doute quelques têtes écervelées parmi les officiers, quelques esprits turbulens et inquiets; mais ils ne réussiront jamais à faire goûter leurs doctrines pernicieuses au gros de l'armée. Les évènemens de la journée du 14 décembre à S-t Pétersbourg en sont d'ailleurs une preuve irrécusable; tant il est vrai que chacun est pénétré de cette conviction que l'on ne peut parvenir à un bien-être réel que sous un gouvernement ligitime.

J'ai appris avec infiniment de plaisir que le commerce avec l'étranger reprend de l'activité. On ne saurait se dissimuler combien une longue suite d'années de stagnation a influé sur les pertes des particuliers; il n'y a que le commerce qui puisse les relever.

Переводъ. Варшава, 26 Марта (7 Апрѣля) 1827. Выкапываніе смертныхъ остатковъ князя Меньшикова, совершенное по приказанію Тобольскаго губернатора, есть такое безразсудство, которое заставляетъ предполагать, что это должностное лице поступило въ этомъ случаѣ совершенно необдуманно, такъ какъ оно было способно совершить такое дѣло, которое противно здравому смыслу. Справедливо, чтобы Его Величество приказалъ наказать за этотъ поступокъ съ крайней строгостью *).

Вы пишете, любезный генералъ, о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Грузинъ и Армянъ, равно какъ на находящіяся въ тѣхъ странахъ наши войска, неожиданнымъ прибытіемъ въ Тифлисъ генерала отъ инфантеріи барона Дибича. Я уже писалъ вамъ и снова повторяю, что духъ въ войскахъ всегда былъ хорошъ; тоже можно сказать о корпусѣ, находящемся подъ начальствомъ генерала Ермолова. Конечно, и тамъ, какъ повсюду, между офицерами есть буйныя головы, есть мятежные и безпокойные умы; но имъ никогда не удастся расположить большинство арміи въ пользу ихъ пагубныхъ теорій; неопровержимымъ доказательствомъ этого служатъ событія, происшедшія 14 Декабря въ С.-Петербургѣ: такъ сильно общее убѣжденіе, что дѣйствительнаго благосостоянія можно достигнуть лишь при законномъ правительствѣ.

Я съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что заграничная торговля оживилась. Нельзя не сознаться, что много лѣтъ непрерывнаго застоя нанесли частнымъ лицамъ большія потери; одна торговля можетъ ихъ загладить.

---

*) Собственно это не было выкапываніе, а перенесеніе останковъ славнаго князя Меншикова въ болѣе надежное отъ обваловъ мѣсто, при чемъ вскрылось его тѣло съ остатками одежды. Тогдашній Тобольскій губернаторъ (впослѣдствіи составитель Словаря Достопамятныхъ Людей) Д. Н. Бантышъ-Каменскій изъ за того лишился своего мѣста. П. Б.

№ 6.

Varsovie, le 9 (21) avril 1827.

Je vous suis bien obligé d'avoir placé dans votre chancellerie le sourd-et-muet que je vous avais recommandé, et d'avoir ainsi assuré son sort.

J'ai pris lecture des pièces que vous m'avez transmises au sujet de la mort ignomineuse que se sont donnée deux familles de la secte des Pilipons dans le gouv-t de Saratow. Un fait de cette nature soulève le coeur, inspire de l'horreur et met au jour les suites funestes du fanatisme.

Il est bien malheureux que le général Yermolow se soit montré si peu digne de la confiance de Sa Majesté, et je forme les voeux les plus sincères pour que le général Paskewisch répare tous les torts que son prédécesseur a faits. Je vois avec infiniment de peine que ce dernier, qui avait déjà acquis de la réputation et qui aurait pu rendre des services signalés à notre auguste Maître, ait suivi une voie contraire à ses devoirs. Je lui avais prédit, depuis bien longtems, que d'après ses procédés et sa façon de faire il devait s'attendre un jour à une fin pareille. Je me rapelle parfaitement bien qu'à son passage par Varsovie en 1821, il ne s'était point comporté comme il l'aurait du, et que par cette raison je me vis obligé de rompre toutes les relations avec lui. Quoiqu'il en soit, il ne faut pourtant point se faire illusion sur son renvoi. Cela donnera lieu à bien des conjectures; le g-l Yermolow ne manquera pas d'être considéré comme une victime de l'arbitraire, et les journaux étrangers auront une ample matière pour le proclamer à l'Europe comme un innocent sacrifié.

M-me Sobanska s'étant adressée à vous, pour me faire tenir sa lettre dans laquelle elle tâche de justifier ses démarches illégales, je viens de lui répondre aujoud'hui même, et je vous transmets ci-près une copie de ma réponse que je vous prierais de placer sous les yeux de Sa Majesté Impériale et Royale, si vous le jugez à propos.

Переводъ. Варшава, 9 (21) Апрѣля 1827. Я вамъ очень обязанъ, что вы помѣстили въ вашу канцелярію глухо-нѣмаго, котораго я вамъ рекомендовалъ, и тѣмъ обезпечили его судьбу.

Я прочелъ присланныя вами бумаги, въ которыхъ идетъ рѣчь о позорномъ самоубійствѣ двухъ семействъ изъ секты Пилипоновъ въ Саратовской губерніи. Дѣла этого рода глубоко огорчаютъ, внушаютъ отвращеніе и выводятъ наружу пагубныя послѣдствія фанатизма.

Очень сожалѣю о томъ, что генералъ Ермоловъ выказалъ себя столь мало достойнымъ довѣрія Его Величества и искренно желаю, чтобъ генералъ Паскевичъ загладилъ ошибки, сдѣланныя его предшественникомъ. Мнѣ очень больно видѣть, что этотъ послѣдній, уже пріобрѣвши извѣстность и будучи способенъ оказать важныя услуги нашему августѣйшему Государю, пошелъ по пути несогласному съ требованіями долга. Я уже давно предсказывалъ ему, что его способъ себя вести и его образъ дѣйствій должны были рано или поздно имѣть такой конецъ. Я очень хорошо помню, что, въ проѣздъ свой черезъ Варшаву въ 1821, онъ велъ себя не такъ, какъ слѣдовало и что по этой причинѣ я нашелся вынужденнымъ прервать съ нимъ всякія сношенія. Какъ-бы то ни было, но его удаленіе отъ службы не должно вводить насъ въ заблужденіе; оно вызоветъ множество догадокъ; на генерала Ермолова непремѣнно будутъ смотрѣть, какъ на жертву произвола, а иностранныя газеты найдутъ достаточно поводовъ, чтобъ выставлять его въ глазахъ Европы невинною жертвою *).

Такъ какъ г-жа Собаньская обратилась, любезный генералъ, къ вамъ съ просьбой о передачѣ мнѣ ея письма, въ которомъ она старается оправдать свои противозаконныя дѣйствія, то я отвѣчалъ ей сегодня-же и при семъ прилагаю копію съ моего отвѣта, которую прошу васъ показать Его Императорскому и Царскому Величеству, если вы найдете это нужнымъ.

Копія съ письма Великаго Князя Константина Павловича къ г-жѣ Собаньской.

Varsovie, le 9 (21) avril 1827.

Madame. Je viens de recevoir la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date de S-t Pétersbourg du 25 mars dernier, et je m'empresse d'y répondre avec la franchise et la droiture qui m'ont toujours caractérisé. Vous voudrez bien vous ressouvenir, madame, que, l'année revolue, en enfreignant et méprisant les ordonnances en rigueur, vous vous êtes permise de quitter le gouv-t où vous êtes établie, sans vous munir d'un passeport en règle voulue, et vous vous êtes attirée par là le désagrément d'être obligée de retourner sur vos pas; et que dès que vous vous êtes mise en règle, aucun obstacle ne vous a

---

*) Любопытныя письма Великаго Князя Константина Павловича къ Ермолову (1876—1818) напечатаны въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей (1862, кн. 3). Великій Князь называлъ его „патеромъ“ и „патеромъ Груберомъ„ (извѣстный при Павлѣ начальникъ іезуитовъ въ Петербургѣ). „Я всегда былъ и буду одинаковъ съ моею къ вамъ искренностію, и отъ того между нами та разница, что я всегда къ вамъ былъ какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ; а вы, любезный мой и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда съ обманцемъ бывали.“

été fait de venir à Varsovie. Cette fois-ci vous avez agi de la même manière illégale, en vous rendant à S-t Pétersbourg sans être munie d'un passeport de votre gouverneur, et pour en obtenir un, c'est d'Odessa ou d'un autre endroit que vous vous l'êtes procuré. Toute démarche tortueuse, peu franche, et par laquelle l'on surprend la vigilance du gouvernement, qui tôt ou tard le découvre, emporte avec soi ses propres peines et désagrémens. Ainsi donc, madame, veuillez n'attribuer qu'à vous-même, à votre façon de faire et à votre conduite volontaire, les désagrémens qui ont pu vous arriver et que j'aurais désiré vous faire éviter, en vous trouvant dans la marche légale, aussi calme et aussi soumise que d'autres dames qui sont dans la même position que vous, madame, vu l'arrestation de leurs maris, et qu'elles ont suivi et suivent constamment. A leur tête je mets la princesse Poline Yablonowska, qui certainement, et je n'en doute pas, sera un des premiers titres à la clémence que Sa Majesté Impériale et Royale se plaira de répandre sur le sort de son mari. Si vous, madame, vous vous seriez adressée au gouverneur de la province, ou à moi, pour obtenir le passeport voulu, je me serais empressé de vous le faire délivrer et n'y aurais mis aucune difficulté.

Au reste, madame, je vous le répète encore une fois que les désagrémens que vous vous attirez, vous ne devez les attribuer qu'à vous-même. Quant à moi, je n'ai fait que mon devoir en soumettant à la connaissance de S. M. l'Empereur et Roi l'illégal de votre conduite.

Переводъ съ письма Великаго Князя къ г-жѣ Собаньской. Варшава, 9 (21) Апрѣля 1827. Милостивая государыня, я получилъ ваше письмо изъ С.-Петербурга отъ 28 прошедшаго Марта и спѣшу отвѣчать на него съ той откровенностью и съ тѣмъ чистосердечіемъ, которыми я всегда отличался. Прошу васъ, милостивая государыня, припомнить, что въ прошломъ году, въ нарушеніе существующихъ постановленій, вы позволили себѣ, не взявши надлежащаго паспорта, выѣхать изъ губерніи, въ которой вы находитесь на постоянномъ жительствѣ, что вы этимъ навлекли на себя непріятную необходимость возвратиться назадъ, и что съ той минуты, какъ вы подчинились установленнымъ правиламъ, никакое препятствіе не помѣшало вашему пріѣзду въ Варшаву. На этотъ разъ вы поступили также противозаконно, когда отправились въ С.-Петербургъ, не запасшись паспортомъ отъ вашего губернатора, а добывши паспортъ изъ Одессы или изъ какого-то другаго мѣста. Всякій образъ дѣйствій непрямодушный, неоткровенный и клонящійся къ тому, чтобъ обмануть бдительность правительства, рано или поздно обнаруживается и неизбѣжно ведетъ къ огорченіямъ и непріятностямъ. И такъ, милостивая государыня, вы должны приписывать лишь самимъ себѣ, лишь ва-

шему образу дѣйствій и самовольному поведенію тѣ непріятности, которыя вы испытали и отъ которыхъ я желалъ-бы, чтобъ вы избавились, ведя себя такъ-же законно, спокойно и покорно какъ и другія дамы, находящіяся въ одинаковомъ съ вами положеніи вслѣдствіе арестованія ихъ мужей, за которыми онѣ послѣдовали и постоянно слѣдуютъ. Во главѣ ихъ я ставлю княгиню Полину Яблоновскую, поведеніе которой, я въ томъ не сомнѣваюсь, будетъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ милосердію, которое Его Императорскому и Царскому Величеству угодно будетъ излить на участь ея мужа. Если-бы, милостивая государыня, вы обратились, для полученія надлежащаго паспорта, къ мѣстному губернатору или ко мнѣ, я поспѣшилъ-бы приказать выдать его вамъ и не возбудилъ-бы никакихъ затрудненій. Впрочемъ, повторяю вамъ, милостивая государыня, что непріятности, которыя вы навлекли на себя, должны быть приписаны вамъ самимъ. Что-же касается меня, то я лишь исполнилъ мою обязанность, доведя до свѣдѣнія Его Императорскаго и Царскаго Величества о противозаконности вашего образа дѣйствій.

№ 7.

Vavsovie, le 15 (27) avril 1827.

Vous me mandez les nouvelles qui vous sont parvenues sur l'effet imprévu qu'a produit dans le public le renvoi du g-l Yermolow et à cette occasion, vous me transmettez, d'ordre de l'Empereur et Roi, une note qui a été présentée à Sa Majesté pour lui rendre un compte fidèle des menées des partis qui se sont formés pour soutenir la cause du général sus-mentionné. J'ai lu cette note avec beaucoup d'intérêt et en vous la restituant aujourd'hui, je vous prie, mon cher général, de me mettre aux pieds de Sa Majesté Impériale et Royale pour la grâcieuse communication qu'elle a daigné m'en faire. Les circonstances que cet écrit développe; la tendance des esprits malveillans que la disgrâce du général Yermolow a reveillés, j'avais pressenti tout cela, mon cher général; j'en ai parlé pendant mon dernier séjour à S-t Pétersbourg; je vous en ai même entretenu dans ma dernière lettre du 9 (21) avril courant; et par conséquent je ne m'étonne nullement de ce qui en est maintenant.

Переводъ. Варшава, 15 (27) Апрѣля 1827. Вы сообщаете мнѣ дошедшія до васъ свѣдѣнія о неожиданномъ впечатлѣніи, произведенномъ на публику удаленіемъ генерала Ермолова, и по этому случаю присылаете мнѣ, по приказанію Государя Императора и Царя, представленную Его Величеству записку, въ которой въ точности изложены происки партій, образовавшихся съ цѣлію поддерживать интересы вышеупомянутаго генерала. Я прочелъ эту

записку съ большимъ интересомъ и, возвращая вамъ ее, прошу васъ, любезный генералъ, положить къ стопамъ Его Императорскаго и Царскаго Величества выраженія моей признательности за то, что ему угодно было удостоить меня ея сообщеніемъ. И подробности, изложенныя въ этой запискѣ, и стремленія, возбужденныя въ злонамѣренныхъ людяхъ опалою генерала Ермолова,—все это я предвидѣлъ, любезный генералъ, обо всемъ этомъ я говорилъ во время моего послѣдняго пребыванія въ С.-Петербургѣ и даже писалъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ отъ 9 (21) Апрѣля, и стало быть никакъ не могу удивляться тому, что̀ случилось.

Въ № 8-мъ, отъ 23 Марта (5 Апрѣля) говорится о полученіи списка лицъ для жандармскихъ должностей и о томъ, что ни одно изъ этихъ лицъ не соотвѣтствуетъ желанію Великаго Князя.

№ 9.

Varsovie, le 30 avril (12 mai) 1827.

Vous me communiquez, mon cher général, les détails relatifs aux services du s-r Fock, directeur de la 3-me section de la chancellerie impériale, et à la manière dont il s'acquitte de ses fonctions; je les ai lus avec intérêt et vous remercie de m'en avoir fait part.—Vous sentez parfaitement bien que le Juif Iwens ayant été amené et interrogé ici par ordre suprême, je ne pouvais ni devais faire autrement que de rendre un compte fidèle à Sa Majesté Impériale et Royale des dispositions et accusations que cet individu a faites à l'égard du s-r Fock et autres. Toutes les déclarations du Juif Iwens sont dénuées de fondement, et conséquement elles ne sauraient provoquer aucune démarche près du gouvernement polonais ni près des autorités dans les pays étrangers. J'ai d'ailleurs eu déjà l'honneur, par mon humble note du 3 avril v. st. № 717, de rendre compte à l'Empereur et Roi de toutes les particularités concernant le Juif sus-mentionné, qui continue à être gardé en prison à Varsovie, et j'attends seulement les ordres qu'il plaira à Sa Majesté Impériale et Royale de me donner quant à son acheminement ultérieur de cette ville. Dans le cas où cette affaire ne fût point encore résolue à l'arrivée de ma présente lettre, je vous prierais de la ressouvenir à Sa Majesté, si vous en trouvez occasion.

Переводъ. Варшава, 30 Апрѣля (12 Мая) 1827. Вы сообщаете мнѣ, любезный генералъ, подробности касательно заслугъ директора 3-го отдѣленія императорской канцеляріи г. Фока, и касательно того, какъ онъ исполняетъ свои служебныя обязанности; я прочелъ это сообщеніе съ интересомъ и благодарю васъ за него. Вы конечно поймете, что такъ какъ Еврей Ивенсъ

былъ доставленъ сюда и подвергнутъ допросу по высочайшему повелѣнію, то я не могъ и не долженъ былъ поступать иначе, какъ представить Его Императорскому и Царскому Величеству вѣрный отчетъ о показаніяхъ и обвиненіяхъ, сдѣланныхъ этимъ Евреемъ касательно г. Фока и другихъ. Всѣ заявленія Еврея Ивенса лишены основанія, и стало быть они не должны служить поводомъ для какихъ-либо обращеній къ Польскому правительству или къ властямъ въ чужихъ краяхъ. Впрочемъ, въ моей всеподаннѣйшей запискѣ отъ 3 Апрѣля стар. ст. за № 717 я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Государя Императора и Царя о всѣхъ подробностяхъ касательно вышеупомянутаго Еврея, который все еще содержится въ Варшавской тюрьмѣ, и я только ожидаю приказаній Его Императорскаго и Царскаго Величества касательно высылки его изъ этого города. Въ случаѣ, еслибы это дѣло еще не было рѣшено въ то время, какъ вы получите это письмо, я просилъ бы васъ напомнить о немъ Его Величеству, если представится къ тому случай.

Въ 10-мъ № отъ 7 (19) Мая 1827 года, благодарность за поздравленіе со днемъ рожденія.

№ 11.

Varsovie, le 3 (15) juin 1827.

Mon cher général. J'ai lu avec infiniment d'intérêt les détails contenus dans la lettre du 24 mai v. st. que vous m'avez écrite après votre retour de Wiasma.

Vous me marquez, en premier lieu, que, malgré l'absence de Sa Majesté Impériale et Royale de S-t Pétersbourg, tout y a été dans le meilleur ordre. Ceci prouve d'abord que l'esprit du public est revenu des erreurs dans lesquelles il avait été entraîné par les machinations de quelques têtes exaltées, comme cela me convaint aussi que les autorités locales ont, depuis la malheureuse catastrophe, repris cette énergie et cette vigueur dans l'accomplissement des ordres de leur Souverain: qualités qui seules sont capables de produire des effets salutaires pour le maintien de la tranquillité publique. C'est là l'unique ressort au moyen duquel on sera toujours sûr de circonscrire chaque sujet de Sa Majesté dans le cercle de ses devoirs et de lier les mains à tout mutin qui oserait tenter de les transgresser. L'expérience des siècles et de toute sorte de gouvernemens a démontré qu'on ne saurait y apporter assez de précaution ni assez de vigilance.

L'état satisfaisant dans lequel ont paru devant Sa Majesté les troupes réunies près de Wiasma, et particulièrement la cavalerie, n'a pu que me faire le plus grand plaisir. Ce plaisir augmente à mesure que

je considère les difficultés que, d'après ce que vous me mandez, plusieurs dans ce corps ont dû essuyer dans leur concentration. J'ai été enchanté d'apprendre que ces troupes ayent toutes été honorées de la haute approbation et satisfaction de Sa Majesté notre auguste Maître, et je me permettrai de réitérer ici, avec un plaisir réel, ce dont je vous ai déjà assuré bien des fois, que l'esprit du gros de l'armée a toujours été le meilleur.

Pour ce qui est de l'état de la marine, je suis bien peiné de la voir tellement en arrière, surtout sous le rapport de son administration; mais je ne doute nullement qu'avec l'intérêt particulier que Sa Majesté daigne vouer à cette partie, et avec la coopération des généraux et autorités auxquels elle est confiée actuellement, tous les abus ne cessent et qu'elle ne soit remise sur un pied désirable. Les 20 vaisseaux tant de ligne que des frégates qui, d'après ce que vous me dites, ont dû paraître le 2 juin v. st. à la rade de Cronstadt, sont en effet et seront partout considérés comme un chef d'oeuvre d'activité, et il ne me reste, en cette occasion, qu'à former les voeux les plus sincères pour que cette flotte soit assez heureuse de répondre, à tous égards, au but que Sa Majesté s'est proposé en la créant.

«P. S. Gare seulement aux Anglais qui, seuls maîtres des mers, s'étant emparé et détruit les flottes des autres puissances, ne les trouvent de leur goût et à leur avantage pour s'en rendre*), et alors ce serait bien des peines et de l'argent de perdus. Je dois cette vérité et mes observations à la confiance que je vous porte».

Переводъ. Варшава, 3 (15) Іюня 1827. Я съ чрезвычайнымъ интересомъ прочелъ, любезный генералъ, подробности, содержащіяся въ письмѣ отъ 24 Мая, которое вы написали мнѣ послѣ вашего возвращенія изъ Вязьмы. Вы пишете, что, не смотря на отсутствіе Его Императорскаго и Царскаго Величества изъ С.-Петербурга, тамъ поддерживался наилучшій порядокъ. Это доказываетъ, что общественное мнѣніе отказалось отъ заблужденій, въ которыя оно было вовлечено кознями нѣсколькихъ пылкихъ головъ; это также убѣждаетъ меня въ томъ, что, со времени несчастной катастрофы, мѣстныя власти снова воодушевились той энергіей и рѣшительностью при исполненіи приказаній своего Государя, которыя только и могутъ принести благотворные плоды въ дѣлѣ охраненія общественнаго спокойствія. Это единственное средство, съ помощію котораго всегда можно будетъ удерживать каждаго изъ подданныхъ Его Величества въ сферѣ его обязанностей

*) Два слова не можемъ разобрать. П. Б.

и связывать по рукамъ каждаго мятежника, который попытался бы ихъ нарушить. Опытъ вѣковъ и всякаго рода правительствъ доказалъ, что для этого никакая предусмотрительность и бдительность не будутъ излишними.

Прекрасный порядокъ, въ которомъ предстали передъ Его Величествомъ собранныя близъ Вязьмы войска, и въ особенности кавалерія, не могъ не доставить мнѣ самаго большаго удовольствія; это удовольствіе усиливается по мѣрѣ того, какъ я вникаю въ трудности, съ которыми, по вашимъ словамъ, многимъ изъ этихъ корпусовъ пришлось бороться при ихъ сосредоточеніи. Мнѣ было въ высшей степени пріятно узнать, что всѣ эти войска были удостоены выраженій высокаго одобренія и удовольствія Его Величества, нашего Августѣйшаго Государя; и я позволю себѣ съ истиннымъ удовольствіемъ повторить вамъ то, въ чемъ я васъ не разъ увѣрялъ,—что духъ въ арміи всегда былъ превосходный.

Что касается положенія флота, мнѣ очень больно знать, что онъ до такой степени неудовлетворителенъ въ особенности въ томъ, что̀ касается его администраціи; но я нисколько не сомнѣваюсь, что при особомъ вниманіи, съ которымъ Его Величество относится къ этому предмету, и при содѣйствіи генераловъ и властей, которымъ онъ теперь порученъ, всѣ злоупотребленія прекратятся, и флотъ снова будетъ поставленъ на желаемую ногу. Тѣ 20 линейныхъ кораблей и фрегатовъ, которые, какъ вы мнѣ сообщаете, должны были появиться 2 Іюня стар. ст. на Кронштадскомъ рейдѣ, дѣйствительно служатъ и будутъ въ глазахъ всѣхъ служить свидѣтельствомъ образцовой дѣятельности; мнѣ остается лишь высказать по этому случаю самое искреннее желаніе, чтобъ этотъ флотъ соотвѣтствовалъ во всѣхъ отношеніяхъ той цѣли, которую Его Величество имѣлъ въ виду, созидая его.

„P. S. Надо только опасаться Англичанъ, которые, будучи обладателями морей, овладѣвая флотами другихъ державъ и уничтожая ихъ, посмотрятъ неблагопріятно на него (т.-е. на нашъ флотъ)... Стало быть много трудовъ и денегъ потратятся даромъ. Эта истина и мои замѣчанія вызваны довѣріемъ, которое я къ вамъ питаю".

№ 12.

Varsovie, le 17 (29) juin 1827.

Vous me mandez que la tendance des esprits, dans les circonstances actuelles, se porte particulièrement sur les nouvelles politiques et guerrières et qu'on ne se mêle plus de discussions législatives, surtout par la raison que les mesures du gouvernement inspirent de jour en jour plus de confiance. Cette disposition des esprits ne peut être qu'infiniment utile aux vues du gouvernement.

Il n'est point surprenant que la guerre avec la Perse offre aussi peu d'intérêt pour le public et que les nouvelles qui s'y rapportent l'ennuyent même. Je suis persuadé que la marche des opérations dans un pays si éloigné n'a nullement occupé jusqu'ici et n'occupera jamais notre public.

Les affaires de la Grèce intéressent en quelque sorte toute l'Europe; cela est démontré. Mais il ne faut point se dissimuler que les Anglais, jaloux de leur domination absolue sur la mer et guidés par l'unique intérêt de retirer les plus grands avantâges de leur commerce, mettront tout en oeuvre pour rendre infructueux les efforts que l'on serait dans le cas de tenter sur mer en faveur des Grecs, et je crains beaucoup que l'expédition destinée pour la Mediterrannée n'éprouve ce sort: car, tels que les Anglais nous sont connus, ils ne ménageront ni frais, ni sacrifices pour permettre que cette flotte soit jamais à même de prendre seulement possession d'une île quelconque.

Les Grecs ont beau mettre en avant la religion qu'ils professent; ne voyant que leur propre intérêt, les Anglais resteront toujours avec le parti qui leur sera le plus avantageux. Le gain les guide, et s'ils prévoyaient pouvoir retirer plus de profit des Grecs que des Turcs, ils ne hésiteraient pas de se déclarer pour les premiers; mais cela n'étant pas, ils continueront à rendre leurs marchandises comme aussi des objets d'armement, aux uns et aux autres, sans que, dans leur politique, cela les empêche de se ranger du côté du plus fort ou d'agir contre lui.

Je suis bien loin de vouloir, par l'idée que j'ai conçue des opérations de la Grande-Bretagne, influer, dans la moindre des choses, sur les directions qui seront données à notre flotte nouvellement armée; mais, fidèle à mes principes, je vous expose franchement mon opinion. Vous dites très-bien que la voix publique ne décide heureusement pas sur les intérêt de l'état; rien de plus vrai; cependant il ne l'est pas moins que la prédomination des Anglais sur toutes les mers est généralement connue.

Le désordre que le conseiller d'état actuel Gorlow s'est permis en usant d'une indulgence coupable envers les auteurs des crimes et attentats commis le 14 décembre, ne m'étonnent aucunement. Veuillez seulement vous rappeler si, pendant mon dernier séjour à Moscou, je ne vous ai pas prédit ce relâchement des autorités de la Sibérie. Je vous l'ai encore confirmé cette année-ci à S-t Pétersbourg, en présence du général comte Tolstoy. Ma prédiction ne s'est que trop vérifiée.

Переводъ. Варшава, 17 (29) Іюня 1827. Вы сообщаете, что влеченіе умовъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, направлено преимущественно на

извѣстія политическія и военныя и что законодательные вопросы никого уже не интересуютъ въ особенности по той причинѣ, что принимаемыя правительствомъ мѣры съ каждымъ днемъ внушаютъ все болѣе довѣрія. Такое расположеніе умовъ чрезвычайно полезно для цѣлей правительства.

Нисколько неудивительно, что война съ Персіей мало интересуетъ публику и что касающіяся ея извѣстія даже начинаютъ надоѣдать. Я убѣжденъ, что ходъ военныхъ дѣйствій въ столь отдаленной странѣ и до сихъ поръ нисколько не интересовалъ нашу публику и никогда не будетъ интересовать ее.

Греческія дѣла интересуютъ нѣкоторымъ образомъ всю Европу, это не подлежитъ сомнѣнію. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что Англичане, стараясь поддержать свое исключительное господство на моряхъ и руководствуясь лишь желаніемъ извлекать изъ своей торговли какъ можно болѣе выгодъ, употребять все, чтó можно, въ дѣло для того, чтобъ сдѣлать безплоднымъ всякое морское предпріятіе въ пользу Грековъ, и я очень опасаюсь, что экспедиція, назначенная въ Средиземное море, подвергнется именно такой участи; вѣдь мы достаточно знаемъ Англичанъ, чтобъ быть увѣренными, что они не пожалѣютъ ни денегъ ни жертвъ для того, чтобъ этотъ флотъ не могъ овладѣть хоть какимъ-нибудь островомъ.

Какъ бы Греки ни старались поставить на первомъ планѣ вѣру, которую они исповѣдуютъ, Англичане, руководствующіеся лишь своими собственными интересами, всегда примутъ ту сторону, которая доставитъ имъ больше выгодъ. Они заботятся о наживѣ и еслибы они могли предвидѣть, что Греки дадутъ имъ болѣе барыша, чѣмъ Турки, они безъ колебаній приняли-бы сторону первыхъ; но такъ какъ на дѣлѣ выходитъ иначе, то они будутъ по прежнему продавать и свои товары и военные запасы и тѣмъ и другимъ; но въ ихъ политикѣ это не помѣшаетъ имъ или стать на сторону того, кто сильнѣе, или на оборотъ.

Высказывая мое мнѣніе о военныхъ дѣйствіяхъ Великобританіи, я вовсе не желаю въ чемъ бы то ни было подѣйствовать на направленіе, которое будетъ дано нашему вновь сооруженному флоту; но, оставаясь вѣренъ моимъ началамъ, я откровенно сообщаю вамъ, чтò думаю. Вы совершенно основательно замѣчаете, что голосъ публики къ счастію не рѣшаетъ вопросовъ, касающихся государственныхъ интересовъ; это вполнѣ вѣрно, однако не менѣе вѣрно и то, что господство Англичанъ на всѣхъ моряхъ есть всѣми признаваемое дѣло.

Меня нисколько не удивляетъ нарушеніе порядка, которое дозволилъ себѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Горловъ, выказавъ преступную снисходительность къ виновникамъ преступленій и посягательствъ, совершенныхъ 14 Декабря. Прошу васъ только припомнить, не предсказывалъ ли я вамъ, во время моего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ, такой распущен-

ности Сибирскихъ мѣстныхъ властей. Я вамъ тоже подтверждалъ въ настоящемъ году въ С.-Петербургѣ, въ присутствіи генерала графа Толстаго. Мое предсказаніе слишкомъ точно оправдалось.

№ 13.

Varsovie, le 25 juin (7 juillet) 1827.

En m'exposant l'état de notre marine après la mort de Pierre-le-Grand, vous me dites que, depuis cette époque, la question de savoir si l'entretien d'une flotte considérable était utile à l'Empire de Russie, ressemblait beaucoup à celle qui fut agitée avant la campagne de 1812 et qui, inventée pour occuper des gens faibles, mettait en discussion la possibilité de s'armer contre Napoléon. Je vous dirai à ceci, mon cher général, qu'ayant été honoré de la confiance de feu l'Empereur, cette dernière question fut souvent l'objet de notre entretien, et que Sa Majesté défunte me disait toujours que pour ce qui concernait les forces physiques de ses états, elle ne céderait en rien à son adversaire, tout puissant qu'il était; mais que toutefois les moyens extraordinaires et les talens de ce dernier lui donnaient un grand avantage sur nous. Je conviens que Pierre-le-Grand, créateur de notre marine, a fait des prodigues avec un petit nombre de vaisseaux, comme je suis d'accord aussi que notre marine était assez florissante sous le règne de l'Impératrice Catherine II, qui, vu son prospérité d'alors, refusa la médiation de l'Angleterre dans la guerre entre la Russie et la Turquie, et que plus tard nos vaisseaux s'étaient même ouverts la route pour passer nos troupes à travers du détroit des Dardanelles et les débarquer à Corfou. En parlant de ces deux époques, il ne faut point passer sous silence les causes qui avaient produit ces effets. Dans la première l'Angleterre ne pouvait point encore agir avec cette conviction de sa prépondérance sur mer, qu'elle le fait maintenant. Elle avait à combattre alors: 80 vaisseaux de ligne français, 60 espagnols, 40 hollandais, 30 suédois, 15 danois, 20 napolitains, sardes, génois, venitiens, de l'île de Malthe, et 30 russes, ce qui fait un total de 275 vaisseaux de ligne,—tandis que la Grande-Bretagne n'en possédait en tout que 200. Pour ce qui est de l'époque subséquente, savoir celle de 1798 et 1799, le théâtre de la guerre fut en Italie. Notre flotte réunie avec celle du Grand-Seigneur, et commandées toutes deux par notre amiral Ouchakow, agissait de commun contre les Francais. Dans cet état de choses il n'est pas surprenant que nos vaisseaux n'éprouvaient alors aucun empêchement pour paraître, selon le besoin, tantôt sur la Mé-

diterrannée et tantôt sur la Mer Noire, en traversant les Dardanelles.

Je conviens avec vous que depuis bien longtems des Anglais ont servi dans notre marine; mais permettez-moi de vous faire observer ici, qu'à peine la quatrième partie de ces individus était-elle bonne à quelque chose, tandis que le reste, ayant été le rebut des officiers de la marine anglaise, ils n'étaient venus pour être employés chez nous que dans la vue de s'assurer un moyen d'existence quelconque, et ceux-là n'étaient guères capables de former de bons officiers, et moins encore de donner du lustre à notre marine.

Vous me dites plus loin, que l'Angleterre n'ayant point à craindre notre force navale, n'en sera jamais jalouse. Je soutiens qu'elle le sera toujours, tant qu'elle verra un seul bâtiment sur mer. Pendant la campagne d'Italie, les Anglais faisaient cause commune avec nous; mais dès qu'ils se furent sentis en force de satisfaire à leur ambition, ils conçurent le désir de ne pas nous laisser l'île de Malthe, comme point de dépôt. Pour y parvenir, ils rompirent dès lors toute relation avec nous, nous enlevèrent cette île, et il ne nous fut plus possible d'y jetter trois bataillons seulement. Cette même ambition les a portés plus tard à brûler une chétive flotte de Danemarc, ainsi que la capitale de cet état.

Quant à la prétendue crainte des Anglais que nous ne nous rendissions un jour maîtres de leurs possessions dans les Indes, cette idée est, à mon avis, des plus érronées et entraînerait notre pays à des sacrifices et des dépenses qu'il ne pourrait supporter sans se ruiner; et si même nous serions secondés par une révolution comme celle qui a eu lieu dans les États-Unis d'Amérique, qui se sont soustraits de cette manière à l'Empire de la Grande-Bretagne, il faudrait, à mon avis, s'il était possible, remprimer cette révolte, au lieu d'en profiter. La France a eu cette malheureuse politique lors de l'émancipation de l'Amérique, et en a rapporté tous les germes de sa trop funeste révolution, qui a porté les têtes de ses souverains sur l'échafaud et a mis tout le monde dans l'état de révolution continuelle où il se trouve jusqu'à ce moment; lorsqu'au contraire, si, faisant taire le profit d'un moment, elle aurait joint ses forces avec celle d'Angleterre pour réprimer cette révolution, le monde entier serait resté dans la paix et l'ordre.

Il est connu que notre marine n'a jamais protégé les vaisseaux marchands et qu'elle ne saurait nullement les protéger. Vous me dites que le commerce a sensiblement baissé chez nous, depuis que nous n'avions plus des vaisseaux de guerre. Mais le commerce est déchu dans toute l'Europe. Les Anglais se sont emparés de toutes ses branches, il n'y a qu'une voix là-dessus, et, malgré la paix apparente avec

l'Angleterre, nous sommes dans un état de guerre permanent avec cette puissance, et la preuve en est le dernier bill des grains retiré par un simple esprit de partie. Les Anglais ont fait du commerce leur monopole et ne permettront plus aucun partage des revenus qu'il en retirent. Leur cornbill en est une preuve sans réplique.

J'ignore comment la Russie a pu posséder 600 vaisseaux marchands que vous me dites avoir, dans le tems, couvert la Méditerranée. Le fait est qu'à l'époque où nous étions en possession des îles Ioniennes, la plupart des vaisseaux marchands, dont vous me parlez, appartenaient à des Grecs qui arboraient alors notre pavillon et qui, s'ils avaient aujourd'hui la protection de la Russie, n'auraient pas manqué de se servir de son pavillon.

Si, ainsi que vous me le marquez, les petites vanités de certains ministres étrangers, déchus d'une partie de leur influence, sont capables d'induire ceux-ci en erreur,—ne pourrait-on pas supposer, pour un moment, qu'il y en ait aussi parmi les nôtres, dont les efforts, soutenus uniquement par leurs petites vanités, ne sauraient, à mon avis, tourner autrement qu'au préjudice des intérêts politiques que Sa Majesté a en vue. Si la chose n'est point prouvée, convenez au moins que le cas, tel que je l'avance, est possible.

Croyez moi, mon cher général, qu'ayant 32 années de service non-interrompu, j'ai acquis quelque expérience dans le long espace du tems.

Quant à l'affaire des Grecs, feu l'Empereur m'en a souvent parlé, et certes ce n'étaient pas les difficultés matérielles qui l'arrêtaient de prendre une part active dans cette besogne; mais sa prévoyance empêcha ses sujets de se trouver en contact avec les êtres qui y agissaient et qui sont, pour ainsi dire, le rebut et les aventuriers du monde entier. Si cette cause était simple, elle n'eût pas été certainement soutenue par les libéraux de l'univers entier et qui trouvent comme le pinacle de l'esprit dans l'émancipation des peuples contre l'autorité légitime, telle qu'elle fût. Cette cause sera toujours soutenue par cet esprit du siècle; elle donnera beaucoup de chances, beaucoup d'envie, beaucoup d'espérances. La permettre d'un côté nécessiterait, pour être juste, de la soutenir d'un autre. Je m'arrête là et ne vais pas plus loin. La justice est la même pour tout le monde; une déviation amène des conséquences que l'on ne saurait prévoir.

Переводъ. Варшава, 25 Іюня (7 Іюля) 1827. Описывая положеніе нашего флота послѣ смерти Петра Великаго, вы говорите, что съ той эпохи вопросъ о томъ, полезно ли для Россійской Имперіи содержаніе значитель-

наго флота, очень похожъ на тотъ вопросъ, который обсуждался передъ кампаніей 1812 года, который былъ придуманъ для того, чтобъ занимать слабоумныхъ людей и который находился въ связи съ вопросомъ о томъ, есть ли возможность бороться съ Наполеономъ. Я вамъ скажу на это, любезный генералъ, что такъ какъ я былъ почтенъ довѣріемъ покойнаго Императора, то этотъ послѣдній вопросъ часто бывалъ сюжетомъ нашихъ разговоровъ; покойный Государь всегда говорилъ мнѣ, что въ томъ, что касается матеріальныхъ силъ его владѣній, онѣ ни въ чемъ не уступаютъ силамъ его противника, какъ бы онъ ни былъ могуществененъ, но что чрезвычайные ресурсы этого послѣдняго и его дарованія даютъ ему большой надъ нами перевѣсъ. Я согласенъ, что творецъ нашего флота Петръ Великій дѣлалъ чудеса съ небольшимъ числомъ кораблей; я точно также согласенъ съ тѣмъ, что нашъ флотъ находился въ довольно цвѣтущемъ состояніи въ царствованіе императрицы Екатерины II, которая, благодаря его тогдашнему хорошему состоянію, не захотѣла принять посредничества Англіи въ войнѣ между Россіей и Турціей, и что впослѣдствіи наши корабли проложили себѣ путь, чтобъ перевезти наши войска черезъ Дарданельскій проливъ и высадить ихъ въ Корфу. Говоря объ этихъ двухъ эпохахъ, не слѣдуетъ умалчивать о причинахъ, доставившихъ такіе результаты. Въ первую изъ этихъ эпохъ Англія еще не могла дѣйствовать съ такой же увѣренностью въ своемъ преобладаніи на моряхъ, съ какой она дѣйствуетъ теперь. Въ то время она имѣла противъ себя: 80 Французскихъ линейныхъ кораблей, 60 Испанскихъ, 40 Голландскихъ, 30 Шведскихъ, 15 Датскихъ, 20 Неаполитанскихъ, Сардинскихъ, Генуезскихъ, Венеціанскихъ и съ острова Мальты и 30 Русскихъ. Все это вмѣстѣ составляетъ 275 линейныхъ кораблей, тогда какъ у Великобританіи ихъ было только 200. Что касается второй эпохи, т.-е. 1798 и 1799 гг. то театромъ войны была въ то время Италія. Нашъ флотъ дѣйствовалъ противъ Французовъ сообща съ Турецкимъ флотомъ подъ общимъ начальствомъ нашего адмирала Ушакова. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ наши корабли не встрѣчали никакого препятствія для прохода черезъ Дарданеллы, смотря по надобности, то въ Средиземное море, то въ Черное.

Я согласенъ съ вами въ томъ, что много времени тому назадъ служили въ нашемъ флотѣ Англичане; но позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на то, что едвали четвертая часть этихъ людей была на что нибудь годна, а остальные принадлежали къ числу самыхъ негодныхъ офицеровъ Англійскаго флота, которые пріѣжали искать у насъ службы только съ цѣлію добыть средства существованія; но изъ нихъ не могло выйти хорошихъ офицеровъ, и еще менѣе можно было ожидать, что они придадутъ какой-нибудь блескъ нашему флоту.

Далѣе вы говорите, что такъ какъ Англія не имѣетъ основанія бояться нашихъ морскихъ силъ, то она никогда не будетъ завидовать имъ. Я утверждаю, что она будетъ завидовать имъ, пока будетъ встрѣчать на моряхъ хоть одно Русское судно. Во время Итальянской кампаніи Англичане дѣйствовали съ нами за одно, но лишь только они почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобъ удовлетворять свое честолюбіе, они пожелали не допускать насъ до обладанія островомъ Мальтою, такъ какъ онъ могъ бы служить для насъ складочнымъ мѣстомъ. Чтобъ достигнуть этой цѣли, они съ той минуты прервали всякія съ нами сношенія, отняли у насъ этотъ островъ, и мы даже не могли съ тѣхъ поръ высадить туда даже трехъ баталіоновъ. Такое же честолюбіе побудило ихъ впослѣдствіи сжечь слабый Датскій флотъ и столицу этого государства.

Что же касается мнимыхъ опасеній Англичанъ, чтобъ мы когда-нибудь не вознамѣрились захватить ихъ владѣній въ Индіи, то это намѣреніе было бы, по моему мнѣнію, крайне ошибочно и вовлекло бы наше отечество въ такія пожертвованія и расходы, которыхъ оно не могло бы вынести, не разорившись; и если бы даже намъ содѣйствовала какая-нибудь революція въ родѣ той, которая совершилась въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, освободившихся этимъ путемъ отъ господства Великобританіи, то по моему мнѣнію слѣдовало бы, если это возможно, подавить это возстаніе, а не пользоваться имъ. Франція держалась этой послѣдней несчастной политики во время эмансипаціи Америки и вынесла изъ нея всѣ зародыши своей пагубной революціи, сложившей на эшафотѣ головы ея королей и ввергнувшей всѣхъ въ то непрерывное революціонное состояніе, которое не прекратилось и до сихъ поръ; если же, напротивъ того, она отказалась бы отъ минутной выгоды и присоединила бы свои военныя силы къ силамъ Англіи для подавленія этой революціи, во всемъ мірѣ не переставали бы царствовать спокойствіе и порядокъ.

Извѣстно, что нашъ флотъ никогда не оказывалъ покровительства нашимъ торговымъ судамъ и что онъ не въ состояніи оказывать такого покровительства. Вы говорите, что наша торговля значительно уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали держать военные корабли. Но не только у насъ, но и во всей Европѣ, торговля пришла въ упадокъ. Англичане захватили всѣ ея отрасли, это утверждаютъ всѣ единогласно. Не смотря на то, что мы по видимому находимся въ мирѣ съ Англіей, мы постоянно ведемъ войну съ этимъ государствомъ, и доказательствомъ этого служитъ то, что послѣдній билль о хлѣбной торговлѣ взятъ назадъ лишь по одностороннему побужденію. Англичане сдѣлали изъ торговли свою монополію и не допустятъ никакого дѣлежа извлекаемыхъ ими изъ нея доходовъ. Неопровержимымъ доказательствомъ этого служитъ ихъ cornbill.

Не понимаю, какимъ образомъ Россія могла имѣть 600 торговыхъ судовъ, которыя, по вашимъ словамъ, когда-то покрывали Средиземное море. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда въ нашихъ рукахъ были Іоническіе острова, торговыя суда, о которыхъ вы говорите, принадлежали большею частію Грекамъ, которые въ то время плавали подъ нашимъ флагомъ, и которые, если бы они находились подъ покровительствомъ Россіи, непремѣнно и теперь пользовались бы этимъ флагомъ *).

Если, какъ вы полагаете, мелкое тщеславіе нѣкоторыхъ иностранныхъ министровъ, отчасти утратившихъ свое вліяніе, способно ввести ихъ въ заблужденіе, то развѣ нельзя предположить, что и между нашими министрами есть люди, усилія которыхъ поддерживаются единственно ихъ мелочнымъ тщеславіемъ и, по моему мнѣнію, могутъ лишь причинить вредъ тѣмъ политическимъ интересамъ, которые имѣетъ въ виду Его Величество. Если это и ничѣмъ не доказано, то по меньшей мѣрѣ согласитесь, что это возможно.

Повѣрьте мнѣ, любезный генералъ, что, состоя въ теченіе 32 лѣтъ непрерывно на службѣ, я въ этотъ долгій промежутокъ времени пріобрѣлъ нѣкоторую опытность.

Что касается Греческихъ дѣлъ, то покойный Императоръ часто говорилъ мнѣ о нихъ, и конечно его удержали отъ дѣятельнаго въ нихъ участія не матеріальныя затрудненія, но его предусмотрительное желаніе предохранить его подданныхъ отъ соприкосновенія съ людьми, которые тамъ дѣйствуютъ и которые составляютъ такъ сказать осадокъ авантюристовъ со всего свѣта. Если бы это дѣло было чисто, за него конечно не вступились бы либералы со всего міра, которые находятъ верхъ ума въ эманципаціи народовъ отъ законной власти, какая бы она ни была. Это дѣло всегда будетъ находить для себя поддержку въ духѣ этого вѣка; оно будетъ доставлять много случаевъ отличиться, будетъ возбуждать зависть и давать надежды. Поддерживать его съ одной стороны значило бы поставить себя въ необходимость, чтобъ быть послѣдовательнымъ, поддерживать его и съ другой. На этомъ я останавливаюсь и не иду далѣе. Справедливость одна для всѣхъ; уклоненіе отъ нея приводитъ къ такимъ послѣдствіямъ, которыхъ нельзя предусмотрѣть.

№ 14.

Kleck, sous Nieswij, le 6 (18) juillet 1827.

Par votre lettre du 22 juin dernier vous me communiquez, mon cher général, les hautes intentions de l'Empereur et Roi au sujet d'un nommé Neymann de la 14 classe, domicilié à Zytomir, qui désire se rendre à S-t Pétersbourg, pour faire à Sa Majesté quelques révélations d'une importance majeure.

---

*) Надо припомнить, что въ 1805 году молодой А. Х. Бенкендорфъ былъ посыланъ на Греческія острова съ негласнымъ порученіемъ набирать охотниковъ для войны въ нашу пользу. П. Б.

Pour vous mettre à même de rendre compte à Sa Majesté, à quelle espèce d'hommes appartient le dit Neymann, je vous envoye ci-près à son égard une note en langue russe. Quoique, au fond, sa demande actuelle ne mériterait aucune attention, et que ce qu'il peut avoir en vue de révéler ne saurait être autre chose que des dénonciations controuvées; néanmoins mon devoir étant de remplir, dans toute son étendue, l'ordre que, par un effet de la confiance dont Sa Majesté daigne m'honorer, elle veut bien me donner relativement à cet individu,—je me suis empressé de prendre les mesures nécessaires, pour qu'il soit amené à Varsovie, et afin de mieux masquer le motif de son départ de Zytomir, qui, ainsi que vous le supposez, pourrait peut-être donner de l'appréhension au gouverneur de la Volhynie, j'ai fait enjoindre au fonctionnaire qui est chargé de le conduire ici, de lui déclarer, à son arrivée à Zytomir, qu'il avait ordre de le mener à S-t Pétersbourg pour vous être présenté avec tous ses papiers, sur lesquels il apposera les scellés. Aussitôt qu'il sera rendu ici, je ne manquerai pas de le questionner moi-même, et je m'empresserai alors de vous faire part de ses dépositions.

Pour ce qui est du nommé Pininski, parmi les papiers duquel vous avez découvert qu'il servait d'entremetteur de la correspondance du s-r Moszynski, cet individu m'est absolument inconnu; je tâcherai toutefois de recueillir des renseignemens circonstanciés à son égard et vous les communiquerai en son tems. Ce que vous me dites, à cette occasion, des relations que plusieurs d'entre les prévenus ont eu à l'extérieur de la forteresse où ils se trouvent enfermés, ne m'étonne nullement. J'en ai eu la preuve par la facilité avec laquelle la dame Sobanska est parvenue à communiquer avec son mari à S-t Pétersbourg,—faveur dont cette personne, qui a eu recours à toute sorte de voies illicites, n'était digne sous aucun rapport, ainsi que cela vous est connu par ma correspondance antérieure. Cette dame, qui depuis a été renvoyée dans ses terres, m'a récemment demandé la permission d'aller à S-t Pétersbourg; je le lui ai refusé. Sa Majesté connaît d'ailleurs tous les détails des menées de la dame Sobanska.

La correspondance du c-te Moszynski et d'autres détenus n'aurait certainement pas eu lieu, si les employés qui sont chargés de les surveiller, eussent rempli leurs devoirs avec cette exactitude et cette précision que le gouvernement est en droit de prétendre de leur part. Il faut que ce relâchement ait été porté à un bien haut degré, puisque des criminels d'état, qui sont censés d'être entourés de gardes, ont joui d'une telle liberté, qu'ils trouvèrent même moyen d'établir une correspondance suivie. Pour prévenir les inconvéniens de cette nature, il faut

exercer une surveillance sévère sur chaque détenu; il faut ne pas le perdre de vue pas même pour un seul instant. Ce sont là les devoirs de la police locale, ainsi que des autorités qui sont appelées à veiller sur celle-ci.

Malgré toute la vigilance et les soins que l'on apporte à surveiller les individus détenus ici, je ne puis toutefois prendre sur moi de garantir pleinement qu'ils n'aient quelques relations secrètes; mais ce qu'il y a de positif, c'est qu'après l'expédition des prévenus d'ici à S-t Pétersbourg, leurs chambres ayant été soigneusement visitées, il ne s'y trouva rien parmi leurs papiers qui eût decélé quelque communication entre eux: c'étaient purement des écrits innocents dont ils s'occupaient durant leur détention, savoir quelques réflexions, prières à Dieu etc.

Je trouve les menées ci-dessus du c-te Moszynski trop graves, pour ne pas être d'avis qu'il est de toute nécessité que le tribunal, qui est appelé à le juger avec ses consors, comprenne parmi les griefs à sa charge les machinations auxquelles il se porte encore du fond de sa prison. Il faut conséquement que le tribunal soit informé de ces circonstances qui, par leur nature, sont susceptibles d'investigations.

‹P. S. Depuis le 30 juin je suis en voyage pour la revue des troupes que la confiance de l'Empereur et Roi a daigné mettre sous mon commandement. Jusqu'ici je suis satisfait de ceux que j'ai vus. Tout semble être tranquille dans le pays que je parcours; peu de plaintes, peu de pétitions m'ont été présentées. Ayant été un peu souffrant ces jours-ci d'une diarrée hémorroïdale, j'ai été obligé de ralentir ma course pour me remettre. Pour le moment je suis déjà mieux et compte partir demain matin en revue des lanciers lithuaniens, après quoi je continuerai pour m'acheminer vers Bresz›.

Переводъ. Клекъ подъ Несвижемъ. 6 (18) Іюля 1827. Письмомъ отъ 22 прошедшаго Іюня вы сообщаете мнѣ, любезный генералъ, высокія предначертанія Государя Императора и Царя касательно нѣкоего Неймана, состоящаго въ 14-мъ классѣ, имѣющаго постоянное жительство въ Житомирѣ и выразившаго желаніе отправиться въ С.-Петербургъ для того, чтобъ сдѣлать Его Величеству нѣкоторыя разоблаченія чрезвычайной важности.

Для того, чтобъ вы были въ состояніи доложить Его Величеству, къ какому разряду людей принадлежитъ этотъ Нейманъ, я прилагаю при семъ на Русскомъ языкѣ записку касательно его личности *). Хотя, въ сущности, его настоящая просьба не заслуживала-бы никакого вниманія, и хотя то, чтò онъ намѣренъ разоблачить, есть ничто иное, какъ какой-нибудь вымышлен-

*) Этой записки у насъ не имѣется. Н. Б.

ный доносъ, тѣмъ не менѣе я обязанъ исполнять во всей точности приказаніе, данное мнѣ Его Величествомъ, а потому и поспѣшилъ принять необходимыя мѣры для того, чтобъ онъ былъ привезенъ въ Варшаву; но чтобъ лучше скрыть причину его отъѣзда изъ Житомира, которая, согласно съ вашимъ предположеніемъ, могла-бы встревожить Волынскаго губернатора, я приказалъ чиновнику, которому поручено привезти его сюда, объявить ему, по прибытіи въ Житомиръ, что его приказано отправить въ С.-Петербургъ для того, чтобъ быть представлену вамъ вмѣстѣ со всѣми его бумагами, которыя будутъ опечатаны. Лишь только онъ прибудетъ сюда, я самъ его допрошу и затѣмъ поспѣшу сообщить вамъ его показанія.

Что-же касается нѣкоего Пининскаго, изъ бумагъ котораго вы узнали, что онъ передавалъ переписку графа Мощинскаго, то я не имѣю никакого о немъ понятія; впрочемъ я постараюсь собрать о немъ подробныя свѣдѣнія и своевременно сообщу ихъ вамъ. Меня нисколько не удивляетъ, что̀ вы пишете о. сношеніяхъ, которыя велись нѣкоторыми изъ заключенныхъ внѣ крѣпости, въ которой они содержатся. Я убѣдился въ этомъ по той легкости, съ которой г-жа Собаньская получила возможность переписываться съ находившимся въ С.-Петербургѣ ея мужемъ, хотя эта особа, прибѣгавшая къ разнымъ противозаконнымъ средствамъ, вовсе не была достойна такой милости, какъ вамъ это уже извѣстно изъ прежнихъ моихъ писемъ. Эта женщина, будучи сослана въ свое имѣніе, недавно просила у меня позволенія отправиться въ С.-Петербургъ; я ей въ этомъ отказалъ. Впрочемъ Его Величеству извѣстны всѣ подробности о проискахъ г-жи Собаньской.

Графъ Мощинскій и другіе заключенные конечно не могли-бы вести переписку, еслибы чиновники, которымъ поручено надъ ними надзирать, исполняли свои обязанности съ той акуратностію и точностію, какихъ правительство въ правѣ требовать отъ нихъ. Должно быть, распущенность дошла до крайней степени, если государственные преступники, окруженные стражей, пользовались такой свободой, что даже нашли возможность вести постоянную переписку. Чтобъ предотвратить злоупотребленія этого рода, необходимо строго наблюдать за каждымъ изъ заключенныхъ, необходимо не терять ихъ изъ виду ни на одну минуту. Таковы обязанности мѣстной полиціи, равно какъ тѣхъ властей, которыя должны наблюдать за сей послѣдней.

Несмотря на бдительность и заботливость, съ которыми наблюдаютъ за содержащимися здѣсь заключенными, я все таки не могу вполнѣ поручиться, чтобъ они не вели тайной переписки; но я могу положительно утверждать, что послѣ отправки нѣкоторыхъ заключенныхъ отсюда въ Петербургъ, ихъ комнаты были тщательно осмотрѣны и въ ихъ бумагахъ не найдено ничего такого, что̀ обнаруживало-бы существованіе между ними переписки; это были невинныя произведенія, которыми они занимались во время своего заключенія, какъ-то разныя размышленія, молитвы и пр.

Я нахожу, что происки графа Мощинскаго такъ важны, что судебное мѣсто, которое будетъ судить его вмѣстѣ съ его сообщниками, должно бы было присовокупить къ пунктамъ обвиненія и тѣ козни, которыми онъ занимался изъ своей тюрьмы. Поэтому необходимо сообщить судебному мѣсту объ этихъ обстоятельствахъ, которыя такого свойства, что требовали-бы разслѣдованія.

„P. S. Съ 30 Іюня я путешествую для обзора войскъ, надъ которыми начальство милостиво ввѣрено мнѣ Императоромъ и Царемъ. До сихъ поръ я доволенъ тѣми, которыхъ видѣлъ. Въ странѣ, которую я проѣзжаю, повидимому все спокойно; мнѣ представленно немного жалобъ и немного прошеній. Будучи эти дни нѣсколько нездоровъ геморроидальнымъ разстройствомъ желудка, я принужденъ дать себѣ отдыхъ и замедлить путешествіемъ. Въ настоящее время мнѣ уже легче, и завтра утромъ я разсчитываю отправиться на смотръ Литовскихъ стрѣлковъ, послѣ чего поѣду дальше по направленію къ Бресту“.

№ 14 б.

Varsovie, le 16 (28) juillet 1827.

En me parlant de l'armée royale polonaise actuelle, vous me marquez, entre autres, qu'elle avait été recrutée par l'animosité nationale contre la Russie et qu'elle a eu des têtes exaltées qui la commandaient. Je vous avoue que j'ignore qu'elle ait jamais été recrutée par le sentiment que vous mettez en avant; je ne sais pas non plus que ses chefs ayent été connus pour des têtes exaltées, à moins que, par méprise, on n'ait confondu d'autres personnes avec les chefs qui ont effectivement commandé l'armée polonaise. Pour ce qui est de cette armée, telle qu'elle est présentement, je puis vous garantir que je n'ai que des éloges à lui donner tant sous le rapport de l'esprit qui l'anime que sous celui de la discipline et de l'ordre qui y sont observés strictement.

Vous me dites plus loin que différentes personnes, tant à Moscou qu'à S-t Pétersbourg, qui avaient été prévenues contre les conjurés polonais, ayant pris lecture du rapport du commité d'inquête de Varsovie, ont changé d'avis et qu'elles avouent même que ceux-ci sont bien moins coupables que les Russes qui sont déjà condamnés. Veuillez vous rappeler seulement de ce que je vous ai déjà dit à ce sujet, et certes il n'y a pas là de comparaison à établir, ni à l'égard du nombre des individus compromis en Pologne, ni sous le rapport du degré de leur culpabilité.

Quant aux vers que vous me dites avoir été trouvés chez le s-r Schischkow, aide-de-camp du général Roudzewitch, ainsi que chez un étudiant de l'université de Moscou, je crois que Schischkow dont il est question ici a été, autant que je m'en ressouviens, est mêlé dans l'affaire des associations secrètes découvertes en Russie, et nommément dans l'association du Midi,—circonstance qu'il vous sera très-facile de constater.

A cette occasion, la seule réflexion que j'ai faite, est celle que, si les jeunes gens s'occupaient plutôt de la connaissance des règlemens du pays que de la politique et de la haute stratégie, cela les empêcherait certainement de faire de mauvais vers.

Переводъ. Варшава, 16 (28) Іюля 1827. Говоря о теперешней Польской арміи, вы между прочимъ замѣчаете, что она была сформирована національнымъ несочувствіемъ къ Россіи и что между тѣми, кто ею командовалъ, были нѣкоторыя экзальтированныя головы. Мнѣ, признаюсь вамъ, неизвѣстно, чтобъ она когда-либо была сформирована подъ вліяніемъ того чувства, о которомъ вы говорите; мнѣ также неизвѣстно, чтобъ ея начальники считались за экзальтированныя головы,—развѣ, быть можетъ, смѣшали другихъ лицъ съ начальниками, дѣйствительно командовавшими Польской арміей. Что-же касается этой арміи въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ настоящее время, то я могу поручиться вамъ, что я могу лишь похвалить ее за господствующій въ ней духъ и за строгое въ ней соблюденіе дисциплины и порядка.

Вы пишете далѣе, что нѣкоторыя предубѣжденныя противъ Польскихъ заговорщиковъ лица, какъ въ Москвѣ такъ и въ С.-Петербургѣ, прочитавъ докладъ Варшавской слѣдственной коммиссіи, измѣнили свое мнѣніе и пришли къ убѣжденію, что даже эти заговорщики гораздо менѣе виновны, чѣмъ тѣ Русскіе, которые уже приговорены къ наказанію. Прошу васъ только припомнить, любезный генералъ, что̀ я вамъ уже высказывалъ по этому предмету; конечно, здѣсь не можетъ быть мѣста ни для какихъ сравненій ни относительно числа людей, компрометированныхъ въ Польшѣ, ни относительно степени ихъ виновности.

Что касается стиховъ, которые, какъ вы мнѣ сообщаете, были найдены у адъютанта генерала Рудзевича, г-на Шишкова, а также у одного изъ студентовъ Московскаго Университета, то я полагаю, что этотъ Шишковъ, сколько могу припомнить, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ Россіи, и именно въ *южномъ* обществѣ,—что̀ вамъ не трудно будетъ провѣрить.

По этому поводу, любезный генералъ, я могу замѣтить только то, что еслибы молодые люди занимались изученіемъ уставовъ своего отечества, а не

политикой и высшей стратегіей, то это, конечно, удержало-бы ихъ отъ сочиненія плохихъ стиховъ.

Въ письмѣ 15-мъ отъ 5 (17) Августа говорится о непрекращающейся болѣзни Великаго Князя.

№ 16.

Varsovie, le 12 (24) août 1827.

J'ai reçu hier, mon cher général, votre lettre datée du 3 août de Kamennoy-Ostrow. Par la note que vous y avez jointe, je remarque que l'on est parvenu à découvrir la trace d'une correspondance clandestine établie entre quelques Polonais à Cracovie. Sachant que cette ville servait de foyer aux esprits malveillans et libéraux, par la nature même de son organisation, je n'ai pas manqué de fixer là-dessus, à plusieurs reprises, l'attention particulière tant de feu l'Empereur et Roi que de Sa Majesté actuellement régnante. Malgré la défense positive de ma part, il se peut toutefois que quelques sujets du royaume de Pologne ou ceux de ci-devant provinces polonaises, qui se trouvent sous ma direction, ayant enfreint cette défense, en trompent la vigilance des autorités. Si en effet il existe une correspondance clandestine, il est naturel que les correspondans usent de toutes les précautions possibles pour communiquer entr'eux; mais il est hors de doute que leurs lettres ne passent point par la poste. Je ne connais pas l'ex-sénateur Lubinski dont il est question dans cette note; la seule chose que je sache c'est que les opinions sur le compte de cet individu sont partagées: les uns disent que cet un intrigant, d'autres que c'est un brave homme; il y en a qui soutiennent que pendant son ministère du tems du duché de Varsovie il s'est beaucoup enrichi; d'autres disent, au contraire, qu'il a géré son emploi avec probité. Je connais ceux de ses enfans qui sont ici, et particulièrement son fils qui a été général. Ils se conduisent tous parfaitement bien, sont tranquilles, obéissans aux autorités, en un mot, on ne peut leur trouver rien à redire.

Il n'est point à ma connaissance que l'on se soit adressé de Cracovie au gouvernement autrichien, pour réclamer son intercession en faveur des sujets mixtes qui se trouvent impliqués dans l'affaire des associations secrètes, et nommément en faveur du c-te Moszynski. Il se peut pourtant que le prince Metternich emploie ce biais pour flatter ainsi les esprits des sujets galiciens. Je sais seulement que le gouverneur de la Galicie, prince Lobkowicz, ayant depuis peu fait la tournée des frontières, vint à Cracovie et se présenta aussitôt chez le président du sénat de cette ville, d'où il partit ensuite directement pour Vienne.

Je puis vous garantir que de mon côté je ne néglige rien pour empêcher que les sujets de Sa Majesté ne se rendent point à Cracovie, et s'il arrive de tems à autre quelque contrvention à mes dispositions, c'est qu'alors il n'est plus en mon pouvoir d'y remédier.

A cette occasion je crois devoir vous communiquer les détails relatifs à un jeune homme nommé Alexandre Walewski. Sa mère, la comtesse Walewska, l'a procréé avec Napoléon, pendant le séjour de ce dernier à Varsovie. Il fut élevé ici et fréquenta même ma maison, où sa bonne conduite et son éducation soignée lui donnèrent accès. Plus tard, ayant été à Genève, pour y terminer ses études, il revint ici imbu de principes pervers et tellement gâté que je ne le reçus plus chez moi. Depuis son retour il mena une vie oiseuse, et flatté par les femmes qui lui firent naître des illusions sur l'élévation de son origine, il demanda à aller à Paris; mais sur mon humble rapport à cet égard à feu l'Empereur et Roi, Sa Majesté a ordonné de lui défendre d'aller en France, tant à cette époque-là que pour l'avenir. Il ne laissa pas toutefois de me demander plus tard, et à plusieurs reprises, cette permission, en alléguant qu'il avait besoin de se rendre à Paris pour y recueillir la succession à lui échue après sa mère, des biens que celle-ci avait reçus de Napoléon. Me tenant strictement aux ordres que Sa Majesté m'avait donnés à son égard, je déclinai chaque fois sa demande. Enfin, le dit Walewski, ayant formé le projet de se rendre à S-t Pétersbourg, sous le prétexte spécieux d'y chercher une place, s'adressa à m-r le sénateur de Nowossiltzow pour en obtenir quelques lettres de récommandation. M-r le sénateur, ayant connaissance des ordres de feu Sa Majesté émanés à l'égard de ce jeune homme, me fit part du projet conçu par celui-ci. Considérant d'un côté l'étourderie de Walewski et de l'autre sa vie oiseuse, il m'était facile de conclure que son soit-disant projet de se procurer un emploi à S-t Pétersbourg n'aboutissait à autre chose qu'à trouver le moyen de se rendre en France; je me fis un devoir d'en rendre compte à l'Empereur et Roi, en exposant en même tems à Sa Majesté que si le jeune Walewski avait sincèrement pris la résolution de se rendre utile en entrant au service, rien ne l'empêcherait alors de s'enrôler dans l'armée polonaise, à l'égal des autrès habitans de ce pays. A la suite de ce rapport je reçus un office de m-r le comte de Diebitch (du 9 juillet a. c.), par lequel j'ai été informé que Sa Majesté a non-seulement approuvé ma proposition, mais qu'elle daignait même me témoigner sa haute satisfaction pour les mesures que j'avais cru devoir prendre à son égard. Ce jeune homme a passé ici tout l'hiver dernier à se livrer au jeu, et il a constamment été en société avec des gens sans moeurs.

A mon grand étonnement j'apprends, par une voie indirecte, que Walewski s'était rendu, je ne sais de quelle manière, à S-t Pétersbourg, qu'il y fut chez le g-l comte Grabowski (Étienne) pour demander son intervention afin d'être aggrégé au Collége des Affaires Étrangères, que ce g-l lui a déclaré ne pouvoir le faire sans mon consentement préalable et qu'enfin, muni d'un passeport du gouverneur-général de S-t Pétersbourg le dit Walewski s'embarqua sur le pyroscape Georges IV et partit pour Londres. Je ne doute nullement qu'il n'aille de là à Paris auprès d'un parent, du côté de sa mère, le comte Ornano. Je viens d'écrire à notre ambassadeur c-te Pozzo-di-Borgo, en l'invitant à faire la démarche nécessaire auprès du ministère français, afin que le dit Walewski, qui s'est rendu coupable de désobéissance envers son gouvernement, soit renvoyé ici et pour qu'il ne puisse point diriger sa route par l'Angleterre, j'ai engagé m-r l'ambassadeur de tenir la main à ce que pour son retour en Pologne il lui soit prescrit l'itinéraire le plus direct, en passant par le Rhin.

Un certain Skibicki, habitant du gouvernement de Kiew et qui, comme cela s'est démontré plus tard, avait été mêlé dans l'affaire des associations secrètes, s'étant en 1823 rendu à S-t Pétersbourg, y trouva moyen de recevoir un passeport pour l'étranger de feu le comte Miloradowitch et se transporta en 1824 en Amérique: circonstance dont j'ai été instruit plus tard par le g-l Zakrewski. Tous les détails relatifs à cet individu sont connus à m-r le c-te de Diebitsch, à qui j'ai écrit à ce sujet, pour en rendre compte à Sa Majesté.

De même aussi le sous-lieutenant démissionnaire du régiment de chasseurs à cheval de la garde royale polonaise, Dziekonski, également immiscé dans les associations secrètes, s'était rendu à S-t Pétersbourg. J'avais réclamé son renvoi en Pologne, mais il me fut répondu qu'il n'y était pas et qu'il avait pris la route de Revel, et ce n'est que bien plus tard qu'ayant été trouvé à S-t Pétersbourg, dans le logement de la comtesse Przezdziecka, il fut pris et amené à Varsovie.

Il m'est arrivé plus d'une fois de voir à S-t Pétersbourg beaucoup d'officiers qui se sont trouvés avant sous mes ordres et qui, contre leur gré, ont été obligés de quitter le service militaire; ils y étaient arrivés dans le même but que j'ai exposé plus haut, c. à. d. qu'ils y espéraient de réussir dans leurs projets plutôt que partout ailleurs. Il est connu que les passeports en blanc (бланкеты) se trouvent ordinairement munis de la signature du gouverneur-général; la suite en est que bien souvent on en distribue à volonté dans la chancellerie, sans même accorder la moindre attention pour se convaincre si les papiers de tel ou tel individu sont en règle.

Par tout ce que je vous ai exposé ci-dessus, vous voyez, mon cher général, que, malgré la constante vigilance du gouvernement, malgré les soins des autorités, il arrive néanmoins que leurs mesures sont déjouées quelquefois par les machinations des malveillans: inconvenients, auxquels il est au moins très-difficile, si non tout-à-fait impossible, de remédier.

Je tâcherai de m'informer, sans perte de tems, de l'intelligence coupable qui doit exister entre le nommé Ouwarow, détaché à Vilna pour l'affaire des faux timbres, et le s-r Leiboschitz, médecin établi en cette ville.

Pour ce qui est de la lettre écrite de Nertschinsk à un certain Portnow à Wolotschisk, j'ai donné des ordres pour me fournir des renseignements sur cet individu et sur les relations qu'il peut avoir et je vous en ferai part en son tems.

Переводъ. Варшава, 12 (24) Августа 1827. Я получилъ вчера, любезный генералъ, ваше письмо отъ 3 Августа съ Каменнаго Острова. Изъ приложенной къ нему записки я вижу, что удалось открыть слѣды тайной переписки, которая велась между нѣкоторыми Поляками въ Краковѣ. Зная, что этотъ городъ, по своему внутреннему устройству, служитъ сборнымъ мѣстомъ для людей злонамѣренныхъ и либераловъ, я неоднократно обращалъ на это вниманіе какъ покойнаго Императора и Царя, такъ и нынѣ царствующаго Государя. Не смотря на положительное запрещеніе съ моей стороны, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что нѣкоторые подданные Царства Польскаго или находящихся подъ моимъ управленіемъ бывшихъ Польскихъ провинцій нарушили это запрещеніе, обманувъ бдительность властей. Если дѣйствительно происходила тайная переписка, то при этомъ, натурально, должны были приниматься самыя большія предосторожности, но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что письма не пересылались по почтѣ. Мнѣ не знакомъ бывшій сенаторъ Любинскій, о которомъ идетъ рѣчь въ этой запискѣ; я знаю только то, что мнѣнія на его счетъ расходятся между собою: одни говорятъ, что это интриганъ, другіе, что это честный человѣкъ; нѣкоторые утверждаютъ, что, въ бытность свою министромъ Варшавскаго герцогства, онъ очень разбогатѣлъ, а нѣкоторые другіе говорятъ, что онъ исполнялъ свои служебныя обязанности съ безкорыстіемъ. Я знаю тѣхъ изъ его дѣтей, которыя находятся здѣсь, и въ особенности его сына, который былъ генераломъ. Они всѣ ведутъ себя какъ нельзя лучше, спокойны, покорны властямъ,—однимъ словомъ, ихъ нельзя ни въ чемъ упрекнуть.

Мнѣ неизвѣстно, чтобъ изъ Кракова обращались къ Австрійскому правительству съ просьбою о ходатайствѣ за тѣхъ смѣшанныхъ подданныхъ, которые замѣшаны въ дѣлѣ тайныхъ обществъ и также за графа Мощинскаго.

Впрочемъ весьма возможно, что князь Меттернихъ прибѣгаетъ къ такимъ уловкамъ, чтобъ сдѣлать пріятное для Галиційскихъ подданныхъ Австріи. Я знаю только, что губернаторъ Галиціи князь Лобковичъ, недавно объѣзжавшій границы, былъ въ Краковѣ и тотчасъ явился къ президенту сената этого города, а за тѣмъ отправился прямо въ Вѣну. Могу увѣрить васъ, что съ своей стороны я дѣлаю все, что̀ могу, чтобъ помѣшать подданнымъ Его Императорскаго и Царскаго Величества отправляться въ Краковъ; если-же по временамъ происходятъ нарушенія моихъ распоряженій, то это потому, что не въ моей власти этому помѣшать.

По этому поводу я считаю моимъ долгомъ сообщить вамъ свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ по имени Александрѣ Валевскомъ. Его мать, графиня Валевская, прижила его съ Наполеономъ во время пребыванія этого послѣдняго въ Варшавѣ. Онъ воспитывался здѣсь и даже былъ принятъ въ моемъ домѣ, куда ему доставили доступъ его прекрасное поведеніе и тщательное образованіе. Впослѣдствіи онъ жилъ, для окончанія своего образованія, въ Женевѣ и возвратился оттуда съ такими ложными идеями и такимъ нравственно-испорченнымъ, что я пересталъ принимать его къ себѣ. Со времени своего возвращенія онъ велъ праздную жизнь; женщины изъ лести внушили ему иллюзіи на счетъ знатности его происхожденія, и онъ сталъ просить позволенія отправиться въ Парижъ; но вслѣдствіе донесенія, сдѣланнаго мною по этому поводу покойному Императору, Его Величество повелѣлъ не давать ему разрѣшенія ѣздить во Францію ни въ ту пору ни на будущее время. Тѣмъ не менѣе онъ послѣ того нѣсколько разъ просилъ у меня такого разрѣшенія, ссылаясь на необходимость ѣхать въ Парижъ для того, чтобъ принять наслѣдство, доставшееся ему послѣ матери и состоявшее изъ имѣній, полученныхъ ею отъ Наполеона. Строго придерживаясь приказаній, данныхъ мнѣ на этотъ предметъ Его Величествомъ, я каждый разъ отклонялъ его просьбу. Наконецъ, г. Валевскій вознамѣрился отправиться въ С.-Петербургъ подъ благовиднымъ предлогомъ искать тамъ службы, и обратился къ г-ну сенатору Новосильцеву съ просьбою снабдить его рекомендательными письмами. Г-нъ сенаторъ, которому были извѣстны приказанія покойнаго Императора относительно этого молодаго человѣка, сообщилъ мнѣ о намѣреніяхъ этого послѣдняго. Принимая въ соображеніе съ одной стороны легкомысліе Валевскаго, а съ другой его праздный образъ жизни, я натурально приходилъ къ заключенію, что его мнимое намѣреніе найти мѣсто въ С.-Петербургѣ сводится къ желанію найти средства для поѣздки въ Парижъ; объ этомъ я счелъ долгомъ донести Государю Императору и Царю, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ, что если бы молодой Валевскій искренно рѣшился быть полезнымъ и вступить въ службу, то ничто не мѣшало ему вступить въ Польскую армію, подобно тому какъ это дѣлаютъ другіе здѣшніе жители. Вслѣдствіе этого донесенія я получилъ офиціальное извѣщеніе отъ графа Дибича отъ 9 Іюля, что Его Ве-

личество не только одобрилъ мое предположеніе, но и удостоилъ меня выраженіемъ своего удовольствія за тѣ мѣры, которыя я счелъ нужнымъ принять касательно Валевскаго. Этотъ молодой человѣкъ всю прошлую зиму занимался здѣсь игрой и постоянно проводилъ время въ обществѣ людей съ дурной репутаціей.

Къ моему великому удивленію я узнаю косвеннымъ путемъ, что Валевскій отправился, не знаю какимъ способомъ, въ С.-Петербургъ, что онъ являлся къ генералу графу Грабовскому (Степану) съ просьбою о содѣйствіи для поступленія въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, что этотъ генералъ объявилъ ему о невозможности это сдѣлать безъ моего предварительнаго на то согласія и наконецъ, что, добывъ паспортъ отъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, означенный Валевскій сѣлъ на пароходъ „Георгъ IV“ и отправился въ Лондонъ. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что оттуда онъ отправится въ Парижъ къ одному изъ своихъ родственниковъ съ материнской стороны, графу Орнано. Я тотчасъ написалъ нашему посланнику Поццо-ди-Борго, прося его склонить Французское министерство къ высылкѣ сюда Валевскаго, какъ провинившагося въ неповиновеніи своему правительству; а для того, чтобъ Валевскій не возвращался домой черезъ Англію, я просилъ г-на посланника приказать Валевскому возвратиться въ Польшу самымъ прямымъ путемъ,—по Рейну.

Житель Кіевской губерніи Скибицкій, который, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о тайныхъ обществахъ, отправился въ 1823 въ С.-Петербургъ, съумѣлъ добыть себѣ заграничный паспортъ отъ покойнаго графа Милорадовича и переѣхалъ въ 1824 на жительство въ Америку; объ этомъ я впослѣдствіи узналъ отъ генерала Закревскаго. Всѣ подробности касательно этого Скибицкаго извѣстны графу Дибичу, которому я ихъ сообщилъ для доклада Его Величеству.

Точно такъ и отставной подпоручикъ конно-егерскаго полка Царской Польской гвардіи Дзеконскій, замѣшанный въ дѣло о тайныхъ обществахъ, отправился въ С.-Петербургъ. Я потребовалъ его высылки въ Польшу, но мнѣ отвѣчали, что его не оказалось въ С.-Петербургѣ и что онъ уѣхалъ въ Ревель; лишь много времени спустя, онъ былъ отысканъ въ С.-Петербургѣ, въ квартирѣ графини Пржездецкой, арестованъ и доставленъ въ Варшаву.

Мнѣ не разъ случалось встрѣчать въ С.-Петербургѣ многихъ офицеровъ, которые прежде служили подъ моимъ начальствомъ и были вынуждены противъ воли оставить военную службу; они пріѣзжали туда съ тою-же цѣлію, о которой говорено выше, то есть они надѣялись, что тамъ, скорѣе чѣмъ гдѣ либо, они достигнутъ своей цѣли. Извѣстно, что паспортные бланкеты обыкновенно снабжены подписью генералъ-губернатора; результатомъ этого очень часто бываетъ то, что въ канцеляріи ихъ раздаютъ безъ всякихъ стѣс-

ненiй, даже нисколько не стараясь убѣдиться, въ порядкѣ-ли бумаги тѣхъ, кто ихъ получаетъ.

Изъ всего изложеннаго вы убѣдитесь, любезный генералъ, что, не смотря на непрестанную бдительность правительства, не смотря на заботливость властей, все таки случается, что ихъ мѣропріятія разрушаются кознями злонамѣренныхъ людей,—а это такое зло, помочь которому очень трудно, если не совсѣмъ невозможно.

Я постараюсь, не теряя времени, собрать свѣдѣнія о преступномъ соглашеніи, возникшемъ между командированнымъ въ Вильну по дѣлу о фальшивыхъ штемпеляхъ Уваровымъ и поселившимся въ этомъ городѣ докторомъ Лейбошицемъ.

Мнѣ также чрезвычайно пріятно было узнать о настроеніи умовъ публики, обнаружившемся при возвращеніи Его Величества съ острова Елагина. Чувства уваженія и преданности, выраженныя жителями столицы, когда они снова увидѣли своего Августѣйшаго Государя, безспорно доказываютъ, что это населеніе совершенно отбросило тѣ ложныя идеи, которыя тщетно пытались распространить въ его средѣ злонамѣренные люди.

Что-же касается письма, написаннаго изъ Нерчинска къ нѣкоему Портнову въ Волочискъ, то я приказалъ доставить мнѣ свѣдѣнія объ этой личности и о томъ, съ кѣмъ находилась она въ сношеніяхъ. Что̀ узнаю, васъ въ свое время увѣдомлю.

№ 17.

Varsovie, le 21 août (2 septembre) 1827.

Je ne m'étonne nullement que la jeunesse désire une rupture ouverte avec la Turquie: la plupart d'entre les jeunes gens peuvent avoir en vue de prendre part dans la guerre contre la Turquie et se promettent ainsi de faire une prompte carrière. Vous voyez d'un autre côté que des gens plus rassis, qui considèrent la Grèce comme une pomme de discorde, ont des vues tout-à-fait pacifiques et avouent même que, malgré l'animosité nationale contre les Turcs, on a en ceux-ci des voisins commodes et stricts observateurs des traités. En effet, cette vérité est incontestable. Feu Sa Majesté l'Empereur et Roi me fit souvent l'honneur de m'entretenir des affaires de la Grèce, et Sa Majesté me disait toujours qu'elles étaient bien loin de faire un sujet de localité, mais que, débattues dans tous les cabinets de l'Europe, ces affaires offraient des chances différentes aux vues politiques de chaque puissance en particulier. Il s'y joignait encore une circonstance majeure, c'est que la Grèce, dès le commencement de sa révolution, a servi de point

de concentration pour toute sorte d'individus qui y affluaient de toutes les parties de l'Europe et qui, à bien prendre, ne pouvaient être que des aventuriers servant d'instrumens à ceux des partis occultes par lesquels ils avaient été choisis pour faire cause commune avec les Grecs. Vouloir alors secourir ces derniers, c'eût été se compromettre évidemment avec ceux-là.

L'Angleterre, toujours avide de gain et qui base sur ce pivot toutes ses déterminations politiques, s'est déclarée pour les Grecs, et certes, loin d'avoir été guidée par des principes libéraux ou des sentiments l'humanité, elle ne l'a fait qu'après avoir établi un calcul exact de tous les avantages qu'elle peut s'en promettre avec certitude. Il est à la connaissance de tout le monde quelle conduite a tenue l'Angleterre dans les affaires de l'Amérique Méridionale et dans celles du Portugal. Chez eux les Anglais raisonnent fortement et appuyent sur l'émancipation des peuples, tandis que dans leurs possessions aux Indes il n'est pas de mesure d'oppression et de vexation qu'ils n'y employent contre leurs administrés pour s'enrichir aux dépens de ceux-ci.

Je conviens que les Grecs, vu la manière dont ils ont été traités par les Turcs, ont pu exciter la compassion de toute l'Europe; mais, quelques soyent les vues de la Russie en appuyant leurs intérêts, toujours est-il constant qu'aux yeux de tout le monde elle semble vouloir contribuer à leur émancipation en les mettant hors du pouvoir de leur souverain. Comment peut-on d'ailleurs se dissimuler que la Russie ne soit peut-être le seul pays en Europe où les idées sur l'émancipation, si elles étaient répandues, pourraient amener des suites très-funestes? Tant de diverses nations qui composent cet immense Empire et qui toutes presque professent des croyances différentes, ne pourraient qu'embrasser avec avidité des idées qui leur paraitraient si favorable. Ajoutons à cela les menées des gens malveillans, des aventuriers, et certes la fidélité que ces peuples ont jurée à leur Monarque en serait fortement ébranlée.

Переводъ. Варшава, 21 Августа (2 Сентября) 1827 года. Я нисколько не удивляюсь тому, что молодежь желаетъ явнаго разрыва съ Турціей: большинство молодыхъ людей, вѣроятно, намѣревается принять участіе въ войнѣ съ Турціей и надѣется сдѣлать быструю карьеру. Съ другой стороны вамъ извѣстно, что люди болѣе положительные, считающіе Грецію за яблоко раздора, одушевлены миролюбіемъ и даже сознаютъ, что, не смотря на національную ненависть къ Туркамъ, мы имѣемъ въ нихъ сосѣдей удобныхъ и строго соблюдающихъ трактаты. Дѣйствительно, это истина неоспорима. Покойный Императоръ часто бесѣдовалъ со

мною о Греческихъ дѣлахъ и всегда говорилъ мнѣ, что они далеки отъ того чтобъ ограничиваться одной этой страной, но что они обсуждаются всѣми Европейскими кабинетами и представляютъ различные виды для политическихъ цѣлей каждой изъ державъ. Къ этому присоединилось то чрезвычайно важное обстоятельство, что Грецiя, съ самаго начала революцiи, была сборнымъ мѣстомъ для людей, которые стекались туда со всѣхъ концовъ Европы и которые, по правдѣ сказать, были ничто иное, какъ авантюристы, служившiе орудiемъ для тѣхъ тайныхъ партiй, которыми они были избраны для того, чтобъ дѣйствовать за одно съ Греками. Очевидно, что помогать этимъ послѣднимъ значило бы компрометировать себя союзомъ съ первыми.

Англiя, всегда гоняющаяся за барышами и основывающая на этихъ соображенiяхъ всю свою политику, приняла сторону Грековъ и, конечно, поступила такъ не изъ либеральныхъ принциповъ и не изъ чувства человѣколюбiя, а потому что сдѣлала точный разсчетъ всѣхъ выгодъ, которыя ей можетъ доставить этотъ образъ дѣйствiй. Всѣмъ извѣстно, какъ поступала Англiя въ дѣлахъ Южно-Американскихъ и Португальскихъ. У себя дома Англичане горячо обсуждаютъ и отстаиваютъ эманципацiю народовъ, тогда какъ въ своихъ владѣнiяхъ въ Индiи они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ притѣсненiямъ и вымогательствамъ, чтобъ обогатиться на счетъ тѣхъ, кто состоитъ подъ ихъ управленiемъ.

Я согласенъ съ тѣмъ, что Греки, такъ много терпѣвшiе отъ Турокъ, могли возбудить къ себѣ состраданiе всей Европы; но каковы бы ни были цѣли Россiи въ то время, какъ она вступается за ихъ интересы, для всякаго остается очевиднымъ, что она желаетъ содѣйствовать ихъ эманципацiи, освободивъ ихъ изъ-подъ власти ихъ государя. Развѣ можно скрывать отъ себя ту истину, что Россiя едва ли не единственное государство въ Европѣ, въ которомъ распространенiе идей объ эманципацiи могло бы имѣть очень пагубныя послѣдствiя? Столько различныхъ народностей, входящихъ въ сославъ это обширной Имперiи и исповѣдующихъ столько различныхъ религiй, съ жадностью схватились бы за идеи, которыя показались бы очень для нихъ благопрiятными. Если мы прибавимъ къ этому происки злонамѣренныхъ людей и авантюристовъ, то мы непремѣнно придемъ къ тому заключенiю, что вѣрность, въ которой эти различные народы поклялись своему Монарху, будетъ отъ того сильно поколеблена.

Въ письмѣ 18-мъ, отъ 2 (14) Сентября говорится о какомъ-то тайномъ обществѣ молодыхъ людей въ Москвѣ. Великiй Князь совѣтуетъ усилить мѣры строгости. Въ собственноручной припискѣ онъ спрашиваетъ, правда ли говорятъ иностранныя газеты о совершенномъ будто пораженiи нашихъ войскъ въ Персiи.

№ 19.

Varsovie, le 23 septembre (5 octobre) 1827.

Le fait récent que vous me citez sur le compte d'un jeune employé de 18 ans, placé dans la chambre civile du gouvernement de Wladimir, lequel a tâché de séduire un de ses camarades pour le porter à agir de concert avec lui contre l'état, amène naturellement la conviction que jusqu'ici encore et dans bien des parties de l'Empire, l'esprit de la jeunesse se fait particulièrement remarquer par sa tendance, plus au moins ostensible, aux troubles et au désordre, et que le gouvernement doit mettre tout en oeuvre pour déraciner les germes de cet esprit, à quoi il ne saurait toutefois parvenir autrement qu'en exerçant une vigilance continuelle sur la conduite et les actions de la jeunesse, et en reprimant avec sévérité toutes celles qui seraient contraires au bon ordre et aux moeurs, qui sont la base du bien-être général.

Je vous suis fort obligé des nouvelles que vous me mandez à l'égard des opérations de notre corps d'armée contre les Persans. Par tout ce que vous me dites là-dessus, et par les données qu'en ont contenu les feuilles publiques, j'ai été enchanté de me convaincre que ces dernières n'avaient fait leurs rélations que sur de faux bruits. Quoiqu'elles puissent rapporter à présent sur le combat que le g-l Krassowsky a soutenu avec quatre bataillons seulement et 12 pièces de canon contre un corps persan de 20 à 30 mille hommes, pour empêcher celui-ci de se porter sur Ezmiadsin, quelque sensible que soit la perte que cette affaire nous a occasionnée, je dirai même, quelque allégresse qu'elle puisse faire naître parmi les Turcs, toujours est-il glorieux à nos armes d'avoir tenu tête, avec si peu de troupes, contre une force si prodigieuse en cette circonstance et d'avoir réussi non-seulement à anéantir ses efforts, mais de l'avoir même contraint à la retraite.

C'est avec une joie inexprimable que j'ai appris l'heureuse délivrance de Sa Majesté l'Impératrice et Reine. Il a plu à notre Auguste Maître de donner au prince nouveau-né le nom que je porte; j'y retrouve, avec plaisir et gratitude, une marque insigne de la haute bienveillance dont Sa Majesté daigne m'honorer et dont je m'efforcerai de me rendre de plus en plus digne.

Переводъ. Варшава, 23 Сентября (5 Окт. 1827). Сообщаемыя вами свѣдѣнія о молодомъ 18-лѣтнемъ чиновникѣ, служившемъ во Владимирской граж-

данской палатѣ, который пытался склонить одного изъ своихъ товарищей къ совокупнымъ дѣйствіямъ противъ государства, естественно внушаетъ убѣжденіе, что до сихъ поръ еще во многихъ частяхъ Имперіи духъ молодежи отличается болѣе или менѣе очевидною наклонностью къ волненіямъ и безпорядкамъ и что правительство должно всѣми силами стараться искоренить этотъ духъ; а достигнуть этого можно не иначе какъ непрерывно слѣдя за поведеніемъ и дѣйствіями молодежи и строго подавляя все, что̀ несогласно съ порядкомъ и нравственностью, служащими основой для общаго благосостоянія.

Я вамъ очень благодаренъ за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашей арміи противъ Персовъ. Изъ того, что̀ вы пишете и изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ газетами, я съ удовольствіемъ убѣдился, что газетныя извѣстія были основаны на ложныхъ слухахъ. Что̀ бы ни сообщали теперь газеты касательно сраженія, выдержаннаго генераломъ Красовскимъ только съ четырьмя баталіонами и 12 пушками противъ Персидскаго отряда, имѣвшаго отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ, съ цѣлію воспрепятствовать его движенію на Эчміадзинъ, какъ бы ни были значительны понесенныя нами въ этомъ дѣлѣ потери, и даже скажу, какъ бы ни было велико по этому случаю ликованіе Турокъ: все-таки наша армія покрыла себя славою, устоявъ съ такими небольшими силами противъ столь превосходныхъ силъ непріятеля и не только воспрепятствовавъ его движенію, но даже заставивъ его отступить.

Я съ невыразимою радостью узналъ о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго и Царскаго Величества. Нашему Августѣйшему Государю угодно было дать новорожденному Великому Князю имя, которое я ношу; я съ удовольствіемъ и признательностью вижу въ этомъ лестное для меня доказательство той благосклонности, которой удостоиваетъ меня Его Величество и которую я буду все болѣе и болѣе стараться оправдать.

Въ письмѣ 20-мъ, отъ 21 Окт. (2 Ноября) Великій Князь совѣтуетъ какъ можно строже наказывать злоупотребленія въ судебныхъ мѣстахъ и министерскихъ канцеляріяхъ и радуется успѣхамъ ген. Паскевича.

№ 21.

Varsovie, ce 18 (30) novembre 1827.

Vous me demandez que Sa Majesté a été mécontente de l'état où elle a trouvé la marine à Réval. Comme tout dépend des soins et de l'activité des chefs, c'est donc à eux seuls qu'il faut s'en prendre pour avoir négligé leurs devoirs.

La distinction que l'Empereur a daigné faire à la noblesse studieuse de Réval, en lui permettant d'entrer dans ses gardes, est une

preuve éclatante que cette jeunesse a su s'attirer, par son mérite, la bienveillance particulière de Sa Majesté.

Je suis parfaitement de votre avis sur tout ce que vous me dites à l'égard des secousses qu'a dû éprouver le cabinet de Vienne par la suite de la bataille de Navarino. Cette affaire peut être considérée, pour ainsi dire, comme un feu grégeois donné, très à propos, en l'honneur du prince de Metternich à l'occasion de ses noces. Notre marine, qui a toujours été excellente, s'est acquise une nouvelle gloire par la manière distinguée dont notre escadre s'est conduite à la sanglante bataille de Navarino; mais je crains fort que la coopération de cette escadre et de la française n'aboutisse à remplir les vues constantes de l'Angleterre, qui regardera toujours d'un oeil inquiet et jaloux chaque bâtiment étranger sur mer, ne fut-ce même qu'une chaloupe. Elle met tout en oeuvre pour la destruction des flottes étrangères, tantôt en y mêlant la sienne, tantôt en suscitant, d'une manière indirecte, des guerres parmi des puissances qui possèdent des forces navales.

Je ne trouve rien de plus judicieux que votre rémarque où vous me dites que les nombreux avantages obtenus par nos armes victorieuses sur les Turcs et les Persans sont uniquement dus à la force du caractère et à la fermeté des résolutions de Sa Majesté Impériale et Royale. Oui, mon cher général, ce sont ces déterminations irrévocables et la fermeté dans leur exécution qui caractérisent un Monarque dans toutes les occasions. Sa Majesté en a des exemples sans nombre dans ses augustes prédecesseurs, de glorieure et immortelle mémoire, et c'est le même sang qui coule dans ses veines.

Je suis indigné de l'horrible attentat qui a été commis à Moscou sur la personne du s-r Korsakow. Cet évènement malheureux me porte à vous rappeler tout ce que je vous ai déjà dit de la surveillance infatigable que les autorités de police doivent exercer sur la conduite de jeunes gens, qui, par leur dépravation, sont capables de se porter à toute sorte de désordres.

„P. S. Le mot d'ordre de la garnison de Varsovie a été hier *Taurys*, en mémoire de son occupation et comme un hommage rendu à la valeur de nos troupes".

Переводъ. Варшава, 18 (30) Ноября 1827. Вы сообщаете мнѣ, что Его Величество былъ недоволенъ положеніемъ, въ которомъ онъ нашелъ флотъ въ Ревелѣ. Такъ какъ все зависитъ отъ заботливости и дѣятельности начальниковъ, то они одни должны быть признаны виновными въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей.

Отличіе, которымъ Государь Императоръ почтилъ Ревельскую учащуюся молодежь, дозволивъ ей вступать въ гвардію, служитъ блестящимъ доказательствомъ того, что эта молодежь умѣла пріобрѣсть своими достоинствами особую благосклонность Его Величества.

Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе о потрясеніи, которое долженъ былъ испытать Вѣнскій кабинетъ вслѣдствіе Наваринской битвы. Это дѣло можетъ въ нѣкоторой степени считаться за фейерверкъ, очень кстати пущенный въ честь князя Меттерниха по случаю его свадьбы. Нашъ флотъ, который всегда былъ превосходенъ, покрылъ себя новою славою, благодаря тому, что наша эскадра вела себя прекрасно въ кровопролитной Наваринской битвѣ; но я сильно опасаюсь, чтобъ совокупное дѣйствіе этой эскадры и Французской не привело къ осуществленію постоянныхъ цѣлей Англіи, которая всегда будетъ смотрѣть съ безпокойствіемъ и завистью на всякое плавающее на моряхъ чужое судно, будь это даже простая лодка. Она направляетъ всѣ свои усилія къ уничтоженію иностранныхъ флотовъ, то присоединяя къ нимъ свой собственный, то косвеннымъ образомъ возбуждая войны между тѣми державами, у которыхъ есть морскія силы.

Я нахожу вполнѣ основательнымъ ваше замѣчаніе, что многочисленныя побѣды, одержанныя нашими войсками надъ Турками и Персами, были результатомъ единственно силы, характера и твердости воли Его Императорскаго и Царскаго Величества. Да, любезный генералъ, непреложныя повелѣнія и твердость въ ихъ исполненіи характеризуютъ Монарха во всѣхъ дѣлахъ. Его Величество имѣлъ безчисленные примѣры того въ своихъ августѣйшихъ предшественникахъ, и въ его жилахъ течетъ таже самая кровь.

Меня приводитъ въ негодованіе отвратительное преступленіе, жертвою котораго сдѣлался въ Москвѣ г. Корсаковъ. Это прискорбное происшествіе заставляетъ меня напомнить вамъ то, чтó я уже высказывалъ вамъ касательно неутомимой бдительности, съ которою полицейскія власти должны слѣдить за поведеніемъ молодыхъ людей, способныхъ, по своей нравственной испорченности, на всякія безчинства.

„Вчера Варшавскому гарнизону данъ былъ пароль *Таврисъ* въ память занятія этого города и въ знакъ уваженія къ храбрости нашихъ войскъ“.

№ 22.

Varsovie, ce 5 (17) décembre 1827.

Dans l'état où se trouvent les affaires du Schah et vu la glorieuse issue que cette guerre aura pour l'Empire, je suis entièrement de votre avis que cet état de choses aura indubitablement une influence marquante sur les déterminations de la Porte Ottomane dans les circon-

stances actuelles. Mais ce qui attire toute mon attention dans votre lettre, c'est ordre, la tranquillité et la discipline à toute épreuve que les troupes de Sa Majesté observent sans interruption dans le pays ennemi, et l'appui qu'elles donnent aux habitans des provinces conquises aux dépens de leur sang. Oui, mon cher général, feu l'Empereur et Roi a eu constamment en vue de détourner, autant que possible, tous les fléaux et désastres que la guerre amène ordinairement sur les contrées qui lui servent de théâtre. Ses buts bienfaisantes se portaient toujours vers ce but salutaire, pour imprimer à ses armées ce sentiment de compassion et de générosité, qui seul soit capable d'apporter quelque adoucissement aux souffrances des habitans paisibles, qui se voient en proie à toutes sortes de calamité, par suite d'évènemens politiques. La guerre actuelle avec la Perse prouve évidemment que les efforts de feu Sa Majesté ont été couronnés d'un succès on ne peut pas plus satisfaisant et plus complet.

J'ai pris lecture des notices que vous m'avez transmises concernant le nommé Gottesmann et je les garderai par devers moi, pour y avoir recours en cas de besoin. Cet individu m'est connu pour s'être présenté chez moi, en qualité d'officier autrichien, ainsi que le font tous les militaires étrangers qui passent par Varsovie, et particulièrement ceux du service d'Autriche. Il vint ici de Léopol, pour la première fois en 1824, au moi de mai, avec un transport de vin qu'il avait à rendre, et quitta cette ville le 23 mai (5 juin) de la même année pour se rendre à Cracovie. Il m'avait en effet témoigné alors le désir de prendre du service; mais, comme il me semblait être un homme suspect, ainsi que cela se confirme actuellement, je ne pris point garde à sa demande. En partant il vint chez moi pour prendre congé et me dit qu'il espérait revenir ici. Depuis cette époque je n'en avais plus entendu parler. Ce n'est qu'au printems de la présente année qu'il retourna à Varsovie, avec du vin de Hongrie; il se présenta chez moi, et je le reçus comme quelqu'un qui m'était déjà connu pour avoir été une fois. Après être resté ici pendant quatre jours seulement, il partit le 7 (19) mai, non pas pour l'Angleterre par Danzig, comme cela est marqué dans l'une de vos notices sur son compte, mais bien pour Danzig dans l'intention d'aller de là à S-t Pétersbourg et à Moscou. Il me le dit lui-même à Belvedère, où il était venu peu avant son départ, et il ne fut point question ici de son voyage en Angleterre. Ce que cet individu raconte sur le prétendu projet qu'il aurait formé, lors du séjour de feu Sa Majesté l'Empereur et Roi à Vienne, d'entrer au service de Russie avec 20 de ses camarades, sur le voyage que dans ce but il aurait fait à Varsovie et sur l'accueil distingué qu'il y aurait reçu

de moi, est tout-à-fait dénué de fondement. Il est aussi entièrement faux tout ce qu'il débite sur l'engagement que je lui aurais fait d'assister aux manoeuvres et de monter mes chevaux. Comme il était toujours vêtu en bourgeois, il est possible qu'il soit venu comme tant d'autres, pour voir les manoeuvres, sans que je l'eusse remarqué; mais le fait est que je ne l'y ai jamais invité, et certes qu'avec la prévention défavorable que j'avais sur son compte, ce n'est point à un homme de cette trempe que j'aurais donné une marque de distinction de cette nature.

Переводъ. Варшава, 5 (17) Декабря 1827. Принимая въ соображеніе положеніе, въ которомъ находятся дѣла Шаха и славный исходъ, который будетъ имѣть эта война для Имперіи, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что эти событія несомнѣнно будутъ имѣть сильное вліяніе на образъ дѣйствій Оттоманской Порты, при настоящихъ обстоятельствахъ. Но что обращаетъ на себя въ вашемъ письмѣ все мое вниманіе, это порядокъ, спокойствіе и непоколебимая дисциплина, которыми непрерывно отличались войска Его Величества въ непріятельской странѣ, равно какъ поддержка, которую они оказывали жителямъ провинцій, завоеванныхъ цѣною ихъ крови. Да, любезный генералъ, покойный Императоръ постоянно старался, насколько это было возможно, отклонять бѣдствія и несчастія, обыкновенно причиняемыя войною тѣмъ странамъ, которыя служатъ для нея театромъ. Его благотворныя намѣренія всегда клонились къ этой благой цѣли, къ тому, чтобъ внушить нашимъ арміямъ тѣ чувства состраданія и великодушія, которыя только и могутъ нѣсколько облегчить страданія мирныхъ жителей, дѣлающихся жертвами всякаго рода бѣдствій вслѣдствіе политическихъ событій; теперешняя война съ Персіей очевидно доказываетъ, что усилія покойнаго Государя увѣнчались совершенно удовлетворительнымъ и полнымъ успѣхомъ.

Я ознакомился съ содержаніемъ присланныхъ вами замѣтокъ касательно нѣкоего Готесмана; я сохраню ихъ у себя для того, чтобы обратиться къ нимъ въ случаѣ надобности. Этотъ господинъ извѣстенъ мнѣ, потому что являлся ко мнѣ въ качествѣ Австрійскаго офицера, какъ это дѣлаютъ всѣ иностранные военные, проѣзжающіе черезъ Варшаву, и въ особенности тѣ, которые состоятъ на Австрійской службѣ. Онъ прибылъ сюда изъ Львова въ первый разъ въ Маѣ 1824 съ транспортомъ вина, которое онъ намѣревался здѣсь продать; онъ выѣхалъ отсюда 23 Мая (5 Іюня) того же года и направился въ Краковъ. Дѣйствительно, онъ заявлялъ мнѣ о своемъ желаніи вступить въ нашу службу; но такъ какъ онъ показался мнѣ человѣкомъ подозрительнымъ, какъ это теперь и подтвердилось, то я не обратилъ вниманія на его просьбу. Передъ отъѣздомъ онъ явился ко мнѣ, чтобъ откланяться, и сказалъ мнѣ, что надѣется возвратиться сюда. Съ тѣхъ поръ я

ничего о немъ не слышалъ. Только весной настоящаго года онъ возвратился въ Варшаву съ Венгерскими винами; онъ явился ко мнѣ, и я принялъ его какъ человѣка, котораго я уже прежде зналъ. Пробывъ здѣсь четыре дня, онъ отправился 7 (17) Мая не въ Англію черезъ Данцигъ, какъ это сказано въ одной изъ вашихъ замѣтокъ объ немъ, а въ самый Данцигъ съ намѣреніемъ отправиться оттуда въ С.-Петербургъ и въ Москву; онъ самъ сообщилъ мнѣ объ этомъ въ Бельведерѣ, куда являлся не задолго до своего отъѣзда, и при этомъ не было рѣчи о его поѣздкѣ въ Англію. Все, чтò онъ разсказываетъ о томъ, что во время пребыванія Его Императорскаго и Царскаго Величества въ Вѣнѣ онъ, будто бы, возымѣлъ намѣреніе вступить въ Русскую службу вмѣстѣ съ 20 своими товарищами, что онъ ѣздилъ съ этою цѣлію въ Варшаву и былъ очень любезно принятъ мною,—все это лишено всякаго основанія. Также совершенно ложно все, чтò онъ разсказываетъ о полученномъ отъ меня приглашеніи присутствовать на маневрахъ и ѣздить верхомъ на моихъ лошадяхъ. Такъ какъ онъ всегда носилъ штатское платье, то весьма возможно, что онъ вмѣстѣ съ многими другими былъ на маневрахъ, не будучи мною замѣченнымъ; но дѣло въ томъ, что я никогда не приглашалъ его туда, и конечно, при томъ дурномъ мнѣніи, которое я имѣлъ на его счетъ, я не могъ оказать такого отличія человѣку этого рода.

Въ № 1-мъ отъ 18 (30) Января 1828 говорится, что число самоубійствъ въ Россіи въ 1827 усилилось противъ прежнихъ лѣтъ, а убійства, напротивъ, стали рѣже. Въ № 2-мъ отъ 18 Февраля (1 Марта) 1828—о томъ же Готесманѣ и его происках.

1828 годъ.

№ 3.

Varsovie, ce 24 février (7 mars) 1828.

Vous me mandez, d'ordre de l'Empereur, qu'il est parvenu à la connaissance de Sa Majesté, que la police de Vienne se vantait de connaître les agens secrets envoyés de Varsovie et qu'entre autres elle citait un s-r Kicki. Je vous prie de croire premièrement, et je le garantis sur mon honneur, que jamais aucun agent secret n'a été envoyé d'ici à Vienne, et que si nous avons tiré, de tems à autre, des nouvelles sur ce qui se passait dans ce pays-là, c'était toujours à l'aide des liaisons établies entre les habitans limitrophes, et particulièrement par des relations entre parens, dont les uns possèdent des biens-fonds en Pologne et d'autres en Galicie et qui se communiquent mutuellement toutes les nouvelles qui circulent dans l'un ou l'autre pays. En

second lieu, je vous assure qu'il ne m'est jamais venu dans l'idée de charger le s-r Kicki d'une commission de cette nature. Cet individu, pendant qu'il servait dans l'armée polonaise actuelle, a été effectivement aide-de-camp auprès de moi. Il est allé, l'année dernière, aux eaux dans les pays étrangers et d'après ce qui est revenu depuis sur son compte, il doit y avoir dissipé tout son argent et s'être ensuite rendu à Vienne, où il passe son tems, dit-on, à courir après des femmes de mauvaise vie. Il est connu pour être d'un caractère léger, mais d'ailleurs brave homme, et comme il a servi autrefois sous Bonaparte, il est possible qu'il ait conservé quelque dévouement pour son fils. «J'ai été toujours très content de son service, mais jamais je ne l'ai employé à autre chose qu'à ce qui y avait rapport».

Je vois avec infiniment de peine que, malgré nos succès rapides en Perse, les affaires qui semblaient devoir être bientôt terminé à notre avantage avec cette puissance, ayent pris une tournure défavorable pour nous. C'était pourtant nous seuls qui avions combattu contre les Persans, nous seuls avons supporté tout le fardeau de cette guerre et tous les sacrifices qu'elle nous a coûté; mais lorsqu'il s'agissait de conclure la paix, qui d'abord semblait, aux yeux de tout le monde, être une suite naturelle des victoires que nous avions remportées sur cet ennemi, et que plus tard cette paix n'accomode plus les Persans,—dans cet état de choses, ne pourrait-on pas supposer avec quelque raison, qu'indépendamment des intrigues de la Turquie, les alliés de la Russie ayent aussi coopéré à faire changer de résolution à Schah?

Pour ce qui est des affaires de Turquie, je tombe d'accord avec vous, que le dernier manifeste du Sultan ne laisse aucun doute sur le parti définitif de la Porte et que c'est avec raison qu'il s'égaye sur le discours du duc Wellington. Vous ajoutez, que la teneur de ce manifeste est telle qu'elle délie les mains à Sa Majesté l'Empereur, et que la Russie, en séparant, à volonté, ses intérêts d'avec ceux de ses alliés, peut agir isolement contre la Turquie, par rapport à la stagnation du commerce, à la non-exécution des traités, aux menaces du dernier manifeste etc. J'apprécie toute la justesse de cette assertion; toutefois je me permettrai de vous faire observer que si, par suite d'un concours de circonstances, Sa Majesté devait se déterminer à mettre à exécution l'idée ci-dessus énoncée, dans ce cas ne pourrait-on point présumer que les puissances actuellement alliées avec la Russie pour les affaires d'Orient, envisageraient, sans doute, cette résolution comme suffisante pour les dégager pleinement des obligations du traité de Londres, et que dès lors elles pourraient même s'accorder à agir contre les intérêts de la Russie?

Переводъ. Варшава, 24 Февраля (7 Марта) 1828. Вы сообщаете мнѣ по приказанію Государя Императора, что до свѣдѣнія Его Величества дошло, будто Вѣнская полиція хвастается, что знаетъ тайныхъ агентовъ, посланныхъ изъ Варшавы и между прочими называетъ нѣкоего Кицкаго. Прежде всего прошу васъ вѣрить, и моя честь служитъ вамъ порукою, что никогда никакіе агенты не посылались отсюда въ Вѣну; если же мы отъ времени до времени узнавали о томъ, чтѐ дѣлается въ той странѣ, то это происходило всегда при помощи сношеній, существующихъ между жителями пограничныхъ провинцій и въ особенности при помощи сношеній между родственниками, изъ которыхъ одни имѣютъ недвижимую собственность въ Польшѣ, а другіе въ Галиціи и которые сообщаютъ другъ другу все чтѐ есть новаго въ той или другой странѣ. Во вторыхъ, могу васъ увѣрить, что мнѣ никогда не приходила мысль давать г. Кицкому порученіе такого рода. Правда, во время своей службы въ Польской арміи, онъ состоялъ при мнѣ адъютантомъ. Въ прошедшемъ году онъ отправился за границу на воды, и, какъ я потомъ узналъ, растративъ тамъ всѣ свои деньги, отправился въ Вѣну, гдѣ проводитъ свое время въ томъ, что гоняется за женщинами дурнаго поведенія. Его всѣ знаютъ за вѣтреннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ честнаго малаго; а такъ какъ онъ когда-то служилъ при Бонапартѣ, то нѣтъ ничего невозможнаго, что онъ сохранилъ нѣкоторое чувство преданности къ его сыну. „Я всегда былъ очень доволенъ его службою, но никогда не поручалъ ему ничего такого, чтѐ не относится къ службѣ“.

Меня очень огорчило извѣстіе, что, не смотря на наши быстрые успѣхи въ Персіи, дѣла́, которыя, повидимому, должны были скоро уладиться въ нашу пользу, приняли неблагопріятный для насъ оборотъ. Не смотря на то, что мы одни сражались съ Персами, мы одни несли бремя этой войны и всѣ вызванныя ею жертвы, когда зашла рѣчь о заключеніи мира, представлявшагося, въ глазахъ каждаго, естественнымъ послѣдствіемъ одержанныхъ нами побѣдъ, оказалось, что уже Персы не желаютъ мириться. Развѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, нѣтъ основанія предположить, что независимо отъ интригъ Турціи, союзники Россіи также содѣйствовали перемѣнѣ, происшедшей въ намѣреніяхъ Шаха?

Касательно Турецкихъ дѣлъ, я вполнѣ согласенъ съ вами, что послѣдній манифестъ Султана не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ окончательнаго рѣшенія Порты и что онъ основательно насмѣхается надъ рѣчью герцога Веллингтона. Вы присовокупляете, что содержаніе этого манифеста развязываетъ руки Его Величеству Государю Императору и что Россія, раздѣливъ, когда ей заблагоразсудится, свои интересы отъ интересовъ своихъ союзниковъ, можетъ дѣйствовать отдѣльно противъ Турціи въ томъ, чтѐ касается застоя торговли, неисполненія трактатовъ, угрозъ послѣдняго манифеста и пр. Я отдаю полную справедливость основательности этого замѣча-

нія; тѣмъ не менѣе я позволю себѣ замѣтить, что, еслибы стеченіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ побудило Его Величество осуществить выше изложенную мысль, развѣ тогда нельзя бы было предположить, что державы находящіяся въ настоящую минуту въ союзѣ съ Россіей для разрѣшенія восточныхъ затрудненій, усмотрятъ въ такомъ образѣ дѣйствій поводъ, чтобъ признать себя совершенно свободными отъ обязательствъ, налагаемыхъ на нихъ Лондонскимъ трактатомъ и, можетъ быть, даже войдутъ между собою въ соглашеніе съ цѣлію дѣйствовать противъ Россіи?

Въ № 4-мъ, отъ 27 Февраля (10 Марта) 1828 говорится о Готесманѣ, что онъ есть тайный Австрійскій агентъ.

№ 5-й, отъ 28 Февраля (11 Марта), состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ Великій Князь говоритъ, что полученная изъ Петербурга бумага есть сплетеніе подлой лжи и что объ ней онъ пишетъ прямо къ Государю. Въ № 6-мъ, отъ 11 (23) Марта говорится опять о слѣдствіи по дѣлу Готесмана, о письмѣ какого-то Еврея, поданномъ въ Петербургѣ прокурору Кайсарову и о томъ, будто одинъ чиновникъ Великаго Князя обнадеживалъ бывшаго Волынскаго губернатора Анджейковича въ добромъ исходѣ его дѣла.

№ 7.

Varsovie, le 18 (30) mars 1828.

En m'entretenant des préparatifs que font les gardes impériales pour se mettre en marche, vous me marquez que tout se passe de la manière la plus tranquille et qu'en cela cet ordre de choses diffère essentiellement de la conduite peu convenable que les gardes avaient jadis l'habitude de tenir en pareille occasion. Je vous dirai à cela, avec ma franchise ordinaire, que, durant le tems où j'ai eu l'honneur de commander les gardes, elles avaient quitté S-t Pétersbourg à trois reprises différentes, savoir: elles avaint marché une fois à Austerlitz, ensuite en Prusse en 1807, et enfin pour la campagne de 1812,—et chaque fois elles partaient de la capitale fort tranquillement et en bon ordre. Depuis que je ne les commande plus, elles avaient marché successivement à Vilna et sous Bieszenkowice. M'étant alors trouvé éloigné d'elles par ma nouvelle destination, j'ignore qui a pu les avoir induit en erreur et les gâter au point de les rendre bruyantes et leur faire méconnaître ainsi leurs devoirs.

Переводъ. Варшава, 18 (30) Марта 1828. Говоря о приготовленіяхъ Императорской гвардіи къ выступленію въ походъ, вы замѣчаете, что все дѣлается самымъ спокойнымъ образомъ и что этотъ порядокъ вещей существенно отличенъ отъ того не совсѣмъ приличнаго поведенія, которымъ прежде отличались гвардейцы въ подобныхъ случаяхъ. На это я вамъ скажу съ моей обычной откровенностью, что въ теченіе того времени, когда я

имѣлъ честь командовать гвардіей, она три раза выступала изъ С.-Петербурга, а именно: одинъ разъ она шла въ Аустерлицъ, за тѣмъ шла въ 1807 въ Пруссію и наконецъ выступила въ кампанію 1812 года, и всякій разъ она выступала изъ столицы совершенно спокойно и въ надлежащемъ порядкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ ею командовать, она выступала сначала въ Вильну, а потомъ въ Бѣшенковичи; такъ какъ, вслѣдствіе моего новаго назначенія, я потерялъ ее изъ виду, то и не знаю, кто могъ до такой степени вовлечь ее въ заблужденіе и такъ ее испортить, что она стала впадать въ безчинство и позабывать свой долгъ.

№ 8.

Varsovie, ce 14 (26) avril 1828.

Vous me dites que l'auteur Pousckin et le prince Wiasemsky briguent l'honneur de suivre le quartier-général impérial. Croyez moi, mon cher général, que tels qu'ils se sont déjà fait connaître antérieurement, ils ont beau faire parade aujourd'hui de leur dévouement pour le service de Sa Majesté: ce ne sont point gens, à mon avis, à qui on puisse se fier dans la moindre des choses, non plus qu'à tous ceux qui ont professé les mêmes principes, et que la vigilance seule du gouvernement est parvenue à empêcher de se répandre d'avantage.

Ayant pris lecture des deux extraits des lettres perlustrées que vous m'avez envoyées d'ordre de l'Empereur, je trouve que le contenu de celle adressée par le conseiller d'état Sniadecki au professeur de l'université de Cracovie Szopowicz, sur les cabales de cette ville libre, est parfaitement conforme à la vérité, et que le c. d. président du Sénat Wodzicki s'est toujours fait connaître comme un très-honnête homme.

Pour ce qui est de la lettre du s-r Onacewicz, professeur à Vilna, au directeur du gymnase de Bialystok, dans laquelle il se plaint de ce que ses papiers lui ont été enlevés, sur l'instigation d'un s-r Mierzeyewski, par la raison que parmi ceux de l'étudiant Zach il avait été trouvé un écrit, invitant Onacewicz à être président d'une société patriotique, et où, à son tour, il accuse le dit Mierzeyewski d'avoir dérobé une bibliothèque de la valeur de 12 mille roubles en argent,— je vous informe que je n'ai aucune connaissance de ce Mierzeyewski, ni du vol qui lui est imputé dans cette lettre. Je viens seulement d'apprendre que cet individu exerce les fonctions de secrétaire-général à l'université de Vilna.

Je dois encore ajouter ici, que la saisie des papiers du s-r Onacewicz a eu lieu à la suite d'une demande officielle faite à moi par m-r le sénateur Nowossiltzow, dans l'affaire de l'étudiant Zach, et que la société patriotique mentionnée ci-dessus est la même dont j'ai déjà eu l'honneur de rendre un compte détaillé directement à Sa Majesté.

Переводъ. Варшава, 14 (26) Апрѣля 1828. Вы говорите, что писатель Пушкинъ и князь Вяземскій просятъ о дозволеніи слѣдовать за главной императорской квартирой. Повѣрьте мнѣ, любезный генералъ, что, въ виду прежняго ихъ поведенія, какъ бы они ни старались выказать теперь свою преданность службѣ Его Величества, они не принадлежатъ къ числу тѣхъ, на кого можно бы было въ чемъ либо положиться; точно такъ же нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинакихъ съ ними принциповъ и число которыхъ перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства.

Прочитавъ два извлеченія изъ присланныхъ вами, по приказанію Государя Императора, писемъ, я нахожу, что то изъ нихъ, которое написано статскимъ совѣтникомъ Снядецкимъ профессору Краковскаго университета Шоповичу о проискахъ, которые ведутся въ этомъ вольномъ городѣ, вполнѣ согласно съ истиной и что бывшаго президента Сената Водзицкаго всегда знали за очень честнаго человѣка.

Что же касается письма, въ которомъ Виленскій профессоръ Онацевичъ жалуется директору Бѣлостокской гимназіи на то, что у него были отобраны его бумаги по наущенію нѣкоего Мержіевскаго на томъ основаніи, что въ бумагахъ студента Заха было найдено письмо къ Онацевичу съ приглашеніемъ быть президентомъ патріотическаго общества, и за тѣмъ, въ свою очередь, обвиняетъ означеннаго Мержіевскаго въ обманномъ присвоеніи библіотеки, стоющей 12 тыс. рубл. сер.: то увѣдомляю васъ, что я ничего не знаю ни о Мержіевскомъ, ни о приписываемой ему въ этомъ письмѣ кражѣ; я узналъ только то, что онъ исполняетъ должность главнаго секретаря Виленскаго университета.

Я долженъ къ этому прибавить, что заорестованіе бумагъ Онацевича произошло вслѣдствіе офиціальнаго требованія, съ которымъ обратился ко мнѣ г-нъ сенаторъ Новосильцовъ по поводу дѣла студента Заха, и что вышеупомянутое патріотическое общество есть то самое, о которомъ я имѣлъ честь представить подробное донесеніе непосредственно Его Величеству.

№ 9.

Varsovie, ce 27 avril (9 mai) 1828.

Je vous félicite beaucoup du succès, on ne peut pas plus complet que vous avez obtenu par la découverte des menées auxquelles la comtesse Manuzzi s'était livrée à S-t Pétersbourg. Il faut avouer que vous avez dirigé cette affaire *d'une main de maître*. Des ordres sont donnés de ma part pour que cette femme ne quitte point le lieu où elle est reléguée, conformément à la volonté suprême, et pour que l'on y surveille ses relations.

La comtesse Constance Rzewuska, propriétaire dans le gouvernement de Volhynie, ayant ici quelques affaires relativement à la masse de ses biens, avait chargé un certain Yurgaszko, homme sans aveu, de les soigner, et indépendamment de la récompense qu'elle lui avait promise pour sa peine, elle l'avait encore muni d'une obligation de mille ducats de sa part et payables au porteur, pour servir à gagner quelqu'un dans les chancelleries où ses réclamations étaient examinées. Yurgaszko, s'étant associé dans ce but un nommé Mitkowski, travaillant en dernier lieu comme surnuméraire à la commission palatinale de Masovie, ils firent, l'un et l'autre, des démarches auprès des employés de ma chancellerie civile, ainsi qu'auprès de ceux de la chancellerie de m-r le sénateur Nowossiltzow. Leurs manigances furent bientôt découvertes, sans qu'aucun des employés des chancelleries ci-dessus y fut compromis; et après que leurs menées furent ainsi mises au jour, je fis renvoyer ces deux individus aux lieux de leur naissance, savoir Yurgaszko à Slonim et Mitkowski à Bialystok, pour y demeurer sous une surveillance sévère de la police locale. J'ordonnai, en même tems, de faire adresser, par l'autorité supérieure du gouvernement de Volhynie, une forte réprimande à m-e la c-sse Rzewuska, pour s'être permise d'user de voies illicites, dans l'intention de terminer ses affaires conformément à ses désirs et au mepris de la justice. Enfin, il se trouva encore, que ce même Yurgaszko avait été, sous le régime du duché de Varsovie, employé comme un espion français et qu'ayant été ensuite inspecteur d'un magasin à sel, il a été, pour déficit, condamné par sentence judiciaire, à être privé de ses titres de noblesse et déclaré incapable de jamais exercer un emploi public. Si j'avais su dans le tems, de quelle manière il a été disposé de la somme de 10 mille roubles offerte par m. la c-sse Manuzzi, certainement j'en aurais fait agir de même envers la c-sse Rzewuska.

Mon attachement inviolable à notre Auguste Maître me porte à vous dire, mon cher Benckendorff, que c'est à présent l'occasion de le lui prouver plus que jamais, en empêchant de toutes vos forces que notre jeunesse pervertie n'ait aucun contact avec cette canaille de Grecs (pardonnez-moi cette expression), car ce contact ne pourrait qu'amener des suites bien funestes. Et croyez vous que Pouschkin et le prince Wiazemsky ont été véritablement guidés par le désir de servir Sa Majesté en fidèles sujets, lorsqu'ils ont demandé à suivre le quartier-général impériale? Non, il n'en est rien. Ils se sont déjà trop fait connaître, ils sont trop gâtés pour nourrir un sentiment si noble. Leur demande, croyez-moi, n'a eu d'autre but que celui d'avoir un nouveau champ pour répandre avec plus de succès et plus de facilité leurs principes subversifs, qui ne manqueraient pas de faire en peu de tems beaucoup de prosélytes parmi les jeunes officiers.

En m'annoncant votre départ de S-t Pétersbourg, pour suivre Sa Majesté, vous me marquez en même tems le désir de continuer votre correspondance avec moi; non-seulement je vous y engage, mais je vous prie même de ne la point interrompre. Vous savez, sans doute, que de mon côté je m'occupe à recueillir des nouvelles de l'étranger qui nous sont communiquées par des agens employés à cet effet. Je les transmets chaque semaine à Sa Majesté, ainsi qu'au commandant en chef de la 2-e armée; je pense qu'il plaît à l'Empereur de vous les communiquer.

Переводъ. Варшава, 27 Апрѣля (9 Мая) 1828. Очень поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ, съ которымъ вы обнаружили происки графини Мануцци въ С.-Петербургѣ. Надо признаться, что вы вели это дѣло ***мастерски.*** Я съ своей стороны сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ эта женщина, во исполненіе высочайшей воли, не могла отлучаться изъ мѣста своей ссылки и чтобъ учрежденъ былъ надзоръ за всѣми ея сношеніями.

Волынская помѣщица графиня Констанція Ржевуская, у которой здѣсь есть дѣла, касающіяся ея имѣній, поручила ходатайство по нимъ нѣкоему Юргацкѣ, непользующемуся хорошей репутаціей. Кромѣ обѣщанной ему за хлопоты награды, она дала ему облигацію въ тысячу червонцевъ, написанную на предъявителя, для того, чтобъ подкупить кого нибудь въ тѣхъ канцеляріяхъ, гдѣ разсматривались поданныя ею прошенія. Юргацко вступилъ съ этою цѣлію въ соглашеніе съ нѣкимъ Митковскимъ, служившимъ въ послѣднее время сверхштатнымъ чиновникомъ въ коммиссіи Мазовецкаго воеводства, и они сообща сдѣлали нѣкоторыя попытки съ цѣлію склонить въ свою пользу чиновниковъ моей гражданской канцеляріи и чиновниковъ канцеляріи г-на сенатора Новосильцова. Ихъ пронырства были выведены наружу, но ни

одинъ изъ служащихъ въ этихъ двухъ канцеляріяхъ не былъ въ нихъ замѣшанъ; убѣдившись въ ихъ проискахъ, я приказалъ отправить ихъ на родину подъ строгій надзоръ мѣстной полиціи: Юргацку въ Слонимъ, а Митковскаго въ Бѣлостокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ высшимъ властямъ Волынской губерніи сдѣлать графинѣ Ржевуской строгое внушеніе за то, что она позволила себѣ прибѣгать къ противозаконнымъ средствамъ для того, чтобъ окончить свои дѣла согласно съ своими желаніями и наперекоръ справедливости. Сверхъ того оказалось, что во время существованія герцогства Варшавскаго этотъ самый Юргацко былъ Французскимъ шпіономъ, а за тѣмъ, состоя инспекторомъ соляного магазина, былъ, за оказавшійся дефицитъ, приговоренъ судомъ къ лишенію дворянскаго званія и признанъ неспособнымъ къ занятію въ будущемъ какихъ-либо общественнныхъ должностей. Еслибы я въ свое время зналъ, на какое употребленіе была назначена сумма въ 10 тысячъ рубл., данная графиней Мануцци, я конечно сдѣлалъ бы на счетъ графини Ржевуской такое же распоряженіе, какое было сдѣлано относительно графини Мануцци.

Моя ненарушимая преданность къ нашему августѣйшему Повелителю заставляетъ меня сказать вамъ, любезный Бенкендорфъ, что вамъ представляется теперь случай доказать ему и вашу преданность, стараясь всѣми вашими силами препятствовать сближенію нашей легкомысленной молодежи съ этими Греческими канальями (извините меня за выраженіе), такъ какъ это сближеніе могло бы привести къ весьма пагубнымъ послѣдствіямъ. И неужели вы думаете, что Пушкинъ и князь Вяземскій дѣйствительно руководствовались желаніемъ служить Его Величеству, какъ вѣрные подданные, когда они просили позволенія слѣдовать за главной императорской квартирой? Нѣтъ, не было ничего подобнаго; они уже такъ заявили себя и такъ нравственно испорчены, что не могли питать столь благороднаго чувства. Повѣрьте мнѣ, что въ своей просьбѣ они не имѣли другой цѣли, какъ найти новое поприще для распространенія съ бо̀льшимъ успѣхомъ и съ бо̀льшимъ удобствомъ своихъ безнравственныхъ принциповъ, которые доставили бы имъ въ скоромъ времени множество послѣдователей среди молодыхъ офицеровъ *).

---

*) Этотъ отзывъ Великаго Князя, внушенный ему конечно его Варшавскими совѣтниками, на время омрачилъ было Пушкина во мнѣніи Николая Павловича. Именно къ этому времени относятся стихи:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ.

Государь, уже во время самаго похода, лично приказалъ прекратить преслѣдованіе. Князь Вяземскій былъ въ этомъ отношеніи несчастнѣе: подозрѣніе тяготѣло надъ нимъ

Извѣщая меня о вашемъ отъѣздѣ изъ С.-Петербурга для сопутствованія Его Величеству, вы выражаете намѣреніе продолжать вашу переписку со мною; я не только желаю, любезный генералъ, чтобы вы ея не прекращали, но прошу васъ объ этомъ. Вамъ конечно извѣстно, что Я съ своей стороны занимаюсь собираніемъ заграничныхъ свѣдѣній, которыя доставляются мнѣ содержимыми для этой цѣли агентами. Эти свѣдѣнія еженедѣльно препровождаю я къ Его Величеству, равно какъ къ главнокомандующему второй арміей; я полагаю, что Государю Императору угодно сообщать ихъ вамъ.

Въ № 10-мъ, отъ 21 Мая (2 Іюня) говорится о томъ, что Государь, проѣзжая на войну по Минской губерніи, встрѣчалъ нищихъ на большой дорогѣ. Великій Князь распорядился, чтобъ этаго впередъ не было.

№ 11.

Varsovie, ce 1 (13) juin 1828.

A la suite de l'avis que vous me donnez sur le compte d'un nommé Sylwestrowitcz qui, selon ce qu'on vous en mande de S-t Pétersbourg, cherche, en rôdant dans les gouvernements de ma direction, à effrayer et tromper différentes personnes, sous la fausse qualité qu'il s'est donnée, d'agent de la haute police,—je me suis empressé de faire parvenir aux gouverneurs civils, ainsi qu'aux autorités militaires compétentes les ordres les plus précis, afin que partout où cet individu sera trouvé, il soit aussitôt saisi et acheminé sous bonne escorte à Varsovie pour m'être présenté; et si la chose est effectivement telle qu'elle vous est rapportée, soyez persuadé, mon cher général, que j'y mettrai ordre. J'ai ordonné en même tems que tous ses papiers soyent saisis et envoyés avec lui à Varsovie. Cet individu peut bien, ce me semble, à en juger par son nom de famille et surtout par ses actions, être le même Sylwestrowicz, qui, l'année dernière, envoyé en commission par le colonel Bibikow, parcourait les gouvernements et qui, à la suite de votre office à moi, sous la date du 16 mars de la même année, fut libéré de ses arrêts à Grodno. Ce même homme fut, peu après, arrêté à Bobrouysk, et en conséquence d'une décision prise par la régence du gouvernement de Minsk, il fut muni d'un certificat, en vertu duquel il

---

цѣлыя десятилѣтія. Когда умеръ Пушкинъ, думали и старались найти въ забранныхъ его бумагахъ указаній на его политическую виновность. Поляки, которымъ неосторожно отрытъ былъ доступъ въ канцелярію графа Бенкендорфа, продолжали свои нашептыванія, и только къ концу царствованія Государь узналъ, наконецъ, какого неоцѣненнаго вѣрнаго подданнаго имѣлъ онъ въ князѣ П. А. Вяземскомъ.

était autorisé à se transporter dans le gouvernement de Volhynie, pour s'y fixer à quelque état,—circonstance dont je vous ai fait part sous la date du 2 août v. st. de la même année.

Переводъ. Варшава, 1 (13) Іюня 1828. Вслѣдствіе сообщаемыхъ вами свѣдѣній касательно нѣкоего Сильвестровича, который, какъ васъ увѣдомляютъ изъ С.-Петербурга, бродитъ по управляемымъ мною губерніямъ и старается многихъ пугать и обманывать, выдавая себя за агента высшей полиціи, я поспѣшилъ дать мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ и военнымъ властямъ самыя точныя приказанія, чтобъ этотъ человѣкъ былъ отысканъ, арестованъ и подъ конвоемъ доставленъ ко мнѣ въ Варшаву; если же подтвердится то, о чемъ васъ извѣщали, будьте увѣрены, любезный генералъ, что будетъ сдѣлано все, что нужно. Я вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, чтобъ были отобраны всѣ его бумаги и доставлены вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву. Судя по имени этого человѣка и въ особенности по его поступкамъ, можно полагать, что это тотъ самый, о которомъ я переписывался съ вами въ прошедшемъ году, когда нѣкій Сильвестровичъ, посланный съ порученіемъ отъ полковника Бибикова, разъѣзжалъ по губерніямъ, и который вслѣдствіе вашего сообщенія ко мнѣ отъ 16 Марта того же года былъ освобожденъ изъ-подъ ареста въ Гроднѣ. Этотъ же самый человѣкъ былъ вскорѣ послѣ того задержанъ въ Бобруйскѣ и, вслѣдствіе постановленія Минскаго Губернскаго Правленія, снабженъ свидѣтельствомъ, съ которымъ онъ могъ переселиться въ Волынскую губернію для избранія тамъ рода занятій, о чемъ я писалъ вамъ 2 Августа 1827 года.

Въ № 12-мъ, отъ того же 1 (13) Іюня, поздравленія съ переправою за Дунай и обложеніемъ Браилова.—Въ № 13-мъ, отъ 5 (17) Іюня, объ отъѣздѣ въ дѣйствующую армію 18-ти Польскихъ офицеровъ, которыхъ Великій Князь поручаетъ покровительству Бенкендорфа.—Въ № 14-мъ, отъ 11 (23) Іюня, о подчиненіи Некрасовцевъ.—Въ № 15-мъ отъ 15 (27) Іюня о взятіи Браилова и Мачина.

Въ № 16-мъ, отъ 22 Іюня (4 Іюля) благодарность за сообщаемыя военныя извѣстія и за благорасположеніе къ Польскимъ офицерамъ. В. Князь пишетъ, что, по примѣрамъ прошлаго, нельзя было ожидать радушнаго пріема, который Турецкіе жители оказываютъ нашимъ войскамъ.—Въ № 17-мъ отъ 29 Іюня (11 Іюля) сѣтованіе на то, что письмо Бенкендорфа пришло не прямо, а вмѣстѣ съ другими письмами въ пакетѣ на имя президента административнаго совѣта графа Соболевскаго, присланномъ къ нему отъ министра-статсъ-секретаря и дивизіоннаго генерала графа Стефана Грабовскаго.—Въ № 18-мъ, отъ того же числа, поздравленіе со взятіемъ Анапы и Тульчи.

№ 19.

Varsovie, ce 11 (23) juillet 1828.

Ce que vous voulez bien me marquer sur le doute que fait naître le systême que les Turcs paraissent avoir adopté et qui leur fait éviter

le combat et les détermine à se retirer de plus en plus, malgré que nos troupes ayent déjà poussé bien avant dans les états de la Porte, me fait croire ou du moins supposer que, quoique les Turcs n'ayent peut-être point imaginé eux-mêmes de suivre un pareil système dans la guerre actuelle, qui est si opposé à leur ancienne méthode, toujours il est permis de présumer au moins, qu'il a pu leur être suggéré et démontré comme avantageux dans leur position présente, par des chrétiens ou des rénégats, dont ils ont un nombre si considérable à leur service. D'ailleurs, l'Espagne a pu leur en fournir l'exemple. Ils le trouvent aussi dans la campagne des Français en 1812 en Russie, où, par suite des dispositions de feu Sa Majesté l'Empereur Alexandre, nos troupes s'étaient même retirées bien loin au de là de Moscou, et le résultat de ces dispositions fut que nous avons été ensuite deux fois à Paris en vainqueurs. Le bulletin que vous m'avez transmis au sujet de l'occupation de Bazardzik a aussitôt été inséré dans les journaux d'ici.

То, что̀ вы пишете о недоумѣніи, возбуждаемомъ принятою Турками системой избѣгать сраженій и все отступать, не смотря на то, что наши войска уже довольно далеко проникли внутрь владѣній Порты, заставляетъ меня думать или по меньшей мѣрѣ, предполагать, что Турки не сами выдумали такую систему, столь противоположную ихъ прежней мотодѣ и что она была имъ внушена, какъ самая выгодная, христіанами или ренегатами, которыхъ такъ много у нихъ на службѣ. Впрочемъ, Испанія могла послужить имъ въ этомъ случаѣ примѣромъ. Они могли найти примѣръ такой системы и во Французской кампаніи 1812 года, когда наши войска отступили даже за Москву вслѣдствіе распоряженій покойнаго Императора Александра Павловича; а результатомъ этихъ распоряженій было то, что впослѣдствіи мы два раза вступали побѣдителями въ Парижъ. Присланный вами бюллетень о занятіи Базарджика былъ тотчасъ напечатанъ въ здѣшнихъ газетахъ.

№ 20-го не имѣется.—Въ № 21-мъ, отъ 2 (14) Августа, о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Шумлою.—Въ № 22-мъ, отъ того же числа о побѣдахъ графа Паскевича.—Въ № 23-мъ, отъ 3 (15) Августа, о средствѣ противъ чумы, которое предлагаетъ Французскій докторъ Шамсъ (Schams): камфора на груди, зашитая въ мѣшочекъ.—№ 24-го не имѣется.—Въ № 25-мъ, отъ 19 (31) Августа, о нездоровьи графа Бенкендорфа.—Въ № 26-мъ, отъ 22 Авг. (3 Сент.) о взятіи Турецкой флотиліи и о смотрѣ судамъ въ Одессѣ.—Въ № 27-мъ, отъ 12 (24) Сент., о кончинѣ Константина Бенкендорфа.—Въ № 28-мъ, отъ 16 (28) Сент. о здоровьи раненнаго князя Меншикова.

№ 29.

Varsovie, le 25 septembre (7 octobre) 1828.

En me parlant de l'échec malheureux qu'a essuyé le régiment des chasseurs de la garde, vous ne faites que toucher seulement deux

mots sur cette malencontre, dans la supposition où vous êtes que son altesse impériale le grand-duc Michel m'en aurait déjà communiqué les détails. Je vous dirai à cela, qu'il ne m'est rien revenu, de qui que ce soit, sur ce fâcheux évènement, et que vous êtes le premier qui me l'ayez mandé. J'avoue que j'aurais vivement désiré en être informé plus au long; mais, à mon grand regret, le contenu de votre lettre démontre que vous-même n'en étiez pas suffisamment au fait, le jour du quel cette lettre est datée.

Переводъ. Варшава, 25 Сентября (7 Октября) 1828. Говоря о неудачѣ, которую потерпѣлъ гвардейскій стрѣлковый полкъ, вы лишь слегка касаетесь этого несчастнаго происшествія, предполагая, что Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ уже сообщилъ мнѣ о немъ во всѣхъ подробностяхъ. На это я вамъ скажу, что я ни отъ кого не получалъ никакихъ сообщеній объ этой неудачѣ и узналъ о ней впервыя отъ васъ. Признаюсь, что я очень желалъ бы знать о ней подробно, но, къ моему сожалѣнію, вижу изъ вашего письма, что вы сами не имѣли полныхъ о ней свѣдѣній, въ тотъ день, когда писали мнѣ.

Въ № 30-мъ, отъ 7 (19) Октября, объ осадѣ Варны, о побѣдѣ Гейсмара, о выздоровленіи князя Меншикова.

№ 31.

Varsovie, le 8 (20) octobre 1828.

Je ne saurais vous rendre, mon cher général, la joie avec laquelle j'ai appris, par votre lettre du 30 septembre v. st., l'occupation par nos troupes de la forteresse de Varna. Cet évènement, si heureux et si important pour les armes de Sa Majesté notre auguste Maître, ne manquera pas de frapper toute l'Europe, qui avait les yeux fixés sur ce point. Veuillez, je vous prie, déposer aux pieds de Sa Majesté mes félicitations les plus empressées et les plus sincères à cette occasion. J'ose dire, qu'il était tems que nous fussions en possession de bonnes nouvelles et de cette place forte; car (et je ne dois point le cacher à Sa Majesté) depuis l'époque où les Turcs nous avaient fait essuyer quelques échecs, la partie saine des habitans de ce pays-ci avait été atteinte, non de crainte sur le sort de nos armes en Turquie, ni de découragement proprement dit, mais d'une espèce d'appréhension, qui se manifestait assez; tandis que ces mêmes échecs, que l'on ne pouvait soustraire à la connaissance du public, malgré toute la surveillance exercée sur l'entrée des journaux étrangers, avaient, en quelque ma-

nière, reveillé et ranimé l'esprit des malveillans, dont toutefois le nombre est bien petit. Ceux-ci recherchaient avidement les journaux étrangers, et principalement ceux de France, qui sont pour eux une sorte d'Évangile, et commençaient, pour ainsi dire, à relever le nez. Lorsqu'ensuite arrivèrent les nouvelles mandant l'irruption de nos gardes dans Varna et la brillante victoire remportée par le général Geissmar, ceci ranima visiblement l'esprit des habitans bien intentionnés et rabaissa d'autant l'esprit des malveillans. Mais lorsqu'enfin arriva la nouvelle de la prise de Varna, et nommément hier soir à 10 heures, elle se répandit à l'instant même par toute la ville avec une vitesse si prodigieuse que ce matin, de très-bonne heure, on envoya déjà de toute part aux bureaux de journaux, et à peine les feuilles publiques, annoncant cet heureux évènement, avaient elles été imprimées, qu'elles furent toutes enlevées d'emblée. La joie est si grande et si universelle, dans la troupe et dans toutes les classes, qu'il est impossible de la dépeindre. On est en extase. Et ce qui surtout y a contribué le plus, c'est de savoir que Varna a été prise sans qu'il y ait eu du sang répandu, ce que l'on craignait audessus tout. Cet évènement est encore d'autant plus favorable que les journaux des puissances étrangères avaient déjà beaucoup crié jusqu'ici, et que ceux-même qui nous ont encouragé à cette guerre avaient commencé à nous jetter des pierres et à nous traiter d'une manière fort déplaisante. Pour célébrer ici cette victoire, le mot d'ordre d'aujourd'hui est *Varna*. C'est un hommage rendu, dans notre éloignement, à un succès obtenu sous les yeux de notre auguste Maître.

Переводъ. Варшава, 8 (20) Октября 1828. Я не нахожу словъ, любезный генералъ, чтобъ выразить вамъ радость, съ которою я узналъ изъ вашего письма отъ 30 Сентября о занятіи нашими войсками крѣпости Варны. Это столь счастливое и столь важное для арміи Его Величества событіе поразитъ удивленіемъ всю Европу, все вниманіе которой было обращено на этотъ пунктъ. Прошу васъ положить къ стопамъ Его Величества мои самыя искреннія поздравленія по этому случаю. Смѣю сказать, что мы съ нетерпѣніемъ ждали хорошихъ извѣстій изъ подъ этой крѣпости, такъ какъ (и я не долженъ этого скрывать отъ Его Величества) съ тѣхъ поръ, какъ мы потерпѣли отъ Турокъ нѣсколько неудачъ, здравомыслящая часть здѣшняго населенія предалась не страху касательно исхода войны съ Турціей и не упадку духомъ, а чему-то въ родѣ опасеній, которыя обнаруживались довольно ясно; а между тѣмъ эти самыя неудачи, которыхъ нельзя было скрыть отъ публики, несмотря на бдительный надзоръ надъ ввозомъ иностранныхъ газетъ, въ нѣкоторой степени оживили и ободрили недовольныхъ, число которыхъ, впро-

чемъ, очень незначительно. Они съ жадностью бросались на иностранныя газеты и въ особенности на Французскія, на которыя они смотрятъ какъ на Евангеліе, и уже начали, такъ сказать, подымать носъ. Когда же пришли извѣстія о вступленіи нашей гвардіи въ Варну и о блестящей побѣдѣ, одержанной генераломъ Гейсмаромъ, это видимымъ образомъ ободрило благонамѣренныхъ жителей и обезкуражило недовольныхъ. Но когда, наконецъ, пришло извѣстіе о взятіи Варны, а именно вчера въ 10 часовъ вечера, оно тотчасъ распространилось по всему городу съ поразительной быстротой; уже съ ранняго утра стали обращаться въ газетныя бюро, и лишь только появились газеты, извѣщавшія объ этомъ счастливомъ событіи, онѣ всѣ были тотчасъ распроданы. Радость такъ велика и такъ всеобща и среди военныхъ, и во всѣхъ классахъ общества, что нѣтъ возможности описать ее. Всѣ въ восторгѣ. Всѣхъ въ особенности обрадовало то, что Варна была взята безъ пролитія крови, котораго всего болѣе опасались. Это событіе тѣмъ болѣе радостно, что иностранныя газеты уже много накричали и что тѣ изъ нихъ, которыя поощряли насъ предпринять эту войну, начали бросать въ насъ каменьями и отзываться о насъ не очень лестно. Въ честь этой побѣды, сегодня слово *Варна* служитъ паролемъ. Этимъ способомъ мы изъ нашего отдаленія привѣтствуемъ успѣхъ, пріобрѣтенный передъ глазами нашего августѣйшаго Монарха.

Въ № 32-мъ, отъ 10 (22) Октября, общая благодарность за сообщаемыя во время военныхъ дѣйствій извѣстія.

*

Кончина матери вызвала Великаго Князя въ Петербургъ, гдѣ онъ, кажется, и провелъ нѣсколько недѣль позднею осенью этого года и куда возвратился тогда съ Государемъ и графъ Бенкендорфъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МОЕМЪ ДѢТСТВѢ.

Начну съ начала. Не думайте, почтенный читатель (если я удостоюсь таковаго имѣть), что начало ничего не значитъ; напротивъ, я убѣдилась долгимъ опытомъ, что много и много значитъ. Роскошная обстановка и любовь среды, окружающей дѣтство, благотворно дѣйствуютъ на все существо человѣка и если вдобавокъ, по счастливой случайности, не повредятъ сердца, то выйдетъ существо, презирающее все гадкое и грязное, существо, не способное ни на что низкое и отвратительное, не понимающее подкупности и мелкаго расчета. Дайте только характеръ твердый и правила. Но, къ несчастію, почти всѣ родители и воспитатели расположены убивать, уничтожать все, чтó обѣщаетъ выработаться въ характеръ самостоятельный въ ихъ питомцахъ, такъ какъ съ характерными дѣтьми больше возни... Имъ больше всего нужны покорность и слѣпое послушаніе, а не смѣло проявляющаяся воля.

Я родилась въ Орлѣ, въ домѣ моего дѣда Ивана Петровича Вульфа, который былъ тамъ губернаторомъ. Мнѣ и теперь случается встрѣчать старожиловъ, вспоминающихъ о немъ съ благоговѣніемъ, какъ о высокой и благодѣтельной личности. Я часто вспоминаю обо этомъ безподобномъ человѣкѣ, и на душѣ становится свѣтло и радостно, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы узнали всѣ, какъ онъ расточалъ когда-то всѣмъ окружающимъ благодѣянія и ласки. Впослѣдствіи я обращусь къ нему, а теперь поговорю о его женѣ, моей бабушкѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ. Она была дочь Ѳедора Артамоновича Муравьева, имѣла большія знакомства и родню, бывала при дворѣ и часто ѣзжала въ Петербургъ. Въ концѣ прошлаго вѣка она ѣздила туда со всѣмъ своимъ семействомъ къ брату своему Николаю Ѳедоровичу Муравьеву (бывшему оберъ-полицеймейстеру) по случаю женитьбы его на Натальѣ Васильевнѣ Апраксиной, очень богатой, но не красивой и притомъ сварливой и скупой... Бракъ былъ по расчету. Заключено было условіе между ними, что имѣющій остаться въ живыхъ получитъ все состояніе умершаго. Николай Ѳедоровичъ умеръ прежде Натальи Васильевны, и она присоединила 70 душъ его къ своимъ 2000, и 50 лѣтъ послѣ него жила и

играла въ карты. Во время этой поѣздки моей бабушки въ Петербургъ, дочь ея, а моя мать, Екатерина Ивановна, вышла замужъ за Петра Марковича Полторацкаго, сына Марка Ѳедоровича Полторацкаго и жены его Агаѳоклеи Александровны, рожденной Шишковой; а братъ ея Николай Ивановичъ Вульфъ женился на Прасковьѣ Александровнѣ Вындомской. Это была замѣчательная партія. Мужъ нянчился съ дѣтьми, варилъ въ шлафрокѣ варенье, а жена гоняла на хордѣ лошадей, или читала Римскую Исторію. Оба они однако были люди достойные любви и уваженія. Отъ этого брака произошла Анна Николаевна, мой искренній другъ, котораго я любила всю жизнь. Увы, она уже умерла!

Вотъ послѣ этихъ свадебъ дѣдушка получилъ мѣсто губернатора въ Орлѣ и поѣхалъ туда съ новобрачными, съ сыновьями и дочерьми: Анною и Натальею. Тамъ-то я и родилась, 11-го Февраля 1800 года, подъ зеленымъ штофнымъ балдахиномъ съ бѣлыми и зелеными перьями страуса по угламъ. Обстановка была такъ роскошна, что посѣтительницамъ мудрено было класть *на зубокъ* подъ подушку матери иначе какъ золото, и его набралось до 70 Голандскихъ червонцевъ. Эти червонцы занялъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ въ 1807 году. Онъ былъ тогда въ нуждѣ. Впослѣдствіи онъ женился на богатой и, по случаю женитьбы Петра Ивановича Вульфа на Розоновой, говорилъ, что „Вульфъ женился на розѣ, а я на цѣлой житницѣ“. Несмотря однако же на это, долгъ остался неуплаченнымъ. Что́ еслибы наслѣдники его вспомнили о старомъ долгѣ и помогли мнѣ въ нуждѣ?

Мать моя, восторженно обрадованная моимъ появленіемъ на свѣтъ, сильно огорчалась, когда не смогла устроить, чтобы ей позволили кормить. Отъ этого сдѣлалось разлитіе молока, отнялась нога, и она всю жизнь хромала. Пока нашли мнѣ мамку, ко мнѣ приходила кормилица Анны Николаевны, которая родилась прежде меня тремя мѣсяцами. Но мать этой послѣдней не всегда отпускала ко мнѣ кормилицу, мнѣ приходилось иногда бывать впроголодь, и это очень огорчало мать.

Батюшка началъ меня воспитывать еще съ пеленокъ, и много натерпѣлась я отъ его методы воспитанія! Онъ былъ добръ, великодушенъ, остроуменъ повольтеровски, достаточно, по тогдашнему времени, образованъ и весь проникнутъ былъ ученіемъ энциклопедистовъ; но у него много было забористости и самонадѣянности, побуждавшихъ его къ капризному своеволію надъ всѣми окружающими. Отъ этого и обращеніе со мною доходило до нелѣпости. Когда я, бывало, плакала отъ того, что хотѣла груди, или была нездорова, онъ меня клалъ въ темную комнату и оставлялъ въ ней до тѣхъ поръ, пока я, отъ усталости, засыпала въ слезахъ. Требовалъ, чтобы не пеленали и отнюдь не качали. Но окружающіе дѣлали это по секрету; онъ сердился и вымещалъ на мнѣ-малюткѣ. Отъ такого прятанья случались казусы, могшіе стоить мнѣ жизни. Однажды бабушка унесла меня, когда я раскричалась, на дворъ во время гололедицы, чтобы онъ не слыхалъ моего крика, споткнулась на крыльцѣ, бухнулась

со всѣхъ ногъ и чуть не раздавила меня. Въ другой разъ двѣ тетушки качали меня на подушкѣ, чтобы унять мой плачъ и уронили на кирпичный полъ. Это было въ дорогѣ, когда батюшка, переѣзжая въ живописныя Лубны, гдѣ ему бабушка дала въ управленіе 700 душъ, завозилъ матушку въ Сорочинцы, Полтавской губ., къ знаменитому тогда доктору Трофимовскому, для полученія отъ него совѣтовъ относительно больной ея ноги.

Пріѣхавъ въ Лубны, батюшка занялся хозяйствомъ, а матушка леченіемъ, согласно даннымъ ей Трофимовскимъ наставленіямъ и рецептамъ. Отецъ мой въ обращеніи съ крестьянами и прислугою проявлялъ большую гуманность. Онъ былъ врагъ тѣлесныхъ наказаній, розогъ у него и въ заводѣ не было, и платилъ жалованье прислугѣ въ то темное время, когда на слугъ и крестьянъ смотрѣли исключительно какъ на рабочую силу. Впрочемъ, несмотря на гуманность, онъ, въ припадкѣ спекулятивныхъ увлеченій, продалъ разъ на свозъ цѣлое село крестьянъ. Спекуляціи его раззорили. Онѣ имѣли характеръ болѣе поэтическій, чѣмъ коммерческій и лопались, какъ мыльные пузыри.

Чтобы отдохнуть отъ продолжительнаго леченія и разныхъ семейныхъ заботъ и смущеній, мать поѣхала вмѣстѣ со мною и другой дочерью, которую сама кормила, къ своимъ родителямъ, жившимъ тогда въ Тверской губерніи, въ имѣніи своемъ, миломъ нашемъ Берновѣ. Мнѣ былъ тогда четвертый годъ.

Тутъ мы прожили годъ, потому что я и малютка-сестра заболѣли скарлатиною, отъ которой сестра моя и умерла. Изъ этого года памятны мнѣ: няня Васильевна, варившая мнѣ кашу на сливкахъ; крики на нее батюшки, чтобы она не смѣла усыплять меня сказками и даже сидѣть у постельки моей; болѣзнь и противныя лекарства. Засыпать одной въ комнатѣ было ужасно, и мнѣ казалось, что приказаніе батюшки, чтобы няня не сидѣла возлѣ меня, когда я лягу спать, отдано было мнѣ на зло.

Въ Берновѣ было нѣсколько дѣтей; но я помню хорошо только одну Анну Николаевну Вульфъ, съ которою потомъ училась и всегда была дружна. Мы обѣдывали на маленькомъ столикѣ въ столовой, за часъ до обѣда старшихъ. За обѣдомъ присутствовала одна изъ нашихъ нянeй: или моя Палагея Васильевна, или ея Ульяна Карповна; обѣ добрыя, усердныя и ласковыя.

Мнѣ было привольно въ Берновѣ, особенно въ отсутствіи батюшки. Всѣ были внимательны и нѣжны ко мнѣ, въ особенности нашъ безподобный дѣдушка Иванъ Петровичъ. Онъ очень любилъ птицъ. Въ обѣденной залѣ, смежной съ его кабинетомъ, находилась вольерка съ канарейками. Ихъ тамъ было очень много. Однажды я сѣла на колѣни къ дѣдушкѣ и сказала: „Я думаю, что жареныя канарейки очень вкусны. Я бы хотѣла, чтобы вы приказали жарить мнѣ ихъ“... Мнѣ не приходило въ голову, что ихъ для этого нужно рѣзать. Я никогда не ходила въ кухню (она отстояла отъ дома далеко) и не имѣла понятія о томъ, какъ готовятъ кушанья. Дѣдушка не сдѣлалъ никакого замѣчанія, по поводу моего жесто-

косердія и съ своею доброю, кроткою улыбкою сказалъ: „хорошо, я велю“... и мнѣ стали подавать жареныхъ птичекъ, разумѣется, не канареекъ, а воробьевъ. Пользуясь, вѣроятно, этимъ, было украдено нѣсколько канареекъ, и я, замѣтивъ ихъ убыль, объявила дѣдушкѣ, что уже довольно жарить ихъ, что ихъ уже мало осталось. Дѣдушка никогда не сердился и на этотъ разъ никого не бранилъ за пропажу канареекъ, а выразилъ только огорченіе, и воровство прекратилось. Никто никогда не слыхалъ, чтобы онъ возвышалъ голосъ, чтобы онъ кричалъ, и на его умномъ лицѣ всегда витала обаятельная, кроткая улыбка, такъ мастерски воспроизведенная карандашемъ Кипренскаго, на стоящемъ передо мной портретѣ. Этотъ портретъ рисовался въ Твери, и я стояла, облокотясь на столъ, за которымъ сидѣлъ дѣдушка и смотрѣлъ на меня съ любовью въ то время, когда художникъ быстро воспроизводилъ милыя мнѣ черты.

Жена дѣдушки, Анна Ѳедоровна, была урожденная Муравьева, близкая родственница знаменитаго Михаила Никитича Муравьева воспитателя и друга Александра I-го. Она и сестра ея Любовь Ѳедоровна, нѣжно мною любимая и горячо привязанная къ моей доброй, мягкой матери, были аристократки. Первая держала себя чрезвычайно важно даже съ дѣтьми своими, несмотря на то, что входила во всѣ мелочи домашняго хозяйства. Такъ напримѣръ, я помню, что въ ея уборную приносили кувшины молока, и она снимала съ нихъ сливки для всего огромнаго семейства. Пироги всегда лѣпились при ней на большомъ столѣ въ дѣвичей, огромной комнатѣ съ тремя окнами. Тутъ пеклись и хлѣбы къ свѣтлому празднику, и часто разбирался осетръ въ ростъ человѣка. При всемъ этомъ я присутствовала, и меня очень занимала эта возня. Важничанье бабушки происходило отъ того, что она бывала при дворѣ и представлялась Маріи Ѳеодоровнѣ съ матерью моею, бывшею тогда въ дѣвицахъ. Всегда привѣтливая и ласковая, Императрица познакомила мою мать съ своими дочерьми—Еленою и Александрою Павловнами, сравнивала ихъ ростъ, и мать моя говорила потомъ, что она никогда не видала никого красивѣе ихъ. Помню, какъ бабушка Анна Ѳедоровна долго не соглашалась на бракъ своей дочери Натальи Ивановны съ Вас. Ив. Вельяшевымъ, добрѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, любившимъ искренно Наталью Ивановну и пользовавшимся ея безграничною привязанностію, потому только, что онъ не былъ такимъ аристократомъ, какого она желала въ мужья для дочери, былъ игрокъ и имѣлъ несчастіе испытать за картами оскорбленіе. Дѣти однако уговорили ее, и она устроила парадный, торжественный сговоръ. Когда семья и приглашенные гости усѣлись на креслахъ вокругъ стѣнъ и вблизи дивана, на которомъ она возсѣдала съ дочерью Натальею Ивановною и когда подошелъ къ нимъ женихъ, то она взяла руку дочери, положила на его руку и торжественно, съ величайшею важностію, сказала: „Василій Ивановичъ! Пріймите руку моей дочери“. И только! Потомъ встала и быстро ушла, сказавъ тихо дочери: „твоя свадьба—мой гробъ“. Послѣ этого она скоро умерла. Наталья Ивановна и Василій Ивановичъ были счастливы всю

жизнь и, несмотря на разореніе отъ карточной игры, ихъ семейная жизнь, исполненная любви и согласія, считалась образцовою.

Проживъ нѣкоторое время въ Берновѣ, мы поѣхали въ Лубны, гдѣ батюшка строилъ второй домъ на чрезвычайно живописномъ мѣстѣ, на окраинѣ горы, спускавшейся террасами къ р. Сулѣ, среди берестовыхъ, липовыхъ и дубовыхъ рощъ, красиво групировавшихся на сосѣднихъ холмахъ и террасахъ надъ картинными оврагами. За рѣкою раскидывался обширный видъ верстъ на 25-ть съ деревнями, хуторами и пр. Этимъ видомъ любовался князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, говорившій, что не видалъ ничего лучшаго въ Швейцаріи. Князь Куракинъ бывалъ у насъ въ этомъ второмъ домѣ отца и держалъ меня на рукахъ, когда докторъ его прививалъ мнѣ оспу. Я, разумѣется, плакала, и онъ, утѣшая меня, говорилъ: „это блошка кусаетъ". Это былъ настоящій магнатъ, съ величавою осанкою и самою граціозною ласковостію въ обхожденіи. Все лицо его сіяло добротою и умомъ. Онъ былъ очень образованъ и любилъ моего отца. Вообще батюшка былъ счастливъ на друзей. Въ числѣ ихъ находились даже такія знаменитости, какъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей и князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, въ послѣдствіи нашъ генералъ-губернаторъ. Всѣ они видѣли въ моемъ отцѣ энергичнаго и умнаго дѣятеля.

Когда мы пріѣхали въ Лубны, то второй нашъ домъ былъ не совсѣмъ конченъ, и меня переносили чрезъ сѣни по балкамъ въ оконченныя комнаты. Первый же построенный батюшкою въ Лубнахъ домъ былъ пожертвованъ имъ подъ богоугодное заведеніе въ первое трехлѣтіе его предводительства въ Лубенскомъ уѣздѣ. Въ этомъ уѣздѣ онъ былъ выше всѣхъ головою, и его уважали всѣ. Прежде онъ служилъ при Штакельбергѣ, во время посольства его въ Швеціи и подъ вліяніемъ его читалъ много и развился. Онъ своимъ умомъ и образованіемъ обаятельно дѣйствовалъ на простодушныхъ Лубенцовъ и снискалъ ихъ любовь. Тогдашняя просвѣщенная молодежь, хотя знала менѣе нынѣшней, но знала основательно, и въ ней не было того легкомыслія, схватыванія съ знаній вершковъ, той распущенности, какія рѣжутъ теперь глаза. Тогда руководились нравственными принципами и отличались силою убѣжденій. Въ число научныхъ предметовъ входила тогда и миѳологія, и одинъ офицеръ стоявшаго въ Лубнахъ полка, именно Брозинъ, переписалъ на память одну часть Lettres à Émilie sur la Mithologie par Démoutier, для моей матери, когда она потеряла томъ этого шеститомнаго сочиненія. Подобнымъ образомъ тогдашніе люди знали науки. А главное, по моему, это то, что прежде отношенія между людьми были теплѣе и что люди были великодушнѣе, деликатнѣе и учтивѣе. Нынѣшніе же молодые люди поражаютъ меня безсердечностію, эгоизмомъ самымъ узкимъ и шероховатостію манеръ. Ну да не объ этомъ рѣчь....

Лубны въ то время были наполнены отличными людьми, даже по образованію не слишкомъ запоздалыми. Городничимъ былъ Артюховъ, очень

образованный человѣкъ, не портившій кружка моего батюшки. Старый аптекарь казенной аптечки, дряхлый Гильдебрандтъ, очень добрый, почтенный Нѣмецъ и его радушная и отличная хозяйка, жили открыто, были очень гостепріимны, и гости наполняли ихъ домъ съ утра до вечера. Столъ ихъ былъ такой лакомый и изобильный, какой теперь трудно встрѣтить. Такъ было и у дочерей ихъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за Кулябкою, другая за Новицкимъ, а третья за Пинкорнелли, бывшимъ въ послѣдствіи городничимъ въ Лубнахъ. У этой послѣдней обѣды доходили до изумительной роскоши. Во всѣхъ этихъ семействахъ чистота въ домахъ была безукоризненная. Пинкорнелли не ѣлъ никакихъ другихъ птицъ и животныхъ, какъ только бѣлыхъ. Кулябки были образцовые супруги, и хотя жена была лютеранка, а мужъ православный, но она ѣздили съ нимъ въ заутрени даже въ трескучіе морозы, и соблюдала посты. При этомъ говорила: „Мнѣ „не можно не ѣхать къ заутрени, милочка-душечка, когда мой Ник. Ив. „ѣдетъ!.. А потомъ мы вмѣстѣ кофе пьемъ... такъ пріятно!..“ Кофе подавался имъ въ разныхъ кофейникахъ, на томъ основаніи, что первая чашка изъ кофейника лучше второй, и было бы обидно тому изъ нихъ, кому досталась бы вторая чашка. Ихъ завтраки отличались обиліемъ и чопорностію. Все было симметрично, фигурно уложено, а на графинахъ съ многообразными водками красовались изысканно вырѣзанные ярлыки изъ бумаги съ надписями: *кардамонная, горькая, мятная* и др. Гостямъ приходилось отвѣдывать ихъ хоть по капелькѣ; но пьяныхъ я никогда не видала. Кутежъ не былъ тогда à l'ordre du jour. Случалось, что нѣкоторыя лица дѣлались розовѣе на праздникахъ, но и только. Кутежи сильно развились позднѣе, въ концѣ двадцатыхъ годовъ и въ послѣдующее тридцатилѣтіе. Добрѣйшая хозяйка этого уютнаго, теплаго дома была до того чопорна, что закрывала даже шею свою платочкомъ отъ нескромныхъ взглядовъ. Этотъ платочекъ вымытъ былъ однако въ шафранѣ, чтобъ оттѣнялъ бѣлизну лица. Спавши на одной кровати съ мужемъ, она укрывалась отдѣльно отъ него одѣяломъ. Однажды сдѣлалась у нея на ногѣ рана; призвали доктора, и онъ попросилъ позволенія осмотрѣть рану. Долго колебались, согласиться на это или нѣтъ, и наконецъ заставили доктора смотрѣтъ въ дырочку на простынѣ, протянутой чрезъ всю комнату, за которою сидѣла больная съ ногою тщательно обернутою полотенцами, кромѣ больнаго мѣста. Любовь ея къ мужу внушила ей одѣть его могилу ползущимъ, густымъ растеніемъ съ мелкими листками и синими цвѣтами, называемымъ въ Малороссіи барвинкомъ. Это было очень красиво и поэтично.

Эти три семейства отличались, кромѣ хлѣбосольства и чистоплотности, такою деликатностью, какой не встрѣтишь теперь. Поэтому-то и просвѣщеннымъ болѣе ихъ людямъ пріятно и привольно жилось среди этихъ добряковъ. Одна женщина изъ такой семьи не дѣлала замѣчаній мужу, изъ деликатности, даже тогда, когда онъ смѣлыми оборотами доводилъ имѣніе до разоренія, хотя имѣніе принадлежало ей. Подобныхъ этимъ было много и въ городѣ, и въ уѣздѣ.

Изъ жившихъ въ уѣздѣ самыми близкими намъ были Алексѣевы. Они жили очень роскошно, въ большомъ домѣ, наполненномъ шутами, приживалками; былъ даже сумасшедшій. Этотъ послѣдній бывалъ съ ними лѣтомъ у насъ. Онъ меня занималъ, и я, встрѣтивъ его однажды на горкѣ передъ балкономъ нашего дома, предложила ему идти внизъ по горѣ въ гости, къ знакомымъ нашимъ, всегда меня лакомившимъ. Мнѣ было тогда шесть лѣтъ. Мы пошли. Надо было перейти по узкому карнизу подъ горою, надъ огромнымъ обрывомъ и потомъ идти по гребню, имѣя съ двухъ сторонъ пропасти. Подойдя къ этому мѣсту, я остановилась, а сумасшедшій взялъ меня на руки и перенесъ по опасной тропинкѣ, и мы благополучно достигли до домика знакомыхъ, красиво пріютившагося подъ горою въ тѣни липъ. Алексѣевы лѣчились у доктора Голованова, женившагося потомъ на нашей родственницѣ, проживавшей въ нашемъ домѣ. Головановъ былъ высоконравственный, образованный и строго добрый человѣкъ. Кромѣ медицины онъ занимался съ энергіею садоводствомъ и садъ свой довёлъ до совершенства. Въ немъ произрастали плоды южной Франціи. А что́ у него были за цвѣты! Онъ былъ подтвержденіемъ мысли, вычитанной мною гдѣ-то, что кто любитъ цвѣты, тотъ непремѣнно добръ и чистъ душою. Этотъ превосходный человѣкъ былъ замѣчательно разумнымъ и талантливымъ медикомъ. Его искусство въ соединеніи съ чуднымъ, здоровымъ климатомъ привлекало въ Лубны больныхъ изъ далекихъ мѣстъ, и городъ былъ полонъ пріѣзжими.

Получивъ отъ помянутыхъ знакомыхъ много конфектъ, я съ своимъ сумасшедшимъ возвратилась домой тѣмъ же путемъ. Мать моя, узнавъ о моей прогулкѣ, пришла въ ужасъ и засадила меня въ темную комнату. Обливаясь тамъ горькими слезами, я сомнѣвалась, чтобы со мною поступили справедливо. Мнѣ казалось, что скорѣе слѣдовало бдительнѣе присматривать за мною, нежели наказывать. Разумѣется, эти соображенія были тогда очень смутны. Теперь же я замѣчу, что родительское *чувство* прекрасно и священно, а родительская *власть* далеко не всегда благотворна. Часто она направляетъ воспитаніе дѣтей не по ихъ способностямъ и наклонностямъ, а по личнымъ соображеніямъ, устроиваетъ карьеру ихъ, не спросясь съ ихъ влеченіями и желаніями, и бросаетъ ихъ въ бракъ согласно собственнымъ вкусамъ и выгодамъ, не сообразуясь иногда совсѣмъ съ чувствомъ дѣтей, и въ концѣ концовъ выходитъ несчастіе.

Не могу умолчать о двухъ еще семействахъ: объ аптекаряхъ казенной и вольной аптекъ, Виндингѣ и Делѣ. Первый былъ женатъ на очень умной Швейцаркѣ, занимавшейся воспитаніемъ дѣвочекъ, и всего себя посвящалъ на работу въ ботаническомъ саду; а второй съ добрѣйшею своею женою сдѣлали свой домъ пріятнѣйшимъ въ городѣ, а аптеку лучшею въ губерніи. Лубенцы той эпохи такъ были гостепріимны, что для удовольствія другихъ не щадили своего покоя. Такъ однажды батюшка мой вмѣстѣ со всею семью и скрыпачемъ пріѣхалъ ночью, послѣ ужина, къ старичкамъ Гильдебрандтамъ, разбудилъ ихъ и устроилъ танцы. Старички

не только не разсердились, но изъ всѣхъ силъ засуетились, чтобы угощать и казались очень счастливы.

Батюшка мой былъ веселаго нрава, вовсѣ не чванливъ и принималъ у себя не только купцовъ, но даже мѣщанъ. Въ нашемъ обществѣ являлся часто городской голова Романъ Ѳедоровичъ Жаданъ, умный, честный человѣкъ, обладавшій безконечнымъ юморомъ, самымъ добродушнымъ остроуміемъ и любезностію. На всѣхъ вечерахъ онъ являлся, пѣлъ съ нами Малороссійскія пѣсни и тѣшилъ насъ мѣстными анекдотами. Въ особенности онъ былъ хорошъ, когда, избравъ для своихъ шутокъ жертву, разсказывалъ ей самымъ наивнымъ образомъ смѣшные про нее же анекдоты. Однажды, когда были выбраны въ Нижній Земскій Судъ чиновники: Рёва, Горобецъ и Барвинскій, онъ сказалъ экспромтъ:

Рёва ревнѐ
Горобецъ спорхнѐ,
Барвинокъ завянѐ,
И Суда Нижняго нѐ станѐ *).

Когда генералъ-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій ревизовалъ присутственныя мѣста въ Лубнахъ, то въ числѣ прочихъ чиновниковъ представлялся ему и упомянутый Горобецъ въ чужомъ дворянскомъ мундирѣ, едва налегшемъ на его жирную фигуру. Пылкій, нетерпѣливый князь замѣтилъ красное лицо, вылѣзавшее изъ чужаго, узкаго мундира, и спросилъ: ты чтò за птица?.. „*Горобецъ*, ваше сіятельство", отвѣчалъ тотъ. Князь такъ разсердился за этотъ отвѣтъ, думая, что онъ данъ на смѣхъ, что выгналъ его изъ своей пріемной. Насилу могли увѣрить князя, что несчастный дѣйствительно носилъ фамилію Горобецъ.

Послѣ ревизіи князь Лобановъ-Ростовскій обѣдалъ у батюшки, бывшаго тогда предводителемъ дворянства, и за столомъ, сравнивая дворянъ Русскихъ съ Малороссійскими, сказалъ, что первые похожи на собакъ, потому что набрасываются, подобно имъ, на того, на кого нападаютъ другіе; а послѣднія на свиней, защищающихъ обижаемаго собрата. Но на кого бы мои земляки ни походили, а въ дѣтствѣ они мнѣ нравились, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ до сихъ поръ во мнѣ таятся теплыя чувства.

Гостинныя тогдашнихъ дворянъ оглашались живымъ, веселымъ говоромъ военныхъ, отличавшихся учтивостію, любезностію и образованіемъ. Въ Лубнахъ стоялъ тогда полкъ *Мелиссино*, очень умнаго и добраго Серба. Этотъ храбрый генералъ говаривалъ: „полытыка, полытыка, а рубаться трѐба!" и дѣйствительно рубился въ сраженіяхъ съ такою отчаянною храбростію, что не было преградъ его мужеству. Въ 1813 году, на второй день Дрезденскаго сраженія, онъ бросился въ атаку съ своимъ Лубенскимъ

---

*) Горобецъ значитъ воробей, барвинокъ — синій цвѣтокъ.

гусарскимъ полкомъ на каре Наполеоновской гвардіи, ворвался въ него, но пронизанный тремя пулями палъ на руки обожавшихъ его солдатъ и умеръ славною смертію среди разбитаго непріятеля. Тѣло его было погребено въ Кульмѣ. Онъ былъ остеръ, щедръ до расточительности, любилъ свою красавицу жену Роксандру Михайловну, рожденную Кантакузену, и былъ любезенъ съ дѣтьми и въ особенности со мною. Разъ одинъ офицеръ, на вечерѣ у насъ, посадилъ меня на колѣни, заставилъ меня читать что-то и очень любезно шутилъ... Я восхитилась имъ и обѣщала выйдти за него замужъ. Когда онъ ушелъ, то я сказала матери о своемъ обѣщаніи, а она смѣясь сообщила Мелиссино.... Старикъ хотѣлъ узнать, кого я осчастливила своимъ выборомъ; но я не могла назвать своего избраннаго, потому что не знала его фамиліи, и тогда онъ сталъ подводить ко мнѣ, сидѣвшей на комодѣ, всѣхъ офицеровъ полка.... Оказалось, что избранный мой былъ Гурьевъ. Добрая жена этого почтеннаго старика часто катала меня по толокѣ, покрытой чебромъ и доходившей до нашего дома. На окраинѣ этой толоки мы гуляли съ нею по опушкѣ рощъ, и тутъ въ первый разъ я нашла душистый, синій цвѣтокъ тацеты и такъ восхитилась его неуловимымъ запахомъ, что до сихъ поръ живо помню это пріятное ощущеніе.

Среди этого общества я жила съ своею доброю семьею до 8-ми лѣтъ, присутствуя и участвуя во всѣхъ его удовольствіяхъ. Не смотря однако на постоянныя веселости, обѣды, балы, мнѣ удавалось удовлетворять своей страсти къ чтенію, развившейся во мнѣ съ пяти лѣтъ. Каждую свободную минуту я употребляла на чтеніе Французскихъ и Русскихъ книгъ изъ библіотеки моей матери. Тутъ попадались мнѣ по большей части Англійскіе романы. Изъ нихъ нравился мнѣ особенно: *Octavia*, par Anna Maria-Porter, Félicie et Florestine и другіе. Многаго, разумѣется, я не понимала, но все таки читала. Въ куклы я никогда не играла; но очень была счастлива, если могла участвовать въ домашнихъ занятіяхъ кому-нибудь помогать. Мнѣ кажется большимъ промахомъ со стороны воспитателей, когда они позволяютъ *играть* дѣтямъ до пресыщенія и не придумываютъ занимательнаго и полезнаго труда для нихъ. Вѣчно играть скучно! Куклы же, на мой взглядъ, разговоры съ ними и прочее пріучаютъ дѣтей вѣрить въ представленія своего воображенія, какъ въ нѣчто дѣйствительно-существующее и дѣлаютъ ихъ самообольщающими себя мечтателями. Какъ я сказала, книги замѣняли мнѣ игру въ куклы, и я такъ увлеклась ими, что когда была замужемъ и жила въ Петербургѣ, то прочла всю библіотеку Лури, и онъ подъ конецъ не зналъ что́ мнѣ давать.

Въ это время состояніе моего отца заключалось въ двухъ деревняхъ подъ Лубнами, въ 700 душъ, и въ домѣ съ землями и крестьянами въ самыхъ Лубнахъ и ихъ окрестностяхъ. 700 душъ тѣ принадлежали его матери, онъ ими только пользовался. Потомъ онъ пріобрѣлъ за 40,000 асс. 150 душъ съ 1500 десятинъ и, продалъ ихъ *на свозъ*, купилъ скота, сварилъ изъ него бульонъ, которымъ предполагали продовольствовать армію во время войны, повезъ его въ Петербургъ продать въ казну; но не хо-

тѣлъ подмазать, и бульона не приняли. Тогда онъ свезъ его въ Москву. Пришелъ Наполеонъ и съѣлъ бульонъ. Подобными аферами полна его жизнь. Такъ на примѣръ онъ, получа даромъ землю въ Кіевѣ, вздумалъ построить, не имѣя ни гроша денегъ, огромный домъ для помѣщенія всѣхъ лучшихъ магазиновъ, на манеръ Палерояля. Нанялъ рабочихъ, построилъ для нихъ въ долгъ баракъ и сталъ ѣздить къ магазинщикамъ и убѣждать ихъ заплатить ему впередъ, за проэктированныя для нихъ квартиры, годовую плату, съ тѣмъ что онъ устроитъ имъ помѣщенія въ ихъ вкусѣ. Разумѣется никто не согласился, и затѣя вся кончилась процесомъ съ рабочими и строителями барака для нихъ. Всѣхъ его аферъ мнѣ и не перечесть. Очень занималъ меня одинъ его проэктъ. Это пушка въ бочкѣ, которую везла легко одна лошадь. Этимъ проэктомъ онъ очень насмѣшилъ военныхъ, которымъ поручено было произвести пробу. Отъ перваго выстрѣла бочка разлетѣлась. Упоминаю объ этомъ проэктѣ и аферахъ для того, чтобы показать, какимъ путемъ мы постепенно шли къ разоренію, не смотря на частую помощь матери его Агаѳоклеи Александровны.

Это была замѣчательная въ свое время женщина! Она происходила изъ фамиліи Шишковыхъ, вышла замужъ очень рано, когда еще играла въ куклы, за Марка Ѳедоровича Полторацкаго, очень красиваго и добраго человѣка, прекрасное лицо котораго теперь смотритъ на меня съ портрета Боровиковскаго. Когда къ нимъ въ домъ пріѣхалъ Маркъ Ѳедоровичъ, то няня Агаѳоклеи Александровны вошла къ ней и сказала: Ѳеклушка, поди— женихъ пріѣхалъ!

Вскорѣ послѣ этого была и свадьба. Разумѣется о любви и помину не было, и бракъ совершился на основаніи соображеній родителей. Подобные браки по расчету меня всегда возмущали. Мнѣ казалось, что, при устройствѣ подобныхъ браковъ, составляется преступная продажа человѣка, что попирается его достоинство, что онъ третируется какъ вещь и что такой бракъ есть развратъ и основа для самого оскорбительнаго и томительнаго несчастія. Ну да что толковать! Объ этомъ писано много. А много-ли послѣдователей? Отъ упомянутаго брака явилось на свѣтѣ 22 человѣка. Всѣ они были хорошо воспитаны, способны на великодушныя увлеченія, всѣ были привѣтливы, любезны, очень мѣтко, хотя подъ часъ и зло, шутили и для краснаго словца не щадили никого и ничего. Не смотря однако же на многія свои достоинства, они не были высокаго другъ о другѣ мнѣнія и вѣрили всякимъ клеветамъ про своихъ близкихъ. Ума было много, а чувства мало. При томъ они больше склонялись къ враждебнымъ чувствамъ, нежели къ дружелюбію, и сарказмы были ихъ утѣхою. Лучшій изъ нихъ и богатѣйшій по женѣ былъ Дмитрій Марковичъ: онъ былъ безконечно добръ. Впрочемъ доброта была общею чертою всѣхъ, также какъ вспыльчивость, расточительность и любовь къ аферамъ, но можно сказать, что умышленно они не сдѣлали никому зла. Отецъ мой былъ одинъ изъ младшихъ и менѣе другихъ любимый своею матерью. Она была красавица и хотя не умѣла ни читать, ни писать, но была такъ умна и распоряди-

тельна, что, владѣя 4000 душъ, многими винокуренными и другими заводеми и откупами, вела всѣ свои дѣла сама, безъ управляющаго, чрезъ старостъ, которыхъ назначала изъ одной деревни въ другую отдаленную, гдѣ не было у нихъ родни и часто ихъ переводила съ мѣста на мѣсто и мѣняла. При этомъ тотъ часъ обнаруживалось, честно-ли вели себя старосты, и бѣда была тому, кто ее обманывалъ. Она была очень строга и даже жестока. Жила она въ Тверской губ., въ с. Грузинахъ, въ великолѣпномъ замкѣ, построенномъ Растрелли. Онъ стоялъ на возвышеніи, передъ нимъ растилалась лужайка, за нею рѣка съ островками, а за нею рядъ каменныхъ избъ, печально глядѣвшихъ на господскій домъ. Она всю зиму лежала въ постелѣ и изъ подушекъ управляла своими дѣлами; все же лѣто проводила въ полѣ, присматривая за работами. Изъ алькова своей прекрасной спальни съ молельною, обитой зеленымъ сукномъ, она перенесла свое ложе въ большую гостиную, отдѣланную розовымъ мраморомъ, чтобы просторнѣе было и удобнѣе принимать дѣловыхъ людей, старостъ и гостей, и въ этой ея резиденціи я впервыя увидала ее. Она меня чрезвычайно полюбила, угощала изъ своей бонбоньерки леденцами и безпрестанно заставляла меня болтать. Ее это занимало. Въ этой комнатѣ было двѣ картинки: Спаситель во весь ростъ и Екатерина II-я. Про первую картину она говорила: „Это мой другъ"; а вторую такъ любила, что послѣ ея смерти купила всѣ ея рубахи и другихъ уже не носила. Замѣтивъ, что я всегда плакала, когда выдавали за мужъ горничныхъ, она дразнила меня тѣмъ, что обѣщала выйдти за мужъ за одного изъ старостъ. При ней жило много приживалокъ, и она любила забавляться ихъ каляканьемъ, сплетнями и ссорами. Это замѣняло ей чтеніе. У нея бывали по преимуществу только по дѣламъ. Сосѣди рѣдко заглядывали въ ея золотомъ и мраморомъ отдѣланные апартаменты. Да и заманки мало было. Кормила она дурно, обращалась непривѣтливо. Она обѣдала всегда особо, сидя на постели предъ небольшимъ столомъ, и ей подавали въ особыхъ сосудахъ изысканныя блюда, а всѣмъ другимъ что-то такое невкусное, что меня разъ стошнило послѣ супа... Впрочемъ она иногда позволяла мнѣ лизнуть изъ своихъ горшочковъ. Всѣ тѣ, которые пріѣзжали къ бабушкѣ привозили съ собою и скуку, спутницу праздности, которою одержимы были тогда помѣщики. Трудъ они считали униженіемъ и далеки были еще отъ сознанія, что онъ обусловливаетъ, осмысляетъ жизнь, что въ немъ заключается нѣкоторое удовлетвореніе для человѣка. Книгъ они не читали, а если читали, то ничего не вычитывали. Да и теперь-то немногіе слѣдуютъ тому разумному и нравственному, что́ таится въ нѣкоторыхъ книгахъ, и книги мало улучшаютъ и развиваютъ, хотя это ихъ прямое назначеніе. Такъ будемъ же снисходительны къ старинѣ и займемся еще немного бабушкою. Она съ батюшкою моимъ была холодна, съ матерью ласкова, а со мною до того нѣжна, что безпрестанно давала мнѣ горстями скомканныя ассигнаціи. Этими подарками я нѣсколько возмущалась: какъ будто я была нищая! Всѣ ихъ я относила къ матери. Разъ бабушка спросила у меня, чего я хочу: куклу, или

деревню? Изъ гордости я предпочла куклу. Она, разумѣется, дала бы мнѣ и деревню; но едва ли бы она осталась у меня: ее точно также взяли бы у меня, какъ и все что́ я когда-нибудь имѣла! Такъ напримѣръ, отдавая меня за мужъ, дали двѣ деревни изъ приданнаго матери, и не прошло и года, взяли ихъ заложить, для воспитанія будто-бы сестеръ моихъ и брата, и употребили занятую сумму на заведеніе въ Лубнахъ экипажной, суконной и горчичной фабрикъ. Эти фабрики лишили меня имѣнія и прибавили отцу долговъ. Чтобы вознаградить меня и обезпечить другихъ дѣтей, было завѣщано бабушкою намъ 120 душъ и 50,000 рублей и дана наслѣдниками движимость Грузинъ и 60 душъ. Все это предполагалось раздѣлить между мною, двумя моими сестрами и братомъ; но батюшка выпросилъ все это у насъ и употребилъ на уплату части цѣны за покупавшіяся имъ тогда имѣнія княгини Юсуповой. Этого всего было мало, и покупка не состоялась. Къ этой жертвѣ побудилъ меня братъ, писавшій, что если я не дамъ своей части изъ означенныхъ денегъ и имѣнія, то всѣ они будутъ безъ куска хлѣба. Я сочла обязанною исполнить эту просьбу и думала, что въ ней подразумѣвается и обязательство позаботиться и о моей участи въ случаѣ надобности. Братъ, пользуясь тѣмъ, что означенными деньгами была уплачена большая часть цѣны одного изъ имѣній княгини Юсуповой, доплатилъ ей, при помощи займа и удачныхъ оборотовъ, сколько еще причиталось за него, и сталъ обезпеченнымъ человѣкомъ. Ну да Богъ съ нимъ! Кто не испытывалъ непріятностей отъ родни? Я дивлюсь только, какъ дорожатъ еще родственными отношеніями, когда они основаны не на свободномъ выборѣ сердца, а на измышленномъ какомъ-то долгѣ и когда въ роднѣ тьма зародышей для ссоръ, различныхъ стѣсненій и непріятностей.

Займусь опять бабушкою. Когда она бывала недовольна кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, то такъ забывалась во гнѣвѣ, что называла Пугачевымъ, разными другими оскорбительными названіями и часто даже проклинала. Батюшка мой чаще другихъ подвергался ругательствамъ и проклятіямъ за свои промахи въ дѣлахъ. Когда онъ сварилъ въ бульонѣ 150 душъ, то она отняла у него имѣніе въ 700 душъ, изъ которыхъ часть была возвращена по просьбѣ князя Лобанова, и когда мы вскорѣ пріѣхали къ ней изъ Бернова вечеромъ и вошли въ ея комнату, въ то время какъ ее чесали, то она вскочила съ постели въ страшномъ гнѣвѣ, и сѣдые ея волосы стали дыбомъ. Она неистово закричала на отца: вонъ! и изрекла бездну проклятій. Отецъ повернулся, чтобы уйдти и приглашалъ мать со мною послѣдовать за нимъ; но бабушка удержала насъ и любезно проговорила съ нами цѣлый вечеръ. Отецъ въ это время сидѣлъ у камердинера ея, очень добраго и почтеннаго старика. На другой день въ Воскресеніе, она весь свой дворъ услала въ церковь, а сама осталась дома. Мать моя вмѣстѣ со мною пришла къ ней пожелать добраго утра. Вскорѣ она послала за отцемъ и когда онъ вошелъ и поцѣловалъ ей руку, она сказала: Слышалъ-ли ты, какія ноньче браки бываютъ? Ѳ. П. Львовъ женился на своей двоюродной сестрѣ,

имѣя 10-ть человѣкъ дѣтей отъ первой жены! Въ этомъ духѣ продолжался разговоръ, а о ссорѣ ни полслова. Эта ссора однакоже такъ потрясла меня, что я заболѣла. Въ домѣ у нея никто не смѣлъ лечиться ни у кого, кромѣ у проживавшаго у нея грубаго, невѣжественнаго Венгерца, къ медицинскимъ познаніямъ котораго она питала полное довѣріе. Лукаваго шарлатана привели и ко мнѣ; но я расплакалась, и онъ исчезъ. Деспотизмъ въ особенности тяжелъ былъ для ея дочерей; но они однако всѣ вышли замужъ по выбору сердца, а не по ея выбору. Каждая изъ нихъ показывала видъ, что не только холодна къ избраннику своей души, но что, если выйдетъ за него замужъ, то сдѣлаетъ это только въ угодность матери, не надѣясь на личное счастіе. Съ ней и во многихъ другихъ случаясь хитрили, лицемѣрили и этимъ путемъ добивались желаемаго. Деспотизмъ всегда побуждаетъ къ лжи и развращаетъ людей, испытывающихъ его гнетъ. Бабушка моя была не дюжинная особа!

Про мужа ея мало было слышно. Говорили, что онъ происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи; что отецъ его, Өедоръ Полторацкій, вслѣдствіе указовъ Петра I-го, требовавшихъ, чтобы дворяне непремѣнно служили, укрылся подъ злачную сѣнь духовнаго званія и былъ священникомъ въ Сосницѣ; что сынъ его Марко Өедоровичъ учился въ Кіевской бурсѣ, пѣлъ въ церкви на клиросѣ, былъ взятъ оттуда Разумовскимъ, восхитившимся его голосомъ, опредѣленъ имъ въ придворную капеллу, сдѣлался впослѣдствіи придворнымъ императрицы Елисаветы и, пользуясь ея милостями и щедротами, доставилъ состояніе своимъ братьямъ. Его личность стушевывалась энергическою личностію жены.

Противоположностію ей во всемъ могла служить другая моя бабушка, родная тетка моей матери, дѣвица Любовь Өедоровна Муравьева. Она съ самаго замужества моей матери жила съ нами. Она была, когда я ее узнала, необыкновенно симпатичная, милая, любезная старушка, съ поэтическимъ оттѣнкомъ въ мысляхъ и чувствахъ. Въ молодости она была красавица и внушала вдохновеніе поэтамъ. Богдановичъ поднесъ ей свою Душеньку. Да она и сама была душенька. Я не помню горькой минуты въ своей жизни, которою бы я была ей обязана, и въ глубинѣ сердца таю о ней самыя свѣтлыя воспоминанія. Никогда она не бранила меня, никогда не наказывала. Я знала только ея ласки и самыя дружескія наставленія. Когда я выросла, то сознавалась ей во всемъ, во всякой неосторожности, всегда въ нуждѣ прибѣгала къ ней за совѣтомъ и получала его съ нѣжною готовностію помочь мнѣ во всякомъ затрудненіи. Другіе же, проживавшіе въ нашемъ домѣ, или подводили меня подъ наказаніе, или сами умничали надо мною и тѣмъ самымъ рѣзко оттѣняли въ глазахъ моихъ чудную, любящую личность моей милой бабушки, и я любила ее съ страстною нѣжностію. Продавъ свое имѣніе за 8000 р. ас., она отдала ихъ моему отцу съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ ее и ея горничную, бывшую ея неизмѣннымъ другомъ. Когда я выходила замужъ, то она потребовала, чтобы изъ денегъ было употреблено

1000 на покупку мнѣ фермуара. Во всѣхъ случаяхъ въ жизни она являлась доброю, исполненною ума, сдержанности и ласки и всегда была моимъ другомъ и защитникомъ. Шестидесяти лѣтъ у нея образовались катаракты (что́ и мнѣ бѣдной угрожаетъ) и хотя сдѣлана была операція, но неудачно, и она ослѣпла. Черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла на моихъ рукахъ. Но я все забѣгаю впередъ, и вотъ опять заболталась и забыла, что описываю свое дѣтство. Въ 1808 году мать моя лишилась третьей своей дочери, необыкновенно красиваго ребенка, была неутѣшна, и батюшка, чтобы разсѣять ее, отправилъ со мною и съ бабушкою Любовью Ѳедоровною къ чудному моему дѣдушкѣ Ивану Петровичу, въ милое Берново. Господскій домъ въ Берновѣ стоялъ на возвышеніи, задомъ къ большому саду; впереди его былъ большой дворъ, окруженный каменною оградою; потомъ площадь, охваченная съ обѣихъ сторонъ крестьянскими избами, и въ срединѣ ея, противъ дома, каменная церковь.

Черезъ нѣкоторое время послѣ нашего пріѣзда въ Берново пріѣхала туда изъ Тригорскаго Прасковья Александровна и мужъ ея Николай Ивановичъ Вульфовы съ дочерью Анною Николаевной, моею сверстницею. Былъ вечеръ. Въ концѣ большой залы тускло горѣла сальная свѣча. Они сѣли на стульяхъ у огромной клѣтки съ канарейками, подозвали къ себѣ меня и свою дочь съ ридикюлемъ и представили насъ другъ другу, говоря, что мы должны любить одна другую, какъ родныя сестры, что́ мы исполняли свято. Мы обнялись и тотъ часъ заговорили, не о куклахъ, о нѣтъ! Мы обѣ не любили куколъ. Она описывала красоты Тригорскаго, а я прелести Лубенъ и нашего въ нихъ дома. Во время этой бесѣды она вынула изъ ридикюля нѣсколько желудей и подарила мнѣ. Да простятъ мнѣ, если я увлекаюсь слишкомъ мелкими подробностями этой дорогой для меня и лучшей поры моей жизни. Анна Николаевна не была такъ рѣзва, какъ я; она была серьезнѣе, расчетливѣе и гораздо меня прилежнѣе. Такія свойства дѣлали ея любимицею тетушекъ и впослѣдствіи гувернантки. Различіе нашихъ свойствъ не дѣлало насъ однако холоднѣе другъ къ дружкѣ, мы любили одна другую искренно; но я была горячѣе, даже великодушнѣе въ нашихъ дружескихъ изліяніяхъ и отношеніяхъ. Взаимная довѣренность между нами была полная, безъ заднихъ мыслей. Насъ и вели совершенно ровно, и мнѣ покупали то, что́ и ей, и на оборотъ. Въ особенности строго наблюдалъ это братъ моей матери Николай Ивановичъ, превосходное существо съ рыцарскимъ настроеніемъ и съ любовью ко всему изящному. Онъ поручилъ старшему брату своему Петру Ивановичу, служившему кавалеромъ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, отыскать для насъ гувернантку. Случилось такъ, что въ это самое время выписали для великой княжны Анны Павловны изъ Англіи двухъ гувернантокъ: m-lle Sybourg и m-lle Bénoît. Эта послѣдняя назначалась къ великой княжнѣ, но по своимъ скромнымъ вкусамъ и желанію отдохнуть послѣ труженической своей жизни въ Лондонѣ (гдѣ она занималась воспитаніемъ въ домахъ двухъ лордовъ, по 10-ти лѣтъ въ каждомъ),

она не рѣшилась принять предложенія двора и уступила мѣсто при великой княжнѣ пріятельницѣ своей Syboug, а сама пріѣхала въ Берново, въ концѣ 1808 года.

Родители мои и Анны Николаевны тотчасъ же поручили насъ въ полное ея распоряженіе. Никто не смѣлъ мѣшаться въ ея дѣло, дѣлать какія-либо замѣчанія, нарушать покой ея учебныхъ занятій съ нами и тревожить ее въ мирномъ пріютѣ, въ которомъ мы учились. Насъ помѣстили въ комнатѣ смежной съ ея спальнею, но когда которая нибудь изъ насъ заболѣвала, то ее брали во флигель, гдѣ жили наши родители. При такихъ обстоятельствахъ мы писали другъ дружкѣ, и Анна Николаевна восхищалась моими записками и долго ихъ хранила. Въ зрѣломъ возрастѣ мы постоянно были въ перепискѣ до самой ея смерти. Тутъ скажу мимоходомъ, что я съ дѣтства вела дневникъ, и у меня много его накопилось было, но потомъ онъ, по распоряженію свыше, пошелъ на завертываніе горчицы на фабрикѣ! M-lle Bénoît была очень серіозная, сдержанная дѣвица 47 лѣтъ, съ очень пріятною, умною и доброю наружностію. Одѣта она была всегда въ бѣлое и такъ любила этотъ цвѣтъ, что въ восторгъ пришла отъ бѣлаго заячьяго мѣха и сдѣлала на немъ салопъ изъ дорогой шелковой матеріи. У нея зябли ноги, и она держала ихъ всегда на мѣшечкѣ съ горячими косточками изъ чернослива. Она сама одѣвалась и сама убирала комнату. Когда же въ ней все было готово, то растворяла двери и приглашала насъ къ себѣ завтракать. Намъ подавали кофе, чай, яйца, хлѣбъ съ масломъ и медъ. За обѣдомъ она всегда пила рюмку бѣлаго вина послѣ супа и такую же послѣ обѣда и любила очень черный хлѣбъ. Послѣ завтрака мы гуляли по парку и саду, несмотря ни накакую погоду; потомъ садились за уроки. Всѣ предметы мы учили, разумѣется, пофранцузски и Русскому языку учились только 6 недѣль во время ваканцій, на которыя пріѣзжалъ изъ Москвы студентъ Марчинскій. M-lle Bénoît такъ умѣла пріохотить насъ къ ученью, разнообразіями занятій, терпѣливымъ и яснымъ толкованіемъ, безъ возвышенія даже голоса, кроткимъ и ровнымъ обращеніемъ и безукоризненною справедливостію, что мы занимались, нисколько не тяготясь, цѣлый день, за исключеніемъ времени прогулокъ и часовъ обѣда, завтрака и ужина. Мы любили наши уроки и занятія (въ родѣ вязаній и шитья) подлѣ m-lle Bénoît, потому что любили и уважали ее и благоговѣли предъ ея властью надъ нами, исключавшею всегда другую волю. Намъ никто не смѣлъ слова сказать! Она заботилась и о нашемъ туалетѣ, отростила намъ волосы, обвязала головы коричневыми бархотками, схожими съ моими глазами. Она принимала живѣйшее участіе во всемъ касавшемся насъ и нашихъ семействъ, сочувствовала всѣмъ страдавшимъ и была такъ сердобольна, что сама промывала и перевязывала раны на ногахъ у моего больнаго дяди, не смотря на свою чопорность, брезгливость и прюдство. Въ сумеркахъ она заставляла насъ ложиться на полъ, чтобы выправлять спины, или приказывала ходить по комнатѣ и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила

насъ, стоявшихъ у кровати, пѣть Французскіе романсы. Разсказывала про своихъ ученицъ въ Лондонѣ, про Вильгельма-Теля и Швейцарію. У насъ была маленькая дѣтская библіотека съ m-me Genlis, Ducray-Duménil и другими тогдашними писателями, и мы въ свободные часы по праздникамъ и Воскресеньямъ читали съ жадностію. Любимыми нашими сочиненіями были: Les veillées du château и Les soirées de la chaumière. Встрѣчая въ читанномъ скабрёзныя мѣста, мы оставались къ нимъ безучастны, такъ какъ эти мѣста были намъ непонятны. Мы воспринимали изъ книгъ только то, что̀ понятно сердцу, что̀ окрыляло воображеніе, что̀ согласно было съ нашею душевною чистотою, соотвѣтствовало нашей мечтательности и создавало въ нашей игривой ѳантазіи поэтическіе образы и представленія. Грязное отскакивало отъ нашихъ душъ. Онѣ всасывали въ себя только свѣтлую, непорочную поэзію. Въ наши уютныя комнаты пускались только тѣ, которые или сами изъявляли желаніе заниматься вмѣстѣ съ нами, или способствовали какимъ-либо образомъ нашимъ занятіямъ. Такъ пускалась къ намъ Прасковья Александровна, какъ желавшая учиться съ нами Англинскому языку, и Екатерина Ивановна Муравьева, ѳрейлина великой княгини Екатерины Павловны, читавшая намъ романы Ducray-Duménil. Эта послѣдняя была совершенная красавица, съ темными каштановыми волосами и необыкновенно пріятными, добрыми карими глазами. Когда она входила, дѣлалось какъ будто свѣтлѣе и радостнѣе. Говорили, что императоръ Александръ I-й восхищался ею и былъ даже влюбленъ. Ей было тогда 17 лѣтъ, и она всѣхъ очаровывала. Я нѣжно ее любила и пользовалась ея вниманіемъ, ласками и нѣжностію. Она находила удовольствіе бесѣдовать со мною, и это меня очень радовало. Она была необыкновенно добрымъ существомъ!

Въ Берново ѣздило много сосѣдей, и насъ иногда вывозили къ нимъ; но m-lle Bénôit не нравились выѣзды, и мы по большей части сидѣли дома. Въ залѣ нашего дома являлись на Рождество ряженые изъ дворовыхъ и тѣшили насъ шутовскими костюмами и комическими представленіями. Въ другіе праздники зимою плясали и пѣли въ ней Цыгане изъ табора, кочевавшаго на землѣ дѣдушки. Цыганки учили насъ Русской пляскѣ. Этой же пляскѣ, только съ театральнымъ оттѣнкомъ, училъ насъ любезный и добрый дядя нашъ, морякъ Николай Александровичъ Муравьевъ. Онъ также какъ и мы любилъ Цыганъ. Мы же ихъ встрѣчали каждую зиму, какъ самыхъ дорогихъ гостей, и многія изъ Цыганокъ были нашими пріятельницами. Въ этой же залѣ дѣлались сговоры дворовыхъ дѣвушекъ. Онѣ сходились толпою и становились во всю длину залы съ одной стороны, а съ другой стояли священникъ, сваты и женихъ. За дѣвушками въ углу сидѣла невѣста и плакала. Потомъ совершалось рукобитіе сватовъ, и священникъ обручалъ жениха и невѣсту съ молитвою. Изъ залы всѣ отправлялись гурьбой въ назначенную и убранную избу, куда и мы всѣ пріѣзжали. Насъ угощали орѣхами и пряниками. На другой день невѣсту водили въ баню, и была опять вечеринка въ той же избѣ, и мы опять на

ней присутствовали; всякій изъ присутствующихъ чесалъ у невѣсты косу и клалъ ей на колѣни деньги, а она плакала подъ свадебныя пѣсни. Послѣ угощенія мы уѣзжали домой. Послѣ вѣнца приходили молодые на поклонъ къ дѣдушкѣ съ пряникомъ и полотенцами. Дѣдушка дарилъ намъ принесенное, а молодыхъ награждалъ деньгами. Торжество этихъ обрядовъ меня очень занимало; но мнѣ было всегда грустно смотрѣть на дѣвушку, выходившую изъ нашей дѣвичьей за бородача-мужика. Браки эти совершались безъ всякаго приневоливанья, но съ общаго согласія жениха и невѣсты. Этого я думаю не дѣлалось нигдѣ. Вотъ такими-то развлеченіями перемежались изрѣдка наши занятія, да и то только зимою. Въ эту пора года пріѣзжали по временамъ и родные. Изъ нихъ мнѣ памятно посѣщеніе Екатерины Ѳедоровны Муравьевой съ двумя сыновьями, Никитой и Александромъ. Послѣдній былъ мнѣ ровесникъ, намъ было по 10-ти лѣтъ. Они съ нами рѣзвились, дурачились и обращались такъ безцеремонно, что мы обижались и не очень жаловали ихъ за это: они смѣли фамильярничать съ особами, которыя считали себя достойными только принцевъ и мечтали выйдти замужъ за Нуму-Помпилія или Телемака, или за подобнаго имъ героя! Такой дерзости мы не могли переварить. На этихъ веселыхъ шалуновъ вліяла однако ихъ добрая, заботливая мать, и я помню даже, много лѣтъ спустя, что одного изъ нихъ и, именно Александра, она, когда было ему уже 19-ти лѣтъ, отправила съ бала Олениныхъ, на которомъ и я была, домой спать, когда пробило 10 часовъ. Это былъ тотъ, которому пришлось испить горькую чашу. Братъ же его Никита, не смотря на вліяніе матери, бѣжалъ было въ 1812-мъ году изъ-подъ ея ферулы къ войску подъ Москву, желая, въ пылу патріотизма, вступить въ ряды защитниковъ отечества, но былъ задержанъ крестьянами, заподозрѣвшими въ немъ Француза, такъ какъ онъ, выросши на Англійскомъ языкѣ, плохо говорилъ порусски и вдобавокъ хотѣлъ размѣнять въ деревнѣ червонецъ. Крестьяне отвели его къ Ростопчину, а тотъ возвратилъ его къ страшно встревоженной матери. Но я опять увлеклась и заболталась...

Въ миломъ моемъ Берновѣ я прожила, воспитываясь у m-lle Bénoît, до 12-ти лѣтъ. Послѣдній годъ мы жили уже безъ бабушки Анны Ѳедоровны, умершей въ концѣ 1810-го года. Когда она умирала, то меня, чтобы я не была свидѣтельницею похоронъ и трагическихъ сценъ, увозили въ Грузины. Послѣ же ея кончины батюшка задумалъ перевезти насъ съ маменькою, тетушкою Анною Ивановною и бабушкою Любовью Ѳедоровною въ Москву, для окончанія тамъ моего воспитанія; но предварительно перевезъ насъ лѣтомъ въ маменькину деревню изъ какихъ-то хозяйственныхъ соображеній, и мы тамъ жили въ двухъ крестьянскихъ избахъ безъ всякаго комфорта. M-lle Bénoît со слезами просила батюшку оставить меня у нея, бралась учить даромъ, но онъ не измѣнилъ рѣшенія. Только что мы собирались пуститься изъ деревни въ Москву, какъ явился Наполеонъ, и планъ батюшки измѣнился. Мы поѣхали въ Лубны. Стараясь избѣжать Французовъ и объѣхать подальше Москву, мы исколесили 12

губерній. Путешествіе мы совершали въ 10-ти экипажахъ (почти всѣ были открытые), на своихъ лошадяхъ, и останавливались, ради дешевизны корма, не въ городахъ, а по деревнямъ. Терпѣли много неудобствъ; но кто тогда не терпѣлъ ихъ? Позднѣе, когда наступили осенніе холода, мы сильно терпѣли отъ холода, такъ какъ у насъ не было теплой одежды. Все наше имущество было отправлено въ Москву тогда еще, когда батюшка только что задумалъ переселеніе въ нее, и погибло тамъ вмѣстѣ съ его бульономъ. Проѣздивши довольно долго, мы остановились въ деревнѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Владимира. Батюшка поѣхалъ въ городъ и тамъ нашелъ въ большомъ какомъ-то домѣ много родныхъ и знакомыхъ, бѣжавшихъ изъ Москвы. Мы тотчасъ же были перевезены изъ деревни и присоединились къ шумному обществу. Тамъ была Екатерина Ѳедоровна Муравьева съ сыновьями, изъ которыхъ Никита только что возвращенъ былъ ей изъ бѣговъ и безпрестанно спорилъ о чемъ-то въ большомъ одушевленіи съ аббатомъ, воспитателемъ Ипполита Муравьева, убитаго въ 1825-мъ году въ схваткѣ, во время которой былъ арестованъ братъ его Сергѣй. Во время этихъ споровъ онъ безпрестанно отгонялъ Ипполита, какъ слишкомъ еще юнаго, чтобы участвовать въ нихъ. Тамъ же находилась и сестра бабушки Анны Ѳедоровны, монахиня Настасья Ѳедоровна, попавшая въ инокини обманомъ, совершенно неожиданно. Мать ея ѣхала куда-то и заѣхала въ монастырь къ знакомой игуменьѣ; та упросила ее оставить дочь въ монастырѣ погостить. Когда же мать вернулась, то дочь была уже пострижена. Много было въ томъ домѣ люду, но я упомяну еще только о Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Его подобрали гдѣ-то на дорогѣ раненаго подъ Москвою и помѣстили въ означенномъ домѣ. Ему было тогда 15 лѣтъ. Тетушка Анна Ивановна приводила меня къ нему въ комнату, чтобы я помогала ей дѣлать корпію для его раны. Однажды она забыла въ его комнатѣ ножницы и послала меня за ними. Я вошла и застала у него двухъ молодыхъ людей. Я присѣла и сказала, что пришла за ножницами. Одинъ изъ нихъ вертѣлъ ихъ въ рукахъ и съ поклономъ подалъ мнѣ. Когда я уходила, то кто-то изъ нихъ сказалъ: elle est charmante! *) Это меня нѣсколько смутило. Объ этой встрѣчѣ съ Муравьевымъ я бы и не упомянула, еслибы въ послѣдствіи не испытала чрезъ нее большаго удовольствія. Чрезъ 45 лѣтъ послѣ нея я сидѣла у двоюродной сестры Безобразовой въ Петербургѣ, среди другихъ родственницъ; намъ доложили о пріѣздѣ Михаила Николаевича Муравьева. Когда онъ вошелъ и раскланялся, то хозяйка представила меня ему и, когда я сказала, что мы старые знакомые и что я когда-то дѣлала для него корпію, то онъ всплеснулъ руками, лицо его озарилось радостію, и, онъ подойдя ко мнѣ, взялъ мои обѣ руки, сталъ ихъ цѣловать и все повторялъ: „Ахъ Боже! Это Анна Петровна!“ Потомъ, сидя на диванѣ, безпрестанно смотрѣлъ на меня и все восклицалъ: „Ахъ, Боже! Это Анна Петровна!.. Я

*) Она прелестна!

долго васъ искалъ!“ Онъ такъ былъ нѣженъ и ласковъ, что возбудилъ зависть въ присутствующихъ, и это меня очень огорчало. Не касаясь общественной его дѣятельности, замѣчу, что въ его душѣ была теплота, и онъ имѣлъ неотъемлемыя достоинства какъ семьянинъ. Но достоинства семьянина не всегда совпадаютъ съ достоинствами гражданина.

Изъ Владимира мы поѣхали къ дядѣ моему Александру Марковичу Полторацкому, въ Тамбовскую губернію. Онъ далъ намъ карету, и мы покатили въ ней въ Лубны. Дорогою меня очень огорчила тетушка Анна Ивановна, окромсавъ мнѣ волосы, чтобы я будтобы не кокетничала ими. Вообще эта дорога не оставила во мнѣ пріятныхъ воспоминаній. Надо мною много, много умничали, а не заботились, чтобы мнѣ было тепло, и я часто плакала и постоянно зябла. Ласки бабушки и маменьки нѣсколько ободряли и утѣшали меня. Какъ бы то ни было, но мы позднею осенью добрались таки до Лубенъ. Они были все тѣже; обитатели ихъ все также были добродушны, хлѣбосольны; также безпечно веселились, не думая ни о чемъ. Да и могло ли быть иначе? Могла ли произойти перемѣна въ четыре года моего отсутствія изъ нихъ, когда и теперь, чрезъ 58 лѣтъ послѣ того, едва замѣтны перемѣны въ ихъ общественной жизни, несмотря на прогрессивное движеніе повсюду? Люди теперь, правда, не тѣ: но порядки все тѣже. Но я умолчу о нынѣшнемъ состояніи Лубенъ и поспѣшу окончить воспоминанія о своемъ дѣтствѣ.

Въ Лубнахъ я прожила въ родительскомъ домѣ до замужества, учила брата и сестеръ, мечтала въ рощахъ и за книгами, танцовала на балахъ, выслушивала похвалы постороннихъ и порицанія родныхъ; участвовала въ домашнихъ спектакляхъ, подобно тому какъ и въ дѣтствѣ въ Берновѣ, гдѣ m-me Bénoît заставляла насъ разыгрывать дѣтскія піесы, и вообще вела жизнь довольно пошлую, какъ и большинство провинціальныхъ барышень. Батюшка продолжалъ быть строгимъ со мною, и я дѣвушкой его также боялась, какъ и въ дѣтствѣ. Противорѣчить ему въ чемъ-либо, или возстать противъ его рѣшенья мнѣ казалось положительно невозможнымъ, и я покорялась всему безмолвно. Если мнѣ случалось танцовать съ кѣмъ-нибудь на балѣ два раза сряду, то онъ жестоко нападалъ на мою добрую, горячо любимую мать, зачѣмъ она допускала это, и я горько плакала, что оскорбляютъ изъ-за меня нѣжно любимую мною и дорогую мнѣ особу, неспособную, по слабости, ни къ какому протесту и отпору. Впрочемъ, онъ прямо и на меня накидывался, и рѣдкій балъ проходилъ благополучно для меня. Онъ не стѣснялся дѣлать мнѣ сцены за какой-нибудь промахъ, даже на самомъ балѣ. Я вѣчно была въ ужасѣ отъ него.

Тогда стоялъ у насъ егерскій полкъ, и офицеры его и даже командиръ старикъ Экельнъ были моими поклонниками. Но родители мои не находили никого изъ нихъ достойнымъ меня. Но явился дивизіонный генералъ Кернъ, начальникъ дивизіи, въ которой состоялъ тотъ полкъ, и родители нашли его достойнымъ меня, стали поощрять его поклоненія и старико-

скія ухаживанія, столь невыносимыя, и сдѣлались со мною ласковы. Отъ любезничаній генеральскихъ меня тошнило, я съ трудомъ заставляла себя говорить съ нимъ и быть учтивою, а родители все пѣли похвалы ему. Имѣя его въ виду, они отказывали многимъ, искавшимъ моей руки, и ждали генеральскаго предложенія съ нетерпѣніемъ. Ожиданіе ихъ продолжалось недолго. Вскорѣ послѣ знакомства, генералъ Кернъ прислалъ ко мнѣ одну изъ жившихъ у насъ родственницъ съ просьбою выслушать его. Зная желаніе родителей, я отвѣчала ему, что готова его выслушать, но прошу только недолго и немного разговаривать. Я знала, что судьба моя рѣшена родителями и не видѣла возможности измѣнить ихъ рѣшеніе. Передательницу генеральскаго желанія я спросила: а буду я его любить, когда сдѣлаюсь его женою? Она сказала „да“ и ввела генерала. „Не противенъ-ли я вамъ?“ спросилъ онъ меня и, получивъ въ отвѣтъ: *нѣтъ*! пошелъ къ родителямъ и сдѣлался моимъ женихомъ.

Его поселили въ нашемъ домѣ и заставляли меня быть почаще съ нимъ. Но я не могла преодолѣть отвращенія къ нему и не умѣла скрыть этого. Онъ часто высказывалъ огорченіе по этому поводу и разъ написалъ на лежавшей предъ нимъ бумагѣ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ...

Я прочла и сказала: старая пѣсня! „Я покажу, что она будетъ нестарая“, вскричалъ онъ и хотѣлъ еще что-то продолжать, но я убѣжала. Меня за это сильно распекли.

Батюшка сторожилъ меня какъ евнухъ, ублажая въ пользу противнаго мнѣ генерала и слѣдилъ за всѣми, кто могъ открыть мнѣ глаза на предстоявшее супружество. Онъ жестоко разругалъ мою компаніонку за то, что она говорила мнѣ часто: *несчастная*! и онъ это слышалъ. Онъ употреблялъ возможныя старанія, чтобы бракъ мой не разстроился и старался увѣнчать его успѣхомъ. Я вѣнчалась съ Керномъ 8 Генваря 1817 года въ соборѣ. Всѣ восхищались, многіе завидовали. А я тутъ кстати замѣчу, что бивакъ и поле битвы не такія мѣста, на которыхъ вырабатываются мирныя семейныя достоинства и что боевая жизнь не развиваетъ тѣхъ чувствъ и мыслей, какія необходимы для семейнаго счастія. Я знаю это изъ опыта. Но мое несчастіе въ супружествѣ не таково, чтобы возможно его описать теперь, когда я уже переживаю послѣднія страницы собственнаго романа и когда миръ и всепрощеніе низошли въ мою душу. Этимъ я и окончу свое послѣднее сказаніе, прося снисхожденія къ моей старушечьей болтовнѣ.

Анна Петровна Маркова-Виноградская.

19 Октября 1870 г.
г. Лубны.

*

Эти воспоминанія, представляющія живую картину стариннаго быта, доставлены намъ сыномъ сочинительницы, отъ втораго ея брака, г-номъ Марковымъ-Виноградскимъ. Анна Петровна памятна въ нашихъ преданіяхъ тѣмъ, что она внушила Пушкину одно изъ лучшихъ его стихотвореній („Я помню чудное мгновенье"). Нѣкоторое время поэтъ былъ страстно влюбленъ въ нее, какъ свидѣтельствуютъ его Французскія письма къ ней, нынѣ вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій (М. 1882). Читатели Р. Архива (1884, I, 470) припомнятъ также письмо Родзянки къ Пушкину съ ея приписками. Это было живое, даровитое и смолоду обаятельное существо, занимающее непослѣднее мѣсто въ біографіи Пушкина. Судьба не была къ ней милостива. Она скончалась въ 1880 году въ бѣдности, въ Москвѣ, и, по странной случайности, гробъ ея повстрѣчался съ памятникомъ Пушкина, который ввозили въ Москву, къ Тверскимъ воротамъ. Анна Петровна Кернъ славилась красотою; только ноги у нея не соотвѣтствовали общему впечатлѣнію, которое она производила. Это дало поводъ С. А. Соболевскому къ слѣдующимъ шуточнымъ стихамъ, написаннымъ около 1827 года. Въ то время Пушкинъ и Соболевскій часто встрѣчались съ Анною Петровною въ домѣ барона А. А. Дельвига, который не задолго передъ тѣмъ женился на Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой.

Ну скажи, каковъ я?
Счастливъ безпримѣрно:
Баронесса Софья
Любитъ насъ навѣрно!

—

— „Чтò за простота!
Вѣдь она не та!
Я жъ нѣжнѣй кота,
Легче всякой серны
Къ ножкамъ милой Керны.
Ахъ, какъ онѣ скверны!

У насъ сохранился своеручный листокъ Соболевскаго съ этими стихами, и на немъ отмѣчено имъ же, что „стихотвореніе это безпрестанно твердилъ Пушкинъ". П. Б.

ЛЕГЕНДА*).

Везомый парой, а не паромъ,
Москву изъѣздилъ Годендорфъ
И доказалъ князьямъ, боярамъ,
Что есть и уголь, есть и торфъ;

Что послѣ долгихъ умозрѣній,
Открыли въ салѣ стеаринъ;
Что на Руси есть дивный геній,
И этотъ геній графъ Канкринъ.

Повѣрила Москва-столица,
Церквей гдѣ сорокъ-сороковъ,
И эти сорокъ—единица
Къ числу наличныхъ дураковъ.

Но эти выдумки-злодѣйки,
На зло восторженныхъ рѣчей,
Всѣхъ раззорили до копѣйки
Индустріальныхъ Москвичей.

И се—ихъ прояснились очи!
Теперь ужъ ихъ не проведешь:
Они зубами, изъ всей мочи,
Схватились за послѣдній грошъ.

Однако, вопреки науки
И всѣхъ законовъ естества,
Въ баронѣ важныя двѣ штуки
Цѣнитъ ученая Москва.

---

*) Писано по поводу первой Московской Промышленной выставки, устроенной министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ. П. Б.

— Есть въ мірѣ вѣчное движенье!
На опытѣ задачи той
Имъ представляетъ разрѣшенье
Языкъ неугомонный твой!

— Есть въ мірѣ абсолютный вакумъ.
Въ твоей, баронъ, онъ головѣ:
Многоглаголивый Аввакумъ,
Пророкъ фабричности въ Москвѣ!

ПРО НЕГО ЖЕ.

Ханыковъ былъ въ Бухарѣ,
А Любимовъ былъ въ Пекинѣ.
Увѣряютъ, что до нынѣ
Ни въ долу, ни на горѣ
Ни въ пустыняхъ Туркестана,
Не встрѣчали шарлатана,
Какъ вчерашній нашъ баронъ
Многовральный пустозвонъ.

О БУЛГАРИНѢ.

Письмо П. В. Нащокина къ С. Д. Полторацкому.

Въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя показались интересными тебѣ, какъ библіофилу и археологу, я не могу, любезный другъ, удовлетворить тебя со всею надлежащею отчетливостію. Дневника своего я не велъ и, не смотря, что изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ людей, съ которыми я имѣлъ сношенія, былъ покойный А. С. Пушкинъ, его словъ и частыхъ его со мною разговоровъ я не записывалъ, и теперь думаю, что на это не имѣлъ бы никакой физической возможности. И потому начну безъ числа и года разсказъ о происхожденіи извѣстной тебѣ статьи подъ именемъ Косичкина, о достовѣрности которой могу со временемъ доставить тебѣ нужныя доказательства.

Въ то время, когда Булгаринъ надоѣдалъ Пушкину своими критическими замѣчаніями въ разныхъ журналахъ, тогда весьма незначащее повидимому обстоятельство породило статью Косичкина. У меня были гости, князь Д. Дадіанъ и полковникъ Д. М. Спичинскій. Разговоръ былъ о Пушкинѣ. Спичинскій упомянулъ о Булгаринѣ, котораго онъ очень хорошо зналъ, но не въ томъ видѣ какъ мы и всѣ его знаютъ. Зналъ онъ его въ Ревелѣ разжалованнымъ въ солдаты, и по знанію грамотѣ находившагося не во фронтѣ, а въ канцеляріи, гдѣ онъ не столько писалъ, сколько пилъ или, какъ говорится, предавался запою. Въ этомъ видѣ онъ выходилъ на городской бульваръ, гдѣ съ опухлой, безобразной рожей протягивалъ гуляющимъ руку, прося милостыни, хотя неодинаково съ прочими, но въ вычурныхъ литературныхъ оборотахъ и часто въ стихахъ, какъ-то: „кто бѣднымъ милости творитъ" и проч. и проч. Иногда по три-по четыре недѣли и болѣе запои Булгаринскіе прекращались, и въ это время онъ искалъ хорошаго знакомства или поддерживалъ прежнія свои связи.

Въ это-то время онъ часто посѣщалъ человѣка Гришку, бывшаго въ должности камердинера у полковника Спичинскаго, что́ барину весьма не нравилось, и онъ говорилъ, чтобы Гришка бросилъ съ нимъ водиться, а то что-нибудь и когда-нибудь Булгаринъ ему да напакоститъ, что́ и случи-

лось. Въ одно прекрасное утро, другъ Ѳаддея Венедиктовича явился къ барину и бухъ ему прямо въ ноги. Булгаринъ, дескать, укралъ у меня шинель, которая уже находилась у цѣловальника въ кабакѣ.—Говорилъ я тебѣ! Вотъ тебѣ и Булгаринъ, и если впередъ узнаю, что ты съ нимъ ведешь знакомство.... Тутъ послѣдовали обыкновенныя угрозы въ подобныхъ случаяхъ.

Это же самое разсказывалъ Спичинскій и въ присутствіи Пушкина, который помиралъ со смѣху, смѣясь своимъ звонкимъ смѣхомъ; потому что я не преминулъ доставить Пушкину оказію выслушать этотъ разсказъ лично изъ устъ самого г-на Спичинскаго. Въ эту-то минуту возродилась мысль помянуть о украденной шинели въ оглавленіи того романа, о изданіи котораго г-нъ Косичкинъ извѣщалъ публику.

Извѣстно было впослѣдствіи, что Булгаринъ, прочтя оное оглавленіе въ Телескопѣ, вынужденъ былъ пустить себѣ кровь. Онъ очень вѣрно удивлялся, откуда Косичкинъ могъ имѣть свѣдѣніе о покражѣ шинели—случай въ тогдашнее его время очень обыкновенный, а въ эпоху литературнаго его значенія вовсе имъ забытый. Онъ даже до сихъ поръ вѣроятно тому же удивляется; а дѣло, какъ теперь тебѣ извѣстно изъ моихъ словъ, очень просто и очень ясно.

Павелъ Нащокинъ.

(Сообщено С. Д. Полторацкимъ

въ Парижѣ, въ 1880 году).

РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Во время пребыванія своего въ Англіи Петръ Великій былъ инкогнито въ парламентѣ. Прослушавъ нѣсколько рѣчей, содержаніе которыхъ ему переводили, Государь обратился къ бывшимъ съ нимъ Русскимъ и сказалъ: „Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорятъ явно правду. Сему-то у Англичанъ учиться должно.“

*

Король Англійскій Вильгельмъ, зная страсть Русскаго царя къ морю, устроилъ морскіе маневры. Петръ Великій, говорятъ, пришелъ въ такой восторгъ, что при всѣхъ офицерахъ сказалъ Англійскому адмиралу, что въ этомъ случаѣ онъ предпочитаетъ званіе Англійскаго адмирала званію Русскаго царя. Нартовъ, у котораго мы заимствуемъ этотъ анекдотъ, прибавляетъ въ заключеніе: „Но я знаю достовѣрное, понеже я слышалъ изъ устъ монаршихъ, что онъ сказалъ такъ: „Еслибы я не былъ царемъ, то желалъ бы быть адмираломъ Великобританскимъ“.

*

Во время пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ случилось ему видѣть Англійскихъ бойцовъ, бившихся другъ съ другомъ лбами, изъ которыхъ особенно отличался одинъ. Государь, по своему обыкновенію, пріѣхавъ домой, разсказывалъ о томъ, что́ видѣлъ, своимъ приближеннымъ и спросилъ, не найдется ли охотника изъ гвардейскихъ гренадеровъ, бывшихъ въ свитѣ, помѣряться съ Лондонскимъ силачемъ. Вызвался одинъ солдатъ и просилъ позволенія предварительно посмотрѣть, какъ дерутся Англичане. Государь согласился, и гренадеръ, присмотрѣвшись къ пріемамъ Англійскихъ борцовъ, сталъ увѣрять, что можетъ самаго лучшаго изъ нихъ побороть сразу, такъ что тотъ уже не захочетъ впредь биться съ Русскими.

„Полно, такъ-ли? спросилъ съ улыбкою Петръ. „Я намѣренъ держать закладъ. Смотри не осрами насъ!“

— „Изволь, Государь, смѣло держать. Я не только этого удальца, да и всѣхъ съ нимъ товарищей вмѣстѣ однимъ кулакомъ размечу. Вѣдь я, Царь Государь, за Сухаревою башнею противъ кулачной стѣны хаживалъ. Я зубы съ челюстьми и ребра Англичанину высажу.“

Черезъ нѣсколько дней Его Величество на обѣдѣ у герцога Лeeдса завелъ разговоръ о бойцахъ, которыхъ онъ видѣлъ, и похвасталъ, что его гренадеръ одолѣетъ перваго ихъ силача. Лорды предложили закладъ.

„А сколько?“ спросилъ Государь.

— „Пятьсотъ гиней.“

„Пятьсотъ гиней! Добро! Но вѣдайте, господа, что мой боецъ лбомъ не бьется, а кулакомъ обороняется.“

Мѣстомъ состязанія былъ выбранъ садъ Кармартена, сына Лeeдса.

Въ назначенное время прибыли сюда Русскій царь со своею свитою и лорды. Вышли бойцы. Богатырь Англичанинъ своимъ видомъ ручался за побѣду, и всѣ думали, что гренадеръ не устоитъ. Англичанинъ вызываетъ своего соперника; а тотъ, поджавъ руки и не спуская глазъ съ врага, ожидалъ его. Зрители смотрѣли со вниманіемъ. Англичанинъ, нагнувъ шею, уставя свой крѣпкій лобъ противъ груди своего противника, пошелъ на него. Въ тотъ моментъ, когда всѣ ожидали удара, Русскій, не допустя его, ударилъ кулакомъ Англичанина по шеѣ въ становую жилу такъ мѣтко, что тотъ растянулся. Зрители захлопали руками и закричали.

Государь, обратясь къ окружавшимъ его, сказалъ:

„Русскій кулакъ стоитъ Англійскаго лба! Я думаю, онъ безъ шеи?“

Немедленно побѣжденному была пущена кровь. Думали, что онъ умретъ, но онъ очнулся. Царь очень заботился о томъ, чтобы его вылѣчили, и далъ лѣкарю 20 гиней изъ выиграннаго заклада. Послѣ этого Государь приказалъ своимъ гренадерамъ бороться и биться на кулакахъ, желая показать лордамъ проворство, силу и ловкость Русскихъ богатырей. И въ самомъ дѣлѣ, Русскіе гвардейцы, набранные всѣ изъ людей рослыхъ и сильныхъ, возбуждали удивленіе Англичанъ.

*

Петръ Великій взялъ съ собою въ Архангельскъ принятаго имъ на службу опытнаго Саардамскаго моряка Муса. Построивъ въ Архангельскѣ корабль по Голландскому образцу, Петръ пожаловалъ Муса капитаномъ этого корабля, а самъ пожелалъ проходить на немъ всѣ должности, начиная съ низшей.

„Съ какого чина начинаютъ служить на кораблѣ?“ спросилъ однажды Петръ у Муса.

— „Съ матроса, Ваше Величество.“

„Хорошо, такъ я послужу теперь у тебя матросомъ“, сказалъ Государь.

Мусъ, думая, что послѣдній шутитъ, приказалъ ему развязать въ верху какую-то веревку.

Государь, кинувшись туда, исполнилъ приказанное съ такимъ проворствомъ, какъ будто былъ настоящій матросъ. Между тѣмъ Мусъ, смотря на него, со страхомъ кричалъ:

„Довольно, хорошо, царь Питеръ, полѣзай внизъ!“

Государь спустился благополучно и, увидя капитана перемѣнившимся въ лицѣ, сказалъ:

— „Чего ты испугался? Не того, чтобы я погибъ, а того чтобъ море не поглотило Русскаго сокровища! Не бойся, капитанъ! Волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить“.

Потомъ Мусъ привыкъ къ этому, приказывалъ Царю раскуривать себѣ трубку, наливать пуншъ, однимъ словомъ исполнять всѣ обязанности простаго корабельщика. Петръ исполнялъ всѣ его приказанія безпрекословно и немедленно, подавая такимъ образомъ примѣръ всѣмъ прочимъ на кораблѣ.

*

Нартовъ слышалъ отъ Веселовскаго, Русскаго резидента въ Лондонѣ, такой разсказъ:

При отъѣздѣ Государя изъ Англіи нѣсколько Лондонскихъ купцовъ обращались къ нему съ предложеніемъ завести въ Россіи торговлю табакомъ, который прежде былъ тамъ запрещенъ. Они обѣщали внести за это въ казну 20,000 фунтовъ стерлинговъ, и сверхъ того платить таможенную пошлину по уставу. Они выражали только опасеніе, чтобъ патріархъ своимъ запрещеніемъ не подорвалъ ихъ торговли. Государь согласился и сказалъ:

„Не опасайтесь! Возвратясь въ Москву, дамъ я о семъ указъ и постараюсь, чтобъ патріархъ въ табашныя дѣла не мѣшался. Онъ при мнѣ только блюститель вѣры, а не таможенный надзиратель“.

*

Петръ Великій, отмѣняя старинныя обыкновенія, между прочимъ, указомъ 30 Декабря 1701 года, запретилъ писать и называться уничижительными именами, которыя прежде были въ ходу, напр. Митька, Ивашка и пр. Запретилъ также падать предъ собою на колѣни и зимою снимать шапки и шляпы съ головы, проходя мимо дворца. „Какое различіе, говорилъ онъ при этомъ, между Бога и Царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Колѣнопреклонное моленіе принадлежитъ Единому Творцу за тѣ благости, коими Онъ насъ наградилъ. Уничижать званіе, безобразить достоинство человѣческое, а въ жестокіе морозы почесть дѣлать дому моему безплодную съ обнаженною головою, вредить здоровье свое, которое милѣе и надобнѣе мнѣ въ каждомъ подданномъ паче всякихъ безпо-

лезныхъ поклоновъ. Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія-та почесть свойственна Царю.“

*

Государь, пируя однажды у Лефорта, гдѣ были всѣ генералы и чужестранные министры, разговаривалъ о своемъ путешествіи за границу и сказалъ Польскому резиденту, что, проѣзжая черезъ Польшу, чуть было не умеръ съ голоду: такъ бѣдна эта страна.

„Удивляюсь сему, всемилостивѣйшій Государь!“ отвѣчалъ резидентъ: „я тамъ рожденъ и воспитанъ; однакожъ совсѣмъ тѣмъ, слава Богу, живъ, здоровъ и толстъ.“

— „Хорошо, сказалъ ему Государь,“ ты думаешь, что разжирѣлъ въ Польшѣ; а я такъ думаю, въ Москвѣ, пируя часто съ нашими.“

Всѣ кругомъ засмѣялись. Полякъ сконфузился и молчалъ. Государь, увидя, что резидентъ обидѣлся, продолжалъ, улыбаясь:

„Не гнѣвайся, господинъ резидентъ! Я Польшѣ пріятель и шутилъ. Знаютъ всѣ, что она изобильна и богата; только теперь богатѣе она еще тѣмъ, что Августъ у васъ король. Выпьемъ за здравіе Августа!“ Подали Венгерское, и Государь продолжалъ: „За сей напитокъ благодаримъ мы вамъ; у насъ въ Москвѣ доморощенный квасъ, медъ да пиво, а со временемъ изъ Астрахани и съ Дона имѣть будемъ и вино; тогда господъ министровъ попотчую я своимъ, а не чужимъ!“

*

Однажды Государь пировалъ у Лефорта съ генералами и министрами. Много было выпито, всѣ были пьяны и не стѣснялись присутствіемъ Царя. Разговоръ зашелъ о войскѣ. Кто-то изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что прежде всего надо соблюдать службу и старшинство, если хотятъ имѣть хорошихъ офицеровъ.

„Ты говоришь правду“, сказалъ Петръ: „это есть самое то правило, которое желалъ я установить, и для примѣра былъ барабанщикомъ въ ротѣ у Лефорта“. Сказавъ это, Государь грозно поглядѣлъ на сидѣвшаго противъ него генерала Ш..... и продолжалъ:

„Я знаю, нѣкоторые господа генералы, нарушая мои намѣренія и указы, продаютъ упалыя мѣста въ своихъ полкахъ и торгуютъ такою драгоцѣнностью, которую надлежало бы давать за достоинства“.

— „Ктобъ такіе были?“ спросилъ Ш.....

Этотъ вопросъ раздражилъ Государя.

„Ты первый! Ты тотъ самый!“ закричалъ онъ и, выхватя шпагу, началъ рубить ею по столу такъ, что всѣ гости затрепетали.

„Вмигъ истреблю тебя и полкъ твой! Я имѣю списокъ проданныхъ тобою мѣстъ и усмирю сею шпагою плутовство твое!“

Другіе стали заступаться за Ш....., но Петръ вышелъ изъ себя. Онъ сталъ махать шпагою во всѣ стороны безъ разбору, ранилъ Ромодановскаго и Зотова и добирался до Ш...., но въ это время былъ схваченъ Лефортомъ. Петръ оттолкнулъ своего друга и ранилъ его; но Лефортъ, зная отходчивость Государя, продолжалъ уговаривать его, просилъ, чтобъ успокоился и вспомнилъ, что онъ исправитель, и что великодушіе неразрывно связано съ славою героя и законодателя. Петръ опомнился, простилъ Ш.... и сейчасъ же раскаялся.

„Прости, любезный другъ“, говорилъ онъ Лефорту, обнимая его: „я виноватъ; я исправляю подданныхъ своихъ и не могу исправить еще самого себя. Проклятая привычка! Несчастное воспитаніе, котораго по сю пору преодолѣть не могу, хоть всячески стараюсь и помышляю о томъ.“

„Многіе, говоритъ Нартовъ, обвиняютъ Государя по сему безмѣрною лютостью; но представьте себѣ, какой бы монархъ снесъ такое пренебреженіе, когда, не взирая на все попеченіе и усиленные труды для пользы отечества, вводимый порядокъ расторгаютъ, и вмѣсто блага чинятся злоупотребленія“.

*

Когда умеръ Лефортъ, Петръ приказалъ хоронить его съ величайшею пышностью и почестями, и самъ шелъ за гробомъ своего любимца до церкви. Во время рѣчи, произнесенной пасторомъ Стумфіусомъ, который вычислялъ заслуги Лефорта предъ Россіею и Государемъ, Петръ обливался слезами, а по окончаніи слова приказалъ открыть гробъ и обнялъ своего мертваго друга и прощался съ такимъ сокрушеніемъ, что присутствовавшіе были удивлены и тронуты. Послѣ похоронъ всѣ поѣхали на поминки въ домъ Лефорта. Нѣкоторые изъ бояръ хотѣли было потихоньку уѣхать домой, чтобы не присутствовать на поминкахъ; но Государь, замѣтивъ ихъ намѣреніе, воротилъ ихъ и съ негодованіемъ сказалъ:

„Я вижу, вы спѣшите для того, чтобы дома веселиться смертью адмирала. Вы боитесь быть при семъ печальномъ пирѣ для того, чтобъ ложно принимаемый видъ печали скоро не изчезъ, и радость ваша предо мною не обнаружилась. Боже мой! Какіе ненавистники! Вы торжествуете теперь, какъ будто получили великую побѣду смертію такого мужа, котораго я искренно любилъ и который служилъ мнѣ вѣрно. Я научу васъ почитать достойныхъ людей! Вѣрность Франца Яковлевича пребудетъ въ сердцѣ моемъ доколѣ я живъ, и по смерти понесу ее съ собою во гробъ“.

*

Издавая указъ брить бороды и носить Нѣмецкое короткое платье, Петръ говорилъ боярамъ:

„Я желаю преобразить свѣтскихъ козловъ, т. е. гражданъ, и духовенство, т. е. монаховъ и поповъ. Первыхъ, чтобъ они безъ бородъ по-

ходили въ добрѣ на Европейцовъ, а другихъ, чтобъ они, хотя съ бородами, въ церквахъ учили бы прихожанъ христіанскимъ добродѣтелямъ такъ, какъ видалъ и слыхалъ я учащихъ въ Германіи пасторовъ. Вѣдь наши старики по невѣжеству думаютъ, что безъ бороды не внидутъ въ царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всѣхъ честныхъ людей, какого бы закона вѣрующіе въ Него ни были, съ бородами ли они, или безъ бородъ, съ париками ли они, или плѣшивые, въ длинномъ ли сарафанѣ или въ коротком кафтанѣ".

*

Въ 1702-мъ году Олонецкій священникъ Иванъ Окуловъ, узнавъ, что Шведы стоятъ въ Корельскомъ уѣздѣ, собралъ около 1000 человѣкъ порубежныхъ жителей и съ ними разбилъ непріятельскія заставы, побѣдилъ 400 Шведовъ, забралъ знамена, барабаны, ружья и провіантъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Государя, онъ сказалъ фельдмаршалу Шереметеву:

„Слыхалъ ли кто такое диво, что попъ мой учитъ духовныхъ сыновъ: отворите врата купно въ рай и въ Шведскую область!"

Этому попу Государь пожаловалъ двѣсти рублей, рясу краснаго сукна съ позументомъ и золотую медаль, а бывшимъ подъ его командою по кафтану, по два рубля денегъ да по тесаку для обороны на будущее время.

*

Въ началѣ 1701-го года въ Польскомъ городѣ Биржѣ на Курляндской границѣ съѣхались: Петръ Великій, король Польскій и герцогъ Курляндскій Фердинандъ, съ цѣлію условиться между собою на счетъ Шведскихъ дѣлъ.

Однажды за обѣдомъ Петръ выпилъ за здоровье Польскаго короля и, пожавъ ему руку, сказалъ:

„Да будутъ мысли наши столь тверды, сколь сильны наши тѣлеса".

Августъ отвѣчалъ: „Да здравствуетъ сила съ силою соединенная, которая враговъ разсѣетъ во прахъ". Третій собесѣдникъ, герцогъ Курляндскій, поклонился обоимъ государямъ и сказалъ: „А мнѣ остается благополучно подъ защитою силъ вашихъ жить, чтобъ левъ не проглотилъ Курляндцевъ живыхъ!"

— „Не бойся, братъ, отвѣчалъ со смѣхомъ Петръ: у насъ для этого звѣря есть желѣзныя сѣти; когда онъ разинетъ зѣвъ, такъ дадимъ ему покушать картечи".

За ужиномъ Августъ замѣтилъ, что поданная ему серебряная тарелка не чиста, свернулъ ее въ трубку и бросилъ въ сторону. Петръ, думая, что король щеголяетъ передъ нимъ силою, тоже согнулъ тарелку. Послѣ этого они стали свертывать по двѣ тарелки вмѣстѣ, сплющили между ладоней двѣ большія серебряныя чаши и перепортили бы весь сервизъ, еслибы Петръ не прекратилъ этой шутки сказавъ: „Братъ Августъ! Мы гнемъ серебро изрядно; только надобно потрудиться, какъ согнуть Шведское желѣзо".

*

Во время свиданія Петра съ Польскимъ королемъ Августомъ въ Торнѣ былъ устроенъ бой быковъ. Августъ, желая похвастаться своею силою, схватилъ за рогъ разъяреннаго буйвола и однимъ ударомъ сабли отсѣкъ ему голову. „Постой, братъ“, сказалъ Петръ, „я не хочу являть силы своей надъ животными. Прикажи подать свертокъ сукна!“

Когда штука сукна была принесена, Петръ одною рукою подбросилъ ее въ воздухъ, а другою, выдернувъ кортикъ, такъ сильно ударилъ на лету свертокъ, что разрубилъ его пополамъ. Августъ, какъ ни старался, не могъ сдѣлать того же.

*

Въ Іюлѣ 1707-го года Петръ Великій, бывши въ Варшавѣ, вздумалъ осмотрѣть одинъ монастырь. Пріѣхавъ къ нему, Государь приказалъ отворить ворота; но привратникъ отказался это исполнить, говоря, что врата сіи святые.

„Врешь, каменные“, отвѣчалъ Государь. „Врата въ царствіе небесное святые. Здѣсь мы поѣдемъ верхомъ, а туда съ добрыми дѣлами пойдемъ пѣшкомъ. Отворяй!“

— „Св. Непомукъ запретилъ“.

„И то для Поляковъ, а для меня разрѣшилъ“.

— „Взмилуйся, найяснѣйшій пане! Я того не зналъ“, отвѣчалъ привратникъ, растворяя ворота.

*

До Петра доходили слухи, что иностранцы считаютъ его жестокимъ. Вотъ что́ говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ: „Я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ незнающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сіи-то суть тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возвышаю и ограждаю я, а непокорныхъ и зловредныхъ исправляю по необходимости. Пускай злость клевещетъ, но совѣсть моя чиста. Богъ судія мой. Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ, аки вихрь преходный“.

Приводя эти слова, Нартовъ замѣчаетъ: „Читающій сіе примѣтить можетъ, съ какою порывистою обнаженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій Государь имѣвшимъ счастіе быть близъ лица монарха сего. Извѣстна великая душа его, человѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ, и хотя въ первомъ жару былъ вспыльчивъ, однако скороотходчивъ и непамятозлобенъ. Ахъ, еслибъ знали многіе то, что́ извѣстно намъ, дивились бы снисхожде-

нію его. Всѣ судятъ только по наружности. Если-бы когда нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что̀ содѣлывалось противъ сего монарха.“

*

Разъ императрица, узнавъ, что Государь ночью безпокоился и мало спалъ, на другой день спросила его о причинѣ. „Ахъ, Катенька!“ отвѣчалъ онъ ей: „какой сонъ начальнику, когда судьи его спятъ?“

*

О Жидахъ Петръ Великій говаривалъ: „Я хочу видѣть у себя лучше магометанской и языческой вѣры, нежели Жидовъ: они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о семъ ни стараются, и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ.“

*

На пути въ Воронежъ, подъ вечеръ, въ ненастную погоду, Государь заѣхалъ переночевать къ деревушку, владѣльцемъ которой былъ одинъ бѣдный дворянинъ. Хозяина не случилось въ это время дома, и гость былъ принятъ его дочерью, осьмнадцатилѣтнею дѣвушкою. Такъ какъ Государь ѣхалъ просто, съ небольшою свитою, то его сочли за простаго проѣзжаго офицера.

„Ваша милость кто такой?“ спросила его хозяйская дочь.

— „Я проѣзжій офицеръ. Заѣхалъ къ твоему отцу переночевать.“

„А какъ тебя зовутъ?“

— „Петромъ.“

„Много есть Петровъ. Скажи свое прозваніе.“

— „Михайловъ, голубушка!“

„Петръ Михайловъ! повторяла дѣвушка съ удивленіемъ. Ахъ, если бы ты былъ тотъ Петръ Михайловичъ, который ѣздитъ въ Воронежъ строить корабли, и который слыветъ нашимъ Царемъ, какъ бы счастлива была я!“

— „А чтожъ?“

„Я бы попросила у него милости.“

— „Куда какъ ты смѣла! Какую милость и за что̀?“

„Такую, чтобъ онъ пожаловалъ что-нибудь отцу моему за то, что подъ городомъ Орѣшкомъ (Шлиссельбургомъ) на приступѣ весь израненъ и отставленъ капитаномъ, а получаетъ только поручицкое жалованье, имѣетъ двадцать душъ и насилу себя и меня пропитать можетъ, да изъ этого удѣляетъ еще брату моему, который служитъ.“

— „Правда, жалкое состоянiе! Да что дѣлать? Знать, Царь про то не вѣдаетъ. Скажи мнѣ, училась ли ты чему нибудь?“

„Отецъ мой выучилъ меня читать и писать, а покойная мать моя учила меня шить и хозяйничать.“

— „Не худо! Прочитай-ка что-нибудь и напиши.“

Дѣвушка исполнила это и показала ему свое шитье и холстъ, который сама ткала.

— „Хорошо, сказалъ проѣзжiй, „достойная дѣвушка! Жаль, что я не тотъ Петръ Михайловъ, который можетъ дѣлать милости; однако молись Богу; можетъ быть при случаѣ Царю донесу. Онъ меня довольно знаетъ и жалуетъ!“

Дѣвушка поклонилась, побѣжала и принесла квасу, хлѣба, масла, яицъ, ветчины и подчивала отъ всего сердца безъ всякой застѣнчивости. Затѣмъ отвела ему особую комнату, гдѣ была приготовлена постель.

На другой день Государь всталъ рано и, даря дѣвушкѣ пять рублей, сказалъ:

„Поклонъ отцу, и скажи, что заѣзжалъ къ нему офицеръ корабельный, Петръ Михайловъ. Прощай, желаю, чтобъ подаренные пять рублей принесли тебѣ за доброе поведенiе и за старанiе объ отцѣ своемъ пятьсотъ рублей.“

На возвратномъ пути изъ Воронежа Государь отправилъ къ этой дѣвушкѣ деньщика съ такимъ извѣстiемъ:

„Бывшiй недавно у тебя въ гостяхъ офицеръ самый тотъ Петръ Михайловъ, котораго видѣть и просить желала. Хотя по пословицѣ: „Богъ высоко, а Царь далеко“; однако у перваго молитва, а у другаго служба не пропадаетъ. За службу отца твоего указомъ Его Величества давать ему капитанское жалованье, а тебѣ, яко достойной дочери его, посылаетъ приданное пятьсотъ рублей съ тѣмъ, что жениха сыщетъ самъ.“

Государь вскорѣ сдержалъ свое обѣщанiе и выдалъ дѣвицу за богатаго дворянина и флотскаго офицера въ Воронежѣ.

*

Когда въ присутствiи Петра Великаго хвалили Парижскiе обычаи и манеры, онъ сказалъ:

„Добро перенимать у Французовъ художества и науки; сiе желалъ бы я видѣть у себя, а впрочемъ Парижъ воняетъ.“

*

Во время лѣченiя своего водами въ Олонцѣ Государь, прогуливаясь, сказалъ однажды лейбъ-медику Арескину: „Врачую тѣло свое водами, а подданныхъ примѣрами, но въ томъ и въ другомъ изцѣленiе вижу медленное. Все рѣшитъ время. На Бога полагаю надежду.“

*

Занимаясь однажды въ токарной вытачиваніемъ изъ кости человѣческой фигуры, Петръ Великій спросилъ Нартова: „Каково точу я?“

„Хорошо!“ отвѣчалъ Нартовъ.

„Таково-то, Андрей! Кости точу я долотомъ изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцевъ.“

*

По словамъ Нартова, Государь за обѣденнымъ столомъ въ токарной провозгласилъ однажды такой тостъ: „Здравствуй тотъ, кто любитъ Бога, меня и отечество!“

*

Деньщики государевы жили въ верхнемъ этажѣ дворца и по ночамъ иногда заводили такой плясъ и шумъ, что Государю неоднократно приходилось унимать ихъ то увѣщаніями, то угрозами. Тогда они придумали уходить на ночь изъ дворца въ шинки, къ своимъ пріятельницамъ. Петръ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ для каждаго деньщика сдѣлать шкапъ съ постелью, чтобы на ночь запирать ихъ тамъ.

Разъ ночью понадобилось одного изъ нихъ послать куда-то. Государь вышелъ въ переднюю и, не найдя тамъ дневальнаго, пошелъ съ фонаремъ на верхъ въ сопровожденіи Нартова, который ночевалъ въ токарной. Придя въ верхній этажъ, Петръ сталъ отпирать шкапъ за шкапомъ и, не найдя въ нихъ ни одного деньщика, удивился дерзости ихъ и съ гнѣвомъ сказалъ: „Мои деньщики летаютъ сквозь замки, но я крылья обстригу имъ завтра дубиною.“

На утро деньщики собрались и, узнавъ о ночномъ посѣщеніи Государя, съ трепетомъ ожидали наказанія дубиною.

Государь, выйдя изъ спальни въ переднюю и увидя деньщиковъ, стоявшихъ въ порядкѣ, вдругъ вернулся назадъ. Тѣ струсили, думая, что онъ пошелъ за своею дубиною; но Петръ вернулся, держа въ рукахъ ключъ, и сказалъ:

„Вотъ вамъ ключъ. Я спалъ безъ васъ спокойно. Вы такъ исправны, что запирать васъ не для чего; но впредъ со двора уходить безъ приказа моего никто да не дерзаетъ; инако преступника отворочаю такъ дубиной, что забудетъ по ночамъ гулять и забывать свою должность, или велю держать въ крѣпости коменданту.“

Деньщики низко поклонились и повеселѣли, что гроза миновала благополучно. Государь улыбнулся и, погрозя имъ тростью, пошелъ въ Адмиралтейство.

„Изъ сего случая видно“, прибавляетъ Нартовъ, „колико былъ отходчивъ и милостивъ Монархъ, прощая по младости человѣческія слабости.“

*

Въ 1700 году, въ то самое время, когда Петръ Великій намѣренъ былъ съ новобранцами идти изъ Новгорода къ Нарвѣ, чтобы продолжать осаду этого города, пришло извѣстіе о пораженіи Русской арміи подъ Нарвою. Петръ досадовалъ, что самъ не присутствовалъ тамъ, но великодушно перенесъ это пораженіе и только сказалъ:

„Я знаю, что Шведы насъ еще не разъ побѣдятъ, но наконецъ научимся побивать ихъ и мы“.

*

Послѣ несчастнаго Нарвскаго сраженія, въ которомъ мы потеряли всю артиллерію, Петръ Великій, занимаясь приготовленіями къ продолженію войны, былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, откуда достать денегъ. Онъ уже подумывалъ о томъ, чтобы перелить церковные колокола въ пушки и взять изъ монастырскихъ сокровищъ часть золота и серебра. Но обѣ эти мѣры могли возбудить неудовольствіе въ народѣ. Петръ колебался. Онъ заперся въ комнатѣ и никого къ себѣ не пускалъ. Даже Меншиковъ, пользовавшійся любовью Государя, не смѣлъ войти къ нему. Князь Ромодановскій, узнавъ, что Царь уже цѣлые сутки сидитъ у себя запершись и никого не принимаетъ, рѣшился идти къ нему. Часовые, зная, какимъ довѣріемъ пользуется у Государя Ромодановскій, не посмѣли его остановить: князь могъ по своему полномочію казнить ихъ смертью, не спрашивая на то разрѣшенія. Ромодановскій вошелъ безъ доклада и остановился. Государь ходилъ по комнатѣ въ глубокой задумчивости и не замѣчалъ пришедшаго. Князь пошелъ ему на встрѣчу, такъ что они столкнулись. Петръ пасмурно взглянулъ на него и, съ удивленнымъ видомъ, спросилъ: „Какъ ты, дядя, сюда забрелъ? Развѣ не сказано тебѣ, что не велѣно пускать?“

— „Другихъ, можетъ быть, а не меня“, отвѣчалъ Ромодановскій. „Меня и родитель твой, царь Алексѣй Михайловичъ, безъ доклада къ себѣ пускалъ; вѣдомо тебѣ, что при кончинѣ своей мнѣ тебя ввѣрилъ; ктожъ въ несгодѣ печься будетъ о тебѣ, какъ не я? Полно крушиться; скажи, о чемъ цѣлые сутки думаешь? Царь, отецъ твой и царица твоя мать наказывали совѣта моего слушать. Размыкивать горе надо быть вмѣстѣ, а не одному!“

„Полно, дядя, пустое молоть; какой совѣтъ, когда въ казнѣ денегъ нѣтъ, когда войско ничѣмъ не снабдѣно, и артиллеріи нѣтъ, а сіе потребно скоро“.

Государь опять тревожно заходилъ изъ угла въ уголъ.

Ромодановскій помолчалъ и, сурово посмотрѣвъ на Петра, произнесъ:

— „Долгая дума—большая скорбь. Полно крушиться; открой думу свою, какой къ тому находишь способъ; авось либо вѣрный твой слуга промыслитъ полезное“.

„Чтобъ имѣть артиллерію, для которой нѣтъ мѣди, думаю я по необходимости взять лишніе колокола, которые дѣлаютъ только пустой трезвонъ; переливъ ихъ въ пушки, загремлю ими противъ Шведовъ полезнымъ отечеству звукомъ“.

— „Добро мнишь, Петръ Алексѣевичъ; а о деньгахъ какъ же?“

„Такъ, чтобъ въ монастыряхъ и церквахъ безплодно хранящееся сокровище въ золотѣ и серебрѣ убавить и натиснуть изъ него денегъ“.

— „На сіе нѣтъ моего совѣта: народъ и духовенство станутъ роптать и почтутъ грабежемъ святыни“.

„О народѣ я такъ не мню, для того, что я не разоряю налогами подданныхъ и защищаю отечество отъ врага; а прочимъ зажму ротъ болтать. Лучше пожертвовать суетнымъ богатствомъ, нежели подвергнуться игу иноплеменниковъ“.

— „Не всѣ такъ здраво думаютъ, Петръ Алексѣевичъ, сіе дѣло щекотно; должно придумать иное“.

„Вѣдь деньги, дядя, съ неба не упадутъ, какъ манна, а безъ оныхъ войско съ холоду и голоду умретъ! Теперь инаго средства нѣтъ“.

— „А я такъ знаю, что есть, и что Богъ тебѣ пошлетъ. Только скажи, сколько надобно“?

„На первый случай около двухъ милліоновъ рублей, пока безъ притѣсненія народнаго болѣе получу“.

— „Не можно ли поменѣе, такъ я тебѣ промышлю“.

Государь зналъ, что Ромодановскій никогда не лгалъ, обрадовался и присталъ къ нему, чтобъ онъ открылъ свою тайну.

— „Не скажу, а услужу“, отвѣчалъ послѣдній. „Успокойся! Довольно того, что я помощь государству въ такой крайности учинить долженъ“.

Было уже поздно, и Ромодановскій хотѣлъ удалиться; но Государь обнялъ его и неотступно просилъ, чтобы онъ сказалъ ему, откуда онъ достанетъ денегъ. Князь, видя, что ему никакъ не отдѣлаться, сказалъ:

— „Жаль мнѣ тебя, Петръ Алексѣевичъ, быть такъ! Поѣдемъ теперь, но не бери съ собою никого“.

Они поѣхали изъ Преображенска въ Кремль, въ Тайный Приказъ, которымъ начальствовалъ Ромодановскій, и вошли въ комнату присутствія. Тамъ въ это время никого не было кромѣ сторожа. Князь приказалъ ему отодвинуть шкапъ, стоявшій у стѣны съ приказными дѣлами. Дряхлый старикъ-сторожъ не могъ сдвинуть шкапа. Государь помогалъ ему. За шкапомъ оказалась желѣзная дверь. Петръ сгоралъ отъ любопытства, а Ромодановскій, не торопясь, тщательно осмотрѣлъ висѣвшую на ней восковую печать и долго сличалъ ее съ тѣмъ перстнемъ, который былъ на его рукѣ. Удостовѣрившись, что все обстоитъ благополучно, князь вынулъ изъ кармана хранившійся въ кошелькѣ ключъ, но замокъ не отпирался: дверь не отпиралась лѣтъ двадцать, и замокъ заржавѣлъ. Никто кромѣ Ромодановскаго и стараго сторожа не знали о существованіи тутъ двери. Не только переставлять шкапъ, но говорить объ этомъ было подъ страхомъ смертной казни запрещено еще со временъ Алексѣя Михайловича, подъ тѣмъ предлогомъ, будто въ тѣхъ палатахъ, которыя находились за шкапомъ, хранились тайныя дѣла. Послали сторожа за ломомъ и топоромъ, и принялись всѣ трое работать. Наконецъ, благодаря силѣ Петра Велика-

го, дверь была открыта, и глазамъ представилась комната со сводами. На полу грудами была навалена золотая и серебряная посуда, сбруя, мелкія серебряныя деньги и Голландскіе ефимки, которыми иностранные купцы платили таможенную пошлину и на которыхъ было отпечатано Московское клеймо, чтобы они ходили въ Россіи за наши рубли; множество соболей и разной рухляди, бархата и шелковыхъ матерій полусгнившихъ и съѣденныхъ молью. Государь, смотря на это, пожималъ плечами и говорилъ: „Дядя, это все сгнило!"

— „Да не пропало", отвѣчалъ князь.

Любопытство влекло Петра и въ слѣдующую комнату, но Ромодановскій не пустилъ его туда:

— „Петръ Алексѣевичъ! Полно съ тебя теперь и этого. Будетъ время, такъ отдамъ и достальное. Возьми это и, не трогая монастырскаго, вели наковать себѣ денегъ".

Государь разцѣловалъ вѣрнаго старика и спросилъ, какимъ образомъ это осталось до сихъ поръ неизвѣстно ни братьямъ его, ни царевнѣ Софьѣ.

— „Такимъ образомъ", отвѣчалъ Ромодановскій": когда родитель твой, царь Алексѣй Михайловичъ, въ разныя времена отъѣзжалъ въ походы, то, по довѣренности своей ко мнѣ, лишнія деньги и сокровища отдавалъ на сохраненіе мнѣ. При концѣ жизни своей, призвавъ меня къ себѣ, завѣщалъ, чтобъ я никому сего изъ наслѣдниковъ не отдавалъ до тѣхъ поръ, развѣ воспослѣдуетъ въ деньгахъ при войнѣ крайняя нужда. Сіе его повелѣніе наблюдая свято и видя нынѣ твою нужду, вручаю столько, сколько надобно, а впредь все твое".

„Зѣло благодаренъ тебѣ, дядя! Я вѣрности твоей никогда не забуду".

*

Возвратившись однажды изъ Сената, Петръ былъ встрѣченъ своею собачкою Лизетою, которая прыгала около него. Государь погладилъ ее и сказалъ:

„Когда бы послушны были въ добрѣ такъ упрямцы, какъ послушна мнѣ Лизета, тогда не гладилъ бы я ихъ дубиною. Моя собачка слушаетъ безъ побой. Знать, въ ней болѣе догадки, а въ тѣхъ заматерѣлое упрямство".

*

Разсмотрѣвъ съ Брюсомъ проекты укрѣпленія крѣпостей, Петръ Великій сказалъ: „Правда, крѣпость дѣлаетъ непріятелю отпоръ, однако у Европейцевъ не на долго. Побѣду рѣшатъ военное искусство, храбрость полководцевъ и неустрашимость солдатъ. Трудъ ихъ—защита и крѣпость отечеству. Сидѣть за стѣною удобно противъ Азіатцевъ".

*

Петръ Великій писалъ Макарову: „Отпиши, Макаровъ, Астраханскому губернатору, чтобы впредъ лишняго ко мнѣ не бредилъ, а писалъ бы о дѣлѣ кратко и ясно. Знать, онъ забылъ, что я многоглаголивыхъ вралей не люблю, у меня и безъ того хлопотъ много; или велю ему писать къ князю Ромодановскому, такъ онъ за болтаніе его проучитъ".

*

Петръ Великій говорилъ Макарову о писаніи указовъ: „Надлежитъ законы и указы писать ясно, чтобъ ихъ не перетолковать. Правды въ людяхъ мало, а коварства много. Подъ нихъ такіе же подкопы чинятъ, какъ и подъ фортеціею".

*

Государь, проходя за полночь черезъ чертежную, увидѣлъ Нартова, сидѣвшаго за чертежемъ Кронштадтскаго канала. Подойдя къ нему, онъ увидѣлъ, что Нартовъ задремалъ, сидя за работою, а свѣча оплыла и сильно пылала. Петръ посмотрѣлъ работу и, ударивъ Нартова по плечу, сказалъ:

„Прилежность твоя, Андрей, похвальна, только не сожги дворца".

На другой день Государь пожаловалъ Нартову пятьдесятъ червонцевъ, сказавъ при этомъ: „Ты помогаешь мнѣ въ надобности моей, а я помогаю тебѣ въ нуждѣ твоей".

*

Когда Нартовъ просилъ Петра Великаго окрестить его новорожденнаго сына, Государь отвѣчалъ: „Добро!" и, обратясь къ Государынѣ, промолвилъ: „Смотри, Катенька, какъ мой токарь и дома точитъ хорошо".

Послѣ крестинъ Государь пожаловалъ ему триста рублей и золотую медаль. Подарокъ при крещеніи весьма рѣдкій, замѣчаетъ Нартовъ, потому что Петръ Великій на деньги былъ не чливъ и скорѣе давалъ деревни.

*

Когда Петру доложили, что въ Петербургъ пріѣхали акробаты, съ цѣлію давать представленія, онъ сказалъ Петербургскому генералъ-полиціймейстеру Девьеру: „Здѣсь надобны художники, а не фигляры. Я видѣлъ въ Парижѣ множество шарлатановъ на площадяхъ. Петербургъ не Парижъ: пускай чиновные смотрятъ дурачества такія недѣлю, только съ каждаго зѣваки не больше гривны, а для простаго народа выставить сихъ бродягъ безденежно предъ моимъ садомъ на лугу. Потомъ выслать изъ города вонъ. Къ такимъ праздностямъ пріучать не должно. У меня и своихъ фигляровъ между матросами довольно, которые по корабельнымъ снастямъ пляшутъ, головами внизъ становятся на мачтовомъ верхнемъ марсѣ. Пришельцамъ шатунамъ сорить деньги безъ пользы—грѣхъ".

*

Штелинъ записалъ слѣдующій разсказъ, слышанный имъ отъ де-Шварта, Голландскаго резидента въ Петербургѣ. Петръ Великій, разсмотрѣвъ планы, по которымъ предполагалось строить Петербургъ, выбралъ изъ нихъ одинъ, по которому главной части города приходилось быть на Васильевскомъ острову. Островъ надо было окружить больверками, а посреди улицъ провести каналы для сообщенія Большой Невы съ Малою. Но при этомъ Государь или забылъ точно назначить ширину улицъ и каналовъ, или предоставилъ это благоразумію тѣхъ, кому было поручено строеніе. Онъ думалъ, конечно, что строители дадутъ такую ширину, чтобъ двѣ барки свободно могли въ нихъ разойтись. Затѣмъ Петръ отправился къ войску, а черезъ два года (1716) поѣхалъ за границу, давши повелѣніе продолжать начатое дѣло и стараться привести къ окончанію какъ можно скорѣе. Въ 1718 году, возвратясь въ Петербургъ, Петръ прежде всего сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ на Васильевскій островъ осмотрѣть линіи и каналы. Къ величайшему своему удовольствію онъ нашелъ линіи по большей части уже застроенныя каменными и деревянными домами. Особенно пріятно было ему видѣть великолѣпныя палаты князя Меншикова. Но ему показалось, что каналы и улицы по обѣимъ сторонамъ были счишкомъ узки. Сначала онъ молчалъ и только качалъ головою, но, не довѣряя себѣ, отправился къ Голландскому резиденту Вильде, чтобы справиться у него о ширинѣ Амстердамскихъ каналовъ, которые онъ принялъ за образецъ. Измѣривъ ихъ ширину по плану, Государь вмѣстѣ съ Вильде поѣхалъ на Васильевскій островъ. Тамъ Петръ приказалъ вымѣрять ширину нѣкоторыхъ каналовъ и улицъ. Оказалось, что улицы по обѣ стороны канала вмѣстѣ съ самимъ каналомъ были едва ли не уже одного лишь Амстердамскаго канала.

„Все испорчено“, воскликнулъ въ сильномъ гнѣвѣ Государь и поѣхалъ назадъ. Долго не могъ забыть этого Государь, такъ огорчала его эта неудача, въ которой былъ виноватъ Меншиковъ. Однажды, взявъ съ собою инженера Лебланта и Нартова, Петръ Великій поѣхалъ опять на Васильевскій островъ и, показывая Лебланту планъ, спрашивалъ его: „Что́ при такихъ погрѣшностяхъ дѣлать надлежитъ?“

— „Raser, sire, raser“ отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами. „Нечего больше дѣлать, какъ все срыть, сломать и снова построить; сдѣланные каналы засыпать и выкопать другіе“.

— „Я такъ и думалъ“, сказалъ съ досадою Государь.

Нартовъ, повторяя разсказъ Штелина, прибавляетъ, что Государь послѣ этого призвалъ къ себѣ князя Меншикова и сказалъ:

„Василія Корчмина батареи лучше распоряжены были на острову, нежели подъ твоимъ смотрѣніемъ теперешнее тутъ строеніе. Отъ того былъ успѣхъ, а отъ сего убытокъ невозвратный. Ты, безграмотный, ни счета, ни мѣры не знаешь. Чортъ тебя побери и съ островомъ“.

Съ этими словами Государь схватилъ Меншикова за грудь, такъ тряхнулъ его, что тотъ чуть не умеръ, и вытолкалъ его вонъ. Всѣ думали,

что князь навсегда лишится царской милости, но Петръ успокоился и говорилъ:

„Я виноватъ самъ, да поздно. Сіе дѣло не Меншикова: онъ не строитель, а разоритель городовъ".

Василій Корчминъ, который упоминается въ этомъ разсказѣ у Нартова, былъ офицеръ, батарея котораго на берегу Невы съ большимъ успѣхомъ дѣйствовала противъ Шведовъ. По имени его и островъ получилъ имя Васильевскаго.

*

Генералу-полиціймейстеру Девьеру, когда онъ доносилъ о кликушахъ, Петръ сказалъ:

„Кликушѣ за первый разъ плети, за второй—кнутъ; а если и симъ не уймется, то быть безъ языка, чтобъ впередъ не кликала и народъ не обманывала".

О бѣсноватыхъ Петръ выражался такъ: „Надлежитъ попытаться изъ бѣснующагося выгонять бѣса кнутомъ; хвостъ кнута длиннѣе хвоста чертовскаго. Пора заблужденія искоренять изъ народа".

*

Петръ Великій, самъ командуя войсками во время крещенскаго парада, говорилъ по возвращеніи во дворецъ:

„Зрѣлище пріятное видѣть строй десяти полковъ на льду Невы, кругомъ Іордана стоящихъ. Во Франціи не повѣрили бъ сему. Морозъ сильный, только солдаты мои сильнѣе. Они маршировали такъ исправно, что паръ только шелъ столбомъ и усами только поворачивали. Я примѣтилъ, господа чужестранные министры закутавшись въ шубахъ, дивились тому и пожимали плечами, почитая, можетъ быть, сіе жестокостью; но мы родились на Сѣверѣ и сносить такой морозъ можемъ. Пріучать солдатъ къ тому не должно".

*

Однажды, когда Петръ Великій шелъ въ Сенатъ, подошелъ къ нему мальчикъ лѣтъ пятнадцати и, подавая бумагу, просилъ со слезами:

„Всемилостивѣйшій Государь! Помилуй несчастнаго отца моего, повели вмѣсто его наказать меня: готовъ умереть за него".

Государь, прочитавъ бумагу, сказалъ:

— „Онъ виноватъ, а ты нѣтъ", и хотѣлъ идти дальше; но мальчикъ, обхватя его колѣни и рыдая, говорилъ:.

„Помилуй отца и меня. Я вину его Вашему Величеству заслужу и Богомъ исполнить сіе обѣщаюсь!"

— „Кто тебя научилъ?" спросилъ тронутый Государь.

„Никто, сыновняя любовь: со смертію его смерть моя".

Петръ пристально взглянулъ въ открытое, честное лицо мальчика сказалъ:

„Убѣдительный примѣръ! Счастливъ отецъ, имѣя такого сына“.

Придя въ Сенатъ, Государь разсказалъ о случившемся съ нимъ на дорогѣ, велѣлъ прочитать прошеніе и простилъ виновнаго, а сына его записалъ въ службу. Впослѣдствіи молодой человѣкъ усердіемъ и вѣрностью оправдалъ довѣріе Государя.

*

Одинъ гвардейскій офицеръ, за какой-то проступокъ, совершенный имъ въ походѣ, былъ отданъ подъ судъ, который приговорилъ его къ повѣшенію. Когда подсудимому было объявлено въ присутствіи Государя рѣшеніе, онъ обратился къ Царю и сказалъ:

„Виноватъ; но будь милостивъ, яко Богъ: избавь отъ висѣлицы и отъ позорной смерти“.

— „Добро“, отвѣчалъ Государь. „Ради прежней службы облегчить и разстрѣлять“.

„Я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отечество. Помилуй, Государь! Вспомни прежнюю вѣрность мою. Посмотри на раны и прости. Обѣщаюсь быть осторожнѣе и вину свою заслужить. Оплошность моя, а не измѣна“.

Съ этими словами несчастный открылъ грудь, обнажилъ руку и показывалъ раны.

Государь измѣнился въ лицѣ. Слезы показались на глазахъ его. Онъ всталъ и сказалъ присутствовавшимъ офицерамъ:

— „Что́ теперь, господа, скажете?“

Всѣ молчали, ожидая рѣшенія самаго Государя, который, наконецъ. произнесъ:

— „Сіи свидѣтельства даруютъ тебѣ животъ. Прощаемъ, только блюди обѣщаніе“.

Помилованный офицеръ постарался оправдать довѣріе Государя. Вскорѣ онъ выпросилъ себѣ позволеніе съ отрядомъ напасть на Шведовъ, разбилъ ихъ, но при этомъ получилъ смертельную рану въ голову и умеръ. За нѣсколько часовъ до смерти, находясь уже при послѣднемъ издыханіи, онъ съ радостью говорилъ товарищамъ:

„Теперь-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ Государемъ“.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ПРЕОБРАЖЕНЦА.

1854 годъ.

Въ 1853 году Россія начала переживать тяжелую эпоху Крымской войны. Восточный вопросъ возродился и развился съ небывалою силою; онъ разжегъ политическія страсти и затронулъ всевозможные интересы. Дипломатическая борьба не могла предотвратить неизбѣжныхъ столкновеній и заострилась до ультиматума князя Меншикова и отъѣзда его изъ Константинополя 9 (21) Мая 1853 г. Три недѣли спустя, флоты Англійскій и Французскій бросили якорь въ заливѣ Безика, при входѣ въ Дарданеллы. Послѣдствіемъ того было занятіе княжествъ Русскими войсками, подъ начальствомъ князя Горчакова 13 (25) Іюня, а это повело къ окончательному разрыву съ Турціею. 25 Сентября (7 Октября), верховный совѣтъ Порты, подъ предсѣдательствомъ султана, рѣшилъ объявить князю Горчакову, черезъ командовавшаго на Дунаѣ Омеръ-пашу, что если онъ не очиститъ княжествъ въ теченіи двухъ недѣль, то начнутся непріятельскія дѣйствія. Между тѣмъ, въ Азіи, Селимъ-паша не выждалъ двухъ-недѣльнаго срока и началъ войну нападеніемъ на фортъ Св. Николая, въ Озургетахъ, на нашей границѣ. На это императоръ Николай отвѣчалъ манифестомъ 20 Октября (1 Ноября), въ которомъ объявлена война съ Турціею. Далѣе, 3 (15) Ноября Англія и Франція заключили союзъ съ Портою. На это Русскія войска отвѣчали тремя славными побѣдами: 12 (24) Ноября князь Андрониковъ разбилъ Турокъ при Ахалцыхѣ, 19 Ноября (2 Декабря) князь Бебутовъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ Турецкою арміею при Башъ-хадыкъ-Ларѣ и, наконецъ, 16 (28) числа того же Ноября, адмиралъ Нахимовъ уничтожилъ Турецкую эскадру Османъ-паши при Синопѣ.

Эти событія можно теперь найти въ любомъ учебникѣ, а въ исторію они занесены со всѣми подробностями. Я же буду описывать только то, что самъ видѣлъ и пережилъ; поэтому мой кругозоръ ограничится гвардіею, то-есть, собственно, первымъ и старѣйшимъ ея полкомъ—Преображенскимъ, въ которомъ я въ то время служилъ.

Въ началѣ 1854 года Преображенскій полкъ спокойно стоялъ въ Петербургѣ. До половины Февраля житье-бытье наше, повидимому, ничѣмъ не отличалось отъ прошлыхъ лѣтъ. Ежедневныя занятія мирнаго времени: караулы, дежурства, одиночныя, ротныя, 12-ти рядныя ученья и церемоніальный маршъ, поглощали все наше время. Первый баталіонъ, съ Марта прошлаго года, стоялъ въ дворцовомъ манежѣ, потому что казармы его, въ Милліонной, перестраивались. Манежъ превратился въ отличную и даже щегольскую казарму, потому, что императоръ Николай Павловичъ почти ежедневно заходилъ туда и самъ слѣдилъ за выправкою и развитіемъ своихъ любимцевъ. Такъ и въ началѣ 1854 г. Государь продолжалъ посѣщать манежъ и входилъ во всѣ подробности и мелочи одиночнаго ученья. Въ полковомъ приказѣ 31 Января сказано, что «Государь Императоръ, при посѣщеніи казармъ перваго баталіона, изволилъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ слишкомъ относятъ прикладъ назадъ, черезъ что выставляется штыкъ». Въ концѣ Марта стало положительно извѣстно, что западныя державы ополчились на Россію. Вскорѣ послѣ Синопскаго сраженія императоръ Николай и Наполеонъ III-й размѣнялись извѣстными собственноручными письмами. Отвѣтъ нашего Государя кончался словами: «La Russie saura être en 1854 ce qu'elle fut en 1812» *). Письмо было подписано вмѣсто обычной формулы (sire, mon très-cher frère): «sire, mon bon ami». Результатомъ переписки было объявленіе войны Франціею и Англіею 16 Марта 1854 года.

Военная тревога закипѣла повсюду и коснулась гвардіи. Еще 31 Января объявлено распоряженіе о формированіи въ Москвѣ запаснаго баталіона. Изъ офицеровъ въ него были назначены: полковникъ Гусевъ, капитаны—Волоцкой, Гельфрейхъ и Дистерло; поручики—Ореусъ, Давыдовъ 1-й, Сорока, Янковскій; подпоручики—князь Трубецкой, Нейдгартъ, Панютинъ 1-й, Ермоловъ, Ярышкинъ 1-й и Давыдовъ 2-й. Замѣчательно, что преобразованія въ войскахъ всегда начинались измѣненіемъ формы обмундировки. Такъ случилось и на этотъ разъ. Опытъ показалъ, что во время военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, въ предыдущемъ 1853 году, мы потеряли очень много

*) Россія съумѣетъ въ 1854 г. быть тою же, какою она была въ 1812-мъ.

офицеровъ убитыми и ранеными. Эту потерю приписывали главнымъ образомъ тому, что офицерская форма (черная) слишкомъ рѣзко отличалась отъ солдатской (сѣрой): поэтому непріятель преимущественно стрѣлялъ въ начальниковъ. Явилась мысль дозволить офицерамъ носить солдатскія шинели. Государь примѣрялъ всѣ новые образцы на себѣ; шинель ему не понравилась, и эта реформа осталась бы безъ послѣдствій, еслибы Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ не просилъ за нее Государя такъ горячо и убѣдительно, что Императоръ согласился. Въ Преображенскомъ полку нарядили въ новую форму поручика графа Татищева 1-го, стройнаго, ловко сложеннаго офицера, и 16 Февраля Цесаревичъ представилъ его Государю. Около того же времени велѣно было испытать въ полку образцы иностранной аммуниціи, и для этого въ каждой ротѣ перваго баталіона заготовили по пяти приборовъ. Это были тяжелые Прусскіе сумы и ранцы; я видѣлъ ихъ въ послѣдствіи, а именно въ походѣ, на нѣкоторыхъ солдатахъ перваго баталіона. Новая аммуниція была устроена на основаніи премудраго Нѣмецкаго разсчета, будто бы давленіе сумы съ патронами, носимой на поясницѣ, уравновѣшиваетъ давленіе ранца на плечà, такъ какъ ранцовые ремни пристегивались къ поясу. О результатахъ испытанія помню только, что Прусскую аммуницію очень легко было сбросить съ себя, за то чрезвычайно трудно надѣвать. Опыты, во всякомъ случаѣ, остались безъ послѣдствій.

Въ концѣ Февраля, одинъ изъ Преображенскихъ офицеровъ, подпоручикъ Рылѣевъ былъ назначенъ ординарцемъ къ Наслѣднику. Рылѣева любили въ полку, за его добрый, уживчивый и симпатичный характеръ *).

Между тѣмъ, военныя и политическія бури разыгрывались не на шутку. Англія и Франція вооружали сильные флоты и собирались послать ихъ во всѣ доступныя моря Россіи. Въ 20-хъ числахъ Февраля, указомъ Сенату, Петербургская губернія объявлялась на военномъ положеніи и подчинялась Наслѣднику Цесаревичу, съ правами главнокомандующаго арміею въ военное время. Въ приказѣ по полку, 25 Февраля, оповѣщено это распоряженіе и выписаны длинные списки генераламъ и офицерамъ, зачисленнымъ въ дѣйствующіе и запас-

---

*) Александръ Михаиловичъ Рылѣевъ съ тѣхъ поръ и по самую кончину Александра Николаевича неизмѣнно состоялъ при его особѣ. Онъ извѣстенъ своею непоколебимою личною къ нему приверженностью. Ему обязана Русская изящная словесность: будучи родственникомъ несчастнаго декабриста Рылѣева, онъ исходатайствовалъ для его дочери разрѣшеніе покойнаго Государя издать книжку его сочиненій. Второе изданіе предполагалось съ портретомъ, но сей послѣдній не былъ дозволенъ къ выпуску. П. Б.

ные баталіоны; въ числѣ послѣднихъ находились всѣ генералы императорской фамиліи. Въ это время, Государь утвердилъ слѣдующія цѣны для Петербурга на 1854 годъ: мясо по 2 р. 55 к. за пудъ, вино по 3 р. за ведро, соль по 68 к. за пудъ.

Тогда уже и въ гвардіи забили тревогу, и первый ударилъ въ набатъ командиръ гвардейской пѣхоты генералъ Сумароковъ. Вотъ главные пункты его заботливаго приказа:

1) Со двора увольнять только самыхъ надежныхъ и испытанныхъ нижнихъ чиновъ. 2) При увольненіи, дежурнымъ осматривать людей съ особымъ вниманіемъ. 3) Строго наблюдать за перекличками и 4) не пускать въ казармы людей подозрительныхъ и развратныхъ женщинъ.

Сущность учебныхъ занятій измѣнилась развѣ только въ томъ, что стали чаще производить стрѣлковыя ученья и разсыпной строй; но такъ какъ уставъ былъ построенъ на устарѣлыхъ и трудно примѣнимыхъ основаніяхъ, то и такъ называемый «егерскій строй» никуда не годился, и мы, по прежнему, теряли только попусту время и ничему не выучивались. Въ началѣ Марта приказано было составить кадры 5-го баталіона *), четырехротнаго состава. Въ него поступило изъ каждой дѣйствующей роты по 5-ти унтеръ-офицеровъ, одному горнисту и по 15-ти рядовыхъ. 12-го Марта Государь уже смотрѣлъ кадры 5-хъ баталіоновъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, а 16-го числа Преображенскій 5-й баталіонъ выступилъ въ загородное расположеніе.

Стали обращать вниманіе на *штуцерныхъ застрѣльщиковъ.* Имъ велѣно, по смѣнѣ съ карауловъ, стрѣлять на Волковомъ полѣ. Учрежденіе штуцерныхъ существовало очень давно. Но что́ могли сдѣлать 72 хорошихъ стрѣлка въ полку, гдѣ изъ 1.500 человѣкъ ни одинъ не могъ стрѣлять мѣтко и на 200 шаговъ, въ самую огромную неподвижную мишень. Событія 1848 года чуть не разшевелили стрѣлковое дѣло. Въ Октябрѣ 1848 года встрѣчается такой полковой приказъ: «Его Императорскому Высочеству Наслѣднику «Цесаревичу угодно, чтобы въ полкахъ гвардейской пѣхоты были, «исподоволь, подготовлены вторыя и даже третьи смѣны штуцерныхъ «командъ, дабы имѣть во всегдашней готовности въ полкахъ людей, «приспособленныхъ, коими можно будетъ замѣнять убыль въ настоя-

*) Въ 5-й баталіонъ назначены офицеры: полковникъ Гернетъ (команд. баталіона), поручикъ Бѣловзоръ (ком. 5-й гренад. роты), поручикъ Гадонъ (13-й роты), поручикъ Бабкинъ (14-й роты) и подпоручикъ Набоковъ (15-й роты). Изъ младшихъ офицеровъ поступили въ 5-й баталіонъ: Козенъ 2-й, Зедделеръ, Мосоловъ и Козловъ.

«щихъ штуцерныхъ командахъ.» Вслѣдствіе этого, тогда же сформирована въ полку вторая команда штуцерныхъ. Однако, даже черезъ три года, именно въ 1851 г., штуцерная команда выступила въ лагерь въ числѣ трехъ унтеръ-офицеровъ и *72 рядовыхъ*, то-есть въ числѣ нисколько не превышающемъ норму устава. И далѣе, до 1854 г. я не нашелъ никакихъ признаковъ умноженія и усовершенствованія штуцерныхъ; даже и въ 1854 г. о нихъ упоминается только въ приказѣ стрѣлять на Волковомъ полѣ, *по смѣнѣ съ карауловъ*.

17-го Марта я былъ дежурнымъ по образцовому госпиталю. Поразсказать о немъ стóитъ, потому что госпиталь этотъ былъ устроенъ по предложенію извѣстнаго лейбъ-медика Мандта. Конекъ этой знаменитости были діэтетика и гигіена. Самъ Мандтъ вовсе не ѣлъ мяса, а питался зеленью, молочною и мучною пищею. Говорили, что онъ успѣлъ уговорить Императора подчиниться этому режиму. Сверхъ того, Мандтъ выхлопоталъ высочайшее соизволеніе на устройство образцоваго госпиталя для болѣе обширнаго примѣненія своей методы. Съ этою цѣлью былъ отведенъ домъ на Мойкѣ, недалеко отъ дворца. На излѣченіе туда поступали, большею частію, люди придворнаго вѣдомства и солдаты изъ ближайшихъ казармъ Преображенскихъ и Павловскихъ. Мандтъ пріѣзжалъ въ госпиталь два раза въ день и, окруженный докторами и студентами, читалъ надъ больными лекціи на Нѣмецкомъ языкѣ. Сущность лекціи, читанной на моемъ дежурствѣ, заключалась въ томъ, что признаки болѣзни могутъ ввести врача въ заблужденіе, но что надобно доискиваться ея корня, который весьма часто кроется въ желудкѣ. Онъ приводилъ въ примѣръ больнаго, служившаго въ тотъ разъ предметомъ изслѣдованія. Это былъ какой-то придворный служитель, страдавшій слабостью, онѣмѣніемъ членовъ и продолжительными обмороками. На желудокъ онъ нисколько не жаловался; а между тѣмъ оказалось, что онъ, гдѣ-то на крестинахъ, объѣлся пирогами, и главная причина его болѣзни—засоръ желудка. Вѣрный своей системѣ, Мандтъ страшно морилъ голодомъ паціентовъ. Солдаты боялись этого госпиталя какъ огня, и я помню, что на моемъ дежурствѣ больные наперерывъ осаждали Мандта, прося, Христа ради, позволить имъ ѣсть, на чтó ученый лейбъ-медикъ могъ только отвѣчать тонкою, насмѣшливою улыбкою, такъ какъ порусски онъ ни слова не говорилъ. Благодаря моему дежурству, я могъ поближе разглядѣть этого человѣка, котораго предстоявшая кончина императора Николая I-го должна была сдѣлать предметомъ громкой и разнообразной молвы. Мандтъ былъ высокій, сухощавый мущина съ истощалымъ, но умнымъ лицемъ, іезуитскаго типа. Черные, съ просѣдью, волосы

онъ зачесывалъ назадъ; они всегда были коротко острижены и гладко причесаны. Будучи еще камеръ-пажемъ, я часто видывалъ во дворцѣ Мандта, когда онъ изъ покоевъ императрицы Александры Ѳедоровны выходилъ въ ротонду, отправляясь домой. Его строгая фигура, въ простомъ черномъ фракѣ, съ одною звѣздою на груди, рѣзко выдѣлялась изъ толпы обшитыхъ золотомъ мундировъ.

Возвращаюсь къ событіямъ 1854 г. Усиленныя военныя приготовленія въ Петербургѣ громко свидѣтельствовали, что дѣла наши приняли опасный оборотъ. 2-го Апрѣля Преображенскій полкъ въ первый разъ снарядилъ людей на работы при устьяхъ Невы, а именно на Гутуевскую, 2-ю Васильевскую и 3-ю Васильевскую баттареи. Дѣло въ томъ, что ожидаемое появленіе Англійскаго флота повергло всѣхъ въ смятеніе. Генералитетъ мирнаго времени далеко не былъ подготовленъ къ такому событію. Всѣ растерялись и, вполнѣ сознавая необходимость самоскорѣйшей и тщательнѣйшей обороны, никакимъ образомъ не могли придумать, что́ и какъ слѣдуетъ оборонять. Наконецъ, вспомнили, что при Екатеринѣ II-й, во время войны со Шведами и въ опасеніи войны съ Англичанами, были приняты мѣры къ защитѣ Петербурга. Рылись въ архивахъ, нашли тамъ многое давно забытое и стали возводить укрѣпленія по указаніямъ всегда порицаемой, а теперь пригодившейся старины. Кромѣ трехъ Васильевскихъ построили баттареи на островахъ Крестовскомъ, Елагиномъ, Петровскомъ, Гутуевскомъ, въ Галерной гавани и у таможенныхъ доковъ; между прочимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится прославленная въ Петербургѣ «Pointe», куда весною и лѣтомъ съѣзжается все великосвѣтское общество смотрѣть на закатъ солнца въ заливѣ. Я помню, что тамошняя батарея наводила меня на самыя грустныя размышленія. Но тутъ уже было не до элегій. На всѣ эти постройки наряжались команды отъ войскъ, въ числѣ прочихъ и отъ Преображенскаго полка, до самаго выступленія его въ Петергофъ.

5-го Апрѣля прибылъ изъ Москвы 4-й баталіонъ; въ немъ было два штабъ-офицера, 13 оберъ-офицеровъ, 79 унтеръ-офицеровъ, три музыканта и 415 рядовыхъ, кромѣ нестроевыхъ (8 человѣкъ) и фурштатъ (13 чел.). 14-го числа того же Апрѣля, 4-й баталіонъ поступилъ въ составъ полка; 5-й же баталіонъ, въ составѣ 80 кадровыхъ унтеръ-офицеровъ, 20 музыкантовъ, 180 рядовыхъ и 335 рекрутъ, былъ отчисленъ въ запасныя войска. Офицеры въ немъ оставались тѣже, какіе поименованы мною, только командиромъ 5-й гренадерской роты, на мѣсто Бѣловзора, назначенъ былъ шт.-кап. баронъ Дистерло, а въ 13-й ротѣ Гадона замѣнилъ шт.-кап. Гельфрейхъ.

Грянулъ громъ, мы перекрестились и принялись за умъ. Солдатъ стали учить стрѣлять и для этого водили ихъ на Семеновскій плацъ, сначала по одному унтеръ-офицеру и 15 рядовыхъ, съ каждой роты, а вслѣдъ за тѣмъ увеличили число рядовыхъ до 25. Суета поднялась невѣроятная. Она обнаруживалась то внезапными предписаніями съ требованіемъ немедленнаго исполненія, то цѣлою вереницею разнообразнѣйшихъ распоряженій, какъ бы въ доказательство того, что и въ это серьозное время не могли отрѣшиться отъ мелочей. Въ приказѣ 23 Апрѣля сказано: «Предписываю *немедленно* закупить въ роты 4-го баталіона артельныхъ лошадей съ телѣгами и по исполненіи мнѣ донести. При покупкѣ телѣгъ придерживаться къ формѣ, для сего установленной, и окрасить ихъ *желтою краскою*». Отъ главнокомандующаго послѣдовали, въ разное время, распоряженія: 1) о томъ, чтобы всѣмъ начать носить походную форму, также походныя шинели и портупеи (бѣлыя кожаныя), надѣвая ихъ и при мундирѣ. Походныя шинели офицерамъ надѣвать тогда, когда солдаты будутъ въ подобной же формѣ. 2) Имѣть верховыя, вьючныя сѣдла, съ шинельными чемоданами. 3) Всѣмъ войскамъ пѣхоты взять свои знамена изъ дворца и имѣть ихъ при своихъ частяхъ, и 4) При вступленіи въ караулъ, въ походной формѣ, людямъ имѣть сумы и ранцы съ полнымъ числомъ боевыхъ патроновъ, *а штыки, сабли, полусабли и проч.* имѣть *отпущенными* (то есть наточить). По полученіи извѣстія о тревогѣ, баталіонамъ, въ полномъ числѣ рядовыхъ и въ полной походной формѣ, выходить на сборный пунктъ, гдѣ, по указанію офицеровъ гвар. генер. штаба, строиться въ боевой порядокъ. Сборнымъ пунктомъ назначенъ Царицынъ лугъ. Слѣдовать же на оный кратчайшимъ путемъ, не перерѣзывать дороги и не обгоняться, съ соблюденіемъ постояннаго правила, что артиллерія пропускаетъ пѣхоту, а кавалерія и артиллерію, и пѣхоту. Нижніе чины должны имѣть, въ ранцахъ и мѣшкахъ, сухарей и соли на три дня. Артельнымъ повозкамъ, съ котлами и провизіею на три дня, быть въ тоже время, въ готовности, въ казармахъ и ожидать приказанія о выступленіи. Семидневную порцію сухарей и крупъ, для укладки въ провіантскія телѣги, уложить непремѣнно въ форменные мѣшки, которые принять отъ полковаго квартермистра. Боевые патроны, по 60, должны быть уложены въ картонные футляры, а по 40 патроновъ съ капсюлями, хранящіеся въ сараяхъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, переложить оттуда въ патронные ящики и проч. и проч. Интересенъ также установленный въ эту пору, порядокъ сбора по сигналамъ, которые должны были вывѣшиваться на каланчахъ городскихъ частей. Наблюденіе возложено было на офи-

церовъ, наряженныхъ дежурными, для донесенія начальству о пожарѣ *).

18-го Апрѣля намъ сдѣлалось извѣстнымъ высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы городскія части: Петербургскую, съ островами Елагинымъ, Крестовскимъ и Петровскимъ, Васильевскую, 4-ю, Адмиралтейскую, Нарвскую, съ островами Гутуевскимъ и Канонирскимъ, Выборгскую и Охтенскую, считать на военномъ положеніи. Во всѣ эти части повелѣно опредѣлить особыхъ военныхъ губернаторовъ. Въ концѣ Апрѣля два Преображенскихъ баталіона были почему-то расположены въ Михайловскомъ манежѣ. Постоянно готовясь къ тревогѣ, офицеры раздѣлились на двѣ смѣны; одна должна была безотлучно находиться при своемъ баталіонѣ. Такъ какъ въ манежѣ офицерамъ негдѣ было расположиться, а ѣхать домой нечего и думать, то мы заняли просторный номеръ въ ближайшей гостинницѣ на Караванной. Тамъ очередные офицеры располагались по походному; туда приходили и дежурные по баталіонамъ, и по пожару. И вотъ, во время дежурства, въ манежѣ, часто случалось мнѣ наблюдать за солдатскимъ препровожденіемъ времени и за ихъ настроеніемъ. Они занимались оттачиваніемъ штыковъ и тесаковъ на точильныхъ колесахъ. Рѣзкіе, зычные звуки лезвія, при треніи о камень, смѣшивались съ перекатами хохота и беззаботной болтовни. Эта дисгармонія какъ нельзя лучше выражала чувства, волновавшія насъ въ эту памятную эпоху. Къ сознанію близкой опасности, къ умножающимся заботамъ примѣшивалась оригинальная мысль: «Долго мы потѣли отъ начальства, такъ пусть же и оно теперь попотѣетъ! Наше дѣло сторона, и если случится скандалъ высшаго сорта,—не насъ въ томъ обвинятъ!» Вообще казалось, что всѣ были спокойны; но какое это спокойствіе, видимое или истинное, трудно было отличить. Сужу по себѣ, и кажется, не ошибусь, если скажу, что беззаботность была напускная.

Положеніе наше обрисовывалось слишкомъ ясно: всѣ насъ покинули. Вчерашніе друзья сдѣлались злобными, заранѣе торжествующими врагами. Въ магазинахъ у Беггрова и Даціаро была выставлена великолѣпная литографія, изображавшая Наполеона III-го съ его министрами и маршалами. На столѣ лежала карта Россіи, и Наполеонъ

*) Это было странное дежурство. Чтобъ выполнить его добросовѣстно, слѣдовало бы просидѣть 24 часа въ ближайшей полицейской части. Но этого не требовалось. Дежурные по пожару должны были сидѣть дома. А у меня, напримѣръ, была квартира на Моховой, окнами на дворъ, такъ что и неба видно не было, не только каланчей. Поэтому мы очень хорошо дѣлали, что не стѣснялись и дома не сидѣли, а дежурство сходило на „авось“.

сжатымъ кулакомъ указывалъ на Крымскій полуостровъ, а указательнымъ пальцемъ другой руки на Кронштатъ. Въ это же время ходили по рукамъ извѣстные стихи:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ! и проч.

Но все-таки, опасность, грозившая отечеству была очевидна. Неужели же, на нашихъ глазахъ померкнетъ слава Россіи и Русскаго оружія, пріобрѣтенная вѣковыми подвигами, начиная отъ освобожденія отъ Монголовъ до изгнанія Наполеона I-го? Эта назойливая мысль, какъ визгъ желѣза рѣжущаго камень, проникала насквозь самыхъ беззаботныхъ людей. Какое-то тяжелое чувство щемило душу и давило ее, какъ удушливый воздухъ, сгустившійся передъ страшною бурею.

А Петербургъ, по видимому, не тревожился, и не слышно было, чтобы кто-нибудь экстренно выселялся. Заботились только, по обыкновенію, заблаговременно нанимать дачи. Въ одномъ Петергофѣ, по близости его къ морю, было много ненанятыхъ дачъ; да и то, какъ узнали, что царская фамилія будетъ жить тамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, туда стали переѣзжать и веселиться болѣе чѣмъ когда нибудь.

22 Апрѣля былъ парадъ (Майскій) и затѣмъ отдыхъ, до 26-го числа. На одной изъ репетицій парада случилась оказія. Генералъ Моллеръ, начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, ѣздилъ всегда на огромномъ, темно-гнѣдомъ жеребцѣ; но онъ былъ очень смирный и ходилъ всегда шагомъ или степеннымъ галопомъ. Начальникъ 2-й дивизіи, генералъ Офросимовъ выѣзжалъ на вороной кобылѣ, тоже пожилой и довольно апатичной. Вдругъ совершилось чудо, и гг. офицеры имѣли случай сложить пѣсенку:

Чудесный жребій совершился:
Одинъ начальникъ очутился
Вдругъ,—на другомъ
Верхомъ!

Однако, оба дивизіонера были ни живы ни мертвы отъ ужаса и оба поскорѣе свалились съ лошадей, потому что жеребецъ, «въ воинственномъ азартѣ» сталъ еще кусаться. Казалось сама судьба смѣялась надъ парадами.

Какъ будто наперекоръ военной грозѣ, въ Преображенскомъ полку произошло, 29 Апрѣля, мирное торжество закладки перваго

камня казармъ 1-го баталіона въ Большой Милліонной улицѣ. Погода была теплая, и старый Преображенскій протоіерей Сицилинскій, со всѣмъ соборнымъ духовенствомъ, служилъ молебенъ на открытомъ воздухѣ. По окончаніи молебна, принесли на блюдѣ всѣ золотыя и серебряныя монеты отъ имперіала до пятачка, и высыпали на то мѣсто, гдѣ долженъ быть положенъ основный камень. Зданіе заложили Государь, и за нимъ Наслѣдникъ и прочія лица царской фамиліи. Высшее начальство и офицеры полка смазывали камень известью. Государь былъ не въ духѣ и замѣтилъ, что ризы на духовенствѣ очень грязны. Послѣ того 1-й баталіонъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ, но и тутъ не посчастливилось. Государь зналъ лично всѣхъ офицеровъ и слѣдилъ привычнымъ взглядомъ за маршировкою каждаго взвода и каждаго офицера. Одинъ изъ нихъ В...., очень невзрачный собою, да кажется и не совсѣмъ безукоризненно одѣтый, прошелъ некрасиво. Государь остался недоволенъ и гнѣвно замѣтилъ, что «В.... прошелъ какъ пузатая гарнизà!»

Еще въ началѣ Марта пріѣхалъ въ Петербургъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ, и ему представлялись всѣ офицеры гвардіи и Петербургскаго гарнизона. При этомъ представленіи меня поразило несходство всѣхъ существовавшихъ въ то время портретовъ съ дѣйствительностію. Напримѣръ портреты фельдмаршала, въ Пажескомъ Корпусѣ и въ Преображенской библіотекѣ, изображали его во весь ростъ въ видѣ высокаго человѣка, съ вдохновеннымъ лицомъ, осѣненнымъ живописно вьющимися, густыми прядями волосъ каштановаго цвѣта. Въ дѣйствительности же, въ день пріема, къ намъ вышелъ низенькій старичекъ, съ правильными чертами лица, съ умными выразительными глазами и съ рѣдкими сѣдыми волосами, зачесанными и приглаженными впередъ. Помнится, что онъ не сказалъ никому ни слова, а только прошелся взадъ и впередъ посреди толпы, слегка отвѣчая на поклоны. Въ ту пору я слышалъ, что фельдмаршалъ вообще былъ небольшой охотникъ до разговоровъ и что во время частныхъ посѣщеній и обѣдовъ у Государя и у лицъ царской фамиліи, онъ слылъ тяжелымъ собесѣдникомъ. Вскорѣ послѣ нашего представленія случилось мнѣ встрѣтить князя Варшавскаго на дворцовой набережной. Паскевичъ шелъ пѣшкомъ, одинъ одинёшенекъ, безъ шинели, въ невзрачномъ армейскомъ сюртукѣ и каскѣ. Полагаю, что многіе изъ встрѣчныхъ, не знавшіе его въ лицо, затруднились бы признать въ этомъ маленькомъ, неказистомъ генеральчикѣ одного изъ героевъ Бородинской битвы, грозу Турокъ и Персіянъ, покорителя Варшавы и усмирителя Венгріи, наконецъ человѣка, на котораго въ наступившую тяжкую годину, возложены всѣ надежды Государя и Россіи. Легко

можно себѣ представить, что на этотъ разъ фельдмаршалъ былъ почетнѣйшимъ гостемъ столицы. Государь облекъ его неограниченною властію, и онъ былъ постояннымъ предметомъ вниманія и отличія, начиная отъ Высочайшаго двора и кончая Гостинымъ дворомъ, гдѣ его какъ-то узнали и чуть не подняли на ура.

4-го Мая Преображенскій полкъ выступилъ въ Петергофъ, въ 4-хъ баталіонномъ составѣ, и размѣстился въ уланскихъ и конногренадерскихъ казармахъ. 1-му баталіону пришлось стоять въ уланскомъ манежѣ, а такъ какъ тамъ было холодно и сыро, то повторилось тоже чудо, какъ по перестройкѣ казармъ въ Петербургѣ, а именно: сырой, необитаемый манежъ, по мановенію Царя, превратился въ теплую, чистую и щегольски устроенную казарму. Государь и здѣсь, какъ въ Петербургѣ, почти каждое утро пріѣзжалъ въ 1-й баталіонъ, и я помѣщаю здѣсь любопытную выдержку изъ приказа 2-го Іюня:

„При посѣщеніи, 19 числа Мая мѣсяца, расположенія 1-го баталіона Государемъ Императоромъ, ефрейторъ 2-й фузелерной роты Константинъ Искинъ, на вопросъ Его Величества: „есть ли на всѣхъ людяхъ набрюшники?“ отвѣчалъ, вмѣстѣ съ прочими, что есть на всѣхъ. Когда же Государю Императору угодно было удостовѣриться въ справедливости сего, то оказалось, что у рядоваго той же роты Романа Фурмана набрюшника не было, равно какъ и на самомъ Искинѣ, котораго баталіонный командиръ, по отъѣздѣ Его Величества, приказалъ осмотрѣть. Нынѣ, по разслѣдованіи сего обстоятельства и въ послѣдствіе донесенія полковника Самсонова за № 84, относя случай сей къ недосмотру ротнаго командира, а поступокъ ефрейтора Искина недостойнымъ стараго солдата, *ибо ложь терпима быть не можетъ*, я нахожусь вынужденнымъ командиру 2-й фузелерной роты штабсъ-капитану Баранову случай сей поставить на видъ, ефрейтора же Искина лишить ефрейторскаго званія, съ написаніемъ въ рядовые 3-го класса.“

Въ Петергофѣ насъ сразу поставили на военную ногу: въ баталіонахъ, каждый день, назначались очередныя, дежурныя роты, и мѣстомъ сбора, на случай тревоги, назначенъ плацъ впереди кадетскаго лагеря. Но отрѣшиться отъ плацъ-парада мы еще не могли, потому что Государю угодно было смотрѣть полки въ четырехъ-батальонномъ составѣ. И вотъ опять стали водить насъ, каждый Божій день и съ ранняго утра, на обширное поле кадетскаго лагеря и продѣлывать тамъ постылыя намъ баталіонныя, полковыя и бригадныя ученья, по уставу 1841 года, то-есть развернутымъ фронтомъ или колоннами; по праздникамъ же назначались церковные парады. Такъ продолжалось до 4-го Іюня, то-есть, до Высочайшаго смотра. Государь имѣлъ тогда многія заботы, и неудивительно, что онъ находился въ самомъ

пасмурномъ настроеніи. Мы, съ своей стороны были утомлены и разсѣяны, что̀ отразилось, конечно, и на результатахъ смотра. Полковой приказъ возвѣстилъ:

„Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что въ разсыпномъ строю были нѣкоторыя ошибки и движенія исполнялись медленно и что, при движеніи баталіонами впередъ, музыканты затянули такту.“

Вслѣдствіе того предписывалось ротнымъ командирамъ, на предстоящихъ ученьяхъ, *усугубить* стараніе къ исправленію и проч. Чиновникъ же при музыкантахъ (т. е. капельмейстеръ) Бѣляевскій отправленъ на сутки подъ арестъ.

Мы повѣсили головы, какъ будто проиграли генеральное сраженіе, потому что знали послѣдствія дурнаго смотра и не ошиблись: насъ опять стали учить и проучили до 27 Іюня, когда вторично смотрѣлъ бригаду Наслѣдникъ Цесаревичъ, и мы окончательно отдѣлались отъ фронтовыхъ мученій. Съ этого дня войска уже исключительно занимались стрѣльбою, малыми маневрами и аванпостными ученіями.

Пора, давно пора было приняться за дѣло! Уже въ началѣ Мая союзные флоты открыли непріязненныя дѣйствія въ Финскомъ заливѣ. Командовавшій въ Финляндіи Рокасовскій доносилъ, что 7 Мая три непріятельскіе парохода прошли между островомъ Гулль и Гангеудскимъ берегомъ и стали у входа къ городу Экнессу; 8-го числа къ Гангеуду подошли и стали на якорь 17 двухдечныхъ винтовыхъ кораблей. Первое дѣло генерала Рамзая пр Экнессѣ, въ оффиціальныхъ донесеніяхъ, является блестящею побѣдою. Оно однакоже состояло въ томъ, что 7 Мая, въ 4 часа пополудни, 2 непріятельскихъ парохода, имѣя впереди себя 16-ти-весельный баркасъ, для промѣра, поднялись по Піосскому заливу и, несмотря на то, что полувзводъ нашихъ Финскихъ стрѣлковъ, расположенный у станціи Ланвикъ, по словамъ донесенія, заставилъ баркасъ возвратиться на двухъ только веслахъ (причемъ 10 человѣкъ, изъ матросовъ стоявшихъ на реяхъ пароходовъ, были поражены нашими выстрѣлами), несмотря, наконецъ, на дѣйствіе нашихъ батарей, расположенныхъ на узкомъ мѣстѣ пролива Витсанда,—непріятельскія суда продолжали подвигаться впередъ къ Экнессу, остановились въ полутора верстахъ отъ города, и, простоявъ тамъ нѣкоторое время, преспокойно вернулись къ своему флоту. Все это предпріятіе союзниковъ было, вѣроятно, не что̀ иное, какъ развѣдка и, еще вѣроятнѣе, сдѣлано напоказъ съ цѣлью прикрыть замышленное рѣшительное дѣйствіе противъ Аландскихъ острововъ.

Результатъ схватки при Экнессѣ былъ несравненно выше оцѣнки, какую придали ему оффиціальныя донесенія. Несомнѣнно было, что Финскіе стрѣлки отличились мѣткою стрѣльбою, и Государь не даромъ послалъ имъ 15 Георгіевскихъ крестовъ. Помимо Англичанъ, сброшенныхъ въ море ихъ пулями, доблестные Финны нанесли ударъ прежней системѣ обученія. Всѣмъ стало ясно, чего намъ недоставало, и всѣ твердили въ одинъ голосъ: «Вотъ что́ значитъ имѣть хорошихъ стрѣлковъ!»... Къ несчастію, сію же минуту представлялся въ умѣ безотрадный вопросъ: «Но зачѣмъ же у насъ ихъ такъ мало?» Вотъ теперь, именно съ конца Іюня, этотъ вопросъ сталъ самымъ животрепещущимъ. Я уже сказалъ, что въ это время стали, наконецъ, выводить насъ на стрѣльбу, на аванпостныя ученья и малые маневры, при которыхъ часто присутствовалъ самъ Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Для стрѣльбы отвели намъ мѣсто на окраинахъ Петергофа, именно, на свободныхъ поляхъ (паровыя смѣны) принадлежавшихъ Нѣмецкимъ колонистамъ. Хозяева крайне сердились на такое распоряженіе, и я помню, что они, съ цѣлію подгадить намъ, прилежно унаваживали мѣста стрѣльбища самымъ нестерпимымъ для обонянія удобреніемъ. Самый дальній предѣлъ, куда достигали тогдашнія наши ружья, былъ, помнится, 300 шаговъ. Тяжелыя, неуклюжистыя и растрѣлянныя (внутри поврежденныя) «гладкостволки» были, сверхъ того, испорчены безпрестанною чисткою наждакомъ, небрежнымъ обращеніемъ и ржавчиною отъ неаккуратной смазки, а ржавчина дѣлала въ стволѣ «раковины». Все это могъ повѣрить артиллерійскій полковникъ, разъ въ годъ объѣзжавшій полки гвардіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ оружейныхъ мастеровъ. Эти мастера собственно и дѣлали повѣрку. Каждая рота давала этимъ мастерамъ по нѣскольку рублей на чай, и все было шито да крыто. Когда, въ концѣ 1850-хъ годовъ, полковому инструктору, барону Корфу, поручено было изслѣдовать степень годности гладкоствольныхъ ружей, я былъ свидѣтелемъ этой повѣрки: изъ десяти ружей два или три оказывались удовлетворительными; остальныя,—иное «разносило» то есть изъ десяти выстрѣловъ со станка, напримѣръ, всѣ пули попадали въ окружность мишени, и все въ разныя мѣста; другое ружье брало на аршинъ или полтора вправо или влѣво; третье стрѣляло непомѣрно высоко или низко и т. д. И вотъ изъ такого-то оружія учили стрѣлять въ началѣ войны! Устраивали плотный земляной валъ и разставляли на немъ мишени, если не ошибаюсь, въ два аршина вышины и полтора ширины. Это были деревянныя рамы съ наклеенною на нихъ бумагою, на которой чертили круги или такъ называемые номера отъ № 1-го (на окраинѣ) и до № 12-го (сердце). Стрѣляли болѣе на 200 шаговъ. Въ Петергофѣ

стрѣляли цѣлыми ротами. По приходѣ на мѣсто, ротный командиръ или отдѣленный офицеръ садились на скамеечку и вызывали людей, по числу мишеней. Рѣдко слышались замѣчанія; обыкновенно никто не обращалъ вниманія на держаніе ружья, положеніе мушки и спускъ курка, не говоря уже объ условіяхъ вѣтра, солнца и свойства окружающей мѣстности. Только и слышны были однообразные звуки барабана, бившаго дробь (начало стрѣльбы) и отбой (когда всѣ очередные выстрѣлили). Послѣ каждаго отбоя изъ-за вала выскакивали махальные и показывали флагомъ выбитый № или кричали: «поле!» что̀ значило: «промахъ!» Начальникъ отмѣчалъ въ спискѣ, изрѣдка вопросительно покрикивая, «который.» Но большую часть времени, онъ сидѣлъ равнодушно и только, если случалось, что какой-либо молодой солдатъ зажмурится, дернетъ за курокъ и пуля, взборонивъ землю въ 10-ти шагахъ, съ визгомъ пронесется на сажень поверхъ мишени, то и начальникъ свиснетъ, махнетъ рукою и обратится къ стрѣлку съ замѣчаніемъ: «Экая баба!... Боится стрѣлять! Что ты жмуришься? Что ты ежишься? Говорятъ тебѣ, не дергай!» и проч. Рекрутъ сначала учили стрѣлять холостыми патронами, а потомъ боевыми. На нихъ, конечно, болѣе обращали вниманія, но и тутъ старались только выучить не бояться ружья, разсчитывая, что остальное придетъ само собою. Офицеры сами никогда не стрѣляли и руководствовались воспоминаніями того времени, когда, будучи кадетами, они ходили, раза три въ лѣто, стрѣлять боевыми патронами. Про солдатъ же положительно можно сказать, что они думали только объ одномъ: какъ бы выпустить свои три пули и уйти домой не ушибивъ плеча или скулы, такъ какъ многія ружья отличались страшною отдачею. Что же касается до сознательной стрѣльбы, до желанія принаровиться къ своему ружью, словомъ до желанія совершенствоваться, такое направленіе было свойственно самому незначительному меньшинству, даже старыхъ солдатъ. Что̀ же сказать про молодыхъ? А ихъ было тогда множество! Аванпостныхъ ученій офицеры и солдаты терпѣть не могли и называли ихъ «Иванъ-постный.» Была какая-то книжка, отдѣльная часть устава, по этому отдѣлу обученія: книжонку, въ случаѣ надобности выкапывали изъ ротнаго архива и по ней производили разсчетъ пикетовъ, главнаго караула, рундовъ, патрулей; производилась разстановка цѣпи и проч. Самое трудное было растолковать неразвитому, «темному,» тогдашнему солдату обязанности часовыхъ въ цѣпи, доказать ему, что аванпостная цѣпь и пикеты служатъ оградою для войскъ, расположенныхъ вблизи отъ непріятеля, и что ключи къ этой оградѣ: отзывъ, пароль и лозунгъ. Бывало, приходишь въ отчаяніе, если захочешь растолковать всѣмъ и каждому, что̀ слѣдуетъ дѣлать, когда

изъ цѣпи или въ цѣпь покажутся команды, одиночные люди и проч. Большая часть солдатъ не могли ничего понять и затверживали безсознательно формулы и слова. Все кончалось обыкновенно тѣмъ, что когда вся рота перебываетъ въ цѣпи, и каждому перетолкуется аванпостная премудрость, наставникъ, съ утомленною головою и не менѣе усталыми ногами, отправлялся поскорѣе домой. Малые маневры производились почти на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и теперь; они были, большею частію, двусторонніе; а главный недостатокъ этихъ маневровъ тотъ, что они развивали и въ офицерахъ, и въ солдатахъ страхъ отвѣтственности, страхъ начальства, а боязнь въ военномъ человѣкѣ надобно бы искоренять, а не развивать. Послѣ 1850-хъ годовъ, малымъ маневрамъ стали придавать больше значенія; они сдѣлались однимъ изъ главнѣйшихъ упражненій; но въ 1854 году, на сколько я помню, маневры вообще стояли въ нашихъ понятіяхъ нимало ни выше фронтовыхъ ученій. Мы наступали, отступали, дѣлали обходы и заботились только вотъ о чемъ: если отрядъ или часть его находились въ заднихъ линіяхъ, то есть не на виду у начальства, то офицеры и солдаты старались подольше полежать на травѣ или пойти по бруснику. Когда же дѣло доходило до насъ, и приходилось дѣйствовать передъ глазами начальства, то заботились, какъ бы не соврать или не испортить чего-нибудь, такъ какъ тутъ не результатъ боя, а соображенія начальника или офицера генеральнаго штаба могли доставить патентъ на неспособность или подвести подъ отвѣтственность.

Утромъ мы учились; за то послѣ обѣда наступало блаженное время. Второй баталіонъ, гдѣ я служилъ, размѣстился въ уланскихъ казармахъ, а офицеры на частныхъ квартирахъ по сосѣдству. Офицеры 2-й гренадерской и 4-й роты наняли весь нижній этажъ довольно просторнаго угловаго дома, съ небольшимъ садикомъ, на Ольгинской улицѣ. Напротивъ насъ помѣщались офицеры 5-й и 6-й роты; тамъ устроилась и артель. 4-ю ротою командовалъ въ то время шт. кап. Рейбницъ (Евгеній Карловичъ), и въ той же ротѣ служили два брата барона Фридрихса, необыкновенно добрые и симпатичные. Службу съ ними вспоминаю съ величайшимъ удовольствіемъ и былъ бы радъ, если бы эти строки могли дойти до нихъ, какъ признательное воспоминаніе стараго товарища. Во 2-й гренадерской ротѣ состояли: кап. Ребиндеръ (Александръ Алексѣевичъ), поручикъ графъ Татищевъ 2-й, подпоручикъ князь Трубецкой 2-й и прапорщикъ Сельванъ. Про Сельвана я не могу ограничиться однимъ упоминаніемъ его фамиліи. Съ увѣренностью можно сказать, что онъ, со временемъ, могъ сдѣлаться выдающеюся личностью и замѣчательнымъ дѣятелемъ. Въ этой живой, веселой, энергичной натурѣ я встрѣтилъ то, что въ жизни рѣдко можно встрѣтить: умъ

и большія способности въ соединеніи съ необыкновенною добротою души и съ самою утонченною деликатностью чувствъ при твердыхъ и честныхъ убѣжденіяхъ. Отличительною чертою его характера были пытливость, наблюдательность и желаніе провѣрять свои наблюденія на самомъ дѣлѣ, а свои мысли въ благоразумномъ спорѣ, который онъ велъ всегда съ тактомъ и съ умѣренностью. Сельванъ, произведенный въ офицеры 13 Августа 1853 г., скончался осенью 1856 г. отъ чахотки. Удары судьбы похожи иногда на прихоть человѣка. Сельванъ умеръ въ преддверіи достопамятной эпохи реформъ, которая именно требовала такихъ людей, какъ онъ.

Май мѣсяцъ и первая половина Іюня 1854 г. приводили насъ въ отчаяніе: до того было холодно и сыро. Но въ серединѣ лѣта, съ наступленіемъ тепла и съ началомъ купанья въ морѣ, мы ожили. У Рейбница была пара маленькихъ, очень рѣзвыхъ лошадей. Въ его просторныя дрожки мы усаживались въ четверомъ, и не проходило дня, когда бы мы не объѣздили ту или другую часть живописнаго Петергофа. «L'art embellit la nature.» *) Эта поговорка какъ нельзя болѣе подходитъ къ любимой, лѣтней резиденціи императора Николая Павловича. Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1840-хъ годовъ и помню, что вся часть Петергофа, гдѣ теперь Ольгинъ и Царицынъ острова, была, просто, дикимъ болотомъ. Петергофскіе же старожилы помнили время, когда въ этихъ мѣстахъ гнѣздилась всякаго рода дичь. Вдругъ, какъ изъ земли, выросли павильоны, кіоски, парки, съ разчищенными прудами и прочія диковинки. Украшеніе и обстройка Петергофа очень занимали покойнаго Государя. Онъ самъ намѣчалъ мѣста, гдѣ слѣдовало пробивать дорожки, и я помню, что, часто, сопровождаемый генераломъ Михайловымъ, Императоръ лично разставлялъ палки, весьма щеголевато отдѣланныя. Онъ бралъ ихъ отъ генерала, приговаривая:

— Вы меня балуете!

Извѣстно, что Николай Павловичъ жилъ въ Александріи; но помѣщеніе тамъ было до того ограниченно, что самъ вѣнчанный хозяинъ, кажется, долженъ былъ иногда одѣваться въ столовой. Онъ, смѣясь, говорилъ, что живетъ какъ мелкопомѣстный дворянинъ и на походной ногѣ. Даже передъ кончиною Государь вспомнилъ свои любимыя мѣста и сказалъ графинѣ Тизенгаузенъ: Saluez mon cher Peterhoff. **)

Въ это лѣто Петергофъ не измѣнилъ своей обычной физіономіи. Одно, едва замѣтное даже и привычному глазу, явленіе могло развѣ

---

*) Искусство украшаетъ природу.

**) Поклонитесь моему милому Петергофу.

удивить прохожихъ: вмѣсто мирнаго инвалида, у воротъ парка Александріи, появилось двое часовыхъ, стоявшихъ и днемъ и ночью. Эти часовые, изъ Финскихъ стрѣлковъ, вечеромъ и ночью, при малѣйшемъ шорохѣ чьего либо приближенія, брали «на руку», то есть выставляли вамъ на встрѣчу обоюдуострые тесаки своей винтовки, служившіе вмѣсто штыка, и рѣзко окликали ломанымъ языкомъ: «Хто итётъ?»

Государь особенно ласкалъ и отличалъ Финскихъ стрѣлковъ, и командиръ ихъ баталіона баронъ Коттенъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Нашъ старый, деревянный Балтійскій флотъ, отживавшій свое время, вооружили и снарядили; однако оставили его въ гавани, подъ защитою Кронштадтскихъ укрѣпленій. Далѣе въ море его не пускали, и хорошо поступили, что въ этомъ послушались опыта, сдѣланнаго еще до появленія Англичанъ: послали корабли въ море, но погода такъ ихъ растрепала, что насилу увели домой. Больше всѣхъ пострадало адмиральское судно. На древній, стопушечный корабль «Петръ I-й» посадили 80-лѣтняго адмирала Рикорда и поручили ему командовать флотомъ. Вдругъ стало слышно, что адмиральскій корабль, по выходѣ въ море, *потерялъ руль*, такъ что его кое-какъ притащили домой на буксирѣ! Какъ бы и почему бы то ни было, но Балтійскій флотъ простоялъ все лѣто 1854 г. въ Кронштадтской гавани. Петербургской публикѣ пришла охота устраивать нескончаемыя, ежедневныя поѣздки на Кронштадтскій рейдъ. Пароходы съ музыкою, переполненные патріотами и любопытными, отправлялись поплавать между громадами кораблей, передъ которыми эти увеселительныя судёнушки казались пигмеями. Рикордъ, сначала и пока ему не надоѣло, становился, со всѣмъ своимъ штабомъ, на палубѣ и махалъ фуражкою; а матросы на реяхъ и офицеры кричали ура! Съ пароходовъ отвѣчали самыми восторженными криками, и потомъ каждый возвращался восвояси, вкусивъ немалую долю патріотическихъ восторговъ. Но этого недовольно. Надобно же было полюбопытствовать и на вражескія эскадры, и вотъ мы вооружились подзорными трубами и стали ѣздить на «Красную горку», гдѣ вскорѣ начали встрѣчать цѣлыя общества туристовъ изъ Петербурга; въ числѣ ихъ было много дамъ. Англійскій флотъ находился на весьма почтенномъ разстояніи, такъ что и въ зрительную трубу съ трудомъ можно было разсмотрѣть фигуры пароходовъ, да и то въ ясную погоду. Мы видѣли только, какъ черныя пловучія глыбы, съ низенькими, дымящимися трубами, медленно двигались то въ одну, то въ другую сторону. На все это посматривали въ началѣ съ любопытствомъ пополамъ со страхомъ, потомъ просто съ любопытствомъ, и, наконецъ, всѣ такъ привыкли къ непріятельскому фло-

ту, что онъ не только не пугалъ, но даже и не интересовалъ больше никого.

Государь казался спокойнымъ; но желтое, исхудалое лицо его обличало кипѣвшія въ душѣ скорбь и раздраженіе. Это особенно можно было замѣтить на выходѣ 9-го Августа, куда мы съѣхались для празднованія какой-то побѣды надъ Турками. Государь вышелъ подъ руку съ Императрицею. Онъ держался по прежнему прямо и величественно. По прежнему голова его плавно и привѣтливо склонялась, въ отвѣтъ на нижайшіе поклоны толпы. Во время шествія, Императоръ спокойно и довольно громко разговаривалъ съ Императрицею о какихъ-то незначущихъ предметахъ и даже шутливо спросилъ генерала Моллера: „Усмиренъ ли твой *Непиръ?*" Моллеръ отвѣчалъ: Усмиренъ, Ваше Величество!

Чтобы понять эту шутку, надобно знать, что нашъ почтенный начальникъ дивизіи, послѣ переполоха при осѣдланіи коллеги на Майскомъ парадѣ, со страху, велѣлъ выложить своего жеребца.

Кажется, на томъ же выходѣ, насъ всѣхъ поразило появленіе плѣннаго Англійскаго капитана. Это былъ приземистый, широкоплечій морякъ съ загорѣлымъ, весьма обыкновеннымъ лицомъ. Онъ былъ, повидимому, въ самомъ печальномъ настроеніи, и его широкая грудь безпрестанно колебалась тяжелыми вздохами. Государь велѣлъ возвратить ему кортикъ. Военноплѣнный этотъ былъ капитанъ Англійскаго парохода „Тигра", выброшеннаго бурею на берегъ Чернаго моря.

Чтò касается нашихъ военныхъ дѣйствій передъ Кронштадтомъ, то они ограничились тѣмъ, что выслали на рекогносцировку обыкновенный, колесный пароходъ „Герцогъ Лейхтенбергскій", служившій, кажется, для рейсовъ между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Англійскій военный пароходъ погнался за добычею, и наше судёнышко пустилось утекать; говорили, что машинистъ, съ перепугу, опасно заболѣлъ холерою. Такія военныя событія были невнушительны; но Петербургская и Петергофская публика продолжала спокойно жить и веселиться. Наша офицерская братія каталась по Петергофу, какъ сыръ въ маслѣ.

День полковаго праздника (6-е Августа) омрачился оффиціальнымъ извѣстіемъ о взятіи Аландской крѣпости. Какъ ни преувеличены, какъ ни чудовищны были, подчасъ, тогдашніе толки, но они имѣютъ интересъ, такъ какъ служатъ выраженіемъ безпокойнаго, лихорадочнаго настроенія въ Русскомъ обществѣ. Мы все еще были увѣрены въ себѣ и каждую неудачу охотнѣе всего приписывали измѣнѣ и подкупу. Съ начала лѣта 1854 года и до конца Крымской вой-

ны я велъ дѣятельную переписку съ одной почтенной личностью. Это была Наталья Александровна Азаревичъ, дочь писателя Измайлова, умная, просвѣщенная и вполнѣ Русская женщина *). Она жила постоянно въ Петербургѣ, имѣла возможность выѣзжать въ общество и принимать его у себя. Я приведу выдержки изъ ея писемъ, потому что въ нихъ ясно высказывается тогдашнее возбужденіе жителей столицы и слухи, ихъ волновавшіе. Она писала мнѣ отъ 22-го Сентября 1854 г.:

„Болтать, такъ болтать обо всемъ. Говорятъ, что Б.... былъ подкупленъ, почему Аландъ и сдался въ такое короткое время. Здѣсь (т.-е. въ Петербургѣ) находится теперь священникъ изъ Бомарзунда; онъ разсказываетъ, что дрались весьма плохо, потому что солдатамъ запрещено было стрѣлять и что самъ Б.... просилъ священника уговорить солдатъ не стрѣлять, на чтó священникъ отвѣчалъ, что, въ его санѣ, нельзя отклонять солдата отъ исполненія обязанностей, а, напротивъ, онъ долженъ поддерживать людей въ намѣреніи стоять твердо за Вѣру, Царя и Отечество. Б... женатъ на сестрѣ или родственницѣ Бараге-д'Илье (?). Невольно призадумаешься, что женщины часто бывали причиною паденія и славы государствъ. Ф.... а называютъ такимъ же измѣнникомъ. Припомните первые разсказы о взятіи Бомарзунда: бѣлый флагъ, выкинутый неизвѣстно кѣмъ, и вслѣдъ затѣмъ сильная перестрѣлка; потомъ, часть войска, хотѣвшая сдаться, а другая безмолвно положившая оружіе. Все это набрасываетъ тѣнь сомнѣнія."

Изъ письма отъ 2-го Ноября: „Когда будетъ размѣнъ плѣнныхъ и Б.... возвратится въ Россію, ему предстоитъ награда: казнь на мѣстѣ измѣны!"

Еще въ началѣ нашей стоянки въ Петергофѣ, носились слухи о предстоящемъ походѣ; но потомъ стали говорить, что онъ отложенъ на неопредѣленное время. Наконецъ, 29 Августа, приказъ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ заставилъ насъ встрепенуться. 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи, съ ихъ артиллеріею, сапернымъ и Финскимъ стрѣлковыми баталіонами, предназначались къ выступленію къ западнымъ границамъ Имперіи. Полковой приказъ дополнялъ, что движеніе гвардіи будетъ производиться двумя колоннами. 1) *Правая*: 1-я гвардейская, легко-кавалерійская дивизія съ л.-гв. конною, легкою и Донскою № 2-й батареею, направится по Рижскому тракту. 2) *Средняя колонна:* 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, саперы и конно-піонеры, по Ковенскому шоссе. 3) *Лѣвая:* 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, по желѣзной дорогѣ въ Москву, и оттуда по старой Смоленской дорогѣ. Выступленіе должно было начаться съ 1-го Сентября.

---

*) Н. А. Азаревичъ, супруга богатаго Московскаго помѣщика А. А. Азаревича, находилась въ родствѣ съ семействомъ поэта Майкова. Слогъ—есть человѣкъ, и по выпискамъ можно судить о наблюдательности и умѣ этой женщины.

„Сколько было дѣла по хозяйственной части, можно себѣ представить. Приготовить все нужное полку, для выступленія въ походъ, есть уже немалое затрудненіе; но въ это же время надобно было сформировать другой полкъ, вполнѣ его устроить и дать все, отъ рубашки до провіантской телѣги и лошадей. Графъ Барановъ, при этомъ, былъ неутомимъ. Ни одинъ мундиръ, ни одна шинель не были выданы въ роту безъ личнаго осмотра ихъ полковымъ командиромъ. На покупку лошадей, ихъ подборъ и выѣздку онъ обращалъ особое вниманіе: фурштатамъ, изъ полковыхъ денегъ, сравнялъ жалованье со строевыми и требовалъ уже назначенія отъ ротъ вполнѣ хорошихъ лошадей. Результаты оказались въ походѣ: ни разу, ни одна повозка изъ обоза не завязла; никогда не назначали людей для вытаскиванія обоза изъ грязи или втаскиванія на гору, подобно тому, какъ это было въ походѣ 1849 года. Входя въ Гродно, послѣ тяжкой мятели, обозъ на колесахъ проѣхалъ цѣлую станцію, по столь глубокому снѣгу, что переднія оси въ немъ вязли, и ни одна тройка не замялась."

Послѣднія строки приписаны въ моихъ запискахъ рукою Н. Э. Г., бывшаго тогда полковымъ казначеемъ Преображенскаго полка.

*

Я уже сказалъ въ своемъ мѣстѣ, что въ первой половинѣ года Преображенскій полкъ раздѣлился на два полка: дѣйствующій и резервный. Про дѣйствующій, гдѣ я служилъ, буду дальше разсказывать, а про резервный я очень мало знаю, развѣ только то, что онъ былъ переполненъ безсрочно-отпускными солдатами и тѣми, какіе добровольно поступили на службу изъ отставки. О послѣднихъ надобно замѣтить, что они вступили въ ряды вслѣдствіе предложенія Государя, объявленнаго, еще весною, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ предложеніи имъ было обѣщано обезпеченіе ихъ семействъ и личныя преимущества, какъ напримѣръ, золотые и серебряные шевроны, медали съ надписью «за усердіе», двойные оклады жалованья и единовременныя пособія. Унтеръ-офицеры и солдаты, поступившіе на вторичную службу, были, большею частію, люди сомнительной нравственности и успѣли съ перваго начала зарекомендовать себя съ этой стороны даже самому Государю. Объ этомъ говорятъ очень краснорѣчиво полковые приказы того времени. Что́ касается дѣйствующаго Преображенскаго полка, то ему пришлось собираться въ походъ.

Для каждаго офицера много значитъ составъ общества товарищей, служащихъ съ нимъ въ одной ротѣ. Это условіе сильно дѣйствуетъ на походную жизнь и обстановку. Поэтому распредѣленіе по ротамъ возбуждало въ офицерахъ жгучій интерессъ. Полковой командиръ, графъ

Барановъ жилъ въ Нижнемъ Петергофѣ, и со дня объявленія похода, офицерская братія толпами хаживала къ нему съ просьбами объ оставленіи въ прежней ротѣ или о переводѣ въ другую. Въ это время полковой командиръ началъ сближаться съ офицерами, и сближеніе было во всѣхъ отношеніяхъ благопріятно для полка. Несмотря на множество дѣлъ его обременявшихъ, графъ Барановъ входилъ въ положеніе каждаго просителя и, если только могъ, сейчасъ же измѣнялъ распредѣленіе и дѣлалъ по желанію каждаго. При этомъ случаѣ мнѣ пришлось испытать, въ первый разъ въ жизни, практичность и справедливость житейскаго и служебнаго правила: «Ни на чтó не напрашивайся и ни отъ чего не отказывайся.» Въ приказѣ я прочелъ свой переводъ изъ 4-й роты въ 3-ю гренадерскую и пришелъ въ отчаяніе, потому что, съ перваго дня поступленія въ полкъ, постоянно служилъ въ 4-й ротѣ. Я поспѣшилъ къ графу Баранову, и онъ, по усиленной моей просьбѣ, согласился оставить меня въ 4-й ротѣ. Но чтó изъ этого вышло? Уже на первыхъ переходахъ я сталъ часто ссориться съ Рейбницемъ, и дошло до того, что мы чуть не стали на барьеръ. Печальнѣе всего, что все дѣло вышло изъ такихъ пустяковъ, что совѣстно и разсказывать. Между тѣмъ 3-ю гренадерскую роту, то-есть ту, куда меня хотѣли перевести, мнѣ скоро суждено было принять въ командованіе отъ капитана Дохтурова, и какъ будто сама судьба указывала мнѣ заранѣе на эту роту и давала возможность приготовиться и ознакомиться съ офицерами и людьми.

Какъ бы то ни было, а мы весело собирались въ походъ. Отецъ молодыхъ Фридрихсовъ имѣлъ собственный конскій заводъ въ Финляндіи, и онъ прислалъ намъ отличную выносливую тройку Финокъ; мы купили ее на артельный счетъ, а ротный командиръ, Рейбницъ, отправлялся отдѣльно, на своей парѣ. Въ этотъ походъ, помнится, въ первый разъ разрѣшено было офицерамъ покупать неформенныя телѣги, какія кому угодно. Насчетъ верховыхъ лошадей тоже распорядились иначе, нежели въ 1849 году. Въ то время, чуть ли ни одинъ только Косаковскій шелъ все время пѣшкомъ; теперь же почти никто изъ офицеровъ не купилъ верховой лошади. Однако приказано было всѣмъ завести вьюки, и мы разсчитывали, что упряжныя наши лошади, въ послѣдствіи, послужатъ намъ и вьючными.

Гвардейскій солдатъ не то что армейскій, имѣющій мало вещей, но за то на всякую минуту готовый къ выступленію, такъ какъ онъ, и въ мирное время, привыкъ къ кочевой жизни и къ безпрестаннымъ перемѣнамъ стоянки. У гвардейскаго солдата, напротивъ, есть постоянная осѣдлость, поэтому и лишнія вещички, съ которыми онъ очень не любитъ разставаться. Походъ вынуждаетъ, волею-не-волею, оста-

вить дома все наиболѣе громоздкое. Но все что́ онъ считаетъ возможнымъ забрать, гвардеецъ тащитъ съ собою и старается всунуть на артельную повозку, зная, что обывательскія подводы, отпускаемыя въ походѣ подъ больныхъ, тяжести и пр., дадутъ ему возможность побарствовать. Фельдфебеля же, правящіе унтеръ-офицеры и прочіе аристократы запасаются даже самоварами, перинами, словомъ выступаютъ вовсе не на легкѣ. Вотъ почему за гвардіею всегда тянулись длиннѣйшія вереницы подводъ, и конечно во время похода, особенно лѣтомъ, подводная повинность тяжело налегала на крестьянина, тѣмъ болѣе, что контрмарки (представители платы за подводы) давали поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. За нѣсколько дней до выступленія дворъ гвардейскихъ казармъ представлялъ огромный муравейникъ: доски, сундуки, образа, перины и тому подобный скарбъ тащился въ складъ остающихся вещей; мѣшки, тюки, кулечки, ящички, сваливались и съ утонченнымъ искусствомъ упаковывались въ артельной повозкѣ. Круче всѣхъ конечно приходилось женатымъ; про нихъ не даромъ сказалъ поэтъ-партизанъ:

Нѣтъ, братцы, нѣтъ, полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой.

Этихъ-то полусолдатъ много было въ гвардіи, гдѣ имѣлась полная возможность нажить и кормить бабъ. Большинство ихъ, такъ-называемыя, *женки*, то-есть любовницы, превышали на двѣ трети число законныхъ женъ. Какъ тѣ, такъ и другія, безъ дальнѣйшаго раздумья и хлопотъ, отправляются съ мужьями въ дорогу или, по крайней мѣрѣ, идутъ провожать полкъ на болѣе или менѣе далекое разстояніе. Огромная ватага бабъ, съ воемъ, съ плачемъ, съ причитываньемъ, присоединялась къ выступающему полку, и душевныя ихъ изліянія доходили иногда до такого содома и безобразія, что баталіонный командиръ часто бывалъ вынужденнымъ дѣлать своею персоною кавалерійскія атаки, чтобы разогнать эту уныніе наводящую толпу.

Время никого не ждетъ, и вотъ наступилъ день 4-го Сентярбя, канунъ выступленія. Въ объявленномъ маршрутѣ путь нашъ лежалъ на Гатчину, Лугу, Островъ, Рѣжицу, Динабургъ, Новоалександровскъ, Вилькоміръ, Ковно, Маріамполь, Кальварію, Августовъ и Щучинъ.

6-го числа, рано утромъ, весь полкъ соединился на сборномъ мѣстѣ, у мызы Знаменской. 80-тилѣтній Преображенскій протоіерей Сицилинскій, глотая слезы, отслужилъ молебенъ, трогательно простил-

ся съ офицерами и окропилъ святою водою знамена и ряды солдатъ. Военныя формальности не могли подавить тяжелаго чувства разставанья; оно многимъ защемило сердце, и въ этомъ сужу по себѣ. День былъ пасмурный, небо плакало, остающіе и выступающіе тоже плакали; одни лишь торговцы въ душѣ веселились, такъ какъ, въ последнее время, кошельки ихъ конечно превзошли дородствомъ своихъ владѣльцевъ. Въ Гатчинѣ самъ Государь прощался съ любимымъ своимъ полкомъ. На его лицѣ свѣтлѣла улыбка, стѣсненная выраженіемъ перемогавшей грусти. Когда Императоръ началъ говорить, видно было, что избытокъ чувствъ пошатнулъ даже эту богатырскую натуру, и слезы чуть не прервали рѣчи. «Смотрите, молодцы, служить у меня по-преображенски, и, если дойдетъ до дѣла,—слышите-ли вы,—то мнѣ вамъ больше ничего не нужно говорить, какъ одно слова: помните, что вы Преображенцы... Господь съ вами!»

Съ послѣднимъ словомъ голосъ прервался отъ слезъ. Государь перекрестилъ полкъ широкимъ крестомъ, быстро повернулъ лошадь и отъѣхалъ... Онъ плакалъ. Полкъ единодушно грянулъ ура. Солдаты крѣпились, и у многихъ рука, мимоходомъ, шмыгала по глазу обшлагомъ. Дневка состоялась въ Гатчинѣ, гдѣ офицеры обѣдали у Государя. Послѣ обѣда былъ baise-main *) императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ. Государь называлъ ей каждаго изъ насъ по фамиліи. Вообще, въ этотъ день, онъ былъ необыкновенно милостивъ и ласковъ: какъ будто предчувствовалъ, что видитъ полкъ и насъ всѣхъ въ послѣдній разъ. Но отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Во время цѣлованія руки у Императрицы, одинъ изъ товарищей, Ш—, плохой куртизанъ, не зналъ, что, цѣлуя руку, не только можно, но и должно поддержать ее своею собственною; онъ же приложился какъ къ образу, держа руки по швамъ. На этомъ обѣдѣ присутствовалъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Милютинъ. Онъ только что поднесъ Императрицѣ свое извѣстное сочиненіе: «Походъ Суворова въ Швейцарію въ 1799 году».

До Вилькоміра маршрутъ нашъ былъ тотъ же какъ въ 1849 г. но какая разница между этими двумя путешествіями! Тогда мы шли весною, со всѣми удобствами, на привалахъ и дневкахъ становились на открытомъ воздухѣ, ѣздили верхомъ въ сосѣднія роты, словомъ это былъ не походъ, а прогулка. Въ 1854 г. стояла осень; передъ нами тянулось нескончаемою лентою почернѣлое, испорченное отъ грязи шоссе. Осенній дождь, мелкій, дробный, постоянно льющій и

*) Цѣлованье руки.

пронизывающій насквозь не давалъ намъ высохнуть; а придешь на привалъ, нельзя и думать раскинуть палатки. Довелось знакомиться съ грязными, скудными и большею частію курными избами Бѣлоруссовъ, отбояриваться отъ клоповъ и таракановъ, терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. О кавалерійскихъ, увеселительныхъ поѣздкахъ нечего было и думать, такъ какъ почти никто не взялъ верховыхъ лошадей; да и оказалось что хорошо сдѣлали, потому что, при застигшей насъ въ послѣдствіи зимѣ, пѣшкомъ идти было удобнѣе. Нравственное настроеніе было тоже иное, чѣмъ въ 1849 г. Въ то время, еслибы даже война и кончилась неуспѣшно, то Россіи не грозила опасность, тогда какъ въ 1854 г. враги уже вторгались. Въ началѣ похода мы получили извѣстіе о первыхъ событіяхъ въ Крыму. На маршѣ, при встрѣчѣ съ другими ротами, офицеры подбѣгали ко мнѣ и говорили: «Слышали вы? Французы высадились въ Крыму. Меншиковъ долженъ былъ отступить съ двухъ позицій. Дѣло дрянь!» Всѣхъ больше хлопоталъ о новостяхъ пылкій и любознательный Сельванъ. Разъ онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ вырѣзкою изъ «Русскаго Инвалида». Она заключала всего только десять строчекъ, гдѣ очень лаконически извѣщалось про донесеніе князя Меншикова о томъ, что союзныя войска высадились у Евпаторіи, что напи заняли позицію при Альмѣ и, послѣ храбраго сопротивленія, перешли за р. Качу. Понятно, что такія извѣстія не могли усладить невзгоды нашего осенняго пути. Поневолѣ пришлось вспомнить пословицу: «Какъ на охоту, то и собакъ кормить!» Въ срединѣ похода, вдругъ явился приказъ по дивизіи, чтобы полки *на дневкахъ занимались стрѣльбою, а во время переходовъ малыми маневрами.* Усталому, измученному солдату, которому предлежалъ долгій походъ, сходить съ дороги и маневрировать въ осенней грязи—дѣло немыслимое. О стрѣльбѣ также нельзя было думать подъ дождемъ и при настигшей насъ въ скоромъ времени зимѣ. Неудивительно, что распоряженіе это осталось безъ исполненія, будучи невыполнимымъ само по себѣ. Однако штуцерные стрѣляли на днёвкахъ, во что бы ни стало.

Графъ Барановъ все болѣе и болѣе выказывался другомъ офицеровъ, не переставая быть начальникомъ. Оказалось, что онъ радушный хлѣбосолъ, и не только весь штабъ обѣдалъ у него каждый день, но и караульный офицеръ, а за частую и посторонніе гости, тоже изъ офицеровъ. Я помню, что стоялъ разъ въ караулѣ и послѣ простаго, но вкуснаго обѣда, полковой командиръ взглянулъ на новенькія еще полковыя знамена, стоявшія въ углу его квартиры, и сказалъ: «Эхъ, кабы удалось намъ пріукрасить ихъ слѣдами непріятельскихъ выстрѣловъ!» Графъ Барановъ вообще ослабилъ форменный ремень,

не придирался къ мелочамъ, старался, напротивъ, облегчить каждому походное бремя, и служба отъ этого конечно не терпѣла, а еще выигрывала.

1-го Октября объявлена перемѣна маршрута: вмѣсто того, чтобы слѣдовать на Ломжу, мы у Вилькоміра должны бы свернуть съ шоссе и, черезъ Ширвинты и Мейшаголы, вступить въ Вильну. Моя корреспондентка описываетъ носившіеся въ Петербургѣ слухи о причинахъ перемѣны нашего маршрута, въ письмѣ отъ 22 Сентября 1854 года.

„Сегодня я опять слышала подтвержденіе, что вашъ маршрутъ измѣненъ, потому что *король Прусскій не нуждается въ пѣхотѣ, а въ кавалеріи*,— слова слишкомъ таинственныя, чтобы не искать въ нихъ смысла... Слышала изъ другихъ устъ, что войскамъ перемѣнили маршруты, потому что король Прусскій обижается, зачѣмъ къ его границамъ подвигаютъ войска, когда онъ часть своихъ распустилъ.“

Вотъ еще интересная выдержка изъ письма отъ 15 Декабря на счетъ Пруссаковъ и анекдотъ о Русскомъ Нѣмцѣ: «Говорятъ, король Прусскій отказывается отъ престола и ѣдетъ на дняхъ въ Россію. Какъ король, такъ и войска расположены въ нашу пользу; народъ—противъ насъ. Пруссаки ненавидятъ Австрійцевъ точно также, какъ Французы Англичанъ. Одинъ Нѣмецъ, проживавшій долго въ Россіи, съ грустью смотрѣлъ на вывѣшенную (гдѣ-то за границею) афишку, на которой крупными буквами напечатано: «Севастополь взятъ.»*) Но когда Нѣмецъ прочелъ далѣе: «35000 Русскихъ сдались»... онъ радостно вскрикнулъ: «Шампанскаго!... Все ложь!... И 35 Русскихъ не сдадутся, а не только что 35000!» И роспили Нѣмцы нѣсколько бутылокъ Шампанскаго.

22 Октября полкъ вступилъ въ Вильну, городъ знакомый всѣмъ намъ по стоянкѣ 1849 года. Мы оставались тамъ до 29 Октября и успѣли немного отдохнуть. Виленскимъ генералъ-губернаторомъ въ то время былъ Б. Вскорѣ по вступленіи онъ пригласилъ всѣхъ насъ на обѣдъ и съ перваго же разу вооружилъ противъ себя и полковаго командира, и все общество офицеровъ, довольно страннымъ поступкомъ. Только что обѣдъ кончился, генералъ-губернаторъ разстегнулъ мундиръ, тогда какъ мы были застегнуты на всѣ пуговицы, а, что̀ всего хуже, онъ ушелъ во внутреннія комнаты и оставилъ насъ однихъ, даже не раскланявшись съ нами. Графъ Барановъ былъ пораженъ такою выходкою и сказалъ офицерамъ, едва скрывая волненіе:

---

*) Одно изъ ложныхъ извѣстій, пущенныхъ тогда по Европѣ.

«Кажется, господа, намъ здѣсь ничего больше и дѣлать не остается!»

30 Октября полкъ выступилъ изъ Вильны въ Бѣлостокъ *) На этомъ пути застала насъ зима, и походъ сталъ положительно тягостнымъ. Выпалъ снѣгъ, затруднявшій маршъ, тѣмъ болѣе офицерамъ, вынужденнымъ тепло и, слѣдовательно, грузно одѣваться. Мы придумали тогда особые мѣховые воротники и надѣвали ихъ сверхъ походной (солдатскаго образца) шинели. Вся рота вынуждена бывала ютиться въ грязной корчмѣ, гдѣ развѣ только третья часть могла отдохнуть сидя на чемъ попало; остальные, бывало, только постоятъ да обогрѣются. Я помню смѣшную ночную сцену. Мнѣ какъ-то пришлось спать въ черной избѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ, Панютинымъ 2-мъ. Несмотря на копоть, на прогорклый воздухъ, на таракановъ и клоповъ, мы залегли спать и скоро заснули, утомленные большимъ переходомъ, какъ вдругъ, часу въ третьемъ ночи, я былъ разбуженъ страшнымъ стѣсненіемъ въ груди и ѣдкимъ смрадомъ, отъ котораго перерывалось дыханіе. Вскакиваю и вижу, что хата полна дыму, и цѣлыя облака дыму густо разстилались, на четверть аршина отъ подушки, такъ что встать не было возможности, а надобно было лежать, уткнувшись въ подушку. Сквозь тучу нависнувшаго дыма ярко блестѣлъ разведенный въ печи огонь, а передъ нимъ появлялась и изчезала во мракѣ какая-то фигура съ ухватомъ въ рукахъ. Панютинъ, во всей красѣ ночнаго туалета, растрепанный, заспанный, жмурился, кашлялъ, протиралъ глаза и, разражаясь проклятіями, пускалъ туфлями и сапогами въ несчастную хозяйку, дерзнувшую готовить себѣ кушанье. Къ этой картинкѣ нашего походнаго быта остается прибавить, что многіе переходы были въ 20, 27 и 28 верстъ, да къ тому же пришлось дѣлать ихъ при частыхъ мятеляхъ и въ глубокомъ снѣгу.

---

*) Маршрутъ:

Октября.
30. Яшуны . . . 27 верстъ.
31. Солечники . . $14^1/_2$ —
Ноября
1. Дневка.
2. Вороново . . . 16 —
3. Гор. Лида . . . 29 —
4. Мосевичи . . . 17 —
5. Дневка.
6. Ищольна . . . 20 —
7. Каменка . . . $28^1/_2$ —

Ноября.
8. Дневка. верстъ.
9. Скидаль . . . . 19 —
10. Гродно . . . . 28 —
11. Кузница . . . . 24 —
12. Дневка.
13. Соколка . . . . 14 —
14. Букштель . . . . 16 —
15. Дневка.
17. Бѣлостокъ . . . . . . 19 —

17 Ноября мы наконецъ пришли къ мѣсту назначенія, то есть въ Бѣлостокъ. Въ самомъ городѣ раположилась одна только сводная рота, а всѣ остальныя размѣстились по деревнямъ, причемъ приказано было расположить роты на ротныхъ дворахъ и, впредъ до приказанія, довольствовать съ котла. Впрочемъ очень скоро полкъ размѣщенъ былъ на просторныя квартиры и на крестьянскомъ довольствіи *).

Между ротными и баталіонными штабами устроены были пѣшія почты, да кромѣ того въ распоряженіе баталіонныхъ командировъ даны по три подъемныя лошади при одномъ фурштатѣ.

Роты велѣно было собирать не менѣе двухъ разъ въ недѣлю и, послѣ трехъ дней, данныхъ на приведеніе въ порядокъ одежды, аммуниціи и проч., предписано приступить къ одиночному ученью—особенно молодыхъ солдатъ, «наблюсти *за правильностью прицѣливанія*, за стойкою и маршировкою; при ротныхъ сборахъ производить ученіе разсыпнымъ строемъ, какъ застрѣльщичьимъ, такъ и егерскимъ, по сигналамъ, а гдѣ мѣстность дозволитъ, то повѣрять и церемоніальный маршъ».

Солдатамъ велѣно было имѣть по 10 патроновъ въ сумкѣ; остальные же 50 патроновъ сложить на ротныхъ дворахъ, «въ избранныхъ для сего отдѣльныхъ отъ строеній зданіяхъ, при коихъ постоянно имѣть часовыхъ, днемъ—одного, а ночью—двухъ».

Въ самомъ Бѣлостокѣ, кромѣ полковаго штаба, госпиталя и другихъ хозяйственныхъ учрежденій, помѣстили одну только сводную роту, да кромѣ того полковыхъ мастеровыхъ, къ которымъ потребова-

---

*) Помѣщаю здѣсь расположеніе штабовъ и число дворовъ приходившихся на каждую роту.

Штабъ 1-го баталіона, 1-й гренадерской и 1-й фузелерной роты—мѣстечко Заблудовъ	647 двор.
2-я фузелерная рота. Штабъ городъ Васильковъ. Въ немъ, съ пятью приписными деревнями	327 „
3-я фузелерная рота, штабъ деревня Ювковецъ, 14 деревень . .	352 „
Второй баталіонъ. Штабъ городъ Суражъ, 2-я гренадерская рота штабъ мѣст. Хорощъ 16 дер.	408 „
4-я рота, штабъ Туросвь Косцельна 16 дер.	324 „
5-я рота, штабъ городъ Суражъ и 8 деревень	352 „
6-я рота, штабъ деревня Рыбалы 8 деревень.	336 „
Третій баталіонъ и 3-я гренадерская рота, штабъ Нововоля, 10 дер.	326 „
7-я рота, штабъ мѣстечко Гродокъ 13 дерев.	309 „
8-я рота, штабъ селен. Тростяница, 10 дерев.	362 „
9-я рота, штабъ заштатн. городъ Наревъ и 7 дерев.	362 „

ли по нѣскольку портныхъ, сапожниковъ, шорниковъ и пр. съ каждой роты. Всѣ эти команды, кромѣ города, гдѣ считалось 723 двора, расположились еще въ 21 окрестныхъ деревняхъ, такъ что полковой штабъ занялъ всего 1167 дворовъ. Въ сводную роту назначили по 8 унтеръ-офицеровъ съ баталіона и по 15 рядовыхъ съ каждой роты (въ томъ числѣ по два ефрейтора и по 5 человѣкъ молодыхъ солдатъ). Люди каждаго баталіона составляли отдѣленіе, и для командованія каждымъ отдѣленіемъ назначенъ отъ полка особый унтеръ-офицеръ, для того, говоритъ приказъ, «чтобы испытать ихъ способности для занятія, со временемъ, должности фельдфебелей». Одинъ изъ нихъ, Григорій Леонтьевъ, дѣйствительно былъ впослѣдствіи отличнымъ фельдфебелемъ 1-й стрѣлковой роты.

Сводную роту поручили въ командованіе поручику Ушакову, и къ ней прикомандировали нѣкоторыхъ изъ младшихъ офицеровъ, для исправленія службы.

Штабъ 4-й роты, въ которой я служилъ, расположенъ былъ въ селеніи Туросне-Косцельна. Это помѣстье стараго, безсемейнаго, разбитаго параличемъ Польскаго магната, графа Осолинскаго. Послѣ возстанія 1831 г., онъ былъ арестованъ и жилъ долгое время въ Курскѣ, куда его сослали на житье и гдѣ онъ разъѣзжалъ въ сопровожденіи жандармовъ. Потомъ Осолинскій былъ освобожденъ, уѣхалъ за границу и тамъ поселился навсегда. Онъ только изрѣдка пріѣзжалъ къ себѣ въ помѣстье, чтобы побарствовать и поприхотничать, а потомъ опять уѣзжалъ за границу. Имѣніемъ же управлялъ коммиссаръ пана, по фамиліи также Осолинскій, кажется, побочный сынъ графа. Въ наше распоряженіе коммиссаръ предоставилъ лѣтній павильонъ помѣщика. Двери, стѣны и карнизы носили еще слѣды старинной позолоты; но за то домъ (единственная, впрочемъ, резиденція пана въ этомъ имѣніи) былъ построенъ вовсе не для зимы, и уже во всякомъ случаѣ не для Русской зимы. Окна съ одиночными рамами, стѣны тонкія, печи скверныя и дымились; словомъ, не будь у насъ тулуповъ, мы были бы самыми несчастными изъ всѣхъ постояльцевъ въ мірѣ. Намъ завидно было смотрѣть на житье коммиссара Осолинскаго, въ тепломъ, чистомъ флигелѣ, среди всякихъ удобствъ. Молодая и косая жена коммиссара была рьяная Полька. Она отлично знала Польскую исторію и тщательно обучала ей своихъ дѣтей, вкореняя въ нихъ ненависть ко всему Русскому. Она говорила не иначе какъ по-польски и восторженно расказывала намъ о Польскихъ историческихъ событіяхъ и о семейныхъ преданіяхъ рода Осолинскихъ. Эта Польская патріотка особенно часто любила вспоминать о какомъ-то предкѣ графа Осолинскаго, который ковалъ своихъ лошадей зо-

лотыми подковами и приказывалъ прибивать ихъ слабо, съ цѣлью разбрасывать подковы по дорогѣ, въ добычу встрѣчнымъ бѣднякамъ. Вообще, настроеніе Поляковъ было иное чѣмъ въ 1849 году. Теперь они съ большею увѣренностью могли надѣяться, что исходъ войны будетъ гибеленъ для Русскихъ и что Польша, наконецъ, воскреснетъ. Намъ разсказывали, что когда въ тѣхъ мѣстахъ разнеслось извѣстіе о взятіи Турками форта Св. Николая при Черномъ морѣ (въ началѣ Октября 1853), къ одному помѣщику, у котораго оказался плохой географическій атласъ, съѣзжались всѣ близкіе и дальніе сосѣди, чтобы увидѣть и обсудить значеніе и положеніе столь интереснаго географическаго пункта. Были, однакоже, помѣщики и вовсе намъ невраждебные, какъ напримѣръ Лыщинскіе. Ихъ помѣстье находилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Туросни. Два брата служили въ гвардіи полковниками, а въ имѣніи, гдѣ жили остальные три брата, устроена была суконная фабрика, поставлявшая сукна на наши войска. Лыщинскіе принимали насъ очень дружелюбно, и мы часто ѣзжали къ нимъ погостить и поохотиться.

А все-таки, повторяю, что тогдашнее настроеніе большинства Поляковъ было хотя и сдержанное, но недоброжелательное, и можно съ увѣренностью сказать, что уже въ то время подготовлялись горючіе матеріалы, вспыхнувшіе повсемѣстно въ 1863 году. Дерзости и самонадѣянности Поляковъ немало способствовало наше излишнее и неумѣстное снисхожденіе и добродушіе. Чтó касается офицеровъ, то сантиментальность наша была поистинѣ замѣчательна. Мы охотно братались съ будущими врагами и старались говорить съ ними по польски. Моя наивность дошла до того, что я сталъ прилежно изучать Польскую исторію и Польскій языкъ, такъ что скоро могъ читать и понимать Мицкевича и Красинскаго. Конечно, въ царствованіе Николая I-го часто проявлялись энергическія попытки возстановить въ Западномъ краѣ Русскую народность и вѣру, но Поляки всегда умѣли ловко обходить и парализовать эти попытки. Небезъинтересно слышанное мною, въ то время, достовѣрное преданіе.

Извѣстно, что въ Вильнѣ есть чудотворный образъ Остробрамской Божіей Матери, прекрасно написанный и богато изукрашенный. Эта уважаемая въ цѣломъ краѣ святыня помѣщена на галлереѣ, расположенной поперекъ улицы, надъ Остробрамскими воротами; подъ ними всѣ проходятъ съ непокрытою головою. На прилежащей улицѣ можно, во всякое время, видѣть толпу колѣнопреклоненныхъ богомольцевъ. На самой галлереѣ почти безпрерывно совершается богослуженіе, сопровождаемое денежными пожертвованіями на молебны, и это приноситъ большой доходъ близъ лежащему костелу Св. Терезіи,

Остробрамская икона была когда-то достояніемъ Православныхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся на ней Греческая надпись. Въ послѣдствіи святыня перешла въ руки Уніатовъ, и по присоединеніи Уніи въ 1839 году возродился вопросъ: кому должна принадлежать Остробрамская икона, Католикамъ или Православнымъ? Католики спѣшили обратиться къ папѣ, и онъ дипломатически рѣшилъ вопросъ предоставленіемъ иконы тѣмъ, чья церковь находится ближе къ ней; а такъ какъ православный Троицкій монастырь расположенъ на нѣсколько сажень далѣе костела Св. Терезіи, то Поляки не замедлили присвоить образъ себѣ. Между тѣмъ Русское правительство, недовольное такимъ оборотомъ дѣла, послало въ Вильну архимандрита Платона, ректора Минской семинаріи, съ полномочіемъ привести въ извѣстность несправедливыя притязанія Римскаго духовенства и принять отъ него святыню Остробрамскую. Платонъ былъ человѣкъ образованный, одаренный свѣтлымъ умомъ, но разгульный и невоздержный. Тогдашній генералъ-губернаторъ Д...., хотя весьма любимый въ краѣ, но тоже былъ извѣстный весельчакъ и эпикуреецъ. Этими слабостями воспользовались ксендзы и стали интриговать. Въ послѣдствіи обнаружилось, что въ инструкціи Платона заключалось довольно неопредѣленное предписаніе: «*Принять храмъ и икону Остробрамской Божьей Матери, находящейся при Терезіанскомъ костелѣ.*» Католики отыскали какой-то костелъ на берегу Виліи, тоже во имя Св. Терезіи, но полуподмытый водою и столь древній, что въ немъ уже давно не совершалось богослуженія. И вотъ ксендзы начали стараться сманить на незаконную сдѣлку нашего уполномоченнаго. Къ несчастію, Платонъ, убивая время въ пиршествахъ, незамѣтно расточилъ на нихъ значительныя суммы изъ монастырскихъ денегъ. Ксендзы предложили пополнить растраченный капиталъ и, съ помощью какой-то Польки, фаворитки Д—го, успѣли окончательно заманить архимандрита Платона въ слишкомъ явную западню. Онъ рѣшился принять костелъ на берегу Виліи и какую-то старую икону вмѣсто настоящаго святилища и образа Остробрамскаго. Платонъ былъ, въ послѣдствіи, осужденъ и разстриженъ; но древнее сокровище Православныхъ остается до сихъ поръ въ рукахъ Католиковъ и, вѣроятно, останется за ними навсегда.

17-го Ноября, въ день вступленія нашего въ Бѣлостокъ, появился въ полковомъ приказѣ оффиціальный обзоръ военныхъ дѣйствій въ Крыму. Въ настоящее время онъ уже не имѣетъ значенія. Н. А. Азаревичъ писала мнѣ отъ 22-го Сентября 1854 г.

„Жители Петербурга въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи: ходятъ повѣся головы, молятся, плачутъ... а бѣдному Меншикову крѣпко достается. Смотря по обстоятельствамъ, то бранятъ его на пропалую, то превозносятъ до небесъ. Нашихъ поколотили порядкомъ [1]): говорятъ, выбыло изъ строя четыре тысячи, да и Англичане съ Французами многихъ не досчитались. Чтобы встрѣтить непріятеля, Меншиковъ выбралъ прекрасную (?) позицію, но не разсчиталъ только, что болото, предполагаемое непроходимымъ, было проходимо. Татары провели нашихъ враговъ, а Меншиковъ очутился между двухъ огней и долженъ былъ ретироваться, чтобы занять другую, болѣе безопасную позицію. Все что́ окружало князя—все пало, при первомъ натискѣ непріятеля. Третьяго дня подали маленькую надежду извѣстіемъ, что союзное войско въ Крыму стоитъ на прежней позиціи и, до 14-го числа, не предпринимало никакого движенія. По распоряженію князя Меншикова, войска наши вышли изъ Севастополя на Бахчисарайскую дорогу, для соединенія съ Хомутовымъ, который долженъ прибыть 15-го числа изъ Перекопа; но войска эти прибудутъ 20 числа. Наши дѣйствуютъ въ тылъ непріятелю и сильно вредятъ ему. Разсказываютъ, что надо было удивляться Англичанамъ, въ какомъ порядкѣ и съ какимъ хладнокровіемъ они шли на явную смерть, при переходѣ черезъ мостъ на рѣкѣ Альмѣ, который князь Меншиковъ не хотѣлъ сломать, желая встрѣтить ихъ по своему. И точно, онъ выставилъ цѣлую батарею пушекъ и началъ громить картечью подходящія колонны Англичанъ, которые падали тысячами, но шли къ своей цѣли не морщась: пробились-таки и задали фферу своимъ противникамъ..... Грянули и, въ одно мгновеніе, мы лишились одного дивизіоннаго генерала, двухъ бригадныхъ, четырехъ полковыхъ и 160 офицеровъ, не считая солдатъ [2]). Сегодня говорили, что Хомутовъ съ 20000 казаковъ уже присоединился, а также и Липранди и Остенъ-Сакенъ. Что-то будетъ! Что-то будетъ! Я боюсь, чтобы мужъ мой не захворалъ; онъ не ѣстъ и не спитъ ночи: такъ сильно принимаются къ сердцу нынѣшнія событія. Да и кто изъ истинно-Русскихъ не скорбитъ душею и не боится за свою родину, особливо когда видимъ ошибки, которыхъ легко можно было бы избѣжать, еслибы не плохія распоряженія правительства!.....

23 Сентября. Третьяго дня былъ парадъ, и бывшіе на этомъ парадѣ говорятъ, будто бы нельзя вѣрить, что это вторая гвардія [3]), сформированная въ теченіе трехъ мѣсяцевъ: такъ хорошо обучены солдаты. Точно, Царю стоитъ махнуть рукою, чтобы изъ-подъ земли выросли войска! Но это-то самое и заставляетъ Европейскія державы коситься на насъ, завидовать и желать нашего униженія. Сегодня мнѣ прислали прочесть двѣ любопытныя статьи, вырѣзанныя изъ „Revue des deux mondes“. Первая

[1]) Рѣчь идетъ о сраженіи при Альмѣ 8 (20) Сентября 1854 г.

[2]) Хотя „не въ одно мгновеніе“, однако слухи очень немногимъ увеличили цифру выбывшихъ изъ строя, такъ какъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, мы потеряли подъ Альмою убитыми 45 офицеровъ, а ранеными: 4 генерала и 96 штабъ и оберъ-офицеровъ.

[3]) То есть реверные полки, составленные изъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ баталіоновъ.

статья: „Les Allemands en Russie et les Russes en Allemagne“. Вторая статья, которую я прочла съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ, это „Les finances de la Russie, par Léon Faucher“. Онъ старается всѣми силами доказать, что, если Россія не уступитъ, то въ 1855 г. она, за недостаткомъ финансовыхъ средствъ, не въ состояніи будетъ продолжать войну. Затѣмъ авторъ угрожаетъ намъ возстаніемъ противъ насъ Пруссіи и всей Германіи. Сегодня боялись наводненія; вода выступила изъ береговъ Фонтанки, и съ крѣпости цѣлый день не переставали палить.

24 Сентября. Пріѣхалъ курьеръ; но еще неизвѣстно, чтó онъ привезъ. Во вчерашнихъ газетахъ было напечатано, что пароходъ „Тамань“, подъ командою лейтенанта Шишкина, прибылъ 4-го Сентября изъ Севастополя въ Одессу. Это извѣстіе всѣхъ тѣмъ болѣе удивило, что Англо-Французская флотилія, въ это время, была у береговъ Крыма. Но вотъ чтó разсказываютъ про дѣйствіе этого парохода: лейт. Шишкинъ, испросивъ позволеніе у князя Меншикова покрейсировать въ Черномъ морѣ, вышелъ 6-го Сентября и наткнулся на Турецкій транспортъ, взялъ его на абордажъ, всѣ припасы потопилъ съ судномъ, а людей взялъ къ себѣ на пароходъ; потомъ съ другимъ транспортомъ сдѣлалъ тоже самое, а третій транспортъ, не имѣя уже у себя мѣста для плѣнныхъ, отпустилъ обратно, затопивъ предварительно запасы и отрубивъ руль. Честь и слава Шишкину, если это справедливо. Здѣсь почти никто ничего не знаетъ: о настоящихъ событіяхъ хранятъ глубокое молчаніе; одни поговариваютъ даже, что Севастополь взятъ. Боже сохрани! У союзнаго войска новая тактика: разсказываютъ, что, когда наши бросились на нихъ въ штыки, непріятельская колонна пала ницъ и, въ эту минуту, нашихъ осыпали ядрами и картечью. Намъ конечно измѣняютъ Татары, которыхъ, впрочемъ Меншиковъ вѣшаетъ безъ пощады и хорошо дѣлаетъ.

13 Октября. Вѣрю и говорю съ вами: великъ Россійскій Богъ! Эта самая вѣра и жаркая, ежедневная молитва моя заставляютъ меня смотрѣть на будущую участь Россіи съ свѣтлой точки зрѣнія. Мнѣ досадно на многихъ, въ томъ числѣ и на почтеннаго супруга моего, что они смотрятъ на все болѣе съ черной стороны. Впрочемъ, теперь всѣ стали немного повеселѣе; послѣднія извѣстія изъ Крыма оправдываютъ отчасти это лучшее настроеніе. Молодой князь Меншиковъ пріѣзжалъ сюда. Его пріѣздъ взволновалъ весь Петербургъ; ждали чего-то рѣшительнаго, но онъ пріѣзжалъ по волѣ Государя и не привезъ никакихъ новыхъ извѣстій. Разсказывалъ только, что наши солдаты сражались настоящими львами, и битва при Альмѣ была едва ли не кровопролитнѣе многихъ битвъ 1812 года. Теперь и Французскія газеты отдаютъ справедливость храбрости нашихъ воиновъ. Вчера прибыли два курьера: одинъ изъ Керчи, другой изъ Севастополя. Всѣ извѣстія, съ подробностями, о прежнихъ дѣйствіяхъ вы прочтете въ газетахъ; я вамъ только прибавлю, чтó слышала вчера на желѣзной дорогѣ, провожая мужа въ Москву. Непріятельскія войска, желая раздѣлить наши силы, напали на насъ съ разныхъ пунктовъ, но всюду были отражены съ

большимъ для себя урономъ *). Союзные пароходы хотѣли, во чтобы то ни стало, прорваться въ бухту, черезъ потопленныя тамъ суда; но, какъ говорятъ, наши орудія превратили два непріятельскихъ судна въ щепы, а третье взорвали на воздухъ. Какъ бы то ни было, но непріятель отступилъ, а тамъ что́ Богъ дастъ! Жаль Корнилова, умеръ отъ непріятельскаго ядра. Татаръ продолжаютъ вѣшать безъ милосердія. Сколько теперь войска у Меншикова, неизвѣстно; но, одинъ господинъ, маіоръ Денисовъ, возившій туда казенныя деньги, говорилъ, что 2-го Октября Липранди съ войсками былъ въ 70 верстахъ отъ Севастополя. Бомбардированіе Севастополя происходило съ 4-го на 5-е Октября. Успѣлъ-ли Липранди присоединиться къ Меншикову? Очевидцы разсказываютъ, что дорога въ Крыму была запружена всевозможными экипажами. Помѣщики, крестьяне, давали для перевозки солдатъ все что́ могли. По этой дорогѣ встрѣчались кареты на круглыхъ и плоскихъ рессорахъ, коляски, телѣги, тарантасы... и все это везло войска на поле битвы. Разсказываютъ, что наши войска, съ позволенія князя Меншикова, отдѣльными отрядами пускались на поиски, и эти охотники всегда почти возвращались не съ пустыми руками; иногда они приводили плѣнныхъ, иногда скотинку или стащатъ что нибудь.... Напримѣръ, они утащили у Французовъ нѣсколько паръ сапоговъ и, возвратясь домой, пришли въ отчаяніе, потому что узкіе Французскіе сапоги не пришлись никому на ногу изъ нашихъ воиновъ. Они увѣряютъ, что у Французовъ не людскія, а куриныя ноги!

2-го Ноября. Каждый военный долженъ гордиться своимъ званіемъ въ такія тягостныя для Россіи минуты. Я понимаю стремленіе солдатъ корпуса Даненберга, которые не хотѣли слышать о дневкахъ и прибыли на помощь товарищамъ семь дней раньше назначеннаго срока. О неудачной вылазкѣ и нападеніи на редуты Англичанъ вы, вѣроятно, прочтете въ газетахъ. Меншиковъ, какъ и всегда, очень умѣренъ въ своихъ донесеніяхъ и не очень распространяется о потерѣ нашихъ враговъ, но говоритъ, что, при послѣднемъ дѣлѣ, 24-го Октября, и у непріятеля выбыло изъ строя 4,000 человѣкъ. Корниловъ и Нахимовъ оба убиты; первый, дѣйствительно, а послѣдній только въ пламенномъ воображеніи Французовъ и въ ихъ газетахъ; оба дали клятву защищаться до послѣдней капли крови и сказали солдатамъ, что отбою не будетъ. Покойный Корниловъ говорилъ своимъ солдатамъ, что вѣритъ въ ихъ преданность отечеству, что между ними не будетъ измѣнника. „Еслибы вамъ, сказалъ Корниловъ, стали говорить, отъ моего имени, сдать крѣпость: не вѣрьте! Еслибы я самъ пришелъ и сказалъ: „сдавайтесь,“ примите меня въ штыки, какъ измѣнника!“ Слова, достойныя благороднаго воина.

Ермоловъ говоритъ, что за дѣло подъ Альмою Меншикова слѣдовало бы возвести въ фельдмаршалы. Здѣсь, какъ и всегда, большая партія

*) Здѣсь рѣчь, вѣроятно, о попыткѣ союзниковъ взять Севастополь неожиданнымъ нападеніемъ, тотчасъ послѣ битвы при Альмѣ, а потомъ уже явно говорится о бомбардированіи 5 (17) Октября.

противъ Меншикова. Это партія Нѣмцевъ и „крестниковъ" князя. Князь всегда былъ врагомъ дураковъ, фронтовиковъ и выскочекъ; поэтому немудрено, что онъ каждаго изъ этихъ господъ окрестилъ краснымъ словцемъ, которое, какъ вѣчная печать, оставалась на челѣ окрещеннаго. N. и ему подобные громко кричатъ и во всеуслышаніе бранятъ медленныя дѣйствія и дурныя распоряженія Меншикова. Говорятъ, что Меншиковъ велѣлъ сказать тѣмъ, кто его бранитъ, что онъ Севастополь продалъ, только ждетъ за него денегъ. Ложный слухъ о взятіи Севастополя, распространившійся за границею, для возвышенія биржеваго курса *), былъ хитрою уловкою Наполеончика, который въ этотъ день много пріобрѣлъ для своего кармана. Въ Гатчинѣ соблюдаютъ такую тайну, что тамъ рѣшительно ничего не знаютъ. Курьеры, пріѣзжающіе съ мѣста дѣйствій, хранятъ упорное молчаніе, а по безстрастнымъ лицамъ ихъ ничего не разгадаешь. Лордъ Кланрикардъ, сынъ заклятаго врага Россіи, а главное—Царя, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Калугу. Теперь же разнесся слухъ, что Императоръ велѣлъ его отпустить въ Лондонъ. Царь постоянно поступаетъ какъ великодушный рыцарь. Говорятъ, что когда взяли Кланрикарда въ плѣнъ, первое, чего онъ просилъ, какъ милости, чтобы ему дали поѣсть, и ѣлъ какъ истый Англичанинъ, съ всепожирающимъ аппетитомъ. Наши солдатики смотрѣли на него съ любопытствомъ и дивились его аппетиту. Въ это время въ Петербургѣ было еще два плѣнныхъ офицера: Гонти и капитанъ изъ Зуавовъ. Они занимали одну общую комнату, но споры ихъ о томъ, будетъ ли взятъ Севастополь дошли до того, что ихъ вынуждены были размѣстить: одного послали въ Ярославль, другаго въ Кострому. Гонти утверждаетъ, что Севастополя не возьмутъ. Ротшильдъ не даетъ Наполеону денегъ взаймы, пока войска его не возьмутъ Севастополя.

Липранди славно отличился (дѣло при Балаклавѣ 13 (25) Октября), но это дѣло было ужасное, и много погибло людей. Свидѣтели разсказываютъ, что на мѣстѣ дѣйствія были цѣлыя горы труповъ людей и лошадей. Когда Кардиганъ сталъ преслѣдовать нашихъ казаковъ и несся на нихъ съ 2000 кавалеріи, казаки хотѣли укрыться въ то ущеліе, гдѣ стояли Виртембергскіе гусары и до того ихъ стѣснили, что первую колонну совершенно смяли. Было бы плохо, еслибы не подоспѣлъ уланскій полкъ и не ударилъ непріятелю во флангъ такъ, что непріятель очутился между двухъ огней. Изъ 2000 онъ оставилъ на мѣстѣ 500 труповъ, и самъ лордъ Кардиганъ едва спасся для того, чтобы идти подъ арестъ. Пироговъ, извѣстный вамъ операторъ, по желанію Царя отправился въ Севастополь. Пироговъ взялъ съ собою пятерыхъ врачей, которые всѣ будутъ содержаться насчетъ великой княгини Елены Павловны; въ Крымъ посылаютъ и сестеръ милосердія, которыя также будутъ получать содержаніе изъ суммъ вел. княг.

*) Извѣстіе, принесенное, будто бы, однимъ Татариномъ, о паденіи Севастополя нѣсколько дней спустя послѣ сраженія при Альмѣ, облетѣло всю Европу, такъ что съ этого времени выраженіе: „Татарское извѣстіе", какъ ложное, вошло въ пословицу.

Елены Павловны. Благородно! Въ общемъ собраніи министровъ Панинъ спросилъ военнаго министра, отчего въ Севастополѣ было такъ мало войскъ? Князь Долгоруковъ отвѣчалъ, что это была стратегическая хитрость (?), чтобы заставить непріятеля сдѣлать высадку.—„Хорошо; но почему же вспомогательныя войска не были расположены ближе и отчего такая медленность въ передвиженіи войскъ?“ Князь Долгоруковъ сконфузился и сказалъ, что на все это была воля Государя.—„Государь такъ озабоченъ управленіемъ столь обширнаго царства, возразилъ Панинъ, что ему невозможно входить во всѣ подробности военныхъ распоряженій; но вамъ, князь, надо помнить, что мы министры, а не пѣшки и, какъ Русскіе, мы должны прежде всего думать объ отечествѣ; а вы, князь, нося знаменитое имя Долгорукова, должны брать примѣръ съ вашихъ предковъ и говорить Царю правду.“

Наши враги думаютъ не только побѣдить насъ (въ Севастополѣ), но и завладѣть Петербургомъ, почему и дѣлаютъ сближеніе именъ царствующихъ лицъ во Франціи и Англіи съ именемъ нашей голубушки Невы:

N	E	V	A
Napoléon	Eugénie	Victoria	Albert.

4-го Ноября. Вчера я была сильно огорчена, слушая нападки на Меншикова со стороны его недоброжелателей. Вчера же разнесли объявленія и объясненія о послѣднемъ дѣлѣ (Инкерманъ 24 Октября (5 Ноября), въ которомъ, какъ выходитъ на повѣрку, мы потеряли 8000 человѣкъ; однихъ убитыхъ 3000. Всѣ говорятъ, что Меншиковъ долженъ былъ взять редуты, хотя бы при потерѣ болѣе значительнаго числа людей. Отбросивъ непріятеля за оврагъ, мы бы овладѣли лучшими позиціями, и побѣда была несомнѣнна. Несчастный Соймоновъ первый влетѣлъ съ своими на редуты, гдѣ ждалъ помощи полтора часа! Даненбергъ опоздалъ, Богъ знаетъ почему; но и онъ двинулся не со всѣми силами, назначенными для операціи. Князь Меншиковъ оставилъ 24 баталіона въ резервѣ. Англичане, при появленіи нашихъ, бѣжали. Даненбергъ просилъ прислать остальныхъ 24 баталіона на помощь, но Меншиковъ отказалъ.... велѣлъ отступать, сказавъ, что не хочетъ терять напрасно людей. Всѣ удивляются, какъ могли Англичане двинуть такъ быстро съ мѣста осадныя орудія, вѣсомъ каждое въ 400 пудовъ, и громить ими нашихъ. Разгадка въ томъ, что они у себя вездѣ подѣлали рельсы. Тимоѳеевъ дѣйствовалъ успѣшнѣе и лучше: заклепалъ 15 орудій и сталъ отступать, а самъ послалъ сказать на 6-й бастіонъ, что, когда онъ подастъ знакъ, чтобы тамъ дѣйствовали. Французы шли за Тимоѳеевымъ въ надеждѣ, что, когда онъ войдетъ въ городъ, и они ворвутся туда вслѣдъ за нимъ. Вдругъ наши сворачиваютъ къ морю; а съ крѣпости, по сигналу, Французики ошеломлены градомъ картечи изъ 30 орудій. Другой, третій залпъ, и почти всѣ тутъ легли! Да, бѣднаго Меншикова бранятъ и зовутъ даже *Измѣнщиковымъ.*

27 Ноября. Даненбергъ смѣненъ за дѣло 24-го Октября. Онъ былъ причиною неуспѣха нашей вылазки, опоздавъ на приступъ и не приказавъ Павлову трогаться съ мѣста. Если бы все было исполнено по плану князя

Меншикова, судьба Севастополя была бы рѣшена, и мы бы ликовали. Павловъ долженъ былъ разрѣзать непріятельскую артиллерію; а онъ, по милости Даненберга и по своей собственной...... стоялъ въ бездѣйствіи. Даненбергъ женатъ на Полькѣ, на Заблоцкой, извѣстной своею ненавистью къ Русскимъ и своимъ Польскимъ патріотизмомъ въ 1830 году. Во время революціи въ Варшавѣ, она была первая на баррикадахъ, сама устроивала ихъ и своими руками приносила землю и каменья. Когда Даненбергъ былъ въ Одессѣ начальникомъ штаба, онъ съ супругою своею вздумалъ дать балъ для однихъ Поляковъ. Лидерсъ, узнавъ объ этомъ, послалъ ему сказать, что, если онъ приведетъ это въ исполненіе, то онъ (т. е. Лидерсъ) будетъ вынужденъ оцѣпить домъ и взять всѣхъ подъ арестъ. Вслѣдствіе этого были посланы приглашенія ко всѣмъ Русскимъ, которые отказались отъ чести быть у Даненберга на балѣ. И вотъ начальники, которымъ довѣряютъ судьбу Русскихъ и отечества! *).

Изъ Варшавы вызывается Муравьевъ (Николай Николаевичъ). Царь писалъ къ Паскевичу: „Пришли мнѣ генералъ-адъютанта Муравьева, а я пришлю тебѣ вмѣсто него генералъ-адъютанта Плаутина“. Извѣстно, что Муравьевъ не генералъ-адъютантъ, а потому не знаютъ: по ошибкѣ или дѣйствительно Государь возвелъ его въ это достоинство. Теперь идутъ разговоры, куда назначатъ Муравьева? Одни полагаютъ, на мѣсто Даненберга; другіе, что онъ замѣнитъ самого Меншикова. Всего вѣроятнѣе, что его пошлютъ въ Финляндію, гдѣ жители совсѣмъ не такъ хорошо расположены къ Россіи, какъ о томъ писали и пишутъ.

Положеніе союзныхъ войскъ въ Крыму очень незавидно, хотя они сильно укрѣпились въ Балаклавѣ и Херсонесѣ и съ своей стороны имѣютъ море. Послѣднее такъ бурно и такъ шалитъ, что, какъ вамъ уже извѣстно изъ газетъ, нѣсколько судовъ потерпѣли совершенное крушеніе, а съ этими судами погибло много войскъ, много пороху, артиллерійскихъ снарядовъ, теплой одежды, золота, посланнаго на уплату трехъ-мѣсячнаго жалованья, и до 300 труповъ лошадей было выброшено на берегъ.

Пріѣздъ Великихъ Князей въ Севастополь привелъ тамошнія войска въ восторгъ. Солдаты бѣгали за Великими Князьями, они же обѣщали солдатамъ, что кто принесетъ непріятельскій штуцеръ, тому будетъ дано 50 рублей. Въ самое короткое время, по-русски, явилось 850 штуцеровъ... Въ газетахъ вы могли уже читать: *„наши штуцерные“*. Къ 1-му Января, на нашихъ заводахъ будутъ готовы 120000 штуцеровъ. Каковы они будутъ? На Тульскомъ заводѣ главный оружейный мастеръ Трувеллеръ, Англичанинъ; стало быть нашъ врагъ. Говорили мнѣ, что на дняхъ одинъ Жидъ привезъ изъ Пруссіи, какъ контрабанду, штуцера, вѣсомъ 60000 пудовъ, да еще столько же думаетъ привезти. Вѣроятно Пруссія смотритъ сквозь

---

*) Эта исторія до того невѣроятна, что невозможно было бы даже упоминать о ней въ серьезномъ трудѣ. Но я не вычеркнулъ этого разсказа, потому что онъ даетъ понятіе о болѣзненномъ, раздражительномъ и мнительномъ настроеніи общества въ эту эпоху. Даненбергъ, храбрый, способный генералъ съ твердымъ и самостоятельнымъ характеромъ, не имѣлъ только одного,—счастья, а это важный недостатокъ на войнѣ!

пальцы на эту контрабанду. Помните ли вы нѣкоего Сеймуръ-шифа, который отличался своими импровизаціями на фортепьяно въ Благородномъ Собраніи? Этотъ Шифъ пойманъ и задержанъ нашими въ Севастополѣ, какъ шпіонъ. Вѣроятно его повѣсятъ или разстрѣляютъ. На дняхъ пріѣзжалъ сюда, отъ Меншикова, флигель-адъютантъ Стюрлеръ. Извѣстія, привезенныя имъ, были самыя пустыя; но замѣчательно то, что послѣ разговора его съ Царемъ, черезъ два часа полетѣлъ въ Севастополь фельдъегерь. Вѣроятно что-нибудь важное и требующее разрѣшенія Государя. Всѣ члены Царской фамиліи носятъ на лицахъ своихъ отпечатокъ грусти, и немудрено. Кромѣ скорбныхъ событій, совершающихся у насъ, тяжкая болѣзнь Императрицы безпокоитъ всѣхъ. До сихъ поръ еще не переѣхали изъ Гатчины. Великіе Князья останутся въ Севастополѣ до рѣшительной минуты, которая рѣшитъ судьбу нашу. Форма вашего мундира мѣняется: вмѣсто бѣлыхъ перевязей (вѣроятно портупей) будутъ черныя; каски тоже будутъ другія, суконныя.

30 Ноября 1854. Петербургъ взволнованъ. Вся Европа противъ насъ! Австрія подписала договоръ съ западными державами, а съ нею Пруссія и вся Германія. Теперь что́ скажетъ Швеція?.... Если мы не будемъ дѣлать глупостей и если не будемъ переходить границъ Россіи, тогда милости просимъ! Русскіе, любя свое отечество, сильно будутъ защищаться и драться. Въ случаѣ необходимости вооружатся и женщины, какъ было въ 1812 году. Но нынѣшнее время для Россіи въ десять разъ хуже, чѣмъ оно было для отцевъ нашихъ. Что-то будетъ!.. Что-то будетъ! Для Царя, кромѣ этихъ военныхъ смутъ, готовится еще испытаніе въ семействѣ: Императрица такъ плоха, что ей не даютъ жизни болѣе трехъ дней. Я удивляюсь, отчего не печатаютъ бюллетеней объ ея здоровьѣ? Внезапное извѣстіе объ ея смерти, въ такую тягостную для отечества годину, сильно поразитъ Россію. Говорятъ, Царь неузнаваемъ: до того онъ измѣнился. Всѣ живутъ въ Гатчинѣ. Разсказываютъ, что Императрица занемогла отъ слѣдующаго случая. Сынъ великой княгини Маріи Николаевны катался на конькахъ, упалъ и разбилъ себѣ голову до крови. Это такъ поразило Императрицу, что она вся затряслась и съ тѣхъ поръ начала съ каждымъ днемъ сильно ослабѣвать. Однимъ глазомъ она уже не видитъ: образовалось бѣльмо. При томъ, отъѣздъ Великихъ Князей тоже много подѣйствовалъ на ея здоровье. Мандтъ просилъ Царя послать за ними, но Государь отказалъ. Однако вчера вечеромъ разнесся слухъ, что Великіе Князья пріѣхали.

О несчастномъ дѣлѣ 24 Октября здѣсь толкуютъ до сихъ поръ и не могутъ забыть тѣхъ ошибокъ, какія надѣлали тамъ въ это время. Этотъ случай былъ лучшій и единственный, чтобы разгромить нашихъ враговъ. Обвиняютъ Горчакова, что онъ, стоя въ тылу у непріятеля съ 40000 корпусомъ, оставался въ бездѣйствіи. Даненбергъ проситъ, чтобы его судили военнымъ судомъ, считая себя правымъ; но его обвиняютъ въ томъ, что онъ не дѣйствовалъ всею массою своихъ силъ, а посылалъ маленькіе отряды, которые тотчасъ уничтожались. Неудачу этого дѣла приписываютъ еще

тому, будто для охраненія Великихъ Князей была отряжена дивизія, что Великіе Князья бросались впередъ и пылко летѣли на опасность.

Говорятъ, что Наслѣдникъ былъ противъ войны. Наслѣдникъ очень грустенъ и худѣетъ замѣтнымъ образомъ. Муравьева посылаютъ на Кавказъ, потому что тамошніе военачальники не ладятъ между собою. Здѣсь болтаютъ, что мѣсто Паскевича въ Варшавѣ займетъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ. Едва ли это справедливо. Еще распространяется слухъ, что будетъ наборъ 100 чел. съ 1000-и. Французы въ Крыму недовольны своими генералами и громко требуютъ Кавеньяка и Ламорисьера.

Мѣсто Даненберга заступитъ Остенъ-Сакенъ. На дняхъ возили здѣсь значки, отнятые у Англичанъ, во время ихъ знаменитаго дѣйствія противъ Петропавловскаго порта. Офицеръ, привезшій значки, разсказываетъ, будто бы нашихъ противъ Англичанъ было 300 человѣкъ, сидѣвшихъ въ засадѣ. То были, большею частію, Камчадалы, искусные стрѣлки, которые положили на мѣстѣ 400 непріятелей, „цѣлясь въ лобъ, чтобъ не испортить шкуры!“

Во время бомбардированія Севастополя Англичане старались бросать свои ядра въ нашъ госпиталь. Меншиковъ послалъ сказать Раглану, что это безчеловѣчно; но послѣдній отвѣчалъ: ему-де извѣстно, что въ подвалахъ госпиталя хранится порохъ. Меншиковъ просилъ прислать надежнаго офицера для осмотра. Приведенный съ завязанными глазами въ Севастополь Англійскій офицеръ осмотрѣлъ подвалы и удостовѣрился въ справедливости словъ князя. Вслѣдствіе того, въ нашъ лагерь были присланы два Поляка и Жидъ съ обрубленными ушами, какъ ложные доносчики.

Въ Симферополѣ у насъ лежитъ до 20000 больныхъ и раненыхъ; за неимѣніемъ мѣста, 2000 помѣщаются въ палаткахъ. Всѣ жители уступили треть своихъ домовъ, не говоря уже о казенныхъ зданіяхъ, которыя давно очищены подъ госпитали. Раненыхъ, по недостатку корпіи, перевязываютъ соломою и мочалою. Всю корпію постоянно отсылали на Дунай къ Горчакову, или на Кавказъ, не думая, что въ Севастополѣ будетъ разъигрываться главная драма. Я проповѣдую всѣмъ щипаніе корпіи, и теперь другой работы у меня нѣтъ. Впрочемъ всѣ опять, болѣе или менѣе, принялись за эту работу. Англичане хорошо придумали, приказавъ каждому солдату имѣть при себѣ три фунта корпіи и бандажи, чтобы не нуждаться въ нихъ въ первыя минуты. Хорошо бы сдѣлать это и у насъ. И вамъ, господа, надо имѣть это въ виду, безъ всякаго приказанія со стороны начальства. По всѣмъ вѣроятіямъ, весною придется вамъ быть въ дѣлѣ.

2-го Декабря. Дня три назадъ, отправили отсюда по желѣзной дорогѣ въ Севастополь пушки особаго устройства; онѣ вмѣщаютъ бомбу 12 вершковъ въ поперечникѣ. Здѣсь дѣлали опыты, и эти пушки оказались превосходными въ стрѣльбѣ. Ихъ отправили ночью, по желѣзной дорогѣ, а изъ Москвы повезутъ на особо устроенныхъ телѣгахъ. Здѣсь почти никто не знаетъ объ этихъ пушкахъ; съ одной стороны хорошо, что правительство, во время войны, хранитъ тайну во всемъ. По части снарядовъ еще новость: нѣкто Бурцевъ, за буйство и драку въ Павловскѣ, нѣсколько

лѣтъ назадъ, былъ сосланъ солдатомъ на Кавказъ. Дослужившись до офицерскаго чина, Бурцевъ вышелъ въ отставку и теперь придумалъ новую пулю для ружей, стрѣляющую на 1,500 шаговъ. Хвостъ ея пустой, а имѣетъ свойство сжиматься. Точно такой формы отливаются теперь бомбы. Неизвѣстно, какъ онѣ будутъ летать; на дняхъ будутъ опыты. Вы въ правѣ смѣяться надо мною, но я съ большимъ вниманіемъ слушаю все, чтобы съ точностью передать вамъ все, что́ можетъ васъ интересовать.

15-го Декабря. Великіе Князья пріѣзжали сюда повидаться съ Императрицею, которая была до того больна, что въ Николинъ день распустили слухъ, что она скончалась. Но что́ именно Великіе Князья передали изустно Императору, хранится втайнѣ. Извѣстно только, что, въ день ихъ отъѣзда изъ Севастополя, туда пришли три Англійскихъ солдата, которые бѣжали отъ холода и сырости: у нихъ въ траншеяхъ стоитъ вода выше колѣнъ. Здѣсь Меншиковымъ продолжаютъ быть недовольны. Говорятъ, будто Императоръ спрашивалъ мнѣнія у Грабе, который отвѣчалъ, что онъ удивляется и не понимаетъ дѣйствій князя, что намъ лучше потерять 20.000 войска, лишь бы окончательно прогнать непріятеля. Впрочемъ, Меншиковъ прислалъ планъ зимней кампаніи, отъ котораго Царь въ восторгѣ.

Послѣ Инкерманской битвы спросили у Меншикова, что́ онъ думаетъ дѣлать. Онъ отвѣчалъ извѣстною поговоркою: „Еслибы шапка моя знала мои мысли, я бы сжегъ ее". Упрекаютъ Меншикова, что онъ не ободряетъ солдатъ ни словомъ, ни взглядомъ, остается холоденъ и спокоенъ какъ Англичанинъ. Говорятъ, Меншиковъ неузнаваемо постарѣлъ. Солдаты его не любятъ и очень обрадовались пріѣзду Остенъ-Сакена. Они говорятъ: „вотъ этотъ хоть и Нѣмецъ, а ходитъ въ нашу церковь и съ каждымъ хоть слово ласковое скажетъ. А тотъ (т.-е. Меншиковъ), кто его знаетъ какому чорту молится!"

Вчера уѣхалъ отсюда въ Симферополь Карамзинъ, братъ убитаго. Онъ посвящаетъ себя, на все время войны, пользѣ и заботамъ о раненыхъ. Съ нимъ отправились 30 подводъ, наполненныхъ необходимыми вещами для больныхъ. Все это пожертвованія частныхъ людей и купечества, аристократы же собрали 22.000 рубл. Говорятъ, въ Севастополѣ наши солдаты продаютъ корпію Французамъ и Англичанамъ. Каковы злоупотребленія!

16-го Декабря 1854 г. Новостей никакихъ нѣтъ. Сегодня вышелъ манифестъ. Я нахожу, что это воззваніе къ народу написано не довольно сильно. Вчера я слышала, что Великіе Князья Николай и Михаилъ стоятъ горячо за Меншикова. Вчера же я получила письмо съ Ижевскаго Завода, отъ тамошняго начальника, артиллерійскаго генерала, съ которымъ я въ перепискѣ. У нихъ теперь на заводѣ передѣлываютъ обыкновенныя солдатскія ружья въ штуцера, стрѣляющіе остроконечными пулями. Ихъ пробовали, и они стрѣляютъ на 400 и болѣе шаговъ. Въ каждомъ полку предполагается имѣть такихъ ружей по 384. Въ Москву уже отправлено на пять полковъ, а къ новому году вышлютъ на цѣлый корпусъ.

Корпію щиплемъ усердно. Мои воззванія въ разные города Россіи, гдѣ только я имѣю переписку, остаются не безъ успѣха. Такъ, изъ Ижевска,

по полученіи письма моего, въ теченіе недѣли, успѣли нащипать десять пудовъ корпіи, не считая бандажей и все это выслали къ Меншикову (т.-е. въ армію подъ Севастополь). Меня это радуетъ. Аполлонъ Майковъ написалъ разсказъ: „Отставной солдатъ". Говорятъ, что этотъ разсказъ превосходенъ. Аполлонъ читалъ его у Норова. Рикордъ, находившійся при чтеніи, плакалъ и обнималъ молодаго человѣка. Великія Княгини Елена Павловна и Екатерина Михаиловна прислали ему большую благодарность за это сочиненіе, которое, вѣроятно имъ прочтено Норовымъ или кѣмъ-нибудь другимъ. Когда достану это сочиненіе, спишу и пришлю его вамъ вмѣстѣ съ другими стихотвореніями, какія здѣсь ходятъ по рукамъ".

Письмо 16-го Декабря было послѣднимъ въ 1854 г. Надежда смѣнялась сомнѣніемъ, остатки прежней самоувѣренности уступали мѣсто опасеніямъ и мучительной неизвѣстности исхода борьбы, въ виду такихъ событій какъ Альма и Инкерманъ. Но кромѣ зловѣщихъ новостей съ поля битвы, всеобщее смятеніе еще усиливалось при видѣ обнаруживавшихся повсюду злоупотребленій, ошибокъ и промаховъ разнаго рода. Все это порождало болѣзненное настроеніе общественнаго духа, выражавшееся въ недовѣріи къ правительству и въ частныхъ слухахъ объ измѣнѣ.

Что́ же дѣлалъ въ ту пору Преображенскій полкъ, этотъ баловень счастія? Какъ жилось ему въ виду Польскихъ дворянъ, ненавистниковъ Россіи, въ виду торжества непріятельскихъ армій, въ тѣ скорбныя минуты, когда Царь-страдалецъ былъ живымъ олицетвореніемъ скорби отечества? Преображенскій полкъ плясалъ, гулялъ и веселился. Скоро послѣ нашего прихода, полкъ задалъ балъ Бѣлостоцкому дворянству. Подробностей этого бала и того, по какому случаю онъ былъ данъ, я не помню, потому что не былъ на немъ. За баломъ послѣдовалъ вскорѣ офицерскій спектакль съ благотворительною цѣлью (кажется, въ пользу раненыхъ). Главною пьесою послужилъ «Ревизоръ» Гоголя. Объ исполненіи конечно говорить не стоитъ, и достаточно замѣтить, что самый спектакль и, особенно репетиціи, представили обильный источникъ всевозможныхъ потѣхъ и веселія для нахлынувшей въ Бѣлостокъ офицерской братіи. Впослѣдствіи мы часто устроивали пикники. Разъ, напримѣръ, 12 троекъ, съ полковымъ командиромъ въ авангардѣ, отправились въ Бѣловѣжскую пущу, съ цѣлью посмотрѣть на зубровъ. Но зубровъ видѣли очень мало, а хохоту и удовольствія было много. Для образца спишу одну картинку съ натуры. Былъ у насъ одинъ товарищъ необыкновенно толстый, что́ не мѣшало ему отлично играть на биліардѣ. За это онъ былъ прозванъ «*шаромъ*». Въ поѣздѣ шаръ катался на одной изъ самыхъ заднихъ троекъ. Сани опрокинулись въ лѣсу. Поѣздъ остановился. — Что́ тамъ такое? закричалъ изъ авангарда графъ Барановъ.—Шаръ выкатился изъ лузы,

ваше сіятельство! — Вкатили? спросилъ полковой камандиръ. — Готово! И поѣздъ двинулся дальше. Устроивали также пикники изъ Бѣлостока въ загородное расположеніе ротъ. Напримѣръ, помню, что 3-я гренадерская дала, въ честь полковаго командира, балъ въ Гіеронимовѣ, помѣстьѣ Дзеконскаго, бывшаго генерала Польскихъ войскъ. На этомъ балу на 10 офицеровъ приходилась одна дама, да и то изъ своихъ, изъ полковыхъ.

Не даромъ многіе изъ офицеровъ называли нашу стоянку въ Бѣлостокѣ «золотымъ вѣкомъ» полковаго быта. Популярность графа Баранова, начавшаяся еще до выступленія въ походъ, здѣсь достигла до апогея. Двери квартиры полковаго командира были открыты для каждаго изъ подчиненныхъ. Доклада мы не знали. Не было офицера въ полку, который не перебывалъ бы безчисленное число разъ у графа и не вынесъ изъ командирской квартиры самыхъ лучшихъ впечатлѣній. Каждый могъ тамъ шутить, болтать, высказываться, сколько угодно и безъ стѣсненія; но тривіальныя шутки, вздорныя словопренія, разнузданныя бесѣды холостаго, офицерскаго быта, не проявлялись никогда и ни у кого. Всякій зналъ, какъ держать себя, и одно отсутствіе улыбки на лицѣ любимаго начальника сдерживало нескромный порывъ. Трудно опредѣлительно сказать, въ чемъ именно состояла заманчивость трапезы и вечеринокъ графа Баранова. Болтали, смѣялись, играли, кто въ карты, кто на фортепіано, кто на чемъ гораздъ. Но хозяинъ умѣлъ принимать, дѣлалъ это отъ души, и вотъ вся разгадка. Помню, разъ графъ придумалъ престранное развлеченіе. Когда зашла рѣчь объ устройствѣ и практичности современнаго холоднаго оружія, онъ велѣлъ принесть холщевой мѣшокъ, набитый сѣномъ, и положить въ него старую солдатскую каску. Затѣмъ вся компанія, обнаживъ шпаги, сабли, шашки, принялась уродовать несчастный головной уборъ по мѣрѣ силъ и досужества. Къ величайшему удивленію нашему, каска выдержала отлично самые дюжіе удары; особенно защищали ее мѣдныя лапки на шишакѣ.

Понятно, что графъ Барановъ своимъ радушіемъ и обходительностью привлекалъ въ Бѣлостокъ огромное большинство офицеровъ. Почти всѣ они заживали въ этомъ городкѣ; но является вопросъ: какъ же и съ кѣмъ же оставались въ это время солдаты, раскинутые въ четырехъ уѣздахъ (Бѣлостокскомъ, Васильковскомъ, Волковискомъ и Бѣльскомъ)? Я уже имѣлъ случай сказать, что Поляки держались выжидательной политики и что Польша была спокойна, хотя въ то время было бы удобно имъ подняться. Но, во первыхъ, они знали императора Николая I-го и помнили, какъ онъ, построивъ Александровскую цитадель въ Варшавѣ, указалъ на нее и сказалъ: «Только

шелохнитесь, и я камня на камнѣ не оставлю!» Во вторыхъ, говорили, будто и Наполеонъ III, опасаясь, что Польское возстаніе оторветъ Австрію и Пруссію отъ союзниковъ и сблизитъ съ Россіею, сказалъ: «Un seul coup de fusil tiré sur la Vistule, et je ferai taire mes canons devant Sébastopol!» *) Какъ бы то ни было, а Варшава не шелохнулась, и въ Литовскихъ губерніяхъ все было тихо. Это было наше счастіе, потому что Поляки успѣшно могли бы испробовать Сицилійскую вечерню надъ первымъ полкомъ гвардіи, какъ впослѣдствіи, въ 1863 г. они попытались вырѣзать нашихъ солдатъ на ихъ квартирахъ. Да не говоря уже о бунтѣ, нельзя бы, кажется, и въ мирное время обойтись безъ весьма серьезныхъ исторій, въ виду тогдашнихъ условій. Прошу покорно услѣдить за полкомъ, разбросаннымъ по 114 деревнямъ! Но, или офицеры, искренно любившіе своего командира, съумѣли распорядиться и быть во-время на своихъ мѣстахъ, или же просто Богъ хранилъ насъ всѣхъ, только никакихъ вопіющихъ дѣлъ не случалось, и все обстояло благополучно. Но во всемъ этомъ гулѣ беззаботнаго веселья звучала фальшивая нота. Правда и дѣйствительность вырываются наружу, и нельзя заглушить ихъ ничѣмъ. А истина была вотъ какая: когда наши братья по оружію, истощаясь въ безпримѣрныхъ усиліяхъ, отстаивали Севастополь, когда тамъ ежедневно сотни и тысячи Русскихъ безропотно умирали на валахъ или страдали отъ ранъ и болѣзней,—въ тоже самое время, старый полкъ Петра Великаго, заброшенный въ грязный городишко, прозябалъ тамъ безъ чести, безъ славы, потѣшая балами и спектаклями мелкопомѣстныхъ Польскихъ дворянчиковъ и ублажая алчныхъ Евреевъ, у которыхъ глаза горѣли отъ жажды корысти при видѣ неслыханной роскоши. Но вразумленіе было близко. Съ одной стороны близился къ намъ бичъ Божій, страшное повѣтріе тифа, а съ другой стороны надвигались еще страшнѣйшія, еще безнадежнѣйшія событія: кончина императора Николая и паденіе Севастополя.

Князь Н. Имеретинскій.

---

*) При первомъ ружейномъ выстрѣлѣ на Вислѣ, я велю замолчать моимъ пушкамъ подъ Севастополемъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ НА КАВКАЗѢ.

Весною 1879 года я издалъ свои воспоминанія въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ". Я остановился тамъ на осени 1856 года, когда, съ пріѣздомъ на Кавказъ новаго главнокомандующаго и намѣстника, князя Барятинскаго, начался новый періодъ. Такимъ образомъ, оба тома заключали разсказъ о пятнадцати годахъ моей Кавказской службы (1842—1856 гг.). Оставалось разсказать еще десять лѣтъ; но событія за это время были слишкомъ недавнія, большинство главныхъ дѣйствующихъ лицъ находились въ живыхъ, и я не считалъ возможнымъ продолжать разсказъ. Да къ тому же и усиленная работа по составленію „Исторіи Кабардинскаго полка", кромѣ другихъ журнальныхъ и газетныхъ работъ, поглощала все мое время.

Хотя для вполнѣ откровеннаго разсказа время все еще не настало; однако, не желая оставаться въ долгу предъ читателями, берусь за перо и возобновляю прерванное повѣствованіе.

При этомъ нужнымъ считаю оговориться. По поводу воспоминаній одной дамы, въ „Русскомъ Архивѣ" была помѣщена статья, въ которой вообще воспоминанія, особенно печатаемыя авторами при своей жизни, признаются за „Wahrheit und Dichtung, и даже больше Dichtung, чѣмъ Wahrheit. Я не могу согласиться съ такимъ опредѣленіемъ вообще, а въ отношеніи моихъ „воспоминаній" въ особенности. Нѣтъ сомнѣнія, что лично о себѣ никто не станетъ печатать какія-нибудь позорящія дѣла, или такіе случаи и дѣйствія, которые могутъ бросать тѣнь на нравственность, даже на умъ, характеръ... Это было бы неестественно, не въ натурѣ человѣка. Такія публичныя покаянія могутъ случаться въ видѣ рѣдкихъ исключеній, съ особыми цѣлями, и служили бы признакомъ крайняго цинизма...

Всякій человѣкъ, порывшись въ своей памяти, непремѣнно найдетъ тамъ поступки, о которыхъ искренно пожалѣетъ и, быть можетъ, почувствуетъ краску въ лицѣ. Конечно, смотря по характеру, степени образованія и другимъ условіямъ развитія, одинъ покраснѣетъ отъ такого случая, который въ глазахъ другаго вовсе непредосудителенъ; но это не измѣняетъ моего положенія, что нѣтъ человѣка, до того абсолютно-чистаго, который могъ бы безъ малѣйшей утайки раскрыть предъ другими все свое прошлое... Это тѣмъ болѣе невозможно, что многое нехорошее дѣлается весьма часто необдуманно, безсознательно, по слабости воли, по увлеченію примѣрами, подъ вліяніемъ постороннихъ совѣтовъ и т. п.; и только въ послѣдствіи, по мѣрѣ бо́льшаго познанія жизни и людей, человѣкъ убѣждается, какъ скверно было сдѣланное имъ тогда-то, какъ безнравственна была такая-то сдѣлка съ совѣстью, и съ какимъ удовольствіемъ вычеркнулъ бы онъ теперь изъ списка своихъ дѣяній тотъ или другой случай. Это въ порядкѣ вещей, потому что образованный, мыслящій человѣкъ не можетъ не совершенствоваться съ каждымъ днемъ, а слѣдовательно и не анализировать своихъ поступковъ, сожалѣя о такихъ, которые еще недавно совершались безъ особаго сознанія ихъ несоотвѣтствія строгимъ требованіямъ нравственности. Нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ разсказывалъ о такихъ поступкахъ; даже болѣе, полагаю страннымъ упрекать, что человѣкъ выставляетъ себя только съ хорошей стороны. Важно лишь, чтобы все касающееся общаго хода дѣлъ описываемаго времени, все касающееся другихъ лицъ, было правдиво, безпристрастно и не грѣшило умышленными искаженіями, не было бы Dichtung; могутъ быть недомолвки, особенно о живыхъ людяхъ, ибо и въ этомъ странно требовать полной откровенности...

Таковъ мой взглядъ на „воспоминанія“ (можетъ быть и ошибочный), и смѣю увѣрить читателей, что я строго держался такого взгляда, ставя на первый планъ правдивость. Готовъ признать въ моихъ „воспоминаніяхъ“ всякіе недостатки: и отсутствіе интереса, и плохое изложеніе, и лишнюю болтовню, и выдвиганіе впередъ собственной персоны, и многое другое, но Dichtung (фантазіи) въ нихъ нѣтъ, и я былъ бы весьма благодаренъ, еслибы кто изъ старыхъ Кавказцевъ указалъ на очевидныя измышленія.

А. Зиссерманъ

С.-Петербургъ,
Сентябрь 1884 г.

I.

Въ послѣдней главѣ II-го тома я разсказалъ, какъ князь Барятинскій, послѣ продолжительнаго плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю, 12 Октября 1856 г. высадился въ Петровскѣ, гдѣ генералъ Евдокимовъ, а съ нимъ Ростиславъ Фадѣевъ и я встрѣтили новаго главнокомандующаго; какъ произошли торжественные пріемы въ Темиръ-ханъ-шурѣ, какъ совершили веселую рекогносцировку на Гимринскія высоты и какъ послѣ продолжительныхъ совѣщаній князя съ ген. Евдокимовымъ, послѣдній сказалъ мнѣ: «Ну, почтеннѣйшій, все идетъ отлично; скоро закипитъ у насъ дѣло въ Чечнѣ».

15 или 16 Октября князь Барятинскій уѣхалъ чрезъ Дербентъ и Шемаху въ Тифлисъ, а мы съ ген. Евдокимовымъ прежнимъ путемъ обратно въ Грозную. Ночевали мы въ Чирь-юртѣ, въ которомъ тогда, кромѣ нестроевыхъ командъ, никого не было. Нижегородскій драг. полкъ, послѣ войны въ Азіятской Турціи, еще не возвращался изъ Закавказья; тамъ совершалось формированье цѣлой драгунской дивизіи, и въ Чирь-юртъ должны были прибыть вмѣстѣ Нижегородскій и Сѣверскій полки,—первый въ составъ войскъ Лѣваго крыла, а второй—Дагестана. Чирь-юртомъ завѣдывалъ капитанъ Гончаровъ, котораго я зналъ съ 1853 г., когда стоялъ здѣсь съ ротой, а онъ былъ полковымъ квартермистромъ и, по соприкосновенію съ главнѣйшимъ интересомъ полковаго командира — овсомъ, былъ приближеннымъ человѣкомъ князя Іасона Чавчавадзе, этого истаго, простѣйшаго, гостепріимнѣйшаго Грузина.

Времена измѣнились, полкомъ командовалъ уже князь Дондуковъ-Корсаковъ; эскадроновъ, вмѣсто десяти, оставалось только четыре; въ квартирмейстеры Гончаровъ уже не разсчитывалъ попасть, а потому задумалъ найти себѣ другую службу. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбою представить его Н. И. Евдокимову и замолвить за него словечко. По непростительной слабости—не имѣть духа отказать кому-нибудь въ просьбѣ, я тутъ же исполнилъ его желаніе, полагая, что Гончаровъ, какъ вышедшій изъ писарей, знакомый съ канцелярскими порядками и хозяйственною частью, можетъ-быть небезполезнымъ въ качествѣ старшаго адъютанта штаба или воинскаго начальника небольшаго укрѣпленія. Рекомендація моя видимо произвела хорошее впечатлѣніе, и г. Евдокимовъ, разспросивъ Гончарова о прежней его дѣятельности, обѣщалъ имѣть его въ виду.

Объ этомъ мало-интересномъ обстоятельствѣ упоминаю здѣсь собственно потому, что вскорѣ Гончаровъ, къ немалому удивленію моему, явился на Лѣвое крыло въ видной должности дежурнаго штабъ-офицера и не выказалъ по службѣ ни умѣнія, ни такта, ни вообще порядочныхъ качествъ, не говоря о слабости къ вакхическимъ возліяніямъ... Я получилъ (впрочемъ не въ первый разъ) урокъ на счетъ осторожности въ рекомендаціи не вполнѣ знакомыхъ личностей.

По возвращеніи въ Грозную, Фадѣевъ вскорѣ уѣхалъ въ Тифлисъ состоять при главнокомандующемъ, а у насъ въ буквальномъ смыслѣ слова закипѣла работа. Новый штабъ войскъ Лѣваго крыла еще не сформировался; не было еще ни начальника штаба, ни оберъ-квартирмейстера. Въ моемъ лицѣ тогда заключалось чуть-ли не пять должностей: и дежурный штабъ-офицеръ, и личный секретарь командующаго войсками, и чиновникъ особыхъ порученій, и офицеръ генеральнаго штаба, нерѣдко и самъ переписчикъ особо-важныхъ, секретныхъ бумагъ. Съ 8 ч. утра до поздней ночи тормошили меня со всѣхъ сторонъ: то пожалуйте къ генералу, то въ штабъ, гдѣ ждутъ разныя лица, требуя разъясненій, разрѣшеній; и все вѣдь экстренно, какъ оно неизбѣжно въ военное время, когда войска готовятся къ выступленію противъ непріятеля, передвигаются съ однихъ пунктовъ на другіе, когда въ разныхъ направленіяхъ двигаются транспорты военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, когда въ одномъ мѣстѣ не оказывается провіанта, въ другомъ фуража и т. д., когда нѣтъ ни телеграфовъ, ни безопасныхъ сообщеній и вообще никакого правильнаго устройства. Кромѣ меня были тогда еще два офицера, не мало работавшіе: подпоручикъ Грачевъ и генеральнаго штаба капитанъ Гарднеръ; но первый исключительно велъ текущую переписку и нѣкоторыя *спеціальныя по хозяйственной части* дѣла (что́ и повело впослѣдствіи къ сближенію его съ ген. Евдокимовымъ, къ довольно быстрому шаганію по службѣ и къ обезпеченному положенію); второй же, молодой, всего года два вышедшій изъ Академіи, честолюбивый, еще болѣе самолюбивый, свѣтски образованный, вѣрующій въ свою двойную ученость, какъ инженеръ путей сообщенія и академистъ генер. штаба, Гарднеръ однако не имѣлъ никакой опытности, вовсе не зналъ края и мѣстныхъ условій и весьма посредственно владѣлъ перомъ; поэтому ген. Евдокимовъ въ первое время какъ бы игнорировалъ его, да и вообще не особенно вѣровалъ въ генеральный штабъ, потому что, по странной случайности, въ его распоряженіе до того времени попадали все такіе академисты въ родѣ достопочтеннаго Фока... (Объ немъ разсказано во II-мъ томѣ). Гарднеръ, само собою, былъ недоволенъ, презрительно относился къ

«кантонисту» Евдокимову и ко мнѣ, армейщинѣ, неучу, какими онъ считалъ всѣхъ не бывшихъ въ академіяхъ или, по крайней мѣрѣ, не принадлежавшихъ къ Петербургскимъ салонамъ, оглашаемымъ отборными Французскими фразами... Нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нѣсколько лѣтъ время и опытъ взяли бы свое, и Гарднеръ, нелишенный природныхъ способностей, вышелъ бы весьма полезнымъ офицеромъ; но, къ сожалѣнію, онъ въ 1858 году, увлекшись мечтою о Георгіевскомъ крестѣ, бросился на штурмъ Лезгинскаго аула Китури, неудачно осаждаемаго отрядомъ барона Вревскаго, и погибъ.

Стояла поздняя осень со всѣми ея атрибутами, непрерывными дождями и невозможною грязью; въ Грозной, ставшей центромъ огромнаго военнаго управленія отъ береговъ Малки до Сулака; центромъ, изъ котораго исходила дѣятельность по организаціи предстоявшихъ вскорѣ рѣшительныхъ военныхъ операцій, въ небывалыхъ еще никогда въ Чечнѣ размѣрахъ, собрались со всѣхъ сторонъ командиры разныхъ частей войскъ, представители туземныхъ племенъ, мѣстные администраторы и немало вообще лицъ, никогда прежде въ Грозной не появлявшихся. Подходили «Русскія» войска, т.-е. не Кавказцы, батальоны 13-й дивизіи—Бѣлостокцы, Виленцы, терявшіеся въ новой обстановкѣ, незнавшіе гдѣ и какъ имъ быть. Все это обращалось съ вопросами и претензіями ко мнѣ, заставляя меня десятки разъ шлепать по грязи между штабомъ и домомъ командующаго войсками за разрѣшеніями. Время это осталось для меня памятнымъ навсегда: какъ ни тяжела подъ часъ приходилась эта суетливая 15, 16 часовая въ сутки работа, утомленія я не чувствовалъ, сознавая смыслъ работы и видя ея оцѣнку человѣкомъ, всегда бывшимъ въ моихъ глазахъ однимъ изъ весьма немногихъ военныхъ авторитетовъ на Кавказѣ.

Наконецъ, къ началу Декабря всѣ приготовленія были завершены. Непріятель видѣлъ ихъ, зналъ, что готовится усиленная экспедиція; но пунктъ атаки оставался для него тайною и, по его соображеніямъ, наступленіе скорѣе всего должно было начаться отъ Аргуна. Чтобы оставить его при этомъ убѣжденіи, употребленъ былъ слѣдующій маневръ: особая колонна, въ видѣ авангарда всего отряда, была переправлена за Аргунъ у Бердыкеля и расположена тамъ лагеремъ. Когда же вниманіе непріятеля было привлечено туда, и онъ началъ стягивать къ Аргуну свои силы, наши войска выступили съ разныхъ пунктовъ къ Кумыкской плоскости и 5 Декабря собрались при подъемѣ на Качкалыковскій хребетъ. Весь день продолжалось страшное ненастье, грязь затрудняла движеніе до крайности, артиллерія и обозы вытаскивались солдатскими руками. Къ вечеру, однако, мы перева-

лили чрезъ высоты и безпрепятственно заняли долину р. Мичика, по обо́имъ его обрывистымъ берегамъ.

Отрядъ собрался весьма значительный: 16 баталіоновъ пѣхоты, два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ (только что прибывшихъ изъ-за Кавказа), 25 сотенъ казаковъ и милиціи, 30 орудій и ракетная батарея изъ 12 станковъ. Всякій, знакомый съ военнымъ дѣломъ, пойметъ, что дежурному штабъ-офицеру въ такомъ отрядѣ дѣла, какъ говорится, по горло, и я дѣйствительно почти не зналъ отдыха, тѣмъ болѣе, что при всякомъ выѣздѣ ген. Евдокимова изъ лагеря и мнѣ приказывалъ онъ ѣхать съ нимъ; да, кромѣ того, и письма, и бумаги секретныя, экстренныя, хотя и не относящіяся до дежурства, писались мною же. Каждый вечеръ приходилось диктовать какимъ-нибудь 40 человѣкамъ приказанія на слѣдующій день и ничего не забыть, и все съ полнѣйшею точностью объяснить, чтобы не вышло недоразумѣнія, а малѣйшее недоразумѣніе въ военное время можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія. Не успѣешь, бывало, окончить этой диктовки и толкованій, какъ одинъ за другимъ начнутъ являться разные адъютанты и квартирмейстеры съ кучею разнороднѣйшихъ вопросовъ: у того недостаетъ провіанта, у этого спирта, тамъ патроновъ нѣтъ, а у другаго не на чемъ отправить больныхъ въ укрѣпленіе Куринское, бывшее у насъ въ тылу складочнымъ пунктомъ, и т. п. И когда всѣхъ наконецъ удовлетворишь, и лагерь уже погрузится въ тишину, изрѣдка лишь прерываемую фырканіемъ лошадей, шлепаніемъ по грязи проѣзжающаго дежурнаго съ конвоемъ, мнѣ приходилось засѣсть въ огромной лазаретной палаткѣ, въ которой былъ устроенъ походный штабъ, и далеко за полночь полуокоченѣлыми пальцами писать, въ тоже время диктуя иногда двумъ-тремъ писарямъ разомъ.

Вижу, какъ читатель улыбается и говоритъ: «эка расхвастался!» Но могу увѣрить, во первыхъ, что я вовсе не преувеличиваю и не думаю хвастаться, я просто разсказываю обо всемъ, что́ въ данное время со мною происходило, что̀ теперь у меня такъ ясно передъ глазами, какъ будто оно было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и что́, такъ или иначе, служитъ къ характеристикѣ нашей былой Кавказской военной эпохи; во вторыхъ, я вовсе несогласенъ съ тѣми, которые требуютъ отъ мемуаровъ отсутствія на сценѣ самаго разсказщика, но за то какъ можно больше обличительныхъ и пикантно-оппозиціонныхъ страницъ «изнанки». Я держусь правила ничего не выдумывать, не говорить положительно о томъ чего не знаю, а о слухахъ упоминать только о такихъ, которые мнѣ кажутся правдоподобными и заслуживающими вниманія, или по крайней мѣрѣ «Si non e vero, e ben trovato». Если у читателя достанетъ снисходительнаго терпѣ-

нія продолжать чтеніе, то онъ, быть можетъ, встрѣтится еще и съ обличеніями, и съ изнанками. Изнанка же есть, была и будетъ отъ сотворенія міра во всякомъ дѣлѣ, не только у насъ, но и въ самыхъ наикультурнѣйшихъ странахъ.

Главная цѣль экспедиціи состояла въ довершеніи уже давно предположеннаго открытія свободнаго сообщенія по плоскости Большой Чечни отъ Аргуна къ Качкалыку и Кумыкской плоскости, чѣмъ враждебное населеніе вынуждалось или покориться и переходить на указываемыя нами мѣста, или уходить съ плоскости въ трущобы Черныхъ горъ. Предшествовавшими дѣйствіями, отчасти прерванными Восточной войной, цѣль была почти достигнута: съ двухъ сторонъ рубка просѣки уже давала возможность проходить войскамъ безъ особыхъ потерь на этомъ пространствѣ, на встрѣчу другъ другу, и это вытѣснило часть ауловъ; но самая главная масса ихъ, на лѣвомъ берегу Мичика, оставалась впереди, закрытая лѣсными чащами, особенно густымъ орѣшникомъ у аула Маюртупъ, въ которомъ войска наши, при движеніи въ 1841 году съ генераломъ Граббе и съ кн. Барятинскимъ въ 1852 году, несли значительныя потери. Съ тѣхъ поръ за этимъ Маюртупскимъ орѣшникомъ осталась слава какой-то грозной неприступности.

Чеченское населеніе этой мѣстности понимало, что положеніе ихъ непрочно и что раньше или позже Русскіе доберутся и до ихъ прикрытія, до этихъ лѣсныхъ трущобъ; они даже съ завистью посматривали на тѣхъ соотечественниковъ, которымъ, не взирая на строгій надзоръ Шамилевскихъ наибовъ, удалось перейти на отведенныя нами земли, но послѣдовать ихъ примѣру не могли: и по недостатку единодушія, и вслѣдствіе усиленныхъ мѣръ, принятыхъ Шамилемъ, для удержанія этой послѣдней точки опоры его на Чеченской плоскости; увѣщанія, угрозы, казни, все было пущено въ ходъ, и населеніе оставалось на мѣстѣ, ежечасно трепеща за свою будущность.

Занявъ, какъ сказано, оба берега Мичика, отрядъ нашъ уже не могъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ; переходъ черезъ эту топкую, текущую въ глубокомъ обрывистомъ оврагѣ рѣку составлялъ бы задачу довольно трудную и сопряженную съ немалыми жертвами, еслибы она была укрѣплена и занята непріятелемъ. Въ началѣ 1853 года князь Барятинскій, только ловко и смѣло совершеннымъ обходомъ непріятельской позиціи, успѣлъ перейти Мичикъ безъ особенныхъ потерь; но начавшаяся вскорѣ война съ Турціей не допустила тогда же воспользоваться плодами экспедиціи, и только чрезъ четыре года генералъ Евдокимовъ долженъ былъ довершить дѣло. Еслибы Шамиль не обманулся въ расчетахъ о направленіи нашего отряда и

заблаговременно занялъ переправы на Мичикѣ, то, безъ сомнѣнія, въ этотъ разъ повтореніе маневра князя Барятинскаго уже едвали бы удалось; пришлось бы придумать что нибудь другое. Само собою, генералъ Евдокимовъ задачу бы выполнилъ; остановить насъ ничто бы не могло; но мы, кромѣ потери людьми, могли потерять много времени, а это была бы своего рода дорогая жертва.

6 Декабря уже выступила колонна для рубки Маюртупскаго орѣшника. Непріятель, поздно спохватившійся, началъ стекаться сюда со всѣхъ сторонъ, привезъ нѣсколько пушекъ, но серіознаго противодѣйствія уже оказать не могъ; онъ ограничился перестрѣлками съ прикрытіемъ рабочихъ и канонадой на дальнемъ разстояніи.

Впереди колонны, съ одною кавалеріей, генералъ Евдокимовъ выѣхалъ далеко впередъ для рекогносцировки и опредѣленія направленія просѣки. Погода на нѣсколько часовъ улыбнулась и, какъ бы въ угоду имянинннику (Евдокимовъ—Николай Ивановичъ), даже выглянуло изъ-за тучъ какое-то желтое пятно. Мы успѣли осмотрѣть что́ нужно, и начальники колоннъ: баронъ Николаи, князь Дондуковъ-Корсаковъ, Кемпфертъ, Баженовъ получили указанія для предстоявшихъ работъ. Вслѣдъ за тѣмъ мутное солнце скрылось, съ черныхъ горъ потянулись темныя, тяжелыя тучи, и началась опять та ужасная, въ отчаяніе насъ приводившая слякоть, которая преслѣдовала насъ уже цѣлый мѣсяцъ. То дождь, то снѣгъ, то оба вмѣстѣ, туманъ, порывистый вѣтеръ, проникающій подъ самое плотно-надѣтое платье, и вездѣ мокро, холодно; ноги увязали въ глинистой грязи...

Колонны выходили силою въ 9, 10 баталіоновъ, имѣя до $2^1/_2$ тысячъ топоровъ на работѣ. Непріятель почти не препятствовалъ, потому что Чеченцы отказались отъ повиновенія Шамилю и ушли внизъ по Мичику въ Герзелинскіе лѣса, а стоявшій съ Дагестанскими горцами въ ближайшемъ ущельи Хулхулау сынъ Шамиля, Кази-Магома не рѣшался выходить изъ трущобы и только посылалъ намъ ядро за ядромъ.

Въ теченіе трехъ-четырехъ дней главная просѣка была окончена, такъ что чрезъ страшный Маюртупскій орѣшникъ уже можно было пройти густой колонной, прикрываясь кавалеріей. Затѣмъ исправлялась кое-гдѣ дорога, устраивались спуски, мостики и проч. Борьба со слякотью тяжело отзывалась на войскахъ; особенно страдали баталіоны 13-й дивизіи, не имѣвшіе полушубковъ и вообще лишенные тѣхъ приспособленій, которыми обзавелись привычныя Кавказскія войска.

10 Декабря съ колонною ходилъ баронъ Николаи. Воспользовавшись разсѣявшимся на время туманомъ, онъ съ тремя баталіонами своего Кабардинскаго полка прошелъ дальше за Гудермесъ, истребилъ

тамъ запасы Чеченскаго сѣна, но при отступленіи имѣлъ довольно жаркую перестрѣлку, стоившую намъ человѣкъ 12. Когда выстрѣлы усилились, генералъ Евдокимовъ поспѣшилъ изъ лагеря къ войскамъ и расположился на одномъ высокомъ курганѣ, съ котораго хорошо видна была окрестность. Сюда же подъѣхалъ баронъ Николаи, свита составилась большая, и непріятель направилъ въ насъ свои пушечные выстрѣлы. Само собою, не такихъ испытанныхъ и обстрѣлянныхъ людей, какъ Евдокимовъ и Николаи, могли смутить свистѣвшія одно за другимъ ядра; незамѣтно было и среди насъ, окружавшихъ ихъ офицеровъ, какого-нибудь смущенія или даже измѣнившихся физіономій; такова отчасти сила привычки и сила воли, торжествующая надъ нервами; но должно сказать, что ничего не можетъ быть тягостнѣе стоянія подъ выстрѣлами въ бездѣйствіи. Когда самъ идешь впередъ или отстрѣливаешься при отступленіи, или обороняешь позицію, вообще въ пылу боя, свистъ пуль уже не производитъ такого впечатлѣнія, человѣкъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, азартъ; онъ въ такомъ возбужденіи, что не поражается даже падающими рядомъ съ нимъ людьми. Но оставаться пассивнымъ на одномъ мѣстѣ, когда ядра со свистомъ проносятся надъ головой, или врываются въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ предъ вами, крайне непріятно, и я рѣшительно не вѣрю, чтобы у человѣка не ускорялось въ такую минуту сердцебіеніе и не проносились мрачныя мысли...

Однако непріятельская артиллерія не умѣла пристрѣляться, и наша потеря ограничилась тремя лошадьми, изъ числа стоявшихъ сзади насъ подъ курганомъ конвойныхъ казаковъ.

До 15 числа, не взирая на убійственную погоду, рубка лѣса продолжалась, и работы уже дошли до р. Гудермеса. Непріятель почти не вступалъ съ нами въ дѣло, но въ тылу пользовался каждымъ случаемъ наносить намъ вредъ. 14-го Декабря, въ сильный туманъ, Чеченцы устроили близъ укр. Куринскаго засаду, внезапно напали на хвостъ проходившей казачьей сотни, убили 6-хъ, ранили 8 человѣкъ, захватили нѣсколько лошадей и оружіе. Происшествіе крайне непріятное. Когда доложили объ этомъ Евдокимову, онъ сказалъ: «такъ имъ и нужно; другой разъ будутъ осторожнѣе». И онъ былъ правъ: подобные случаи у насъ всегда были лишь послѣдствіемъ нашей Русской безпечности, халатности. Многіе осуждали такое равнодушіе Евдокимова и хотѣли видѣть въ этомъ своего рода хамство...

15-го Декабря лазутчики дали знать, что въ верховьяхъ Гудермеса собрались всѣ три сына Шамиля, съ весьма значительнымъ числомъ горцевъ, при пяти орудіяхъ, имѣя отъ отца приказаніе непремѣнно вступить въ бой съ Русскимъ отрядомъ. Поэтому, 16-го числа,

колонна подъ начальствомъ полковника Кемпферта была усилена и приказано соблюдать строжайшій порядокъ. Часовъ около 9-ти утра, мы съ генераломъ Евдокимовымъ отправились за колонной, уже приступившей къ рубкѣ лѣса на лѣвомъ берегу Гудермеса; поѣхалъ съ нами и баронъ Николаи. Евдокимовъ взобрался опять на этотъ же курганъ, гдѣ мы стояли 10-го числа, и въ бинокль началъ осматривать позицію непріятеля, который сейчасъ же замѣтилъ присутствіе на курганѣ Русскаго начальства, окруженнаго большой свитой и значками, и мгновенно пустилъ по насъ залпъ изъ своихъ пушекъ. Повторилась таже исторія; только ядра еще дальше перелетали чрезъ насъ, шлепаясь назади въ грязь и распугивая лошадей конвоя. Съ нашей стороны были выдвинуты 6 батарейныхъ орудій, отвѣчавшихъ непріятелю, хотя, нѣтъ сомнѣнія, безъ большаго для него вреда, потому что позиція его была закрыта лѣсомъ, и наши стрѣляли *на дымокъ.*

Баронъ Николаи, съ свойственною молодости и людямъ его школы военною пылкостью, горѣлъ желаніемъ двинуться въ атаку и сочинить блистательное дѣло; онъ тутъ же предъ Евдокимовымъ развилъ свой планъ, состоявшій въ томъ, чтобы двинуть одну колонну въ обходъ по берегу р. Искерикъ, другую прямо на аулъ, а кавалерію еще дальше, для обхода непріятельскаго лѣваго фланга, угрожая его отступленію. Онъ доказывалъ, что пораженіе горцевъ неминуемо, и бѣгство трехъ сыновей Шамиля произведетъ чрезвычайное, потрясающее впечатлѣніе и т. д. Генералъ Евдокимовъ слушалъ съ серьезнымъ видомъ и даже, какъ бы подтверждая все, кивалъ головой; но когда баронъ замолкъ, онъ подумалъ нѣсколько минутъ и отвѣчалъ весьма спокойно: «сегодня уже поздно; отложимъ это дѣло на завтра». Обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ: «поѣзжайте къ артиллеріи и прикажите прекратить пальбу; нужно беречь снаряды».

Само собою, если бы генералъ Евдокимовъ исполнилъ предложеніе барона Николаи, но непріятель былъ бы прогнанъ, лежавшій сзади его позиціи аулъ былъ бы сожженъ; всѣ войска, преимущественно офицеры, были бы очень довольны, ибо на то они и войска, чтобы желать боя; матеріалъ для реляціи оказался бы самый благодарный; но, несомнѣнно, что нѣсколько десятковъ, а можетъ и больше людей пали бы жертвой, да ущербъ казнѣ лошадьми, выпущенными снарядами и патронами былъ бы немалый. Результата же въ сущности не достигалось никакого: всѣ эти *нравственныя впечатлѣнія* рѣдко имѣли какое нибудь дѣйствительное значеніе, а лѣса мы вырубали и безъ того, Чеченцевъ заставляли бросать свои аулы, спасаться къ намъ или дальше въ горы, гдѣ они терпѣли всякую нужду, видѣли съ каждымъ

днемъ болѣе и болѣе безплодность сопротивленія и безсиліе Шамиля защитить ихъ; слѣдовательно, вынуждались отказаться отъ его дѣла. Евдокимовъ оставался вѣренъ себѣ: не жалѣть войскъ гдѣ нужно было; работой, самыми ужасными трудами и лишеніями достигать цѣли, но не жертвовать безъ крайней надобности ни однимъ человѣкомъ; онъ предоставлялъ инициативу нападенія непріятелю, и тогда мы дали бы ему приличный урокъ; но затѣвать дѣла, очевидно съ цѣлями лишь реляціонными или по увлеченію военной удалью, онъ не хотѣлъ. Послѣдствія вполнѣ оправдали его.

Нужно однако сказать, что и баронъ Николаи и нѣкоторые другіе, тяготившіеся подчиненностью Евдокимову, не возбуждавшему вообще ни въ комъ особенной симпатіи, а въ лицахъ аристократическихъ въ особенности, были очень недовольны такою системою дѣйствій, и въ критикѣ, даже враждебности, недостатка не было. Здѣсь-то и зародились тѣ неудовольствія, вынудившія князя Барятинскаго принять особыя мѣры, о которыхъ я разскажу впослѣдствіи.

19 Декабря все предположенное было окончено. Грознаго Маюртупскаго орѣшника не существовало; просѣки въ 700 саж. ширины, дороги по возможности очищенныя отъ пней, спуски разработанные чрезъ глубокіе овраги и подъемы на крутые берега, были результатомъ двухнедѣльныхъ трудовъ. 20 ч. мы выступили съ своей позиціи, а 22 распустили войска на отдыхъ и для приготовленія къ Январьскимъ дѣйствіямъ.

II.

Къ описанному времени относится прибытіе въ Грозную назначеннаго начальникомъ штаба Лѣваго крыла, генералъ-маіора Рудановскаго. Я уже упоминалъ во II-мъ томѣ «Двадцати пяти лѣтъ» о г. Рудановскомъ, когда онъ, въ чинѣ полковника, временно пріѣзжалъ въ отрядъ барона Врангеля и выказалъ, главнѣйшимъ образомъ, способность вооружать противъ себя всѣхъ и вся. Человѣкъ онъ былъ весьма неглупый, достаточно образованный, не мало читавшій, порядочно писавшій, съ запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ офицеру генеральнаго штаба, и съ достаточнымъ знакомствомъ съ Кавказомъ, въ которомъ служилъ уже съ начала сороковыхъ годовъ; но характеръ былъ у него невозможный, и на практикѣ примѣненіе всѣхъ его познаній и способностей не приносило пользы. Некрасивый, рыжій, неуклюжій, вѣчно сердитый, бѣшено вспыльчивый и до неслыханной степени дерзкій въ обращеніи не только съ ближайшими подчиненными, но и со всякимъ

офицеромъ, до полковниковъ включительно, этотъ «Самоваръ-паша» (какъ весьма мѣтко прозвали его у насъ), хотя нерѣдко подвергался крупнымъ непріятностямъ, отъ своихъ привычекъ не отставалъ и сталъ окончательно нестерпимымъ. Еще въ 1852 году, занимая временно въ отрядѣ князя Баратинскаго, въ большой Чечнѣ, должность начальника штаба, онъ даже своему же офицеру генер. штаба подполковнику М. Я. О—скому дѣлалъ такія непріятности, что тотъ вынужденъ былъ жаловаться, и князь пригрозилъ Рудановскому высылкою изъ отряда, если онъ не угомонится. Тогда же онъ надѣлалъ дерзостей батальонному командиру Навагинскаго полка, полковнику Наумову, который, кажется, уже готовился пустить въ ходъ свою нагайку и обратилъ *Самовара-пашу* въ бѣгство.

По обязанностямъ службы, какъ дежурный штабъ-офицеръ, я по нѣскольку разъ въ день бывалъ у Рудановскаго и даже вмѣстѣ съ Гарднеромъ заслужилъ его особое расположеніе, выразившееся приглашеніемъ обѣдать съ нимъ ежедневно. Тутъ-то я узналъ его ближе и былъ свидѣтелемъ тѣхъ мучительствъ, той ужасной пытки, которымъ подвергалъ онъ своего деньщика Хворостова. Это было несчастнѣйшее существо, мученикъ, вызывавшій во мнѣ и крайнее сожалѣніе, и удивленіе многотерпѣнію Русскаго человѣка!.. Ежеминутная брань, побои, придирки къ каждому движенію совсѣмъ уже оробѣвшаго, растерявшагося человѣка, возмущали меня до того, что я болѣе нѣсколькихъ дней не выдержалъ чести обѣдать у его превосходительства.

Къ генералу Евдокимову Рудановскій съ самаго начала уже, очевидно, сталъ въ отношенія натянутыя. Да иначе и быть не могло. Евдокимовъ былъ слишкомъ самостоятельный человѣкъ, дѣлавшій все по своему, любившій подчиненныхъ только хорошихъ исполнителей; а Рудановскій—изъ генеральнаго штаба—желалъ бы руководить и дѣлами и начальникомъ, ибо: «гдѣ же ему, неучу, составлять предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ или дизлокаціи войскъ и т. п.?» хотя сей дѣйствительно въ научномъ отношеніи невѣжда, воспитанный на мѣдный грошъ, могъ и то и другое составить нехуже всякаго ученаго по практикѣ, по чрезвычайно здравому уму, ясному, подробному знанію всѣхъ мѣстныхъ условій и той цѣли, къ которой онъ положилъ стремиться. Быть можетъ, тотъ-же Евдокимовъ, перенесенный на Европейскій театръ войны, сталъ бы безъ помощи Рудановскихъ въ тупикъ предъ сложными маневрами цѣлыхъ корпусовъ; но на Кавказѣ, въ этихъ лѣсахъ и горахъ, гдѣ онъ родился и выросъ, никакихъ ученыхъ ему не требовалось.—Всѣ другіе командующіе войсками на Кавказѣ (кромѣ еще князя Барятинскаго), сколько я ихъ зналъ, предоставляли офицерамъ генеральнаго штаба, завѣдывавшимъ ихъ штаба-

ми, больше значенія и вліянія на дѣла,— одни потому, что сами себѣ не довѣряли, особенно по части бумажной, отъ которой у насъ вѣдь часто больше зависитъ чѣмъ отъ самаго дѣла; другіе потому, что такъ исключительно посвящали себя заботамъ администраціи туземными племенами и ихъ политикѣ въ отношеніи къ намъ и Шамилю, что все остальное уже предоставляли начальнику штаба и тотъ, такимъ образомъ, пріобрѣталъ важное значеніе для командировъ воинскихъ частей, постоянно нуждающихся въ утвержденіяхъ, разрѣшеніяхъ, а для войскъ вообще ради представленій къ наградамъ за отличія. У Евдокимова выходило иначе: всякія разрѣшенія и утвержденія, не говоря о распоряженіяхъ, до военныхъ дѣйствій относящихся, исходили отъ него; всѣ обращались къ нему, и хотя на видъ начальнику. штаба была предоставлена полная свобода царить надъ штабомъ и бумагами, но всѣ чувствовали, что отъ него ничего не зависитъ. Въ довершеніе всего, нужно отдать справедливость генеральному штабу: большинство его были люди честные, не желавшіе пользоваться какими-нибудь косвенными доходами, и потому негодовавшіе на Евдокимова, человѣка совсѣмъ другихъ воззрѣній... А сдѣлать ничего не могли: главнѣйшія хозяйственныя распоряженія, гдѣ, такъ сказать, пахло жаренымъ, дѣлались самимъ командующимъ войсками, при посредствѣ своихъ, практическихъ людей, въ родѣ Грачева, Захарова и другихъ, а штабу предоставлялось все оформливать на бумагѣ.—Пока не существовало штатной должности начальника штаба, такой порядокъ встрѣчалъ, конечно, гораздо меньше затрудненій, и съ двумя-тремя офицерами, занимавшими штабныя должности временно, безъ утвержденія высочайшимъ приказомъ, стѣсняться не приходилось; но съ утвержденіемъ штата и назначеніемъ генерала начальникомъ штаба, должны были явиться нѣкоторыя усложненія, препятствовавшія свободному ходу операцій по хозяйственной части...

Никакихъ подробностей въ этомъ отношеніи сообщить я не могу: при всей близости къ ген. Евдокимову, ни къ какимъ хозяйственнымъ или частнаго характера дѣламъ я припускаемъ не былъ. Меня заваливали кучей работы, и все экстренной; мнѣ такъ часто приходилось разъѣзжать то съ начальствомъ, то одному, что всѣ эти дѣла о заготовкѣ сѣна, перевозкѣ провіанта, постройкѣ укрѣпленій и мостовъ, содержаніи милицій и т. п. меня вовсе не интересовали, и хотя, какъ дежурнаго штабъ-офицера, казалось бы, все это должно было прямо меня касаться, но я былъ собственно отрядный дежурный штабъ-офицеръ; на мѣстѣ же, въ штабѣ, всѣ эти дѣла шли мимо меня. Для нихъ, до назначенія упомянутаго въ 1-й главѣ Гончарова, были свои люди: Грачевъ, очень бойкій, дѣловой (въ смыслѣ канцелярскомъ) человѣкъ,

хорошій товарищъ, не дуракъ выпить, загнуть уголъ и на семь кушей, оказавшійся вполнѣ соотвѣтствующимъ взглядамъ Евдокимова. Другой— Захаровъ, изъ писарей, тоже человѣкъ толковый, весьма приличный, исполнявшій обязанность штабнаго казначея, слѣдовательно вписывавшій все въ приходо-расходныя книги, служившія, какъ извѣстно, для подведенія гладкихъ итоговъ и наполненія затѣмъ архивовъ. Третій и четвертый, которыхъ вспоминаю, были своего рода инженеры: Серченко, подпоручикъ Навагинскаго полка, изъ кондукторовъ, и Лауданскій— Куринскаго полка, изъ сосланныхъ, кажется, Поляковъ, исключительно занятые по строительной части, заготовкѣ лѣсныхъ и другихъ матеріаловъ, по исполненію разныхъ работъ для начальства и проч. Всѣ эти лица имѣли непосредственныя сношенія съ командующимъ войсками.

Изъ всѣхъ операцій извлекались крупные доходы, это несомнѣнно; хотя молва, какъ водится, преувеличивала и размѣры суммъ, и украшала фантастическими вымыслами самые способы извлеченія выгодъ. Къ числу доходныхъ статей принадлежала, напримѣръ, милиція, которую содержали на половину, или быть можетъ и на двѣ трети меньше, чѣмъ отпускалось на нее денегъ; но, во первыхъ, жалованье милиціонера составляло всего 15 к. въ день, слѣдовательно, если бы ихъ даже 500 человѣкъ существовало лишь на бумагѣ, то это составило бы 75 р. въ день, въ теченіе шести мѣсячнаго періода дѣйствій (лѣтомъ милиція оставлялась въ незначительномъ числѣ)—сумма не столь уже крупная, особенно при необходимости удѣлять изъ нея и другимъ. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, большихъ подробностей подобныхъ операцій я не зналъ, и потому очень можетъ быть, что я ошибаюсь въ расчетѣ, и къ деньгамъ на жалованье слѣдовало бы прибавить еще какіе нибудь кормы натурою. Это однако не измѣняетъ послѣдующаго вывода. Во вторыхъ, изъ этой суммы дѣлались расходы, необходимые для пользы дѣла, на которое казна не отпускала ничего или слишкомъ мало. Напримѣръ, въ разныхъ пунктахъ, выдвинутыхъ впередъ къ сторонѣ непріятеля, воинскіе начальники не могли обходиться безъ лазутчиковъ, безъ сношеній съ ближайшими аулами сомнительной покорности и вообще разными туземцами. Всѣ эти люди привыкли къ угощеніямъ, подаркамъ, и безъ этого никакой услуги отъ нихъ ожидать было нельзя. Откуда же какому нибудь батальонному командиру, кромѣ своего скуднаго содержанія ничего не имѣющему, да еще семейному, обязанному большую половину этого содержанія оставлять въ распоряженіе семьи гдѣ нибудь въ Владикавказѣ, Грозной или другой крѣпости, брать средства на эти уго-

щенія и подарки? Евдокимовъ, самъ прошедшій службу съ нижняго чина во всѣхъ возможныхъ должностяхъ, хорошо знавшій, что безъ косвенныхъ путей у насъ ничего не подѣлаешь, допускалъ и въ этихъ случаяхъ такіе пути: онъ давалъ какому нибудь воинскому начальнику 10, 20 милиціонеровъ, смотря по занимаемому пункту или расположенію къ лицу, а тотъ держалъ двухъ-трехъ для разсылокъ съ бумагами или въ качествѣ переводчиковъ, а деньги на остальныхъ оставлялъ въ своемъ распоряженіи и употреблялъ на сказанные выше расходы, соблюдая въ свою очередь возможную экономію и оставляя себѣ нѣсколько рублей. Командующему войсками отпускалась, кромѣ того, экстраординарная сумма, изъ которой онъ тоже удѣлялъ часть другимъ начальникамъ отрядовъ; но эта сумма давалась въ безотчетное распоряженіе, и никто даже не думалъ считать предосудительнымъ употреблять ее по собственному усмотрѣнію, хотя бы и на свои потребности.

Вотъ подобныя дѣла, кто не зналъ самой сути, считались наглымъ плутовствомъ и обращались въ анекдоты объ Евдокимовѣ. Конечно, строго судя, такія дѣйствія слѣдуетъ отнести къ противузаконнымъ, не подобающимъ понятію о честной службѣ. Но пусть читатель не судитъ строго, пусть онъ не забываетъ, что вѣками привитое народу воспитаніе превратилось въ нѣчто природное, впитавшееся въ кровь и мозгъ; что въ тѣ времена, съ верху до низу, отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, во всѣхъ сферахъ происходило тоже, да еще безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, неизбѣжно существующихъ въ военное время. Пусть читатель не забываетъ, что изъ поколѣнія въ поколѣніе Русскій служилый людъ видѣлъ все одни и тѣже примѣры эксплуатированія казны въ свою выгоду; а исключенія, весьма рѣдко встрѣчавшіяся, общимъ кликомъ признавались дураками, нерѣдко даже офиціально преслѣдовались, или теряли свою поучительную силу, потому что зло, ими лично не творимое, велось ихъ приближенными, ихъ подчиненными и довѣренными лицами еще въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Тогда не было еще ни печати съ ея обличеніями, ни гласныхъ судовъ, ни кореспондентовъ, ни стольскихъ людей, вынесшихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній другія убѣжденія, ни того духа времени, выразившагося въ возбужденіи общественнаго вниманія къ дѣламъ, съ заявленіемъ сочувствія или негодованія къ офиціальнымъ лицамъ; и неудивительно, что хищенія творились большинствомъ почти безъ сознаніи всей ихъ преступности, какъ нѣчто само собою разумѣющееся и, нужно сказать, узаконенное молчаливымъ одобреніемъ самаго правительства,—особенно въ военномъ вѣдомствѣ...

Кто же не зналъ, что командиры полковъ и батарей, начальники инженеровъ и вообще чѣмъ либо завѣдующіе пользуются выгодами и пріобрѣтаютъ капиталы? Развѣ ихъ преслѣдовали правительство или общественное мнѣніе? Напротивъ, хорошій офицеръ, т. е. по манежу, плацпараду обратившій на себя вниманіе на смотрахъ, назначался полковымъ командиромъ, чтобы «дать ему возможность поправиться»—стереотипное выраженіе, употреблявшееся въ высшихъ сферахъ до послѣдняго времени. Въ арміи и въ гвардіи, на окраинахъ и внутри государства, сверху до низу воцарилась такая система. Населенныя имѣнія, дома въ городахъ, разныя крупныя имущества пріобрѣтались командирами на глазахъ у всѣхъ, и къ нимъ относились съ полнымъ уваженіемъ съ одной и съ завистью съ другой стороны. Еще курьезнѣе: тоже общество, даже и въ тѣ времена, вѣдь съ презрѣніемъ относилось къ комисаріатскимъ, провіантскимъ хищникамъ, или къ взяточникамъ изъ судебно-полицейской сферы, и сами военные на нихъ также презрительно съ высоты смотрѣли, не замѣчая своихъ собственныхъ поступковъ...

Да, вѣдь, и вообще возьмите списокъ нашихъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, состоятельныхъ людей, развѣ не наполовину будутъ они результатами хищеній въ той или другой формѣ? Развѣ въ до-Петровской эпохѣ не творились страшныя хищенія въ видѣ взятокъ, вымогательства и почти открытаго грабежа цѣлыхъ волостей и областей? Развѣ въ послѣ-Петровской эпохѣ главныя дѣйствующія лица въ государственномъ управленіи не наживали милліоновъ посредствомъ продажности и подъ часъ самыхъ наглыхъ хищеній? Наконецъ, будемте откровенны: развѣ не до нашихъ дней продолжается все тоже, въ размѣрахъ еще бóльшихъ? Въ какихъ только видахъ не совершались въ послѣднюю четверть вѣка расхищенія народнаго достоянія? И концессіями на желѣзныя дороги, и субсидіями разнымъ дутымъ предпріятіямъ, и постройками негоднаго флота, и по части вооруженія арміи, и по части ея продовольствія, и по части ея лѣченія, и раздачею земель, заповѣдныхъ лѣсовъ, и созданіемъ синекуръ, и назначеніемъ крупныхъ пенсій, арендъ, пособій—не по закону, не по заслугамъ!.. И все это уже въ такое время, когда и бюджеты якобы стали публиковаться, и «благодѣтельная гласность» возымѣла свое дѣйствіе, и образовалось нѣчто въ родѣ общественнаго мнѣнія и вниманія къ государственнымъ дѣламъ, и даже правительство какъ бы находило нужнымъ соображаться съ мнѣніемъ общества...

Какъ же послѣ всего этого строго судить людей, которые тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, не выдѣляясь изъ общаго круга, наживались на казенный счетъ? Тѣмъ болѣе снисходительно нужно от-

носиться къ такимъ, которые по крайней мѣрѣ окупали свою дурную сторону полезною дѣятельностью въ порученномъ имъ дѣлѣ, тогда какъ остальные и не меньше хватали изъ казеннаго сундука, и никакой пользы не приносили, даже, напротивъ, дѣлали одни глупости и промахи. Вотъ потому именно и не слѣдуетъ бросать грязью въ имя генерала Евдокимова, заслуги коего въ дѣлѣ покоренія Кавказа очень велики и несомнѣнны. Такъ смотрѣлъ на это и князь Барятинскій.

Разсказывали, что Д. А. Милютинъ, вскорѣ по назначеніи начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи, настойчиво представлялъ князю Барятинскому о вредѣ оставленія Евдокимова командующимъ войсками, потому что онъ своими злоупотребленіями, кромѣ ущерба казнѣ, подаетъ дурной примѣръ войскамъ; но князь отвѣчалъ: «Евдокимовъ украдетъ сто рублей, а пользы принесетъ на десять тысячъ; другой же украдетъ только десять рублей, или хоть и ничего, но вреда сдѣлаетъ на сто тысячъ».

И совершенно правъ былъ князь Барятинскій; ибо, съ одной стороны, если Евдокимовъ, предположимъ, попользовался за всю свою службу милліономъ рублей *), то, благодаря ему, окончаніе Кавказской войны даже однимъ годомъ ранѣе уже приносило намъ десять милліоновъ сбереженія. Съ другой стороны, были такіе генералы, которые дѣйствительно сами ничего не крали, но и пользы никакой не приносили, а окружающія ихъ лица преспокойно крали, и казна, очевидно, была въ двойной потерѣ. Были и такіе, которые крали не меньше Евдокимова, но, благодаря своимъ фамиліямъ и связямъ, очень ловко маскировались... Я зналъ на Кавказѣ одно исключеніе, и тотъ былъ не Русскій:—князь Моисей Захаровичъ Аргутинскій-Долгорукій, Армянинъ; онъ и пользу приносилъ, и ничего не хапалъ, не только противузаконно, но даже *по закону*; да и подчиненнымъ не особенно легко хапалось при немъ...

Возвращаюсь къ Рудановскому. Былъ онъ очень скупъ и копилъ деньжонки, что̀ и оказалось послѣ смерти; но ни малѣйшаго повода заподозрѣвать его въ злоупотребленіяхъ я не имѣю. Говорили, будто бы онъ отказался подписать расходныя статьи въ шнуровыхъ книгахъ по содержанію милиціи и, по своему обыкновенію, швырнулъ ихъ въ лицо Захарову; но сей однако, по приказанію Евдокимова, вторично принесъ и оставилъ ихъ сердитому начальнику штаба на его столѣ, вложивъ между листовъ 1000 р., послѣ чего статьи оказались подписанными; но за вѣрность разсказа я не только не ручаюсь, но даже скорѣе думаю, что это былъ вымыселъ, тѣмъ болѣе

*) Въ дѣйствительности я не думаю, чтобы онъ хватилъ и половину милліона.

возможный, что Рудановскаго всѣ ненавидѣли и, конечно, рады были, чѣмъ-нибудь насолить ему.

Не пробылъ однако «Самоваръ-паша» долго на Лѣвомъ крылѣ. Сначала генералъ Евдокимовъ сплавилъ его изъ Грозной во Владикавказъ, подъ предлогомъ ближайшаго наблюденія за ходомъ организаціи штаба и сліянія бывшаго центра Кавказской линіи съ Владикавказскимъ округомъ и Лѣвымъ флангомъ. Тутъ онъ свирѣпствовалъ неустанно въ сферѣ военно-бюрократической, разыгрывая роль Юпитера въ отсутствіе Евдокимова; а этотъ былъ очень радъ, что сбылъ его съ глазъ долой и большую часть времени проводилъ въ отрядахъ и въ Грозной. Затѣмъ Рудановскій былъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками Праваго крыла, гдѣ въ 1860 году самостоятельно распоряжался значительною массою войскъ, направленныхъ туда послѣ покоренія Восточнаго Кавказа. Здѣсь онъ не выказалъ особенныхъ способностей и настойчивости въ достиженіи предположенной цѣли; движеніе впередъ производилось слишкомъ медленно, съ преувеличенною осторожностью; дѣло видимо грозило затянуться на долго, а между тѣмъ неудовольствія въ войскахъ возбудилъ онъ безконечныя. Само собою, главная вина въ этомъ случаѣ должна была падать на генерала Филипсона, какъ командующаго войсками, по указаніямъ котораго долженъ былъ дѣйствовать Рудановскій; но de facto послѣднему была предоставлена совершенная свобода дѣйствій, и если успѣхъ не соотвѣтствовалъ даннымъ г. Филипсону большимъ средствамъ, то именно по винѣ Рудановскаго.

1860-й годъ и былъ финаломъ Кавказской службы этого генерала: его перевели въ Россію командовать дивизіею и вскорѣ, во время Польскаго возстанія, ему пришлось выказать свою неспособность быть самостоятельнымъ, овладѣть обстоятельствами и не растеряться. Нафанатизованная толпа двигалась, кажется, изъ-за Австрійской границы, подъ видомъ церковной процессіи, чрезъ мостъ, занятый нашимъ карауломъ, и въ виду цѣлаго отряда оттѣснила этотъ караулъ а Рудановскій растерялся и не зналъ, что̀ дѣлать. Вышелъ какой-то скандалъ; войска наши были поставлены сбродомъ въ смѣшное положеніе... Рудановскаго зачислили по запасамъ.

Такъ разсказывали объ этомъ на Кавказѣ; но очень быть можетъ, что Рудановскій и не могъ иначе поступить, въ виду жалкой слабости, овладѣвшей тогда Варшавскими властями.

Впослѣдствіи онъ опять командовалъ дивизіею, и, какъ говорили, не могъ воздержаться отъ грубаго, дерзкаго обращенія съ подчиненными, что̀ и было причиною вторичнаго отчисленія въ запасъ. Затѣмъ онъ лѣчился за границею и тамъ умеръ въ 1878 году, завѣ-

щавъ похоронить себя въ родномъ Черниговѣ и пожертвовавъ свой капиталъ Нѣжинскому Лицею, въ которомъ воспитывался.

Я распространился о Рудановскомъ потому, что это былъ долго на Кавказѣ прослужившій и достаточно извѣстный тамъ человѣкъ, принадлежавшій къ категоріи тѣхъ, которыхъ молва въ злоупотребленіяхъ не обвиняла, а, напротивъ, сами они находились въ числѣ обвинителей. Нужно однако сказать, что по многолѣтнимъ наблюденіямъ я пришелъ къ такому заключенію: девять десятыхъ изъ обвинителей были безупречны—пока не получали въ командованіе отдѣльной части; во всѣхъ другихъ должностяхъ, хотя бы и представлялась возможность пользоваться незаконными доходами, они считали безчестнымъ допустить какое-нибудь злоупотребленіе, но пользоваться выгодами отъ командованія полкомъ не упускалъ никто: ни генеральный штабъ, ни аристократы богатые и бѣдные, ни скороспѣлые карьеристы, за весьма рѣдкими исключеніями, въ родѣ князя Семена Воронцова или А. И. Барятинскаго, за которыхъ пользовались ихъ казначеи и квартирмейстеры. До такой степени узаконилось и освятилось обычаемъ считать командованіе военною частью наградою, даваемою именно съ цѣлью доставить случай матеріальнаго обезпеченія!

Вся разница была въ томъ, что нѣкоторые все прокучивали и проигрывали, а другіе сберегали, какъ обезпеченіе въ будущемъ; но у первыхъ полкъ почти всегда былъ въ самомъ плачевномъ хозяйственномъ положеніи, а у вторыхъ въ исправности, что весьма понятно: первые были дѣти протекціи, а вторые—достигшіе всего трудами, мужествомъ, службой серьозной. Все это я могу подтвердить самыми убѣдительными примѣрами изъ эпохи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, приведя по имени почти всѣхъ командировъ, извѣстныхъ каждому служившему тогда на Кавказѣ. Увѣренъ однако, что и безъ этого оспаривать меня не будутъ, если захотятъ отрѣшиться отъ всякаго пристрастія.

Чтобы покончить съ вопросомъ о хищеніяхъ, какъ принято называть теперь, или съ «изнанкой,» какъ говорилось въ 60-хъ годахъ, долженъ сказать еще одно: ничто такъ заразительно не дѣйствовало въ этомъ отношеніи, какъ совершенное отсутствіе вниманія къ казенному интересу со стороны высшаго правительства, вниманія дѣйствительнаго, а не бумажнаго, въ которомъ недостатка никогда не было,—и полнѣйшее равнодушіе общества и къ казенному интересу, и къ нравственности служащихъ лицъ. Разныя высокопоставленныя лица, владѣвшія огромными собственными средствами, если не думали пользоваться чѣмъ нибудь для себя, не задумывались однако швырять казенными деньгами на право и на лѣво самымъ лег-

комысленнымъ и даже незаконнымъ способомъ. Благодѣтельствовать, пріобрѣтать приверженцевъ, слыть щедрымъ—все это, конечно, заманчиво и даже похвально, но только на свой счетъ, а не на казенный, т. е. народный, добытый трудами и потомъ милліоновъ бѣдныхъ людей. Удовлетвореніе всякой своей фантазіи, хотя-бы и имѣвшей основаніемъ якобы общественную пользу, не встрѣчало препятствій, и сотни тысячъ казенныхъ денегъ летѣли въ воду или болото, къ соблазну массы низшихъ служащихъ и частныхъ лицъ, почти всегда болѣе практическихъ и понимавшихъ всю суетность дорого стоющихъ затѣй. На каждомъ шагу у насъ наталкиваешься на должности, учрежденія, зданія и т. п., вызывающія удивленіе къ безшабашному транжиренію казенныхъ денегъ. Разсказы и анекдоты, по мѣрѣ удаленія отъ своего источника увеличивающіеся до невѣроятныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе весьма сильно дѣйствующіе на массу, окончательно вселяютъ и поддерживаютъ убѣжденіе, что казна—какая-то миѳическая корова, которую только лѣнивый дуракъ не доитъ!...

И еще: лица, всѣмъ давно извѣстныя за отъявленныхъ хапуновъ, преспокойно оставались на своихъ мѣстахъ, получали чины, ордена и даже *денежныя* награды отъ правительства, почетъ и изысканные пріемы отъ общества. Да что говорить о прошедшемъ? Тоже продолжается и по днесь и будетъ, вѣроятно, продолжаться еще долго, служа подтвержденіемъ извѣстной Русской поговорки: «не нами началось, не нами и кончится».... Историческія условія развитія государства, дѣйствовавшія столько вѣковъ, потребуютъ и чрезвычайныхъ условій, и весьма продолжительнаго времени, чтобы искоренить все привитое Россіи зло. Да и въ одной-ли Россіи такъ?...

Меня могутъ упрекнуть въ противорѣчіи, потому что я не высказалъ симпатіи къ генераламъ Нейдгарту и Муравьеву (въ первыхъ двухъ томахъ «Двадцати пяти лѣтъ»), хотя они усердно взялись за сокращеніе расходовъ и вообще за бережливость въ расходованіи казенныхъ денегъ, а также и потому, что оправдываю генерала Евдокимова, находя вѣрнымъ взглядъ на него князя Барятинскаго, выраженный въ вышеприведенномъ отвѣтѣ Д. А. Милютину. Но это противурѣчіе только кажущееся. У Муравьева и Нейдгарта, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ слабыхъ сторонъ, какъ главнокомандующихъ, не то было дурно, что они радѣли объ интересахъ казны, а то что они брались за это дѣло не съ надлежащаго конца и слишкомъ мелочно, да притомъ и не во́ время. Гдѣ слѣдуетъ не жалѣть средствъ для достиженія хорошаго результата, тамъ скупость вредна; тамъ гдѣ главному начальнику обширнаго края и цѣлой арміи масса важнѣйшихъ дѣлъ и заботъ, смѣшно заниматься разсмотрѣніемъ дѣла объ отпущен-

ныхъ какому нибудь прапорщику прогонныхъ деньгахъ. Что-же касается Евдокимова, то, весьма естественно, что нельзя было обрушиваться на него одного, когда такихъ и на Кавказѣ и во всей Россіи былъ легіонъ, и изгонять человѣка, очевидно приносящаго громадную пользу, сто кратъ покрывающую тотъ вредъ, какой онъ приносилъ, извлекая себѣ выгоды на счетъ казны. Вѣдь это было бы верхъ неблагоразумія и несправедливости!

Наконецъ, еще обстоятельство, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду при обвиненіяхъ за пользованіе «благоразумными экономіями». Судьба каждаго служащаго, особенно въ военномъ вѣдомствѣ, поставлена въ полную зависимость отъ его начальника: первый капризъ, сплетня, недоразумѣніе, желаніе дать мѣсто родственнику или прихвостню, просто непонравившаяся физіономія, - и человѣкъ, прослужившій нѣсколько десятковъ лѣтъ, ни къ какой другой дѣятельности не подготовленный, обремененный семействомъ и разстроеннымъ здоровьемъ, могъ летѣть въ запасныя войска, или состоять по арміи, т. е. кромѣ нравственнаго наказанія нести и матеріальное, лишаясь средствъ существованія; а выходъ въ отставку давалъ такую пенсію (напр. полковнику, командовавшему частью, за 35 лѣтъ службы, 570 рубл. въ годъ!...), съ которой можно было почти съ голода умереть. Какъ-же тутъ строго отнестись къ человѣку, который, подражая всѣмъ своимъ предшественникамъ и сверстникамъ, приберегалъ на черный день средства къ жизни и послѣ много разъ, предъ живыми примѣрами, долженъ былъ сознавать, какъ благоразумно поступилъ, скопивши коечто, а то пришлось бы, пустивъ семью по міру, хоть руки протягивать...

А главнѣйшее оправданіе все таки составляетъ духъ времени, съ его вкоренившимися взглядами. Кто, напримѣръ, полвѣка тому назадъ возмущался пытками и пристрастными допросами людей, подозрѣваемыхъ въ какомъ нибудь преступленіи? Кто возмущался тридцать лѣтъ тому назадъ сѣченіемъ солдатъ за всякій проступокъ розгами и шпицрутенами по нѣскольку тысячъ ударовъ, или кого приводило въ особое озлобленіе всыпываніе кадетамъ по нѣскольку сотъ розогъ за пустякъ, за который теперь едвали сдѣлаютъ рѣзкое замѣчаніе? Развѣ не совершенно равнодушно относились къ такому варварству, развѣ кто нибудь обвинялъ людей, приказывавшихъ производить такія экзекуціи, если онѣ не выходили за предѣлы дозволеннаго или общепринятаго? Таковы были взгляды и обычаи, такъ были убѣждены въ неизбѣжности палочной системы. Возмущались и негодовали нѣсколько избранныхъ натуръ, считаемыхъ всегда и вездѣ идеалистами, пока ихъ идеи не пробьютъ себѣ путей въ общее созна-

ніе. Инквизиція, крѣпостное право, система застѣнковъ и жестокихъ наказаній, привилегіи разныхъ сословій и многое изъ стараго общественнаго строя, считаемое нынѣ немыслимымъ, въ свое время совершалось какъ законное, необходимое.

Тоже было и съ разными злоупотребленіями въ военномъ вѣдомствѣ не далѣе двадцати лѣтъ назадъ. Доходъ полковаго командира считался просто законнымъ, и никто не думалъ его скрывать. Измѣнились взгляды, настало другое время, министерство Д. А. Милютина выступило противъ этого обычая введеніемъ хозяйственныхъ комитетовъ и разныхъ другихъ мѣръ, ограничивающихъ сферу экономическихъ дѣйствій командировъ; значительно увеличили ихъ содержаніе; и съ тѣхъ поръ уже экономіи начали считаться злоупотребленіями, преслѣдуемыми и закономъ и общественнымъ мнѣніемъ.

На сколько всѣ эти мѣры достигли цѣли, вопросъ другой. Недавняя война, къ сожалѣнію, показала, что «вливать новое вино въ старые мѣхи» безполезно, что нужно полное перевоспитаніе общества для того, чтобы прекратились вѣковыя болѣзни общественнаго организма; законы же—крайне слабое средство противъ зла. Но все же теперь во взглядахъ произошелъ радикальный переворотъ, и всѣ понимаютъ преступность всякихъ экономій и прибылей на счетъ казны; всѣ прозрѣли и уже иначе относятся къ подобнымъ дѣламъ. *Теперь* общественному мнѣнію дѣйствительно слѣдуетъ безъ жалости казнить изобличаемыхъ въ злоупотребленіяхъ, ибо всѣ смягчающія ихъ вину обстоятельства исчезли. Но обрушиваться на давно прошедшее не только безполезно но и несправедливо.

Слѣдующія главы этихъ Воспоминаній появятся въ Русскомъ Архивѣ 1885 года. Разсказъ А. Л. Зиссермана относится ко времени, когда управлялъ Кавказомъ князь А. И. Барятинскій. Приводимъ характеристику этого лица, сдѣланную тѣмъ же авторомъ въ 3-мъ томѣ его „Исторіи Кабардинскаго полка". Подобныхъ страницъ немало въ этомъ превосходномъ трудѣ, который исполненъ живой занимательности не для однихъ только военныхъ людей, будучи въ сущности исторіею покоренія Кавказа. П. Б.

КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ, ПОЛКОВОЙ КОМАНДИРЪ.

Въ концѣ 1849 года князь Барятинскій сдалъ полкъ полковнику Егору Ивановичу Майделю и уѣхалъ въ Петербургъ; но высочайшаго приказа объ отчисленіи отъ командованія еще не было, и онъ состоялся только 8-го Апрѣля 1850 г. Подробная характеристика князя возможна только вмѣстѣ съ полною его біографіею, а это должно составить совсѣмъ особый трудъ. Я ограничусь здѣсь лишь краткимъ очеркомъ князя Барятинскаго, какъ полковаго командира.

Князь Барятинскій принялъ полкъ относительно молодымъ человѣкомъ, — 33-хъ лѣтъ; но у него было столько врожденныхъ способностей, что онѣ замѣняли и недостатокъ солиднаго образованія, и недостатокъ опытности. Смѣлость въ дѣйствіяхъ, не только военныхъ, но вообще въ службѣ и жизни, необычайный тактъ, умѣніе узнавать людей и пользоваться ими, умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ, вліять на толпу, заставлять ее повиноваться себѣ, бояться себя, не прибѣгая ни къ крикамъ, распеканіямъ, жестокостямъ, ни къ надоѣдливой педантической регламентаціи всякаго шага, обдуманность, наконецъ, всякаго своего поступка, всякаго слова, которое онъ собирался произносить въ роли начальника, все это выдвигало его изъ ряда обыкновенныхъ, заурядныхъ людей. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить счастливую наружность, производившую немалое обаяніе, большое состояніе, дававшее возможность быть щедрымъ, связи и покровительство высокихъ сферъ, создавшія въ немъ крѣпкую вѣру въ свою счастливую звѣзду.

Во время командованія полкомъ, утративъ уже отчасти блескъ и свѣжесть молодости, князь Барятинскій началъ держать себя старикомъ, ходилъ немного сгорбившись, въ длиннополомъ сюртукѣ толстаго сукна (введенномъ на Кавказѣ въ моду княземъ Воронцовымъ), прихрамывалъ и жаловался на подагру. Онъ въ то время уже проявлялъ свою непреклонную волю, свою настойчивость въ выполненіи заду-

28*

маннаго, которыя были причиною и его всѣхъ послѣдующихъ успѣховъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ ту эпоху командиръ Кабардинскаго полка былъ лицомъ съ важнымъ значеніемъ и обширнымъ кругомъ дѣятельности: онъ вѣдь командовалъ и всѣми войсками, находившимися на Кумыкской плоскости, и управлялъ туземцами, и начальствовалъ отдѣльными отрядами, дѣйствовавшими самостоятельно при движеніяхъ въ Аухъ, на Мичикъ или Гудермесъ; онъ вѣдалъ и всѣ работы, постройки, отвѣчалъ за отпускаемыя суммы, отчеты инженеровъ и проч. Слѣдовательно, уже были случаи проявлять не только личную храбрость, или способности полковаго командирства, но и административныя, распорядительныя соображенія, умѣніе дѣйствовать при сознаніи отвѣтственности. Онъ тогда уже носился съ мыслями, какъ слѣдуетъ повести дѣло, чтобы достигнуть цѣли и окончить вѣковую борьбу на Кавказѣ, казавшуюся многимъ, даже умнымъ людямъ, безконечною. Чрезъ десять лѣтъ, бывши главнокомандующимъ, онъ тѣже мысли и планы привелъ въ исполненіе, вспоминая иногда о Хасавъ-юртѣ и времени рожденія этихъ предположеній.

Занимательный собесѣдникъ, анекдотистъ, поклонникъ прекраснаго пола и хорошаго вина (въ маленькомъ, избранномъ кружкѣ, по вечерамъ), онъ былъ грозенъ въ дѣлахъ службы, особенно когда оставался чѣмъ нибудь недоволенъ. Старые боевые штабъ-офицеры трепетали предъ его наморщенными бровями, предъ его нѣсколько саркастическою, рѣзко-холодною рѣчью, указывавшею на сдѣланное упущеніе или отдававшею приказанія. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который умѣлъ бы такъ очаровывать своимъ ласковымъ обращеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить признавать себя старшимъ, внушающимъ уваженіе и повиновеніе. Съ удивительнымъ тактомъ пускалъ онъ въ ходъ эти двѣ пружины, вызывавшія въ подчиненныхъ боязнь прогнѣвить его и радость быть обласканнымъ; онъ управлялъ своими подчиненными не только какъ офицерами, но и какъ людьми, что составляло весьма рѣдкій талантъ, необходимый для высшихъ начальствующихъ лицъ. Иногда онъ спускался до уровня понятій бѣдныхъ офицеровъ, не видавшихъ въ жизни ничего, кромѣ полковаго штаба и казачьихъ станицъ, съ непритворнымъ, казалось, участіемъ входилъ въ ихъ мысли, становился на ихъ точку зрѣнія, и все это такъ тонко, такъ деликатно, что тѣ были въ восхищеніи, не замѣчая добродушнаго обмана. Въ такихъ случаяхъ, однако, онъ былъ крайне недоволенъ присутствіемъ кого либо изъ такихъ лицъ, которыя могли понять его неискренность.

Часто принимая къ себѣ на обѣды и вечера всѣхъ офицеровъ, вступая то съ тѣмъ, то съ другимъ въ разговоры, князь Барятинскій,

при своемъ рѣдкомъ умѣніи заглядывать въ душу человѣка, узнавалъ всѣхъ, оцѣнивалъ ихъ способности и безошибочно употреблялъ каждаго на то дѣло, на которое онъ былъ пригоденъ. А эти оригинальные балы, только и возможные при тогдашней Кавказской обстановкѣ, которые онъ давалъ нерѣдко?! Балы, возбуждавшіе въ молодежи самыя радостныя, фантастическія иллюзіи особыхъ чувствъ наслажденія жизнью, такъ гармонировавшіе съ окружающею природою и съ ежечасною готовностью рисковать головою. Могли ли офицеры не дорожить командиромъ, который доставлялъ имъ такія удовольствія, для иныхъ совершенно новыя, невиданныя, для другихъ—воспоминанія о прежней, столичной жизни!..

Само собою, большинство офицеровъ искренно любили своего командира и готовы были съ нимъ въ огонь и въ воду; о солдатахъ нечего и говорить: щедрый и храбрый человѣкъ всегда ихъ кумиръ. Но, какъ водится, были и недовольные, и обвинители. Роптали нѣкоторые, что онъ не жалѣетъ солдатъ, что̀ отчасти имѣло основаніе: князь Барятинскій мало принималъ во вниманіе физическія силы людей, увлекался мыслью о начертанномъ планѣ и гналъ его исполненіе, во что бы ни стало, при чемъ солдату приходилось мало отдыхать. Напримѣръ, чтобы въ теченіе недѣли не пропадали рабочіе дни, при спѣшномъ устройствѣ штабъ-квартиры, онъ приказывалъ всѣ оказіи и т. п. командировки посылать по воскресеньямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это была не его собственная выдумка, а господъ штабныхъ, къ числу которыхъ принадлежали нѣкоторые офицеры изъ воспитанныхъ на мѣдный грошъ, или — какъ ихъ называли — «изъ бурбоновъ», т. е. изъ фельдфебелей, не отличавшихся гуманностью, но умѣвшихъ услужить начальству такъ, какъ никогда ни одинъ мало мальски образованный человѣкъ не захочетъ и не съумѣетъ. Обвиняли князя еще за то, что онъ терпѣлъ наушниковъ. Дѣйствительно, наушники были, какъ они есть у всякаго начальства, желающаго знать что̀ происходитъ въ его части; но князь Барятинскій не вполнѣ довѣрялъ имъ, весьма часто даже зная о чемъ нибудь, не подавалъ виду, что ему извѣстно, а только становился осторожнѣе и наблюдательнѣе за оговореннымъ лицемъ. Наконецъ, обвинители порицали излишнюю строгость князя. Онъ, конечно, не скупился на выговоры и аресты, когда считалъ офицера провинившимся; но обвиненіе въ излишней строгости было совершенно неосновательно и исходило отъ избалованныхъ нѣкоторою распущенностью офицеровъ, не испытавшихъ дѣйствительной строгости, какая практиковалась въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ Кавказскихъ, не говоря о полкахъ расположенныхъ въ Россіи, гдѣ такіе командиры, какъ князь Барятинскій, были бы немыслимы — за свою

слабость. Если ему случалось иногда взыскать съ офицера по ошибкѣ, или ради извѣстнаго установленнаго принципа, онъ самъ же призывалъ наказаннаго, и съ присущимъ ему тонкимъ знаніемъ человѣческаго сердца и тактомъ, такъ ласково высказывалъ сожалѣніе о случившемся, что человѣкъ таялъ и не могъ не прощать ему, не могъ не сознавать, что имѣетъ дѣло съ отличнымъ человѣкомъ. И вся эта строгость не исключала крайней снисходительности къ проступкамъ, даже фамильярности съ большинствомъ офицеровъ. Примѣровъ этому можно бы привести множество; ограничусь двумя-тремя.

20-го Іюля 1849 года, на покосѣ праздновали ротный образъ 5-й карабинерной роты и имянины ея командира, Ильи Абрамовича Киселева. Какъ водится, всѣ порядочно кутнули, въ томъ числѣ и начальникъ охотничьей команды, незабвенный нашъ Николай Васильевичъ Богдановичъ. Послѣ обѣда, такъ какъ самыя опасныя мѣста уже были выкошены и въ большомъ прикрытіи не предвидѣлось надобности, охотничью команду и 4-ю карабинерную роту отпустили домой. Какъ на зло, съ ними возвращался въ Хасавъ-юртъ маркитантъ Перваковъ, у котораго оказалось нѣсколько бутылокъ отличнаго бѣлаго вина. 12-ть верстъ съ пѣхотой—три часа ходу, и вотъ командиръ 4-й роты капит. Властовъ съ батарейнымъ командиромъ, полковникомъ Алексѣевымъ, сидятъ на орудіи, ведутъ *серіозные* разговоры, а Богдановичъ ѣдетъ около нихъ верхомъ и слушаетъ. Все это сопровождается опорожниваніемъ одной бутылки за другою, такъ что, подойдя къ Хасавъ-юрту, всѣ были пьяны и особенно Богдановичъ, который однако, по принятому обычаю, отправился являться къ полковому командиру съ рапортомъ о благополучномъ прибытіи.

Князь Барятинскій былъ въ залѣ и конечно не ожидалъ увидѣть пьянаго начальника команды, а потому, на докладъ лакея, что пришелъ поручикъ Богдановичъ, сказалъ «проси». Можно себѣ представить его удивленіе, когда распахнулись двери и два солдата проворно ввели Богдановича подъ руки, поставили его къ стѣнкѣ и выскочили вонъ: самъ онъ уже не держался на ногахъ...

Князь только улыбнулся и послѣ обычнаго «все обстоитъ благополучно», произнесеннаго нетвердымъ языкомъ, спросилъ: «гдѣ это вы кутили?»

— 5-я карабинерная рота имянинница, ваше сіятельство.

«Хорошо, ступайте», сказалъ князь, любопытствуя видѣть, какъ Богдановичъ выйдетъ изъ комнаты.

— Силантьевъ! крикнулъ онъ вдругъ во все горло. И тѣже два солдата мигомъ выскочили изъ-за двери передней, схватили своего командира подъ руки и вывели вонъ...

Сцена эта до того понравилась князю, что онъ долго ее разсказывалъ и представлялъ въ лицахъ, съ замѣчательнымъ комизмомъ.

Но нужно же при этомъ сказать, что Богдановичъ былъ отличный, умный, способный, геройски храбрый офицеръ и прекрасный товарищъ. Онъ съ своей охотничьей командой совершалъ набѣги, забираясь далеко въ горы къ враждебнымъ ауламъ, ложился на тропинкахъ, по которымъ пробирались хищническія партіи на плоскость, нерѣдко встрѣчалъ ихъ залпомъ и ударомъ въ штыки, принося головы оставшихся въ нашихъ рукахъ хищниковъ. Этотъ нехорошій обычай, впрочемъ, былъ скоро уничтоженъ, тѣмъ болѣе, что солдаты дѣлали изъ головъ родъ торговли, отдавая ихъ за деньги родственникамъ убитыхъ, являвшихся для выкупа. Нужно отдать справедливость нашимъ солдатамъ, что какъ только Г. К. Властовъ въ своемъ баталіонѣ сдѣлалъ починъ и запретилъ отрѣзывать головы, какъ надругиваніе надъ тѣломъ убитаго, они вполнѣ поняли и согласились съ справедливостью такого распоряженія.

Никто въ полку не давалъ столько матеріала для анекдотовъ о князѣ Барятинскомъ, какъ нѣкто Тарасъ Павловичъ Ильченко, офицеръ произведенный изъ фельдфебелей, съ почти безобразною наружностью, краснымъ огромнымъ носомъ, съ тремя шишками, но самымъ лукаво-продувнымъ Малороссійскимъ умомъ. Онъ командовалъ фурштатами, завѣдывалъ разными хозяйственными отраслями, сѣнокосами и т. п. дѣлами, сопряженными съ денежными счетами и интересами полковаго командира. Прикидываться простоватымъ, почти глуповатымъ, якобы прямодушно-грубымъ и при томъ до самоотверженія берегущимъ интересы своего начальника,—извѣстный маневръ многихъ простыхъ людей, въ особенности изъ Малороссовъ, дѣйствовавшихъ съ большимъ успѣхомъ такимъ способомъ при высокопоставленныхъ особахъ изъ аристократіи. Ильченко съумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе и считаться безупречно-честнымъ человѣкомъ въ глазахъ князя. Какими путями онъ достигалъ этого, можно судить по слѣдующему примѣру. При недостаткѣ накошеннаго сѣна для полковыхъ лошадей, покупалось иногда оно у туземцевъ, привозившихъ на своихъ арбахъ сѣно въ Хасавъ-юртъ. Однажды Ильченко у воротъ укрѣпленія торговалъ сѣно; замѣтивъ, что идетъ князь Барятинскій, онъ, какъ будто не видитъ его, горячо съ Кумыкомъ сталъ спорить, торговаться, наконецъ взялъ клокъ сѣна въ ротъ и сталъ жевать. Въ эту минуту подошелъ князь Барятинскій, и Ильченко поспѣшилъ вытянуться и взять подъ козырекъ, какъ бы скрывая клокъ сѣна.

— Что это, вы сѣно ѣдите? спросилъ князь съ изумленіемъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, вотъ Татаринъ дорогую цѣну запрашиваетъ; увѣряетъ, что сѣно отличное, а я ему доказываю, что сѣно плохое, не сочное, покупаю только по нуждѣ для полковыхъ лошадей и желаю дешевле купить.

Князь Барятинскій улыбнулся и чуть-ли не повѣрилъ этой выходкѣ, потому что сказалъ пофранцузски бывшему съ нимъ (не помню, кто именно это былъ) офицеру изъ приближенныхъ: удивительный человѣкъ этотъ Ильченко; сѣно жретъ, чтобы выторговать въ мою пользу нѣсколько копѣекъ.

А между тѣмъ Ильченко полковое же сѣно показывалъ купленнымъ на сторонѣ и получалъ за него съ князя большія деньги!..

Когда у князя бывали балы, то приглашались всѣ полковыя дамы безъ исключенія, въ томъ числѣ и м-мъ Ильченко, здоровая, дебелая баба, подъ стать своему мужу, большая охотница до танцевъ. Когда ее выбирали въ мазуркѣ, она съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ и съ какою то грубою радостью бросалась въ плясъ, катясь какъ бочка. Мужъ стоялъ однажды въ дверяхъ залы и съ неподражаемой хохлацкой ироніей громко воскликнулъ: «Якъ копна сина валытъ!» Это было тотчасъ передано князю, и онъ, какъ большой охотникъ до подобныхъ шутокъ, долго смѣялся, повторяя это выраженіе.

Въ другой разъ Ильченко опять далъ случай князю посмѣяться. У него былъ очень болѣнъ ребенокъ, и князь Барятинскій принималъ въ этомъ участіе, посылалъ доктора и, кажется, какое-то гомеопатическое средство. Утромъ является Ильченко по службѣ; князь встрѣчаетъ его вопросомъ — «ну, что, какъ ребенокъ?»

— Очення боленъ, ваше сіятельство.

«Что-же, вы давали ему лекарство?»

— Ни, нашимъ дѣтямъ такія лекарства не годятся.

«Какъ не годятся, а чѣмъ-же вы его лечите?»

— Я ему настоялъ рѣдьки съ перцемъ — тѣмъ сокомъ поимъ; это помогаетъ; мы уже много разъ такъ дѣлали.

Когда вышелъ Ильченко, князь обратился къ бывшимъ у него въ это время офицерамъ съ выраженіемъ удивленія. «Что за натура у этихъ людей! Ребенку, въ горячкѣ, даютъ рѣдьку съ перцемъ!» и долго разсказывалъ о такомъ необыкновенномъ цѣлебномъ средствѣ и о такой натурѣ...

А Ильченко, само собою, вралъ, зная, что большой баринъ, при всемъ своемъ умѣ, простого народа совсѣмъ не знаетъ, и нѣтъ ничего легче какъ надувать его, надѣвъ маску почти дикости.

Ильченко пользовался покровительствомъ князя Барятинскаго и послѣ сдачи полка. Когда князь былъ начальникомъ лѣваго фланга, онъ вызывалъ Ильченку въ отрядъ и поручалъ ему завѣдываніе всѣми рабочими, рубившими лѣсъ, что̀ тотъ и исполнялъ исправно, не переставая, конечно, выкидывать свои штуки. Умеръ онъ въ чинѣ подполковника.

Что касается собственно военныхъ достоинствъ князя Барятинскаго, то ничего больше не остается сказать, какъ только: при блестящей личной храбрости, онъ обладалъ природнымъ военнымъ талантомъ, т. е. быстро схватывалъ характеръ мѣстности, также быстро создавалъ планъ предстоящаго дѣйствія и съ рѣшительностью приводилъ его въ исполненіе. Полная вѣра въ свое счастіе и въ несомнѣнный успѣхъ, надежда на прочность связей съ сильными міра, очевидно были главными его руководителями вездѣ и во всемъ. Да и какъ было этому баловню судьбы не вѣрить въ свою звѣзду?

Прощаніе его съ полкомъ носило характеръ Гомерическаго кутежа, о которомъ понятіе имѣемъ лишь мы, старые Кавказцы. Шампанское изъ турьихъ роговъ, тосты, сопровождаемые залпами изъ тысячи ружей боевыми патронами, выстрѣлями со всѣхъ батарей, шумъ пѣсенниковъ, толумбасовъ, музыка, крики ура, однимъ словомъ оргія грандіозныхъ размѣровъ и множество сценъ крайне-забавныхъ — для отуманенныхъ винными парами головъ, но безобразныхъ для глазъ трезваго человѣка. Таковы были времена и нравы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе всей боевой обстановкѣ, гдѣ ежеминутная опасность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ осуществляли нѣкоторымъ образомъ поговорку: «жизнь копѣйка».

На другой день послѣ кутежа, князь Барятинскій выѣхалъ чрезъ Герзель-аулъ и Куринское, прощаясь съ выставленными по дорогѣ ротами.

*

Послѣ изображенія вождя, помѣщаемъ описаніе солдатскаго быта на Кавказѣ изъ того же 3-го тома „Исторіи Кабардинскаго полка“.

КАВКАЗСКАЯ РОТА.

Рота была самостоятельная хозяйка, сама распоряжалась своими капиталами, покупала, расходовала, контролировала своихъ выборныхъ, была, однимъ словомъ, такая замѣчательная община, какой нигдѣ въ другихъ войскахъ, да и въ Русской арміи, не встрѣчалось. Кавказская рота, сложившаяся въ экономическомъ отношеніи, при особыхъ условіяхъ, почти совершенно свободно отъ начальственнаго вліянія, была своего рода артель, въ которой каждый членъ обязанъ заботой для всѣхъ, въ которой общее желаніе было закономъ и противъ коей не рѣшался возставать никто, ни фельдфебель, ни даже ротный командиръ, хотя вліяніе ихъ голоса все таки бывало весьма замѣтно. Великорусскій элементъ, съ его традиціонными воззрѣніями, порожденными общиной и артелью, легко ассимилировалъ значительное число Малороссовъ, поступавшихъ въ Кавказскія войска (нѣсколько же Казанскихъ Татаръ или Поляковъ составляли едва замѣтную частицу), и разногласія въ ротныхъ дѣлахъ не встрѣчалось. Отсюда извѣстное выраженіе: «рота большой человѣкъ», бывшее въ ходу на Кавказѣ, тоже чтò въ деревняхъ: «міръ — сила; кто можетъ противу міра идти?» — Рота въ такомъ видѣ, при тогдашней жизни и службѣ, была учрежденіемъ не только полезнымъ, экономическимъ, но и нравственнымъ: она возмущалась противъ всякой несправедливости, противъ воровства, противъ безобразій, берегла общее добро, вмѣстѣ съ тѣмъ была добродѣтельна, мягкосерда и съ нѣкоторымъ родомъ гордости, всегда готова была помочь въ нуждѣ, иногда великодушно простить провинившагося, — все, конечно, въ дѣлахъ ея хозяйства. И нужно сказать, что все это нимало не отзывалось на дисциплинѣ, на безропотности исполненія тяжелѣйшихъ требованій службы, на боевыхъ качествахъ; напротивъ, чѣмъ сильнѣе была общинная связь, чѣмъ стойчѣе рота защищала свои права, протестуя противъ неправильно задѣтыхъ ея интересовъ, противъ нарушенной ротной чести, тѣмъ болѣе

отличалась она въ боевомъ и вообще служебномъ отношеніяхъ. Никогда не было примѣра, чтобы какой нибудь протестъ, отказъ подчиниться распоряженію, не только ротнаго командира, даже фельдфебеля, касался служебнаго дѣла. Если иногда случалось что нибудь подобное (весьма впрочемъ рѣдко), называвшееся неумѣстнымъ именемъ ротнаго бунта, то только по дѣламъ экономическимъ, т. е. когда растрачивали ротныя деньги или припасы, расходовали ихъ безъ согласія, злоупотребляли, однимъ словомъ, властью...

Для многихъ, служба которыхъ началась въ новѣйшія времена, при измѣнившихся условіяхъ, при короткихъ срокахъ общей воинской повинности, мирномъ положеніи края, можетъ показаться не совсѣмъ понятнымъ, откуда являлось въ ротахъ такое обширное хозяйство, такія крупныя суммы денегъ; я поэтому нахожу не лишнимъ, для характеристики полка во времена давно минувшія, сказать объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Въ ротѣ были три разряда суммъ: а) на жалованье и аммуницію, б) собственныя солдатскія, приносимыя изъ рекрутства, отчисляемыя ежегодно изъ жалованья по 25% для выдачи при выходѣ въ отставку и т. п., в) съѣстная—харчевая. Первыя двѣ были священны, никто къ нимъ не касался, и не было случая ихъ растраты; но третья сумма—самая значительная, составлявшая въ теченіе года оборотъ отъ одной до полутора тысячъ рублей, отпускаемая по третямъ изъ казны, подъ названіемъ категорическихъ денегъ, смотря по мѣстности—5 р. 60 к. и 8 р. 40 к. на человѣка, находилась въ распоряженіи ротнаго командира, обязаннаго при фельдфебелѣ отпускать артельщику сколько потребуется на расходы по покупкѣ припасовъ, лошади, скота, телѣги и проч., что будетъ признано общимъ согласіемъ роты нужнымъ; и изъ этой-то суммы, какъ оборотной, то уменьшавшейся, то возраставшей, и производились займы.

Хозяйство заключалось главнѣйше въ огородахъ, рабочемъ скотѣ (онъ же убойный), въ лошадяхъ, сбруѣ и др. принадлежностяхъ походнаго движенія. Всякая рота имѣла съ собой три собственныя троечныя телѣги, щеголяя другъ предъ другомъ лошадьми и ухаживая за ними съ дѣтски-наивною нѣжностью; отъ казны въ ротѣ не полагалось ни одной лошади: ибо, по теоріи, солдатъ долженъ былъ въ походѣ на себѣ носить 4-хъ или 6-тидневный провіантъ, мундиръ, шинель и др. вещи, кромѣ вооруженія, шанцоваго инструмента, котелка, и въ полушубкѣ, длинныхъ сапожищахъ, подкованныхъ гвоздями, по горамъ, оврагамъ, лѣснымъ чащамъ, переправамъ въ бродъ, теорія оказывалась безчеловѣчною и просто неисполнимою, тѣмъ болѣе, что иногда, вмѣсто 4-хъ или 6-тидневнаго, за недостаткомъ пол-

ковыхъ лошадей, рота вынуждена была возить и весь десятидневный провіантъ, кромѣ капусты, соли, сала, муки, большихъ котловъ и т. п.

Задача ротнаго хозяйства сводилась къ тому, чтобы имѣть три тройки лошадей, штукъ сорокъ быковъ, съ семью-восемью возами, достаточное количество сѣна для прокормленія ихъ, отличный огородъ съ обильными запасами капусты и другихъ овощей, на всѣхъ людей хорошіе полушубки, папахи и прочные длинные сапоги, которыхъ казна до 1856 года тоже не отпускала. Всѣ работы производились общими силами и самымъ добросовѣстнымъ образомъ, потому что всякій понималъ значеніе покоса, огорода и проч. для своего благосостоянія; быки, игравшіе важную роль при работахъ и затѣмъ какъ продовольствіе, покупались на ярмаркахъ въ Моздокѣ и Георгіевскѣ, куда посылались выборные отъ ротъ люди, по пяти человѣкъ. Выборы были внѣ всякаго вліянія начальства, отчитывались предъ ротой и если случалась растрата (весьма рѣдко), то принимались въ уваженіе личность виновнаго, обстоятельства, показаніе людей другихъ ротъ бывшихъ на ярмаркѣ, и тогда слѣдовало прощеніе, послѣ чистосердечнаго раскаянія съ поклономъ въ ноги, или жаловались начальству и просили отдать виновнаго подъ судъ. Въ артельщики и повѣренные для покупокъ на линіи выбирались преимущественно люди, прослужившіе 10—15 лѣтъ, непьющіе, изрѣдка унтеръ-офицеры, хотя изъ молодыхъ, но исправныхъ, старавшихся заслужить ротѣ и просившихся на подобную командировку, чтобы прогуляться и пожить нѣсколько времени веселѣе; посланнымъ назначались отъ роты особыя деньги на ихъ расходы, и довольно щедро. Почти не было случая, чтобы выборные во зло употребили довѣріе роты.

Купленный скотъ все лѣто работалъ, возилъ сѣно, дрова, лѣсные матеріалы, капусту; осенью усиленно откармливался и въ Ноябрѣ частью убивался на солонину, приготовляемую на столько отличнаго качества, что щи съ нею были гастрономическимъ блюдомъ и для офицерскихъ желудковъ; остальной оставался на порціи, которыми солдаты лакомились по воскресеньямъ и праздникамъ. Вообще, на мѣстѣ люди ѣли отлично, въ волю, и все это обходилось чрезвычайно дешево, мясо напримѣръ копѣекъ 80 за пудъ! Потому-то и оставалось въ экономіи столько денегъ, что могли одѣвать всѣхъ людей въ отличные полушубки, высокія папахи съ разными верхами для различія ротъ, сапоги съ длинными голенищами, а лѣтомъ въ чадровыя (кумачевыя) шаровары.

Вотъ такой плотно сложившійся и самою жизнію развитый строй отношеній между командирами и людьми, при чемъ первые во все не мѣшались въ хозяйственную часть, создалъ типъ Кавказскаго войска

прежняго времени (въ старыхъ полкахъ и не безъ исключеній, конечно) типъ военной общины—продуктъ предоставленной ей относительной свободы, съумѣвшей устроить себѣ весьма сносную жизнь изъ такихъ ничтожныхъ средствъ, какъ 5 р. 60 к. на человѣка въ годъ. Эти же отношенія были причиной, что рота сложилась въ плотную боевую единицу, особенно неоцѣнимую въ малой войнѣ, и что командующіе офицеры большею частью пользовались полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Отсутствіе систематическихъ злоупотребленій по пользованію ротнымъ добромъ или ея рабочей силой хорошо было понимаемо солдатомъ, а случаи займовъ безъ ихъ вѣдома, при полной увѣренности, что это *заемъ* и непремѣнно возвращаемый, не считался ими наживой на ихъ счетъ; въ этой формѣ зло не имѣло того растлѣвающаго характера, какимъ отличались практиковавшіяся въ другихъ мѣстахъ злоупотребленія съ схороненными концами. Были въ этомъ отношеніи замѣчательные случаи, весьма характерные для уразумѣнія отношеній роты къ своему командиру. Такъ, 10-ю егерьскою ротою командовалъ поручикъ Трегубовъ, бывшій вѣчно въ долгу у роты; но на него никогда не только не было претензій, а напротивъ, однажды солдатъ его роты, бывши вѣстовымъ у полковаго командира, подслушалъ разговоръ, что баронъ (Л. П. Николаи) собирается внезапно провѣрить суммы 10-й роты, въ попыхахъ прибѣжалъ съ этимъ извѣстіемъ къ артельщику, тотъ объявилъ ротѣ, и порѣшили попросить денегъ у Михаила Ивановича, а Мих. Ив. Ивановъ былъ фельдфебель этой роты, кандидатъ, съ двумя нашивками, весьма уважаемый въ полку, степенный и капиталистъ. Трегубовъ ничего не знаетъ, дуется въ карты, а рота хлопочетъ какъ бы покрыть его грѣхи, и Михаилъ Ивановичъ съ удовольствіемъ положилъ въ ящикъ свои деньги, объявилъ обо всемъ Трегубову и кстати взялъ ящикъ изъ его квартиры къ себѣ въ ротную канцелярію, боясь, чтобы тотъ и остальныхъ не проигралъ. Само собою, нужно было быть Трегубовымъ, чтобы заслужить такую любовь роты, а все же это замѣчательная черта простаго Русскаго чеговѣка и доказательство, до какого нравственнаго развитія можетъ онъ достигнуть, даже въ строгой военной службѣ, при извѣстной долѣ разумной свободы, самодѣятельности и человѣчнаго къ нему отношенія. Можно ли было не уважать и не привязываться къ такимъ людямъ?

Еще примѣръ предоставленной ротной общинѣ свободы. Иногда, за какое-нибудь особенно блестящее дѣло съ непріятелемъ, главнокомандующій присылалъ въ распоряженіе начальника отряда Георгіевскіе кресты, для раздачи участвовавшимъ войскамъ въ опредѣленномъ размѣрѣ: два или три на роту, эскадронъ, сотню. Эти кресты

назывались голосными, потому что давались тѣмъ кто общимъ голосомъ роты будетъ выбранъ, въ отличіе отъ именныхъ, т. е. получавшихся по особымъ представленіямъ людьми, оказавшими особое отличіе. Эти голосные кресты доставались людямъ положительно по свободному выбору роты, безъ всякаго вмѣшательства и вліянія начальства и доставались безукоризненно - правильно трезвымъ, усерднымъ служакамъ, ничѣмъ неопороченнымъ; весьма рѣдкія исключенія бывали только въ случаѣ сильнаго неудовольствія роты на ближайшее начальство, и тогда давали крестъ кому-нибудь изъ горлановъ, запѣвалъ въ жалобахъ и претензіяхъ, но и то если онъ не былъ плохой или развратный солдатъ.

Дѣло въ томъ, что мы на Кавказѣ (особенно на лѣвомъ флангѣ) не сочиняли безчисленныхъ правилъ, уставовъ, регламентацій, жили какъ указывали условія жизни, имѣли всегда предъ глазами смерть, помнили, что солдатъ тоже человѣкъ, разумное существо, не обирали его, не гнушались имъ, не третировали его съ высока, не вгоняли въ него постояннаго страха, не могли, наконецъ, не уважать его, видя, какъ онѣ росъ вмѣстѣ съ опасностью, развивался нравственно и очевидно считалъ офицера своимъ наставникомъ и покровителемъ въ бою, старавшимси его уберечь отъ опасности. Были исключенія, но рѣдкія. Славное было время, и чувство особаго рода удовольствія испытывается теперь, на старости, вспоминая объ немъ, и объ этихъ бравыхъ молодцахъ, руками и грудью коихъ сломили мы вѣковое упорство Кавказскихъ джигитовъ, сломили самую грозную природу, какъ будто не хотѣвшую покориться пришельцамъ съ далекаго Сѣвера!.. Братскій, сердечный привѣтъ живущимъ и вѣчная память успокоившимся братьямъ-товарищамъ!.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КЪ РУССКОМУ АРХИВУ 1884 ГОДА.

КЪ КНИГѢ 1-й.

О родѣ Тимирязевыхъ (стр. 159).

Едвали происходитъ онъ отъ старшаго изъ трехъ братьевъ: Тимура, Юсуфа и Уруса. Утрата общности герба была бы необъяснима; но главное, кромѣ потери буквы *у*, откуда бы взялся тогда слогъ — *язъ* въ этой фамиліи? Не гораздо ли вѣроятнѣе, что она произошла отъ Темиръ-аги? Выговаривалось Темирь-ага, Темиряга. Другая отрасль и писала постоянно Те-, а не Ти-; -ягевъ, по Русской фонетикѣ, должно было стать -язевъ (какъ Свіяга—Свіязевъ и пр.). Фамилія Есиповыхъ, напримѣръ, точнѣе производится отъ имени Осипъ, Есипъ, чѣмъ отъ Юсуфа, хотя такое превращеніе гораздо возможнѣе, чѣмъ Тимура въ Темирязева. Скорѣе имѣется примѣръ отпаденія *т*; изъ Тмур-ленкъ образовалось: Морленъ и потомъ Мерлинъ. (Кстати: о храброй генеральшѣ Мерлиной см. Р. Арх. кн. 5-я 1883 г., стр. 173).

На стр. 186-й вмѣсто: „генералъ Б... что́ очень непріятно" должно быть: „что́ довольно жалко (въ смыслѣ: презрѣнно)".

Стр. 196. Эпитетъ „willkommen (желанное) Botschaft" несомнѣнно употребленъ самимъ Мандтомъ, ибо онъ желалъ именно такого порученія.

Стр. 236. Братья мошенники:

Какая смѣсь лицъ и умовъ,
Способностей и состоянья:
Изъ Нѣмцевъ, Поляковъ, Жидовъ
Здѣсь *Русскихъ* критиковъ собранье...

Сличить съ этимъ сообщенное въ Р. Архивѣ 1864 года указаніе кн. В. Ѳ. Одоевскаго о систематическомъ униженіи Поляками, Сенковскимъ, Булгаринымъ и пр., первокласныхъ Русскихъ писателей и т. п.; но къ нашему времени—читатель понимаетъ навѣрное—это нисколько уже не

приложимо! Вѣдь уже водворилась братски-нѣжная любовь къ Русскимъ дѣятелямъ, писателямъ, и самое святое безпристрастіе и доброжеланіе...

Стр. 240. Стихотвореніе къ графу З—му не можетъ быть помѣчено 1849-мъ годомъ, потому что фактъ, на которомъ оно основано — удаленіе Беринга (оберполицеймейстера) случился *послѣ* коронаціи Александра Николаевича. Авторъ стихотворенія Н. Ф. Павловъ *не знаетъ* (умышленно?), что взятки—увы!—не были принадлежностью одной Россіи, что особенно процвѣтаютъ онѣ по сей день въ Сѣверной Америкѣ, и что было уже, къ немалой конечно досадѣ, открываемо, что и „Европа—не рай!“ Не найдется ли дерзновенныхъ, кои вторично сдѣлаютъ это открытіе?

Къ стр. 199 и 200. „Личный адъютантъ Анрепа, Колюбакинъ, при своемъ генералѣ avait le droit d'insolence (имѣлъ право на наглость)“. Если такой отзывъ не совсѣмъ согласенъ съ воспоминаніями объ Н. П. К., сообщенными въ Рус. Архивѣ 1878 г., за то совпадаетъ съ показаніемъ очевидцевъ, утверждающихъ, что именно онъ-то и послужилъ оригиналомъ Лермонтову для мастерскаго изображенія „юнкера“ Грушницкаго въ „Героѣ Нашего Времени“, такъ какъ Колюбакинъ былъ нѣкоторое время разжалованъ изъ корнетовъ за дерзость на плацу противъ полковаго командира. Мать Колюбакина была Полька Пулавская, родная сестра извѣстнаго мятежника, который вздумалъ захватить короля Станислава въ 1771 году.

КЪ КНИГѢ 2-й.

Извѣстіе (стр. 254) о сбереженіяхъ Елисаветы (40 милліоновъ), доставшихся жадной толпѣ Голштинцевъ и Прусаковъ, приводитъ на память преданіе объ горестной судьбѣ превосходнаго и большаго нумизматическаго собранія Екатерины II. На позолоту крыши дворца въ Павловскѣ понадобился металлъ: Павелъ приказалъ употребить на это всю эту коллекцію. Вдобавокъ позолота не была долговѣчна, такъ что и самая матеріальная трата вышла мертвою; а научно-археологическая потеря? Тамъ были, говорилось, единственные экземпляры нѣкоторыхъ восточныхъ и др. медалей и монетъ; напримѣръ, будто бы, Александра Македонскаго съ двойными, Греческими и Восточными надписями...

Къ стр. 280, 281. Que les Polonais veuillent se faire couper la gorge... Точнѣе: Дабы Поляки желали сложить свои головы... За что, за кого? За дѣло Александра I, противъ Наполеона!! Это имѣлъ наглость писать и предлагать (на условіяхъ) Адамъ Чарторыжскій въ Дек. 1812, т. е. тотчасъ же послѣ полнаго и открытаго возстанія Поляковъ противъ Россіи. Но онъ зналъ, кому пишетъ: можетъ быть, ему и за это были благодарны...

Сличи переписку Анненкова съ Юзефовичемъ, сообщенную въ 5-й книгѣ Рус. Архива 1883 года, стр. 203 и примѣчаніе на стр. 399 этой же 2-й книги 1884 г.; и тутъ же мнѣніе умной княжны Туркестановой въ ея дневникѣ на стр. 14-й: altri tempi! о Полякахъ и ихъ комплиментахъ, равно о желаніи и задачѣ прельщать ихъ.

Стр. 374, строка 6-я: должно быть *жесткія* (а не женскія) черты.

Стр. 385, строка 23-я: вмѣсто двухъ звѣздочекъ, надо поставить по крайней мѣрѣ „—скаго“.

Дневника княжны Туркестановой стр. 14-я, строка 21-я, опечатка: должно быть le fin mot de la chose (разгадка).

Строка 2-я снизу—вмѣсто captives: должно быть pour les captiver (чтобъ очаровать, плѣнить ихъ).

Стр. 17, строка 1-я: это городъ Вартенбергъ, на р. Вартѣ, а не Вюртенбергъ.

Стр. 18-я—вмѣсто Pimbiche—должно быть: Pimbêche.

Къ крайнему сожалѣнію читателя, княжна отложила, стр. 24-я, до личнаго свиданія, разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на нее и на другихъ, юною Грудзинской, будущей княгиней Ловичъ...

КНИГА 3-я.

Лашкаревъ—это на Русскій ладъ „оконченная“ Грузинская фамилія отъ слова *лашкаръ*, означающаго: воинъ.

Мазепа. Авторъ не пояснилъ (стр. 57-я), для читателя могущаго не знать, что имя „мазепа“ у самихъ Малороссіянъ есть синонимъ „измѣнника“. И едва ли когда либо г-мъ украинофиламъ удастся придать ему вмѣсто того значеніе „народнаго героя“.

Стр. 75. Bemoost — собственно только обросшій мохомъ; bemoostes Haupt—техническое университетское выраженіе для стараго студента.

Стр. 100. „Непысьмѐнный“ значитъ по малороссійски не обучавшійся грамотѣ, но надо удареніе на ѐн, иначе выйдетъ Великорусское: словесный.

Стр. 129. *Венгерскій Жидъ*—есть *Вамбери*, обмадьярившій такъ свою фамилію изъ „Бамбергеръ“. Ему легко было научиться по арабски (и потомъ играть роль не то дервиша, не то шпіона), такъ какъ Арабскій языкъ весьма близокъ къ Еврейскому, а Коранъ—книжка весьма небольшая.

Стр. 143, строка 9-я снизу. Конечно: двухъ эскадроновъ, а не двухъ эскадронныхъ.

Стр. 176. „Здѣсь *различіе народностей не допускается...*“ Гдѣ бы ни было, но оно существуетъ; что же дѣлать? Хорошо бы, статься можетъ, декретировать, чтобы не было разности лицъ, силъ и пр. и пр.; но только какъ же этого *на дѣлѣ* достигнуть?!

Воспоминанія о коронаціи 1856 года. Часть кавалеріи находилась не въ Стрыдинѣ (стр. 183), ибо такого ни села, ни деревни нѣтъ, а въ Строгинѣ.—Останкинскій „дворецъ“ (стр. 186), замѣчательный удивительною легкостію архитектуры при необыкновенной прочности (деревянной) постройки, былъ тогда, къ пріѣзду Государя съ Государыней, немножко модернизированъ; изъ однаго крыла его (въ нижнемъ этажѣ) оружейная галерея графа Д. Н. Шереметева была перемѣщена совсѣмъ въ Петербургъ; старинныя гравюры изъ другаго—убраны въ какую-то кладовую; только мраморныя

статуи оставлены, кажется, вообще на прежнихъ мѣстахъ; картинная же галлерея втораго этажа осталась неприкосновенной, равно и театральная зала.—Зрители на помостахъ, устроенныхъ по пути торжественнаго въѣзда (стр. 185, 17-го Авг.), сожалѣли тогда, что должны были занять мѣста слишкомъ рано, такъ какъ войска были построены еще раньше, а масса собравшаяся 26 Авг. въ Кремль (по билетамъ тоже заранѣе добытымъ) скорбѣла, что помостъ для шествія (стр. 187) устроенъ былъ слишкомъ низко, и стоявшимъ не у самыхъ перилъ или мало или ничего не было видно, кромѣ развѣ верхушки балдахина.

Кардиналъ, присланный въ Москву Римомъ, былъ изъ извѣстной Итальянской княжеской фамиліи Киджи, а не Шиги (стр. 189), пишется же она: Chigi. Въ Англійскомъ посольствѣ заболѣлъ тогда весьма опасно одинъ слуга, Ирландецъ; послали въ Римское посольство просить патера, но неиначе какъ знающаго по англійски, для принятія предсмертной исповѣди. Таковый и прибылъ самымъ скромнымъ образомъ, и по окончаніи исповѣди хотѣлъ тотчасъ удалиться. Но леди Гренвиль вышла, чтобы поблагодарить его; велико было ея удивленіе, когда она узнала самаго князя кардинала Киджи! А онъ еще извинялся, что никого у нихъ не нашлось другаго, владѣющаго Англійскимъ языкомъ, столь вообще противуположнымъ Итальянскому.

„Фейерверку не поблагопріятствовала погода" (стр. 198); но тѣ кои видѣли предшествовавшую репетицію его, были въ восхищеніи отъ искусства и вкуса устроителя артиллер. полковника Константинова; жаль его было. Наибольшій эффектъ произвели пушечные залпы поставленной въ отдаленіи, въ рощѣ, батареи, слышные точно въ тактъ торжественной музыкѣ; достиженіе этой точности стоило генералу А. Ѳ. Львову (см. сей же книги стр. 136 и сл.) и Константинову немалыхъ усилій, комбинацій электрическихъ проволокъ и пр.

Стр. 216. Почему графъ Бобринскій названъ, при вѣнчаніи, отрокомъ, имѣвъ 30 лѣтъ? Потому что слово это, какъ и доселѣ въ нѣк. Славянскихъ нарѣчіяхъ, первоначально означало слугу, потомъ мальчика, а потомъ употреблялось уже и въ значеніи холостаго (точь въ точь какъ и слово хлопецъ). Слѣдовательно здѣсь оно выражаетъ собою только то, что графъ Бобринскій не былъ вдовецъ, ни мало не указывая на его возрастъ.

Въ Дневникѣ кн. Туркестановой надо поправить на стр. 34 и 36 вмѣсто Прачинъ, — Градшинъ (Gratchin), а на стр. 50 — maigreur вмѣсто maigresse.

Внимательный читатель.

*

Подлинникъ приложеннаго при этой книгѣ Русскаго Архива портрета великаго князя Константина Павловича, подаренный имъ адъютанту его И. С. Тимирязеву, сообщенъ былъ намъ для снимка супругою сего послѣдняго. П. Б.

LETTRES

DE

FERDINAND CHRISTIN

A UNE DAME DE SA CONNAISANCE.

1830 — 1831.

Ferdinand Christin, bien connu des lecteurs des „Archives Russes“ par sa correspondance avec la princesse Tourkestanoff, était un des hommes les plus honorables de son temps. Son amitié pour la malheureuse demoiselle d'honneur de la cour Impériale de St.-Pétersbourg survécut à la mort tragique de cette dernière. Christin reporta ses sentiments d'affectueux attachement sur une amie de la défunte, avec laquelle il entretint aussi une correspondance suivie.

C'était une personne d'une instruction variée, d'un esprit vif et pénétrant, au coeur sensible, épouse exemplaire et mère dévouée à ses devoirs. Mariée à un homme allié à la famille régnante, elle jouissait d'une grande considération dans notre société. Les étrangers de distinction qui fréquentaient son salon, y trouvaient, comme ses habitués, les hommes les plus remarquables parmi les Russes. Dans les lettres que Christin lui écrivait de Moscou, nous trouvons le même esprit d'observation et le même sens politique qui font le charme et l'intérêt de ses lettres à la princesse Tourkestanoff.

Nous lisons dans les journaux français qu'on a retrouvé la correspondance de Christin avec m-me de Staël. Cette nouvelle nous fait espérer qu'on retrouvera aussi ses Mémoires. Les papiers de Christin, après sa mort, ont été emportés en France par la fille de son amie la comtesse de Broglie; on trouvera peut-être dans ces papiers les réponses aux lettres que nous publions aujourd'hui.

P. B.

FERDINAND CHRISTIN À UNE DAME DE SA CONNAISSANCE.

1.

Moscou, le 23 may 1830.

Votre départ laisse un vide à Moscou que rien ne peut remplir. Madame Dmitrieff fait de son mieux pour animer le quartier. Ce sont des bals, des fêtes et du bruit surtout, mais ce n'est pas de la société; il n'y a pas de petit cabinet où l'on cause, pas de comtesse Sophie dont le regard bienveillant, où se peint tant de bonté, prévient dès le premier instant, dont les paroles douces, les réflexions justes et les réponses fines et spirituelles achèvent de lui gagner toutes les affections. Il n'y a pas de comte Alexis pour inspirer le sentiment d'une sincère amitié et pour persuader par ses manières nobles, mais simples et franches, qu'il est disposé à la partager. Il n'y a pas de Schepping pour soutenir pendant toute une soirée une conversation animée avec autant de gayété que d'esprit et de bonhomie. Tout cela réuni se trouve bien rarement. Il faudrait être insensé pour le chercher à Moscou avant le mois d'octobre, mais il faudrait être de bien mauvais goût pour ne pas désirer vivement le retour d'une aussi aimable réunion, et cela explique assez pourquoi, en attendant ce fortuné moment, *je meurs d'envie de vous écrire.*

J'ai vu Gérebzoff dans toute sa gloire au milieu de ses quatre mille carabiniers et cantonistes. Il m'avait invité pour entendre ses chantres qu'on dit très-fameux et qui ont une réputation usurpée. Cinquante ou soixante jeunes gens de 15 à 25 ans, droits et roides comme des piques, avec des poitrines bien rembourrées, étaient dans une grande chambre, alignés comme à la parade et au signal donné entonnèrent une longue prière pour me divertir. Quand elle fut finie, je demandai quelque chose de plus gay, on me chanta un psaume et

fort médiocrement encore. J'aurais préféré Ѣхалъ казакъ за Дунай ou По улицѣ мостовой, et je priai ces chantres pieux de vouloir bien, par complaisance pour moi, rabaisser leur talent jusqu'à ces trivialités nationales; mais c'était de l'hébreux pour eux: tant le sacré a banni le profane parmi ces enfants de soldats. On serait tenté de croire que m-r Тютчевъ était congréganiste et qu'il formait des chantres pour le prince de Polignac. Je doute au reste que cette morale en paroles ait beaucoup d'influence sur les actions de ses adolescents qui m'avaient tout l'air en chantant les louanges du Créateur de penser beaucoup à la créature. Gérebzoff à été très-mécontent de cette partie de ses subordonnés, comme de tout le reste. Ce n'est plus ce Gérebzoff causant, riant et ne montrant qu'un visage affable et prévenant: c'est un Gérebzoff courroucé, qui jure, qui tempète et qui fait battre son monde pour rétablir une discipline absolument perdue par la négligence de son prédécesseur. Je l'aime beaucoup chez moi, mais chez lui il me fait peur; aussi je l'attendrai plus que je n'irai le chercher.

La pauvre madame Gourieff n'était pas autant malade imaginaire qu'on le croyait; on n'a trouvé à l'ouverture de son corps que de très-fables parties de foye et de rate; ces organs, pour se détruire au point où ils l'étaient, avaient dû causer de longues douleurs. On mande que le p. Galitzin du Synode est inconsolable de la perte *de ce salon*. M-r de Bloome, dans son désespoir, s'est enfui par le pyroscaphe, et la mort de madame Gourieff afflige le corps diplomatique plus que ne le ferait celle de bien des souverains. C'était une puissance sociale toujours en paix avec tous les partis, pourvu qu'on fît sa partie chaque soir.

J'espère que vous jouissez du beau soleil et de ce cher printemps qui s'est fait si longtemps attendre, mais qui dédommage par son admirable fraîcheur! Je voudrais bien me représenter les lieux que vous habitez; on se croit moins éloigné de personnes qu'on regrette quand on peut se faire une juste idée du local qu'elles occupent. Je le verrai si Dieu me prête vie et santé et si je peux me persuader enfin qu'à 67 ans on n'est pas absolument déplacé dans une société dont on serait le grand-père! Je travaille de tout mon coeur à me rajeunir, et pour atteindre plus sûrement mon but, je prends modestement pour modèle la déesse Flore, et je vous assure que, sauf le séxe, la tournure, la fraîcheur et les traits du visage, je lui ressemble déjà beaucoup. Comme elle j'habite un temple tout garni de fleurs dans le fond de mon jardin, j'y passe mes journées entières, j'y suis très-commodément assis, j'y écris dans ce moment et j'y reçois gracieusement les hommages qu'on rend à ma divinité. Demandez à m-e Krouse et à m-elle Kamoutoff, si elles ne m'ont pas

trouvé tout entouré des charmants attribus de l'amant de Zéphyr! Je les ai reçues dans mon temple, qui est devenu aussitôt celui d'amitié, des souvenirs et des regrets; je vous laisse à deviner de qui il a été exclusivement question!

2.

De mon temple, Vendredy, 13 juin 1830.

M-me Dmitriew seule aujourd'hui anime tout Moscou. Ce sont chaque jour nouvelles invitations, nouvelles inventions, nouveaux plaisirs; une soirée *causante* pour le baron Schilling, son parent, qui a passé ici en allant à la Chine et qui probablement ne joue ni ne danse; on était invité pour causer, ce qui fit que personne ne disait mot, attendant que son voisin entamât la conversation. On prétend que cela fut très-décousu, très-silencieux, et selon moi, fort prudent, car jamais on n'a rassemblé 30 personnes *pour causer* en aucun lieu du monde et moins ici que partout ailleurs. Quelques jours après il y eut une soirée de Цыгане pour le c-te Pahlen, autre oiseau de passage et parent encore de m-me Dmitriew, qui me semble alliée à toute la Livonie. Ce jour là on parla, on cria, on chanta, Dieu sait comme! Avant-hier il y eut encore bal, je ne sais en l'honneur de quel saint; mais ce que personne n'ignore, c'est que le dessous des cartes de tant de rassemblemens dans cette maison, c'est le désir de fixer le coeur d'un Arménien milionnaire qui paraît avoir distingué un instant m-elle Dmitriew. Mais ceux qui connaissent bien Lazarew prétendent que ce seront peines perdues, que le jeune homme courtise tant qu'on veut, mais qu'il est bien décidé à ne s'allier qu'à des puissances, à des cordons, à des familles en faveur et tenant à la cour, et comme on dit qu'il a 200 mille roubles de rente franche de toute dette, il espère, et peut-être avec raison, de parvenir à son but. Nous avons une noce moins opulente qui s'est arangée hier: c'est le jeune Serge Pachkow, celui du siège, avec la princesse Dolgorouky, que vous avez vue figurer en pensionnaire dans le tableau de m-me Krouse chez le prince Dmitri Galitzin; c'est là que cette petite mine chiffonnée et son teint basané ont donné dans l'oeil du promis.

On prépare la maison Golofkin pour le grand-duc Michel, qu'on attend le 14 juillet. Ce nouveau buveur émoustille toutes nos élégantes: chacune se découvre une incommodité qui l'oblige à recourir aux sources factices de Carlsbaden, Ems ou Aix-la-Chapelle, et les mar-

chandes de mode, pour faire leur cour au prince, préparent des chapeaux d'une nouvelle forme, qui s'appelerout à la Brahiloff.

A propos de Brahiloff, pas moyen de voir Gérebzow: j'ai été chez lui, il était au camp à Sakolnik; le lendemain je fus à Sakolnik, il était revenu chez lui pour affaires; je lui ai écrit, il n'a pas répondu, mais il m'a fait dire qu'il n'avait pas un moment de libre, parce qu'il attend le général Kleinmihel et qu'il veut lui présenter une troupe tout à fait régénérée. Après Kleinmihel viendra le grand-duc, et je prévois que notre colonel sera perdu pour ses amis jusqu'à l'automne. Au reste, il m'est revenu de bonne part qu'il est chéri à cette heure de tous ses subordonnés; une fois rentrés sous la discipline, ils sont enchantés de leur chef, qui paraît avoir le talent de commander, sans rendre l'obéissance insupportable, tout en la rendant stricte et inévitable.

Un arrivant de Varsovie m'a fait un superbe tableau des fêtes de la diète et des magnificences de l'Empereur envers l'armée, distributions extraordinaires en argent et vivres pour les soldats et des éloges pour les officiers plus flatteurs encore que les présents.

Je suis chargé, madame la comtesse, de vous renvoyer vos beaux ciseaux avec mille remerciements et d'en ajouter une paire pour le comte Alexis, qui, en sa qualité de fabriquant, doit s'intéresser aux progrès de l'industrie russe; ceci est une industrie imitative, mais qui me paraît avoir très-bien réussi pour être l'ouvrage de paysans qui n'avaient aucune idée de la dorure sur acier. Je ferai mettre cette petite caisse à la poste lourde de Mercredy.

Que deviennent les betteraves du c-te Alexis? La sécheresse ne nuit-elle pas à leur croissance? A-t-il l'espoir de faire beaucoup de sucre? Je lui souhaite du fond du coeur une pleine réussite, et si pourtant le succès ne répondait pas à son attente, je sens que portant ma pensée sur tant de motifs de consolation que je lui connais, je ne pourrais en conscience le plaindre que pour la forme.

Est-il vrai qu'il a eu jadis une affaire d'honneur corps à corps avec un ours et qu'il ne s'en est tiré qu'en éventrant bravement son ennemi? Le jeune Zinoview me contait hier ce beau fait d'arme qui m'inspire une vénération toute particulière pour un aussi vaillant champion. J'espère cependant, madame, que vous ne le laissez plus aller à une chasse aussi dangereuse: il vaut encore mieux risquer de faire de mauvais sucre à la maison que d'exposer sa vie dans les bois contre des bêtes féroces, et quelque délicats que soyent les jambons d'ours (j'en ai mangé d'excellents chez le c-te Panin), je n'en voudrais pas au prix de les aller tuer moi-même.

3.

Le 18 juillet 1830.

On attend le grand-duc à chaque moment; mais, au grand désappointement de nos élégantes, on prépare à son attese impériale un appareil aquatique dans son logement, et elle prendra les eaux dans son intérieur, ce qui ne l'empêchera pas de s'occuper d'objets militaires. Gérebzow a reçu l'avis officiel que le grand-duc inspectera ses carabiniers non-seulement pour la partie du service, mais encore pour tout ce qui concerne l'intérieur de l'établissement. Je suis allé le voir hier dans son camp; il a la plus jolie tente possible: salon, cabinet, chambre à coucher, avec toutes ses dépendances, et cela dans un bois de haute futaye et bien touffu. De belles dames se promenaient dans son camp pendant que notre ami nous donnait du thé devant son pavillon, au son d'une musique guerrière fesant à la vérité plus de bruit que de plaisir. Il est établi là en manière de pacha, il ne lui manque qu'un sérail, et quand je dis que cela lui manque, c'est que je n'en sais rien du tout: je n'ai point visité les tentes isolées qui entourent la sienne et qui recèlent peut-être quelque jolie Odalisque.

Alger s'est rendue à discrétion et, chose extraordinaire, c'est le très-maigre journal du très-maigre Laval, qui nous en a apporté la première nouvelle. Quelle bonne fortune pour cette gazette insipide, qui, après l'annonce d'une victoire sur la rive Afriquaine, ne trouve plus pour remplir ses quatre petites pages que quelques recettes pour conserver le beure, ou pour dégêler les pommes de terre, ce qui est très à sa place dans un *journal politique et littéraire.*

A propos de journal, avez-vous lu le Télégraphe de Polévoy et l'article intitulé: Matinée d'un grand seigneur? Ce grand seigneur, nommé князь Беззубовъ, n'est autre que notre prince **** peint d'après nature; comme on a eu le tems d'arrêter les exemplaires à la poste et qu'on a coupé cet article, il est possible que vous n'en ayez eu qu'un exemplaire mutilé; dans ce cas dites le moi, et j'y suppléerai. L'article est très-plaisant et très-mordant, à ce que disent ceux qui comprennent la langue; le censeur Glinka vient d'être déstitué pour avoir laissé passer cette satyre.

M-elle Sontag a chanté au grand théâtre Jeudy passé et y chantera encore Lundy prochain. Je ne l'ai point entendue, j'étais malade; mais cela n'est pas a beaucoup près aussi extraordinaire que la Catalani, de l'avis des connaisseurs. Quoique Moscou soit vide, le grand théâtre était rempli et quoique tout le monde crie misère, on s'arra-

chait les loges qui se payaient cent roubles. Notre Colysée de Нескушно est aussi très-suivi; je compte me donner ce plaisir Dimanche, si le tems est sec: car un spectacle en pleine air par une soirée humide n'est bon que pour nos jeunes femmes qui ne craignent rien et qui meurent plus tôt que de manquer une partie de plaisir; nous en avons beaucoup de cette force-là.

J'ai bien du regret de n'avoir point fait connaissance dernièrement avec l'original de ce beau portrait que j'ai admiré dans votre cabinet et qui a passé quelques jours ici avec le c-te Alexis. M-me Krouse dit que le comte S. est aussi séduisant en homme, que sa soeur l'est en femme; on ne peut pas faire un éloge plus complet en moins de mots. Hier encore j'ai entendu les mêmes choses de la bouche de Nicolas Moucanow, qui parle de m-r votre frère comme d'un personnage qui sort tout-à-fait de la ligne ordinaire et qui réunit au suprême degré les qualités physiques et morales: beau comme Apollon, brave comme Mars et modeste comme s'il n'avait pas le droit d'être vain. Par-dessus cela il vous tient de très-près, madame; jugez si le désir, que j'ai de le connaître, n'est pas la chose du monde la plus naturelle. Vous devinez bien sans doute que m-r Moucanow n'a pas parlé du frère sans dire de la soeur tout ce qu'en disent et tout ce qu'en pensent les personnes qui ont le bonheur de la connaître.

4.

Dimanche, 3 août 1830.

Ce Charles Dix m'a fait passer une nuit blanche, et je vous demande pourquoi et ce que peuvent me faire ses âneries? Mon jardin n'en est pas moins fleuri, ma tranquillité personnelle n'en sera nullement troublée, et pourtant cela me vexe comme si mon existence dépendait du bien-être du roi.

Il faut me distraire, et pour cela je vais tâcher de vous faire l'analyse de la satyre de Polévoy, car vous envoyer la feuille en nature cela ne se peut plus: chacun garde son exemplaire depuis la déstitution du censeur. Vous avez raison: le métier de journaliste est une chose fort ingrate dans ce pays, et je ne vois guères que Laval qui s'en tire à force de compilation, si non avec honneur, au moins avec approbation et privilège. Vous dites bien plus vrai que vous ne pensez qu'on ne serait pas bien venu à critiquer m-elle Sontag; je vous réponds qu'elle a joué ici un personnage qui laissait bien loin derrière

elle toutes les notabilités de la ville. Faites vous conter tout cela, si vous avez, comme je le crois, une visite prochaine qui pourrait bien être chargée de ma lettre, s'il part avant le jour de poste: je veux parler de m-r Bibikow qui a le dessein d'aller vous voir.

Je vous quitte donc pour esquisser de mémoire la matinée du prince Беззубовъ sur une feuille séparée; souvenez-vous avant de la lire que peu de jours avant que cette satyre parut, m-r Pouschkin avait imprimé une épître louangeuse au prince * * * * dans laquelle il lui rappelait qu'il avait pris du caffé avec Voltaire et joué aux échecs avec Beaumarchais; c'est précisément cette épître qui a fait que personne n'a pu douter de l'identité de celui qu'on avait désigné sous un nom qui par lui-même avait déjà quelque chose de caractéristique.

Jeudy, 7 août.

Il y eut hier un piquenique à Astankin pour le grand-duc; Gérebzow quitta cette cohue à 9 heures pour venir me voir. Il y avait une telle poussière dans les jardins que les dames ne se voyaient que comme à travers une gaze et force lampions par terre qui éblouissaient et donnaient beaucoup d'odeur et de fumée. Toutes les dames y sont allées en blanc et en sont revenues en gris.

Moeurs du tems.

Matinée d'un grand seigneur.

L'auteur introduit le lecteur dans le cabinet du prince Беззубовъ, où un secrétaire fait en se promenant des refléxions sur le genre de vie de son maître. Il faut, dit-il, que notre prince ait fait encore quelqu'une de ses frédaines accoutumées, puisqu'il se reveille si tard; il serait bien tems qu'il s'arretât cependant, vu son âge etc. etc. On entend une sonnette, et aussitôt un valet de chambre traverse le cabinet chargé de brosses, de flanelles, de pastilles restaurantes et d'élexirs spiritueux; il reste une heure dans la chambre à coucher et revient annoncer le prince, qui, dit-il, est de plus mauvaise humeur encore qu'à l'ordinaire. Alors paraît un vieillard octogénaire se soutenant à peine et se traînant jusqu'à un fauteuil où il se jette en demandant son chocolat. „Que faites-vous ici?“ dit le prince au secrétaire.—J'apporte les papiers que v. e. m'ordonna hier de lui présenter.—«Ah, mon

cher, point d'affaire aujourd'hui, j'ai du chagrin, je viens de recevoir un certain billet..... Racontez-moi quelque chose pour me distraire».—Eh bien, mon prince, je vous dirai qu'un jeune poête vient de publier une épître à votre adresse dans laquelle il dit tout le bien que chacun pense sur votre goût et où il cite que vous avez pris du caffé avec Voltaire et joué aux échecs avec Beaumarchais etc.—«C'est vrai, c'est vrai, j'ai fait tout cela; mais ce n'est pas ce dont il s'agit: parlez-moi de Любовь Ивановна; avez-vous pris les informations que je vous ai demandées?»—Oui, mon prince, mais elles ne sont pas d'une nature satisfaisante, et je ne sais si je dois en faire part à votre excellence.— «Dites, dites, je veux tout savoir».—Eh bien, mon prince, j'ai appris qu'elle fut au bal il y a trois jours avec un jeune lancier et qu'elle a écrit un billet doux à un beau jeune homme pour l'inviter à venir chez elle.—„Cela est impossible! Elle n'aime que moi, elle me l'a juré cent fois et elle me l'écrit encore ce matin en me demandant 20 mille roubles dont elle assure avoir besoin dans la journée. Je vous répète qu'elle m'aime, et elle me coûte assez cher pour que cela soit ainsi"....

Dans ce moment on entend un perroquet qui dans la chambre voisine crie à tue-tête: глупъ, глупъ, et le prince s'interrompt pour dire: „Ah, ce cher oiseau, comme il me connaît! Il m'entend parler et il crie pour que je lui envoye à manger". Il ordonne qu'on nourisse le perroquet et il reprend la conversation sur Любовь Ивановна...—„Il me faut des preuves, mon cher; si non, je ne croirai pas un mot de cela. C'est une fille qui m'est trop attachée pour se permettre ce dont vous l'accusez".—J'ai pu me procurer le billet adressé au jeune homme, le voilà; votre excellence connaît l'écriture et peut comparer.—Le prince examine le billet et entre dans une colère effroyable.—„Je ne la verrai plus, c'est une scélérate, et elle ose encore me demander de l'argent qu'elle doit venir chercher ce matin même!" Il sonne un valet de chambre et lui ordonne de chasser cette fille, quand elle se présentera et de lui déclarer que la porte lui est interdite à tout jamais. Mais à peine le valet de chambre est retiré, qu'on entend un grand bruit dans l'antichambre, une voix élevée qui dit: j'entrerai malgré toi, et de suite une porte, qui s'ouvre avec fracas, une jeune femme très-parée donne un soufflet au domestique pour lui apprendre à vivre et s'avance auprès du vieillard en disant: Qu'est-ce que c'est que cet insolent valet qui ose me retenir quand je viens chez vous? -Le prince outré et chancelant sur ses jambes fait deux pas et commence par dire: „Sortez, mademoiselle, sortez! C'est par mes ordres qu'on vous a défendu d'entrer".... Mais levant les yeux sur elle, il s'écrie en reculant: *Dieu, qu'elle est belle!* Et sa colère se radoucit aussitôt. La de-

moiselle s'en apercevant, dit avec politesse: „J'ai à vous parler, mon prince; mais je n'aime pas les explications devant témoins; renvoyez, je vous prie, votre secrétaire".—„Sortez, mon cher", dit le prince. Et dès qu'ils sont seuls, la belle s'assit sur un canapé à côté du vieillard, lui prend la main et lui dit en le cajolant: Qu'est-ce que tu as donc contre moi, mon petit, pour te fâcher ainsi et pour me traiter comme tu viens de le faire?— „C'est que j'ai appris de vos nouvelles et que je sais que vous courez le bal avec un lancier et que vous écrivez des billets tendres à de jeunes gens et j'en ai la preuve en main; voilà votre billet et, après tout ce que j'ai fait pour vous"....—Quoi, mon petit, ce n'est que cela qui te fâche! Le bal est un mensonge et le billet une plaisanterie que je t'expliquerai quand tu ne sera plus en colère. Comment peux-tu douter de mon amour pour toi? Ne t'en ai-je pas donné tant de preuves, ne te l'ai-je pas écrit ce matin encore? Tu vois quelle est ma confiance en toi, puisque je te demande franchement l'argent dont j'ai besoin, et je te connais trop pour croire que tu me refuses; si non, je croirai que tu m'a cherché querelle par avarice.—Le prince, tout en se laissant cajoler, embrasser, ne consent pourtant point à donner la somme, et la belle est forcée d'user de son moyen de réserve.—Oh ça, monsieur, expliquez-vous clairement, me donnerez-vous ces 20 mille roubles, oui ou non? Parce que, si vous me les refusez, je saurai où les prendre à l'instant; lisez cette lettre de m-r ***: vous voyez qu'il me les offre à la seule condition que j'entre au théâtre. Pensez y bien, mon petit ami: si je les tiens de lui, tu ne me verras plus que sur la scène; je serai plus belle que jamais et je te ferai enrager, car je te connais et je sais que tu crévera de jalousie; mais tout sera dit entre nous pour toujours.—Le vieillard amoureux ne tient pas contre cette menace, tout son courroux fait place à la crainte de voir cette belle se donner à un rival qu'il abhorre, et il lâche les 20 mille roubles en demandant le baiser de paix.—Attends, mon petit ami, il y a encore une condition sans laquelle je ne promets rien; il faut que tu me dises, qui est celui qui t'a fait de sots rapports sur mon compte?—Le prince résiste un peu et finit par avouer que c'est le secrétaire.—Je m'en doutais, dit la demoiselle, et j'espère que tu vas me donner la satisfaction de le chasser à l'instant.—„Ma chère, cela est impossible: cet homme m'est indispensable, et je ne peux rien faire sans lui".—Cela m'est égal, je veux qu'il sorte.—Et voilà une nouvelle querelle qui s'engage à ce sujet et si forte que la belle déclare qu'elle va de ce pas chez le vieux ***, et elle fait mine de sortir. Mais cette terrible menace a un tel pouvoir sur le prince Беззубовъ qu'il cède encore et, tombant aux genoux de son tyran, la conjure de ne jamais voir son

odieux rival. Quand elle voit son vieil amant dans cette posture, elle sonne et demande qu'on appelle le secrétaire; mais le vieillard rappelle le domestique, en lui disant: „Viens premièrement me relever; je ne peux pas bouger, et les jambes me font un mal affreux".—Non, non, dit la demoiselle, je veux qu'il vous voye à mes pieds.—Et elle réitère l'ordre de faire venir le secrétaire. Celui-ci paraît aussitôt, et la belle indignée lui dit: „Regardez, monsieur, et apprenez que je vous fais chasser"; puis, se tournant vers le vieillard agenouillé, „confirmez ma sentence", dit-elle, et elle obtient de suite tout ce qu'elle veut. Après quoi c'est elle-même qui relève le prince, qui le fait asseoir, qui lui frotte les genoux, qui l'embrasse, le baise et qui sort enfin triomphante, emportant l'argent et la gloire d'avoir terrassé son ennemi.

5.

Jeudy soir, 21 août 1830.

Tu me flattes, mais tu me plais, dit le proverbe italien: c'est bien le cas de l'appliquer à la lettre que je viens de recevoir! Je n'ose me livrer au plaisir qu'elle me cause, j'en concevrai trop d'amour-propre, et cela dérangerait ce calme qu'il faut conserver pour le bonheur de mon âge. Des mémoires, dites-vous? Eh bon Dieu, on en est inondé! Malgré cela, je crois que j'aurais aussi des choses curieuses et intéressantes à dire. Tant que les Bourbons ont règné, cela n'aurait pas été permis; à présent qu'ils sont dans l'infortune, il y aurait lâcheté à publier ce que j'ai su, ce que j'ai vu d'eux pendant les premières années de l'émigration. J'ai passé cette époque dans leur intime intérieur, dévoué à leur cause qu'alors je croyais si belle et pour laquelle j'ai plus d'une fois exposé ma vie dans des voyages à Paris, aux moments les plus périlleux, pour les faire communiquer sûrement avec Louis Seize, ce qui m'a mis au fait de bien des particularités, dont je pourrais seul rendre compte avec vérité. Mais je les servais, je les aimais; ce n'est qu'à la longue que j'ai pu me détacher d'une cause qu'ils ont pris plaisir à gâter, quoique dès le moment où je fus admis à prendre part à leurs affaires, je remarquasse mille choses qui me choquaient, parce qu'elles blessaient les sentiments moraux dans lesquels j'avais été élevé. Je remarquai bien vite que, chez Louis XVIII surtout, fausseté voulait dire prudence et que bonne foi était un mot vide de sens. J'appris qu'on pouvait cajoler, caresser, jusqu'à la dernière minute, l'homme dont on avait décidé la perte ou tout au moins l'éloignement. J'appris qu'on

pouvait inventer des crimes qui n'avaient jamais eu lieu pour faire éloigner un ministre qui gène chez une puissance étrangère. J'appris que diviser pour règner était une maxime qu'on appliquait dans sa propre maison et parmi les serviteurs les plus dévoués.... J'appris bien d'autres choses encore, qui, je crois, existent dans toutes les cours et qui rendent l'existence d'un homme obscur bien précieuse pour ceux qui connaissent les princes et qui savent tout ce que l'ambition de les approcher coûte de peines et de sacrifices.

J'avais commencé dès Lundy dernier une analyse des gazettes que m-r le général Bibikow me prêtait en grand secret; mais voilà qu'on vient de publier officiellement que l'Empereur reconnaît Philippe 1-er comme roi des Français et que rien ne sera changé dans les relations amicales des deux pays; et le soir, comme une conséquence naturelle, on nous a envoyé 20 numéros des Débats, retenus pendant l'incertitude des résolutions du cabinet.

On s'évertue à donner des fêtes à m-r le grand-duc: aujourd'hui grand piquenique maison Mamonow, opéra, tableaux, bal et souper. Avant-hier le prince Serge Michel Galitzin donna un bal magnifique, comme en donne le c-te Potocki à Pétersbourg, avec tout cet étalage de luxe et cette profusion de toutes choses. La commandante en donna un moins superbe le jour du couronnement. M-me Chérémetew donne des thé, m-r Bachilow des Bohémiennes, il n'y a que m-me Dmitrieff qui n'a rien donné, j'en suis étonné. Le grand-duc part demain soir; il fait aux Moscovites la galanterie de leur dire qu'il a passé son tems très-agréablement et qu'il a le plus grand désir de revenir parmi eux.

6.

Vendredy, 31 VIII-bre 1830.

Voilà Charles X retourné dans ce château de Holyrood qu'il a habité si longtems et qu'il avait bien compté ne plus revoir; il y finira sa triste carrière probablement, y laissera son triste fils et ses infortunées belles-filles, qui, ainsi que le duc de Bordeaux, méritaient un autre sort. Il aurait pu avec la plus grande facilité conserver sa couronne en règnant selon la charte et non pas selon les jésuites. Il aurait fait son bonheur, celui de sa race et celui de la France que cette dernière révolution a perdu peut-être en déplaçant le pouvoir, qui ne sait plus où se reprendre. Cette révolution ébranle tous les trônes, elle a enfanté celle du Brabant qui en aménera d'autres, malgré les

concessions du prince d'Orange qui épouse (en apparence) le parti des révolutionnaires. Nous avons vu la sainte alliance des peuples contre les rois. Ces imbéciles Parisiens qui veulent tuer Polignac! Ils devraient lui élever une statue, et ce sont les rois qui devraient le faire pendre.

7.

Vendredy, 14 IX-bre 1830.

Le prince Georges Dolgorouky a terminé sa longue et sordide carrière; il s'est éteint à l'âge de 92 ans et quelques jours. On l'a enséveli hier; les Soltikow ont tout hérité, je veux dire le prince Pierre et sa femme Véra, dont le sort est singulier.

8

Le 21 IX-bre 1830.

La souffrance morale que vous éprouvez, madame la comtesse, est la chose la plus naturelle du monde; je la comprends et je la partage par attachement pour mes amis, car pour ma personne un égoïsme bien permis me met à l'abri de ce que tant d'autres ont à redouter; *je suis seul et très-vieux;* mais je ne peux penser à l'avenir des générations qui s'avancent sans me pénétrer des sentiments que votre lettre exprime si bien. On a beau dire que depuis 40 ans on n'entend que la même plainte et que pourtant chacun vit. Mais vit-on comme il y a 40 ans? Assurément non. L'existence morale a changé de nature dans toute l'Europe, et sans sortir de la Russie, on peut dire qu'on ne la reconnaît pas et qu'elle est peut-être plus changée depuis cette époque qu'aucun autre pays. Je l'ai vue sous Catherine heureuse et florissante, et on aurait cru alors (tant la sécurité était grande) que deux siècles ne pourraient pas amener les choses à l'état, où nous les voyons aujourd'hui et où cependant on serait trop heureux qu'elles pussent s'arrêter. On dirait qu'une fatalité s'attache aux triomphes mêmes de ce pays. Quand Napoléon agrandissait son empire, la France regorgeait du numéraire de tous les pays conquis; ici, c'est le contraire: plus nous prenons de terres, moins nous avons d'aisance. La Pologne, la Finlande, la Géorgie et la Perse ont absorbé nos finances; les guerres que nous terminons toujours par des traités glorieux, nous ruinent en hommes et en argent. Les impôts presque

insignifiants il y a 40 ans deviennent de jour en jour plus onéreux, et cette noblesse russe, naguères si opulente, n'a presque plus que le strict nécessaire, et cette décadence graduelle ne paraît pas devoir s'arrêter, et personne ne peut prévoir où elle nous conduira.

Voilà le mauvais côté du tableau; il faut penser, pour se rassurer, que jamais tout le mal qu'on craint, non plus que tout le bien qu'on espère, n'arrive comme on l'a craint ou espéré. Il faut donner à ses enfants des principes solides qui les prémunissent contre l'instabilité des choses humaines et tâcher de les accoutumer à chercher le bonheur plus en eux-mêmes que dans les choses extérieures. Il faut encore se persuader que le malheur, surtout quand il ne tient qu'à la fortune, est mille fois plus affreux en perspective qu'en réalité. Combien n'ai-je pas été dans le cas de me convaincre de cette vérité pendant l'émigration de la noblesse française! J'ai vu la princesse de Vaudemont, née Montmorency et veuve d'un prince Lorraine, allié à la maison d'Autriche, vendre des livres à Hambourg sous un nom supposé et réunir le soir 5 ou 6 personnes, qui toutes faisaient usage de quelque ressource et gagnaient à peine de quoi vivre au jour le jour après avoir été accoutumées au luxe et aux richesses... Eh bien, rien n'était plus aimable que ces soirées: il y règnait une sérénité, une résignation complète, la gayeté même n'en était point bannie, et pourtant personne n'osait espérer que cet état de choses finirait. Les émigrés sans principes donnaient, il est vrai, dans de honteux écarts, et on ne les pouvait pas recevoir; mais les personnes, dont la bonne éducation morale avait prévalue, étaient devenues admirables. De Hambourg je passai à Londres; je trouvai là une marquise de Chabannes tenant une école de petites filles, une comtesse de Boisgelin donnant des leçons de piano à pied, sa robe retroussée dans ses poches et un parapluie à la main, et le soir ces deux dames se réunissaient chez leur vieil oncle, septuagénaire, l'archevêque d'Aix, qui, soutenu par ses nièces, cédait à de pauvres curés la pension que le gouvernement anglais lui accordait. Ces soirées chez l'archevêque étaient encore une des réunions les plus aimables que j'aye vues. On se faisait à son sort sans récrimination et l'on convenait de ce que je viens de dire, que la pauvreté est bien moins hideuse en réalité qu'en perspective. Tâchons cependant de n'en pas venir là. Sans doute que le comte Kotchoubey et le prince Alexandre Galitzin approchaient déjà cette pénurie, puisque l'Empereur vient de donner un milion au premier et au second un arenda de 12.000 roubles blancs. Il est vrai que ce pauvre c-te Kotchoubey n'a que 24 mille paysans, et vous conviendrez qu'avec cela il est bien difficile de vivre!

9.

Le 28 IX-bre 1830.

Vous aurez appris sans doute que quatre jeunes gens, dans l'ivresse probablement, se sont avisés de casser des vitres à Pétersbourg et même au palais, dit-on, et qu'ils ont été mis à la forteresse, d'où l'on prétend qu'ils seront envoyés dans des régiments lointains. Ces quatres extravagants sont un Romanow, un Anitchkow, un c-te Boutourlin et le petit prince Pierre Galitzin, fils de cette princesse si grasse, qui était m-elle Latchinow.

Le jeune Galitzin, dégradé de noblesse, a été envoyé à Tiflis, comme писарь. Il n'était pas militaire et servait aux affaires étrangères; les autres auront ou un sort analogue probablement, mais je l'ignore. Ils ont cassé les vitres au palais Anitchkow, dans la chambre même où se trouvait l'Impératrice. Assurément cela ne pouvait ni ne devait se pardonner; cependant ce n'est pas sur ce fait qu'ils ont été arrêtés, c'est sur quelque chose qu'on n'a pas cru devoir mander par la poste. Mais une fois pris, ils ont avoué avoir été les briseurs des fenêtres. J'apprends à l'instant leur délit: ils ont tenu les propos les plus coupables chez un restaurateur qui les a dénoncés; ils avaient rassemblé du monde pour pousser en plein théâtre des cris séditieux etc. etc. A Tambow le peuple a forcé les hôpitaux et en retiré les malades par force. L'evêque a eu de la peine à calmer la populace.

10.

Mardy, 3 X-bre (1830).

17 Novembre, à 7 heures du soir, à Varsovie, une troupe de bas-officiers, de sous-lieutenants et de gens en habit bourgeois se sont portés au Belvédère, demeure du grand-duc, ont tiré quelques coups de fusil par les fenêtres, puis, enfonçant les portes, ont pénétré dans les appartements de son altesse impériale, ont massacré le service intérieur et dans la chambre du monseigneur ont tué le général Gendre d'un coup de feu; le colonel Zass a eu le même sort. Le rapport imprimé par ordre de l'Empereur ne dit pas ce que fit le grand-duc dans ce moment. Le lendemain, 18, l'insurrection prit un caractère plus grave; l'armée polonaise se joignit à cette jeunesse exaspérée; on massacra dans cette journée le président de la police Liobovitzky, le ministre de

la guerre графъ Гаукъ, le général d'infanterie c-te Potocky, le chef d'état-major Sermentkovsky, le chef de brigade Blummer et le chef d'artillerie Мецижевски avec bien des subalternes, comme vous pensez. Le grand-duc alors jugea prudent de s'éloigner de la ville, apprenant que l'arsenal venait d'être pillé et qu'on avait distribué les armes au peuple. Son altesse impériale fut accompagnée du régiment russe de Volhynie, du régiment des lanciers polonais, qui lui était demeuré fidèle, ainsi que l'artillerie à pied. Tout le reste de l'armée s'était déclarée insurgée. Le grand-duc avec cette poignée de soldats bivouaqua à 3 verstes de Varsovie, d'où il dépêcha un courrier à l'Empereur, qui reçut cette nouvelle à minuit, et le lendemain ordonna qu'on la publiât. La relation imprimée ne va pas plus loin; mais les lettres de Pétersbourg ajoutent que Sa Majeste lut le lendemain cette relation à la parade, que soldats et officiers tombèrent à genoux en criant: «Sire, nous voulons mourir pour vous; nous vous serons toujours fidèles; menez nous contre ces Polonais, et nous vous vengerons.» On dit encore que l'Empereur, ému jusqu'au fond de l'âme, versa des larmes, embrassa des officiers et même quelques soldats. Le grand-duc Michel en fit autant, et la scène fut des plus touchantes. Je ne sais jusqu'à quel point ces détails sont exacts; mais je fais des voeux pour que tout cet enthausiasme soit réel, car je redoute l'esprit du siècle et je prie Dieu d'en garantir la Russie. Vous sentez que chaque jour va nous apporter plus de particularités sur Varsovie. J'oublie de vous dire qu'après le départ du grand-duc on a formé un gouvernement provisoire et que ceux qui ont consenti à s'en charger ne l'ont fait que sous la condition expresse que tous ses actes se feraient au nom de l'Empereur Nicolas, roi de Pologne, qu'on fait profession d'aimer et de respecter. Reste à savoir si ce n'est pas une astuce pour neutraliser autant que faire se pourra le premier sentiment de vengeance. Une lettre dit que c'est le prince Adam Czartorysky qui est à la tête du gouvernement provisoire.

L'Empereur a envoyé l'ordre au corps de Lithuanie de marcher sur Varsovie et, si cet évènement n'allume pas une guerre, nous pourrons nous estimer heureux. Quelles suites cette levée de boucliers aura-t-elle? Où cela nous menera-t-il? Je ne puis croire que tout cela se soit fait au hasard; je crains bien, au contraire, que la chose n'ait été combinée avec les voisins; j'entends par voisins les ci-devant provinces polonaises, Autrichiennes et Prussiennes.

Jeudy, 4 X-bre.

Le général Nowicky a été tué par les rebelles qui retiennent prisonniers l'aide-de-camp général Richter, les généraux-majors Yessakow

et Engelmann, ainsi que le capitaine Boutourlin aide-de-camp de l'Empereur et le capitaine Gresser aide-de-camp du grand-duc Constantin.

Dimanche, 7 X-bre.

Depuis trois semaines le grand-duc était prévenu que quelque chose se tramait, et il attendait un commencement d'action pour savoir à qui s'en prendre. Cependant il fit venir une campagnie de gardes à son Belvédère, où il vivait jusques là en simple particulier. Cette précaution n'intimidait guères les conspirateurs, car le 17 IX-bre le comte Hauke, ministre de la guèrre, donnant un grand dîner, recut à table un avis qu'il n'y avait pas un moment à perdre pour sauver le grand-duc et que le rassemblement aurait lieu dans 3 heures. Il se rendit de suite au Belvédère et força, pour ainsi dire, le grand-duc à s'éloigner. Les équipages furent préparés, le grand-duc, sa femme et Kourouta virent, en montant en voiture, la colonne des mutins déjà entrer dans l'avenue.

11.

Samedy, 13 X-bre 1830.

Vous me demandez, avec ou contre qui nous allons guerroyer? Je pense que vous n'avez pas tardé à l'apprendre. Il paraît qu'on s'attendait à ce qui est arrivé, puisqu'on mettait en mouvement tant de troupes sur la Pologne. Peut-être aussi ne savait-on rien, au quel cas ces soldats devaient aller plus loin et seront probablement arrêtés par les évènements. L'Empereur est depuis 6 jours sans nouvelles directes du grand-duc; mais avant peu nous apprendrons du positif: cet état d'incertitude ne peut pas être durable.

Je savais les folies de Poltorazky et de Kologrivof et j'en rirais de pitié si, par malheur, ces écervelés n'avaient point tant d'admirateurs parmi notre jeunesse. Je serais très-fâché si, à leur retour, on les punit autrement que par un profond mépris et en versant sur eux le ridicule à pleine main. Le ridicule et le mépris tuent l'enthousiasme que la punition exalte. Il ne faut pas croire que la raison ait de l'empire sur des têtes de 20 ans. Le fanatisme les entraîne à tous les excès imaginables dès qu'on a l'air de les craindre; mais si on pouvait faire en sorte de ne leur montrer que du dégout, si on les traitait comme des gens qui ont forfait à l'honneur sans paraître mettre aucune importance à leur conduite, ces mêmes jeunes gens, ne se sentant plus sou-

tenus par rien, rentreraient d'eux-mêmes dans la voye du bon sens. Cela n'empêcherait pas de surveiller leur conduite convenablement. La playe morale de la Russie c'est le défaut d'éducation. On croit qu'instruire c'est élever, et quand un jeune homme possède à 15 ans, tant bien que mal, les éléments de quelque science, on le croit propre à entrer au service et on oublie qu'on ne lui a inculqué aucun principe fixe pour se conduire dans le monde; on lui dit tacitement: acquiers des grades et des croix le plus tôt possible *per fas et ne fas*, et tu en sauras toujours autant que les autres. Mais quand ces grades ne viennent pas aussitôt que leurs jeunes têtes l'avaient imaginé, le mécontentement commence: on prête l'oreille aux malveillants, on se persuade qu'un nouvel ordre de choses rendrait plus de justice à leur mérite, et de là vient le malaise général qui tourmente la jeunesse et la jette sur le bord d'un précipice. Voilà pour les jeunes nobles, qui sont merveilleusement secondés par la bourgeoisie et les fils de prêtres studieux. Ceux-ci ne tardent pas à s'apercevoir qu'il en savent plus que la noblesse, et partant de là, il se trouvent humiliés de se voir partout en sous-ordre et de travailler pour l'avancement de ceux qu'ils détestent; les voilà donc en toute occasion donnant la main aux mécontents. Voyez-vous la masse qui se forme? Il nous reste l'armée et, Dieu merci, elle est pure et fidèle sous l'habit de soldat et sous les épaulettes de général, de colonel et peut-être de major; mais les sous-lieutenants, les lieutenants et capitaines, sortant presque tous de cette noblesse mécontente, n'est-il pas à redouter que peu à peu elle ne corrompe l'esprit de la troupe? On ne saurait faire assez d'attention au choix des officiers subalternes, on ne saurait assez surveiller les instituts, les universités et surtout on ne saurait assez prendre de soins pour ne mettre à la tête de la jeunesse que des hommes propres à leur inspirer des principes d'honneur et de respect de soi-même, à leur prouver que l'observation stricte des devoirs est non-seulement une vertu, mais encore le meilleur calcul humain qu'on puisse faire et le fond qui rapporte à la longue le plus gros intérêt.

12.

Lundy, 15 X-bre.

La gazette de Hambourg donne le manifeste des Polonais qui demandent l'intégrité de l'ancien royaume avec l'empereur Nicolas pour roi et une constitution *qui soit une vérité*. C'est demander la guerre avec la Prusse et l'Autriche, c'est afficher qu'on prend un prétexte

pour se soulever et c'est jetter un brandon de discorde et de germes de défiance entre les souverains. L'insurrection se propage, et l'on ne pourrait prévoir où cela s'arrêterait si les forces immenses qu'on déploye ne faisaient espérer que cette révolte sera écrasée avant d'avoir pu gagner la Galicie et la Posnanie. Dieu veuille qu'il en soit ainsi! Quelles gazettes russes recevez-vous et les recevez-vous avec exactitude? J'ai besoin de savoir cela pour ne vous pas mander ce que vous lisez dans les papiers publics. Avez-vous aussi les gazettes de Hambourg?

Je n'ai pas encore répondu à cette lettre du 6, qui est sous mes yeux depuis trois jours et que j'ai lue dix fois avec un plaisir inexprimable. Certes, vous n'avez pas perdu votre tems en étudiant l'annuaire et vous me paraissez au fait de l'Europe, comme si vous étiez la fille de Metternich ou la femme de Nesselrode, et sans vous flatter, ces deux colonnes de la diplomatie auraient par fois besoin des conseils de votre bon sens pour ne pas aller chercher midi à 14 heures.

On mande que les équipages de l'Empereur et du grand-duc Michel sont prêts, ce qui fait croire que l'un et l'autre marcheront.

Jeudi, 18 X-bre.

Je ne suis pas sorti depuis deux jours; une atmosphère brumeuse, un dégel complet, le noir dans le ciel et la tristesse sur la terre. J'ai boudé le genre humain. Gérebzow et Mestchersky, les seuls êtres vivants que j'ai vus, m'ont appris que par une proclamation aux Polonais l'Empereur promet amnistie à qui rentrera dans l'ordre et rétablira les choses sur l'ancien pied, en livrant les coupables cependant. C'est bien de la condescendance; puisse-t-on en profiter! Mais on est allé bien loin pour pouvoir revenir sur ses pas. Si le 17 au soir, le grand-duc, à l'imitation de l'Empereur le 14 X-bre, se fut montré à la tête de sa garde russe, peut-être aurait-il pû étouffer la révolte dans son principe; mais à présent qu'il a passé la frontière du royaume, après avoir livré les places fortes et avoir été abandonné de toute l'armée polonaise, il est bien à craindre que l'on ne se soumette plus à lui sans y être contraint par la force. Vous aurez sûrement cette proclamation que je n'ai pas encore lue, quoiqu'elle soit dans les gazettes. Je sortirai ce soir pour avoir des nouvelles sûres s'il y en a. On dit que le ministre de l'intérieur a passé hier à Moscou, qu'il est rappelé instamment à Pétersbourg, et selon l'usage de notre bonne ville on ne manque pas d'attribuer quelque fâcheuse cause à ce rappel. On dit qu'on le renvoye en Finlande où quelques symptômes allarmants se

seraient manifestés... Je ne veux pas le croire; on ne peut supposer cependant que l'Europe entière gagne la fièvre le même jour!

Jeudy, à minuit.

Je viens de chez des gens qui doivent être bien au fait, qui regardent l'affaire de Pologne comme une simple échaffourée qui va tomber d'elle-même par la fuite de quelques mutins et la soumission de tout le reste. Dieu veuille que cela soit ainsi; mais j'avoue que j'ai peine à me le persuader. Il est clair que le grand-duc a été forcé de sortir du royaume et qu'on ne lui en a accordé la permission qu'au moyen de la cession qu'il a faite des forteresses et au moyen du renvoye du peu de troupes polonaises qui lui étaient restées fidèles. On ne va pas jusque là contre un prince, frère du Souverain, pour poser les armes ensuite à la première sommation. Quant aux troubles de Finlande, il paraît que cela n'a pas de fondement, puisque la garde finoise est envoyée en Pologne. Nous avons la gazette française de Pétersbourg, qui nous annonce la proclamation de l'Empereur pour le numéro prochain; mais je suppose que vous l'avez lue en russe avant cela. Le ministre de l'intérieur est à Moscou pour quelques jours; il a envoyé un courrier à l'Empereur, pour demander s'il doit observer les quarantaines qui existent encore sur la route de Pétersbourg. Il est à présent convenu que la maladie n'est pas contagieuse.

13.

Jeudy, jour de Noël.

Le ministre de l'intérieur a reçu un courrier de Pétersbourg qui l'envoye à Toula, où il y a eu quelque désordre. Comment cette nouvelle vient-elle de Pétersbourg sans qu'il en ait rien transpiré à Moscou, cela me semble incompréhensible, et nous n'avons pas entendu un mot sur rien de pareil. Votre prochaine lettre que j'attends demain ou Samedy m'en dira peut-être quelque chose. Je suis fâché pour votre gouvernement, que le ministre soit appelé à y porter remède; je suis persuadé de l'excellence de ses intentions, mais ses mesures sont un peu acerbes, et il est grand partisan des cordons et des quarantaines. Il me tarde infiniment de voir ce que vous me direz de votre province.

On nous supprime force gazettes, ce sont sans doute les articles de Varsovie qui en sont cause. *Ainsi se détruit l'oeuvre du congrès de Vienne*, disent les Débats. Il est certain que ce congrès, aussi absolu

que Napoléon, a fait des choses bien arbitraires. Comme Napoléon, il a semé du vent et, comme Napoléon, il recueille des tempettes. Je ne vois que des gens qui sont persuadés que tout ceci n'est rien et que les affaires de Pologne n'améneront aucune guerre étrangère. Impossible de me ranger de leur avis. Voyez si le langage de Chlopicky est celui d'un homme qui ne se croirait pas soutenu fortement. Et cette France si remuante ne saisira-t-elle pas, à défaut de raison, un prétexte pour guerroyer? Elle se déclare déjà pour ne vouloir regarder toute intervention de la part de la Prusse ou de l'Autriche dans les affaires de Pologne que comme une déclaration hostile contre elle, France. Nous sommes sans nouvelles, et quand cela dure deux jours, les conjectures en prennent la place.

14.

Vendredy, 9 janvier 1831.

On se tait absolument sur la Pologne; les gardes partent, c'est tout ce qu'on sait. Vous aurez lu dans les Débats qu'on a renvoyé de Rome le fils de la reine Hortense et celui du roi Jérome; mais vous ne savez pas pourquoi. Les lettres d'Italie nous apprennent que le jour de l'entrée des cardinaux en conclave ces deux ex-princes ont couru les rues de Rome avec quelques étourdis de leur sorte en criant: *Plus de Pape! Le duc de Reichstadt est roi de Rome!* Le gouvernement les a envoyé crier à Florence. Cela va de pair avec la protestation de Josephe, qui de New-York réclame le trône des Français pour son neveu Napoléon II. Ces trônes, ces couronnes ont donc bien de l'attrait! J'aurais compris cela il y a 50 ans; mais depuis la révolution de 1789 je trouve le métier si gâté et en même tems le poste si dangereux que je ne conçois pas cette fureur de s'en emparer. Louis XVI, Marie Antoinette, Louis XVII, madame Élisabeth, le duc d'Enghien et même Égalité, ainsi que le pauvre duc de Berry auraient probablement vécu tranquilles et heureux s'ils fussent nés loin du trône et simples particuliers. Le reste de famille, exilée pour la troisième fois et plongée dans le malheur pour le reste de leur vie, ne doive ce funeste sort qu'à l'éminence de leur position sociale. Louis-Philippe, je le crois fermement, a déjà perdu la moitié du bonheur et de la sécurité, dont il jouissait comme duc d'Orléans au Palais-Royal et à Neuilly. Tous ces Bonapartes disséminés en Autriche, en Italie, aux États-Unis, nulle part estimés, partout sévèrement surveillés, ne doivent cet état de gêne qu'aux trônes éphémères, sur lesquels ils se sont assis momentanément. Mesdames de

France, filles de Louis XV, sont mortes dans la misère à Triest; la reine de Naples, soeur de Marie-Antoinette, après une vieillesse traversée de mille maux, n'a pu venir mourir à Vienne (je crois) qu'en traversant en fugitive la Méditerranée, Constantinople, la Romélie, la Moldavie, la Podolie et la Galicie, dans un état complet de dénuement. Napoléon, ce faiseur de rois, ce géant de puissance, a péri sous la férule ignoble d'un Hudson-Low, sur un rocher de l'Atlantique. L'empereur Léopold est mort empoisonné, la même année Gustave III mourut assassiné au milieu de sa capitale et dans un bal masqué; son fils a été chassé et court le monde en chevalier errant. Charles IV et sa femme sont morts à Rome, et leur fils n'est pas sur des roses à l'Escurial. Voilà pour les vaincus. Mais que de peines, que d'horribles chagrins n'ont pas précédé le triomphe des vainqueurs! Représentez-vous Alexandre, le roi et la reine de Prusse à Tilsit!.. Alexandre ensuite en 1812, puis Séménofsky, puis tout ce qu'il savait de la conspiration au moment de sa mort. Était-ce là un bonheur de roi bien digne d'envie? Et notre empereur Nicolas, digne à tous égards de tant de bonheur par celui qu'il désire à ses sujets, quelles traverses n'a-t-il pas essayées depuis cinq ans qu'il règne: une horrible conspiration suivie d'un jugement, qui, tout indispensable qu'il était, navrait son coeur; une guerre en Perse, une seconde en Turquie avec la peste dans ses armées; une épidémie qui ravage une partie de son empire et menace le reste, et enfin une guerre civile pour ainsi dire, puisqu'il est souverain des deux pays et chef des deux peuples en contestations. C'est donc cet état là qu'on envie si fort, parce qu'on n'en veut voir que l'état extérieur et qu'on ne pense pas aux soucis cuissants que renferme souvent le coeur de ces maîtres du monde! Ah, pauvres humains, malheureuse ambition! Que ne cherche-t-on le bonheur là où il peut se trouver, dans une honnête aisance, dans une liberté aussi grande qu'on peut se la procurer et surtout dans une position libre de toute responsabilité! Croyez-moi, il vaut mieux faire du sucre à Михайловка, ou même cultiver des fleurs à la Sadova que de gouverner des milions d'êtres souvent ingouvernables! Et pourtant tel est l'attrait du pouvoir qu'à peine y a-t-on touché qu'on n'en veut plus démordre, et si on en est écarté, on sacrifie des armées, quand on le peut, pour y rentrer.

Il est pourtant une royauté exempte de tous ces inconvéniens et qu'on peut accepter sans courir aucun risque, c'est la royauté de la fêve qui fut célébré en grande pompe Mardy chez m-me Dmitriew. Le trône était placé sur cette estrade qui est au fond du cabinet; m-r Broussilow, notre vice-gouverneur, régnait par l'élection du gâteau; sa reine était m-me Necloudow; leur cour était composé de beaucoup de

chambellans, à l'habit desquels on attacha les clefs des portes; de dames d'honneur assises sur des tabourets et à la tête desquelles était m-elle Lise Narischkine, de beaucoup de d-elles d'honneur *debout*, d'un grand-maître des cérémonies Latchinow que le roi menaça de faire empaler: tant il s'acquittait mal de ses fonctions en annonçant un ambassadeur de sa majesté le roi des pois venant demander secours à sa majesté le roi de la fêve contre le roi des carottes et celui des topinambours, qui lui faisaient une injuste guerre. L'ambassadeur était m-r Boutourlin le louche, vêtu d'un magnifique costume asiatique prêté par Lazarew; l'ambassadeur avait appris par coeur sa harangue légumineuse; mais voilà qu'au moment de la débiter, son excellence, intimidé, perd la mémoire, et au lieu de parler, présente au roi la requête de son maître, en le priant d'en prendre lecture. Le roi de la fêve, sans se déconcerter et pour remettre Boutourlin sur son terrein, lui dit gravement: je lirais avec plaisir la lettre de mon cousin le roi des pois, mais il y a une petite difficulté, c'est que je ne sais pas lire, ni la reine non plus; veuillez donc, m-r l'ambassadeur, prendre cette peine vous-même. Et Boutourlin lut très-bien ce qu'il aurait débité fort mal. Le roi ordonna un concert; aussitôt les demoiselles d'honneur et les chambellans chantèrent un choeur qui alla fort mal, dit-on, parce qu'on avait voulu des voix seulement et point d'instruments pour les soutenir et les diriger. Après cela le roi ordonna qu'il y eût grand bal, et on passa dans la salle. Le roi fût très-plaisant, très-gai et d'une gaieté soutenue, la reine confite dans sa beauté et dans sa parure royale le seconda assez mal et ne savait presque ni parler, ni répondre, quoique à l'ordinaire elle ait assez la parole à son commandement. Latchinow outra son rôle et le rendit ridicule sans en faire quelque chose d'aimable.

15.

Je suis si charmé quand je crois voir que mes lettres vous font quelque plaisir, que je voudrais avoir sujet d'en écrire de plus volumineuses encore. Mais notre Moscou fournit si peu, et les nouvelles y arrivent si difficilement que souvent avec la meilleure volonté du monde on est forcé de se rabattre sur les soirées de votre voisine. Je vous disais qu'avant la fête des roi il s'était passé quelque chose d'étrange chez elle. Il y avait assez de monde, la conversation est tombée sur la forme des pieds mignons de m-elle Darie que chacun admirait. Le colonel Lazarew ne va-t-il pas parier que son pied d'Arménie est encore plus petit que celui de la demoiselle; on rit, il soutient la gageure,

on l'accepte et devant tout le monde on débotte le m-r, on déchausse la demoiselle et à la surprise générale le soulier de la demoiselle était trop grand pour le colonel. Je pense qu'il avait fait adroitement d'offrir son pied pour chausser ce soulier; s'il eut parié d'y faire entrer son nez, je suis sûr qu'il aurait perdu.

Moscou s'est recruté de la comtesse Ricci et de sa mère; elles viennent d'arriver, je ne les ai pas encore vues. Je les rencontrerai ce soir, je crois, chez la princesse Dmitri, si ma migrène me permet d'y aller. A propos de la princesse Dmitri, elle a fermé sa maison depuis quatre mois et n'a reçu que des intimes qui faisaient son whist. L'autre soir j'arrive chez elle, je trouve le salon rempli de 30 musiciens au moins et 3 au 4 personnes pour écouter. On m'explique que c'est le prince Woldemar qui a voulu faire cette surprise pour égayer la princesse et lui faire oublier les tribulations du choléra-morbus. Mais devinez, quel choix de musique il a fait pour produire cet effet? Le Requiem de Mozart, chanté par quelques médiocres amateurs, par m-elle Barteniew et m-elle Fokselmann avec les demoiselles des choeurs du théâtre russe. A mon avis cela a été détestablement exécuté; il n'y avait ni accord, ni ensemble, enfin c'était une musique à porter le diable en terre. Je me suis refugié à un whist pour ne plus entendre corner à mes oreilles *Resquiescat in pace*. Comment trouvez-vous l'imagination de Woldemar? De ce gros et corpuleux Woldemar passons à André-Boris. Vous a-t-on mandé qu'il s'est fait renvoyer de Pétersbourg? Le fait est certain. Voici comme on le raconte. André dit un jour devant plusieurs personnes que les affaires de Pologne n'étaient que le prélude de ce qui allait arriver à Pétersbourg et que l'Empereur était entouré de traîtres, comme le grand-duc Constantin. L'Empereur sut ce propos le même soir; il fit chercher André dans son cabinet.—«Vous avez dit que je suis entouré de traîtres; ces propos-là ne se hasardent pas sans qu'on soit bien sûr de son fait; je vous prie donc de vouloir bien me dire qui sont ces traîtres dont je dois me défier?» André répondit qu'il avait seulement voulu dire qu'il y avait des traîtres dans l'armée. «Eh bien, l'armée m'entoure; ainsi je veux qu'on me désigne les coupables; voilà une plume et du papier, je vous ordonne d'écrire à l'instant leurs noms». Le sot André, qui avait bavardé en l'air, fut obligé de dire qu'il ne savait aucun nom. Alors l'Empereur lui dit: «Vous êtes un brouillon, votre présence est incommode ici et m'est personnellement désagréable, je vous ordonne d'aller à Perm». Et dès la même nuit il fut en route. Ne reconnaissez-vous pas bien ce fou d'André qui n'aurait jamais dû inspirer aucune confiance? Et pourtant il fut un tems où ses paroles obtenaient toute créance.

Jeudy 15.

J'ai vu hier le jeune Ozérow revenu de sa prison de Varsovie; la cause de sa mise en liberté ne donne pas non plus une brillante idée des finances de Pologne. Chlopicky a fait chercher tous les prisonniers russes, leur a dit que leur entretien coûtait 5 mille roubles par jour et qu'en conséquence il remettait en liberté tous ceux qui ne portaient pas d'uniforme. Osérow avait été pillé et dépouillé le 17, il a demandé les moyens de revenir, Chlopicky n'a pas entendu de cette oreille-là et ne lui a pas accordé un sou. Alors au moyen de quelques connaissances il a été envoyé à Cracovie; là il a trouvé des secours pour se rendre à Vienne, où m-r Tatichew l'a reçu à bras ouverts. M-r de Metternich a voulu entendre de sa bouche toute cette aventure de Varsovie, l'empereur François aussi; m-r de Metternich lui a fait lire des proclamations des habitants de Lemberg et autres villes de Galicie qui marquent leur dissentiment aux affaires de Pologne et protestent de leur éternelle fidélité. Après cela on a fait partir Ozérow, et il vient d'arriver chez son père. Il conte mille petits détails qui prouveraient que rien au monde n'était plus facile que de prévenir cette échauffourée.

16.

Le 30 janvier 1831.

Les Polonais ont proclamé le trône vacant et que la Diète propose 3 candidats, savoir: Napoléon II, le duc de Némours et le prince Adam Czartoricky. Voilà ce qui est clair au moins, et l'on ne sera plus dans l'incertitude de savoir si on agit au nom de l'empereur Nicolas.

J'espère que les opérations militaires ne tarderont pas à commencer et que cette guerre sera menée plus vigoureusement avec le sabre qu'elle ne l'a été jusqu'ici avec la plume. Je trouve qu'on parle trop à ces Polonais; la proclamation du maréchal Dibitch entre autres me semble beaucoup trop longue et trop remplie de répétitions. On semble avoir trop à coeur de vouloir les faire rentrer dans le devoir sans en venir aux voyes de fait, et certes le but est très-sage et très-humain; mais s'y prend-on bien pour l'atteindre? Quelques phrases fermes et concises, appuyées de démonstrations vigoureuses, de l'effet desquelles on n'aurait pas l'air même de douter, améneraient, je crois, les Polonais à de sérieuses réflexions plus que ces longues périodes, où l'on offre le pardon à chaque ligne et derrière lesquelles je crois

toujours voir le grand-duc Constantin demander instamment de rentrer en grâce. Il faut effrayer les rebelles et non les amadouer. L'Empereur paraît avoir pris son parti de pousser cette guerre promptement. Il plaisante au reste sur les mesures de la Diète: le 17 janvier il était chez la princesse Woldemar dont c'était la fête; il s'approcha de la comtesse Strogonow, aucienne intime amie du prince Adam Czartorisky, et il lui dit: «M-me la comtesse, je vous demande votre protection auprès du prince Adam Czartorisky quand il sera roi de Pologne... si toutefois il le devient», ajouta Sa Majesté après une petite suspension.

17.

Vendredy, 6 février (1831).

Dimanche dernier le général de division Kabloukow, étant aux courses de chevaux sur la rivière, voulut couper la file des voitures; un gendarme en fonction, pour maintenir l'ordre, s'y opposa; il fit valoir son titre du général; le gendarme prétendit que cela ne changeait rien à sa consigne. Alors Kabloukow ordonna à ses aides-de-camp de rosser le gendarme, et il fut obéi sur-le-champ. Grande rumeur parmi la gendarmerie, plaintes portées, et on attend le résultat. Assurément le général a grand tort; on ne doit dans aucun cas frapper un militaire en fonction; les aides-de-camp porteront peut-être la peine de leur trop prompte obéissance.

18.

Jeudy soir, 12 février 1831.

Le général aide-de-camp Potemkin est mort du choléra en peu d'heures; il a gagné cette épidémie à Berdichew, où elle règne dans toute sa fureur.

Ici nous avons grande peine à nous en débarrasser tout-à-fait, et l'on ne peut point encore chanter le Te-Deum d'action de grâce. Cependant les théâtres sont rouverts, et à propos de cela nous avons perdu sans aucun regret m-r Kakochkin pour directeur, il est remplacé par m-r Zagoskin, auteur de Юри Милославичъ. On en fait des compliments au prince Youssoupow. J'en recevrais volontiers moi sur la rupture du contract de m-me Kartzow; tout est fini avec elle, et le reste de sa troupe ruinée donne quelques représentations pour amasser de quoi retourner en France.

19.

17 février.

Qui régnera en Pologne? Certes l'empereur Nicolas, je n'en doute pas ou, pour mieux dire, il règnera sur les Polonais; car la Pologne deviendra province russe, et c'est le seul moyen de la réduire au silence et de forcer au repos un peuple qui, comme Napoléon le disait très-bien, *porte sa ruine dans son caractère.*

Contre qui ferons-nous la guerre? Mais je pense, contre les révoltés d'abord et puis ensuite contre tous ceux qui voudraient prendre leur parti et se mêler de nos affaires, et nous armons pour être prêts à tout.

Louis-Philippe rêve-t-il lui-même la république?

Oh, non, cent fois non; il fait de son mieux, au contraire, pour renforcer le gouvernement monarchique, et s'il devait succomber, croyez bien que ce serait à son corps défendant.

Machmouth réclame-t-il le littoral de la Mer Noire?

Je n'en sais rien, on n'en a pas parlé; mais alors il faudrait lui préparer un logement à Charenton. Ce n'est pas après avoir vu l'armée russe aux portes de Constantinople qu'il songera sérieusement à recommencer une guerre qui serait le complément de sa ruine.

Le duc de Mortemart est à Pétersbourg, et le bruit de son départ subit est une des inventions de Moscou, qui n'a pas tardé à se démentir.

Puisque monseigneur le grand-duc Constantin commande la réserve sur le Bug, il ne paraît pas qu'il songe à s'établir sur le Lac-Majeur; au reste, je pense que son altesse impériale ne prendra un parti définitif qu'après l'entière terminaison de la guerre.

Oui, le prince P. Gagarin est sénateur et très-fâché de l'être. On prétend qu'il visait à une place de secrétaire d'état et que si on les choisit quelquefois parmi les ober-procureurs, il n'y a pas d'exemple qu'on les choisisse parmi les sénateurs qu'on regarde en général comme des gens mis sur la remise.

La nouvelle que le duc de Reichstadt commande l'armée en Galicie n'est pas même de Moscou, je la soupçonne de la fabrique de Toula ou Kalouga. Bon Dieu, le fils de Napoléon commandant à 20 ans une armée autrichienne dans une province ci-devant polonaise! Cela passe nos faiseurs de Moscou.

20.

Jeudy, 19 février.

On n'a point de nouvelles de Pologne; les arrivants de Pétersbourg paraissent croire qu'on est un peu en peine de ce qui se passe à Varsovie. L'Empereur a été exaspéré de l'apothéose faite en place publique des cinq pendus du 14. On a promené leur éffigie, on a forcé les prêtres grecs à célébrer un service funèbre pour eux, puis un orateur est monté en chaire et a prononcé une oraison funêbre, où les mots de martyrs et de tyran n'ont pas été épargnés; on les a appelé les modèles de la génération présente, on a juré de les imiter et de les venger surtout, en un mot l'exaspération est portée au comble et si on parvient à faire passer ce sentiment dans la masse de la nation, la résistance pourra être vive et longue. Le grand-duc Michel écrivait la semaine passée au prince Galitzin (Serge Michel): Je pars avec un coeur bien serré, prévoyant que cette guerre ne se finira pas sans une grande effusion de sang. On croit que l'Empereur est parti hier aussi. Où va-t-il et pourquoi va-t-il? C'est ce que je ne peux comprendre.

Quand mes lettres *par la poste* seront datées au bas, faites vous apporter un fer à repasser bien chaud et repassez mon papier; peut-être en sortira-t-il quelque nouvelle qu'on ne veut pas confier au cabinet noir. Tout cela bien entre nous.

21.

Jeudy, 26 février 1831.

Le c-te Pahlen écrit que les Polonais se défendent avec la rage du désespoir. Ils n'ont sans doute rien à attendre de bon de leur défaite; mais aussi pourquoi faire une levée de bouclier aussi intempestive contre une masse de force comme la nôtre? Ils nous coûtent beaucoup de sang et beaucoup d'argent; il est fort juste qu'ils en payent la façon. Mais n'admirez-vous pas l'aveuglement du grand-duc Constantin qui a travaillé 15 ans à se faire des verges pour être battu? C'était donc bien la peine de discipliner admirablement une belle armée, de la ménager aux dépends des Russes en refusant de l'envoyer en Turquie, où nos troupes seules ont affronté la peste et les assauts de Brahilow et de Varna, et de se refuser en même tems à l'évidence sur la haine de cette nation dont il avait tant de preuves et recevait tant d'avertissements! Cela me semble incompréhensible, et nous payons

bien cher l'illusion que se faisait ce prince, qui n'a ouvert les yeux qu'au moment où les assassins marchaient sur son palais. Il y a aussi une sorte de perfidie dans cette nation qui a prêté tant de serments en se préparant à les abjurer, et par dessus tout cela il y a de la folie à eux de croire pouvoir résister à une masse de force telle que présente la Russie.

22.

Nous avons eu de beaux bals pendant le carnaval, mais celui du colonel Lazarew a ecrasé tous les autres. C'était comme un bal de cour. Le local était vaste, l'abord n'était que fleurs et arbustes, les salons magnifiques, les raffraîchissements raffinés, l'orchestre invisible, une chambre de toilette garnie de gants, de souliers, de rubans, de fleurs, d'odeurs et de tout ce que peut être nécessaire aux dames, avec six femmes de chambre françaises prises chez mesdames Lebour et autres pour habiller les personnes qui pouvaient avoir besoin de quelque changement à leur toilette. Enfin, un souper servi sur des plats d'or massif d'un travail antique et persan. Chacun est revenu de là enchanté de la galanterie orientale du seigneur d'Arménie qui semble jouer à désespérer toutes les mères et les tantes dont, au milieu de tant de preuves de richesse, les avances restent inaperçues.

Vendredy, 6 mars 1831.

„J'ai acquis la certitude que je peux vous dire un mot à l'oreille sans inconvénient. Cependant ceci n'est qu'un essai pour savoir si cela vous réussit bien; car je n'ai rien de particulier à vous mander. On a enlevé plusieurs Français à Pétersbourg et envoyé en Sibérie, soit pour des mauvais propos, soit pour des correspondances. Nous avons ici beaucoup de malveillants, qui se plaisent à répandre les bruits sinistres. Je refuse de les entendre même. On dit qu'on a brûlé notre flotte dans le port de Sévastopol.—Hé bien, cela paraît-il bien sous le fer à repasser? Il le faut très-chaud. Faites-moi savoir si la preuve a réussi.“

23.

Savez-vous que nos étudiants de l'université veulent un peu singer ceux de Paris? Ils on hué un professeur Маловъ jusque dans la rue, parce qu'il ne leur avait pas parlé avec assez de politesse. Le len-

demain, les huées ont recommencé, et Маловъ a dû quitter la classe. Panin a voulu mettre le holà, mais on assure qu'il a trouvé les têtes si montées qu'il a jugé prudent de se retirer. Quelques écoliers sont arrêtés, entre autre un prince André Obolensky. Il faut mettre ordre à cela dès le principe.

Le 27 mars 1831.

«Le grand-duc Constantin est à Bialostock pour soigner sa santé qui ne peut supporter la vie des camps. On assure qu'il écrit des lettres pressantes à l'Emp. pour plaîder la cause des Polonais. C'est sa femme qui le pousse et qui déplaît beaucoup par l'à, dit-on. Le gr.-duc ne peut assez s'extasier sur la bravoure de l'armée qu'il a si bien dressée, et son amour-propre lui fait oublier tout patriotisme, car il est ravi de voir que ses chers élèves en savent plus que ceux de son frère. On murmure terriblement ici contre l'inaction de Dibitch.»

24.

Madame la grande-duchesse Hélène part pour l'Anglettere pour y prendre les bains de mer. Elle est accompagnée de madame de Nesselrode et du prince Nicolas Gagarin, votre beau-frère. Ce choix m'a surpris: la dame est bien solennelle pour accompagner une malade qu'il faut amuser, et Gagarin est bien blasé, bien ennuyé pour faire la société de cette princesse et lui donner quelque agrément.

Que dites-vous, madame la comtesse, de Paul Démidow, gouverneur de Koursk? On assure qu'il donne 40 mille roubles à un secrétaire qui fera les affaires et qui volera sans la responsabilité de son maître. Peut-on se connaître assez pour désirer et demander une place semblable?

Le 10 avril 1831.

„On assure que le Conseil a agité le projet de lever une milice générale, à l'instar de la landsheer de Prusse et que Mordvinoff et Menchikoff s'y sont vivement opposés. Les affaires vont très-mal. Le prince Chachovskoy a été mis aux arrêts par le maréchal, ce qui a fait tellement crier Pétersbourg contre Dibitch que l'on a cru devoir envoyer plusieurs personnes à la forteresse. Dibitch a eu une entrevue

avec le grand-duc Constantin, qui l'a traité fort durement et l'a appelé *ivrogne.*—Du moins, je ne suis pas un poltron, a répondu le maréchal. On dit encore qu'on a découvert que plusieurs colonels du corps de Rosen sont vendus aux Polonais et que c'est la cause pourquoi ce corps est toujours surpris et battu. A la place du gouvernement je ne me fierais à aucun Polonais, et pourtant on assure que Benckendorff ne voit que par les yeux de Stan. Potocky et que Matuchevitch conserve de Londres une influence immense sur l'esprit de Nesselrode. Prions Dieu pour la Russie!“

25.

Vendredy, 29 may 1831.

Il n'est plus guère question de la France et de la Belgique: tous nos regards sont portés sur notre intérieur qui se rembrunit furieusement. L'oukaze de l'Empereur sur la Lythuanie vous donnera la mesure de nos risques et de nos craintes. Cette gangrenne morale doit être extirpée dans le vif et à l'instant même, si nous ne voulons pas qu'elle gagne de proche en proche et n'arrive jusqu'au coeur. On parle de nouvelles recrues et même d'une levée de milice et d'une invitation aux fils de la Russie de contribuer par des donnations volontaires au salut de la patrie. Je ne crois pas qu'on soit à beaucoup près dans le cas d'en venir à ces terribles extrêmités. Se pourrait-il que pour soumettre quelques révoltés polonais et après deux batailles seulement on en fut déjà réduit aux mêmes expédients dont on usa quand Napoléon franchissait nos frontières en 1812 avec une armée de 500 mille hommes et une alliance de toute l'Europe, qui ne laissa pour nous que l'Angleterre et la Suède? Non, cela ne peut pas être! Où sont donc nos grandes armées, où est cette belle garde impériale?

26.

Le 3 juin 1831.

Cette guerre d'extermination me fixe le sang. On a beau tuer ces rebelles, ils reparaissent comme s'ils sortaient de dessous-terre, et quoiqu'on nous eut annoncé qu'enfin Dibitch était réuni à la garde, il se trouve pourtant encore dans l'affaire du 19 may en force inférieure partout; cela ne s'explique pas, mais cela jette du sombre sur notre avenir et trouble toutes les jouissances de la vie. L'esprit ne se repose nulle part; tout se prépare partout pour des innovations et peut-être

des révolutions, et quand on se demande le lieu de l'Europe, où l'on peut vivre et mourir tranquille, on est fort embarrassé pour le trouver! Le Portugal a son tyran et ses bourreaux, l'Espagne ses moines et son fanatisme, la France ses républicains, prêts à tout bouleverser, l'Angleterre sa réforme qui va amener un déluge de maux; la Belgique ne sait comment se constituer et en attendant est inhabitable; l'Autriche est sur le qui vive entre l'Italie et la Pologne; la Prusse se trouve dans la même position entre la Pologne et les Pays-Bas; la Porte même voit les soulèvements dans tous ses pachaliks... Enfin partout, tout est en l'air et partout l'existence est précaire; c'est encore la Russie, cette chère et bonne Russie qui offre le plus de chances de tranquillité... Prions Dieu de lui conserver cet avantage et de détourner de nous ces symptomes révolutionnaires qui auraient ici des développements plus dangereux que partout ailleurs. Heureusement que l'étendue du pays, sa population rare et disséminée, les grandes distances et les longs hyvers rendent ces développements extrêmement difficiles parmi le peuple.

27.

Jeudi, 11 juin 1831.

J'ai été interrompu par la visite de l'amiral Greig, qui arrive de Pétersbourg, d'où il est parti il y a quatre jours au même moment où Paskievitch s'embarquait sur un pyroscaphe pour Libau afin d'abréger le chemin. D'abord l'amiral m'a dit qu'il n'y a rien de vrai sur l'épidémie de Cronstadt et de Schlusselbourg; ensuite il a dépeint Pétersbourg comme divisé en deux parties: l'un raisonnable et suspendant son jugement sur les conséquences de la mort de Dibitch, l'autre fou de joye et croyant déjà la Pologne conquise, tandis que les gens qui ont vu les choses de près ne regardent point cette conquête comme une chose facile, vu l'acharnement inouï avec lequel les rebelles se battent, les vieillards, les femmes et les enfants prennent les armes et se font tuer avec un courage et un sang-froid qui rappelle tout-à-fait la guerre d'Espagne contre Napoléon. Cette comparaison n'est pas réjouissante. Paskievitch, que Greig a vu souvent, est, dit-il, très-modeste et a l'air de comprendre toute la difficulté de la tâche dont il se charge. Nos provinces de Podolie, Volhinie et Lithuanie sont à mille lieues d'être calmées: les paysans se lèvent partout et, quand la force armée les atteint, ils se dispèrsent dans les bois et deux jours après reparaissent sur un autre point; c'est encore les guérillas d'Espagne.

Le choléra-morbus est dans l'armée, il est vrai, mais il n'y en a point eu au quartier-général, et Dibitch est le seul qui en ait été attaqué, si toutefois c'est de cela qu'il est mort, ce dont beaucoup de gens doutent: on croit assez généralement que le poison a mis fin à sa vie, soit qu'il l'ait pris lui-même, soit que ses ennemis le lui ayant donné; c'est du moins l'opinion de Pétersbourg. Il est impossible de se faire une idée juste sur la fin de cette guerre; le général ennemi est un très-habile homme, et il est à la tête d'une armée pleine d'enthousiasme et secondée par toute une population exaspérée, dont il a le talent d'entretenir l'ardeur.

Vendredy, 12 juin.

Nous avons ici Michel Orlow au grand étonnement du public. Il conte qu'il a écrit à l'Empereur pour lui demander à servir comme soldat; l'Empereur lui a fait répondre qu'il lui permettait d'habiter Moscou, qu'il lui demandait son fils pour le faire élever aux pages. Orlow a répliqué qu'il acceptait avec reconnaissance le séjour de Moscou; mais que pour son fils, il voulait l'élever lui-même, et le voilà!

28.

Mercredy, 24 juin 1831.

Nous sommes au milieu d'évènements *cachés*, pour lesquels on fait des enquêtes exactes. On sait seulement qu'il y avait sur le tapis une conspiration réelle. On prétend savoir qu'il était question de révolte et d'incendie. Les Polonais d'ici sont les agents de tout cela; des prêtres, des moines et des nobles sont compromis, ainsi que quelques étudiants. On prétend que m-me Volkow, soeur de la c-sse Julie, est aussi pour quelque chose là-dedans; mais quand à elle, cela n'a rien de sérieux, puisqu'elle prend les eaux, sans être inquiétée; il est question de correspondance avec les Polonais et d'argent donné ou envoyé. Il faut conclure de cela que pour le moment on doit redoubler de prudence.

Jeudy, 25 juin au soir 1831.

J'ai trop de plaisir à vous écrire pour ne pas profiter de toutes les occasions, et si le Jeudy vous entendez parler de moi, ne vous en prenez qu'à vous, je vous prie. Vous croyez que c'es *par hasard* que je pourrais penser à vous un Mardy! Le mot *par hasard* est fort bien trouvé assurément; que sait-on en pour effet ce que le hasard peut amener?

Le vieux c-te Strogonow, partant pour ses terres, prenait congé de Catherine II, et comme il sortait, l'Impératrice lui dit une dernière fois: Adieu donc, ne m'oubliez pas.—„Oh, n'ayez pas peur, madame: je ferai un noeud à mon mouchoir“, répondit le comte. J'ai bien envie de vous dire la même chose pour vos Mardys.

Mon billet par le c-te Alexis vous aura appris où nous en sommes. Depuis j'ai reçu une lettre du 20 de Pétersbourg de Мухановъ, qui dit très-positivement que c'est du choléra que le grand-duc est mort; d'autres lettres mandent qu'il n'a été malade que cinq heures. Il est mort à Vitepsk. M-r de Benkendorff, au moment de partir pour prendre possession des papiers du défunt, est tombé lui-même très-dangereusement malade. La terreur est à l'ordre du jour à Pétersbourg: les heureux du siècle ne considèrent pas sans pâlir tout ce qu'ils devraient abandonner, si l'épidémie les atteignait, et cette peur donne déjà une grande propension à en être attaqué.

L'Impératrice accouchera à Czarsko-Celo, qui est cerné, ainsi que Péterhof et Élaguine pour servir de refuge à la famille impériale. On fuit toutes les réunions; beaucoup de visages ont changé, ou pour mieux dire, beaucoup de masques sont tombés. Le ministre des finances, qui a tant crié contre la contagion, fait parfumer tous les papiers qu'il est forcé de recevoir, et ne donne plus aucune audience.

Cette peur, le deuil et le séquestre de la famille impériale vont faire de Pétersbourg la capitale de l'ennui.

J'ai aublié de vous dire qu'on a levé les scellés chez le c-te Orlow, où l'on n'a trouvé qu'un petit million accompagné de six cent mille roubles, et 48 mille paysans francs de dettes. On dit qu'on s'attendait à mieux; cependant cela me paraît acceptable; aussi ne dit-on point que les héritiers ayent rejetté la succession.

J'oubliais de vous dire qu'une Samedy soir la police a averti les habitans de Podnovinsky de se tenir sur ses gardes, parce qu'on avait découvert le projet d'incendier le quartier avec des mèches qu'on devait jetter sur les maisons.

L'enquête d'ici amène de nouvelles découvertes chaque jour. On assure qu'on a trouvé un gros paquet de proclamations imprimées par un m-r Philimonoff, gouverneur civil je ne sais où. Je n'affirme pas la chose, mais il est bien probable que cette affaire doit avoir des affiliations. Ce qui a donné lieu à l'émeute de Pétersbourg, c'est un scélérat qui a fait semblant d'être malade et qu'on est venu chercher dans une voiture de l'hôpital. Quand il a été en route, il a crié par la portière: «Au secours! Au secours! Ne me laissez pas enlever; je me porte fort

bien, on vous menera tous comme moi à l'hôpital pour vous y faire mourir!» Le peuple s'est assemblé, a ouvert la voiture, et l'homme a disparu sans qu'on a pu le retrouver.

29.

Mardy, 30 juin 1831.

Je copie une lettre de 24 que je reçois de Moukhanow.

.... Depuis deux jours il s'est passé bien des choses importantes. Il y a eu une émeute; le peuple n'a jamais voulu croire que la maladie soit en ville et prétendait qu'on portait aux hôpitaux des gens bienportants. Il y a eu des rassemblements, on a forcé les hôpitaux. jetté les malades sur le pavé et détruit tout le mobilier; plus de dix mille hommes étaient rassemblés sur la place de la Сѣнной, et cela commençait à devenir très-sérieux; le gouverneur-général n'a pas pu parvenir à se faire obéir; la foule augmentait toujours, et cette populace ivre était instiguée par des malveillants. Heureusement que le comité établi par ordre suprême a pris la direction de cette affaire; le ministre de l'intérieur a harangué les soldats, les a fait marcher, et on a amené du canon; mais, grâce à Dieu, on a pu dissiper le peuple sans tirer un seul coup. C'était le Lundy 22 que tout cela se passait; hier, Mardy 23, les rassemblements ont recommencés, et l'Empereur est arrivé tout droit en calèche de voyage au milieu de cette populace: il a harangué le peuple à plusieurs reprises, on est tombé à genoux. on a demandé pardon, on a pleuré, c'était touchant, tout le monde a été ému; on a chanté apres cela les prières des morts pour *les victimes de la révolte*, et tout est rentré dans l'ordre. L'Empereur est reparti après avoir nommé deux gouverneurs-généraux pour quelques parties de la ville; ce sont Orlow et Troubetzkoy. Vassiltchkow est nommé commandant en chef des troupes. Il y a du Polonais dans toute cette histoire; on en a arrêté beaucoup, c'est eux qui ont enivré le peuple et instigué l'insurrection. Cet état de crise a duré deux jours, pendant lesquels la maladie n'a cessé d'augmenter; hier, 23, il y avait 475 malades, dont 217 n'existaient plus ce matin. Le prince Galitzin (Koulik) est mort en 4 heures; m-r Lanskoy, ex-ministre de l'intérieur, de même: mais celui-là, malgré ses 78 ans, a mangé du batvinia la veille et pris un bain de rivière.»

Nul doute que les Polonais ne soyent au fond de tout cela à Pétersbourg, comme dans la conspiration de Moscou, qui était probable-

ment concertée avec l'autre pour semer le trouble et le désordre dans les deux capitales en même tems. Ici l'enquête se poursuit avec activité; il transpire quelque chose en attendant qu'on instruise le public. On sait déjà qu'il s'agissait d'incendier la ville et de faire main-basse sur les autorités; c'était à l'occaision du choléra qu'on devait ameuter la populace.

Tout cela paraît fou quand on pense que c'étaient des étudiants de l'université qui complottaient de telles choses; mais, selon toute apparence, ils avaient quelque instigateur notable, peut-être même à eux inconnu. Le fait est qu'ils avaient fait provision d'armes, de munition et d'argent. On percera sans doute ce mystère et on découvrira d'où ces moyens leur venaient.

Le torrent nous aborde; il n'y a qu'une grande prudence, beaucoup de sagesse, de courage, de sang-froid et de fermeté qui puisse y opposer une digue efficace. L'Europe est malade, et j'ai bien peur que nous ne payons bien cher la gloriole de nous être fait Européens malgré la nature. Qu'avons nous gagné par nos acquisitions occidentales? L'état actuel des choses. Notre lot était l'Est: cultiver, peupler la Sybérie, guerroyer au besoin avec les Turcs et les Persans, conserver nos barbes et nos caftans, boire du kvas au lieu de vin de Champagne, avoir quelques ports pour vendre à l'Europe nos fers, nos mâts et notre chanvre et vivre en bons et honnêtes boyards à l'abri des révoltes et des révolutions, comme dans le Céleste Empire Chinois. Nous aurions quelques jouissances de moins, et beaucoup de tranquillité de plus. Décidez, madame, ce qui vaut le mieux. J'ai bien peur que, malgré l'expérience, vous ne soyez pour la civilisation... Passe encore si nous l'avions complette; mais cette demi-civilisation qui nous fait ressembler à un vaste champ de chardons entre-mêlé par-ci par-là d'une rose ou d'un oeillet, qu'on a tant de peine à réunir. Je crois en vérité que cela cause plus de peines que de plaisir.

30.

Jeudy soir, 2 juillet 1831.

Les choses vont si grand train qu'on risque d'oublier d'un Vendredy à l'autre ce qui s'est passé. Je vous ai mandé les émeutes des 22 et 23 et comment l'Empereur avait réussi à les apaiser; cependant le 24 il y eut encore du bruit et l'on se rassembla autour d'un hôpital du Vassili Ostrow avec les mêmes intentions destructives. Mon

correspondant ne me dit pas jusqu'où le désordre fut porté, mais il alla assez loin pour engager l'Empereur à revenir le 25 à Pétersbourg, où il parcourut les rues les plus populeuses, puis rassembla le comité et repartit pour Péterhof. A la suite de cela le général-gouverneur Essen publia des concessions dont je ne sais pas bien estimer la valeur; la police ne se mêlera plus du transport des malades, ce transport sera libre, et on établit des députés de *chaque ordre* auxquels on devra s'adresser pour faire conduire les malades aux hôpitaux, quand on ne pourra pas les traiter à domicile; les morts seront enterrés avec toutes les cérémonies de l'église, mais dans les 24 heures.

J'ignore si tout cela est à propos; mais en règle générale je n'aime pas les concessions faites à la suite d'un tumulte populaire: cela est d'un exemple dangereux. Voilà où nous en sommes pour Pétersbourg.

Ici l'enquête continue, et les arrestations aussi; mais rien de positif ne transpire. On sait seulement que le 25 juin, pendant l'illumination du jardin du Kremlin, on devait assassiner le prince Dmitri. L'illumination n'a pas eu lieu sous le prétexte du deuil. Dimanche soir tout le quartier de Подновински fut averti par la police qu'il y avait un projet de mettre le feu; on recommandait à chaque maison de faire veiller quelque domestique et d'écarter du trottoir les passants pendant la nuit. Cela a pu être nécessaire; mais jugez quelle allarme cela a répandu dans tous les environs. Je vous ferai grâce des *on dit*, qui sont nombreux; vous saurez seulement qu'une belle dame, que bien vous connaissez, passe pour être impliquée dans toute cette affaire: elle est partie pour la campagne, elle se nomme Lise, elle est grande et belle et porte le même titre que vous. Vous y voilà, j'espère. Tout est croyable aujourd'hui; cependant je doute bien fort de la vérité de ce bruit. Je pense que tout ce complot finira par rien du tout; on punira légèrement quelques poliçons, mais les auteurs, les meneurs resteront inconnus, ou trouveront de hautes protections. Il en sera de même à Pétersbourg. Tout semble indiquer que les causes premières viennent de haut et que celui qui est au dessus de tout est tellement circonvenu que son noble dévouement et ses excellentes intentions seront toujours paralysés. Dieu fasse que je me trompe.

Le c-te Alexis n'a rien dit de trop, en vous assurant que m-r votre frère se porte très-bien; je ne l'ai plus trouvé chez lui, mais je l'ai vu de loin au club avec l'air d'une brillante santé. Vous savez qu'à présent le plus léger mal d'estomac, la moindre atteinte de colique donne l'idée du choléra; mais soyez assurée que cette maladie n'attaque pas ceux qui ne font pas de notables imprudences. M-r Lan-

skoy avait mangé du batvinia et pris un bain de rivière; le prince Galitzin avait fait une débauche de glaces, et enfin le grand-duc Constantin, après avoir eu un dérangement d'estomac le 13 au soir, courut les rues de Vitepsk le 14 et rentrant en nage but un verre d'eau à la glace et par là-dessus du thé à la crème; dans la nuit le choléra se déclara, et à 8 heures du matin les médecins déclarèrent déjà le mal sans remède. C'est m-r Schröder, gouverneur de Vitepsk, qui écrit ces détails à Novossiltzow.

31.

Mardy, 7 juillet 1831.

Je vous ai écrit, madame la comtesse, tous les évènements de Pétersbourg. Depuis ce jour il nous arrive d'heure en heure des fuyards qui content tous les détails lesquels ne sont pas riants. On a tué, de compte fait, 5 médecins, à commencer par le médecin en chef d'un hôpital que le peuple trouva occupé de l'autopsie d'un cadavre, victime du choléra; on s'empara des couteaux du docteur et on l'éventra sur la place. On a tué plusieurs officiers de police, plusieurs gendarmes et beaucoup de malades jettés par les fenêtres; de plus, on a assassiné de sang-froid quatre pauvres Allemands dans la Яжской; 150 paysans ont reçu les plets sur la place de la Сѣнной, et un seul a été knouté; mais plusieurs vont être jugés. Voilà des faits positifs; les trouvez-vous assez graves? Cependant le système est de réduire tout cela à rien et de n'en plus parler. M-r de Koutousow, passant ici pour se rendre à Nijnei, ne revenait pas de son étonnement de ce qu'à Moscou on pouvait tant s'occuper d'une semblable bagatelle! Ce sont de ces choses qui ne valent pas la peine d'être relevées, disait-il; cela arriva trois ou quatre fois par semaine à Paris et surtout à Londres, où l'on jette de la boue au roi sans que cela fasse la moindre sensation. Je vous prie de tirer la conséquence de cette citation dans la bouche d'un haut fonctionnaire public...

Notre enquête de Moscou s'en va aussi tout doucement à néant. D'abord on voulait assassiner les autorités et brûler la ville, et de fait la police a fait avertir tout un quartier qui devait être incendié le 28 au soir. On a doublé les gardes partout, on a eu des troupes sur pied pendant plusieurs nuits etc. etc. Mais tout cela aujourd'hui se réduit à 3 ou 4 Polonais qui avaient formé le projet de s'enfuir, et à 8 ou 10 étudiants qui avaient acheté pour eux des armes et de la poudre... J'avais bien prévu que tout cela se terminerait ainsi; si la

Russie a des incendiaires parmi le peuple, elle a aussi de fameux éteignoires un peu plus haut.

On avait répandu une nouvelle qu'on adoptait avec plaisir: on disait que m-r Tchernicheff quittait le ministère pour l'ambassade de Berlin, que m-r Zakrewsky était ministre de la guerre et m-r Dmitri Bibikoff, le manchot, ministre de l'intérieur.

32.

Vendredy, 10 juillet 1831.

Personne ne partage plus entièrement que moi tout ce que vous me dites sur les vertus et les excellentes qualités de notre Empereur, et personne n'est plus convaincu que moi de ses bonnes intentions. Très-certainement il ne peut vouloir que le bien, son coeur et ses vrais intérêts l'y portent et s'il est contrarié, c'est par l'incurie des instruments dont il se sert. L'expérience lui apprendra sans doute à mettre chacun à sa place et à bien choisir les hommes dont il a besoin. C'était le grand talent de l'impératrice Catherine, celui qui a le plus contribué à la gloire de son règne. Il est difficile de se défaire des gens qu'on a trouvé en fonctions, et commode de s'en rapporter à eux; mais le résultat de leurs opérations doit cependant prouver leur incapacité, et cette preuve une fois acquise doit surmonter tous les obstacles, qui s'opposent à un changement. Cela viendrait, je pense, s'il se trouvait à cour un homme capable de dire la vérité à ses risques et périls. Mais qui veut exposer son bien-être personnel et positif contre un avantage général fort incertain? Il faut des siècles pour produire un tel homme. Henry IV a trouvé un Sully, et il fallait toute l'énergie du bon roi pour soutenir son ministre contre la cabale de ses ennemis!

Vous avez parfaitement prévu qu'on trouverait moins de causes étrangères que d'abus d'autorité dans l'émeute des 22, 23 et 24 juin. Il paraît bien prouvé que ces tristes journées ne se rattachent à rien de politique et que la manière arbitraire avec laquelle on enlevait les malades et les arrivants surtout a seule soulevé le peuple. Aussi lui a-t-on accordé ce qu'il réclamait, et personne n'est conduit aux hôpitaux que volontairement; les morts son enterrés avec les cérémonies de l'église, et la police n'est plus pour rien dans ce qui concerne l'épidémie. Mais il paraît que ces nouvelles mesures en calmant les esprits ou amené un accroissement de maladie et, si les rapports des arrivants ne sont pas fort exagérés, les bulletins ne disent pas à beaucoup près

toute la vérité. La pauvre princesse Kourakin, ma plus ancienne connaissance en Russie, vient de succomber, ainsi qu'une m-me Zavadovsky, un général Oppermann et un sénateur Baumgarten. On vient de faire partir de Moscou 36 médecins, dont 24 élèves de l'université et 12 volontaires. M-me Langéron a eu le choléra et a été guérie par Marcus. On assure que toutes les quarantaines sont levées, et c'est la mesure que la prudence réclamait avec le plus d'instance.

Les troupes ont encore été sur pied toute la nuit dernière pour prévenir des projets d'incendie, découverts par l'enquête qui se poursuit. Le prince avoue lui-même qu'il y avait eu le projet de l'assassiner au milieu d'un incendie, et c'est un jeune fils du pasteur allemand, qui paraît être à la tête du complôt. Cela est absolument séparé de l'affaire des Polonais, qui voulaient fuir, et dans cette dernière affaire, quoique les noms de trois dames ayent été cités, elles n'ont en aucune manière été compromises: on a lu des lettres à elles adressées, mais parfaitement insignifiantes et qui ne pouvaient pas même donner le moindre soupçon. Dans ces trois noms, celui de la comtesse Lise P. n'a pas été du nombre, comme on s'était plu à le dire.

33.

Mardy, 14 juillet 1831.

Vous ne recevrez que quelques lignes aujourd'hui, madame la comtesse, pour vous apprendre la mort de Langéron, que Marcus n'a pu réussir à sauver, comme il venait de sauver la comtesse. Je crois vous avoir déjà mandé la mort de la princesse Kourakin, qui a lutté pendant 48 heures dans les convulsions, tandis que presque tous les autres succombent en moins d'un jour. La terreur est à l'ordre du jour dans la capitale; ceux qui peuvent fuir nous arrivent à force; mais tant de gens retenus par leur service pâlissent de peur. Gouriew est enfermé sans que personne puisse pénétrer jusqu'à lui; les Youssoupow de même, et le prince Serge Gagarin est sur son balcon aux isles, et son secrétaire est à la rue lui lisant les papiers; heureusement que l'administration du théâtre ne comporte pas d'affaires secrètes. Le prince écrit ses résolutions et les jette au vent, comme les feuilles de la Sybille. Ce qu'il y a de piquant, c'est que la princesse Voldemar avec ses 96 ans se promène *en droschky* sous les fenêtres de ces messieurs, comme pour tourner en ridicule leurs précautions exagérées.

On m'écrit de Koursk que Démidow y fait des merveilles: il fournit à ses frais le mobilier des hôpitaux et les vivres des malades. Il a eu les mêmes soins pour les quarantaines; de plus, il a donné 3 mille roubles aux employés, évaluant à ce taux ce que leur fripponnerie pourrait rapporter, mais avec promesse d'être jugés avec la plus grande sévérité au moindre *méfait*, en sorte que les ordres sont exécutés avec la plus grande exactitude, et chacun est content. Voilà un genre de patriotisme que la cour devrait admirer, exalter à l'égal des faits militaires; cela encouragerait, et nous verrions alors les Bélosselsky, les Chérémetiew, les Besborodko, laissant leurs inutiles sabres, devenir de paisibles gouverneurs et répandre leurs richesses dans le pays au lieu de les dissiper dans les sottises du corps de garde.

34.

Vendredy, 17 juillet 1831.

Ce sera une grosse épine ôtée de notre pied que la fin de cette guerre, surtout si elle se termine sans que les étrangers s'en mêlent. Nos armées sont fort diminuées; il nous faut une paix pour les rétablir sur un bon pied, quoique ce ne sera jamais faute d'armée que la Russie s'affaissera, mais bien par la corruption de son administration intérieure. Quel remède à cela? De nouvelles lois; mais elles ne trouveront pas plus d'exécuteurs que les anciennes. Aucune loi ne dit: *vole*, *tue* etc. etc. Ce remède serait que les gens d'honneur, les gens non-corrompus s'emparassent des places abandonnées au brigandage et à l'ineptie; qu'il se formât ainsi un faisceau de gens voulant le bien, non par des pamphlets ou des associations secrètes, mais par l'employ de leurs moyens. On prouverait ainsi bien plus d'amour pour sa patrie qu'en se livrant dans l'oisiveté à la jactance ou au dénigrement. Notre conspiration se découvre peu à peu; mais, comme vous le dites, on a raison d'avoir l'air de la mépriser. On vient d'arrêter un professeur Vassiliew de l'école de commerce, chez lequel on a trouvé des armes à feu, des sabres et de la poudre et on a mis la main sur tous ses papiers. Comment les étudiants ne seraient-ils pas révolutionnaires quand ceux qui sont chargés de les instruire leur prêchent la révolte!

L'épidémie commence à diminuer à Pétersbourg. Langéron n'en est pas mort. Il avait l'imprudence de prendre à plusieurs reprises le

vomi purgatif de Leroy, dont on n'a pu arrêter l'effet. Il a passé ses dernières heures en écrivant à l'Empereur et au grand-duc et il a laissé sa femme son unique héritière; l'héritage n'est pas considérable, je pense.

La nouvelle du jour à Moscou c'est la mort du prince Youssoupow. Je le vis Lundy soir au club, faisant son whist en très-bonne santé, et annonçant qu'il allait le lendemain à Archangelsky. Le matin de Mardy il se sentait affaissé d'un dérangement d'estomac; au lieu d'Archangelsky il alla à sa maison de la Nikitska, où il faisait agrandir son théâtre, qu'il avait dessein de louer pour la troupe française. Il dîna chez lui, mangea du melon, des cerises et du melon d'eau; il avala tout cela très-bien; mais l'estomac ne voulut pas entendre à le digérer, et quand à 6 heures sa voiture était prête à le mener au club, il fut pris de vomissemens qui le soulagèrent, mais qui le jettèrent dans une faiblesse telle qu'il fit appeler un médecin. On lui donna une mixture qui ne produisit rien: la nature était épuisée, la faiblesse augmentait de moment en moment. A minuit son valet de chambre hasarda de lui proposer le prêtre. Il le remercia de son idée en l'acceptant. Il fut confessé, communié et reçut l'extrême onction avec le plus grand calme; il ne sentait aucune douleur, ne se plaignait de rien, conservait toute sa tête. On fit avertir le prince Dmitri, m-r Arséniew et le prince Woldemar. Il causa avec tout son bon sens jusqu'à 7 heures qu'il perdit la vue tout-à-coup à son grand étonnement; quelques minutes après il perdit la voix, et un instant après il expira sans agonie, sans douleur et avec la plus parfaite tranquillité et résignation. C'est à quoi on ne se serait point attendu. Mais enfin il est mort aussi heureusement qu'il a vécu. Il a recommandé qu'on l'enterrât sans pompe et qu'on donnât aux pauvres ce qu'aurait pu coûter la cérémonie d'usage.

35.

Mardy, 21 juillet 1831.

L'esprit de la marquise de Brinvilliers plâne sur notre atmosphère, madame la comtesse: on ne parle plus ici que d'empoisonnés, d'empoisonneurs et d'empoisonnement; vous représentez-vous comme cela est gai et rejouissant! Depuis 10 jours on se passe en secret un imprimé que le gouverneur de Toula a fait répandre par sa police et par lequel il prévient qu'on ait à saisir, si on le peut, un certain propriétaire nommé Danilow, qui a envoyé bon nombre de ses paysans pour jetter dans les puits de l'arsenic qu'il leur a fourni. Cela paraissait si absurde qu'on n'y faisait pas grande attention; mais voilà que la semaine dernière un riche marchand donne un grand dîner de

30 couverts et que 21 des convives meurent empoisonnés dans la soirée ou la nuit. Tout aussitôt le bruit se répand qu'on a pris sur le fait des gens qui jettaient du poison dans un puit, et le public est en l'air, et l'agitation devient extrême.

On s'informe de tout côté, et personne ne peut rien apprendre de positif; les gens qui peuvent savoir la vérité assurent que tout cela n'est rien, que les victimes du dîner du marchand sont en beaucoup moins grand nombre, que l'imprimé de Toula n'a point été distribué par la police, mais par des polissons qui voulaient s'amuser, en un mot qu'il ne faut plus s'entretenir de choses qui n'en valent pas la peine et qu'on doit laisser tomber d'elle-même. Cependant les arrestations continuent, le comité d'enquête va son train, et l'on voit qu'on instruit dans le secret un grand procés, mais dont on ne veut pas qu'on parle. Si les imprimés de Toula (dont vous devez avoir connaissance comme habitante de ce gouvernement) ne sont réellement pas l'ouvrage de la police, alors chacun pense qu'on devrait rechercher et saisir et même punir avec sévérité les auteurs de cette mauvaise plaisanterie dont le but ne va pas moins qu'à empoisonner les esprits, si ce ne sont les fontaines. Aureste, les gens les plus inquiets rendent pourtant justice au prince Dmitri Galitzin qui mérite par sa prudence la plus entière confiance des habitants de Moscou qu'il a préservé l'automne dernier des plus grands dangers par sa persévérance à écarter les mesures trop rigoureuses que voulait prendre le ministre de l'intérieur et même l'Empereur lui-même. Aujourd'hui ce ministre est en Finland, et bien des gens croyent que c'est une disgrâce causée par les conséquences qu'a eu son systême de quarantaines.

Je viens d'apprendre de gens qui croyent le savoir de bonne part que m-r Zakrewsky a été envoyé en Finlande parce qu'on a appris que les Polonais y ont fait passer de nombreux agents pour soulever cette province dont Zakrewsky est demeuré gouverneur-général. Ces Polonais sont des diables incarnés qui nous travaillent de toute façon.

36.

Le 24 juillet 1831.

Vous avez parfaitement raison: ce qui arrive ici rappele 89. N'ai-je pas vu le peuple s'armer pour chasser les brigands qui fauchaient les blés en herbe; les brigands ne se trouvaient pas, mais les paysans demeuraient en armes. N'ai-je pas vu les choux de la plaine St-Dénis empoisonnés par des Anglais, et je vous assure qu'un Anglais dans ce tems-là n'aurait pas osé montrer son nez à la halle. Avec du mystère et du merveilleux on soulève toutes les terreurs; puis on les exploite. Nous avons besoin d'une complette victoire pour calmer l'effervescence,

et Dieu veuille que Varsovie ouvre ses portes pour les vainqueurs comme pour les vaincus; car je ne connais rien de plus misérable aujourd'hui qu'un Polonais resté fidèle à la Russie: il est l'objet de la haine et de la méfiance, le point de mire de tous les faiseurs de bavardage. Heureusement qu'on nous annonce que l'armée toute entière a passé la Vistule et qu'on a bien d'espérer une prompte fin à cette funeste guerre, qu'il eut été si facile de prévenir et dont les conséquences se feront sentir longtems encore.

Je viens d'être interrompu par des cris d'allarmes. Il y a ici depuis un mois un viel Allemand avec sa fille de 17 ans et son fils de 14; ils sont en blouse, costume fort étranger à Moscou, et ils vendent des petits balais pour 40 sous, les enfants chantent des tiroliennes à ceux qui veulent bien prendre leur marchandise; je les ai vu deux fois dans mon jardin. Ne voilà-t-il pas que nos sots Moscovites ont imaginé que ces balais renferment du poison et qu'en chassant les mouches ce poison s'éparpille et qu'on le respire, si bien que tout-à-l'heure dans mon voisinage on a vigoureusement battu ces pauvres enfants qui se sont refugiés chez moi tout en larmes. Ils veulent quitter cette Russie pour eux si inhospitalière et repartir à pied par la même voiture qui les a amenés. Mais figurez-vous qu'ils n'on pas même de quoi faire la route de cette manière. J'imagine de les adresser demain matin à Yaçikhen, le médicin des eaux, en le priant de les faire chanter devant les buveurs pour que cela leur procure une petite collecte.

37.

Mardy, 28 juillet 1831.

L'esprit est fatigué des malheurs qui se succèdent presque journellement. Le prince Youssoupow-fils, arrivant Vendredy dernier, a répandu la nouvelle qu'en traversant les colonies militaires, il avait trouvé le peuple en pleine insurrection, le canon chargé à mitraille dans les rues, un colonnel et 8 officiers assassinés sur le pavé. J'ai cru que tout cela était pour le moins fort exagéré, mais les lettres d'officiers restés sur les lieux donnent des détails plus fâcheux encore. Les paysans, toujours sous ce prétexte banal d'empoisonnement, se sont jettés à l'improviste sur les officiers, ont tué un général (dont j'ai oublié le nom), 7 majors et un grand nombre d'officiers subalternes. Après quoi ils ont envoyé une députation de 60 hommes à l'Empereur pour expliquer leur conduite et demander pardon. Comme on n'a encore fait aucune punition exemplaire pour les journées de Pétersbourg, probablement ceux-ci se flattent de la même impunité. Le peuple porte l'Empereur aux nues, parce qu'il en a obtenu quelques concessions le 23 juin; mais s'il est naturel et bon que l'Empereur soit aimé, il est

tout aussi nécessaire qu'il soit craint et même redouté par les malveillants; et puis qu'est-ce, grand Dieu, que l'affection de la populace! Qui ne sait qu'elle se tourne en rage au moindre changement d'humeur?

Plus près de Moscou, à Zavidowa, seconde station sur le chemin de Pétersbourg, 4 mille paysans sont en pleine révolte et avec le mot de poison à la bouche ils ont tué le gorodnitch et je ne sais qui encore; il paraît qu'on regarde la chose comme sérieuse, car on vient de faire partir un bataillon d'ici pour les mettre à la raison.

Si on regarde plus bas que soi, on n'apperçoit que troubles et éléments de désordre; jette-t-on les yeux en-dessus, on ne voit que calme et apparente sécurité et aucun acte qui prouve qu'on s'occupe de repression. Hier seulement on a publié une affiche pour démentir les bruits d'empoisonnement, qui jettent la terreur dans Moscou. On y assure que toutes les accusations de ce genre, après un strict examen de la police, se sont trouvées fausses et dénuées de fondement. Il y a 8 jours que cette publication aurait dûe être faite.

On disait hier que la fabrique d'armes de Toula avait été incendiée; heureusement cela ne s'est point confirmé.

Vous ne vous faites aucune idée, madame la comtesse, de ce que sont les visages de Moscou: au théâtre, au club, aux promenades, on se regarde dans le blanc des yeux, on se dit bonjour avec cet air qui demande ce qu'on sait de nouveau; on répond à ce regard par un haussement d'épaules, et on passe son chemin. On semble se croire à la veille de quelque évènement nouveau sans bien comprendre quelle en sera la nature.

Voici de nouveaux détails sur les colonies: le général Érisen a été le premier tué, puis 4 colonels et une douzaine de majors et autres officiers. Ce qui est incompréhensible c'est que ces meurtres ont été commis en présence de la troupe (et Dieu veuille que ce ne soit pas avec sa participation); un seul major a été sauvé par ses soldats. La révolte est a Stara Roussa et dans tous les districts où il y a des colonies. Dira-t-on encore que cela n'est rien, que cela se voit souvent en France? Oui, cela se voyait en 1789, et la ressemblance me fait peur. Strogonow, envoyé aux colonies par l'Empereur, est ici depuis hier, mais il ne dit rien. On ne publiera rien; si on punit, on punira secrètement. Tout le monde aura connaissance du crime, et personne ne saura la punition. C'est militairement et dans les 24 heures qu'on aurait dû punir à Pétersbourg.

38.

Lundy, 12 octobre 1831.

Dimanche soir tout était du plus beau calme, lorsqu'à 11 heures un petit чиновникъ de Черной Грязь, où l'Empereur s'arrêtait quelques instants pour prendre du thé, arriva au grand galop d'un cheval de poste et sans en être prié par personne il donna l'éveil aux autorités en leur apprenant que l'Empereur était sur ses traces. Voyez-vous quel remue-ménage au Kremlin! En moins de rien le prince, le commandant, la police et la gendarmerie sont sur pied; le palais s'éclaire, chacun est à son poste, et l'Empereur qui voulait surprendre tout le monde est lui-même très-surpris d'être ainsi prévenu et en témoigne à l'instant sont mécontentement en faisant ordonner les arrêts au чиновникъ officieux qui de longtems, je crois, n'aura envie d'apporter semblable nouvelle. Il était près de minuit, l'Empereur ne reçut que le c-te Tolstoï et remit tous les autres à ce matin. Ce matin chacun apprit en se reveillant cette grande nouvelle. On sut aussitôt que l'Empereur annonçait l'arrivée de l'Impératrice dans trois jours, et cela causa un redoublement de joye. A trois heures je sus que Sa Majesté avait été à la parade; le régiment qui montait la garde arrive d'Andrinople, où il a beaucoup souffert et n'est point encore remis dans sa belle tenue; la parade en conséquence n'a pas été brillante; mais l'Empereur a pourtant ordonné qu'on donnat un rouble à chaque soldat avec viande et eau-de-vie. Pendant la parade l'Empereur appela Gérebzow, qui était spectateur, le reçut avec bonté en lui disant: ceci est bien mauvais, montrant les soldats, je veux voir demain votre régiment, vous lui ferez monter la garde. L'Empereur fut dîner chez le prince Dmitri, baisa la main de la princesse et de la comtesse Protassow et dit à table (où il y avait 14 personnes) qu'il venait à Moscou avec l'Impératrice pour remercier la ville et lui témoigner son contentement de la fidélité dont elle avait fait preuve pendant l'épreuve du choléra. Ces mots répétés dès ce soir dans tout Moscou font crier hourra depuis la barrière des Serpouckoff jusqu'à celle de Vladimir, et chacun espère qu'il va pleuvoir des faveurs, des rangs, des cordons et des impériales. A l'heure où je vous écris, l'Empereur est chez ma voisine la princesse Ouroussow la mère; il est onze heures du soir; Gérebzow me quitte pour aller se préparer à la belle parade de demain matin; il est calme et tranquille, et moi le coeur me bat pour lui. Je ne ferai partir cette lettre que quand je connaitrai le succès de cette parade. Ah, comme je sens que je l'aime et combien je lui souhaite une heureuse réussite!

Mardy, 13, au soir.

Le jeune Tolstoï m'a fait dire que la parade avait été très-bien.

Jeudy, 15 octobre 1831.

Mardy l'Empereur visita l'établissement de трудолюбіе, puis eut une vingtaine de personnes à dîner parmi lesquelles Yermolow qui était arrivé le matin et que Sa Majesté fit inviter de suite sans présentation préalable.

Hier, Mecredy, l'Empereur dîna en tiers avec le c-te Tolstoï et le prince Serge-Michel. Le soir, à 8 heures, l'Impératrice arriva avec la pr-sse Ouroussow et m-elle de Modéna; les gens qui se croyent au fait pensent que la cour restera ici jusqu'au décembre et ne rentrera à Pétersbourg que pour le jour de S-t Nicolas.

Le peuple est dans l'ivresse du bonheur de voir son Souverain. Lundy la foule était telle au Kremlin que l'Empereur fut une demie-heure à traverser de Чудовъ, où il demeure, jusqu'à Успенскій соборъ; on se jettait sur ses mains, sur les pans de son habit pour le baiser, et retenu comme cela par la queue, il lui était impossible d'avancer; mais cela ne l'impatientait point. Au milieu de cette foule une grosse marchande veut faire une profonde salutation, mais pendant qu'elle est courbée, on la pousse tellement qu'elle tombe; ses voisins, poussés à leur tour, tombent sur elle, et Talisine de cette affaire-là tombe aussi et en se relevant se trouve à cheval sur cette grosse marchande, et il est resté forcément dans cette posture jusqu' après le passage de l'Empereur. Ce matin il y aura la même foule pour l'Impératrice qui ira aussi à pied à la cathédrale; mais on a eu le tems de lui faire un chemin de planches qui sera respecté; l'autre jour il n'y en avait pas. Hier, en sortant de la parade, deux paysans montèrent derrière la calèche de l'Empereur à côté du laquais; Sa Majesté les remercia fort poliment, mais les prit de le quitter; l'Empereur leur avait adressé la parole, et ils s'en allèrent comblés. On lui donne des pétitions par centaines, il n'a pas assez de mains pour les prendre, on lui en met dans son habit, dans la corne de son chapeau, partout où on peut en placer. Une femme lui présente un vieil assignat de 50 roubles en le priant de le changer contre un nouveau. Mais la meilleure de ces pétitions, que le comte Tolstoï m'a dit avoir lue, c'est celle d'une femme qui supplie l'Empereur de la faire épouser au comte Ch...., quoiqu'elle soit plus âgée que lui. Mais, dit cette femme, ce jeune homme ne sait gouverner ni sa personne ni sa fortune et finira par être un homme nul, tandis que si on le lui donne pour mari, elle s'engage à en faire un Paskievitch au bout de quelques années. Est-elle folle celle-là? Et moi donc qui vous conte toutes ces niaiseries...! Mais au village tout cela passe, et vous êtes au village sur votre belle Néva, puisque vous n'avez plus de cour: vous avez fui la capitale en croyant y aller.

39.

Le 20 octobre 1831.

Ah, bon Dieu, quel mouvement dans Moscou! La nuit de Samedy à Dimanche tout le beau sexe a monté la garde, personne n'a fermé l'oeil. On avait annoncé une présentation pour Dimanche à midi; chaque dame, chaque demoiselle avait fait préparer de magnifiques robes rondes à queue à grands frais. Ne voilà-t-il pas que Samedy dans la soirée on reçoit un avis imprimé qu'on doit être en habit russe, grand manteau et puis de certaines manches que personne n'avait. Aussitôt tout le velours des boutiques est enlevé; 200 couturières et 500 femmes de chambre passent la nuit à coudre pendant que les dames, pour lesquelles on travaillait, courraient chez leurs connaissances pour s'informer de la forme de ces manches et de la longueur du manteau; c'était, vous pouvez m'en croire, une affaire des plus sérieuses; heureuses celles qui purent attraper un bon modèle.... Il résultat de tout cela que bien des dames ne furent pas prêtes et que beaucoup d'autres parurent un peu fagotées avec des yeux battus et un teint plombé; mais enfin elles eurent le bonheur de faire la révérence à l' Impératrice et de venir chez les retardaires leur dire tout ce qu'elles avaient perdu à n'être pas de la fête.

L'Impératrice, toujours bonne par excellence, fut affable et gracieuse avec tout le monde, en sorte qu'on était aux anges en revenant de là. Le Vendredy Leurs Majestés furent au théâtre russe, le Samedy au français, où m-elle Bourbier débuta par les Jeux de l'amour et du hasard; les salles étaint remplies jusqu'au comble.

Hier, Lundy, Leurs Majestés furent à l'institut de S-te Catherine: le soir l'Impératrice a quelques dames chez elle à souper. Vous voyez que quand la cour est à Moscou, Moscou devient comme Pétersbourg: on n'y parle que de Leurs Majestés, et à peine les anecdotes scandaleuses occupent-elles un instant. Nous en avons cependant une à ce moment, qui est d'assez bon alloy et que j'ai bien envie de vous conter, parce que je crois que vous connaissez les masques, au moins de vue. Il est question de ce Lovelace Broussilow qui fut surpris l'autre jour, ou pour mieux dire l'autre nuit, entrant par la fenêtre chez la belle m-me L...w; l'histoire porte que les domestiques le rossèrent et n'acceptèrent pas 300 roubles qu'il leur offrait pour les engager à se taire. Ils firent tapage et découvrirent tout au mari, ce bon et plus que bon L...w. Celui-ci commença par envoyer sa femme à la campagne, puis il s'empara d'une cassette, où se trouvait la correspon-

dance du monsieur, et entre autres lettres il y en avait une, où le galant félicitait sa belle et se félicitait lui-même d'avoir réussi à procréer un héritier à m-r L... qui n'en sut jamais faire. Ce pauvre mari, muni de cette pièce probante, courut chez l'Empereur, où était le prince Dmitri, le fit sortir et sur l'escalier de la cour lui débita toute sa déconvenue, à laquelle le prince ne pouvait rien. On rit de ce mari dupé, c'est l'usage... Il avait loué une grande maison pour donner des fêtes, il l'a refusée, et il se cache. Cependant cela a fait parler de Broussilow; on a remonté à sa liaison avec la femme qui porte son nom sans en avoir le droit, et on a fait ordonner à cette dame de quitter la maison de ce postiche mari. Broussilow se trouve ainsi entre deux chaises!.. Ses protecteurs auront de la peine à lui faire conserver sa place; il n'a pas pu être présenté Dimanche.

40.

Dimanche, 1-er IX-bre 1831.

Vous dire que l'Empereur est adoré généralement, ce n'est rien vous apprendre. Il a surtout tourné la tête des marchands en se promenant dans les boutiques et leur parlant leur langage; il appelle l'Impératrice **моя хозяйка** ou **моя старуха**; son fils aîné—**мой калашникъ**, parce qu'il est né à Moscou; il dit aussi en parlant de sa femme: j'aime cette баба, parce qu'elle m'a donné mon premier recrue, et ainsi de suite. Vous jugez de l'effet que cela produit sur nos vieilles barbes qui savent apprécier ce ton de bonhomie chez leur Souverain, auquel ils n'étaient pas accoutumés.

On croirait que l'Empereur a deviné vos voeux pour la famille Barténew, car on vient de m'assurer que leur fille aînée doit être prise à la cour comme demoiselle d'honneur, autant pour faire du bien à une pauvre famille que pour jouir de son grand talent. C'est notre prince Galitzin qui doit avoir prié pour elle, et cela lui ressemble tellement, cela est si fort selon son coeur et sa belle âme que je me persuade que la chose est véritable, quoique je ne la sache encore que par ouï-dire.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

РУССКАГО АРХИВА

1884 года *).

*) Шесть выпусковъ Русскаго Архива 1884 года составляютъ три книги. Римскія цифры указателя означаютъ книги. Цифры курзивныя относятся къ Дневнику княжны Туркестановой и письмамъ Кристина, которые печатались съ особымъ счетомъ страницъ. П. Б.

*

*

*

*

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1884 ГОДА.

(выпуски 5 и 6-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1863—1882.

РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

ЗА ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Приложена къ первому выпуску Русскаго Архива 1884 года.

МОСКВА.

1884.

ПРЕДМЕТНАЯ РОСПИСЬ

РУССКАГО АРХИВА

ЗА ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕГО ИЗДАНІЯ.

1863 — 1882.

Приложена къ первому выпуску Русскаго Архива 1884 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

Все содержаніе двадцати лѣтъ Русскаго Архива, или 37 книгъ, распредѣлено въ настоящей Росписи на слѣдующіе 27 отдѣловъ:

I. Петръ Великій.
II. Екатерина Первая и Петръ Второй.
III. Анна Іоанновна и Іоаннъ Антоновичъ.
IV. Елисавета Петровна.
V. Петръ Третій.
VI. Екатерина Вторая (лично).
VII. Письма Екатерины Второй къ разнымъ лицамъ (въ азбучномъ порядкѣ получавшихъ).
VIII. Екатеринино время.
IX. Люди Екатеринина времени.
X. Павелъ Петровичъ.
XI. Марія Ѳеодоровна.
XII. Александръ Павловичъ (лично).
XIII. Александрово время.
XIV. 1812—1815 годы.
XV. Люди Александрова времени.
XVI. Николай Павловичъ.
XVII. Четырнадцатое Декабря.
XVIII. Николаево время.
XIX. Люди Николаева времени.
XX. Александръ Николаевичъ.
XXI. Русскіе писатели.
XXII. Библіографія.
XXIII. Генеалогія.
XXIV. Археологія.
XXV. Допетровская Русь.
XXVI. Старообрядчество.
XXVII. Смѣсь.

*

Въ теченіи первыхъ одинадцати лѣтъ (1863—1873) годовое изданіе Русскаго Архива составляло одну книгу, съ особымъ счетомъ страницъ и съ азбучнымъ указателемъ; но распространявшійся объемъ Русскаго Архива представлялъ неудобства въ азбучномъ указателѣ, такъ какъ число страницъ выходило слишкомъ велико. Поэтому въ 1874 году Русскій Архивъ составилъ уже двѣ книги (въ каждой по 6 тетрадей), а съ 1875 года понынѣ три книги (въ каждой по 4 тетради). Съ 1881 года Русскій Архивъ выходитъ по 6 разъ въ годъ, шестью большими выпусками, составляющими три книги годоваго изданія. Такимъ образомъ, за 20 лѣтъ, образовалось 37 книгъ, каждая съ особымъ заглавіемъ и счетомъ страницъ.

Въ нижеслѣдующей Росписи, при статьяхъ съ 1874 по 1882 гг. означено Римскою цифрою, въ какой книгѣ искать статью. Находящійся *передъ*

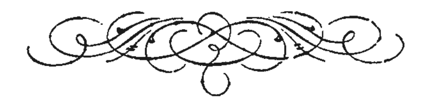
статьями росписи Арабскія цифры означаютъ послѣдовательный порядокъ статей, а такія же цифры *послѣ* статей указываютъ на годъ и страницу книги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ попадаются возбуждающія недоумѣніе страницы съ нулями впереди; ихъ надо искать вблизи тѣхъ же страницъ безъ нулей. (Посредствомъ нулей приходилось возстановлять счетъ страницъ, нарушенный постороннею рукою).

Русскій Архивъ 1863, 1864 и 1865 печатался и вторымъ изданіемъ; но въ Росписи указанія страницъ относятся къ первымъ изданіямъ.

*

Такимъ образомъ можно обозрѣть все содержаніе историческаго запаса, напечатаннаго въ теченіи 20 лѣтъ Русскаго Архива. Кромѣ того, для удобства отысканія нужной статьи, помѣщенъ вслѣдъ за Росписью азбучный указатель, который даетъ возможность найти искомое имя; цифра послѣ имени, находящаяся въ этомъ указателѣ, относится къ передовой цифрѣ Росписи.

Въ эту Роспись включены также статьи изъ четырехъ книгъ „Осмнадцатаго Вѣка“ и двухъ книгъ „Девятнадцатаго Вѣка“, такъ какъ оба сборника эти служили пополненіемъ Русскому Архиву. Въ Росписи означены и въ концѣ ея перечислены особо приложенія къ Русскому Архиву.

Роспись Русскому Архиву за первыя двадцать лѣтъ его изданія

(1863—1882).

I. Петръ Великій.

1. Первоначальное образованіе Петра Великаго (по новооткрытымъ бумагамъ). Статья Н. П. Астрова. **1875.** II, 470; III, 90 и 212.
2. Глава изъ біографіи Петра Великаго. (Первые годы жизни). Статья академика М. П. Погодина. **1872.** 2045.
3. Петръ Первый. Первые годы единодержавія (1689—1694). Сочиненіе М. П. Погодина. **1879.** I. 5.
4. Потѣшные полки Петра Великаго. Историческое разысканіе о томъ, какъ возникла Русская гвардія, Н. П. Дирина. **1882.** III, 5.
5. Петръ Великій въ Парижѣ, статья М. П. Полуденскаго. **1865.** 675.
6. Записки графа Бассевича, служащія къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ времени царствованія Петра Великаго (1713—1725). Переводъ съ Французскаго И. Ѳ. Аммона. **1865.** I, 141 и 567.
7. Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ, въ переводѣ съ Нѣмецкаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. П. Барсова. **1872.** 1057, 1334 и 1613.
8. Петръ Великій и финансистъ Лау. (Изъ неизданнаго сочиненія М. Ѳ. Орлова). **1874.** I. 1578.
9. Петръ Великій, первый овцеводъ на Югѣ Россіи. Статья Г. П. Данилевскаго. **1873.** 02288.
10. Россія при Петрѣ Великомъ. Новооткрытыя Записки секретаря Прусскаго посольства въ Россіи Фокерода. **1873.** 1360.
11. Отзывъ Петра Великаго объ отношеніяхъ нашихъ къ Европѣ (изъ бумагъ графа А. И. Остермана). **1874.** I. 1579.
12. Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, съ примѣчаніемъ протоіерея Петра Алексѣева. **1863.** 697.
13. Одинъ изъ указовъ Петра Великаго противъ пьянства. (Сообщено отцомъ архимандритомъ Леонидомъ). **1875.** II. 43.
14. Рескрипты и указы императора Петра I-го къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724. **18-й В. IV.** 1.

15. Шуточный патентъ Петра Великаго думному дворянину Прокопію Ушакову. 1865. 673.
16. Переписка Петра Перваго съ патріархомъ Адріаномъ. (Сообщено архимандритомъ Троицко - Сергіевской Лавры Леонидомъ). 1878. I. 5.
17. Письма Петра Великаго къ князю Өедору Юрьевичу Ромодановскому. 1865. 635.
18. Письмо Петра Великаго къ князю М. М. Голицыну о разведеніи буковыхъ деревьевъ. 1868. 106.
19. Одинъ изъ собственноручныхъ указовъ Петра Великаго, какъ бить зорю. 1868. 105.
20. Пункты о Петергофѣ, писанные Петромъ Великимъ. 1863. 660.
21. Распоряженіе Петра Великаго. Память Никитѣ Демидову. 1880. I. 129.
22. Просьба Петра Апраксина о графскомъ титулѣ и рѣшеніе Петра Великаго. 1863. 903.
23. Приказъ, отданный Петромъ Великимъ воинству своему въ день Полтавскаго сраженія Іюня 27 дня 1709 г. 1871. 186.
24. Печать Антихриста. (Письмо Петра Великаго къ князю Я. Ө. Долгорукому). Съ предисловіемъ Г. Н. Александрова и съ рисункомъ 1873. 2068.
25. Еще о печати Антихриста (подлинное доказательство клейменія рекрутъ). Г. Н. Александрова. 1873. 02296.
26. Изъ Записокъ Пассека. Мазепа при Польскомъ дворѣ. 1878. III. 343.
27. Домъ, гдѣ жилъ Карлъ XII подъ Полтавою. Замѣтка Л. Коростовцева. 1869. 1721.
28. Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божіей Матери и паденіи гетмана Мазепы предъ Покровской церковью въ Переяславлѣ, статья А. В. Терещенки. 1865. 1119.
29. Икона въ селѣ Жукахъ (памяти Шведскаго нашествія). Замѣтка И. К. Павловскаго. 1875. II. 27.
30. Прошеніе Петру Великому танцовальнаго учителя Стефана Рамбурха. 1867. 1187.
31. Письмо Якова Брюса къ Петру Великому о крѣпостныхъ строеніяхъ. 1867. 1185.
32 Контръ-адмиралъ Никита Петровичъ Вильбуа (автобіографическія показанія). 1867. 1188.
33. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Статья М. Н. Лонгинова. 1864. 180.
34. Малоизвѣстный анекдотъ о Петрѣ Великомъ (высасываетъ рану у ксендза). 1867. 1341.
35. Дѣло о дьячкѣ Васильѣ Ефимовѣ, сожженномъ за ложное чудо въ 1721 году. 1867. 1708.
36. Къ исторіи сношеній Россіи съ Черногоріею при Петрѣ Великомъ. (Сообщено Н. И. Савваитовымъ). 1875. III. 310.
37. Безпечальный монастырь. Легенда о Петрѣ Великомъ. 1864. 988.
38. Распоряженіе Правительствующаго Сената о письмахъ и бумагахъ Петра Великаго. (По донесенію Крекшина). 1751 года. Сообщено С. М. Соловьевымъ. 1873. 776.
39. Объ изданіи въ свѣтъ полнаго собранія писемъ и рукописей Петра Великаго. 1873. CLIV.
40. Черты изъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ Великомъ. Переписка директора Московской Синодальной типографіи Өедора Поликарпова съ начальникомъ Монастырскаго Приказа графомъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ (1715—1717) 1868. 1041.

41. Свѣдѣнія о Васильѣ Кипріяновѣ, библіотекарѣ Московской гражданской типографіи при Петрѣ I, съ предисловіемъ М. Д. Хмырова. **1866**. 1291.

42. О граверѣ Шонебекѣ. Статья князя М. А. Оболенскаго. **1870**. 1390.

43. Юрналы и камеръ-фурьерскіе журналы. Библіографическое описаніе С. А. Соболевскаго. **1867**. Въ особомъ приложеніи.

44. О зачатіи и зданіи царствующаго града С.-Петербурга. **1863**. 833.

45. О Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ. Статьи Г. Н. Александрова, 1875. III, 482 и А. Н. Корсакова. **1882**, I, 355.

46. О присягѣ иноземцевъ при Петрѣ Великомъ. Статья Д. В. Полѣнова. **1869**. 1729.

47. Первая супруга Петра I, Евдокія Ѳедоровна. Статья И. М. Снигирева. **1863**. 541.

48. Память о царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ въ Мещевскомъ уѣздѣ, на ея родинѣ. Статья отца архимандрита Леонида. **1873**. 648.

49. Старинная пѣсня о царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ, съ нотами и замѣткою князя В. Ѳ. Одоевскаго. **1863**. 107.

50. Царевна Марѳа Алексѣевна, опальная сестра Петра Великаго (въ монашествѣ Маргарита). Новонайденныя письма ея съ предисловіемъ и объясненіями архимандрита Леонида. **1882**, III. 27.

51. Духовное завѣщаніе Анны Монсъ. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1875**. I. 0258.

52. По поводу духовнаго завѣщанія Анны Монсъ. Прошеніе фонъ-Миллера, съ предисловіемъ Г. Н. Александрова. **1875**. III, 251.

53. Жизнеописаніе князя А. Д. Меншикова (по новооткрытымъ бумагамъ). Статья Г. В. Есипова. **1875**. II, 233; III, 47, 198 и 477.

54. Дополнительная замѣтка о первыхъ судьбахъ Меншикова, **1875**. III, 108.

55. О Меншиковой башнѣ. Письмо къ издателю Русскаго Архива Д. Д. Филимонова. **1877**. II, 478.

56. Письма и выписки изъ писемъ С.-Петербургскаго генералъ - полицеймейстера Девіера къ князю А Д. Меншикову. **1865**. 1233.

57. Письмо А. П Волынскаго къ князю А. Д. Меншикову (1721). Сообщено Г. Н. Александровымъ. **1878**. II, 275.

58. Духовное завѣщаніе фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. (1718). **1875**. I, 86.

59. Поправка и замѣтка къ духовному завѣщанію фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. **1875**. I, 310.

60. О бумагахъ фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. **1874**. II, 1127.

61. Письмо Русскаго плѣнника въ Швеціи, князя А. Я. Хилкова къ адъютанту Чебышову (1714). Переведено съ Шведскаго и сообщено А. А. Чумиковымъ. **1874**. II, 1.

62. Письма (графа) П. А. Толстаго изъ Турціи къ брату его И. А. Толстому. **1864**. 473.

63. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, имъ самимъ описанная, съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. **1871**. 577.

64. Павелъ Полуботокъ. Очеркъ изъ исторіи Малороссіи XVIII вѣка. Ст. Александра Лазаревскаго. **1880**. I, 137.

65. Письмо Спафарія къ боярину Головину. **1867**. 308.

66. Клейменая бумага и ея продажа въ Москвѣ. Замѣтка А. А. Мартынова. **1879**. II, 488.
67. Современные разсказы и отзывы о Петрѣ Великомъ **1881**. I, 5.
68. Псевдо-портретъ Петра Великаго, замѣтка А. А. Васильчикова въ отвѣтъ г-ну Стасову. **1877**. II, 93.
69. О приложенной къ Русскому Архиву 1872 года большой гравюрѣ съ портретомъ Петра Великаго. **1872**. 1215.
70. Письмо къ издателю отъ княжны В. Н. Репниной (о портретѣ Петра Великаго). **1872**. 1982.

II. Екатерина Первая и Петръ Второй.

71. Похвальное слово Софронія Лихуды Екатерины I-й, съ замѣткою В. М. Ундольскаго. **1863**. 761.
72. Хозяйственныя распоряженія царевенъ Екатерины Іоанновны и Прасковьи Іоанновны. **1865**. 1411.
73. Книга приходо-расходная комнатныхъ денегъ (червонцевъ) императрицы Екатерины Первой. За 1723—1725 годы. Найдена Г. В. Есиповымъ. **1874**. I. 513.
74. Екатерина Первая. Статья В. В. Андреева. **18-й В.** III. 1.
75. Указы императрицы Екатерины I-й Лифляндскому генералъ-губернатору князю Репнину. 1725—1726. (Извлечено изъ архива канцеляріи Рижскаго генералъ-губернатора Е. В. Чешихинымъ). **18-й В.** IV. 77.
76. Умалишенные при Екатеринѣ Первой. **1876**. II. 360.
77. Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія (разстриженнаго и сосланнаго). **1864**. 121.
78. Письма герцогини Голштинской Анны Петровны, императрицы Анны Іоанновны и камеръ-фрау Юшковой къ П. И. Машкову. **1868**. 1861.
79. Ссылка графа Санти въ Сибирь. **1866**. 273.
80. Письма въ Испанію, о Россіи въ царствованіе Петра II-го, дука де Лиріи, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго священника К. А. Кустодіева. **18-й В.** Книги 2 и 3.
81. Росписи царской охоты, утвержденныя императоромъ Петромъ II-мъ. **1869**. 1675.
82. Прошеніе Малороссіянъ императору Петру II-му. **1864**. 493.
83. Замѣтка о портретѣ Петра II-го **1866**. 1347.

III. Анна Іоанновна и Іоаннъ Антоновичъ.

84. Царствованіе Анны Іоанновны (изъ сочиненія Германа), переводъ съ Нѣмецкаго. **1866**. I, 137, 661, 1349 и 1508.
85. Диспозиція и церемоніалъ торжественнаго въѣзда императрицы Анны Іоанновны въ С.-Петербургъ, 16 Генваря 1732 г. **1867**. 332.
86. Новыя подлинныя черты изъ частной жизни императрицы Анны: а) Современный разсказъ Н. Ф. Шестаковой, б) частная переписка импе-

111. Для біографіи графа Іоанна Эрнеста Миниха. **1866**. 1544.
112. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ. **1867**. 321.
113. Письмо князя Кантемира къ Ѳеофану Прокоповичу о пасторѣ Мильярдѣ, обратившемся въ Православіе (1734), съ предисловіемъ Н. И. Григоровича. **1869**. 578.
114. О жалованіи членамъ Святѣйшаго Синода. Записка Ѳеофана Прокоповича, поданная императрицѣ Аннѣ. Прошеніе членовъ Синода принцессѣ Мекленбургской Екатеринѣ Іоанновнѣ и пр. **1870**. 1953.
115. Письмо Ѳеофана Прокоповича къ императрицѣ Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ. **1863**. 299.
116. Письмо придворнаго шута Петра Мира къ Флорентинскому герцогу (1736) съ замѣткою Н. С. Киселева. **1864**. 262.
117. Письмо графа А. И. Остермана къ неизвѣстному лицу. **18-й В.** III. 150.
118. Письма графа А. И. Остермана, гр. Г. И. Головкина и другихъ лицъ въ Испанію къ князю С. Д. Голицыну **18-й В.** III, 133.
119. О предикѣ Амвросія Юшкевича, на бракосочетаніе Анны Леопольдовны съ герцогомъ Антономъ-Ульрихомъ, замѣтка П. И. Савваитова. **1871**. 193.
120. Царствованіе Іоанна VI Антоновича (изъ сочиненія Германа). Переводъ съ Нѣмецкаго. **1867**. 161.
121. Отчего Іоаннъ Антоновичъ перемѣщенъ въ Холмогоры. Замѣтка Г. П. Данилевскаго. **1874**. II. 1124.

IV. Елисавета Петровна.

122. Черты изъ жизни цесаревны Елисаветы Петровны въ царствованіе Анны. **1865**. 329.
123. Родственное письмо цесаревны Елисаветы Петровны къ графинѣ Скавронской. **18-й В.** II. 215.
124. Краткая реляція. Современный разсказъ о восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, Русскаго резидента при Англійскомъ дворѣ, князя И. А. Щербатова. (Сообщенъ профессоромъ Н. С. Тихонравовымъ). **1872**. 1169.
125. Елисаветинскіе лейбъ - компанцы. **1880**. II. 1.
126. Бумаги первыхъ годовъ Елисаветина царствованія: а) Собственноручная записка императрицы. б) Указъ кабинету. в) Упражненія въ словесности великаго князя Петра Ѳедоровича. г) Письма великой княжны Екатерины Алексѣевны къ императрицѣ Елисаветѣ. д) Неизданные отрывки камеръ-фурьерскаго журнала 1744 г. съ предисловіемъ П. П. Петрова. е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбой великаго князя Петра Ѳеодоровича. **18-й В.** II. 216.
127. Четыре письма императрицы Елисаветы Петровны къ Ѳ. С. Вишневскому (о Венгерскихъ винахъ) съ предисловіемъ С. И. Лашкевича. **1870**. 273.
128. Русскіе солдаты просятся назадъ изъ Прусской службы. **1866**. 1539.
129. Рескриптъ императрицы Елисаветы Петровны въ Парижъ графу Чернышову, 1761 года (объ отказѣ Бретеля цаловать руку у великой княгини Екатерины Алексѣевны). **1870**. 1417.
130. Письмо принца Августа Голштин-

153. Къ характеристикѣ Арсенія Мацѣевича (его крутыя мѣры по Ярославской епархіи). **1863**. 863.

154. Допросы графамъ Миниху, Головкину и Остерману, 1742 года. **1864**. 505.

155. Фельдмаршалъ Минихъ изъ Сибири. (Письма его къ императрицѣ Елисаветѣ). **1865**. 1418.

156. Еще письмо графа Миниха изъ Сибири. **1866**. 171.

157. Салтычиха. Статья П. Г. Кичеева. **1865**. 247.

158. Къ статьѣ о Салтычихѣ. М. Н. Лонгинова. **1865**. 392.

159. Помѣстье Салтычихи. Замѣтка Д. О. Шеппинга. **1871**. 1281.

160. Современное письмо о наказаніи Салтычихи, 22 Октября 1768 года. Съ послѣсловіемъ Л. Н. Майкова и издателя. **18-й В**. IV. 94.

161. О маркизѣ де-ла-Шетарди. (Донесеніе изъ Берлина отъ графа П. Г. Чернышова о первомъ проѣздѣ Шетарди на пути изъ Россіи во Францію). **1867**. 309.

162. Бумаги И. И. Шувалова. (Сообщены Иларіономъ Николаевичемъ Толстымъ). **1867**. 65.

163. Письма И. И. Шувалова и графа М. Л. Воронцова (1757—1761) и записка Екатерины II-й о денежныхъ дѣлахъ ея матери, съ предисловіемъ князя М. А. Оболенскаго. **1870**. 1393.

164. Письма къ И. И. Шувалову: 1) графа А. Б. Бутурлина, 2) графа М. Л. Воронцова, 3) графа И. Г. Чернышова. **1869**. 1767.

165. Правительственныя мѣры 1743 г. противъ появившейся въ Россіи секты Гернгутеровъ. **1868**. 1391.

166. Челобитная Черногорцевъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о подчиненіи Черной Горы Россіи (1755). Съ предисловіемъ Д. Е. Бакича. **1878**. II, 329.

167. С.-Петербургскій городской голова въ прошломъ столѣтіи. Жизнь А. П. Березина. **1879**. I. 226.

168. О переселеніи Сербовъ въ Россію 1758 г. Черта Русской политики Елисаветина времени. **1869**. 737.

169. Письма о докторѣ Санхецѣ, устраненномъ изъ Академіи Наукъ по причинѣ жидовства. **1870**. 280.

170. Записки Фридриха Великаго о политическихъ отношеніяхъ его къ Россіи въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. (Военныя Русскія силы.— Анна правительница. — Воцареніе Елисаветы. — Униженіе Швеціи. — Свадьба наслѣдника Русскаго престола. — Пруссія бракосочетаетъ). **1877**. I. 5.

171. Семейство Разумовскихъ. Графы Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья А. А. Васильчикова, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій. **18-й В**. II. 377.

172. Письмо графа А. Г. Разумовскаго въ Малороссію къ его матери Натальѣ Демьяновнѣ. (Сообщено А. И. Стояновымъ). **1876**. I. 488.

173. Ванька-Каинъ. (Изъ подлинныхъ бумагъ Сыскнаго Приказа). Статья Г. В. Есипова. **18-й В**. III. 280.

174. Изъ подлинныхъ бумагъ Елисаветинскаго царствованія. (Сообщено профессоромъ С. М. Соловьевымъ): 1) Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 гг, 2) Записка Бестужева объ его ссорѣ съ Тепловымъ. **18-й В**. IV. 87.

175. Содержаніе умалишенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны **1880**. II. 144.

176. Записка Н. Н. Неплюева объ устройствѣ Яицкаго (нынѣ Уральскаго) казачьяго войска, въ царствованіе Елисаветы Петровны. Съ предисловіемъ В. Н. Витевскаго **1878**. II. 5.

177. По поводу Неплюевской записки объ устройствѣ Уральскаго войска. Сообщено Г. Н. Александровымъ. **1878**. II. 487.

V. Петръ Третій.

178. Письма Петра Третьяго къ И. И. Шувалову. **1866**. 580.

179. Мнѣніе бывшаго императора Петра Третьяго, посланное имъ въ Св. Синодъ. **1871**. 2055.

180. Два письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. **1874**. II. 336.

181. Одно изъ распоряженій Петра Третьяго (Посылка Саввы Тетюшева для закупки вещей въ чужихъ краяхъ). **1874**. II. 346.

182. Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ Третьемъ. Статья П. К. Щебальскаго. **1866**. 284.

183. О вторичномъ погребеніи Петра Третьяго. **1871**. 2066.

184. Еще тѣнь Петра Третьяго (самозванство въ Кіевѣ 1788). **1871**. 2055.

185. Эпитафія Петру Третьему, сочиненіе графа А. С. Мусина-Пушкина. **1882**. II, 312.

VI. Екатерина Вторая.

(ЛИЧНО).

186. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечены М. Д. Хмыровымъ. **18-й В**. I. 423.

187. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію. (Извлечено издателемъ изъ Москов. Гл. Архива М. Иностранныхъ Дѣлъ). **18-й В**. I. 1.

188. Любовныя записочки XVIII вѣка: а) къ графу З. Г. Чернышову; б) къ И. Н. Корсакову. **1881**. III. 390 и 402.

189. Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ императрицы Елисаветы и о желаніи Австрійскаго двора женить великаго князя Константина Павловича на своей принцессѣ). **1863**. 566.

190. Первые пособники Екатерины II. **1864**. 198.

191. Нѣсколько свѣдѣній о первыхъ пособникахъ Екатерины Второй. Статья М. Н. Лонгинова. **18-й В**. III. 343.

192. Екатерининскіе пособники солдаты. **1880**. II. 147.

193. Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1762 г. М. Н. Лонгинова. **1867**. 481.

194. Еще нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й. Замѣтки М. Н. Лонгинова. **1870**. 965.

195. О премьеръ-маіорѣ Рославлевѣ. Дополнительная замѣтка М. Н. Лонгинова. **18-й В.** III. 491.

196. „Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ". Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины Второй. **18-й В.** II 631.

197. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины Второй: а) адмирала Талызина къ Н. И. Панину; б) графа Дивіера къ Е. И. Шарогородской. (Сообщено княземъ М. А. Оболенскимъ). **18-й В.** II. 634.

198. Замѣчанія Французскаго короля Людовика XVI-го и княгини Е. Р. Дашковой на книгу Рюльера о воцареніи Екатерины Второй. **1877.** II, 354.

199. Разсказъ графа Н. И. Панина о воцареніи Екатерины Великой (изъ записокъ барона Ассебурга), съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **1879.** I. 362.

200. Первые дни Екатеринина царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Ламанскимъ. **18-й В.** IV. 207.

201. Четыре манифеста о восшествія на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го. **18-й В.** IV. 216.

202. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатеринина царствованія: 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ. **18-й В.** I. 45.

203. Разсказы Екатерины II-й о первыхъ пяти годахъ ея царствованія. **1865.** 469 и 882.

204. Автобіографическая памятная замѣтка Екатерины II-й (Маскарадъ 1763). **1870.** 1155.

205. О видахъ добра. (Замѣтка Екатерины II-й, написанная для графа А. С. Строганова). **1864.** 587.

206. Нравственные идеалы Екатерины II-й. (Ея замѣтка на экземплярѣ Фенелонова Телемака). **1863.** 938.

207. Записка императрицы Екатерины II-й о дѣтствѣ великаго князя Алекс. Павловича, составленная для Густава III-го, съ объясненіями профессора Брикнера. **1871.** 1519.

208. Распоряженіе Екатерины II-й (чтобъ дѣти не забавлялись солдатствомъ). **1865.** 1031.

209. Антидотъ (противоядіе). Полемическое сочиненіе Екатерины II-й, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи. Часть 1-я. Разборъ предисловія.—Отчетъ о путешествіи въ Тобольскъ.—О климатѣ Сибири и прочихъ областей Россіи.—О Русскомъ правительствѣ съ 861 по 1767 г.—О Греческой вѣрѣ. Часть 2-я. Описаніе города Тобольска, его жителей, Русскихъ нравовъ, обычаевъ, обрядовъ и пр.—О домашнихъ и дикихъ звѣряхъ, о птицахъ, о рыбахъ и насѣкомыхъ. — Объ успѣхахъ наукъ и искусствъ въ Россіи, о народномъ характерѣ и о воспитаніи.—О законахъ, о казняхъ и о ссылкѣ. **18 й-В.** IV. 225.

210. Поправка В. Ѳ. Кеневича объ академикѣ Гмелинѣ, упоминаемомъ въ „Антидотѣ" Екатерины II-й. **1870.** 1944.

211. Образцики рѣшеній Екатерины II-й на ежедневныя всеподданнѣйшія просьбы, 1788 годъ. **1864.** 398.

212. О Нѣмецкомъ сочиненіи Екатерины

II-й (сказка Обидагъ, переведенная Семеномъ Великимъ). Замѣтка И. И. Ханенки. **1871**. 1272.

213. Замѣтка Екатерины II-й о мѣстѣ гдѣ ее погребсти. **1871**. 150.

214. Два письма князя Потемкина къ Екатеринѣ II-й объ измѣнѣ ей графа Мамонова. Сообщены П. С. Лебедевымъ. **1865**. 1516.

215. Прошеніе Тульскихъ купцовъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ, съ поощрительными замѣтками Екатерины II-й. **1870**. 541.

216. Ученая степень Екатерины II-й. Замѣтка М. Ѳ. Шугурова. **1867**. 1262.

217. Генеалогическія занятія императрицы Екатерины Второй (изъ писемъ В. С. Попова къ Я. И. Булгакову). 1793. **1875**. I. 5.

218. Филологическія занятія Екатерины II-й, съ замѣткою С. А. Соболевскаго. **1863**. 940.

219. Еще о трудахъ Екатерины II-й по составленію сравнительнаго словаря. (Письмо графа Безбородки къ Я. И. Булгакову). **1864**. 293.

220. Филологическія занятія Екатерины II-й. (Сравнительные словари). Статья академика Я. К. Грота. **1877**. I. 125.

221. Еще о филологическихъ занятіяхъ Екатерины Великой. Замѣтка А. Круглаго. **1879**. I. 265.

222. Дворцовое распоряженіе Екатерины Второй, отмѣняющее побои (1771). **1878**. I. 139.

223. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины Второй чрезъ Харьковское намѣстничество, сочиненъ тамошнимъ намѣстникомъ В. А. Чертковымъ. **18-й В**. I. 306.

224. Екатерина Вторая, стихи М. А. Дмитріева. **1866**. 52.

225. Записка Екатерины Великой о бюстѣ Фокса. **1879**. I. 206.

226. Духъ Екатерины II-й (Ея отзывы и мнѣнія). **1865**. 1278.

227. Черты Екатерины II-й. Разсказы, записанные П. И. Сумароковымъ. **1870**. 2076.

228. Ѳедоръ Ермолаевичъ Секретаревъ. (О князѣ Потемкинѣ и Екатеринѣ Великой). **1882**. I, 160.

229. Два анекдота о Екатеринѣ Великой (изъ записной книжки М. М. Евреинова). **1866**. 657.

230. Два письма графа Эстергази изъ С.-Петербурга о свиданіи съ Екатериною Второю (1791). **18-й В**. I. 352.

231. Записка Екатерины II-й о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства. **1866**. 399.

232. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ императрицы Екатерины II-й). Сообщена барономъ М. Л. Боде-Колычовымъ. **18-й В**. II. 638.

233. Частное письмо въ Москву (Т. П. Кирьяка) отъ 9 Ноября 1796 г. о кончинѣ Екатерины II. **1867**. 1266.

234. О приложенномъ къ Русскому Архиву портретѣ Екатерины II въ траурномъ одѣяніи по Елисаветѣ Петровнѣ. **1866**. 132.

235. Приложеніе ко второй книгѣ Р. Архива 1881 г. Картинка, изображающая Екатерину Великую съ приближенными лицами. Замѣтка Д. А. Ровинскаго. **1881**. I. 380. Къ 1881 г. приложена еще большая гравюра Екатерины.

236. Слова, произнесенныя М. П. Погодинымъ въ Московской Думѣ, предъ портретомъ Екатерины по поводу памятника въ Петербургѣ. **1874**. I. 245.

237. О новооткрытой статуѣ Екатерины II-й. **1870**. 998.

238. Переписка братьевъ Коростовцовыхъ о памятникѣ Екатерины II-й въ Екатеринославлѣ. **1876**. II. 410.

239. Замѣтки на статьи Русскаго Архива. М. Н. Лонгинова (о статуѣ Екатерины II-й и „Драматическомъ Вѣстникѣ"). **1865**. 875.

VII. Письма Екатерины Второй

(ВЪ АЗБУЧНОМЪ ПОРЯДКѢ ПОЛУЧАВШИХЪ).

240. Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. Письма къ нему Екатерины II, императора Павла Петровича и Александра Павловича и нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ. **1864**. 873.

241. Два письма Екатерины II-й къ графу А. А. Безбородкѣ. **1870**. 1959.

242. Письма Екатерины II-й къ А. И. Бибикову во время Пугачевскаго бунта. **1866**. 388.

243. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Ю. Ю. Броуномъ). Извлечено Е. В. Чешихинымъ. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краѣ. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Курдиловѣ. 6) О баронѣ фонъ-Гершдорфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8) О Гастѣ и Цукербекерѣ **18-й** В. I. 367.

244. Черновое письмо Екатерины II-й къ Д. В. Волкову. **1870**. 546.

245. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, кн. М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева) **18-й** В. I. 52.

246. Нѣсколько замѣтокъ на статьи въ № 9 Русскаго Архива (о бумагахъ князя М. Н. Волконскаго). М. Лонгинова. **1865**. 1519.

247. Переписка Екатерины Великой съ графомъ С. Р. Воронцовымъ по поводу враждебныхъ замысловъ Пруссіи и Англіи противъ Россіи 1788—1789. **1879**. I. 145.

248. Письма Екатерины II-й къ А. А. Вяземскому (изъ Архива Министерства Финансовъ) **1865**. 1081.

249. Письма Екатерины Второй къ ея сватьѣ Гессенъ-Дармштадской ландграфинѣ Каролинѣ. **1878**. I. 385.

250. Письма къ разнымъ лицамъ (Глѣбову, кн. Вяземскому, гр. И. Г. Орлову, кн. Прозоровскому, Сѣченову и др.) Замѣтки и наброски мыслей Екатерины II-й (разсказы о себѣ). **1866**. 55.

251. Письма императрицы Екатерины II-й къ И. Ѳ. Глѣбову, съ приложеніями. (Сообщено княземъ М. В. Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ-Шаховскимъ). **1867**. 342.

252. Бумаги Екатерины Второй: а) Письмо къ фельдмаршалу кн. Голицыну по поводу кончины великой княгини Натальи Алексѣевны (1776) **1878**. II. 279. б) Записочка къ гетману графу Разумовскому о его сынѣ графѣ Андреѣ. **1878** II. 280. в) Замѣтки по Крымскимъ дѣламъ. **1878** II. 280. г) Письмо къ неизвѣстному лицу о Фридрихѣ Вели-

цѣ. — Князь Циціановъ. — Іеверъ.—Графъ Валерьянъ Зубовъ. **1878**. III, 208.

1795. Гербергъ. — Коалиція. — Армфельдъ.—Шевалье де Саксъ.—Поляки.—Принцессы Кобургскія. — Муртаза - кули - ханъ. **1878**. III, 217.

1796. Свадьба Константина Павловича.—Иностранцы - агрономы.—Персидская принцесса.—Младенецъ Николай.—Шведскій король въ Петербургѣ. — Людовикъ XVIII-й. **1877**. III, 232.

257. О внутреннемъ состояніи Россіи при Екатеринѣ Великой: вопросы Дидерота и отвѣты Екатерины (1773). Французскіе подлинники съ переводомъ. **1880**. III, 1.

258. Письма Екатерины II-й къ митрополиту Дмитрію Сѣченову съ примѣчаніями И. И. Григоровича. **1869**. 196.

259. Письмо императрицы Екатерины II-й къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому (1771). **1871**. 1348.

260. Письма и рескрипты императрицы Екатерины II-й къ Московскимъ главнокомандующимъ: 1) кн. В. М. Долгорукову-Крымскому. 2) графу З. Г. Чернышову. 3) графу Я. А. Брюсу. 4) П. Д. Еропкину. **1872**. 225.

261. Инструкція генералъ-поручику Заборовскому, при отправленіи его въ Средиземное море (1788). **1866**. 1373.

262. Письма и рескрипты Екатерины II-й къ М. М. Измайлову. **1872**. 865.

263. Рескрипты Екатерины II-й къ епископу Тверскому Иринею. **1869**. 1124.

264. Переписка Екатерины Великой съ Германскимъ императоромъ Іосифомъ II-мъ: 1774—1790. **1880**. I. 210.

265. Письмо Екатерины II-й къ С. А. Колычову. **1869**. 209.

266. Письмо императрицы Екатерины II-й къ П. П. Коновницыну, о пасквиляхъ. (Сообщено А. А. Мартыновымъ). **1877**. III, 333.

267. Письма Екатерины II-й къ А. В. Олсуфьеву. **1863**. 81, 177 и 273, съ примѣчаніями М. Н. Лонгинова.

268. Историческія замѣчанія князя М. А. Оболенскаго (по поводу писемъ Екатерины II-й къ А. В. Олсуфьеву, о Чернышовыхъ) съ приложеніями. **1865**. 333.

269. Для біографіи графа Ланжерона. Замѣтка Екатерины II-й **1869**. 206.

270. Рескрипты Екатерины Второй къ И. И. Мелиссино. **1870**. 745.

271. Рескриптъ Екатерины Второй къ графу Алексѣю Ив. Мусину-Пушкину. **1870**. 768.

272. Письмо Екатерины II-й къ графу В. П. Мусину-Пушкину. **1869**. 208.

273. Записочки Екатерины II-й къ Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной. **1869**. 193.

274. Записочка Екатерины II-й къ А. Н. Нарышкиной. **1870**. 545.

275. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену. **18-й В**. I, 422.

276. Письмо Екатерины II-й къ гр. Н. П. Румянцову о невѣстѣ для великаго князя Александра Павловича. **1869**. 202.

277. Записка Екатерины II-й къ духовнику ея протоіерею Панфилову. **1864**. 590.

278. Письмо императрицы Екатерины II-й къ князю Потемкину (о Зубовѣ). **1864**. 594.

279. Секретные рескрипты Екатерины II-й князю Потемкину (1791) съ предисловіемъ Е. А. Бѣлова. **1874**. II, 225.

280. Собственноручная замѣтка Екатеририны II-й на докладѣ князя Потемкина. (Сообщена Г. Н. Александровымъ). **1876.** I, 70.

281. Три записочки императрицы Екатерины II-й къ князю Потемкину. **1875.** III, 253.

282. Изъ семейной памяти. Разсказъ объ А. В Марковѣ. П. Г. Кичеева (съ письмами Екатерины и кн. Потемкина). **1865.** 972 и **1866.** 1293.

283. Письма императрицы Екатерины II-й къ князю А. А. Прозоровскому. **1872.** 533.

284. Письма императрицы Екатерины II-й къ князю Н. И. Салтыкову (1763—1796). **1864.** 925.

285. Четыре письма Екатерины II-й къ графу Салтыкову во время Шведской войны 1788 года. **1878.** III, 241.

286. Изъ бумагъ генералъ-прокурора графа А. Н. Самойлова: письма къ нему Екатерины II-й, Павла Петровича и другихъ лицъ. **1878.** III, 243.

287. Два письма императрицы Екатерины: а) къ полковнику Сатину 1769; б) къ графу З. Г. Чернышову 1772, съ примѣчаніями Г. Н. Александрова. **1873.** 0449.

288. Рескрипты и указы императрицы Екатерины II-й къ А. Н. Сенявину (1768—1796). **1871.** 1351.

289. Письма Екатерины II-й къ графу Я. Е. Сиверсу (1765—1778). **1870.** 1422.

290. Матеріалы для исторіи Морейской экспедиціи 1770 г. Два рескрипта Спиридову, письмо гр. Орлова къ Спиридову и письмо Спиридова къ Екатеринѣ II-й. **1864.** 547.

291. Письмо Екатерины II-й къ С. Ѳ. Стрекалову о безпорядкахъ въ театральномъ управленіи. **1870.** 547.

292. Письма императицы Екатерины II-й къ Тимоѳею Ивановичу Тутолмину. (Оборона противъ Шведовъ и вѣроисповѣдныя дѣла въ юго-западномъ краѣ). **1873.** 2273.

293. Письма императрицы Екатерины II-й къ А. В. Храповицкому. **1872.** 2062.

294. Тринадцать писемъ Екатерины II-й къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода, съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Григоровича. **1870.** 744.

295. Рескрипты Екатерины II-й къ синодальнымъ оберъ-прокурорамъ Чебышеву и Акчюрину. **1870.** 767.

296. Четыре письма Екатерины II-й къ княгинѣ А. П. Черкасской. **1870.** 529.

297. Замѣчанія о письмахъ Екатерины II-й къ княгинѣ Черкасской. М. Н. Лонгинова. **1870.** 687.

298. Письма императрицы Екатерины II-й къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву (1764—1773). **1871.** 1313.

299. Письма императрицы Екатерины II-й къ И. И. Шувалову. **1867.** 98.

300. Два собственноручныхъ письма Екатерины II-й на имя Уфимскихъ намѣстниковъ Якобія и барона Игельштрома. **1867.** 512.

301. Указъ императрицы Екатерины II-й объ арестѣ священника за возношеніе имени Петра III. **1871.** 1252.

302. Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго П. И. Савваитову: письма Екатерины, Павла Петровича, Маріи Ѳедоровны и кн. Потемкина. **1870.** 284.

303. Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву: 1) собственноручное письмо Петра Великаго, 11-го Января 1719 г. 2) Письмо Петра III-го къ И. И. Шувалову. 3) и 4) Двѣ записочки Екатерины II. 5) Шуточная надгробная надпись, писанная Екатериною II. 6) Письмо императора Александра Павловича къ дѣвицѣ Кошеле. **1875**. II. 490.

304. Императрица Екатерина Вторая въ перепискѣ съ иностранцами. Статья Альфреда Рамбо, съ дополненіемъ о Мѣдномъ Всадникѣ А. С. Пушкина. **1877**. II. 269, 403 и 424.

305. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ Второй. Статья М. Ѳ. Шугурова. **18-й В.** I. 257.

306. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины Второй и ея царствованія: а) О Хорватѣ. б) О Мировичѣ. в) О Лифляндскихъ депутатахъ. г) Письма Екатерины Второй къ разнымъ лицамъ: графу Н. И. Панину, князю А. А. Вяземскому, князю Б. А. Куракину, В. С. Попову. **18-й В.** III. 355.

VIII. Екатеринино время.

307. Сонъ, видѣнный въ 1765 году. Сатира на Сухопутный Кадетскій Корпусъ и на Академію Наукъ и Художествъ. Съ предисловіемъ А. Н. Майкова. **1873**. 1910.

308. Кое-что о временахъ Екатерины. (Стихи ея и виды на завоеваніе Турціи). (Изъ записокъ Н. В. Сушкова). **1865**. 1504.

309. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено (по разнымъ иностраннымъ сочиненіямъ) княземъ П. П. Вяземскимъ. **18-й В.** I. 163.

310. Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка, съ замѣтками А. В. Терещенки. **1865**. 817.

311. Замѣтки Василія Степановича Попова для разсказовъ между друзьями (о князѣ А. М. Бѣлосельскомъ, о Кобенцелѣ и Фицгербертѣ). **1865**. 991.

312. Сочувствіе Венгріи къ Россіи. (Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ). **1876**. III, 372.

313. Изъ хроники Московскихъ чудачествъ: Лошадь въ очкахъ. (Сообщено А. А. Мартыновымъ). **1876**. III, 379.

314. Изъ бумагъ Диканьскаго архива: 1) Докладъ графа Н. И. Панина о преобразованіи въ управленіи государства; 2) Двѣ бумаги графа Н. И. Панина по поводу кончины Іоанна Антоновича. 3) Мысли графа Н. А. Румянцова-Задунайскаго объ устройствѣ воинской части въ Россіи. **1871**. 1408.

315. Поправки на статью: Изъ бумагъ Диканьскаго архива князя С. В. Кочубея. **1871**. 1636.

316. Пять писемъ прошлаго вѣка (1768), о семейныхъ дѣлахъ князей Долгоруковыхъ, съ послѣсловіемъ Ю. В. Толстаго. **1875**. I, 364.

317. Графъ Моцениго. Эпизодъ изъ первой Турецкой войны при Екатеринѣ II-й въ разсказѣ графа С. Р. Воронцова. **1878**. III, 413.

318. Русскіе въ Архипелагѣ въ 1771

году. Замѣтка И. Помяловскаго. **1878**. II, 114.

319. Москва въ 1771 году (бумаги А. А. Саблукова). **1866**. 329.

320. Описаніе Московскаго бунта 1771 г. въ разсказѣ протоіерея Петра Алексѣева. **1863**. 910.

321. Сказаніе о Колівщинѣ (народномъ возстаніи въ Малороссіи). Сочиненіе М. А. Максимовича **1875**. II, 5.

322. Запросы Дидерота о внутреннемъ состояніи Россіи въ письмѣ къ президенту Коммерцъ-коллегіи графу Миниху. 1774 года. **1878**. III, 409.

323. Русское наслѣдство во Франціи прошлаго вѣка. (Сообщено княгинею Е. Э. Трубецкою.) **1878**. I, 40.

324. Историческія свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Черногоріею. (Просьба Черногорцевъ 1778 года. Записка о Черногорцахъ, посылка совѣтника Пучкова, денежныя выдачи Черногорцамъ). Изъ дѣлъ князя Потемкина извлечено Г. Н. Александровымъ. **1876**. II, 257.

325. Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетиловскаго архива. (Бумаги князя Потемкина и В. С. Попова). **1865**. 519.

326. Прошеніе Карачевскихъ крестьянъ А. А. Беклешову. **1871**. 1527.

327. Изъ архива графа В. Н. Панина (дипломатическая переписка по дѣламъ Польскимъ; дневныя записки чрезвычайнаго сейма 1773 года; Польскій символъ вѣры и десять заповѣдей; исчисленіе обидъ, причиненныхъ Россіи и пр.). **1872**. I.

328. Изъ архива графа В. Н. Панина. Бумаги о первомъ раздѣлѣ Польши. **1871**. 1761.

329. Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ (1767). **1870**. 288.

330. Гарлибъ Меркель и его книга о Латышахъ въ исходѣ XVIII-го столѣтія. **1870**. 1009.

331. О рукописной исторіи первой Екатерининской войны съ Турціею. Замѣтка С. Гуляева. **1870**. 1158.

332. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ С. Смирнова. **18-й В**. I, 425.

333. Канцеляріи Правительствующаго Сената приказъ о говѣніи въ великій постъ. **1867**. 365.

334. Матеріалы для исторіи Дружескаго Ученаго Общества 1782 г. (объявленіе объ его первомъ засѣданіи) съ предисловіемъ М. Н. Полуденскаго. **1863**. 204.

335. Масонскія бумаги: а) Посланіе Симбирскихъ масоновъ въ Москву. б) Письмо И. П. Тургенева къ А. П. Соковнину. в) Письма Кауница Ритберта къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями М. Н. Лонгинова. г) Изъ донесенія князя Прозоровскаго императрицѣ Екатеринѣ о масонахъ. (Сообщено С. М. Соловьевымъ). **18-й В**. II, 368.

336. Ода Дружескому Ученому Обществу. Ѳ. П. Ключарева. **1863**. 212.

337. О книгѣ Французскаго агента Сабатье де Кабра: Catherine II. **1863**. 537.

338. Матеріалы для исторіи присоединенія Польши къ Россіи (1772—1814). (Выписки изъ Полн. Собранія Законовъ). **1863**. 549, 661, 785.

389. Секретная Коммиссія въ Холмогорахъ. Замѣтка Г. П. Данилевскаго. **1879**. II, 139.

340. Жалоба крестьянъ Тамбовскаго намѣстничества Екатеринѣ Второй

(Сообщено И. С. Аксаковымъ). **1875**. III. 397.

341. Былое изъ Пугачевщины. Разсказъ Аскалона Труворова (о помѣщикѣ Бобоѣдовѣ). **18-й В**. III, 481.

342. Изъ архива Саратовскаго Губернскаго Правленія. Бумаги за время Пугачевщины, переписка Цыплетева, Михельсона и Суворова. (Сообщено Саратовскимъ губернаторомъ М. Н. Галкинымъ-Врасскимъ). **1873**. 0451.

343. Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора: 1) О бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ. 2) О Степанѣ Маломъ. 3) По дѣламъ, касающимся Польши. 4) О казакахъ Маркинѣ и Поцалуевѣ. 5) О магистрѣ Масковѣ. 6) По Пугачевскому бунту. 7) По Турецкой войнѣ. 8) О подаркѣ отъ Лифляндіи по случаю перваго брака великаго князя Павла Петровича. 9) О Курляндцѣ Отто Германѣ фонъ-Ховенѣ. (Извлечено Е. В. Чешихинымъ). **18-й В**. III, 187.

344. Письма императора Іосифа II-го къ фельдмаршалу графу Ласси во время путешествія въ Херсонъ и Крымъ въ 1787 году. **1880**. I. 356.

345. Сардинія въ эпоху первой Французской революціи. Письма князя А-ра М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Россійскаго посланника при Сардинскомъ дворѣ, къ вице-канцлеру гр. Ивану Андреевичу Остерману (съ разсказами о событіяхъ въ Парижѣ). Сообщено княгинею Е. Э. Трубецкою. **1877**. II. 369; III. 5.

346. Русскій дворъ въ 1792—1793 годахъ. Изъ Записокъ Штернберга. **1880**. III. 261.

347. Изъ рѣчи Фокса въ Англійскомъ парламентѣ 18 Марта 1791. **1879**. I. 207.

348. О Русской арміи во вторую половину Екатерининскаго царствованія. Современная записка генерала-поручика С. М. Ржевскаго. **1879**. I. 357.

349. Записки Нѣмецкаго врача Дримпельмана о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка **1881**. I. 32.

350. Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала (изъ бумагъ Ярославскаго намѣстника А. П.Мельгунова). **1866**. 777.

351. О большомъ императорскомъ алмазѣ (принадлежавшемъ Армянину Лазареву). **1866**. 644.

352. Письма Кобургской принцессы (будущей тещи великаго князя Константина Павловича) о Русскомъ дворѣ. **1869**. 1089.

353. Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка, статья Д. И. Иловайскаго (по поводу Исторіи Россіи Германа). **1868**. 822.

354. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ Д. И. Иловайскаго. **1869**. 584.

355. Къ исторіи Шведской войны 1788 года. Статья академика Я. К. Грота по Шведскимъ книгамъ. **1869**. 111.

356. Мѣстничество въ исходѣ XVIII вѣка. Споръ о командованіи Русскими арміями по кончинѣ князя Потемкина. Подлинныя бумаги съ предисловіемъ Г. Н. Александрова. **1873**. LX.

357. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. Годы 1791—1794 (Военная служба.—Ясскій конгрессъ. — Камеръ-юнкерство. —Зубовъ. Поповъ. Нелидова.—В. П. Кочубей. — Графъ Безбородко.—Двор-

IX. Люди Екатеринина времени.

Парижѣ Н. К. Хотинскому. **1865**. 895.

370. Замѣтка о Беніовскомъ (изъ Англійской книги объ островѣ Мадагаскарѣ). К. П. Побѣдоносцева. **1865**. 859.

371. Челобитная Бецкаго, объ увольненіи его въ отпускъ за границу. **1866**. 1567.

372. Письмо Бецкаго къ императрицѣ Екатеринѣ II. **1865**. 773.

373. Письмо А. И. Бибикова къ кн. М. Н. Волконскому (въ Пугачевщину). **1867**. 500.

374. Письма А. И. Бибикова къ А. М. Лунину (въ Пугачевщину). **1866**. 377.

375. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій и его бумаги (Письма графа Бобринскаго, Екатерины II-й, И. И. Бецкаго, І. М. Рибаса, барона Гримма, графа Завадовскаго, профессора Озерецковскаго и пр.). Съ предисловіемъ издателя. **1876**. III. 5.

376. Дневникъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, веденный въ Кадетскомъ Корпусѣ и во время путешествія по Россіи и за границею. (1779—1786). **1877**. III. 116.

377. Изъ воспоминаній баронессы М. А. Боде (графиня Ламотъ въ Крыму). **1882**. II. 123.

378. Процессъ королевина ожерелья. **1882**. II. 130.

379. Письмо графа Ю. Ю. Броуна къ графу Н. И. Салтыкову о сливахъ для царскаго дома. (Сообщено Г. Н. Александровымъ) **1873**. 643.

380. Письма Веніамина, архіепископа Казанскаго, къ архимандриту Платону Любарскому. **1871**. 237.

381. Записки Малороссіянина Григорія Степановича Винскаго о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Съ предисловіемъ А. И. Тургенева. (Важность зачатія. Первые годы жизни.—Глуховъ. — Малороссійскіе нравы.—Измайловскій полкъ.—Заключеніе въ долговой тюрьмѣ.— Буянство.—Жизнь среднихъ людей въ Петербургѣ. —Женитьба.—Банковое дѣло). **1877**. І. 76. (Заключеніе Винскаго въ Петропавловской крѣпости.—Потемкинъ и Вяземскій. —Исторія Брещинскаго. — Княжна Тараканова.—Упреки Екатерининскому царствованію. — Ссылка на поселеніе въ Оренбургъ.—Служба у откупщика. — Учительство.— Семейства Булгаковыхъ и Рычковыхъ). **1877**. I. 150.

382. Къ жизнеописанію Г. С. Винскаго. **1877**. II. 233.

383. Бумаги князя Михаила Никитича Волконскаго. Съ предисловіемъ издателя. Сообщены княземъ А. Ѳ. Прозоровскимъ - Голицынымъ. **1865**. 1039.

384. Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императрицѣ Екатеринѣ съ предисловіемъ Евг. Ег. Скайлера (Американскаго консула въ Москвѣ). **18-й В**. III. 430.

385. Автобіографія графа Семена Романовича Воронцова (до 1797 года) **1876**. І. 33.

386. Біографія графа Семена Романовича Воронцова. Д. Д. Рябинина, съ гравированнымъ на стали портретомъ. **1879**. I. 58, 168, 305, 444.

387. Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Безбородкѣ изъ Венеціи и Лондона (1784—1789). **1879**. I. 83.

388. Письма С. Р. Воронцова къ С. А. Колычову. (Сообщено барономъ М. Л. БодеКолычовымъ). **1876**. III. 162.

389. Письмо графа С. Р. Воронцова къ графу Остерману. **1879**. I. 83.

ся назадъ послѣ женитьбы) **1865**. 851.

413. Новые матеріалы для исторіи масонства. (Записка И. П. Елагина). **1864**. 93.

414. Нѣсколько словъ о П. Д. Еропкинѣ, замѣтка В. В. Ильина. **1874**. I. 0577.

415. Изъ семейнаго архива села Вытебити. Письма Н. И. Зиновьева къ сыну его въ Лейпцигъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. П. Барышникова. **1870**. 932.

416. Семенъ Гавриловичъ Зоричъ. Статьи дьякона М. И. Мещерскаго и А. Н. Корсакова, съ портретомъ Зорича. **1879**. II. 37 и 65.

417. Письма графа В. А. Зубова къ брату его князю Зубову. 1796 года. (Сообщено П. К. Щебальскимъ). **1873**. 876.

418. Общее обозрѣніе торговли съ Азіею. Записка графа В. А. Зубова. Сообщено Н. Ѳ. Самаринымъ. **1873**. 879.

419. Письмо князя Зубова къ О. М. Рибасу (миритъ съ Н. С. Мордвиновымъ). **1871**. 1524.

420.Ириней, архіепископъ Псковскій. Статья Н. И. Григоровича. **1869**. 1103.

421. Просительное письмо Малороссіянина Искры къ графу П. А. Зубову. **1869**. 1566.

422. М. Ѳ. Каменскій у Фридриха II-го въ 1765 году. (Письмо Каменскаго къ великому князю Павлу Петровичу съ описаніемъ Бреславскаго лагеря въ 1765 г. и письмо къ М. Ѳ. Каменскому отъ неизвѣстнаго лица съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **1873**. 1552.

423. Приказъ Ярославскаго помѣщика Карновича 1765 года. **18-й В**. II. 365.

424. Краткое примѣчаніе о полуостровѣ Таврическомъ. Записка графа М. В. Каховскаго. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1873**. 592.

425. Баронесса Корфъ и ея содѣйствіе побѣгу Людовика XVI изъ Парижа въ 1791 году, съ предисловіемъ князя М. А. Оболенскаго. (Подлинныя современныя бумаги). **1866**. 800.

426. Наслѣдство А. Д. Ланскаго. **1880**. II. 151.

427. О библіотекарѣ великаго князя Павла Петровича, Лафермьерѣ, замѣтка князя М. А. Оболенскаго. **1869**. 2090.

428. Жизнь стариннаго Русскаго дворянина. Записки Ивана Ѳедоровича Лукина. Сообщены Н. С. Киселевымъ. **1865**. 899.

429. Письмо Гарриса (Мальмсбюри) къ графу Нессельроду-отцу. **1867**. 507.

430. Лордъ Мальмсбюри о Россіи **1866**. 584.

431. Лордъ Мальмсбюри о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. (Потемкинъ. Личные переговоры съ Потемкинымъ и Екатериною. Противодѣйствіе Панина. Ланской. Принцъ Генрихъ Прусскій въ Петербургѣ. Островъ на Средиземномъ морѣ. Бракъ сестры, великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Союзъ съ Іосифомъ II-мъ. Опала графа Панина. Путешествіе графа и графини Сѣверныхъ. Интрига Фридриха II-го. Присоединеніе Крыма. Сумашествіе князя Орлова и проч.) **1874**. I, 1465; II, 143, 349 и 737.

432. Изъ семейной памяти. А. В. Марковъ. **1865**. 1293 и **1866**. 185.

433. Анатолій Мелесъ, епископъ. Историческій очеркъ, по новооткрытымъ бумагамъ, Н. И. Григоровича. **1870**. 689.

434. Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, генералъ-губернаторъ Екатерининскихъ временъ. Статья Л. Н. Трефолева. **1865**. 931.

435. Нѣсколько замѣтокъ М. Н. Лонгинова на статью въ № 8 Русскаго Архива о біографіи Мельгунова. **1865**. 1404.

436. Замѣтки и дополненія Вологжанина къ статьѣ объ А. П. Мельгуновѣ. Ѳ. Н. Фортунатова **1865**. 1469.

437. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова (рескриптъ Екатерины II-й и письмо графа Завадовскаго) съ замѣткою Л. Н. Трефолева. **18-й В.** I. 361.

438. Сенакъ де Мельянъ, Французскій эмигрантъ XVIII вѣка и его отношенія къ Россіи. Статья князя М. А. Оболенскаго (изъ современныхъ бумагъ). **1866**. 421.

439. Записки Д. Б. Мертваго. XIV, 336 и 2 нен. стр.—въ особомъ приложеніи къ 1867 году. (Сообщены В. П. Безобразовымъ).

440. Дополненія къ запискамъ Д. Б. Мертваго. (Два разсказа и завѣщаніе). **1868**. 123.

441. Планъ романа изъ жизни Мировича, Г. Ѳ. Квитки (Основьяненка). **1863**. 160.

442. Письмо графа А. И. Моркова къ графу С. П. Румянцову. **1869**. 866.

443. Патентъ М. В. Муромцову, выданный въ 1775 году графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ. **1878**. I. 173.

444. Письмо М. П. Нарышкиной къ С. А. Колычову. **1869**, 213.

445. Краткая біографія Адама Васильевича Олсуфьева, писанная его сыномъ. **1870**. 1341.

446. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. Подробное жизнеописаніе, изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, составленное А. П. Барсуковымъ. **1873**. 1.

447. Переписка графа Г. Г. Орлова съ Ж. Ж. Руссо, съ предисловіемъ В. В. Андреева. **1869**. 581.

448. Два письма графа Г. Г. Орлова къ графу Н. И. Панину. 1768. **1882**. I. 405.

449. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ. **18-й В.** I. 365.

450. Письма княгини Екатерины Николаевны Орловой къ братьямъ (1776). Сообщено Н. П. Барышниковымъ. **1877**. III. 113.

451. Къ біографіи графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Письма его и о немъ во время Морейской Экспедиціи, извлеченныя изъ бумагъ вице-канцлера князя Голицына А. В. Рачинскимъ. **1876**. II. 270.

452. Письмо изъ Пизы въ Петербургъ отъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ князю Потемкину. 1774. Сообщено Г. Н. Александровымъ. 1876. II. 5.

453. Письмо графа Орлова-Чесменскаго къ графу Салтыкову объ Александрѣ Чесменскомъ, 1796. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1873**. 468.

454. Письма графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ его Воронежскому приказщику. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. И. Коптева. **1877**. I. 507.

455. Поправка о графѣ Г. В. Орловѣ, Г. Г. Григорьева. **1876**. II. 471.

456. Похожденія монаха Палладія Лаврова. (Изъ подлиннаго о немъ дѣла). Дневникъ Лаврова. **1878**. II. 442.

457. Изъ бумагъ протоіерея Іоанна Памфилова, духовника Екатерины II-й. **1871**. Письма къ нему: Статсъ-секретаря Кузмина 201. — Княгини

478. Изъ бумагъ Диканьскаго Архива князя С. В. Кочубея. Письма князя Потемкина и графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ. **1873**. 1685.

479. Ордера и записки князя Потемкина къ князю Суворову (подъ Измаиломъ 1790). Сообщены Г. Н. Александровымъ. **1877**. III. 195.

480. Замѣтка (съ письмами князя Потемкина о любовной измѣнѣ графа Дмитріева-Мамонова). Сообщена П. С. Лебедевымъ. **1865**. 1514.

481. Собственноручныя бумаги князя Потемкина-Таврическаго. (Государственныя мѣропріятія, дѣла Польскія, дѣла хозяйственныя, донесеніе о взятіи Бендеръ, письма къ А. Я. Булгакову и пр.). Сообщены А. И. Ставровскимъ и Н. С. Киселевымъ. **1865**. 393.

482. Бумаги князя Потемкина: письма его къ Екатеринѣ Великой, къ архіепископу Евгенію, къ митрополиту Платону, съ отвѣтами Платона, письма къ нему преосвященныхъ Гавріила, Иннокентія, фельдмаршала гр. Румянцова, Сумарокова, Хераскова. (Сообщено А. А. Васильчиковымъ). **1879**. III. 19.

483. Изъ бумагъ князя Потемкина-Таврическаго. (По дѣламъ Польскимъ и общей политики. О Малороссійскомъ казачествѣ). Сообщено А. И. Ставровскимъ. **1865**. 63.

484. Письмо протоіерея Петра Алексѣева къ князю Потемкину о Церковномъ Словарѣ. **1863**. 929.

485. Графъ Сегюръ и князь Потемкинъ. Замѣтка М. Ѳ. Шугурова. **1877**. I. 418.

486. Росписаніе главной арміи подъ предводительствомъ князя Потемкина (1791). **1874**. II. 259.

487. Предположенія князя Потемкина о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками Екатерины Второй (1791). **1874**. II. 269.

488. Планъ князя Потемкина о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками Екатерины Второй (1791). **1874**. II. 274.

489. Мирныя предначертанія князя Потемкина. Двѣ записки М. Л. Фалѣева. Съ предисловіемъ И. Ф. Бартенева. **1874**. II. 289.

490. Потемкинскій праздникъ 1791 г. Письмо въ Москву отъ Т. П. Кирьяка. **1867**. 673.

491. Гробница князя Потемкина. Статья М. Ѳ. Шугурова. **1867**. 203.

492. Дополненіе къ статьѣ о гробницѣ князя Потемкина. **1867**. 1181.

493. О взысканіи съ наслѣдниковъ князя Потемкина-Таврическаго казенныхъ денегъ. Замѣтка Г. Н. Александрова. **1873**. 2322.

494. Канонъ Спасителю, сочиненный княземъ Г. А. Потемкинымъ-Таврическимъ, въ Яссахъ 1791 года. Сообщенъ графомъ А. А. Бобринскимъ. **1881**. II. 17.

495. Потемкинскій храмъ Большаго Вознесенія въ Москвѣ. **1882**. II. 91.

496. Братья Потемкины. Частныя письма изъ Петербурга и Москвы на Кавказъ и въ Молдавію (1785—1791). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. О. Круглаго. **1879**. II. 184.

497. Письма къ графу П. С. Потемкину: Шагинъ-Гирея, графа Безбородки, князя Потемкина, В. С. Попова, кн. В. В. Голицыной и ея супруга. (Сообщилъ А. О. Круглый). **1879**. II. 428.

498. Два манифеста Пугачева (1774). **1870**. 291.

499. Полякъ на службѣ у Пугачева. **1876**. II. 451.

500. Преданіе о казни Пугачева. (Сообщено Ф. Л. Ляликовымъ). **1877**. II. 234.

501. Донесеніе князя Путятина Екатеринѣ II-й о разговорѣ съ Браунъшвейгскою герцогинею. **1879**. I, 112.

502. Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", статья М. Н. Лонгинова. **1868**. 1811.

503. Радищевъ и его книга. Изслѣдованіе М. Ѳ. Шугурова. **1872**. 227.

504. Частное письмо гетмана графа Разумовскаго къ его зятю графу Гудовичу. 1787. (Сообщено И. В. Росковшенкомъ). **1873**. 0467.

505. Анекдотъ о князѣ Андреѣ Кириловичѣ Разумовскомъ. (Отзывъ И. Ф. Мойеру). **1864**. 228.

506. Письмо князя Н. В. Репнина къ И. И. Шувалову о братьяхъ князьяхъ Чарторыжскихъ (1795). **1876**. I, 416.

507. Письма фельдмаршала князя Репнина къ князю А. Б. Куракину, въ царствованіе Павла. (Сообщены княземъ Ѳ. А. Куракинымъ). **1876**. III, 167.

508. Подлинные анекдоты о князѣ Н. В. Репнинѣ. (Извлечены изъ Записокъ лорда Мальмсбюри М. Н. Лонгиновымъ). **1865**. 847.

509. Памятныя Записки первой воспитанницы Смольнаго монастыря Глафиры Ивановны Ржевской. (Бецкій). **1871**. 1.

510. Записки оберъ-камергера графа Александра Ивановича Рибопьера (1781—1865), съ вступительнымъ предисловіемъ и примѣчаніями А. А. Васильчикова.—Графъ Мамоновъ и его женитьба.—Екатерина въ обращеніи съ ребенкомъ.—Павелъ Первый.—Лопухины.—Княжна Анна.—Жизнь въ Вѣнѣ.—Суворовъ.—Поединокъ.—Заточеніе въ крѣпости.—Поединокъ князя Зубова.—Камергерство. — Фельдмаршалъ Каменскій.—Поѣздка къ Шведскому королю). **1877**. I, 460.

511. Мелочи изъ прошлаго (о братѣ Робеспьера въ Россіи). Замѣтки Ю. В. Толстаго. **1865**. 1537.

512. Семейство Робеспьеровъ. Статья М. Ѳ. Шугурова. **1867**. 516.

513. Фельдмаршалъ графъ Румянцовъ. Современный разсказъ о немъ. **1879**. III, 169.

514. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Переписка фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго. съ предисловіемъ Н. И. Шаховскаго. **1879**. III, 137.

515. Письмо фельдмаршала графа Румянцова къ Екатеринѣ Великой при послѣднемъ служеніи 1794 года. **1879**. III, 31.

516. Дружественное письмо графа Н. П. Румянцова къ графу П. В. Завадовскому, о намѣреніи поступить въ военную службу. **1867**. 1263.

517. Письмо графа П. А. Румянцова-Задунайскаго къ графу Н. И. Панину, по поводу переговоровъ съ Турціею. **1865**. 987.

518. Письма отъ разныхъ лицъ (Бурнашева, Требинскаго, Ласси и др.) къ графу П. А. Румянцову-Задунайскому и къ графу Суворову-Рымникскому. **1874**. II, 532.

519. Два анекдота о графѣ П. А. Румянцовѣ. Ѳ. Ѳ. Воропонова. **1863**. 65.

520. О памятникѣ Кагульской битвы, сооруженіи князя М. С. Воронцова. Статья Н. Н. Мурзакевича, **1873**. 0463.

521. Автобіографія графа С. П. Румян-

547. Замѣтка объ экономѣ Шляхетнаго Корпуса Фрейтагѣ и о дамскихъ мундирахъ при Екатеринѣ II-й. Л. В. Даля. **1877**. III. 337.

548. Автобіографическія Записки В. С. Хвостова. **1870**. 551.

549. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Статья М. Н. Лонгинова. **1873**. 1453.

550. Характеристика Памятныхъ Записокъ Храповицкаго по поводу приложеннаго къ нимъ указателя. **1864**. 1099.

551. Объ изданіи Памятныхъ Записокъ А. В. Храповицкаго. Статья Д. В. Полѣнова. **1867**. 921.

552. По поводу статьи г-на Брикнера о Дневникѣ Храповицкаго. Замѣчанія Н. П. Барсукова. **1875**. III, 388.

553. О Дневникѣ Храповицкаго. (Разъясненія недоумѣній гг. Брикнера и Безсонова). **1876**. I. 489.

554. Еще о Дневникѣ Храповицкаго, письмо къ издателю Русскаго Архива отъ Н. П. Барсукова. **1876**. II. 104.

555. Записка Греческаго митрополита Хрисанѳа, поданная князю Зубову передъ Персидскимъ походомъ 1795 года. Сообщено Н. Ѳ. Самаринымъ. **1873**. 863.

556. Записки Хршонщевскаго (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. I. I. Ролле. **1874**. I, 898.

557. Письма князя П. Д. Циціанова къ В. Н. Зиновьеву съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. П. Барышникова. **1872**. 2100.

558. Десять писемъ барона А. И. Черкасова къ графу Н. И. Панину. **1882**. I. 407.

559. Письма во кремя осады Измаила, 1790 года, отъ графа Г. И. Чернышова къ князю С. Ѳ. Голицыну **1871**. 385.

560. Замѣтка о Чернышовыхъ, упоминаемыхъ Екатериною въ ея Запискахъ. М. Н. Лонгинова. **1865**. 863.

561. В. А. Чупятовъ, чудакъ XVIII вѣка. Статья Л. Н. Майкова. **1873**. 1672.

562. О С. И. Шешковскомъ, письмо къ вдовѣ его генералъ-прокурора графа Самойлова. **1866**. 263.

563. Ученикъ Вольтера. Графъ А. П. Шуваловъ. Біографическая статья Д. Ѳ. Кобеко. **1881**. III. 241.

564. Два письма изъ переписки Вольтера съ графомъ А. П. Шуваловымъ. **1864**. 34.

565. Случайные люди (изъ Гельбига). Переводъ съ Нѣмецкаго М. Н. Лонгинова, съ примѣчанія и дополненіями. (Шафировъ, Карлъ Скавронскій, Олицъ, Завадовскій, Безбородки, Ягужинскіе, Чоглоковъ, Ив. Черкасовъ, Дм. Шепелевъ и Турчаниновъ). **1865**. 53, 205, 821, 1447.

566. Замѣтка о Гельбигѣ. **1865**. 211.

567. Изъ давнихъ воспоминаній, статья В. В. Селиванова (о Л. Л. Демидовѣ, Поздѣевѣ, Соковнинѣ, о Павлѣ Петровичѣ, комендантѣ Гессе, Юни и пр.). **1869**. 153.

568. Историческія лица въ головѣ простолюдина. (Екатерина, Петръ III-й и князь Орловъ). Письмо А. П. Барсукова къ издателю Русскаго Архива. **1873**. 2074.

569. Сатирическій каталогъ при дворѣ Екатерины II-й. 1765 года. Съ объясненіями М. Н. Лонгинова. **1871**. 2039.

570. Отзывъ Итальянца о главныхъ пра-

вительственныхъ лицахъ во вторую половину Екатерининскаго царствованія: Панинъ, Вяземскій, Бакунинъ и Остерманъ. (Изъ рукописей Туринскаго архива). **1875**. II. 113.

571. Гриммъ и госпожа д'Эпинэ. Статья Я. К. Грота. **1878**. II. 463.

X. Павелъ Петровичъ.

572. Сто три дня изъ дѣтской жизни императора Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь Записокъ С. А. Порошина, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. (Сообщено Амбразанцевымъ-Нечаевымъ). **1869**. 1.

573. Словесныя упражненія великаго князя Павла Петровича. **1869**. 67.

574. Вѣдомости о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. **1869**. 68.

575. Два документа къ біографіи С. А. Порошина: а) Шуточный дипломъ, выданный Павломъ Петровичемъ. б) Отправленіе Порошина за принцемъ Жоржемъ. **1874**. II. 945.

576. Два письма великаго князя Павла Петровича къ графу Румянцову-Задунайскому (1776). (Сообщены А. М. Лазаревскимъ)· **1873**. 0461.

577. Повелѣніе великаго князя Павла Петровича о лейтенантѣ Полянскомъ. **1871**. 149.

578. Записки великаго князя Павла Петровича къ официанту Курдюкову **18-й В**. III. 406.

579. Письма великаго князя Павла Петровича къ графу Ивану Григорьевичу Чернышову. **1867**. 197.

580. Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ. Статья г-на Гашара и донесеніе Екатеринѣ II-й А. И. Моркова съ предисловіемъ Л. Н. Майкова **1876**. II. 45.

581. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замѣтка В. В. Андреева. **1869**. 517.

582. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія. Павла Петровича. **18-й В**. III. 419.

583. Путешествіе императора Павла по Ярославской губерніи, статья Л. Н. Трефолева. **1870**. 293.

584. Современный журналъ о пребываніи въ Казани императора Павла I-го. **18-й В**. IV. 464.

585. Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича (изъ Записокъ А. Т. Болотова). **1864**. 54, 201, 295, 596, 748.

586. По поводу анекдотовъ Болотова объ императорѣ Павлѣ I-мъ, замѣтка Ѳ. Н. Фортунатова **1864**. 471.

587. Разсказы генерала Котлубицкаго о временахъ императора Павла I-го. (Записаны А. И. Ханенкомъ). **1866**. 1301.

588. Разсказы о старинѣ (Н. О. Котлубицкаго и другихъ), записанные А. И. Ханенкомъ. **1868**. 1069.

589. Письма императора Павла Петровича къ адмиралу Макарову (1797—1800). **1875**. I. 6.

590. Бумаги князя Лопухина и два рескрипта императора Павла I-го къ Владимирскому губернататору Руничу о Зубовыхъ. (Сообщено графомъ Д. Н. Толстымъ). **18-й В**. IV. 474.

591. Разсказъ очевидца о посѣщеніи императоромъ Павломъ I-мъ города

Владимира на Клязьмѣ. **18-й В.** IV. 469.

592. Къ біографіи императора Павла (изъ Записокъ Августа Коцебу). **1870**. 1960.

593. Письмо И. Ѳ. Крузенштерна къ О. М. Рибасу. (На случай войны съ Англіею). 1800. **1873**. I. 490.

594. Письма императора Павла Петровича къ Московскимъ главнокомандующимъ (М. М. Измайлову, князю Ю. В. Долгорукову и графу И. П. Салтыкову). **1876**. I. 5.

595. Письма императора Павла къ Е. И. Нелидовой и князя Суворова къ П. И. Бабарыкину, съ предисловіемъ Н. Н. Бабарыкина. **1872**. 780.

596. Записочки Павла Петровича къ А. А. Баратынскому (1794—1797). **1870**. 1438.

597. Записка императора Павла къ генералу - лейтенанту Амбразанцеву. **1869**. 66.

598. Указъ императора Павла Д. Е. Лесли. **1868**. 1866.

599. Два рескрипта императора Павла къ Ѳ. И. Фонъ-Брадке. **1874**. II. 958.

600. Екатерина Ивановна Нелидова. Біографическій очеркъ. **1873**. 2160.

601. Письмо изъ ссылки отъ княгини Дашковой къ императору Павлу (весною 1797). **1871**. 1486.

602. Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ князя Н. В. Репнина. Статья М Ѳ. Де-Пуле, по новонайденнымъ бумагамъ. **1869**. 525.

603. Письма Павла Петровича къ оберъ-камергеру князю А. М. Голицыну **1881**. I, 25.

604. Письма великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳедоровны къ графу Н. И. Панину, съ запискою князя Н. В. Репнина объ иностранныхъ войскахъ въ Россіи и двумя статьями великаго кн. Павла Петровича о Русскомъ войскѣ и государственномъ управленіи **1882**, I, 383.

605. Письмо императора Павла къ Рязанскому губернатору Сонину (1800). **1878**. II. 270.

606. Письмо Е. И. Нелидовой къ Ѳ. Ѳ. Вадковскому (1788). **1870**. 327.

607. Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Е. И. Нелидовой. **18-й В.** III. 422.

608. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. Очеркъ его жизни, по семейнымъ бумагамъ. **1867**. 101.

609. Изъ писемъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго къ Е. И. Нелидовой. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1873**. 2172.

610. Письма князя А. Б. Куракина, великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны къ Ѳ. И. Вадковскому. **18-й В.** III. 408.

611. Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго (Разсказы В. И. Лопухина. Служба при к. Репнинѣ. Времена Павловы и Александровы). **1872**. 98 и 449.

612. Письмо графа Г. И. Кушелева къ адмиралу Макарову (1800) **1875**. I. 10.

613. Указъ императора Павла о комнатной услугѣ матери его **1878** I. 233.

614. Распоряженіе императора Павла относительно театральной дисциплины (1800). **1873**. 02298.

615. Распоряженіе временъ императора Павла Петровича (объ офицерскомъ одѣяніи). **1875**. I. 12.

616. Паульс-гнаде и Зорген-фрей, мызы въ Курляндіи. (Изъ временъ императора Павла) **1875**. II. 228.

617. Изъ Записокъ Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла, съ планомъ комнаты, гдѣ онъ скончался. Переводъ съ Англійскаго С. А. Рачинскаго. **1869.** 1869.

618. Нѣсколько словъ о „вызовѣ" императоромъ Павломъ Европейскихъ государей на поединокъ. Н. С. Киселева. **1871.** 0195.

619. Описаніе Михайловскаго дворца 1801 года. Августа Коцебу. **1870.** 969.

620. Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо императора Павла къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ. **1874.** II. 961.

621. Записка графа Ѳ. В. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ 1800 году, съ отзывами и замѣчаніями императора Павла Петровича. (Сообщена графомъ А. Ѳ. Ростопчинымъ). **1878.** **I.** 103.

622. Людовикъ XVIII въ Россіи. Извлечено изъ его Записокъ Д. Д. Рябининымъ. **1877.** III. 48.

623. Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья М. Ѳ. Де-Пуле, написанная на основаніи бумагъ найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора. **18-й В.** IV. 97.

624. Изъ Записокъ Юліана Урсина Нѣмцевича (О Костюшкѣ). Статья И. Х. **1881.** I. 383.

625. Рапортъ губернатора Карнѣева императору Павлу о православіи въ Минской губерніи. **1869.** 1559.

626. Ода императору Павлу I-му, Степана Руссова, съ предисловіемъ М. И. Семевскаго. **18-й В.** IV. 476.

627. Изъ временъ Павла Петровича, анекдотъ о чудакѣ Лузинѣ. (Сообщено Н. П. Степановымъ). **1873.** 644.

628. По поводу писемъ И. М. Муравьева-Апостола къ графу С. Р. Воронцову (Коцебу, объ опалѣ графовъ Панина и Ростопчина при Павлѣ, о ссыльныхъ при Павлѣ). Замѣтки Д. Д. Рябинина. **1876.** I. 377.

629. Юношескія воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго. **1877.** I, 43.

630. Записки Никол. Иванов. Греча. Первыя двѣ главы. (Нѣмцы въ Петербургѣ, во 2-й половинѣ XVIII вѣка). **1873.** 225. Царствованіе Павла Петровича и первые годы царствованія Александра Павловича. **1873.** 673.

631. Изъ воспоминаній графа Нельи (о князѣ Зубовѣ, Суворовѣ и гр. Шереметевѣ). М. Ѳ. Шугурова. **18-й В.** III. 396.

632. Вѣсти изъ Россіи въ Англію, въ царствованіе Павла Петровича. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. (Дѣятельность графа Ростопчина при Павлѣ. Князь Безбородко. Кочубей. Принцъ Конде. Князь Лопухинъ). **1876.** II. 81.

633. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. 1799—1801 годы. (Крутости Павловскаго времени. Опала графа Воронцова. Увольненіе графа Ростопчина. Князь Безбородко. Тугутъ. Суворовъ. Отношенія къ Пруссіи. Браки великихъ княженъ. Н. П. Панинъ). **1876.** III. 65 и 414.

634. Изъ записокъ Марьи Сергѣевны Мухановой. (Служба Сергѣя Ильича Муханова. Опала и милости Павла Петровича. Императрица Марія Ѳедоровна. Придворная жизнь. 1812 г. 14 Декабря 1825. Путешествіе на Кавказъ). **1878.** I, 299.

635. Родословная Мухановыхъ. **1878.** I. 326.

636. Анекдоты прошлаго столѣтія. Извлечено изъ анонимнаго Французскаго сочиненія (Шерера) И. В. Шпажинскимъ. **1877**. III. 280.

637. Московскія безобразія прошлаго вѣка. Драка въ Чудовомъ монастырѣ. Нѣмецъ-драчунъ. (Сообщено Н. П. Розановымъ). **1878**. I. 26.

XI. Марія Θеодоровна.

638. Письмо великой княгини Маріи Θеодоровны къ князю Потемкину (1786) о дѣтяхъ. **1879**. I. 367.

639. Письмо императрицы Маріи Θеодоровны къ С. И. Плещееву, по кончинѣ императора Павла. **1869**. 1951.

640. Четырнадцать писемъ императрицы Маріи Θеодоровны къ оберъ-камергеру князю А. М. Голицыну (1796—1802). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Сообщено М. В. Олсуфьевой. **1878**. II. 129.

641. Воспоминанія княгини Е. Г. Хилковой объ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. **1873**. 1121.

642. Письмо императрицы Маріи Θеодоровны къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. **1872**. 853.

643. Письма государыни императрицы Маріи Θеодоровны къ князю С. И. Гагарину (о поселеніяхъ Воспитательнаго Дома). Съ предисловіемъ издателя. **1868** 1.

644. Письма государыни императрицы Маріи Θеодоровны къ почетному опекуну Московскаго Воспитательнаго Дома Н. И. Баранову. **1870**. 1441.

645. Записка императрицы Маріи Θеодоровны къ генералу Ламсдорфу о Николаѣ Павловичѣ (1811). **1871**. 1919.

646. Письма государыни императрицы Маріи Θеодоровны къ двумъ младшимъ ея сыновьямъ, съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями барона М. А. Корфа. **1868**. 337.

647. Письмо императрицы Маріи Θеодоровны къ начальнику Парижскаго училища глухонѣмыхъ аббату Сикару. 1808. (Сообщено П. Н. Степановымъ). **1877**. I. 147.

648. Объ основаніи училища глухонѣмыхъ въ С.-Петербургѣ. А. Меллера. **1872**. 1009.

649. Письма съ дороги въ Вѣну отъ князя Александра Борисовича Куракина къ государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ 1807 года. **1868** 23 и 161. **1869**. 385.

650. Письма изъ Вѣны отъ князя А. Б. Куракина къ государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ (о предполагавшемся бракѣ великой княжны Екатерины Павловны съ императоромъ Австрійскимъ). 1807 годъ. **1869**. 385.

651. Дополненія, замѣтки и поправки (о письмахъ князя Куракина къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, о переводѣ романа Тургенева: „Отцы и Дѣти“ на Англійскій языкъ и пр. **1868**. 334, 528.

XII. Александръ Павловичъ.

(ЛИЧНО).

зю Н. И. Салтыкову. 1812—1814. (Сообщены княгинею Е. А. Салтыковою-Головкиною). **1878**. I, 153.

672. Письмо императора Александра I-го къ Г. П. Милорадовичу (о Татариновскихъ сборищахъ). **1864**. 623.

673. Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыйскій. Ихъ переписка въ Русскомъ переводѣ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. **1871**. 697.

674. Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу. Изъ Записокъ грофа Огинскаго, извлечено А. О. Подвысоцкимъ. **1874**. I. 637.

675. Записка Н. М. Карамзина о древней и новой Россіи, написанная въ 1811 году для императора Александра Павловича. **1870**. 2225.

676. Замѣчательный указъ императора Александра I-го о проповѣдяхъ. **1870**. 1389.

677. Объ отношеніи императора Александра Павловича къ католичеству, замѣтка Д. Н. Свербеева. **1870**. 1811.

678. О мнимомъ обращеніи Александра Павловича въ католичество. Замѣтка издателя. **1877**. II, 107.

679. Записка о католическомъ духовенствѣ, поданная императору Александру Павловичу митрополитомъ Сестренцевичемъ-Богушемъ. **1870**. 1745.

680. Письмо императора Александра Павловича къ графинѣ Шарлоттѣ де Бальменъ (1824). **1868**. 473.

681. Донесенія изъ Франціи графа А. И. Моркова императору Александру Павловичу. (Тутъ же два письма его къ управлявшему Русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ и послѣсловіемъ. **1873**. 2329.

682. Записка, поданная княземъ А. Б. Куракинымъ императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. **1869**. 1125.

683. Донесенія изъ Франціи князя А. Б. Куракина императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ I-мъ (1809—1811). Французскіе новооткрытые подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**. 1.

684. Изъ письма В. С. Попова къ императору Александру Павловичу (разсказъ о способѣ царствовать). Сообщено А. И. Ставровскимъ. **1864**. 447.

685. Письмо В. С. Ланскаго къ императору Александру Павловичу, съ предостереженіемъ о Польшѣ. **1863**. 830.

686. Императоръ Александръ Павловичъ въ Финляндіи, лѣтомъ 1819 года. Статья Севастьяна Грипенберга, съ предисловіемъ издателя. **1877**. III. 343.

687. Изъ семейнаго архива: 1) Письмо А. И. Архаровой къ М. И. Постниковой изъ Спб. въ Москву; 2) Письмо М. И. Постниковой къ А. И. Архаровой изъ Москвы въ Спб. (объ императорѣ Александрѣ), съ примѣчаніями А. А. Васильчикова. **1867**. 1028.

688. Свиданіе съ императоромъ Александромъ по поводу Семеновской исторіи. Изъ личныхъ воспоминаній С. Ѳ. Тимирязевой. Статья Ѳ. И. Тимирязева. **1873**. 01319.

689. Посѣщеніе императоромъ Александромъ Смоленскаго кладбища въ Спб. Н. И. Григоровича. **1869**. 075.

690. Письмо князя П. М. Волконскаго къ (гр.) А. А. Закревскому о кон-

XIII. Александрово время.

713. Записки Ипполита Оже (Hippolyte Auger) съ неизданнаго Французскаго подлинника (1814 годъ.—Русскіе въ Парижѣ.—Поступленіе на Русскую службу.—Петергофскій праздникъ.—Петербургъ.—Ф. Ф. Вигель. Семейство Тухачевскихъ. — Праздникъ въ Павловскѣ.—Пажескій Корпусъ.—Братья Хрущовы.—Дѣвица Лунина.—Походъ въ Варшаву.—Встрѣча съ М. С. Лунинымъ. М. С. Лунинъ, его характеристика, отношенія его къ отцу и удаленіе изъ Россіи. Жизнь съ Лунинымъ въ Парижѣ) **1877**. I, 51, 240, 519. II, 55.

714. Къ Запискамъ Ипполита Оже. Замѣтка Л. **1877**. II, 108.

715. Изъ письма графа Нессельроде къ барону Тюилю въ Римъ (1816) касательно соединенія церквей. (Сообщено С. М. Соловьевымъ). **1879**. I. 255.

716. Предписаніе И. А. Вельяминова полковнику Ладинскому о поимкѣ царевича Александра (1818). **1878**. II, 300.

717. По поводу Записокъ Саксонскаго посланника графа Зенфта (Наполеонъ I.—Александръ I.—Лагарпъ.—Князь Чарторыжскій.—Сперанскій.—Графъ Каподистрія.—Вѣнскій конгрессъ.—Священный Союзъ.—Общее броженіе умовъ.—Аракчеевъ и его характеристика). Статья князя П. А. Вяземскаго. **1876**. I, 362, 464.

718. Правила для обхожденія съ нижними чинами (1815). Изъ приказовъ князя М. С. Воронцова. (Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ). **1877**. II, 167.

719. Путешествіе по Россіи великаго князя Михаила Павловича въ 1817 году. (Сообщено Б. Г. Глинкою-Мавринымъ). **1877**. II, 241.

720. Черты Русской политики въ 1819 году. Статья М. Ѳ. Шугурова, съ приложеніемъ дипломатическихъ бумагъ на Французскомомъ языкѣ и Русскаго перевода ихъ. **1867**. 861.

721. По поводу статей о госпожѣ Крюднеръ, замѣтка князя Н. Н. Голицына. **1870**. 901.

722. Историческая замѣтка о запискѣ Карамзина „Мнѣніе Русскаго гражданина“. **1869**. 303.

723. Изъ письма королевы Луизы къ баронессѣ Крюднеръ. (Сообщено Е. П. Подчасскою). **1874**. I, 709.

724. Анекдоты изъ временъ императора Александра Павловича. (Сообщены Д. Д. Рябининымъ). **1875**. I, 329.

725. Списокъ членамъ совѣта и справы ложи св. Георгія Побѣдоносца на Востокѣ Мобежа. **1865**. 495.

726. Къ исторіи библейскихъ обществъ въ Россіи (письма митрополита Серафима, епископа Пензенскаго Иннокентія, архим. Фотія и графа Аракчеева), съ примѣчаніями отца М. Я. Морошкина. **1868**. 940.

727. Дѣло объ открытіи въ Смоленскѣ отдѣленія библейскаго общества. **1868**. 1395.

728. Записка о крамолахъ враговъ Россіи, съ объяснительнымъ введеніемъ и примѣчаніями отца М. Я. Морошкина. **1868**. 1329.

729. Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленная въ 1818 году, по повелѣнію Александра Павловича, графомъ Канкринымъ. **1865**. 1360.

730. О выкупѣ изъ крѣпостнаго состоянія Рязанскаго стихотворца Сиби-

рякова. (Сообщено А. А. Красильниковымъ). **1873**. 638.

731. Письмо графа Милорадовича къ владѣльцу Сибирякова и отвѣтъ на него. (Сообщено А. А. Красильниковымъ). **1873**. 641.

732. Мнѣніе Смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1820). **1865**. 1373.

733. Семеновская исторія 1820 года. Мнѣніе (князя) И. В. Васильчикова, съ предисловіемъ Д. А. Кропотова. **1870**. 1777.

734. Мнѣніе И. В. Васильчикова о Семеновскомъ возмущеніи 1820 года. **1870**. 1784.

735. Частное письмо изъ С.-Петербурга въ Тульчинъ о Семеновскомъ возмущеніи 1820 года. **1868**. 1820.

736. Стихи Ѳ. Н. Глинки о бывшемъ Семеновскомъ полку. (Сообщены В. Д. Давыдовымъ). **1875**. III. 422.

737. Разсказы и замѣчанія о Семеновской исторіи генералъ-адъютанта Сергѣя Павловича Шипова. **1875**. III. 421.

738. Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева. Статья М. Н. Лонгинова. **1868**. 1318.

739. Изъ исторіи Виленскаго учебнаго округа. (Борьба Польскихъ и Русскихъ началъ въ XIX вѣкѣ). Сергѣя Бархатцева. **1874**. 1. 1149.

740. О введеніи Русскаго языка въ католическое богослуженіе (извлечено изъ Виленскаго Вѣстника). **1874**. I. 1262.

741. Московскій проповѣдникъ-обличитель. (1822). Письмо князя А. Н. Голицына къ Московскому митрополиту Серафиму. **1873**. 2325.

742. О бывшихъ военныхъ поселеніяхъ и возникновеніи ихъ. Статья Г. Н. Александрова. **1873**. 1716.

743. Еще нѣсколько словъ о военныхъ поселеніяхъ. Отвѣтъ Г. Н. Александрову Н. В. Путяты. **1874**. I. 1042.

744. Записка о тайныхъ обществахъ въ Россіи, составленная въ 1821 году. **1875**. III. 423.

745. Студенческія воспоминанія Ф. Л. Лялйкова. 1818—1822 годы. **1875**. III. 376.

746. Ревель. Воспоминанія Ф. Л. Лялйкова (1822—1825). **1878**. II. 240.

747. Воззваніе къ Грекамъ князя Александра Ипсиланти, въ 1821 году. **1868**. 293.

748. Бумаги о кончинѣ и погребеніи въ Одессѣ Цареградскаго патріарха Григорія. (Сообщены Ю. В. Толстымъ). **1871**. 1920.

749. Памятныя замѣтки Вологжанина (Магницкій, Сперанскій, Дюгуровъ), Словцовъ, Каразинъ, Макшеевъ, Монаковъ, Трощинскій и пр.). Ѳ. Н. Фортунатова. **1867**. 1646.

750. О наводненія 1824 года. Боянуса. **1870**. 1559.

751. Мытищенская встрѣча, или 30-го Ноября 1825 года (о замыслѣ на жизнь графа Аракчеева). Изъ Записокъ А. Я. Булгакова. **1873**. 1529.

752. Изъ воспоминаній П. П. Новосильцова: 1) Видѣніе принцу Евгенію Богарне, подъ Савинымъ монастыремъ. 2) О междуцарствіи 1825 года въ Москвѣ. **1870**. 1161.

XIV. 1812—1815 годы.

753. Объясненіе императора Александра Павловича съ канцлеромъ его, графомъ Н. П. Румянцовымъ. (Собственноручная записка въ Апрѣлѣ 1812 года). **1869.** 609.

754. Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ о 1812 годѣ. Записка Шевалье д'Изарна съ предисловіемъ и примѣчаніями господина Гадарюеля (Ладрага). **1869.** 1399.

755. Выдержки изъ Записокъ Александра Яковлевича Булгакова. 1811 и 1812 годы, съ примѣчаніями Н. С. Киселева. **1867.** 1361.

756. Два разсказа изъ исторіи 1812 г. **1868.** 1675.

757. Историческія замѣчанія И. П. Липранди. **1866.** 1031.

758. Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812. Разсказъ очевидца, штатнаго служителя Семена Климыча. **1864.** 416.

759. Разсказы изъ исторіи 1812 года. В. А. Брокера. **1868.** 1866.

760. Разсказы изъ исторіи 1812 года. (Собственноручная тетрадь А. Н. Оленина). **1868.** 1883.

761. Замѣтка о 2 Сентября 1812 года. М. Ѳ. Шугурова. **1867.** 304.

762. Воспоминаніе о князѣ Смоленскомъ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ. Н. П. Шишкова. **1866.** 460.

763. Къ исторіи 1812 года. (Замѣтки А. Я. Булгакова). **1866.** 689.

764. Московскіе монастыри во время нашествія Французовъ. (Изъ подлинныхъ донесеній императору Александру Павловичу). **1869.** 1387.

765. Росписаніе особамъ, составлявшимъ Французское правленіе или муниципалитетъ въ Москвѣ 1812 года. **1864.** 412.

766. Французская афиша 1812 года. **1864.** 408.

767. Новыя подлинныя черты изъ исторіи Отечественной войны 1812 г. **1864.** 1190.

768. Изъ Записокъ графа Василія Алексѣевича Перовскаго о 1812 годѣ. (Плѣнъ у Французовъ). **1865.** 257.

769. Къ исторіи 1812 года. О фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Наполеономъ. **1865.** 491.

770. Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 г. И. П. Липранди. **1865.** 873.

771. Еще объ исторіи Отечественной войны, сочиненной Богдановичемъ. И. П. Липранди. **1865.** 1327.

772. Воспоминанія Московскаго жителя о пребываніи Французовъ въ Москвѣ въ 1815 году. **1869.** 1402.

773. По поводу статьи: „Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ“. Старожила города Москвы. **1869.** 2021.

774. Къ исторіи Двѣнадцатаго Года: а) Депеши графа Лористона и Блома о ссылкѣ Сперанскаго. II, 166; б) Письмо Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ отъ 13 Сентября 1812 о внутреннихъ и военныхъ дѣлахъ. II, 177; в) Французы въ Москвѣ по разсказу аббата Сюрюга, съ предисловіемъ В. Стратонова. **1882.** II, 191.

775. Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго Французами въ 1812 году. Статья Н. С. Киселева (по подлиннымъ бумагамъ). **1868.** 881.

Первое Сентября. — Ермоловъ о Кутузовѣ.—Совѣтъ въ Филяхъ.—Вывозъ сокровищъ.—Канунъ гибели.—Второе Сентября. — Послѣдніе часы графа Ростопчина въ Москвѣ.—Встрѣча на Яузскомъ мосту). **1875**. III. 5, 129, 257.

794. Французы въ Москвѣ въ 1812 г. Сочиненіе А. Н. Попова. Глава I (Личное положеніе Наполеона при Бородинѣ.—Значеніе Бородина.—Милорадовичъ. — Наполеонъ передъ Москвою.—Проходъ войскъ черезъ Москву. — Наполеонъ на Поклонной горѣ.—Типографщикъ Ламуръ.—Наполеонъ у Дорогомиловской заставы.—Бестужевъ-Рюминъ.—Вступленіе Наполеона въ Кремль). Глава II (Мюратъ въ Баташевскомъ домѣ.—Графъ.Солтыкъ.—Пожаръ Гостиннаго Двора. Французы тушатъ огонь.—Ночь съ 3 на 4 Сентября.—Отдача Москвы на грабежъ. Наполеонъ въ Московскомъ огнѣ. — Наполеонъ спасается въ Петровскій дворецъ. Аббатъ Сюрюгъ. — Актриса Фюзиль. — Организація грабежа. — Междоусобіе грабителей.—Оставшіеся жители. — Орловъ лугъ.—Новодѣвичій монастырь.—Избіеніе непріятеля). Глава III (Церковныя сокровища.—Грабежъ и неистовства въ церквахъ.—Неиствоства Нѣмцевъ и Поляковъ.—Сцены въ Зачатеевскомъ монастырѣ.—Черты человѣколюбія въ непріятеляхъ.—Голицынская больница.—Свои грабители. — Старообрядцы.—Вертепъ Московскихъ острожниковъ.—Преступники на волѣ). **1876**. I. 223, 316, 440. Глава IV. (Магазинщица Оберъ-Шальме.— Намѣреніе Наполеона идти на Петербургъ.—Возвращеніе его въ Кремлевскій дворецъ.—Коммиссія о поджигателяхъ. — Отзывы Бернадота. — Донесеніе Ивашкина. — Письма графа Ростопчина къ Государю. — Кто сжегъ Москву?) Глава V. (Усилія Наполеона прекратить грабежъ.—Французы не знаютъ, гдѣ Русская армія.—ОпасеніяНаполеона.-Управленіе городомъ.—Д'Оррерь.-Скудость продовольствія.—Г. Н. Кольчугинъ.—Смотры войскъ въ Кремлѣ. — Маршалъ Викторъ.—Сенъ-Сиръ и Макдональдъ.- Планъ отступленія. — Поляки-шпіоны. — Театральныя представленія.—Времяпровожденіе Наполеона.—Сужденіе его о Петрѣ Великомъ.—Богослуженіе въ Московскихъ церквахъ). Глава VI-я (Разговоры Наполеона съ Тутолминымъ и Яковлевымъ. — Наполеонъ грабитъ Кремль.—Молодечество казаковъ.-Дѣйствія партизановъ.—Тайныя распоряженія къ выступленію). Глава VII (Тьеръ объ отступленіи Наполеона.—Распоряженіе къ выходу.—Тревога Москвичей.— Попытка отстоять Кремль.—Взрывъ Кремля). **1876**. II. 53, 161, 285, 369.

795. Разсказы объ Ярославской старинѣ. Мнимые Французы. Л. Н. Трефолева. **1877**. II. 50.

796. Новое свѣдѣніе о кавалеристъ-дѣвицѣ. **1872**. 2043.

797. Частныя письма 1812 года М. А. Волковой къ В. И. Ланской. (Переведены съ Французскаго М. П. Свистуновою). **1872**. 2372.

798. Переписка между С. А. Масловымъ и П. Х. Граббе о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ. **1869**. 061.

799. Замѣтка объ убіеніи Верещагина. Д. Н. Свербеева. **1870**. 518.

800. Воспоминанія о 1812 годѣ. Князя П. А. Вяземскаго. **1869**. 181.

823. Письмо великой княгини Маріи Павловны, герцогини Саксенъ-Веймарской къ княгинѣ В. А. Репниной. 1814 (Сообщено О. П. Орловою). **1877**. I. 301.

824. По поводу разсказа М. Ѳ. Орлова о взятіи Русскими Парижа въ 1814 году. Показаніе очевидца и участника Н. А. Дивова. **1878**. I. 127.

825. Донесенія графа М. А. Дмитріева-Мамонова въ 1814 году императору Александру Павловичу (недружелюбіе Нѣмцевъ къ Русскимъ войскамъ). **1871**. 0121.

826. Какъ былъ взятъ Русскими войсками городъ Соассонъ и какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ войну 1814 года. Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди. **1868**. 903.

827. Два листка изъ дорожной книжки Русской полковой дамы 1814 года. **1870**. 2071.

828. Изъ записной книжки Алексѣя Осиповича Имберга (князь Репнинъ, вице-король Саксонскій). **1870**. 373.

829. Русскіе въ Парижѣ. Изъ дневника свитскаго офицера С. Г. Хомутова. **1870**. 161.

830. Изъ Записокъ И. П. Липранди по поводу „Воспоминаній Вигеля“. **1870**. 331.

831. Загробное опроверженіе. Письмо графа К. Ѳ. Толя къ Д. П. Бутурлину (1824), по поводу желанія иностранцевъ умалить значеніе князя Кутузова, съ предисловіемъ издателя. **1873**. 411.

XV. Люди Александрова времени.

(ВЪ АЗБУЧНОМЪ ПОРЯДКѢ).

832. Прорицатель Авель. Новыя подлинныя свѣдѣнія объ его судьбѣ. **1878**. II. 353.

833. Автобіографическія замѣтки графа Аракчеева, на прокладныхъ листкахъ книги Св. Евангелія. (Сообщены М. И. Богдановичемъ). **1866**. 922.

834. Письмо императора Александра Павловича къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву. (1809 г.). **1869**. 1660.

835. Письмо графа Аракчеева къ Д. А. Булыгину. **1872**. 2036.

836. Письмо графа Аракчеева къ графинѣ Е. З. Канкриной, съ замѣткою князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 281.

837. Приказъ графа Аракчеева въ 1808 году. (Сообщенъ Г. Н. Александровымъ). **1875**. III. 314.

838. Письмо графа Аракчеева къ А. П. Малиновской. **1864**. 1186.

839. Письмо графа Аракчеева къ Олонецкому губернатору Ушакову. **1866**. 1047.

840. Письма къ графу Аракчееву наперсницы его Настасьи Ѳедоровой Минкиной (1816—1820). **1868**. 1656.

841. Переписка графа Аракчеева съ кн. Д. В. Голицынымъ о постройкѣ крестьянскихъ избъ. (Сообщено Д. Ѳ. Самаринымъ). **1873**. 646.

842. Черновой отвѣтъ князя Д. В. Голицына графу А. А. Аракчееву. (Сообщено Д. Ѳ. Самаринымъ). **1873**. 647.

843. Курьезъ изъ времени управленія военнымъ министерствомъ графа Аракчеева (увольненіе отъ службы

великому князю Николаю Павловичу.—Отвѣтныя письма князя Васильчикова князю Волконскому.—Письма его къ князю П. М. Волконскому.—Письмо его къ князю А. С. Меншикову.—Письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею.—Два письма къ князю И. В. Васильчикову тайнаго агента Грибовскаго.—Письмо къ нему князя Паскевича). **1875**. I, 339. II, 44, 126, 325, 419. Ш, 401.

870. Поѣздка князя Н. Г. Волконскаго къ Наполеону I-му въ 1809 году. Изъ семейныхъ воспоминаній князя Александра Никитича Волконскаго. **1874**. I, 1047.

871. Письма А. Н. Голицына къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. 1822 и 1823 годы. **1869**. 943.

872. Два письма министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына къ директору Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардту. **1868**. 873.

873. Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина. Статья Ю. В. Толстаго. **19-й В**. I, 1.

874. Къ біографіи Е. А. Головина. Статья графа Д. Н. Толстаго. **1872**. 1954.

875. По поводу біографіи Е. А. Головина, замѣчанія М. П. Щербинина о дѣятельности князя М. С. Воронцова на Кавказѣ. **1872**. 707.

876. О пасторѣ Госнерѣ (Изъ Записокъ Н. И. Греча). **1868**. 1403.

877. Записки князя О. В. Грабе-Горскаго. **19-й В**. I, 201.

878. Записки Н. Н. Греча. (Біографіи современниковъ). **1871**. 289.

879. Письма князя Михаила Петровича Долгорукова, съ примѣчаніями Ю. В. Толстаго. **1865**. 1305.

880. О собирателѣ рукописей Дубровскомъ. Письмо Дубровскаго къ А. Н. Оленину. Записка о хранителѣ „Депо Манускриптовъ" г. коллежскомъ совѣтникѣ Дубровскомъ. Сообщено А. А. Васильчиковымъ. **1878**. II, 437.

881. Педагогъ прошлаго времени (Дюгуровъ), статья профессора Н. А. Лавровскаго. **1869**. 1541.

882. Письма великой княгини Екатерины Павловны къ Ф. П. Деволану. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**. 1967.

883. Авдотья Петровна Елагина. Біографическій очеркъ, статья издателя. **1877**. II, 483.

884. Замѣтки А. П. Ермолова объ его молодости. **1867**. 366.

885. Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ, издателя. **1863**. 436.

886. Встрѣча моя съ А. П. Ермоловымъ. Изъ воспоминаній Н. В. Берга. **1872**. 285.

887. Новыя подробности изъ молодой жизни А. П. Ермолова. Письма А. П. Ермолова: къ А. М. Каховскому и П. С. Дегтереву. Всеподданнѣйшій докладъ генер.-прокурора Лопухина 7 Января 1799 года. — Объясненіе А. П. Ермолова, собственноручно имъ писанное. **1878**. II, 475.

888. Краткое біографическое воспоминаніе о графѣ А. А. Закревскомъ. Статья Н. В. Путяты. **1865**. 371.

889. Записки Николая Степановича Ильинскаго (Н. И. Рязановъ.—Сперанскій въ царствованіе Павла.—Нарышкинское дѣло.—Обольяниновъ.—Случаи Павловскаго времени.—Дольскій.—Радищевъ.—Графъ Завадовскій.—Чиновничье жалованье.—Розенкампфъ). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. О. Круглаго. **1879**. Ш, 377.

915. Существуютъ ли Записки графа М. А. Мамонова? Замѣтка Н. С. Киселева. **1868**. 87.

916. Графъ М. А. Мамоновъ. Разсказъ изъ семейной памяти П. Г. Кичеева. **1868**. 91. Еще о графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ (его письма къ князю Д. В. Голицыну и характеристика его болѣзни, доктора В. Малиновскаго). **1868**. 962.

917. Замѣчанія графа М. А. Мамонова на книгу Кастеры. **1877**. Ш, 389.

918. Письма изъ Петербурга въ Италію графа Жозефа де-Местра къ королю Сардинскому. **1871**. 53.

919. Письмо графа Іосифа де-Местра къ князю П. Б. Козловскому. **1866**. 1492.

920. Заявленія графа Г. А. Милорадовича о бумагахъ графа М. А. Милорадовича и объ исторіи Пажескаго корпуса. **1875**. I, 494.

921. Изъ записокъ Марьи Сергѣевны Мухановой. Семейная Хроника. **1878**. I, 209.

922. Анекдоты Александра Львовича Нарышкина. **1864**. 872.

923. Калейдоскопъ воспоминаній (1811—1871). Глава 1-я. Николай Николаевичъ Новосильцовъ. Ципринуса (псевдонимъ). **1872**. 1705. Глава 2-я. Адамъ Мицкевичъ, 1887. Глава 3-я. 1811 и 1812 годы. 2269.

924. Анти - Ципринусъ. Воспоминаніе о графѣ Н. Н. Новосильцовѣ, Н. В. Кукольника. **1873**. 203.

925. Очерки и воспоминанія. I. Московское семейство стараго быта. (Князья Оболенскіе). Статья князя П. А. Вяземскаго. **1877**. I, 305.

926. Графъ Остерманъ-Толстой по преданіямъ жителей Женевы. **1878**. I, 360.

927. Дѣла давно минувшихъ дней (о Переверзевѣ). Т. Толычовой. **1871**. 1289.

928. Бумаги Ивана Борисовича Пестеля. (Автобіографія. — Письма къ нему сына его Павла Ивановича.—Записка о Куткинѣ и пр.). **1875**. I, 369.

929. Письмо атамана графа Платова къ лейбъ-медику Вилье. Сообщено В. К. Истоминымъ. **1877**. II, 109.

930. Останки атамана графа Платова, Статьи В. К. Истомина. **1877**. II, 109.

931. Письма I. А. Поздѣева къ его друзьямъ, С. С. Ланскому, графу А. К. Разумовскому и др. **1872**. 1853.

932. Изъ бумагъ Василія Степановича Попова. (Политическія его записки, письмо къ нему графа Г. В. Орлова и пр.) **1865**. 213.

933. Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина о состояніи Россіи въ концѣ Екатерининскаго царствованія (1794) съ предисловіемъ и примѣчаніями. **1878**. I, 292.

934. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ князю П. Д. Циціанову. (1803—1806). Съ подлинниковъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. **19-й В**. II. 1.

935. Графъ Растопчинъ о Вольтерѣ. **1882**. Ш, 207.

936. Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. **1878**. II. 270.

937. Новонайденныя бумаги графа Ѳ. В. Ростопчина. Московскій острогъ въ 1810 году.—Состояніе Москвы передъ нашествіемъ Французовъ. — Москва вслѣдъ за выходомъ Французовъ. Письма графа Ростопчина къ Государю, къ министру полиціи

А. Д. Балашову и С. К. Вязмитинову. Письма къ нему Н. О. Котлубицкаго и И. Наумова. 1812 и 1813 годовъ. **1881**. Ш, 215 и 212.

938. Изъ Записокъ графа Ѳ. В. Ростопчина: 1) Двѣнадцатый годъ. 2) Путевыя записки 1815 года. 3) Послѣднія страницы графа Ростопчина. **19-й В.** II, 114.

939. Записка графа Ѳ. В. Ростопчина къ Я. И. Булгакову (о морскомъ путешествіи императора Павла). 1797. **1875**. I, 6.

940. Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ министру юстиціи объ А. Т. Болотовѣ. **1875**. II, 489.

941. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ Д. И. Киселеву. **1863**. 881.

942. Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. (Павелъ.—Гудовичъ.—Валуевъ и ему надгробныя надписи). **1876**. I, 374.

943. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. **1869**. 759.

944. Записка о Мартинистахъ, представленная въ 1811 году графомъ Ростопчинымъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. **1875**. Ш, 75.

945. Письма графа Ѳ. В Ростопчина къ С. Н. Глинкѣ, въ 1813 году. **1876**. Ш, 430.

946. Переписка графа Н. П. Панина съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ. **1876**. Ш. 432.

947. Переписка графа Ѳ. В. Ростопчина съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. (Сообщена Г. Н. Александровымъ). **1869**. 763.

948. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ фельдмаршалу князю М. И. Кутузову-Смоленскому въ 1812 году. **1875**. Ш, 456.

949. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ А. Ѳ. Брокеру изъ Петербурга и изъ чужихъ краевъ. (1815—1818). **1868**. 1873.

950. Стихотворная автобіографія графа Ѳ. В. Ростопчина. Сообщена В. А. Брокеромъ. **1873**. 779.

951. Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ управителю его имѣній Петру Моисеевичу Погодину. **1864**. 407.

952. Картина Франціи, представленная императору Александру I-му графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ. (Переводъ съ Французскаго Ѳ. И. Тимирязева). **1872**. 965.

953. Черты для біографіи графа Ѳ. В. Растопчина, замѣтки М. Н. Лонгинова. **1868**. 1674.

954. Письмо къ издателю отъ графа А. Ѳ. Ростопчина по поводу романа: „Война и Миръ". **1869**. 935.

955. Характеристическія замѣтки и воспоминанія о графѣ Ростопчинѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго. **1877**. II. 69.

956. Записки графа А. И. Рибопьера (Графъ Канкринъ.—Бесѣды съ императоромъ Францомъ.—Лехнеры. — Пріѣздъ въ Константинополь.—Послѣ Наварина. — Наполеониды). Съ примѣчаніями и предисловіемъ А. А. Васильчикова. **1877**. II. 5.

957. Письмо короля Людовика XVIII-го къ графу Н. П. Румянцову, 1805 года (проситъ ходатайства о пенсіи графу Даваре). **1872**. 186.

958. Изъ бумагъ графа С. П. Румянцова (объ учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ). **1869**. 1953.

959. Письмо Н. П. Рязанова къ И. И. Дмитріеву. **1866**. 1331.

960. Разсказъ о Н. С. Свѣчинѣ. Т. Толычовой. **1871**. 1532.

961. Разговоръ вице-адмирала Д. Н. Сенявина съ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ. **1875**. III. 431.

962. Сперанскій въ его государственной дѣятельности, съ общимъ очеркомъ исторіи внутренняго управленія въ XVIII вѣкѣ. Статья профессора Ѳ. М. Дмитріева. **1868**. 1527.

963. Сперанскій. Критико-историческое изслѣдованіе академика М. П. Погодина. (Показанія Я. И. Де-Санглена). **1871**. 1097.

964. Къ біографіи Сперанскаго, М. П. Погодина. (Письмо Сперанскаго къ Самборскому и разсказъ о немъ Челищева). **1871**. 1942.

965. Письмо барона М. А. Корфа къ М. П. Погодину съ поправками свѣдѣній о Сперанскомъ. **1872**. 214.

966. Письмо Алексѣя Куракина къ кн. Ѳ. Н. Голицыну о Сперанскомъ, съ замѣткою Я. К. Грота. **1863**. 442.

967. Поправка свѣдѣнія о Сперанскомъ, Я. К. Грота. **1863**. 720.

968. Къ исторіи ссылки Сперанскаго, Я. К. Грота. **1871**. 2073.

969. Еще о Сперанскомъ и Воейковѣ. Статья Я. К. Грота. **1871**. 2121.

970. Нѣсколько словъ о Сперанскомъ (его семинарскій характеръ). Изъ письма къ академику Гроту Д. С. Протопопова. **1876**. II. 225.

971. Изъ бумагъ о графѣ Сперанскомъ, въ дополненіе къ его жизни, изданной въ 1861 году. (Сообщено барономъ М. А. Корфомъ). **1867**. 432.

972. Рапортъ Сперанскаго Государю Императору 1-го Іюня 1820 года, объ управленіи Сибирью (изъ Иркутска). **1870**. 598.

973. Письмо Сперанскаго къ С. М. Броневскому (о видахъ молитвы). **1870**. 199.

974. Письмо Сперанскаго къ И. В. Лопухину (о долгахъ сего послѣдняго). Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ. **1870**. 623.

975. Письма Сперанскаго къ А. А. Столыпину, съ послѣсловіемъ Д. А. Столыпина. **1869**. 1682 и 1966.

976. Выдержки изъ писемъ Сперанскаго къ А. А. Столыпину, съ предисловіемъ Д. А. Столыпина. **1870**. 880 и 1125.

977. Письма Сперанскаго изъ Пензы и изъ Сибири къ А. А. Столыпину, со послѣсловіемъ Д. А. Столыпина. **1871**. 431.

978. Письмо Сперанскаго къ Аркадію Алексѣевичу Столыпину объ Исторіи Государства Россійскаго (Сообщено барономъ М. А. Корфомъ). **1869**. 919.

979. Письма Сперанскаго къ его дочери изъ Пензы, съ дороги въ Сибирь, изъ Сибири и съ возвратнаго оттуда пути. **1868**. 1103. 1681.

980. Письма Сперанскаго къ Ф. И. Цейеру (1811—1818). **1870**. 174.

981. Замѣтка о Францѣ Ивановичѣ Цейерѣ. **1870**. 518.

982. Письмо графа Павла Петровича Сухтелена къ Г. С. Карелину (по Бухарскимъ дѣламъ). **1873**. 01315.

983. Изъ записной книжки графа Павла Петровича Сухтелена. 1816-й годъ. **1876**. I. 346.

984. О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой. Статья Ю. В. Толстаго. **19-й В**. I. 220.

985. Свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза, статскаго совѣтника Іоаннова (псевдонимъ Коссовича). **1872**. 2334.

986. Записки Ильи Ѳедоровича Тимковскаго (Переяславль. Кіевъ и Москва. Шуваловъ). **1874**. I. 1377.

987. Поправки (объ Американцѣ графѣ Ѳ. И. Толстомъ) **1873**. 0224, 0860 и 1102.

988. Черты изъ жизни Сергѣя Алексѣевича Тучкова. Розысканіе Г. Н. Александрова. **1874**. I. 1131.

989. С. С. Уваровъ и адмиралъ Шишковъ. Библіографическая замѣтка Н. П. Барсукова. **1882**, III. 226.

990. Фердинандъ Кристинъ и фрейлина княжна Туркестанова. (Петербургъ и Москва въ 1813—1814 годахъ). **1882**. I. 412.

991. Переписка Фердинанда Кристина съ фрейлиной княжной Туркестановой. 1813—1816 годы. На Французскомъ языкѣ, въ особыхъ приложеніяхъ къ II и III книгамъ **1882**.

992. Свѣдѣнія о княжнѣ Варварѣ Ильинишнѣ Туркестановой 1775—1819. Князя Н. Н. Туркестанова. **1882**. III. 205.

993. Автобіографическое прошеніе императору Александру Павловичу ротмистра Флячки-Карпинскаго. **1878**. I. 81.

994. Изъ писемъ архимандрита Фотія къ графинѣ А. А. Орловой. Сообщилъ Д. Д. Благово. **1878**. II. 292.

995. Изъ Записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ въ 1819 г. съ примѣчаніями П. И. Мельникова. **1873**. 1434.

996. Изъ Записокъ архимандрита Фотія. 1822 годъ (свиданіе съ Государемъ). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. **1869**. 929.

997. Письма архимандрита Фотія къ брату и роднымъ. **1871**. 239.

998. Письмо архимандрита Фотія къ Д. А. Державиной (вдовѣ поэта) объ А. И. Тургеневѣ и его яко бы нечестіи. **1863**. 345.

999. Укорительное письмо Фотія къ князю А. Н. Голицыну. **1870**. 1159.

1000. Фотина Павловна, послушница архимандрита Фотія. Статья П. С. Казанскаго. **1870**. 893.

1001. Примѣчаніе къ свѣдѣніямъ о Фотіи (отношеніе къ медицинѣ). Ф. Горбунова. **1870**. 901.

1002. Анти-Фотій. Отвѣтъ очевидца на показанія Фотія о Татариновой и ея союзѣ. П. В. Кукольника. **1874**. I, 589.

1003. Письмо графини А. А. Орловой къ брату Фотія, отцу Евфимію. **1871**. 244.

1004. Анна Григорьевна Хомутова: а) Жизнь ея, составленная ея воспитанницею Е. И. Розе; б) Два отрывка изъ ея Записокъ о 1814 годѣ и объ А. С. Пушкинѣ и в) Замѣтка о ней князя П. А. Вяземскаго. **1867**. 1049.

1005. Записка князя Адама Чарторыжскаго объ его политическомъ положеніи. 1810. (Сообщено графомъ С. Г. Строгановымъ). **1876**. I, 418.

1006. Письмо князя Адама Чарторыжскаго къ графу Матусевичу объ его положеніи во время войны 1812 года. Съ объяснительною замѣткою Н. В. Сушкова. **1863**. 866.

1007. Три письма князя Адама Чарторыжскаго къ Н. Н. Новосильцову. 1805, 1807 и 1812 годовъ (Сообщены Н. Я. Макаровымъ). **1875**. I, 325.

1008. Воспоминанія Сергѣя Павловича Шипова. **1878**. II, 144.

1009. Встрѣча съ Шишковымъ. Изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. **1871**. 162.

1010. Профессоръ Эверсъ по Запискамъ

Н. В. Баталина. (Сообщено Д. Д. Рябининымъ). **1878**. I, 404.

1011. Автобіографическія записки А. А. Эйлера. **1880**. II, 333.

1012. Воспоминанія о директорѣ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтѣ, сына его В. Е. Энгельгардта. **1872**. 1595.

1013. Педагогическія замѣтки Е. А. Энгельгардта. **1872**. 1595.

XVI. Николай Павловичъ.

(ЛИЧНО).

1014. Путешествіе по Россіи и въ чужихъ краяхъ великаго князя Николая Павловича, 1816 и 1817 годовъ. (Сообщено Б. Г. Глинкою-Мавринымъ). **1877**. II, 172.

1015. О пребываніи великаго князя Николая Павловича въ Англіи. (Изъ письма леди Пемброкъ въ Москву къ графинѣ М. В. Де-Бальменъ). Сообщено В. А. Олсуфьевымъ. **1877**. III, 292.

1016. Письмо императора Николая Павловича къ графинѣ Е. П. Потемкиной отъ 4 Апрѣля 1826 (объ его отношеніяхъ къ заключеннымъ по дѣлу 14 Декабря). **1872**. 425.

1017. Нѣсколько словъ объ императорѣ Николаѣ I-мъ. Замѣтка М. В. Юзефовича по поводу памятника тысячелѣтію Россіи (отношенія къ Читинскому коменданту Лепарскому). **1870**. 999.

1018. Еще черта для характеристики императора Николая. Замѣтка М. В. Юзефовича (о корпусѣ жандармовъ и объ инструкціи шефу онаго). **1870**. 1727.

1019. Гизо объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и его отношеніяхъ къ королю Людовику Филиппу. Перевелъ и сообщилъ А. Ч. **1880**. I, 480.

1020. Николай Павловичъ. Автобіографическій разсказъ бывшаго Кавказскаго офицера барона Θ. Θ. Торнова. **1881**. II, 222.

1021. Спасеніе жизни императора Николая Павловича. Записка Н. И. Надеждина съ предисловіемъ П. М. Мельникова. **1879**. I, 140.

1022. Императоръ Николай Павловичъ въ Вѣнѣ въ 1835 году. (Съ Французской рукописи) **1882**. I, 198.

1023. Изъ Записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа (о путешествіи императора Николая по Россіи въ 1836 г. и о пребываніи въ Чембарѣ по причинѣ сломанной ключицы) въ переводѣ, съ предисловіемъ барона М. А. Корфа. **1865**. 129.

1024. Императоръ Николай I-й въ Св. Правительствующемъ Синодѣ. Статья Н. И. Григоровича. **1869**. 739.

1025. Изъ воспоминаній о прошломъ (о сострадательномъ характерѣ императора Николая и о томъ, какъ графиню М. А. Воронцову совратили Іезуиты). Статья княжны В. Н. Репниной. **1870**. 1724.

XVII. Четырнадцатое Декабря.

1026. Изъ воспоминаній принца Евгенія Виртембергскаго. (Поѣздка въ Петербургъ въ 1825 году. Междуцарствіе. 14 Декабря.—Графъ Дибичъ). **1878.** I, 330.

1027. Матеріалы для Русской Исторіи за первую половину XIX вѣка. Донесеніе слѣдственной коммиссіи по дѣлу Декабристовъ. **1881.** II, 277.

1028. Приложеніе къ докладу слѣдственной коммиссіи о тайныхъ обществахъ, открытыхъ въ 1825 году. **1875.** III, 434.

1029. Четырнадцатое Декабря 1825 года. (Описаніе графа Д. Н. Блудова). **1881.** II, 337.

1030. Четырнадцатое Декабря 1825 года, на Петербургскихъ площадяхъ: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. (Записано очевидцемъ на третій день послѣ происшествія). Ст. П. С. Деменкова. **1877.** III. 258.

1031. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря 1825 года (государственнаго секретаря А. Н. Оленина). **1869.** 731.

1032. Четырнадцатое Декабря. Изъ воспоминаній П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго. **1882.** III, 229.

1033. Замѣтки и поправки: а) И. С. Ульянова (о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ) и б) С. Д. Комовскаго (о Московской присягѣ 1825 года). **1868.** 103.

1034. Казнь Декабристовъ. Разсказы современниковъ: 1) Разсказъ Шницлера. 2) Разсказъ Н. В. Путяты. 3) Разсказъ В. И. Беркопфа, записанный Н. А. Рамазановымъ. **1881.** II, 341.

1035. Записки о происшествіи 14 Декабря 1825 года. Николая Васильевича Басаргина. **19-й В.** I, 65.

1036. Записка Г. С. Батенкова. Данныя. Повѣсть собственной жизни. Сообщены Н. А. Елагинымъ. **1881.** II, 251.

1037. Разсказы о декабристѣ Г. С. Батенковѣ. **1881.** III, 436.

1038. Записки И. И. Горбачевскаго. Изъ Тайнаго Общества Соединенныхъ Славянъ. **1882.** I, 435.

1039. Декабристъ И. И. Горбачевскій. **1882.** II, 311.

1040. Декабристъ въ Сибири. Письмо И. И. Пущина къ Е. А. Энгельгардту. Съ предисловіемъ Я. К. Грота. **1879.** III, 469.

1041. По поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14 Декабрѣ 1825 года и декабристахъ. Статья декабриста П. Н. Свистунова. **1870.** 1633.

1042. Изъ Записокъ декабриста И. Д. Якушкина. **1870.** 1566.

1043. По поводу Записокъ И. Д. Якушина и статьи о нихъ П. Н. Свистунова: а) отвѣтъ автора „Записокъ Декабриста". **1871.** 0189; б) Отвѣтъ С. В. Максимова. 322; в) Отповѣдь П. Н. Свистунова. 333.

1044. Изъ Записокъ П. И. Фаленберга. **1877.** III, 92 (государственный преступникъ по неволѣ), 199 (походы 1812—1814 годовъ).

1045. Бунтъ Черниговскаго полка, въ 1825 и 1826 гг., современныя бумаги. **1871.** 257.

1046. Изъ воспоминаній Матвѣя Иванова Муравьева-Апостола (о бунтѣ Черниговскаго полка). **1871.** 0229.

1047. Изъ Записокъ А. Г. Гебеля о бунтѣ

Черниговскаго полка, съ поправками воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола. **1871**. 1717.

1048. Два письма графа Д. Н. Блудова къ его супругѣ въ 1826 г. изъ Москвы въ С.-Петербургъ о коронаціи Николая Павловича. **1867**. 1046.

XVIII. Николаево время.

1049. Наваринскій бой (Paul Lacroix. Histoire de la vie et du règne de Nicolas 1-er, t. 3-me Paris, 1866). Статья В. К. Истомина, съ приложеніемъ современныхъ бумагъ. **1877**. III. 268.

1050. Къ исторіи первой Турецкой войны при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Изъ нѣкогда-секретныхъ донесеній полковника И. П. Липранди. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1877**. II, 470.

1051. Изъ воспоминаній о Турецкой кампаніи 1828 года. Осада Варны. В. М. Еропкина. **1877**. III. 411.

1052. Изъ Записокъ И. П. Поливанова о первой Турецкой войнѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. **1877**. III. 414.

1053. Замѣтки на Воспоминанія В. М. Еропкина (о Полякѣ графѣ Залусскомъ въ 1828 году и о генералѣ Мартыновѣ). В. Ц. Герцыка. **1878**. I. 494.

1054. Воспоминанія доктора К. К. Зейдлица о Турецкомъ походѣ 1829 года. **1878**. I. 412 и II. 88.

1055. Переѣзды съ Гумбольдтомъ по Сибири. **1865**. 1011.

1056. О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ 1830 года. Записка священника Софронія Гаврилова. **1867** 1375.

1057. Замѣтки о Польскомъ возстаніи 1830 года. И. С. Ульянова. **1867**. 695.

1058. Холера въ Петербургѣ въ 1831 году. Разсказъ очевидца, Ильи Васильевича Селиванова. **1868**. 958.

1059. Переписка епископа-князя Симона Гедройца съ графомъ Д. Н. Блудовымъ и другими лицами во время Польскаго мятежа 1831 года. **1869**. 1485.

1060. Похожденія Завиши. **1870**. 651.

1061. Разсказъ Менгдена о занятіи Русскими Кракова. **1870**. 663.

1062. Воспоминанія В. М. Еропкина. Походъ 1831 года. — Служба въ гвардіи.—Костя Булгаковъ. **1878**. I. 175.

1063. Начало мюридизма на Кавказѣ (изъ Записокъ князя М. Б. Лобанова-Ростовскаго). **1865**. 1379.

1064. Второе Февраля 1836 года въ Петербургѣ. Разсказъ очевидца о пожарѣ въ балаганѣ Лемана. Статья Д. А. Чаплина. **1877**. III. 219.

1065. Разсказы очевидцевъ (гр. А. Х. Бенкендорфа, кн. А. Ѳ. Орлова, барона М. А. Корфа, А. Р. Барановича, графа В. Ѳ. Адлерберга и барона Э. И. Мирбаха), о пожарѣ Зимняго дворца въ 1837-мъ году, съ примѣчаніями барона М. А. Корфа. **1865**. 1087.

1066. Еще разсказъ очевидца о Петербургскомъ пожарѣ 1837 года, И. Д. Лужина, съ приложеніями. **1868**. 844.

1067. Изъ воспоминаній о Грузіи, В. С.

1087. Изъ Крымскихъ воспоминаній последней войны С. Д. Кожухова. **1869**. 381.

1088. Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. С. Д. Кожухова. **1870**. 2044.

1089. Возраженіе генералу Рыжову. С. Д. Кожухова. **1870**. 1668.

1090. Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—1856 годовъ (Дѣло на Черной и князь М. Д. Горчаковъ). И. И. Красовскаго. **1874**. II. 207.

1091. Кто послѣдній оставилъ Севастополь? (По поводу Севастопольскаго обѣда 1874 года). Изъ воспоминаній И. И. Красовскаго. **1875**. I. 360.

1092. Письмо къ издателю о статьѣ „Кто послѣдній оставилъ Севастополь?“ генералъ-адъютанта графа П. Е. Коцебу. **1875**. I. 478.

1093. По поводу статей о томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь: письмо графа Д. Е. Остенъ-Сакена къ И. И. Красовскому и письмо князя С. С. Урусова къ издателю Русскаго Архива. **1875**. II. 217.

1094. Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной). Д. А. Столыпина. **1874**. I. 1358.

1095. Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ князя В. И. Васильчикова (о Севастополѣ и доблестномъ образѣ дѣйствій князя М. Д. Горчакова). **1874**. I. 1580.

1096. Испанская книга о послѣдней восточной войнѣ. Священника К. Л. Кустодіева. **1869**. 751.

1097. Изъ воспоминаній дипломатической службы на Востокѣ. В. Б. Бланка. **1880**. I. 474.

1098. Воспоминанія совѣстнаго судьи. (1848—1852). Графа В. П. Орлова-Давыдова. **1880**. II. 400.

1099. Воспоминанія Московскаго Кадета. А. К. **1879**. II. 304; 1880, I, 449; 1882, I, 358.

1100. Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ (Бартоломей. — Графиня Девьеръ.—Князь В. Ѳ. Одоевскій. —Дегай.—Д. В. Дашковъ.—Графъ М. Ю. Вьельгорскій.—Служебный экзаменъ.—Дантесъ.—С. В. Салтыковъ.—Князь А. Д. Салтыковъ. —Князь И. А. Лобановъ-Ростовскій). Неизвѣстнаго сочинителя. **1878**. I. 436.
Тоже. (Князь А.Ѳ.Голицынъ.—Императоръ Николай Павловичъ на музыкальномъ вечерѣ у Львова. — О православной церкви въ Неаполѣ.—Князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій. — Графы Штакельберги). **1878**. II. 254.

1101. Первое взятіе Русскими войсками города Карса (Іюнь 1828 года). Изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. **1877**. I. 315.

1102. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева-Карскаго 1832 и 1833 г. (Отправленіе въ Египетъ къ Мегметъ-Али-пашѣ и пребываніе Русскихъ на Босфорѣ). **1868**. 733.

1103. Воспоминанія Н. В. Басаргина о генералъ-маіорѣ Н. Н. Муравьевѣ и его училищѣ для колонновожатыхъ. **1368**. 793.

1104. Николай Николаевичъ Муравьевъ-Карскій. (По поводу статьи г-на Берже). Статья Ѳ. И. Тимирязева. **1873**. 2530.

1105. Письмо къ издателю г-на Есакова, командира Кубанскаго казачьяго полка (по поводу письма Н. Н. Муравьева-Карскаго къ А. П. Ер-

молову о Кавказѣ 1855 г.). **1874.** I. 764.

1106. Изъ Записокъ Василія Антоновича Инсарскаго. 1832—1837. Первые шаги служебной дѣятельности. Образованіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, **1873.** 513.

1107. Изъ студенческихъ воспоминаній К. А. Леонтьева. **1880.** I. 491.

1108. Разсказы изъ недавней старины (М. В. Велинскій. — Императоръ Николай Павловичъ.—Бунтъ Сибирскихъ раскольниковъ.—К. С. Безносиковъ. — Кутневичъ.— Тюфяевъ.—Г. И. Невельскій). **1878.** III. 507.

1109. Для біографіи Наполеона III-го (о намѣреніи его пріѣхать въ Россію въ 1840 году). **1872.** 436.

1110. Прибалтійскій край въ 1845—1846 годахъ (изъ дневника Русскаго чиновника) Графа Д. Н. Т. Знаменскаго. **1881.** III. 85.

1111. Записки о возсоединеніи Греко-Уніятскаго духовенства и народа въ Бѣлоруссіи и на Волыни съ православною церковію. Записки Василія, архіепископа Полоцкаго. Сообщены Ю. В. Толстымъ. **1881.** II. 380.

1112. Разсказы изъ недавней старины (Случаи изъ путешествій по Россіи императоровъ Александра и Николая Павловичей. — Архіепископъ Августинъ.—Графъ Клейнмихель). И. С. Листовскаго. **1879.** III, 249; **1882**, I, 176.

1113. Подымовское дѣло: эпизодъ изъ жизни М. Н. Жемчужникова. Записанъ А. М. Жемчужниковымъ. **1881.** II. 141.

1114. Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ 1846—1855. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1869.** 1005.

1115. Православіе на Востокѣ. Три записки, составленныя въ 1848 году. (Сообщены А. Д. Свербеевымъ). **1878.** I. 111.

1116. Къ исторіи пріобрѣтенія Амура. Наши сношенія съ Китаемъ (1848—1860), по неизданнымъ источникамъ. Статья П. В. Шумахера. **1878.** III. 257.

1117. Воспоминанія графа М. В. Толстаго. **1881.** I, 245; II, 42; III, 113 и 423; III, 423.

XIX. Люди Николаева времени.

1118. Преосвященный Аѳанасій Тобольскій. Статья протоіерея А. Сулоцкаго. **1881.** II. 388.

1119. А. А. Баженовъ. Изъ Кавказскихъ воспоминаній А. А. Черткова. **1881.** II. 191.

1120. Изъ Одесскихъ воспоминаній П. Т. Морозова. (Бларамбергъ.—Магницкій.—Стурдза). **1877.** III, 324.

1121. Черта въ государственной дѣятельности графа Д. Н. Блудова (мѣры противъ цензурныхъ стѣсненій печатнаго слова). Статья барона Ѳ. А. Бюлера. **1872.** 1013.

1122. По поводу кончины графа Д. Н. Блудова (19 Февраля 1864). Нѣсколько словъ издателя. **1864.** 344.

1123. Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой. 1830-й годъ. **1872.** 1217.—1831 годъ. (Жизнь въ Берлинѣ. Польскій мятежъ. Берлинскій королевскій дворъ. Ны-

нѣшній императоръ. Королева Луиза. Баронъ Штейнъ и пр.). **1873.** 2049. (Польскій мятежъ и первая холера. Семейная переписка съ историческими поясненіями). **1874.** I. 713 и 833. (Усмиреніе Польскаго мятежа. Воспоминаніе о гр. Каподистріи.—Сношенія съ Греками. — Констанцъ и Верона.— Лордъ Байронъ.—Кончина императора Александра Павловича). **1875.** I. 129. (Русская политика въ началѣ Николаевскаго царствованія.—Графъ И. А. Каподистрія и его кончина.—Знакомство съ княземъ Метернихомъ). **1875.** II. 182. 1831 годъ. (Переписка съ отцомъ.—Ѳ. М. Отсолихъ.—Великая княгиня Елена Павловна.—Крестовоздвиженская Община **1878.** III. 348; 1879, III, 365; (г-жа Сталь, графъ Г. А. Строгановъ, эрцгерцогиня Александра Павловна). **1879**, III. 481.

1124. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій и его общественное значеніе. Статья князя П. А. Вяземскаго. **1868.** 2025.

1125. Арестъ и ссылка поручика Богданова. Извлечено изъ подлиннаго дѣла И. Якунинымъ. **1876.** II. 237.

1126. Письмо къ издателю (о вице-адмиралѣ Бойлѣ). К. А. Манна. **1871.** 0244.

1127. Автобіографическія записки сенатора Егора Ѳедоровича фонъ-Брадке. (Происхожденіе.—Служба отца. —Горный корпусъ.—Вятка.—Колоновожатые.—Служба за границею.—Генералъ Гартингъ.—Военныя поселенія.—Графъ Аракчеевъ. —Госнеръ.—Южныя поселенія.— Графъ Виттъ.—Польскій мятежъ. —Занятіе Ловича.—Кіевскій учебный округъ.—Открытіе университета св. Владимира.—Жизнь въ Кіевѣ.—Цихъ. —Аресты.—Служба въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ и въ Сенатѣ). **1875.** I. 13 и 257.

1128. П. Н. Броневскій. — Братья Муравьевы. Біографическія замѣтки М. Ѳ. Де-Пуле. **1879.** III. 243.

1129. Воспоминаніе о братьяхъ Константинѣ и Александрѣ Яковлевичахъ Булгаковыхъ, статья князя П. А. Вяземскаго. **1868.** 1436.

1130. Воспоминаніе о князѣ Александрѣ Никитичѣ Волконскомъ. В. В. Ильина. **1878.** III. 251.

1131. Изъ писемъ фельдмаршала князя М. С. Воронцова къ М. П. Щербинину, съ Кавказа и изъ чужихъ краевъ въ Москву. **1870.** 2145.

1132. Письма князя М. С. Воронцова къ археологу Н. Н. Мурзакевичу. **1876.** III. 362.

1133. Воспоминанія Михаила Павловича Щербинина о князѣ М. С. Воронцовѣ. **1876.** III. 285.

1134. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ въ его государственной дѣятельности на Кавказѣ. Статья В. С. Толстаго. **1877.** III. 293.

1135. О дѣлѣ флигель-адъютанта Копьева. (Въ опроверженіе превратныхъ показаній о князѣ М. С. Воронцовѣ). Статьи В. С. Толстаго и Д. А. Чаплина. **1873.** 1754.

1136. Николай Ивановичъ Второвъ (черты областной умственной жизни въ Россіи). Статьи М. Ѳ. Де-Пуле. **1877.** II. 136, 327 и 426.

1137. Изъ очерковъ недавней старины (объ Е. А. Головинѣ и жестокостяхъ военнаго быта). **1871.** 1253.

1138. Изъ памятныхъ Записокъ графа Павла Христофоровича Граббе.

изъ Англіи въ Россію (1850 и 1851). **1882**, III, 215.

1164. Разсказы объ адмиралѣ М. П. Лазаревѣ. Статья А. П. Хрипкова. **1877**. II. 473.

1165. Отвѣтъ на отзывъ о генералѣ Лепарскомъ, М. В. Юзефовича. **1870**. 1927.

1166. Изъ Записокъ Николая Ивановича Лорера (Декабристы на Кавказѣ). **1874**. I. 361.

1167. Изъ Записокъ Н. И. Лорера, съ приложеніями стиховъ А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго и письма А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггена о Минихѣ въ Сибири. **1874**. II. 639.

1168. Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній Владимира Сергѣевича Толстаго. **1874**. I. 884.

1169. Степанъ Алексѣевичъ Масловъ. Некрологъ. **1879**. II. 258.

1170. Князь А. С. Меншиковъ, очеркъ его жизни. **1869**. 1067.

1171. Н. А. Милютинъ. Некрологъ. **1872**. 447.

1172. Девятнадцатое Февраля 1872 года въ Москвѣ (памяти Н. А. Милютина). Статья Ѳ. И. Тимирязева. **1872**. 0866.

1173. Письмо Великаго Князя Михаила Павловича къ А. Я. Булгакову о сынѣ его Константинѣ и его шалостяхъ. **1873**. 0419.

1174. Замѣтка о К. Я. Млодзіевскомъ, И. Разумова. **1880**. III. 481.

1175. Знакомство съ П. А. Мухановымъ. Изъ воспоминаній Я. Ф. Березина-Ширяева. **1879**. I. 235.

1176. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Біографическій очеркъ, сочиненіе А. Б. Асланбегова. **1868**. 373.

1177. Письмо адмирала П. С. Нахимова къ Е. Т. Лазаревой (въ Мартѣ 1855). **1868**. 410.

1178. Послѣднее политическое слово канцлера графа К. В. Нессельрода. Записка о соотношеніяхъ Россіи послѣ Крымской войны и о необходимости народной политики. **1872**. 337.

1179. Нѣсколько мыслей по поводу предъидущей статьи. В. С. Неклюдова. **1872**. 345.

1180. Замѣтки о М. Ѳ. Орловѣ и объ островѣ Леонѣ. **1875**. III. 496.

1181. Записки Отрощенки о послѣдователяхъ Конарскаго. **1869**. 1207:

1182. Графъ В. А. Перовскій: его бумаги и письма. (Сообщилъ профессоръ И. В. Помяловскій). **1879**. II. 442.

1183. Письма графа В. А. Перовскаго къ Г. С. Карелину. **1873**. 01316.

1184. Къ бумагамъ графа В. А. Перовскаго: его приказъ предъ выступленіемъ въ Хивинскій походъ, замѣтки на его письма. (Сообщено М. Н. Галкинымъ-Враскимъ). **1879**. III. 212.

1185. Н. А. Райко, біографическій очеркъ Б. М. Маркевича. **1868**. 297.

1186. Письмо Н. А. Райка къ графу А. Х. Бенкендорфу. **1868**. 308.

1187. Письмо графа И. А. Каподистріи къ графу А. Х. Бенкендорфу о Н. А. Райкѣ. **1868**. 313.

1188. Записка Н. А. Райка объ убіеніи графа Каподистріи. **1869**. 881.

1189. Записка Булгакова о дѣятельности въ Малороссіи князя Н. Г. Репнина-Волконскаго въ 1831 году. **1872**. 953.

1190. Письмо графа Ридигера къ фельдмаршалу графу Дибичу. Съ изло-

XX. Александръ Николаевичъ.

(ЕГО ВРЕМЯ И ЛЮДИ).

1213. Докладная записка по поводу упраздненія военныхъ поселеній въ Новороссіи. (1856). Д. А. Столыпина. **1874**. I, 765.

1214. Добыча золота въ Россіи. Предположительный уставъ со статьею В. А. Кокорева. **1882**. I, 333.

1215. Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго. Поѣздка въ Баку (1857). **1868**. 475.

1216. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. Дача подъ Тифлисомъ, Каджоры (1857). **1874**. II, 301.

1217. Походъ 1859 года. Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго. **1868**. 1245.

1218. Кавказскіе праздники, глава изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1868**. 1003.

1219. Эпизодъ изъ крѣпостнаго права Е. М. Деларю. **1882**. II, 231.

1220. Изъ жизни Витебскихъ крестьянъ 1858 года. М. П. Щербинина. **1872**. 1577.

1221. Частное письмо о взятіи Шамиля. 1859. Графа А. В. Орлова-Давыдова. **1869**. 1045.

1222. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Письмо П. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву (1851). **1873**. II, 1345.

1223. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. Записка графа С. С. Ланскаго (1859). Съ предисловіемъ Н. П. Семенова. **1869**. 1362.

1224. Къ исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. Толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ. Записка Корибута-Дашкевича, съ предисловіемъ Н. П. Семенова. **1874**. II, 439.

1225. Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу Я. И. Ростовцева. **1868**. 1213.

1226. Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ. (Проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, князя Меншикова, графа Перовскаго, С. П. Шипова, князя Друцкаго-Соколинскаго и др., дѣйствія комитетовъ 1826, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 годовъ). Сообщена Н. А. Милютинымъ. **19-й В**. II, 145.

1227. 1861-й годъ. Эпизодъ изъ исторіи Калужскаго крестьянства. Статья графа М. Д. Бутурлина. **1876**, III, 245.

1228. Поѣздка по нѣкоторыхъ мѣстностямъ царства Польскаго въ Октябрѣ 1863 года (статья Ю. Ѳ. Самарина). Сообщена Н. А. Милютинымъ. **19-й В**. I, 282.

1229. О Польскомъ Катехизисѣ. (Изъ записокъ В. А. Фонъ-Роткирха). **1882**. III, 244.

1230. Отвѣтное слово г-ну Пржецлавскому (о Польскомъ Катехизисѣ). М. В. Юзефовича. **1873**. 0201.

1231. Еще замѣтка О. А. Пржецлавскаго на Записки Н. В. Берга. **1872**. 1055.

1232. Отвѣтъ Н. В. Берга О. А. Пржецславскому. **1872**. 1210.

1233. По поводу „Отвѣта“ Н. В. Берга на замѣчанія объ его Запискахъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. О. А. Пржецлавскаго. **1872.** 1553.

1234. Іосафатъ Огрызко и его Польская газета „Слово“. (По поводу Записокъ Берга о послѣднемъ Польскомъ возстаніи). Замѣтки О. А. Пржецлавскаго. **1872**, 1031.

1235. Заявленіе Н. В. Берга, по поводу его Записокъ о Польскомъ возстаніи. **1871**. 181.

1236. Записки Н. В. Берга о Польскихъ возстаніяхъ съ 1831 года **1870**. 201, 431, 631 и 1821; **1871**, 509 и 1985; **1872**, 622. Назначеніе намѣстникомъ Лидерса. Назначеніе архіепископомъ Варшавской архидіецезіи ксендза Фелинскаго. Назначеніе намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича и Велепольскаго начальникомъ гражданскаго управленія. **1873**. 1222.

1237. Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на разсказъ въ статьѣ Н. В. Берга о покушеніи Ярошинскаго. **1873**. 01345.

1238. По уніатскому дѣлу (1873—1875). Замѣтка Л. Словачевскаго. **1875**. II, 355.

1239. Письмо князя Виктора Илларіоновича Васильчикова къ К. И. Истомину, **1882**, I, 220.

1240. Е. Ѳ. Тютчева. Некрологъ. П. Б. **1882**, I, 560.

1241. Записка С. А. Хрулева о походѣ въ Индію (писана во время Польскаго мятежа 1863 г). **1882**, III, 42.

1242. Андрей Николаевичъ Муравьевъ о Щаповѣ (1862). **1882**. III, 210.

1243. Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Некрологъ. П. Б. **1881**. III, 475.

1244. Кавказскія воспоминанія (1861—1863). Статья М. И. Венюкова. **1880**. I, 400.

1245. Графъ Сергѣй Степановичъ Ланской. Изъ воспоминаній П. И. Мельникова. **1879**. I, 251.

1246. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1870 года, Д. И. Иловайскаго. **1878**. I, 368.

1247. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1876 года (Сергій Максимиліановичъ на водахъ въ Виши). Д. Д. Филимонова **1878**. I, 251.

1248. Недавняя старина. Поѣздка въ Сербію Г. А. Деволана. **1879**. II, 339.

1249. По поводу Греко-болгарской распри. Замѣтки дипломата. **1878**. II, 335.

1250. Возмутительныя воззванія въ Русской исторіи. **1878**, III, 369.

1251. Чего недостаетъ? Замѣтка А. Ѳ Томашевскаго. **1882**. I, 380.

1252. Кому нужна и кому страшна конституція? Его же. **1881**. III, 433.

1253. Дай оглянусь. Изъ воспоминаній графа Д. Т. Знаменскаго. **1881**. II, 174.

1254. Князь В. А. Черкаскій. Воспоминанія П. А. Безсонова. 1878. II, 203.

1255. О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя В. А. Черкаскаго (съ выдержками изъ его писемъ). **1878**. II, 227.

1256. Письмо графа Монталамбера къ князю В. А. Черкаскому. 1859. **1882**. I, 377.

1257. Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи, до отмѣны Юрьева дня. Статья князя В. А. Черкаскаго. **1880**. III, 30.

1258. Юрьевъ день (о подвижности народонаселенія въ древней Россіи). Статья князя В. А. Черкаскаго. **1882.** I, 5.

1259. Записка князя В. А. Черкаскаго о Русскихъ финансахъ 1876 г. **1882.** II, 147.

1260. Письмо архимандрита Антонія къ князю В. А. Черкаскому. **1878.** III, 256.

XXI. Русскіе писатели.

(ВЪ АЗБУЧНОМЪ ПОРЯДКѢ).

1261. „А. П. Елагиной". Стихотвореніе И. С. Аксакова. **1877.** II, 496.

1262. Стихотворенія Константина Сергѣевича Аксакова (1842 — 1850). **1879.** I, 215.

1263. Urbi (Граду). Стихотвореніе К. С. Аксакова. **1879.** I, 521.

1264. Очеркъ помѣщичьяго быта въ началѣ нынѣшняго вѣка. Посмертная статья С. Т. Аксакова. **1868.** 529.

1265. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ С. Т. Аксакову по поводу „Мароы Посадницы" М. П. Погодина. **1873.** 02299.

1266. Посланіе С. Т. Аксакова къ А. И. Казначееву (о настроеніи Русскаго общества въ 1814 году.) **1878.** I, 253.

1267. Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. Глава первая. (До Воронежской гимназіи и въ гимназіи). **1872.** 805.

1268. Перечень трудовъ А. Н. Аѳанасьева, имъ самимъ составленный. **1871.** 1948.

1269. Челобитная Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу, о напечатаніи сочиненія его „Трубы". (Сообщена Л. Н. Майковымъ). **1875.** III, 308.

1270. Матеріалы для полнаго собраніи сочиненій Е. А. Баратынскаго, собранные М. Н. Лонгиновымъ. **1864.** 110.

1271. О стихотвореніи Баратынскаго „Леда". Замѣтка Н. В. Путяты. **1864.** 675.

1272. Баратынскій и его сочиненія. Статья М. Н. Лонгинова. **1867.** 248.

1273. Письма Е. А. Баратынскаго къ Жуковскому и А. И. Тургеневу. **1871.** 0239.

1274. Письма Е. А. Баратынскаго къ свояку и другу его Н. В. Путятѣ. **1867.** 263.

1275. Письмо Е. А. Баратынскаго къ В. А. Жуковскому. (Увольненіе изъ Пажескаго Корпуса). **1868.** 147.

1276. Замѣтка на „Воспоминанія" В. И. Панаева (о Баратынскомъ), Н. В. Путяты. **1868.** 141.

1277. Еще нѣсколько словъ о Е. А. Баратынскомъ. (Жизнь въ подмосковной деревнѣ). П. Г. Кичеева. **1868.** 866.

1278. Письмо Е. А. Баратынскаго къ Н. А. Полевому. **1872.** 351.

1279. Одиннадцать писемъ пѣшехода Василія Григорьевича Барскаго къ роднымъ. 1723—1746. (Съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго). **1874.** II, 513.

1280. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Его письма и очерки его

жизни. Статья П. И. Бартенева. **1867**. 1342 и 1440, съ портретомъ.

1281. Прогулка по Москвѣ. Вновь найденное сочиненіе К. Н. Батюшкова. **1869**. 1191.

1282. Письма К. Н. Батюшкова къ В. А. Жуковскому. **1870**. 1711.

1283. Бумаги П. П. Бекетова съ предисловіемъ А. Н. Корсакова. **1880**. III, 327.

1284. Письмо Бестужева (Марлинскаго) къ К. А. Полевому съ Кавказа. **1874**. II, 6.

1285. Къ Исторіи покоренія Кавказа. Письмо Марлинскаго о Вельяминовскомъ походѣ къ Геленджику въ 1834 году. **1877**. III, 106.

1286. Изъ письма В. П. Боткина (1864) о Польскомъ мятежѣ. **1872**. 1055.

1287. Письмо Булгарина къ И. П. Липранди объ изданіи Сѣверной Пчелы. **1869**. 1553.

1288. Письмо Булгарина къ Гречу (коммерчески - издательскія дѣла съ Плюшаромъ). **1870**. 1943.

1289. Письмо Бѣлинскаго къ пріятелю его И. И. Ханенкѣ. **1876**. II, 359.

1290. Біографическія замѣтки о Бѣлинскомъ, Лермонтовѣ, Полежаевѣ и графѣ П. С. Потемкинѣ. А. Н. Корсакова и С. А. Карпова. **1881**. III, 456.

1291. Импровизація Д. В. Веневитинова. **1866**. 259.

1292. Письмо Ф. Ф. Вигеля къ В. А. Жуковскому за границу. **1870**. 1718.

1293. Парнасскій адресъ-календарь А. Ѳ. Воейкова. **1866**. 760.

1294. Посланіе А. Ѳ. Воейкова къ Н. Н. Раевскому (старшему). **1871**. 0945.

1295. Письмо А. Ѳ. Воейкова къ А. И. Тургеневу (въ прозѣ и стихахъ). **1872**. 1184.

1296. О княгинѣ З. А. Волконской. **1867**. 311.

1297. Пѣснь Невская, стихотвореніе княгини З. А. Волконской. **1872**. 1979.

1298. Письмо А. Х. Востокова къ смотрителю за домами Румянцевскаго Музеума. **1864**. 1245.

1299. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива, князя П. А. Вяземскаго. **1866**. 217 (письма 1812 года), 473 Арзамазскія литературныя шалости, письма Д. В. Дашкова, Варнгагена и Сильвіо Пеллико, 859 Письмо Батюшкова, письма въ стихахъ Жуковскаго, письма А. И. Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго, Д. В. Давыдова, 1065 бумаги графа Уварова; письмо Плетнева, Жуковскаго, Гоголя и Чадаева.

1300. Еще выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго Архива. Письма къ князю П. А. Вяземскому: а) В. А. Жуковскаго, б) Сильвіо Пеллико, в) профессора Баруффи, г) Сергѣя Львовича Пушкина, д) А. В Кольцова, е) И. И. Мятлева, съ объяснительнымъ введеніемъ князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 436.

1301. Старая Записная Книжка, начатая въ 1813 году.—Книга Манзони.—Романы Купера. — Современныя черты въ стихахъ Ломоносова.—Случай съ Пушкинымъ. — Графъ Ланжеронъ. — Американецъ графъ Толстой.—Новосильцовъ.—Jean de Paris. — Нелединскій. — Павелъ и Вилье.—Канингъ въ Москвѣ.—Праздникъ 1814 г.—Графъ Ростопчинъ и пр.. **19-й В.** II, 219. Карточная игра.-Попугай-клеветникъ.

—Путешествіе въ Англію. **1872**. 2252. Записки Станислава Понятовскаго и его мечты о бракѣ съ Екатериною II-ю.—Острота графа Сакена.—Характеристика Карамзина.—С. Н. Маринъ.—Петръ Степановичъ Молчановъ. — Сумашедшій графъ Мамоновъ. **1873**. 0832, 1017. Ермоловъ, Багратіонъ и Милорадовичъ, Новиковъ, А. М. Пушкинъ, князь А. Ѳ. Орловъ, Поццо-ди-Борго и пр. Записки графини Хотекъ.—Разсказы объ императорѣ Павлѣ.—Неѣловъ, Позняковъ и пр. **1873**. 1783, 1968 и 2139. Загряжская.—Графъ Гудовичъ.—Магницкій.—Сперансій.—Его отношенія къ Александру Павловичу **1874**. I, 173. Первыя судьбы Бирона.—Пальмштернъ.—Н. Д. Офросимова и ея сынъ.—Сибилевъ.—Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ. 467. Donna Sol. Левъ Серг. Пушкинъ.—Арендтъ. 1337.—Дѣвица Жоржъ.—Милиція. — Князь Тюфякинъ. — Князь В. С. Голицынъ.—Н. И. Кривцовъ. **1874**. II, 186. Оскаръ.—Бернадотъ. — Князь Бѣлосельскій.—А. И. Тургеневъ.—Ѳ. П. Опочининъ. — Графъ Остерманъ-Толстой.—Чухломскіе критики.—Графы Сенъ-При.—Дорожка въ Царскомъ Селѣ.—Стихи князя Хованскаго и пр.—Варшавскіе разсказы.—Логогрифы.—Княгиня Юсупова.—Т. Б. Потемкина.—Россіяда.— Милоновъ.—Новосильцовъ и Байковъ въ Варшавѣ.—Курута.—Амфигури. — Ариѳметическая табличка. **1875**. I, 54, 196, 295, 468. Княгиня Ночная (Princesse Nocturne). **1875**. II, 99, 173. И. Б. Пестель. Комедіи Реньяра. Князь А. К. Разумовскій. Графъ Л. К. Разумовскій. Графиня М. Г. Разумовская. — Казань въ 1809 году. **1875**. III, 439.—Пріемъ В. Л. Пушкина въ Арзамазъ.—Арзамаскія рѣчи: Жуковскаго, Северина, Д. В. Дашкова, графа Д. Н. Блудова, князя П. А. Вяземскаго и В. Л. Пушкина. **1876**. I, 60, 199. Пикникъ въ Царицынѣ.—Воспоминанія о Палестинѣ.—Дельвигъ и планъ его повѣсти.—Крыловъ и Гнѣдичъ.—Искаженія Французской рѣчи. П. И. Кутузовъ.—Заставы.—Характеристики. — Мадригалы. —Прозвища. — С. С. Апраксинъ.—Спектакль въ Льговѣ. **1876**. II, 200, 417. Шарады.—Князь И. М. Долгорукій.—Отзывъ Батюшкова о стихахъ своихъ. — Путешественники.—Мысли и отзывы Жуковскаго.—Французская Муза въ Россіи. **1876**. III, 59 и 155. Сатирическія объявленія.—Застольная пѣснь. **1877**. II, 221. Разсказы о Жуковскомъ и Пушкинѣ.—Петербургское общество „Галера".—Хитровъ.—Елисавета Михайловна Хитрова.—Печать и ея значеніе. Посланникъ Шредеръ. **1877**. I, 511.

1302. Замѣчанія на вторую книгу „Девятнадцатаго Вѣка" и напечатанныя въ ней Выдержки изъ Старой Записной книжки, начатой въ 1813 году. **1872**. 2251.

1303. Изъ старыхъ бумагъ князя П. А. Вяземскаго: 1) Письмо Н. М. Карамзина къ князю А. И. Вяземскому 1796; 2) Письмо Н. В. Гоголя къ князю П. А. Вяземскому. 1846; 3) Указъ Петра Великаго Курбатову. **1872**. 1323.

1304. Эпиграмма князи П. А. Вяземска-

1335. О Египтологѣ Гульяновѣ. Изъ письма Т. Н. Грановскаго къ Н. В. Станкевичу. Сообщено А. В. Станкевичемъ. **1873.** 0479.
1336. Изъ бумагъ Н. И. Греча (Письма А. С. Стурдзы, А. С. Пушкина, С. Н. Глинки, А. А. Бестужева и стихи Измайлова). **1869.** 600.
1337. Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи. Изъ Записокъ Н. И. Греча. **1870.** 1247.
1338. По поводу статьи Греча о Плюшарѣ, М. Н. Лонгинова. **1870.** 1940.
1339. Анекдоты о Грибоѣдовѣ и Загоскинѣ, записанные М. Н. Лонгиновымъ. **1863.** 466.
1340. Замѣтка о кончинѣ Грибоѣдова Н. В. Путяты. **1871.** 1299.
1341. О смерти А. С. Грибоѣдова, статья П. А. Ефремова. **1872.** 1492.
1342. Къ біографіи Грибоѣдова: его письма изъ походовъ къ П. Н. Ахвердовой. **1881.** II, 177.
1343. Письма А. С. Грибоѣдова къ К. К. Родофиникину. **1872.** 1538.
1344. Письмо князя П. А. Вяземскаго къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ). **1874.** I, 0535.
1345. Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ Ума. Статья А. Н. Веселовскаго. **1874.** I, 1513.
1346. Варіанты къ Горю отъ Ума. **1874.** I, 1566.
1347. Арестъ Грибоѣдова въ 1825 году. Изъ воспоминаній Н. В. Шимановскаго. **1875.** II, 339.
1348. Письма князя Паскевича и графа Нессельроде объ А. С. Грибоѣдовѣ. **1872.** 1551.
1349. Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. (Письма къ графамъ Аракчееву, Адлербергу, Закревскому, Ермолову, стихи: „Голодный Пёсъ“, разговоръ Николая Павловича съ Ермоловымъ). **1866.** 904.
1350. Письмо Д. В. Давыдова къ Н. Н. Раевскому, 1810 года, съ послѣсловіемъ В. Д. Давыдова. **1879.** II, 333.
1351. Письмо Д. В. Давыдова къ В. А. Жуковскому, при посылкѣ уса. **1868.** 975.
1352. Автобіографическая записка В. И. Даля. **1872.** 2246.
1353. Владимиръ Ивановичъ Даль (черты его жизни). Некрологическая статья издателя. **1872.** 2023.
1354. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года. В. И. Даля. **1867.** 409, 606.
1355. Поправки и дополненія. Объ В. И. Далѣ. Л. Штиды. О Военной Академіи, И. П. Липранди. **1875.** II. 0115, 366.
1356. Два лицейскія стихотворенія барона Дельвига. **1864.** 1073.
1357. Десять писемъ Г. Р. Державина къ В. С. Попову. **1865.** 349.
1358. Письмо Г. Р. Державина къ механику И. П. Кулибину. **1872.** 1182.
1359. Частное письмо святителя Дмитрія Ростовскаго. **1872.** 441.
1360. Дополненіе къ матеріаламъ для изданія сочиненій И. И. Дмитріева. М. Н. Лонгинова. **1864.** 1251.
1361. Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву (Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, гр. Блудова, кн. Вяземскаго, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя). **1866.** 1616.
1362. Неизданныя шуточныя стихотворенія И. И. Дмитріева. **1867.** 981.
1363. Письма 1806—1823 годовъ (Ивана Ивановича Дмитріева къ А. И. Тургеневу) **1867.** 1072.

1364. Письма къ Ивану Ивановичу Дмитріеву: а) 12 писемъ Д. В. Дашкова; б) 29 писемъ князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 583.

1365. Письма И. И. Дмитріева и двѣ записки Карамзина къ Д. И. Языкову, съ примѣчаніями А. Ѳ. Бычкова. **1868**. 1081.

1366. Письма И. И. Дмитріева къ В. А. Жуковскому. **1870**, 1691; **1871**, 409.

1367. Библіографическая поправка М. А. Дмитріева. **1863**. 959.

1368. Ап. А. Григорьеву. Эпиграмма М. А. Дмитріева. **1879**. II. 144.

1369. Эпиграммы М. А. Дмитріева. **1872**. 1984.

1370. Послѣдняя іереміада Николаевской эпохи. Посланіе въ стихахъ М. А. Дмитріева къ С. Т. Аксакову **1875**. II, 225.

1371. О Запискахъ князя Ивана Михайловича Долгорукова и хронологія его стихотвореній. Статья М. Н. Лонгинова. **1865**. 364.

1372. Хронологія нѣкоторыхъ стихотвореній князя Ивана Михайловича Долгорукова. **1865**. 368.

1373. Выдержки изъ дружескихъ писемъ митрополита Евгенія Болховитинова къ Воронежскому жителю В. И. Македонцу 1800—1810. Съ примѣчаніями и послѣсловіемъ Н. Е. Сѣвернаго. **1870**. 769.

1374. Письмо митрополита Евгенія къ епископу Парѳенію. (Сообщено Л. Н. Майковымъ). **1875**. III, 315.

1375. Письмо Евгенія Болховитинова, объ его постриженіи въ монашество, къ Воронежскимъ его друзьямъ (1800). **1873**. 388.

1376. Нѣсколько словъ о митрополитѣ Евгеніѣ и его письмахъ. **1870**. 871.

1377. Замѣтки Я. К. Грота на письма Евгенія и Н. И. Зиновьева. **1870**. 1768.

1378. Шесть записокъ А. П. Ермолова къ П. М. Садовскому. **1873**. 158.

1379. Письмо В. А. Жуковскаго къ П. И. Голубкову о крѣпостныхъ своихъ людяхъ. **1863**. 708.

1380. Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма его и А. И. Тургенева. **1864**. 448.

1381. Письма В. А. Жуковскаго къ роднымъ въ Бѣлевъ. **1864**. 458.

1382. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій В. А. Жуковскаго, собранные М. Н. Лонгиновымъ. **1864**. 627.

1383. Долбинскія стихотворенія В. А. Жуковскаго. **1864**. 1005.

1384. Письмо В. А. Жуковскаго къ книгопродавцу И. В. Попову. **1865**. 319.

1385. Разсказъ В. А. Жуковскаго о первомъ его представленіи императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. **1865**. 803.

1386. Изъ письма В. А. Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской (о холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ, на Сѣнной площади). **1866**. 339.

1387. Книжная рѣдкость. (Муравейникъ, изданіе Жуковскаго для царскихъ дѣтей). **1867**. 299.

1388. Шуточная записка В. А. Жуковскаго къ Н. И. Гнѣдичу. **1867**. 311.

1389. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. **1867**. 789.

1390. Письма В. А. Жуковскаго къ И. И. Козлову. **1867**. 820.

1391. Письма В. А. Жуковскаго къ А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггену. **1867**. 843.

1392. Письма В. А. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Нико-

лаевичу (1840—1851), съ предисловіемъ князя П. А. Вяземскаго. **1867**. 1385.

1393. Письмо Великой Княгини Александры Николаевны къ В. А. Жуковскому. **1868**. 107.

1394. Два письма В. А. Жуковскаго къ князю А. Н. Голицыну о Баратынскомъ **1868**. 156.

1395. Протоколъ двадцатаго Арзамаскаго засѣданія въ стихахъ В. А. Жуковскаго. **1868**. 829.

1396. Письмо В. А. Жуковскаго къ Д. В. Дашкову. **1868**. 837.

1397. Письма В. А. Жуковскаго къ А. Я. Булгакову. **1868**. 1445.

1398. Черта въ характерѣ Жуковскаго. **1868**. 1871.

1399. Письма В. А. Жуковскаго къ протоіерею И. И. Базарову. **1869**. 81.

1400. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной. **19-й В.** I, 406.

1401. Неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго (къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ). **1869**. 379.

1402. Письмо В. А. Жуковскаго къ графу М. Ю. Вельегорскому. **1869**. 644.

1403. Стихи В. А. Жуковскаго А. П. Ермолову. **1870**. 268.

1404. Письмо Жуковскаго къ графинѣ С. М. Соллогубъ по случаю кончины дѣтей ея. **1869**. 958.

1405. „Смерть Іисуса", неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго. **1870**. 1237.

1406. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго: письма къ нему Карамзина, Дмитріева, Батюшкова и письма Жуковскаго къ Дмитріеву. **1870**. 1682.

1407. Письмо Жуковскаго къ Гёте. **1870**. 1817.

1408. Письма Жуковскаго къ И. И. Дмитріеву. **1870**. 1703.

1409. Письмо В. А. Жуковскаго къ Г. И. Павскому. **1870**. 2127.

1410. Письма къ В. А. Жуковскому: а) А. Ѳ. Мерзлякова. **1871**. 0133. б) Графа С. С. Уварова. 0157. в) В. К. Кюхельбекера. 0170. г) А. В. Кольцова. 0180. д) Д. В. Давыдова. 0187.

1411. Переписка В. А. Жуковскаго съ генераломъ Жомини. **1871**. 255.

1412. Письма В. А. Жуковскаго къ А. О. Смирновой. **1871**. 1856.

1413. Воспоминанія А. О. Смирновой о Жуковскомъ и Пушкинѣ. **1871**. 1869.

1414. Письмо В. А. Жуковскаго къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому о кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. **1872**. 855.

1415. Дѣтскія письма В. А. Жуковскаго къ его матери. **1872**. 2363.

1416. Письмо В. А. Жуковскаго къ неизвѣстному лицу. **1872**. 2367.

1417. Письма В. А. Жуковскаго изъ Дрездена къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича (1826 и 1827). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1873**. 1.

1418. Осьмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича. **1874**. I, 9.

1419. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго. Письмо А. И. Тургенева къ В. А. Жуковскому **1873**. 1516. Переписка А. И. Тургенева съ Гумбольдтомъ 1519. Письмо короля Прусскаго къ Тургеневу 1526. Письмо Тургенева къ Жуковскому 1528.

1439. Три политическія записки Иннокентія Таврическаго. **1867**. 1330.

1440. Записка Иннокентія Таврическаго о Римско-католической епархіи въ Херсонѣ, съ примѣчаніями П. И. Савваитова. **1868**. 412.

1441. Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцовѣ, С А. Смирнова. **1872**. 718.

1442. Къ біографіи Ѳ. И. Иноземцова. замѣтка графа М. Д. Бутурлина, **1872**. 1457.

1443. Письмо Калайдовича къ архимандриту Амвросію. (Сообщено П. М. Строевымъ). **1869**. 1715.

1444. Вновь найденная эпиграмма князя А. Д. Кантемира. **1865**. 1358.

1445. Карамзинъ и В. Л. Пушкинъ (1801). Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**. 295.

1446. Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. Статья М. Н. Лонгинова. **1865**. 1532.

1447. Еще о годѣ рожденія Карамзина. Статья М. Ѳ. Шугурова. **1866**. 1504.

1448. О мѣстѣ рожденія Н. М. Карамзина. Статья М. А. Дмитріева. **1865**. 1534.

1449. Записка о древней и новой Россіи. Въ приложеніи къ **1870** году.

1450. Записка Карамзина къ неизвѣстному лицу (столкновеніе съ графомъ Закревскимъ по изданію въ свѣтъ Исторіи Государства Россійскаго). **1866**. 1765.

1451. Письма Н. М. Карамзина къ Е. Ѳ. Муравьевой. **1867**. 455.

1452. Письма Н. М. Карамзина къ В. А. Жуковскому. (1803—1818). Съ примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 1827.

1453. Письма Н. М. Карамзина къ графу С. П. Румянцову и В. В. Измайлову. **1869**. 587.

1454. Два письма Карамзина къ Жуковскому въ Дерптъ. **1869**. 1383.

1455. Два письма Н. М. Карамзина къ Н. И. Гречу. **1869**. 1723.

1456. Письмо Карамзина къ Е. А. Протасовой. **1870**. 1689.

1457. О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ. Н. А. Лавровскаго. **1869**. 2017.

1458. Мое представленіе историографу. М. П. Погодина. **1866**. 1766.

1459. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и переводовъ Карамзина статья М. Н. Лонгинова. **1864**, 849.

1460. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ. Статья М. Н. Лонгинова (по поводу изданія В. С. Порошинымъ Писемъ Русскаго Путешественника на Французскомъ языкѣ). **1867**. 467.

1461. Выдержки изъ писемъ актера В. А. Каратыгина къ П. А. Катенину. **1871**. 0241.

1462. Два письма М. Т. Каченовскаго къ Н. И. Гнѣдичу. **1868**. 970.

1463. Изъ писемъ И. В. Кирѣевскаго къ В. А. Жуковскому. **1870**. 959.

1464. Стихи И. В. Кирѣевскаго Мицкевичу, при поднесеніи ему кубка. **1874**. II. 223.

1465. Статья И. В. Кирѣевскаго о Баратынскомъ, съ предисл. Н. А. Елагина. **1874**. II. 633.

1466. О подпискѣ на стипендію Е. П. Ковалевскаго. **1869**. 2105.

1467. Къ біографіи Е. П. Ковалевскаго (рѣчь князя П. А. Вяземскаго). **1872**. 1196.

1468. Памяти Евграфа Петровича Ковалевскаго и письмо Н. И. Тургене-

ва къ кн. П. А. Вяземскому. (Сообщено Н. П. Барсуковымъ). **1872.** 1195.

1469. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Ивана Ивановича Козлова. **1864.** 230.

1470. Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ". **1863.** 467.

1471. Поправка о Княжнинѣ **1873.** 02297.

1472. Къ біографіи комика Княжнина. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1873.** 1796.

1473. Неизданныя стихотворенія Кольцова. Статья М. Ѳ. де-Пуле. **1864.** 990.

1474. Неизданныя стихотворенія А. В. Кольцова. **1871.** 0250.

1475. Неизданное стихотвореніе Кольцова (Дмитрію Никитичу Бѣгичеву). **1874.** I. 1577.

1476. Письмо Кольцова къ Бѣлинскому (Сообщено А. З. Зиновьевымъ). **1875.** III. 395.

1477. Письмо Е. И. Кострова со стихами къ Суворову. (1792). **1874.** II. 4.

1478. Нѣсколько словъ о Костровѣ и его переводахъ, по поводу новаго изданія Апулеева Золотаго Осла. **1870.** 0709.

1479. О Крыловѣ, изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля (гощеніе у князя Голицына въ деревнѣ). **1863.** 68.

1480. Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова. Статья М. Н. Лонгинова. **1864.** 1246.

1481. Хронологія басенъ Крылова В. Ѳ. Кеневича. **1865.** 801, 993.

1482. Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова. В. Ѳ. Кеневича. **1865.** 999.

1483. Разсказы объ И. А. Крыловѣ. Н. М. Колмакова. **1865.** 1007.

1484. Басня Крылова „Прихожанинъ". Сообщено Ѳ. Кеневичемъ.. **1866.** 255.

1485. Письмо И. А. Крылова къ молодой дѣвицѣ (1801). **1865.** 991.

1486. Маскерадныя стихотворенія И. А. Крылова. Сообщены В. Ѳ. Кеневичемъ. **1866.** 1335.

1487. Неизданная басня И. А. Крылова (Пестрыя Овцы). Сообщена В. Ѳ. Кеневичемъ. **1867.** 386.

1488. Къ біографіи Крылова: молодая любовь его къ А. А. Константиновой. Замѣтка П. В. Алабина. **1868.** 8(0.

1489. Замѣтка о книгѣ г. Кеневича: „Примѣчанія къ баснямъ Крылова" М. Н. Лонгинова. **1868.** 1817.

1490. Псевдо-Крыловскія сочиненія. Замѣтка Д. Языкова, **1879.** III. 486.

1491. Левъ Андреевичъ Крыловъ, братъ баснописца и его переписка съ Иваномъ Андреевичемъ (1799—1823) В. Ѳ. Кеневича. **1868.** 239.

1492. Поимка В. К. Кюхельбекера (два распоряженія цесаревича Константина Павловича), съ предисловіемъ М. Ѳ. Шугурова. **1870.** 404.

1493. Письмо В. К. Кюхельбекера къ В. А. Жуковскому. **1872.** 1004.

1494. Приключенія съ В. К. Кюхельбекеромъ. Сообщилъ Нилъ Поповъ. **1880.** I. 490.

1495. Для біографіи И. И. Лажечникова, замѣтка М. Н. Лонгинова. **1869.** 2101.

1496. Письма Лермонтова къ М. А. Лопухиной. **1863.** 265, 292, 417.

1497. Еще письма Лермонтова къ ней-же. **1864.** 1089.

1498. Неизданныя стихотворенія Лермонтова. **1864.** 1087.

1499. Вновь найденное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова къ Н. Н. Арсеньеву. **1871.** 1271.

1500. Неизданные автобіографическіе стихи Лермонтова (съ послѣсловіемъ издателя). **1872.** 1850.

1501. Замѣтки А. Петрова и М. Ранга (четверостишіе Лермонтова и Владимирскіе губернаторы). **1867.** 1177.

1502. Воспоминанія В. П. Бурнашева. Лермонтовъ, въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ. **1872.** 1770.

1503. Прадѣдъ Лермонтова, замѣтка Г. П. Данилевскаго. **1875.** III, 107.

1504. Дуэль и кончина Лермонтова. Статья его секунданта князя А. И. Васильчикова. **1872.** 205.

1505. Нѣмецкіе стихи на Ломоносова. **1865.** 87.

1506. Поправка и дополненіе. (О Нѣмецкихъ стихахъ на Ломоносова). **1865.** 518.

1507. Неизданная грамматическая замѣтка Ломоносова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **1866.** 324.

1508. А. Ѳ. Львовъ. Письмо графа Д. Н. Толстаго къ Д. В. Разумовскому. **1871.** 1306.

1509. М. А. Максимовичъ. Біографическій очеркъ, прочитанный въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности Н. А. Чаевымъ. **1874.** II, 1065.

1510. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность. Статья Д. И. Иловайскаго. **1875.** I, 77.

1511. Къ біографіи А. Ѳ. Мерзлякова. (Сообщено графомъ Д. А. Толстымъ). **1881.** I, 422.

1512. Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ Ѳ. М. Вельяминову-Зернову о Москвѣ послѣ пожара 1812 года. **1865.** 109.

1513. Замѣтка о сосланномъ въ Сибирь стихотворцѣ Мещевскомъ. Н. П. Барсукова. **1868.** 938.

1514. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Михаила Васильевича Милонова. Статья М. Н. Лонгинова. **1864.** 334.

1515. Павелъ Степановичъ Мочаловъ. Статья М. Е. Кублицкаго. **1875.** III, 484.

1516. Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Замѣтки о немъ генерала Сулимы и Н. В. Путяты. **1876.** II, 353.

1517. Письмо А. Н. Муравьева къ графу Протасову, съ обозрѣніемъ епархій (1837). **1876.** III, 170.

1518. Письмо А. Н. Муравьева къ графинѣ А. Д. Блудовой. О сокращеніи приходовъ. **1881.** II, 421.

1519. Письмо Н. И. Надеждина къ Ю. Н. Бартеневу. **1864.** 41.

1520. Записка Н. И. Надеждина о Венедиктѣ Кралевичѣ. **1872.** 441.

1521. Письмо М. И. Невзорова къ Жуковскому. **1870.** 1952.

1522. Археологъ Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ. Статья Е. В. Барсова. **1873.** 0846.

1523. Возраженіе Е. В. Барсову (о Невоструевѣ), **1873.** 01343.

1524. Экспромпты Неѣлова. (Сообщены княземъ Ю. А. Оболенскимъ). **1874.** I, 1357.

1525. „У всякаго свой рай“, старинное стихотвореніе С. А. Неѣлова. (Сообщено А. Г. Ермоловымъ). **1875.** III, 109.

1526. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. С. Никитина. Статья М. Ѳ. Де-Пуле. **1863.** 453.

1527. „Староста“. Стихотвореніе И. С. Никитина. **1865.** 317.

1528. „Молитва въ саду Геѳсиманскомъ“. Стихотвореніе И. С. Никитина, съ біографической замѣткой. **1865.** 805.

ніи Потемкинской трости. Стихотвореніе Д. П. Ознобишина. **1877**. III, 3.

1555. Стихотвореніе Н. Ф. Павлова. („Иной, всю жизнь отдавъ заботамъ“). **1875**. II. 110.

1556. Напоминаніе о Павскомъ. М. П. Погодина. **1870**. 1948.

1557. Письмо М. П. Погодина къ издателю о семействѣ протоіерея Павскаго. (Въ особомъ приложеніи). **1870**. 1.

1558. Семь писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1863**. 473.

1559. Неизданные отрывки изъ писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1866**. 1756.

1560. Письма стихотворцевъ Петрова и Струйскаго къ князю Потемкину. **1871**. 071.

1561. Изъ Записокъ эмигранта, В. С. Печерина. (Сообщено Ѳ. В. Чижовымъ). **1870**. 1333.

1562. Письмо В. С. Печерина о своей судьбѣ къ графу С. Г. Строгонову. **1870**. 2129.

1563. Отзывъ В. С. Печерина о классическомъ обученіи. **1871**. 1740.

1564. Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій и его двадцатипятилѣтняя литературная дѣятельность. Статья Б. Н. Алмазова. **1875**. I, 453.

1565. П. А. Плетневъ, статья Я. К. Грота. **1869**. 2067.

1566. Литературный вечеръ у П. А Плетнева, статья И. С. Тургенева. **1869**. 1663.

1567. Изъ писемъ П. А. Плетнева къ В. А. Жуковскому. **1870**. 1273.

1568. Письмо П. А. Плетнева къ В. А. Жуковскому отъ 17 Февраля 1833, года. **1875**. II. 466.

1569. Письмо П. А. Плетнева въ Москву къ К. А. Коссовичу. (Сообщено Н. П. Барсуковымъ). **1877**. III, 321.

1570. Письма П. А. Плетнева къ Дм. Ив. Коптеву (1844—1852), съ очеркомъ жизни сего послѣдняго. **1877**. III, 357.

1571. Изъ Записокъ М. П. Погодина о жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 г. **1865**. 887.

1572. Литературно-историческія замѣчанія М. П. Погодина. **1869**. 2092.

1573. Письмо М. П. Погодина къ Н. П. Семенову о статистикѣ. **1881**. III, 442.

1574. Письмо М. П. Погодина о кончинѣ графа С. С. Уварова. **1871**. 2107.

1575. Письма М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву со введеніемъ и историко-литературными объясненіями Н. П. Барсукова. 1829—1833 г. **1882**. III, 67 и 127.

1576. Замѣтки современника на письма Погодина къ Шевыреву. А. Ф. Томашевскаго. **1882**. III, 203.

1577. Воспоминанія А. И. Подолинскаго съ предисловіемъ М. В. Юзефовича. **1872**. 856.

1578. Qui pro quo, замѣтка Петербургскаго Старожила (возраженіе Подолинскому). **1872**. 1604.

1579. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому, по поводу статьи о комедіи „Горе отъ Ума“. **1866**. 1753.

1580. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому касательно Исторіи Петра Великаго. (Сообщено Т. В. Кибальчичемъ). **1874**. I. 1050.

1581. Александръ Полежаевъ. Біографическій очеркъ Д. Д. Рябинина. **1881**. I, 314.

1582. Новыя свѣдѣнія о Полежаевѣ. Сообщены Н. А. Поповымъ. **1881**. II, 471.

1583. Встрѣча съ Полежаевымъ. Воспоминаніе старушки изъ степи. **1882.** III. 233.

1584. Мой дядя и кое-что изъ его разсказовъ. Воспоминанія Я. П. Полонскаго. **1876.** I, 72.

1585. М. П. Полуденскій, статья В. С. Неклюдова. **1868.** 1483.

1586. Письмо В. А. Полѣнова къ И. И. Мартынову (о Карамзинѣ). **1866.** 1763.

1587. Исторія изданія „Опыта о человѣкѣ“ сочиненія Попе, въ переводѣ Поповскаго, статья Н. С. Тихонравова. **1872.** 1311.

1588. Замѣтка къ статьѣ объ изданіи „Опыта о человѣкѣ“. П. А. Ефремова **1872.** 2031.

1589. Новѣйшіе критики. Замѣтка М. Ѳ. де-Пуле. **1878.** Ш, 254.

1590. Адріанополь въ 1829 году. Письмо Н. В. Путяты къ Е. А. Баратынскому. **1878.** I, 215.

1591. Воспоминаніе о Николаѣ Васильевичѣ Путятѣ. П. Б. **1878.** I, 125.

1592. Изъ тетради замѣтокъ и воспоминаній Н. В. Путяты. **1863.** 350.

1593. Мадонна, стихотвореніе А. С. Пушкина (по рукописи поэта). **1863.** 20.

1594. Городъ Кишиневъ, стихотвореніе А. С. Пушкина. **1863.** 384.

1595. Письма А. С. Пушкина къ П. А. Осиповой. **1867.** 119.

1596. Два письма П. А. Осиповой къ В. А. Жуковскому о Пушкинѣ. **1872.** 2358.

1597. Письма А. С. Пушкина къ А. Н. Вульфу. **1867.** 154.

1598. Два письма А. С. Пушкина къ графу А. Х. Бенкендорфу (о семействѣ Раевскихъ). **1864.** 192.

1599. Два письма А. С. Пушкина къ Н. И. Кривцову, съ очеркомъ жизни Кривцова. **1864.** 1076.

1600. Письмо А. С. Пушкина къ князю Н. В. Репнину и отвѣтъ князя Репнина. **1864.** 1081.

1601. Письма А. С. Пушкина къ графу Г. А. Строганову. **1866.** 1748.

1602. Письмо А. С. Пушкина къ А. И. Тургеневу. **1867.** 671.

1603. Письмо А. С. Пушкина къ Б. А. Адеркасу (о переводѣ въ крѣпость). **1872.** 2359.

1604. Письма А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго къ М. Н. Загоскину. **1868.** 973.

1605. Письма Александра и Льва Сергѣевичей Пушкиныхъ къ С. А. Соболевскому. **1878.** III, 393.

1606. Письма А. С. Пушкина къ И. А. Яковлеву. **1882.** II, 309.

1607. Письма А. С. Пушкина къ Гончаровымъ **1881.** II, 496.

1608. Письма А. С. Пушкина къ В. А. Жуковскому, И. Ф. Мойеру, В. К. Кюхельбекеру и П. А. Плетневу. **1870.** 1169.

1609. Три письма А. С. Пушкина къ В. А. Жуковскому. **1872.** 2354.

1610. Еще новыя письма Пушкина къ Жуковскому, графу Бенкендорфу и къ другимъ лицамъ. **1870.** 1366.

1611. Письма Пушкина къ П. В. Нащокину, съ отвѣтами. **19-й В.** I, 383.

1612. Письмо А. С. Пушкина къ барону М. А. Корфу съ примѣчаніемъ барона Ѳ. А. Бюлера. **1872.** 1601.

1613. Письмо А. С. Пушкина къ барону М. А. Корфу. О новѣйшей Русской Исторіи. **1872.** 198.

1614. Письма А. С. Пушкина къ кавалеристъ-дѣвицѣ Н. А. Дуровой, съ послѣсловіемъ барона Ѳ. А. Бюлера. **1872.** 199.

1615. Пятьдесятъ писемъ А. С. Пушкина къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831), съ новыми стиха-

ми А. С. Пушкина. **1874**. I, 111 и 419.

1616. Письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину 1825 года, во время его ссылки, съ дружескими наставленіями, **1874**. I, 161.

1617. Письмо А. С. Пушкина къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина. **1874**. I, 450.

1618. Письмо жениха Пушкина къ его будущей тещѣ Н. И. Гончаровой (1830). Сообщено Н. О. Эминымъ. **1873**. 736.

1619. Письмо А. С. Пушкина къ А. Н. Верстовскому (1830). **1874**. I. 1376.

1620. Литературныя сношенія Пушкина: письма къ нему А. А. Шишкова, братьевъ Полевыхъ, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, Н. И. Греча, Булгарина, А. А. Фуксъ, В. В. Измайлова, И. И. Лажечникова, Ѳ. Н. Глинки, И. П. Мятлева, М. П. Розберга, М. П. Погодина, В. И. Даля. **1880**. III, 447.

1621. Письма къ А. С. Пушкину: Кюхельбекера, Катенина, барона Корфа, А. и Н. Раевскихъ, Алексѣева и Гнѣдича, **1881**. I, 137.

1622. Письма къ А. С. Пушкину барона Дельвига, Гоголя и кавалеристъ-дѣвицы. **1880**. II, 499.

1623. Письма къ А. С. Пушкину: декабриста князя С. Г. Волконскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго, княгини З. А. Волконской, П. Я. Чадаева, Фонъ-Фока и Селиковскаго), съ примѣчаніями издателя. **1881**. I, 424.

1624. Новое четверостишіе А. С. Пушкина, къ Николаю Дмитріевичу Киселеву. (Сообщено П. С. Киселевымъ). **1874**. I, 1579.

1625. Неизданные стихи А. С. Пушкина. Сообщ. М. В. Юзефовичемъ. **1874** II, 221.

1626. Четыре неизданныхъ стиха А. С. Пушкина. **1874**. II, 463.

1627. Неизданное четверостишіе Пушкина. (Сообщено А. П. Барсуковымъ). **1875**. III, 109.

1628. Еще четверостишіе А. С. Пушкина. **1876**. I, 489.

1629. Неизданные десять стиховъ А. С. Пушкина. (Сообщены Н. П. Хвицкимъ). **1876**. II, 453.

1630. Записка о народномъ образованіи, представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году, съ послѣсловіемъ издателя. **19-й В.** II, 209.

1631. Изъ рукописей А. С. Пушкина. (Сообщено П. П. Вилинскимъ). **1865**. 1528.

1632. Новые отрывки изъ Записокъ А. С. Пушкина. **1880**. II, 488.

1633. Эпизодъ изъ дѣятельности Пестеля. Неизданное мѣсто въ Запискахъ А. С. Пушкина. **1881**. II, 495.

1634. Рукописи Пушкина: I. Новая глава изъ „Капитанской Дочки", съ предисловіемъ издателя. II. Письмо Пушкина къ Д. В. Давыдову. **1880**. III, 218.

1635. Рукописи А. С. Пушкина: новыя его произведенія. (На Кишиневскихъ барынь, выдержки изъ Кишиневскихъ тетрадей, о Петрѣ Великомъ, черновыя письма, Французскіе стихи, письмо къ Вигелю, выпуски изъ Онѣгина, посланіе къ кн. Вяземскому, опущенныя мѣста изъ „Дубровскаго", цѣльныя стихотворенія). **1881**. I, 217.

1636. Рукописи А. С. Пушкина. Стихи къ князю П. А. Вяземскому, письмо о Греческомъ возстаніи, опущенныя мѣста изъ повѣсти: „Дубров-

скій", нѣсколько новыхъ стихотвореній. **1881**. I, 446.

1637. Изъ рукописей А. С. Пушкина: разговоръ съ Англичаниномъ о Русскихъ крестьянахъ. **1881**. II, 249.

1638. Новыя выдержки изъ рукописей А. С. Пушкина. Начало повѣсти.— Выдержки изъ „Арапа Петра Великаго", Станціоннаго Смотрителя", „Родословной Моего героя", „Анчара", новыя стихотворенія и пр.). **1881**. III, 466.

1639. Неизданные стихи А. С. Пушкина: 1) изъ Кавказскаго Плѣнника; 2) о Псковѣ. **1869**. 1724.

1640. „Мѣдный Всадникъ" А. С. Пушкина. Статья издателя Русскаго Архива съ найденными вновь отрывками этой поэмы. **1881**. III, 228.

1641. „Египетскія ночи" А. С. Пушкина, неизданные прозаическіе и стихотворные отрывки. **1882**. I, 221.

1642. Два автографа Пушкина, съ объясненіями М. Н. Лонгинова. **1869**. 1063.

1643. Пушкинскій „Пророкъ" въ Польскомъ переводѣ. **1878**. II, 391.

1644. Стихи, приписанные А. С. Пушкину, про графиню Броліо и Кристина. **1882**. II, 310.

1645. О стихотвореніи Пушкина „Памятникъ", издателя, со снимкомъ подлинника. **1881**. I, 233.

1646. Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина С. Г. Чирикова. **1881**. I, 175.

1647. Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина. Собраніе разбросанныхъ его стихотвореній. Съ предисловіемъ Н. В. Гербеля. **1876**. III, 205.

1648. Какъ слѣдуетъ издать Пушкина. X. **1881**. III, 461.

1649. Докладъ Жуковскаго государю Николаю Павловичу объ изданіи сочиненій Пушкина. **1881**. III, 465.

1650. Удаленіе А. С. Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 году. Статья Ѳ. Н. Глинки. **1866**. 917.

1651. Письмо И. Н. Инзова о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову въ 1820 году. **1863**. 900.

1652. Пушкинъ въ южной Россіи. (Матеріалы для его біографіи, собираемые П. И. Бартеневымъ). **1866**. 1089.

1653. Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди. Замѣчанія на предъидущую статью. **1866**. 1213 и 1393.

1654. Замѣтка на статью „Пушкинъ въ южной Россіи". М. Н. Лонгинова. **1866**. 1749.

1655. Воспоминаніе о Пушкинѣ М. В. Юзефовича. **1880**. III, 431.

1656. Пушкинъ у А. П. Ермолова въ 1828 году. **1863**. 441.

1657. Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ его дядѣ. Статья М. Н. Лонгинова. **1863**. 898.

1658. Изъ воспоминаній молодости (о Пушкинѣ). С. М. Сухотина. **1864**. 1083.

1659. Изъ воспоминаній о Пушкинѣ М. П. Погодина. **1865**. 95.

1660. Замѣтка о Пушкинѣ. П. И. Бартенева. **1865**. 389.

1661. Изъ воспоминаній графа В. А. Сологуба (о Пушкинѣ и Гоголѣ). **1865**. 735.

1662. Черта изъ жизни А. С. Пушкина. (Полицейскій надзоръ). **1876**. II, 236.

1663. Замѣтки и поправки свѣдѣній о Пушкинѣ. Н. П. Барсукова. **1874**. II, 1088.

1664. Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ Н. М. Языкова): Пушкинъ

1715. Дополненія, замѣтки и поправки (о Струйскомъ и милосердіи Екатерины II-й). Ю. В. Толстаго. **1866**. 265.

1716. Собственноручная записка А. П. Сумарокова (Сообщена М. М. Евреиновымъ). **1867**. 100.

1717. Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова. Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. **1871**. 1637.

1718. Поправки къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сумароковѣ. **1871**. 1955.

1719. Изъ записной книжки А. М. Павловой (анекдоты о Сумароковѣ). **1874**. II, 957.

1720. Анекдотъ о Сумароковѣ. (Сообщенъ М. М. Евреиновымъ). **1874**. I, 01097.

1721. Два доношенія А. П. Сумарокова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **18-й В.** III, 182.

1722. Н. В. Сушковъ. Некрологъ. П. Б. **1871**. 1743.

1723. Нѣсколько объяснительныхъ словъ графа Л. Н. Толстаго (по поводу сочиненія его „Война и Миръ“). **1868**. 515.

1724. Графъ А. А. Толстой о постановкѣ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“: его письма къ Ростиславу и къ В. Д. Давыдову, съ послѣсловіемъ сего послѣдняго. **1879**. II, 327.

1725. Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены, съ предисловіемъ Г. Н. Александрова. **18-й В.** III, 178.

1726. Изъ памятныхъ замѣтокъ М. В. Юзефовича (Ѳ. А. Туманскій и Д. В. Давыдовъ). **1874**. II, 728.

1727. Письма А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву. **1867**. 639. (Сообщены Ѳ. М. Дмитріевымъ).

1728. Письма разныхъ лицъ къ Александру Ивановичу Тургеневу **1866**. 647.

1729. Новое изданіе сочиненій И. С. Тургенева. **1871**. 380.

1730. Письма Н. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому и П. Я. Чаадаеву. **1872**. 1200.

1731. Николай Ивановичъ Тургеневъ. Статья Д. Н. Свербеева. **1871**. 1962.

1732. Дополненія и поправки (о С. А. Тучковѣ). И. П. Липранди. **1874**. II, 959.

1733. „На новый 1855 годъ“ стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. **1867**. 1638.

1734. Новонайденныя стихотворенія Ѳ. И. Тютчева съ предисловіемъ И. С. Аксакова. **1879**. II, 118.

1735. „На взятіе Варшавы“ (1831), стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. **1879**. I, 385.

1736. Неизданное стихотвореніе о Декабристахъ Ѳ. И. Тютчева. **1881**. II, 340.

1737. Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева Андрею Николаевичу Муравьеву. **1882**. III, 214.

1738. Россія и Германія (1844). Письмо Ѳ. И. Тютчева къ издателю Всеобщей Аугсбургской Газеты. **1873**. 1993.

1739. Россія и революція. 1848-й годъ. Записка Ѳ. И. Тютчева. **1873**. 895.

1740. Записка Ѳ. И. Тютчева о цензурѣ въ Россіи (1857). **1873**. 607.

1741. Тютчевъ и Гейне. Замѣтка П. Ч-ва. **1875**. I, 128.

1742. Изъ частнаго письма (А. А. Половцова) по поводу кончины Ѳ. И. Тютчева. **1874**. I, 1374.

1743. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья И. С. Аксакова. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. **1874**. (Въ особомъ приложеніи).

1744. Неизданные стихи Ѳ. И. Тютчева („Играй, покуда надъ тобой еще безоблачна лазурь"). Сообщены П. Д. Голохвастовымъ. **1874**. II, 222

1745. Еще стихи Ѳ. И. Тютчева. (Къ Н. А. Акинѳіевой: „Какъ ни бѣсилося злорѣчье"). **1874**. II, 1124.

1746. Письмо графа С. С. Уварова къ барону Штейну. **1871**. 0129.

1747. Для біографіи графа С. С. Уварова. Переписка его съ М. П. Погодинымъ. **1871**. 2078.

1748. Біографическое извѣстіе о графѣ С. С. Уваровѣ. **1871**. 2103.

1749. Четыре письма Филарета, митрополита Московскаго: а) къ А. А. Полторацкой, б) Д. Б. Мертваго, в) В. М. Мертваго. **1868**. 137.

1750. Воспоминаніе о митрополитѣ Филаретѣ (монахъ Трифилій). **1869**. 1177.

1751. Записочка митрополита Филарета къ А. Я. Булгакову (1842). **1874**. II, 637.

1752. Письмо митрополита Филарета къ графу Протасову, о первомъ проѣздѣ царской фамиліи по чугункѣ въ Москву. (1851). **1876**. III, 175.

1753. Письма митрополита Филарета къ Иннокентію Камчатскому. Сообщены И. П. Барсуковымъ. **1881**. II, 24.

1754. Замѣчанія митрополита Филарета о каноническомъ правѣ. **1878**. II, 126.

1755. Письмо митрополита Филарета къ А. П. Озерову въ Аѳины (о Греко-Болгарскомъ несогласіи). **1878**. I, 364.

1756. Записка митрополита Московскаго Филарета о сохранности церковныхъ древностей. **18-й В**. I, 453.

1757. Митрополитъ Филаретъ въ его письмахъ къ архимандриту Антонію. **1877**. III, 311.

1758. Два письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣзкову въ Букурештъ. **1865**. 984.

1759. Разсказы о Херасковѣ, изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева. **1879**. III, 28.

1760. Письмо Хераскова къ Екатеринѣ Великой. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1879**. III, 27.

1761. М. Д. Хмыровъ, некрологическая статья П. А. Ефремова. **1873**. CXXVIII.

1762. Неизданныя стихотворенія А. С. Хомякова, съ замѣткою П. И. Бартенева. **1863**. 222 и 303.

1763. Неизданное пятистишіе А. С. Хомякова. **1866**. 770.

1764. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи. Письмо Алексѣя Степановича Хомякова къ графу I. И. Ростовцеву (1859). **1876**. I, 277.

1765. Изъ воспоминаній объ А. С. Хомяковѣ. А. В. Рачинскаго. **1876**. II, 101.

1766. Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы, А. С. Хомякова. **1876**. III, 104.

1767. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Воспоминанія А. И. Кошелева. **1879**. III, 265.

1768. О кончинѣ А. С. Хомякова. Письмо сосѣда-помѣщика, Л. М. Муромцева. **1879**. III, 363.

1769. Письма А. С. Хомякова: къ А. И. Кошелеву, къ Ю. Ѳ. Самарину, къ М. С. Мухановой, къ Е. И. Попову, къ С. Т. Аксакову, къ Е. С. Шеншиной. **1879**. III, 276—362.

1770. Письма А. С. Хомякова къ графинѣ А. Д. Блудовой (1849—1855). **1879**. I, 372.

1771. Къ письмамъ Хомякова. Замѣтка

графини А. Д. Блудовой. **1879.** I, 383.

1772. Письма А. С. Хомякова къ графу А. П. Толстому и къ С. Т. Аксакову. **1879.** I, 246.

1773. Общественное воспитаніе въ Россіи. Статья А. С. Хомякова. **1879.** I, 114.

1774. Письма А. С. Хомякова къ А. Ѳ. Гильфердингу. **1878.** II, 366.

1775. Замѣтка А. С. Хомякова объ Англіи и объ Английскомъ воспитаніи. **1881.** II, 38.

1776. Несостоявшееся обращеніе дьякона Пальмера въ православіе. Письма А. С. Хомякова къ Казанскому архіепископу Григорію и два письма архіепископа Григорія къ А. С. Хомякову. **1881.** II, 32.

1777. Два письма В. Д. Олсуфьева къ А. С. Хомякову. **1881.** II, 41.

1778. О сочиненіяхъ П. Я. Чаадаева. М. Н. Лонгинова. **1863.** 270.

1779. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ, статья Д. Н. Свербеева (1856). **1868.** 976.

1780. Слово, произнесенное у гроба Чаадаева духовникомъ его, протоіереемъ Н. А. Сергіевскимъ. **1868.** 1002.

1781. Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ. Изъ рѣчи И. С. Аксакова 18 Декабря 1877 г. **1878.** I, 129.

1782. Два письма князя А. А. Шаховскаго къ С. Т. Аксакову о литературѣ и театрѣ. 1830. Сообщено И. С. Аксаковымъ. **1873.** 0470.

1783. Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ. М. П. Погодина. **1865.** 381.

1784. Изъ бумагъ С. П. Шевырева: письма къ нему разныхъ лицъ (С. Т. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго, М. Н. Глинки, А. С. Хомякова, О. М. Бодянскаго, В. И. Даля, записка о введеніи въ Московскій университетъ Новогреческаго языка, путевыя впечатлѣнія С. П. Шевырева отъ Москвы до Флоренціи. **1878.** II, 47.

1785. О библіотекѣ С. П. Шевырева. **1872.** 445.

1786. Письмо С. П. Шевырева къ М. А. Максимовичу. **1872.** 1208.

1787. Изъ письма С. П. Шевырева къ А. П. Елагиной о свиданіи съ Гёте (1829). **1879.** I, 138.

1788. Анекдотъ о Шишковѣ. **1863.** 217.

1789. Мелочи и поправки (о стихахъ Шишкова Суворову). **1870.** 1199.

1790. Мнѣнія А. С. Шишкова о цензурѣ. **1865.** 1339.

1791. „Князю П. А. Вяземскому". Посланіе въ стихахъ М. В. Юзефовича. **1877.** I, 233.

1792. Н. М. Языковъ 1803—1846. (Новые стихи его и письма). Статья М. И. Семевскаго. **1867.** 712.

1793. Два стихотворенія Н. М. Языкова, съ предисловіемъ В. М. Княжевича. **1871.** 1303.

1794. Осудительное посланіе Н. М. Языкова къ П. Я. Чаадаву. **1875.** II, 111.

1795. „Къ ненашимъ" (1844), стихотвореніе Н. М. Языкова. **1879.** I, 399.

1796. О стихотвореніяхъ Ѳеофана Прокоповича. **1872.** 997.

1797. Письмо Ѳеофана Прокоповича къ Кіевскому архіепископу о Братскомъ монастырѣ. **1865.** 439.

1798. Стихотворенія былаго времени: „За деньги лгать и клятьcя рада", „Братайтеся", „Подражаніе Фету", „Гуманный внукъ". **1882.** III, 252.

1799. Изъ стихотвореній во время Крымской войны. „Русь и Западъ". **1882.** II, 155.

1800. „Колокола“, стихотвореніе по поводу рѣчи Ригера на Славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1867 г. **1881**. III, 446.

1801. Словарь Русскихъ писательницъ. Составилъ Николай Книжникъ (князь Н. Н. Голицынъ). **1865**. 1139.

1802. Къ Русскимъ писательницамъ. Воззваніе князя Н. Н. Голицына. **1870**. 2138.

1803. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій извѣстныхъ писателей. (Ломоносовъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Костровъ, Нелединскій, М. Н. Муравьевъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Баратынскій). М. Н. Лонгинова. **1866**. 1770.

1804. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Русскихъ писателей. Біографическія розысканія М. Н. Лонгинова: 1) Баратынскаго. **1864**. 1103. 2) Батюшкова. **1863**. 952. 3) Гнѣдича. **1863**. 845. 4) И. И. Дмитріева. **1863**. 710. 5) Князя И. М. Долгорукаго. **1865**. 964. 6) Жуковскаго. **1864**. 1123. 7) Карамзина. **1864**. 1135. 8) Козлова. **1864**. 1111. 9) Лермонтова. **1863**. 571. 10) Милонова. **1864**. 1114.

1805. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860—1874 годахъ. Изъ Справочнаго Словаря, составляемаго Г. Н. Геннади. Въ каждомъ годовомъ изданіи Р. Архива съ 1864 по 1877 годъ.

XXII. Библіографія.

1806. Александръ Дмитріевичъ Чертковъ и его библіотека. **1863**. 1.

1807. Нѣсколько словъ о Чертковской библіотекѣ. **1864**. 1.

1808. О Чертковской библіотекѣ въ 1864 году (краткій отчетъ). **1865**. 1.

1809. О Чертковской библіотекѣ въ 1865 году. **1866**. 4 нен. стр.

1810. О Чертковской библіотекѣ въ 1866 году. **1867**. 314.

1811. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки въ 1868 году. **1869**. 039.

1812. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки въ 1869 году. **1870**. 522.

1813. Отвѣтная замѣтка В. И. Собольщикову о Чертковской библіотекѣ. П. И. Бартенева. **1864**. 680.

1814. Новыя сочиненія и изданія на иностранныхъ языкахъ, относящіяся до Россія. **1865**. 1537.

1815. Книжныя заграничныя вѣсти о Россіи, за 1865 и 1866 г.г. (Гремъ о Русской литературѣ, Павелъ Петровичъ во Франціи, Горасъ Верне о Николаѣ Павловичѣ, Эдварсъ о Польшѣ). **1866**. 260.

1816. **Тоже** за 1867 г. (Дюси о бракѣ Александра Третьяго, Браунъ о Сѣверѣ Россіи, Гильярде о Шевалье Деонѣ, Дэ о Польскомъ мятежѣ 1863 г., Делаферьеръ о пріобрѣтеніяхъ въ Россіи для исторіи Франціи, Дюре о дочери Сперанскаго) **1868**. 317.

1817. **Тоже** за 1868 г. (О Семилѣтней войнѣ, Гюппе о старой Польшѣ, Амелія Мюррей объ Екатеринѣ Павловнѣ. Дневникъ княгини Голицыной. Лоусъ о Москвѣ, Романова о Русской церкви, Эккартъ о Прибалтійскомъ краѣ, Уимперъ о Русской Америкѣ). **1869**. 025.

1818. **Тоже** за 1869 г. (Фрешфильдъ о Кавказѣ, Брантъ о 1812 годѣ, графъ Шляденъ о первомъ раздѣлѣ Польши, переписка Гумбольдта съ Канкринымъ). **1869**. 501.

1819. **Тоже** за 1870 г. (Далль объ Аляскѣ, Гельвальдъ о Русскихъ въ Средней Азіи, Диксонъ о свободной Россіи, Уикгемъ о Суворовѣ, Виже Лебренъ объ Екатеринѣ II-й). **1871**. 0965.

1820. **Тоже** за 1871 г. (Ноксъ о Сибири, Шоу о Туркестанѣ, Буссе о герцогѣ Магнусѣ, Шехеръ о Семилѣтней войнѣ, Записки Нѣмцевича, Іосифъ II-й, Леопольдъ о Павлѣ Петровичѣ, о Бенкендорфѣ, Плещеевѣ, князѣ Юсуповѣ). **1872**. 752.

1821. **Тоже** за 1872 г. (Вельденъ о войнѣ Австріи въ 1812 г., Веллингтонъ объ Александрѣ Павловичѣ, Штокмаръ о Николаѣ Павловичѣ, Плейеръ о Россіи въ 1710 г.) **1873**. CIV.

1822. **Тоже** за 1873 г. (Бееръ о первомъ Польскомъ раздѣлѣ, Записки Сегюра, Кодрингтонъ о Русскихъ въ Архипелагѣ, Янсенъ о графѣ Линарѣ). **1874**. I. 505.

1823. **Тоже** за 1874 г. (Жуанвилль объ Александрѣ Павловичѣ, Муи о Станиславѣ Понятовскомъ, бумаги Ѳедора Лидерса, Целестинъ о свободной Россіи, Джонстонъ о Волгѣ, Гровъ о Кавказѣ, Цецесъ о нашей церковной музыкѣ). **1875**, I. 297.

1824. **Тоже** за 1874 — 1876 годы. (Адамсъ о Россіи въ 1809 г., королева Викторія о Николаѣ Павловичѣ, Палацкій о Бакунинѣ, Тильманъ о Кавказѣ, Персидскій шахъ о Россіи). **1876**. I, 236.

1825. **Тоже** за 1876 годъ. (Записки Кнезебека и Шена, Нацмеръ о поѣздкахъ въ Россію, бумаги Генца, біографія педагога Муральта, Мурчисонъ о путешествіи по Россіи, Бернаби о Хивѣ, Скайлеръ о Туркестанѣ). **1877**. I, 420 и 443.

1826. **Тоже** за 1877 г. (Записки Гарденберга, изданія Арнета, бумаги Королины Гессенской, герцога Веллингтона, принца Альберта, книга Уолласа о Россіи). **1878**. I. 185.

1827. **Тоже** за 1878 г. (Сорель о восточномъ вопросѣ, Рамбо Русская Исторія, Лоссіусъ о Лифляндскомъ дворянствѣ, Брюггенъ о распаденіи Польши, Штида объ академикѣ Берѣ). **1879**. I. 256.

1828. **Тоже** за 1879 г. (Автобіографія княгини Дидрихштейнъ, Шнейдеръ о Николаѣ Павловичѣ, переписка Фридриха Великаго, Мотлей о Петрѣ Великомъ, Онкенъ о 1813 г.) **1880**. I, 373.

1829. Библіографическая лѣтопись. П. А. Гильдебранта. **1863**. 268.

1830. Книжныя вѣсти. **1863**. 174.

1831. Замѣчательнѣйшія новыя книги. **1863**. 73 и 171.

1832. Новыя полученныя въ Москвѣ книги на Славянскихъ нарѣчіяхъ и о Славянахъ. **1863**. 76 и 351.

1833. Книжныя замѣтки, М. Ѳ. Шугурова. **1866**. 771.

1834. Составъ черниламъ, какъ составливати добрая чернила (изъ рукописи Синодальной библіотеки XVII в.). **1863**. 495.

1835. О палеографическихъ снимкахъ, издан. преосв. Саввою. Замѣтка А. Е. Викторова. **1863**. 487.

1836. Копія съ росписи книгамъ, которыя обрѣтаются въ патріаршей

ризницѣ (1718 г.). **1864**. Въ особомъ приложеніи.

1837. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ. Я. К. Грота, съ замѣткою А. А. Котляревскаго. **1865**. 1400.

1838. Псевдо-переводы съ Русскаго. (По матеріаламъ императорской публичной библіотеки). Статья барона М. А. Корфа. **1866**. 204.

1839. Замѣтка на статью „Псевдо-переводы съ Русскаго“, П. А. Ефремова. **1866**. 512.

1840. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свидригайлѣ. (Сообщено барономъ М. А. Корфомъ). **1869**. 613.

1841. Юбилейныя изданія Московскаго университета. **1867**. 1177.

1842. Объ юбилейномъ изданіи Московской Синодальной типографіи, П. А. Безсонова. **1867**. 914.

1843. Заявленіе издателей Полярной Звѣзды (1825). **1871**. 0964.

1844. Замѣтка объ изданіи Полярной Звѣзды и Сѣверныхъ Цвѣтовъ **1873**. XCVIII.

1845. Альманахъ „Звѣздочка на 1826 годъ“, замѣтка М. И. Семевскаго. **1869**. 053.

1846. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ г-на Геннади (о собраніи Русскихъ журналовъ). П. Библіографа. **1873**. 1584.

1847. Пополненіе С. А. Соболевскаго о Чулковско-Новиковскомъ пѣсенникѣ. **1870**. 1935.

1848. Замѣтка С. А. Соболевскаго объ энциклопедическихъ лексиконахъ въ Россіи. **1870**. 1937.

1849. Библіографическій курьёзъ (о первопечатной Псалтыри 1568 года). П. А. Безсонова. **1864**. Въ особомъ приложеніи.

1850. Библіографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Соболевскому П. М. Строева (по поводу предъидущей статьи). **1865**. 513.

1851. Библіографическая поправка (о трудахъ И. П. Сахарова) С. А. Соболевскаго. **1865**. 517.

1852. Изъ нашей учебно - исторической литературы (объ учебникѣ Беллярминова). Статья П. И. Мельникова. **1873**. CXLIV.

1853. Замѣтка о торговлѣ Русскими книгами между Австрійскими Сербами въ началѣ сего столѣтія, Н. А. Попова. **1873**. 159.

1854. Библіографическое извѣстіе (о сказкахъ, собранныхъ А. Н. Аѳанасьевымъ). **1864**. 120.

1855. Заявленіе П. А. Безсонова (отказъ отъ выводовъ о Державинскихъ стихахъ). **1876**. I, 128.

1856. О „Сборникѣ Муханова“, замѣтка А. Ѳ. Бычкова. **1867**. 1180.

1857. Библіографическія замѣтки И. И. Ханенки: неизвѣстныя стихотворенія Пушкина, Кольцова и Баратынскаго и эпиграмма Крылова. **1869**. 073 и 2026.

1858. О трудахъ по исторіи Русскаго законодательства, статья Ѳ. В. Чижова. **1869**. 2045.

1859. Новыя явленія въ Русской библіографіи. С. А. Соболевскаго. **1869**. 921.

1860. Библіографическая замѣтка о „Матеріалахъ для библіографіи Я. Ф. Березина-Ширяева“, С. А. Соболевскаго. **1870**. 2070.

1861. Объ исторіи Академіи Наукъ, замѣтка М. Н. Лонгинова. **1871**. 0246.

1862. О Памятникахъ Русской старины Западнаго края. **1873**. CXXXVII.

1863. О книгѣ М. Д. Лихутина: „Русскіе въ Азіатской Турціи". **1863.** 350.

1864. Библіографическая замѣтка Л. Н. Майкова (объ изданіи проповѣдей Л. Барановича). **1875.** III. 496.

1865. Воззваніе Государя Наслѣдника Цесаревича о собираніи свѣдѣній касательно Севастопольской обороны. **1870.** 2350.

1866. Рукописи о Севастопольской оборонѣ. Статья Ѳ. И. Тимирязева. **1873.** 1089.

1867. Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ. Д. И. Иловайскаго. **1874.** I, 223.

1868. „Уединенный Пошехонецъ". Первый провинціальный журналъ въ Россіи. Статья Л. Н. Трефолева. **1879.** III. 88.

1869. „Сѣверная Пчела". Историко-литературный очеркъ П. П. Каратыгина. **1882.** II, 241.

1870. Объясненіе по поводу Записокъ Ф. Ф. Вигеля. П. И. Бартенева **1863.** 960.

1871. Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Болгарина Раковскаго, К. И. Жинзифова. **1863.** 217.

1872. Литературная новость. К. И. Жинзифова. **1863.** 880.

1873. Толковый словарь Велико-Русскаго языка, В. Даля. **1863.** 495.

1874. Полный указатель къ Русской Бесѣдѣ (1856—1860) и Московскимъ Сборникамъ (1846, 1847 и 1852). **1863**, въ особомъ приложеніи.

1875. Азбучный указатель къ Русскому Вѣстнику (1856—1864). **1863**, въ особомъ приложеніи.

1876. Указатель къ Запискамъ Храповицкаго. **1864.** Въ особомъ приложеніи.

1877. Азбучный полный указатель къ Библіографическимъ Запискамъ. **1864.** Въ особомъ приложеніи.

1878. Указатель къ повременнымъ изданіямъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ (1815—1865). **1866.** Въ особомъ приложеніи.

1879. Общая роспись статьямъ „Русскаго Архива" за первыя пять лѣтъ. Тоже за первыя десять лѣтъ. Тоже за первыя пятнадцать лѣтъ. Въ особыхъ приложеніяхъ къ **1868, 1872** и **1877** годамъ.

1880. Азбучный указатель къ Полному Собранію Законовъ, за царствованіе Павла I-го. Въ особомъ приложеніи. **1873.**

1881. Предметная роспись содержанію шести книгъ „Архива Князя Воронцова". **1875.** III, 110.

XXIII. Генеалогія.

1882. Очерки Малороссійскихъ фамилій. Матеріалы для исторіи общества въ XVII и XVIII вѣкахъ, собираемые А. М. Лазаревскимъ. Апостолы, Базилевскіе, Безбородки, Бороховичи, Галаганы, Гамалѣи, Герцыки, Гоголи-Яновскіе. **1875.** I, 91, 311 и 439. Горленки, Грабянки, Дмитрашки-Раичи, Жученки-Жуковскіе. **1875.** II, 248, 402, 406. Иваненки, Искры. **1875.** III, 297. Капнисты, Кочубеи (Мазепа и Матрона

Кочубей.—Дѣло В. Л. Кочубея. — Самоуправство пановъ). **1876**. III, 437.

1883. Нѣсколько словъ о семьѣ Баташовыхъ. Т. Толычовой. **1871**. 2112.

1884. Соисканіе преміи за біографію князя Безбородки. **1870**. 1197.

1885. Родословная Демидовыхъ, составленная Платономъ Александровичемъ Демидовымъ. **1873**. 2212.

1886. Замѣтка о родословіи князей Долгоруковыхъ. Н. Фадѣевой. **1866**. 1340.

1887. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ Карамзиныхъ), археологическая замѣтка князя М. А. Оболенскаго. **1869**. 1076.

1888. Родословная князей Коркодиновыхъ. **1869**. 1080.

1889. Бумаги, біографическія свѣдѣнія и преданія о Милорадовичахъ. (Въ особомъ приложеніи). **1871**.

1890. Родъ Нарышкиныхъ. Генеологическое изслѣдованіе А. А. Васильчикова. **1871**. 1487.

1891. Поправки къ статьѣ о родѣ Нарышкиныхъ. **1871**. 1960.

1892. Родословная Отрепьевыхъ (Сообщено архимандритомъ Троицкой Лавры отцомъ Леонидомъ). **1878**,I,487.

1893. Гербъ Хоростовецкихъ. Статья В. Л. Коростовцова. **1873**. 1049.

1894. Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ, Дмоховскаго. **1867**. 475.

1895. Приглашеніе по поводу родословныхъ свѣдѣній, собираемыхъ А. Е. Стремоуховымъ. **1871**. 1535.

1896. Генеологическое недоумѣніе о Потаповыхъ и Грохольскихъ Н. Невѣдомцева. **1872**. 2044.

1897. Генеологическое заявленіе П. И. Герцыка. **1875**. II, 366.

1898. Генеологическое подтвержденіе (письмо княжны В. Н. Репниной къ издателю). **1877**. II, 368.

1899. Портреты Русскихъ людей (книга А. А. Васильчикова). **1875**. III, 469.

XXIV. Археологія.

1900. Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями. Графа А. С. Уварова (съ рисункомъ). **1864**. 13.

1901. Вѣтеръ (изъ Русской символики). Графа А. С. Уварова. **1864**. 681.

1902. Описаніе трехъ панагій графа Уварова. **1864**. 676.

1903. О притчахъ св. Кирилла. Статья О. И. Коларя. **1864**. 434.

1904. Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны, съ замѣткою барона Д. О. Шепинга. **1863**. 943.

1905. О нѣкоторыхъ древнихъ вещахъ изъ Чертковскаго собранія. **1864**. 1001, 1255.

1906. О происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ. Изслѣдованіе Д. И. Иловайскаго. **1874**. II, 55.

1907. Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси. Изслѣдованіе Д. И. Иловайскаго. **1873**. 654.

1908. Подарокъ изъ Скандинавіи, статья М. П. Погодина, съ отвѣтнымъ замѣчаніемъ Д. И. Иловайскаго. **1872**. 438.

1909. Замѣтка по Варяжскому вопросу. Д. И. Иловайскаго. **1872**. 2499.

1910. Замѣтки о книгѣ Васильевскаго и отвѣтъ М. П. Погодину, Д. И. Иловайскаго. **1873**. 0425.

1911. Притчи святаго Кирилла-философа, учителя Славянскаго. Статья С. А. Соболевскаго. **1864**. 172.

1912. Странствующія сказанія. О святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ и о кончинѣ Русскаго епископа Ѳомы. По Армянскимъ Чети-Минеямъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. О. Эмина. **1877**. I, 273.

1913. Святое Евангеліе на Малороссійскомъ языкѣ. Замѣтка И. Павловскаго. **1878**. II, 125.

1914. Слово отъ притчи о вадящихъ князю на други. (Сообщено архимандритомъ Леонидомъ). **1877**. III, 332.

1915. Историческія сказанія и повѣсти о святыхъ чудотворныхъ иконахъ. А. Л—ъ. **1881**. II, 5.

1916. Спасъ-Нередица. Церковь XII вѣка. Археологическое описаніе Скалдина (псевдонимъ). **1871**. 1273.

1917. Поправка о церкви Всѣхъ Святыхъ у Каменнаго моста. **1877**. III, 443.

1918. Западный край въ его историческихъ памятникахъ. Замѣтка профессора Н. А. Попова. **1875**. I, 232.

1919. Московская старина. Археологическая прогулка по Московскимъ улицамъ А. А. Мартынова. **1878**. I, 154 и 274; **1879**. II, 210.

XXV. Допетровская Русь.

1920. Галицкое наслѣдство. (Изъ второй части „Исторіи Россіи“) Д. И. Иловайскаго. **1879**. III, 5.

1921. Угорская Русь. Историческій очеркъ Г. А. Деволлана. **1878**. I, 235.

1922. Пятисотлѣтіе Куликовской битвы. Замѣтка Д. И. Иловайскаго. **1879**. I, 142.

1923. Духовное завѣщаніе Колычова, писанное въ 1570 году. **1869**. 2104.

1924. Московиты у Нѣмцевъ въ 1576 году. Статья С. А. Соболевскаго. **1868**. 2047.

1925. Правда о Сусанинѣ (сводъ мѣстныхъ преданій). Статья протоіерея Алексѣя Домнинскаго. **1871**, 01.

1926. Еще отповѣдь Костомарову (о Сусанинѣ) Костромскаго губернатора В. И. Дорогобужинова. **1871**. 1729.

1927. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное Время. Изслѣдованіе И. Е. Забѣлина. **1872**. 353, 581 и 881. Дополнительныя страницы о Мининѣ и Пожарскомъ **1872**. 1213.

1928. Поясненія къ статьѣ: „Мининъ и Пожарскій“ (отвѣтъ Костомарову) И. Е. Забѣлина. **1872**. 2436.

1929. Памятникъ „Смутнаго Времени“ подъ Кинешмою. Статья Ив. Якунина. **1877**. III, 278.

1930. Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго (1614), съ замѣткою К. Н. Бестужева-Рюмина. **1863**. 721.

1931. Замѣчательный портретъ патріарха Филарета (безъ бороды). Статья Л. П. Яковлева. **1863**. 348.

1932. Патріархъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, съ гравированнымъ большимъ его портретомъ. **1882**, II, 313.

1933. Путешествіе по Россіи Голландца Стрюйса. **1880**. I, 5.

1934. Копія съ письма, писаннаго неизвѣстнымъ лицомъ на кораблѣ „Орлѣ“, стоящемъ на якорѣ подъ г. Астраханью. **1880**. I, 109.

1935. Копія съ письма Давида Бутлера, писаннаго въ Испагани 6-го Марта 1671, съ описаніемъ взятія Астрахани. **1880**. I, 111.

1936. О путешествіи по Россіи Голландца Стрюйса. Статья П. О. Юрченки. **1879**. II, 265.

1937. Черта къ жизнеописанію патріарха Никона. Соловей въ Иверскомъ монастырѣ. Сообщено архимандритомъ Леонидомъ. **1878**. II, 474.

1938. Переписка святѣйшаго патріарха Никона съ митрополитомъ Аѳанасіемъ и грамотоносцемъ Саввою. 1665 и 1666 г. Открылъ и объяснилъ архимандритъ Леонидъ. **1873**. 1601.

1939. Объ указѣ царя Алексѣя Михайловича касательно Нѣмцевъ. Замѣтка А. А. Гатцука. **1871**. 0249.

1940. Первая война Русскихъ съ Турками. Лѣтописное сказаніе объ осадѣ Чигирина въ 1678 году. Сообщено архимандритомъ Леонидомъ. **1878**. II, 273.

1941. Черты монастырскаго быта въ XVII вѣкѣ. (Письмо архіепископа Сибирскаго Нектарія и шутовская челобитная Калязинскихъ монаховъ). Два документа, съ предисловіемъ Л. П. **1873**. 1770.

1942. Списокъ съ челобитной Василія Васильева сына Полозова царю Ѳеодору Алексѣевичу. **1865**. 977.

1943. Сыскное дѣло 1697 года о дорогѣ въ Хиву. **1867**. 395.

1944. Письмо ѣздившаго въ Китай Николая Спаѳарія къ боярину Матвѣеву. **1881**. I, 52.

1945. Ученіе и ученики въ XVII вѣкѣ. М. Ѳ. Шугурова. **1866**. 304.

1946. Путешествіе въ Святую Землю священника Лукьянова. Доставлено С. А. Соболевскимъ. **1863**. 21, 113, 223, 305, 385.

1947. Замѣтка о путешествіи Лукьянова, П. И. Бартенева. **1863**. 494.

1948. Еще о путешествіи Лукьянова. Замѣтка Г. А. Милорадовича. **1864**. 871.

1949. Первыя Русскія поселенія на Сибирскомъ Востокѣ. Статья П. В. Шумахера. **1879**. II, 5.

1950. Наши сношенія съ Китаемъ (1567 по 1805). Историческій очеркъ П. В. Шумахера. **1879**. II, 145.

1951. Яицкое войско. Изслѣдованіе В. Н. Витевскаго. **1879**. I. 273 и 401; II, 377; III, 203, 0377 и 435.

XXVI. Старообрядство.

1952. Челобитная протопопа Аввакума. **1864**. 26.

1953. Посланія протопопа Аввакума къ боярынѣ Ѳеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой. **1864**. 707.

1954. Странники (изъ исторіи раскола). Л. Н. Трефолева, съ примѣчаніями И. С. Аксакова. **1866**. 602.

1955. Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. И. С. Аксакова. **1866**. 627.

1956. Подлинныя черты изъ исторіи Рогожскаго и другихъ старообрядческихъ кладбищъ. **1864**. 233.

1957. Подлинные черты и случаи изъ исторіи раскола. **1864**. 720.

1958. Отзывъ Русскаго старообрядца о Вѣнской революціи 1848 года: письмо въ Москву на Рогожское кладбище отъ настоятеля Бѣлокриницкаго монастыря Павла Великодворскаго. **1875**. II. 112.

1959. Три старообрядческія стихотворенія. **1864**. 1182.

XXVII. Смѣсь.

1960. Старые порядки по рекрутскимъ наборамъ. **1877**. III, 398.

1961. Любопытное надгробіе (Анны Титовой). **1865**. 773.

1962. Заявленіе Николая Киселева о правѣ его на Записки Болотова. (Въ особомъ приложеніи). **1870**. 3.

1963. Замѣтки о Петербургскихъ дворцахъ. М. Н. Лонгинова. **1873**. XLI.

1964. Уроки исторіи. Двѣ статьи Д. И. Иловайскаго. (Мнимые охранители). **1874**. I. 0549, 801.

1965. Замѣтка о Польскомъ Катехизисѣ. Н. Бицына. **1873**. 200.

1966. Старинное острословіе. (Прошеніе въ Небесную Канцелярію). **1875**. III. 255.

1967. О склоненіи Малороссійскихъ собственныхъ именъ, замѣтка Г. П. Галагана. **1869**. 1718.

1968. Мнѣніе князя И. А. Лобанова-Ростовскаго объ упрощеніи внутренняго управленія въ Россіи. **1871**. 1914.

1969. Земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права. Д. А. Столыпина. **1874**. I. 1369.

1970. Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма въ Пензенскую деревню. Съ предисловіемъ Д. А. Столыпина. **1874**. I. 772.

1971. Списокъ оберъ-прокурорамъ Св. Синода, съ учрежденія до нынѣ. **1866**. 601.

1972. Изъ матеріаловъ для исторіи и статистики города Ельца, собранныхъ Н. А. Ридингеромъ. **1866**. 346.

1973. Къ исторіи города Тамбова. Замѣтка М. Ѳ. Де-Пуле. **1877**. I. 143.

1974. Московская старина. Письмо къ издателю Русскаго Архива, отъ М. М. Евреинова и черты Московскаго быта въ письмахъ Анны Іоанновны къ С. А. Салтыкову, сообщенныя А. А. Мартыновымъ. **1877**. III. 180.

1975. Кредитныя учрежденія Московскаго Воспитательнаго Дома. (Сохранная, Вдовья и Ссудная Казны). Историческій очеркъ Д. Д. Филимонова. **1876**. I. 265.

1976. Еще о кредитныхъ учрежденіяхъ Воспитательнаго Дома (Присяга опекуновъ. — Служба безъ жалованья.—Сохранная Казна передъ ея закрытіемъ). Статья Д. Д. Филимонова. **1876**. II. 219.

1977. Диспутъ въ Московскомъ университетѣ въ 1769 году. (Сообщено С. М. Соловьевымъ). **1875**. III. 312.

1978. Поправка (о юбилейной медали Московскаго университета). **1874**. I. 0580.

1979. Къ столѣтію Константиновскаго Межеваго Института. Очеркъ первоначальной его исторіи, князя I. А. Мещерскаго. **1877**. I. 546.

1980. Къ столѣтію перваго Московскаго Кадетскаго Корпуса. Переписка отца архимандрита Леонида съ М. Д. Хмыровымъ и А. Н. Корсаковымъ. **1875**. II. 157.

1981. Ученое привѣтствіе 1821 года. **1871**. 1728.

1982. Воспоминаніе о С.-Петербургскомъ

университетѣ (по поводу 50 лѣтняго юбилея) Ѳ. Н. Фортунатова. **1869**. 305.

1983. Зубриловскій пансіонъ. Попытка большаго учебнаго заведенія въ помѣщичьемъ имѣніи. Статья г-на Арнольдова. **1873**. 2202.

1984. Село Мурашкино. Историко-этнографическій очеркъ князя А. Н. Волконскаго. **1875**. I. 116.

1985. О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи. Статья Г., Ѳ. Карпова. **1875**. II. 229.

1986. О нашемъ крѣпостномъ вопросѣ въ XVIII столѣтіи. Статья О. Ѳ. Миллера (въ отвѣтъ Г. Ѳ. Карпову). **1875**. III. 82.

1987. О Кавказскихъ правителяхъ въ XVIII вѣкѣ. Записка, составленная изъ бумагъ, сохранившихся въ мѣстныхъ архивахъ. (Сообщено М. Т. Лорисъ-Меликовымъ). **1873**. 741.

1988. Казаки по отношенію къ государству и обществу. (Великорусское казачество.— Запорожскіе нравы. — Значеніе благочестія. — Показанія самовидца.—Усы). П. А. Кулиша. **1877**. I. 352 и II, 113.

1989. Очерки внутренней жизни Малороссіи въ XVIII в. Сотники. Статья А. М. Лазаревскаго. **1873**. 341.

1990. Очерки изъ быта Малороссіи XVIII вѣка: Приходское духовенство и монахи. Статья А. М. Лазаревскаго. **1871**. 1884.

1991. Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ (1760). **1864**. 227.

1992. Замѣтка о раздѣленіи Россіи на губерніи въ XVIII вѣкѣ, Н. С. Киселева. **1863**. 492.

1993. Корчма, историческій очеркъ И. Г. Прыжова. **1866**. 1053.

1994. Русскія пытки, историческій очеркъ, составленный Аполлономъ Эрн. Ц. **1867**. 1139.

1995. Михайло - Медвѣдь, разбойничій есаулъ. Статья Н. П. Розанова. **1869**. 1082.

1996. Заплечный мастеръ (1768). Статья Л. Н. Трефолева. **1868**. 1064.

1997. Рѣдкостная помѣщичья довѣренность 1775 года. **1868**. 1863.

1998. Обращикъ стариннаго крючкотворства, съ предисловіемъ И. С. Тургенева. **1870**. 269.

1999. Замѣтки о самозванствѣ въ Россіи и новыя свѣдѣнія о самозванцахъ XVIII в., профессора С. М. Соловьева. **1868**. 265.

2000. Любовное письмо XVII вѣка, статья Л. Н. Майкова. **1881**. III. 385.

2001. О храбромъ воинѣ Аникѣ и смерти (стихи), **1864**. 1096.

2002. Еще объ Аникѣ-воинѣ. Статья Ѳ. Н. Фортунатова. **1864**. 228.

2003. Аника-воинъ. Статья Ильи В. Бѣляева. **1864**. 90.

2004. Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисл. М. Ѳ. Шугурова. **1865**. 1114.

2005. Сказка о Шибаршѣ, съ замѣткою Ильи В. Бѣляева. **1863**. 444.

2006. Десять простонародныхъ разсказовъ изъ прошлыхъ временъ. Съ предисловіемъ Н. П. Барышникова. **1874**. I. 621.

2007. Поправка предыдущей статьи. **1874**. I. 01098.

2008. Русское письмо (epistola) XVII вѣка. **1864**. 717.

2009. Проектъ о усиленіи Россійской съ Верхней Азіею торговли черезъ Хиву и Бухарію. Записка Г. С. Винскаго. **1878**. I. 400.

2010. Къ исторіи отжившаго чиновничества. Извлечено изъ Архива Тамбовскаго Губернскаго Правленія И. П. Дубасовымъ. **1878**. I. 30.

2011. Переписка о Латинскомъ языкѣ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ въ 1787 году (Сообщена Львомъ Мацѣевичемъ). **1878**. I. 493.

2012. Къ столѣтнему юбилею Московскаго Дворянскаго Клуба. Историческая замѣтка Г. Н. Александрова. **1879**. I. 523.

2013. Замѣтки къ первоначальной исторіи Русскаго театра. М. Н. Лонгинова. **1873**. 2042.

2014. Для исторіи народнаго театра, А. А. Котляревскаго. **1864**. 1091.

2015. Управленіе Русскими театрами въ Москвѣ и Петербургѣ, замѣтка М. Н. Лонгинова. **1870**. 1551.

2016. Замѣтки для исторіи Русскаго театра, М. Н. Лонгинова. **1870**. 1348.

2017. Театръ графа Каменскаго въ Орлѣ. (Изъ Записокъ графа М. Д. Бутурлина). **1869**. 1708.

2018. Старинная книга о Русскомъ театрѣ. Статья Д. И. Языкова. **1881**. III. 448.

2019. Къ исторіи Русской оперы, замѣтка В. И. Родиславскаго. **1878**. II. 389.

2020. Разсказы объ Ярославской старинѣ: Подкидышъ. — Зѣлье-цилибуха.—Меланхоликъ.—Старинный филантропъ.—Монтіоновскія преміи въ Россійскомъ вкусѣ.—Поэтъ Праволамскій.—Ростовскіе кладоискатели.—Крыловъ, Коншинъ, и Пушкинъ. Статьи Л. Н. Трефолева. **1876**. III. 314 и 500; **1877**, III, 399; **1880**, II, 211.

2021. Письмо неизвѣстнаго лица о Московскомъ масонствѣ XVIII вѣка, новыя показанія о Шварцѣ и Новиковѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго О. Н. Балашовой. **1874**. I. 1031.

2022. Генералъ Бонапартъ, оборонитель Грековосточнаго вѣроисповѣданія, съ предисловіемъ князя М. А. Оболенскаго. **1868**. 108.

2023. Объ обращеніи въ католичество графини М. А. Воронцовой, замѣтка графа М. Д. Бутурлина. **1869**. 1712.

2024. Листки изъ памятной книжки В. П. Бурнашева (о Лизогубѣ). **1872**. 1606.

2025. Изъ воспоминаній о В. В. Скрипицынѣ. Графа Д. Н. Т. **1877**. III, 404.

2026. Славянофилы. Историко - критическій очеркъ (по поводу статьи г. Пыпина). Э. А. Дмитріева-Мамонова. **1873**. 2488. Письмо къ издателю о Славянофилахъ (по поводу статьи Э. А. Дмитріева-Мамонова). И. С. Аксакова. **1873**. 2508.

2027. О Воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго. Статья С. П. Сушкова. **1876**. II, 460.

2028. По поводу воспоминаній г-на Ципринуса (псевдонимъ О. А. Пржецлавскаго), замѣтка издателя Русскаго Архива. **1873**. 1052.

2029. Изъ воспоминаній 1849 года (о Полякѣ Русской службы, погубившемъ Русскихъ солдатъ). **1877**. III, 441.

2030. Историческіе анекдоты и мелочи (Разсказы про Пушкина. — Шевалье де Блакасъ.—Княжны Волконскія. — Гадальщица. — Мать фельдмаршала князя Н. В. Репнина). Толычовой. **1877**. II, 98.

2031. Историческіе разсказы и анекдоты (Князь Репнинъ и городничій. — Записка Лермонтова въ стихахъ.— Стихи Шатрова.—Посланіе Н. Ф. Павлова къ А. С. Хомякову.—Два адъютанта императора Павла. — П. А. Волкова и императоръ Павелъ. — Графъ Остерманъ - Тол-

стой.—Князь А. А. Шаховской). Толычовой. **1877**. I, 262.

2032. Wahrheit und Dichtung. (Правда и вымыселъ). Статья Д. Д. Голохвастова по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ. **1874**. I, 1053.

2033. По поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ. Замѣчанія Д. Д. Голохвастова. **1876**. II, 231.

2034. Изъ Дневниковъ Варнгагена-фонъ-Энзе. Съ предисловіемъ А. А. Чумикова. **1875**. II, 344.

2035. По поводу „Разсказовъ изъ недавней старины" (о запрещеніи перевода Библіи на Русскій языкъ). И. Павловскаго. **1879**. II, 141.

2036. Новая тяжба о буквѣ Ъ. (А. А. Перовскаго). **1865**. 1128.

2037. Замѣтки на предыдущую статью. **1865**. 1403 и 1521.

2038. Изъ рукописнаго сборника Д. И. Языкова (стихи Гартмана, Державина и др.). **1863**. 111.

2039. Восемь старинныхъ стихотвореній (И. И. Дмитріева, Крылова, А. С. Хвостова). **1863**. 894.

2040. Изъ путевыхъ замѣтокъ въ Славянскихъ земляхъ профессора П. А. Лавровскаго. **1866**. 1285.

2041. Письма П. Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину, съ предисловіемъ и объясненіями профессора Н. А. Попова. (Подробности о Вѣнской революціи 1848 года). **1873**. 1131.

2042. Письмо Сербскаго патріарха Раячича къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ. **1868**. 120.

2043. Савва Вуковичъ Филаретовъ. (Некрологъ). **1864**. 118.

2044. О руссофильствѣ Мицкевича, статья А. А. Чумикова. **1872**. 426.

2045. Замѣтка по поводу предъидущей статьи Н. В. Берга. **1872**. 432.

2046. Вукъ Степановичъ Караджичъ. Б. И. Жинзифова. **1864**. 329.

2047. Еще о Бенедиктѣ Кралевичѣ. Замѣтка Н. А. Попова. **1872**. 1021.

2048. Не очень давняя старина (о мундирахъ въ праздничные дни). **1881**. III, 454.

2049. Поправка къ статьѣ В. С. Толстаго о князѣ Воронцовѣ. **1877**. III, 443.

2050. Судящій попъ Сокольскій. Статья Н. И. Дубровскаго. **1879**. III, 33.

2051. Попытка самозванства въ XIX-мъ вѣкѣ. Сообщено Владиміромъ Витевскимъ. **1878**. II, 483.

2052. Старинное острословіе. **1869**. 1568.

2053. Образчики стариннаго острословія. (На Домашнева). **1872**. 2032.

2054. Записка объ увольненіи крестьянъ. **1881**. II, 486.

2055. Письмо о томъ же. **1881**. II, 492.

2056. По поводу адреса Московскаго Дворянства. **1881**. II, 491.

2057. О царскомъ времени. Записка М. П. Погодина (1865) **1882**. I, 557.

2058. Объ историческихъ романахъ. Замѣтка издателя Русскаго Архива. **1881**. III. 214.

2059. О пасторѣ Лонгѣ. П. И. Бартенева. **1863**. 576.

2060. Замѣтки и поправки Д. Д. Рябинина (о Кольцовѣ, Бѣгичевѣ и Кривцовѣ). **1874**. II, 725.

2061. Дополненія и поправки М. Н. Лонгинова. **1865**. 1519.

2062. Поправки, доставленныя кн. П. А. Вяземскимъ (объ Обрѣзковѣ, Киселевѣ и пр.). **1866**. 1506.

2063. Поправки (о Т. А. Ярославовѣ, М. В. Муромцовѣ и стихахъ С. Т. Аксакова.) **1878**. I, 496.

2064. Дополненія и поправки (о Фонъ-Рамѣ и дубинкѣ Петра Великаго). **1878.** II, 390.

2065. Кое-что изъ прошлаго. А. Н. К. (Французы въ Москвѣ). **1879.** II, 224.

2066. Въ редакцію Русскаго Архива Дм. Мордвинова (о путешествіи Николая Павловича). **1880.** I, 499.

2067. Историческіе анекдоты. (О Броунѣ, гр. Ефимовской, Сперанскомъ и пр.). **1880.** II, 236.

2068. Добавки и поправки Д. И. Языкова (объ И. Хворостининѣ). **1880.** III, 482.

2069. Дополненія, поправки и замѣтки (А. А. Стаховича объ А. В. Перваго). **1881.** II, 505.

2070. Разгадки шарадъ. **1874.** I, 832; **1876.** III, 380.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

РУССКОМУ АРХИВУ

1863—1882.

1863. 1) 28 листовъ Каталога Чертковской библіотеки (отдѣленіе историческое).
2) Указатель главныхъ статей Русскаго Вѣстника 1856—1862.
3) Указатель (полный) Русской Бесѣды и Московскихъ Сборниковъ 1846—1860.
4) Ноты пѣсни про царицу Евдокію Ѳедоровну.
5) Двѣ расцвѣченныя таблицы разныхъ иконъ изъ Чертковскаго собранія.

1864. 1) Снимокъ съ древней иконы Ангела-Хранителя.
2) Описаніе Патріаршей библіотеки 1717 г,
3) Указатели къ Запискамъ Храповицкаго и Библіографическимъ Запискамъ 1858—1861.
4) 29—39 листы Каталога Чертковской библіотеки (Землеописаніе и Путешествія).

1865. 40—51 листы Каталога Чертковской библіотеки (Вѣра и Законовѣдѣніе).

1866. 1) Портретъ Екатерины Великой въ траурномъ одѣяніи, 1762 года.
2) Указатель къ изданіямъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1815—1865.

1867. 1) Портретъ К. Н. Батюшкова.
2) Юрналы и камеръ-курьерскіе журналы. Опись С. А. Соболевскаго 1695—1774.

1868. Указатель къ Полному Собранію Законовъ за царствованіе Павла.

1871. Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей.

1872. Большой гравированный портретъ Петра Великаго.

1874. Гравированные портреты князя В. Ѳ. Одоевскаго и Ѳ. И. Тютчева.

1875. Роспись первымъ шести книгамъ Архива Князя Воронцова.

1876. Снимокъ съ Французской медали на занятіе Москвы, въ 1812 году.

1879. Гравированные портреты графа С. Р. Воронцова, С. Г. Зорича и А. С. Хомякова.

1881. 1) Сѣверные Цвѣты 1825 и 1826 годовъ (двѣ книжки).
2) Снимокъ съ стихотворенія Пушкина: „Памятникъ“.
3) Картинка изображающая Екатерину Великую съ ея семействомъ.
4) Большой гравированный портретъ Екатерины Великой.

1882. 1) Портретъ В. В. Варгина.
2) Большой гравированный портретъ Филарета Никитича Романова.
3) Переписка Кристина съ княжной Туркестановой 1813—1816.

УКАЗАТЕЛЬ
КЪ РОСПИСИ РУССКАГО АРХИВА
1863—1882.

*

*

*

О ПРОДАЖѢ ПРЕЖНИХЪ ГОДОВЫХЪ ИЗДАНІЙ

РУССКАГО АРХИВА.

Полное собраніе Русскаго Архива за первыя двадцать лѣтъ его изданія можно имѣть не иначе, какъ собирая его отдѣльными книгами. Полнаго экземпляра всѣхъ годовыхъ изданій нѣтъ на продажу и въ Конторѣ Русскаго Архива. Въ особенности трудно находимы первые годы.

Контора Русскаго Архива можетъ принять на себя отысканіе и составленіе полной коллекціи всѣхъ годовъ (37 книгъ) по цѣнѣ

ПОЛТОРАСТА рублей съ пересылкою.

Туда же обращаются лица, желающія пополнить свое собраніе недостающими годами, по **10** рублей за годъ (до 1873 года включительно, и за 1882 годъ).

Въ настоящее время, въ запасѣ имѣются только слѣдующія годовыя изданія: 1874, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881. Цѣна имъ и оглавленіе означены ниже.

Контора Русскаго Архива находится въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Приводимъ главныя статьи оставшихся въ общей продажѣ годовыхъ изданій.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1874 ГОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ (6 тетрадей).

Отзывъ Петра Великаго объ отношеніяхъ нашихъ къ Европѣ (изъ бумагъ Остермана).—Петръ Великій и финансистъ Лау.—Книга приходо-расходная комнатныхъ денегъ императрицы Екатерины Первой. За 1723 — 1725 годы.—Архимандритъ Варлаамъ, духовникъ императрицы Анны Іоанновны.—Борода Тимофея Архипыча. Изъ воспоминаній Е. А. Нарышкиной.—Записки *Мессельера.* — Суворочка къ отцу своему: письма ея 1791 года. — Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770—1820).—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.*—Письмо королевы Луизы къ баронессѣ Крюднеръ.—Поѣздка князя Н. Г. Волконскаго къ Наполеону I-му въ 1809 году.—Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805—1813 годовъ.—Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу.—Память о 1812 годѣ: Записка Московскаго ополченца 1812 года, *М. М. Евреинова.*—Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности.—Біографія князя В. Ѳ. Одоевскаго. — Записки декабриста *Н. И. Лорера.* — Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* (Польскій мятежъ и первая холера). — Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной.) *Д. А. Столыпина.*—Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго.—Воспоминанія князя *В. И. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).—*Старая Записная Книжка* (Загряжская.—Графъ Гудовичъ.—Магницкій.—Сперанскій. — Его отношенія къ императору Александру Павловичу.—Первыя судьбы Бирона.—Пальмштернъ.—Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ. Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года.—Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ.—Клочки, разговоры, мимоходомъ схваченные и пр. Donna Sol.—Левъ Пушкинъ. — Арендтъ).—Письмо князя *П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года.—Письмо князя *П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).—Письма *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.—Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830).—Письма А. С. Пуш-

8

кина къ барону Дельвигу. — Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами.—Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ Ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.*—Любительскіе спектакли въ Москвѣ: изъ воспоминаній режиссера Московскаго театра, *С. П. Соловьева.*—Уроки исторіи. Двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго.* (Мнимые охранители).—Wahrheit und Dichtung. Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ. Приложенъ гравированный на стали портретъ князя Одоевскаго.

КНИГА ВТОРАЯ (6 тетрадей).

Лордъ Мальмсбюри о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. (Потемкинъ. Греческій проектъ. Война Англіи съ Испаніею. Личные переговоры съ Потемкинымъ и Екатериною. Противодѣйствіе Панина. Ланской. Вооруженный нейтралитетъ. Принцъ Прусскій въ Петербургѣ. Островъ на Средиземномъ морѣ. Бракъ сестры великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Союзъ съ Іосифомъ II-мъ. Опала Н. И. Панина. Путешествіе графа и графини Сѣверныхъ. Интриги Фридриха II-го. Присоединеніе Крыма. Сумасшествіе князя Орлова и проч.)—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину.—Автобіографическое показаніе *Прокофія Акинѳіевича Демидова.*—Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Письма *графа Н. П. Панина* о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Письма изъ Лондона отъ графа *С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру (1801).—Записки *Н. И. Лорера.*—Записки *В. А. Инсарскаго.* Каджоры. (1857).—Старая Записная Книжка. (Московскій врачъ до 1812 года. Дѣвица Жоржъ. Милиція. Князь Тюфякинъ. Князь В. С. Голицынъ. Н. И. Кривцовъ).—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о Баратынскомъ.—Стихи *И. В. Кирѣевскаго* Мицкевичу, при поднесеніи ему кубка. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья *И. С. Аксакова.* Приложенъ гравированный на стали портретъ Ѳ. И. Тютчева.

Цѣна Русскому Архиву 1874 года 6 р., съ перес. 7 р.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1877 ГОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ (четыре тетради).

Біографія канцлера князя Безбородки.—Бумаги контръ-адмирала *Истомина.*—Взятіе Карса въ 1828 году, изъ Записокъ Н. Н. *Муравьева-Карскаго.*—Очерки и воспоминанія князя *П. А. Вяземскаго.*—Старая Записная Книжка.—Записки оберъ-камергера *графа Рибопьера.*—Записки Фридриха Великаго о политическихъ отношеніяхъ его къ Россіи.—Очерки и воспоминанія: I Московское семейство стараго быта. (Князья Оболенскіе). Статья князя П. А. Вяземскаго.—Старая Записная книжка. (Разсказы о Жуковскомъ и Пушкинѣ.—Петербургское общество „Галера".—Хитровъ. — Елисавета Михайловна Хитрова.—Печать и ея значеніе.—Посланникъ Шредеръ).

КНИГА ВТОРАЯ (четыре тетради).

Записки *графа Гордта* о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.—Записки графа *А. И. Рибопьера* (царствованія Александра и Николая Павловичей).—Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.—Н. И. Второвъ, біографическая статья *М. Ѳ. Де-Пуле.*—Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія *В. Д. Давыдова.*—Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи *Толычовой.*—Замѣчанія Французскаго короля Людовика XVI-го и княгини Е. Р. Дашковой на книгу Рюльера о воцареніи Екатерины Второй.—Сардинія въ эпоху первой Французской революціи: письма *князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго.*—Характеристическія замѣтки и воспоминанія о графѣ Растопчинѣ, статья князя П. А. Вяземскаго.—Къ исторіи первой Турецкой войны при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Изъ нѣкогда секретныхъ донесеній полковника И. П. Липранди.—Разсказы объ адміралѣ М. П. Лазаревѣ, статья *А. П. Хрипкова.*

КНИГА ТРЕТЬЯ (четыре тетради).

Записки Французскаго короля *Людовика XVIII* объ его жизни въ Россіи.—Записки декабриста *П. И. Фаленберга.*—Дневникъ *графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.*—Анекдоты прошлаго столѣтія.—Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.—Записки *графа М. А. Дмитріева-Мамонова.*—Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ *В. М. Еропкина* и *И. Р. Поливанова.*—Анекдоты прошлаго столѣтія (изъ книгъ Шерера). Письма княгини Е. Н. Орловой (1776) къ ея братьямъ Зиновьевымъ.—Людовикъ XVIII-й въ Россіи.—Сардинія въ эпоху первой Французской революціи: письма князя А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго къ графу И. А. Остерману.—Разсказы объ Ярославской старинѣ Л. Н. Трефолева.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1878 ГОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ (четыре тетради).

Воспоминанія принца *Евгенія Виртембергскаго* о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 года.—Записки *Марьи Сергѣевны Мухановой* о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.—Записки *Н. В. Баталина*, доктора *К. К. Зейдлица* и *В. А. Еропкина.*—Письма *Елисаветы Петровны, Екатерины Второй*, императора *Александра Павловича*, кн. *Суворова* и пр.—Императрица Елисавета Петровна и ея записочки къ В. И. Демидову съ бумагами Демидова.—Письма Екатерины Второй къ ея сватьѣ Гессенъ-Дармштадской ландграфинѣ Каролинѣ.—Письма князя Потемкина къ Екатеринѣ

Второй съ донесеніями В. С. Попова о болѣзни и кончинѣ князя Потемкина.— Русское наслѣдство во Франціи прошлаго вѣка.—Письмо графа Ө. В. Растопчина о состояніи Россіи въ концѣ Екатерининскаго царствованія 1794.— Три письма императора Александра Павловича къ его воспитателю князю Н. И. Салтыкову.—Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ (Бартоломеи.—Графиня Дивьеръ.—Князь В. Ө. Одоевскій.—Дегай.—Д. В. Дашковъ.—К. Я. Булгаковъ.—Графъ М. Ю. Вьельгорскій.—Служебный экзаменъ.—Дантесъ.— С. В. Салтыковъ.—Князь А. Д. Салтыковъ.—Князь И. А. Лобановъ-Ростовскій).—Графъ Перовскій (Очеркъ его жизни).—Письмо графа В. А. Перовскаго къ Ю. Ө. Самарину въ 1849 году, по освобожденіи его изъ Петропавловской крѣпости.—Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ, статья И. С. Аксакова.— Воспоминаніе о Николаѣ Васильевичѣ Путятѣ.

КНИГА ВТОРАЯ (четыре тетради).

Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы *графа В. А. Перовскаго,* по его письмамъ.—Бумаги *С. П. Шевырева.*—Письма *А. С. Хомякова* къ Гильфердингу.—Записка *В. А. Жуковскаго* объ Англійской политикѣ.—Похожденія монаха *Палладія Лаврова.*—Черта къ жизнеописанію патріарха Никона (Соловей въ Иверскомъ монастырѣ).—Прорицатель Авель: новыя подлинныя свѣдѣнія объ его судьбѣ.—Гриммъ и г-жа *д'Епинэ,* статья академика *Я. К. Грота.*—Бумаги *Екатерины Второй:* а) Письмо къ фельдмаршалу князю Голицыну по поводу кончины великой княгини Натальи Алексѣевны. б) Записочка къ гетману графу Разумовскому объ его сынѣ графѣ Андреѣ. в) Замѣтки по Крымскимъ дѣламъ. г) Письмо къ неизвѣстному лицу о Фридрихѣ Великомъ. д) Историческія и автобіографическія замѣтки (о королевскомъ Прусскомъ семействѣ, о Петрѣ III-мъ и пр.)—Воспоминанія *Сергѣя Павловича Шипова.*—Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ. (Князь А. Ө. Голицынъ.—Императоръ Николай Павловичъ на музыкальномъ вечерѣ у Львова.—О православной церкви въ Неаполѣ.—Князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій.—Графы Штакельберги).—Князь В. А. Черкасскій, воспоминанія *П. А. Безсонова.*—О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя В. А. Черкасскаго (съ выдержками изъ его писемъ).

КНИГА ТРЕТЬЯ (четыре тетради).

Письма *Екатерины Великой* къ барону Гримму. 1774—1796.—Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья *П. В. Шумахера* (по новымъ документамъ).—Письма *А. С. Пушкина* къ С. А. Соболевскому.—Графъ Моцениго. Разсказъ *графа С. Р. Воронцова.*—Бумаги *графа Н. И. Панина.*—Записки *Саввы Текели.* — Воспоминанія графини

А. Д. Блудовой. 1831 годъ. (Переписка съ отцемъ—Ѳ. М. Отсолигъ.—Мѣры въ усмиренной Польшѣ.—Великая княгиня Елена Павловна. — Крестовоздвиженская община).—Разсказы изъ недавней старины (М. В. Велинскій.—Императоръ Николай Павловичъ.—Бунтъ Сибирскихъ раскольниковъ.—К. С. Безносиковъ.—Кутневичъ.—Тюфяевъ.—Г. И. Невельской).

РУССКІЙ АРХИВЪ 1879 ГОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ (четыре тетради).

Біографія графа Семена Романовича Воронцова. *Д. Д. Рябинина*, съ гравированнымъ портретомъ.—Общественное воспитаніе въ Россіи, статья *А. С. Хомякова*.—Спасеніе жизни императора Николая Павловича, записка *Н. И. Надеждина*, съ предисловіемъ *П. И. Мельникова*.—Переписка *Екатерины Великой съ графомъ С. Р. Воронцовымъ*. Стихотворенія К. С. Аксакова.—Письма *А. С. Хомякова* къ графу А. П. Толстому и къ С. Т. Аксакову.—Разсказъ графа *Н. И. Панина* о воцареніи Екатерины Великой (изъ Записокъ барона Ассебурга).—Письма *А. С. Хомякова* къ графинѣ А. Д. Блудовой (1849—1855).—Письмо князя *П. А. Вяземскаго* къ великому князю Михаилу Павловичу по поводу кончины и похоронъ А. С. Пушкина.—Письма князя *П. А. Вяземскаго* къ *А. Я. Булгакову* (1818—1820).

КНИГА ВТОРАЯ (четыре тетради).

Семенъ Гавриловичъ Зоричъ. Статьи *М. И. Мещерскаго и А. Н. Корсакова*, съ портретомъ Зорича.—Письма князя *П. А. Вяземскаго* къ А. Я. Булгакову. (Время Московской холеры и Польскаго мятежа). — Новонайденныя стихотворенія *Ѳ. И. Тютчева* съ предисловіемъ *И. С. Аксакова*.—Братья Потемкины. Частныя письма изъ Петербурга и Москвы на Кавказъ и въ Молдавію (1785—1791).—Письма князя *П. А. Вяземскаго* къ *А. Я. Булгакову* изъ Петербурга въ Москву. 1831—1838 (Подробности о поединкѣ, предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ А. С. Пушкина).—Миссіонерство *Иннокентія*: его письма къ митрополиту Филарету.—Графъ В. А. Перовскій: его бумаги и письма.

КНИГА ТРЕТЬЯ (четыре тетради).

Бумаги *князя Потемкина*.—Записки Г. Н. Кольчугина, бывшаго членомъ Французскаго муниципальнаго правленія въ Москвѣ въ 1812 году.— „Уединенный Пошехонецъ". Статья *Л. Н. Трефолева*.—Кучукъ-Кайнарджій-

скій миръ; переписка фельдмаршала *графа Румянцова-Задунайскаго*, съ предисловіемъ *И. И. Шаховскаго*.—Изъ воспоминаній *Н. И. Андреева*, (Военно-сиротскій корпусъ.—1812-й годъ. — Смоленская и Бородинская битвы).—Разсказы изъ недавней старины (Случаи изъ путешествій по Россіи императоровъ Александра и Николая Павловичей.—Архіепископъ Августинъ.—Графъ Клейнмихель). *И. С. Листовскаго*.—*Алексѣй Степановичъ Хомяковъ*, воспоминанія о немъ *А. И. Кошелева*.—Письма *А. С. Хомякова*: къ А. И. Кошелеву, къ Ю. Ѳ. Самарину, къ М. С. Мухановой, къ Е. И. Попову, къ С. Т. Аксакову, къ Е. С. Шеншиной.—О кончинѣ А. С. Хомякова. Письмо сосѣда-помѣщика.—Записки *Николая Степановича Ильинскаго*. (Н. И. Рязановъ.—Сперанскій въ царствованіе Павла.—Нарышкинское дѣло.—Обольяниновъ.—Случаи Павловскаго времени.—Дольскій.—Радищевъ.—Графъ Завадовскій.—Чиновничье жалованье.—Розенкампфъ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой* (Госпожа Сталь.—Графъ Г. А. Строгоновъ. — Эрцгерцогиня Александра Павловна).

РУССКІЙ АРХИВЪ 1880 ГОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Путешествіе по Россіи Голландца *Стрюйса*.—*Павелъ Полуботокъ*. Очеркъ изъ исторіи Малороссіи XVIII-го вѣка. Статья *Александра Лазаревскаго*.—Переписка *Екатерины Великой* съ Германскимъ императоромъ Іосифомъ II-мъ. 1774—1790.—Кавказскія воспоминанія (1861—1863). Статья *М. И. Венюкова*.—Гизо объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и его отношеніяхъ къ королю Людовику Филиппу.

КНИГА ВТОРАЯ.

Елисаветинскіе лейбъ-кампанцы.—Екатерининскіе пособники солдаты.—*Петръ Алексѣевъ*, протоіерей Московскаго Архангельскаго собора (1727—1801). Статья А. Н. Корсакова.—Разсказы объ Ярославской старинѣ. Статья *Л. Н. Трефолева*.—Письма *Юрія Ѳедоровича Самарина* (1840—1845).—Воспоминанія совѣстнаго судьи (1848—1852), графа *В. П. Орлова-Давыдова*.—Записки *А. А. Эйлера*.—*А. С. Пушкинъ*: Рѣчи по поводу открытія ему памятника въ Москвѣ *И. С. Аксакова* и *П. И. Бартенева*.—Новые отрывки изъ записокъ *А. С. Пушкина*.—Письма къ А. С. Пушкину *борона Дельвига*, *Гоголя* и *Кавалеристъ-дѣвицы*.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О внутреннемъ состояніи Россіи при Екатеринѣ Великой: вопросы *Дидерота* и отвѣты *Екатерины* (1773).—Очеркъ исторіи крестьянскаго со-

словія въ Россіи, до отмѣны Юрьева дня. Статья *князя В. А. Черкаскаго.*—Мисъ Вильмотъ и княгиня Дашкова, по поводу найденныхъ подлинныхъ Записокъ княгини Дашковой. Статья *М. Ѳ. Шугурова.*—Рукописи Пушкина: I. Новая глава изъ „Капитанской дочки", съ предисловіемъ издателя. II. Письмо Пушкина къ Д. В. Давыдову. — Переписка графа *Н. И. Панина* съ графомъ *А. Г. Орловымъ - Чесменскимъ,* въ первую Турецкую войну при Екатеринѣ (1770 — 1773). Воспоминанія *Н. И. Шенига:* послѣдніе дни Александра Павловича. Школа Колонновожатыхъ, Корниловичъ, П. И. Юшковъ, П. И. Сумароковъ, Сперанскій, Магницкій, Ѳ. П. Львовъ, Соломка, Аракчеевъ и др.—Бумаги П. П. Бекетова, съ предисловіемъ *А. Н. Корсакова.*—Переписка *Ѳ. А. Голубинскаго* съ *Ю. Н. Бартеневымъ* и воспоминаніе о Голубинскомъ графа *М. В. Толстаго.*— Литературныя сношенія Пушкина: письма къ нему *А. А. Шишкова,* братьевъ *Полевыхъ, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, Н. И. Греча, Булгарина, А. А. Фуксъ, В. В. Измайлова, И. И. Лажечникова, Ѳ. Н. Глинки, И. П. Мятлева, М. П. Розберга, М. П. Погодина, В. И. Даля.*

Цѣна Русскому Архиву 1877, 1878, 1879 и 1880 годовъ по 6 рублей за полный годъ, съ пересылкою по 7 рублей.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1881 ГОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ (четыре тетради).

Воспоминанія графа *М. В. Толстаго.*—О Запискахъ княгини Дашковой (Рукопись сохранившаяся въ Англіи) *князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.*—Историческая картинка, приложенная къ Русскому Архиву: Екатерина Великая, съ ея семействомъ и приближенными лицами.—Письма къ А. С. Пушкину: *Декабриста князя Волконскаго, А. А. Бестужева, княгини З. А. Волконской, П. Я. Чадаева, Фонъ-Фока* и *Сенковскаго.*—Рукописи *А. С. Пушкина:* Стихи къ князю П. А. Вяземскому, письмо о Греческомъ возстаніи, опущенныя мѣста изъ повѣсти: „Дубровскій", нѣсколько новыхъ стихотвореній.—Современные разсказы и отзывы о Петрѣ Великомъ.—Записки Нѣмецкаго врача *Дримпельмана* о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка.—Русскій паломникъ Барскій, изслѣдованіе *А. К. Гиляревскаго.*—Дружескія сношенія Пушкина: письма къ нему *Кюхельбекера, Катенина, барона Корфа, А.* и *Н. Раевскихъ, Алексѣева* и *Гнѣдича,* съ примѣчаніями *издателя.*— Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина *С. Г.* Чирикова. О стихотвореніи Пушкина „Памятникъ", *издателя* со снимкомъ подлинника.—Еще изъ воспоминаній *Н. И. Шенига.*

КНИГА ВТОРАЯ (четыре тетради).

Канонъ Спасителю, сочиненный княземъ *Г. А. Потемкинымъ-Таврическимъ* въ Яссахъ 1791 года. — Статья *А. С. Хомякова* объ Англіи и объ Англійскомъ воспитаніи.—Подымовское дѣло: эпизодъ изъ жизни М. Н. Жемчужникова. Записанъ *А. М. Жемчужниковымъ.*—О внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка графа *С. Р. Воронцова.*—„Дай оглянусь.“ Изъ воспоминаній гр. *Д. Т. Знаменскаго.*—Къ біографіи *Грибоѣдова*: его письма къ *П. Н. Ахвердовой.*—*Николай Павловичъ.* (Автобіографическій разсказъ бывшаго Кавказскаго офицера).—Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи по дѣлу Декабристовъ.—Современное описаніе 14 Декабря 1825 года.—Разсказы современниковъ о казни Декабристовъ: 1) *Шницлера* 2) *Н. В. Путяты*, 3) *В. И. Беркопфа* (Записано *Н. А. Рамазановымъ*).—Записка митрополита *Иннокентія* о дѣтскомъ воспитаніи. 1869. Съ предисловіемъ *И. П. Барсукова.*— Гергебиль. Воспоминанія барона *Θ. Θ. Торнова.*—Письма *А. С. Пушкина* къ Гончаровымъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ (четыре тетради).

Воспоминанія Русскаго дипломата *А. П. Бутенева.* Царствованія Екатерины, Павла и Александра.—1812 годъ.—Воспоминанія графа *М. В. Толстаго.*—Воспоминанія *А. С. Норова.* (Аустерлицъ.—1812 годъ.—Бородино.—Пребываніе въ Москвѣ, занятой Французами).—Новонайденныя бумаги *графа Θ. В. Ростопчина.* (Московскій острогъ въ 1810 году.—Состояніе Москвы передъ нашествіемъ Французовъ.—Москва вслѣдъ за выходомъ Французовъ).—„Мѣдный Всадникъ“ *А. С. Пушкина.* (Новые отрывки со статьею *издателя*).—Ученикъ Вольтера, графъ А. П. Шуваловъ. Біографическая статья *Д. Θ. Кобеко.*—Воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ Т...—Любовныя записочки XVIII вѣка: а) къ графу З. Г. Чернышову, б) къ И. Н. Корсакову.—Новонайденныя бумаги *графа Θ. В. Ростопчина*: письма его къ Государю, А. Д. Балашову и С. К. Вязмитинову. Письмо къ нему *Н. О. Котлубицкаго* и *И. Наумова* 1812 и 1813 годовъ.—Воспоминанія *графа М. В. Толстаго.*—Разсказы о декабристѣ Г. С. Батенковѣ.—Новыя выдержки изъ рукописей *А. С. Пушкина.* (Начало повѣсти; пропущенныя мѣста изъ „Арапа Петра Великаго“, изъ „Родословной Моего Героя“, изъ „Станціоннаго Смотрителя“ и пр. Новыя стихотворенія).—Графъ Б. А. Перовскій.

Цѣна Русскому Архиву 1881 года съ приложеніями 8 рублей, съ пересылкою 9 рублей.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ **одинъ** рубль.

ПОЛУЧАТЬ МОЖНО

въ Москвѣ, Ермолаевская Садовая, домъ 175.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять рублей**.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей: для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, куда обращаются иногородные подписчики.

Въ Петербургѣ подписываться на Русскій Архивъ можно на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.